

*«Батяги же, слышав
такокое мужество
и крепость великого
князя Михаила
и боярина его Федора
и умилившись, сказали:
"Велик есть муж сей"».*

ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ТОМ 3

ВАСИЛИЙ
ТАТИЩЕВ

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКАЯ

ТОМ 3

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т12

Серия «Классическая мысль» основана в 1998 году

Серийное оформление С.Е. Власова
Компьютерный дизайн Ю.Ю. Герцевой

Подписано в печать 20.01.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 45,36. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 146.

Оригинал-макет подготовлен О. Колесниковым

Татищев, В.

Т12 История Российская : [В 3 т.]. Т. 3 / Василий Татищев. — М.: АСТ:
Ермак, 2005. — 860, [4] с. — (Классическая мысль).

ISBN 5-17-018209-0 (Т. 3)

ISBN 5-17-013378-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-1771-1 (Т. 3)

ISBN 5-9577-0319-2 (ЗАО НПП «Ермак»)

«История Российская» Татищева — один из самых значительных трудов за всю историю существования российской историографии. Монументально, блестяще и доступно написанная, эта книга охватывает историю нашей страны с древнейших времен — и вплоть до царствования Федора Михайловича Романова. Особая же ценность произведения Татищева в том, что история России здесь представлена ВО ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ — в аспектах не только военно-политических, но — религиозных, культурных и бытовых!

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2003

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

38. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II, СЫН ВСЕВОЛОДА

6746 (1238). *Александр. Новгород. Владимир обновлен. Святослав стародубский. Борис ростовский. Глеб белозерский.* Пришел князь Ярослав Всеволодич, брат великого князя Юрия Всеволодича, из Великого Новгорода во Владимир на великое княжение, а в Новгороде оставил сына своего князя Александра. Ибо заступился за него Господь Бог и пречистая Богородица от татар, и с ним восемь сынов его: Александра Невского, Андрея суздальского, Константина, Афанасия, Даниила, Михаила, Ярослава тверского, Василия, и брата его князя Святослава Всеволодича и внука Юрия Владимировича, с сыном его Дмитрием, а другого брата его Ивана Всеволодича, внука Юрия Владимировича, и племянника его князя Владимира Константиновича, внука Всеволодова, и племянника его Василия Константиновича ростовского два сына, Бориса и Глеба, и племянника князя Всеволода Константиновича ростовского сына его Василия. Было же всех князей убитых от татар 15. Тогда князь великий Ярослав Всеволодич очистил святые церкви от трупов мертвых, оставшихся же людей, собрав, утешил. И дал брату своему князю Святославу Всеволодичу Стародуб, а князь Борис Василькович сел в Ростове, внук Константинов, а брат его князь Глеб Василькович сел на Белоозере. И было то лето все тихо и мирно от татар.

6747 (1239). Князь великий Ярослав Всеволодич повелел принести брата своего великого князя Юрия Всеволодича из Ростова во Владимир. И когда был близ града, встретил его сам с епископом Кириллом, и со всем священным собором, и с детьми своими, и с боярами, и со всем градом, люди со слезами и с рыданием; и положили его в церкви пречистой Богородицы с песнями надгробными, там где лежит отец его Всеволод.

Брак Александра. Татары на Киев. Переяславль взят. Умер еп. Симеон переяславский. Мстислав Глебович. Чернигов взят. Татары мордву победили. Муром взят. Гороховец взят. Кидешкино. Каменца. Рязань пленена. В тот же год в Новгороде женился князь Александр Ярославич, внук Всеволода, у полоцкого кня-

зя у Брячислава взял княжну Праскевию. В тот же год князь Александр Ярославич с новгородцами срубил град на Шелони. В тот же год Батый начал посылать рать на грады русские и взяли град Переславль Русский, который близ Днепра, и церковь архангела Михаила сокрушили, и епископа Симеона убили, и сосуды церковные золотые и серебряные и драгоценных камней забрали, людей иссекли, а иных в плен повели, и град сожгли. В тот же год Батый послал иную рать на Чернигов в силе великой. Слышав же то, князь Мстислав Глебович, внук Святослава Олеговича, ушел на них со многими воинствами своими, и была брань великая и сеча злая; а от града метали на татар камни со стен за полтора перестрела, а камни такие, что могли четыре человека сильные поднять. Но и так победили татары христиан, и едва убежал князь Мстислав Глебович, внук Святослава Олеговича, а множество воинства его убито было, и град взяли и запалили огнем, а епископа Порфирия живого повели с собою в Глухов и оттуда отпустили его. В тот же год князь великий Ярослав Всеволодич ходил на литву, обороняя смоленчан; и победив литву, посадил в Смоленске на престоле князя Всеволода Мстиславича, внука Романа Мстиславича, шурина же брата своего Константина Всеволодича. В тот же год Батыевы татары взяли Мордовскую землю и Муром, и по Клязьме все повоевали и попленили, и град пречистой Богородицы Владимир и Гороховец повоевали и попленили, и со многим полоном возвратились восвояси. В тот же год освящена была церковь святых мучеников Бориса и Глеба в Кидешкине епископом Кириллом ростовским. В тот же год князь великий Ярослав Всеволодич ходил на Каменцу, и град взял, и со множеством полона возвратился восвояси. В тот же год переполох был злой по всей земле, и был страх и трепет на всей земле великий, и все бежали туда и сюда, и не ведал никто о себе, куда бежал. В тот же год приходили Батыевы татары в Рязань и попленили всю.

6748 (1240). *Песочень. Вел кн. Михаил в Киеве. Посол татарский. Послы убиты. Бежал из града.* Послал царь Батый воеводу своего Менгука посмотреть град Киев. Он же, придя, стал на той стороне реки Днепра у городка Песочна, и видев град Киев, удивился красоте его и величеству. Сидел же тогда на великом княжении в Киеве великий князь Михаил, сын Всеволода Черного, и послал к нему Менгук, говоря такое: «Если хочешь град сей сохранить цел, иди повиноваться и поклониться царю нашему Батю. Я тебе как друг любезный советую». И говорил ему князь великий Михаил: «Ведаешь сам, что царь Батый своей веры, а я благочестивой веры христианской. И поскольку вера вере недруг есть, я царю Батю повиноваться и покоряться не хочу. И с тобою как могу в дружбе быть? Ибо какое причастие правде к беззаконию, какое ж общение свету со тьмою, и какое согласие Хри-

ство со дьяволом, и какая часть верному с неверным, и какое сложение церкви Божией с идолами?». Менгук же, слышав сие, разъярился. И сказала ему дружина: «Неудобно тебе о сем в ярость приходиться, но пошли к нему еще с лестию, и перелукавствовав его, как хочешь, и казнишь». Менгук же послал к нему послов своих с лестию, говоря такое: «Имею тебе нечто сказать, иди ко мне сам». Князь же послов его всех убил, а сам бежал из града Киева за сыном своим от татар в Угры; ибо гнались за ним татары и не настигли его. И много пленив, Менгук пошел со многим пленом ко царю Батыю.

Ростислав. Даниил на Ростислава. В тот же год князь Ростислав Мстиславич смоленский, внук Давыда смоленского, слышал о великом князе Михаиле Всеволодиче и, придя, сел в Киеве. Даниил же Мстиславич, внук Мстислава Изяславича, придя на них, взял его, а град Киев дал Дмитрову, тысяцкому своему, охранять и вооружаться против татар.

Батый к Киеву. Князи татарские. Урдей. Байдар. Бирюй. Мужество киевлян. Приступ к Киеву. Киев взят. Татары на Волынь. Каменец. Кременец. Владимир. Галич. Червень. Совет Дмитриев Батыю. Угры побиты. В тот же год пришел царь Батый ко граду Киеву со многими воинствами и окружил град; обсела его сила татарская, и не было возможно никому же из града выйти и во град войти, и была исполнена вся земля татар. Взяли же тогда киевляне татарина, именем Таврул, и тот сказал всех князей бывших с ним великих и силу их бесчисленную. А сии были его братия великие и сильные воеводы его: Урдей, Байдар, Бирюй, Кайдар, Бечар, Менгай, Кайлуг, Куюк. Сей же и возвратился обратно, уведав про смерть хана. Хан же был не от рода Батыева, но первый был и великий воевода его, и сильно плакал о нем царь Батый, так как был любим ему весьма. Иные же были воеводы его и великие князи: Бутар, Айдар, Килеметет, Браньдай, Баты, который взял Болгарскую землю, и Суздальскую, и иных великое множество без числа. Поставил же Батый пороки (стенбитные орудия) многие ко граду Киеву возле врат Ляцких, ибо тут было много оврагов. Многими же пороками били беспрестанно, ни день, ни ночь не переставая, горожане же с ними боролись крепко, и были мертвы многие, и лилась кровь, как вода. И послал Батый в Киев ко горожанам, говоря такое: «Если покоритесь мне, будет вам милость; если же противитесь, много пострадает, зло погибнете». Горожане же никак не послушали его, но злословили и проклинали его. Батый же, разгневавшись весьма, повелел с великою яростью приступать ко граду. И так многими пороками выбили городские стены и вошли во град, и горожане против них устремились. И тут было видеть и слышать страшно лом копейный, треск щитов, и стрелы сомрачили свет, что не было видно

неба в стрелах, но была тьма от множества стрел татарских, и всюду лежали мертвые, и всюду текла кровь, как вода, и много убивали. Среди первых поражен был воевода Дмитрий, и сильные многие пали, и побеждены горожане были. А татары на стены взошли и от многого томления сели на стенах городских. И была ночь. Горожане же той ночью создали другой град около церкви Богородицы. На следующее же утро пришли на них татары, и была сеча злая. И изнемогли люди, и взбежали на комары церковные с товарами своими, и от тягости повалились стены церковные. И взяли татары град Киев месяца декабря в 6 день, святого чудотворца Николы. Дмитра ж воеводу привели к Батюю раненого, и не повелел его Батый убить мужества его ради. И начал Батый вопрошать о князе Данииле, и поведали ему, что бежал тот во Угры. Батый же посадил во граде Киеве воеводу своего, а сам пошел ко Владимиру в Волинь. И пришел ко граду Коловяжию, и бив пороками, взял его. И оттуда пошел ко граду Каменцу Изяславову, и бил пороками, и взял. И пошел ко граду Кременцу Данилову, и не мог взять его крепости ради. И оттуда пошел ко Владимиру, и бил пороками, и взял его. И оттуда пошел к Галичу, и бил пороками, взял его. И оттуда пошел к Червенцу и, бив пороками, взял. И чего много перечислять? Один за одним много множество бесчисленное русских градов взял и всех поработил, воевод своих посадил. Дмитрий же киевский, тысяцкий Данилов, сказал Батюю так: «Великий вольный царь Батый, не следует много коснеть в земле сей, поскольку и так вся твоя есть, но время уже есть идти тебе на угров, поскольку Угорская земля так сильна, что и не совокупившись все препятствия тебе сотворят». Сие ж говорили ему, чтобы скоро шел из земли Русской, а кроме того думали, что в горах от угров и ляхов скорее побежден будет. Батый же послушал совет Дмитриев и пошел на угров. И встретил его король Бель и брат его Коломан у Соляной реки, и был бой великий и сеча злая; и побеждены были угры, и убит был король Коломан. Король же Бель бежал, сильно раненый, татары ж гнались за ним до Дуная реки. А ляхи же, чтобы избавиться от татар, дали слово уграм заедино быть, и не пошли на татар, но сами откупились золотом и серебром. Татары же, войдя во Угорскую землю, стояли там три лета, и воевали до Володовы и по озерам, и все земли попленив и поработив, возвратились в Поля в землю свою.

Родилась Мария. В тот же год родилась великому князю Ярославу Всеволодичу дочь Мария.

6749 (1241). Родился великому князю Ярославу Всеволодичу сын, и нарекли имя ему Василий.

Слуги Божии. Немцы мира просят. Высокомерие. Варяги. Бой на Ижоре. Храбрые воины. Шведы побиты. Пришли некие от западных стран, которые называли себя слуги Божии, в Новго-

род видеть великого князя Александра Ярославича, желая мир сотворить. Он же отпустил их тщетными. Слышал же сие король части римской от полуночной стороны, которые ранее варяги и готы, ныне свии именовались, и собрал силу многую, мейстеров, бискупов, свею, мурман и готов, и наполнив корабли свои полками своими, пришел в реку Неву, начал ижору и вотов пленить, желая сделать своей Ладогу, а также и Новгород и всю землю Новгородскую. Наперед же послал послов своих ко Александру Ярославичу, говоря такое: «Если не хочешь противиться мне, и вот я пришел уже, приди и поклонись, проси милости, и дам тебе, сколько хочю. Если же воспротивишься, поплению и разорю всю, и порабощу землю твою, и будешь мне раб и сыновья твои». Князь же Александр Ярославич, слышав слова сии, разгорелся духом, послал вскоре воинов собирать, а сам вошел в церковь святой Софии и пал на колени пред святым алтарем, молясь со слезами Господу Богу и пречистой Богородице дать ему помощи. Когда же сошлись некоторое количество от воинства, и немедленно уселся на коня, пошел против ратных и к отцу не успел вести послать, ибо приблизились ратные; но и новгородцы многие не успели совокупиться, поскольку вскоре выйти против них нужда была. И пришел на них в воскресенье месяца июля в 15 день. Был же некто от воевод Александровых старейшина в земле Ижорской, именем Пергусий, а в крещении Филипп, которому поручена была стража морская. Сей же Пергусий видел силу ратную и пошел против князя Александра Ярославича, да сказал ему про многую силу варяжскую; ибо стоял он при крае моря, стерег оба пути и всю ночь во бдении пребывал, когда начало восходить солнце, и услышал шум странный по морю, и видел насады ратных гребущие, идущие спешно; и встретил его князь великий Александр Ярославич, который видел его радостными очами. И поспешил Александр, пришел на них в шестой час дня, и была брань крепкая весьма и сеча злая, и одолел супостата, и убил великое множество их, и самому королю возложил на лицо отметку мечем своим. Были же тогда в полку Александровом шесть мужей сильных и весьма храбрых, которые много одоления показали. Первый Гаврило Олескин; сей доехал до шнека и увидел королевича, которого несли в насад под руки, и въехал на коне по доске в воду до самого короля, по которой переходил из корабля и в корабль. Ратные же увидели такого мужа и побежали пред ним в корабль, и возвращающегося свергли его с доски и с конем в море. Он же Божиим заступлением оттуда ушел невредим и снова выехал биться с бискупом и с воеводою их посреди полку. И тут убит был и бискуп их, и воевода их. Второй же был новгородец Збыслав Яконович; сей на многих нападал и бил, и многие пали. Третий же Яков Полочанин; сей один наезжал на полк и

много мужества показал. Четвертый же новгородец, именем Миша; сей же пешим с дружиною своею побил три корабля ратников. Пятый от убогих был, именем Савва; сей, доехав до великого шатра златоверхого короля, подсек столп его. Шестой же Ратмир, также от убогих; сей бился пешим и много храбрствовал, и обступили его много ратных, он же, от многих ран упав, скончался. И убито было бесчисленно римлян. Сии же повести все слышали от государя своего великого князя Александра Ярославича и от иных многих, бывших тогда на той битве. Когда победили корабли по обоим сторонам реки Ижоры, остатки их побежали посрамленные, а трупы мертвых своих великих воевод кинули в три корабля и потопили с ними в море, а прочим выкопали ямы и покидали их туда бесчисленно; а иные многие ранены были. Из новгородцев же на той битве пали: Константин Лагутишич, Ярята Пинященич, Нестер, Дрочило Гнездило кожевников сын, и всего их двадцать мужей пало и с ладожанами. Князь же великий Александр Ярославич возвратился в Новгород с великою победою, славя Господа Бога и пречистую Богородицу.

Батый угров победил. Смерть Мстислава рьльского. В тот же год Батыевы татары победили угров и королевича Менуша руками поймали и привели к Батью, и множество воевод великих привели. В тот же год убили татары Батыевы князя Мстислава рьльского.

В тот же год разругались новгородцы с Александром Ярославичем, и была крамола великая в Новгороде. И отошел Александр скоро к отцу своему великому князю Ярославу Всеволодичу владимирскому, и мало пребывал у отца, и пошел в Переславль на княжение, которое на Клещине озере.

Немцы Изборск взяли. Псковичи побиты. Немцы западные. Копорье. В тот же год немцы: медвежане, велианцы, юрьевцы с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. И вышли против них псковичи, и победили их немцы, и воеводу псковского Гаврила Борисовича убили; и пришли ко граду Пскову, и посад псковский пожгли, и град едва не взяли. В тот же год немцы западные воевали Новгородские волости и град Копорье поставили, и Тесон взяли, и гнались за тридесять верст до Новгорода; и много зла сотворили, и со многим полоном возвратились восвояси, а на иных градах и дань возложили.

Александр снова в Новгороде. В тот же год новгородцы по обычаю своему сотворили вече и послали с челобитьем во Владимир к великому князю Ярославу Всеволодичу, прося у него сына его князя Александра, который в Переславле на Клещине озере. Ярослав же давал им сына своего князя Андрея. Они же просили снова Александра. И пошел архиепископ Спиридон из Новгорода с лучшими мужами к великому князю Ярославу Все-

володичу во Владимир, он же дал им сына своего князя Александра. В тот же год приходили литва и немцы ратью в Новгородскую землю и, много зла сотворив, отошли.

6750 (1242). *Копорье разорено.* Пошел князь Александр от отца своего Ярослава к Новгороду. И придя в Новгород, многих крамольников перевешал, ушел скоро с новгородцами, и с ладожанами, и с корелою, и с ижорцами на град немецкий Копорье; и разрушил град и до основания, и самих немцев побил, а иных с собою привел в Новгород, а иных отпустил в свою их землю Немецкую, ибо был милостив весьма, а вожан и чудь крамольников перевешал; и пошел снова в Переяславль белорусский.

6751 (1243). *Немцы Псков взяли. Александр ко Пскову. Псков взят. Новгородцы побиты. Бой на Чудском озере. Побеждены немцы. Похвала Александру.* Собрались немцы с сей стороны, и пришли ко Пскову, и полки псковские победили, и наместников своих посадили во Пскове. Услышав же про сие, князь Александр Ярославич опечалился весьма за кровь христианскую, и не умедлил нисколько, но разгорелся ревностию, пошел к Новгороду, взяв с собою брата своего Андрея и все воинства свои. И придя в Новгород, собрав воинов, пошел из Новгорода на немцев с братом своим князем Андреем, и с новгородцами, и с низовцами в силе великой, и занял все пути до Пскова; и быстро пришел внезапно в град Псков, и поймал немцев, и чудь, и наместников немецких, и оковал их, послал в Новгород. И освободил Псков от плена, и землю Немецкую, придя, повоевал и пожег, людей же много побил, а иных пленил. Немцы же его ради в то время снова силу совокупили и пошли с воинством своим. И когда увидели их стражи Александровы, ужаснулись страхом великим, видя многую силу их, и поведали князю Александру Ярославичу. Он же, услышав сие, не опечалился, но вскоре пошел против них на землю Немецкую. Была же тогда зима. И когда был в земле их, выпустил все воинство свое в набеги за добычей. И убили немцы в набеге воеводу Дамаша и Кербета, брата посадника, сильных и храбрых весьма, и иных многих побили с ними, а иных руками взяли, а иные прибежали к великому князю Александру Ярославичу; он же начал собирать всех. И местер пришел против Александра со всеми бискупами и со всею силою их и с помощью королевской, и сошли на озеро Чудском. Увидев же их, Александр отступил назад, а они вслед за ним пошли. Александр же поставил полки свои на озере Чудском на Узмени у Воронья камня, и выстроив войска, пошел против них с помощию Божию, и ступили на озеро Чудское обоих войск множество. Со Александром же и братом его было много храбрых и крепких мужей, и исполнились все духа ратного; было же сердце их как у львов, легкостью же были как орлы, говоря ко Александру так: «Вот, князь

господин, ныне нам пришло время положить головы свои за тебя и за свою вотчину». Он же воздел руки свои к небу и сказал: «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу, ибо я есть червь, а не человек. И не помяни грехов моих, Господи, но прославь имя твое и дай нам помощь твою». Был же тогда день субботний, и при восходе солнца сошлись обоих полки, и немцы пробились свиньею сквозь полки Александровы, и была тут сеча злая; и был как гром от ломания копий, и от звука мечами сечения и щитов ломания, и кровь, как вода, лилась, и нигде было не видеть льда, но всюду кровь лилась. Слышал же сие от очевидца, бывшего тогда там и поведавшего мне. И побеждены были немцы силою Божиею и пречистой его матери, и гнались за ними по озеру, побивая их, на семь верст до Суболиусского берега. И пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество, а руками взяли немцев 50 особых, а иные на озере утонули, ибо была уже весна, а иные ранеными отбежали. Была же битва сия месяца апреля в 15 день. И так прославил Господь Бог великого князя Александра Ярославича пред всеми людьми, и не найдется ему противник в брани никогда же. И возвратился Александр с победою в Новгород, и встретил его чин священнический с крестами и весь Новгород, воздавая хвалу Господу, говоря: «Как помог Господь кроткому Давиду победить иноплеменников, так и верному князю нашему пособил побить врагов наших и освободить град Псков от иноплеменников». И прославилось имя Александрово по всем странам от моря Варяжского до моря Понтийского, и до моря Хвалынского, и до страны Тиверейской, и до гор Араратских, которые по ту сторону моря Хвалынского.

Послы от немцев. Мир с немцами. Литва воюет Новгород. В тот же год прислали немцы с поклоном в Новгород, говоря: «Что взяли копьем и мечем Псков, Ветлугу, Латыгоду, мы от того всего отступаем. А что взяли в полон людей ваших, теми разменимся: мы ваших отпустим, а вы наших отпустите, и псковский полон пустите». И так умирились, а полон весь отпустили обои. В тот же год начали Литва воевать Новгородские волости. Александр же вышел и победил их семь ратей одною и множество их побил, а коих взяли, вязали их к хвостам конским, ругаясь, ведя их с собою. И с тех пор начали уважать имя его.

Ярослав на Орду. В тот же год пошел князь великий Ярослав Всеволодич в Орду к хану Батью, а сына своего Константина послал к хановичам. Батый же почтил Ярослава и отпустил, дав ему старейшинство во всем русском народе; и пришел с великою честью в землю свою.

6752 (1244). Князь Владимир Константинович угличский, внук Всеволода, и племянник его князь Борис Василькович ростовский, и другой племянник его князь Василий Всеволодич по-

шли в Орду к хану Батыю про свою вотчину. Он же, выслушав их о сем и рассудив, дал им вотчину их и отпустил их с честью.

Умерла Феодосия. В тот же год преставилась великая княгиня Ярослава Всеволодича Феодосия в Новгороде и положена была в Юрьеве монастыре; а во монашеском чину наречена было Евфросиния, поскольку имена даются в того святого, в который день постригается кто или после того в семь дней.

6753 (1245). Князь Константин Ярославич, внук Всеволода, пришел с орды Батыевой от хановичей во Владимир к отцу своему Ярославу Всеволодичу с честью.

Литва к Торжку. Русские побиты. Бой. Литва побеждена. В тот же год воевали Литва Торжок и Торопец, Бежецкой волости. И пошел за ними в погоню князь Ярослав Владимирович с новоторжцами, был им бой. И победили Литва, и многих побили, и коней забрали, вошли во свою землю. И снова тверской воевода Яведе и Кербет со тверичами и с дмитровцами погнались за ними, а князь Ярослав Владимирович с новоторжцами; и был бой великий под Торопцом, и бились весь день, и одолевали литва, и бежали князи в Торопец. И в ту ночь пришел к ним на помощь князь Александр Ярославич с новгородцами, и была радость великая, и обнимаясь, целовались. И на следующее утро вышли. ополчившись, на литву, и была брань великая и сеча злая; и победили литву, и отняли у них полон весь. Новгородцы ж оттуда возвратились. И погнался за ними князь Александр с двором своим, и бил их под Жижичем, и мало их кто избежал. И сына своего взял из Витебска, и пошел к Новгороду; и встретил иную рать, и не устыдился против них стать, и сотворил с ними битву великую, и Божию помощью и пречистой Богородицы одолел супостатов, и пришел с радостью восвосяи.

Князь великий в Орду. В тот же год князь великий Ярослав Всеволодич с братиею своею, и с племянником своим князем Владимиром Константиновичем, и с племянника его Василька ростовского с сынами Борисом и Глебом, и племянника его Всеволода сыном Василием Всеволодичем, внуком Константиновым, пошел в Орду к хану Батыю.

6754 (1246). Князь Святослав Всеволодич и князь Иван Всеволодич и с племянниками своими пришли из Татар во свою вотчину. А великого князя Ярослава Всеволодича послал хан Батый к хановичам.

Переяславль. Чернигов. Послы побиты. Киев взят. Батый во Угры. Поклонение огню. Огонь для очищения. Михаил противится повелению хана. Об убиении князя Михаила Черниговского. Нечестивый хан Батый ратью пришел тогда лесом на Рязанскую землю, на Коломну, и на Москву, и на Владимир и снова возвратился в Поле восвосяи в 6746-м. И оттуда посылал татар своих

воевать страны Киевские в 6747-м, и взял Переславль просто Русский и Чернигов, в Киеве же тогда сидел на великом княжении великий князь Михаил, сын Всеволода Чермного, внук Святослава черниговского. Батый же послал воеводу своего Менгука посмотреть град Киев. Он же, придя, по повелению хана Батыя сотворил и некие слова послал к великому князю Михаилу Всеволодичу в Киев. Он же не только не принял, но послов в темницы посадил. Менгук же снова послал к нему с намерением злым и с лестью. Михаил же и тех послов его, схватив, побил, а сам бежал во Угры со всеми домашними своими. Татары же гнались за ним и не настигли. Затем сам Батый пришел со всеми силами своими ко граду Киеву и не только град Киев, но все грады попленил и поработил. Также пошел в Польшу и во Угры и все там попленил и до реки Дунай, и до Володаны, и стоял там три лета. Услышал же князь великий Михаил Всеволодич про отшествие Батыево во Угры, возвратился снова в Киев; и видя всю землю повоенной, град Киев разоренный, и премного плакав, и пошел в Чернигов на княжение. Батый же, воевав и одолев Угры, возвратился в Поле снова обратно; и поставил наместников и властелинов своих по всем градам русским; затем повелел всем князьям русским, оставшимся в Руси, прийти к нему и поклониться ему. Когда же приходили князи, тогда прежде повелевал своим волхвам сложить два огня и проводить всех князей русских и с боярами их сквозь огонь, и поклоняться кусту, идолам их, и огню, и от даров, которые приносили хану, часть некую во огонь кидали. И так приводили их к хану, и многие творили повеления его ради славы света сего скоро погибающего. Когда же ходили князи в Орду и творили такое, смутился крепко о сем князь великий Михаил Всеволодич черниговский, и призвал к себе внука своего князя Бориса Васильковича ростовского и боярина своего Феодора, и говорил им с плачем великим так: «Видите ли напасть сию и беду великую на роде нашем, что мы христиане, и заповеди Христовы содержа и в него веруя, снова от него отступаем и повеления нечестивого хана творим. Постараемся же, любимицы, за Христа пострадать, да с ним царствуем вовеки, попрем сатану под ногами нашими и слуги его, нечестивого хана Батыя, повеления его не сотворим». И сладостны были сии слова боярину его Феодору. И так начал снаряжаться на путь, и сказал мысль свою духовному своему настоятелю Иоанну с боярином Феодором. Отец же его духовный Иоанн начал укреплять его, да не ослабнет. Он же сказал ему все предложение свое. Он же дал им тело и кровь Христову спутниками их быть и, благословив, отпустил их, говоря: «Господь Бог да укрепит вас силою святого и животворящего своего духа». Князь же великий Михаил Всеволодич черниговский со внуком своим Борисом Васильковичем ростовским

и с боярином своим Феодором пошли в Орду к хану Батыю. И пришли они туда, поведали о них хану Батыю. Хан же, призвав волхвов своих, сказал им: «Что есть по обычаю вашему, сотворите великому князю русскому Михаилу и приведите его ко мне». Волхвы же сказали Михаилу: «Хан зовет тебя, иди сюда». Дошли же они до места, там где был огонь выложен по обе стороны, и многие князи русские с боярами своими шли сквозь огонь, повинаясь повелению ханскому, сказали же волхвы слово ханское Михаилу: «Идите и вы сквозь огонь и поклонитесь солнцу и огню». И сказал Михаил: «Не подобает нам, христианам, сквозь огонь идти и поклоняться солнцу и огню, ни же хану не подобает повелевать такие повеления; ибо мы поклоняемся и почитаем Господа Бога Иисуса Христа, который все сотворил и в троице прославляется. Сим же богам твоим мерзким, особенно же идолам, не поклоняемся, ни чести не воздаем. Тебе же, хану, по сути человеку смертному и тленному, но поскольку власть имеющему обладательную, честь воздаем и поклоняемся, поскольку вручено тебе царствие от Бога и слава мира сего скоро погибающего; а вот от Христа Бога отворотиться и не настоящим богам твоим поклониться не принудишь нас никогда, ибо тварь Божия есть и на службу людям сотворена от Бога». Батый же, слышав таковое мужество и крепость великого князя Михаила и боярина его Феодора и умилившись, сказал: «Велик есть муж сей». И послал к нему скоро стольника своего, Елдегу именем, и наказал ему с ласкостию и с тихостию говорить к нему. Он же, придя, сказал ему: «Князь Михаил, послал меня хан Батый говорить тебе так: "Послушай меня, поклонись солнцу и луне. Если так вот сотворишь, великую честь от меня примешь и любезен мне будешь, во всей Русской земле славным тебя и честным сотворю. Если же не послушаешь меня, зло умрешь"». Михаил же сказал: «Ханское слово солнцу и луне велит мне кланяться и огню, который есть тварь, данная от Бога на службу человекам, никак же о сем не послушаю и не могу им чести Божией воздать. Другие же готов все повеления его исполнить». Стольник же Елдега сказал: «Солнце на небесах есть, и никто же не может к нему прикоснуться, и луна на небесах есть, никто же не может сию осязать и домыслить о ней, и огонь губителен для всякой вещи, никто не может против него стать». Сказал же Михаил: «Бог присносущный и безначальный, невидимый и однородный его сын, который прежде века от отца рождался без матери и напоследок веков от матери рождался без отца, отцовым советом и содействием святого и животворящего духа, тот сотворивший небо и землю, и видимое и невидимое все, солнце же, и луну, и звезды, и землю, и море, и реки, и все сущее на земле, и первого человека Адама, от которого все мы, которому дал всю тварь на службу, солнце, и луну, и звез-

ды. И повелено от Бога человеку не поклоняться никому же на небе горнем и на земле дольной, только единому Богу. И я не могу Божие повеление страха или милости ради переменить. А что обещает мне хан княжение и славу мира сего скоро погибающего, сие же непостоянное есть и мимотекущее, скоро переменяется за час единый времени. Поскольку же и сам хан о себе не ведает: ныне властитель, а завтра нищ, ныне здоров, а завтра болезнен, ныне сияет красотою плотскою, а завтра смердит гноем, ныне жив, завтра мертв». Стольник же ханский удивился словам Михайловым и сказал ему: «Князь Михаил, никогда не слышал таких слов ни от одного человека; поистине много премудр ты, и подобает тебе себя пощадить». Сказал Михаил: «Сотворивший меня Господь Бог есть, и в того верую, и к тому иду, да дарует мне царство вечное». Стольник же сказал: «Скоро умереть тебе». Сказал Михаил: «Мне Христа ради смерть жизни лучше». Сказал Елдега: «Завещай своим сынам об имении своем, ибо скоро изойдет на тебя слово ханское, нанося смерть». Сказал Михаил: «Я Христа ради Бога моего рад умереть. Имение же презираю, так как изошел из чрева матери моей наг, так и отойду». Тогда приступил к нему внук его князь Борис Василькович ростовский со многими слезами и с плачем, и иные многие русские князи с боярами своими с плачем и со слезами говорили ему, да сотворит волю ханскую: «Да не погибнешь ты, и мы тебе рады; ибо ведает Господь Бог, что неволю сие сотворил; когда же возвратимся в свою землю, мы все всею землею возьмем сей грех на себя, и во всей земле будем держать сию епитимью за тебя, и много благого сотворишь Русской земле и всем нам». Боярин же его Феодор скорбел весьма о сем, боясь, да не ослабнет исповедать Господа Бога, и сказал ему с плачем и слезами: «Господин князь Михаил, не забудь наказа отца твоего духовного Иоанна, что говорил тебе от Евангелия; сказал Господь: "Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным"». Михаил же с радостию в сладость сие принял; ибо велика мудрость и боярина его Феодора, что к лучшему обретению господина своего понуждал. А внук его князь Борис Василькович ростовский сидел возле непрестанно с плачем и со слезами, прося, да сотворит волю хана. Он же, обняв его и целовав, сказал: «Чадо мое Борис, христианам подобает верою и делами почитать Господа Бога. Ибо вера без дел мертва, по апостолу, и в другом месте пророческими устами о таковых сказал Господь: "Сии люди устами чтут меня, сердцем же далеко отстоят от меня"». И говорил ему внук его Борис: «Тебя же имеем на земли сей наказателем и утешителем всех». Сказал Михаил: «Земное воистину ничто же есть, но мимо течет и скоро погибает, как сон и как дым. Небесные же блага присносущны и бесконечны». При-

звал же Михаил священника своего, и святых и божественных тайн от него причастился, и сказал стольнику ханскому Елдеге: «Иди и скажи хану Батью, что говорит Михаил: "Богам твоим не поклоняюсь, ни послужу, ни повеления твоего беззаконного не послушаю"». Возвещено же было сие хану. Он же с яростию послал, да, зло мучив, его смерти предадут. Они же, собравшись, начали много мучить его. Он же говорил: «Христианин я, и не послужу твари более творца, и беззаконного повеления не сотворю». И после многих мука приступил некий, который прежде был христианин, потом отверг веру христианскую, и отрезал ножом честную голову святого великого мученика Михаила, и откинул ее далеко от тела. Она же отъединенная еще сказала: «Христианин я». И удивились все о таком чуде. Потом же ласково уговаривали и понуждали боярина его Феодора. Он же сказал: «Что мне временную и суетную славу даете, которую я и князю своему советовал презреть»; затем укорил их и богов их поругал. Они же много мучили его и голову ему отрезали, говоря: «Сии безумные не хотели солнцу и луне поклониться, недостойные они и смотреть на них». Не разумели окаянные, что солнце и луна сотворение Божие есть и на службу человекам. И так скончались сии святые Михаил и боярин его Феодор месяца сентября в 20 день 6754-го, и кинуты были святые тела их псам на съедение, и многие дни лежали, ничем же не повреждены. Правоверные же, там случившиеся, со многими слезами погребли святые тела их.

В тот же год хан Батый князя Бориса Васильковича ростовского отпустил к сыну своему Сартаку. Сартак же почтил его и отпустил с честью в Русь во свою его вотчину.

6755 (1247). *Умер вел. кн. Ярослав.* Князь великий Ярослав Всеволодич был в Орде у хановичей, и там наговорено было на него Феодором Яруновичем к хану Батью. И много истомления принял от татар за землю Русскую, и отпустили его уже изнемогшего. И помалу пошел от хановичей, и преставился смертию в нужде во иноплеменниках месяца сентября в 30 день. Сыновья же его Андрей со братиею, встретив тело его, с плачем многим погребли во Владимире. Слышал же в Новгороде князь Александр про смерть отца своего великого князя Ярослава Всеволодича, и пришел во Владимир, и плакал по отцу своему с дядею своим Святославом Всеволодичем и с братиею своею.

39. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ II

По совещании же после смерти брата своего Ярослава Всеволодича сидел на престоле великом княжения во Владимире великий князь Святослав Всеволодич, а племянников своих князя

Александра, Андрея, Константина, Афанасия, Даниила, Михаила, Ярослава и Василия Ярославичей посажал по городам, как урядил брат его князь великий Ярослав Всеволодич, он же не переменял ни слова его. В тот же год князь Андрей Ярославич пошел в Орду к хану Батыю. Хан же принял его с честью.

Батый во Угры. В тот же год Батый послал в Новгород ко Александру Ярославичу, говоря: «Мне покорил Бог многие народы, ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь ныне сохранить землю свою, то, придя, поклонись мне, и узришь честь и славу царствия моего». Он же благословился у епископа Кирилла, пошел в Орду. Пришел же он в Орду к Батыю, и видев его, хан сказал к вельможам своим: «Как и говорили мне о нем, так есть; нет никого, кто подобен сему князю». И почтил его, и послал с братом его Андреем Ярославичем к хановичам. И в тот же год злочестивый хан Батый со многими воинствами пошел ратью на западных угров, на которых прежде не ходил, и многие грады разбивал и пленил, никто же мог против него стать; и многих князей и воевод живых взяв, послал к сыну своему Сартаку. И стоял там лето все, воевал и пленил, мечу и огню всех не покоряющихся ему предавал. Убит же был во Уграх великий князь Батыев, именем Бердек.

6756 (1248). *Затмение луны. Варадин. Угров закон от греков. Стефан угров учитель. Смерть Батыя.* Было знамение в луне, была кровава вся, погибнув. В тот же год хан Батый подвигся ратью до стольного града Варадина угорского, и многие окрест его грады разбил, и все попленил, никто же не мог против него стать. Пришел же он и к Варадину граду, что среди земли Угорской стоит, около же него мало простых деревьев, но все деревья плодоносные, изобилием всякого овоща насаждений, яблонь, груш, вишни и виноградниками отовсюду обсажен град сей, и валами крепкими, и стенами каменными великими укреплен, не боящийся никакой силы. Среди же града стоял столп каменный весьма превысокий. Был же тогда самодержец той земли король Владислав уграм, и чехам, и немцам, и всего Поморья, и до великого моря. Были же угры во православии прежде, поскольку святое крещение приняли от греков; не успели же на свой язык грамоты изложить, римляне же, близ бывшие, приложили их ко своей ереси, и оттуда даже до сих пор в единстве с ними они. Предреченный же король Владислав и тот также пребывал, римской церкви повинуюсь, до тех пор пока не пришел к нему святой Савва, архиепископ сербский, и сему снова сотворил приступить к греческому закону, христианской вере, не явно, но втайне, ибо боялся восстания угров на себя. Пребывал же святой Савва, поучая его о православии греческого закона, месяцев 5 и так отошел восвосяси, одного только священника оставил у него, и

тот пребывал при короле, как единственный от служащих его. Хан же Батый, придя в землю Угорскую, все грады разрушил, людей попленил, самодержец же угорский Ярослав, которого святой Савва именовал Владислав, не успел собраться с людьми из-за далекого по земле расстояния. Батый же наиболее благополучно время обрел, творил, сколько хотел. Король же Владислав многие дни пребывал в великой скорби, ни хлеба ни воды вкушая, и молил Христа Бога со слезами, да переменит гнев свой на милость и избавит его от врагов его. И после того, когда Батый распустил воинов своих в набеги за добычей, не имея никого от града опасения, так как на долгое время никто не смел выйти, но тайно пришли воины от короля немецкого. С ними же король совокупился и не ожидающего опасности Батыя внезапно победил, и самого тут убил. Так закончил сей злой бич Божий мерзкую жизнь свою.

Женился Борис. В тот же год женился князь Борис Васильевич ростовский, внук Константинов, у князя Ярослава муромского.

В тот же год князь Михаил, называемый Хоробрит, сын Ярославов, внук Всеволода, согнал с великого княжения Святослава Всеволодича. Он же скончался. Блаженный же Кирилл, епископ ростовский, послал, взял тело его, и положили его в церкви пречистой Богородицы во Владимире. Андрей же со другою братиею, князи суздальские, пошли на литву и побили их из Оцова. [Князь Глеб Василькович, внук Константинов, ходил в Орду.] Князь же Александр, слышав сие, что сотворил брат его Михаил, пришел во Владимир. И было у них прение великое о великом княжении. Они же уложили идти в Орду. И пошли князи Александр, Андрей и Михаил, и много споров было.

6757 (1249). *Сартак хан. Андрей, кн. вел.* Дал хан великое княжение Киевское и всю землю просто Русскую князю Александру, а Белорусское князю Андрею по завету отца их. Тогда же князь Глеб Василькович, внук Константинов, ходил в Орду к Батыеву сыну к хану Сартаку. Сартак же почтил его весьма и отпустил во свою его вотчину. В тот же год пришел князь Александр Ярославич и брат его князь Андрей от хановичей.

40. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ II

Великий же князь Андрей Ярославич сел на великом княжении на престоле отца своего, а Александр пошел в Новгород и оттуда хотел идти на Киев, но отказались новгородцы из-за татар. Он же остался в Новгороде, а вотчиной имел Переяславль белорусский.

Умер Владимир. Умер Василий. В тот же год преставился во Владимире князь Владимир Константинович, внук Всеволода,

месяца декабря в 27 день, и везли его в вотчину его на Угличе Поле, и положили его в церкви святого Спаса. Его сыновья: Андрей и Роман. В тот же год преставился князь Василий Всеволодич, внук Константинов, везли его из Владимира в его вотчину в Ярославль и положили его в церкви пречистой Богородицы месяца февраля в 8 день. А после него остался сын Василий.

6758 (1250). Поехал князь Борис Василькович ростовский в Орду к Батыеву сыну к хану Сартаку. Хан же почтил его много и отпустил в свою его вотчину.

В тот же год преосвященный Кирилл, митрополит киевский и всея Руси, пошел из Киева в Чернигов, затем пришел в Рязань и пришел в Суздальскую землю, и встретили его князи и бояре с великою честью.

В тот же год князь великий Святослав, сын Всеволодов, внук Юрия Долгорукого, с сыном своим Дмитрием пошел в Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну. И принял его хан и сына его с честью. Женился во Владимире, взял дочь у Даниила Романовича, и венчан был преосвященным митрополитом Кириллом киевским и всея Руси во Владимире в церкви пречистой Богородицы с Кириллом, митрополитом ростовским; было торжество великое, и радость, и веселия много.

6759 (1251). *Еп. Далмат новгородский.* Преосвященный Кирилл, митрополит киевский и всея Руси, с Кириллом, ростовским архиепископом, пошел из Владимира в Новгород; и встретил его с честью великою с лучшими мужами князь великий Александр Ярославич, затем встретили его с крестами весь священнический собор, архимандриты и игумены, со множеством народа. И умолен быв новгородцами, поставил им епископа Далмата.

Дожди и воды. Мороз. В тот же год в Новгороде разболелся князь великий Александр Ярославич, и была болезнь его тяжка весьма, но Господь Бог умолен был о нем. В тот же год были дожди многие и великие и паводье великое, и потопило весь хлеб и сено; и мост великий в Новгороде снесло на Волхове. И на осень побил мороз все обилие. В тот же год князь Глеб Василькович, внук Константинов, пошел на Белоозеро во свою вотчину. В тот же год было смирно.

6760 (1252). *Татары на Русь. Андрей побежден. Бежал в Кольвань. В Ригу. Переславль. Умерла княгиня Ярославова.* Пошел князь великий Александр Ярославич в Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и принял его хан с честью. И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, что тот, сольстив хана, взял великое княжение под ним, как старшим, и грады отческие от него взял, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повелел Неврюю султану идти на Андрея и привести его перед собой. И в тот же год пришел из

Орды Неврюй султан, и князь Катиак, и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича суздальского и на всю землю Суздальскую. Князь же великий Андрей Ярославич суздальский смутился, в себе говоря: «Господи, что будет, если мы будем меж собою браниться и наводить друг на друга татар? Лучше мне сбежать в чужую землю, нежели дружитья и служить татарам». И собрав воинство свое, пошел против них; и встретившись, начали биться. И была битва великая, и одолели татары, и побежал князь великий Андрей суздальский и с княгинею своею, и с боярами своими в Новгород Великий, и оттуда пошел во Псков. И там, дождавшись княгиню свою, пошел из Пскова в Колывань, и снова из Колывани пошел в Немецкую землю к Риге. И там местер встретил его, и принял его с великою честью. Он же и по княгиню свою послал в Колывань. А татары гнались за ним и настигли его у града Переславля, который на Клещине озере. Но Бог сохрани его и пречистая Богородица, ибо татары догнали его и рассеялись здесь и там, он же посреди них избежал; сидел же на великом княжении 3 лета. Султан же Неврюй с товарищами своими взял Переславль, который на Клещине озере, и взяли княгиню Ярославову и с детьми, и убили ее, а иных детей Ярослава в полон повели; а воеводу их Жидислава убили, и людей всех в полон повели, и все имение взяли, и пошли в Орду.

41. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР I

Александр I, вел. кн. Олег рязанский. Умер Святослав II. В тот же год пришел князь великий Александр Ярославич из Орды со мноюю честью. Преосвященный же Кирилл, митрополит киевский всея Руси, встретил его с крестами, и со всем священным собором, и со множеством людей. И сел на великом княжении во Владимире на престоле отца своего Ярослава Всеволодича с пожалованием ханским, и воздвиг церкви после пленения Неврюевого. В тот же год отпустили татары из Орды князя Олега рязанского Иневородича (Ингверовича), внука Игорева, правнука Глебова, на свою его вотчину. В тот же год преставился князь великий Святослав Всеволодич февраля в 3 день.

6761 (1253). *Родился Дмитрий.* Освящена была в Ростове церковь святых мучеников Бориса и Глеба Кириллом, епископом ростовским, и при благоверных князях Борисе ростовском и Глебе белозерском, сынов Васильевых, внуков Константиновых. В тот же год родился у князя Бориса Васильковича ростовского сын Дмитрий.

Пришла литва на волость Новгородскую и повоевали около Торопца и Круа, пошли прочь с полоном многим. Князь же Васи-

лий Александрович с новгородцами и русянами догнал их у Торопца, и побил их, и полон весь поотнимал. В тот же год пришли немцы юрьевские с иными ко Плескову и пожгли посады, а псковичи вскоре, снарядившись, вышли на них и многих немцев побили. Новгородцы же, слышав про неправду немцев на плесковицей, пришли на немцев и по Нарве все села повоевали и волости пустыми сотворили.

6762 (1254). *Родился Константин.* Князь Ярослав Ярославич тверской оставил вотчину свою Тверь и пошел во Псков. Псковичи ж почтили его великою честью и посадили его во Пскове. В тот же год родился у князя Бориса Васильковича ростовского сын Константин.

6763 (1255). *Умер Константин.* После Великого дня светлого воскресенья преставился князь Константин угличский, сын Ярославов, внук Всеволода, и понесли тело его во Владимир. И встретил его брат его князь Александр Ярославич с митрополитом Кириллом, и со всем священным собором, и со всеми боярами своими со множеством народа, и положили его в церкви пречистой Богородицы владимирской.

Ярослав в Новгород. Александр на Новгород. Дмитрий Святославич. Новгородцы покорились. В тот же год новгородцы взяли из Пскова великого князя Ярослава Ярославича тверского и посадили его на княжение у себя в Новгороде, а князя Василия Александровича, внука Ярославова, выгнали из Новгорода. Он же скоро послал к отцу своему Александру Ярославичу во Владимир, а сам пошел в Торжок и там отца своего дождался. Князь же великий Александр Ярославич с братом своим Дмитрием Святославичем Всеволодича, были же Александр с Дмитрием двух братьев дети, со многими воинствами пошли к Торжку, и встретил его сын его Василий. И оттуда пошли к Новгороду, и встретил его Ретешка новгородец с Пересветом, говоря: «Князь Ярослав Ярославич выбежал из Новгорода». Но новгородцы сотворили вече по старому их обычаю и решили: «Братья, станем крепко за святую Богородицу, и за правду новгородскую, и за свою вотчину; либо смерть, либо жизнь, не пощадим себя». И послали новгородцы владыку своего Далмата с мужами своими к великому князю Александру Ярославичу, да отдаст гнев. Он же сказал ему: «Выдайте мне врага моего Ананию посадника. Если же не выдадите его мне, иду на вас ратью». Новгородцы же много стояли о сем. И князь великий Александр Ярославич послал к ним, говоря: «Если же не выдадите врага моего Ананию посадника, то отнимите у него посадничество, и я гнев на вас отставляю». Новгородцы же, собравшись, сказали к себе сие: «Сговорился князь с нашими крестопреступниками, и судья им Бог и святая София, что князя с нами в ссору вводят». И взяли посадничество у Анания, и отдали

посадничество Михаилу Степановичу, и взяли с великим князем Александром Ярославичем мир на всей воле его, и утвердились крестным целованием. И вошел князь Александр Ярославич в Новгород, и встретил его архиепископ Далмат с крестами и со всем священным собором. И так князь великий Александр Ярославич посадил снова сына своего Василия на княжение в Новгороде, а сам пошел от них из Новгорода с честью великою; и был мир и тишина великая.

В тот же год возвратился князь Андрей от немцев. И принял его Александр с любовию, и хотел ему Суздаль дать, но не смел из-за царя.

6764 (1256). *Андрей в Нижнем. Война на емь.* Поехал князь Андрей на Городец и в Новгород Нижний княжить. Князь же Борис Василькович ростовский пошел в Татары со многими дарами. А также и князь Александр Ярославич послал послов своих в Татары со многими дарами просить за Андрея. Князь Борис Василькович ростовский был у Улавчия и дары отдал, и честь многую принял, и Андрею прощение испросил, и возвратился со многою честью в свою вотчину. Той же зимой князь великий Александр Ярославич ходил с суздальцами на емь, и победил их, и со многим полоном возвратился восвояси.

Война в Корелу шведскую. В тот же год пошел князь Александр Ярославич в Новгород с суздальцами; и оттуда пошел с новгородцами на Свейскую землю и на Чудь, пошли непроходимыми местами, где не видели ни дня, ни ночи навсегда. И так придя, повоевали все Поморье и со многим полоном и богатством бесчисленным возвратились восвояси.

6765 (1257). Пошли в Орду князь великий Александр Ярославич владимирский, и князь Борис Василькович ростовский, и князь великий Андрей Ярославич суздальский со многими дарами, которого брат Александр по слову ханскому вел с собою. Хан же принял их с любовию и чествовал у Улавчия. И возвратились со многою честью во свои их вотчины.

Женился Глеб. Перепись от татар поголовная. Духовные не включены. В тот же год князь Глеб Василькович женился в Орде и пришел из хановой земли от хана со многою честью во свою вотчину. Той же зимой приехали численники от татар и сосчитали всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую; и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников, и все это сделав, возвратились в Орду. В точности не считали архимандритов, и игуменов, и иноков, и попов, и дьяков, и клиросников, и всего причета церковного, кто служит Божиим церквам.

6766 (1258). *Умер Олег рязанский. Роман рязанский.* Преставился князь Олег рязанский, постригся во иноческий образ и в схиму, на Страстной недели в среду, и положен был во церкви

святого Спаса месяца марта в 8 день на память святой мученицы Фотинии Самаряныни. И сел после него на княжении в Рязани сын его Роман.

Глеб. Мария Васильковича. Той же осенью приехали из Орды князь Борис Василькович ростовский и брат его князь Глеб Василькович с княгинею своею в Ростов, и ударил челом пресвятой Богородице, и знаменовался у образа ее, и благословился у отца своего у епископа Кирилла и у матери своей у великой княгини Марьи.

Крайняя дерзость Васильевича. Перепись в Новгороде. Новгородцы не допустили. Александров гнев на сына. В тот же год приехали численники из Татар во Владимир, и поехали численники ордынские в Новгород, и князь великий послал от себя мужей для исчисления. Князь же Василий Александрович послушал злых советников новгородцев и бесчестно обходились с численниками. Они же с гневом великим, придя к великому князю Александру, сказали, что хотят идти в Орду. Он же понял беду ту, созвал братию и едва упросил послов ханских. Пошли сами с численниками князь великий Александр Ярославич владимирский, и Андрей Ярославич суздальский, и князь Борис Васильевич ростовский счет вести Новгородской земли. Слышали же новгородцы о сем и смутились весьма. Пришли же в Новгород численники татарские с великим князем Александром Ярославичем и с прочими князьями русскими, и князь Василий Александрович новгородский побегал от отца своего из Новгорода во Псков. А татары начали просить дани, и не отказали в том новгородцы; и дали многие дары хану и послам его, а их отпустили с миром, а Михалка посадника убили, а также и другого посадника Михалка убили, а Ананий посадник преставился, и дали посадничество Михалку Федоровичу, а тысяцкое место дали Жидяте Доможирову. А князь Александр Ярославич выгнал сына своего Василия из Пскова и послал его в Низ, а дружину его казнил, иному нос и уши обрезал, другим же очи вынимал и руки отсекал, кто ему советовал такое сотворить. И так злые зло погибли, и так численников татарских успокоил и умирил.

Литва на Новгород. Татары Литву воюют. В тот же год литва пришли к Торжку ратью. И собравшись, новгородцы вышли против них, и был бой великий, и одолели литва, много зла учинили новоторжцам. В тот же год взяли татары всю землю Литовскую и со многим полоном и богатством пошли восвосяи.

6767 (1259). *Новгородцы допустили перепись.* Михаил Пинячин пришел в Новгород, говоря такое: «Если не имеете по число хану, то уже скоро придет рать татарская на Низовскую землю и всем горе будет». И устрашились новгородцы, и взяли по число, и послали послов своих в Орду к хану со многими дарами.

били челом, да отставит свой гнев на них и да исчислит землю их всю, как хочет.

Дмитрий новгородский. В тот же год пришли из Орды от хана численники во Владимир, и взяли с собою великого князя Александра Ярославича владимирского, и князя Андрея Ярославича суздальского, и князя Бориса Васильковича ростовского, и пошли в Новгород; и исчислили всю землю Новгородскую и Псковскую, только не считали священнического причета. И возвратились татары, взяв число, пошли в Орду, и был мир и тишина великая в Новгороде. А князя Александра Ярославича новгородцы у себя оставили и много чествовали его. Он же посадил у них сына своего Дмитрия, а сам пошел к Владимиру. И пришел в Ростов, и княгиня Василия, и князь Борис, и князь Глеб чествовали его со мною любовью. Он же, пребывая у них некоторое время в любви мною, пошел во свою вотчину во Владимир.

6768 (1260). Мирно было.

6769 (1261). *Родился Даниил. Еп. Игнатий суздальский. Умер Андрей. Еп. сарский Митрофан.* Родился великому князю Александру Ярославичу сын Даниил. В тот же год епископ ростовский Кирилл оставил епископство в старости глубокой и изнеможении большом. И возвели на его место архимандрита богоявленского Игнатия благословением и повелением Кирилла, митрополита киевского и всея Руси. В тот же год преставился князь Андрей, сын Владимиров, внук Васильков, во своей вотчине на Угличе Поле, и положен был в церкви святого Спаса на Угличе. В тот же год преосвященный Кирилл, митрополит киевский всея Руси, поставил в Сарай Митрофана епископом.

6770 (1262). *Умер еп. Кирилл ростовский. Еп. Игнатий ростовский.* Преставился блаженный епископ Кирилл ростовский месяца марта в 21 день, и положили его во церкви пречистой Богородицы в Ростове. В тот же год поставлен был в епископы Игнатий Ростову преосвященным митрополитом Кириллом киевским и всея Руси при благоверном князе Борисе Васильковиче ростовском и при брате его Глебе Васильковиче белозерском месяца сентября в 19 день.

Совет на татар. Начальники татарские изгнаны. Рост на деньги. В тот же год совет был на татар по всем градам русским, которых хан Батый посажал властителями по всем градам русским, и после убиения Батыея сын его Сартак, и потом иные. Князи русские, согласившись меж собою, изгнали татар из градов своих; ибо было от них насилия много, ибо откупались богатые от татар, и они наживались сами, и на многих людей убогих, не могущих же вскоре выплатить, налагали рост более, чем у русских повелось, и в ростах люди работали. И так князи русские изгнали татар, а иных побили, а иные из них крестились. Тогда же убили в Ярославле

Зосиму отступника, который, чернецом быв, отверг христианскую веру, и был басурманин злой весьма, и принял доспех от посла царева Титяка, и много зла творил христианам. Его же убили православные христиане и повергли псам на съедение.

Товтивил полоцкий. Война на Ливонию. Юрьев взят. В тот же год пришел в Новгород князь Ярослав Ярославич, внук Всеволода, и князь Дмитрий Александрович с шурином своим Константином, и Товтивил полоцкий. И новгородцы пошли все ратью во многой силе под Юрьев, немецкий град, а у града три стены. И так вскоре единым приступом град взяли, а немцев побили. А наших мужа доброго и храброго весьма застрелили с города, Петра Мясниковича убили, и Якова Храброго гвоздочника убили, и Илью Дехтярева убили, и Измаила Кузнецова убили, очень храбрых и весьма удалых мужей.

6771 (1263). *Родился Михаил. Александр четвертый раз в Орду. Царь Беркай. Умер Александр.* Родился князю Глебу Васильковичу белозерскому сын Михаил. В тот же год князь великий Александр Ярославич, внук Всеволода, пошел в четвертый раз в Орду к хану Беркаю (Берку) и зимовал там; разболелся весьма, и отпущен был на Русь, и дошел Городца, и постригся во святой ангельский иноческий образ и в схиму месяца ноября в 14 день, той же ночью и преставился. И принесли тело его во Владимир, и положили во церкви пречистой Богородицы того же месяца ноября в 23 день. Положен же был во граде Владимире в монастыре Рождества пречистой Богородицы; княжил 10 лет. Его сыновья: Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил московский. О великом же княжении были прения братии его Андрея, который прежде был на великом княжении, и Ярослава тверского, брата его младшего. И не желая между собою свару устраивать, послали послов своих в Орду к хану Беркаю. Хан же повелел Ярославу к себе быть.

42. ЯРОСЛАВ III ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Кн. вел. Ярослав III. Пришел тогда Ярослав в Орду, и хан принял его с честью, дал ему доспех и повелел уведомить его по обряду на великое княжение. Коня же его повелел вести Владимиру рязанскому да Ивану стародубскому, бывшим тогда в Орде. И в августе месяце отпустил его с послом своим Джанибеком и с ярлыком на великое княжение.

6772 (1264). *Брак Ярослава III-го. Умер Андрей II.* В сентябре, придя из Орды, князь великий Ярослав Ярославич сел после брата своего великого князя Александра Ярославича на великое княжение во Владимире. В тот же год выгнали новгородцы от себя из Новгорода князя Дмитрия Александровича. А князь вели-

кий Ярослав Ярославич пошел в Новгород, и приняли его новгородцы с радостью и честью великою. Он же тогда и женился в Новгороде, взял за себя дочь Юрия Михайловича. В тот же год преставился князь великий суздальский Андрей Ярославич, внук Всеволодов. Его сыновья: Юрий, Михаил.

Мятеж в Литве. Умер Миндовг литовский. Умер Товтовил. Князь литовский пострижен. В тот же год был мятеж в Литве, восстали сами на себя и убили великого князя Миндовга свои его сродники, совещаться начали и снова спорить стали о богатстве его; убили князя полоцкого Товтивила, а бояр полоцких сковали; и просили у полочан сына Товтивилова, желая убить его, он же убежал в Новгород с мужами своими. Тогда литва посадили своего князя в Полоцке, а полочан, которых поймали, с князем их отпустили. У того же великого князя Миндовга был сын, именем Вошлег, который научен был от матери, княжны тверской, вере христианской, и все оставив, и отца, и мать, и княжения, и все сущее, пошел в Синайскую гору и крестился, наречен был Василий; и научился грамоте, и был монах подвижен и многодобродетелен. И пребывал там 10 лет, и ушел в землю свою. Отец же его князь великий Миндовг и сродники много ласково уговаривали его весьма, чтобы оставил иноческое житие. Он же не послушал, но, придя, создал себе монастырь в Пинске и жил там, во имя Бога работая, во многих трудах подвизаясь.

6773 (1265). *Чернец на княжении. Литвы крещение. Василий опять в монастырь.* Слышал Вошлег об убиении отца своего великого князя Миндовга, и скорбен стал весьма, и сказал так: «Ты, Господи Боже, видишь неправду сию и прославь имя твое, да не похвалятся беззаконные в нечестии своем, и дай мне помощь и силу выйти на них за имя твое святое, что да прославится везде имя твое святое». И снял с себя ризы иноческие, и на третий год обещался снова положить их на себя, и никак же не изменил устава и правила иноческого. И совокупил воинства многие, и приятелей, и друзей отца своего великого князя Миндовга, и пошел на язычную литву и чудь, и попленил все, что там было; и стояли там лето все, и многих крестил, и церкви и монастыри воздвигал. И оттуда бежали многие во Псков и с женами и с детьми, и крестились божественным крещением. Он же сим всем управлял хорошо и воеводу старшего Андрея Даниловича поставил там великим князем, а сам снова возвратился в свой монастырь и возложил снова на себя ризы чернеца, подвизался жестоким житием и многодобродетельным трудом и после многих трудов в великой старости преставился о Господе.

6774 (1266). *Женился Василий. Умер Беркай царь. Комета.* Женился князь Василий младший Ярославич костромской и венчан был во церкви святого Феодора Игнатием, епископом ростов-

ским, на Костроме. В тот же год умер хан ордынский Беркай, и было послабление Руси от насилия татарского, а на его место ханом учинился ... Той же зимой явилась звезда на западе, и был от нее луч долог, как хвост, к полуденной стороне, и была видима ночи 13, и потом невидима была.

Довмонт Тимофей. Война на Литву. Полоцк взят. Литва побита. Торгат. Гердень. В тот же год князь литовский Довмонт пришел во Псков со всем родом своим и крестился, и наречено было имя ему Тимофей. И посадили его плесковичи у себя на княжении. Он же, избрав с собою мужей лучших и храбрых плесковичей и со своею дружиною, и всех их 300, придя, попленил всю землю Литовскую, вотчину свою град Полоцк взял, и княгиню Герденеву в плен взял, и детей ее двух княжичей взял, и возвратился ко Пскову. И переехал Двину реку, и отошел пять верст, и стал на реке Двине, и поставил сторожей два, Давыда да Луку, с единым полком, а двести отпустил ко Пскову с полоном. А князь Гердень в то время не был в дому, но ходил войною на Порусию. И когда пришел в землю свою, увидел ее поплененной, и погнался за Довмонтом с семьястами воинства своего, а с ним Гогорт, и Лотбей, и Люгайло, и прочие князи литовские. И пришли ко Двине реке, стали на берегу. А к Довмонту стражи его прибежали, говоря про рать великую. Он же сказал дружине своей: «Вот предстоит нам смерть или жизнь, выступим же мужественно, и за святую церковь, и за веру христианскую». Было же с ним оставшейся дружины только 90 человек. И помолился Господу Богу, и пречистой Богородице, и святому мученику Леонтию, которого был день тогда, и пошел против них, и победил их, и князя их великого Поргата убил, и иных князей и литвы много побил, а иные в реке утонули, иных же Двина выкинула на остров Гантов, и те там убиты были; Гердень же с малым числом едва убежал. А плесковича тогда одного убили, Антона, Лочкова сына. И пришел князь Довмонт во Псков со многим полоном и с богатством.

Ярослав на Псков. В тот же год князь великий Ярослав пошел с Владимира со множеством воинства в Новгород и хотел идти на Плесков ратью на князя Довмонта. Новгородцы же не восхотели того. Он же возвратился обратно, а в Новгороде оставил племянника своего князя Дмитрия Александровича.

6775 (1267). *Плесковичи на Литву.* В Новгороде мятеж был усобный. В тот же год погорел в Новгороде Неревский конец. В тот же год новгородцы с Елеферием, а князь Довмонт псковский с псковичами повоевали Литву и князя Герденя убили.

6776 (1268). *Родился Василий.* Родился князю Борису Васильковичу сын Василий.

Святослав. Михаил. Война новгородцев на Естляндию. Мир с ливонцами. Божии дворяне. В тот же год новгородцы с Юрием

Андреевичем, внуком Ярославовым, послали в Ярославль за князем Дмитрием Александровичем, зовя его к себе на помощь; затем послали и во Владимир к великому князю Ярославу Ярославичу, зовя его к себе в Новгород, совокупляя рать на немцев. Он же послал к ним вместо себя сынов своих Святослава и Михаила и иных князей; и начали делать пороки на владычнем дворе. И прислали немцы послов своих: велья (велижане), рижане, юрьевцы и из иных городов, лестию говоря: «Почему же хотите напрасно кровь проливать? Нам же с вами мир и любовь, и гости (купцы) ваши к нам и наши к вам ходят, ни брани, ни обиды не имеют никакой же. И если хотите брань сотворить, вот есть колыванцы и ракоборцы, а мы с ними ни враждуем, ни помогаем». И так бискупы их и Божии дворяне целовали крест и умирились.

Женился Константин. Война к Ракобору. Пещера. Литва побита. Железная свинья. Расположение полков. Русские побиты. Немцы побеждены. В тот же год все князи вышесказанные совокупились в Новгороде: князь Дмитрий Александрович, князь Святослав Ярославич и брат его Михаил, Юрия Александровича Андреевич и Константин, зять Александров, князь Довмонт псковский с псковичами, Ярополк со множеством воинов и иные многие князи. И пошли в силе тяжкой к немецкому граду Ракобору месяца февраля в 23 день. И вошли в землю, и разделились на три пути, и воевали много; и приехали к пещере великой и непроходной, в которой было много чуди, а воевать их невозможно, и стояли у пещеры той три дня. Мастер же осадный хитростию пустил на них воду, они же выбежали из пещеры. И так их всех иссекли, а богатство их все взяли и пошли к Ракобору. И пришли они на реку Кигору, и тут встретили их полки немецкие во множестве силы, как песок, ибо вся земля Немецкая собралась. И начали князи полки выстраивать: новгородская сила у лица немцев против великой железной свиньи, а князь Довмонт с псковичами на правой руке, а князь Дмитрий Александрович и князь Святослав Ярославич повыше правой руки, а князь Михаил Ярославич на левой руке со многими князьями; и была сила велика русских князей, которым числа не было. И сошлись полки на битву, и начали помалу стычки устраивать, затем осwirепели, разъярились и сотворили бой великий. И была сеча злая, и кровь лилась, как вода, не могли кони скакать, ибо всюду были мертвые, как копны свороченные лежали. Многие же новгородцы от железной свиньи убиты были, многие бояре и слуги князей русских пали и многие псковичи и ладожане убиты были месяца февраля в 18 день в субботу Сыропустную, и многие правочерные люди восплакали. И вскричали князи гласом великим, молясь со слезами Господу Богу подать им помощь, ибо уже вконец изнемогли, и был страх и трепет великий на всех. И вот внезапно

Господь Бог и пречистая его мать дал помощь русским князям, и побежали немцы, никем же гонимые, только гневом Божиим; и погнались за ними князи русские, били их до Ракобора по трем путям на семь верст. И так возвратились, и стояли на костях три дня, и пришли в Новгород. И пошел из Новгорода князь Дмитрий Александрович к Переславлю, а иные князи восвояси.

Война на емьвиру. В тот же год князь псковский Довмонт пошел ратью непроходными путями на емьвиру и пленил их и до моря, и Поморье повоевал, и возвратился со многим полоном во Псков. В тот же год князь Глеб Василькович белозерский пришел из Татар больным весьма, и был в немощи время немалое, и снова милостию Божиею стал здрав.

6777 (1269). *Умер Дмитрий.* Преставился князь Дмитрий Святославич, внук Всеволодов, во иноках и в схиме, пострижен от епископа Игнатия ростовского. Тут был князь Глеб Василькович и мать его, и вот внезапно язык его связался, и снова проговорил, и воззрев на епископа радостными очами, сказал: «Господин отец Игнатий, исполнил Господь Бог труд твой, что меня ты сподвиг на долгий путь на вечное лето воина истинного царя Христа Бога нашего». И потом предал душу свою тихо и кротко, и погребли его в церкви святого Михаила в Юрьеве монастыре.

Немцы ко Пскову. В тот же год приходили немцы ратью ко Пскову в неделю Всех святых, и посад пожгли, и стояли 10 дней под градом, и много зла сотворили, и пошли обратно, воюя грады их. Князь же Юрий Андреевич, внук Ярослава, с новгородцами, слышав то, пошел ко Пскову. Немцы же, слышав, пошли за реку и тут примирились.

Мятеж новгородцев. Ярослав к Новгороду. Поход на Немецкую землю. Корела к Руси. В тот же год в Новгороде был мятеж, сражались между собою: одни хотели послать к великому князю Ярославу во Владимир, как бы себя с немцами до конца умирить, другие же не хотели к великому князю Ярославу послать. В тот же год великий князь Ярослав пошел в Новгород, держа гнев на посадников; и за то была распря в них. Князь же великий Ярослав разгневался и возвратился снова во Владимир. Они же послали за ним с челобитьем великим, ибо еще были не мирны с немцами. Он же послушал моления их, и возвратился с Броннича (ныне Бронница), и пришел к ним в Новгород. Они же сотворили волю его. Князь великий Ярослав послал к Владимиру собрать воинство, желая идти на немцев. И собралась сила многая, и великий баскак владимирский Иагарман (Амраган), и зять его Айдар со многими татарами пришли. И то слышав, немцы устрашились и вострепетали, прислали с великим челобитьем и со многими дарами послов своих, и добились челом на всей воле его, и великого баскака и всех князей татарских одарили, ибо побоялись весьма

татар и имени татарского. И так всю волю сотворили великого князя Ярослава, и от Нарвы все отступились, и полон его весь возвратили.

Еп. Феогност сарский. В тот же год Митрофан, епископ сарский, оставил епископию свою и отпись своею рукою прислал к митрополиту киевскому. В тот же год преосвященный Кирилл, митрополит киевский, поставил епископом Феогноста Русскому Переславлю и Сараю.

6778 (1270). *Смятение новгородцев. Неприличный поступок Ярославова. Василий костромской. Глеб смоленский. Война на Новгород. Немцы с новгородцами. Митрополита посредство. Мир с новгородцами.* Вооружились новгородцы, и собравшись, сотворили вече, и начали изгонять из Новгорода великого князя Ярослава, и приятелей его советников его побили, и дворы их и имения их разграбили. И многие побежали к князю Ярославу, тысяцкий Ратибор со дружиною. Смутьяны же послали на Городище к великому князю Ярославу Ярославичу, исписав вины его так на грамоту: «Чего ради, князь, неправду делаешь. Отнял Волхов у ловцов уток и поля у ловцов зайцев для ястребов своих многих; взял ты Алексин двор Морткина почему, взял ты много серебра у Никифора, и у Романа Болдыревича, и у Варфоломея Алексеевича, и у иных? И почему выводишь от нас иноземцев, которые у нас живут? Иные многие вины твои, князь, и мы ныне, князь, не можем терпеть твоего насилия. Пойди, князь, от нас добром, а мы себе князя добудем». На утро же князь великий Ярослав Ярославич прислал к ним на вече сына своего Святослава и тысяцкого своего Андрея Воротиславича с поклоном, говоря такое: «Сие мне отдайте, и я к тому таков не буду, и крест на том целую на всей воле вашей». Новгородцы же отвечали: «Князь, не хотим тебя, иди от нас добром. Если же так не сделаешь, то прогоним тебя и не хотим с тобой дело иметь». Князь же великий Ярослав пошел от них из Новгорода, и пришел во Владимир, и начал собирать рать, желая идти на Новгород. И послал Ратибора в Орду к хану татарскому, прося рать на Новгород, говоря такое: «Новгородцы меня не слушают, выхода твоего не дают и данников твоих выгнали, а иных смерти предали, а меня с бесчестием выгнали, а на тебя хульно говорят». Хан же послал на них рать свою. Новгородцы же послали в Переславль за князем Дмитрием Александровичем, внуком Ярославовым. Он же отрекся, говоря к ним так: «Не хочу я взять престол поперед дяди своего Ярослава». Новгородцы же были печальны. Слышав же сие, князь Василий Ярославич костромской, внук Всеволода, послал послов своих в Новгород, говоря такое: «Вот я кланяюсь святой Софии и мужам новгородским. Слышал же я, что брат мой князь великий Ярослав идет ратью на Новгород и племянник наш князь Дмит-

рий Александрович из Переславля, а из Смоленска князь Глеб Ростиславич, внук Мстислава, а хан татарский посылает рать свою на вас же, и жаль мне вас, вотчины своей». Они же послали к нему с челобитьем и с молением великим, да отвратит гибель сию и воздержит хана от рати. Он же пошел в Орду и возвратил рать татарскую, умолив хана, сказал все по порядку, говоря: «Новгородцы правы, а брат мой князь великий Ярослав виноват». Хан же почтил его весьма и рад был, что не послал рати. Князь же великий Ярослав со братиею Дмитрием переславским, с князем Глебом Ростиславичем смоленским и с детьми своими пошли ратью к Новгороду. Новгородцы же поставили около града острог по обе стороны и многою крепостию град укрепили; и совокупились со всею землею и с псковичами, и немцев много привели в помощь к себе, и вышли во многой силе к Городищу, и стояли вооруженные и в доспехах, как вода. Князь же великий Ярослав и с прочими князьями, услышав, пошел по ту сторону, и придя, сел в Русе; а к ним послал, говоря такое: «Что ваша нелюбовь ко мне по моей вине, о том о всем каюсь и впредь таков не буду, а князи все за меня вам поручаются». Новгородцы же послали к нему Лазаря Моисеевича и отвечали к нему так: «Князь, задумал ты на святую Софию и весь Новгород, а мы за нее и друг за друга изомрем все, и вот наша честь и слава, а князя у нас нет. Господь Бог, и святая София, и правда в нас за князя, а тебя не хотим». И собрали новгородцы воинов всех, псковичей, ладожан, корелу, ижору и вожан, пошли в Голино, и став на броне, стояли целую седмицу. Князь же великий Ярослав из Владимира послал с молением к Кириллу, митрополиту киевскому, просил, да ему поможет, как будет прилично без брани умириться, и чтобы за него поручился новгородцам, «а я, как сказал, никакого же своего слова не изменю; постарайся же, отец, и введи нас в мир; а ежели что им бранно от меня, я впредь к ним таков не буду; твое же есть в мир всех приводить, тем более на твоих присных детей». Преосвященный же Кирилл митрополит послал в Новгород грамоту свою, говоря такое: «Господь Бог вместо себя дал власть апостолам своим вязать и решить и после них наследникам их. И вот мы, апостольские наследники, и образ Христов имеющие, и власть его держащие. И вот я начальнй ест пастырь всея Руси. и я наказываю вас, во имя Господа: Господа Бога бойтесь, и князя чтите, и брани напрасно не творите, и крови не проливайте, а всякой вине и всякому греху покаяние и прощение ест. А князь великий Ярослав в чем неправ перед вами, в том во всем каетса и прощаетса и впредь к тому таков быть не хочет. И я вам поручаюсь за него, и вы бы его приняли честию достойною. А если же будете от ярости своей, хотя крестным целованием между собою утвердились, что не принять вам великого князя Ярослава, и я то

с вас снимаю, и вас прощаю и благословляю, да брани не творите и крови не проливайте, будьте в мире и любви. Если же не послушаете меня, положу на вас тягость душевную». Новгородцы же послали к великому князю Ярославу с миром, и так умирились и крестным целованием утвердились по старине, как у них сначала было. И посадили князя Ярослава в Новгороде, и сотворили ему честь великую. В тот же год пошел князь великий Ярослав Ярославич из Новгорода во Владимир.

Клевета на рязанского. Мучение Романа. Умер Роман рязанский. В тот же год оклеветан был в Орде к хану от баскака рязанского и от сродников своих князь рязанский Роман Олегович, внук Ингворов, правнук Игорев, праправнук Глебов; говорил клеветник: «Хулит вас, великого хана, и ругает веру твою». Он же призвал его в Орду и начал расспрашивать. Роман же оправдывался, но баскак наустил многих от князей татарских, и они начали понуждать его к вере их. Он же говорил к ним: «Не по достоинству будет православным христианам оставить веру свою православную и принять веру басурманскую». Тогда начали его бить. Он же говорил: «Христианин я, и воистину христианская вера свята, а ваша татарская вера язычество есть». Они же не желали от него таковых речей слышать, и отрезали язык, и заткнули уста его платком, и начали резать его по частям и кидать в разные стороны, пальцы все обрезали у ног и у рук, и уста, и уши, и прочие части разрезали. И так остался труп один, они же отодрали кожу от головы его и на копье взоткнули. И сей новый мученик был подобен в мучениях Иакову Персиянину. О возлюбленные князи русские, не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою мира сего, что хуже пучины есть, ибо изменяется за час времени, как видение мимо проходит, как дым исчезает и как сон есть все. Не принёсите же на свет сей нисколько, ни отнести что можете, наги же исходите из чрева матери своей и наги отойдете, но не смоете греха вашего. Ибо какая вам польза враждовать на сродных и единовверных своих, думаете ли что приобрести от тленного имения? Ничто же, ибо все исчезает, и вы один к одному гинете. А враги ваши, оные проклятые иноплеменники, радуются и большее имение, нежели вы, забирают. Вас же на малое время уста только ласкают и чести воздают, мысля, да как бы всех вас, наущая одного на другого, изгубить и всю честь вашу самим принять, и не будет никто щедрым к сиротам вашим и заступником рабам вашим. Сего ради поучайте чад ваших не клеветать на ближнего своего и не обижать друг друга, и не имейте злых намерений меж собою, и не похищайте чужого, и не обижайте меньших сродников своих; ибо ангелы видят от лица отца вашего, который есть на небесах. Возлюбите истинную правду, и смирение, и долготерпение, и чистоту, и любовь, и милость, да

радость святых исполнится в вас, как и сей блаженный князь Роман, по оклеветанию претерпев, купил себе страданием царствие небесное и венец принял от руки Господней. Убит же был месяца июля в 19 день.

6779 (1271). *Умер Василий. Князи на Орду. Затмение. Умерла Василькова. Умер Ярослав III.* Преставился князь Василий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволодов. В тот же год пошли в Орду к хану князь великий Ярослав да брат его Василий костромской, и племянник их Дмитрий Александрович переславский. В тот же год было знамение в солнце в пятую неделю святого поста, до обеда погибло все и снова наполнилось. В тот же год преставилась княгиня Василькова, тогда у нее был сын ее князь Борис и с княгинею своею, и с детьми, а князь Глеб тогда был в Орде у хана. Она же тихо и кротко предала душу свою Господу. Епископ же Игнатий со священным собором и с обычными надгробными песнями положил ее в церкви святого Спаса в ее монастыре. В тот же год преставился князь великий Ярослав Ярославич, внук Всеволода, идя из Орды, держав великое княжение Владимирское после брата своего Александра Ярославича 8 лет; и везли его во Тверь. Епископ же Симеон тверской с обычными надгробными песнями встретил его, и положили его в церкви святых чудотворцев Козьмы и Дамиана во Твери.

43. ВАСИЛИЙ II, СЫН ЯРОСЛАВА

Кн. вел. Василий II. Родился Михаил. Мануил греческий. После смерти Ярослава сел на великом княжении во Владимире брат его князь Василий костромской, мизинный сын Ярославов, внук Всеволода, и был князь великий владимирский и новгородский. В тот же год после преставления великого князя Ярослава Ярославича родился сын его Михаил. Тогда был во Цареграде царь Мануил Палеолог, который первый латинник был. Сей изгнал латинов из Цареграда и царствовал над греками лет 24.

Ливонцы на Псков. Ливонцы побиты. Магистр рижский, слыша о мужестве и храбрости князя Довмонта псковского, пошел ко Пскову ратью во многой силе в кораблях и в ладьях Чудским озером и на конях с полками многими. Слышал же то князь Довмонт псковский, послал в Новгород, прося помощи. Но видев, что та медлит, положил на Бога упование, собрал воинов, сколько удобно, вошел во святую церковь пресвятой Троицы, и снял с себя меч, и положил под святым алтарем, и пал, начал молиться со слезами. И после многих молений его и слез игумен Исидор со всем священническим чином взяли меч, и препоясали его, и благословили, отпустили его; не дождавшись полков новгородских, но с одними

псковичами пошел. И помощию всесильного Бога и своею храбростию и мужеством побил полки немецкие и самого местера ранил в лицо, а иных поймал, прочие же сбежали. Было сие июня в 8 день.

Довмонт Ливонию воюет. В тот же год немцы начали снова притеснения творить в волостях Псковских. Князь же Довмонт псковский, придя, повоевал землю их Чудскую и с полоном многим возвратился восвояси.

6780 (1272). *Новгородцев беспутство.* Князь великий на Новгород. Князь великий Василий, сев на великое княжение, послал в Новгород наместников своих и повелел грамоты брата своего Ярослава отбросить, сказав: «Не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего испокон не повелось, суд у князя и дань черную отбираете и печерскую». А новгородцы сказали: «Ты, князь, тогда сам нам так удумал, а почему ныне винишь? И не хочешь, князь, на том крест целовать, тогда ты нам не князь, а мы себе князя добудем». И послали новгородцы в Переславль к князю Дмитрию Александровичу, внуку Ярославу, правнуку Всеволодову, призывая его к себе в Новгород княжить. Уведал же сие князь великий Василий, внук Всеволода, послал за ним воеводу своего Семена, а сам пошел к Переславлю, а оттуда к Торжку; и придя, пожег Торжок и наместников своих посадил в нем, и ушел назад. И Семен воевода пленил волости Новгородские и возвратился со многим пленом во Владимир к великому князю Василию.

6781 (1273). *Война на новгородцев. Дороговизна в Новгороде.* Князь великий Василий с великим баскаком владимирским Яргаманом, и с князем Айдаром, и со многими татарскими ханскими воевал Новгородские волости, и возвратились со многим полоном во Владимир. В тот же год князь тверской Святослав Ярославич, внук Ярослава, пошел с татарами царевыми и воевал Новгородские волости: Волок, Бежецкий и Вологду, и со многим полоном возвратились во Тверь. В тот же год в Новгороде был хлеб дорог; а гостей новгородских, которые были во Владимире, и в Твери, и на Костроме, взяли всех и ограбили.

Новгородцы на великого князя. Новгородцы в смятении. Дмитрий отступил от Новгорода. Князь великий в Новгород. В тот же год князь Дмитрий Александрович пошел со своею волостью Новгородскою ратью ко Твери, а во Владимир к великому князю Василию послал Семена Михайловича, Лазаря Моисеевича, Степана Душиловича, говоря: «Чтобы ты Новгорода не хотел, а что у новгородцев взял, то бы ты отдал. А что Новгородские волости гости грабили, их и взяли, и заточили, и вы бы всех гостей новгородских отпустили в Новгород со всем их товаром без всякой зацепки, с нами бы вы жили в мире и в любви». Князь же великий Василий послов отпустил с честью, а мира не дал. И князь Дмитрий Александрович с новгородцами пришел ратью к

Торжку. В Торжке же были тогда воеводы великого князя Василия. И смутились новгородцы, и был страх и трепет великий у них, говорили: «Отовсюду нам горе: вот князь великий владимирский, а вот князь тверской, а вот баскак ханский с татарами и вся Низовская земля на нас». И восхотели великого князя Василия, а от князя Дмитрия Александровича начали отметаться. Он же, видев сие, устранился и отступился от Новгорода, пошел в Переславль. Новгородцы же послали к великому князю Василию с челобитьем, призывая его к себе в Новгород. И великий князь Василий Ярославич пошел в Новгород. Новгородцы же вышли к нему с поклоном и приняли его с честью. Он же, войдя, крамольников крепко наказал и тысяцкого взял, и дом его разграбил.

6782 (1274). *Еп. Серапион владимирский. Умер еп. Далмат. Еп. Климент новгородский. Умерла Феодора, княгиня Глебова.* Пришел из Киева Кирилл митрополит во Владимир, и привел с собою Серапиона, архимандрита печерского, и поставил его епископом Владимиру и Суздалю. В тот же год новгородцы видели своего епископа Далмата в последнем изнеможении, что уже оставляет житие суетного сего века, и пришли к нему, со умилением били челом, говоря такое: «Господин отец пастырь и учитель наш Далмат архиепископ, благослови нам на свое место пастыря и учителя, да будет у нас вместо тебя». Он же, отвечая, сказал им: «Не есть же мое сие, но Божие изволение; а по моему худому совету, вот есть игумен Давид, у святого Георгия, а вот есть духовный мой отец Климент, да которого хотите, изберите себе». Они же излюбили духовного отца Климента, Богом названного, и благословил его архиепископ Далмат сам. В тот же год преставился архиепископ новгородский Далмат. В тот же год новгородцы Климента послали с лучшими мужами в Киев к Кириллу, митрополиту киевскому и всея Руси, ставить в епископы Новгороду. В тот же год преставилась великая княгиня Глебова Феодора. Епископ же Игнатий ростовский со священным собором пели над нею надгробные песни и положили ее в церкви пречистой Богородицы в Ростове.

6783 (1275). *Князь великий на Орду.* Князь великий Василий пошел в Орду к хану. Когда пришел князь великий в Орду и принес дань урочную со всей земли по полугривне с сохи, а в сохе числили 2 мужа работных, и дары многие, и выход особый, и хан принял его с честью, но сказал: «Ясак мал есть, а людей много в земле твоей. Почему не от всех даешь?». Князь же великий исчислил по числу от баскаков прежних. И хан повелел послать новых численников во всю землю Русскую с великими градами, да не утаят людей.

Дуги около солнца. Умер еп. Серапион. Война на Литву. Перепись вторая. Гром. В тот же год было знамение в солнце: ого-

родилось солнце словно кругами, а посреди кругов кресты; дуги же были сини, зелены, желты, багряны, червлены, а дугами те хребты были к себе. Сие же было месяца мая в 3 день. В тот же год преставился Серапион, епископ владимирский и суздальский, и положили его во Владимире в церкви пречистой Богородицы златоверхой. Был же сей епископ весьма учен и силен в божественном Писании. В тот же год ходили татары и князи русские на Литву, и воевав, возвратились со многим пленом. В тот же год было на Руси и в Новгороде исчисление второй раз из Орды от хана, и сосчитали, кроме священников, и иноков, и всего церковного причету. В тот же год был гром страшный во граде Владимире и поразил дьякона во святой церкви соборной пречистой Богородицы, на обедне на выходе ектенью говорящего. И люди все пали ниц от многого страху и были как мертвые.

6784 (1276). *Еп. Феодор владимирский. Затмение луны.* Пресвященный Кирилл митрополит поставил Федора, игумена святого Константина и Елены, в епископы Владимиру, и Суздалью, и Новгороду Нижнему, В тот же год князь великий Василий пришел из Татар во Владимир. В тот же год погорел град Тверь весь, только одна церковь осталась. В тот же год в Киеве поставлен был Кириллом, митрополитом киевским, в Новгород архиепископ Климент и пришел из Киева во свою епископию в Новгород. Той же зимой было знамение в луне в месяце ноябре, погибла вся без остатка и едва снова явилась.

Умер вел. кн. Василий. Федор, кн. ярославский. Добродетели великого князя. Той же зимой преставился князь великий владимирский Василий мизинный сын Ярослав, на Костроме. И съехались там князи: Борис Василькович ростовский, и Глеб Василькович белозерский, и князь Михаил Иванович, внук Всеволода, и князь Дмитрий Александрович переславский, внук Ярослава, правнук Всеволода, и князь Федор Ростиславич ярославский, внук Мстиславов, правнук Давыдов, праправнук Ростислава, преправнук Мстислава, пращур Владимира Мономаха, и множество бояр и людей. Епископ же Игнатий ростовский со священным собором пели над ним надгробные песни, положили его в церковь святого Феодора на Костроме. Был же сей добродетелен весьма, любил Господа Бога от всего сердца своего и ко всем без лукавства любовь и милость имел; и ко святым церквам весьма прилежен был, чтил же по премного епископов как пастырей и весь священнический чин и иноческий любил весьма и чтил; был же незлобив и прощателен к согрешающим к нему. Прожил же всех лет от рождения своего 40, держав после брата своего великого князя Ярослава Ярославича великое княжение Владимирское и Новгородское 5 лет.

44. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ III

Вел. кн. Дмитрий III. Брак Дмитрия. Сел на великом княжении во Владимире племянник его князь Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода Дмитриевича. В тот же год новгородцы послали во Владимир к великому князю Дмитрию Александровичу с челобитьем, призывая его к себе в Новгород. Он же, почтив, тысяцкого новгородского отпустил и своих наместников послал. В тот же год князь Борис Василькович ростовский, внук Константинов, женил сына своего старшего князя Дмитрия.

6785 (1277). *Князи в Орду.* Князь великий Дмитрий пошел в Новгород. Новгородцы же приняли его с честью. В тот же год пошли князи в Орду: ростовский Борис Василькович, внук Константинов, с княгинею и с детьми, и брат его князь Глеб Василькович белозерский с сыном своим Михаилом, и князь Федор ярославский Ростиславич.

Родословие смоленских и ярославских. Подобаает же о сем ведать, что за сказанный выше князь Феодор Ростиславич ярославский, поскольку был родом не ярославский, но смоленский. И слушайте вот: князь великий был киевский Владимир Мономах Всеволодич; у него же был старший сын Мстислав, которому дан Смоленск, хотя и на великом княжении после отца своего сидел, на нем же и преставился, но зовется смоленский. Его же сын Ростислав князь великий смоленский, а Ростиславов сын Давид князь великий смоленский, Давидов сын Мстислав, Мстиславов сын Ростислав, Ростиславов сын Феодор, о котором ныне говорим, да брат его Глеб, да Михаил. Сии изобидели его и дали ему град Можайск один. А брат его Глеб на княжении сидел в Смоленске, а князь Феодор Ростиславич, о котором сейчас говорим, сидящий в Можайске, еще не имел жены. В Ярославле же прежде князь был Всеволод Константинович, внук Всеволода Юрьевича. У Всеволода ж Константиновича ярославского сын Василий, у Василия Всеволодича ярославского дочь. Василий же Всеволодич ярославский преставился в Ярославле, и села после смерти его на Ярославле княгиня его с дочерью его. И обменялся сообщениями князь Федор Ростиславич из Можайска с князем Борисом Васильковичем белозерским и с княгинею Василия Всеволодича ярославского, взял за себя дочь Василия Всеволодича; и того ради досталось ему княжение Ярославское, и град Ярославль приняв, начал княжить в нем и с тещею своею, и много добродетелен был. Обычая ж ради и в Орду ходил, и ярлыки на свое имя на Ярославское княжение у хана имел. И сего ради пошел с ними в Орду и князь Андрей Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволодов. С ними ж шли в Орду и иные многие князи, каждый

о своих княжениях шли в Орду, все вкупе соединившись, путешествовали. Пришли же они в Орду к хану, и приняты были с честью.

В тот же год князь Борис Василькович ростовский, внук Константинов, в Орде разболелся и хотел во иноческий чин постричься, которого унимала княгиня его Марья, ибо не чаяла жизни в нем, был же он от отца своего духовного во исповедании, и в покаянии, и во умилении о себе на многие дни.

6786 (1278). *Умер Борис ростовский. Мария, княгиня Борисова. Хан Менгу-Темир. Татары за Днестр. Ясы взяты.* Преставился князь Борис Василькович ростовский, внук Константинов, правнук Всеволода, в Орде месяца сентября в 16 день. Княгиня же его Мария с сыном своим Дмитрием привезли его из Орды в Ростов. Епископ же Игнатий ростовский со священным собором, пев над ним надгробные песни, положили в соборной церкви пречистой Богородицы на левой стороне в Ростове месяца ноября в 13 день. Его сыновья: Дмитрий, Константин. В Ростове же сел после брата своего князя Бориса Васильковича Глеб Василькович белозерский. Когда же они жили у хана в Орде, князь Глеб Василькович ростовский, внук Константинов, с племянником своим с князем Константином Борисовичем, и с князем Феодором Ростиславичем ярославским, и Андреем Александровичем, внуком Ярославовым, и с иными многими князьями и боярам, и со слугами своими, восхотел хан Менгу-Темир (Мангу-Тимур) идти на войну, и повелел князьям всем вышесказанным с боярами своими и со слугами своими снаряжаться с ним. И помалу пошел сам Менгу-Темир с князьями русскими за Днестр. И помог Господь Бог князьям русским, и взяли славный град яский Дадыков зимой месяца февраля в 8 день, и полон и богатства много взяли, а иных смерти предали, а град их сожгли. Хан же Менгу-Темир почтил хорошо князей русских, и похвалил весьма, и одарил всех, и отпустил их на Русь в свои их вотчины со мноюю честью и с дарами.

Умер Глеб смоленский. Война на Корелу. 4 солнца. Преставился князь смоленский Глеб Ростиславич, внук Мстислава, правнук Давыдов. Той же зимой князь великий Дмитрий Александрович с суздальцами и с новгородцами ходил ратью на Корелу, и пленил всю землю их, и со многим полоном возвратился восвояси. В месяце феврале было знамение в солнце, огородилось дугами, а посреди дуг крест, а вне дуг четыре солнца, а наверху солнца дуга великая, на север рогами.

Женился Михаил. Брак Давида галицкого. В тот же год князь великий Глеб Василькович ростовский женил сына своего Михаила на дочери князя Феодора Ростиславича ярославского; и венчан был в церкви пречистой Богородицы в Ярославле Игнатием, епископом ростовским, тут был и сам князь Глеб Василько-

вич ростовский и с племянником его Константином Борисовичем, внуком Васильковым, правнуком Константиновым, и князь Давид Константинович галицкий и дмитровский, внук Ярослава, и Давид Давидович, и множество бояр, и съезд великий был отовсюду. И была радость великая в Ярославле месяца июля в 15 день. Глеб Василькович сотворил у себя пир великий в Ярославле и почтил свата своего Федора Ростиславича Черного, и княгиню его и с детьми его, и зятя его Давида Константиновича галичского и дмитровского, и бояр его, и слуг его.

Умер Андрей. В тот же год преставился благоверный князь Андрей Ярославич и жена его Устиния. В тот же год князь Глеб Василькович ростовский послал сына своего Михаила к татары на войну со сватом своим с князем Феодором Черным Ростиславичем, Ярославичем ярославским.

Умер Глеб ростовский. В тот же год преставился князь Глеб Василькович ростовский, прожив от рождения своего лет 41. После пленения же татарского от юности своей служил татарам и многих христиан обидимых от них избавил и печальных утешил; еду свою и питье не щадил, но требующим подавал, и многую милостыню убогим, и нищим, и странствующим, сиротам и вдовицам подавал, поминая слово Господне, говоря: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»; тем же не щадя себя, милостыню требующим, подавал; и церкви многие создал и украсил иконами и книгами, и священнический и иноческий чин весьма почитал; и ко всем с любовью относился и милостив был и смирен, ибо ненавидел гордость и отвращался от нее, как от змия. Когда же Божиим повелением от сего жития суетного и скоро погибающего избавился, кротко и тихо преставился о Господе и присоединился к отцам своим, немалую жалость и плач оставил по себе всем знавшим его. Епископ же Игнатий ростовский со священным собором, пев над ним обычные надгробные пения, положили его в церкви пречистой Богородицы в Ростове. Сын же его Михаил сел после него в вотчине его на Белоозере. А в Ростове после Глеба Васильковича сели племянники его, князь Дмитрий Борисович, внук Васильков, да брат его Константин Борисович.

Умерла Евдокия Владимирова. Тетяков. Татары на Рязань. В тот же год преставился великая княгиня Авдотья Владимира Константиновича на Угличе Поле. В тот же год князь великий Дмитрий взял Тетяков. В тот же год многие люди умирали от различных недугов. В тот же год приходили татары на Рязань, и много зла сотворили, и отошли восвосяи.

6787 (1279). *Затмение луны.* Было знамение в луне, и погибла вся, и не было ее долгое время, и явилась до зари, и при свете не исполнилась вся, месяца февраля в 24 день.

Умер Георгий суздальский. Умер Михаил смоленский. Кн. Феодор смоленский. Умерла Мария Всеволода. В тот же год преставился князь Юрий Андреевич суздальский, внук Ярославов. И после него сел брат его на княжении в Суздале князь Михаил Андреевич. В тот же год преставился князь Михаил Ярославич смоленский, внук Мстиславов. И сел после него брат его князь Федор Ростиславич Черный ярославский на своей вотчине в Смоленске. В тот же год преставилась Мария, княгиня ярославская Всеволода Константиновича, внука Всеволодова, и положена была в Ярославле.

Война ростовских с белозерскими. В тот же год князь Дмитрий Борисович, внук Васильков, поотнимал волости у князя Михаила Глебовича белозерского, внука Василькова, с грехом и неправдою, и так брата своего избидел, изнасильствовал. О злая человеческая ненасытность и окаянная гордость, как только претерпит и умолчит Господь Бог и не отмстит обиды неповинных рабов своих, вопиющих к нему с рыданием и со слезами.

Посол от хана в Греки. В тот же год пришел Феогност, епископ сарайский, в третий раз из Греческой земли, из Цареграда; посылал же его преосвященный Кирилл митрополит и хан ордынский Менгу-Темир к патриарху и ко царю Михаилу Палеологу греческому с грамотами и подарками.

Война татар на Литву. Копорье. В тот же год воевали татары Литву, и князи русские ходили с ними же, и со многим полоним и наживой возвратились восвояси. Князь великий Дмитрий Александрович с посадником новгородским Михаилом и с большими мужами, приехав, обложили град Копорье каменный.

6788 (1280). *Умер Давыд галицкий. Церковь свинцом в Ростове.* Преставился князь Давыд Константинович галицкий и дмитровский. В тот же год Игнатий, епископ ростовский, покрыл церковь пречистой Богородицы оловом в Ростове и дно ее вымостил мрамором красным.

Князь Глеб после смерти проклят. Епископ за то отлучен. Суд правый на епископа. В тот же год преосвященный Кирилл митрополит ушел из Киева по обычаю своему и проходил грады всей Руси, учил, наказывал, исправлял. Пришел же в Суздальскую землю и слышал от неких, поведавших ему про Игнатия, епископа ростовского, неправо творящего чрез божественные Писания и священные правила, ибо осудил весьма жестоко князя своего Глеба Васильковича ростовского, уже после смерти за 9 недель изринул его поруганным и бесчестным из церкви соборной в полночь и повелел просто закопать его в земле в Княгинине монастыре святого Спаса. И за то преосвященный Кирилл, митрополит киевский и всяя Руси, отлучил Игнатия епископа от священной службы, до тех пор пока князь Дмитрий Борисович,

внук Васильков, ростовский едва о нем добил челом митрополиту. Митрополит же простил его и отдал ему, говоря: «Не возносись и не думай себя без греха, и не столько много запрещаая и отлучая, сколько освобождая и прощая действуй; ибо прощение грехам нашим в прощении братий наших обретаем, и милость Господня в милости ближнего сокровенна. Плачь же, чадо, и кайся до своей смерти о дерзости сей бесподобной и бесстыдной; ибо осудил ты прежде суда Божия уже скончавшегося, а живого стыдился, и дары от него принимал, и ел, и пил с ним, и жил с ним, веселясь, и когда имел возможность исправить, и не исправлял. Да ныне ли хочешь исправить, так жестоко запрещаая и отлучая? Если же хочешь помощь сотворить ему, сотвори же ему милостынями нищих, и молитвами, и молением, священных и божественных служб прощением». И так много наказав, митрополит Игнатия епископа простил и благословил его служить и все действия священные совершать, утешив его, да не на много оскорбится.

Гром и буря. В тот же год были громы страшные, и ветры сильные, и вихри великие, и бури ужасные, и молний много. И много людей громом побило, и многие молниями опалены были. Кое-где же вихрь сильный был и дворы из основания вырвал, и с людьми, и со всем имуществом, и заносил далеко. В тот же год Климент, архиепископ новгородский, пришел к Кириллу митрополиту в Переславль и благословился у него. А также пошел к великому князю Дмитрию о мире и о любви от новгородцев.

Умер митр. Кирилл. В тот же год преставился преосвященный Кирилл, митрополит киевский и всея Руси, в Суздальской земле в Переславле месяца декабря в 7 день, и был тут великий князь Дмитрий Александрович владимирский, и Климент, архиепископ новгородский, Игнатий, епископ ростовский, и Феодор, епископ владимирский и суздальский. И пев над ним, положили его во гроб и везли его во Владимир. Затем из Владимира везли его в Киев, и там снова пели над ним и служили все епископы русские и со всем священным собором, и погребли его в Киеве в соборной церкви.

Кн. вел. Дмитрий на Новгород. Новгородцы усмирены. В тот же год князь великий Дмитрий и с братиею своею пошел к Новгороду ратью. Новгородцы же послали к нему с челобитьем, и с молением, и с дарами архиепископа своего Климента. Он же послушал епископа, и дары взял, и возвратился с братиею своею во Владимир.

Северное сияние. В тот же год было знамение на небе: было облако огненное на западной стороне, а искры от него на всю землю шли, и постояло малое время, и погибло.

6789 (1281). *Распря князей ростовских. Мир ростовских.* Сидел на княжении в Ростове Дмитрий Борисович и брату его с

ним Константин Борисович, и была меж ними крамола и вражда великая, смирял их и в любовь приводил епископ их Игнатий ростовский, что их еще более в брань приводило, и отъехал князь Константин из Ростова во Владимир к великому князю Дмитрию. А князь Дмитрий Борисович ростовский начал собирать рать и укреплять град, опасаясь брата, и смутился печалию великою, и град Ростов в волнении был весь. И пошел из Ростова во Владимир Игнатий епископ, и умолил великого князя Дмитрия Александровича. Князь же великий Дмитрий с Игнатием, епископом ростовским, и с боярами своими пошел в Ростов; и ввели их в мир и в любовь, и сотворили торжество великое, и возвратился князь великий Дмитрий во Владимир.

Андрей кн. на брата. Кн. вел. Дмитрий изгнан. Новгородцев безумство. Дмитрий в Швецию. Татары разоряют землю. Той же зимой князь Андрей Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, младший брат великого князя Дмитрия Александровича владимирского, пошел в Орду к хану, ища себе княжения великого под братом своим старшим, имея споспешника себе и помощника Семена Толниевича и иных многих. И многие дары дал хану и князьям ордынским, и всех наполнил богатством, и уговорил и уласкал всех, и испросил себе княжение великое Владимирское. И пришла ему весть из Руси, что князь великий Дмитрий Александрович собирает рать и укрепляет град, не хочет ханскому слову покориться и сойти с великого княжения по цареву слову, и сказал сие хану. Хан же повелел идти с ним воеводам своим Кавгадыю и Алчедаю с силою татарскою. И князь Андрей Александрович пришел из Орды к Мурому с татарами, и с советником своим Семеном Толниевичем, и с иными многими помощниками своими, и послал за князем Михаилом Ивановичем стародубским, внуком Всеволодовым, и за всеми князьями русскими. Когда же пришли и посоветовались, пошли все ратью в Переславль на великого князя Дмитрия Александровича. Слышав же сие, князь великий побежал к Новгороду с женою, и с детьми, и с боярами, и со всем двором своим, и вошел в свой город Копорье. Новгородцы же вышли на озеро Ильмеро с поклоном, лукавствуя, ибо не желали пропустить его оттуда, поскольку он оттуда хотел за море бежать. И много речей было между ними, и говорили новгородцы великому князю Дмитрию Александровичу: «Князь, не хотим тебя, иди от нас добром. Если же не уйдешь отсюда, возьмут тебя здесь татары и отведут к хану в Орду, а мы тебе не помогаем». Он же отступился от Копорья и пошел за море. Новгородцы же не взяли его, но дали ему путь, и отняли у него силою двух дочерей его и бояр его с женами их и с детьми, говоря: «Сих взимаем у тебе в заклад, до тех пор, пока не выдут от нас из Копорья все бояре твои и слуги твои, и тогда отпустим

их». И разошлись месяца января в 1 день. Князь Андрей суздальский, изгнав старшего своего брата великого князя Дмитрия, вошел во град Владимир и сел на великом княжении. А татары рассыпались по всей земле, ища великого князя Дмитрия Александровича, и опустошил все около Мурома, около Владимира, около Юрьева, около Суздаля, около Переславля, около Ростова, около Твери, и до Торжка, и далее, и близ Новгорода, гнались за великим князем Дмитрием Александровичем, и не достигли его, возвратились обратно. Князь же Андрей Александрович сотворил пир великий, и одарил дарами многими князей ордынских Кавгадыя и Алчедыя и татар, и отпустил их к хану. Они же со многим пленом отошли в Орду.

Князь великий пришел с войсками. Брак Довмонта. Довмонт помогает тестю. Ладога взята. Копорье разорено. Андрей в Новгороде. Дмитрий в Переяславле. В тот же год пришел князь Дмитрий Александрович из заморья к Переславлю, имея воинов много нанятых. А в Копорье еще были бояре его и слуги и вся казна его, и весь быт его. Тогда ушел из Пскова зять его князь Довмонт псковский и взял из Копорья всю казну тестя своего, бояр его и слуг его вывел из Копорья и отослал их к тестю своему великому князю Дмитрию Александровичу. И придя, взял Ладогу, в которой были многие люди великого князя Дмитрия Александровича. Он же, выведя их, также отослал к тестю своему великому князю Дмитрию Александровичу. Новгородцы же, придя, град Копорье возобновили и послали послов своих во Владимир за князем Андреем Александровичем, призывая его к себе в Новгород. Он же пришел к ним в Новгород и сел на княжении. И сотворили ему новгородцы честь великую. Князь великий Дмитрий Александрович пришел во град Переславль и начал рать собирать. И собрались к нему люди многие. И пришел вестник в Новгород к князю Андрею, говоря такое: «Брат твой старший князь великий Дмитрий сидит во граде Переславле и собирает рать многую, и вот отовсюду к нему сошлись люди многие». Он же созвал новгородцев и укрепился с ними во всем.

6790 (1282). *Андрей на вел. кн. Дмитрия. Андрей на Орду.* Князь Андрей Александрович пошел из Новгорода к Владимиру, взяв с собою новгородцев многих, и посадника Семена Михайловича, и другого посадника Якова Дмитриевича с вооруженными ратными, боясь старшего своего брата великого князя Дмитрия Александровича, ибо был тот в Переславле со многою силою, собирая рать отовсюду. Князь же Андрей Александрович пришел во Владимир, и чествовал новгородцев, и отпустил их обратно, повелел им стеречь Торжок. Посадники же новгородские Семен Михайлович и Яков Дмитриевич сели в Торжке, не давая в Торжок войти наместникам великого князя Дмитрия Александровича.

ча. Князь же Андрей Александрович пошел из Владимира на Городец, а оттуда пошел в Орду к хану с советником своим и спешником Семеном Толниевичем и с иными многими спешниками своими. И принял его хан с честью; ибо везде говорил князь Андрей про свою правду, право быть пред старшим своим братом, с спешниками своими и вины возлагал на брата своего: «Поскольку тебе, хану, повиноваться и даней твоих тебе платить не хочет». И так вот второй раз воздвиг гнев ханский на старшего своего брата.

Святослав тверской. Даниил московский на вел. кн. Дмитрия. Дмитров. Мир князей. В тот же год знамение было на небе. В тот же год князь великий тверской Святослав Ярославич с тверичами, и князь московский Даниил Александрович, внук Ярослава, с москвичами, и новгородские посадники с новгородцами пошли ратью к Переславлю на великого князя Дмитрия Александровича. Он же, услышав про сие, воззрел на небо, вздохнул, и прослезился и сказал: «Видишь, Господи, неправду сию, ибо не обидел их я, ни же какую неправду к ним не сотворил. Почему сии восстают на меня и гонят меня беспрестанно, стараясь мою душу изъять от меня, и дружину мою сию убить, и память мою истребить. Господи Боже мой, помоги мне и спаси меня». И так, премного плавав, уселся на коня и пошел против них с воинствами своими во град Дмитров. Они же, не дойдя до Дмитрова, стали и стояли там пять дней, обмениваясь сообщениями; и так примирившись, разошлись.

Андрей с татарами на великого князя. Дмитрий на орду нагайскую. Хан Ногай. В тот же год князь Андрей Александрович принял от хана рать многую, Турай-Темира, Алыя и многих татар, и пошел с ними из Орды, а с ними советник Семен Толниевич и иные многие советники и спешники его, пошел на брата своего старшего великого князя Дмитрия, и много зла сотворили крестьянам. Князь великий Дмитрий Александрович с дружиною своею, и с княгиною, и с детьми, и со всем двором бежал в Орду к хану Ногаю на Волгу и сказав ему все по порядку, извещая ему со слезами, и многие дары дал ему и всем князьям его. Хан же Ногай выслушал его и держал его во чести.

Татары на Литву. В тот же год воевали татары Литву и со многим полоном возвратились в Орду.

6791 (1283). *Турки к Цареграду. Максим митр. Война Литвы с ливонцами. Мир великого князя с братом. Митрополит на Орду.* Поставлен был на Киев и на всю Русь Максим митрополит гречанин патриархом цареградским. В тот же год приходили сарацины ко Цареграду ратью во многой силе, и многие волости повоевали, и со многим пленом возвратились восвояси. В тот же год пришел из Греков на Киев и на всю Русскую землю преосвя-

щенный Максим митрополит, родом гречанин. В тот же год Литва воевали немцев и со многим пленом возвратились восвояси. В тот же год пришел из Орды от хана Ногая князь великий Дмитрий Александрович и примирился с братом своим с князем Андреем Александровичем городецким, пошел Андрей в Нижний Новгород на свое княжение, а Дмитрий сел во Владимире, и разошлись. В тот же год ходил в Орду к хану митрополит Максим и пришел из Орды на Русь. В том же году вошли немцы ратные Невою в Обонежье и много обонежан и новгородских купцов побили. Ладожане же, выйдя, бились с ними в Неве.

Воздаяние злодею. В тот же год князь великий Дмитрий послал двух бояр своих, Антония и Феофана, на Кострому поймать тайно Семена Толниевича, и расспросить его потихоньку обо всем, и убить. Они же, придя, повеление его сотворили, Семена на Костроме поймали и начали пытаться его потихоньку о всем. Он же говорил им: «Напрасно расспрашиваете меня, я же правдою и истиною служил своему господину князю Андрею Александровичу; а что какие между ними их с братом его были брани или обиды, или о спорах, которые ведут они меж собою, я ведаю только, что служил своему господину от всего сердца». Говорили ему Антоний и Феофан: «Кто поднимал из вас хана ордынского и приводил его татар на нашего господина великого князя Дмитрия Александровича?». Говорил Семен: «Я сего дела не знаю; если хотите истинно сведать, спросите господина моего князя Андрея Александровича, и тот вам во всем ответ даст». И говорили Антоний и Феофан: «Если хоть что-нибудь скрыл от нас из бывшего, и нынешнего настоящего, и впредь предстоящего быть от твоего господина нашему господину, убьем тебя». Говорил Семен: «Суетен ваш совет, поскольку господин ваш взял с нашим господином мир и любовь, и укрепились крестным целованием в мире и в любви быть. Да сие ли есть мир и любовь вашего господина и вас, что убивать бояр нашего господина? Воистину суетно есть дело ваше». И так убит был на Костроме Семен повелением великого князя Дмитрия Александровича.

В тот же год князь Андрей Александрович городецкий перестал заодно быть со старшим своим братом великим князем Дмитрием Александровичем владимирским, ибо и известился от неких со временем, что его повелением убит был боярин его Семен. И тужил весьма о нем князь Андрей Александрович городецкий, и из-за того многие брани и расколы происходили, и нелюбовь меж ними еще более становилась. В тот же год были громы великие и молния, ветры с вихрем страшные.

6792 (1284). *Затмение солнца. Немцы в Неве побиты.* Позваны были епископы все русские в Киев к Максиму митрополиту. В тот же год было знамение на небе, солнце погигло. В тот же

год немецкий Трунда воевал, с немцами в ладьях и шнеках вошли Невою в озеро Ладожское, желая на Кореле дань взять. Новгородцы же с ладожанами, выйдя, стали на устье Невы, и дождав-шись немцев, всех побили, и мало их убежало. Было сие сентября 9-го дня.

Ахмат, баскак курский. Слободы Рьльские. Липецкий князь. Олег курский. Святослав рьльский. Хан Телебуга. Татары на курских. Купцы немецкие. Курское и Рьльское княжества разорены. В тот же год сотворилось зло в великом княжестве в Курском. Был же обычай ханам ордынским и князям его на всей Русской земле дань взимать; иногда ж откупали даньские пошрины русских князей, иногда ж сами князи на своих княжениях собирали дани и отвозили в Орду, иногда ж татарские ордынские гости своей ради корысти откупали дани и так наживу себе приобрета-ли. Был же некто тогда князь татарский злохитрый, и корыстный, и лукавый весьма, имя ему Ахмат, Темиров сын, держал баскаче-ство Курского княжения. Сей же баскак Ахмат принимал у татар дани всякие в Курском княжении и многую тягость творил кня-зям и черным людям. Не сие же только одно, но еще к тому со-творил себе две великие слободы в княжении Олега, князя рьль-ского и волгорского (и верхощкого), и Святослава липецкого, и созвал отовсюду людей много, и было им от него все, что хотели, и запреты повсюду велики. И так умножились люди в слободах тех, и были там торги и мастера всякие, и были те две великие слободы, как грады великие. Исходили люди из тех слобод, и насилие и обиду творили многую в Курском княжении, и около Горгала, и около Рьльска, и около Липецка все пусто сотворили. Князь же Олег Рьльского княжения и князь Святослав Липецкого княжения сродники были меж собою, иногда же были в любви, иногда же во многих враждах и бранях; бывали же и разбои от них в слободах тех Ахматовых баскака Курского княжения, на-рицания им бывали многие от Ахмата, и снова смирялись меж собою с Ахматом; а хан ордынский сего не ведал. Когда же ум-ножилось еще более в слободах тех отовсюду людей, и бывало насилие от них волостям Олеговым и Святославовым, и так Олег и Святослав начали мыслить о сем и советовались много. Пошел князь Олег рьльский и волгорский о том в Орду с жалобою к ха-ну Телебуге по совету и по слову со сродником своим с князем Святославом липецким. Хан же Телебуга дал приставов князю Олегу, повелел те слободы разорить, а люди из слобод тех выве-сти в свою их волость. Князь же Олег рьльский и волгорский еще в Орде у хана был, а сродник его князь Святослав липецкий при-шел ратью на слободы те Ахматовы, и много пограбив, возвра-тился и пошел в Орду за сродником своим Олегом к хану Телебу-ге с жалобою на баскака Ахмата. И хан дал им приставов и от-

пустил их в вотчину их на Русь. Пришли же князи Олег и Святослав с татарами, и повелели князи людям своим пограбить обе те слободы, иных побили, а иных пленили и поковали их у себя, а своих людей вывели во свои вотчины. Ахмат же баскак был тогда в Орде у Ногая хана. И слышав, что слободы его на Руси разграблены были от Олега, князя рыльского и волгорского, и от Святослава липецкого, оскорбился весьма и оклеветал их хану Ногаю, говоря такое: «Князь Олег рыльский и князь Святослав липецкий только именем князи, а делом разбойники, а тебе супротивники ратные они. Если же, хан, мне не имеешь веры, да хочешь истинно уведать о сем, есть в княжении Олега много мест для ловли лебедей, и ты пошли к ним сокольников своих, да уловят тебе лебедей, а князь Олег с ними же, и да позовут сокольники твои князя Олега к тебе. Да если сотворит Олег по слову твоему волю твою, то я ложь говорю, а Олег правду». Хан же послал сокольников своих сотворить так; и потом князя Олега позвали к нему. Олег же не пошел ко царю в Орду, ибо боялся, ибо если и сам не пограбил слобод тех, но люди его творили разбой в слободах тех, а князь Святослав липецкий не по совету Олегову ночью приходил на слободы те, разбойничал. И того ради боялся Олег и недоумевал, что сделать, и про то их разбойники знали, и была о том Олегу со Святославом брань великая. Сокольники же ханские все сие слышали, и ловили на лове лебедей, и пошли в Орду ко царю Ногаю, и звали к Ногаю Олега, и не пошел он. Они же все сие сказали хану Ногаю и говорили: «Баскак Ахмат прав был, а князь Олег и Святослав разбойники и не слушаются тебе. Мы на местах для ловли лебедей соколов и лебедей ловили, а Олег твоего слова не послушал, и нас сильно обидел, и к тебе не идет. И о сем же разумей, что враждебен тебе Олег». Хан же разгневался и призвал Ахмета, баскака курского, говорил ему так: «Виновен князь Олег пред тобою и мне враждебен. Вот я посылаю на него рать свою, и ты иди с ними». И призвав Темира князя и татар, и сказал ему: «Иди с татарами сими на князя Олега и княжение его пустым сотвори, а бояр его выдай головою Ахмату баскаку, да что хочет над ними сотворит; а самого князя Олега приведите ко мне». Татары же пришли ратью ко граду Ворголу месяца января в 13 день, после Крещения Христова. Была же тогда зима люта и студена весьма. Слышав же сие, князь Олег побежал скоро в Орду и с женою, и с детьми ко своему царю Телебуге; а сродник его князь Святослав липецкий побежал в Рязань в леса воронежские. И гнались татары за князем Олегом и не настигли его, а иные татары гнались за князем Святославом и не настигли. Бояре же Олеговы бежали вслед за князем своим Олегом. Гнавшись же за Олегом, татары возвратились обратно, и встретились с боярами Олеговыми, и взяли их. И придя в княжества Олегово и Свято-

славово, выжгли, и старейших бояр взяли 13 человек, и стояли 20 дней, воюя по всему княжеству, а слободы те наполнили людьми, и скотом всяким, и всем богатством волгорским, и рыльским, и липецким. Затем стали и повелели пред собой привести бояр Олеговых, были же покованы бояре в железах немецких по два. Тогда же случилось в земле той быть гостям знатным немецким и цареградским, и тех привели покованных в железах, а уведав о них, что гости они, повелели их расковать и весь их товар, разыскав, отдать им целый и не вредить их ничем никому, говоря: «Вы купцы, куплю делаете, по землям ходите, а сие расскажите так: если кто станет держать спор со своим баскаком, так же сему будет, как и сим князям». И выдали бояр старших Олеговых баскаку Ахмату, говоря: «Ханское слово такое есть: да ты что хочешь над ними сотворить можешь». И пошли в Орду к царю со многим полоном и богатством, землю всю пустой сотворили. А Ахмат баскак выданных ему бояр побил, и на колы насадил, и пошел после этого в Орду. А воевод своих в слободах оставив два брата своих и с ними татар, много же у них служили и руси, заповедал им охранять слободы те; а сам не смел жить в Руси, так как не взял же ни одного князя. И установили ясак, и так взымали дани и пошлины. Сие же сотворилось грехов ради наших и неправды ради князей, поскольку жили в неправде и вражде. И много мог бы о сем написать, но оставим сие долги ради, ибо целый год мне понадобится, чтобы повествовать о сих.

6793 (1285). *Святослава крайняя дерзость*. Пришел в Орду к царю Ногаю баскак Ахмат, а в двух слободах оставил двух братьев своих охранять слободы его. Братья же его из одной слободы в другую пошли, а русских людей, у них служащих, пошло с ними 35 человек. Слышал же сие князь Святослав липецкий и задумал со своими боярами и с дружиною своею без Олегова совета, начали стеречь их на пути. И шли сии без опаски, и ударили на них со своею дружиною, и убили 25 человек руси да двух татариннов. А те два брата Ахмата баскака убежали в слободу. И собрались слобожане, и бой сотворили с князем Святославом, и многие от обоих убиты были. Сие же сотворил князь Святослав без Олегова совета, стараясь сделать добро учинил, но большую пакость себе и Олегу сотворил и примириться о сем не хотел, поскольку смирение все козни и сети диавольские разрушает. И так возстала вражда многая.

В тот же год после Великого дня в неделю Фомы побежали те два брата Ахмата, баскака курского, и слобожане к Курску. На следующее же утро в понедельник и прочие слобожане убежали все, и поднималась молва и брань великая. Князь же Святослав липецкий в смирение не приходил, и о всем о том не заботился, и не боялся, полагая себя ото всех непобедимым. Прислал

же к нему из Орды Ахмат баскака, да примирится с ним. Он же посла его убил.

Олегово благоразумие. Святославово упрямство. Умер Святослав липецкий. Умер Олег рыльский. В тот же год пришел из Орды от хана Телебуги князь Олег рыльский и волгорский, и сотворил память побитым своим боярам и всем убитым здесь, и послал к князю Святославу липецкому, говоря: «Что ты, брат, так учинил, правду свою и мою в неправду обратил, возложил ты на себе и на меня имя разбойническое. До сих пор же ты многие разбои содеивал и зимой разбивал слободы баскаковы, а ныне ты на пути разбил братию его и слободы, и на те слободы также разбоем приходил. Ведаешь, брат, что сей обычай есть татарский, а у нас в христианах не добро есть неправда и разбой, и от всех мерзость, и ненавидимо оно. От Бога же всяко мечь придет в сем веке и в будущем. Покайся, брат, о сем и живи мирно по закону христианскому, пойдя в Орду, утешь и уласкай хана и князей его». Князь же Святослав отвечал, говоря: «Почему так заботишься, что тебе есть до меня? Я сам знаю себя и что хочу, то творю. А что баскаковы слободы грабил, в том я прав, не человека я обидел, но зверя, но еще же особенно врагам своим мстил, неверным язычным татарам. И какой мне есть в сем укор от Бога ли, от людей ли, язычных кровопийцев побивать?». И говорил князь Олег рыльский: «Скреплено между нами было с тобою жить мне заедино и по совету мне с тобою, а тебе со мною все творить. И ты крестное целование забыл, и все ни во что же положил ты. Татары же пришли на нас ратью, и я побежал в Орду к хану, а ты со мною не бежал, и остался в Руси, и был со всеми боярами своими в лесах воронежских того ради, чтоб тебе разбойничать. И ты так и сотворил, много разбойничал ты, и беды и напасти мне и себе || много сотворил, и княжение свое и мое до конца погубил. Если бы ты пошел со мною в Орду, по силам было нам Божиею помощию с Ахматом баскаком пред царем потягаться. И ты дерзнул разбой творить и таковую вражду без вести сотворил, а ныне без страха сел во своем княжении как всемогущий, а ничтожный по сути, а к своему хану Телебуге или к Ногаю оправдываться не идешь. И вот беда к беде и напасть к напасти прибывает, да как меня с тобою Господь Бог рассудит». После того пошел князь Олег к хану в Орду. И придя из Орды с татарами, по ханову слову сродника своего князя Святослава липецкого убил. И сел в Липецком княжении после брата своего Святослава брат его князь Александр, и много плакал и умилялся о брате своем Святославе, что убит был от Олега, князя рыльского; и не могши терпеть, пошел в Орду к хану со многими дарами, и приняв от него рать, пришел с татарами и убил князя Олега рыльского и двух сынов его Давыда и Симеона. И долгая же и велика сия

повесть, но множества ради оставлена была; ибо может и малая сия повесть человеку, ум имущему, плач и слезы сотворить.

В тот же год князь Андрей Александрович городецкий, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, к новгородцам крест целовал, что не отступаться ему никак от Новгорода; а новгородцы ему целовали, что иного князя не искать. Сие ж было укрепление в Торжке.

Кн. вел Дмитрий на Новгород. В тот же год князь великий Дмитрий совокупил силу многую, желая идти ратью на младшего своего брата на князя Андрея городецкого. Он же убоился и Новгород ему уступил. Князь же великий пошел ратью с татарами к Новгороду и много зла сотворили земле их. Новгородцы же стали бить ему челом. И сел у них князь великий Дмитрий Александрович, многих крамольников взял. В тот же год преосвященный Максим, митрополит киевский всея Руси, по обычаю своему ходил по всей земле Русской, учил и наказывал, управлял. Затем пришел в Новгород, и встретил его князь великий Дмитрий с великою честью. Потом же был он и во Пскове, там и воздали ему честь великую.

Андрей снова на брата. Татары побиты. В тот же год представился князь Роман Владимирович угличский, внук Константина Мудрого. Князь же Андрей Александрович городецкий привел из Орды султана на старшего своего брата великого князя Дмитрия Александровича. Были же татары в набегах здесь и там, князь же великий Дмитрий Александрович собрался со многою ратью и пошел на них. И побежал султан в Орду, а князь великий Дмитрий бояр Андреевых переловил.

6794 (1286). *Роман Брянский на Смоленск. Ксения, супруга Ярославова. Литва на тверские волости. Женился Иван.* Князь Роман Брянский пришел ратью к Смоленску, и посад пожег, и ко граду приступал, и волости и села повоевал, и отошел восвосяи. В тот же год благословением епископа Симеона тверского князь Михаил Ярославич тверской с матерью своею великою княгинею Оксиньею соборную церковь, что была прежде Козьмы и Дамиана, переменили во имя святого Спаса Преображение и поставили каменную. В тот же год Литва воевала тверского владыки церковную волость Олешку и прочие. Совокупились же тверичи, и москвичи, и волочане, и новоторжцы, и дмитровцы, зубчане и ржевичи, и гнались за ними, побили и полон отняли, и князя их Довмонта взяли. В тот же год женился князь Иван Дмитриевич переславский, внук Александров, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, у князя Дмитрия Борисовича ростовского, а внука Василькова.

6795 (1287). *Раздел ростовских. Михаил белозерский. Родился Александр. Родился Михаил. Умер еп. Феодор.* Князи ростов-

ские Дмитрий Борисович, внук Васильков, да брат его Константин Борисович разделили себе вотчину. Старший брат князь Дмитрий Борисович сел в Ростове, а младший его брат князь Константин Борисович сел на Угличе Поле, а брат их из двоюродных князь Михаил Глебович, внук Васильков, сел на Белоозере. В тот же год родился князю Дмитрию Борисовичу ростовскому сын Александр. В тот же год родился князю Константину Борисовичу угличскому сын Михаил. В тот же год преставился Федор, епископ владимирский, и суздальский, и нижегородский (Новгорода Нижнего). В тот же год князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, пошел ратью ко Твери. В тот же год Симеон, епископ тверской, освящал церковь деревянную во Твери святого Спаса внутри каменной, еще не законченной, из больших камней, и служили в ней. А мастера делали церковь святого Спаса каменную. В тот же год заложена была церковь святых мучеников Бориса и Глеба в Ростове.

6796 (1288). *Еп. Иаков суздальский. Умер еп. Игнатий ростовский.* Преосвященный Максим, митрополит киевский всея Руси, поставил в Киеве Иакова епископа Владимиру, и Суздалью, и Новгороду Нижнему. В тот же год преставился Игнатий, епископ ростовский, чудотворец. В тот же год в Ростове сгорела церковь святого Михаила от грома месяца июля в 14 день.

Умер еп. Симеон тверской. В тот же год преставился блаженный Симеон, епископ тверской. Был же сей добродетелен и учителен, и силен в книгах божественного Писания, князей не стыдился, но говорил слово Христово право и истинно, ни перед кем не отступаясь, всем неправду творящим воспрещая, честен и смышлен весьма, премного же чтил княжеский чин, и нищих, и сирот, и вдовиц жаловал, и за обидимых заступался, и насилуемых избавлял. И был опасен всем неправду творящим, ибо все его боялись и трепетали. Положили же тело его в церкви святого Спаса на правой стороне месяца февраля в 3 день, на память святого Симеона богоприимца и Анны пророчицы.

Татары на Рязань. В тот же год князь Елортей ордынский, Темиров сын, приходил ратью на Рязань, и воевали Рязань, Муром, Мордву, и много зла сотворив, пошли восвояси.

Константин. В тот же год поссорились князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого с князем Михаилом Ярославичем тверским, внуком Ярославовым, правнуком Всеволодовым, праправнуком Юрия Долгорукого, и начали оба рать совокуплять с братиею своею родною, с князем Андреем Александровичем городецким и с великим князем Даниилом Александровичем московским, также с ним и князь Дмитрий Борисович ростовский, внук Васильков, правнук Константинов. И пошли к Кашину, и стояли под

Кашиным 9 дней, и все пустым сотворили, и Константин сожгли. И оттуда восхотели идти ко Твери. И князь Михаил против вышел со своею силою; и так начали посланиями обмениваться и, примирившись, разошлись.

6797 (1289). *Еп. Тарасий ростовский. Еп. Андрей, князь литовский тверской. Ростовский князь в Орду. Татары на Литву.* Преосвященный Максим, митрополит киевский всея России, поставил в Киеве Тарасия, игумена монастыря святого Иоанна Богослова, в епископы Ростову. В тот же год князь Михаил Ярославич тверской, внук Ярослава, с матерью своею великою княгинею Ксениею послали игумена Андрея монастыря общего пречистой Богородицы в Киев к Максиму митрополиту, и поставлен был в епископы во Тверь. Был же сей литвин родом, сын князя Герденя литовского. В тот же год князь Дмитрий Борисович ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволодов, преправнук Юрия Долгорукого, да брат его Константин Борисович угличский пошли в Орду к хану и с женами своими. Хан же держал их в чести и отпустил их с честью. В тот же год татары ходили Литву воевать, возвратились со многим полоном в Орду.

6798 (1290). *Родился Иван. Война ростовских с тверскими. Смятение новгородцев. В татарах смятение.* Освящена была во Твери церковь соборная епископская святого Спаса Андреем, епископом тверским. Был же сей епископ родом литвин, сын Герденя литовского князя. В тот же год родился великому князю Дмитрию Александровичу владимирскому сын Иван. В тот же год ходил князь Дмитрий Борисович ростовский ко Твери ратью с новгородцами, воевода ж новгородский посадник Андрей, и тверичи с новгородцами примирились. А князь Дмитрий Борисович ростовский со своими ростовцами пошел ратью к Кашину, и там мир заключив, разошлись. В тот же год в Новгороде убили посадника Самуила Родионовича, и собрались новгородцы в доспехах, и взяли Прусскую улицу, и дома там разграбили и пожгли. В тот же год в татарах было нестроение, а на Руси была тишина.

6799 (1291). *Постриглась дочь Ярославова. Затмение луны. Война татар. Тохта, Телебуга, Солгуй. Родился Василий. Женился Иван. Умер Александр.* Дочь великого князя Ярослава Ярославича тверского постриглась во святой ангельский иноческий образ, девою будучи, в Девичье монастыре. В тот же год было знамение в луне, была как кровавая и потом переменилась во тьму. В тот же год поссорились в Орде ханы Тохта с Телебугою и Солгуем, и одолел Тохта. В тот же год Ногай хан убил Телебуга хана и Солгуя. В тот же год родился у князя Константина Васильковича ростовского сын Василий. В тот же год в татарах была крамола великая, брань и убийство, и на Руси тишина. Женился князь Иван Дмитриевич переславский, внук Александров, взял дочь князя Дмитрия Бори-

совича ростовского, и венчан был в церкви святого Спаса в Ярославле. В тот же год преставился у великого князя Дмитрия сын Александр в Орде. В том же году побил мороз все обилия. В тот же год было знамение на небе, страшные фигуры стояли в ночи на воздухе словно полк воинский, и на полудни также, и на полуночи.

6800 (1292). *Князи в Орду. Челобитъе на великого князя. Татары на великого князя. Владимир взят. И все города разорены.* Пошли в Орду к хану князи русские и жаловались на великого князя Дмитрия Александровича владимирского, внука Ярославова, правнука Всеволодова: брат его младший князь Андрей Александрович Городецкий, князь Дмитрий Борисович ростовский, да брат его князь Константин Борисович угличский, да из двоюродных брат их князь Михаил Глебович городецкий, да тесть князя Михаила Глебовича белозерского князь Федор Ростиславич ярославский и смоленский, да князь Иван Дмитриевич ростовский, да епископ Тарасий ростовский. Хан же расслышал их жалобу и хотел послать в Русь за великим князем Дмитрием, затем потом на иную мысль переменял и отпустил с ними брата своего Дюденя со множеством воинов. И пошел из Орды с татарами на брата своего старшего великого князя Дмитрия брат его младший князь Андрей и князь Федор Ростиславич ярославский, внук Мстислава, пращур Владимира Мономаха, с ними же иные князи; а князь великий был тогда в Переславле. Слышав же сие, люди переславские разбежались все, затем и сам князь великий с дружиною своею бежал к Волоку и оттуда ко Пскову, и так в волнение пришла вся земля Суздальская. Рать же татарская с князем Андреем Александровичем Городецким и с князем Феодором Ростиславичем ярославским, придя, взяла Владимир, и церковь владимирскую разграбили, и чудное дно медное выдрали, и сосуды священные все забрали, и Суздаль, и Юрьев, и Переславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можайск, Волок, Угличе Поле, всех градов взяли 14, и всю землю пустой сотворили, а во Твери не были, ибо заступился за него Бог. Собралось же тогда во Твери отовсюду беглых много, и все совещались меж собою с татарами биться. Князь же Михаил Ярославич тверской тогда шел от хана из Орды, того не ведал и прошел мимо Москвы сквозь татар, и некий человек сказал ему про сию напасть, и проводил его на путь мирный; и так дошел в добром здравии в свое великое княжение во Тверь.

Новгородцы с воеводами княжими ходили воевать на емь в их землю и, повоевав, возвратились здравы. В то ж лето пришли свии 800, и 400 пошли в Корелу, а 400 по Ижоре. Ижорцы ж, собравшись, своих побили, а корела также пришедших к ним побили, и погибли все свии.

6801 (1293). *Новгородцев откуп. Татары на Тверь с Тохтамирлом.* Князь великий Дмитрий Александрович со своею дружи-

ною прибежав во Псков; татары же восхотели идти к Новгороду и ко Пскову. Новгородцы ж прислали к султану Дюденю и ко всем татарам послов своих Семена Клементьевича да Ивана Михайловича со множеством бесчисленным даров, чтобы оные не ходили ратью к Новгороду и волостей их не воевали. Они же, взяв множество даров, возвратились во свою землю в Поле, пошли в Орду. Той же зимой князь Федор ярославский сел на княжение в Переславле, а князь Андрей Александрович городецкий сел на княжении в Новгороде. В тот же год султан, именем Тохтамир, пришел из Орды на Тверь и многую тягость учинил людям.

6802 (1294). *Царь Тохта. Умер Феодор рязанский.* Хан Тохта сел в Орде, а Ногая хана ордынского победил. В тот же год князь Андрей Александрович пришел из Новгорода с новгородцами в Торжок, желая перехватить на пути великого князя Дмитрия Александровича. В тот же год преставился князь Феодор Романович рязанский.

Бой великого князя с Андреем. В тот же год князь великий Дмитрий Александрович пошел из Пскова во Тверь мимо Торжка. Брат же его младший князь Андрей Александрович городецкий перехватил его на броду. Сам же князь великий Дмитрий Александрович перешел чрез реку, а казну его не успели переправить, и брат его князь Андрей Александрович казну его отнял, всю взял и погнался за ним вслед с новгородцами. Он же бежал во Тверь и послал к нему из Твери с молением владыку тверского Андрея и князя Святослава с поклоном. Князь же Андрей послушал владыку Андрея и князя Святослава и возвратился в Торжок, а Волок опять возвратил к Новгороду. И князь Иван Дмитриевич сел на Костроме, а князь Андрей Александрович из Торжка пошел в Городец на Низ.

6802. (1294). *Умер вел. кн. Дмитрий.* Князь великий Дмитрий Александрович пошел из Твери к Волоку и там разболелся. В тот же год князь Федор Ростиславич ярославский пожег весь град Переславль. В тот же год князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Мономаха, пращур Всеволода, препращур Ярослава, препрапращур Великого Владимира, постригся во святой иноческий ангельский образ и в схиму и преставился. И везли его в Переславль, и положили в церкви святого Спаса; княжил лет 18. Его сыновья: князь Иван переславский.

45. АНДРЕЙ III, СЫН АЛЕКСАНДРА

Умер Дмитрий ростовский. Константин ростовский. Александр угличский. Федор ярославский. Женился Михаил тверской. Женился вел. кн. Андрей. Умер еп. Василий рязанский. После

смерти великого князя Дмитрия сел брат его князь Андрей Александрович на великом княжении во Владимире. В тот же год представился князь Дмитрий Борисович ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволодов, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Мономаха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича. И сел после него на княжении в Ростове брат его князь Константин Борисович угличский, а на Угличе сел на княжении сын его князь Александр Константинович, внук Борисов, а в Ярославле сел на княжении князь Федор Ростиславич, внук Мстиславов, правнук Давыдов. В тот же год женился князь Михаил Ярославич тверской, взял Анну, дочь князя Дмитрия Борисовича ростовского, и венчан был в соборе святого архангела Михаила в соборной церкви святого Спаса епископом Андреем тверским. И была радость великая во Твери. В тот же год князь великий Андрей Александрович владимирский, внук Ярослава, женился, взял дочь Василька ростовского. Преставился Василий, епископ рязанский.

Война со шведами. В тот же год, придя, свии поставили град на Корельской земле. В тот же год князь великий Андрей Александрович послал князя Романа Глебовича с новгородцами, и Юрия Михайловича, и Андрея тысяцкого ко граду свейскому. И пришли они туда на Похвальную неделю, и многих новгородцев с города побили, Ивана Клековича, великого, и храброго, и славного мужа, с города застрелили, и многих ранили. Затем настала оттепель великая, и была нужда великая и людем, и коням. И едва возвратившись, ушли восвосяси, и многие мертвые остались, а Иван с той раны и преставился.

6803 (1295). *Еп. Симеон суздальский.* Князь великий Андрей Александрович пошел в Орду к хану и с княгинею своею. В тот же год погорел град Тверь весь. В тот же год преосвященный Максим, митрополит киевский всея Руси, поставил Симеона епископа Владимиру, и Суздаю, и Новгороду Нижнему.

6804 (1296). *Суд пред послом татарским. Съезд у Юрьева.* Была брань меж князьями русскими о вотчине. Хотел князь великий Андрей племяннику своему Ивану Дмитриевичу Переславль отнять. Князь же Иван пошел в Орду, а после себя приказал вотчину свою Переславль блюсти свояку своему князю Михаилу Ярославичу тверскому. И князь Михаил вступился, не пустил великого князя в Переславль. Был же тогда посол от хана из Орды Неврюй. У великого князя у Юрьева сошлись с воинами многими, каждый князь свою обиду пред послом говорил. И стали с одной стороны князь великий Андрей да с ним князь Федор Черный Ростиславич ярославский и Константин Борисович ростовский, а на другой стороне против них стали князь Даниил Александрович московский, да князь Михаил Ярославич тверской, да

с ними переславцы заодно. И тут едва не было кровопролитие, примирил же их владыка Симеон владимирский, и суздальский, и нижегородский. И так поделивши княжения, разошлись каждый восвосяси.

Война князей русских за Переяславль. В тот же год князь великий Андрей собрал рать многую, желая идти к Переславлю, и к Москве, и ко Твери. Князь же Михаил Ярославич тверской, князь Даниил Александрович московский против него собрали рать многую, и, придя, стали близ Юрьева полчищем, и не дали идти великому князю к Переславлю. А князь Иван Дмитриевич переславский, внук Александров, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, в то время был в Орде; а идя в Орду, приказал им блюсти вотчину свою Переславль. И так, обмениваясь посланиями, примирились.

6805 (1297). *Зубцов. Женится Юрий.* Поставлена была церковь во Твери святого Афанасия, в тот же год и освящена была. В тот же год срублен был во Тверском княжении на Волге городок Зубцов. В тот же год женился князь Юрий Данилович в Ростове, внук Александров, правнук Ярослава, праправнук Всеволода. В том же году поставили новгородцы город Копорье снова.

6806 (1298). *Пожары. Сухмень. Война ярославского князя на смоленского.* Во Твери загорелись сени под великим князем Михаилом Ярославичем тверским, и сгорел двор князя весь. Божию же милостию пробудился сам князь Михаил и выкинулся и с княгинею своею в окно; а сени полны были княжат и боярченков спящих, и много стражей, и никто ж не слышал. И так иные избежали, а иные сгорели, и казна княжая вся сгорела, и одежды все погорели. В тот же год болезнь была тяжкая весьма великому князю Михаилу Ярославичу тверскому. В тот же год сухмень была великая, и загорались леса, и боры, и болота, мхи, и поля, и была нужда великая и мор на скот. В тот же год князь Феодор Черный Ростиславич ярославский собрал рать многую, пошел к Смоленску на племянника своего князя Александра Глебовича, внука Ростислава, правнука Мстислава, праправнука Давида, препраправнука Ростислава, пращура Мстислава, препращура Владимира Мономаха. И пришел под град, и стоял много, и бился крепко, и возвратился в Ярославль, града не взяв. В том же году пришли быстро немцы на Плесков и многую пакость учинили, все посады пожгли.

6807 (1299). *Умер еп. Климент новгородский. Митрополит из Киева. В Белой Руси. Постригся кн. Феодор ярославский. Смерть кн. Феодора. Умер Ярослав рязанский. Родился Дмитрий. Война татар.* Было знамение на небе, огородилось было солнце грозно. В тот же год преставился Климент, архиепископ новгородский, и положен в церкви святой Софии в притворе. В тот же

год преосвященный Максим митрополит, не терпя насилия от татар в Киеве, пошел из Киева, и весь Киев разошелся; а митрополит пошел из Киева ко Брянску, а от Брянска в Суздальскую землю; и так пришел с церковнослужителями и со всем житием своим, и сел во Владимире, и в Суздале, и в Новгороде Нижнем, и прочис там прилежащие места. А Симеона владимирского послал в Ростов и дал ему ростовскую епископию. В тот же год новгородцы с князем своим Борисом Андреевичем, внуком Александровым, изволили себе Феоктиста, игумена благовещенского, если митрополит благословит его; и взяли его с челобитьем, и посадили его на дворе владычнем, до тех пор пока не уведают, где Максим митрополит всея России. В тот же год постригся во святой ангельский иноческий образ князь Федор Черный ярославский, сын князя Ростислава смоленского, внук Мстислава, правнук Давыдов, праправнук Ростислава, препраправнук Мстислава, прашур Владимира Мономаха, препрашур Ярослава, препрашур Великого Владимира, и вскоре преставился во святом ангельском иноческом образе и в схиме; положен был в церкви святого Спаса в Ярославле. От него же тогда много чудес было и ныне многие бывают чудеса исцеление бесчисленные всем приходящим с верою. В тот же год преставился князь Ярослав Романович пронский. В тот же год родился великому князю Михаилу Ярославичу тверскому сын Дмитрий. В тот же год пришли немцы ко Пскову спешно, и посад пожгли, и людей много побили, и град обступили. И вышел на них Довмонт, князь псковский, и была сеча злая у святого Петра и Павла на берегу, каковой не бывало у Пскова, побили псковичей много. И Божию помощию одолели псковичи и побили немцев, а иные утонули. А вилневичей князь Довмонт псковский, поймав, послал во Владимир к великому князю Андрею Александровичу владимирскому. В тот же год хан Тохта во второй раз ходил на хана Ногая и победил его.

6808 (1300). *Канцы. Ландскрона.* Пожар был в Новгороде великий весьма с ветром и с вихрем, и много святых церквей и людей сгорело. В тот же год пришли немцы в силе великой свейские в реку Неву, привели с собою мастеров премудрых и хитрых весьма осадных из Рима от папы римского, и силу многую от папы взяли на помощь себе. И поставили град в земле Корельской на устье Охты реки, и нарекли его Венец Земли. Утвердили же его твердостью великою, и оставили в нем восводу, именем Остенья, со множеством особых людей, и отошли с воеводами и с мудрыми хитростями папы и короля в землю свою.

Еп. Феоктист новгородский. Умер кн. Довмонт псковский. В тот же год пришел преосвященный Максим митрополит в Новгород и во Псков, а с ним Симеон, епископ ростовский, и Андрей, епископ тверской, и поставил с двумя теми епископами Феокти-

ста, игумена благовещенского, архиепископа Новгороду и Пскову, на память святых апостолов Петра и Павла, и была радость великая в Новгороде. В тот же год в Новгороде заложили церковь каменную святого Михаила на Михайловой улице. Преставился князь Довмонт псковский, был воин великий и ревнитель веры христианской.

6809 (1301). *Бури.* Были ветры великие, и бури многие грозные, и вихри сильные, и громы страшные, и молния, дожди великие, что всем людям вострепетать и ужаснуться; и настолько были тучи сильные, что в один час только рвы и овраги как бездны сделались. Ветры же с вихрем многие церкви и дома жительские до основания вырвали, верхи срывали и с полу храмы великие снимали, сих невозможно исцесть.

Война московского на Рязань. Константин пленен. В тот же год князь Даниил Александрович московский приходил ратью на Рязань, и бились у града Переславля. И князь Даниил Александрович московский одолел, и много бояр и людей побил, а князя их Константина Романовича рязанского некою хитростию, кривою их же бояр рязанских, взял и привел его с собою к Москве. И держал его у себя в бережении и в чести всякой, ибо хотел себя с ним укрепить крестным целованием, и отпустил его в его вотчину на княжение Рязанское.

Александр смоленский на Дорогобуж. Андрей вяземский. Смоленчане побиты. В тот же год князь Александр Глебович смоленский, внук Ростислава, правнук Мстислава, праправнук Давыдов, препраправнук Ростислава, пращур Мстислава, пращур Владимира Мономаха, ходил с ратью к Дорогобужу, и град обступил, и воду отнял, и много зла людям сотворил. Князь же Андрей вяземский пришел на них под Дорогобуж ратью и помог дорогобужцам. И убили тогда под Дорогобужем у князя Александра Глебовича смоленского сына его, а самого князя Александра Глебовича и брата его князя Романа Глебовича ранили; а рати его, смоленчан, убили двести человек.

Канцы взяты. В тот же год князь великий Андрей пошел ратью с владимирцами и новгородцами на немцев, и взяли град немецкий Венец на реке Неве, и сожгли, а людей побили; и была премудрость их и крепость града ни во что же без Божией помощи по писаному, если Господь не сохранит град, напрасно бдение строгое. В тот же год погорел град Торжок.

Съезд князей. Родился Александр. В тот же год был съезд всех князей в Дмитрове о княжениях, и была молва великая: князь великий Андрей, князь Михаил Ярославич тверской, князь Даниил Александрович московский, князь Иван Дмитриевич, внук Александров, переславский. И поделились вотчинами меж собою, и примирились в любви о Христе. А князь Михаил Яро-

славич тверской с князем Иваном Дмитриевичем переславским не довершили, мира и любви меж собою не взяв, разошлись. В тот же год родился князю Михаилу Ярославичу тверскому сын Александр.

6810 (1302). *Комета. Подстриги. Умер Иоанн переславский. Переславль в Москве. Даниил в Переяславле. Умер Борис.* Была буря сильная очень, и много пакости было людям: хоромы ломало, и леса ломило, и людей и скот било. В тот же год было знамение на небе, явилась звезда на западе, лучи вверх испуская, как хвост, к полудню ниц. В тот же год были постриги у князя Михаила Ярославича тверского сына Дмитрия. В тот же год преставился князь великий Иван Дмитриевич переславский, внук Александров, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Мономаха, прапращур Всеволода, препрапращур Ярослава Владимировича, месяца мая в 15 день. Был же без чад, и был тих, и кроток, и смирен, и любовен, и милостив, и к божественным церквам прилежен весьма, и премного почитал священнический чин и иноческий и любил, и беседовал с ними непрестанно, и к нищим и к странствующим как отец был. И настолько был добродетелен, что многим дивиться о житии его. Благословил же вместо себя вотчину свою Переславль великому князю Даниилу Александровичу московскому, дяде своему, ибо был Даниил отцу его великому князю Дмитрию Александровичу родной брат, мизинный же сын Александров Даниил сей московский, ибо того любил более иных. И сел Даниил в Переславле на княжении, князь Даниил Александрович московский, и наместников своих в нем посадил, а брата своего старшего великого князя Андрея Александровича владимирского согнал. В тот же год князь великий Андрей пошел в Орду к хану. В тот же год преставился князь Борис Андреевич, внук Александров, на Костроме месяца февраля в 25 день. В тот же год в Новгороде заложили град детинец (кремль) каменный Новгороду. В том же году послали новгородцы послов своих к королю данскому за море и заключили мир.

6811 (1303). *Умер Даниил. Юрий московский. Можайск взят.* Постригся во святой ангельский иноческий образ и в схиму князь Даниил Александрович московский, внук Ярослава, правнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, препраправнук Владимира Мономаха, пращур Всеволода, препращур Ярослава, препрапращур Великого Владимира, и преставился месяца марта в 4 день; положен был в церкви святого Михаила архангела на Москве в его вотчине. Его сыновья: Юрий, Александр, Борис, Иоанн, Афанасий. Переславцы ж после смерти его взяли за сына его Юрия и не пустили его из Переславля на погребение отца его. Той же зимой князь Юрий Данилович московский со своею бра-

тием ратью ходил к Можайску и взял его, а князя Святослава поймал и привел на Москву. В тот же год князь великий Андрей пришел из Орды от хана. В том же году в зиме было тепло, и не было снега чрез всю зиму, и не родилось жито, была дороговизна великая.

6812 (1304). *Умер Андрей, вел. кн. Прение о великом княжении. Борис костромской взят.* Князь великий Андрей Александрович постригся во святой ангельский и иноческий чин, образ и в схиму и преставился месяца июня в 22 день; и привезя, положили его на Городце в церкви святого архангела Михаила; княжил 11 лет. А бояре его, Иакинф, боярин его, с иными после смерти его отъехал в Тверь к князю Михаилу Ярославичу тверскому. И не поделили два князя о великом княжении, князь Михаил Ярославич тверской и князь Юрий Данилович московский, и пошли в Орду ко царю в споре и во брани великой; и было волнение на всей Суздальской земле во всех градах. И пошел князь Юрий Данилович московский с братиею своею в Орду, а князя Бориса Даниловича, своего, послал на Кострому. И взяли его бояре князя Михаила Ярославича тверского, и повели его во Тверь. А стерегли тогда на Костроме князя Юрия Даниловича московского, и он прошел иным путем к хану в Орду. И послали тверичи в Новгород Великий наместников князя Михаила Ярославича тверского силою и бесстыдством многим, новгородцы же высокоумие их и бесстыдство ни во что положили. Они же возвратились во Тверь. Новгородцы же послали в Торжок блюсти Торжок, а тверичи к ним, собравшись, пришли. Новгородцы же сказали им: «Претерпите мало, до тех пор пока князи не придут из Орды, и мы тогда себе изберем князя по своей воле, по обычаю нашему старинному». И так разъехались с миром.

Смятение на Костроме. Жеребец. Умер еп. Тарасий ростовский. В тот же год на Костроме было вече на бояр, на Давыда Давыдовича, да на Жеребца, и на иных; и убили тогда Зерна и Александра. В тот же год в Ростове разбились два колокола великие. В тот же год преставился Тарасий, епископ ростовский.

Умер Константин ростовский. Война тверичей на Переславль. Кн. Иоанн в Переславле. Тверичи к Переславлю. Тверичи побиты. В тот же год преставился князь Константин Борисович ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволода, праправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Мономаха, препращур Всеволода, препращур Ярослава Владимировича. *Повесть об убиении Акинфа, боярина тверского.* Когда князь Михаил Ярославич тверской и князь Юрий Данилович московский, ведя прения о великом княжении, пошли к хану в Орду, была им о том брань великая. А князь Иоанн Данилович после брата своего Юрия сидел на Москве, а также с Москвы пошел в

Переславль и сидел в нем на великом княжении. И была ему весть тайно из Твери, что хотят на него внезапно быстро прийти тверичи к Переславлю. Он же укрепил всех своих бояр и переславцев, к Москве послал, совокупляя рать. И пришел на него спешно под Переславль боярин тверской Акинф князя Михаила Ярославича, и был тот боярин Акинф прежде сего боярином князя великого Андрея Александровича городецкого, внука Ярослава, правнука Всеволода. И вышел против него князь Иоанн Данилович московский, с которым переславская рать единомышленно была и крепко стояла, к тому же приспела и московская рать, и бились весьма крепко. И помог Бог князю Иоанну Даниловичу, и убит был тут под Переславлем Акинф и зять его Давыд, и много тверичей убито было тут. А дети Акинфовы Иван да Федор с малым числом людей убежали во Тверь. И была во Твери печаль и скорбь великая, а в Переславле веселие и радость великая.

46. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ III

Когда же князи были в Орде, и так как каждый хотел великое княжение получить, давали дары многие хану, и ханшам, и князям ордынским, те же сколько брали, столько же и более от другого желали. Юрий же, слышав, что Михаил хочет хану дань большую обещать, придя к нему, сказал: «Отец и брат, я слышу, что хочешь большую дань уступить и землю Русскую погубить. Сего ради я тебе уступаю вотчину мою, да не гибнет земля Русская нас ради». И придя к хану, явили ему о сем. Тогда дал хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпустил их. Князь же Михаил Ярославич тверской пришел из Орды от царя и сел на великом княжении во Владимире. И услышал бывшее об Акинфе, и скорбен стал весьма. В тот же год князь Михаил Ярославич, внук Ярослава, правнук Всеволода, пошел ратью к Москве на великого князя Юрия Даниловича, внука Александра, правнука Ярослава, праправнука Всеволода, и на братию его. И была им брань многая, и понемногу примирились.

6813 (1305). *Умер митрополит Максим. Умер Константин рязанский. Московских несогласие. Михаил Андреевич.* Было знамение на небе. В тот же год были гром великий и молния. В тот же год преставился преосвященный Максим, митрополит киевский всея России, в Филиппово говенье, месяца декабря в 6 день, на память святого чудотворца Николы, и положен был во Владимире в церкви пречистой Богородицы. В тот же год в Филиппово говенье князь Юрий Данилович повелел у себе на Москве князя рязанского Константина Романовича убить, которого взял хитростию некою на бою отец его князь Даниил Александрович, внук Ярослава. В

тот же год братья князя Юрия Даниловича московского отъехали к великому князю Михаилу Ярославичу тверскому от брата своего князя Юрия Даниловича с Москвы. А в Нижнем Новгороде побили черные люди бояр князя Андрея Александровича. В тот же год князь Михаил Андреевич пришел из Орды в Нижний Новгород, побил всех с вече, которые побили бояр и ту же чашу испили: ибо каким же судом судите, судят вам, и в какую ж меру мерите, отмерено будет вам. В тот же год была на осень Таирова рать.

6814 (1306). *Родился Константин.* Родился князю великому Михаилу Ярославичу сын Константин. В тот же год были дожди великие.

6815 (1307). Сел князь великий Михаил Ярославич тверской в Новгороде на престоле. В тот же год Феоктист, архиепископ новгородский, оставил епископию свою по своей воле из-за немощи своей, избрав тихое и молчанное житие, пошел в монастырь Благовещенский и благословил вместо себя в Новгороде епископом быть духовного своего отца Давыда. И посадили его во дворе владычнем с челобитьем и честью, до тех пор пока митрополит поставлен не будет на Киев и на всю Русь, и тогда пойдет к нему ставиться.

6816 (1308). *Митр. Петр. Голод и мор. Умер Василий рязанский.* Князь великий на московского. Поставлен был во Цареграде Афанасием, патриархом цареградским, Петр, митрополит киевский всея России, и принял от патриарха и от царя честь великую. И в тот же год пришел из Цареграда преосвященный Петр митрополит в Киев и на всю Русь и сел в Киеве. В тот же год был голод и мор. В тот же год убит был в Орде князь Василий Константинович рязанский, и татары воевали Рязань. В тот же год князь великий Михаил Ярославич ходил и другие к Москве ратью всею силою, и был бой у Москвы на память святого апостола Тита, и много зла сотворили, а града не взяв, отошли.

6817 (1309). *Множество мышей. Дороговизна. Голод. Умер Александр. Умер Константин ростовский. Василий ростовский. Умер Василий суздальский. Еп. Давид новгородский. Святослав брянский.* Пришел из Киева во Владимир преосвященный Петр митрополит. В тот же год мышь поела рожь, пшеницу, овес, ячмень и всякое жито; и того ради была дороговизна великая, и засуха злая, и голод лютый по всей Русской земле, и кони и всякий скот помер. В тот же год преставился князь Александр Данилович, внук Александров, правнук Ярослава, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Мономаха. В тот же год преставился князь Константин Борисович ростовский, внук Васильков, правнук Константинов, праправнук Всеволода, препраправнук Юрия Долгорукого, пращур Владимира Мономаха, и сел после него на княжении Ростовском сын его

князь Василий. В тот же год преставился князь Василий Михайлович суздальский. В тот же год преосвященный Петр, митрополит всея России, во Владимире поставил Новгороду архиепископа Давыда. В тот же год князь Святослав Глебович смоленский выгнал племянника своего князя Василия, из Брянска и сам сел на княжении во Брянске. В тот же год князь Василий брянский пошел в Орду к хану жаловаться на дядю своего князя Святослава Глебовича.

6818 (1310). Преосвященный митрополит Петр пошел во Брянск, и встретил его князь Святослав со многою честью.

Брянских война. Бой. Брянчан измена. Умер Святослав брянский. В тот же год пришел с татарами ратью князь Василий на дядю своего, на князя Святослава Глебовича брянского. И был мятеж великий во граде Брянске. Петр же митрополит сказал князю Святославу брянскому: «Поделись, сын, с племянником своим с Василием княжением или оставь ему все без губления града, а не бейся». Князь же Святослав Глебович брянский, надеясь на свою силу и на мужество, ибо был крепок телом и мужествен весьма, и вознесся умом своим и многою силою брянскою, отвечал, говоря: «Господин, брянцы меня не пустят, хотят за меня головы свои сложить»; и так не послушал совета митрополита, который был писан: «Сын ослушавшийся вскоре примет месть». И еще сказано: «Да не хвалится силою сильный своею, ибо все надеющиеся на силу свою погибли». И так князь Святослав Глебович ратью великою в силе многой за полднища ушел против рати татарской, и заступились на бой, и сомрачили стрелы татарские воздух, и были как дождь, а также копьями и саблями махались, и была сечь злая. Брянцы же выдали князя своего Святослава Глебовича, как обычай есть крамольникам, побежали и стяги бросали. Князь же Святослав только со своим двором много бился с татарами и под конец убит был в полку. Петр же митрополит затворился тогда в церкви, и Бог там сохранил его от язычных татар, как писано было: «Избавлю избранного моего от оружия лютого и осенью над головою его в день брани».

Умер еп. Феоктист. Родился Феодор галицкий. Умер Святослав Карачаевский. В тот же год преставился прежде бывший архиепископ новгородский Феоктист в Новгороде, много пострадал в болезни, от Бога посланной ему на спасение, в монастыре пречистой Богородицы Благовещения, там же и положен был. В тот же год родился князю Василию Константиновичу галицкому, внуку Борисову, правнуку Василькову, сын Феодор. В тот же год князь Василий брянский ходил с татарами к Карачеву и убил князя Святослава Мстиславича карачевского. В том же году ходили новгородцы в ладьях в озеро, пошли в реку Неву и срубили город новый на пороге, а вотский сметали.

6819 (1311). *Митр. Петр во Владимире.* Князь Дмитрий Михайлович тверской, собрав воинства много, желал идти на Новгород Нижний, и не благословил его Петр митрополит престолом во Владимире. Он же, отстояв три недели во Владимире, собравшись с силою многою, бил челом Петру митрополиту, да позволит ему. И так распустил воинов своих, и пошли каждый восвосяси.

Еп. Прохор ростовский. В тот же год епископ Симеон ростовский, который был прежде владимирский, которого привел из Владимира в Ростов преосвященный Максим, митрополит киевский всея Руси, оставил епископию свою ростовскую. В тот же год преосвященный Петр, митрополит киевский всея России, посвятил Прохора, архимандрита спасского, который в Ярославле был, епископом Ростову.

В тот же год в Новгороде пожар был, и погорело много святых церквей, и дворов, и людей. В том же году пошли новгородцы войною на немцев морем с князем Дмитрием Романовичем. И придя, сначала взяли Купецкую реку, села пожгли, потом взяли Черную реку и пришли ко граду войною, и городок взяли и пожгли; а немцы в детинец (кремль) ушли, ибо был крепок на едином камне высоком и не имел приступа ниоткуда. И прислали немцы о мире, а новгородцы не дали мира, воевали волости 3 дня, села все пожгли, люд и скот избивали и пленили. Потом, придя, взяли Кавгалу реку и Перну реку, всюду разорили и возвратились поздорову со многим полоном и богатством.

6820 (1312). *Умерла Ксения, вел. княг. Еп. Измаил сарайский низвержен. Еп. Варсонофий.* Преставилась великая княгиня Ярослава Ярославича Оксинья во иноческом чину и в схиме и положена была во Твери. В тот же год Петр, митрополит киевский всея России, снял сан с сарайского владыки Измаила. В тот же год Петр, митрополит киевский всея Руси, поставил Варсонофия епископом Сараю. В тот же год и отпустил его в Сарай. В тот же год погорел Нижний Новгород.

6821 (1313). *Умер хан Тохта. Умер Александр смоленский.* Умер хан Тохта татарский. В тот же год преставился князь Александр Глебович смоленский, внук Ростислава, правнук Мстислава, праправнук Давыдов, препраправнук Ростислава, пращур Мстислава, прапращур Владимира Мономаха. Его сыновья: Василий, Иван. В тот же год сел хан Азбьяк на Орде и обасурманился.

Азбьяк хан. Татары магометанство приняли. Ярлыки от ханов. В тот же год князь великий Михаил Ярославич пошел в Орду, и с ним Петр митрополит пошел того ради, поскольку тогда в Орде Тохта царь умер и новый хан Азбьяк сел, и все обновились, и все приходили в Орду и ярлыки получали, каждый на свое имя, князи, епископы. И милостию Божиею Петр митрополит в Орде у

хана был в чести великой, и отпущен был от хана со мноюю честью довольно быстро, и пришел на Русь.

В тот же год явился в Новгороде еретик Вавила, протопоп новгородский, к нему же пристали многие от причта церковного и мирян, и епископ тверской Андрей помогал им, говоря: «Вот как рай на земли погиб»; и святой ангельский монашеский чин ругали безбожные и учением бесовским именовали. И многие, от иноков выйдя, женились. Преосвященный же митрополит Петр созвал на Переславль собор великий, были тут все епископы, игумены, попы, дьяконы и чернецы, и от патриарха Афанасия клир ученый. И многие прения были, и едва преосвященный Петр, митрополит киевский и всея Руси, от божественного Писания и помощью и заступлением князя Иоанна Даниловича преодолел и проклял того еретика; а сам пошел по градам, поучая право верить, и укротил молву, а смущение диаволово прогнал.

Немцы Ладогу воюют. В тот же год посадник ладожский пошел с ладожанами ратью на немцев. И они вышли оттуда, а немцы, придя, Ладогу взяли и сожгли, в полон повели, и со многим богатством возвратились восвосяси.

6822 (1314). *Умер Василий брянский. Голод.* Преставился князь Василий Александрович брянский, внук Глебов, правнук Ростиславов. В тот же год паводь была сильная. В тот же год в Новгороде голод был.

Смятение новгородцев на великого князя. Федор ржевский. Новгородцы на Тверь. Кн. Юрий в Новгород. В тот же год новгородцы сотворили вече, поскольку нелюбы им были местники великого князя Михаила, так как многая обида и нужда была от них, и восхотели их изгнать. Князь же великий тогда был в Орде, и послали новгородцы к князю Юрию Даниловичу на Москву. Он же послал тайно к князю Федору ржевскому, да идет в Новгород. Тот же, собравшись, ожидал другой вести от князя Юрия. И князь Юрий Данилович послал в Новгород князя Федора ржевского. Он же, придя в Новгород, наместников великого князя Михаила, которые сидели на Новгороде, убрал и пошел с новгородцами на Волгу. И вышел против него со тверичами князь Дмитрий Михайлович тверской, внук Ярослава, ибо отец его князь Михаил тогда был в Орде, и стал против них на своей стороне реки Волги, и стояли там шесть недель и до заморозка. И примирились новгородцы на своей воле, и послали за князем Юрием Даниловичем на Москву, призывая его к себе в Новгород. Он же пришел на престол в Новгород и с братом своим Афанасием и сел на престоле.

Корела изменила. В том же году побили корела городчан, что было руси в корельском городе, и привели к себе немцев. Новгородцы же с наместником Федоровым пошли на них и обступили

град. Тогда сдались корелы, а новгородцы немцев и всех наушников корельских побили.

6823 (1315). *Юрий в Орду позван. Умер Иоанн стародубский.* Прислал из Орды Азбяк царь ордынский за князем Юрием Даниловичем московским, да идет к нему в Орду без промедления. Он же оставил в Новгороде брата своего Афанасия Даниловича и пошел оттуда в Ростов, а оттуда пошел ко царю в Орду месяца марта в 15 день, в субботу Лазареву. В тот же год преставился князь Иван Михайлович стародубский, внук Иванов, правнук Всеволодов. В тот же год пришел от хана из Орды князь великий Михаил, а с ним посол Таитемир и Имар-ходжа.

Война новгородцев с великим князем. Новгородцы побиты. Откуп новгородцев. Новгородцев упрямство. Наказание. Торжок разорен. Посадники от великого князя. В тот же год князь Афанасий Данилович, внук Александров, правнук Ярослава, пошел из Новгорода в Торжок с новгородскими боярами без черных людей. Слышав же, князь великий Михаил собрался со своею силою низовскою и с татарами, пошел к Торжку. И вышел князь Афанасий Данилович и князь Феодор ржевский с новгородцами против. И была битва великая и сеча злая, и побили мужей новгородских: посадников, тысяцкого, бояр и прочих особых много, а иные новгородские силы пали и без числа, и едва с малыми оставшимися князь Афанасий Данилович и князь Федор ржевский убежали в Новгород. И прислал князь великий Михаил к новгородцам, говоря: «Выдайте мне князя Афанасия Даниловича и князя Феодора ржевского». Новгородцы ж князя Федора ржевского выдали, а за князя Афанасия Даниловича крепко стали, а на себе откуп дали пять тысяч гривенок серебра, и утвердившись, примирились. Князь же великий Михаил Ярославич призвав к себе князя Афанасия Даниловича и бояр новгородских и начал с ними укрепляться чрез обычай их старинный. Они же не хотели так крепость на себя дать, он же о сем в ярость пришел, и поймал всех, и послал во Тверь, а прочих людей всех перепродали, а коней, доспехи, оружие и всех мастеров их взяли во Тверь; а Торжок разорил, и на Новгород наместников своих посадил, и дал посадничество новгородское из своей руки Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитриевичу. Сие же было месяца февраля в 10 день.

Еп. Андрей оставил. Еп. Варсонофий тверской. Новгородцы взяты. В тот же год Андрей, епископ тверской, оставил епископию свою, вошел в монастырь. В тот же год преосвященный Петр, митрополит киевский всея Руси, поставил Варсонофия епископа во Тверь. В тот же год новгородцы пошли в Орду сами о себе, и перехватили их тверичи, и поймали, и привели || их во Тверь.

6824 (1316). Новгородцы снова изгнали наместника князя великого и взяли Беска, скинули его с моста в Волхов, ибо дума-

ли, что он совет держал втайне от них к великому князю Михаилу Ярославичу тверскому. В тот же год новгородцы убили Даниила писаря, ибо оклеветал его слуга его новгородцам, говоря такое: «Господин мой Даниил писарь держит любовь и совет с князем Михаилом Ярославичем и слал меня к нему с грамотами». И так убит был Даниил писарь и с моста в Волхов кинут.

Князь великий на Новгород. Возвратился. В тот же год князь великий Михаил Ярославич ходил на Волок и пошел ратью к Великому Новгороду. Новгородцы же, услышав, оскорбились и, собрав воинов, по местам укрепились. Князь же великий, придя на устье Цны, сначала сам заболел, потом пришел мор на коней. Слыша же, что Юрий московский готовится на них со братиею, желая волость его погубить, возвратился во Тверь.

В тот же год загорелся град Тверь, и сгорело более двадцати дворов, и едва угасили.

Затмение луны. В тот же год перед ранними зорями месяц погиб и, так и не исполнившись, зашел.

6825 (1317). *Женился Георгий. Юрий уступил великое княжение.* Пришел князь Юрий Данилович московский на великое княжение из Орды, женившись у царя Азбяка, сестру его взял именем Кончаку; когда же крестилась, наречено ей было имя Агафья. И привел с собою послов татарских сильных весьма, именем Кавгадый и Астрыбал, и Остерв. Князь же Юрий Данилович тверской совещался с князьями суздальскими, и собрались они со многими силами, пошли против них, и встретили их у Костромы, и стояли около Волги долго время. Князь же Юрий Данилович московский и Кавгадый, обмениваясь сообщениями, умирились, и уступил великое княжение князю Михаилу Ярославичу. И так возвратился князь Михаил в свою вотчину во Тверь и заложил большой град кремль, а князь Юрий пошел в Москву.

Северное сияние. Союз суздальских с Юрием на великого князя. Новгородцы с ними же. Той же осенью было знамение на небе месяца сентября в день субботний и до обеда: круг над градом над Тверью мало не вступился на полночь, имел три луча, два на восток, а третий на запад. В ту же осень князи суздальские совокупались с великим князем Юрием Даниловичем московским, также еще некие князи, и многие силы пошли к нему на Кострому; затем обменялись посланиями с новгородцами, и повелели им идти к Торжку и готовым быть ратью ко Твери.

Бартенево. Юрий побежден. Посол ханский к великому князю. Князь великий почтил посла. Лесть татар. Умерла княг. вел. Агафья. Той же зимой князь великий Юрий Данилович московский с Кавгадыем, и со многими татарами, и с князьями суздальскими, и с иными князьями со многими пошел с Костромы к Ростову, а от Ростова пошел к Переславлю, а от Переславля дошел к

Дмитрову, а из Дмитрова к Клину. А в то время пришли новгородцы в помощь к князю Юрию Даниловичу московскому на великого князя Михаила Ярославича и стояли 5 недель в Торжке, обмениваясь сообщениями, как пойти ко Твери. Затем стали новгородцы волости Тверские воевать, а также и князь Юрий Данилович московский с Кавгадыем, и с татарами, и со всею силою суздальскою, и по многим местам попленили, и в полон повели. И пришли близ ко граду Твери за восемь верст, и стояли на месте том 5 недель, а всего того бездейственного пребывания во Тверских волостях 3 месяца. И ездили послы от Кавгадыя во Тверь к великому князю Михаилу Ярославичу с лестию, и не было мира. И пошел Кавгадый с князем Юрием Даниловичем московским, и суздальскими князьями, и со всеми силами к Волге, и стали на переезде у Волги, и воевал много, и пошли ко граду Твери. И за сорок верст не дошли, и встретил их князь великий Михаил Ярославич на Бартеневе (Бортново) с силою. И сошлись обои полки, и была битва великая и сеча злая. И помог Бог князю великому Михаилу Ярославичу, и одолел до конца, и побежал князь Юрий Данилович московский в Новгород с малой дружиной; а княгиню его Кончаку поймал, которая было сестра Азбяка хана ордынского, а также и брата его князя Бориса Даниловича взяли, и иных князей многих, и бояр, и татар поймали и веди во Тверь. А Кавгадый повелел дружине своей стяги свернуть и неволею сам побежал в станы, что было месяца декабря в 22 день в четверток в вечернюю годину. А на следующий день побоища Кавгадый прислал к князю великому Михаилу Ярославичу, и взял с ним мир, и пошел к нему во Тверь с дружиною своею. Князь же великий Михаил Ярославич татар Кавгадыевых побивать не повелел, но привел их во Тверь и многуо честь воздал Кавгадыю и татарам его. А они льстили, говоря: «Мы ныне твои есть; а приходили мы на тебя с князем Юрием без повеления ханова, и в том мы виноваты, и боимся от государя опалы, что таково дело сотворили и много крови пролили». Князь же великий Михаил Ярославич поверил им на свою погибель, многими дарами одарил их и отпустил их с честию. А Юриева княгиня, сестра Азбяка хана, во Твери умерла; и иные ж говорят, что там во Твери зельем уморена была; и сие большую беду князю великому сотворило. Тело же ее привезли из Твери в Ростов, и положили ее в церкви пресвятой Богородицы в Ростове.

Мир великого князя с Юрием. Константин в Орду. Той же зимой пришел князь Юрий Данилович московский с новгородцами на брод к Волге, и встретил его князь великий Михаил Ярославич, и тут мало бой не был. И так много ссорящихся и сообщениями обменивающихся, едва умирились и крестом честным укрепились на том, что пойти им обоим в Орду. И в ту же зиму князь великий Михаил Ярославич послал сына своего Константина в Орду.

6826 (1318). *Ростов татары воюют. Мор. Злоба Юриева. Посол убит.* Пришел из Орды посол лютый, именем Кокча, и убил сто и двадцать человек у града у Костромы, и потом, придя, весь Ростов повоевал ратью. Той же зимой был мор во Твери на людей. В тот же год князь великий Михаил Ярославич послал Александра Марковича на Москву с посольством о любви. И убил его князь Юрий Данилович московский, и принял тот смерть по нужде, и была между ними нелюбовь великая.

Князь Юрий в Орду. Клеветы на великого князя. В тот же год пришел в Орду князь Юрий Данилович московский со многими князьями и боярами с новгородцами по совету Кавгадыеву и, снявшись с Кавгадыем, пошли в Орду, и князь Михаил Ярославич отпустил сына своего Константина, как прежде сказано. И в ту же зиму пришли в Орду князь Юрий Данилович московский и начальник всему злу Кавгадый, и начал клеветать на князя великого Михаила Ярославича хану Азбяку, говоря такое: «Князь Михаил тверской по городам собрал многие дани и хочет бежать в Немецкую землю, а к тебе идти не хочет и твоей власти не повинуется». Разгневался же хан Азбяк, повелел поймать сына его князя Константина, и затворить его одного в храмине, и голодом уморить. И здесь бывшие некие говорили Азбяку так: «Если убьешь сына его, отец его к тебе не придет никогда же». И хан повелел сына его пустить, а велел отцу его, великому князю, придя, оправдаться. И Кавгадый, боясь, что князь великий действительно, придя, оправдается, послал на перехват многих татар, чтобы князя великого Михаила Ярославича перехватить: где его найдут, там его смерти предадут. И августа в 1 день князь великий Михаил Ярославич тверской пошел в Орду к хану Азбяку. И проводили его княгиня великая Анна и сын Василий до Нерли, и тут возвратились. И князь великий пошел во Владимир, а с ним сыновья его князь Дмитрий и Александр. Во Владимире же пришел к нему посол ханский, именем Ахма, говоря великому князю: «Хан тебя зовет, как можно быстрее пойдя и будь за месяц. Если не будешь, то обещал рать на тебя и на твой град; оболгал тебя хану Кавгадый». Сыновья же его и бояре сказали ему: «Отче дорогой и господин, не ходи сам, но пошли оправдаться одного сына, а другой сын там уже. И так пройдет обида и гнев ханский». Он же отвечал: «Видите, чада, что не требует вас, но меня. И если я куда уклонюсь, то вотчина невинно погибнет. И лучше мне положить голову мою за неповинных». И тут утвердил чад своих, дал им завет писанием, как после него поделить вотчину, и отпустил чад своих, а сам пошел.

6827 (1319). *Орда у Дона. Море Суружское. Ханское благоумие. Судей неправость. Михаила оправдание. Суд Кавгадыев. Михаил осужден. Ругание. Почести к смерти. Терек.* Князь великий Михаил Ярославич тверской пришел в Орду у моря Суруж-

ского на устье Дона реки, там где Дон река впадает в море, то ж море зовется Суружское, месяца сентября в 6 день и по обычаю одарил всех князей и княгинь, под конец самого хана и ханшу. Был ж Михаил в Орде у хана полтора месяца и пришел в гору к морю Хвалынскому в Сарай, и Кавгадью хану беспрестанно клеветали на него. Хан же, призвав князей своих, сказал им: «Судите князя великого с князем Юрием, и рассудив, мне скажите». И сели князи на судилище, начали судить Михаила с Юрием. И хотя все правость Михайлову видели, что он великое княжение принял после отца и есть старший Юрию, он же, ища мира, много Юрию уступал, а Юрий неправ был, но татарские князи не любили его, все помогали Юрию и многие вины вкладывали на Михаила. Если что и отвечал Михаил, мимо пропускали слова его, а которые слова и праведны были, они презирали. Прилежали же и внимали говоримому Кавгадыем, ибо тот был судья и соперник, на свою душу брал и увел всех с собою на неправду. Затем разошлись и их оставить повелели, да в другую неделю на суде предстанут. А хану сказали, так говоря: «Князь Михаил Ярославич по суду достоин смерти. А твое великое слово вольного хана как повелеть»; и многие вины на него говорили. Хан же снова повелел им другой суд сотворить, истинно расспросить достоверно. Кавгадый же сказал: «На меня, хан, возложил и на мою душу, ибо мне все ведомо было, и по их словам, что судили их, достоин Михаил смерти. И хотя твое слово велит снова судить их, да станет Михаил связан на суде и так да отвечает. Ибо не хотим мы, великий хан, обидимым тебя видеть и нас, твоих князей, поношаемыми. Ибо наше бесчестие твое бесчестие есть, а твоя слава и честь всех нас и всей Орды». И говорил им хан: «Как хотите, творите, только праведно судите моим судом, ибо нашему суду ханскому подобает быть праведным и милостивым, тек что судите праведно, и рассудив, мне скажите». И снова же в другую седмицу сели князи на суд, Михаила поставили связанным и во всем слушали Юриевых речей, от Михаила же речей отвращались. Затем начали ему говорить так: «Горд ты и непокорлив хану нашему и посла его Кавгадья осрамил, с ним бился и татар его побил ты, и дани ханские забрал себе, а хану не давал, и в немецкую землю с казною бежать хотел, и казну в Рим к папе отпустил и княгиню Юриеву зельем уморил, и князей и татар царевых побил». Михаил же против говорил к ним: «Хана я слушал и слушаю, и работаю для него, и дани даю ему честно. А посол ханский пришел на меня ратью, и я поневоле бился с ним, и потом я его чтил и одарил, и отпустил со мною честию и с дарами. Княгиню Юриеву зельем не уморил я, но умерла сама по себе своею смертию. А брат мой Юрий Данилович вспомнил бы мою дружбу и любовь, поскольку много отцу его в бедах помогал и ему я не

противник, но он восстал на меня и всем хотел владеть не так, как по нашему обычаю и правде повелось, и о сем на меня вражду сотворил. И ныне же если что хочет, да есть пред ним, только по воле хана и вы повелите, на мне же покажите суд праведный и милостивый». Кавгадый же, встав, сказал: «Не достоин ты милости, но достоин ты смерти». И много с яростию говорил на него. И так все князи поднявшись, сказали хану, говоря так: «Второй раз, государь, говорим тебе, что Михаил по суду достоин смерти». И сказал им хан: «Если так праведно будет, сотворите по суду вашему». Сие же было в пяток, уже вечер глубокий был. На следующее же утро в субботу князи сели на судилище, Михаила поставили связанным и приставили к нему семь стражей от семи великих князей, а иных и без числа. И была скорбь великая князю Михаилу Ярославичу, и узы железные принесли, желая на него возлагать, но только руки ему связали оковами железными и на шею цепь великую возложили, и руки его назад завязали. А бывших при нем ему слуг били и отогнали. Затем снова на следующее утро, в воскресенье, возложили на шею его дерево великое и повели за ханом в места для ловли, и пребывал там в той нужде двадцать пять дней. И потом повелел Кавгадый в той укоризне и поношении на торг привести его, как разбойника и злодея какого, и много зла наговорил на него. И потом поставил его на торжище, там где было много людей, которым числа нет, и сказал, так говоря: «Гнев ханский на повинных и наказание с милостию всегда пребывает, но сей достоин смерти. Ибо известно и достоверно ханское слово, и суд его праведный выискал, что князь Михаил совершенно от милости отошел и к смерти приблизился своими злыми делами, и вот ныне в тягости и нужде, также потом скоро смерть примет. Но по ханской милости и по его величеству подобает его почитать, поскольку подлинно при смерти он». И так повелел Кавгадый развязать его и расковать, и воду принести омыть его. И когда это сделали, повелел на него одеяние возложить дорогое. Затем повелел есть принести и овощи всякие, затем пить принести. Михаил же ничему не причащался и не вкушал. Были же там многие народы, как песок собрались, видя сие все, ибо тогда со всей земли сошлись там, как песок, люди цареградцы, немцы, литва, русь, кизылбаши и иные многие православные, видя, прослезились, и не был никто же без слез в ту годину. Затем Кавгадый снова повелел снять с него одеяние дорогое и все тяготы, что были ранее, возложить на него. И пребывал в той нужде двадцать и шесть дней за рекою за Теркою под великими горами Кавказскими и Черкасскими, у града Титякова, на реке Сеvence, близ врат железных, у болвана медного, золотой головы Темира богатыря могилы. Было же рано весьма в среде, встал князь великий Михаил Ярославич и призвал в шатер свой духовного отца

своего игумена Марка, который был с ним, да двух попов иноков, да двух попов и дьяконов мирских и начал говорить им со слезами и с рыданием великим, так говоря: «Сие уже явлено есть, что скончание мое приблизилось, но сотворите мне любовь, помяните меня во святых своих молитвах и не забывайте меня никогда, чтобы да простил мне Господь Бог все грехи моя, ибо много согрешил пред ним». Затем повелел петь заутреню и потом часы, и сам прилежно внимал с плачем, и со слезами, и с горьким дыханием. И потом повелел начать правило святого причащения, и пел сам по книгам, и произносил все со многими слезами, и исповедался отцу своему духовному. Затем божественная служба была, причастился святых божественных тайн Христовых, ибо стражи царева и все князи не возбранили ему ничего, что по христианскому закону творимо было. И так после божественного причащения обнял духовного своего отца, затем всех священников и дьяконов обнимал, целовал и жалостно со слезами говорил к ним, да не забудут его поминать. Затем призвал сына своего Константина, ибо был тут и сын его Константин, и обнял его, сказал: «Сын мой, держи чистой православную веру, и церкви божественные почитай, и старших тебя чти, странников и нищих не призирай, ибо угодно есть сие Богу». И потом начал приказывать ко княгине и сыновьям про вотчину и про всех, которые с ним были в скорби и в печали великой, да не забудут их и не презрят никогда. Затем сказал: «Отойдите от меня все, так как прискорбна душа моя к смерти, вот уже час разлучения моего приближается». И начал обливаться, как водою, слезами и после того помалу уклонился в сон. И снова пробудившись, плакал и повелел принести к себе псалтырь, говоря: «Печально мне на душе весьма, и скорбен до смерти». И раскрыл псалтырь, и нашел псалом Давыдов 54: «Услышь, Боже, молитву мою и не скрывайся от моления моего». И так по одной строке говорил со слезами до конца, затем говорил молитвы разные со слезами, иного же ничего не говорил. И если кто вопрошал его, не отвечал, но говорил так: «Не трогайте меня, прискорбна душа моя до смерти». Много же часов миновало, и пришел один из отроков его, говоря такое: «Господин князь великий Михаил, вот от хана из Орды идет Кавгадый и с ним князь великий Юрий Данилович московский со множеством народа прямо к тебе». Он же сказал: «Да ведаешь ли, почему идут?». Отрок же, вскричав со многими слезами, сказал: «О господин князь великий, на убиение твое идут». Князь же великий вскоре послал сына своего князя Константина к ханше, говоря: «Поскольку обещался мне помогать, если можешь, помоги; вот же сегодня спешно идет князь Кавгадый и князь великий Юрий Данилович московский». И тот еще не успел к ханше прийти, и Кавгадый наперед себя послал в стан Михайлов, затем

сам пришел, сошли с коней в торгу, ибо близ был там базар великий, на бросок камня. И так убийцы оные разогнали с него всех людей его и татар его, ибо было и татар тогда много у него, служащих ему, и все плакали со слезами. Убийцы же схватили самого князя Михаила за живот, другие за шею его, и били много, затем на стену повесили, и преломилась стена. Он же вскочил, и многие, схватив его, повергли на землю и начали мучить его, иные же пятками пинали его. И вот некто Иванец, взяв за уши, бил головою о землю, говоря к нему так: «Прыток ты и тороплив». Затем один из них пришел, именем Романец, имевший нож великий, и ударил Михаила ножом в ребра его с правой стороны, и снова обратив нож еще в нескольких местах. Он же возопил гласом великим и испустил дух месяца ноября в 22 день. Шатер же его разграбили, а русь и татар всех бывших с ним, служащих ему, поймали и догола раздели, и нагих влачили, терзая, как злодеев, и порознь разведя, поковали.

47. ГЕОРГИЙ IV КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ, СЫН ДАНИИЛА

Поругание нечестивого. После того князь Кавгадый и князь Юрий Данилович московский пришли над тело его, и вот тело его нагое повержено лежало. И сказал князь Кавгадый с яростию к князю Юрию Даниловичу: «Что же есть сие, не брат ли твой старший? Да почему тело его так повержено нагое лежит на поругание всем? Устыдись народа, возьми же его, и вези в свою землю, и погреби его в его вотчине по вашему обычаю, какой имеете». Тогда великий князь Юрий повелел взять тело его, и положить на доску, и покрыть. Затем положили его на телегу, и привязали веревкой крепко, и повезли за реку, называемую Адеж, что зовется горесть. Послали же оттуда тело в Мощарск, и тут были гости русские, и восхотели поставить в церкви, плащаницею покрыв, и не дали им, но в хлеву поставили сторожей, оттуда повезли его ко граду к Бездежу, и тут православные встретили его со слезами, оттуда же повезли его по русским городам, затем помалу довели его до Москвы. И привели его во град Москву, положили в монастыре в церкви святого Преображения, а во Твери сего не ведали. И в том же году князь великий Юрий Данилович московский пришел на великое княжение, привел с собою князя Константина Михайловича, внука Ярославова, и бояр его, и слуг, как полон, ведя с собою. И пришла весть во Тверь. Слышав же сие, великая княгиня Анна Михайловна и сыновья ее Дмитрий, Александр, Василий, многий плач сотворили и послали к великому Юрию во Владимир, просили тело с молением и со слезами. В тот же год пришел во Тверь Прохор, владыко ростовский

и ярославский, призывая князя Александра Михайловича к князю Юрию в любовь по целованию их крестному. Он же пошел к нему во Владимир и заключил мир. И так испросили со многим молением и со слезами, взяли с чином священническим тело великого князя Михаила, повезли во Тверь. И встретили его в насадах по Волге сыновья его Дмитрий, Александр, Василий, и великая княгиня Анна, мать их, и епископ Варсонофий, и весь чин священнический со свечами, и с кадилами, и со множеством народа у архангела Михаила на берегу, и положили его в церкви святого Спаса 6828 (1320) месяца сентября в 6 день.

1320. Персона вел. кн. Михаила. Был же сей князь великий Михаил Ярославич телом велик весьма и крепок, мужествен, и взором страшен, и божественное Писание всегда сам читал, и к церквам прилежен, и священнический иноческий чин чтил; от бояр и от всех своих любим был, пьянства не любил, иноческого чина всегда желал и мученического чину, и о подвиге всегда на языке носил, и ту ж чашу испил за христиан. Если бы он не пошел в Орду, слышав про столь великие беды на себя, и отошел бы в иные земли, и пришли бы татары, выскивая его, сколько бы христиан замучили и смерти предали и святые церкви поругали. Но сей князь великий Михаил за всех себя дал и смертью по необходимости закончил, и радуясь, пришел ко своему владыке, принял небесное царствие.

Женился Александр. Женился Константин. Женился Дмитрий. Посол от хана. Родился Даниил. Умер Юрий ростовский. Той же осенью женился князь Александр Михайлович тверской. В тот же год преставился князь Борис Данилович, внук Александров, и положен был в церкви пречистой Богородицы во Владимире. В тот же год женился князь Константин Михайлович тверской и венчан был во святом Феодоре на Костроме. В тот же год женился князь Дмитрий Михайлович тверской, привел за себя из Литвы дочь Гедимины князя, и венчан был в церкви святого Спаса во Твери епископом Варсонофием тверским. И была всем людям радость во Твери. В тот же год приходил из Орды посол Байдера к великому князю Юрию и много зла учинил во Владимире. В тот же год князь великий Юрий послал в Новгород на престол брата своего Афанасия Даниловича. В тот же год родился великому князю Иоанну Даниловичу сын Даниил. В тот же год князь Иоанн Данилович пошел в Орду к хану Азбяку. В тот же год преставился князь Юрий Александрович ростовский.

6829 (1321). Затмение солнца. К Кашину. Родился Лев. Умер Давыд ярославский. Пришел из Орды в Кашин Таянчар татарин с жидовином с должником и многую тягость учинили Кашину. В тот же год погребло солнце месяца июня в 26 день в третий час дня и было как молодой месяц двух дней, через один час снова

наполнилось. || В тот же год князь великий Юрий собрался со своею силою низовскою и суздальскою, желая идти к Кашину ратью; князь же Дмитрий Михайлович тверской со своими силами вышел против него к Волге, и там заключил меж ними мир владыка бывший Андрей, и разошлись каждый восвояси. В тот же год князь великий Юрий взял серебро выходное у тверских князей по завершению и не пошел к послу ханскому, но пошел с серебром в Новгород Великий, и за то был хана гнев. В тот же год родился князю Александру Михайловичу сын, именем Лев. В тот же год преставился князь Давыд Федорович ярославский. Князь великий Юрий был в Новгороде, новгородцы же немного с ним размолвились.

6830 (1322). *Немцы в Кореле.* Князь великий Юрий примирился с новгородцами. В тот же год пришли немцы к Кореле и не взяли его. Князь же великий Юрий ушел с новгородцами на немцев к Выбору, и били стену шестью пороками, ибо тверд был, и много немцев побили и пленили, и простояв месяц, отошли, не взяв града.

48. ДМИТРИЙ III ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, СЫН МИХАИЛА

Дмитрий III. В тот же год князь Дмитрий Михайлович тверской, внук Ярослава, пошел в Орду к хану Азбяку с дарами многими и поведал хану все неправды про великого князя Юрия, как несправедно с Кавгадыем оклеветали и сами на смерть осудили и убили отца его, и как князь Юрий взял серебро тверское выходное и от иных князей и не отдал послу ханскому, но пошел в Новгород и там еще взял на хана многое серебро; и показал хану ярлыки Юрьевы на серебро. Хан же, расспросив князей, бывших в суде великого князя Михаила, и слыша неправды Юрия и Кавгадыя, тотчас повелел Кавгадыя так же ругать и мучить, как тот сотворил великому князю Михаилу. Князь же Дмитрию воздал честь многую, и все князи чтили его. И пожаловал хан Азбяк князя Дмитрия великим княжением русским, Владимиром и Новгородом со всеми их градами, что были под великим князем Юрием Даниловичем. А прежде сего тот же Азбяк хан дал великое княжение Владимирское Юрию Даниловичу московскому под великим князем Михаилом Ярославичем тверским.

Кн. вел Юрий в Орду. Александр не пустил. Юрий в Псков. В Новгород. Немцы воюют Новгород. В тот же год преставился князь Афанасий Данилович можайский в Великом Новгороде. Князь великий Юрий слышав, что князь Дмитрий тверской пошел на него жаловаться в Орду, убоился и уговорил новгородцев, чтобы его проводили в Орду с дарами довольными, и пошел из

Новгорода на Низ. И когда был он на Ундоме (Урдоме), там пришел на него князь Александр Михайлович тверской, он же бежал во Псков, а казну его взял всю. А во Пскове тогда был князь Давид, сын Довмонтов, и оттуда призвали его новгородцы к себе в Новгород по крестному целованию, поскольку были им тогда притеснения от немцев, ибо воевали тогда немцы Новгородские волости. И начали пороки делать, желая идти с великим князем Юрием Даниловичем на немцев. А князю Юрию Даниловичу тогда была самому печаль от князя Дмитрия Михайловича тверского, что в Орде у хана Азбяка испросил великое княжение на Белой Руси.

Кн. вел. Дмитрий пришел. Междоусобие. Ярославль взят. В тот же год пришел из Орды князь Дмитрий Михайлович с пожалованием от хана Азбяка на великое княжение, а с ним пришел посол сильный князь Сивенчбуга. В тот же год пришел из Орды князь Иоанн Данилович, а с ним пришел посол сильный весьма, именем Ахмыл, и много зла учинили низовским градам, и Ярославль взяли и сожгли, и много полона бесчисленно взял, и позвал великого князя Юрия Даниловича в Орду к хану Азбяку, а сам пошел с бесчисленным полоном в Орду.

6831 (1323). *Умер Андрей еп. Болгары волжские. Мучение Феодора.* Преставился Андрей, прежде бывший епископом тверским, и во своем монастыре на Шоше святой Богородицы. И на следующее утро владыка Варсонофий со священным собором принесли его во святой Спас и положили его во святом Введении святой Богородицы в малой церкви. В тот же год в Болгарах, которые на Волге и Каме, замучили некоего христианина иерусалимлянина, гостем бывшего, много богатства имеющего и много философии изучившего, именем Федор, который прения имел с ними о вере. Они же окаянные не стерпели своего поругания, замучили его за православную веру христианскую месяца апреля в 21 день. В тот же год завершена и освящена была церковь каменная во Твери во имя святого Феодора, которую соорудил и украсил игумен некий Иоанн цареградец. В тот же год воевали литва по Ловоти, и новгородцы, угнавшись за ними, многих побили. В тот же год рать вооружили югры, поймали купцов новгородских по Двине и Югу, и много товара пограбили, и дани не дали.

6832 (1324). *Орешек поставлен. Война на Заволочье, в Поморье и с князьями южскими. Кн. вел. Юрий в Орду по Каме. Умер еп. Давыд новгородский.* Князь великий Юрий Данилович с новгородцами и со псковичами ходили ратью к немецкому городу к Выборгу. В тот же год ходили новгородцы с великим князем Юрием Даниловичем в Неву и поставили град на устье Невы на Орехове острове. И там пришли к нему послы от свейского короля и взяли мир вечный. В тот же год ходили новгородцы с вели-

ким князем Юрием Даниловичем на Заволочье и взяли устье Юга, и пришли на Двину. И прислали князи южские к князю Юрию и новгородцам послов своих, и совершили мир по старине, и выход давать по старине в Орду. В тот же год князь великий Юрий Данилович пошел из Заволочья в Орду, а шел на Пермь Великую, и пошел по Каме реке. В тот же год преставился новгородский владыка Давыд. В тот же год новгородцы сотворили вече по старинному своему обычаю и избрали себе во архиепископы Моисея, архимандрита юрьевского, если митрополит благословит; и посадили его на дворе владычнем, до тех пор, пока не пришет за ним митрополит.

6833 (1325). *Еп. Моисей. Война на Литву. Вел. кн. Георгий убит. Гнев ханский на Дмитрия.* Князь великий Дмитрий Михайлович получил весть, что князь великий Юрий пошел в Орду, боясь, что вдруг и его самого, как отца его, оклеветает, пошел сам в Орду. В тот же год преосвященный Петр митрополит поставил на Москве Новгороду архиепископа Моисея. В тот же год царь Азбьяк посылал князей Литву воевать, и много зла сотворили Литве, и со многим полоном пришли в Орду. В тот же год князь Дмитрий Михайлович тверской убил в Орде великого князя Юрия Даниловича месяца ноября в 21 день на праздник Введения пречистой Богородицы, без слова ханского, надеясь на ханское прощение, мстя за кровь отцову, поскольку хан Азбьяк чтит князя великого Дмитрия Михайловича. И недобро было самому от хана в опале великой, и держали его за стражей, до тех пор пока не придумает о нем, что сотворить. Тело же великого князя Юрия хан Азбьяк повелел повезти на Русь и погresti в его вотчине на Москве. Тогда же пришел из Орды князь Александр Михайлович тверской и татары с ним, должники его. В тот же год привезли из Орды тело великого князя Юрия Даниловича московского, и погреб его Петр митрополит в церкви святого архангела Михаила на Москве в первую субботу поста.

Немцы ко Пскову. Давыд псковский немцев победил. В тот же год немцы пришли ратью ко Пскову в кораблях, в ладьях и на конях, и стояли 18 дней, били пороками, грады свои придвигая, и так стены градные разбили. И была скорбь великая во Пскове. И в то время князь Давыд пришел из Литвы с мужами своими, и пошел на них за Великую реку, и пороки их отнял, и град их разрушил, и самих побил. И убили тогда псковского посадника Алексея Храброго, и иных много мужей храбрых убито было от немцев много.

Сухмень. Первая церковь каменная в Москве. Еп. Моисей новгородский. Князья литовские в Новгород. Мир с Литвою. В тот же год сухмень была великая, и много водных мест иссохли, и леса, и боры, и болота выгорели. В тот же год пошел в Орду

князь Иоанн Данилович московский. В тот же год преосвященный Петр, митрополит киевский и всея России, заложил на Москве на площади у своего двора церковь первую каменную Успения святой Богородицы соборную при князе Иоанне Даниловиче, внуке Александровом, и заложил себе гроб своими руками в стене близ жертвенника, там где под конец положен был. Пришел в Новгород архиепископ Моисей в Москву, поставленный Петром, митрополитом всея России. В тот же год пришли послы из Литвы в Новгород, братья литовского князя Гедимина, князь Василий полоцкий, князь Федор Ростиславич минский, и заключили мир с новгородцами и немцами.

Вел. кн. Дмитрий тверской. Той же осенью месяца сентября в 15 день в Орде хан Азбья повелел убить князя Дмитрия Михайловича тверского из-за великого князя Юрия Даниловича московского. И был хан Азбья гневен очень на всех князей тверских, и называл их крамольниками, и противниками, и ратных себе. Но хотя и гневен был на них, но после великого князя Дмитрия Михайловича дал княжение брату его князю Александру Михайловичу.

49. АЛЕКСАНДР II, СЫН МИХАИЛА

Вел. кн. Александр. Умер Александр новосильский. Вел. княг. Мария. В тот же день на том же месте, на Кандраклее реке, повелением Азбяка хана убили князя Александра новосильского. В тот же год постриглась во иноческий чин великая княгиня Мария. В тот же год пришел из Орды князь великий Александр Михайлович с пожалованием ханским и сел на великое княжение. В тот же год пришел из Орды Иоанн Данилович московский.

1326. Родился Иоанн. Умер митр. Петр. 6834 (1326) марта 30 родился великому князю Иоанну Даниловичу сын Иоанн. В тот же год преставился преосвященный Петр, митрополит киевский всея России, великий чудотворец, месяца декабря в ночи в третий час против 21 дня; сидел на митрополичьем престоле, пас церковь Божию восемнадцать лет и 6 месяцев; и положен был во граде Москве в церкви пречистой Богородицы, которую сам начал созидать.

6835 (1327). Посол во Твери татарский. Татары побиты. Посол сожжен. Пришел во Тверь посол сильный весьма султан Щелкан Дюденевич из Орды от хана Азбяка; был же сей племянник хану Азбяку, желал князей тверских убить, а сам сесть на княжении во Твери, а своих князей татарских желал посадить по русским градам, а христиан хотел привести в татарскую веру. И мало дней пребывал он во Твери, много зла сотворилось от него христианам. Приспел же день торжественный, а ему хотелось

свое творить в собрании людей, уведал сие князь великий Александр, и созвал тверичей, и вооружившись, пошел на него, а Щелкан Дюденевиц с татарами против него вышел. И сошлись обои при восходе солнца, и бились весь день, едва к вечеру одолел Александр. И побежал Щелкан на сени, и зажгли под ним сени и двор весь князя Михаила, отца Александра, и тут сгорел Щелкан с прочими татарами. А гостей ордынских старых и новопришедших, которые с Щелканом пришли, хотя и не бились, но всех иссекли, иных истопили, а иных, в костры из дров вкладывая, сожгли. Услышал же сие хан Азбьяк ордынский, и разгорелся яростию великою очень, и во многой скорби и печали был о племяннике своем Щелкане, и рычал, как лев, на тверских князей, желая всех потребить и прочую всю землю Русскую пленить, послал на Русь за князем Иоанном Даниловичем московским.

Умер Василий рязанский. Кн. вел. Иоанн. В тот же год в Орде убит был князь Василий рязанский повелением хана Азбьяка. Той же осенью князь Иоанн Данилович московский пошел к хану и там принят был с честью. Хан же дал ему великое княжение Белое и, одарив, отпустил его; а с ним послал для утверждения посла своего великого.

50. ИОАНН I КАЛИТА, СЫН ДАНИИЛА

Тверь, Кашин пленены. Тягости Руси от татар. Иоанн рязанский. Тверь пуста. Обновление Твери. Великий князь Иоанн Данилович, приняв ярлык от хана, одарив ханшу и княгиню, в ту же зиму пошел на Владимир и прочие грады; а с ним царя Азбьяка рать татарская и многие воеводы, посол Федорчук, Туралык, Сюга и прочие князи ордынские, пять темников великих, и князь Александр Василькович суздальский, в другом месте пишут, и с ним дядя его Василий Александрович, пошли по повелению царю. Князь же Александр хотел бежать в Новгород, но не приняли его. Князь же, придя, взял град Тверь, и Кашин, и прочие грады тверские и волости, села пожгли, и людей в полон повели, и Торжок и волости пустыми сотворили. И хотели идти к Новгороду и не пошли, ибо заступи его Господь Бог и святая София. А князь великий Александр бежал во Псков, Константин, брат его, в Ладогу, с ним же и князь Василий. Татары же, имея путь злой к Новгороду, послали послов своих в Новгород с великими угрозами, а князь великий Иоанн прислал наместника своего. Они же, убоявшись, послали к ним послов своих со многою честью и со многими дарами, 2000 гривен серебра новгородских. И так татары возвратились оттуда со многим полоном и богатством. И была тогда всей Русской земле великая тягость, и томление, и крово-

пролитие от татар, так как не только имения выбирали, скот и коней забирали, но жен и дочерей брали по своей воле и держали, сколько хотят, а кто перечил, мучили и убивали. Убили же тогда и князя Ивана Ярославича рязанского и много христиан побили и пленили, только сохранил Господь Бог князя Иоанна Даниловича, его град Москву и всю его вотчину от пленения и от кровопролития татарского. И возвратились татары со многим полоном в Орду. Князь же великий Александр Михайлович тверской, не терпя лукавой бесовской крамолы и татарского насилия, оставил княжение великое и все вотчинство свое и пошел во Псков и с княгинею, и с детьми своими, и жил во Пскове десять лет. А братья его князь Константин Михайлович тверской и князь Василий Михайлович кашинский с матерью их и с боярами пришли во Тверь, стали пребывать в покое от великой печали и скорби, сели во Твери в великой нищете и убожестве, поскольку вся земля Тверская пуста, и все были леса и пустыни непроходимы крамолы ради в братии, злых намерений и насилия татарского. И начали помалу собирать людей и утешать от великой печали и скорби, и во святых церквах снова начались пение и служба божественная.

Родился Андрей. В тот же год родился князю Иоанну Даниловичу московскому сын Андрей. В тот же год освящена была церковь Успения пречистой Богородицы соборная на Москве августа в 4 день епископом Прохором ростовским, которую заложил созидать преосвященный блаженный Петр, митрополит всея России.

6836 (1328). *Митр. Феогност.* Преосвященный Исаия, патриарх константиноградский, поставил Феогноста митрополитом Киеву всея Русской земли; в тот же год пришел на великий престол, на митрополию на Киев и на всю Русь, пошел из Киева по градам многим. Затем пришел во Владимир и Москву и начал жить тут.

Князь великий в Орду. Колесница. В тот же год пошли в Орду князь великий Иоанн Данилович московский и князь Константин Михайлович тверской, внук Ярославов. А новгородцы от себя послали из Новгорода в Орду к хану Федора Колесницу, боясь хана, о князе Александре Михайловиче. Хан же Азбък принял их с честью всех, и дал великое княжение Владимирское князю Иоанну Даниловичу, и иные княжения дал ему к Москве. А князю Константину Михайловичу дал княжение Тверское. А посла новгородского Федора Колесницу пожаловал по их челобитью, повелел заедино всем искать князя Александра Михайловича тверского.

Землетрясение в Новгороде. Умер еп. Варсонофий. Юрьев сгорел. Умер еп. Прохор. Еп. Антоний ростовский. В тот же год сотряслась земля в Новгороде. В тот же год преставился Варсо-

нофий, епископ тверской. В тот же год погорел град Юрьев немецкий весь, и божницы их, то есть церкви, и палаты их рассыпались. И немцев сгорело 2530, а руси 4 человека. В тот же год преставился Прохор, епископ ростовский. В тот же год преосвященный Феогност, митрополит киевский всея Руси, поставил Антония епископом Ростову и Ярославлю.

Престол великого князя в Москве. В тот же год князь великий Иоанн пришел от хана Азбьяка из Орды с пожалованием и с великою честью на великое княжение на престол во Владимир, и иные многие княжения хан дал ему к Москве. И была оттуда тишина великая по всей Русской земле на 40 лет, и перестали татары воевать Русскую землю.

В тот же год женился князь Константин Борисович ростовский, взял дочь великого князя Иоанна Даниловича. В тот же год пришел из Орды на княжение князь Константин Михайлович тверской и посол новгородский Колесница Федор в Новгород, и была радость великая.

Князь великий Иоанн Данилович послал мужей своих во Псков по ханскому слову к князю Александру Михайловичу, чтобы шел к нему в Орду. А новгородцы послали от себя послов, и брат его князь Константин Михайлович тверской послал к нему послов своих о том же. Он же не восхотел идти к хану в Орду и не пошел.

6837 (1329). *Хан просит Александра.* Основана была церковь каменная на площади Иоанна Лествичника, которая под колокола. В тот же год хан Азбьяк послал послов ко всем князьям русским, да все как один, поймав, пришлют к нему в Орду князя Александра Михайловича тверского. В тот же год преосвященный Феогност, грек, митрополит киевский всея Руси, пришел в Новгород и послал запрещение псковичам, да отдадут князя Александра ради спасения всей земли Русской. Они же не послушали. В тот же год убили во граде Юрьеве новгородца Ивана Сыпа, мужа великого, честного и храброго.

Поход на Псков. Протасьев. Тысяцкий, посол во Псков. Ответ Александра. Александр идет к царю. Псковичи не пустили. Кн. Александр оставил Псков. Проклятие на Псков. Александр в Немецкую землю. В Литву. В тот же год видя беду русскую, князь великий созвал всех князей, и положили по повелению хана изыскать князя Александра Михайловича. И подняли всю землю Русскую, пошел ратью князь великий в Новгород и с ним меньшая братия князя Александра Михайловича, князь Константин и князь Василий Михайловичи тверские, князь Александр Васильевич суздальский, взяли всех новгородцев. И послал князь великий во Псков послов своих к князю Александру Михайловичу тверскому Луку Протасьева, а новгородцы послали от себя владыку

Моисея и Авраамия тысяцкого, понуждая его пойти в Орду, говоря: «Хан Азбяк всем нам повелел искать тебя и прислать к себе в Орду. Пойди же к нему, да не привлечешь же ярость его на всех нас. Ибо удобнее тебе за всех пострадать, нежели нам всем тебя ради пострадать и пустой всю землю сотворить». И отвечал им Александр, говоря: «Мне же должно со всяким терпением и любовью за всех страдать, нежели отмщать себе злонамеренных и крамолящих. Ничто есть житие сие, так как словно сон исчезает, и в небытие отходим, и воздано будет от Господа каждому по делам его. Вам же следовало друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать, но противиться им как один и за Русскую землю и за православное христианство стоять. Вы же противное творите, татар наводите на христиан и братью свою предаете татарам». И восхотел идти в Орду, но не дали ему псковичи, говоря: «Господин князь Александр, сии тебя посылают в Орду к неверному хану, чтобы избавиться от тебя, чтобы тебя на свете не было. А Азбяк присылает к ним, а они обещались Азбяку, и все они заодно, чтобы предать тебя смерти. Ныне не ходи в Орду напрасно самого себя смерти предать, но сиди во Пскове, и мы все головы свои за тебя положим». И так все псковичи крепко взялись за него. Видели же сие князи, что псковичи крепко сражаются за него, и начали мыслить. И говорил им князь великий Иоанн Данилович: «Если не приведем в Орду князя Александра, все от хана отчества своего лишены и смерти преданы будем и землю Русскую пустой сделаем». И так пошел на псковичей князь великий с вышесказанными князьями, с ними же и новгородцы все, и была рать великая и сила многая. И стали в Опоках, и начали мыслить князи все между собою, говоря так: «Если пойдём на князя Александра, то вот псковичи все взялись за него всею крепостию и обещаются все умереть за него, близко же к ним тут немцы, вот им это помощью и будет. Да как же мы выгнать его можем или же пленить?». И так начали увещевать и молить преосвященного митрополита Феогноста, чтобы отлучением и запрещением связал его и послал в Орду к хану. И так послал Феогност митрополит отлучение и проклятие на князя Александра, и на весь град Псков, и на всю землю их. Тогда князь Александр сказал псковичам так: «Братия, проклятия святительского меня ради худого и грешного не будет на вас, крестное же ваше целование на мне грешном и худом, и мое на вас. И вот же я худой отхожу от вас в Немецкую землю и Литву, да вам и вашей земле никакой же тягости от хана и от русских князей не будет. И да погибнут все враги мои, гонящие меня и ищущие душу мою изъять от меня». Псковичи же все, собравшись вечем, сотворили плач великий и отпустили князя Александра Михайловича тверского с великим рыданием и плачем по его воле. Он же пошел в

Немецкую землю и оттуда пошел в Литву. И послали псковичи к великому князю Иоанну с челобитьем о мире и о любви. Он же дал им мир и возвратился в Новгород, из Новгорода пошел к Москве. А прочие князи все каждый пошел в свое княжество.

Изборск каменный. В тот же год послали князи русские в Орду к хану Азбяку, поведали ему о князе Александре, что бежал в Немецкую землю и в Литву. В тот же год псковичи поставили себе град каменный Изборск на Жериве горе. В тот же год владыко новгородский Моисей оставил епископию свою, и сошел в монастырь на Коломцу, и схиму возложил на себя. И пребывали новгородцы без владыки восемь дней, и потом избрали себе попа Григория козьмодемьянского с Холопией улицы; и постригли его во иноческий чин, и возвели на сени на владычный двор, и нарекли имя ему Василий.

Монастырь Данилов. Спасский монастырь во дворе. В тот же год преосвященный Феогност, митрополит киевский всея Руси, пошел из Новгорода в Волынскую землю, и оттуда пошел в Галич и в Жарову, и оттуда пришел в Киев. И там пришли к нему послы от великого князя Иоанна Даниловича просить благословения создать ему монастырь внутри града Москвы, и церковь воздвигнуть святого Спаса Преображения, и там архимандрию принести от Даниила святого из Заречья, которую князь великий Даниил Александрович имел там в свое имя. Сей же восхотел ее вселить внутрь града близ своего двора. Любомудрия был желатель сей, иноческого жития ревнитель, от которых ни в день, ни в ночь, ни в один час отлучен быть хотел. И так благословение принял от преосвященного Феогноста, митрополита киевского и всея Руси, и за дело взялись.

6838 (1330). *Епископ сарайский. Умер Феодор стародубский. Женился Василий Кашинский. Еп. Феодор тверской.* Умер в Орде Азбяков сын Темир, который убил загорского хана, и был хан Азбяк в печали великой. В тот же год пожаловал хан сарайского владыку, дал ему все по прошению его, и никто же его ничем же да не обидит. В тот же год убит был великий князь ордынский Асан от жены своей. В тот же год была сухмень великая. В тот же год убили в Орде князя Федора Ивановича стародубского, внука Михайлова, правнука Иванова. В тот же год женился в Брянске князь Василий Михайлович тверской, внук Ярославов. В тот же год преосвященный Феогност, митрополит киевский и всея Руси, пришел из Киева на Волынь в град Владимир и там поставил Феодора епископом во Тверь.

Первый архимандрит. В тот же год князь великий Иоанн Данилович построил монастырь дивный и создал в нем церковь чудную святого Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Москве, близ своего двора, и собрал икон много, и

возлюбил монастырь тот более иных монастырей. И привел туда первого архимандрита, именем Иоанна, мужа сановитого, и речистого, и любомудрого, учительного божественных Писаний и добродетельного, который за премногую его добродетель наконец поставлен был епископом Ростову, и там добро хранил Богом порученное ему стадо, и во старости глубокой ко Господу отошел. Говорят же некие от древних старцев, что сначала князь великий Даниил, правнук Всеволода, сию архимандрию имел у святого Даниила за рекою Москвою, что во свое ему имя церкви той название было.

6839 (1331). *Затмение солнца. Умерла Елена. В Новгороде город каменный. Умер Феодор Васильевич.* Было знамение на небе, померкло солнце. В тот же год был пожар на Москве, погорел град Москва. В тот же год преставилась великая княгиня Елена Иоанна Даниловича в черницах и в схиме, положена была в церкви святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В тот же год наречен на владычество в Новгород Василий, ибо жил на дворе владычнем, а в епископы не поставлен, и заложил град каменный от Владимира святого до Богородицы и до Бориса и Глеба. В тот же год преставился князь Федор Васильевич марта 28 дня.

Гедимин епископа взял. Вымучил письма на пригороды. Еп. Василий новгородский. Епископ волынский. Псковичи просят епископа. В тот же год пришли послы из Владимира Волынского от Феогноста, митрополита киевского и всея Руси, в Новгород, призывая нареченного на владычество Новгороду ставиться инока Василия. И пошел инок Василий со владычнего двора на поставление во архиепископы в Волынскую землю, а с ним посадник новгородский Козьма Твердиславич, Ефрем Остафиев, сын тысяцкого. И ехали на Литовскую землю, и князь Гедимин литовский взял их на миру; и в той неволе дали слово правое сыну его Нариманту на пригороды новгородские: Ладогу, и Орехов городок, и Корельскую землю, и половину Копорья ему и детям его в вотчину и в дедину, и так отпустили их. Они ж оттуда пошли к Владимиру в Волынь. И пришли они в Волынскую землю во Владимир к Феогносту, митрополиту киевскому и всея Руси, и там поставлен был инок Василий в церкви пречистой Богородицы в епископы в Новгород месяца августа в 25 день. Были же с Феогностом митрополитом владык 5: Афанасий Владимира Волынского, Григорий полоцкий, Феодор галицкий, Марк перемышльский, Иван холмский. В то же время пришли послы из Пскова от князя Александра Михайловича тверского, и от князя Гедимина литовского, и от всех князей литовских к Феогносту, митрополиту киевскому и всея России, молил его и бил ему челом, чтобы им поставил во Псков своего им епископа, которого привели с со-

бою, именем Арсения; не поставили Новгорода ни во что же псковиче и себе владыку и князя умыслили. И не послушал их Феогност митрополит, и не поставил епископа во Псков, отошел инок Арсений с псковичами от Феогноста митрополита посрамленным.

6840 (1332). *Литва на епископа новгородского.* Преосвященный Феогност, митрополит киевский всея Руси, после поставления отпустил Василия, архиепископа новгородского, и посадников его в Новгород. Они же, боясь Литвы, пошли меж Литвой и Киевом, уходом убягая. А Феогност митрополит за ними грамоту прислал со своим сыном боярским ко владыке и к посадникам, говоря такое: «Князь литовский отпустил на вас 500 человек литвы взять вас». Они же начали скоро бежать. И убежали они тайно, пришли под град Чернигов, и там пригнался за ними князь Федор киевский с баскаком татарским с малой дружиной, только в пятьдесят человек; а со владыкою были и с посадниками 600 человек. И была им весть, и укрепившись, стали против твердо. И к князю Федору начали люди прибывать, а новгородцам начал страх прибывать, и так дали откуп с себя. Князь же Федор киевский мир устроил и откуп взял, и так на миру взял мужа славного и честного митрополитова протодьякона Радислава, и на Киев отвел, и оттуда послал его к Феогносту митрополиту. И так князь срамоту принял от Феогноста митрополита, а от Бога казнь, ибо померли все кони его, и так шествовал пешим. А Феогност митрополит говорил ему: «Срам тебе есть, князь, неправду чинить, и обижать, и насильствовать, и разбойничать»; и так князь посрамлен был от митрополита. Архиепископ новгородский Василий с посадниками оттуда пошли к Брянску и от Брянска пришли к Торжку месяца ноября в 3 день. А в Новгороде скорбь была о владыке и о посадниках их, так как мало правых вестников, но ложные речи бывали им такие: архиепископа взяли, а посадников избили. Пришли в Новгород месяца ноября 8 день при князе Иоанне Даниловиче, и при посаднике Варфоломее, и при тысяцком Остафие, и возрадовались новгородцы своему владыке и посадникам.

Князь великий в Орду. Смятение новгородское. Гнев великого князя на новгородцев. Торжок и Бежецк взяты. Дороговизна и голод. В тот же год князь великий Иоанн Данилович пошел в Орду, а с ним князь Константин Михайлович тверской. В тот же год был мятеж в Новгороде, и ограбили крамольники многие дворы. В тот же год пришел из Орды князь великий Иоанн Данилович и возложил гнев свой на новгородцев, прося у них серебра закамского, и за то взял у новгородцев Торжок и Бежецкий Верх. В тот же год новгородцы дали посадничество Матвеем Костке. В тот же год засуха была в земле Русской и дороговизна великая. Сию до-

роговизну некие объясняли рослой рожью. В тот же год пришел из Орды князь Константин Михайлович тверской.

6841 (1333). *Умер Александр. Родился Михаил тверской.* Преставился князь Александр Васильевич суздальский. В тот же год архиепископ новгородский Василий ездил во Псков и там во Пскове у великого князя Александра Михайловича тверского крестил сына его князя Михаила.

Наримант Гедиминович, Глеб. Ладога и Орехов. В тот же год князь Наримант Гедиминович, нареченный во святом крещении Глеб, позван новгородцами, пришел в Новгород на пригороды, что ему сказали в Литве, идя к Феогносту митрополиту. Новгородцы же приняли его с радостью, и взяв от него крестное целование, дали ему Ладогу и Орехов град. В тот же год преосвященный Феогност митрополит пришел на Москву, быв в Цареграде и в Орде. В тот же год князь великий Иоанн заложил церковь каменную на Москве на площади внутри града святого архангела Михаила; в тот же год завершена и освящена была митрополитом Феогностом месяца сентября в 20 день.

Брак Симеона. Великий князь на Новгород. Той же зимой князь великий Иоанн женил сына своего Симеона на Москве, семнадцати лет бывшего, привели за него княжну из Литвы, именем Августу, а во святом крещении наречена была Анастасия. Той же зимой князь великий Иоанн Данилович со всеми князьями и со мною силою пошел в Торжок ратью, а наместников своих с Новгорода свел, с сам сел в Торжке, воюя от Крещения до Собора Новгородские волости. Они же с челобитьем прислали архиепископа Василия, и архимандрита Лаврентия, и Федора Твердиславича, и Луку Варфоломеева. Оные же пришли к нему в Переяславль, давали ему 500 рублей, чтобы свободы отступился. Он же мольбы их не послушал, и не принял челобитья их, и миру не дал, и пошел на Москву.

Князь великий позван в Орду. В тот же год владыко новгородский Василий со святой Софии сей с стороны свинцом оббил, и крест обновил, и город каменный поставил в два года. Той же зимой пришел из Орды от хана Азбяка на Русь посол Саранчук за великим князем Иоанном Даниловичем. В тот же год великий Иоанн Данилович пошел в Орду с послом Саранчуком.

6842 (1334). *Борис дмитровский. Дмитрий брянский. Иван смоленский.* Князь великий Иоанн Данилович пришел из Орды от хана Азбяка с пожалованием и с честью. Тогда прислали новгородцы тысяцкого Варфоломея Юрьева, просил великого князя, да отставит гнев и придет сам в вотчину свою. Он же принял моление их, пошел в Новгород. И встретил его владыко с крестами пред двором в четверток на Мясопустной седмице февраля 16. В тот же год преставился в Орде князь Борис дмитровский. В тот

же год пришел ратью с татарами князь Дмитрий брянский к Смоленску на князя Ивана Александровича, и бились много, и взяли мир. В тот же год Василий архиепископ, владыко новгородский, пошел к Феогносту, митрополиту киевскому и всея России, во Владимир со многими дарами и с честью.

6843 (1335). *Литва воюет.* Владыка бывший новгородский Моисей заложил церковь каменную святого Воскресения на Деревянице и создал монастырь честной. В тот же год князь великий Иоанн Данилович пошел из Новгорода в Торжок. Новгородцы же почтили его дарами многими. В тот же год литва воевала на миру. Новоторжские волости и князь великий Иоанн Данилович собрали рать, и придя, пожгли городки литовские Осечен, и Рясну, и прочие; и убили тогда литва много мужей добрых новгородских, а литвы побили без числа. Той же осенью внесла вода лед и снег в Волхов и вышибла 15 частей великого моста. Тогда же было смятение в Новгороде, все сошлись во оружии, но из-за моста не могли перейти, и так утишилась крамола. В тот же год владыко новгородский Василий ходил к Москве к великому князю Иоанну Даниловичу с честью. В тот же год преставился князь Федор галицкий. Князь великий Александр Михайлович, видя себя и своих чад вотчины лишенными, умыслил со псковичами, послал в Орду сына своего Федора с дарами просить хана Азбяка, чтобы дал ему вотчину его или некие волости детям его. И когда пришел Феодор Александрович в Орду к хану Азбяку и просил его со слезами многими об отце своем, хан же ответил: «Если отец твой сам придет с виною и просит, тогда не отойдет от меня без милости». И с тем отпустил его, и с ним отпустил посла своего. И в тот же год пришел из Орды князь Федор Александрович во Тверь, а с ним посол ханский Авдул.

6844 (1336). *Умер Антоний, еп. ростовский. Еп. Гавриил.* Князь великий Иоанн Данилович Калита пошел в Орду к хану Азбяку и в ту же зиму пришел из Орды с пожалованием и с честью во свою вотчину. В тот же год преставился Антоний, епископ ростовский. В тот же год преосвященный Феогност митрополит поставил Гавриила епископа Ростову. В тот же год князь великий Александр Михайлович тверской пошел из Пскова в Тверь и, взяв сына своего князя Федора, снова возвратился во Псков. В тот же год князь великий Александр Михайлович тверской начал тужить и скорбеть, живя во Пскове, говоря такое: «Если приму смерть здесь, что же мне будет и детям моим? Ибо увидят все нарды, что отбежал от княжения своего и смерть принял, тогда дети мои лишены будут княжения своего. Лучше же мне умереть Бога ради, нежели зло жить». И послал бояр своих к Феогносту, митрополиту киевскому и всея России, прося благословения и молитвы от него, желая идти к хану в Орду. И принял

от Феогноста митрополита благословение и совет, и начал снаряжаться в Орду с боярами своими и слугами. В Новгороде владыко Василий у святой Софии устроил двери медные золоченые, привезя из Немецкой земли, где купил ценою великою.

6845 (1337). *Родился Василий. Александр к хану. Речь. Александр, князь тверской.* Родился князю Симеону Иоанновичу, внуку Данилову, сын Василий. Той же осенью была паводь великая. В ту же осень князь Александр Михайлович тверской пошел из Пскова в Орду, и пришел к хану Азбяку, и говорил ему так: «Господин вольный хан, хотя много зла сотворил тебе, но пришел к тебе или смерть или жизнь от тебе принять, как тебя Бог известит, на все я готов. Если Бога ради по своему ханскому величеству дашь мне милость, благодарю Бога и твою милость. Если же смерти предашь меня, достоин я смерти, и вот голова моя пред тобою есть». Хан же Азбяк удивился сладости слов его и смирению его и сказал к князям своим: «Видите ли князя Александра, как смиренною мудростию избавил себя от смерти». И удивились ему все, и дал ему хан Азбяк честь великую, и пожаловал его вотчиною его княжением Тверским, и отпустил его на Русь.

В тот же год был пожар на Москве, и сгорело святых церквей 41. Великий князь Иоанн Иоаннович прогневался на новгородцев за непослушность их, послал на Двину за Волок дани взять. Они же, взяв дани, пошли; а новгородцы с белозерцами, придя, хотели не отдать, и был им бой, и так разошлись. Тогда же архиепископ Василий пошел во Псков на обычный объезд, и псковичи суда ему не дали, он же, прокляв их, возвратился. Корела, подведя немцев свийских к городу, многих новгородцев и ладожан гостей, кто жил в городе, побили и сами бежали в немецкий городок.

6846 (1338). *Бояре тверские. Вражда о вотчине тверской.* Князь Александр Михайлович тверской пришел из Орды от царя Азбяка на княжение во Тверь, а с ним послы князь Киндяк и Авдул. И отъехали бояре многие от князя Александра Михайловича тверского на Москву к великому князю Иоанну Даниловичу. А князь Александр Михайлович послал сына своего князя Федора со Авдулом послом в Орду. А с великим князем Иоанном Даниловичем, обмениваясь сообщениями о вотчине, ни о чем не договорились и мира не взяли. И князь великий Иоанн Данилович с Москвы пошел в Орду.

Кн. Александр оклеветан. В тот же год татары воевали литву. Когда же был Александр Михайлович в Немецкой земле и Литве, тогда многие выпрашивали от него многие дары и обеты, обещая ему помогать, но ничего полезного ему не сотворили. И он, отдав имение свое, жил в странах чужих в великом убожестве и нищете. И когда принял от хана княжение Тверское ничьею, но только

Божескою помощию и своею мудрою кротостию, тогда те немцы и литовские вельможи просили от него выполнения обещаний. Он же, так как ведал себя неповинным и не имеющим, что дать, ибо разорено еще было и княжение его, отказал им, а иных просил, да пождут, когда будут средства. Те же, придя в Орду, начали хану Азбяку жаловаться и клеветать на князя Александра. И хотя хан отсылал их, но через князей настолько наполнились уши ханские горести и гнева, что оскорбился до зела, и призвав одного из слуг своих, именем Истрочей, и говорил ему тайно сокрытые слова так: «Иди в Русь и призови мне сюда князя Александра тверского не с яростию и жестокостию, но с тихостию и кротостию». Он же пошел на Русь и сотворил так, говоря такое: «Зовет тебя вольный хан Азбяк, да идешь к нему в Орду и с сыном своим Федором, да сотворит волю твою всю, и примешь от него великое княжение Белое и честь великую». Слышал же князь Александр от некоторых про ярость ханскую на себя и начал размышлять в себе: «Если пойду в Орду, смерти предан буду; если же не пойду к нему в Орду, то придет от него рать и много христианства пленено и убито будет. А вина тому всему я, и всяко от Господа Бога отмщение и казнь принять имею. Лучше же мне будет одному за всех смерть принять». И так начал снаряжаться в Орду.

Умер Василий. В тот же год преставился князь Василий Семенович, внук Иванов. Новгородцы ходили с посадником Федором в Неву и стояли у Орехова, обмениваясь сообщениями с немецким воеводою Остеном, и не было им мира. И воротились новгородцы, а немцы с корелюю воевали Обонежье, и придя к Ладогге, пожгли посад. Новгородские же молодцы, придя, повоевали Корелу городецкую и немецкую и всю пустой сделали, обилия и на полях пожгли и скот иссекли. Немцы, собравшись, пришли на Водскую землю на коперцев. Но коперцы, уведав, изойдя из града, перехватили и всех побили. Тогда же князь Наримант ладожский и ореховский был в Литве, и посылали за ним. Но он не пошел и оставил в Орехове сына Феодора. Той же зимой прислал из Выбора, немецкого городка, воевода Петряк в Новгород о мире, говоря, что князь свейский не ведает, что учинилось разногласие с Новгородом, учинил то Остенъ по своему уму. Новгородцы же послали от себя послов и учинили мир по тому, как учинили с князем Юрием на Неве, и корелу крамольную смирить и выслать, кто где жил.

6847 (1339). *Князь великий в Орду.* Князь великий Иоанн Данилович Калита пошел в Орду с двумя сынами своими с Симеоном, Иоанном, а третьего сына Андрея послал в Новгород. Когда же пришел князь великий Иоанн Данилович в Орду к хану Азбяку и честь великую принял от хана и с сыновьями своими, тогда хан вскоре послал снова татар за Александром тверским и за кня-

зем Василием Давыдовичем ярославским, внуком Федоровым, и за иными князьями. А князь Александр Михайлович тверской наперед себя послал сына своего Федора в Орду к хану Азбяку. Федор же Александрович слышал про ярость ханскую на отца своего и возвестил, что слышал, отцу своему; он же сказал: «Если я ныне жив буду, потом все равно умру. Но если я не пойду ныне в Орду, великую ярость ханскую воздвигну и много крови христианской прольется». И так начал собираться в Орду.

Великодушие вел. кн. Александра. Предзнаменование. Умерли Александр и Федор. В тот же год князь великий Иоанн Данилович Калита пришел из Орды на Русь в свою вотчину с великим пожалованием и с честью, а князь Александр Михайлович тверской пошел в Орду, сын же его князь Федор тогда в Орде был. Мать же его, и бояре его, и гости, зажиточные мужи, и весь град плакали о нем и унимали его много, да не идет в Орду, говоря: «Ведомо тебе, что хан гневен на тебя и смерти предать хочет. Божественное писание не повелевает самому себя на смерть предавать». Он же отвечал им: «Господь во Евангелии своем говорит: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»; и еще сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». И апостол говорит: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие», и все, желая благочестно о Христе жить, изгнаны будут, как и святые пророки, апостолы, патриархи мученики и преподобные отцы, пострадавшие о Христе, и венчались, и небесных благ сподобились. Я же от чрева матери своей согрешил, и согрешаю непрестанно. Как же могу не пострадать в настоящем сем и скоро минующем житии? Ибо все наше житие есть тень мимо проходящая, и как дым исчезает, и как сон ни во что же бывает». Они же все о сем скорбели, говоря: «Воля Господня да будет»; и так умолкли. Он же вошел в насад и бывшие с ним, и тогда поднялся ветер сильный весьма, гребцы гребли, а насад назад шел, и они трудились всюю, а ветер бил в лицо и насад назад возвращал; и так много трудясь, едва прошли землю Русскую. А брат его князь Василий Михайлович с боярами своими и слугами проводили его до поля Святославля, а брат его князь Константин Михайлович тогда в тяжелой болезни лежал; и плакал по нему князь Александр Михайлович тверской, говоря такое: «Вот есть при кончине нашей наставник и охранитель вотчине нашей, о котором утвердились люди его по рати сей». Тогда же с ним пошли в Орду князь Василий Давыдович ярославский, внук Федоров, и князь Романчук белозерский. Когда же пришли они в Орду, нашел князь Александр Михайлович тверской сына своего Федора в Орде, и целовались, плакались. Поведал ему сын его про гнев ханский. Он же сказал: «Воля Господня да будет»; и взяв дары многие, дал хану, и ханше, и князьям, и прочим рядным.

И пребывал один месяц в Орде у хана Азбьяка, и многие другие из татар говорили ему: «Хочет тебя хан убить, ибо оклеветан ты пред ним крепко». Он же говорил к ним: «Что имею сотворить? Если Бог восхочет меня предать на смерть, да кто меня от нее избавит?». И начал прилежать к молитве и покаянию, исповедываясь всегда у отца своего духовного. И когда приблизилась память святого великомученика Дмитрия, пришла ему снова весть об убиении его, что через три дня злой смерти предан будет. Он же говорил: «Господи, будь воля твоя, как хочешь»; и весь день, сетуя, ходил, и молился, и скорбел. И октября 28 встал рано, повелел петь заутреню, и когда начали говорить псалмы Давыдовы: «Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня, многие говорят душе моей», повелел умолкнуть. И пришел к иконе, и знаменовался, целовал, говоря такое: «Если царь Давыд, такой богоотец пророк великий, Дух Святой имел в себе и напасти и беды многие претерпел, я ли могу хотеть не пострадать многогрешный? Господи, воля твоя да будет, готов я на все за имя твое святое». И так повелел говорить все по порядку, затем и прочее правило все, молитвы проговорили. И после сего много часов миновало, послал к ханше вестей пытать, затем и сам уселся на коня и начал ездить, вестей пытать о смерти своей от знакомых друзей своих; и уведав истинно, что в сей час смерти предан будет, он возвратился в стан свой. Затем и от хана весть пришла, что в сей час смерти предан будет. Он же, обняв сына своего, целовал и о вотчине своей говорил, целовал и бояр своих, говорил им о вотчине и чадах своих, как устроить; потом принял целование от всех слуг своих, особенно же от отца своего духовного прощение взял и их простил, и любезно всех лобызая, слезы пролив, конечно исповедался отцу своему духовному обо всем. И так священных и божественных тайн причастился, а также и сын его Федор, и бояре его, и все бывшие с ним, ибо никто из них не ожидал живым остаться. И мало часов прошло, прибежали к нему отроки его, говоря с горьким плачем и со многими слезами: «Господин наш любимый князь, вот уже идут на убиение твое посланные от хана Беркан и Черкас». Он же, воздев руки к небу, начал молиться: «Господи, будь воля твоя, а не моя, как хочешь; да если буду жив или мертв я, дай мне милость свою и прости мне все согрешения мои». И еще он говорил, и слезы непрестанно от очей текли, и прочие все в слезах стояли, и вот пришли посланники от хана к стану его. Он же вышел против них со смирением, и так тут убит был и с сыном своим Федором, и отсекли головы их. Бояре же его и слуги все разбежались, те же, которые остались тут, взяв тела их, повезли на Русь. И были они во Владимире, встретил их Феогност митрополит со священным собором, и пели над ними надгробное пение, и отпустили их. Братья

же его, князь Константин Михайлович и князь Василий Михайлович, встретили их в Переславле; затем Гавриил, епископ ростовский, и Федор, епископ тверской, встретили их в Переславле, и там надгробное пение совершили над ними, и отпустили во Тверь. И там у святого Михаила встретили их горожане, и взяв их на головы свои, понесли во град и внесли в церковь святого Спаса. Мать же его, и братия, и княгиня его с детьми своими, и весь град плакал о них горько многое время. И так Тверское княжение до конца опустело. Преосвященный же Федор, епископ тверской, со священным собором пели над ними надгробное пение и положили их в церкви Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Так вот скончался князь великий Александр Михайлович.

В тот же год хан Азбяк отпустил из Орды с пожалованием и со мною честию и любовью детей великого князя Иоанна Даниловича, князя Симеона да братьев его, князя Иоанна и Андрея Иоанновичей, на Русь в вотчину их, и пришли на Москву с великою радостью и веселием.

Колокол в Москву. Город Московский. В тот же год князь великий Иоанн Данилович Калита взял из Твери колокол от церкви святого Спаса на Москву. На ту же зиму месяца ноября в 5 день замыслили и заложили срубить град Москву, а закончили в ту же зиму на весну в Великое говенье.

Иван рязанский. Татары на Смоленск. Умер Александр пронский. Константин суздальский. Иван юрьевский. Иван друцкий. Федор фоминский. В тот же год с князем Иваном Ивановичем рязанским Коротополом пришли из Орды от хана Азбяка татары многие, и посол князь Тавлубей, и князь Менгукан, и иные многие князи с татарами, посланные от хана к Смоленску с ратью. И князь Иван Иванович Коротопол рязанский встретил брата своего князя Александра Михайловича пронского, в Орду идущего к хану с выходом, поймал его и, ограбив, привел во град свой Переславль Рязанский. И там убит был князь Александр Михайлович пронский от своего брата от князя Ивана Ивановича. После того из Переславля пошел князь Иван с Тавлубеем и с прочими татарами, а князь великий Иоанн Данилович послал свою рать с ними к Смоленску по ханскому велению, а воеводы его тысяцкий Александр Иванов, Федор Акинфович. А также и иные князи пошли по повелению к Смоленску с татарами с ратью: князь Константин Васильевич суздальский, князь Константин Борисович ростовский, князь Иван Ярославич юрьевский, князь Иван друцкий, князь Федор фоминский, баскаки и мордовские князи с мордвичами. Придя под Смоленск, посады пожгли и волости, села пограбили и пожгли, и под градом немного дней стояли. И оттуда татары пошли в Орду со многим полоном и богатством, а русские князи возвратились восвояси здравы, целы.

Мурманы. Мир со шведами. Послали новгородцы за моря к князю свейскому с посольством Козьму Твердиславля и Александра Борисова, а владыка сестренича своего Матвея. И приехали к нему в Мурманской земле в град Людовль, и тут заключили мир по старым записям, а про корелу решили так: «Если наши к вам не бегут казниться, и мы то же учиним, да не смущают; а кои ныне перешли жить, тех не отдавать, так как русские крещены в христианство, а немецкие не крещены». Тогда же новгородцы послали к великому князю Иоанну с выходом. Он же спросил другого выхода на дары царю, «как сами обещали мне». Но они не захотели дать, и князь великий разгневался, вывел наместника его из Новгорода.

6848 (1340). *Умер Иоанн I.* Преставился князь великий Иоанн Данилович Калита во иноках и в схиме и положен был в церкви святого архангела Михаила на Москве, которую сам создал. Сына же его старшего князя Симеона не было тогда на погребении отца своего, поскольку в то время был в Новгороде Нижнем. Его сыновья: Симеон, Иоанн, Андрей. Княжил 18 лет.

51. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИМЕОН, ГОРДЫЙ НАЗЫВАЕМЫЙ, СЫН ИОАННА I

Вел. кн. Симеон. После смерти великого князя Иоанна вскоре пошли в Орду сыновья его князь Симеон, Иоанн и Андрей Иоанновичи и иные князи многие. И когда пришли, нашли хана за Железными воротами. Хан же Азбьяк, поскольку весьма любил и чтит отца их, принял его с честью и любовью и не долго держав, поучил его, как жить им в тишине и послушными быть велению его, обещал им, что никоих наветов на них не примет и никому княжения великого не отдаст, но после них чадам их да будет. И дал им ярлык с клятвою на детей своих не отнимать княжения, и вскоре отпустил с честью и любовью. И вышел из Орды князь великий Симеон Иоаннович с братиею и сел на великое княжение владимирское и московское.

Брянчан смятение. Умер Глеб брянский. В тот же год злые крамольники, сошедшись вечем, брянцы убили своего князя Глеба Святославича. Тогда же был Феогност митрополит там, и он не смог их унять.

Новоторжцев смятение. Чернь новоторжская. В тот же год князь великий Симеон Иоаннович послал в Торжок дани брать. Посланцы же, придя, начали обижать и силу применять. Новоторжцы же послали в Новгород с поклоном, и посадники новгородские послали бояр со многими людьми. Они же, придя внезапно, наместников князя Симеона взяли, князя Михаила Давы-

довича, Ивана Рыбника и Бориса Семенова, и прочих взяли и сковали, и жен их, и детей взяли, и сидели в Торжке месяц. А к великому князю послали из Новгорода Козьму Твердиславича, говоря так: «Еще ты не сел у нас на княжении, а уже бояре твои и силу применяют». И князь великий начал воинов собирать, а новоторжцы, слыша то, в Новгороде просили помощи. Но чернь новгородская стала за великого князя и не пустила новгородцев. Сие слышав, убоялись новоторжцы, и восстали чернь на бояр, говоря: «Почему вы новгородцев призывали? Оные наместников князя Симеона Иоанновича взяли, а в том нам всем погибнуть». И собравшись, чернь пришли на дворы их, и отпустили из оков наместников великого князя Симеона, и пустили их из Торжка, и проводили, а новгородские бояре сбежали в Новгород; а новоторжских бояр имение разграбили, и дома их разорили, и села их пленили и пустыми сделали.

Съезд князей. Поход на Новгород. В тот же год князь великий Симеон Иоаннович послал ко всем князям, да съедутся в Москву помыслить о деле земском. И когда сошлись все, он явил им новгородскую себе обиду, сказав так: «Братия дорогие и любезные, ведаете, что в то время когда великие князи сильны бывали, а другие князи слушались и заедино ходили, тогда Русская земля множилась в людях и богатстве, и не смел на меня никто дерзнуть, но все покорялись и дани давали, как было при Ярославе, Владимире Мономахе и Мстиславе. А когда поделились и друг на друга начали воевать, а князя великого не слушать, тогда пришли татары, князя убили, грады разорили, всею Русскою землею овладели и дань тяжкую возложили. И ныне князей убивают, людей, каждый раз пленя, ведут и в басурманство обращают, и все наше имение тащат. А мы столько силы можем иметь, что землю Русскую оборонить и столько нами ругаться не дать нечестивым, коли только меня послушаете. А первое требуется сих новгородцев смирить, и покорить, и послушными великим князям учинить, и всем заедино против врагов стать. А если будет кому в князях о вотчине или о чем ином ссора, тогда не воеваться, а судиться пред князьями. А начнет кто войну и позовет татар или там суда поищет, и на того всем нам быть заедино». И любо было всем речь сия, и все князи на том крест целовали, и пошли ратью к Торжку: князь великий Симеон Иоаннович, и князь Константин суздальский, и князь Константин ростовский, и князь Василий ярославский, и все князи с ним; и преосвященный Феогност митрополит тогда с ним же пошел. И когда были они в Торжке со многими силами, новгородцы со всею землею собрались против них и послали владыку Василия новгородского к Феогносту митрополиту, бия челом, а Якова посадника и Авраама тысяцкого послали к великому князю Симеону Иоанновичу с иными бояра-

ми. Князь же великий сказал им: «Если хотят милости и мира от меня, да придут предо мной посадники и тысяцкие босы и просят при всех князях на коленях. Пусть они наместника моего чтят, и все пред ним кланяются, и не садятся, даже если кому велит сесть. Пусть они заплатят выход отца моего и мой, и дадут побор черный со всей земли, и, не спросясь, ни с кем не воюют». Сис тяжко было весьма новгородцам, и князь не хотел ни от чего отступить, но едва другие князи и митрополит упросили, ибо боялись его все, ведая, что хан все по его просьбе сотворит. И пришли посадники и тысяцкие со всеми новгородцами, просили на коленях и дали ему выходы, дань черную обещали на всей Новгородской земле на два года, с Торжка дали 1000 рублей новгородских, да пустит бояр их. Он же послал в Новгород, и Торжок, и Копорье наместников от себя и возвратился.

6849 (1341). *Хан Тинбек*. Преосвященный Феогност митрополит пошел в Новгород Великий со множеством церковного своего причета и со многими своими слугами, и были тяжки владыке новгородскому и монастырям кормы и многие дары. Той же осенью умер хан Азбьяк ордынский, и сел после него в Орде сын его старший Тинбек; а другой был сын его Джанибек и убил брата своего младшего Хидырбека, и про то гневался на него старший брат его Тинбек хан; и была вражда между ними.

Умер Гедимин. Кн. литовский Ольгерд. Литвы умножение. В тот же год умер князь великий литовский Гедимин. Его сыновья: Наримант, Ольгерд, Евнутий, Кестутий, Кориад, Любарт и Монтевит. И после него сел на великом княжении Литовском второй сын его Ольгерд. Сей же Ольгерд премудр был весьма, и многими языками говорил, и превзошел властью и саном более всех, и воздержание имел великое, от всего суетного отвращался; потехам, и играциям, и прочему таковому не внимал, но прилежал о державе своей всегда день и ночь, и от пьянства отвращался, вина, и пива, и меда, и всякого питья пьянственного не пил никогда, ибо ненавидел пьянство, и великое воздержание имел во всем. И от сего великий разум и смысл приобрел, и крепкую думу стяжал. И таковым поступком многие земли и страны повоевал, грады и княжения взял за себя, и удержал власть великую. И умножилось княжение его более всех, ни при отце его, ни при деде так не было.

Ольгерд к Можайску. Женился кн. Иоанн. Родился Константин и умер. Латигола. В тот же год князь Иоанн Иоаннович, внук Данилов, женился у князя Дмитрия у брянского. В тот же год на Покров пречистой Богородицы пришел Ольгерд, князь великий литовский, со многою ратью ко граду Можайску, и волости и села пленил, и посад пожег; и под градом стоял, но града не взял, возвратился восвояси. В тот же год в воскресенье недели

Фомы женился князь Иоанн Иоаннович, внук Данилов, взял Евдокию, дочь князь Дмитрия брянского. В тот же год немцы, придя, поставили град новый на реке Пивже на псковской меже. В тот же год князь Михаил Александрович тверской, сын крестный владыки новгородского Василия, пришел к нему в Новгород грамоте учиться. В тот же год у великого князя Симеона Иоанновича родился сын Константин и через год в тот же день умер. В тот же год немцы убили псковичей лучших людей на миру. И пошли на них псковичи с князем Александром Всеволодичем, и повоевали Латиголу. И сие князь Александр Всеволодич учинив, возвратился и отошел прочь. В тот же год владыка новгородский Василий покрыл святую Софию всю свинцом, и иконы написал, и кивот устроил.

6850 (1342). *Умер хан Танбек. Хан Чаныбек.* Ордынский султан Джанибек, сын Азбяков, убил брата своего старшего Тинабека хана, а сам сел в Орде ханом, а прежде сего убил младшего своего брата; и так всю Ордою, и всеми улусами, и всеми землями властвовать стал.

Новгородцы в Поморье. Смятение новгородское. В тот же год Лука Варфоломеев, не послушав поучения и благословения Феогнosta, митрополита киевского и всея России, и своего владыки новгородского Василия, собрал себе плутовских лукавых людей и холопов боярских, и пошел за Волок на Двину, и поставил град Орлец; и там собрал емчан, и взял землю Заволоцкую, и все волости и села по Двине повоевал. В то же время сын его Анцифор пошел на Волгу. Отец же его Лука тогда пошел не со многой дружине воевать, и убили его заволочане. И услышано было в Новгороде, и оскорбились о нем черные люди, и восстали на посадников на Андрея и на Федора Даниловичей, говоря: «Вы засылали Луку убить; и пограбили дома их и села. Посадники же сбежали в Копорье и там пребывали время немалое. И после сего пришел в Новгород Луки сын Анцифор, бия челом владыке и всем новгородцам на посадников, и на Андрея, и на Федора, говоря: «Эти заслали отца моего убить». И владыко с новгородцами послали архимандрита Иосифа с боярами за Федором и за Андреем. Посадники же, придя в Новгород, начали говорить со слезами: «Не думали мы, ни гадали на брата своего Луку, что его убить, не засылали мы». И Анцифор с Матвеем зазвонили в вече у святой Софии, а Федор и Андрей зазвонили в вече на Ярославовом дворе. И послали Анцифор и Матвей владыку на вече, и не дождавшись владыки с того вече, напали на Ярославов двор; и тут взяли Матвея и Козьму, и сына его Игнатия, а Анцифор убежал со своими пособниками. Сие же было до обеда, а после обеда весь град со владыкою Василием и с наместником Борисом заключили мир между ними.

Псковичи Литве отдались. Ольгерд во Пскове. Ольгерд на немцев. Немцы под Изборском. Псковичи побиты. Кестутий. Любек убит. Ольгердова робость. Немцы от Изборска. Кн. литовский Андрей крещен. Мир псковичей с новгородцами. Немцы побиты. В тот же год прислали псковичи к Новгороду, говоря: «Идет на нас рать немецкая, помогите нам». Новгородцы же собрали силу, хотели послать к ним на помощь. Они же прислали к ним снова, говоря: «Нет рати на нас, но был мир». Новгородцы же возвратились и разошлись восвояси. Затем потом псковичи отказались от Новгорода и великого князя русского и послали послов своих в Витебск великому князю литовскому Ольгерду Гедиминовичу, помощи просили от немцев, говоря: «Ибо братья наши новгородцы нам не помогают». Он же принял челобитье их и послал к ним наперед себя воеводу своего князя Юрия Витовтовича, потом же и сам пошел с братом своим Кестутием, и с литвою, и с сыном своим Андреем. И послал князя Юрия Витовтовича со псковичами охочими людьми языка добывать к Новгородку. Он же пошел и на пограничье встретил великую рать немецкую, идущую к Изборску. И тут убили немцы псковичей шестьдесят человек у реки Мекожицы, а князь Юрий Витовтович с малым числом убежал во град Изборск. Немцы же, придя, обступили град Изборск с великою силою и с пороками, а Ольгерду и Кестутию то все неведомо было. И повелел Ольгерд рати своей переплывать реку, а не ведал про рать немецкую под градом Изборском. Переплыли же они реку, и стали станами на Коломне, а Ольгерд послал людей своих в стражу пред полком. Те же, придя, поймали языка и привели к Ольгерду, и поведал силу великую немецкую и рать многую под градом Изборском. Ольгерд же вскоре повелел возвратиться за реку, идти ко Пскову, и укреплять град, и собрать людей под градом в осады. А сам Ольгерд с Кестутием и с малою дружиною пошел в Грамское болото и начали разузнавать о немецкой рати. А князь Любка Воинев, сын полоцкого князя, вместе с приятелем отъехал от Ольгерда, и въехали в сторожевой полк немецкий, и не ведали, что чужие это, и там убили их обоих; и опечалился весьма о сем Ольгерд. А в то время тяжело было Изборску от немецкой рати, и прислали к Ольгерду помощи просить. Он же не восхотел идти против немецкой силы, но говорил им так: «Идите во град, и никак же не предавайтесь, и всяко с ними битву творите. И если не будет у вас крамола, нисколько не преуспеют против вас. А что мне пойти со своею силою на великую их силу, и сколько там падет мертвых, и кто ведает, чей верх будет. Если Божиею милостию и наш верх будет, но много будет убитых; и как потреба есть в сем? Ныне же сидите во граде, и если будете усердствовать все во единой мысли, нисколько не преуспеют против вас». Немцы же стояли под гра-

дом десять дней и воду у горожан отняли; но Божиим гневом гонимы, станы свои, и запасы свои, и пороки свои пожгли и бежали восвоеси, никем не гонимые. И псковичи много молили великого князя Ольгерда Гедиминовича, крестить его хотели и на княжении посадить во Пскове. Он же говорил им: «Уже крещен и христианин я, и второй раз креститься и на княжение у вас сесть не хочу, но даю вам сына моего крестить». Псковичи же крестили сына его, и нарекли его Андрей в соборной церкви, и посадили его во Пскове у себя на княжении. А отец его Ольгерд Гедиминович с Кестутием пошли в свою землю. Псковичи же снова примирились с новгородцами, и придя к Новгородку, убили немцев с 300 человек.

В тот же год повелением великого князя Симеона поставлена была церковь каменная Благовещение пречистой Богородицы на Городище, и освящал ее Василий, владыко новгородский.

Ярослав пронский. Рязань в осаде. Рязань взята. Ярослав, кн. рязанский. В тот же год пришел из Орды с послом Киндяком князь Ярослав пронский на рязанское княжение и пришел с татарами к Переславлю Рязанскому. И князь Иван Иванович Коротоп затворился во граде Переславле и бился с ними весь день, а в ночи выбежал из града. И посол Киндяк с татарами вошел во град и много зла сотворил христианам, иных побил, а иных пленил. А князь Ярослав пронский сел во граде Переславле Рязанском. Князь великий Симеон Иоаннович пошел в Орду к новому хану Джанибеку, Азбякову сыну; и князи Константин суздальский, Константин тверской, Константин ростовский все вкупе прежде того пошли к хану в Орду; и Феогност митрополит пошел в Орду за причет церковный.

Умерла княг. Евдокия. Умер еп. тверской Феодор. Умерла княг. Феодосия. В тот же год преставилась великая княгиня Авдотья князя Василия Давыдовича ярославского. Преставился Федор епископ. Той же зимой преставилась Феодосия, княгиня Иоанна Иоанновича.

Митрополит оклеветан. В тот же год вышел из Орды князь великий Симеон Иоаннович, внук Даниилов. В оный же год пришел из Орды от царя Джанибека Феогност митрополит, ибо брали митрополит и епископы ярлыки на свои причты церковные от ханов ордынских. Некие ж русские владыки оклеветали Феогноста митрополита к хану Джанибеку, что «много бесчисленно имеет дохода и собрания имения, золота, серебра и всякого богатства, и по достоинству будет ему тебе давать в Орду каждый год полетные дани». Хан же просил у митрополита полетных данией. Митрополит же не согласился ему на таковые. И про то держал его хан в тесноте; и митрополит хану, и ханше, и князьям раздал 600 рублей, и так отпустил его хан со всеми своими.

6851 (1343). *Умер Иван рязанский. Псковичи на немцев. Медвежья Голова. Немцы побиты.* Погорел град Москва весь, и церковей 18 сгорело. Сие же четвертый раз пожар был в тринадцатъ лет на Москве. Убит был князь Иван Иванович Коротопол рязанский, поскольку убил брата своего князя Александра Михайловича пронского и сам ту же чашу испил: ибо каким судом судил, осужден будет сам, и какою мерою мерит, возмерится ему. Псковичи пошли с князем Остафием в Немецкую землю ко граду Медвежье Голове 5000 мужей и, войдя, воевали 8 дней. Когда же были они на озере Остриачне, пришел на них немецкий полк, и был бой великий. И пособил Бог князю Остафию, и одолели псковичи, убили у немцев князя вильневича, и многих немцев побили мужей лучших и посадников старших. И у псковичей также побили немцы посадника Кормана, Кирея, Варфоломея и Алферия, и иных бояр много, и добрых людей. А Даниил, посадник псковский, обрезал на себе доспех и едва убежал; велико было тогда падение немцев, а псковичам много о лучших мужах жалость; у немцев же взяли весь сбыток (товар) их и множество коней и оружия.

6852 (1344). *Умер Ярослав пронский. Смятение войска.* Пошел в Орду князь великий Симеон Иоаннович, внук Даниилов, а с ним братья его князь Иоанн да князь Андрей Иоанновичи, и все князи русские тогда были в Орде. В тот же год преставился князь Ярослав Александрович пронский. В тот же год начали расписывать две церкви каменные на Москве: преосвященный Феогност митрополит у своего митрополитова двора соборную церковь пречистой Богородицы греческими мастерами, в тот же год и завершил всю роспись; а другую церковь у двора великого князя святого архангела Михаила князь великий Симеон Иоаннович расписывал русскими иконниками, и не дописали ее в тот год величия ради и мелкого письма. В тот же год пришел из Орды от хана Джанибека с пожалованием и со мною честию князь великий Симеон Иоаннович, внук Даниилов, которому хан всех князей русских поручил. В тот же год Федор, владыко тверской, у соборной церкви во Твери святого Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сотворил двери медные. За Нарвою в земле Юрьевской учинилось смятение, восстала чудь на немцев и многих господ в Кольванской и Ругодивской областях побили. более 300 знатных мужей, не считая челяди немецкой. И услышали сие вильнич, собравшись с юрьевцами, побили чуди до 14000. Многие же побежали на острова, и немцы за ними пошли: но чудь, собравшись, прогнала и многих немцев побила.

6853 (1345). *Умерла Анастасия, вел. княг., Августа. Женился кн. Симеон. Евпраксия. Женился кн. Иоанн II. Женился кн. Андрей.* Преставилась великая княгиня Симеона Иоанновича Анаста-

сия в черницах и в схиме, родом литовка, а литовское имя ее было Августа; и положена была в монастыре в церкви святого Спаса на Москве. В тот же год расписали в монастыре и церковь святого Спаса велением и казною великой княгини Анастасии, а мастера, старейшины и начальники были русские родом, а греческие ученики: Гоитан, и Семен, и Иван, и прочие их ученики и дружина. В тот же год князь великий Симеон Иоаннович, внук Даниилов, женился второй раз у князя Федора Святославича смоленского, взял у него дочь Евпраксию. В тот же год братия его поженились, князь Иоанн Иоаннович, внук Даниилов, и князь Андрей Иоаннович, внук Даниилов; все три брата в один год женились.

Война литовских князей. Наримант в Орду. Крещен в Москве. В тот же год князь великий литовский Ольгерд Гедиминович с братом своим Кестутием Гедиминовичем пришли внезапно быстро на старшего своего брата Нариманта Гедиминовича и на брата своего Евнутия Гедиминовича ко граду к Вильне. И устрашились люди во граде, и бежал из града князь Наримант Гедиминович в Орду к хану Джанибеку Азбьяковичу, а другой брат его Евнутий Гедиминович бежал ко Пскову, и оттуда в Новгород, и оттуда к Москве к великому князю Симеону Иоанновичу; и тут на Москве крещен был, и наречен был во святом крещении Иван.

Умер Василий муромский. В тот же год преставился князь Василий Давыдович ярославский в чернецах и в схиме и положен был в церкви святого Спаса в Ярославле. В тот же год преставился князь Василий муромский и положен был в его вотчине в Муроме в церкви святых мучеников Бориса и Глеба в монастыре на Ушене.

6854 (1346). *Колокола в Москве. Иоанн, еп. ростовский.* Великий Симеон и с братьями своими Иоанном и Андреем отлили в Москве три колокола больших, а два меньших, а лил их мастер Борис римлянин. Архиепископ владыко новгородский Василий пришел на Москву звать великого князя Симеона в Новгород на престол; а прежде у митрополита Феогноста благословение принял и чести, и дары принес. И благословил его Феогност митрополит, и дал ему священные ризы крестчатые, и взял у него дьякона Кирилла, которого голос и чистота языка всех превосходили. В тот же год преосвященный Феогност митрополит поставил епископом Ростову Иоанна, спасского архимандрита.

Мор. В тот же год был мор сильный очень под восточную стороною на Орначи и на Азсторокани (Астрахани), и на Сарае, и на Бездежи, и на прочих градах, странах, на христианах, и на армянах, и на фрязах, и на черкасах, и на татарах и на обзях, так что не было кому погреть их.

Ольгерд на Новгород. Порхов. Смятение новгородцев. Посадник убит. В тот же год князь великий Ольгерд литовский с

братом своим Кестутием Гедиминовичем пошли к Новгороду с ратью и стали на устье реки Мшаги, а к новгородцам послал, говоря такое: «Хочу с вами видеться, да если мне Бог поможет, хочу вас наказывать. Лаял мне посадник ваш Остафий Дворянинец и столькими укоризнами омоловил, называл меня псом». И мало постояв, начал воевать, и взял Шелонь и Лугу, и много волостей, и сел и мест воевали и пленили, и с Порхова взял откупа 360 рублей новгородских, затем и с Опоки взял откуп. И там собрались новгородцы, и вышли на него на Луге. И снова возвратились обратно к Новгороду бегом, и начали звонить вечем на княжем дворе. И убили там посадника Остафия Дворянина, говоря к нему так: «Ты брань сотворил, и потому всю землю нашу в полон повели. И кто тебе велел лаять на князя?» И так убит был Остафий Дворянинец, и Ольгерд Гедиминович с братом своим же Кестутием Гедиминовичем со многим полоном возвратились восвояси.

Развод великого князя с женою. Князь великий Симеон отослал от себя княгиню свою Евпраксию к отцу ее князю Федору Святославичу на Волок. Князь великий Симеон Иоаннович пошел в Новгород и сел в нем на Соборное воскресенье; и быв три недели, многий порядок в людях учинил и многую власть у посадника отнял, а простой люд весь его любил; и оставив наместника, сам пошел на Москву.

Умер Константин тверской. Всеволод тверской. В тот же год князю Константину Михайловичу тверскому была нелюбовь с княгинею Настасиею и с князем Всеволодом Александровичем, и начал брать бояр их и слуг и серебро за волости с помощью людской силы, и была над ними скорбь великая. Князь же Всеволод Александрович, того не могши терпеть, пошел изо Твери к великому князю Симеону Иоанновичу на Москву. И князь Константин Михайлович тверской поехал в Орду к хану Джанибеку, а князь Всеволод Александрович холмский пошел в Орду с Москвы. И в тот же год преставился в Орде князь Константин Михайлович тверской. А князь Василий Михайлович кашинский, внук || Ярослава, прислал из Кашина данщиков своих в удел князя Александра Всеволодовича в Холм, и взяли дань на людях в Холму, и пошел в Орду к хану Джанибеку; а тогда в Орде был прежде его племянник его князь Всеволод Александрович холмский, и дал ему хан Тверское княжение. Слышал же князь Всеволод Александрович, что дядя его князь Василий Михайлович кашинский взял дань на вотчине его на Холму, и оскорбился, пошел от хана из Орды с послом; и на Бездеже встретил дядю своего князя Василия Михайловича кашинского, и ограбил его. Князь же Василий оскорблен был, опечалившись весьма из-за племянника своего Всеволода, который несправедно у хана испросил все княжение Тверское.

6855 (1347). *Король свейский пишет о соборе. Ответ новгородцев. Ответ о вере плохой. Прение с папистами. Орехов (Орешек). Березов остров. Война Магнуса шведа. Паписты силою обращают. Шведы побиты.* Магнус, король свейский, послал послов своих, иноков и пресвитеров, к Новгороду Великому, говоря такое: «Повелите быть собору в некоем месте, созывая, и соберите своих философов в то место и на тот собор, и я своих философов, собрав, пошлю, да поговорят о вере от Писания, да уведем истинно, какая вера правее. Если будет ваша вера истинна правая, и я в вашу веру иду; если же будет наша вера права и истинна по писанию, пойдите же вы в нашу веру без всякого сомнения, да будем все заедино в мире и любви духовной и телесной и во всяком совете благом и всем супостатам нашим страшны будем. Если же не хотите так сотворить, хочу на вас идти со всею силою своею ратью». Владыка же Василий с новгородцами отвечал Магнусу, королю свейскому, так: «Если хочешь увидеть, которая вера лучше, права истинно есть, пошли в Цареград к патриарху, поскольку мы приняли от греков правую веру сию и закон греческий держим, как приняли от них, а с тобою не хотим препираться о вере. А что между нами и вами которая будет обида, нам к тебе о том слать, а ты к нам о всяких делах шли и управу нам давай во всем, а мы тебе управу даем во всем, в любви, и согласии, и в мире, а о вере споры жаркие, и брани, и укоризны между собою да не сотворим». Услышал же о сем преосвященный Феогност митрополит, оскорбился весьма на владыку Василия, который недобро отвечал Магнусу, писал к нему, что недостойно так ему о себе отвечать, а следовало обмениваться сообщениями и вопрошать хорошо сведущих. «Я бы сказал в ответ королю Магнусу: "Мы радуемся, что хочешь с нами соединиться в вере, и можем разуметь, что вы сие истинно знаете, что мы веру христианскую приняли от апостолов и святых семи вселенских соборов и на всем Востоке до сих пор такую сохраняют, не убавляя и не прибавляя нисколько. Также и церковь западная сохраняла до 800 лет. Но когда архиепископ римский, возгордившись, восхотел над всеми архиепископами владеть и один господином всей церкви быть, из-за того учинилась вражда. Потом вымыслили они многие неправые прения, и тогда не один папа на соборах был свержен и проклят, но потом опять иное новое вымышляли. И на бывших потом соборах восточная церковь многие правости показала, а западные признавали свои неправоты за правость и единой власти ради согласиться не могли. И когда увидели латинники, что не могут власти над восточными иметь, в большую ересь и вражду впали. И хотя король уразумел, что папа заблудил от пути истинного и хочет от него отстать, а по древним святым апостолов и вселенских семи соборов уставам веровать, то мы

готовы с ним согласиться и учителей искусных из греков и русских пошлем". И если требуется, я сам готов к ним идти зловерие латинское обличить и на путь спасения наставить». Когда сие пришло в Новгород, владыка Василий послал уже к королю Магнусу Авраама тысяцкого, и Козьму Твердиславича, и иных бояр, и послали за ними вслед письмо митрополитово, и настигло их в Орехове. Авраам же слыша, что король идет с ратью, сам остался в Орехове, а к королю послал Козьму Твердиславля с боярами. И те пришли к королю на Березовом острове. Король же отвечал Козьме: «Вы измышляете на отца нашего папу римского, которого сам Господь поставил наместником своим на всей земле и повелел поклоняться ему всем царям земным, а вы зовете его антихристом и не хотите его чтить, ни поклоняться ему. Сего ради противники вы Христу Богу самому, и я иду и разорю землю вашу». Козьма же слышал сие от короля, и придя в Орехов, укрепились. А король, придя, обступил град, а ижору начал крестить в свою веру; а кои не крестились, на тех рать пустил, повелел разорять, и убивать, и пленить. Но не долго сам был, видя, что града взять не может, отпустил рать многую. А новгородцы приняли весть, что рать многая отпущена, на ижору пришли спешно с Анцифором Лукичем и побили их 500, а иных взяли, а наушников казнили. И прекратил король многое говорение свое и от гордой философии умолк, но не внял от малых сих и любомудрых слов митрополитовых.

Война литвы с ливонцами. Женился Симеон третий раз. Андрей Кобыла. Алексей Босоволок. Собор. Еп. Нафанаил суздальский. В тот же год пришли немцы ратью на Литву, и был им бой великий весьма, и убили немцы литвы четырнадцать тысяч. В тот же год паводь великая была весьма, такого же не бывала никогда. В тот же год князь великий Симеон женился в третий раз, взял за себя княжну Марью, дочь великого князя Александра Михайловича тверского. А ездили за ней во Тверь Андрей Кобыла да Алексей Босоволоков. Преосвященный Феогност митрополит имел собор о делах духовных к исправлению монастырей, служения и служителей церковных, и установили начало года сентября от 1-го числа. И списав список, послал князь великий Симеон Иоаннович с архимандритом рождественским в Цареград к патриарху, о благословении прося. Феогност митрополит поставил Нафанаила епископом в Суздаль. Князь великий Симеон Иоаннович пошел в Орду.

6856 (1348). *Родился Даниил. Ольгерд посылает в Орду. Аминь. Преставление Симеоново. Послы литовские.* Родился великому князю Симеону сын Даниил. В тот же год пришел из Орды от хана Джанибека, Азбякова сына, князь великий Симеон Иоаннович, внул Даниилов, со мноюю честию и с пожалованием,

а с ним брат его князь Андрей Иоаннович. Князь великий Симеон Иоаннович, видя неправду псковичей и князя Ольгерда литовского, повелел новгородцам перехватывать людей Ольгердовых многих; обменялся же сообщениями с князьями смоленскими и литовскими, братиею Ольгердовыми, и со всеми князьями русскими идти на Ольгерда, и все начали воинов многих снаряжать. Ольгерд же, слышав сие, весьма убоился и послал в Орду к хану Джанибеку брата своего Кориада и иных просить помощи на великого князя Симеона Иоанновича. Слышав же сие, князь великий Симеон Иоаннович послал к хану в Орду Федора Глебовича, а с ним киличеев своих Федора Шубачеева да Аминя жаловаться на Ольгерда, говоря такое: «Ольгерд улусы твои все высек и в полон вывел. Если хочешь ему оставить, то и нас всех выведет к себе в полон, а твои улусы пустыми до конца сотворит. И так разбогатеет, Ольгерд хочет тебе противен быть». Услышав же то, что Ольгерд улусы его опустошает, хан разгневался весьма яростию, как огонь, и выдал послов литовских, брата Ольгердова Кориада и прочих, киличеем великого князя, и приведены были на Москву с послом ханским Татутием. И выдал по ханскому слову посол его Татуй брата Ольгердова Кориада и дружину его великому князю Симеону Иоанновичу.

Магнус второй раз к Орешку. Орешек взят. Князь Иоанн к Новгороду. Князь Иоанн возвратился. Договор псковичей с новгородцами. Псковичей распря. Присет к Орешку. Орешек взят. В том же году король Магнус крамолою взял град Орехов и многих крестил во свою веру, а иные не послушали его. Он же взял откуп, а Авраама тысяцкого и прочих одиннадцать мужей лучших повел с собою за море, а наместника Наримантова и прочих отпустил из града; и так во граде том свою рать оставил и осаду укрепил. И послали новгородцы к великому князю Симеону Иоанновичу, чтобы шел к ним на помощь. Князь же великий Симеон Иоаннович, дойдя до Торжка, возвратился, ибо настигли его гонцы киличей из Орды, возвещающие ему слово ханское и жалование о выдаче Ольгердова брата Кориада. И так возвратился во град Москву, а в Новгород послал брата своего князя Иоанна Иоанновича, да князя Константина Борисовича ростовского, да Ивана Акинфовича, да с ними тысяцкий, и воеводы, и рати много. Пришли же князи в Новгород и слышали, что немцы град Орехов взяли, и осадили, и скрепили, и не пошли там на немцев, но пошли из Новгорода на Низ, не послушав владычного и новгородского челобитья, так как трудно было. Посадник же новгородский Федор Данилович, и наместники князя Иоанна Иоанновича, и все новгородцы и псковичи, и вся земля Новгородская, совокупившись, пошли под град Орехов, побили некоторое количество немцев под градом и Людку, воеводу их, убили. И совместно ре-

шили новгородцы стоять долго под градом, псковичи ж не восхотели долго стоять. Новгородцы же сказали к ним: «Дали мы вам такое, что посадникам нашим у вас во Пскове не быть, ни судить, и от владыки судить вашему псковитянину, а из Новгорода вам не взять и не позывать ни дворян новгородских, ни подвойских новгородских, ни софеян, ни клеветников, ни биричей (глашатаев). Ибо братья нам вы, псковичи, а Новгород Пскову брат, но скоро забыли любовь свою и жалование и не хотите потерпеть и супротивных устрашить. Если же упрямитесь вы, да отойдите отсюда восвоеси в ночи, чтобы супротивные не возрадовались, уведав». Псковичи ж имели речь на новгородцев, пошли от них, вострубили в трубы и били и в сопели, и посвисты делали. Немцы же, видев, начали смеяться. Новгородцы ж взъярились, и собрали всю землю новгородскую, и много запасов собрали, и укрепившись, обещали стоять под градом, до тех пор пока не возьмут. Немцы ж начали во граде слабеть, не было у них запаса хлебного и была в них скорбь великая. Новгородцы же в неделю первую Великого поста во вторник рано по примету (обложив хвостом по периметру) зажгли град. И так немцы сожжены были, а иные убиты были, те же, которые живы были, отвели тех на Москву к великому князю Симеону Иоанновичу. Стояли же новгородцы под градом тем, до тех пор пока не сожгли, от Спожинного дня до Сбора (от 15 августа до 1 недели Великого поста).

Темир к Алексину. Алексин. В тот же год князь Темир ордынский приходил ратью ко граду Алексину, родине святого чудотворца Петра митрополита, и посад пожег, и со многими полоном возвратился в Орду. Но Бог избавляет рабов своих от обидящих их и отмщает праведным своим судом, ибо убили Темира его же слуги татары в Орде в тот же год, и так окаянный зло погиб и с чадами своими.

Всеволод кн. холмский. Вражда тверских. Василий кашинский. После смерти князя Александра Михайловича тверского началась ссора между сыном его Всеволодом холмским и братом Александра Василием кашинским. Всеволод же, не желая со стрыем своим биться и кровь неповинную проливать, пошел в Орду к хану просить о суде. А Василий кашинский, уведав, вскоре пошел за ним по Волге. И были у хана более полугода, пренисимея о княжении тверском. И Василий многих князей подкупил, и помогали ему, говоря, что сей есть старший; с ним же и хан согласился, желая дать Василию. Мать же ханская Шеритамгу, придя в совет тот и слыша их суд, сказала: «О безумные судьи, как неправо судите, лишая сына отцова достояния. Ибо кто ближайший есть, как не сын после отца? А брат Александров имеет свой удел от отца, и после него наследуют сыновья его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского после него брат был?

разве насилие и крамола». И так устыдились все, и дал хан княжение Тверское Всеволоду, а Василию Кашин с городами присудными им. И князь Всеволод Александрович в тот же год пришел из Орды от хана с пожалованием и с честью на Тверское княжение, а с ним посол. А дядя его князь Василий Михайлович кашинский пришел из Орды в Кашин. И сотворилась между ними нелюбовь, а людям тверским тягость, и многие люди тверские того ради нестроения разошлись.

Умер Наримант. Война тверских. В тот же год князя Нариманта Гедиминовича убили, а с ним князей, и воевод, и литвы множество побили. В тот же год была брань великая во Твери князю Всеволоду Александровичу холмскому, который сидел жалованием ханским на княжении Тверском, с дядею его князем Василием Михайловичем кашинским, внуком Ярославовым, и едва кровопролития не было между ними.

6857 (1349). *Послы литовские. Мир с Литвою. Поляки Во- льнь взяли. Мир тверских.* Князь великий литовский Ольгерд Гедиминович прислал послов своих к великому князю Симеону Иоанновичу на Москву со многими дарами и с челобитьем, прося мира и жизни брату своему Кориаду Гедиминовичу, и боярам его, и дружине его литве. Князь же великий Симеон Иоаннович мир и любовь принял и отпустил к нему брата его Кориада Гедиминовича, и бояр его, и всю дружину его литву. Король краковский взял крамолою землю Волынскую и церкви греческого закона обратил на латинский закон. Феодор, владыка тверской, ввел в мир и любовь князя Василия Михайловича кашинского с князем Всеволодом Александровичем тверским, и плакали между собою в любви и в мире. И так Всеволод Александрович уступил княжение Тверское дяде своему князю Василию Михайловичу кашинскому, ибо сие были их уделы, князя Василия Михайловича Кашин, а князя Всеволода Александровича Холм. И так сел на княжении во Твери князь Василий Михайлович кашинский, и укрепились между собою крестным целованием во единомыслии и в совете жить.

Умерла Мария, вел. княг. Родился Михаил. Брак Любарта. Брак Ольгерда. В тот же год преставилась княгиня Мария великого князя Дмитрия Михайловича тверского. В тот же год пришел Феогност митрополит из Волыни. Родился великому князю Симеону Иоанновичу сын Михаил, и крестил его Феогност митрополит. В тот же год прислал к великому князю Симеону Иоанновичу из Волыни князь Любарт Гедиминович, прося за себя племянницу его по сестре, дочь князя Константина Борисовича ростовского. Он же дал за него племянницу свою в Во- льнь. В тот же год князь великий литовский Ольгерд Гедиминович прислал в Москву к великому князю Василию Иоанновичу, прося за себя

свести его, сиречь своячницу его, дочь великого князя Александра Михайловича тверского, именем Ульяну. Он же по совету Феогноста, митрополита киевского и всея Руси, дал за него своячницу свою Ульяну. В тот же год мор был на людей в Полоцке.

6858 (1350). *Родился Дмитрий. Родился Иван. Женился Василий.* Заложил князь Константин Васильевич суздальский церковь каменную в Новгороде. Князь великий Симеон Иоаннович пошел с Москвы в Орду с братиею своею с князем Андреем и князем Иоанном к хану Джанибеку, и в тот же год пришел с братиею своею с пожалованием и с великою честью. В тот же год родился князю Иоанну Иоанновичу сын Дмитрий месяца октября в 12 день. Той же зимой князь Константин суздальский ходил в Орду. Той же зимой родился князю Симеону Иоанновичу сын Иоанн. Той же зимой князь великий Симеон Иоаннович дал дочь свою в Тверь за князя Василия Михайловича тверского. В тот же год преставился князь Василий Александрович рязанский.

6859 (1351). *Георгий муромский. Муром обновлен. Поход к Выборгу. Мир и размен со шведами. Умер Юрий Витовтович.* Мор. Суздальский епископ Даниил желал более сел иметь, гневался на князя Александра, но тот не дал ему. Он же начал боярам его запрещать и в церковь не пускать, и за то отлучил его митрополит. Но через некоторое время по просьбе князя благословил его Феогност митрополит служить снова, и принял прежний чин архиерейства. В тот же год князь Юрий Ярославич муромский обновил град свой, вотчину свою Муром, запустевший издавна от первых князей, и поставил двор свой во граде, а также и бояре его, и вельможи, и купцы, и черные люди ставили дворы свои и святые церкви обновили иконами и книгами. В тот же год новгородцы ходили ратью к городу Выборгу и со многим полным возвратились восвояси. В тот же год новгородские послы ходили во град в Юрьев немецкий, и взяли мир со шведами, и выменяли у шведского короля на ореховских пленников Авраама тысяцкого, и Козьму Твердиславича, и прочую дружину их, что были уведены за море Магнусом, королем шведским. В тот же год новгородский владыка Василий поставил палату каменную. В тот же год князя Юрия Витовтовича убили под Изборском. В тот же год начал быть мор в людях, ибо так изволилось Господу Богу.

6860 (1352). *Мир с Литвою.* Князь великий Симеон Иоаннович с братиею своею, с князем Иоанном, Андреем и прочими князьями, собрав силу многую, пошли ратью на великого князя литовского Ольгерда. И дошли они выше города на Поротве, и тут пришли к нему послы от великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича со многими дарами о мире. Он же не оставил слова Ольгердова, мир взял и послов отпустил с миром, а сам продвигался еще ко Угре, желая идти на смоленского князя, потому

что Феодор, гневаясь за долг, поучал Ольгерда на войну; и тут пришли к нему послы смоленские. Он же, стояв на Угре восемь дней и упрошен быв братиею, послал послов своих в Смоленск и, взяв мир, возвратился к Москве.

Вражда тверских. К князю Василию Михайловичу тверскому пришел из Орды от хана посол Ахмат и привез ему ярлык на его имя. И так князь Василий Иванович тверской начал негодование иметь на племянника своего на князя Всеволода Александровича холмского, поминая отеческий грабеж его, и начал племянника своего князя Всеволода обижать несмотря на заключение мира, и бояр его, и слуг его тягостию данною оскорблять. И было между ними недоверие и нелюбовь.

Псковичи именем от смерти искупаются. Умер архиеп. Василий. В тот же год был мор во Пскове сильный очень и по всей земле Псковской. Была же смерть скоро: ибо харкнет человек кровию, и в третий день умирал. И начали многие люди давать святым церквам и монастырям села, озера и в озерах места для ловли, и в реках участки свои для ловли, и имение свое, сим желая очиститься от грехов своих и память вечную стяжать, а Бога умолить. Но не было помощи им, ибо умерли многие, и погребали по 20, по 30 и по 50 у церкви в одну могилу, и не было погребавших, и многий плач и рыдание во всех людях было. Видели друг друга скоро умирающими и сами на себя то же ожидали, и имение свое давали убогим и нищим; и никого же за воровство не ловили, ибо если кто что у кого возьмет, в тот час неисцельно умирал. Тогда же псковичи, быв под запрещением архиерейским, опаматовавшись о грехе своем, послали послов своих в Новгород, призывая со слезами к себе Василия, архиепископа новгородского, чтобы их благословил. И владыка Василий послушал их мольбы, и пошел к ним во Псков, и благословил их. И снова пошел от них в Новгород, и преставился на пути на реке Узе месяца июня в 3 день. И привезли его в Новгород, и положили у святой Софии в притворе большем. А был во святительстве 21 год и 4 месяца и два дня. И послали новгородцы в Москву к преосвященному Феогносту митрополиту с молением, чтобы благословил старого их архиепископа владыку Моисея на владычество в Новгород. Он же благословил им старого их архиепископа владыку Моисея в Новгород на престол святительский.

Мор в Новгороде. Глухов. Белоозеро. В тот год был же мор сильный очень в Новгороде и по всей земле Новгородской, промыслом Божиим вошла смерть в людей тяжкая, и страшна, и произвольная весьма, от Спожинного дня до Великого дня многое и бесчисленное множество людей добрых умерло. Не в одном же Новгороде было сие, но по всем землям походило то наказание Господне. Ибо был мор сильный очень в Смоленске, в

Киеве, в Чернигове, и в Суздале, и во всей земле Русской. В Глухове же тогда ни один человек не остался, все умерли, так же и на Белоозере.

Развод холмского. Родился Симеон. В тот же год князь Всеволод Александрович холмский отослал княгиню свою на Рязань. В тот же год завершили церковь каменную в Новгороде Нижнем. В тот же год великому князю Симеону Иоанновичу родился сын Симеон.

Послы в Греки. Воробьев. Коробьин. Митр. Феодорит. Патриарх терновский. Той же зимой месяца декабря в 6 день преосвященный Феогност митрополит поставил наместника своего старца Алексия в епископы во Владимир, ибо любил его весьма и держал у себя во дворе, он же наместник был у него. И так при своей жизни учинил его владыкою, а после своей жизни благословил его во свое место на великий престол на митрополию киевскую и всея Руси. Потом посоветовался с великим князем Симеоном Иоанновичем и с его братиею, с князем Иоанном и Андреем Иоанновичами, и с боярами, и с вельможами и послали послов своих в Цареград: от великого князя послы Дементий Давыдович да Юрий Воробьев, а от митрополита послы Артемий Коробьин да Михаил Щербатый гречанин, и сие сказали им, да не поставит им иного митрополита на Русь, кроме его епископа Алексия. В тот же год инок Феодорит поставлен был митрополитом от патриарха терновского в Болгарии и Сербии и пришел в Киев.

6861 (1353). *Умер Феогност митр. Афанасий. еп. коломенский. Умер Иоанн. Умер Симеон.* Преставился Феогност, митрополит киевский и всея Руси, месяца марта в 11 день, во гроб положен был того же месяца в 13 день. И был на погребении его Алексий, епископ владимирский, Афанасий, епископ волынский, и Афанасий, епископ коломенский, со всем священным собором; и положили его в соборной церкви Пречистой Богородицы на Москве в пределе Поклонение вериг святого апостола Петра об одну стену с Петром чудотворцем митрополитом. И тогда на той же неделе преставились два сына великого князя Симеона Иоанновича, князь Иоанн да князь Семен, в одной седмице с Феогностом митрополитом. Затем миновало шесть с половиной недель, и прошли сорочины Феогноста митрополита, и преставился князь великий Симеон Иоаннович, внук Данилов, правнук блаженного Александра, месяца апреля в 26 день и положен был во своей вотчине на Москве в церкви святого архангела Михаила; княжил 13 лет, и было всех лет жизни его 38.

Умер Андрей. Родился Владимир. Сей князь великий Симеон Гордый звался, так как не любил крамолы и неправды, но всех обличаемых наказывал; сам хотя мед и вино пил, но никогда до пьяна не упивался и пьяных терпеть не мог; войны не любил, но

воинство готовое имел и в чести содержал. В Орде был от ханов и князей в великом почтении; и хотя дани и дары невеликие давали, и сам имения немного собирал, но при нем татары не воевали вотчины его; он многих пленных испросил и выкупил. Князей же всех рязанских, тверских и ростовских только подручными себе имел, так что все по его словам творили; и новгородцы не смели наместнику его что-либо против сказать. Братия же его князь Иоанн и князь Андрей имели его как отца; не смели же пред ним никто ни на кого что-либо злое неправо сказать, и сим все были в тишине великой, и многие от иных стран приходили служить ему. Вскоре же преставился брат его Андрей Иоаннович, после сорочин на третий день брата своего великого князя, и положен был на Москве в той же церкви святого архангела Михаила месяца июля в 6 день. В тот же год, когда преставился князь Андрей Иоаннович, родился ему сын князь Владимир на сорочины отца своего.

52. ИОАНН II, СЫН ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА I-го, НАЗЫВАЕМЫЙ КРАСНЫЙ

Прения о великом княжении. В тот же год князи пошли в Орду к хану Джанибеку, Азбьякову сыну, вести прения о великом княжении Владимирском, князь Иоанн Иоаннович, внук Даниилов, да князь Константин Васильевич суздальский. Тогда ж и новгородцы послали посла своего Семена Судакова в Орду к хану Джанибеку, просили великого княжения князю Константину Васильевичу суздальскому. Хан же дал великое княжение князю Иоанну Иоанновичу, брату великого князя Симеона Иоанновича. Новгородцы же тогда были с ним не в миру полтора года, но зла не было им нисколько.

Послы из Цареграда. Коробьин. Щербатый. В тот же год пришли послы из Цареграда, посланные великим князем Симеоном Иоанновичем и преосвященным Феогностом, митрополитом киевским и всея России, Дементий Давыдович да Юрий Воробьев, а митрополитовы послы Артемий Коробьин да Михаил Щербатый гречанин, посланные к блаженному Филофею, патриарху вселенскому, и царю Ивану Кантакузену, принесли из Цареграда от патриарха и от царя грамоту, которою соизволено быть Алексею владыке владимирскому в Цареград к патриарху ставиться от него на митрополию.

Лопасня. Июля в 6 день взяли рязанцы Лопасню. Князь же их Олег Иванович тогда был млад, но храбр, наущен вельможами, и наместника великого князя поймали Михаила Александровича, и повели его на Рязань; и был там во истомлении великом, и потом едва выпустили его, и так отошел восвояси.

Новгородцы отделяются от власти. В тот же год архиепископ новгородский владыко Моисей послал послов своих в Цареград ко блаженному и медоточивому языком Филофею, патриарху вселенскому, и царю Ивану Кантакузену с дарами и со многою честью, прося благословения и исправления от обид, приходящих от митрополита киевского Феодорита с насиением многим, а желая от митрополии и власти великих князей отделиться.

6862 (1354). *Князи великому князю подчинены. Родился Иоанн. Два митрополита, Алексий, Роман. Женился Борис суздальский.* Пришел из Орды от хана Джанибека пожалованный на великое княжение Владимирское князь Иоанн Иоаннович марта 15 дня и сел на великом княжении, а прочие князи каждый остался на своем уделе. И повелел им хан слушать всем великого князя и у него судиться, а на него в обиде просить у хана. Тогда ж погорел град Москва весь, и церквей сгорело 13. Тогда ж великому князю Иоанну родился сын Иоанн. В тот же год мятеж во святительстве сотворился, чего не бывало прежде сего в Руси: в Цареграде от патриарха поставлены были два митрополита на Русскую землю, Алексий да Роман, и была между ними нелюбовь великая. И тогда от обоих их из Цареграда пришли послы во Тверь к Феодору, владыке тверскому, и была священническому чину тягость великая везде. И пришел преосвященный и блаженный Алексий митрополит из Цареграда на Москву. А также и Роман митрополит пошел из Цареграда на Русь. В тот же год князь Константин Васильевич суздальский женил сына своего князя Бориса у великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича. В тот же год в Новгороде поставлены были три церкви каменные: Знамения святой Богородицы на Ильиной улице и святого Дмитрия на Лубянице; а святых 40 мучеников церковь пала. А люди тогда ловили в Волхове рыбу у берега руками.

6863 (1355). *Умер Дмитрий стародубский.* Преставился князь Дмитрий Федорович стародубский и положен был в своей вотчине в Стародубе. И тогда брат его князь Иван Федорович пошел в Орду к хану.

Кн. Федор муромский. Юрия изгнан. Суд муромских в Орде. Юрий муромский. В тот же год князь Федор Глебович, собрав воинства многие, пошел ратью к Мурому на князя Юрия Ярославича, и изгнал его из града Мурома, и вошел во град, и сидел сам на княжение в Муроме. || И муромцы рады были ему, и взялись за него, и пошли с ним в Орду. А князь Юрий Ярославич пришел в Муром неделю спустя после отшествия его, и собрав оставшихся людей муромских, пошел за ним в Орду судиться с ним. И был великий суд между ними пред князьями ордынскими, и досталось княжение Муромское князю Федору Глебовичу. Так же князя Юрия Ярославича выдали князю Федору Глебовичу. Он же в ве-

ликой крепости держал его у себя, в тягости и в нужде великой преставился.

Союз с суздальским. Новгородцев вины. Новгородцы просят. Умер Константин суздальский. Андрей суздальский. В тот же год князь великий Иоанн взял любовь с князем Константином Васильевичем суздальским. Князь же великий имел гнев тяжкий на новгородцев, что посылали посла в Орду просить за князя Константина, дани удержали и наместников, от брата его князя великого Симеона посаженных, сослали, в Цареград на митрополита с жалобою посылали, а с литвою ссылались, и хотел сам со всеми князьями на них идти. Новгородцы же, слышав о сем, послали к князю Константину Васильевичу суздальскому просить, чтобы помог им против великого князя. А также послали и к князю Александру, но Константин прежде их присылки с великим князем примирился, не смея же и из-за хана помогать новгородцам, отказал им, но послал послов свои с новгородцами к великому князю. И новгородцы от себя прислали посадника и тысяцкого с дарами многими. И князь великий, послушав князей суздальского и тверского, принял просьбу их, дал новгородцам мир. А новгородцы отдали дани и выходы, что удержали было. Тогда послал великий князь в Новгород тех же наместников. И вскоре потом преставился князь Константин Васильевич суздальский во иноках и в схиме, положен был в Новгороде Нижнем в созданной им церкви святого Спаса. Княжил 15 лет, честно и грозно оборонял вотчину свою от сильных князей и от татар. И сын его Андрей пошел в Орду к хану Джанибеку с дарами. И чествовал его хан, пожаловал его вотчиною его, дал ему престол отца его княжение Суздальское, и Нижний Новгород, и Городец.

В тот же год пришел посол владыки новгородского из Цареграда от преосвященного Филофея патриарха и греческого царя Ивана Кантакузена и принес грамоты с золотыми печатями об издержках на поставлениях, и о церковных пошлинах святительских, и иные различные указания; принес же и ризы с крестами владыке Моисею новгородскому и благословение всему Новгороду.

6864 (1356). *Брак Любви. Иван, еп. ростовский. Еп. Игнатий ростовский. Василий еп. Феогност еп. Иоанн еп. Митр. Алексий в Цареград. Иван ситский во Ржеве. Ржев взят. Война Ольгерда на Брянск. Василий смоленский. Кн. Иван стародубский. Кн. Андрей суздальский. Роман митр.* Князь великий Иоанн Иоаннович отдал дочь свою Любовь в Литву за Дмитрия, Корианова сына, внука Гедиминова. Преставился Иоанн, епископ ростовский. В тот же год преосвященный Алексий митрополит поставил Игнатия епископом Ростову, а Василия епископом в Рязань и в Муром, Феогноста епископом в Смоленск, Иоанна епископом в Сарай. В тот же год Алексий митрополит пошел второй раз в Ца-

реград, а Роман митрополит прежде его пошел в Цареград. И в то лето был там меж ними спор великий. В тот же год князя ситского сын Иван сидел с литвою во Ржеве. Той же осенью воевал Ольгерд Гедиминович Брянск и Смоленск, и у князя Василия смоленского поймал в плен сына. Пришли из Орды от хана с пожалованием: князь Иван Федорович и сел на княжении в Стародубе на Клязьме, на вотчине своей; а князь Василий с пожалованием на княжение Брянское и сел во Брянске; а князь Андрей Константинович на княжение Суздальское и сел в Нижнем Новгороде. Пришел из Цареграда преосвященный Алексий митрополит со мною честию от патриарха с благословением на всю Русскую землю, а Роман митрополит пришел от патриарха на Литовскую и на Волынскую земли.

Сурож гр. Умер Василий брянский. Брянск литва взяла. Убит тысяцкий московский. Мятеж в Москве. В тот же год пришел на Москву из Орды Ирынчей и с ним гости сурожане от града, бывшего на Волге в Нижних Болгарах. И велел им князь великий устроить ряд сурожский, где торговать. Князь Василий брянский, мало время пребыв, преставился во Брянске. После него был мятеж от лихих людей, и волнение великое, и опустение града, и призвали князя литовского, он же прислал наместников своих, и потом начал обладать Брянском князь великий литовский. Той же зимой месяца февраля в 3 день сотворилось на Москве в ночи, когда заутреню благовестят, убит был тысяцкий московский Алексей Петрович. Убиение ж его было страшно, и незнаемо, и неведомо от кого же, только нашли его убиенным лежащим на площади, когда заутреню благовестят. И некие говорили о нем, что сие сотворилось или от бояр, или от иных втайне; и так убит был, как князь великий Андрей Боголюбский от Кучковичей. И был мятеж великий на Москве из-за убийства того. И в ту же зиму по последнему зимнему пути старшие бояре московские отъехали на Рязань с женами и с детьми.

6865 (1357). *Тверских распри. Смятение татар. Умер Джанибек. Хан Бердибек.* Хан ордынский Джанибек взял Таврийское царство и многих христиан убил. Алексий, митрополит киевский и всея России, пошел из Москвы во Владимир. И там пришел к нему с жалобами князь Всеволод Александрович холмский на дядю своего князя Василия Михайловича тверского о своих обидах, что ему учинилось несмотря на заключение мира. И князь Василий Михайлович тверской послал к великому князю на Москву по митрополитову слову и сотворил мир и любовь великую с великим князем Иоанном Иоанновичем, а потом пошел и с Феодором, епископом тверским, ко Алексию митрополиту во Владимир. И многие были между ними разговоры, но конечный мир и любовь не сотворились. Тогда же за Алексием митрополи-

том пришел посол из Орды от Джанибековой ханши Тайдалы, звала его к ней в Орду, чтобы дошел, посетил исцелить ее, ибо была немощна. Он же приготовил потребное к путному шествию и пошел августа в 18 день в Орду. И Божию милостию ханшу Тайдалу исцелил, и довольно быстро из Орды отпущен был, поскольку в то время восстали вражда и волнение великое в Орде. Отпущен же был тогда из Орды и посол, именем Иткар, на Москву по запросу всех князей русским. Пришел же посол от хана на Русь, именем Кошак. А волнения в Орде не переставали, но воздвигались; ибо был тогда в Орде у хана Джанибека князь темник окаянный Тавлубей, мудрый и сильный весьма, восхотел всею Ордою овладеть и всеми землями. И начал сыну ханскому Джанибекову Бердибеку во ухо шептать, хваля его и вознося, говоря, что «время тебе есть сидеть на ханстве, а отцу твоему сойти». И так начал помалу советовать ему убить отца его Джанибека, Азбякова сына, и многих князей ордынских привлекли они к себе в совет, обещали каждому что дать. И так султан Бердибек воспринял злой совет тот с лестью, и пришел к отцу своему с думцами своими с князьями ордынскими, и удавил отца своего Джанибека Азбяковича. Был же сей хан Джанибек добр весьма ко христианству, многие льготы сотворил земле Русской, но суд ему сотворился: как он побил братию свою, так же и сам ту же чашу испил. Сын же его Бердибек после него сел на ханство и убил братьев своих 12, окаянным князем и учителем своим доброжелателем Тавлубеем наставляемый. И помалу в итоге сам погиб и с думцами своими.

Ахтуба. В тот же год все князи русские пришли в Орду к новому хану Бердибеку, Джанибекову сыну; а князь Василий Михайлович тверской с племянником своим с князем Всеволодом Александровичем холмским, в раздоре будучи, пошли порознь. Князь Всеволод Александрович холмский пошел в Орду на Переславль, и там великого князя Иоанна Иоанновича наместники не дал ему пути, и он пошел в Литву. Князя же великого хан, почитая, повелел встретить двум князьям на устье Ахтубы и проводил в Сарай со всякою честью и довольством. И содержан был у хана в великой чести в золотом сарае царевом.

6866 (1358). *Родился Иван.* Князь великий Иоанн Иоаннович пришел из Орды и снова позвал к себе двух бояр своих, которые отъехали было от него на Рязань, Михаил и зять его Василий Васильевич. А князь Василий Михайлович пришел из Орды во Тверь. Родился князю Михаилу Александровичу городенскому сын Иван.

С рязанскими разграниченье. Пришел посол великий из Орды ханский сын, именем Магмет-ходжа (Мамат-хожа), на Рязанскую землю и послал в Москву к великому князю Иоанну о разграничении земли Рязанской по пределам, имел же власть утвер-

дить нерушимые и неизменные поставить межи. Князь же великий Иоанн, ведая, что тот, доброжелательствуя рязанскому, хочет Лопасню и другие волости тому отдать, не пустил его в свою вотчину. И вот так было, но вскоре от хана в Орду позван был султан Мамет-ходжа, потому что клевета пришла на него хану, что вошел в крамолу великую, ибо убил было в Орде ханского любимца, и тогда сам он побежал ко Урначу. И там гонцы настигли его, взяли, и убит был по повелению ханскому.

Умер Александр. В тот же год у князя Михаила Александровича тверского преставился сын князь Александр у бабы своей у великой княгини Софьи в Софийском монастыре. Князь Федор Всеволод Александрович холмский, внук Михайлов, пошел в Орду из Литвы.

Ржев взят. Вражда тверских. В тот же год князь Василий Михайлович тверской со своими и можайскими полками взял Ржев, а литву изгнал. И в тот же год послал Григорчука да Корея в Орду к хану жаловаться на племянника своего князя Всеволода Александровича. Хан же и ханша без суда выдали князя Всеволода Александровича холмского дяде его князю Василию Михайловичу тверскому. И было князю Всеволоду Александровичу от дяди его князя Василия Михайловича томление великое, а также и боярам его, и слугам, ограбление и продажа на них и черных людей, и дани великие возложил, ища свои издержки.

Той же зимой пред Крещением преосвященный Алексий митрополит поехал в Киев, и проводил его Федор, епископ тверской, который нестроения ради князей тверских не восхотел владычества во Твери. Преосвященный же Алексий митрополит получил его и наказал с великою любовью терпеть с воздержанием, да Господь Бог сотворит, как хочет по своей ему воле. И так вот наставив его на терпение, с Коломны отпустил во Тверь править епископство.

Умер кн. Иван Андреевич. В тот же год преставился князь Иван Андреевич. В тот же год новгородцы утвердились между собою крестным целованием, что им играния бесовского, скомоной, не любить и бочек не бить.

6867 (1359). *Умер кн. вел. Иоанн II.* Преставился благоверный, христоробивый, кроткий, тихий и милостивый князь великий Иоанн Иоаннович во иноках и в схиме, и положен был в своей вотчине во граде Москве в церкви святого архангела Михаила; а сидел на великом княжении лет 6. Его сыновья: Дмитрий и Иоанн. В тот же год князь Андрей Константинович, внук Васильев, поставил церковь каменную святого архангела Михаила в Нижнем Новгороде в своей вотчине.

Умер хан Бердибек. Умер хан Култа. Хан Наурус. В тот же год в Орде убит был хан Бердибек, сын Джанибеков, внук Азбья-

ков, и с доброжелателем своим, именованным Тавлубеем князем, и с иными советниками его, приняли они месть по делам своим, испил чашу, которой напоил отца своего и братию свою. И после него сел в Орде на ханство Кулпа, и властвовал месяц 6, дней 5, и много зла сотворил. И так и сего не стерпел суд Божий, и убит был от Науруса (Невруса) с двумя сынами своими, с Михаилом и Иваном, бывшими от матери крещеными. И так после Кулпы сел в Орде хан Наурус. В те же смутные времена был в Орде князь Андрей Константинович низовский, внук Васильев, и едва спас его Бог от рук язычников и горькой смерти. После смерти великого князя и установления нового хана в Орде пошли все князи в Орду: князь Василий Михайлович тверской с племянниками, затем ростовские, и рязанские, и иные многие. А князь Дмитрий Иоаннович оставался мал, поскольку был 6 лет, и не пошел, а послал киличей своего. Тут князи жаловались хану о разделе княжеств, чтобы один другого не обижал. Он же умирил всех и разделение положил. Киличей же князя Дмитрия Василий Михайлович просил хана о ярлыке на великое княжение Дмитрию Иоанновичу, но хан не дал, сказав: «Когда сам придет, тогда ему дам». А при том обещался иному великого княжения не дать. И так все князи и киличей возвратились.

53. ДМИТРИЙ III КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ, СЫН КОНСТАНТИНА СУЗДАЛЬСКОГО

Белая Русь. В тот же год пришли князи суздальские, князь Андрей и Дмитрий Константиновичи, и хан хотел дать великое княжение князю Андрею. Но тот, зная хорошо, что хан хочет только дары великие ныне получить, а под конец с Дмитрием во вражду введет, и помня крестное целование к великому князю Иоанну, не польстился и взял ярлык на свое княжество, и пошел. А князь Дмитрий Константинович остался в Орде и начал просить о великом княжении, отдал дары многие хану, и ханше, и князям ордынским. Они же прельстились на дары, и забыл хан, что обещал послу князя Дмитрия Иоанновича, дал ему великое княжение Белое, град Владимир и Переславль со всею областью.

Моисей еп. Второй раз сошел. Алексий монах епископ. Умер Иван смоленский. Святослав смоленский. В тот же год архиепископ новгородский Моисей оставил вдруг владычество новгородское и пошел в монастырь. Новгородцы же собрались вечем и возвели на владычнй двор на сени инока Алексия, ключника владычнего. В тот же год поставлен был инок Алексий в дьяконы, затем и в пресвитеры Феодором, епископом тверским. В тот же год преставился князь Иван Александрович смоленский, внук

Глебов, правнук Ростиславов. И после него сел на княжении в Смоленске сын его Святослав.

Война смоленчан на Белую. Мстиславль взят. Ржев взят. В тот же год князь Всеволод Александрович холмский пошел в Литву. В тот же год смоленчане воевали Белую. А князь великий литовский Ольгерд приходил ратью к Смоленску, и град Мстиславль взял, и наместников своих в нем посадил; и послал сына своего Андрея со мною силою ко Ржеву, и град взял, и наместников своих в нем посадил.

6868 (1360). Преосвященный Алексий митрополит пришел из Киева во Владимир и на Москву. А Роман митрополит пришел во Тверь понапрасну и бесславно, не обменявшись посланиями, ни по любви с преосвященным Алексием митрополитом. И не было ему нисколько по его воле и мысли, и не виделся с ним Феодор, епископ тверской, ни чести ему никакой не воздал. Он же мало время пребыв в волостях тверских, потребное взяв от князей, бояр тверских и других неких, и снова возвратился в Литву.

Мир тверских. В тот же год князь Всеволод Александрович холмский пришел из Литвы и взял мир и любовь с братиею своею. А князь Василий Михайлович, дядя их, от трети вотчины их отступился, и поделились волостями. Князь же Всеволод Александрович холмский многую сотворил честь и дары дал Роману митрополиту и снова повелел его проводить в Литву с честью. В тот же год князь великий литовский Ольгерд Гедиминович приезжал Ржев смотреть.

Еп. Алексий новгородский. В тот же год князь великий Дмитрий Константинович принял великое княжение Владимирское не по вотчине, но по дедине. А прежде хан давал великое княжение Владимирское старшему его брату князю Андрею Константиновичу суздальскому, и он за то не взялся. И так князь Дмитрий Константинович взял великое княжение и отпущен был из Орды от хана с пожалованием и честью на Русь с послом ханским. И въехал во Владимир на великое княжение за неделю до Петрова дня месяца июня в 22 день. И тогда при нем во Владимире преосвященный Алексий митрополит поставил в Новгород Алексия архиепископом. Князь великий Дмитрий Константинович из Владимира послал послов своих и наместников в Новгород. Новгородцы же приняли их с честью и посадили наместников его на Новгороде.

Хидырь хан. Синяя орда. В тот же год пришел от востока некий заяицкий хан Хидырь (Хидрбег) Синея орды на ханство Волжское ратью. И была лесь во князях ордынских Волжской орды, и начали тайно посланиями обмениваться с Хидырем ханом заяицким, имея злое намерение на волжского своего хана Науруса, и составила тайная лесь их в дело. Наурус же, не ведая лести своих, надеясь на силу, смело вышел против него, и вступились в бой.

И когда начали биться, предан был от своих князей болгарский хан Наурус заяицкому хану Хидырю, и так убит был и с сыном своим Темиром; также и ханша Тайдула убита была, и князи ордынские, которые в любви и в совете Наурусу, хану волжскому, Муалбузий со множеством татар их убиты были. После смерти же Науруса хана сел на Волжском ханстве Хидырь хан заяицкий, который с востока пришел. И было тогда в Орде волнение великое. В тот же год пришел из Орды от хана князь Дмитрий Борисович, пожалованный на княжение в Галич, и князь Константин ростовский с честью и с пожалованием на все княжение Ростовское.

Новгородцев разбой. Князи жуковтинские. В тот же год из Великого Новгорода разбойники пришли в Жукотин, и множество татар побили, и богатства их взяли. И за то разбойничество христиане пограблены были в Болгарах от татар. И князи жуковтинские пошли в Орду к хану, били челом, чтобы оборонил себя и их от разбойников, поскольку многие убийства и грабления от них сотворялись беспрестанные. Хан же Хидырь послал трех послов своих на Русь: Уруса, Каирмека, Алатынцыбека князям русским, чтоб разбойников взяли и к нему прислали. И был князем съезд на Костроме: князь великий Дмитрий Константинович из Владимира и брат его старший князь Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, князь Константин ростовский; и взяли разбойников, и выдали их всех послам ханским и со всем богатством их, и так послали их в Орду.

В тот же год Феодор, епископ тверской, оставил епископию свою и пошел в Остров [Отрочий] монастырь. В тот же год мор был во Пскове.

6869 (1361). Было знамение на небе, погиб месяц и был как кровь. Пошел в Орду к хану Хидырю князь Дмитрий Иоаннович московский, и Божию милостию сохраняем, до волнения вышел из Орды, поскольку после отшествия его из Орды волнение великое в Орде восстало.

Умер хан Хидырь. Хан Темир-ходжа. Амурат. В тот же год пришли в Орду к хану Хидырю князи русские: князь великий Дмитрий Константинович суздальский из Владимира, и брат его старший князь Андрей Константинович из Нижнего Новгорода, и князь Константин ростовский, князь Михаил ярославский. Было при них волнение великое в Орде, и убит был кроткий и смиренный хан Хидырь с младшим сыном своим Култуем от старшего сына своего Темир-ходжи, и сел на государстве Волжском Темир-ходжа, Хидырев сын старший, а на луговой стороне хан Амурат, и устроил Сарай новый.

Еп. Василий тверской. В тот же год преосвященный Алексей, митрополит киевский и всея России, пошел во Тверь и поставил Василия игумена спасского в епископы во Тверь. В тот же

год было знамение на небе и погребло солнце, и потом месяц переменялся в кровь.

Хан Темир-ходжа. Хан Килды-бек убит. Голод у татар. В тот же год князь ордынский темник Мамай воздвиг ненависть на хана своего, и был силен весьма, и восстал на хана своего на Темир-ходжу, Хидырева сына, и пришла в волнение вся орда его Волжское государство, и приняли себе хана именем Авдула. И была брань и волнение великое в Орде. И в то время князь Андрей Константинович Нижнего Новгорода пошел из Орды в Русь, и по пути напал на него князь Ретякоз. И помог Бог князю Андрею Константиновичу, спасся от них и пришел здрав на Русь; и многие князи русские в то время из Орды сбежали, а ростовские князи грабления избежали. А хан заволжский Темир-ходжа, Хидырев сын, убежал за реку Волгу и там убит был, сидев на ханстве только месяц один и семь дней, и ту же чашу испил, которой напоил отца своего Хидыря и брата своего младшего Кутлюя. И тогда князь Мамай во многой силе пришел за реку Волгу на горную сторону, и орда вся с ним, и хан был с ним, именем Авдула. Тогда третий хан восстал, именем Килдыбек, который был сын Джанибека, внук Азбяка хана. И тот, добываясь государства Волжского, многих побил, под конец же и сам убит был. И тогда многие князи сарайские затворились в Сарае, ханом у себя на нагорной стороне называли Амурата, Хидырева брата ханского. А Булат Темир (Пулад-Темир, Булактемир), князь ордынский, Болгары взял, и все грады по Волге и улусы взял, и отнял весь волжский путь. А иной князь ордынский, именем Тогай (Тагай), который от Бездежа, тот отнял себе страну Наручат и всю ту страну взял, там сам по себе пребывал; и иные князи ордынские сами по себе пребывали. И был у них голод великий, волнение многое и нестроение всегдашнее, и не переставали между собою ратью биться, и бились, и кровь проливали. Так вот Бог попустил на них гнев свой, милуя рабов своих православных христиан.

Литва воюет Тверь. В тот же год приходили литва ратью на Тверские волости и многую пакость сотворили. В тот же год князь Мамай брань сотворил с Амуратом князем и со всеми князьями сарайскими и многих князей ордынских старых убил.

6870 (1362). *Амурат Мамаю побил.* Мамаю князю был бой великий с Амуратом ханом возле Волги. В тот же год Амурат хан спешно пришел на Мамаю князя и многих у него татар побил. Было в то время на Волжском государстве два хана: Авдула хан Мамаевой орды, которого Мамай темник устроил ханом во своей Орде в нагорной стороне, а второй Амурат в луговой стороне с сарайскими князьями. И так те два хана и те две Орде, малый мир имея, меж собою всегда во враждах и бранях были.

54. ДИМИТРИЙ V ДОНСКОЙ, СЫН ИОАННА КРАСНОГО

Кн. вел. Дмитрий согнан. Князь великий во Владимире. Князь Дмитрий Иоаннович московский, так как был юн, возрастом менее 19 лет, не мог обиды отмстить, но сродники его князи тверские и ростовские, по просьбе бояр его и помня любовь отца его, начали за него заступаться. И послали все посланцев своих к хану Амурату, просили, говоря, что хан Наурус неправо судил, отнял вотчину Дмитрия Иоанновича, так как младости ради не мог прийти. Послал же и князь великий Дмитрий Константинович своих посланцев с дарами многими. Хан же выслушав обоих, ни от коего дары ни принял и повелел посланцев хранить, чтобы никто же из князей и темников, видеv, ласканиями и дарами не уговорил. И тотчас сев на судилище, много говорил с князьями, и сие решили: «Невинен Дмитрий московский, что так мал остался после отца; и в том что вотчину его отняли и другому дали. И так как он младости ради править еще не может, то имеет иных князей подручными, и бояре да правят, доколе же возрастет». И призвал хан послов всех, сказал им, потом принял дары и ярлык великому князю Дмитрию Иоанновичу послал своим послом. Когда пришел посол от хана и явил ярлык, тогда князь Дмитрий Константинович пошел из Владимира в Переславль и сел в нем, желая владеть. А князь великий Дмитрий Иоаннович с братом своим князем Иоанном Иоанновичем и с князем Владимиром Андреевичем, внуком Ивановым, собрали воинства многие по своей вотчине и пошли ко граду Переславлю на князя Дмитрия Константиновича суздальского. Он же бежал из Переславля во Владимир, оттуда бежал в Суздаль во свою вотчину и в дедину, сидев на великом княжении во Владимире только чуть больше двух лет. Князь же Андрей Константинович, видя брата Дмитрия изгнанным, сказал ему: «Брат милый, не говорил ли тебе, что недобро татарами велеть и на чужое наскакивать? И вот не послушал ты слова моего и растерял все твое, а не нашел ничего. Ибо так, брат, давно сказано: ищущий чужого, о своем восплачет. А поскольку тому не пособить, тогда, брат, лучше умириться с Дмитрием и иными князьями, да не гибнет христианство». Но Дмитрий не хотел мира, не послушал старшего своего брата, хотел великое княжение для себя добывать, но нисколько не преуспел. Князь великий Дмитрий Иоаннович с братом своим князем Иоанном и с князем Владимиром Андреевичем пришли со всею силою своею из Переславля во Владимир. И сел на великом княжении во Владимире князь великий Дмитрий Иоаннович на престоле отца и деда своего, имея 11 лет, разумом же и бодростью всех старее был. И тогда пробыл там во Владимире три недели и снова возвратился в Москву, а воинство распустил.

Умер митр. Роман. Умер Моисей новгородский. Умер еп. Даниил суздальский. Той же зимой преставился Роман, митрополит литовский и волынский. Преставился ж архиепископ новгородский Моисей месяца января в 5 день и положен был у архангела Михаила на Сквородке; а пас церковь Божию и на престоле его сидел 8 лет. В тот же год преставился Даниил, владыко суздальский. В тот же год преставился Афанасий владыко на Костроме.

6871 (1363). Князь великий Дмитрий Иоаннович пошел с Москвы во Владимир с братом своим князем Иоанном и с князем Владимиром Андреевичем. И там пришел к нему посол из Мамаевой Орды от хана Авдула с ярлыками на великое княжение Владимирское. И князь великий чествовал посла, и одарил, и отпустил его в Орду Мамаеву к его хану, а сам пошел из Владимира в Переславль.

Амурат гневается. Кн. Иван белозерский. Дмитрий опять на княжении. Согнан. Суздаль взят. Ростовский смирен. В тот же год Амурат хан, брат Хидыря хана, со своими с сарайскими князьями услышал, что из Мамаевой Орды от хана Авдулы посол ходил с ярлыком к великому князю Дмитрию на великое княжение Владимирское, и разгневался весьма. А в то время был в Орде Амуратовой князь Иван белозерский. И хан Амурат отпустил князя Ивана белозерского на Русь, а с ним посла своего Иляка с тридцатью татаринами с ярлыком к князю Дмитрию Константиновичу на великое княжение Владимирское. И пришли они в Суздаль к князю Дмитрию Константиновичу, он же принял их с честью и с радостью и вскоре пошел из Суздаля во Владимир на великое княжение, а с ним хана Амурата посол Иляк, да тридцать татарин, да князь Иван белозерский; и сел во второй раз на великом княжении во Владимире. Слышав же сие, князь великий Дмитрий Иоаннович собрал силу многую, и пошел ратью на него к Владимиру, и согнал его с Владимира. Он же бежал в Суздаль, сидев на великом княжении во Владимире только двенадцать дней. Князь же великий Дмитрий Иоаннович пошел за ним ратью к Суздалю, и стоял ратью со мною силою около Суздаля, и все пусто сотворил. И князь Дмитрий Константинович молил брата своего Андрея, да умирит с великим князем. Он же послал посла своего, молил за брата своего и землю Суздальскую. А князь Дмитрий Константинович отрекся от великого княжения и, взяв мир с ним, пошел из Суздаля в Нижний Новгород к князю Андрею Константиновичу, к старшему брату своему. А князь великий Дмитрий Иоаннович, взяв волю свою над ним, возвратился во Владимир. А также и над ростовским князем Константином взял волю свою и того смирил.

Галицкий согнан. Кн. Михаил микулинский. Орешва взята. Война Литвы с татарами. Умер Василий кашинский. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович согнал с Галицкого кня-

жения Дмитрия галицкого. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович согнал со Стародубского княжения князя Ивана Феодоровича стародубского. Тогда все оные князи отъехали в Новгород Нижний к князю Дмитрию Константиновичу, скорбели о княжениях своих, но ничего не могли поделать. В тот же год князь Василий Михайлович тверской пошел ратью к Микулину на князя Михаила Александровича, на своего племянника, и снова примирились и любовь сотворили. В тот же год литва взяли Орешеву. И князь великий литовский Ольгерд Гедиминович Синюю Воду и Белобережье повоевал. Преставился князь Василий Васильевич кашинский, внук Михайлов. Приходили послы немецкие, юрьевские и венедовские в Новгород на плесковичей просить. Тоже и плесковичи пришли в Новгород, повествовали много. И было между ними прений много, разошлись, не взяв мира. И перехватывали немцы в Юрьеве гостей новгородских, говоря: «Почему не дали посадники управы на плесковичей?». Новгородцы же послали своих послов, из концов по боярину, в Юрьев немецкий; и те умирили немцев с плесковичами и всех гостей русских и немецких отпустили.

6872 (1364). *Мор. Княг. Настасия.* Был мор великий в Новгороде Нижнем, и на всем уезде его, и на Саре, и на Кише, по сторонам и по волостям. В тот же год было стреляние и громыхание громовое во Твери на соборную церковь, и страшная молния, и вихри. В тот же год княгиня Настасья пришла из Литвы со внучкою, с Ольгердовою дочерью, и крестили ее во Твери. И того ради крещения преосвященный Алексий митрополит приехал во Тверь.

Мор в Переславле. Умер Иоанн. В тот же год мор был в Переславле. Болезнь же была двух видов. Одна, прежде словно рогатиною ударит за лопатку, или под грудь против сердца, или меж крыл, и учинится жар, вскоре начнет кровью харкать, и огонь зажжет и разварит, и потом пот великий пойдет, потом дрожь возьмет; и полежав день один или два, а редко кто пролежал три дня, и так умирали. Другие железом болели не одинаково, иному же на шее, иному же на бедре, под за пазухою, под скулою или за лопаткою. И умирали на день человек по семьдесят, по сто и по полутора ста, не только во граде в Переславле, но и по всем волостям, и селам, и монастырям переславским. А прежде того был мор в Новгороде Нижнем, а пришел от Низу от Бездежа в Новгород Нижний, а оттуда на Рязань и на Коломну, а оттуда в Переславль, а оттуда на Москву; и так пошел во все грады, и в Тверь, и во Владимир, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можайск и на Волок, и во все грады разошелся, сильный и страшный. Увы, увy! кто возможет такую сказать страшную и умильную повесть? А на Белоозере тогда ни один живым не остался. И была скорбь великая по всей земле, и опустела вся земля, и поросла лесом, и

были потом пустыни всюду непроходимые. Тогда преставился князь Иоанн Иоаннович, называемый Малый, брат великого князя Дмитрия Иоанновича, внук Иоаннов, и положен был на Москве в церкви святого архангела Михаила на площади.

6873 (1365). *Монастырь Чудов*. Преосвященный Алексий митрополит заложил церковь каменную внутри града Москвы, бывшего чуда в Колоссах, что есть в Хонях, от архистратига Михаила, что называется Чудовская.

Сухмень. Умер Андрей. Было знамение на небе, солнце было, как кровь, и после него места черные, и мгла стояла с пол-лета, и зной, жары были великие, леса, болота и земля горели, и реки пересохли, иные же места водяные до конца иссохли; и был страх и ужас на всех людей и скорбь великая. Тогда же преставился кроткий, тихий, смиренный, многодобродетельный великий князь Андрей Константинович суздальский и нижегородский и городецкий во иноках и в схиме, и положен был в церкви святого Спаса в Новгороде Нижнем, там где был отец его князь Константин Васильевич.

Василий Кирдяпа. В тот же год пошел в Орду князь Василий, прозываемый Кирдяпа, сын князя Дмитрия суздальского. В тот же год пожар был на Москве. Была же тогда сухмень и зной великий, и поднялась же тогда и буря с вихрем сильная весьма, и разлетался огонь повсюду, и много людей убил и пожег, и все погорело без остатка; началось у Всех святых и разнеслось ветром и вихрем повсюду.

Умер Константин. Умер Всеволод холмский. Умер Владимир. Умерла вел. княг. Анастасия Александровна. В тот же год во Твери и в Ростове мор был. Князь Константин и с женою, и с детьми преставились, и владыко Петр, и княгиня великая Настасья Александровна, а также княгиня Авдотья Константиновна, затем князь Семен Константинович, вотчины своей удел и княгиню свою поручив князю Михаилу Александровичу. Затем потом преставилась княгиня Всеволодова София, и потом сам князь Всеволод Александрович преставился, затем брат его князь Андрей Александрович, затем княгиня его Евдокия и много бояр и гостей известных людей померли. И потом князь Владимир Александрович преставился. И был страх великий на всех. В тот же год преставилась великая княгиня Настасья Александровна Иоанна Иоанновича в черницах и в схиме, а наречено имя ей во монашеском чину Мария, и положена была в монастыре в церкви святого Спаса на Москве в приделе.

Дмитрий нижегородский. Борис нижегородский. Хан Азиз. Епископ свержен. Сергей игумен. Война суздальских. Покорность Бориса. Мир нижегородских. Борис городецкий. Умер еп. Алексий суздальский. В тот же год князь Дмитрий Константинович суз-

дальский, внук Василиев, пришел в Новгород Нижний на княжение и с матерью своею с Еленою, и со владыкою своим Алексием суздальским и новгородским и городецким. И не уступил ему княжения нижегородского брат его младший князь Борис Константинович. Пришел посол от хана из Орды Барам-ходжа, а от ханши Асан, и посадили на нижегородском княжении князя Бориса Константиновича, внука Василиева. В тот же год пришел из Орды от хана Азиза князь Василий Кирдяпа суздальский, сын Дмитриев, а с ним ханский посол Урусалды, и принес ярлык на великое княжение владимирское князю Дмитрию Константиновичу суздальскому. Он же не восхотел и уступил великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Иоанновичу московскому, а испросил у него силу к Новгороду Нижнему на своего младшего брата на князя Бориса Константиновича. Князь же великий Дмитрий Иоаннович послал к ним послов своих, чтобы помирились и поделились вотчиною своею. Князь же Борис не послушал, ибо смуту наводил на него епископ Алексей. И Алексей митрополит отнял епископию новгородскую и городецкую от владыки суздальского Алексия. В то же время от великого князя Дмитрия пришел с Москвы посол Сергей, игумен радонежский, в Новгород Нижний к князю Борису Константиновичу, зовя его для примирения на Москву. Он же не послушал его и на Москву не пошел. Преподобный же Сергей игумен по слову великого князя Дмитрия Иоанновича и митрополита Алексия церкви все затворил. И дал силу князь великий Дмитрий старшему брату его Дмитрию Константиновичу на младшего его брата Бориса Константиновича. Князь же Дмитрий Константинович еще к тому в своей вотчине в Суздале собрал силу многую и пошел с ратью к Новгороду Нижнему. И когда дошел до Бережца, и там встретил его князь Борис Константинович с боярами своими, кланяясь и покоряясь, прося мира, а от княжения отступаясь. Князь же Дмитрий Константинович не оставил челобитья и моления брата своего и взял с ним мир, и поделились княжением нижегородским и городецким. И сел сам князь Дмитрий Константинович на княжение в Нижнем Новгороде, а брату своему младшему князю Борису дал Городец. В тот же год преставился Алексей, епископ суздальский.

Наручад. Рязань взята. Олег рязанский. Владимир пронский. Тит козельский. Бой рязанских с татарами. В тот же год Тагай, князь ордынский, который после распада ордынского пришел в Наручад и там сам по себе княжил в Наручадской стране, восхотел воевать Русь; и собравшись со всею силою своею и со всею страню Наручадскою, пошел ратью многую на Рязанскую землю. И придя внезапно, взял град Переславль Рязанский и сжег, и около него пленил все волости и села, и много полона взял, и в

путь отправился, со мноюю тягостию пошел в Поле. Князь же великий Олег Иванович рязанский и со своею братиею Владимиром пронским и с Титом козельским, собрав силу свою, пошел вослед его и настиг его на месте, называемом под Шишевским лесом на Воине. И был им бой, брань очень лютая и сеча злая, и падали мертвые от обоих. Затем помог Бог князю Олегу рязанскому и брату его князю Владимиру пронскому и Титу козельскому, а гордый ордынский князь Тагай, который Наручадской стороны держатель, во страхе и трепете большом быв и недоумевая, что сотворить, видя всех своих татар убитых, рыдая, и плача, и лицо одирая, едва с малой дружиной убежал.

В тот же год по владычному Алексею благословению во Пскове начали делать церковь каменную святой Троицы по старому основанию. И был тогда мор во Пскове и в Торжке великий весьма.

6874 (1366). *Голод*. Был мор великий во граде Москве и по всем волостям московским, а также и в Литве великий весьма. В тот же год была сухмень и зной великий, и воздух курился, и земля горела, и была хлебная дороговизна повсюду и голод великий по всей земле.

Еремей кн. Суд великого князя. В тот же год во Твери было разногласие между князем Василием Михайловичем да князем Еремеем с племянником его князем Михаилом Александровичем про удел князя Семена Константиновича. И по митрополитову благословению и по велению великого князя судил их владыко Василий и два боярина московские, и оправдали князя Михаила Александровича.

Разбой на Волге. В тот же год пришли из Новгорода Великого новгородцы разбойники, и было их двести ушкуев; и пошли вниз Волгою рекою, и побили татар и армян в Новгороде Нижнем множество, гостей там бывших татарских, а также и новгородских, и жен и детей их побили, и товар их бесчисленно пограбили, и суда их все иссекли, и паузки, и кербасы, и ладьи, и учаны, и мишаны, и струги, и все огню предали, а сами отошли в Каму; и так Камую ходили, болгар завоеывая, и многих побили.

На Вологду. В тот же год из Новгорода Великого молодые дворянчики совокупили себе рать без новгородского совета, а воеводы были у них Иосиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Александр Аввакумович, и ходили на Волгу, и много гостей московских и ростовских пограбив, возвратились в Новгород со мноюю наживой. И князь великий Дмитрий Иоаннович за то разгневался на новгородцев и изверг на них гнев, говоря: «Почему вы ходили на Волгу грабить и бить моих гостей?»; и послал на Волгу воинов своих в волость Новгородскую. Посланные же от великого князя Дмитрия Иоанновича поймали на Вологде боярина нов-

городского Василия Даниловича с сыном его Иваном, а он ехал с Двины, того не ведая, не остерегаясь. И много волости воевали, дань великую по Двине, и по Югу, и по Купину взяли.

Брак вел. кн. Дмитрия. Город Кремль московский. Января в 18 день женился князь великий Дмитрий Иоаннович у великого князя Дмитрия Константиновича суздальского и нижегородского, взял дочь его Евдокию, а свадьба была на Коломне. Князь великий Дмитрий Иоаннович посоветовался с князем Владимиром Андреевичем и со всеми своими старшими боярами, чтобы ставить град Москву каменный; и в ту же зиму повезли камень ко граду.

Андрей кипрский. Султан египетский. Убиение христиан. Затмение солнца. Император Иоанн просит за христиан. Христианам свобода. Откуп христиан. В те же времена был в Кипре князь Андрей, называемый Пигор, имел силу многую кипрского воинства, и пленил многих, окрест себя бывших. Затем стал сильнее еще более и пошел ратью на Александрию египетскую, и побил, и пожег, и пленил всех там живущих сарацинов, татар, и аравитов, и турков, и фрязей, и декатов, и формасов, барминов и жидов. И разгневался за то египетский султан на христиан, и рычал яростию великою весьма, и собрав воинство многое, послал рать на Антиохию, и на Иерусалим, и в прочие грады, бывшие во власти его, и воздвиг гонение великое на христиан в тех градах области его, и все святые церкви разграбил, а православных христиан повелел мучить различными муками, ибо рычал на всех великою яростию, как лев. И так всех измучили, а имение их взяли. И честные монастыри синайские разграбив, разорил, и великих постников жилища, и скиты, и пустыни все разрушил и пожег; а блаженного Михаила, патриарха антиохийского, распял; а также и всех преосвященных митрополитов и епископов распял, а иных после многих мук в темницу вверх. И сего не терпя, солнце лучи свои скрыло месяца августа в 7 день в 3 час дня, и было тогда солнце, как луна трех дней, шербина же была ему с полуденные стороны, и мрак синий и зеленый от запад пришел. И пребывала тьма великая час один, и обратилось солнце на полдень, как луна молодая, затем обратило солнце рога к земле и потом помалу свет свой пропускало, до тех пор пока не исполнилось солнце все, и свет свой снова явило и обычных лучей светлость испустило. Сие же тогда за зло сотворившееся на христиан. И слышал православный царь Иван цареградский, сжалился и скорбен стал весьма о сем и не мог что сотворить. И послал послов своих с великим молением и со многими дарами к султану египетскому, чтобы дал послабление христианам и утишил гнев свой, бывший на них. И послушал его султан египетский, и выпустил заключенных в темницах митрополитов, и епископов, и игуменов, и священников, и всех христиан. И отворились все

церкви христианские, и всем им повелел по их закону христианскому творить невозбранно в Египте, во Антиохии, Иерусалиме и во всех градах области его; и повелел по своему христианскому обычаю и закону творить, и повелел им ни от кого не быть обидимыми. И взял за то все на митрополитах за всех епископов и архимандритов, и игуменов, и христиан, и за всех живущих во градах и в волостях державы его двадцать тысяч злотниц.

В тот же год князь Михаил Александрович тверской поставил городок Новый на Волге.

6875 (1367). *Вражда тверских. Тверское разорение.* Преставился тверской владыко бывший Феодор в Отрочьем монастыре. Князь великий Дмитрий Иоаннович заложил град Москву каменный, и начали делать беспрестанно. И всех князей русских приводил под свою волю, а которые не повиновались воле его, и на тех начал посягать, а также и на князя Михаила Александровича тверского. И князь Михаил Александрович того ради пошел в Литву. А князь Василий Михайлович, и сын его князь Михаил, и князь Еремей приставом митрополитовым позвали на Москву на суд пред митрополитом владыку Василия, что их судил об уделе князя Семена не по правде. И так на Москве из-за того суда владыке Василию сотворились издержки великие, а во Твери зажиточным людям нужно было, чтобы на уделе остался князь Семенов. Князь же Василий со своею княгинею, и с князем Еремсем, и с сыном князем Михаилом, и со всею силою кашинскою приехали во Тверь и многим людям сотворили досады бесчестием и муками, и разграблением имения, и продажею без помилования; и к городу ратью привели с собою и московскую рать от князя великого Дмитрия, но град не взяв, возвратились назад, извовав только волости и села, и многие тогда в полон поведены были. Рать московская, а также и волоцкая рать, извовав Тверские волости и села на сей стороне Волги, пленили все и пожгли, и пустым все сотворили.

6876 (1368). *Михаил тверской на кашинского. Мир тверских. Мир с великим князем. Кн. Еремий в Москву.* Месяца октября в 27 день князь Михаил Александрович тверской пришел из Литвы со своею ратью, и княгиню Еремсеву и Васильеву Елену, и бояр их всех, а также и бояр и слуг всех дяди своего Василия Михайловича взял, и пошел ратью своею и литовскою ко граду Кашину. И встретили его послы от его дяди от князя Василия Михайловича и от владыки их Василия тверского во Андреевском селе. И там Господь Бог утишил его ярость, и милость возложил на сердце к его, и благую милость ему дал; мир и любовь сотворил в том месте с дядею князем Василием Михайловичем кашинским. И был мир и любовь среди них великая, и отпустил их с честью. И радовались бояре их, и все вельможи их, и а также гости, и купцы, и

все работные люди. И так князь Еремей пришел и взял мир с князем Михаилом Александровичем, князь же Михаил Александрович дал ему любовь великую и княгиню его отпустил к нему. А на зиму пред Крещением и князь Михаил Иванович кашинский, от отца своего Василия Михайловича придя, взял мир с князем Михаилом Александровичем. Также князь Михаил Александрович тверской взял мир и любовь с великим князем Дмитрием Иоанновичем. В тот же год князь Еремей сложил целование крестное к князю Михаилу Александровичу тверскому и поехал к великому князю Дмитрию Иоанновичу на Москву.

Булат-Темир. На Новгород Нижний. Татары побиты. Пьяна р. В тот же год князь ордынский Булат-Темир, великую силу имея и со многими сражения учиня и одолевая, затем собрав силу многую, пошел в землю и во уезд Новгорода Нижнего, а князя Борисова Константиновича волости и села повоевал. Князь же Дмитрий Константинович суздальский и нижегородский со своею братию, с князем Борисом Константиновичем и с князем Дмитрием Константиновичем, и со своими детьми собрал рать многую и пошел против него. И он побежал, а татар побили, а другие татары в реке Пьяне утонули, а иные татары после погони побиты были. Князь же ордынский Булат-Темир прибежал в Орду с малой дружиной и там убит был от Азиза хана.

Новгородцев примирение. В тот же год новгородцы прислали к великому князю на Москву с челобитьем и с дарами, просили чтобы гнев отложил. Он же сотворил по молению их и отпустил к ним боярина их Василия Даниловича и с сыном его Иваном, а наместников своих послал к ним в Новгород. И так был мир и покой новгородцам.

Война псковичей с немцами. Немцы ко Пскову. Новгородцы на немцев. Бой великий. Немцы побиты. В тот же год были новгородцы с псковичами не во единой мысли. И пришли немцы вильневцы, и воевали около града Изборска, и все волости и села псковские повоевали и до Великой реки. И перейдя за Великую реку, пришли под град Псков, посад пожгли и все волости и села пожгли, а град не взяли. Не было же тогда во граде князя Александра, и посадника Пантелея, и иных храбрых мужей. Потом псковичи соединились с новгородцами и ходили ратью на немцев, и много новгородских и псковских сил пали. И убит был тогда новгородский храбрый муж Захар Давыдович и со всем полком своим, и псковский воевода Селило славный, а немецкой же силы убито было бесчисленно.

В тот же год в Нижнем Новгороде постриглась великая княгиня Андрея Константиновича Настасия во святой ангельский иноческий чин. Было знамение, гром страшный в великий четверток, и зажег гром и молния на Городце соборную церковь свя-

того архангела Михаила, а также и в Суздале святого архангела Михаила, и по иным градам многим церкви пожег. В тот же год явилась звезда хвостатая. В тот же год князь Андрей Ольгердович полоцкий воевал Ховрач да Родне. В тот же год князь Владимир Андреевич ходил ратью ко Ржеву и взял его.

Михаил тверской взят. Городень. Князь великий Дмитрий Иоаннович с преосвященным Алексием митрополитом зазвали любовь к себе на Москву князя Александра Михайловича тверского и потом составили с ним речи; затем потом был им суд на третьих на миру в правде. И разгорячившись в прениях, повелел великий князь поймать князя Михаила, и что были бояре его около его, тех всех взяли и по-разному развели, и держали их в истомлении великом. А князь Михаил Александрович тверской тогда сидел на Гавшином дворе. И потом не через долгое время внезапно без известия пришли из Орды татары князь Карач, и Андор, и Тютешкаш, и слышав сие, усомнились. Князь же великий уразумел, что недобро бояре его о князе Михаиле советовали, потому отпустил князя Михаила и бояр его восвоеси. Князь же Михаил Александрович тверской тем весьма оскорбился и, негодуя, начал иметь вражду к великому князю Дмитрию Иоанновичу. Гневался же и жаловался еще более на митрополита, говоря: «Такую любовь и веру имел более всех к митрополиту сему, и он столько меня посрамил и поругал». Отнял же от князя Михаила Александровича тогда и Городень, часть вотчины удела князя Семена, и посадил в нем своего наместника с князем Еремеем.

Василий кашинский. В тот же год преставился князь Василий Михайлович тверской в Кашине, внук Ярославов. В тот же год преставилась великая княгиня София великого князя Михаила Ярославича тверского.

Михаил в Литве. Брак Ольгердов с Ульяною. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович собрал воинство многое и посылал на князя Михаила Александровича тверского. Князь же великий Михаил побегал в Литву к зятю своему великому князю литовскому Ольгерду и начал понуждать и поучать его идти ратью к Москве на великого князя Дмитрия, чтобы месть его вскоре сотворил и оборонил его, молясь и бия ему челом со слезами, сестру свою научал говорить ему. Ольгерд же с радостью слова его принимал и особенно же слушал жены своей моления, а его сестры Ульяны.

6877 (1369). *Ольгерд на великого князя. Тайность Ольгердова. Внезапное нашествие Ольгердова. Шуба. Умер Семен стародубский. Умер Константин оболенский. Река Тросна. Московские побиты. Ольгерд в Москве.* Князь великий литовский Ольгерд Гедиминович собрал воинство многое, двинулся ратью к Москве на великого князя Дмитрия; и с ним брат его Кестутий (Кейстут)

Гедиминович, и сын Кестутиев Витовт, и сыновья Ольгердовы, и все князи литовские, и князь Михаил Александрович тверской, и смоленская рать. Был же обычай Ольгерда таков: никто же не ведал о нем, куда мыслил ратью идти или на что собирает воинства много, посколькy и сами те воинство и иные чины ратные не ведали, куда шли, ни свои, ни чужие, ни гости свои и ни гости пришлецы; ибо все в тайнстве творил, чтобы не ушла весть в землю, на которую хочет идти ратью. И таковою хитростию подкрадываясь, многие земли взял и многие грады и страны попленил; не столько силою, сколько хитростию воевали. И был от него страх на всех, и превзошел княжением и богатством более многих. Также и о сем его ратном хождении к Москве не было известно, и князь великий Дмитрий Иоаннович не ведал, до тех пор, пока не пришел Ольгерд к рубежу. Когда ж услышал про идущую рать Ольгерда приближающегося, повелел вскоре рассылать грамоты по всем градам и по всему княжению своему, собирая рать; но не успели тогда прийти воины его из дальних мест. Но те, которые тогда нашлись, тех собрал и отпустил в заставу против Ольгерда, что есть сторожевой полк, а воеводство поручил Дмитрию Минину; а от брата его князя Владимира Андреевича псковского воевода был Акинфий Федорович, называемый Шуба, а с ними рать московская, и коломенская, и дмитровская. Ольгерд же, придя в предел области московской, начал прежде всего воевать порубежные места, и жечь, и грабить, и сечь; потом же на встрече убил князя Семена Дмитриевича стародубского, называемого Крапива, в волости, как говорят, в Хохлове, и потом в Оболенске убил князя Константина, Юриева сына, внука блаженного великого князя Михаила черниговского; и потом дошел до реки Тросны и там побил сторожевой полк великого князя Дмитрия Иоанновича, заставу московскую, и князя, и воевод, и бояр всех побил месяца ноября в 21 день. Тогда же Ольгерд тщательно расспросил и уведал, что князь великий Дмитрий не успел собраться с силою многою и сидит сам в осаде во граде Москве, устремился к Москве и придя, стал около града Москвы. Князь же великий Дмитрий повелел у себя под Москвою посад пожечь, а сам затворился во граде и с братом своим князем Владимиром Андреевичем, и со всеми боярами, и со всеми людьми. Ольгерд же стоял около града Москвы три дня, града не взял, а зла много сотворил, пожег и попленил людей бесчисленно, и в полон повел, и скотину всю с собою отогнали. И таково зло не бывало Москве от Литвы никогда же.

Городень отдан. Умерла Василиса кашинская. Немцы к Изборску. Ковна. Умер Лев смоленский. Плесковичи побиты. Ольгерд немцев победил. На смоленчан. Даниил. Той же зимой князь Владимир Андреевич московский ходил к псковичам на помощь

и был там от Сбора до Петрова дня. Той же зимой князь великий Дмитрий Иоаннович уступил Градню и все части удела князя Семенова князю Михаилу Александровичу тверскому и князя Еремея отпустил во Тверь. И в ту же весну на многие дни была князю Михаилу Васильевичу кашинскому и княгине его болезнь великая незнаема и тяжкая весьма. Самого же его Бог помиловал, а княгиня его Василиса преставилась месяца апреля в 20 день. В тот же год немцы приходили ратью к Изборску, сам епископ, и местер, и кумендеры. И плесковичи, собравшись, пошли на них. Немцы же, град не взяв, пошли восвосяи. Немцы литовский городок Ковен взяли. В тот же год преставился князь Лев смоленский. В тот же год град Тверь срубили деревянный и глиною помазали. В тот же год ходили новгородцы с плесковичами к Новому городку к немецкому, нисколько не преуспели, но более сами многие убиты были, и отошли. Князь великий Дмитрий Иоаннович заложил град Переславль, за одно лето и срублен был. В тот же год князь Михаил Васильевич тверской ездил на Москву к митрополиту Алексию на своего Василия владыку тверского жаловаться. Князь великий литовский Ольгерд Гедиминович ходил ратью на немцев и много пленения сотворил. В тот же год москвичи и волочане воевали Смоленские волости. Родился великому князю Дмитрию сын Даниил.

6878 (1370). Князь Мамай ордынский у себя в Орде посадил хана другого Мамат-Салтана. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович собрал воинства многие и посылал рать ко граду Бранскому.

Война нижегородских на болгар. Кн. болгарский Салтан. Князь Дмитрий Константинович суздальский и нижегородский, собрав воинства многие, послал брата своего князя Бориса Константиновича и сына своего князь Василия Дмитриевича, а с ним посол ханский, именем Ачи-хожа, ратью на болгарского князя Асана. Князь же Асан послал против них с молением, и с челобитьем, и со многими дарами. Они же дары взяли, а на княжение посадили Салтана, Бакова сына, и возвратились в Новгород Нижний к князю Дмитрию Константиновичу.

Снега великие. Той же осенью дожди были многие, и паводь была великая, а зимою снега великие. И в Новгороде Нижнем выпало много снега, напал как горы высокие и великие, что над Волгою за святым Благовещением, и засыпал многие дворы и с людьми.

Августа 18 дня князь великий Дмитрий Иоаннович, сложив, послал целование крестное ко князю Михаилу Александровичу тверскому. И той ночью ударил гром страшный, что и земля все сотряслась. А князь Михаил Александрович тверской, убоявшись той вражды, пошел в Литву. Князь же великий Дмитрий Иоанно-

вич послал много рати ко Твери, и повелел воевать Тверь, и села повелел жечь и пленить; и так извоевав, со многими полонными возвратились восвояси.

6879 (1371). *Война ко Твери. Микулин. Михаил тверской в Орде выпросил великое княжение.* Князь великий Дмитрий Иоаннович месяца сентября в 3 день со мною силою пошел ратью сам ко Твери, да взял град тверской Зубцов, и пожег все, и пленил, а также и другой град взял, Микулин, и пожег, и попленил; все волости и села тверские повоевал, и пожег, и пустым сотворил, а людей великое множество в полон повел, и все богатство их взял, и весь скот их взял в свою землю. И так князь великий Дмитрий Иоаннович пошел на Москву со многими богатствами и наживой и землю свою многими скотом наполнил, отмстил обиду Ольгердову на них и смирил тверичей совершенно. Слышал же про то князь Михаил Александрович тверской в Литве, жалился и скорбен стал весьма, и пошел из Литвы в Орду Мамаеву, и испросил себе у хана посла, именем Сары-хожа, и ярлык взял себе на великое княжение Владимирское, и пошел на Русь. Слышал же про то князь великий Дмитрий Иоаннович, и негодовал о сем, и разослал на все пути заставы, желая поймать его. И много гнались за ним, и не нашли его, ибо пришла ему весть с Москвы, сообщающая об этом. Он же побежал снова в Литву к зятю своему Ольгерду и молился ему, чтобы его оборонил; молил же и сестру свою Ульяну, дочь Александрову, жену Ольгерда Гедиминовича, и подучал, чтобы умолила его и понудила идти ратью к Москве на великого князя Дмитрия Иоанновича.

Северное сияние. Ольгерд второй раз в Москве. Волок в осаде. Ольгерд у Москвы. Мир с Литвою. Той же осенью были знамения многие на небе: в течение многих ночей видели люди как столпы по небу, небо червлено, как кроваво; настолько же было по небу червлено, что и на земле и на снегу червлено виделось, как кровь. И сие не один раз бывало: ибо сие еще до снегу виделось по земле, и по воде, и по хоромам, как кровь; и когда снег пал на земли, и был везде снег, как кровь, и все люди ходили червлены, как кровь; но когда кто входил под кров или в хранину, не виделось на нем червлено нисколько. Сие же предвещает скорбь великую предстоящую, ратных нашествие и кровопролитие, и междоусобные брани, и кровопролитие, что и было. Ибо пришел в ту зиму в Филиппово говенье месяца ноября в 25 день князь великий литовский Ольгерд со мною ратью на великого князя Дмитрия Иоанновича с братом своим Кестутием и со многими князьями литовскими, и князь Михаил тверской, и князь Святослав смоленский со своею силою. Пришел же Ольгерд прежде к Волоку и посад пожег и все попленил, но града не взял, три дня простояв под градом Волоком. Тогда ранен был князь Васи-

лий Иванович березуйский у града у Волока; ибо стоял он на мосту под градом, и вот внезапно тайно из подмостья сквозь мост литвин проткнул его копьем. Он же был ранен тяжело и изнемогал, и в тот час пострижен был во иноческий чин и преставился. Был же сей князь храбр весьма и славен в победах. Затем Ольгерд пошел от Волока, воюя и пленя, и пришел к Москве месяца декабря в 6 день, и около града все посадки пожег, и стоял под градом под Москвою восемь дней, и града не взял. А князь великий Дмитрий тогда внутри Москвы затворился. А преосвященный Алексий митрополит тогда был в Новгороде Нижнем. А князь Владимир Андреевич собрался с силою и стоял в Перемышле, ополчившись. Еще же к тому приспел с силою князь Владимир Дмитрович пронский, а с ним рать великого князя Олега Ивановича рязанского. Ольгерд же много воевал, и пожег, и побил, много полона собрал, и хотел идти восвосяи, и услышав про силу многую стоящую и на брань готовящуюся, согласился на мир. Князь же великий Дмитрий Иоаннович взял с ним мир до Петрова дня, и Ольгерд хотел вечного мира, ибо хотел Ольгерд дать дочь свою за князя Владимира Андреевича, что и было сделано. И так помирившись, отошел от Москвы, стояв под градом Москвою восемь дней, и возвратился в свою землю, идя со многим опасением. А князь Михаил пошел во Тверь, взяв мир с великим князем Дмитрием Иоанновичем.

Ольгерд на Немецкую землю. Зима теплая. В тот же год князь великий литовский Ольгерд ходил ратью на немцев, и много зла сотворил Немецкой земле, и со многим полоном возвратился восвосяи. Та ж зима вся тепла была весьма, и снег сошел весь, после того как заговели в Великое говенье во вторник, и не осталось снегу нигде нисколько. А осенью той много жита ушло под снег, и жали люди в великое говенье, когда снег сошел, где рать не была литовская, но потом по весне озимых было много.

Спор о великом княжении. Михаил к Владимиру. Молога. Дмитрий в Орду. Сговор Владимира. Весною князь Михаил Александрович пошел в Орду. В тот же год от Мамаева хана из Орды пришел во Тверь князь Михаил тверской с ярлыком на великое княжение, а с ним посол Сары-хожа, и пошел со Твери возле Волги. А князь великий Дмитрий по всем градам бояр и черных людей привел к целованию не даваться князю Михаилу тверскому и в землю его на княжение Владимирское не пускать, а сам с братом своим Владимиром Андреевичем ратью стали в Переяславле. Князь же Михаил Александрович тверской восхотел войти в стольный град во Владимир, называя себя князь великий. пожалован будучи ханом ордынским, и хотел в нем сесть на великом княжении. Владимирцы ж не приняли и не пустили его, он же отступил. И послал посол ханский Сары-хожа своих татар и

боярина князя Михаила к великому князю Дмитрию Иоанновичу, зовя его во Владимир к ярлыку. И он отвечал: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе послу путь чист», да послал к нему с великою любовию, зовя его к себе. Он же не хотел пойти к нему, поскольку возлюбил честь Михайлову и дары, и дал ярлык князю Михаилу Александровичу тверскому на великое княжение от хана, а сам с миром и с любовию пошел от него от Мологи на Москву к великому князю Дмитрию. А князь Михаил оттуда пошел назад на Бежецкий Верх, воюя; и пришел во Тверь месяца мая в 23 день, и отпустил сына своего князя Ивана в Орду. А посол Сары-хожа, на Москве у великого князя Дмитрия многую честь и дары взяв, пошел в Орду, хваля и ублажая великого князя Дмитрия, добрый нрав его весьма вознося и смирение, так как почтил он его, и о сем благодарственен был. И потом сам князь великий Дмитрий Иоаннович пошел в Орду, и князь Андрей ростовский месяца июня в 15 день, и перешел Оку реку. А преосвященный Алексий митрополит проводил его до Оки, и молитву сотворив о нем и благословив, отпустил его с миром, и бояр его и слуг его, и возвратился в град Москву. И в то время пришли послы от великого князя литовского о мире и о любви; а за князя Владимира Андреевича обручали дочь, именем Елену.

Хан умирен. Михаил опять отрешен. Кострома. Молога. Углич. Бежецкий Верх. В тот же год князь великий Дмитрий пришел в Орду Мамаеву к хану и учтил хорошо князя Мамаю хана, и ханш, и князей, и пожалован был опять великим княжением Владимирским, и великую честь принял от хана и от князей; отпустили его со многой честью и с пожалованием на Русь на великое княжение. А к князю Михаилу Александровичу писали так: «Княжение мы тебе дали великое и давали тебе мы рать и силу сесть на великом княжении. И ты рати и силы нашей не взял, а сказал, что со своею силою сядешь на великом княжении. И ты сиди с кем тебе любо, а от нас помощи не ищи». И тогда князь Михаил Александрович тверской ходил ратью, взял Кострому, и Мологу, и Угличе Поле, и Бежецкий Верх, и посажал в них своих наместников.

Мгла. Сумень. Мир с немцами. В тот же год пришел из Иерусалима митрополит, именем Герман, на Русскую землю милостыни ради искупления долгов от сарацинов. Из Великого Новгорода разбойники взяли Кострому. В тот же год была мгла великая, что за одну сажень пред собою не видно, и многие люди лицом ударялись друг о друга; птицы по воздуху не видели летать, но падали с воздуха на землю, некоторые о головы людей ударялись; а также и звери не видели, по селам ходили и по градам, смешались с людьми, медведи и волки, лисицы и прочие звери. Сумень же была тогда великая, и зной, жар сильный, что устраша-

лись и вострепетали люди. Реки многие пересохли, и озера, и болота; а леса, боры горели, и болота, высохши, горели, и земля горела. И был страх и трепет на всех людей. И была тогда дороговизна хлебная велика и голод великий по всей земле. В тот же год новгородцы взяли мир с немцами Пернова города, имея съезд под Новым городком.

6880 (1372). *Тьма*. Князь великий Дмитрий Иоаннович московский пришел из Орды Мамаевы со многою честью и пожалованием опять на великое княжение и укрепил хорошо под собою великое княжение, а врагов своих посрамил. Пришли ж с ним послы от хана и татары многие, и вывели с собою из Орды князя Ивана Михайловича тверского, откупили его с долгу в Орде, дали за него десять тысяч гривен московских, что есть тьма гривен, и привели его с собою на Москву. И взял его Алексей митрополит, и сидел у Алексея митрополита на дворе, и так пребывал немало время, до тех пор пока не выкупили его.

Ярославль взят. Бежецкий взят. Лыч. Война на Рязань. Кн. Дмитрий волынский. Рязанцы побиты. Кн. Владимир рязанский. В тот же год новгородцы взяли град Ярославль. А князь великий Дмитрий Иоаннович посылал рать на Бежецкий Верх, и убили наместника князя Михаила Никифора Лыча, и по волостям тверским грабили. Князь Олег рязанский искал враждою иных волость себе присовокупить, когда князь великий Дмитрий был в Орде. Олег просил у него Лопасню за приход на Ольгерда, а князь великий отговорился, потому что Олег стоял только на меже, а Москву оборонять не шел, и Ольгерд около Москвы опустошал. Но боялся князь великий, чтоб Олег у хана зла ему не чинил, стал обмениваться посланиями и о вотчине порядок установил. И когда князь великий ходил на тверского, тогда князь Олег, не обменявшись посланиями с великим князем, придя, Лопасню взял. А князь великий, придя во Владимир, декабря в 14 день послал рать на Рязань на князя Олега Ивановича рязанского с князем Дмитрием Михайловичем воынским, и иных воевод многих со многими силами. Князь же Олег рязанский, собрав воинов много, пошел против них; и встретились с рязанцами на Скорневцеве, была с ним брань лютая и сеча злая, рязанцы же бились крепко. И помог Бог великому князю Дмитрию Иоанновичу и воинам его, и одолели рязанцев, а князь Олег Иванович рязанский едва с малой дружиной ушел. И сел тогда на княжении Рязанском князь Владимир Дмитриевич пронский.

Родился Василий II. Брак Владимира. Той же зимой великому князю Дмитрию Иоанновичу родился сын Василий. Князь Владимир Андреевич, внук Иоаннов, правнук Даниилов, женился у великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, взял дочь его, нареченную во святом крещении Еленой.

Олег рязанский. Кистма. Кн. Михаил. Тогда же зимою князь Олег Иванович рязанский согнал с Рязанского княжения зятя своего князя Владимира и сел снова сам на княжении Рязанском. Потом же вскоре поймал Владимира пронского и привел его в свою волю. Князь Михаил Александрович тверской послал племянника своего князя Дмитрия Еремеевича и воевод своих с ратью к Кистме. И те, взяв воевод кистемских Ивановых детей Тишаноровых, Андрея, Давыда и Бориса, привели во Тверь к великому князю Михаилу Александровичу. В тот же год князь Михаил Васильевич кашинский, внук Михайлов, послал на Москву, взял мир с великим князем Дмитрием Иоанновичем, а к князю Михаилу Александровичу тверскому крестное целование сложил.

Михаил тверской Дмитров пленил. Литва Переяславль поевовала. Кашин. Торжок взят. Князь Михаил Александрович тверской пошел ратью к Дмитрову и взял с града откуп, а посады, и волости, и села пожег; а бояр и людей, поймав, привел во град Тверь. Тогда же он подвел тайно рать литовскую на град Переяславль, князя Кестутия, Ольгердова брата, да князя Андрея Ольгердовича полоцкого, да князя Витовта Кестутьевича, и князя Дмитрия друцкого, и иных многих князей со многими силами. И со града Переславля откуп взяли, а посад весь пожгли, и волости, села взяли и пожгли все, и полон повели. Затем и со града Кашина откуп взяли и волости, и села все, и людей в полон повели. Он же брата своего двоюродного князя Михаила Васильевича кашинского приневолил в свою волю и крестным целованием утвердил. И оттуда Кестутий пошел мимо Торжка, а с ним князь Михаил Александрович тверской, и Торжок взяли, и наместников своих в нем посадил, а литовская рать отошли все восвосяи со многим полоном.

Нижний каменный. Курмыш. В тот же год князь Дмитрий Константинович суздальский и нижегородский заложил Новгород Нижний каменный. Князь Борис Константинович городецкий поставил себе град на реке Суре и нарек имя ему Курмыш.

Князь тверской к Торжку. Новгородцы побиты. Торжок разорен. В тот же год в Петрово говенье пришли новгородцы в Торжок поставить город, и укрепились с новоторжцами крестным целованием, сослали наместников тверских, и гостей тверских побили, и имение их пограбили, и прочих людей тверских побили и огню предали; и град поставили крепкий весьма, и остроги все приготовили, и силу многую собрали, и приготовились на бой против князя Михаила Александровича тверского. Князь же Михаил Александрович тверской пошел ратью к Торжку, месяца мая в 31 день стал под градом Торжком в пол-обеда и начал посылать к ним со смирением, тех прося, которые тверичей его били и грабили, «и я у вас не хочу ничего, а наместников моих снова поса-

дите в Торжке». Новгородцы ж тем пренебрегли, надеясь на силу и гордость новгородскую, и пошли против него с града и отовсюду на поле на бой. И была им сеча великая, и одолел князь Михаил Александрович тверской. И побиты были тогда воеводы новгородские: посадник новоторжский Александр Абакумович, тысяцкий новгородский Иван Тимофеевич, Иван Шахович, Григорий Щелбкович, Тимофей Данилович, Михаил Грозный, Денис Вислов и прочие убиты. И пришли в смятение новгородцы страхом великим, и побежали на поле к Новгороду, а иные в город в Торжок. И так многие убиты были, а иных поймали; и зажгли посад с поля, и потянул ветер сильный на град, и пошел огонь по всему граду. И побежали новоторжцы из града с женами и с детьми в руки тверичам, а иные сгорели, а иные в церкви святого Спаса задохнулись. И так новгородцам в Новгороде плач великий был, ибо славные их убиты и пленены были, и храбрые и сильные их от острия меча пали, а кроме того от гнева Божиего, как в древности Иерусалим гневом Божиим пленен был. Как там, не столько милоя, но казня Иерусалим за их беззаконие, так и здесь не князю Михаилу Бог в неправде помогал, но гордость и надменность неправоты новгородцев к великим князем наказывал, так как Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Те же крамольники новгородцы, не ведая, что без Божией помощи тьмочисленные воинства от малых гонимы бывают, и видели неоднократно на себе самих, изрекали всегда: «кто может на Бога и Великий Новгород?», думали безумные непобедимыми быть, погибли, убиты и пленены были, не покаившись.

6881 (1373). *Любецк. Литва побита*. Князь великий литовский Ольгерд Гедиминович по совету с князем Михаилом Александровичем тверским со мною силою пошел ратью на великого князя Дмитрия Иоанновича, и под Любецком совокупились с князем Михаилом Александровичем тверским месяца июня в 12 день. А князь великий Дмитрий Иоаннович, собрав силу многую, пошел против них и близ Любецка встретил их. И сначала москвичи встретили сторожевой их полк Ольгердов и побили. И таково было волнение в литовской рати, что и сам Ольгерд Гедиминович бежал и стал за оврагом; и приготовились все к бою, но были овраги промеж них круты весьма и глубоки весьма, и дебри густые, что никак нельзя было сойтись им на бой. И стояли там много дней, и взяли мир между собою, и разошлись. Пошел в Великий Новгород князь Владимир Андреевич, и сидел в Новгороде от Покрова до Петрова дня, и снова отошел.

Князь кашинский на тверского. Умер Владимир пронский. Умер кн. Еремей тверской. Умер Василий еп. тверской. Той же зимой на Рождество Христово князь Михаил Васильевич кашинский сложил целование крестное к князю Михаилу Александро-

вичу тверскому и пошел на Москву, а с Москвы пошел в Орду. Той же зимой преставился князь Владимир Дмитриевич пронский. Той же зимой преставился князь Еремей тверской. Той же зимой преставился Василий, епископ тверской. В тот же год в Орде волнение было, и многие князи ордынские между собою убиты были, а татар бесчисленно пало. Так вот гнев Божий пришел на них по беззаконию их. В тот же год новгородцы, которые сидели взятые во Твери в погребе, подкопались изнутри погреба и бежали из Твери. Князь Михаил Васильевич кашинский пришел из Орды в Кашин.

Татары на Рязань. В тот же год пришли татары ратью из Орды от Мамаю на Рязань на великого князя Олега Ивановича рязанского, и грады его пожгли, и людей великое множество побили и пленили, и со многим полоном отошли восвосяи. А князь великий Дмитрий Иоаннович московский, собравшись со всею силою своею, стоял у реки Оки на берегу. И брат его князь Владимир Андреевич пришел к нему из Новгорода на берег к Оке реке, и татар не пустили, и все лето там стояли.

Князь Михаил Александрович тверской тверскими волостями новоторжскими около града Твери велел ров выкопать и вал насыпали от реки от Волги до реки Тмаки.

Умер Михаил кашинский. В тот же год преставился князь Михаил Васильевич кашинский, внук Михаилов. А сын его князь Василий по одному слову с бабою своею княгинею Еленою и с боярами с кашинскими приехал во Тверь к князю Михаилу Александровичу тверскому с челобитьем и отдались в волю его. А после малого числа дней Божиею милостию сотворились мир и любовь князю Михаилу Александровичу тверскому с великим князем Дмитрием Иоанновичем московским, и сына его князя Ивана князь великий Дмитрий Иоаннович с любовию отпустил с Москвы во Тверь, а князь Михаил || Александрович тверской с великого княжения наместников своих свел. И была тишина и от уз разрешение крестьянам, и радостию возрадовались, а враги их облеклись в стыд.

6882 (1374). *Еп. Дионисий суздальский.* Пресвященный Алексий, митрополит киевский и всея Руси, поставил в Суздале епископа Дионисия, архимандрита печерского.

Татары побиты. В тот же год новгородцы Нижнего Новгорода побили послов Мамаевых, а с ними убили татар полторы тысячи, а старейшину их, именем Сарайку, руками взяли и привели в Новгород и с его дружиною.

Разбойники по Вятке. Болгары. Обухов. Маркваш. Ветлуга. В тот же год пошли на Низ за Вятку ушкуйники разбойники, совокупились девяносто ушкуев, и Вятку пограбили, и придя, взяли Болгары, и хотели зажечь град, и взяли откупа триста рублей. А

оттуда разделились надвое, 50 ушкуев пошли по Волге вниз к Сараю, а 40 ушкуев вверх по Волге; и дойдя Обухова, пограбили все Засурье и Маркваш, и перешли за Волгу, и суда все пожгли, а сами пошли к Вятке на конях, посуху идя, множество сел и волостей по Ветлуге пограбили.

Серпухов. Носилец. Монастырь в Серпухове. Князь Владимир Андреевич заложил град Серпухов дубовый в своей вотчине, Московской земле и Коломенской, и дал людям и всем купцам послабления и льготу многую, и поручил наместничество града Якову Юрьевичу, называемому Носилец, окольничему своему. Князь Владимир Андреевич восхотел создать себе монастырь в Серпухове в своей вотчине, ибо любил сей князь монашеский чин и священнический. Жил же тогда в его вотчине в Радонеже муж святой, именем Сергей, игумен многим монастырям созданным от него, и было братство в них велико, и славен весьма. Сего умолил князь Владимир Андреевич пойти от Радонежа в Серпухове основать монастырь. Он же пошел из Радонежа в Серпухов, и углядев место, где прилично быть монастырю, и молитву сотворив, основание церкви положил своими руками на Высоком во имя пречистой Богородицы месяца декабря в 9 день. И благословив князя, Сергей игумен возвратился в Радонеж в свой монастырь. Князь же Владимир Андреевич усердно постарался о начатом монастыре, и создал, и кельи устроил, и всем потребным довольно наполнил, иконами, и книгами, и священными сосудами обеспечил, и был тот монастырь общее житие. Был же в том монастыре первый игумен Афанасий, ученик преподобного игумена Сергия Радонежского, которого испросил у него князь Владимир Андреевич; и пребывал несколько лет во игуменстве того монастыря, а потом Бога ради оставил игуменство и отошел в Цареград; и купил себе там келью, дал андрофат, и поживал в молчании со святыми старцами, и так в старости глубокой представился ко Господу.

Вельяминовы. Родился Георгий. Еп. Евфимий тверской. Жары. Падеж скота. Мор. Василий кашинский в Москву. Война Литвы с татарами. Тимирязь. В тот же год на Москве преставился последний тысяцкий Василий, Васильев сын Вельяминовича, во иноческом образе и в схиме, и наречено было имя ему Варсонофий, и положен был в монастыре святого Богоявления. Той же осени месяца ноября в 26 день, на память святого Алимпия столпника и святого мученика Георгия, князю великому Дмитрию Иоанновичу родился третий сын Юрий во граде Переславле, и крестил его Сергей, игумен радонежский. И там был князь великий Дмитрий Константинович суздальский, тесть великого князя Дмитрия Иоанновича московского, и со своею великою княгинею, и со своею братиею, и с детьми, и с боярами; и был

съезд великий в Переславле. А в месяце феврале пришел митрополит Алексий во Тверь, поставил Евфимия епископом граду Твери марта 9 дня на Средокрестной (Крестопоклонной) неделе в четверг, на память святых мучеников 40, и пошел со Твери с послом патриаршеским Киприаном в Переславль. В тот же год были зной великий и жара; а дождя не было во все лето. А на коней, и на коров, и на овец, и на всякий скот был мор великий. Потом же пришел на людей мор великий по всей земле Русской. А князю великому Дмитрию Иоанновичу была вражда с татарами, с Мамаем. И у Мамаея тогда в Орде был мор великий. Князь Василий Михайлович кашинский, внук Василиев, правнук Михайлов, праправнук Ярослава, побегал со Твери на Москву к великому князю Дмитрию Иоанновичу. В тот же год ходили литва ратью на татар, на Тимирязя, и был меж ними бой великий.

6883 (1375). *Татары убиты.* Князь Дмитрий Константинович суздальский в Нижнем Новгороде повелел развести татар, князя Сарайку и его дружину. Он же побегал на владычний двор и с дружиною своею, и зажег двор владычний, и начал стрелять в людей, и многих людей ранил, а иных смерти предал; а также и в епископа начал стрелять, и прилетела стрела в мантию епископа Дионисия, и сохранил его Господь Бог. И собрались люди, убили Сарайку и дружину его.

Татары на Киш. Пьяна р. В тот же год пришли татары из Мамаевы Орды, и взяли Киш и огнем пожгли, и боярина Парфения Федоровича убили, и Запьянье все повоевали, и пожгли, и пограбили, и иссекли многих, а иных в полон повели.

В тот же год болезнь была тяжкая преподобному Сергию игумену, разболелся и на постели лег в Великое говенье на второй неделе, и начал выздоравливать и с одра восстал на Семена день (1 сентября), а всю весну и все лето в болезни великой жил. И никто же сему да не дивится, видя на праведниках скорби и болезни, посылаемые от Бога; ибо писано: «Многие скорби праведным, и от всех их избавит нас Господь; многими скорбями подобает нам войти в Царство Небесное, а ежели грешные люди здравы и в наслаждение и в радости пребывают, и если на сем свете не пострадают скорбные и печальные, всякому же готовится им мучение в будущем веке; если же грешные человеки пострадают на сем свете, прощаются им согрешение от Бога; праведным же страдающим многие готовятся венцы от Господа Бога и слава несказанная на небесах».

Вельяминов. Тверской великий князь. Объявление войны тверского. Затмение солнца. В тот же год в Великое заговенье побегал с Москвы во Тверь Иван Василиев сын тысяцкого, внук Василиев, правнук Вельяминов, да с ним Некомат сурожанин со многою ложью и льстивыми словами к князю Михаилу тверско-

му. И князь Михаил на Федоровой неделе послал их в Орду, а сам после них на Средокрестной неделе пошел в Литву, и там в Литве пребывал малое время, и снова возвратился во Тверь. И мало после того, месяца июля в 14 день, пришел Некомат сурожанин из Мамаевой Орды от Мамаю с послом Ачи-ходжею во Тверь к князю Михаилу Александровичу тверскому с ярлыком на великое княжение Владимирское. Князь же Михаил Александрович тверской в тот же день послал на Москву к великому князю Дмитрию Иоанновичу, крестное целование сложил; а наместников своих послал в Торжок, а на Угличе Поле послал рать. И потом во Твери того ж месяца в 27 день в церкви в Покрове пречистой Богородицы пред иконою в ночи загорелось само по себе и далее разошлось. Того же месяца в 29 день в воскресенье рано утром солнце погибло.

Война на Тверь. Кн. Борис городецкий. Кн. Дмитрий Ноготь. Андрей ростовский. Василий ростовский и Александр. Иван смоленский. Василий ярославский и Роман. Феодор белозерский. Василий кашинский. Феодор моложский. Андрей стародубский. Роман брянский. Роман новосильский. Семен оболенский. Иван торусский. Причины войны. Микулин взят. Тверь в осаде. Новгородцы к Твери. Приметы. Зубцов. Белгород. Литва в помощь. Убоясь бежал. Мир с тверскими. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович, со всею силою своею собравшись и со всеми князьями русскими совокупясь, пошел к Волоку. И тут пришли к нему все князи русские: тесть его князь Дмитрий Константинович суздальский с братиею своими с князем Борисом Константиновичем городецким, и князем Дмитрием Константиновичем Ногтем, и с сыном своим князем Семеном, шурином великого князя Дмитрия, и князь Владимир Андреевич московский, князь Андрей Федорович ростовский, и князь Василий Константинович ростовский и князь Александр Константинович, брат его, и князь Иван Васильевич смоленский, и князь Василий Васильевич ярославский, и брат его князь Роман Васильевич ярославский, князь Федор Романович белозерский, князь Василий Михайлович кашинский, князь Федор Михайлович моложский, князь Андрей Федорович стародубский, князь Роман Михайлович брянский, князь Роман Семенович новосильский, внук великого князя Михаила черниговского, правнук Всеволода, праправнук Святославов, препраправнук Олегов, пращур Святослава, препращур Ярослава, препрапращур великого Владимира, князь Семен Константинович оболенский, внук Юриев, правнук великого князя Михаила черниговского, да брат его князь Иван Константинович торусский, и иные князи со всеми силами своими, ибо все вознегодовали на князя Михаила тверского, говоря: «Сколько сей приводил с ратью зятя своего великого князя литовского Ольгерда Гедими-

новича и много зла христианам сотворил, а ныне соединился с Мамаем, и с ханом его, и со всею Ордою. А Мамай яростию дышит на всех нас, и если сему попустим соединиться с ними, имеет победить всех нас». И пошли все с Волока ратью ко Твери, и начали воевать Тверские волости; месяца августа в 21 день взяли град Микулин и все окружные места попленили и пожгли, а князь Михаил Александрович тверской затворился во граде Твери. А князь великий Дмитрий Иоаннович московский стоял со всеми силами под градом Тверью четыре недели, и посад весь пожгли, и волости, и села повоевали и пожгли, и имение их все взяли; а людей иных побили, иных в полон повели великое множество; а град Тверь острогом оградил, а через Волгу два моста великих сотворил. И в Новгород за новгородцами князь великий Дмитрий Иоаннович послал. Новгородцы ж, честь воздавая великому князю Дмитрию Иоанновичу, либо ж свою обиду желая отмстить, что была у града Торжок, так с яростию вскоре пришли в четыре или в пять дней, и под Тверью стали, словно наживу некую хотели восхитить, и много зла сотворили тверичам. И приступили со всеми силами ко граду, и туры поставили, и приметы приметали около всего града, и у Тмаских ворот мост и стрельницы зажгли, и едва горожане угасили. Ратные же налегали во град войти, но тверичи крепко обороняли, и так ратные помалу отступили от града. А князь Михаил тверской вышел из града, и туры посека, а иные пожег, и людей много побил; тут убили Семена Ивановича Добрынского. И снова многие дни бились, всю землю пленили и пожгли, а городки Зубцев и Белград взяли. Князь же великий Михаил Александрович тверской не бил челом, поскольку ждал к себе от Мамаю и от Литвы помощи, ибо обещал ему тогда зять его князь великий Ольгерд силу послать. Они же пришли близ Твери, и слышали про великого князя Дмитрия Иоанновича под Тверью со многими силами, убоялись и побежали назад. Слышав же то, князь Михаил Александрович тверской, так как не было ему помощи оттуда, и видя свое изнеможение, поскольку вся Русская земля поднялась на него, послал к великому князю Дмитрию Иоанновичу из Твери владыку Евфимия и старейших и известных бояр своих с челобитьем, прося мира и во всю волю великого князя отдаваясь. Он же, видев покорение его к себе, не восхотел разорения граду и кровопролития христианского, взял с ним мир на всей своей воле. И так заключив, и грамоты подписав, и крестным целованием утвердив, отступили от града и разошлись каждый восвосяи.

Разбойники новгородские. Плеши. Кострому разорили. Нижний сожжен. На Каме воюют. К Сараяу. В Астрахань. Разбойники побиты. В то ж время, когда был князь великий Дмитрий Иоаннович под Тверью, новгородские разбойники в семиде-

сяти ушкуях, а воевода был у них Прокофий, а другой Смольянин, было же их всех две тысячи, пошли на реку Волгу рекою Костромою и стали, ополчившись на брань, под градом Костромою. Горожане ж вышли против них из града, собравшись на бой. Воевода же был у них Плещи (Плещей), он же и наместник. Было же всех костромичей собрано более пяти тысяч, новгородских же разбойников только две тысячи. И увидев множество костромичей, разделились новгородцы надвое и послали половину лесом тайно. Они ж, обойдя, ударили в тыл на костромичей, а другая половина в лицо. Воевода ж костромской Плещи побежал, и все костромичи, убоявшись, побежали, а иных живыми взяли, и войдя во град, все пограбили. И стояли неделю во граде целую, и всякое сокровище потаенное выискали и, сколько возмogli, взяли, а сколько не возмogli, то все пожгли, а иное в реку в Волгу скидывали; и многих христиан в полон повели с женами и с детьми. От Костромы пошли к Новгороду Нижнему, и посадки зажгли, и людей побили, а иных в полон повели. И пошли Волгою на Низ к Каме, и повернули в Каму, и много пограбили на ней, и возвратившись, пришли в Болгары, в город Казань, и там полон весь попродали. И оттуда пошли вниз по Волге к Сарая, гостей христианских грабили и били, и пришли в Астрахань, и там полон попродали. Князь астраханский Салчей начал коварно успокаивать их лестью и многую честь и кормы давали им. Они ж начали упиваться и были пьяные, как мертвые. Астраханцы ж всех побили, ни одного их живым не оставили, именование взяли. Такую кончину приняли воевода Прокофий и другой воевода Смольянин со всею дружиною их. В какую они меру мерили, возмерилось им.

Татары к Нижнему. Ольгерд на Смоленск. Татары к Новосилу. Брак Ивана тверского. Новый город корельский. Еретики стригольники. В тот же год татары Мамаевы пришли ратью к Нижнему Новгороду, говоря: «Почему вы ходили ратью на князя Михаила тверского?»; и всю землю Новгорода Нижнего попленили, и со многим полоном возвратились в Орду. В тот же год князь великий литовский Ольгерд пришел ратью к Смоленску, говоря: «Почему вы ходили воевать князя Михаила тверского?»; и землю Смоленскую повоевал, попленил, и городки многие смоленские взял и пожег, а людей в полон повел, и возвратился во свояси. В тот же год татары Мамаевы пришли под град Новосиль, и Новосильскую землю всю пустой сделали, и со многим полоном возвратились во свояси. В тот же год привели дочь Кестутия Марью из Литвы за князя Ивана Михайловича тверского. И крестил ее владыка Евфимий тверской во святой церкви Воздвижения. А на следующий день венчан был князь Иван Михайлович в соборной церкви святого Спаса владыкою Евфимием тверским. И

была радость князю Михаилу Александровичу тверскому о женьбе сына своего князя Ивана. В тот же год корела семидесяцкая поставили новой городок. В тот же год новгородцы ввергли в воду, в Волхов, стригольников еретиков, говоря: «Писано есть в Евангелие, если кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

6884 (1376). *Умер Даниил. Волхов вспять. Родился Андрей.* Князь великий Дмитрий Иоаннович московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской от Мамаю. И тогда же умер старший сын великого князя Дмитрия Иоанновича Даниил сентября 15 дня. В Новгороде шла река Волхов семь дней вспять, то есть вверх; сие же вот под третий год так шел. В тот же год владыко новгородский Алексей во своей воле со владычества сошел на Деревянницу. Новгородцы ж оскорбились очень и послали на Москву к Алексию митрополиту с молением и с челобитьем, чтобы послал свое слово в Новгород ко владыке их Алексию, чтоб не оставлял владычества новгородского. И привезли. Родился великому князю Дмитрию Иоанновичу сын Андрей. ||

На Ржеву. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович послал брата своего князя Владимира Андреевича ратью ко Ржеву. Он же, стояв у града три дня, посад пожег, а града не взял.

Нижегородцы на болгар. Дмитрий вольнский. Откуп с болгар. Той же зимой князь Дмитрий Константинович суздальский послал детей своих князя Василия и князя Ивана на болгар; а князь великий Дмитрий Иоаннович московский послал воеводу своего князя Дмитрия Михайловича Вольнского, и пришли к болгарам месяца марта в 16 день. Болгары же вышли из града против них, стреляя из луков и из самострелов, а иные выехали на верблюдах, коней русских всполошая. И помог Бог князям русским, и вогнали их во град. Князи ж болгарские Асан и Махмет-Салтан добили челом князю и дали откуп с града великому князю Дмитрию Иоанновичу московскому тысячу рублей, а князю Дмитрию Константиновичу суздальскому и нижегородскому 1000, а воеводам и рати 1000 рублей; и всю свою волю сотворили, и возвратились восвосяси.

Греки для милостыни. 3 митрополит. Митрополит Киприан в Киев. Мор в Киеве. В тот же год пришел некий митрополит, именем Марк, из Синайской горы из Иерусалима, некий архимандрит, именем Нифонт, из монастыря святого архангела Михаила, который во Иерусалиме, на Русскую землю милостыни ради, да тою милостынею на патриаршество стал, который во Иерусалиме. В тот же год пришел из Цареграда на Русь митрополит Киприан, поставленный на митрополию Филофеем, патриархом цареградским. Князь же великий Дмитрий Иоаннович не

принял его, сказал ему так: «Есть у нас митрополит Алексей, а ты почему ставишься на живого митрополита?». Он же пошел с Москвы в Киев и там жил. В тот же год мор был в Киеве.

6885 (1377). *Ольгерд. Род литовских. Добродетель Ольгерда. Дети Ольгерда. В веру ляцкую. Святослав карачевский. Андреан Звенигородский. Иван козельский.* Умер князь великий литовский Ольгерд Гедиминович. И было после него оскудение, и нестроение, и мятеж великий в Литве. Был же сей Ольгерд Гедиминович не один и не первый у отца своего, хотя Гедиминов сын, но второй после первого; и иные многие после него братья его были. Вот же их имена: 1) Наримант, 2) Ольгерд, 3) Евнутий, 4) Кестутий, 5) Кориад, 6) Любарт, 7) Монтовил (Монтевит). Во всей же братии своей Ольгерд превзошел властью и саном, поскольку пьянства не любил и никогда же пьян не бывал, вина не пил и игранья и всякого неспешного к державе и строению власти не любил, но всегда в великоумствии и в воздержании бывал и от сего разумен, любомудр и крепок был, и смысл многий стяжал. Таковым же устройением многие страны и земли повоевал, и многие грады и княжения взял за себя, и удержал за собой власть великую. И тем умножилось княжение его так, как ни один предок его не сотворил, ни отец его Гедимин, ни дед его. Было же у Ольгерда 12 сынов, от первой жены 5, а от второй, от Ульяны тверской, 7. Вот же первой жены его сыновья: 1) Андрей, 2) Дмитрий, 3) Константин, 4) Владимир, 5) Федор. А от второй жены его от Ульяны тверянки: 6) Корибут, 7) Скиригайло, 8) Ягайло, 9) Свидригайло, 10) Коригайло, 11) Минигайло, 12) Лугвень. Всем же сим грады и княжения из своего дал. Сыну своему Ягайло, который родился от Ульяны, того возлюбил более всех сынов своих и того избрал во всей братье его, ему же и престол свой великое княжение Литовское поручил и всем братьям его и иным князьям повелел ему послушными быть. И Ягайло обладал всею землею Литовскою. Через четыре же года женился в Ляцкой земле, взял за себя королеву поугорскую, не имеющую ни отца, ни матери. Благодаря ей досталось ему королевство Ляцкое. И так Ягайло жены своей ради крестился со всею землею в веру ляцкую и наречен был Вельнелив (Владислав), король Ляцкой земли. Была же у Ольгерда Гедиминовича дочь Феодора, которая родилась от Ульяны тверской, которую дал за князя Святослава, сына Тита карачевского, Мстислава внука, правнука блаженного Михаила черниговского великомученика. А у Гаманта, князя литовского, дочь Елену взял за себя другой Титов сын, Андреан звенигородский, внук Мстислава карачевского. А третий сын Тита, князь Иван козельский, женился у князя Олега Ивановича рязанского.

Федор звенигородский татар побил. Киев литовский. В тот же год Андреана звенигородского сын князь Федор побил татар

многих. Был же сей князь Федор звенигородский телом велик весьма и храбр на супостатов, крепость и силу многую имел. Ольгерд же было дал сыну своему славный и великий град Киев, и потом после смерти Ольгердовой отнял у него Киев брат его Скиригайло, а самого поймал и послал [...], в нем же и умер; и княжил в нем Скиригайло.

Синяя Орда. Арапша султан. Великий князь в Нижний на помощь. Пьяна р. Оплошность воинства. Воевод небрежность. Убийство Семена. Иван суздальский. Победа от татар. Нижний разорен. В тот же год перебежал из Синеи Орды за Волгу некий султан, именем Арапша, в Мамаеву орду Волжскую. И был тот султан Арапша свиреп очень, и ратник великий, и крепок возрастом телесным и мужеством великий, победил многих, и восхотел идти ратью к Новгороду Нижнему. Князь же Дмитрий Константинович Нижнего Новгорода и Суздаля послал вестника на Москву к зятю своему великому князю Дмитрию и просил о помощи. Он же, собрав воинов многих, пришел к Новгороду на помощь тестю своему со множеством воинства. И не было вести про султана Арапшу, и князь великий Дмитрий Иоаннович, стоя 2 недели, возвратился на Москву, а воевод своих оставил там стоять с владимирцами, переяславцами, юрьевцами, муромцами и с ярославцами. И потом начали некие говорить, что татары в поле, и султан Арапша скрывается в неких местах; и сие нисколько не известно было русским князьям и воеводам их, но всполошились все. Затем потом князь Дмитрий Константинович Нижнего Новгорода послал сына своего князя Ивана да князь Семена Михайловича, а с ними воеводы с воинством, также и великого князя Дмитрия Иоанновича московского воеводы с воинством пошли за реку Пьяну в воинстве многом. И пришла к нему весть, поведавшая, что султан Арапша на Волочьих водах. Они же начали веселиться, поскольку наживу многую думали обрести. А также и иные вести пришли к ним, они же оплошались и ни во что же сие положили, говоря: «Никто не может стать против нас». И начали ходить и ездить безопасно; где находили пиво, мед и вино, упивались без меры и ездили пьяные, болтая, не храня обычая ратного. А князи их, и бояре, и вельможи, и воеводы утешаясь и веселясь, то видево, полагали себя как дома, как в своих храмах величались и возносились. Князи же мордовские, видево нестроение воинства русского, возвестили татарам и подвели тайно рать татарскую из Мамаевой орды Волжской. Татары усмотрели их, и как можно быстрее разделились на 5 полков, и внезапно ударили. Воины же русские в смятение пришли вскоре и побежали. А татары били, и секли, и кололи, и к реке Пьяне пригнаво, убили князь Семена Михайловича, и множество князей, и бояр, и вельмож, и воевод пало от острия меча. А князь Иван Дмитриевич

прибежал спешно к реке Пьяне, и ввергся на коне в реку Пьяну, и утонул. И утонули с ним в реке Пьяне множество князей, и бояр, и воевод, и вельмож, и слуг, и воинство бесчисленно, а иные убиты были. И был на всех ужас великий и страх многий, и изнемогли все, и бежали. А агаряне возрадовались радостью великою, и полон многий собрали и поставили в станах своих, вострубили на костях христианских, и пошли к Новгороду Нижнему спешно. Князь же Дмитрий Константинович, не имея возможности стать против них на битву, ибо все воинство его убито было, побежал в Суздаль. Сия же злоба содеялась месяца августа в 2 день в воскресенье в 6-й час о полудни. И так спешно пришли татары к Новгороду. Граждане ж новгородские разбежались в судах по Волге к Городцу. Татары ж пришли к Новгороду Нижнему месяца августа в 5 день в среду, и людей оставшихся взяли, и град весь, и церкви, и монастыри пожгли, из тех церквей во граде 32; и отошли от града в пяток, волости и села пленили и жгли, и со множеством бесчисленным полон отошли восвояси.

Засурье разорено. В тот же год из Волжской орды пришел вышесказанный султан Арапша, и пограбил Засурье, и огнем пожег, и отошел с полоном восвояси.

Мордва воюет. Мордва побита. В тот же август пришел князь Василий Дмитриевич из Суздаля в Новгород Нижний и послал бояр своих, повелел брата своего князя Ивана Дмитриевича вынуть из Пьяны реки. Они же повеленное сотворили. И плакал над ним князь Василий, брат его, и бояре, и все люди; и положили его в каменной церкви святого Спаса в притворе на правой стороне месяца августа в 23 день. Тогда же мордва пришли спешно по Волге внезапно, Нижнего Новгорода уезд пограбили и множество людей побили, а иных пленили; волости же и села, оставшиеся от татар и от иных, пожжены были; и возвратились восвояси. И погнался за ними князь Борис Константинович, и настиг их у Пьяны реки. Они же Божиим гневом устрашились и побежали за Пьяну реку, и которые не успели за реку, тех побили, а иные утонули.

6886 (1378). *Татары на Рязань. Морозы. Борис суздальский. Семен. Война на мордву. Свибл. Мордва разорена. Умер митр. Алексий. Род Алексиев.* Султан Арапша Волжской орды побил гостей русских многих и богатство их все взял, и приходил спешно на Рязань, и много зла сотворил, и возвратился восвояси. Этой зимой были морозы великие и стужа беспрестанная; умерли многие люди и скот, и в малых местах вода обреталась, иссякла вода от многих и тяжких морозов и в болотах, и в озерах, и в реках. Той же зимой во второй раз послал князь Дмитрий Константинович Нижнего Новгорода и Суздаля брата своего князя Бориса Константиновича и сына его князя Семена ратью на мордву; а

князь великий Дмитрий Иоаннович московский послал же свою рать, а с ними воеводу Федора Андреевича Свибла; и придя, завоевали землю Мордовскую, волости, и села, и погосты, и зимницы (избы) пограбили, а самих побили, а жен их и детей пленили, и землю их всю пустой сделали; а кого живых привели в Новгород, тех казнили смертною казнию. Февраля в 12 день в пяток в заутреннюю годину преставился преосвященный Алексей, митрополит киевский и всея Руси, в старости честной и глубокой. Сей же блаженный Алексей митрополит родился от рода бояр черниговских. Бывали ж тогда Божиими судьбами частые варварские пленения на град Чернигов и на все страны те; и того ради отец его Федор и мать его Мария отошли от отечества своего, от града Чернигова, и пришли в преименитый град Москву, и тут пребывая, родила сего блаженного; тогда же великое княжение Владимирское держал великий князь Михаил Ярославич, и при митрополите Максиме, до убиения Акинфа тверского.

ПОВЕСТЬ О СМУТЕ В МИТРОПОЛИИ

Митяй на митрополию. Митрополита ставить епископам. Прение о поставлении митрополита. Дионисий в Цареград. Грамоты чистые. После преставления ж Алексия митрополита был некто Митяй, архимандрит Спасского монастыря, который в Москве, муж изучен писания, громогласен, сладкоречив и учителен, возрастом велик и сановит. Его же князь великий имел себе отцом духовным и чтил весьма, желая того после Алексия возвести на митрополию и послать в Цареград на поставление. Тот же хотя и весьма высокоумствуя, немедленно по совету великого князя Дмитрия Иоанновича и бояр его, оставив архимандрию, взошел во двор митрополитов. И начал властвовать во всем, сколько подобает митрополиту владеть по всей митрополии, с церковей дань собирал, сборные петровские, рождественское, и доходы и уроки, и оброки митрополитовы, все взымал, и жил, и властвовал. И восхотел идти в Цареград к патриарху на поставление; и снова на иную мысль переменился, и начал беседовать с великим князем, говоря: «Написано во апостольских правилах так: два или три епископа да поставляют одного епископа. А также и в отеческих правилах писано есть. И ныне же да сойдутся епископы русские 5 или 7, поставят епископа и первосвященителя». И слышав сие, князь великий Дмитрий Иоаннович и бояре его восхотели так делать, да избавятся от издержек пути, повелел созвать всех епископов. И когда собрались епископы русские, придя, благословились у Митяя. Затем пришел Дионисий, епископ суздальский, и вознегодовал на Митяя, начал просить великого князя, говоря: «Князь

великий и господин, || мы сошлись по повелению твоему и видим, что хочешь Митяя здесь митрополитом учинить. Но мы не можем законы переменять, и не подобает же тому так быть, но по достоинству будет ему от патриарха благословение принять по обряду древнему». Митяй же, нареченный митрополит, видя себя осрамленным и не имея конкретного умышления, и смутившись, восколебался мыслью. Еще ж к тому некие безумные люди ссорили и на вражду настраивали нареченного митрополита Митяя на Дионисия, епископа суздальского, а Дионисия на Митяя. И так нареченный митрополит Митяй послал к Дионисию, епископу суздальскому, говоря: «Почему, придя во град, ко мне не пришел ты поклониться и благословиться, и так не чествовал меня и пренебрег, как неким из последних? Не ведаешь ли, кто я есть? Власть имею над тобой и над всей митрополией». Дионисий же, епископ суздальский, пошел к нему, и придя, и сказал ему: «Присылал ты ко мне, говоря, что "власть имею над тобой". Но поистине не имеешь власти надо мной никакой же, и тебе же подобало прийти ко мне, и поклониться, и благословиться от меня, ибо я есть епископ, ты же поп. Если подлинно власть имеешь во всей митрополии по правде судить, то так же вот по правде и поведай нам истинно по свидетельству божественных Писаний, кто есть больший, епископ ли, поп ли?». Говорил Митяй: «Ты меня попом нарек, я же есть архимандрит и наречен митрополитом. И ведай, что я в тебе и попа не угляжу; еще пожди, до тех пор пока приду от патриарха из Цареграда». И многая брань была и молва промеж них. И слышав сие, князь великий Дмитрий Иоаннович негодовал на Дионисия епископа. Митяй же пребывал на дворе митрополитовом на Москве один год и 6 месяцев, властвуя. А Дионисий же, епископ суздальский, восхотел идти ко Цареграду, ибо желал и сам на митрополитском престоле видеть себя. И не утаилось сие от Митяя, сказал великому князю и советовал ему, да возбранит Дионисию ко Цареграду идти, «да не сотворит, придя, там препятствие моему поставлению». Князь же великий повелел Дионисия нуждою удержать. Он же, видя себе нуждою крепко удерживаемым, преисхитрил великого князя Дмитрия Иоанновича, так сказал: «Дай послабление мне и отпусти меня, да живу по своей воле, а уже ко Цареграду не иду без твоего слова. А на всем на том даю тебе за себя поручителя, игумена Сергия Радонежского». Князь же великий послушал его, и поверил словам его, и устыдился поручителя его, отпустил Дионисия на том слове, что не идти ему ко Цареграду без великого князя слова. Митяю же не доверял Дионисий, епископ суздальский, и Сергий игумен. И злился Митяй и на Сергия, так как советовал он Алексию митрополиту не благословить Митяя после себя на митрополию русскую. Ныне же думал Митяй, что соединились единомышленные

преподобный игумен Сергей Радонежский с Дионисием, епископом суздальским, и не хотят поставления его в митрополиты. И потому Митяй негодовал на них обоих весьма. Дионисий же пошел в Суздаль и оттуда в Новгород Нижний, там где мало помедлил по обещанию своему, но вскоре побежал в судах Волгою к Сараю и оттуда ко Цареграду, обещанию своему великому князю изменив, а поручителя своего по себе, игумена Сергия, предал. И печаль была о сем великому князю. И смутился Митяй, негодовал на Дионисия, еще же и на Сергия, думая, что единомышленно соединились Сергей с Дионисием, не желая поставления его в митрополиты. Князь же великий Дмитрий Иоаннович весьма любил Митяя и чествовал его, как отца, более всех, и с удовольствием слушал его, и понуждал его идти к патриарху в Цареград ставиться в митрополиты. Он же начал приготовляться к пешему путешествию и испросил себе у великого князя грамоты неписанные, но с печатями великого князя, про запас, чтобы когда придет в Цареград, имея таковые грамоты неписанные, а с печатью великого князя, когда что потребно ему будет, напишут ему на тех грамотах. И князь великий дал ему таковые грамоты и сказал ему так: «Возьми сие, если будет когда оскудение чего или какая нужда, и потребуетя что занять у кого, или тысяча серебра или больше, в том будет во всем кабала моя и с печатью».

Кочевин. Мамай. Море Кафинское. Смерть Митяя. Крамола духовных. Коварство послов. Купля духовная. Митр. Пимен. И в 6887-м пошел Митяй ко Цареграду на поставление в митрополиты; пошел же с Москвы на Коломну, а с Коломны за Оку на Рязань, а переправился через Оку месяца июля в 26 день. И проводили его с великою честью и славою сам князь великий, и с детьми своими, и с боярами своими, а также и все епископы русские, и все архимандриты и игумены, и священноиноки, и купцы, и многий народ проводили его далеко. А с ним пошли ко Цареграду 3 архимандрита: 1) Иоанн, архимандрит петровский, сей был первый общему житию начальник на Москве; 2) Пимен, архимандрит переславский с Гориц; 3) Мартьян, архимандрит коломенский, и Дорофей печатник, и Сергей Азаков, и Стефан Высокий, Антоний Копье, Александр, протопоп московский, Давыд, протодьякон, называемый Даша, московский, Макарий, игумен мусолинский, Григорий, дьякон спасский, Григорий, дьякон чудовский, и иные многие игумены, и пресвитеры, и дьяконы, и иноки, и клиросники владимирские, и люди дворовые, и слуги лучшие митрополитовы, и казна митрополитова, и бояре. А вот бояре великого князя: Юрий Васильевич Кочевий Олешинский, то есть старший боярин, он же и посол великого князя, тому и старшинство приказано. А вот митрополитовы бояре: Феодор Шолохов, Иван Артемьев Коробьин, да Андрей и брат его Невер

Борбин, Стефан Ильин Кловыня, а толмач Василий Кустов, а другой Буил. И было их полк великий. И прошли всю землю Рязанскую с миром и с тихостию, затем пришли в Орду в место Половецкое и в пределы Татарские. И когда проходили они Орду, там задержан был Митяй со всеми кто был при нем Мамаем. И немного удержал его Мамай у себя, и снова отпустил его с миром и с тихостию, еще же и проводить его повелел. И так прошли всю землю Татарскую с миром и с тихостию, и пришли к морю к Кафинскому, и вошли в корабль. И когда плыли они по морю и пучину уже морскую проплыли, и близ Цареграда были, так что видно было уже Цареград, внезапно Митяй разболелся в корабле и преставился на море; некие же поведали, что корабль тот стоял на одном месте и не двигался с места ни туда ни сюда, а иные многие корабли плавали мимо его сюда и туда, и один тот был мукой томим, как бы из-за Ионы. Ибо сказано: тогда Иона был в корабле, море волновалось и корабли потопляло; тогда же Иону в море бросили, и море успокоилось от волнения, и корабль избавился от потопления. Так же и ныне: когда Митяй был в корабле, море не давало двигаться кораблю; когда же Митяя вынули из корабля, и корабль освободил и пошел, куда хотел. И вложили Митяя в барку, что есть небольшое судно, и привезли его мертвого в Галату, там же и погребен был. После преставления же Митяя было в оставшихся волнение великое, и возмутились и восколебались, как пьяные, и распря и разногласие многое было промеж их. Иные восхотели в митрополиты поставить Иоанна, архимандрита петровского московского, а другие Пимена переславского с Гориц. И много о сем поговорив, взялись бояре за Пимена, архимандрита переславского. Иоанн же о сем вознегодовал и сказал к ним: «Я не отступлюсь возгласить про вас, что сотворили неправду пред Богом и пред великим князем». Они же с той поры искали долгое время, как его погубить, и совет сотворили на него. Он же, услышав, сказал к ним: «Заедино ли ложь творите, поскольку столько зла сотворив, не боитесь?». Они же возложили руки на него, и взяли его, и посадили его в вериги железные, и голодом нудили его, и восхотели его бросить в море. Таковое зло было Иоанну архимандриту, изящному и именитому мужу весьма, поскольку не единомудрствовал с Пименом и с боярами. Также снова задумались, не предать ли его смерти. И так тогда злоба их на Иоанна, архимандрита московского, утишилась и прекратилась. Пимен же с боярами, осматривая ризницу и казну Митяеву, нашли там вышеупомянутую хартию неписаную, имеющую печать великого князя; и подумав с думцами своими, написал грамоту на той хартии, так говоря: «От великого князя русского ко царю и к патриарху. Послал я к вам Пимена. поставите мне его в митрополиты, ибо того единого избрал на

Русь и лучше того иного не нашел». Прочтена же была грамота пред всем священным собором и царем. Царь же и патриарх отвечали руси, говоря так: «Зачем так пишет русский князь о Пимене. Есть на Руси готовый митрополит Киприан, которого прежде сего давно поставил преосвященный Филофей, патриарх вселенский; того им отпускаем на Русскую землю и митрополию, а иного не потребно поставить». Русь же позаимствовали с кабалою серебро в долг на имя князя великого у фрязей и у басурманов в рост, так что до сего дня тот долг растет, которого было более 2000 гривен серебра, и удовлетворили обещания многие, и раздавали сюда и туда, а некоторых и из памятных подарков и даров, взятых из Москвы от великого князя и дому митрополитова, которых никто не может всех описать или перечислить. И так едва возмogli утолить всех и купить митрополию Пимену. Тогда царь и патриарх после многого стяжания изволили поставить Пимена в митрополиты на Русь, говоря, так говоря: «Право или неправо говорите, но мы к истине стремимся, ради правды действуем, творим, и говорим, и веру имеем вам». И так преосвященный Нил, митрополит цареградский, поставил Пимена в митрополиты на Русь.

Сомнение о смерти Митяя. Митр. Киприан в Москву. Митр. Пимен раздет. Чурилов. Драница. Вохна. И в 6888-м пришла весть к великому князю Дмитрию, что Митяй в море преставился скоростью уж близ Цареграда, а Пимен поставился в митрополиты. И иные говорили о Митяе, что задушили, иные же говорили, что морскою водою уморили его, поскольку епископы все, и архимандриты, и игумены, и священники, и иноки, и все бояре и люди не хотели Митяя видеть в митрополитах, но один князь великий хотел. И так князь великий скорбел и печалился весьма о Митяевом преставлении и не восхотел Пимена принять, сказал: «Не посылаю Пимена в митрополиты, но послал я его как одного из служащих Митяю. И что сотворили с Митяем, как умер, и не ведаю; Бог ведает и судит Бог неправды. О них же я слышу такое, и Пимена не приемлю, ни видеть его хочу». И Пимен митрополит со всеми кто был при нем еще медлил в Цареграде, и тогда князь великий послал в Киев отца своего духовного Феодора, игумена симоновского, за Киприаном митрополитом, зовя его к себе на Москву. И пошли посланники в Киев в великое заговенье. И пришел Киприан из Киева на Москву в четверток 5 недели после Пасхи, то есть в самый праздник Вознесения Христова. И начали звонить во все колокола, и сошлись люди, и стекся народ многий отовсюду, пришли архимандриты, и игумены, и священники, и иноки; много звонения было, и двинулся в путь весь град с женами, и с детьми, и со младенцами, сосущими молоко, вышли для встречи далеко из града. И князь великий сам встретил его далеко

от града с детьми своими и со всеми боярами с великою честью и со мною любовью, и с верою и смирением, и возвратились во град, и вошли в церковь. И знаменован был Киприан митрополит по иконам и, пев молебен духовный, любовью возвышенной насладились. И было торжество в тот день великому князю с митрополитом, и возрадовались и возвеселились в радости великой и в веселии многом, и милостыню странникам и нищим многую сотворили, и Христа Бога прославили, которому слава во веки веков, аминь. И потом, когда шел седьмой день наставшего года 6889, пришла весть к великому князю: вот Пимен митрополит идет из Цареграда на Русь на митрополию поперек Поля из Орды. Князь же великий не восхотел его принять и на своего боярина старшего Юрия Васильевича Кочевина Олешинского гневался. Когда же был Пимен в Коломне, и князь великий послал к нему и повелел с него снять клобук белый, а самого отвести в заточение, а дружину его, и думцев, и советников его, и церковнослужителей повелел развести и в вериги железные посажать. И отняли от него ризницу его, и всю казну его, и приставили приставника к нему некоего боярина, именем Иван, Григорьева сына Чурилова, называемого Драница; и повезли Пимена в заточение с Коломны на Вохну, не заходя в Москву, а от Вохны в Переславль, а от Переславля в Ростов, а от Ростова на Кострому, а с Костромы в Галич, а из Галича на Чухлому. И пребывал на Чухломе лето одно в заточении и потом от Чухломы веден был во Тверь. Ибо Господня есть земля и концы ее. На этом конец повести о Митяе и Пимене.

Умерла Василиса нижегородская. Добродетели княг. Феодоры. В тот же год преставилась княгиня Василиса князя Андрея Константиновича Нижнего Новгорода во иноческом чину, имя ей иноческое Феодора, и положена была в монастыре святого Зачатия, который сама создала. Родом же была тверянка, от отца Ивана Киасовского и матери Анны, родилась же в год 6839, в царство царя Андроника цареградского, патриарх был тогда во Цареграде Калист, а в Орде был тогда царь Азбьяк в Сарае, а на Руси во княжение великого князя Иоанна Даниловича Калиты, а митрополит тогда был Феогност. И еще будучи отроковицей, научилась грамоте, Ветхий и Новый Завет изучила и восхотела во иноческий чин постричься. Родители же ее, не хотя того, дали ее за князя Андрея Константиновича суздальского и нижегородского, 12-и летнюю. Она же, и в супружестве быв, не внимала суетному сему житию, но прилежала посту, воздержанию, молитве и милостыни и иссушила тело свое жесткостью жития, носила под светлым одеянием на теле своем власяницу. И через тринадцать лет преставился князь Андрей Константинович, муж ее, во иноческом чину, и положили его в церковь святого Спаса, там где отец его Константин. Она ж после преставления мужа своего постриглась

во иноческий чин и наречена была Феодора; и все богатство свое и имение, золото, и серебро, и жемчуг раздала церквам, и монастырям, и нищим, и всех своих освободила, и сама вошла в монастырь Зачатия, который сама создала. И пребывали в великой тишине и безмолвии, кормясь рукоделием своим и упражняясь в трудах, и в прочтении божественных Писаний, и во умилении и в слезах. И многие жены, и вдовицы, и девицы постриглись у нее в монастыре, и было их числом 110, все общее житие вели жестоко ж и крепко весьма; она же лучше епископа их от писания поучала всяк день. И в старость придя, не ослабела от подвига, но в жестоким и дивном житии преставилась, отошла ко Господу.

В том же году убит в Литве князь Кестутий, сын Гедиминов. А князь полоцкий Андрей, Ольгердов сын, зимою прибежал во Псков и слал к великому князю Дмитрию Иоанновичу, прося, да сохранит его от братии его, которые хотят убить. Князь же великий не стал помнить досады отца его, но призвал к себе во Владимир и воздал ему честь многую.

Татары к Нижнему. Нижний сожжен. В тот же год пришли татары волжские спешно к Новгороду Нижнему, а князя тогда во граде не было, а люди земли той разбежались. И в то время пришел с Городца князь Дмитрий в Нижний Новгород, и видел, что град взят был от Мамаевых татар, и послал к ним откуп с города. Они же откуп не взяли, а град сожгли. И за грехи человеческие церковью святого Спаса и дно ее чудное сгорели, и двери чудного устройства медью золоченою сгорели. И оттуда пошли татары воюя, и собрали полон многий, и повоевали Березовое поле и уезд весь.

Татар приход. Бой на р. Воже. Татары побиты. Монастырьев. Кучаков. В тот же год Волжской орды князь Мамай послал ратью князя Бегича на великого князя. Князь же великий собрал силу и пошел против них в Рязанскую землю за реку Оку. И встретились с татарами у реки у Вожи в Рязанской земле, и стояли, разделенные между собою рекой Вожей. Не после многих же дней татары перешли на сю сторону реки Вожи и скакали на конях груной, выкликая гласами своими великого князя Дмитрия Иоанновича. Он же стал против них и крепко с воинствами своими ударил на них: с одной стороны князь Андрей полоцкий, а с другой стороны князь Даниил пронский, а князь великий Дмитрий Иоаннович ударил с лица. И тотчас татары побежали за реку за Вожу, побросав копья свои, а наши вслед за ними гнались, били, секли, кололи, и тут убили их множество, а иные в реке утонули. Был сей бой при вечере, и прижали их к Воже весьма, и бежали татары всю ночь. На следующее же утро мгла была весьма великая, и пред обедом или после обеда пошли за ними следом их и разумели, что бежали далеко. И нашли в поле кибитки их поверженные, шатры и телеги их, а в них товара бесчисленно

много. И так богатство все татарское взяв, возвратились князи каждый восвоися с наживой и радостью многою. Тогда убит был от татар Дмитрий Монастырев да Назар Даниилов сын Кучаков. А Мамаевых князей тогда убито было: Хазибей, Ковергуй, Карабалук, и Кострок, и Бегичка. Было же сие побоище месяца августа в 11, на память святого мученика Евпла дьякона, в среду при вечере. Тогда же на той битве, которая на Воже с Бегичем, поймали некоего попа, от Ивана Васильевича тысяцкого из Орды пришедшего; был же тот Иван Васильевич тысяцкий и поведал, что в Орде Мамаевой многое нестроение было. И нашли у того попа злых лютых зелий мешок, и допросив его, истязав, послали в заточение на Лачье озеро, там где был Даниил затворник. Тогда же с той битвы, что на Воже, бежали татары Мамаевы, гонимые Божиим гневом, и прибежали в Орду к своему хану, и рассказали все пославшему их Мамаю; поскольку ханы их, которые в то время у них были в Орде, не выдавались ничем же и не смели нисколько сотворить пред Мамаем князем, но пред всеми Мамай старшинство держал, и всеми владел в Орде Мамай оный, и только имя слышалось ханское, дело же и слава, все было Мамаево. Тогда видел Мамай князь изнеможение дружины своей, что многие князи, и вельможи, и алпауты свои убиты, скорбен стал печалию весьма и взъярился в злобе сильной.

1379. Мамай на Рязань. Дубок. Переславль. Умер Семен. И той же осенью 6887 (1379) месяца сентября собрал Мамай князь оставшуюся силу свою и совокупил воинства много, пошел ратью как можно быстрее без вести на Рязанскую землю. А князь Олег Иванович рязанский не ведал о сем нисколько, и когда пришли в землю его татары, не успел собраться и не стал против них на бой, поскольку не приготовил себе, и перебежал на сю сторону Оки, а грады свои бросил. Татары ж, придя, взяли град Дубок и сожгли, и Переславль сожгли, и прочие грады пожгли, и волости и села повоевали и пожгли, и многий полон собрав, возвратились восвоися, Рязанскую землю пустой сделали. Олег же рязанский после отшествия татар, видев землю свою всю пустой и огнем сожженной, все имение и богатство татары взяли, скорбен стал и опечалился весьма. И мало из людей того полону от татар избежали, начали вселяться и жилища устраивать, и была пустота многая в земле Рязанской. Того же сентября преставился сын великого князя Дмитрия Иоанновича князь Семен.

Мятеж в Литве. Умер Кестутий. Витовт в Немецкую землю. В тот же год великий был мятеж в Литве; восстали сами на себя и убили великого князя Кестутия Гедиминовича, бояр его, и слуг его, ибо взяли было на княжение Ягайло Ольгердовича. Сын же Кестутия Гедиминовича Витовт бежал тогда в Немецкую землю и оттуда много зла сотворили земле Литовской.

Затмение луны. На ту же зиму в Филиппово говенье месяца декабря в 5 день в воскресенье в раннюю зорю было знамение на небе: луна помрачилась, и в кровь положилась, и стояла на одном месте, и после сего начала снова светла являться с полуденной стороны, а помрачилась с востока, и снова во свою светлость вступила. Той же зимой князь Андрей Ольгердович бежал из Литвы во Псков, а оттуда к Москве. И принял его князь великий Дмитрий Иоаннович в любовь.

В тот же год пошел в Цареград Дионисий, епископ суздальский, в судах рекою Волгою к Сараю. Сия ж повесть прежде написана в повести о Митяе: поскольку Дионисий с Митяем вражду имел и сам хотел на митрополитском престоле сидеть, и возбранил ему князь великий Дмитрий Иоаннович идти в Цареград, да не сотворит препятствия поставлению Митяя; Дионисий же епископ преисхитрил великого князя Дмитрия Иоанновича, что не пойдет он в Цареград, и на том ввел в поручение великому князю преподобного игумена Сергия Радонежского, и потом поручителя преподобного игумена Сергия предал, и побегал ко Цареграду Волгою в судах к Сараю. Тогда уверился князь великий Дмитрий Иоаннович, что изменил ему Дионисий епископ и поручителя своего предал преподобного игумена Сергия, и бежал Волгою к Сараю, а оттуда ко Цареграду, и скорбен стал князь великий о сем, и отпустил Митяя, архимандрита Спасского, к патриарху в Цареград ставиться в митрополиты на Руси. Митяй же посуху пошел с Москвы к Коломне, с Коломны на Рязань, с Рязани к Орде Мамаевой. Царь же в Орде Поволжской был бедным по сравнению с Мамаем князем, ибо только имя «царь» имели, но сие мало и худо бывало, ибо вся слава и деяния Мамаевы были. И многие нестроения бывали в Орде, и многие князи татарские побивались, лишались головы, и от острия меча умирали, и помалу оскудевала Орда от великой силы своей. Митяй же в Орде у Мамаю мало удержан был, и снова отпущен, и прошел всю землю Татарскую с миром и с тихостию, ибо повелел его Мамай проводить татарам своим. И пришли к морю к Кафинскому, и отпустил татар Мамаевых к Мамаю, которые проводили его, и вошел Митяй со всеми своими в корабль, и поплыли по морю. И уже близ Цареграда были, что видно весь Цареград, и разболелся Митяй в корабле и преставился, и положили его в Галате. И вот сбылось писанное: «Не хотящему, не делающему, но милующему Богу». Поскольку князь великий Дмитрий Иоаннович хотел, а Митяй делал, оба старались одно дело сотворить и нисколько не преуспели, ибо Бог не хотел, их же судьбами ведал он лишь один.

Троицкий монастырь. Кержацкий монастырь. В тот же год повелением великого князя Дмитрия Иоанновича игумен Сергей Радонежский создал монастырь на реке Дубенке на Стромыни, и

поставил в нем церковь Успения пречистой Богородицы, и игумена привел из своего монастыря от святой Троицы, именем Леонтия; и освящена была церковь месяца декабря в 1 день, иноков совокупил и монастырь устроил совсем; обогатил же его и обеспечил князь великий Дмитрий Иоаннович всем потребным во славу христианскую, Богу и пречистой Богородицы матери на спасение души своей и на сохранение державы своей.

Война на Литву. Трубчesk взят. Стародуб. Дмитрий Ольгердович. Той же зимой князь великий Дмитрий Иоаннович собрал воинов многих и послал рати брата своего двоюродного князя Владимира Андреевича, да князя Андрея Ольгердовича полоцкого, да князя Дмитрия Ивановича Волынского, и иные воеводы, и бояре, и вельможи многие, отпустил их месяца декабря в 9 день в пяток на Литовскую землю. Они ж пришли, взяли град Трубчesk и Стародуб, и иные многие стороны и волости повоевали, и возвратились со многим богатством восвояси. А князь Дмитрий Ольгердович трубчeskий не стал на бой, ни поднял руки против великого князя, но со многим смирением ушел из града и с княгинею своею, и с детьми своими, и с боярами. И пришел на Москву на службу к великому князю Дмитрию Иоанновичу, и снабдился у него всем необходимым, и крепость на себя взял. И князь великий, дав ему крепость и на службу приняв, принял его с честью великою и со многою любовию, дал ему град Переславль и со всеми пошлинами.

Вятские разбои на татар. Арская земля. Разбойники убиты. Той же зимой вятчане пришли ратью в Арскую землю, а татары собрались и побили разбойников ушкуйников, и воеводу их рязанца Ивана Станиславова, поймав, убили.

Умер тысяцкий Иван. В те ж времена послан был от князя Дмитрия тверского в Орду тысяцкий владимирский Иван Васильевич; тот не любил князя Владимира Андреевича коломенского и много клеветал на них, но не мог соблазнить. Князь же Владимир слышал, что он идет из Орды и что оклеветали его пред ханом, боялся, да не погубит его, ибо был любим и почитаем у всех и в Москве. И обменявшись сообщениями с великим князем, тысяцкого, оболстив и перехитрив его, поймал в Серпухове и послал его в Москву. И князь Владимир пошел в Москву. И месяца августа в 30 день во вторник до обеда в 4 час дня казнен был мечем тысяцкий оный Иван Васильевич на Кучковом поле у града Москвы повелением великого князя Дмитрия Иоанновича. И было множество народа стоящего, и многие прослезились о нем и опечалились о благородстве его и о величестве его. Ибо на многих сынов человеческих сатана изначала простирает сети свои злодейские, и презрительное отношение к другим, и гордости и неправды вселяет в них, и научил их и друг на друга враждовать,

завидовать и властям не покоряться. Говорит так апостол: «Только названный от Бога честь о себе приемлет; и нежели кто назван был, в том да пребывает, и все, повелевающие и послушающие, господствующие и рабствующие, и во смирении и в любви да пребывают; ибо весь закон во смирении и в любви есть, и любовь покрывает множество грехов. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Так что, сказал, друг друга любите, Бога бойтесь, царя чтите, рабы повинуйтесь во всяком страхе владыкам, не только благим и кротким, но и строптивым; ибо сие есть благодать, да о всем славится Христос Бог, которому слава во веки веков. Аминь.

Кн. Юрий Наримантович. В тот же год пришел из Литвы в Новгород великий князь литовский Юрий Наримантович.

6888 (1380). Было Благовещение в Великий день, а прежде сего было за семьдесят лет и за четыре на Великий день. А после сего будет за семьдесят лет без лета Благовещение в Великий день. Пала церковь каменная на Коломне, уже до завершения доведенная, которую было создал князь великий Дмитрий Иоаннович. В тот же год месяца июня в 15 день освящена была соборная церковь во имя святой Троицы во граде Серпухове, которую создал князь Владимир Андреевич, внук Иоаннов, правнук Даниилов, праправнук Александров, преправнук Ярослава, пращур Юрия Долгорукого.

Мамаева злость. Хан убит. Многие татары убиты. Мамай про историю расспрашивает. Мамай поход на Русь. Через Дон. Воронеж. Волжской орды нечестивый гордый князь Мамай всею Ордою владел, и многих ханов и князей побил, и поставил себе хана по своей воле. И возненавидели его все любящие хана своего, он же начал тех изгонять и убивать, не мог терпеть правые речи их, боясь, что если истину хану возвестят, то его низвергнут. Другие же, которые от Мамай богателись и честь принимали, против его противников стали и как хана не чтили, так и верных ему изгоняли. И из-за сего поднялось в Орде волнение, и многие нестроения были. Видя же во многом смущении том, что не верился ему никто ж, снова многих князей и алпаутов побил в Орде своей. Затем и самого хана своего убил; которого только номинально имел в Орде своим ханом, сам же всем владел и все творил. Уведаль же, что любят татары его хана, и убоился, что когда возмужает, отнимет от него власть его и волю его, и того ради от него и всех верных его и любящих его отлучали и убивали; хан же его был тогда 18 лет; хану же Великой орды Тохтамышу не повиновались. Гневались же и на великого князя Дмитрия Иоанновича, и на брата его князя Владимира Андреевича, и на князя Даниила пронского, что побили друзей и любимцев его, князей и алпаутов его в Рязанской земле на реке Воже. И о сем скорбели

весьма и лицо свое одирал, и ризы свои растерзывал, и говорил: «Увы мне! Что сотворили русские князи надо мною, как меня срамоте и стыду предали, как на меня поношение, и смех, и поругание сотворили всем, как могу избежать сего поношения и бесчестия?». И много о сем сетовал, и скорбел, и плакал, и недоумевал, что сотворить. И говорили ему, утешая его, советники его: «Видишь, великий князь, Орда наша оскудела и сила твоя изнемогла. Но имеешь богатства и имения без числа многие, да воинства соберешь многое и отмстишь за кровь князей, друзей и любимцев своих. Как сотворил ты над князем Олегом рязанским, все грады его и волости пожег, и всю землю его пустой сделал, и всех людей его в полон вывел, так же сотворил над князем великим Дмитрием». Нечестивый же и гордый князь Мамай, слышав сие от советников своих, возрадовался радостью великою, рассчитывая наживу многую обрести, возгордившись, вознесся во уме своем гордостью великою и хотел вторым Батыем быть и всю Русскую землю пленить. И начал спрашивать про старые деяния, как хан Батый пленил Русскую землю и всеми князьями владел, как хотел. И узнал от всех своих подлинно, и начал гордиться, и вознесся гордостью свыше Батыя в безумии своем; и думал о себе, что как в древности царь Навуходоносор вавилонский и Тит, царь римский, пленили Иерусалим, и царь Батый пленил всю Русскую землю и всеми странами, и всеми ордами владел, также и Мамай мыслил во уме своем, а кроме того в безумии своем, и начал всех ласкать и дары многие давали, чтобы с ним готовы были Русь воевать, особенно же на великого князя Дмитрия Иоанновича. И созвал многих татар от волжских орд, затем, собрав воинство многое, пошел на великого князя Дмитрия Иоанновича, как лев ревя, и как медведь пыхча, и как демон гордась. И переправился через реку Дон со всеми силами, и пришел на устье реки Воронеж, и тут стал силами своими, кочуя; и было воинства его великое весьма. И с тех пор начали Мамай ханом именовать, который не был ханом, ни происхождения ханского.

Рязанский Олег с Мамаем. Письмо к Мамаю. Тогда ж Олег, князь рязанский, услышал, что Мамай кочует на Воронеже в пределах его Рязанских, хочет идти на великого князя Дмитрия Иоанновича московского; и послал Олег князь посла своего к князю Мамаю нечестивому с великою честью и с дарами многими, и ярлыки свои написал к нему так: «Восточному вольному великому хану над ханами Мамаю твой посаженный и присягу давший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал же, господин, что хочешь идти на своего прислужника, на князя Дмитрия московского. Ныне же, всесветлый хан, приспело тебе время, золота и богатства много. А князь Дмитрий человек боязливый, когда услышит имя ярости твоей, отбежит в дальние места, в Великий в

Новгород и на Двину, и тогда богатство московское все в твоей руке будет. Меня же, раба твоего, милостию освободи от разорения. Еще ж молю тебя, хан, поскольку оба мы твои рабы, но я со смирением и покорением служу тебе, он же с гордостью и непокорством к тебе, и многие и великие обиды я, твой улусник, принял от того князя Дмитрия, и когда же о своей обиде твоим именем погрозил ему, он же о том не радел, еще ж и град мой Коломну на себя заграбил, и о том о всем тебе, хан, молю и челом бью, да накажешь его чужое не похищать».

Письмо Олега к Ягайло. А также после сего послал тот же Олег, князь рязанский, к великому князю Ягайло Ольгердовичу литовскому, сообщая такое: «Радостно пишу тебе, великий князь Ягайло литовский, ведомо всем, что издавна ты мыслил московского князя Дмитрия усмирить; ныне же приспело время нам, вот великий князь Мамай идет на него с великими силами, приложимся же к нему. И я же послал своего посла к нему с великою честью и с дарами многими, а ты пошли своего посла также с честью и с дарами и пиши к нему от себя, поскольку о себе ведаешь более меня».

Литовский Ягелло. Пишет к Мамаю. Ягайло же, слышав сие, рад был и весьма хвалил и благодарил друга своего Олега, князя рязанского, и послал своего посла к Мамаю с великими дарами, и молением, и челобитьем, и написал к нему так: «Восточному вольному великому хану Мамаю князь Ягайло литовский про твою милость присягу давший тебе много тебя молит и челом бьет. Слышал, господин, что хочешь устроить улус своего прислужника московского князя Дмитрия. Того ради молю тебя, хан, ибо ведал, какую великую обиду сотворил князь Дмитрий московский твоему улуснику Олегу, князю рязанскому, да и мнѣ пакости также делает многие. Тем же оба молим тебя, всесветлый и вольный хан, да накажешь его не творить так неправды, да двинешься к нам сам и, придя, увидишь и уразумеешь смирение наше, а грубость от великого князя Дмитрия».

Отповедь ханская. Таковое вот задумали Олег рязанский и Ягайло литовский: «Когда услышит князь Дмитрий про Мамаево нашествие и нашу присягу к нему, отбежит с Москвы в дальние места, в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем на Москве и на Владимире. И когда хан придет, мы его с большими дарами встретим и умолим его, да возвратится восвояси, а мы княжение Московское разделим между собой повелением ханским надвое, часть к Литве, часть к Рязани». Так помыслили в безумии своем, не помянули сказанного: «Если сотворишь зло ближнему своему, то же сам воспримешь»; и еще говорит: «Не сотвори соседу своему зла и не копай под ним ямы, да тебя Бог в горшее не ввернет». Пришли ж послы к Мамаю от Олега, князя рязанского, и от

Ягайло, князя литовского, с дарами и с грамотами. И Мамай воспринял дары с любовью, и грамоты выслушав, и послов, чествовав, отпустил, и написал Ягайло, князю литовскому, и к Олегу рязанскому так: «Сколько хотите улуса моего, земли Русские, тем всем жалуя вас, присягу мне давших и моих улусников; но только присягу имейте ко мне не лестную, и встретите меня со своими силами, где успеете, чести ради величества моего. Мне же ваше пособничество не нужно, но обиды ради вашей и честь вам воздаю моим величеством, жалуя вас, моих улусников, и от насильий и от обид избавлю, и скорбь вашу утолю, если нелицемерно клятву к присоединению имеете ко мне. И тогда только имени моего величества устрашится улусник мой московский князь Дмитрий и отбежит в дальние и непроходимые места, да и ваше имя, моих улусников, в тех странах прославит, да и моего имени радостная честь величится; а страх величества моего ограждает и управляет улусами моими и не позволяет никого обидеть без моего веления. А пленить и победить самому мне, великому хану, не пристойно, ибо мне по достоинству будет своим величеством и столькими несчетными силами и крепкими удалыми богатырями и сего победить, ибо то есть мой улусник и прислужник, и довлеет над ним только страх предо мной; но подобает мне победить подобно себе некоего великого, и сильного, и славного царя, как царь Александр Македонский победил Дария, царя персидского, и Пора, царя индийского, такая победа моему царскому имени по достоинству будет и величество мое прославится по всем землям. Так князьям своим и моим улусникам и присягу давшим нелицемерным скажите». Послы же их возвратились и сказали им все, что было от Мамаея. Они ж, безумные, возрадовались о суетном сем приветствии Мамаевом, не ведая, что Бог дает власть, кому хочет, ни вспомнили сказанного Господом: «Какая польза человеку, если весь мир приобретет, а душу свою испортит, то есть погубит? Ибо преходяще житие сие и царство от рода в род и от народа в народ, а человек, сотворивший зло, мучится вовеки, не имея помощи от приобретения всего мира». Они же в безумии своем ринулись, стремясь к земному и тленному приобретению, как скот.

Собрание воинств. Тверских помощь. Новгородцы. Тогда пришла весть на Москву к великому князю Дмитрию, что «князь Мамай Волжской орды не князь уже зовется, но великий сильный хан и стоит на Воронеже, кочуя во многой силе, и хочет на тебя идти ратью». Он же, слышав сие, скорбен стал и опечалился весьма, пошел в соборную церковь и припал со слезами к образу пречистой Богородицы Луки евангелиста письма, и ко гробу великого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, и благословился у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и сказал ему

про Мамаево нашествие. Ибо тогда в тот год Киприан митрополит вновь пришел из Киева на Москву, который когда пришел прежде в Киев за много лет, поставлен был во Цареграде на Русь в митрополиты еще при жизни Алексия. И прислал к великому князю Дмитрию Иоанновичу на Москву, говоря: «Патриарх меня поставил митрополитом на Русь». Князь великий отказал ему, говоря: «Есть у нас митрополит Алексий, и мы ради сего иного не приемлем». Киприан же в Новгород и во Псков послал, и отвечали ему и те так же. Он же жил в Киеве, ждал преставления блаженного Алексия митрополита. После ж преставления Алексия хотел князь великий Дмитрий Митяя, архимандрита спасского, видеть на митрополитском престоле на Москве, и возведен был Митяй во двор митрополитов, а также пошел с Москвы к патриарху в Цареград ставиться в митрополиты, которого с честью сам князь великий проводил со всеми боярами своими; он же, немного не дойдя Цареграда, преставился. Пимен же, архимандрит переславский с Гориз, тогда послан был в служащих Митяю. И видя, что преставился Митяй, начал мыслить на митрополию русскую, наготове имея посланное с Митяем; и таким образом поставился во Цареграде от патриарха в митрополиты на Русь. И о сем пришла скоро весть к великому князю на Москву, и не восхотел его князь великий, говоря: «Я послал Пимена в служащих Митяю, а не в митрополиты». И тогда послал в Киев отца своего духовного Феодора, игумена симоновского, в месяце марте за Киприаном митрополитом, зовя его с великою честью на Москву. И пришел Киприан из Киева на Москву в четверток 5 недели после Пасхи в праздник Вознесения Христова, и встретил его князь великий с детьми своими, и с боярами, и со всем народом с великою честью. Вот помалу пришла весть о нашествии окаянного, однако не хотелось в то верить. И сотворил совет с братом своим князем Андреем, и преосвященным митрополитом, и со всеми князьями и боярами, и решили, что «не по достоинству будет ни ослабевать, ни времени нет расспрашивать, но скорее воинства собирать, да не внезапно тебя изыщут». Он же начал собирать воинство многое и силу великую, соединяясь с великою любовью и со многим смирением с князьями русскими и которые под ним были князи местные. Послал же и к брату своему князю Михаилу Александровичу тверскому, прося помощи. Он же вскоре послал силу и отпустил к нему в помощь племянника своего князя Ивана Всеволодича холмского, внука Александра, правнука Михаила, праправнука Ярослава Ярославича. А также послал за войсками брата своего князя Владимира Андреевича в Городец, и вскоре тот пришел на Москву к великому князю. Послал же в Северу к Ольгердовичам звать их на помощь, и те обещали вскоре прийти. И потом пришли иные вести, говоря, что

Мамай несомненно идет с великою яростию во многой силе. Князь же великий скорбел и печалился весьма, и стал в спальне своей пред иконою Господня образа, которая в главе сего стояла, и молился. И после молитвы ушел из спальни своей, и взял брата своего князя Владимира Андреевича, и пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и сказал ему: «Несомненно, отец, идет на нас нечестивый Мамай с яростию во многой силе». Митрополит же начал утешать его и укреплять, говоря такое: «Не смущайся же о сем, господин и сын мой возлюбленный, многие же скорби преподобным и от всех их избавит нас Господь; и показывая, наказал меня Господь, смерти ж не предал меня. Господь нам прибежище и сила, помощник в скорбях, обретших нас весьма. Поведай мне; сын, истину, чем не исправился». Князь же великий сказал: «Расспроси же, отец, до велика, и неповинен я пред ним ни в чем; такой же вот уговор мой с ним был, и по тому уговору даю ему. И вот не повинен я пред ним ни в чем». И сие им говорил, и немедленно князь, пока воинства собираются, повелел Москву и Коломну укреплять. Послал же и в Серпухов воевод, повелел тот укреплять, и запасами многими обеспечить, и поселян всех во грады собрать. Послал же в Новгород и во Псков, повелел всем воинам, собравшись, идти к Москве. И новгородцы послали, сколько могли собрать, и более обещали прислать. Тогда внезапно пришли татары послы от Мамае к великому князю Дмитрию Иоанновичу на Москву, просили выхода, как было при хане Азбьяке и при сыне Азбьяковом Джанибеке, а не по своей договоренности, как уговор был с ним. Князь же великий давал ему по их договоренности, как с ним уговор был, он же просил, как было при древних ханах, а князь великий так не давали. Послы ж Мамаевы гордо говорили и о Мамае поведали, близ стоящем в поле за Доном со мною силою. Князь же великий посоветовался снова со всеми бывшими тут, и присоветовали дарами утолить нечестивых, обещая им вдвое по сравнению с прежним обычаем послать. Но те хотя льстились, но не смели вопреки требованиям Мамае завершить. Князь поведал отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси. Он же сказал: «Видишь ли, господин сын мой возлюбленный о Господе, Божиим попусшением за наши согрешения идет пленить землю нашу. Но вам подобает, православным князьям, тех нечестивых дарами утолять четырежды вдвойне, да в тихость, и в кротость, и в смирение придет. Если же и так не укротится и не смирится, тогда Господь Бог его смирит. Ибо писано: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Так же случилось великому царю Василию, когда злой отступник Ульян царь пошел на Персию и желал разорить град его Кесарию и всех людей его мечу предать. Великий же Василий помолился Господу Богу со всеми бывшими его христианами и собрал много золота, хотел

дать царю Уल्याну, что бы утолить и утешить ярость его. Видел же Господь Бог несмирительное сердце Уल्याново, послал на него воина своего святого Меркурия, повелел его злой смерти предать. И так убит был окаянный Улян царь Божию силою. Ибо так повелел Господь крестьянам творить со смиренною мудростию, как говорит во Евангелии: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Змиева же мудрость такова есть: когда некое ей бедовое случается, когда бывает от некоего битой и уязвляемой, тогда все тело свое дает на язвы и биение, голову же свою всею силою соблюдает. Также и всякий христианин о Христе, когда тяжелое и нужд время случится ему, гоним, уязвляем, бит, мучим, все свое предает, золото, и серебро, и стяжание, честь, и славу, в великой же нужде и тело свое допускает ранимым быть; голову же свою, что есть Христос и что в него вера есть христианская, соблюдает всяким опасением любви его ради и веры. Так вот повелел Господь мудро устраивать и исправлять: ибо если стяжание и имение, золота и серебра ищет гонящий, дайте ему, сколько имеете; если же чести и славы хочет, дайте ему; если же веру нашу отнять хочет, стойте крепко за сие и сохраняйтесь всяким опасением. И ты же, господин, сколько можешь собрать золота и серебра, пошли к нему и исправься к нему и укроти ярость его».

Дары Мамаю. Тютчев. Тысяцкий Никула. Ржевский. Волосатый. Тулик. Поленин. Судок. Белозерские. Каргопольские. Кубинские. Вандомские. Ярославские. Прозоровские. Курбский. Ростовский. Устюжские. Поход в Троицкий. Пересвет. Ослебя. Купцы в войске. Северка. Устройство полков. Большой полк. Правая рука. Левая рука. Глеб брянский. Передовой. Воеводы. Волуевич. Квашня. Белоус. Мещерский. Вельяминов. Кобылин. Число войск. Олег ужаснулся. Литовский не пошел. Князь же великий Дмитрий Иоаннович, послушав совета Киприана митрополита и князей бывших, отпустил послов Мамаевых, одарив довольно, и с ними послал избранного на такие дела, именем Захарий Тютчев, дав ему два толмача, знающих татарский язык, и золота и серебра много отпустил с ним к хану Мамаю. Дошел же посол до земли Рязанской и, слышав, что Олег, князь рязанский, приложился к Мамаю, послал тайно скоро вестника к великому князю на Москву. Услышал же то князь великий, и скорбен стал и опечалился весьма, и взял брата своего, который из двоюродных, князя Владимира Андреевича, и пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, и поведал ему, что Ягайло, князь литовский, и Олег, князь рязанский, совокупились с Мамаем на нас. Киприан же митрополит сказал: «Ты же, господин сын мой возлюбленный о Христе, каковы обиды сотворил ты им?». Князь же великий Дмитрий Иоаннович, прослезившись, сказал ему: «Я же, отец, согрешил и недостоин жить. К ним же ни одной черты по отцам

моих закону не преступил. Ибо ведаешь, отец, сам, что доволен я пределами своими и у чужих не желаю похищать, и им ни одной обиды не сотворил; не знаю, чего ради восстали на меня». Говорил ему митрополит: «Если так есть, не скорби, не смущайся. Господь тебе заступник и помощник есть, поскольку Господь правду возлюбил и за правду борется, и правда от смерти избавляет; не спроста же вот действуй да внезапно, не действуй исподволь, но собирай воинства и по всем землям со всяким умилением, и смирением, и любовью пошли, да сойдутся все люди, и много умножится воинства, и так не с одним смирением станешь, но смирение и страх совокупишь, и возразишь, и устраишь сопротивляющихся тебе». Князь великий ж, слышав о князе Олеге рязанском, снова по всем землям послал, со смирением и умилением прося и созывая князей и своей вотчины всяких людей в воинство, и перестал печалиться, возложил печаль свою на Господа и на пречистую его мать, и на святого чудотворца Петра, и на всех святых, говоря: «Как Господь хочет, так творит; ибо воле его кто противится? Нам же подобает просить прощения грехов своих и милости от него, он же творит все на пользу и спасение нам». И творил князь великий милостыню по монастырям и по церквам странникам и нищим. Малое время была тишь повсюду. И великий князь был на пиру у Никулы Васильевича тысяцкого с братом своим князем со Владимиром Андреевичем и со всеми тогда пришедшими князьями и воеводами, и вот снова пришли вести, что Мамай неотложно хочет идти на великого князя Дмитрия Иоанновича. Он же с братом своим князем Владимиром Андреевичем и с прочими князьями и воеводами советовался, умыслили стражу приготовить крепкую в Поле. И послал на стражу крепких воинов вооруженных, Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и иных крепких мужественных на сие, и повелел им на Быстрой и на Тихой Сосне стеречь со всяким опасением, и под Орду ехать языка добывать, и истину Мамаева хотения уведать. А сам князь великий в тот час по всем землям снова гонцов разослал с грамотами, да готовы будут против татар. И повелел совокупляться всем на Коломне месяца июля в 31 день, на память преподобного Евдокима, сам же начал в том участвовать и готовиться с пришедшими тогда князьями. И собирались воинства многие, вести же не было ниоткуда; посланные же в Поле стражи оставались на месте, и не было от них вести никакой. Князь же великий послал в Поле вторую стражу, Климента Поленина, Ивана Святослава, Григория Судока и иных с ними, заповедал им вскоре возвращаться. Они же встретили от Василия Тупика ведущих языка к великому князю, что несомненно Мамай идет на Русь и что присоединились к нему Олег, князь рязанский, и Ягайло, великий князь литовский; одна-

ко не спешит еще Мамай, но ждет осени, да возрастут плоды земные, и литва да войдет во страны Русские. Князь же великий Дмитрий Иоаннович уведал истинно, что несомненно идет на них князь Мамай со многою силою, и начал утешать и укреплять брата своего князя Владимира Андреевича, и прочие князи, и бояре, и воеводы, да крепки и мужественны будут против татар. Они же все единодушно возопили, что «готовы мы во Христе пострадать за христианскую веру и за твою обиду». И повелел всем людям быть на Коломне месяца августа в 15 день, на Успение пречистой Богородицы, и там поставить каждому полку воеводу. И пришли князи белозерские, крепкие и мужественные на брань, с воинствами своими: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей кемский, князь Глеб каргапольский и кубинский. Пришли ж вандомские князи, а также пришли ярославские князи со всеми силами своими, князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Лев Курбский, князь Дмитрий ростовский, князи устюжские и иные многие князи и воеводы со многими силами. Восхотел же князь великий идти в монастырь к живоначальной Троице помолиться и к игумену Сергию, благословился у отца своего Киприана, митрополита всея Руси. И пришел в монастырь месяца августа в 18 день, на память святых мучеников Флора и Лавра, и восхотел снова возвратиться в Москву, но поскольку начали ускорять вестники, говорящие о Мамаево нашествие, игумен же Сергей умолил его есть у него хлеба в трапезе. «Да даст тебе, сказал, Господь Бог и пречистая Богородица помощь, и еще сей победы венец с вечным сыном носить тебе предстоит, прочим же многим без числа готовятся венцы с вечною памятью». И повелел священную воду готовить, и после вставания от трапезы благословил крестом и окропил священною водою великого князя, и сказал ему: «Почти дарами и честью нечестивого Мамаю, да видев Господь Бог смирение твое, и вознесет тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложит». Князь же сказал: «Все сие сотворил ему, отец, он же еще более с великою гордостью возносится». Преподобный же сказал: «Если подлинно так есть, то поистине ждет его конечное погубление и запустение, тебе же от Господа Бога и пречистой Богородицы и святых его помощь и милость, и слава». И начал у Сергия игумена просить князь великий иноков Пересвета и Ослебя, мужества и храбрости их ради и полки умея набирать, говоря такое: «Отец, дай мне двух воинов от своего полку, двух братьев, Пересвета да Ослебя, сии же известные всем ратники великие, воины крепкие и смысленные весьма к воинскому делу и службе». Сергей же повелел им скоро приготовиться на дело ратное. Они же от всей души послушание сотворили игумену Сергию, никак не отказались от повеления его. Он же дал им оружие в тленных места нетленное,

крест Христов нашитый на схимах, и сие повелел им вместо шлемов возлагать на головы и крепко биться во Христе с врагами его, и дал их в руки великому князю Дмитрию Иоанновичу, сказал ему так: «Вот тебе, князь, мои воины вооруженные, по твоему желанию, которых пожелал ты с тобою иметь в случившихся напастях во время беды и нужды». И сказал им: «Мир вам, братия моя возлюбленные во Христе Пересвет и Ослебя, пострадайте вместе, как добрые воины Христовы, поскольку время вашей купли пришло». И благословил их крестом, и окропил священной водою великого князя и тех своих двух иноков, и всех князей, бояр и воевод, и говорил великому князю: «Господь Бог будет тебе помощник и заступник, и Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя». Князь же великий принял благословение преподобного и обрадовался сердцем, что сказал ему преподобный Сергей. И сие держал во уме своем, как некое сокровище, и не поведал никому же. И придя во град Москву, благословился у Киприана, митрополита всея Руси, и поведал ему одному, что сказал ему преподобный Сергей. Говорил ему митрополит: «Не поведай сие никому же, до тех пор пока Господь в благое не изведет». Князь же великий Дмитрий Иоаннович, позаботившись и приготовившись со всеми, вошел в соборную церковь и пал ниц пред образом пречистой Богородицы, которую Лука евангелист написал, молясь получить помощь на враги; затем пошел ко гробу святого чудотворца Петра и припал со слезами, молясь получить помощь и заступление от врагов и низложить гордость их и суровость. И кончив молитву, пошел к отцу своему Киприану, митрополиту всея Руси, прощенья и благословенья прося. Митрополит же простил его и благословил, и знаменовал его честным крестом, и окропил его священной водою, и послал пресвитеров и дьяконов многих с честными крестами и со священной водою в Никольские, и во Фроловские, и в Константинопольские врата благословлять всех, да всяк воин благословится и священной водою окропится. Августа 20 дня князь великий пошел в церковь святого архистратига Михаила и молился со слезами многими, отдал поклон у гробов родителей своих, простился и благословился. И ушел из церкви, и уселся на коня, пошел к Коломне. Брата ж своего князя Владимира Андреевича отпустил на Барашеву дорогу, а белозерские князи пошли Болвановскою дорогою с воинствами их. А князь сам великий пошел на Котел со многими силами. И было ему: спереди солнце грело, а сзади за ним кроткий и тихий ветер веял. Шли же разными путями, чтобы не оскудеть в корме и не утеснятся в переправах. Взял же тогда князь великий с собою десять мужей сурожан гостей, чтобы видели: если что Бог случит, поведают в дальних землях, поскольку они ходили из земли в землю и знаемы всеми во ордах и во фря-

зях; и другая вещь: если случится недостаток в коей потребе, сии куплю сотворят по обычаю их. Вот же имена их: Василий Капица, Сидор Елферьев, Константин, Козьма Коверя, Симеон Антонов, Михаил Саларев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черный, Деметий Саларев, Иван Ших. И пришел князь великий на Коломну в субботу месяца августа в 28 день, на память преподобного отца нашего Моисея Мурина. Прежде же великого князя сошлись там воеводы многие и встретили великого князя на речке Северке, а Герасим, епископ коломенский, встретил его в городских вратах с крестами. Повелел же князь великий на утро рано в воскресенье всем князьям, и боярам, и воеводам выехать на поле и назначил каждому полку воеводу. И взял к себе князь великий в полк белозерских князей с воинствами их, ибо были удалы весьма и мужественны. А на правую руку назначил брата своего князя Владимира Андреевича, дав ему в полк ярославских князей с воинствами их. А на левую руку назначил князя Глеба брянского. В передовой же полк назначил князя Дмитрия Всеволодова да Владимира Всеволодова, коломенского же полку воевода Микула Васильевич, владимирский ж и юрьевский воевода Тимофей Валувич, костромской же воевода Иван Родионович Квашня, переславский же воевода Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Даниил Белоус, Константин Конанович, князь Федор елецкий, князь Юрий мещерский, князь Андрей муромский. Князь же великий, урядив полки, вошел в церковь, и помолился Господу Богу, и пречистой Богородице, и всем святым, и благословился у Герасима, епископа коломенского, говоря: «Благослови меня, отец, идти против татар». Герасим же, епископ коломенский, благословил его и все воинство его сражаться против нечестивых татар. И пошел князь великий с Коломны со многими силами, и, придя, стал у Оки на устье Лопасны реки. И тут пришел к нему воевода Тимофей Васильевич, тысяцкого внук Василиев, правнук Веняминов, со многими воинствами, что было оставались на Москве. И тут о вестях выслушав, повелел им через Оку реку переправляться, и заповедал каждому полку, говоря такое: «Если кто идет по Рязанской земле, да никто же ни к чему коснется, ни волосу единому, и нисколько не возьмет у кого». На Москве же у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и великой княгини своей Евдокии и у сынов своих у Василия, у Юрия воеводу своего оставил Федора Андреевича Кобылина. И переправилось все воинство его чрез Оку реку в день воскресный, а на следующее утро в понедельник сам переправился. И была ему печаль, что мало пешей рати. И оставил у Лопасны великий князь воеводу своего Тимофея, сына Васильева тысяцкого, да когда пешая рать или конные пойдут за ним, да проводит их без обмана, никто же от тех ратных, идя по Рязанской

земле, да не коснется ничему и нисколько да не возьмет у кого. И повелел счесть силу свою, сколько их есть. И было их болес 20[0] 000. Слышано же было на Москве у митрополита, и у великой княгини Евдокии, и во всех градах и народах, что князь великий со всеми князьями и со всеми силами переправился через Оку реку в Рязанскую землю и пошел на бой, а пешая рать не успела прийти, начали скорбеть и сетовать все, говоря со слезами: «Почему пошел за Оку? Если и сам Божию милостию сохранен будет, но всяко от воинства его многие падением падут бедным». И о сем все скорбели, слезились неутешно. Услышал же князь Олег рязанский, что князь великий Дмитрий переправился через Оку реку и идет со многими силами против Мамаю, смутился о сем, говоря: «Что сей творит, и откуда для этого таковые силы собрались? Мы ожидали, что он сбежит в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину; сей же ныне идет против такового сильного царя. Но как о сем дам весть другу моему великому князю Ягайло Ольгердовичу литовскому? Ибо не дадут нам посланиями обмениваться, заняли пути все». И говорили ему бояре его и вельможи его: «Мы же, господин, слышали о сем за 15 дней и устыдились тебе поведать. Говорят же в вотчине его о монахе некоем именем Сергей, который пророчество от Бога имел, и тот монах вооружил его и повелел ему пойти против Мамаю». Олег же князь рязанский услышав сие, устранился и вострепетался весьма, говоря: «Почему мне прежде сего не поведали о сем? И я бы тогда, придя, умолил нечестивого царя Мамаю, да нисколько бы зла не сотворилось никому же. Ибо мне своей земли тем не наполнить, ни убитых воскресить, ни полоненных возвратить; ибо все сие Божиим судом было, как Богу угодно было, так и было то, ныне погубил свою душу; к кому же свойственность покажу? Если к Мамаю, всяко погибнуть имею, ибо беззаконен буду и неверен; если к Ягайло Ольгердовичу, так же есть. Но подлинно воля Господня да будет, кому Господь Бог поможет и пречистая Богородица и все святые, тому и я свойственность покажу». Князь же великий Ягайло литовский по вышесказанным обещаниям своим в назначенный срок совокупил литвы много, и варягов, и жмоти, и прочих и пошел на помощь к Мамаю царю. И придя к Одоеву, стал и начал спрашивать про вести. И услышал, что князь Олег рязанский устранился и вострепетал весьма, и начал и тот скорбеть и тужить, говоря: «Зачем прельстился от друга своего Олега рязанского. Почему вверился ему? Никогда же поистине не бывали литва от Рязани учима; ныне же почему в безумие впали?». И так начал ожидать, что сотворится Мамаю с московским.

6889 (1381). *Берега. Литовские князи. Ольгердовичи в помощь. Мелик. Кренин. Тынин. Горский. Чириков. Язык татарский. Кузьмина гать. Совет. Пехота пришла. Число войск. Совет*

Ольгердовичей. Речь великого князя. Волынца Боброкова ворожба. Поле Куликово. Непрядва. Месяца сентября 1 пришел великий князь Дмитрий Иоаннович на место, называемое Береза, за двадцать и три поприща до Дону, и тут пришли к нему литовские князи на помощь, князь Андрей Ольгердович полоцкий с псковичами да брат его князь Дмитрий Ольгердович брянский с воинствами своими. Сии же князи оба сотворили много помощи великому князю Дмитрию Иоанновичу. Тогда ж князь великий отпустил в Поле пред орду Мамаеву избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и с ним избранных своих Игнатия Креня, Фому Тынина, Петра Горского, Карпа Александрова, Петра Чирикова и иных многих известных и мужественных, и на то устроенных там гонцов, чтобы когда увидят стражу татарскую, подали скоро весть. И подвинулся с того места великий князь к Дону, тихо шел, вести перенимая; тогда пришли к нему двое из стражей его, Петр Горский и Карп Александрович, привели языка особого от двора Мамаева, от сановитых ханских. И тот язык поведал, говоря: «Ныне же Мамай на Кузьминой гати; не спешит же при этом, но ожидает Ягайло, князя литовского, а московского князя Дмитрия собранья не ведает, ни встречи с ним не ожидает по прежденаписанным к нему посланиям Олега рязанского. Через три же дня собирается быть на Дону». И спросили его о силе Мамаевой, какова есть. Он же сказал: «Великое множество имеет бесчисленное». Тогда князь великий Дмитрий призвал к себе брата своего князя Владимира Андреевича, и всех князей, и воевод, и вельмож, и начал советоваться с ними: «Что сотворим? как битву устроим против безбожных сих татар, на сей ли стороне Дона или на ту сторону Дона перейти?». И было прений много: некие говорили стать на сей стороне Дона и ждать, «если сила татарская придет тяжкая, то можем мы обороняться и без страха отступить»; другие говорили, что дождавшись пешей рати на сей стороне, переходить вброд через Дон; иные же решили, лучше ныне перейти и своих людей ободрить, а татарам страх положить; и о сем много прений было долгое время. И тут пришли много пешего воинства, и земские многие люди, и купцы со всех земель и градов, и было видно множество людей собравшихся, вышедших в Поле против татар. И начали считать, сколько их всех есть, и сосчитали более сорока тысяч воинства конного и пешего. Тогда князь великий созвал главных князей и спросил, что творить. И после некоей речи поднявшись, начали говорить литовские князи Ольгердовичи, князь Андрей и князь Дмитрий, братия Ягайло Ольгердовича литовского, говоря так: «Если останемся здесь, слабо будет воинство сие русское, если же на ту сторону Дона переправимся, крепко и мужественно будет; ибо все начнут думать, что победить или костью самим пасть, ведя, что не мо-

гут убежать. И сего ради все более укрепятся, разумея, что если одолеем татар, да будет слава тебе и всем нам. Если же убиты будем от них, то общею смертию все вместе умрем. А что народы страшатся великости силы татарской, и против великой силы их пусть никто не уstraшитя, ибо не в силе Бог, но в правде, и кого он хочет миловать, тому и помощь дает». И тотчас пришли вестники многие, говорящие о татарском приближении. Князь же Дмитрий Иоаннович уселся на коня и созвал всех воевод, начал вопрошать, что творить. Те же по-разному говорили. Иные решили подвинуться и стать у Дона, не пропускать в землю Рязанскую. Иные решили отступить в крепкие места и смотреть, что начнет делать Олег рязанский, «да уведем, что мыслит и кому помогать будет, ибо зло его за спиною оставить». Князь же великий сказал: «Братия и любезные друзья, ведаете, что пришли сюда ни Олега смотреть, ни реку Дон стеречь, но или землю Русскую от пленения и разорения избавлю, или голову мою за всех положу, ибо честная смерть лучше злой жизни. Лучше было не идти против безбожных татар, нежели придя и нисколько не сотворив, возвратиться обратно. Перейдем же ныне в сей день за Дон все и там или победим и все от гибели сохраним, или положим головы свои все за святую церковь, и за православную веру, и за братию нашу христианство». И так повелел каждому полку чрез Дон мосты устраивать, а самим в доспехи наряжаться на случай всякой неожиданности. И сентября 7-го дня пошли чрез Дон. Перешли же все в день тот и мосты за собою разрушили. Тогда же всю ночь волки выли страшно, и вороны и орлы все ночи и дни каркали и клекотали, ожидая грозного и Богом изволенного дня кровопролитного по сказанному: «Где будет труп, там соберутся орлы». Тогда же от такового страха богатырского сердца и удалые люди начали укрепляться и мужествовать, слабые же и худые страшиться и унывать, ибо видели пред очами смерть. И приспела ночь праздничная Рождества пречистой Богородицы; осень же была тогда долга, и дни солнечные и светлые сияли, и была же в ту ночь теплота и тихость великая. Был же с князьями литовскими пришедший воевода известный и полководец изящный и удалой весьма, именем Дмитрий Боброков, родом из земли Волынской, которого знали все и боялись из-за мужества его. Сей пришел к великому князю, говоря такое: «Когда будет глубокая ночь, если хочешь, покажу тебе приметы, что случится напоследок, да имеем прежде уведать». Князь же великий не повелел ему никому же сего поведать. И когда заря угасла и глубокая ночь была, Дмитрий Боброков волюнец уселся на коня, взял с собою великого князя, выехали на поле Куликово и стали среди обоих полков. И обратились к полкам татарским и слышали там клич и стук великий, как торжища снимаются и как грады строят

и как трубы гласят, и сзади их волки были страшно весьма; по правой же стороне был во птицах трепет великий, кричали и крылами били, и вороны каркали, и орлы клекотали по реке Непрядве, и был страх великий, так что и птицам была битва и драка великая, предвещающая кровопролитие и смерть многим. И говорил волынец великому князю: «Что слышали вы?». Он же сказал: «Страх и грозу сильные слышал». Говорил ему Дмитрий Боброков волынец: «Обратись, князь, на полк русский». Он же обратился, и была тихость великая. Говорил ему Дмитрий волынец: «Что, господин князь, слышали вы?». Говорил князь великий: «Ничего, только видел, что от множества огней словно заря поднимается». Говорил Дмитрий Боброков волынец: «Господин князь, благодари Бога, суждено тебе победить врагов своих».

Розыски великого князя. Порозович. Холопов. Князь великий сыскан. Имена побитых. Кн. Федор белозерский. Кн. Федор торусский. Пред рассветом сентября 8 дня пришли сторожевые, возвещая, что татары идут, слышан был топот конский и шум великий. Тогда князь великий созвал всех князей, и уложили, что князю великому быть в середине и смотреть на все полки, куда потребно будет помогать; на правой стороне стать Ольгердовичам с северским и новгородским полками и псковичами; на левой белозерским и ярославским; впереди тверскому, а князю Владимиру Андреевичу и князю Дмитрию нижегородскому позади, и когда увидит татар наступающих, то ему стать в засаде в дуброву у реки Дон, а на его место стать Дмитрию, на правую ж руку пришел Микула Васильевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со многими силами. И так запланировав, начали вооружаться. Когда же взошло солнце, была мгла великая до третьего часа и потом начала опадать, тогда вышли и устроились все полки христианские в доспехах и стали на поле Куликовом на устье реки Непрядвы; было же то поле велико и ровно. И князь великий поехал по всем полкам, увещевая все воинства постоять за святую христианскую веру, и за всю землю Русскую, и за свою честь. И всюду отвечали ему, что «готовы мы помереть или победить». И все вооружались на брань, один другого желая в храбрости преуспеть и себя с друзьями ободрить. И после сего князь великий видел, что передние уже в нетерпении, придя под своим белым знаменем, сошел с коня, совлек с себя поволоку князю, и возложил оную на любезного своего Михаила Александровича брянского, и посадил его на своего коня, повелев быть ему во свое место под большим знаменем; а сам желая полками управлять и, где потреба явится, помощь подавать и рындам (телохранителям) своим повелел при брянском быть. Затем повелел всем полкам своим вперед двинуться. И был уже час шестой, около самого полдня, и внезапно сила великая татарская спешно с хол-

ма пришла, и тут, не двигаясь далее, стали, ибо не было места, где им расступиться; и так стали, копыя выставили, стена у стены, каждый их на плечи передних своих опирал, передние покороче, а задние подлиннее. А князь великий также с великою своею силою русскою с другого холма пошел против них. И было страшно видеть две силы великие снимающиеся на кровопролитие, на скорую смерть. Но татарская была сила видна была мрачной потемненной, а русская сила видна во светлых доспехах, как некая великая река льющаяся или море колеблющееся, и солнце светлое сияло на них и лучи испускало, и как светильники издалека видны были. Нечестивый ж царь Мамай с пятью князьями старшими взошел на место высоко на холме, и тут стали, желая видеть кровопролитие человеческое и скорую смерть. И уже каждому урок жития пришел и конец приблизился. И начали прежде съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же князь великий наперед в сторожевых полках ездил и, мало там пребыв, возвратился снова в великий полк. И так пошли обе силы вместе сходитья, оттуда татарская сила великая, а отсюда сам князь великий Дмитрий Иоаннович со всеми князьями русскими. И было видно, что русская сила несказанно многая, что более четырехсот тысяч конной и пешей рати. Также и татарская сила многочисленна весьма. И уже близко сошлись обе силы, и выехал из полка татарского богатырь великий очень, и широту великую имел, мужество великое воплощая; и был всем страшен весьма, и никто не смел против него выйти, и говорил каждый друг ко другу своему, чтобы кто против него вышел, и не шел никто. Тогда же преподобного игумена Сергия Радонежского изящный его послушник инок Пересвет начал говорить великому князю и всем князьям: «Нисколько о не сем смущайтесь, велик Бог наш и великая крепость от него. Я хочу Божиею помощию, и пречистой его матери, и всех святых его, и преподобного игумена Сергия молитвами с ним встретиться». Был же сей Пересвет, когда в мире был, славный богатырь, великую силу и крепость имел, ростом и широтою плеч всех превосходил, и смышлен был весьма к воинскому делу; и так по повелению преподобного игумена Сергия возложил на себя святой схимы ангельский образ, и знаменовался святым крестом, и окропился святою водою, и простился у духовного отца, затем у великого князя и у всех князей, и у всего христианского воинства, и у брата своего Ослебя. И восплакал князь великий, и все князи, и все воинство великим плачем, со многими слезами говоря: «Помоги ему, Боже, молитвами пречистой твоей матери и всех святых, как в древности Давиду на Голиафа». И так инок Пересвет, послушник преподобного игумена Сергия, пошел против татарского богатыря Темир-мурзы (Челубея). И ударили оба копыями крепко настолько громко и сильно,

что земля сотряслась, и упали оба на землю мертвы, и тут конец приняли оба; так же и кони их тотчас мертвы были. Князь же великий пошел сам в передовой полк, и было им сражение на долгое время, но не мог никто кого одолеть. И около часа седьмого сошлись вместе крепко всеми силами и долгое время бились. Русским же тяжело было, так как солнце было в лицо и ветер. Тогда можно видеть было храбрость многих тысяч воинов, ибо один пред другим преуспевал и всяк хотел славу победою обрести. Ломались копыя, как солома, стрел множество, как дождя, и пыль закрыла лучи солнечные, а мечи только, как молнии, блистали. И падали люди, как трава под косою, лилась кровь, как вода, и протекали ручьи. От ржания же и топота конского и стенания раненых не слышать было никакого речения, и князи и воеводы, что ездили по полкам, не могли ничто устраивать, так как их не могли слышать. На чело же избрались мужи храбрейшие, между которыми инок Пересвет, который прежде иночества весьма прославился в воинстве и убил великого татарского наездника, и сам при этом убит был. И многие иные храбрые мужи, побеждая нечестивых, сами пали; и многие трупы христианские и басурманские горами лежали. И был тягчайший бой у реки Мечи. Тогда убили под великим князем коня, он же пересел на другого коня, и того вскоре убили, и самого великого князя тяжело ранили, он же едва с побоища смог уйти. Тогда же около него все падали или раненые уходили на сторону, и сам князь великий, отойдя в дубраву, лег под деревом многолиственным. Большой полк владимирский и суздальский, бившись на одном месте, не мог одолеть татар, так как многие побиенные пред ними лежали; ни татары не могли сломить их, ибо князь Глеб брянский и тысяцкий великого князя Тимофей Васильевич храбрые и сильные весьма крепко бились и не давали татарам одолевать. На правой стороне князь Андрей Ольгердович не единожды на татар напал и многих убил, но не смел вдаль гнаться, видя, что большой полк не движется и что вся сила татарская идет на средину, имея намерение разорвать. Когда же татары начали левую руку князей белозерских одолевать и миновали дубраву, там где стояли князь Владимир Андреевич и воевода литовский Дмитрий Вольнец с засадою, те, увидев сие, ударили со стороны и в тыл татарам. А князь Дмитрий Ольгердович сзади большого полку вступил на то место, где оторвался левый полк, и напал с северянами и псковичами на большой полк татарский. Тогда же и князь Глеб брянский с полком владимирским и суздальским перешел чрез трупы мертвых, и тут был бой тяжкий. Было же уже девять часов, и была такая сумятица, что не могли разбирать своих, ибо татары въезжали в русские полки, а русские в полки татарские. И когда ветер потянул русским с тыла, и солнце позади стало, а татарам в очи,

начали татары на месте топтаться, а Мамай подгонял и укреплял сзади. И не могли уже более сдержать, тотчас побежал сам и бывшие с ним, русские же полки погнались во след их; и догнали у станов, тут снова татары сопротивление оказали, однако и тут вскоре сломили и все таборы их взяли, богатства их разнесли, и гнались до реки Мечи; тут множество татар утонуло. Князи же русские Владимир Андреевич и Ольгердовичи с иными князьями и воеводами, видев нечестивых множество убитых, и пред заходом солнца возвратившись, стали на костях, видя множество убитых христианского воинства, князей, и бояр, и воевод, и слуг, и пешего воинства, что и исчислить нельзя, и всюду реки кровавые протекали. И начал князь Владимир искать брата своего великого князя Дмитрия Иоанновича, и не нашел его, просил всех, вопия со слезами, да разыщут великого князя, и терзал себя от многой печали; и повелел трубить сбор трубами, и сошлись сколько остались живы христианские воины, и вопрошали их: «Кто где видел великого князя, брата моего?». И начали ему говорить некие: «Мы видели его раненым весьма, когда среди мертвых лежал». Другой же сказал: «Я видел его крепко бьющегося и бежащего. И снова видел его с четырьмя татариными бьющегося, и бежал от них, и не ведаю, что сотворилось ему». Говорил князь Стефан новосильский: «Я видел его пешего с побоища едва идущим, ибо ранен был весьма, и не мог помощи ему дать, поскольку сам гоним был тремя татариными». Тогда князь Владимир Андреевич, который из двоюродных, брат великому князю Дмитрию Иоанновичу, собрал всех и говорил им с плачем и со многими слезами так: «Господа, братья, и сыновья, и друзья, поищите прилежно великого князя. И если кто живого найдет его, не ложно, но истину говорю вам: будет славен и честен, велик, да еще более прославится и возвеличится; если же будет от простых, убог, в нищете последней, да будет первый богатством, и честью, и славою возвеличится». И рассыпались все, всюду начали искать. Иные нашли Михаила Андреевича брянского, наперсника великого князя, убитого, в плаще и в доспехе, и в шлеме великого князя, и во всей утвари царской. А иные нашли на князя Федора Семеновича белозерского, полагая его великим князем, поскольку по достоинству ему было. Иные нашли слуг великого князя и коня лежащими. Два ж некие от простых воинов уклонились на правую сторону к дубраве, одному имя Феодор Порозович, а другому имя Феодор Холопов, были же сии от простых, и нашли великого князя побитого весьма, едва только дышащего, под недавно срубленным деревом под ветвями лежащего, как мертвого; и спали с коней своих, и поклонились ему. И один скоро возвратился к князю Владимиру Андреевичу, поведал ему про великого князя живого. Он же тотчас быстро на коня взобрался и поехал со ско-

ростью с бывшими при нем воинами; и придя и став над ним, сказал ему: «О брат мой милый, великий князь Дмитрий Иоаннович, древний ты Ярослав, новый ты Александр, но прежде всех слава Господу Богу нашему Иисусу Христу, и пречистой его матери, и великому чудотворцу Петру, и преподобному игумену чудотворцу Сергию, и святым страстотерпцам Борису и Глебу, и всем святым Божиим угодникам, что Божиею помощию побеждены измаилтяне, и на нас милость Божия воссияла». Князь же великий Дмитрий Иоаннович едва сказал: «Кто говорит сие и что сии слова значат?». Говорил к нему князь Владимир Андреевич: «Я брат твой князь Владимир. Возвещаю тебе, что Бог явил над тобою милость, а враги наши побеждены были». Он же возрадовался духом, хотел встать, но не мог, и едва поставили его. И был доспех его весь избит и язвен весьма, на теле же его нигде смертельной раны не нашлось. Ибо он ранее всех начал на татар наступать и много бился. И много ему говорили князи и воеводы его: «Господин князь, не ставься наперед битися, но ставься назади, или на крыле, или где в другом стороннем месте». Он же отвечал им, говоря: «Да как я возглашу кому: наступайте братия крепко на врагов; а сам при этом стоя позади, лицо свое скрывая? Не могу я так поступить, но хочу как словом, так и делом прежде всех сам начать и другим образец дать голову свою положить за имя Христово и пречистой его матери, и за веру христианскую, да все, видев мое дерзновение, так же со многим усердием сотворят». Да как сказал, так и сотворил, прежде всех начал биться с татарами, да справа его и слева обступили татары, как вода, и много по голове его, и по плечам его, и по животу его били, и кололи, и секли. Но от всех сих Господь Бог милостию своею и молитвами пречистой его матери и великого чудотворца Петра и всех святых молитвами сохранил его от смерти; утрудился же весьма и утомлен был от великого буйства татарского настолько, что был близ смерти. Был же сам крепок и мужествен весьма, и телом велик и широк, и плечист и полный весьма, и тяжек собою очень, брадою ж и власами черен, взором же дивен весьма. И уразумел, что поведали ему радость великую, и окрепившись, сказал: «Сей день, который сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный». И усадили его на коня, и поехал в полки. Когда же пришел к шатру, повелели вострубить в трубы веселыми гласами, да уведают все и возрадуются о великом князе своем. И сказал ему князь Владимир Андреевич: «Ведаешь ли, сколько было Божией милости и пречистой его матери на нас, что и там где не доходили наши, и там множество татар убито было невидимою Божиею силою, и пречистой его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых». Князь же великий, воздев руки к небу, сказал: «Велик ты, Господи, и чудна дела твои, и нет слов,

достаточных к похвалению чудес твоих. О Богомать пречистая, кто может похвалить тебя достойно и великие несказанные чудеса твои воспеть? О блаженный Петр, заступник наш крепкий, что воздадим тебе, который воздал нам?». И уже вечер поздний был, он же, забыв болезнь свою, послал всюду искать приятелей своих раненых, опасаясь, что без помощи изомрут. И тут пребывал ночь ту. На следующее же утро, отдохнув от труда своего и от поту своего и от болей своих утешившись, призвал брата своего князя Владимира Андреевича и прочих князей и все воинство сладкими словами возвеселил, похвалил и возвеличил их, что так постояли за православную веру и за все православное христианство. И пошел на побоище с братом своим и прочими князи и воеводами, которых мало остался. И видел мертвых, лежащих, как копны; и смешались христиане с татарами, кровь христианская сливалась с татарскою кровию, и было видеть это страшно и ужасно очень. И восплакал князь великий великим плачем со слезами, и заехал в место, там где лежали вместе восемь князей белозерских убитых. Были же сии мужественны и крепки весьма, известные и славные удальцы и как один вместе заодно умерли и со множеством бояр их. Затем близко тут нашел великого воеводу своего Микулу Васильевича тысяцкого, и 15 князей русских, и великое множество бояр и воевод, мертвых лежащих. Затем нашел наперсника своего, которого любил более всех, Михаила Андреевича брянского, и близ него множество князей и бояр лежало убитых, тут же и Семен Мелик лежал убиен с Тимофеем Волуевичем. И пришел на другое место, и видел Сергиева чернеца Пересвета и близ него известного богатыря татарского, и обратившись, сказал к бывшим с ним: «Видите, братия, начальника битвы. Ибо та победа подобна всему сражению, от того было многим пить горькую чашу смерти». И восплакал обо всех князь великий горьким плачем с великими слезами, говоря так: «Слава Богу, изволившему так». Было же убитых от Мамаю число велико на том побоище. Убиты ж были известные, и великие, и удалые весьма, их же имена были такие: князь Феодор Романович белозерский и сын его князь Иван, князь Феодор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Феодор торусский, князь Мстислав брат его, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич тысяцкого, Михаил и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич, Валуй, Окатьевичи, Михаил брянский, Лев Мазырев, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, которому имя Александр, бывший прежде боярином брянским, был же сей удалец и богатырь славен весьма; и сии все удальцы и богатыри великие, которых имена писались. Прочих же князей, и бояр, и воевод, и княжат, и детей боярских, и слуг, и пешего воинства неудобь вписать имен их.

Тогда князь великий Дмитрий Иоаннович ко всем начал говорить так: «Господа мои, братья и сыновья, благодаря, благодарю вас, что столько подвизались и пострадали за веру, и свою честь, и за всю землю Русскую, что воздаст вам Господь Бог. Я же постараюсь, как мне то следует, всем по достоинству воздавать. Когда мне даст Господь Бог быть на своей вотчине на великом княжении на Москве, тогда чествую и одарю вас. Ныне ж каждый приложит усилия, сколько можете, похоронить братию нашу православное христианство, убитое от татар на месте сем». И в тот день, воздав Господу Богу молебное благодарение со многими слезами, повелел же убитых счислить; но неудобно было, так как тела христианские и басурманские лежали грудями наги, и невозможно было всех опознавать, и так погребали вкуче, сколько возмogli различать от нечестивых. Раненых же вскоре отпустили в дома. И повелел великий князь исчислить оставшихся. Сего ради стоял у Дона князь великий после побоища два дня, и мало отступив, стоял еще 4 дня, пока еще могли коих христиан отличать от нечестивых татар; каких возмogli, тех успели, о прочих же Бог ведает, что так сотворилось Божиими судьбами; грехов ибо ради наших попустил Господь Бог таковую напасть, но вот милости ради своей наконец умилился молитвами пречистой его матери и великого чудотворца Петра. Тогда говорил князь великий Дмитрий Иоаннович: «Сосчитайте, братия, сколько осталось всех нас?». Сосчитали, и говорил Михаил Александрович, московский боярин: «Господин князь, осталось всех нас сорок тысяч, а было до 60000 [400 000] конной и пешей рати». Говорил князь великий: «Воля Господня да будет, как угодно было Господу, так было; ибо воле его кто противится или кто говорит против Господа? Ибо его волею и хотением все устраивается». И повелел князь великий священникам петь надгробные песни над убитыми, и погребли их, сколько возмogli и успели, и воспели священники вечную память всем православным христианам, убитым от татар на поле Куликовом между Доном и Мечью; затем сам князь великий с братом своим и со всеми воинствами оставшимися великим гласом воскликнули вечную память с плачем и со слезами многими. И еще сказал сам князь великий: «Да будет вам всем, братия и другие православные христиане, пострадавшие за православную веру и за все христианство на поле Куликовом, вечная память между Доном и Мечью, сие же вам место сужено Богом, простите меня, и благословите в сем веке и в будущем, и помолитесь о нас, ибо на всех возложены нетленные венцы от Христа Бога». Тогда некто из Владимирова Андреевича полка, представ пред великим князем, говорил такое: «Я, господин князь, когда в дубраве был с князем Владимиром Андреевичем в западном полку и плакался великим плачем Гос-

поду Богу, и пречистой его матери, и великому чудотворцу Петру, видел избиваемых от татар православных своих христиан, и во многой скорби и во умилении был, и вдруг как во исступлении был и видел множество бесчисленное венцов, на убитых христиан исходящих. И сие есть истинно твое слово, что нетленными венцами от Христа Бога венчались, и честь и славу великую на небесах приняли, и молятся обо всех нас». И сосчитали же, оставшихся нашли до сорока тысяч, и с 20000 убиты и ранены были, иные же с бою бежали, когда татары одолевали.

Возвращение великого князя. Олег рязанский убоился. Бежал в Литву. Дмитрия незлобие. Пришествие в Москву. После сего князь великий Дмитрий Иоаннович пошел обратно к Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брат, на свою землю залесскую к славнейшему граду Москве и сядем на своем княжении и на своей вотчине и дедине. А чести и славы мы себе укупили на многие поколения». И переправились через Дон реку, тут отпустил князь великий князя Дмитрия Ольгердовича и всех князей литовских с любовью многою и дарами, сколько было имеемых с собою, все раздал. А сам князь великий со всеми русскими князьями пошел по Рязанской земле. Слышал же то князь Олег рязанский, что идет князь великий, победив врагов своих, и начал остерегаться и плакать о грехе своем, говоря: «Горе мне грешному отступнику веры Христовой, как искусился, что видел, к безбожному царю приступил». Ожидая принять воздаяние по делам, оставил град Рязань, взяв княгиню с чадами и имение, бежал в Литву. И к великому князю Дмитрию послал своих послов, выговариваясь, что поневоле так учинил. Отходя же в Литву, сказал боярам своим: «Я хочу, отойдя, ждать вести. Как князь великий пройдет мою землю и придет в свою вотчину, я тогда возвращусь восвоюси». Князь же великий пошел через Рязанскую землю, но не только не восхотел никоего зла сотворить, но послов Олеговых с миром и любовью отпустил и всем воинам своим, как прежде, заповедал, да никоего зла в земле Рязанской не сотворят; и перешел с миром. Пришел князь великий на Коломну месяца сентября в 21 день, на память святого апостола Кодрата, и встретил его Герасим, епископ коломенский, во вратах градных с живоносными крестами и со святыми иконами со всем священным собором. И вошли в соборную церковь, и молебн совершили Господу Богу пение, и пречистой его матери, и святую литургию служил Герасим епископ. Также и по всему граду священники молебны и литургии сотворили о здравии великого князя, и всех князей, и всего христоролюбивого воинства. Пребывал же князь великий на Коломне 4 дня, отдохнув немного от трудов, ибо был весьма утружден и утомлен, и пошел в славный град Москву. И вошел во град Москву 28 сентября, и встретил его отец его Киприан митрополит ки-

евский и вся Русь с крестами со всем священным собором. И говорил князь великий к митрополиту: «Отец, Божиею милостию и пречистой его матери и великого чудотворца Петра и твоими молитвами святыми и всех преосвященных епископов одолели нечестивого Мамаю и бывших при нем победили. Ибо он вознесся гордостью, а мы смирением, ты же сам видел, сколько золота и серебра посылали к нему и сколько молили его. Он же не послушал, но вознесся гордостью своею и посрамился. Мы же избавились милостию Божиею и победили их, и наживу и богатство их пленили, и пригнали с собою многие стада коней, верблюдов, волов аргичных и овец великих, которым нет числа, и оружие их, и доспехи, и одежды их, и товары без числа многие». И говорил Киприан митрополит слово во благодарение Господу Богу и в похвалу великому князю, и прочим князьям, и всему христианскому воинству, поучая же их не возноситься в победе, ни ослабевать от ратей, но готовыми быть и друг друга любить, и между собою не враждовать и не губить, и иное многое. «Слава тебе, Господи, слава тебе, святой, слава тебе, царь, что показал ты на нас великую свою милость и низложил врагов наших. Величаем тебя, пресвятая дева Богородица, поскольку многую милость и великие чудеса показала ты на православных христианах. Ублажаем тебя, святитель Христов Петр, поскольку заступаешь от бед стадо свое и низлагаешь врагов наших. Как же тебя прославим, господин мой, возлюбленный о Христе сыне, великий князь Дмитрий Иоаннович, новый Константин, славный Владимир, дивный Ярослав и чудный Александр, какое тебе благодарение, и честь, и славу воздадим, что столько подвизался и трудился за все православное христианство?». И благословил его митрополит честным крестом и брата его, который из двоюродных, князя Владимира Андреевича. И целовавшись, вошли во святую церковь Успения пречистой Богородицы и молебны совершили, и служил сам митрополит божественную литургию со всем священным собором. Так и по всему граду священники молебны и литургию служили о здравии великого князя, и обо всех князьях, и о всем христоролюбивом воинстве. И раздал тогда князь великий милостыню многую по церквам и по монастырям, и убогим, и нищим. И возвеселился с отцом своим Киприаном митрополитом киевским и вся Русь, и с братом своим князем Владимиром Андреевичем, и с бывшими при нем оставшимися воинами. И после сего распустил их, и разошлись каждый восвоися. Многие же князи и воинство пошли из Рязанской земли прямо в дома. Затем после того пошел князь великий в монастырь живоначальной Троицы в Радонеж к преподобному игумену Сергию, и помолился со слезами Господу Богу, и пречистой его матери, и всем святым его, и благословился у преподобного игумена Сергия и ска-

зал ему: «Отец, твоими святыми молитвами победили измаилтян; и если не бы твой чудный послушник инок Пересвет Александр, который убил богатыря татарского, то поистине пить было от него многим чашу смертную. И ныне же, отец, Божиим попусшением за многие грехи наши убито было от татар великое множество воинства христианского, и чтоб тебе петь панихиду и служить обедню по всех по них убитых». И так было, и милостыню дал. И пребыв тут в монастыре ночь, игумена Сергия кормил и всю братию его, и снова возвратился во град Москву, почив от многих трудов и великих болезней, которые принял за православную веру и за все христианство. О великое и крепкое мужество твое, великий князь Дмитрий, что не утратился и не убоился идти за Дон в поле чистое против великих сил татарских, и что сам прежде всех начал биться, и как рассекал измаилтян. Но сие все было Божиею помощию и милостию пречистой его матери, и великого чудотворца Петра, и всех святых, и родительскою молитвою. О владыко Христос, не прогневайся на нас за беззакония наши, но помилуй нас по великой милости своей и низложи врагов наших. О пресвятая дева, мать Божия, умиловати о нас сына своего и Бога нашего Иисуса Христа, укроти и утиши свары, и брани, и мятежи, восстающие на нас, и подай же нам, рабам своим, тишину, и мир, и любовь. О великий о Боге пастырь Петр, не оставляй нас сирых, и попираемых, и поносимых от врагов наших, но заступайся за стадо свое всегда, сохраняй невредимо, как обещался ты, и далеко от нас отгони клевету, зависти и гордость, и молитвами твоими всади в сердца наши кротость, тихость, смирение, милость, любовь, поскольку Бог любовь есть, ему ж слава векови. Аминь.

Той же осенью князь литовский Скоригайло стоял у Полоцка ратью с немцами, и была им тягость великая. Они же прислали в Новгород, просили помощи. И новгородцы послали к князю Скоригайло посла своего Юрия Анцифорова, и тот испросил мир у Скоригайло, и так умирился, отошел, не взяв града. И полочане послали снова к Новгороду, воздавая честь и благодарение. Был же тогда мятеж великий в Литве между князьями. Ибо после убиения князя Кестутия Гедиминовича со многими боярами сын его Витовт сбежал в Немецкую землю и, наняв немцев, много зла сотворил Литовской земле. Ибо отец его похитил у Ягелло великое княжение, и за то все воевали между собою.

Хан Тохтамыш. Мамай от своих отставлен. Мамай побежден. Кафа. Мамай в Кафу. Мамай убит. Тохтамышевы послы. Толбуга. Татищев. Союз князей. Князь же Мамай с оставшимися своими князьями не во многой дружине убежал с донского побоища и побежал в свою землю, снова начал на великого князя Дмитрия Иоанновича гневаться и яриться. И собрал оставшиеся

свои силы, и восхотел идти спешно на Русскую землю, ибо еще силу многую собрал. И так он умыслил, и едва двинулся с силами своими с великою яростию, как пришла ему весть, что идет на него с востока сам хан великий Тохтамыш из Синей орды. Мамай же, как приготовил на великого князя Дмитрия Иоанновича рать, с тою ратью пошел против него. Встретились на Волге, и был им бой. Мамаевы ж князи втайне от Мамаю совещались между собою, говоря: «Не добро нам в Мамаевой орде жить, всюду мы поругаемы, избиваемы от супротивных наших. И чем полезно нам житие в Орде его? Отойдем же к хану Тохтамышу и посмотрим там, что будет». И так Мамаевы князи, сойдя с коней своих, били челом Тохтамышу, и дали ему правду по своей вере, и написали к нему клятву, и стали за него, а Мамаю оставили с малой дружиной посрамленного и поруганного. Мамай же, видев такое от своих князей, тотчас скоро побежал со своими думцами и единомышленниками. Хан же Тохтамыш многих Мамаевых татар побил, а за ним в погоню послал воинов своих. Мамай же, гоним быв, бежал от Тохтамышевых гонителей, прибежал близ града Кафы и обменялся сообщениями с кафинцами по примирению с ним и по спасению его, чтобы его приняли на избавление, до тех пор пока не избавится от гонящихся за ним. И повелели ему, да войдет. И вошел Мамай в Кафу с думцами своими и единомышленниками своими со множеством имения, золота, и серебра, и камней драгоценных, и жемчуга. Кафимцы же, видя многое его имение и посовещавшись, сотворили над ним злой умысел, убили его. И так Мамай злой окончил окаянную жизнь свою. Хан же Тохтамыш взял орду Мамаеву, жен, казну, улусы и богатство его, золота, и серебра, и жемчуга, и камней драгоценных много весьма, раздавая дружине своей. И оттуда той же осенью отпустил послов своих к великому князю Дмитрию Иоанновичу, также и ко всем князям русским, поведывая им свое пришествие на Волжское ханство и что супротивника своего и их врага Мамаю победил. Князи ж все русские чествовали посла его хорошо, отпустили в Орду к хану Тохтамышу с честью и дарами многими. А сами на зиму ту и весною без всякого промедления за ними послали к хану своих послов со многими дарами, а также к ханшам и князям его. А князь великий послал своих послов Толбугу да Мошкию октября в 29 день, на память преподобной мученицы Анастасии римляныни, со многими дарами. С ними же пошел и ростовский посол Василий Татища. А ноября 1 все князи русские, обменявшись сообщениями меж собою, учинили между собою любовь и поклялись все друг под другом ничего не искать, татарам не клеветать и на Русь не наводить, и если на кого будет беда от татар, всем заедино стоять.

Рязанского злоба. В том же году возвратились из Орды посланные от великого князя Дмитрия Иоанновича Толбуга да

Макшей августа в 14 день, а также и других князей каждый к своему с честью и пожалованием от хана Тохтамыша. И была радость великая на Руси. Но печаль еще оставалась об убитых от Мамаю на Дону князях, боярах, воеводах и слуг, ибо оскудела земля Русская воеводами. Более же слышали в Орде, что князи Мамаевы, приклонившиеся к хану, весьма злобствовали на великого князя и прочих князей за убиение многих их сродников и приятелей, а князь Олег рязанский, боясь, что князь великий Дмитрий за любовь его и помощь Тохтамышу воздвигнет на него гнев хана, начал, упреждая, клеветать на великого князя и всех князей русских, несмотря на свое крестное целование, и о сем страх и печаль была на всей Русской земле.

6890 (1382). *Митр. Пимен в заточение.* Пришел из Цареграда Пимен митрополит на Русь. Князь же великий Дмитрий Иоаннович не желал его принять, так как не по воле его учини. И когда был он в Коломне, послал великий князь, повелел снять с него клобук белый и послал его в заточение. О сем написано выше в Митяевой повести в 1379-м годе.

Икона Одигитрия. Дионисий, епископ суздальский, послал из Цареграда с чернецом Малафием философом икону пресвятой Богородицы Одигитрия, по-русски же означает наставница, которую списал там в ту же меру широтою и долготою и другую такую же списал и прислал; одну поставили в Нижнем Новгороде в церкви все милостивого Спаса, а другую в Суздале в соборной церкви.

Родился Иоанн. Послы Тохтамыша. Послы бежали. Князю Владимиру Андреевичу родился сын князь Иоанн, а крестил его Киприан митрополит и Сергей, игумен радонежский. Хан Тохтамыш послал к великому князю и ко всем князям русским посла своего некоего султана Аккузу, а с ним рати 700. Он же, дойдя до Нижнего Новгорода и видя тут многолюдье населения, особенно же претрашен был врагами русскими, не смея в Москву идти, возвратился, а в Москву послал неких своих малым числом. Но и те вскоре после него возвратились, никем не гонимые бежали и смуту в Орде учинили великую.

Комета. Той же зимой и весною являлись на небе некие знамения: на востоке как столпы огненные ходили, а также явилась звезда копейным образом. Сие же проявляло на Русскую землю татарское нашествие и злое разорение. А в неделю Всех святых был гром страшный очень и вихрь сильный весьма.

Брак Ягайло. В тот же год женился князь великий литовский Ягайло Ольгердович на королевне угорской, принял латинскую проклятую веру, и назвался Владислав, и совокупил Литву с Ляцкою землею, как прежде написано.

Дионисий, еп. суздальский. Ересь стригольников. Архиепископ суздальский. Пришел из Цареграда в Новгород Великий

Дионисий, епископ суздальский, от патриарха Нила с благословением и грамотою. В ней же писано об издержках при поставлениях, затем поучения закону Божию по священным правилам и божественным Писаниям, укрепляя от соблазнов и ереси стригольников, иным же устно передал учение и повелел говорить вместо себя. Он же сделал так в Новгороде Великом и Пскове и прекратил мятежи. Об издержках же, которые при поставлении, их воспретил, ибо недобро есть за мзду поставлять священников. И так поучив, пошел в Суздаль. И пришел января 6, и тут явил патриархову грамоту, что тот благословил его быть третьим архиепископом суздальским: 1) новгородский, 2) ростовский, а сей на Суздале, Нижнем Новгороде и Городце. И дал ему Нил патриарх священные ризы с четырьмя крестами и стихарь с источниками, как митрополиту. Митрополит же толкуется «мать городам».

Умер Василий кашинский. Преставился князь Василий Михайлович кашинский мая в 6 день и положен был в соборной церкви Воскресения в своей его вотчине во граде Кашине месяца мая в 6 день.

Родился Андрей. Родился великому князю Дмитрию Иоанновичу сын князь Андрей августа в 14 день, и крестил его Феодор, игумен симоновский.

6891 (1383). *Тохтамыш царем. Олег рязанский с татарами.* Хан Тохтамыш был на Волжском государстве, и было в третье лето ханства его в Сарае и Болгарах, сей по возмущению злодеев христиан сих умысли землю Русскую разорить и всех христиан изгубить, повелел всех гостей русских взять и товары их пограбить; а чтобы не дали никакой вести, поставил всюду заставы крепкие. И начал собирать силу многую, пошел к Волге и переправился через Волгу, пошел спешно на великого князя Дмитрия Иоанновича к Москве. Слышав же о сем, князь великий Дмитрий Константинович Нижнего Новгорода и Суздаля послал к хану Тохтамышу сынов своих князей Василия да Семена. Они же, придя, не перехватили его, ибо шел как можно скорее. Они же гнались вслед за ним несколько дней и едва напали на путь его на месте, называемом Серняче, и настигли в земле Рязанской. А князь Олег рязанский встретил его на краю земли Рязанской со многими дарами и бил челом ему, чтобы не воевал земли его; и провел его по своей земле, показывая ему пути и броды чрез Оку, и дал Тохтамышу провожатых многих, а великому князю ни вести не подал.

Совет добрый. Князь великий на Кострому. Владимир на Волок. Серпухов взят. Кн. Остей. Князь великий Дмитрий Иоаннович, получив весть из Нижнего, что Тохтамыш на них идет, послал собирать воинов своих и пошел против него к Коломне. Но видя, как сила его мала, начал мыслить с братом Владимиром

Андреевичем и с боярами, говоря: «Неудобно нам из-за малости числа воинов стать против хана. И если побеждены будем, то погубим всю землю Русскую и не сможем от того милости испросить. Если же даже и победим, то с большею силою придя, снова все погубит». И так возвратились. Видев же сие, один тысяцкий великого князя спорил с ним о сем, говоря: «Идем, князь, на броды и станем дожидаться воинства. А к хану пошли дары с покорностию и проси милости; да либо укротим ярость его и умирим, если же даже сего не примет, то имеем путь возвратиться, и всюду его сдерживая, медлить, и не дать земли опустошить». Но те, не послушавшись, пошли обратно. И был на всех страх великий, многие из воинства бежали. И князь великий пошел сам в Переславль, а оттуда в Ростов и на Кострому. В Москву же послал, повелел укреплять, а княгине со детьми выйти в Переславль. Брата своего Владимира Андреевича послал на Волок, повелел там тверского князя и иных на помощь просить и, собравшись, идти против татар, а сойтись им всем у Дмитрова. Тохтамыш же перешел реку Оку и прежде всех взял град Серпухов, сжег и пошел к Москве, воюя и разоряя всюду. А князь Владимир Андреевич, придя на Волок, собрал воинов до 8000 конных и пеших, а в Новгород послал, призывая, но те не успели. А князь великий на Кострому собрал до 2000 пеших и конных. В Москве же учинился тогда мятеж великий, одни бежать хотели, а иные принуждали во граде сидеть. И была между ними распря великая, и восстали злые люди друг на друга, сотворили разбой и грабеж великий. Людей же которые хотели бежать вон из града они не пускали, но убивали их и богатство, имение их взымали. Киприан же, митрополит всея Руси, воспрещал им. Они же не стыдились его, и пренебрегали им, и великую княгиню Евдокию весьма обидели. Митрополит же и великая княгиня начали у них проситься из града, они же не пускали их. Ни даже бояр великих не устрашили, но на всех грозились, и во всех вратах градных с обнаженным оружием стояли, и со врат градных камни метали, не пуская никого выйти из града. Но через многое время едва великим молением умолены были, выпустили из града Киприана митрополита, и великую княгиню Евдокию, и прочих с ними, но и сих ограбили. И был мятеж великий во граде Москве. Потом пришел с ним во град некий князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов. Тот укрепил град и людей и затворился с ними во граде.

Тохтамыш к Москве. Осада Москвы. Приступ. Самострелы. Тюфяки. Пушки. Тохтамыш же хан пришел к Москве месяца августа в 23 день в понедельник в пол-обеда. И узрели их со града, и вострубили граждане. Они же пришли на поле градное и стали в поле за два или за три стрелища от града. И после многого вре-

мени приехав ко граду, спросили о великом князе, где есть. Они ж отвечали им со града, говоря: «Нет его во граде». Татары ж вокруг всего града объехали, рассматривая места, и отошли; ибо было около града чисто, так как горожане сами посады свои пожгли и ни единого тына или дерева не оставили, чтобы не могли сделать переметы ко граду. Князь же Остей литовский, внук Ольгердов, со множеством народа, оставшимся во граде, сколько сошлись от всех сторон во град, укреплялись и готовились против татар на бой. Люди же безумные выносили из погребов меда господские, и упивались допьяна, и шатаясь пьяные, говорили: «Не устрашимся нашествия татарского, ибо имеем град каменный твердый и врата железный, не вытерпят татары стоять под градом нашим долго, поскольку имеют двойной страх: изнутри града от нас боятся, а о вне град от князей наших устремления на них боятся. И вот и сами по себе татары вскоре убоятся и побегут в Поле восвоеси». И так начали упиваться граждане и ругаться некими образами бесстыдными, досаждая татарам, и взлезали на град, ругали татар, плевали и укоряли их, срамные свои уды обнажая, показывали им на обе стороны, и царя их ругали и укоряли, и сопли и слюни бросали на них, говоря: «Взимайте сие и относите ко царю своему и к князьям вашим». Татары же прямо к ним на град голыми саблями своими махая, словно секли, утрашая их издали. И к вечеру полки татарские отступили от града. Горожане ж начали веселиться, думая, что утрашили их татары. На следующее же утро сам хан пришел со всею силою под град и приступили ко граду со всех сторон, не стреляли, но только смотрели на град. Горожане ж пустили на них по стреле. Они же начали саблями махать на них, как сечь желая. Горожане ж еще более пускали на них стрелы и камни метали из самострелов. Татары ж взъярились и начали стрелять на град со всех сторон. И шли стрелы их на град, как дождь сильный и густой весьма, что из-за них не видно ничего не было. И воздух помрачили стрелами, и многие горожане во граде и на стенах падали мертвые. И одолели татарские стрелы более людей, нежели градские, и был приступ их ко граду ярый весьма. И иные из них стояли, стреляли, а другие скоро рыскали здесь и там, и так научены были, что стреляли без погрехов; а иные на конях не быстро весьма гонялись и из обеих рук наперед и назад поспешно стреляли без погреха; а другие из них, сотворив лестницы и прислонив, лезли на стену. Горожане ж воду в котлах варили, лили на них и так возбраняли им. Отошли же сии татары, словно утомившись, и снова еще раз свирепейше и лютейше приступали, горожане ж против них трудились, стреляя, и камнями шибая, и самострелы натягивая, и пороки, и тюфяки (пушки); некие ж и сами те пушки или самострелы великие пускали на них. Был же некто гражданин

москвитянин суконник, именем Адам, тот со Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских, известного, сильного и славного, и великую печаль сотворил хану Тохтамышу и всем князям его.

Коварство Тохтамыша. Москва взята. Стоял же хан у града три дня, а на четвертый день обольстил князя их Остея, внука Ольгердовича, лживыми словами и лживым миром так: были у хана в станах по нужде ради спасения земли своей князи суздальские, шурья великого князя Дмитрия Иоанновича, Василий да Семен, сыновья Дмитрия Константиновича, и призвал их хан, сказал, да усмирят град Москву и приведут в покорение, обещая им дать великое княжение в вечное владение и угрожая, что если не сотворят, сами и вся земля Русская зло погибнут. Они же в недоумении великом были, боялись князю великому крест преступить и град предать и снова боялись, что хан, из-за Москвы разгневавшись, их самих и всю землю Русскую погубит. И начали просить хана и князей со слезами, да не погубят град тот. Хан же Тохтамыш клялся им своим законом басурманским, что никого ни рукою не коснется, но только возьмет то, что ему с честью принесут. Сие же сказал лукаво, имея в виду, что не сам их убьет, но уже ранее клятвы повелел всех убить, когда войдут во град. Князи же, не разумея злого умысла сего, обещали повеленное сотворить. На следующее утро, то есть на четвертый день, в полобеда по повелению хана приехали татары, известные и старшие князи ордынские и те, кто на уговоре у него, с ними ж и два князя суздальские, шурья великого князя Дмитрия Иоанновича Василий да Семен, сыновья князя Дмитрия Константиновича суздальского. И пришли близ стен градских по спасу, начали говорить к народу, что был на стенах, так: «Хан вас, своих людей, и свой улус пожалеть намерение имеет, поскольку неповинны вы, ибо не на вас гневаясь пришел, но на князя Дмитрия. Вы ж достойны милости, и ничтожного от вас хан требует, только встретите его с честью с князем вашим с легкими дарами, ибо хочет сей град видеть и в нем быть, а вам дает всем мир и любовь». А князь Василий да князь Семен суздальские с татарами говоря заедино говорили: «Не бояться гражданам некоего зла». Но князь Остей и воевода великого князя не хотели верить татарам, говоря, что лестью взяв, приняв град, погубят всех христиан и всю землю Русскую. Князи же суздальские, веря ли хану и его клятве или надеясь на великое княжение и завидуя силе великого князя Дмитрия, клялись тяжкою клятвою, что никакое зло граду не сотворится. И народ весь, слышав сие, начали кричать на князя Остея и воевод, да смирятся с ханом, говоря, что «не можем силе его противиться». Те же со слезами просили, да претерпят мало, когда князь великий и брат его Владимир Андреевич, собрав си-

лы, придут и защитят их, ибо ведал, что с ханом было не более 30000 всех воинов его. Но народ не хотел их слушать, понудили князя отворить врата и выйти с дарами к хану. И так получив от князей татарских и суздальских заверения, что не охранять христианам ничего же от хана и от татар его, отворили врата градные и вышли с крестами, и с князем, и с дарами, и с лучшими людьми. Татары ж князя Остея тайно взяли в полки свои и там убили его, потом вошли во врата града, заняли все крепости и начали всех граждан без милости сечь. Священнический иноческий чин одних иссекли, а других пленили, и церкви разграбили, и книг множество отовсюду снесенных в осаду пожгли и богатство, а имение и казну княжеские взяли. Взят же был град месяца августа в 26 день в 8 час дня.

Переславль. Владимир. Юрьев. Звенигород. Можайск. Боровск. Руза. Дмитров. Тверской упросил. Владимир на Волоку. Коломна. Тогда же Тохтамыш хан распустил с рать свою, иных к Владимиру и иных к Переславлю, другие же Юрьев взяли, а иные Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу и Дмитров и волости и села все пленили. Переславль же, взяв, пожгли, а горожане многие на озеро сбежали в судах и так спаслись от них. И княгиню великую едва тут не настигли, ибо шествовала от Москвы к Переславлю, Ростову и на Кострому к великому князю Дмитрию Иоанновичу. Князь же великий Дмитрий Иоаннович тогда с княгинею своею, и с детьми своими, и с некоторыми не со многими боярами своими сохранился на Костроме. А мать князя Владимира Андреевича и княгиня его в Торжке, а Герасим, епископ коломенский, в Великом Новгороде. Киприан, митрополит всея Руси, во Твери пребывал; ибо пришел из Новгорода пред пришествием Тохтамышевым за два дня и видел несогласия и распрю во граде Москве, и отошел во Тверь и там спасся. Татары ж хотели и ко Твери идти, но князь Михаил Александрович тверской послал киличея своего к Тохтамышу хану, именем Гурлена, с честью и с дарами многими. Хан же принял дары с честью и отпустил его ко Твери, послав с ним ярлык свой, пожалованье, к князю Михаилу Александровичу тверскому. Князь же Владимир Андреевич стоял готовый к бою близ Волока со многою силою, ибо было с ним более 7000. И некие татары, не ведая о сем, поехали к Волоку. Он же прогнал их от себя. И те прибежали к Тохтамышу хану уstraшенные и возвестили о силе русской. Он же, услышав, что князь великий на Костроме и брат его Владимир у Волока с великими воинствами, начал остерегаться, ожидая на себя нашествия великого князя и брата его, и силу свою собрал к себе. И так после малого числа дней пошел обратно со многим полоном и бесчисленным богатством, а наперед себя пустил рать к Коломне. Они же, придя, град Коломну взяли.

Рязань разоряема. Князь рязанский Олег, хотя с завистью относился к великому князю и Тохтамышу тайно помогал и поучал, и когда Тохтамыш дошел к Москве, не помогал великому князю, ни вести не слал в Москву, и скрывался, не желая с ханом идти, устранился во град Брянск, якобы увидиться с сестрою, ибо боялся, что князь великий Дмитрий, победив татар, его самого изгонит. И так, придя, повелел боярам встретить хана с дарами многими и просить, да не идет чрез землю Рязанскую, но прямо в землю Владимирскую, как тот и сотворил. Когда же Тохтамыш возвращался, тогда князи суздальские, боясь, что действительно Олег начнет в наущениях о князе великом клеветать, имели многие речи на него и, желая отмстить ему беду, нанесенную Тохтамышем по его навету, начали хану говорить, что Олег имеет сговор с недругами его, с великими князьями московским и литовским. Тогда перешел реку Оку хан со всеми силами своими, и повоевал Рязанскую землю, и полону много взял с собою, отошел в Поле восвосяи. А князь Олег Иванович рязанский тогда сбежал от татарского нахождения, так как боялся он татарам помогать. Царь же Тохтамыш послал своего посла в Новгород Нижний к князю Дмитрию Константиновичу, шурина своего, именем Шихмата, вместе с сыном его князем Семеном, и ярлык, давая ему великое княжение владимирское со всеми городами, а другого сына его князя Василия взял с собою в Орду. И так вот отошел хан с бесчисленным богатством и полоном восвосяи.

Через немного же дней князь великий Дмитрий Иоаннович и брат его князь Владимир Андреевич с боярами своими пришли в свою вотчину во град Москву, и видев оный пустым и полоненным совсем, только множество тел христианских всюду лежали, опечалились о произошедшем и прослезившись, повелели убиенных хоронить с псалмами и песнями. Убит же был тогда Симеон, архимандрит спасский, и другой архимандрит Иаков, Иосиф, игумен кирилловский, и иные же многие игумены, и священники, и иноки, и бояре, и купцы, и простые люди убиты были от татар, иные же от своих убиты были, ибо имения ради друг друга грабили и убивали. Полону же столько вывезено было в Орду великое множество, что и счесть невозможно. И повелел князь великий Москву снова устраивать. И люди исходили из лесов и иных градов разбежавшиеся, начали строиться, сначала град укрепили.

1384. Война на Рязань. В 6892 (1384) году месяца сентября в 1 день князь великий Дмитрий Иоаннович послал рать свою на князя Олега Ивановича рязанского. Он же ушел в поле с боярами своими. Они же, придя, землю его воевали и огнем пожгли, и пленили все, и пустой всю сделали, злее ему стало, чем от татарской рати.

Тверские ищут великого княжения. Киприан митр. в Киев. Митр. Пимен в Белой Руси. Еп. Савва сарайский. Еп. Михаил смоленский. Еп. Стефан пермский. Той же осенью князь Михаил Александрович тверской с сыном своим князем Александром пошли к Тохтамышу хану в Орду с честью и с дарами, а пошли не напрямиком, но околицею и не дорогами, опасаясь и таясь великого князя Дмитрия Иоанновича, ища себе великого княжения владимирского и новгородского. Той же осенью князь Борис Константинович городецкий и брат князя Дмитрия Константиновича Нижнего Новгорода и Суздаля пошел в Орду со своего Городца к Тохтамышу царю с честью и с дарами. Киприан митрополит был во Твери и там избежал он татарского нахождения, князь же великий Дмитрий Иоаннович послал за ним двух бояр своих, Семена Тимофеевича да Михаила, зовя его к себе на Москву. Он же пошел со Твери на Москву месяца октября в 3 день, а на Москву пришел того ж месяца октября в 7 день. Той же осенью Федор Тимофеевич убит был от своего злоумышленного раба. И слышал князь великий Дмитрий Иоаннович, что князь Михаил тверской пошел в Орду просить великого княжения и что митрополит Киприан о сем советовал ему и сего ради не желал в Москву идти, но едва умолен пришел; и так начал митрополиту все сие извещать, что недобро есть. И была между ними нелюбовь. Не восхотел князь великий Дмитрий Иоаннович московский пресвященного Киприана, митрополита всея Руси, и имел к нему нелюбовь. Киприан же митрополит вспомянул слово Господне, говоря: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». Ибо так и в священных правилах писано есть святого Петра Александрийского, и в другом месте много говорит о сем божественное Писание, и Господь в молитве повелел говорить к отцу ж и на небесах: «Не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого». Ибо нет греха ехать от бед и напастей, но лишь в том, что, упав, не крепче стоять о Господе; и апостол Павел наказует нас уступать гневу, а не дерзостно и безумно себя в напасти и беды вметать; подобает же вражды терпением и смирением одолевать, если же сие невозможно, уступать пред гневом. И Киприан, митрополит всея Руси, той же осенью с Москвы отошел в Киев, и с ним вместе пошел игумен Афанасий из Серпухова князя Владимиров Андреевича. И пришел в Киев на свое место митрополитское, к соборной церкви киевской, матери всем церквам русским, и принят был митрополит от всех со многою честью, и встретили его далеко от града с крестами и с князьями, и бояре, и вельможи, и народ многий с радостью и с честью многою. И там пребывал. Князь же великий вскоре послал, повелел Пимена митрополита привести в Москву со многою честью на митрополию. Он же пришел на Москву, и встретил его священный собор с кре-

стами и боярами со множеством народа с честью и с любовью. И был митрополит Пимен на Москве и на подчиняющихся ему градах, владея по обычаю церковными. И все слушались и чествовали его. Той же зимой Пимен митрополит поставил епископа Савву в Сарай, а с ним были на поставлении епископы Матфей гречанин ростовский и Даниил епископ. Тогда же был Пимен митрополит во граде в Переславле, там его и поставил с вышесказанными епископами. Из Переславля пошел на Кострому с теми ж епископами и там поставил Михаила епископом в Смоленск. И оттуда пришел во Владимир и там поставил с теми же вышесказанными епископами Стефана Храпа епископом в Пермь, оттуда ж и отпустил их, каждого в его епископию, Савву епископа в Сарай, а Михаила епископа в Смоленск, а Стефана Храпа епископа в Пермь.

В ту же весну Благовещение было в среду Светлой недели, а снег после Благовещения лежал четыре недели, и морозы были великие, и всюду люди ездили с возами на санях, как и при Крещении, и был путь несколько тяжел и студеный, и морозы великие.

Кн. Василий в Орду. Тяжба с тверским о великом княжении. Посол Карач. Мир с татарами. Весною князь великий Дмитрий Иоаннович по совету с братом своим князем Владимиром и боярами послал сына своего старшего князя Василия из Владимира в Орду к Тохтамышу хану вместо себя тягаться о великом княжении владимирском и новгородском с князем Михаилом Александровичем тверским, а с ним старших своих и верных бояр. И пошли из Владимира месяца апреля в 30 день. И пребывал там князь Василий Дмитриевич у хана Тохтамыша три года. А пошли из Владимира водою в судах Клязьмою в Оку, а из Оки Волгою на Низ с дарами и со многою честью. Имел же там много прений с князем Михаилом тверским о великом княжении и не мог пересилить его дарами своими, так как многое имение в Москве погибло, но грамотою хана Джанибека оправдался, которую Тохтамыш весьма почтил и возвратил князю великому Дмитрию Иоанновичу и свою таковую же послал с великим послом своим Карачем; а князя Василия Дмитриевича оставил у себя, покуда же посол его возвратится. И в тот же год пришел на Москву посол Карач к великому князю Дмитрию Иоанновичу с добрыми речами, с пожалованием. Князь же великий, мало утешившись от великой скорби и печали, повелел христианам во градах дворы ставить и грады строить, ибо не смели люди собираться и жили по лесам и по чужим землям. Тохтамышеву же послу воздал честь великую и, многими дарами одарив его, отпустил.

Умер Павел философ. В тот же год преставился блаженный старец Павел, живший дивным житием иноческим, книжен был весьма и философ великий, безмолвие имел многое, когда же бе-

седы время бывало ему, многорассуден и полезен весьма, и слово его солью божественною растворено, многодобродетелен и дивен всем был. Писал же книги учительные многие, к епископам посылая. Назывался же по прозванию Высокий; и положен был в Печерском монастыре в Новгороде Нижнем. И многие воскорбели по нему, поскольку было утешение и прибежище духовное многим приходящим к нему. Не только ж пресвитеры, иноки и миряне воскорбели по нему, но сам митрополит, и епископы, и тот Дионисий, епископ суздальский, опечалились о нем, так как книжен был весьма и благорастворен языком и обычаем добрым, и благопослушлив о Господе, и всем сладок, утешен и полезен.

В тот же год пошел в Орду к Тохтамышу хану князь Иван Борисович Городецкий, внук Константинов, к отцу своему князю Борису Константиновичу.

Семен, кн. нижегородский. Умер Дмитрий суздальский. Борис, кн. суздальский. В тот же год князь Дмитрий Константинович суздальский и нижегородский послал в Орду к Тохтамышу хану сына своего князя Семена просить ему ярлык на место свое, поскольку сам в старость приходил и в немощь. Месяца июня в 30 день пошел в Цареград Дионисий, архиепископ суздальский, а с ним отпустил князь великий к патриарху Нилу отца своего духовного игумена Феодора симоновского, племянника преподобного игумена Сергия Радонежского, об управлении митрополией русской. Июля в 5 день преставился во иноческом чину князь великий Дмитрий Константинович суздальский и нижегородский, внук Василиев, правнук Михайлов, праправнук Андреев; было же имя ему во святом крещении Фома, а иноческое Феодор. И положен был в его вотчине и дедине в Новгороде Нижнем в каменной церкви святого Спаса возле отца его Константина Васильевича и возле брата его князя Андрея. Был на великом княжении два года, а в своей вотчине на княжении Суздальском и в Нижнем Новгороде 19 лет, а всех лет жития его 61. Слышал же Тохтамыш хан про смерть его и воскорбел о нем весьма, так как любим ему был. И дал после него княжение Суздальское и Новгорода Нижнего брату его князю Борису Константиновичу, который тогда был в Орде у хана и с сыном своим князем Иваном. И воздал ему Тохтамыш честь великую, и на осень отпустил его в его вотчину на княжение в Суздаль и в Нижний Новгород. И пришел месяца ноября с сыном своим Иваном и с племянником своим князем Семеном Дмитриевичем вместе из Орды с пожалованием, и сел на княжении в Суздале, и в Нижнем Новгороде, и на Городце с сынами своими и с племянниками своими в мире и в любви.

6893 (1385). *Отказ тверскому.* Тохтамыш хан волжский и всех орд высочайший пожаловал князя Михаила Александровича тверского его вотчиною княжением Тверским, а о Владимирском

отказал, сказал ему так: «Я улусы свои сам знаю, и каждый князь русский на моем улусе, а на своей вотчине живет по старине и мне служит правдою, и я его жалую. А что и неправда была предомною улусника моего князя великого Дмитрия, то я его поустрашил, и он мне служит правдою. И я его жалую по старине вотчиною его, а ты поди в свою вотчину во Тверь и служи мне правдою, и я тебя жалую». И пришел князь Михаил Александрович тверской из Орды Тохтамыша хана с пожалованием и с честью месяца сентября, а сына своего князя Александра оставил в Орде. Тогда же был в Орде у Тохтамыша и князь Василий Дмитриевич московский, и смущал их некий князь ордынский, обещая каждому дать великое княжение, что «и хана, говорил, на сие приведу».

Кн. Патрикей в Новгород. Князь в Русе. Умер Комат литовский. Яма город. Той же осенью был во Владимире лютый посол, именем Адам, от хана Тохтамыша. Той же осенью князь Патрикей Нариманович, внук Гедиминов, пришел из Литвы в Новгород. И дали ему новгородцы кормление: град Орехов корельский, и другой городок пол-Коробьи, и Лужское село. И потом мало пребывал он там, и били челом христиане ореховцы, и коробьинцы, и лужинцы, посадникам новгородским на князя Патрикея Наримановича, внука Гедиминова, налегание лютое сказывая от него. И князь Патрикей, придя в Новгород, поднял Славянский конец и смутил Новгород. Стали славяне за князя и поставили все на Ярославовом дворе, а другие у святой Софии, и те и другие во оружии, как на рать желая идти. Но посадники повелели вскоре мост перекрыть и едва людей утишили. И отняли у князя Патрикея те грады, и дали ему град Русу и Ладогу. В тот же год убит был на Москве некий князь литовский, именем Комат, за некую крамолу и измену. В тот же год новгородцы поставили град каменный на Яме благословением архиепископа своего Алексия.

Мрак великий. Болезни. В тот же год помрачение было на многие дни и ночи. Птицы падали на землю и на воду, ибо не видели, куда летать, а люди не смели ездить по озером и по рекам. И была во христианах скорбь, и болезнь, и печаль великая.

Митр. Дионисий. Владимир киевский. Митр. Дионисий в Киеве взят. Пришел из Цареграда в Новгород Великий Дионисий, епископ суздальский, от пресвященного патриарха Нила вселенского с благословением и с грамотами, в которых писано об издержках, что на поставлениях, поучая закону Божию по священным правилам и божественным Писаниям, укрепляя от соблазна и от ереси стригольников; а также и иное устное повелел поучение говорить вместо себя Дионисию, епископу суздальскому, при архиепископе Алексие новгородском. Так он и сотворил в Новгороде и во Пскове, и остановил мятежи и соблазны об издержках, которые на поставлениях, ибо иногда были возмеще-

ния, иногда издержки и растраты на поставлениях. И так о том дав им послания от вселенского патриарха Нила, и поучив их довольно повелением патриарховым, Дионисий, епископ суздальский, пошел из Новгорода и из Пскова к Суздалью, и пришел в Суздаль на свой престол месяца января в 6 день. А исправил себе епископию у преосвященного патриарха Нила, и благословил его вселенский патриарх Нил со всем священным собором, и повелел ему зваться и быть архиепископом в Суздале, и в Нижнем Новгороде, и на Городце, и после него пребывать в тех делах и в чинах архиепископом. Еще ж отдал ему Нил, патриарх вселенский, со священным собором священные ризы с четырьмя крестами и стихарь дал ему с источниками, стихарь митрополитский; митрополит толкуется мать градам и глава епархии, что под ним. Еще ж Дионисий, епископ суздальский, вынес с собою из Цареграда и страсти Спасовы, и мощи многих святых, и кресты, и иконы чудные весьма с мощами. Пришел же Дионисий, архиепископ суздальский, поставленный от патриарха в митрополиты на Русь, в Киев и помышлял от Киева пойти на Москву. А тогда был в Киеве митрополит Киприан. И поймал Дионисия митрополита князь Владимир Ольгердович киевский, внук Гедиминов, сказал ему так: «Почему пошел ты в Цареград к патриарху ставиться в митрополиты без нашего совета? Ибо вот на Киеве есть митрополит Киприан, и тот есть вся Русь. Оставайся же здесь, сидя в Киеве». И так пребывал Дионисий митрополит, бывший архиепископ суздальский, в Киеве и до смерти своей.

Дань тяжкая. В тот же год была по запросу ханскому и для выхода князя Василия дань великая по всему княжению Московскому, с деревни по полтине; тогда же и золотом давали в Орду.

Свибл. Уда. Белеут. Побор черный. В тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович послал бояр своих к Великому Новгороду, Свибла, Ивана Уду, Александра Белеута, брать черный побор. И дали новгородцы черный побор. В тот же год в Новгороде поставили церковь каменную святого Филиппа, а другую церковь каменную святого Иоанна.

В тот же год пришел из Цареграда отец духовный великого князя Дмитрия Иоанновича Феодор, игумен симоновский, племянник преподобного игумена Сергия Радонежского, поставлен от патриарха цареградского Нила во архимандриты и чествован был от него более иных архимандритов.

Затмение солнца. Месяца сентября в 23 день в 1 час дня было знамение: взошло солнце, и пришло как туча с западной стороны к востоку, и помалу начало солнце помрачать, и был как тьма помрачен свет дивный до третьего часа, и столь было темно, как в осеннюю темную ночь. И не понимали люди, что сие есть, и была скорбь и ужас великий в людях. Затем помалу облака те

виделись желтыми, а также вишневого цвета; и сие видно было и по иным странам. Облака те оставались до пол-утра и в обед, и после обеда была тьма. И столь страшно было, что многие думали, что второе Христово пришествие настало. Затем просветлилось солнце все.

Брак Бориса тверского. Умер еп. Матфей ростовский. Той же осенью князь Михаил Александрович тверской женил сына своего князя Бориса у князя Святослава Ивановича смоленского, и венчан был во церкви святого Спаса во Твери месяца ноября в 8 день, на собор архистратига Михаила. Той же осенью пришли из Цареграда два митрополита гречанина, одному имя Матфей, а другому Никандр, и архидьяконы, и сановники и позвали Пимена митрополита в Цареград к патриарху Нилу. Той же зимой преставился Матфей, епископ ростовский, гречанин, и положен был в Ростове в соборной церкви с прочими епископами.

Новгородцы отделяются. Закон греческий. Русский суд. *Брак Василия тверского.* Той же зимой посадники новгородские учинили вече по старому обычаю новгородскому, посадник Феодор Тимофеевич и тысяцкий Богдан Аввакумович, и крестным целованием укрепились не зваться им на Москву к митрополиту на суд, но судить их владыке новгородскому Алексию или кто после него иной владыко будет в Новгороде; судить их по закону греческому, в правде и в вине быть у них по вере, по Евангелию закона греческого; а посаднику и тысяцкому судить своих судах по русскому обычаю, по целованию крестному; а на суд брать двух истцов по два боярина и по два мужа зажиточных от каждой стороны. Той же зимой князь Михаил Александрович тверской женил сына своего князя Василия у князя Владимира Ольгердовича у киевского, внука Гедиминова, и венчан был во церкви святого Спаса во Твери.

Война рязанская. Коломна взята. Остей. В тот же год переведено было слово святого и премудрого Георгия Писиды «Похвала к Богу о сотворении всякой твари, что возвеличивает дела твои, Господи, все премудрости сотворившего, которому начало от всякого дела и благопроизнесенного слова, и языка, и ума, и разума, и сердца». В тот же год князь Олег рязанский суровейше взял Коломну, придя спешно, и наместника коломенского поймал Александра Андреевича, называемого Остей, и прочих бояр многих, и лучших людей, взяв, повел с собою; и золота, и серебра, и всякого товара набрав, отошел в свою землю со многим полоном и с богатством.

Родился Петр. Митр. Пимен в Цареград. В тот же год родился великому князю Дмитрию Иоанновичу сын Петр. В тот же год месяца мая в 9 день Пимен митрополит пошел во Цареград Волгою в судах на Низ к Сараю, а с ним Авраамий, игумен ростовский.

Война на Рязань. Московские побиты. В тот же год князь великий Дмитрий собрал воинства много отовсюду и послал с ратью брата своего князя Владимира Андреевича на князя Олега рязанского. И сошлись воины на бой, князь Олег со многим его и литовским воинством. И на том бою убили бояр многих московских и лучших мужей новгородских и переславских. Убили ж тогда и крепкого воеводу великого князя Михаила Андреевича полоцкого, внука Ольгердова, правнука Гедиминова. А иную рать послал князь великий Дмитрий Иоаннович на Муром на князя [...] бесчестия.

В тот же год были пустые бегии.

6894 (1386). *Умер митр. Дионисий. Мир с рязанскими. Затмение солнца.* В месяце сентябре князь великий Дмитрий Иоаннович пошел в монастырь к живоначальной Троице к игумену Сергию в Радонеж, и молебны совершил Господу Богу и пречистой Богородице, и братию накормил, и милостыню дал. И говорил с молением игумену Сергию, чтобы шел от него посольством на Рязань к князю Олегу о вечном мире и о любви. Той же осенью месяца декабря в 15 день преставился в Киеве Дионисий, архиепископ суздальский, который поставлен был митрополитом на Русь от патриарха цареградского Нила. И положен был в Киевской Печере великого Антония и Феодосия, и есть тело его и донныне цело и нетленно. Той же осенью в Филиппово говенье игумен Сергей Радонежский ездил посольством на Рязань к князю Олегу рязанскому от великого князя Дмитрия о вечном мире и о любви, и с ним старшие бояре великого князя. Ибо прежде того многие ездили к нему и нисколько не преуспели. Игумен же Сергей тихими и кроткими словами и благоуещательно сказанной благодатью, данною ему от святого духа, много беседовал с ним о пользе души, и о мире, и о любви. И князь Олег переменял свирепство свое на кротость, и утишился, и укротился, и умилился весьма душою. Ибо устыдился столь святого мужа и взял с великим князем Дмитрием вечный мир и любовь на многие поколения. И возвратился игумен Сергей с честью и славою многою на Москву к великому князю, и достойно хвалим был от всех. Той же зимой преставился раб Божий Семен Яма и положен в монастыре на Москве святого Афанасия. Той же зимой месяца января в 1 день, на память великого Василия Кесарийского, в понедельник на обед погребло солнце, и осталось его как месяц четырех дней, и снова в вечернюю годину наполнилось. [В тот же год князь великий Ягайло Ольгердович литовский женился во Уграх у короля и переложился в немецкую веру римского закона. И, придя в Литву свою, крестил полки в римский закон.]

Кн. Василий бежал из Орды. В тот же год князь Борис Константинович суздальский и нижегородский пошел в Орду к Тох-

тамышу хану, да в тот же год на осень и пришел из Орды в свою вотчину в Новгород Нижний, и в Городец, и в Суздаль. В тот же год сгорела церковь святого Михаила архангела на Городце Нижнего Новгорода. Той же осенью в Филиппово говенье князь Василий Дмитриевич московский третье лето пребывал в Орде, ханом удерживаемый, и не мог его удовлетворить дарами. И восхотел хан оженить его на дочери своей, а та не хотела от веры отстать басурманской. Он же, боясь, что да убит будет из-за этого, боялся же и к отцу идти, да не озлобится хан на отца его и придя разорит землю Русскую. Той же осенью бежал из Орды от Тохтамыш хана князь Василий Дмитриевич. И встретил его посол татарский, и поймав, привел его в Орду к Тохтамышу царю; и принял за то от царя истомление великое. В тот же год Стефан, епископ пермский, Храп ходил в Новгород Великий. В тот же год Иоаким архимандрит ветхий монастырь и церковь обветшавшую обновил, иконами и книгами наполнил, иноков собрал и келий воздвиг много, и привел сюда Ивана игумена, мужа не ленивого и трудолюбивого; и так устроил совместное житие о Христе. В тот же год Великой орды Волжской Тохтамыш хан убил сам свою ханшу, называемую Тувлуйбека.

Война новгородская. Епископа смута. Мир с новгородцами. Наказание виновных. Новгородцы, слышав про князя великого Дмитрия неудачу с рязанским Олегом и что сын его задержан в Орде, не хотели дани и выхода слать. Многие же из них, придя на Волк и собравшись там, пошли на Волгу, множество купцов пограбили и людей разорили. Князь же великий посылал к ним, но архиепископ Алексей подстрекал новгородцев не покоряться князю. Он же терпел, пока не умирился с Олегом рязанским. И в тот же год князь великий Дмитрий Иоаннович, держа нелюбовь на Новгород за Кострому и за волжан, и пошел к Новгороду ратью с братом своим князем Владимиром Андреевичем, собравшись со многими силами. И не дойдя до Новгорода, стал за тридцать верст на Ямнах. И встретили его на Ямнах новгородцы со многою силою, вооружившись. Но многие не хотели биться и кровь христианскую проливать и послали послов своих к нему о мире с высокими словами. Он же не принял мира. Новгородцы ж послали к нему владыку своего Алексея о мире, и тот еще более, высокоумствуя, досаждал великому князю. Он же отвечал ему: «Я не хочу крови проливать, но хочу, да дадите мне виновных и все издержки. Тогда дам вам мир». И так владыку отослал к ним без миру. Новгородцы же, повзъярившись, по благословению владычному и по своему их совету зажгли посады свои, и сгорело двадцать монастырей; и восстали все на бой, вышли на поле против великого князя. И сказал Григорий Лукьянович, посадник новгородский, ко владыке своему Алексею: «Святитель Божий

Алексий, сотвори мир между нами. Если же не сотворишь, то забрет меч многих, и будет гибель напрасная на тебе и тех, которые неправду говорили князю». Владыка ж Алексий пошел скорее к великому князю, говоря такое: «Господин князь Дмитрий Иоаннович, новгородцы винных сами изыщут, которые воевали Кострому и гостей волжских грабили и били, и тех казнят, а ныне дают за них четыре тысячи рублей. И ты не подвигнись на брань и не пролей крови». И едва упросил его тихими и кроткими словами. Он же умилился, послушав моления новгородцев, и призвав посадников обоих и тысяцкого, взял у них за винных 8000 рублей, и выход княжий отдельно оплатили по уставу, и возвратился на Москву.

Новгородцы на заволочан. В тот же год ходили новгородцы за Волок, посадник Феодор Тимофеевич, Тимофей Юрьевич, Юрий Дмитриевич и с ними боярские дети, и слуги, и люди многие, брать 5000 рублей за приход великого князя, что возложил на них Новгород, судили все на вече по правде старины, на всю Заволочскую землю, поскольку заволочане были на Волге и грабили и били гостей, и Кострому воевали. В тот же год поставили новгородцы церковь каменную святого Климента на Иворовой улице.

В тот же год погорел град Орехов. В Новгороде погорел конец Никитиных улицы.

Смятение в Орде. В тот же год князи ордынские меж собою ратью сражались.

В тот же год князь великий послал отца своего духовного Феодора, архимандрита симоновского, во Цареград к патриарху Нилу об управлении митрополией русской. Также в то время и из Новгорода Нижнего Ефросим, архимандрит Дионисиев, пошел в Цареград на поставление в своей епископии суздальской.

В тот же год пришел из Орды Тохтамышевой князь Александр Михайлович тверской, внук Александров, а с ним посол татарский.

Кн. Василий из Орды. В Волохи. В Немецкую землю. В тот же год князь Василий Дмитриевич, внук Иоаннов, московский, видя себя удерживаемым в Орде, помыслил, что невозможно ему убежать прямо на Русь, и умыслил крепко с верными своими доброжелателями, и побегал в Подольскую землю в Волохи к Петру воеводе. И оттуда пошел, в неизвестных местах таясь; и не смея в Москву идти, пошел в Немецкую землю к морю. И опознал его князь Витовт Кестутьевич, и удержал его у себя, ибо тогда был Витовт в Немецкой земле после убиения отца его Кестутия. Имел же Витовт у себя дочь одну, и сию восхотел дать за князя Василия Дмитриевича, и говорил ему: «Отпущу тебя к отцу твоему в землю твою, если возьмешь дочь мою за себя, единственное чадо мое». Он же обещался так сотворить и вскоре послал гонца своего к отцу, прося позволения жениться. А князь Витовт держал

его у себе в великой чести во граде, называемом Королевская Гора. Князь же великий радостен сему был и обратно послал от себя двух бояр своих с дарами многими, и дал благословение сыну своему жениться на дочери Витовтовой. После пришествия же послов Василий Дмитриевич, недолго пребыв тут, пошел в Москву к отцу своему, а Витовт послал его проводить. И оставил князь Василий у Витовта бояр отцовых.

Полоцк взят. В тот же год князь Скоригайло Ольгердович взял Полоцк, а брата своего князя Андрея Ольгердовича взял и сына его убил.

1387. Брак Феодора рязанского с Софиею. Еп. Евфимий. Кн. Василий в Москву. Кн. Родослав рязанский. Родилась Анна. Об Исааке молчальнике преподобного игумена Сергия. В 6895 (1387) году в месяце сентябре князь великий Дмитрий после сотворения мира и любви к князю Олегу рязанскому имел с ним любовь великую. И отдал князь великий Дмитрий Иоаннович дочь свою княжну Софию на Рязань за князя Феодора Олеговича рязанского. Той же осенью были морозы великие, и реки и озера стали, и снег пал великий. Затем в полночи месяца октября в 26 день в Новгороде Великом поднялся ветер сильный, и внесло лед из озера в реку в Волхов, и снесло из Великого моста девять частей. Той же осенью князь великий Дмитрий отпустил бояр своих старших против сына своего князя Василия в Полоцкую землю. Той же зимой князь Михаил Александрович тверской еще более имел нелюбовь со владыкою Евфимием тверским и не восхотел его иметь. Евфимий же ушел в монастырь святого Николы над ручьем в месяце январе. Той же зимой января в 19 день пришел к отцу своему к великому князю Дмитрию на Москву сын его князь Василий из Литвы, а с ним князи ляцкие, и паны, и ляхи, и старшие бояре великого князя, ходившие против него. Той же зимой прибежал из Орды князь Родослав, сын Олега Ивановича рязанского. Той же зимой в месяце январе родилась великому князю Дмитрию Иоанновичу дочь Анна. Той же зимой преставился инок молчальник Исаак. Пожил добрым житием, имея всякую добродетель: послушание, смирение, чистоту, молчание, воздержание, нищенскую худость, нестяжание, рукоделие, пост, бдение, безмолвие, беззлобие, хранение слова Божиего непрестанно во устах, память смертная, худость ризная. И более всего к безмолвию и молчанию прилежал, и прочтению божественных Писаний, и молитве, и умилению, и слезам; и поистине был дивен и достойно хвалим, земной ангел и небесный человек.

Война смоленских с Литвою. Мучительство смоленских. Мстиславль в осаде. Бой с Литвою. Умер Святослав смоленский. Умер Иван смоленский. Смоленчане побиты. Смоленск в осаде. Откуп взят. В тот же год князь Святослав Иванович смоленский

с племянником своим князем Иваном Васильевичем и с детьми своими Святославичами, с Глебом и с Юрием, со многими силами собравшись, пошел ратью ко Мстиславлю граду, который отняли у него литва. Он же хотел его к себе взять и много, проходя, зла учинил земле Литовской, воюя всюду. Иных литовских мужей, поймав, мучили различно и убивали, а иных мужей, и жен, и младенцев, во избах запирая, сожигали. А других, стену разведя храмины от высоты и до земли и между бревен руками вкладывали от угла до угла, сдавливали людей, и пониже тех других повешав, между бревен руки вложив, стиснули тяжестью от угла до угла; и так висели люди; также тем образом и до верху по всем четырем стенам сотворили. И так по многим храминам сотворили, сожигая огнем во многой ярости. А младенцев на копье востыкали, а других, прицепив, вешали на жердях, как мясо, головой вниз; нечеловечно и безмилостиво мучили. И пришел князь великий Святослав Иванович с детьми своими, с Глебом и с князем Юрием, и с племянником своим князем Иваном Васильевичем ко Мстиславлю граду в среду на Страстной неделе месяца апреля в 18 день. А был во граде был князь Свидригайло Ольгердович; и стояли 11 дней, и нисколько не преуспели. И на следующее утро в пол-обеда появился у града с одной стороны полк рати литовской, князь великий Скоригаило Ольгердович, а другой полк подалее, князь Корибут Ольгердович, а третий полк, князь Лугвень Ольгердович, а четвертый полк, князь Витовт Кестутьевич, со множеством сил вышли спешно на поле ко граду. Смоленчане же, видеv, в смятение пришли и всколебались, начали против них на битву готовиться. И пошли обои друг против друга, и сошлись под градом Мстиславлем на поле. А люди со града смотрели. И была между ними брань великая и сеча злая, и пали мертвые многие на реке Вохре. И одолел Скоригаило, и стал на костях. И тут убили на Суме князя смоленского Святослава Ивановича, внука Александра, правнука Глебова, праправнука Ростиславова, праправнука Мстислава, пращура Давыдова, прапращура Ростислава, препращура Мстислава, Владимира Мономаха сына, а Владимир Мономах Всеволода сын, а Всеволод Ярослава сын, Ярослав великого князя Владимира сын. И тут убили племянника его князя Ивана Васильевича, внука Иванова, правнука Александра. А сынов Святославовых взяли, а бояр многих, и воевод, и слуг побили, а иных взяли, иные утонули в реке в Вохре. А за некоторыми гнались и до Смоленска, они же затворились во граде Смоленске. Литва же много стояла около града и откуп взяли, а князей убитых дали им и взяли волю свою, сколько восхотели. А на княжении у них в Смоленске посадили из своей руки, а князя Юрия Святославича и брата его князя Глеба Святославича повели с собою в Литву. И пошли восвоясн с победою великою и

славою, победив множество смоленского воинства, князей, и бояр, и воевод, и слуг, и простых людей. Была же сия битва месяца апреля в 29 день.

Мор. В тот же год мор был в Смоленске на людей и по волостям, и по селам, а во граде осталось только десять человек.

В тот же год у града Твери около валу рубили кожух (навес) и землею насыпали. В тот же год и ров выкопали глубже человека.

Порхов каменный. В тот же год новгородцы благословением владыки своего поставили город каменный Порхов.

Еп. Алексий новгородский сошел. В тот же год сошел владыко новгородский Алексий со владычества по своей воле и по своему хотению, благословив детей своих, посадников, и тысяцких, и весь народ; и пошел в монастырь святого Воскресения на Деревянице, сидев на престоле епископском 30 лет без года и без пяти месяцев. И сотворили новгородцы по своему обычаю вече, избрали трех мужей: Ивана игумена хутынского, Афанасия, игумена рождественского, Парфения, игумена благовещенского. И написав имена их, запечатал посадник и положил все три жребия на столе святой Софии. После отпения же литургии и молебна стали все новгородцы на вече, а протопопу повелели выносить по одному жеребью. И сначала вынес жребий Афанасия игумена, потом Парфения, а Иоаннов остался на престоле. Они же все, взяв Иоанна, возвели в дом владычний и нарекли его епископом, до тех пор пока не придет митрополит. Было сие избрание на Вознесения день месяца мая во 9 день. Ибо был Пимен тогда митрополит во Цареграде, позванный от патриарха.

Татары на Рязань. В тот же год пред Петровым днем собрались татары, спешно внезапно пришли на Рязань и повоевали ее, да и Любецк повоевали, и Олега князя едва не взяли.

Хан Аксак-Темир. Арнач. В тот же год хан Аксак-Темир, придя, взял Арнач у Тохтамыша, хана волжского.

В тот же год князь Борис Константинович Нижнего Новгорода послал в Орду сына своего князя Ивана.

Кн. Василий городецкий. Война нижегородцев. Мир суздальских. В тот же год пришел из Орды князь Василий Дмитриевич суздальский, пожалованный от хана Тохтамыша, дал ему Городец. И князь Василий да брат его князь Семен Дмитриевич суздальский и городецкий, собрав воинства много своей вотчины, Суздаля и Городца, еще же испросив себе у великого князя Дмитрия Иоанновича силу в помощь новгородскую и волоцкую, пошли на дядю своего на князя Бориса Константиновича к Новгороду Нижнему. И придя, стояли у града 8 дней и потом примирились с дядею своим князем Борисом Константиновичем. И сказал им дядя их: «Милые мои племянники, ныне я от вас плачу, потом же и вы восплачете от врагов своих». И отступился им от

волостей своих Новгородских, и они ему отступились от его уделов; и так взяли мир между собою.

В тот же год была паводь великая в реках от великих дождей.

Митр. Пимен из Цареграда. Еп. Феогност рязанский. Умер еп. Герасим. В тот же год после Петрова дня месяца июля в 6 день пришел Пимен митрополит на Русь из Цареграда не на Киев же уже, но на Москву только. И пришел без неправды, поскольку на Киеве был Киприан митрополит, а на Москве сей Пимен митрополит. Месяца августа в 15 день на Успение пречистой Богородицы во Владимире Пимен митрополит московский поставил Феогноста епископа на Рязань, и тут был и великий князь Дмитрий Иоаннович. В тот же год преставился Герасим, епископ коломенский.

Междоусобие новгородцев. В тот же год новгородские посадники и тысяцкие сотворили междоусобную брань. И восстали на посадника на Осифа Захарьича три конца, и ударили в вече у святой Софии, и пошли все на двор в доспехах с оружием. И Осиф же посадник Захарьич побежал за реку в Плотнический конец. И поднялась за него вся торговая сторона. И были в великой брани 2 седмицы, и отняли посадничество у Осифа Захарьича; и так сотворили между собою мир и любовь, и дали посадничество Василию Ивановичу.

1388 (1389). В месяце сентябре Пимен митрополит послал в Новгород к посадникам и тысяцким, да придут к нем на Москву и с теми из них же, кто избран будет на епископство в Новгород.

Еп. Иоанн новгородский. Еп. звенигородский Даниил. Родился Афанасий Ярослав. Той же зимой месяца января в 8 день пришли на Москву с Иоанном, игуменом хутынским, к Пимену митрополиту на поставление посадник новгородский Василий Феодорович, тысяцкий Иосиф Фалелеевич, Иов Аввакумович, Тимофей Иванович и иных бояр и великих людей многое число. Поставлен был Иоанн в Великий Новгород во архиепископы января в 17 день, и были на поставление его с митрополитом епископы Феогност рязанский, Михаил смоленский, Савва сарайский, Даниил звенигородский. Поставили его при великом князе Дмитрии Иоанновиче. Того же января в 18 день родился князю Владимиру Андреевичу сын Афанасий. Его же прозвали Ярославом, от которого прозвались Ярославичи.

Вражда великого князя на Владимира. Греки для милостыни. Той же зимой была ссора великого князя с братом его князем Владимиром Андреевичем. И взяты были бояре старшие князя Владимира Андреевича, и разведены все по-разному по городам, и посажены под стражу и в крепости великой, истомлены были, у всякого приставлены приставники жестокие весьма. Той же зимой пришел на Москву Феогност, митрополит трапизондский, милостыни ради.

Примирились. Еп. Павел коломенский. Мор во Пскове. Мор в Новгороде. Послы от папы. Кн. Семен Лугвень. Той же весною месяца марта в 25 день на Благовещение пречистой Богородицы князь великий взял мир и прощение с братом своим из двоюродных с князем Владимиром. Той же весною в неделю Вербную Пимен, митрополит московский, поставил Павла, архимандрита рождественского из Владимира, в епископы на Коломну. А в Киеве в те времена был Киприан митрополит. Той же весною после Великого дня князю Юрию Дмитриевичу болезнь тяжкая была очень, но Бог помиловал его, и снова здоров был. Той же весною мор был великий во Пскове, а болезни знамение было железю. Той же весною ездил Иоанн архиепископ во Псков из Новгорода, и молебны совершил, и водою всех окропил, и прекратился мор, и возвратился здоров с бывшими при нем в Новгород. В тот же год посадник Григорий Яковлевич поставил церковь каменную Покров пречистой Богородицы на воротах. В тот же год мор был силен в Новгороде. В тот же год пришли на Москву послы от папы римского. Августа 15 дня пришел в Новгород князь Семен Лугвень Ольгердович, внук Гедиминов, на Успение пречистой Богородицы, и приняли его новгородцы в честь, и сел на тех же градах, которые были за Наримантом Гедиминовичем.

6897 (1389). *Мор.* В Новгороде Великом мор был сильный, и во Пскове, и по волостям, и по селам. Тогда же сентября от 5 дня и до девятого беспрестанно дождь шел, и потом пал снег, и были морозы и стужа великая. Той же зимой от Николина дня и до Крещения были морозы великие беспрестанно, и была нужда великая людям и скоту.

Описание пути в Цареград Игнатия. Перевитск. Города старинные. Меча р. Сосна р. Ворона р. Кн. Юрий елецкий. Столпы древние. Чермный яр р. Битюг р. Медведица р. Терклий гр. Бузук р. Азов. Итальянцы и немцы в Азове. Сандалы. Митрополит оклеветан. Скован. Освобождены. Керчь. Залив Кафинский. Синоп. Амастра. Пандораклия, или Понтоираклия. Диопол. Дафнис. Карфия. Астравия. Амурат на сербов. Ачемиры — армяне. Аркан. Сулиман. Сербии Лазарь. Смерть Амурата. Той же весною Пимен митрополит в третий раз пошел в Цареград к патриарху, а с ним Михаил, владыко смоленский, да Сергей, архимандрит спасский, да старец его, и слуги, и протопоп, и протодьякон, иные священники и дьяконы. Было же начало пути тому от града Москвы месяца апреля в 13 день в Великий вторник Страстной седмицы. Князь великий Дмитрий понегодовал на митрополита о сем, что без его совета пошел, ибо была и распря некая промеж их. И так сотворилось шествие. И повелел митрополит Пимен Михаилу, владыке смоленскому, да Сергию, архимандриту спасскому, и всем, если кто хочет, писать сего пути шествование, как

пошли, и где что случилось, на случай если кто возвратится или не возвратится обратно. Мы же обо всем этом писали. И так пошли от Москвы, как ранее написано, пришли на Коломну в субботу Великую. А во Святое воскресенье Пасхи пошли к Рязани по реке по Оке и приспели к Перевитску. И тут встретил нас Еремей, епископ рязанский, гречанин. И когда приближались мы ко граду Переславлю Рязанскому, встретили нас сыновья великого князя Олега Ивановича рязанского. И когда те отошли и мы еще немного от того места прошли, встретил нас с великою любовию сам князь Олег Иванович и с детьми своими, и с боярами. И когда пришли мы ко граду Переславлю, встретили нас с крестами. Митрополит же пошел в соборную церковь, молебны совершил, и пировал у князя, и честь многую принял; и так в течение пяти дней чествовали нас со своим епископом Еремеем. Затем когда исходили мы оттуда, проводил нас сам князь Олег Иванович и с детьми своими, и с боярами, и со мною честию и с любовию. И целовавшись, разлучились; он возвратился ко граду, мы ж пошли в путь свой. И отпустил с нами боярина своего Станислава с довольною дружиною, повелел нас проводить до реки Дону из-за великого опасения разбоя. Проводили же нас и епископы многие, Феодор ростовский, Ефросин суздальский, Еремей рязанский, Исакий черниговский, Даниил звенигородский, и архимандриты, и игумены, и иноки. Пошли же от Переславля Рязанского в неделю Фомы. Сопроводили ж с нами и три струга да насад на колесах. В четверток же пришли к реке Дону и спустили суда на реку Дон. И во второй день пришли до Чьярь Михайловых, ибо так зовется град, что там был. И тут утешение взяли и о Христе целование сотворили, и с радостию и умилением проводили нас епископы, и архимандриты, и игумены, и священники, и иноки, и бояре великого князя Олега Ивановича рязанского, целовались все целованием святым и от того места возвратились восвояси. И мы же в неделю святых Мироносиц оттуда с Пименом митрополитом все пошли, Михаил, епископ смоленский, и Сергей, архимандрит спасский, и протопопы, и дьяконы, и священноиноки, и слуги, пересев на воду, поплыли рекою Доном на Низ. Было же сие путешествие печальному и унылому приключению подобно, ибо была пустыня всюду. Нечего смотреть там было: ни града, ни села. Ибо хотя и бывали в древности грады красивые и известные весьма, что видели в этих местах, только пусто ж все и не населено; нигде не видно ни человека, только пустынь великая и зверей множество, козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, журавли и прочие. Во второй же день речного плаванья минули две реки, Мечу и Сосну. В третий ж день прошли Острую Луку, в четвертый же день прошли Кривой Бор, в шестой же день при-

спели до устья Вороны реки. Мая 9 дня на утро, в воскресенье на память святого чудотворца Николы, пришел к нам князь Юрий елецкий с боярами своими и со многими людьми; ибо послал к нему вестника князь Олег Иванович рязанский, он же сотворил повеленное и воздал нам честь, и радость, и утешение великое, оттуда ж приплыли к Тихой Сосне и видели столбы каменные белые, дивно же и красиво стоят рядом, как стога малые, белы ж и светлы весьма над рекою над Сосною. А также минули и Червленьый Яр реку, и Битюг, и Хопер реку. В неделю ж пятую о Самаряныне миновали, плывя, реку Медведицу и горы высокие, и Белый Яр. В понедельник же, плывя, миновали горы каменные Красные. Во вторник же Терклию град миновали, плывя, не град же скорее, но только городище. Затем и перевоз миновали и там нашли первый раз татар много весьма, как песок. В среду же, плывя, миновали Великую Луку, ханский Сарыхозин улус. И так оттуда начал нас страх обдавать, что вошли в землю татар, которых множество по обоим сторонам Дона реки. В четверток же, плывя, миновали Бек-Булатов улус, стад же татарских видели такое множество, что ум не постигает, овцы, козы, волы, верблюды, кони. Затем в пяток миновали Червленьые горы. В неделю ж шестую о Слепом, плывя, миновали Ак-Бугин улус, и тут великое множество татар и всякого скота стада без числа много. От татар же никто из нас не в обиде ничем, только воспрошали нас везде; мы же отвечали, и они, слышав, нисколько нам пакости не творили и молоко нам давали. И так с миром в тишине плыли. В понедельник прошли Бузук реку. В канун Вознесения дня приспели, плывя к морю, до града Азова. В неделю же седьмую святых отцев вошли в кораблях на устье Дона реки под градом Азовым, тогда же были во Азове живущими фрязи немцы, владеющие тем местом, и выступили в море. И было около полуночи, когда корабль стоял на якорях, и некие во граде оклеветали нас фрязам. И догнали нас фрязи в сандаляцах, и насаkali в корабль наш спешностью, и был потоп великий на мосту корабля. И все не ведали произошедшего. Вышли же на мост и видели смятение великое. И сказал мне Игнатий епископ: «Что, брат, так стоишь, нисколько печали не имея?». Я же сказал: «Что, господин мой святой?». И сказал мне: «Ибо сии фрязи, от града Азова придя, нашего господина Пимена митрополита взяли, сковали Иоанна протопопа, и Григория протодьякона, и Гермона архидьякона, и Михаила дьяка; ибо должны им были. Мы ж с ними безвинно погибаем». Затем спросили старейшину фрязей тех, что хотят нам сотворить. Он же отвечал, говоря: «Не бойтесь вы. Что же вашего есть, и вы свое все возьмете». Затем помалу утолнены были Пименом митрополитом и, довольную мзду взяв, всех нас отпустили невредимых. И день там провели, во второй же день по-

шли оттуда. Тогда же ветер добрый и попутный был, плыли по морю в радости и в веселии великом. Затем в третий день тяжек ветер стихом стал, и приняли истомление великое из-за повреждения корабельного, поскольку и сами корабельники не могли стоять, и сбивались весьма от ветра, и валились, словно пьяные. И прошли устье Азовского моря, и вышли на великое море. В шестой же день в субботу миновали залив Кафинский и Сурож. И мимо проходя, плыли хорошо четыре дня: воскресенье, понедельник, вторник, в среду. В пятый же день, в четверг, возвевя ветер супротивный весьма и повел нас по морю в левую сторону к Синопу граду, и вошли в лиман близ града Синопа. И некие, из града придя, посетили нас и пищею и вином угостили добро. И тут пребывали два дня. Затем возвевя добрый и попутный ветер, поплыли близ града. Были ж там горы высоки весьма, в половину ж высоты тех гор располагались облака, ходившие по воздуху. И также оттуда мало перешли, так под теми же горами против града Амастра заговели к Петрову дню. И так во вторник, плывя, миновали Пандораклию. В среду возвевя ветер супротивный весьма, и снова возвратился в Пандораклию, и пребывали там в Пандораклии 9 дней. И тут есть церковь святого Феодора Тирона, где и мучение его было, в которой и гроб его, оттуда пошли в сандалях ко Цареграду июня 24 дня, на рождество святого Иоанна Предтечи. И на следующее утро, в пяток миновали, плывя, Диопол град, в субботу же обедали на устье реки Сахара, в воскресенье же миновали град Дафнис и Карфию град. Затем, плывя, пришли во град Астравию, и там пребывали, и пытали вестей об Амурате царе, ибо было царь Амурат турецкий пошел ратью на сербского царя Лазаря. Был же сей царь турецкий Амурат от роду христианского, обладал странами посреди Персиды, после же называвшимися Ачемия. Оскудели ж цари греческие, и так от тех стран армянских воцарил во греках царь. Другой же брат его воцарил в отечестве своем Армении. Были же оба христиане, и цареградский, и армянский, то есть ачемийский, два брата по сути, один во греках царствовал, а другой во Ачемии царствовал. Потом же греческий царь, подговоренный своими, кто при нем был, пошел на брата своего ратью, на царя армянского, что произносится ачемийского. Услышал же царь ачемийский про такое от брата своего, и постригся во иноческий чин, и встретил брата своего, греческого царя, во иноческом образе пешим. Удивился о сем брат его греческий царь. Он же сказал к нему: «Господин брат, что дивишься о мне? Не ведаешь ли, что деды наши и отцы не хотели крови проливать между собою? Я же ли худой грешный могу сие сотворить? И потому принял святых ангельский и иноческий образ, и вся будет держава моя в твоей руке. Один же есть сын мой, и тот небрежет о славе тщетной, юности ж ради не может при-

нять иноческого жития. Есть же монастыри многие, которые отцы наши создали в народе нашем. Дай ему написание твое кормиться ему от тех монастырей. Прочее ж все в твоей власти будет». Брат же его, греческий царь, сотворил так сыну его. А также потом и владеть сотворил сыну его на тех странах. Также и того сына сыновья владели странами своими армянскими же, говорится ныне ачемийскими. Превозмогли ж там турки и, восточные страны заняв, привлекли к себе ачемийские страны и веру свою установили. Правнук же царя одного, постригшегося во иноческий образ, переложился в веру турецкую, которому имя Аркан, которого первый сын Сулиман. Сей Сулиман, приняв скипетры его, в западную сторону пошел, когда еще жив был отец его Аркан, на Колипол к морю пришел, отворотил путь и прочим при царе греческом Андронике, имея рать с братом своим. Затем умер Аркан и сын его Сулиман. И после Сулимана восстал брат его младший, сын Арканов, которому имя Амурат; силою же превозмог всех. и лютостью, и жестокостью, и многие царства покорил под себя на востоке и на западе, и ту греческую страну покорил под себя; сего ради турецкий царь назывался, поскольку турецкими странами овладел. Затем и на христианского царя сербского Лазаря, вооружившись, пошел. Православный же царь сербский Лазарь, со многими силами собравшись, пошел против них. Был же некто у Лазаря, царя сербского, слуга верный. Некие же оклеветали его, что неправо и неверно служит царю. Сошлись же полки обои, и была брань великая и сеча злая. Оклеветанный же, правую свою службу желая показать, вошел в полк турецкого царя Амурата, выдавая себя за бегущего от православного сербского царя Лазаря; перед которым турецкие полки расступились, давая путь. Он же, выдавая себя за с любовью идущего к Амурату, царю турецкому, внезапно вскоре вонзил меч свой в сердце Амурата, царя турецкого. И тотчас умер Амурат, царь турецкий. Убит же был от них и чудный тот слуга христианский. И так турки в смятение пришли, и начали одолевать сербские силы с Лазарем царем над турками. Затем турки вскоре Амуратова сына Баозита (Баязета) поставили царем над собою. И так турки начали одолевать сербского царя Лазаря и воинство его, взяли Лазаря руками, и князей его, и воевод его, и бояр его, и слуг его, и все воинство его, иных побили, иных же руками взяли. Повелел же Баозит, царь турецкий, сербского царя Лазаря мечем посечь.

Автор Игнатий. Фили. Рива. Фонарь. В Цареград. Трапеза Авраамова. Одр железный. Инподром. Столп тройной. Так вот нам поведали горожане, так как были в Турецкой державе; и мятеж был великий, смущение многое в той стране. И убоялись мятежа, и отпустил Пимен митрополит чернеца Михаила ко Цареграду, а Михаил, епископ смоленский, и меня Игнатия, а Сергей

архимандрит Азаков своего чернеца. И пошли от града Остравия в воскресенье перед Петровым днем. На следующее же утро пошли от Фили, и миновали Риву, и пришли ко устью, и миновали Фонарь. Ветер же добрый весьма был, приехали в Цареград с радостью несказанною в понедельник же июня 28 дня, канун Петрова дня. Во время вечерни пришли к нам русь, живущая там, и была обоим радость великая; и в ту ночь пребывали в кораблях. На следующее же утро месяца июня в 29 день, в самый праздник святых апостолов Петра и Павла, благодарили Господа Бога, вошли во град Константин. На утро того же месяца в 30 день пошли к церкви святой Софии, что есть премудрость Божия. И дойдя до великих врат, поклонились чудотворной иконе пречистой Богородицы, которая стоит внутри церкви святой Софии, от которой исходил глас Марие египетской, когда возбраняла ей божественная сила войти во святую церковь, которая во Иерусалиме, на поклонение честного креста, и уразумела она согрешения свои, и умилилась о сем, и поручницу о себе пречистую Богородицу дала, и такие ей слова говорив, тотчас внезапно услышала глас, говорящий ей издалека: «Если Иордан перейдешь, доброе успокоение найдешь». И так мы поклонились той святой честной иконе пречистой Богородицы и прочим святым иконам и святым мощам исцеляющим святых; и святые раки чудотворные целовали, трапезу, на которой полагали святые страсти Христовы, и потом целовали святого Арсения патриарха и многих святых. Затем целовали трапезу Авраамову, на которой угощали Христа Бога, в троице явившегося. Затем целовали одр железный, на котором Христовы мученики сжигаемы были. И пребывали все утро во церкви, поклоняясь, и дивились величеству и красоте безмерной церковной. И отслушав святую литургию, вышли из церкви на двор Константинов и видели там сооружение царское, тут есть игрище царское, что называется ипподром. Там стоит столп медный, как в три пряди свит, вверху же разделены были те пряди, и на каждом же конце тех прядей по змиевой голове с камнями и бисером сделаны; в том же столпе заклепан яд змиев. Были ж тут и иные столпы многие каменные и медные, чудесные весьма. И много сие смотрели, дивясь.

Лахерна. Риза Богородицы. Столп Христов. Камень Петров. Доска Христова. Корчага Каны Галилейской. Рука Предтечи. Периленто. Евангелие. Кровь Господня. Умер Пимен митрополит. Амастрия. А затем месяца июля в 1 день, на память святых чудотворцев Козьмы и Дамиана, пошли в монастырь святого Иоанна, что называется греческим языком Продром, русским же Предтеча; и тут поклонились и целовали, и упокоили нас хорошо там живущая русь. К третьему ж дню того ж месяца в 2 день июля на Положение ризы пречистой Богородицы пошли в Лахерну и

целовали там святую раку, в которой лежит риза и пояс пречистой Богородицы. Затем оттуда пошли ко апостольской церкви, и поклонились, и целовали со многим страхом и трепетом святой столп, к которому привязан и бит был Господь наш Иисус Христос во спасение наше и в вольной его страсти сорок ран принял смертных спасения ради нашего. Тут же есть и Петра верховного камень, на котором плакался горько отвержения своего во время вольного страдания Христова. А также поклонились образу пречистой Богородицы, которая явилась святому старцу в пустыни. Затем видели там гробы царские святого, и великого, и равноапостольного Константина царя, и Великого Феодосия царя, и Феодосия Малого, и иные многие. А также видели в той же стране церковь малую, в которой образ Спасов великий, от него ж исходил глас прощения на одре лежащему человеку и верою кающегося о своих грехах. Затем видели там в приделе святого Спиридона епископа и Полиевкта, оба в теле были, многие чудеса источающие, и мощи святого Иоанна Златоустого, и мощи святого Григория Богослова патриарха в каменных ковчехах запечатанные. В третий же день того ж месяца июля в 2 пошли ко святому Антонию патриарху поклонились и благословение от него приняли. В четвертый ж день пошли поклониться образу великого архангела Михаила, который явился отроку, стерегущему скот, и тогда нашел он у столпа оною золота много, и ввержен он был иноками в море. Затем в шестой день пошли ко пречистой Богородице Одигитрия, что русским языком называется Наставница, и поклонившись, целовали ее со страхом и с трепетом. Пошли в великий честной монастырь Пандократоре и целовали святую доску Господню, на которой, с креста сняв, тело Христово положили, и пречистые слезы на том вообразились. И там есть корчага, из самородного камня сделанная, в которой Христос воду в вино превратил. И держат в ней ныне и всегда воду святых богоявлений. Затем видели там лежащие головы святых мучеников Сергия, и Вакха, и Иакова Персидского. В 8 день пошли и поклонились образу Христову, сотворившему чудо о купце Феодоре. После сего же в 16 день месяца июля пришел Михаил, владыко смоленский, от Пимена митрополита во Цареград. В 24 день того же месяца пошли в монастырь святого и великого Афанасия патриарха, которому передала посох на патриаршество святая пречистая Богородица, и целовали мощи его в теле. Оттуда пошли в Перилепто монастырь и целовали там мощи многие святых, святого священномученика Григория в теле, много исцеления подающего приходящим с верою. Там же есть и рука святого Иоанна Предтечи, крестителя Господня. А также в 31 день июля ходили по верху церкви святой Софии и видели 40 окон шанных на верху церкви; и мерили окно одно со столпом по две сажени, и сих 8

окон в ширину имеется со столпом по две сажени в шее церковной. И сему много изумлялись, что предивно, и превосходно, и хорошо очень устроено. Затем месяца июля в 30 день пошли в церковь при Константиновом дворе, что называется Девяточинная церковь. В ней же есть столпы чудные весьма и недоумение вызывающие: ибо видно в них людей всех приходящих лица, как в зеркале чистом видели свои образы; и сему много дивились. Затем оттуда пошли по краю моря, там где есть целебный песок и над ним церковь святого Спаса. В ней же есть святой чудотворный образ Господень и святой равноапостольный Аверкий в теле, знамения и чудеса много творящий. Затем месяца августа в 2 день пошли в монастырь святого Стефана первомученика, и поклонились, и целовали святые мощи его. Затем в пятый день того же месяца пошли к Пичие, поклонились пречистой Богородице, и пили святую воду целебную, и умылись ею. Затем в 8 день того же месяца пошли в Перилепто монастырь и целовали раку Предтечеву и голову святого Григория Богослова патриарха, и лоб святого Стефана Нового, и икону Господню, от которой изошел глас царю Маврикию, в которой вковано святых мощей много, и там есть потир топазный камня многоценного; и иных вещей и святых мощей великое множество видели. Затем в 9 день месяца августа вошли в Пандократорскую церковь и в сосудохранильнице видели святое Евангелие, писано все золотом рукою Феодосия царя Малого; и там целовали кровь Господню, истекшую от ребер его в распятии на кресте. Затем потом разболелся пресвященный Пимен митрополит и преставился 6892 месяца сентября в 11 день в Халкидоне; и привезли тело его, положили вне Цареграда на край моря против Галаты во церкви Предтечевой. Тогда же был в Цареграде Киприан, митрополит киевский, об исправлении престола русского пребывал он здесь; также и Пимен митрополит, когда жив был, об исправлении престола русского приходил ко Антонию патриарху в Цареград. Бог же своими судьбами так устроил. Преставился Пимен митрополит, как прежде сказано, и тогда пресвященный Антоний патриарх благословил Киприана митрополитом на Киев и на всю Русь и отпустил его с честью. И пошел оттуда месяца октября в 1 день, а с ним Михаил, епископ смоленский, Иона, владыко волынский, еще ж с ним и два митрополита греческих и Феодор, архимандрит симоновский, духовный отец великого князя. Когда отошли же они, мало после отшествия их и пришел вестник, так говоря: «Утонула русь на море, только один корабль с митрополитами спасен был, а который со владыками корабль без вести пропал». И некие говорили из них, что утонули; другие же говорили, что от разбойников убиты были; иные же говорили, от великих ветров сильное волнение было и во Амастрию отнесены оказались; иные же говори-

ли, в Дафнисе они. Затем после нескольких дней пришла грамота от Киприана, митрополита всея Руси, поведывающая многие беды их морского плавания, страшного пути, случившегося им, и каковы были им громы, и трески, и молния, и от отражения волн морских была душа их при смерти; от великих ветров и вихрей развеяны были корабли их по морю, и не ведали друг о друге, где кто был. А затем Божиею благодатию буря прекратилась, и была тишина великая, и помалу собрались все и спасены были, и к Белграду приплыли, все здоровы Божиею милостию и пречистой Богородицы его матери в Русию пошли. Мы же, прочтя сие слова, писанные в грамотах к нам от Киприана, митрополита всея Руси, и слышав, радостны были весьма, и на сорокоусты по Пимене митрополите по церквам и по монастырям давали, и святые места смотрели, и много целебным градам и чудотворным мощам поклонялись.

Царь Мануил. Коронование. Убранство жен. Одежды мужские. Чужеземцы. Знаки. Место царское. Багряница, венец, диадема. Герольды, или маршалки. Корона. Корона императрице. Напоминание о смерти. Видели же, как месяца февраля в 11 день в неделю о Блудном венчан был на царство царь Мануил цареградский 6899-го и со царицею его, благословен и поставлен пресвященным Антонием патриархом. И было поставление его на царство так. Той ночью было бдение всенощное в великой церкви патриаршей в Софии. Когда же настал день, пришли туда, и дали нам смотреть обряд того поставления. И сошлося народа великое множество, мужского пола внутрь святой церкви Софии, а женского пола на полатах. И так дивно и любомудро было, все же женского полу стояли на полатах, закрываемы завесами были лица их, чтобы украшения прелестного и мертвенного никому же от народа не видеть. И сами же те мужи и все мужского полу старческим чином одеждami дорогими одеты, но без всякой роскоши. Жен же никак же видеть мужчинам во церкви той, жены же видели всех стоящих. Певцы ж стояли украшенные чудно, ризы имели, как священные стихари, широкие и долгие, так же и рукава их широкие и долгие, иные камчатые, а другие же шелковые; наплечники ж с золотом, и с бисером, и с кружевом; на головах же их оскрыльцы острые с золотом, и с бисером, и с кружевом; и великое их множество собрано, и настолько было чинно, как написанные выглядели; старший их был муж дивный и красивый весьма, сединами, как снег, белеясь. Были же тут и римляне от Рима, и от Испании, и немцы, и фрязи от Галаты, а иные цареградские, а иные зеновицы, а иные венециане, а иные угры. И тех было одеянии и чин по виду чудные, и стояли на две стороны, и каждый своей земли знамя имели на себе и одеяния: иные багряные бархаты, а другие вишневые бархаты, а иные тем-

но-синие бархаты, а иные черные бархаты, все же старческого чина не в шелках. Так же и знамена имели, каждая группа свое знамя имела, на груди носили или жемчужные, или обруч золотой, или на шее, или цепь золотую на шее и на груди, а другие свое знамя; каждая группа все по-разному свои знамена имели. Был же в церкви под полатями на правой стороне чертог в 12 ступеней, который шириною две сажени, а обтянуто все червлым червецом, на них же поставлены два стола золотые. Тогда ж той ночью царь Мануил на полатях был, и когда приспел первый час дня, сошел с полатей и вошел во святую церковь передними великими дверями, которые называются царские двери. А певцы пели пение пречудно, и странно, и несказанно умом превосходили. И было шествие царево тихо и кротко три часа от передних врат до чертога. А с обеих сторон 12 воинов вооруженных, и от голов их и до ног их все железно; а пред ним шли два со знаменами, волосы черные, а древа их, и ризы, и шапки червлены. А пред теми двумя знаменосцами шли подвойские, а посохи их серебром и золотом окованы, а на концах их жемчугом усажено. Дошел же царь до чертога, и вошел на пресветлый тот чертог, и облекся в цесарскую багряницу и в диадему цесарскую, и венец цесарский около головы со столпчиков возложил, и ушел из чертога, и взошел наверх; и привели царицу, и сели оба на столах золотых. Тогда же начали божественную литургию, а царь сидит на золотом столе, сидит же и царица на золотом столе. И когда следовало быть выходу, пришли два великие архидьякона ко царю и сотворили поклон малый благочинно весьма и уставно. И встал царь и пошел ко алтарю, а со знаменами пред ним и воины вооруженные по обеим сторонам его шли. Вошел ж царь во святой алтарь, стали знаменосцы и воины вооруженные пред святым алтарем по обе стороне святых дверей царских, и облекли царя во священный фелонец малый да пасясь багряный, что есть ризницы малые багряные, только до пояса, и пошел царь на выход, свечу в руке держа. Антоний же патриарх стоял на своем месте среди церкви. И сотворяя выход, патриарх взошел на священный амвон, и царь с ним. И принесли к патриарху царский венец на блюде покрытый, также и царицын венец принесли к патриарху на блюде покрытый. И благословились у патриарха два великих архидьякона, пошли за царицей, и пришли к ней, сотворили поклон малый, только головы свои до груди своей преклонили благочинно и уставно весьма; и пришла царица до амвона. И возложил пресвященный патриарх крест на царя, и дал ему крест в руку. И взял цесарский венец патриарх, и благословил царя, и возложил на голову его, а другой венец дал ему в руку его и повелел ему возложить на царицу его, сойдя далее. Он же сошел далее и дал знак, далее стоя, патриарху на амвон рукою и венцом, и патриарх,

стоя на амвоне, издалека благословил рукою своею царя и царицу. Они же оба вместе одновременно сотворили поклон малый к патриарху, и пошли на свои места, и сели на золотых столах. А патриарх выход сотворил и вошел во святой алтарь царскими дверями. И когда херувимская песнь приспела, пришел великий архидьякона и сотворил царю поклон. Тогда же, встав, царь со страхом, и трепетом, и с великим вниманием благочинно весьма пошел во алтарь. Одели его во священный фелонец, и прежде всех шествовал царь пред святыми царскими дверями, в подсвечнике свечу возженную в руке держал; так из алтаря ушел и во алтарь вошел, прежде всех он шел, и после него благочинно и уставно весьма священный и великий собор с великою красотою, и честью и славою священной и божественною. И настолько было благочинно и чествованно и приукрашено, что ум человеческий превосходило. Долгое ж было шествие их со святыми дарами, сколько херувимской песни есть от начала и до конца, так шествие их и пение же было долго великолепно, и красиво, и предивно, и умильно. После принесения ж во святой алтарь священных и божественных даров кадил царь около священного престола, и пребывал царь в алтаре до святого причащения. И когда было время святому причащению, и пошел великий архидьякон, сотворил поклон царице. Когда сошла от престола царица вниз, тут стоящий народ разодрал всю завесу чертога цесарскую, сколько кто восхитил себе. И вошла царица с великим страхом и трепетом, и умилением, и смирением южными вратами в крыло алтаря, и дали ей святое причастие. Царь же от патриарха со священниками причастились у престола Христова. Изошел он из алтаря, патриарх ж сел на свое место, и из алтаря выйдя пришел к нему царь в цесарской багрянице и диадеме. И благословил его патриарх и царицу его, и дал ему завет православия соблюдать непоколебимо свое царское и никак же не переменять уставы древние, ни же похищать не свое, и стяжать прежде всего страх Божий и смертную память, что земля ты и снова в землю пойдешь, и прочее, как там во уставах их имеется. И по патриарховому слову никто ж не мог и не смел прежде приступить ко царю и говорить ему о здравии, ни князи, ни бояре, ни воины; но только приступили к нему мраморники и гробосоздатели, принесли, показывали ему мраморы и камень различный, и войдя к нему говорили: «Которым камнем следует отделать гроб твой?», притчею воспоминаая ему и говоря: «Человек смертен и тленен, мимо шествует в суетном сем исчезающем и скоро погибаемом бедном житии. Заботься о своей душе и благочестивое царство строй; сколько же велик ты, столько смирай себе, поскольку сильные сильнее истязаны будут; и как же богохульные согрешают к Богу, и так же и горделивые в гордости своей согрешают к Богу. Осо-

бенно подлинно имей всегда страх Господень, и смирение, и любовь, и милость, и да спасен будешь и сохранен небесною любовью Господнею и милостию». И так сии говорили, как там во уставе написано, и потом пошли князи, и стратилаты (воеводы), и попы, и воины, и все вельможи, говоря ему по обычаю их. И после сего благословился царь вышесказанным обрядом с великою тихостию и смирением, и со страхом Божиим ушел из церкви благочинно весьма, как некий священноначальник, и осыпали его ставратами золотниками. Народ ж похватал все, каждый руками своими. Так древнее предание царям быть на поставлениях их на царство, и так поставлялись. Так вот и Мануил царь поставлен был Антонием патриархом и священным собором по уставу издревле переданному.

Во Иерусалим хождение. Так вот мне случилось видеть недостойному и бывшим со мною во святом граде Иерусалиме. Есть же там церковь Воскресение Христово; входя в церковь, есть на правой стороне доска, на которой Христа Бога нашего положили, с креста сняв; а оттуда налево пойдя, там будет гроб Господень. А против гроба Господня греческая служба, греки служат, а с правую сторону от гроба Господня римская служба, римляне служат; на полатях по правую сторону армянская служба, армяне служат; а с правой стороны от гроба Господня на земле фряжская служба, фрязи служат; а оттуда снова сирская служба, сиряне служат; а с левую сторону от гроба Господня, за гробом Господним яacobитская служба, яacobиты служат; а с левой стороны Господня гроба фряжская служба, фрязи служат; а оттуда снова немецкая служба, немцы служат; а от той службы снова фряжская служба, фрязи служат. А под фряжскою службою место есть, где мироносицы сидели и ангела Господня видели, где ангел отвалил камень от дверей гроба; а во фряжской службе полстолпа: у того столпа привязан был избиваемый Господь наш Иисус Христос в вольной его страсти, и поругались ему, и сорок совершением принял ран, смертный являя ответ; а другая половина того столпа во Цареграде, во апостольской церкви. А подальше пойдя, там темница Господа нашего Иисуса Христа; а за греческим престолом есть престол, где Иаков, брат Господень; а оттуда есть место пойти на подол, как в яму, десять ножных ступеней каменных, где нашла животворящий крест Елена царица. А с правой стороны от греческой службы на полатях голгофа, как называется лобное место, где распяли окаянные иудеи Господа нашего Иисуса Христа; там есть Адамова голова; а служба там грузинская, грузины служат; а за нею венецианская служба, венециане служат; а за теми угры служат; а за теми еще одна фряжская служба, фрязи служат; а под голгофою ниже на земле иверская служба, иверы служат; на левой стороне у фряжской службы

далее близ местиры служат; а посреди церкви святая святых, пуп земли, что вымерил царь Невродос. А под гробом Господним соделана церковь малая, ведут от нее ко гробу Господню две двери; а гроб Господень меру имеет в длину девять пядей, а ширина гроба четыре пяди. Над гробом же Господним большая церковь есть, здесь верху ее пол; над гробом же Господним все покрыто, ни малого отверстия нельзя увидеть. И так вот все сие в церкви там. А на восток от града Иерусалима вдалеке там есть село, Гефсимания называемое, и тут есть в том селе гроб пречистой Богородицы и церковь великая, в нее взойти 50 ступеней на нижнюю часть; а под гробом пречистой Богородицы соделана церковь невеликая. А гроб пречистой восемь с половиной пядей; а над гробом одиннадцать кадил горит; а за гробом одр, на котором лежала пречистая Богородица; соделан престолом тот одр. А в церковь ту влезши, там будет направо грузинская служба, грузины служат. А за тем к востоку поток Кедронский, там где вошел Иисус с учениками своими; а за потоком вертоград, пещера великая Господа нашего Иисуса Христа, там где предан был учеником своим Иудою жидом. Там есть камень, что Христос руку положив стоял; там же есть место, где пречистая Богородица, приходя, молилась на камне. А за тем местом масличная великая гора Елеонская, с той горы Господь вознесся на небо. Там есть церковь великая очень, а среди той церкви церковь малая; в той церкви на камне отпечаталась стопа Господня, будто живого видели его, как на воску отпечатана только что; а в той же церкви на правой стороне гроб Пелагеи блудницы, той Пелагеи, которая ноги миром помазала Господу и волосами своими отерла; а на ее гробе другая стопа Господня отпечаталась, как на воске только что, и выглядит, как от живого. А на правой стороне от великой Елеонской горы другая гора, Галилейская, где Христос повелел ученикам своим видеть себя после воскресения; там была церковь. А от града Иерусалима на правой стороне Масличной горы пять поприщ до Вифании, где Господь наш Иисус Христос Лазаря воскресил; там есть и ныне церковь великая, и гроб Лазарев, и кельи сестер Лазаревых; и в той церкви армянская служба, армяне служат. А на полдень от града Иерусалима близко Силоамская купель, где Господь слепого послал умыться; а оттуда там близ пещера великого Антония пустытника; а оттуда близ село Скудельничье, что иудеи купили ценою Христовою. А также на полдень, от Иерусалима пятьдесят поприщ, Саввин монастырь и гроб великого Саввы; там было 14 тысяч чернецов, сколько их и ныне явно есть. А за тем Саввиным монастырем Иосафатова долина, то же есть и удолье, и там также чернецы живут многие; и там есть келья великого Иоанна Дамаскина, в которой он жил. А к Савину монастырю пешком идти расстояние большое, и на правой сто-

роне есть монастырь великого Феодосия киновиарха, от града Иерусалима шесть поприщ, на горе и над горою также; там было чернецов 16 тысяч; а оттуда напротив монастырь на правой стороне; там жила великая Евдокия. А от града Иерусалима на восток к Иордану шествовать, так недалеко от Вифании и течет вода из камня: когда у Христа ученики его просили воды, Иисус Христос сказал ученикам своим: «Из камня ли сего вам воду подам?». И ударил ногою в камень, и тотчас потекла вода, и донныне идет. Там и Керемен-сарай поставлен, не доходя Иордана реки с пятью верст, ехав за гору, повернуть налево с три версты. А гора та весьма высокая, и на той горе Господа нашего Иисуса Христа диавол искушал, взял его на гору высокую весьма, и показал ему все царствия мира и славу их, и говорил ему: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне». Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему. В той же горе под верхом церковь расписана, а на верху же горы церковь великая очень. На той горе Господь постился 40 дней, как писано: «Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал», и прочее, как в Евангелии писано. Иордан же река глубока и крутобрега, грозная весьма, течет же в Содомское море; на Иордане ж есть монастырь великий очень Иоанна Предтечи, ибо в том Иордане Господь крестился от Иоанна; там Мария египетская переходила Иордан к Зосиме, как по суху. За Иорданом рекою келья великого Иоанна Предтечи; близ же той кельи святого Ильи пророка; оттуда же мало подалее гора есть, от той горы святой пророк Илия на огненной колеснице на небо взят был. Там же недалеко место есть на Иордане реке, где Елисей пророк ударил милостью Илии на Иордане, и вода иорданская расступилась туда и сюда, Елисей же пришел по суху. Оттуда недалеко, с пятью поприщ, близ Содомского моря есть монастырь святого Герасима, у которого зверь лев жил, и гроб святого Герасима за алтарем есть, а зверь тот лев, что с ним работал, в ногах у него погребен лежит. Море же Содомское там, где Содом и Гоморра, семь градусов; иные ж земля поглотила, а иные градом море поглотило, курится же и ныне дымом из моря того; а которые градом земля поглотила, там не растёт ничего, только сера горячая, а травы нет. От Иерусалима же направо, с двумя поприща, монастырь есть Ильи святого; там жил сам Илья пророк, там его ворон кормил. Оттуда же с пятью поприщ до Вифлеема, где Господь родился; в Вифлееме же церковь великая есть, а под алтарем ее пещера, в той же пещере вертеп (укрытие), где Господь родился; а в пещеру идучи на левой стороне ясли, где лежал Господь

наш Иисус Христос в пеленах свитый; а от яслей в подол три сажени до вертепа; а на яслях служба фряжская, а на вертепе служба греческая. А в Вифлееме с левой стороны фряжский монастырь, а в нем церковь Рождества Христова, служат фрязи; в том фряжском монастыре дом Иосифов и колодец, откуда Господь наш Иисус Христос и пречистая Богородица воду пили. От града же Иерусалима до Назарета три дня по Дамасской дороге; также от града Иерусалима до Фаворской горы два дня и больше. От града ж Иерусалима десять поприщ гроб Рахили, патриарха Иакова жены, сына Исаака, внука Авраама; от Дамаска два дня ров есть, куда Иосифа Прекрасного братия его вкинули; а от Дамаска ж пять дней до Вениаминова гроба, брата Иосифа Прекрасного. От Иерусалима ж до Синайской горы 15 дней; от Иерусалима ж до Каны Галилейской 3 дня. Там ж на Сионе горе в своей келье пречистая Богородица преставилась; там же на Сионе горе был двор архиерея Анна; там Господь наш Иисус Христос в темнице сидел. И ныне там темница в церкви армянской, там монастырь армянский, в той церкви армянской великий камень, что лежал на гробе Господне, соделан престолом. На том монастыре огнище, где у огня Петр, верховный апостол, грелся в вольной страсти Христовой, когда его рабыня архиерея спросила, говоря: «И ты был с Иисусом Галилеянином?». Петр же отрекся перед всеми, сказав: «Не знаю, что ты говоришь». Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня». И выйдя вон, плакал горько. Подалее того на Сионе же горе двор Каиафы архиерея был; тут есть ныне монастырь армянский великий очень; а к Вифлеему идучи, столп еще стоит, где стоял Симеон столпник с Ильею святым. А на подол идучи, во граде Иерусалиме была церковь греческая, а ныне сарацинская мечеть; там лежат святые богоотец Иоаким и Анна; а против столпа святая святых, которую создал Соломон; там убит пророк Захария, отец Иоанна Предтечи; там есть Господня келья. А идя ниже улицею, там был двор Пилата; а за святая святых в монастыре святого Спаса одр Соломонов, и дом Соломонов там ж, и та церковь, в которую вошел Господь наш Иисус Христос и нашел в той церкви продающих овец, и волов, и голубей, и менял сидящих, и сотворил бич из веревки, и всех изгнал из церкви овец и волов, и торгующим рассыпал монеты, и доски опрокинул, и продающим голубей: «Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте

домом торговли». Там есть Давыдов дом, как городок был каменный, круглый, и однородный, и дивен весьма, в котором в одной стороне живут сороки, а в большие дома не смеют ни заглянуть; там есть столп весьма высокий, где Давыд псалтырь складывал. За Давыдовым же домом недалеко Есиот (Сион) гора; на той горе монастырь дивный весьма фряжский, держат его фрязи и живут в нем фряжские чернецы; говорят же так, что там Христос сам обедню служил, и научил брата по плоти своего Иакова обедню служить, и передал ему таинство священных и божественных служений. Там горница, там где на святых апостолов Христовых дух святой сошел в день пятидесятый. И там с левой стороны церкви место есть, где Господь ноги умыл ученикам своим; там та храмина есть, где Господь в затворенные двери вошел и неверующего своего ученика Фому уверил после воскресения своего. В той церкви во время вольного и спасенного распятия Христова завеса разорвалась надвое; в той церкви тот камень лежит, на котором пречистая Богородица поклоны клала; там же в той церкви два камня, на которых Христос сиживал часто. Оттуда же близко место, где Стефана архидьякона убили иудеи, и кровь его и ныне на камне видна. Там же церкви близ келья пречистой Богородицы, где пречистая жила у Иоанна Богослова; и та келья крепка и до сего дня стоит; а позади той кельи пречистой Богородицы келья святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Затмение луны. Родился Константин. Той же весною месяца мая в 10 день в вечернюю зарю погиб месяц, и долго не было, и снова явился пред ранними зорями. Месяца мая в 16 день родился великому князю Дмитрию Иоанновичу сын Константин, и крестил его князь Василий Дмитриевич, брат его старший, да Марья, жена Василия тысяцкого, а сам тогда великий князь Дмитрий больным был.

Смерть вел. кн. Дмитрия. Состояние Дмитрия. В тот же год преставился князь великий Дмитрий Иоаннович, внук Иоаннов, правнук Даниилов, праправнук Александров, препраправнук Ярославла, пращур Всеволода, прапращур Юриев, препрапращур Владимиров Всеволодича Ярославича Владимировича, великого нового Константина, крестившего Русскую землю, сродник новых чудотворцев Бориса и Глеба. Воспитан был в духовном учении и наказании дивно весьма, от пелен самых Бога возлюбил и пречистую Богородицу и всех святых, и во церкви всегда водворялся, и священников и иноков почитал премного, ведая, что священническая честь на Бога восходит, и странников и нищих милывал, и кормил и поил из своих рук, и милостыню давали. Когда отец его великий князь Иоанн Иоаннович преставился от суетного сего и мимотекущего бедного жития в некончаемый век, сей же млад остался, только 9 лет. Потом же и мать его великая кня-

гиня Александра преставилась. Он же один остался в области отечества своего; сидя на великом княжении, вотчине своей, великим княжением хорошо управлял и содержал. Только ж говорится о нем, что с младенчества добродетельно и воздержно во всем целомудренно жил, пустотных бесед не творил, глумления, игранья не любил, срамных слов избегал, от злонравных людей отвращался; в божественном Писании всегда со умилением получался, к церквам Божиим всегда приходил, и сии украшал, и о них печалился, священнический иноческий чин весьма почитал, милостыню всегда давали; отечество свое, державу свою, мужеством своим крепко держал, злопамятства никак не держал, всегда прощая согрешающих к нему, добротою как младенец, а умом совершенный муж был; во бранях же храбрый воин и врагам всем страшным являлся, многих ж врагов, восстающих на него, победил; град же свой Москву стенами каменными оградил, и во всех странах славно имя его было; княжения Белозерское, Галич, Кострому и Ярославль, а от Рязанские земли град Колому к державе своей присоединил, град Серпухов и иные построил. Тело же свое чисто до женитьбы сохранил. Церковь при себе не оскверненную в святом духе сохранил, очами часто зрел к земле, от которой взят был, и говорил так: «Сколько ни проживем, в землю отойдем. Ибо писано, что земля ты есть и снова в землю пойдешь, наги же пришли, наги и отойдем»; умом же всегда на небесах водворялся. Семнадцати же лет взял дочь великого князя Дмитрия Константиновича суздальского и великой его княгини Анны, именем Евдокия. После брака же целомудренно жил, плоти угодия не творил, добрым и крепким кормчим плоти своей быв, направляемый всевышнего промыслом. И вселился в он благодать святого духа, ибо хотя и царский венец держал, но в посте и в жажде и в молитве всегда пребывал, всякую ночь во псалмах и в молитвах всегда был, в тленном теле бесплотное житие совершал; на престоле царском сидел и царскою багряницею одевшись, но смирением и кротостью все то покрывал, на голом теле власяницу носил и во монашеский образ все время облечься желал, и крест Христов взяв, последовать по стопам его сладко очень хотел, святые посты жестко же соблюдал и почаству, всякое воскресенье, святых тайн причащался, всегда во умилении и слезах пребывая. Если божественных Писаний и не до конца навык, но делом исполнившись в духовном любомудро, поистине являлся земным ангелом, а небесным человеком. Прожил же с княгинею своею Евдокиєю, дочерью великого князя Дмитрия Константиновича суздальского и матери ее великой княгини Анны, в целомудрии 24 года и родил сынов и дочерей. И держал вотчину свою великое княжение 27 лет и 6 месяцев, и было всех годов жизни его сорок один; многие труды и поты за православную

веру, и за все православное христианство, и за свою вотчину показал.

Наставление общее. Княгине великой. Чадам. К боярам. Духовная и раздел. Юрий звенигородский. Андрей можайский. Петр дмитровский. Княгине. Измайлово. Берендеево. Лыткино. Болезнь же его такой была: прежде разболелся и при смерти был, и снова облегчилось ему, и возрадовались люди о сем; а затем снова в большую болезнь впал, и стенание великое пришло к сердцу его, как и внутренним в нем терзался. И уразумел приближающийся конец жития своего, призвал к себе княгиню свою Евдокию, ибо была и та в болезни, ибо тогда родился от нее сын Константин, затем и сынов своих призвал, бояр своих и сказал к ним: «Послушайте меня все. Вот я отхожу от суетного сего и маловременного бедного жития ко Господу Богу моему. Ты ж, княгиня моя Евдокия, наказуй и укрепляй чад своих бояться Господа Бога и заповеди его хранить, наиболее всего правду в суде являть, убогих и нищих миловать, между собою мирно и любовно жить». Потом же к сынам своим сказал: «Вы же, сыновья мои, Бога бойтесь и родителей своих чтите, мир и любовь имейте между собою. Предаю же вас всех Господу Богу моему и пречистой его матери Богородице. И княгиню мою, мать вашу Евдокию, слушайте. Когда же сие волею Божиею отыметса, чтите старшего среди вас брата и государя вместо меня и того слушайтесь, боясь Господа и храня вотчину свою. Если же страх Божий имеете в сердцах ваших и сохраните заповеди его, благо будет вам и долголетние будете на земле, и во благом пребудет душа ваша, и умножится и распространится держава ваша, и враги ваши падут под ногами вашими, иноплеменики побегут от лица вашего, и облегчится тягота земли вашей, и умножатся обилия на ней. Бояр же своих любите, честь им достойную воздавайте, каждому по делам его, без их думы нисколько не творите, приветливы будьте ко всем служащим вам. Все же творите с рассуждением, как по достоинству будет, и со вопрошением матери вашей». Сказал же и к боярам своим: «Вы ж ведаете обычаи и нравы мои, ибо перед вами родился и возрастал и с вами царствовал, вотчиной своей, великим своим княжением, 27 управлял лет, а от рождения мне 40 лет, с вами на многие страны мужествовал, с вами в бранях страшен был и Божиею помощию низложил врагов своих и покорил под себе, с вами великое княжение весьма укрепил и умножил, мир и тишину княжению своему сотворил и державу вотчины своей охранял, великую ж честь и любовь свою к вам имел и под вами города держал в великой власти. Чада ж ваши в любви имел и никому ж из вас зла не сотворил, ни бесчестил, но всех чествовал, и любил, и в чести великой держал, радовался и скорбел с вами. Вы ж не нарекаетесь у меня бояре, но князи земли

моей. Ныне ж помяните слова ваши, что сказали ко мне, так говоря: «Господин князь, должны мы служить тебе и детям твоим и головы свои пред ними положить». Ныне же после отшествия моего от маловременного и бедного сего жития укрепитесь истинно послужить княгине моей Евдокие и чадам моим от всего сердца своего, во время радости возвеселитесь с ними и во время скорби не оставьте их, да скорбь ваша на радость переменится. Бог же мира да будет со всеми вами». Призвав же сына своего старшего, государя Василия, дал ему великое княжение свое после себя, вотчину свою, и духовную, в которой написано: «Второму ж сыну моему, князю Юрию, даю Звенигород со всем, да ему ж даю своего деда удел, Галич со всем, а прежде было Галицкое княжение отдельное». Третьему ж сыну своему, князю Андрею, дал Можайск со всем, да ему же дал куплю деда своего Белоозеро со всеми волостями и Вольским с Шаготью, и Милолюбский уезд и со слободками. Четвертому ж сыну своему, князю Петру, дал Дмитров со всем, да ему же дал куплю деда своего Угличе Поле и что к нему принадлежит, и Тошнею и Сяму. «А отнимет Бог сына моего старшего Василия, кто будет под тем сын мой, тому сыну моему престол Василиев, великое княжение. А того удел поделит всем по частям моя княгиня Евдокия, мать их. Дети наши князи, слушайтесь матери своей Евдокии, и что кому даст мать ваша, тому то любить». А княгине своей дал из великого княжения от Переславля Юлку, а от Костромы Ледом с Комелою; а из удела князя Юрия от Галича Соль; а из князя Андрея удела от Белоозера Вольское с Шаготью и Милолюбский уезд; а из Владимирских сел Андреевское село, а из Переславских сел Доброе село, и что к ним принадлежит; «а из удела сына моего князь Василия Канева, Песочна, а из сел Малинское село Лысцево; а из князь Юрия удела слобода Суходол с Истею, с Истервою, да село Андреевское, да Каменское; а из князя Андрея удела Верея, да Чистая Вода, село Луцынское на Язуе с мельницею; а из князя Петра удела Жива да Яма. А после смерти княгини моей те села, что я дал из уделов детей своих княгине своей Евдокие, те села все и волости детям моим, в котором уделе чье есть, тому то и есть». А вот дал княгине своей примысел: Скирменовскую слободку со Шепековым, Смольяны с Митяевским починком и с бортью, с вышегородскими бортниками, Кропивну с бортниками с кропивинскими, и с ильменскими, и с кордошевскими, и с рудскими, Залескова слободка, Кузовская слободка с бортью, с селом Ивана Храброго, Исконская слободка. «И что княгине моей прикуп и что к ней принадлежит, то моей княгини. А по какие места слободские владения и как судили те владения при мне, и княгине моей пусть владения судят по те же места, как было при мне. А что княгини моей купля Лохна, то ее и есть. А

на Коломне мой придел, примысел мой Самойлецов починок с деревнями, Савельевский починок, Микулинское село, Бабашево, Ослебятевское; а что ее село Репинское и прикуп, то ее и есть; из Московских сел Семчинское село и с Ходынскою мельницею, да Остафьевское село, да Измайловское; а из юрьевских сел Петровское село, да Фроловское, да Елог; и Холха и Заечко, ее то все есть. А что мне дала княгиня Феодосия, до смерти своей ей Суду, да Колачку и слободку, а после ее смерти то княгине моей. А теми своими промыслами всеми благословляю княгиню свою, и в тех промыслах вольна княгиня моя, сыну ли которому даст, по душе ли даст, а дети мои в то не вступаются. А которые деревни поотнимал брат мой князь Владимир Андреевич от Лытинского села княгини моей к Берендеевой слободе, и те деревни переходят к Лытинскому селу княгини моей. А если за грехи какого сына моего Бог отымет, княгиня моя поделит того удел сынам моим всем оставшимся по частям; а которому что даст, тому то и есть; а детям моим из ее воли не выступать. Дети мои, младшие братья князя Василия, чтите и слушайте брата своего старшего князя Василия вместо меня, своего отца. А сын мой князь Василий пусть содержит своего брата князя Юрия и свою братию младшую в братстве без обиды. А брат мой князь Владимир Андреевич ведает свою треть и чем его благословил отец его князь Андрей Иоаннович. А кто из моих бояр будет служить моей княгине, и тех бояр дети мои соблюдают с одного. И живите, дети мои, все в мире и в любви, и Божия милость будь на вас, и пречистой Богородицы, и всех святых, и мое благословение». И так преставился месяца мая в 19 день в среду пятой седмицы после Пасхи в четвертый час ночи. В четверток же, взяв тело его, несли в церковь святого архангела Михаила на площади, где же гроб отца его, и деда, и прадеда, и погребли его с псалмами и песнями надгробными месяца мая в 20 день. Был же тогда на погребении его гость Феогност, митрополит трапизондский, и Даниил, епископ звенигородский, и Савва, епископ сарайский, игумен Сергей, игумен Савастьян и прочие со всем собором священническим; а Пимен, митрополит всея России, был тогда во Цареграде.

55. ВАСИЛИЙ II КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ, СЫН ДМИТРИЯ

После смерти великого князя Дмитрия Иоанновича сел на престоле русском великого княжения старший сын его Василий Дмитриевич. И в тот же день братия его, и бояре, и все чиновные и нечиновные целовали ему крест на том, как завещал отец его; и послал посла своего к хану Тохтамышу просить ярлыка. В пятый же день после преставления отца преставился и сын его пятый

Иоанн, был он монах Иоасаф; а шестой сын его Константин четверодневым после него остался. Седьмой же сын его старший был Даниил, и тот прежде преставился.

Москва погорела. В тот же год в месяце июле загорелся град Москва от церкви святого Афанасия, как только люди отобедали. и почти весь град сгорел, мало что осталось.

Тохтамыш на Темир-Аксака. В тот же год князь Борис Константинович ходил в Орду, а в то время хан Тохтамыш пошел ратью на Темир-Аксака, князь же Борис настиг хана на пути, шел с ним в дороге 30 дней; и потом хан пощадил его и отпустил его от места, называемого Еруктан, и повелел ему без себя пребывать и дожидаться его пришествия в Сарай. А сам, придя, воевал землю Темир-Аксака и град его дальний повоевал, а самого не смог догнать, и возвратился снова в свой улус. Августа в 15 день, на Успение пречистой Богородицы, пришел из Орды посол к великому князю Василию и принес ярлык с честью многою от хана; и посажен был на великое княжение Тохтамышевым послом Шиахматом.

Распря с Владимиром. В тот же год великому князю Василию Дмитриевичу была ссора с дядею своим, с князем Владимиром Андреевичем; князь же Владимир Андреевич с сыном своим князем Иваном и с боярами своими старейшими пошел в свой град Серпухов, а из Серпухова пошел в Торжок со многими людьми и там пребывал некоторое время.

6898 (1390). *Умер митр. Пимен. Умерла Мария.* Месяца сентября в 11 день, на память преподобной Феодоры Александрийской, преставился Пимен, митрополит русский, во Цареграде, там и положен был, как ранее сказано. Месяца декабря в 2 день преставилась княгиня Марья, жена князя Андрея Ивановича, мать князя Владимира Андреевича, во монашеском чину Марфа; и положена была в церкви святого Рождества пречистой Богородицы в честном ее монастыре на рву, который сама создала именем своим, еще при жизни своей, в котором и положена была.

Мир с Владимиром. Волок. Ржев. Родился Феодор. Той же зимой после Крещения князь великий Василий Дмитриевич взял мир и любовь с дядею своим, князем Владимиром Андреевичем, и придал ему к его вотчине Волок да Ржев. Той же зимой месяца января в 26 день князю Владимиру Андреевичу родился сын князь Феодор.

Митр. Киприан второй раз. Архиепископ ростовский. Той же зимой пришел Киприан митрополит в Киев из Цареграда, от патриарха благословен и от всего священного собора на Киев на всю Русь. Той же зимой пред Великим заговением пошел Киприан митрополит из Киева на Москву. И встретили его бояре великого князя за градом, и пошли во град Москву; и облекся во свя-

тительский сан Киприан митрополит у Николы у старого, и пошел во град Москву с крестами со священным собором ко пречистой Богородице. И пришел к Москве в Великое говенье на Средокрестной неделе. И встретил его сам князь великий Василий Дмитриевич с матерью своею великою княгинею Евдокиею, и с братиею, и с боярами, и со всеми христианами в соборной церкви, и благословился от него с матерью своею, и с женою своею, и с братиею, и с боярами, и со всеми христианами. И была радость великая. Тут встретил его князь великий Василий с братиею и принял благословение; а из церкви пошел митрополит во двор свой. И была радость великая во граде Москве. Тогда же пришли с ним на Москву и вышесказанные два митрополита гречанина, Матфей андреанопольский и Никандр гайанский, и Феодор, епископ ростовский, и ему же дал патриарх Антоний царградский архиепископию, и назывался архиепископ ростовский, и Ефросин, епископ суздальский, Иеремей гречанин, епископ рязанский, Исакий, епископ черниговский, || Михаил, епископ смоленский, Даниил, епископ звенигородский. Тогда же все епископы русские приняли каждый свою епископию.

Квашня. Той же весною в Великое говенье преставился раб Божий Иван Родионович Квашня, наречен был во иноческом чину Игнатий и положен был в монастыре святого Спаса на Восток.

Мор в Новгороде. В тот же год мор был в Великом Новгороде сильный весьма. В тот же год снова Рязань воевали татары.

Мир с немцами. Во осень послали новгородцы послов своих на съезд с немцами в Изборск: посадника Василия Федоровича, тысяцкого Иосифа Фалелеевича и купцов, а немецкие из-за моря послы из Любки, и с Готического берега, и рижане, колыване, юрьевцы и иных многих городов пришли и просили в Новгороде торговать по старине и товары их возвратить; и тут не примирились, разошлись. В тот же год новгородцы ходили ратью на немцев с псковичами и примирились. И немцы прислали послов своих в Новгород, и товары свои взяли, и дворы строить начали, вновь целовали крест Великому Новгороду. А не было мира 7 лет, и все люди возрадовались весьма о мире и любви. В том же году поставили новгородцы монастырь святого Николы, где конец Чудиновой улицы.

В тот же год прислал князь великий Василий Дмитриевич наместников своих в Новгород, и взяли выходы и дань черную.

6799 (1391). *Церковь обыденная. Татары на Рязань. Поле Белеут. Брак Василия II.* Новгородцы со владыкою своим поставили церковь святого Афанасия в один день, и освятил ее Иоанн епископ, и службу совершил. И Божию милостию прекратился мор. Месяца ноября той ж осени в Филиппово говенье снова воевали татары Рязань. Той же осенью великого князя Василия

Дмитриевича бояре, Александр Поле, Александр Белеут, Селиван, приехали из-за моря из Немецкой земли во Псков и в Новгород с княжною Софьею, дочерью Витовта Кестутьевича, а с нею князь Иван Олгимантович; а на Москву пришли декабря в 1 день. Той же зимой после Рождества Христова на 3 день Осий, кормиличич князя великого, поколот был на Коломне в игрушке. Месяца января в 9 день в воскресенье оженился князь великий Василий Дмитриевич в Немецкой земле у Витовта Кестутьевича; ибо был тогда тот в Немецкой земле, бежал из Литвы после убиения отца своего Кестутя. И так с великою радостью дал дочь свою Софью за великого князя Василия, желая воевать Литву с зятем своим с обеих сторон. И венчан был князь великий Василий с Софьею Витовтовной на Москве Киприаном, митрополитом всея Руси.

Той же зимой пришла грамота от патриарха в Новгород Великий, по слову Киприана митрополита всея Руси, о суде за подписью патриаршею рукою Антоньевою Нового Рима. Имеет же та грамота и митрополитовы руки: никомидийский митрополит, никейский, халкидонский, моневасийский и андреанопольский, сербский, гайанский, драмский.

Суд над епископом. Епископ свержен. В тот же год были во Твери от епископа Евфимия многие тягости и раздоры. Но князь Михаил Александрович, не желая его сам, обвиня, изгнать, позвал к себе митрополита Киприана во Тверь рассудить жалобы многих людей. И митрополит Киприан пошел с Великого дня ко Твери, а с ним два митрополита гречанина, Матфей андреанопольский и Никандр ганский, Михаил, владыко смоленский, Стефан, владыко пермский. Когда же пришел ко Твери, встретил князь Михаил Киприана митрополита с детьми своими, и с племянниками своими, и с боярами на Перемере; и оттуда проследовали ко граду, и встретили их с крестами пред вратами Владимирскими у церкви святого мученика Георгия, и целовали святые кресты. И оделся Киприан митрополит во святительскую одежду, и начал петь молебен, и вошел во церковь великого Спаса, и начал служить святую литургию. После отпения же божественной службы приступил к нему князь с детьми своими и с племянниками, прося, чтобы у него пировал и с гостями, с митрополитами греческими, и со владыками, и со старцами, и с боярами его, и со всеми бывшими при нем. И сотворил тогда князь митрополиту Киприану честь великую, и по три дня чередование великое и торжество многое сотворил, и дары давал. А на четвертый день собрались архимандриты, и игумены, и пресвитеры, дьяконы, и весь священнический и иноческий чин к князю. Он же созвал бояр своих, и совокупил всех их в одно место на собор, и обратился к Киприану, митрополиту всея Руси. Они же начали жаловаться на своего владыку Висляна тверского о мятеже и раздоре

церковном. Киприан же митрополит с епископами, со всем священным собором и с гостями, с митрополитами греческими, сел на судилище и начал судить по божественным и священным правилам святых апостолов и святых отцев. И были клеветы многие на Евфимия, владыку тверского, все восстали на него, клевету говоря: архимандриты, и игумены, и священники, и иноки, и бояре, и вельможи, и простые. Киприан же митрополит со всем священным собором судил и по правилам святых апостолов и святых отцев и повелел епископу Евфимию прибыть просто, без остальных священников, чтобы тогда, еще порасспросив, поразмыслить. Князь же начал просить иного епископа. Киприан же митрополит со всем священным собором много смирял и в любовь вводил князя со владыкою его Евфимием. И не было мира и любви, но еще более вражда и брань великая воздвигались. А также потом и иные многие жалобы тяжкие весьма сотворили на Евфимия, и была вражда и брань лютая. О сем много смутился Киприан митрополит и не смог вражды утолить и мира и любви сотворить; и со всем священным собором отставили Евфимия от епископства, и возвратился на Москву, взяв с собою из Твери Евфимия, повелел ему в своем монастыре митрополитском жить у святого Чуда внутри града Москвы. С ним же пришел на Москву и протодьякон его Арсений, которого хотел митрополит поставить епископом во Тверь; тот же боялся владычество принять, видя там брань и вражду многую, боялся принять епископию.

Война татар на Вятку. В тот же год хан Тохтамыш послал султана своего Бектута на Вятку с ратью. Он же, придя, Вятку взял, и людей посек, и некоторых в плен в Орду отвел к Тохтамышу хану.

В тот же год на Тохтамыша пришел хан сильный из Шемахинской земли, и была сеча великая. А князь Василий Дмитриевич убежал от царя за Яик, пришел на свою вотчину на Москву. И после за ним из Орды пришел посол Улан царевич.

Татары крещены. В тот же год били челом великому князю в службу три татарина, ханские постельники, хотя христианской веры: Бахты-ходзя, Кадыр-ходзя и Мамет-ходзя. И прислал их князь великий к Киприану митрополиту. Он же, поучив их довольно, сам крестил и нарек им имена во святом крещении Анания, Азария и Мисаил. И дал им князь великий корм довольный.

В тот же год князь Михаил Александрович расширил Новгородок на Волге на свободном месте и ров около окопали; а во Твери доделали ворота у святого Василия.

Витольд с немцами на Литву. В тот же год Витольд Кестутевич с немцами понанимал многую силу немецкую и пошел ратью к Вильне, и много повоевал, а города взять не смог, и возвратился на землю Немецкую; а литвы и немцев много побито было.

Война на Вятке. Жукотин. Арск. В тот же год новгородцы, и устюжане, и прочие к тому совокупились, и пошли в насадах и в ушкуях рекою Вяткою на Низ, и взяли Жукотин, Арск; и снова вышли на Волгу и пограбили гостей всех; и так возвратились во-своися со мноюю наживой и с богатством.

Арсений, еп. тверской. Учение на амвоне. Новгородцы противни. Прение о суде митрополии. В тот же год князь Михаил Александрович тверской послал с челобитьем бояр своих к Киприану, митрополиту всея Руси, на Москву, зовя его к себе во Тверь. Киприан же пошел во Тверь, а с ним два митрополита, гости греческие, Матфей да Никандр, да Михаил, епископ смоленский, и Даниил, епископ звенигородский, и Степан, владыко пермский. Пришел же тогда и Еремей, владыко рязанский. И возрадовался князь великий пришествию митрополитову. И едва умолили протодьякона Арсения митрополитова быть епископом во Твери, ибо боялся вражды и многих браней; и так едва поставили его во Тверь епископом месяца августа в 15 день. И оттуда пошел Киприан митрополит из Твери в Новгород Великий, а с ним Еремей, владыко рязанский, и Даниил, владыко звенигородский. И пришел к Новгороду, и встретил его с крестами Иоанн, владыко новгородский, со всем священным собором и со всем Новгородом и дали ему двор у святого Иоанна Предтечи. И чествовал же его владыко Иоанн с новгородцами семь дней честь и дарами многими. В восьмой же день, в воскресенье, начал служить божественную литургию во святой Софии Киприан, митрополит всея Руси; и отслужил божественную службу, и взошел на амвон с честным и животворящим крестом, и начал учить людей новгородских, на амвоне стоя со крестом. Они же не приняли учение его, затыкая уши свои жестокосердием и непокорством, как аспид глухи, и не восхотели благословения. И удалились от него, и облеклись вместо благословения в клятву. И начал митрополит просить у них суда своего месяца. И новгородцы отвечали одними устами, говоря: «Целовали мы крест все заедино не зваться нам к митрополиту на суд и митрополиту нас не судить; и грамоты мы подписали и подпечатали, и душу запечатали». И сказал им Киприан митрополит: «Сие вам сатана кознями своими вложил в мысль отнять власть, и суды, и пошлщины священные, Богом самим возложенные изначала. Как не осрамиться сие вещать предо мною? Покайтесь же о грехе сем и умилитесь о беззаконии вашем, что совратил вас сатана; обратитесь к Богу покаянием от всего сердца вашего, и простит вам Господь Бог грех сей, и даст вам милость. И я с вас сниму целование ваше, и печати ваши порву, и грамоты раздеру, и благословлю, и прошу вас благодатию, данною мне от Бога отца и едиnorodного сына его, Господа нашего Иисуса Христа и пречистого и животворящего духа.

А вы мне суд и пошлины дайте, как было изначала при иных митрополитах, возложенные Богу. Да возложено это Богом изначала на великую соборную апостольскую митропольскую церковь, и нами это творимо, сие не отнято и не переделано да будет многие поколения». Они же не послушали митрополита, и не внимали словам его и учениям, и Антония патриарха послание и учение ни во что же положили, но вознесясь гордостью, развращенно говорили. Киприан же митрополит сказал им: «Если и сам грешен я есть, но о вас молился Господу Богу, и наказывал, и учил вас, и советовал вам богоугодное и спасенное. Вы же ожесточаете сердце ваше, и противитесь духу святому, и учение апостольское и отеческое преобижаете, и возложенные от Бога и нами творимые митропольские суды, и власти, и пошлины восхотели на свои прибитки, и на меня хулу возложили против православия». И пробыв тут две седмицы, митрополит пошел в Москву с нелюбовью.

Немцы в Новгородской. В тот же год немцы пришли из заморья ратью и воевали Новгородские волости и села; и много зла учинили, возвратились восвосяи.

Юрий холмский. Брак князя тверского. Собакин. В тот же год женился князь Юрий Всеволодич холмский, внук Александров, и венчан был во Твери во церкви великого Спаса владыкою Арсением. В тот же год женил князь великий Михаил Александрович тверской сына своего на Москве у Федора Кошки, сына Андрея Собакина, и венчан был во Твери во церкви великого Спаса владыкою Арсением.

В тот же год князь Борис Константинович Нижнего Новгорода пришел из Орды от царя Тохтамышша в свою вотчину, в Новгород Нижний, с пожалованием.

6900 (1392). Киприан, митрополит всея Руси, поставил в Полоцк Феодосия епископа.

Ульяна литовская. Умер еп. Евфимий. Той же осенью преставилась в Литве великая княгиня Ольгерда Гедиминовича Ульяна, дочь князя Александра тверского, внука Михаила, правнука Ярослава Ярославича, во иноческом чину, и наречено было имя иноческое Марина, и положена была в Киеве в Печере. Той же осенью преставился Евфимий Вислень, бывший епископ тверской, в монастыре святого Чуда на Москве.

Тохтамыш. Царь Темир-Аксак. Той же осенью был бой хана Тохтамышша с ханом Аксак-Темиром, и побежден был Тохтамыш, и воинов его великое множество убито было от Аксака-Темира. Месяца сентября в 25 день преставился преподобный игумен Сергей Радонежский, тихий, кроткий и смиренный, жив всех лет от рождения своего 68, и положен в монастыре, созданном от него.

Устюг. И в ту же зиму князь великий Василий Дмитриевич видел от хана гнев за новгородцев, которые ходили по Вятке в ушкуях, улусы разорили, и просил тот издержки за то многие, желая рать послать на великого князя, а князь Владимир Андреевич жаловался на новоторжцев, что пакости делают Ржевской его волости и купцов его пограбили. Послал князь великий к новгородцам, чтобы новоторжцам велели с князем Владимиром Андреевичем разобраться по правде, а хану прислали бы издержки, и сам желал идти в Орду. Новгородцы же возгордились в безумии своем, не хотели послать к великому князю, ни митрополита просить о прощении. Пошел сам великий князь в Орду, а на волость Новгородскую послал в ту же зиму дядю своего князя Владимира Андреевича да брата своего родного князя Юрия Дмитриевича в Торжок; и повоевали волости Новгородские, пожгли и много зла там бывшим совершили. Новгородцы же на весну, придя в Заволочье, взяли Устюг Великий, и волости повоевали и пожгли, и много кровопролития сотворили, людей мечу предали, а иных в полон повели; и много зла сотворив христианам, возвратились восвояси.

Великий князь Василий Дмитриевич, будучи в Орде при хане Тохтамыше, видя себе утеснение великое по навету князя Бориса Константиновича суздальского и нижегородского, помня же обиду его отцу своему, как подвел Тохтамыш и Москву разорил и ныне воев его утеснил, вотчины лишил, просил у хана об управе на него и чтобы княжение Нижегородское отдал по-прежнему детям князя Дмитрия Александровича, у которых Борис отнял насилем. Хан же Тохтамыш дал княжение Новгородское великому князю Василию Дмитриевичу к Москве, а другие города повелел поделить и отпустил его с честью. И послал с ним хан посла своего с татарами. И пошел князь великий Василий Дмитриевич из Орды с послом от хана Тохтамыша с радостью на Русь; и пришел на Коломну, и оттуда сам пошел к Москве, а посла ханского Тохтамышева отпустил в Новгород Нижний с боярами своими.

Румянец. Коварство. Слышал же князь великий Борис Константинович Нижнего Новгорода, который был в своей вотчине, в Нижнем Новгороде, и созвал бояр своих, и начал им молиться с плачем и со слезами, говоря такое: «Любезные моя бояре и друзья, помните крестное целование, как вы целовали ко мне, и любовь нашу и усвоение к вам». Был же тогда у него старший боярин его, которому имя Василий Румянец, и сказал ко господину своему, князю Борису Константиновичу: «Не скорби, не печалься, господин князь. Все мы единомышленны с тобой и готовы за тебя головы свои сложить и кровь изливать». Сие же говорил, лстя господину своему, а обменивались сообщениями с великим князем Василием, желая господина своего выдать ему. Когда же

приблизились ко граду татары Тохтамышевы и воеводы московские, не восхотел князь Борис Константинович пустить их во град к себе. И сказал ему старший его боярин Василий Румянец: «Господин князь, вот посол ханский Тохтамышев, а вот великого князя Василия Дмитриевича московского. Бояре хотят мир подкрепить и любовь утвердить вечную, а ты сам брань и рать воздвигаешь. Пусти же их во град, а мы все с тобою. И что могут сии сотворить?». И так татары вошли во град и бояре московские, и начали в колокола на вече звонить, и стеклись люди. Тогда князь Борис Константинович посылал к своим боярам, говоря: «Друзья моя и братия милая дружина, помните крестное целование, которое вы целовали ко мне, и не выдайте меня врагам моим». И отвечал один из них, Василий Румянец: «Господин князь, не можем противиться повелению ханскому. Ты же не надейся на нас, ибо уже есть мы отныне не твои». И так взят был князь Борис Константинович Нижнего Новгорода. И после малого времени князь великий Василий Дмитриевич пришел в Новгород Нижний и посадил в нем своих наместников, а князя Бориса Константиновича и с женою его, и с детьми, и сколько еще было сторонников его, всех повелел по градам развести, и веригами железными связать, и в великой крепости держать. И вот пришел посол из Орды от хана Тохтамыша и позвал великого князя Василия в Орду, также и посла своего. И князь великий пошел вскоре в Орду и многую честь принял от хана Тохтамыша, как ни один из прежних князей. И передал ему хан Тохтамыш Новгород Нижний, и Городец со всем, и Мещеру, и Торусу, и много любезно его жаловали, и отпустил его на Русь.

Шуйские. Немцы к Орешку. Немцы побиты. В тот же год приходили немцы разбоем в Новгородские волости, и вошли в Неву, и взяли волости и села по обе стороны реки за три версты до городка Орешка. И князь Семен, собравшись с городчанами, поплыл вслед за ними, иных побил, а иных привел во град, а иные убежали. И пошел князь Семен в Литву, а град оставил.

Елец взят. Темир-Аксак. В те ж времена был в Синей орде сын некоего старейшины, а иные говорят кузнеца, именем Темир-Аксак, то есть железный хромец, свирепый и коварный весьма. Тот, сначала собрав пастухов, начал скот красть; потом вскоре, умножив артель, начал по путям разбойничать. Приобретя же имение многое, собрал артель до 1000 и с теми устремился на некоего князя Камарадина; того коварно победил, и воинства его до 10 000 себе присовокупил, и владение его принял. Затем, ополчившись, пошел на Индию, и там победив, пришел в 50 000 на персидского царя спешно. И победив воинов персидских, царя их во граде взял; и всю Персидию обладав, пошел в горы на хана Тохтамыша в силе воинов его около 150 000, и сего победил, и

снова возвратился к востоку. Тогда был великий князь Василий Дмитриевич в Орде и видел смятение великое, не мог прямо идти к Москве, пошел к Яику, оттуда на Вятку и пришел в Москву. А Темир-Аксак обратился к югу на турецкого царя Баязета. Его же победив, пленил и в клетку железную заключил гордости его ради, и с собою возил. И обошел все восточные страны, победив себе, покорил многие царства и орды, Сирию, Месопотамию, Вавилон, Севастию, Армению, Синюю орду, которая близ Индии и Персии, Сарай Великий и Чегодай, Тиберию, или Тебриз, Гургийстан, и Грузию, Шемахию, Китай, Индию и Крым захватил, и исчез. Вскоре же после победы над Тохтамышем сам или сын его пришел близ предела Рязанской земли во дни благочестивого великого князя Василия Дмитриевича и взял град Елец и князя елецкого взял; была же страна сия защита всей земли Русской. Князь же великий Василий Дмитриевич стоял на берегу Оки реки, Темир же стоял 15 дней на одном месте, и отошел восвоися. Темир же, возвратясь в отечество, снова собрался со всеми воинами, пришел в Охтой, помыслив снова идти к Волжским странам и к Руси. И в сих пределах от зимы и от многой стужи множество воинов его умерли. И возвестили ему, что 110 шатров остались пусты. Он же двумя кожухами оделся, пошел сам смотреть, и не смог видеть всех стужи ради, и возвратился обратно. И от такой стужи повредились внутренности его. Он же собрал врачей, и те дали ему мазь сваренную; и пил, разошелся живот его, и 6 дней лежал, и потом пошла кровь устами его и на низ, и после трех дней умер. Воинство же его разошлось каждый восвоися. Сын же сего Темира удержал Персию, внук же его и ныне обладает Персией, именем Шераух.

Немцы на Вильню. В тот же год немцы приходили ратью к Вильне и много зла сотворили.

6901 (1393). В сентябре Тохтамыш хан сел опять на царствие Волжском, а хан Аксак-Темир пошел в свою землю.

Мещера. Таруса. Той же осенью месяца ноября в 24 день пришел князь великий Василий Дмитриевич на Москву из Орды от хана Тохтамыша со мною честию и с пожалованием на великое княжение. Новгород Нижний ему же дал, и Городец со всем, и Мещеру, и Торусу, и многие дары, и честию почтил его. И была радость великая во граде Москве, и веселились люди, и торжествовали светло многие дни.

В тот же год преставился Даниил Феодорович, который много служил великому князю в Орде, и по Руси, и по чужим землям; и наречено имя ему было во иноках Даниил ж, и положен был в митрополитовом монастыре близ дяди своего Алексия митрополита у Чуда святого архистратига Михаила, который внутри града Москвы.

Пушка от магистра. В тот же год прислал магистр немецкий великому князю посла о мире и любви, жалуясь на плесковичей и на литву, и прислал в дарах пушку медную, и порох, и мастера.

Бунт новоторжцев. В тот же год в самый Великий день после вечерни новоторжцы убили Максима, боярина великого князя. И князь великий Василий послал рать на Торжок и ловил новоторжцев, и приводил к Москве, казнил различными муками, а иные разбежались.

Та же зима была студена весьма, и от морозов нестерпимых множество без числа людей и скота умерло. ||

Болгары взяты. Тернов. В тот же год Амуратов сын Челябин Амир турецкий взял землю Болгарскую и град их славный Тернов, и царя их, и патриарха, и митрополита, и епископов их пленили, а мощи святых пожег и соборную церковь в мечеть переменял.

Умер Иоанн. В тот же год преставился князь Иоанн, сын великого князя Дмитрия, а брат великого князя Василия, во святом иноческом ангельском чине наречено было имя ему Иоасаф, и положен был в святого Спаса монастыре внутри града Москвы.

Смятение новгородцев. Торжок. Вологда. Волок. Новгород. Кличан. Устюжна. Устюг. Белоозеро. Новгородцы покорены. Кошка. Кобылин. Уда. Грамота прощательная. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич во брани был с новгородцами, что не восхотели новгородцы судимы быть от Киприана, митрополита всея Руси, и требовали не судить их митрополиту в Новгороде по прежнему обычаю новгородскому. И за то князь великий Василий послал к ним в Новгород, чтоб тот обычай старинный не рушился, судить бы их митрополиту, а владыке бы их не судить, и дань свою митрополиту по старине на них брать, а великому князю на всем Новгороде и на всех волостях Новгородских оговоренный сбор по старине брать. Писал же князь великий, чтоб к митрополиту грамоту отослали, «что вы укреплялись меж собою и крест целовали, что вас митрополиту не судить, но судить владыке вашему, и вы ту грамоту отошлите к митрополиту, а митрополит с вас тот грех снимет». И они же не послушали. И князь великий Василий Дмитриевич собрал рать многую, и взял у Новгорода пригород Торжок с волостями, Вологду и Волок, по Двине, и иных волостей много повоевал, и возвратился восвояси со многим богатством. Потом же новгородцы с князем Романом литовским собрали рать многую, и с князем Константином Васильевичем белозерским в великой силе пошли на великого князя Василия Дмитриевича, и взяли город Кличан и Устюжну. А иные пришли из Заволочья, и взяли Устюг, и волости, и села. И стояли там месяц, и попленили все, и в полон отвели, и пошли по Двине вниз. А иные Белоозеро взяли, и все попленили,

и в полон отвели. Князь же великий начал всех воинов своих собирать и сам пошел к Новгороду с братом Владимиром, и князь тверской Михаил, и иные князи со всеми воинами. Новгородцы же убоялись, послали посадника Осипа Захарьинича и тысяцкого Богдана Аввакумовича, просили о мире. Он же дал им мир и полон весь отпустил; и покорились ему, а Киприану митрополиту на Москву грамоту отослали. И князь великий Василий Дмитриевич, дав им мир, послал к ним в Новгород Феодора Кошку, сына Андрея Кобылина, Ивана Уду и Селивана; подкрепили мир по старине и черный сбор дали великому князю на всех волостях Новгородских, а митрополитову послу Дмитрию дали новгородцы 350 рублей, за то что им благословение привез от своего господина, от Киприана митрополита, и грамоту прощальную. А в грамоте писано: «Я, Киприан, митрополит киевский всея Руси, грамоту у вас целовальную забираю, и грех с вас снимаю, и вас благословляю. А великий князь челобитье ваше принимает и мир вам по старине дает. И вы стойте крепко и неподвижно в том, я вас благословляю». И послали новгородцы Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, на Москву шестьсот рублей, и взяли мир по старине, и была любовь великая.

В тот же год великая княгиня Евдокия Дмитрия Иоанновича Донского поставила церковь каменную Рождества пречистой Богородицы, которая предел имеет Лазаря святого, внутри града Москвы; прежде же того стояла там церковь деревянная.

Витольд, вел. кн. литовский. В тот же год король Ягайло Ольгердович, внук Гедиминов, дал брату своему из двоюродных Витовту Кестутьевичу великое княжение Литовское. И новгородцы слали к нему послов своих с послом великого князя и взяли с ним мир. Когда князь великий ходил на Новгород, и дядя его по матери князь Василий Кирдяпа и князь Семен Дмитриевичи городские, придя, взяли лестью Нижний Новгород и наместников князя великого сослали, а град начали укреплять, ибо обменивались сообщениями с князьями ордынскими, надеясь на помощь от них.

В тот же год пришел князь Константин Васильевич белозерский в Новгород, и приняли его новгородцы с честью.

6902 (1394). *Шуйские. Борис новгородский.* Князь великий Василий ходил ратью к Новгороду Нижнему на князей новгородских, на Василия Дмитриевича Кирдяпу да на брата его на Семена Дмитриевича, и вывел их, дал им град Шую. А дядя их князь Борис Константинович Новгорода Нижнего и суздальский в заключении преставился и положен был в его вотчине в Суздале мая в 6 день.

В тот же год владыко тверской Арсений поставил монастырь на реке Тмаке пречистой Богородицы Успения, церковь каменную, в которой и положен был по его велению.

Война на Псков. Кн. Андрей. В тот же год новгородцы с князем Романом литовским и с князем Константином Васильевичем белозерским ходили ратью ко Пскову, а в то время во Пскове был князь Андрей Ольгердович с сыном своим князем Иваном. И учинилась новгородцам с псковичами битва в заезде, и убили князя Ивана копорского и Василия Федоровича, и множество многое пало с обеих сторон. И возвратились новгородцы при своем разногласии с псковичами, и отняли новгородцы посадничество у Осипа Захарьина, что недобро бился, и дали Богдану Аввакумовичу. В тот же год приехал князь Андрей Ольгердович с псковскими послами в Новгород, и ехали от Новгорода, мира не взяв.

В тот же год пришел из Цареграда от Антония патриарха Михаил, владыко флиомский. А привез Новгороду две грамоты от Антония патриарха об издержках и растратах, которые на поставлениях священных, и поучение всем православным христианам.

В тот же год дали на Москве княжну Марью, дочь великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, за князя Лугвеня Ольгердовича, внука Гедиминова, литовского в воскресенье, неделю Всех святых, месяца июня в 24 день. В тот же год родился князю Владимиру Андреевичу сын Василий.

Немцы побиты. В тот же год приходили немцы ратью ко граду Вильне на великого князя Витовта Кестутьевича, внука Гедиминова. И был им бой великий у града у Вильни, и одолел Витовт Кестутьевич литовский, и взял воевод многих немецких.

В тот же год побежали князи суздальские в Орду и городечки, Василий Дмитриевич Кирдяпа да брат его князь Семен Дмитриевич, к хану Тохтамышу, добываясь своей вотчины Нижнего Новгорода, и Суздаля, и Городца. И послал за ними князь великий московский погоню и, много стараясь, не достигли их.

Ров в Москве. Кучково поле. В тот же год замыслили на Москве ров копать с Кучкова поля в Москву реку. И много было людям убытка, хоромы разломали, и много трудились, нисколько не преуспели.

Рязанский к Любецку. Татар побил. В тот же год князь Олег рязанский ходил ратью к Любецку и со многим полоном возвратился восвояси. В тот же год князь Олег рязанский побил татар Тохтамышевых, которые приходили спешно на Рязанские волости.

1395. Междоусобие татар. В год 6903 (1395) было в Орде Тохтамышевой промеж великих князей его татарских нелюбовь великая и ссор много, и был у них бой на реке Волге меж собою, и пало их на том бою много князей и татар сентября во 8 день.

Еп. Федор ростовский. Ноября в 28 день преставился первый архиепископ ростовский Федор; до него же были все епископы,

а не архиепископы; был же сей архиепископ Феодор племянник блаженному игумену Сергию Радонежскому.

Той же осенью Киприан митрополит пошел в Новгород Великий с патриаршим послом Антониевым и просил суда по старине. И дали ему новгородцы суд по старине. И он пребыл зиму и весну всю в Новгороде и до Петрова поста. И владыко Иоанн, новгородский архиепископ, дал честь великую Киприану митрополиту и патриархову послу, а также и весь Новгород честь и любовь великую показали. И пошел Киприан митрополит из Новгорода к Москве.

Родился Юрий. Умер Борис кашинский. Марта в 1 день великому князю Василию Дмитриевичу родился сын князь Юрий. В тот же год преставился князь Борис Михайлович в Кашине, и привезли его во Тверь, и положен был в церкви святого Александра.

Немцы к Яме. Побиты. В тот же год приходили к Новгороду немцы шведы ратью к Яме. И князь Константин Васильевич белозерский с новгородцами иных побили, а иные избежали.

Хан Орды Великой Тохтамыш, собрав воинов много, пошел на Русь. И князь великий, собрав воинства многие, пошел к Оке против него. Хан же тогда стоял в Рязанской земле по обе стороны Дона реки, и возлежал на одре своем, уснул и видел сон страшный весьма: словно гору высокую весьма, и с горы шли к нему святители, имеющие жезлы золотые в руках, и угрожали ему весьма; и вот снова внезапно видел святителей, и на воздухе женщину в багряных ризах со множеством воинства, угрожающих ему люто. Он же внезапно вздрогнул и вскочил, возопил гласом великим, трепеща и трясясь, говоря: «О что сие есть?». Князи же его и воеводы спросили его о бывшем, желая уведать о случившемся с ним. Он же ничего не мог поведать им, только трясясь, стная. Но как едва в себе пришел, поведал им случившее ему видение. И вскоре повелел всю свою силу бесчисленную возвратить обратно и устремился на бег, Божиим гневом гоним. Услышал же сие князь великий Василий Дмитриевич, и возвратился в вотчину свою, во град Москву. И встретил его с крестами преосвященный Киприан митрополит со всем священным собором. И вошли в соборную церковь пречистой Богородицы, и молебны Господу, и пречистой Богородице, и великому чудотворцу Петру пели благодарные песни, и в радости со слезами вопили, говоря: «Поем Господу, ибо славно прославился, что коня и всадника измаильского невидимо устрашил и на бег обратил. И сие сотворил десница твоя, Господи, прославься».

Августа в 24 день погорел Старица, новый городок на Волге к Зубцову тверской. Загорелось в воскресенье рано утром от грому, как начал торг сниматься, и поднялся с огнем ветер сильный, и погорел весь град и церковь святого архистратига Михаила.

Турки у Цареграда. В тот же год приходил Колачан, царь турецкий, со многими силами ко Цареграду ратью. И выехал против него из Цареграда царь Мануил греческий, сын Ивана Палеолога, с греками, и с фрягами, и с немцами в одной мысли к согласию; и встретили турецкого царя Колачана, и одолели его, и прогнали его в Турецкую его землю, и много побили от силы его; было ему бесчестие и срам великий, а кроме того печаль и скорбь в оскудении людьми.

1396. Затмение солнца. Междоусобие смоленских. Брак Георгия смоленского. В год 6904 (1396) месяца сентября погибло солнце. Той же осенью брань была у смоленских князей, у князя смоленского Юрия Святославича, и брата его Глеба Святославича, и прочих братьев их Святославичей. И были все меж собою в несогласии и в ненависти великой, и враждовали друг на друга из-за уделов вотчинных княжения своего. И было в них волнение великое, и не послушали брат брата и друг друга. Сжалился же князь Юрий Святославич, и востужил весьма, и пошел из Смоленска на Рязань ко тестю своему князю Олегу рязанскому.

Война рязанских на Литву. Той же осенью турецкий царь Колачан убил сына своего Веченяпа и множество князей и великих мужей побил. Той же осенью был царь Темир-Аксак в ордынских местах в приморье, и пришел на него гнев Божий, мор сильный на людей и на скот. Той же осенью князь Олег рязанский с зятем своим князем Юрием смоленским и с братиею своею, с пронскими князьями, и с козельским, и с муромским, пошел ратью на Литву, и много зла сотворили им.

Затмение луны. Война литвы на Смоленск. На Рязань. В ту же зиму месяца декабря в 21 день в 7-м часу ночи месяц погиб и был, как кровь. Князи же смоленские, Глеб со братиею, убоявшись брата своего князя Юрия и тестя его Олега, князя рязанского, послали Витовта, князя великого, просить против рязанского. Он же рад сему был, и вскоре войдя в землю Смоленскую, всю попустошил и грады разорил. И оттуда пошел Витовт ратью на Рязань и волости повоевал. А Олег, рязанский князь, еще не придя в Рязань, услышал сие. И оставили полон в некоем месте, и пришли воины в набег за добычей, и многих побили, а иных взяли. Слышав сие, Витовт убоялся и вскоре на бег устремился, и возвратился восвояси. Олег же со многою наживой и богатством вошел в свою землю и удержал у себя зятя своего князя Юрия Святославича смоленского, ибо тогда в скорби он был и в печали великой о братии своей и вотчине своей. И такая на них беда прежде сего над Смоленским не бывала, как ныне пострадали от Витовта лукавого и не сытого чужое похищать.

В ту же зиму Киприан митрополит послал в Новгород стольника своего Феодора Тимофеева за владыкой Иоанном, архиепи-

скопом новгородским, зовя его к себе на Москву о святительских делах; и чествовал тот стольника митрополитова, и дал ему 60 рублей. И пошел на Москву, и пребывал на Москве две недели. И отпустил его Киприан митрополит с честью и с благословением, и пришел в Новгород во вторник Святой недели с радостью и с миром.

Немцы в Корелу. В тот же год немцы приходили в Корельскую землю ратью и взяли пять погостов, Кирьенский, и Колыванский, и прочие. И князь Константин Васильевич белозерский пошел в погоню за ними и не настиг их, только одного языка, взяв, прислал в Новгород.

Смерть Ивана. В тот же год князь великий Витовт литовский казнил смертною казнью князя Ивана Михайловича смоленского, и жену его и детей развел, и дом его разграбил.

Суздальский на Нижний. Лихарь. Нижний сожжен. Казань. Война на Болгары. Жукотин. Кременчуг. Казань. В тот же год князь Семен Дмитриевич суздальский и нижегородский собрал воинства свои, а с ним султан Ектяк с татарами, и пришел к Новгороду Нижнему, и стоял у града долго, и града не взял. А тогда были во граде три воеводы великого князя Василия Дмитриевича московского, Владимир Данилович, Григорий Владимирович, Иван Лихарь. И долго стояли, и не возмogli взять; и сотворили мир меж собою, и целовали крест, а татары клятву дали по своей вере. Затем потом татары преступили клятву свою, и пограбили весь Новгород Нижний, и возвратились во свою землю в Казань, много зла сотворив. Слышав же сие, великий князь Василий Дмитриевич московский послал брата своего князя Юрия Дмитриевича с силою многою ратью на татар. Они же, придя, взяли град Болгары, и Жукотин, и Казань, и Кременчуг, и иных много градов, и пребывали там три месяца, завоевав и пленив землю их, и возвратились со многим богатством восвосяи.

Епископ Григорий ростовский. В тот же год преосвященный Киприан митрополит поставил Григория архиепископа в Ростове. Сей был второй архиепископ граду Ростову.

В тот же год преставился Стефан, епископ пермский, месяца апреля в 26 день. Сей святой Стефан епископ, новый апостол, жил в Перми между язычниками и устроил град на устье Выми реки, там многих христиан собрав, укрепился и церкви построил. Почасту в леса и пустыни среди Перми ходил, поучал, и к себе призывал, всячески лаская и в веру христианскую обращая, не возлагая им никоего бремени, по уставам им же новые буквы сложил и книги нужные на их язык переложил. И сих, не ведающих Бога истинного, которые поклонялись солнцу, огню, воде, камню, деревьям, зверям, скоту, птицам и рыбам, почитали же идолов многих, а более иных бабу золотую, и служили тем чудесни-

ки их и шаманы, трудами и молением сей Стефан ко свету обратил и на путь спасения наставил. А вот названия живущих народов пермских: вылежане, вычежане, зыряне, глияне, вятчане, лопь, югры, печера, вогуличи, самоядь, петрасы, а сии все звались Пермь Великая. В странах же их реки такие: 1) Юг, который сошедшись с Суханою именовался Двина, по ней живут югры; 2) Вымь впадает в Вычегду; 3) Вычегда течет к северу, впадает в Двину, по сей живут зыряне; 4) Кама, река великая, течет на юг, впадает у Болгар в Волгу, по ней живут пермы; 5) река Вятка впадает в Каму, по ней живут вотяки и ары; 6) Чусовая впадает с востока в Каму, по ней живут вогуличи; 7) Вишера, по ней пермы; 8) Печора, на ней живут печора и самоядь, а вниз Двины живут лопане, и все язык один имеют.

1397. Война турок с греками. Олег к Любецку. Великий князь в Смоленск. Съезд с Витольдом. Еп. Нассон смоленский. Умерла княгиня Василиева тверская. В год 6905 (1397) в месяце сентябре турки воевали Греческую землю и много зла сотворили. Того ж сентября князь Олег Иванович рязанский, внук Иванов, ходил ратью к Любецку и со многим полоном возвратился восвосяи. В ту же зиму за две недели до Великого дня князь великий Василий Дмитриевич пошел к тестю своему Витовту, великому князю литовскому, в Смоленск. И был у тестя своего Витовта в Великий день в Смоленске. И Киприан митрополит там же поставил на Великий день Нассона епископа Смоленску. И от Смоленску пошел Киприан митрополит в Киев, и там пребывал год и 6 месяцев. А князь великий Василий Дмитриевич от Смоленска на Москву возвратился. В тот же год преставилась княгиня Василия Михайловича, дочь князя Владимира Ольгердовича киевского, и положена была во церкви святого Спаса во Твери.

1398. Затмение луны. В год 6906 (1398) месяца сентября помрачилась луна в 4-м часу ночи, и долго не было ее, и было при этом темно весьма.

Витольд на Рязань. Съезд в Коломне. Той же осенью около Покрова тесть великого князя Василия Дмитриевича князь великий литовский Витовт со всею силою пришел ратью на Рязанскую землю и много зла сотворил Рязанской земле; людей, улицами сажая, секли, и много крови неповинной пролито было. И затем у своего зятя, у великого князя Василия, на Коломне был и многую честь и дары от него принял, и так возвратился восвосяи, кровь пролил, как воду, в Рязанской земле.

Даниил, еп. смоленский. Женился Александр тверской. Кн. Федор моложский. Той же осенью преставился на Москве Даниил, епископ смоленский. В тот же год князь Михаил Александрович тверской с сыном своим князем Иваном женил внука своего князя Александра у князя Феодора Ивановича моложского.

В тот же год князь Иван Михайлович, внук Александра тверского, поехал в Литву к шурина своему к Витовту Кестутьевичу, к великому князю литовскому, и со своею княгинею Марьею, отпущен отцом своим князем Михаилом Александровичем тверским, захав в землю Литовскую и в каждом граде принимал от всех честь великую. Затем был он близ Вильни, и встретил его далеко сам князь великий Витовт Кестутьевич со своею княгинею, и со своими панами, и князьями, и боярами, и со множеством людей с великою любовью и честью. И пребывал у него много дней, и так отпустил его с великою любовью и с честью. И пришел к отцу своему во Тверь, поведал ему про великую любовь, и дары, и честь Витовтову, ибо была за ним сестра Витовтова.

Кн. Иван холмский. Брак Ивана холмского. В тот же год создана была церковь на Городце каменная архистратига Михаила великим князем Михаилом Александровичем тверским и освящена была Арсением, епископом тверским. В тот же год князь Иван Всеволодич отъехал со Твери на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, а дяде своему, великому князю Михаилу Александровичу тверскому, сложив, целование крестное послал. В тот же год женился князь Иван Всеволодич холмский на Москве, у великой княгини Евдокии взял дочь великого князя Дмитрия Иоанновича Настасию.

Тохтамыш в Персии. Темир-Кутлуй. Тохтамыш в Литву. В тот же год хан Тохтамыш Большой орды воевал поморские города. В тот же год Тохтамышев посол Темир-хозя был на Рязани у князя Олега Ивановича рязанского, а с ним много татар, и коней, и гостей. И в радости великой был Тохтамыш, от противников освободившийся и послов своих посылающий по всем странам, имя свое прославляя, и золото, и серебро, и дары многие беря, и татар отовсюду к себе призывая. Орду свою наполнял, поскольку побит был и одолен весьма от Темир-Аксака в предыдущее лето, и тотчас внезапно пришел на него иной некий хан именем Темир-Кутлуй. И был у них бой великий и сеча злая. И одолел Темир-Кутлуй Тохтамыша, и прогнал, и сел сам на ханстве Волжском Большой орды; а Тохтамыш побежал к литовским странам и обменялся сообщениями с Витовтом Кестутьевичем, и Витовт рад ему был. Он же и с ханшами, и детьми, с оставшимися своими силами из своей земли к Витовту в Киев пошел, и два сына с ним, и пребывал у Витовта в Киеве, питаясь и все потребное для себя имея, надеясь от него помощь получить и желая снова приобрести себе Орду, которую потерял.

Турки у Цареграда. В тот же год турецкий султан, Амуратов брат, со многою силою турецкою обступил Цареград и по морю и по суку, и стояли много времени. И послали патриарх и царь Мануил на Русь милости просить, послал к сыновьям своим, князьям

русским, к великому князю Василию, к Михаилу тверскому, к Витовту литовскому, к князю Олегу рязанскому и ко многим князьям, и боярам, и гостям, советуя им давать помощь в такой нужде и беде сущей в осаде сидящим от турков. И собрали подмогу многую, и на архиерейском чину, и на монастырях, и послали ко Цареграду 20 000 рублей. Царь же и патриарх благодарили их весьма и послали ко всем князьям русским подарки, и иконы чудные, и мощи святых.

Кн. Василий смоленский. Кн. Патрикей литовский. В тот же год пришел в Новгород князь Василий Иванович смоленский да Патрикей Нариманович, внук Гедиминов, литовский, и приняли их новгородцы с честью.

Союз против немцев с литвою. Новгородцев непокорность. В тот же год князь великий Витовт Кестутьевич литовский послал на Москву к зятю своему великому князю Василию Дмитриевичу, говоря: «Ты своего посла, а я своего пошлю в Новгород, чтоб новгородцы с немцами мир расторгли». И так по Витовтову слову князь Василий Дмитриевич послов своих и Витовтовых в Новгород отпустил, веля им мир расторгнуть с немцами. Они же не послушались, но сказали же так: «Нам, господин князь, с тобою мир свой, а с немцами иной, а с Витовтом иной; а ты, господин князь, в то у нас не вступайся. Новгород держит старину древнюю, как пошло изначала исперва». И так отпустили послов великого князя Василия и Витовта Кестутьевича.

Двина. Заволочье. Торжок. Бежецк. Просьба новгородцев. В тот же год князь великий Василий, уздав, что новгородцы обмениваются сообщениями с тестем его Витольдом, желая отделиться, и крест ему целовали, послал за Волок на новгородские пригородки на Двину бояр своих, Андрея Альбердова с дружиною, и ко всей Двинской земле, повествуя им так: «Чтоб стояли за великого князя Василия Дмитриевича московского, а от Новгорода отступили; а князь великий от Новгорода может вас оборонить и стоять за вас». Двиняне же, Иван Никитин и все бояре двинские, за великого князя Василия Дмитриевича дались и крест целовали великому князю. И князь великий от Новгорода отнял Заволочье, и Бежецкий Верх, и Торжок, и так потом к Новгороду с себя целование крестное сложил и крестную грамоту к ним отдал. После сего Киприан, митрополит киевский всея Руси, послал в Новгород Великий стольника своего Клементия ко владыке Иоанну. Он же, придя, начал говорить так: «Господин, Киприан, митрополит киевский всея Руси, благословляет тебя, сына своего Иоанна владыку, архиепископа новгородского, и велел тебе быть у себя на Москве о святительских делах». Иоанн владыко стольника митрополитова Клементия отпустил на Москву, а сам начал снаряжаться к Москве. И новгородские посадники, и тысяцкие, и боя-

ре, и весь Великий Новгород со слезами били челом господину своему владыке, говоря: «Чтоб ты, господин, великому князю Василию Дмитриевичу благословение и доброе слово за нас, за своих детей, за Великий Новгород дал». И Иоанн владыко слово им дал, а новгородцы с ним послали послов своих, посадника Богдана Аввакумовича, и Кирилла Дмитриевича, и зажиточных людей. И Иоанн владыко новгородский пришел на Москву к Киприану митрополиту, и благословение от него получил, и честь многую принял. И пошел к великому князю Василию, и благословил его, и слово доброе от Новгорода дал, а новгородские послы от Новгорода челобитье. Так сказал владыко Иоанн к великому князю: «Чтоб ты, господин князь великий, мое благословение и слово доброе принял и новгородское челобитье, от Новгорода нелюбовь отложил, а принял бы ты их по старине, как пошло изначала, чтоб при твоём княжении другое кровопролитие не учинилось. Что ты, господин князь великий, на крестном целовании у Новгорода отнял Заволочье, Торжок, Вологду, Бежецкий Верх, и того бы ты, господин князь великий, уступил, ибо относится то к Новгороду по старине, как пошло испокон. А про общий суд на порубежье, то бы ты отложил, потому то не по старине». И князь великий Василий Дмитриевич новгородского владыки Иоанна благословения, а от послов новгородских челобитья не принял, а от Новгорода нелюбовь не отложил, и мира дал. И владыко новгородский начал проситься у Киприана, митрополита киевского и всея Руси, к себе в Новгород; и так с благословением и отошел в Новгород, и послы новгородские с ним.

Новгородцы на Двину. Белоозеро. Кубена. Вологда. Устюг. Галич. К Орлецу. Бой на Сухоне. В тот же год собрались, новгородцы пошли ко владыке своему Иоанну: «Не можем, господин, сего насилия терпеть от великого князя, что отнял святой Софии Великого Новгорода пригородья и волости, наши вотчины и дедины, как то пошло изначала. И мы, господин, хотим искать святой Софии пригороды и волости, вотчину свою и дедину». И целовали крест заедино, и били челом владыке посадник Тимофей Юрьевич, Юрий Дмитриевич, Василий Борисович, и бояре, и дети боярские, и зажиточные люди, и купцы, и все воины новгородские, говоря: «Благослови, господин владыка, искать нам святой Софии пригороды». И владыко Иоанн благословил их, воевод новгородских и все воинство, а Новгород Великий весь, собравшись от мала и до велика, от убогих и нищих, решил так: «Пойдите, во имя Господа, святой Софии пригородов поищите». Новгородские ж воеводы, посадник Тимофей Юрьевич, и посадник Юрий Дмитриевич тысяцкий и Василий Борисович и все воины. поехали за Волочок на реку Двину к городку Орлецу. И встретил их владычных волостей Исаия, и сказал им так: «Господа воеводы

новгородские, наехал великого князя боярин Андрей и с Иваном Никитиным, и с двинянами на святой Софии волости, на Вель, на самый Великий день, и волость повоевали, а на головах откуп взяли. А от великого князя приехал в заставу на Двину князь Федор ростовский городок охранять, и судить, и пошлины брать. А двинские воеводы Иван и Конан со своими друзьями волости Новгородские и бояр новгородских поделили себе по частям». Сие же слышав, воеводы новгородские сказали к своей братие: «О, братия, если такое задумал наш господин князь великий с нашими изменниками, с крестопреступниками, с двинскими нашими воеводами, лучше, братия, умереть за святую Софию, нежели в обиде быть». И пошли ратью на Белоозеро, и взяли Белоозерские волости и попленили, и около старого городка Белоозера. А из городка из самого Белоозера выйдя, князи белозерские били челом воеводам новгородским и воинам всем. И взяли с них откупа 60 рублей, а полона взяли без числа и имения великое множество. А также и Кубену с волостями, и Вологду, и Устюг повоевали и попленили. И стояли на Устюге 4 недели, и оттуда послали в Галич, и повоевали и пленили около Галича, а полона взяли без числа, а на ином полоне откуп взяли, а иной полон побросали, так как судов не имели. И оттуда пошли по Двине к городку Орлецу, и всюду жгли волости и села. И пришли к Орлецу, и стояли под городом 4 недели, и поставили пороки, и били. И вышли двиняне из города, били челом с плачем со слезами воеводам и всему воинству новгородскому. Воеводы ж и все воинство челобитье у двинян приняли и нелюбовь им отставили; а воевод заволоцких Ивана и Конана с дружиною их схватили и смертною казнью казнили; а Ивана, и Герасима, и Родиона сковали и тех, кто водил на Двинскую землю со злом; а у князя у Федора у ростовского взяли присуд и пошлину, что взял, а самому с дружиною жизнь оставили; а у гостей великого князя взяли откупа 300 рублей, и им жизнь оставили и отпустили; а у двинян своих за их преступление и за их вину и измену взяли 2000 рублей и 300 коней. И так пошли воеводы новгородские в Новгород со всем воинством, обогатившись, посадник Тимофей Юрьевич, и посадник Юрий Дмитриевич, и Василий Борисович Синец, и бояре, и дети боярские, и все воинство новгородское. И радостны были все новгородцы со своей братиею. А изменника своего и провожатого двинского Ивана Никитича, приведя в Новгород, кинули с моста в Волхов, а брат его Анфал убежал по пути, а Герасима и Родиона оставили в живых и постригли их в чернецы. А когда по пути сбежал Анфал, погнался за ним Яков Прокофьевич с семьями человек рати, и пригнался к Устюгу. И в то время был во граде Устюге владыко Григорий, ростовский архиепископ, поскольку был Устюг его десятина ростовская, да князь

Юрий Андреевич в том же граде Устюге. И сказал Яков, новгородский воевода, владыке Григорию, и князю Юрию, и устюжанам: «Стоите ли за беглеца новгородского за Анфала?». И владыко, и князь, и все устюжане решили: «Мы не стоим за Анфала, ни пособляем ему, и за князя великого крестное целование говорим». И Яков же пошел за Анфалом, и догнал его за Медвежьею горою. А он себе со своими другой острог сделал и бился с Яковом из острога. А в то время пришли устюжане в двух тысячах человек ратью на помощь Анфалу, забыв крестное целование к Новгороду, и бились с Яковом крепко на реке Сухоне у порога Стрельного. И пособил Бог Иакову, новгородскому воеводе, и его дружине, и убили устюжан и Анфаловых друзей 400 человек, а иные в реке Сухоне утопили, а Анфал бежал в город Устюг. И когда сии пошли мимо Белоозера, тут встретили их воеводы великого князя. И был им бой крепкий, и одолели воеводы великого князя новгородцев всех, мало что их убежало в Новгород. И была в Новгороде жалость и плач великий. Витовт Кестутьевич, великий князь литовский, устыженный зятем своим великим князем Василием Дмитриевичем, прислал в Новгород грамоту разметную, сказал так: «Обещались мне, что вы будете моими, а мне быть у вас великим князем быть и вас оборонять. А ныне вы от уговора отступили, за меня не стояли, и меня не послушали, и на князя великого без моего слова руку подняли, тогда будет что Бог вам даст».

1399. Мир с новгородцами. Кн. Андрей в Новгород. Кн. Иван во Псков. В год 6907 (1399) Иоанн владыко, новгородский архиепископ, сказал детям своим новгородским: «Возьмите мир с великим князем Василием, а крови христианской не проливайте». И послали новгородцы послов к великому князю на Москву, архимандрита Парфения, посадника Иосифа Захарьевича, тысяцкого Аникея Константиновича и зажиточных людей, Григория и Давыда, и взяли с великим князем мир по старине. И дал им своего брата князя Андрея Дмитриевича, а псковичам дал зятя своего князя Ивана Всеволодича холмского.

Умер кн. Роман. В тот же год убит был князь Роман Юрьевич на Шелони. В тот же год княгиня великая София великого князя Василия Дмитриевича была в Смоленске и с детьми у отца своего Витовта Кестутьевича и у матери своей 2 недели; и отпущена была от отца своего с великими дарами и иконами, обложенными золотом и серебром, чудными весьма, и часть страстей Спасовых принесла с собою на Москву, и была радость великая в Москве.

Умерла Мария. Умерла Мария княг. В тот же год преставилась великая княгиня Марья Симеона Ивановича, внука Даниила московского, в монашеском чину, и было ей имя иноческое Фо-

тиния, и положена в монастыре у Спаса на Москве. В тот же год преставилась княгиня Марья Лугвеня Ольгердовича Волынского, внука Гедиминова, дочь великого князя Дмитрия Иоанновича Донского; и привезя, положили ее на Москве в церкви каменной Рождества пречистой Богородицы.

В тот же год приехал в Новгород Андрей Дмитриевич, брат великого князя Василия Дмитриевича, и пребывал в Новгороде от Владимира дня до Семена летопроводца дня, многую честь принял от владыки и от новгородцев и снова возвратился к Москве.

Темир-Кутлуй просит Тохтамыша. Витовт на татар. Замысел Витовтов. Ворскла р. Коварство Темир-Кутлуя. В тот же год хан Темир-Кутлуй прислал послов своих к великому князю литовскому Витовту, говоря такое: «Выдай мне хана беглого Тохтамыша, ибо враг мне есть, и не могу терпеть, слыша, что он жив и у тебя живет. Ибо переменяется житие сие, днем хан, а утром беглец, днем богат, а утром нищ, днем имеет друзей, а утром врагов. Я же боюсь и своих, не только чужих. Хан же Тохтамыш чужой мне есть и враг мне злой. Так что выдай мне его, а все что при нем есть, то тебе». Слышал же сие Витовт и дал ответ послу Темир-Кутлуеву, так говоря: «Я Тохтамыша не выдам, а с ханом Кутлуем хочу видеться сам». И пошел Витовт со своими князьями и со всеми силами литовскими, вкупе же с ним и сам Тохтамыш со своим двором и многая сила ляцкая и наемная. И была их сила ратная велика очень, и пошел в землю татарскую на Темир-Кутлуя, с великою похвалою и гордостью говоря: «Идем в землю Татарскую, и если победим Темир-Кутлуя, возьмем Орду его и посадим в Орде его хана Тохтамыша на всех владениях великих. И то будет все наше, и хан наш, а мы не только Литовскою землею владеть, но и всеми княжениями русскими обладать будем». И на том на всем пошли татар воевать, и пошли от Киева в Поле татарское, и придя, стали на берегу у реки Ворсклы. И вот против них хан Темир-Кутлуй и со всею силою татарскою навстречу вышел из-за реки Ворскла; и так встретились с Витовтом в поле чистом на реке Ворскле. Хан же Темир, не думая так вскоре Витовту претить, не успел собрать воинства своего и отдалился неведомо куда, до тех пор пока не соберутся воины его, и начал посланиями обмениваться меж собою, говоря Витовту: «Почему ты пошел на меня? Я твоей земли не брал, ни градов твоих, ни сел твоих; возвратись и живи в своей земли». И Витовт Кестутьевич отвечал ему: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты и будь мне сын, а я тебе отец, и давай мне на всяко лето дани и оброки. Если же не хочешь так, да будешь мне раб, а я Орду твою мечу всю предаю». Хан же Темир-Кутлуй притворился боязливым и посылал послов своих к Витовту с челобитьем и со многою любовью и мольбою, чтобы пожаловал Витовт Кестутьевич, ми-

лость на нем показал, в сына его взял, а дани бы и оброки со всей Орды на всякое лето по-возможному взимал. Витовт же радоваться сему соизволил, но еще к тому восхотел, да во всей Орде быть на деньгах ордынских обозначение Витовтово. Хан же Темир-Кутлуй испросил у Витовта срока на три дня, до тех пор пока не помыслит в себе, надеясь в те дни войска собрать, и посылал к Витовту волов и овец, чувствуя его, а через три дня обещался сам видеться.

Едигеев запрос. Бой на Ворскле. Литва побита. Литва завоевана. Откуп с Киева. Имена князей побитых. Умер Глеб смоленский. Дмитрий Данилович волынский. Федор рьельский. Кн. Дмитрий Кориадович. И в то время пришел к нему князь его Едигей, что был князем великим во всей Орде, мужественный и храбрый весьма. И слышав от хана своего о Витовте и как покорился на словах Витовту, похвалил сие и послал от себя послов к Витовту, а Витовт стоял на другой стороне реки Ворсклы в обозе в кованых телегах на цепях железных со многими пищалями, и пушками, и самострелами. Говорил так Едигей: «Увидься сам со мною, о добрый и удалой Витовт». И поехал к реке. И начали говорить Едигей с Витовтом чрез реку Ворскла говорить. И сказал Едигей, князь великий ордынский, Витовту, великому князю литовскому: «Вправду ли ты взял вольного нашего хана Большой Орды в сыны себе? Поскольку ты стар, а наш хан Темир-Кутлуй млад есть, то весьма пристойно по годам. Но не только это подобает тебе разуметь. Так как ты весьма премудр и удал, разумей же, что я стар по сравнению с тобою, а ты млад предо мною, и многими войнами искусился, и подобает мне над тобою отцом быть, а тебе у меня сыном, и дань и оброки на всякое лето брать мне со всего твоего княжения, и во всем твоём княжении на твоих деньгах литовских моему обозначению быть». Витовт же Кес-тутьевич, слышав сие, взъярился и повелел воинству своему на битву готовиться. Тотчас вышли обои на поле оное, и перешли вскоре татары Ворсклу на горную сторону. И тут было видеть страшно обе силы великие движущиеся на кровопролитие и смерть. И прежде всех пришел со своею силою князь ордынский Едигей, сошелся с Витовтом, и обои стреляли, татары и литва, самострелами и пищалями; и хотя в поле чистом пушки и пищали не действительны бывали, но литва крепко бились, и летели стрелы, как дождь сильный, и так начали перемогать литва князя Едигея ордынского. Потом приспел хан Темир-Кутлуй со всею силою татарскою, и обошли их кругом, и подстрелили под ними коней, и долгое время бились крепко весьма обои, и была брань лютая и сеча злая. С наступлением же полудня начали татары одолевать, а литва уступать. И отбили литву от обоза их, скованного цепями, и от пушек их, и пищалей великих. И так одолел

хан Темир-Кутлуй и победил Витовта и всю силу литовскую. А Тохтамыш хан, видев сие, прежде всех на бег устремился, и много народа на бегу выхватывали, как на жатве колосья, и тут много от Литовской земли пограбили. И так татары взяли обоз, и телеги кованые и закрепленные цепями железными, и пушки, пищали и самострелы, и богатство многое и великое, золотые и серебряные сосуды взяли. Витовт же Кестутьевич, видев то зло, на бег обратился, с малой дружиной едва ушел. А татары вслед за ними гнались, секли на пятьдесят верст и едва не до града Киева, проливая кровь, как воду. Хан же Темир-Кутлуй, перейдя Днепр, стал под градом Киевом, а силу свою распустил воевать земли Литовские. И ходили рать татарская, воюя, даже и до Луцка, и много градов попленили, и много повоевав, пустым сотворили; а с Киева взял откупа 3000 рублей, с Печерского монастыря 300 рублей; и оттуда пошли в свою землю. В земле же Литовской была тогда скорбь, и сетование, и плач многих, и в людях оскудение великое. Имена ж убитых князей литовских: князь Андрей Ольгердович полоцкий, князь Дмитрий Ольгердович брянский, брат их из двоюродных князь Михаил Евнутьевич, внук Гедиминов, князь Иван Дмитриевич Киндырь, князь Андрей Дмитриевич пасынок, князь Иван Ивлашкович, князь Иван Борисович киевский, князь Глеб Святославич смоленский, князь Лев Кориадович, князь Михаил Васильевич, да брат его князь Семен Васильевич, князь Михаил подберезовский, да брат его князь Александр, князь Дмитрий Данилович волынский, князь Федор Патрикеевич рыльский, князь Андрей друцкий, Вспытка, воевода краковский, князь Монт Тулонтович, князь Иван Юрьевич бельский, князь Дмитрий Кориадович, князь Ямонт, наместник смоленский; всех князей именитых славных 74. А иных воевод, и бояр великих, и христиан, и литвы, и руси, ляхов и немцев сколько убито великое множество, что невозможно исчерсть. Сие же случилось месяца августа во 12 день во вторник в седьмой час дня.

Михаил тверской. В тот же год месяца августа в 25 день представился князь Михаил Александрович тверской в иноках и в схиме, и поименован был Матфей, и положен был в соборной церкви Преображения Господня епископом Арсением и всем священным собором месяца августа в 25 день. Сидел на княжении Тверском 34 года, а жил всех лет 65.

Иоани тверской. Благородный же сын его Иван, видев настолько несовратную любовь люди к отцу его имели, со многими слезами молили Господа Бога споследовать отцу, и просили всегда суда исправления, смиренное тогда слово кроткое и приветствие подал всем людям и благочиние на утешение сынов тверских. И проникнуты были всех сердца сладкою любовию к благородному, и возлюблен был всеми благонравия его ради.

1400. В год 6908 (1400) затмение было в солнце, и явилось, как серп, солнце, лучи кровавые испуская, месяца октября в 29 день.

Гуслень. Умер Темир-Кутлуй. Шадибек. Мир тверских. Вражда тверских. Той же осенью князь Иван Михайлович, внук Александров, послал в Орду хану Темир-Кутлюю киличеев своих Феодора Гусленя да Константина, возвещая ему о преставлении отца своего и моля его, чтобы пожаловал его вотчиною его и дединою, а своим улусом, княжением Тверским. И тогда же умер в Орде хан Темир-Кутлуй, и после него сел Шадибек, хан Большой орды Волжской. Князя Ивана Михайловича тверского киличеи, придя в Орду, дали дары Шадибеку хану, и ханшам, и князям его, он же дал ярлык и княжение Тверское князю Ивану Михайловичу. И вышли из Орды с честью, а с ними посол Сафряк, и принес ярлык на княжение Тверское князю Ивану Михайловичу. В ту же осень князь Иван Всеволодич холмский с князем Иваном Михайловичем тверским сообщениями обменялся, и пошел с княгинею во Тверь свою и с боярами, и взяли мир и докончание между собою. И мало пребывали в мире и в тишине братия и князи тверские между собою, Бог попустил за грехи человеческие и враг действовал, захотели свою братию обидеть и повелели своим боярам крестное целование отложить и докончание разрушить к своей братии, к князю Василию Михайловичу, и ко князю Феодору Михайловичу, и ко князю Ивану Борисовичу. Князь Василий же Михайлович пришел к своей матери княгине Авдотье и сказал ей, что «брата нашего бояре крестное целование к нам отложили, а отец наш привел их к тому, что хотеть нам следует им добра». И мать их княгиня Авдотья послала своих бояр к князю Ивану Михайловичу, а дети ее князь Василий Михайлович, и князь Федор Михайлович, и внук князь Иван Борисович послали бояр своих, так говоря: «Господин князь, не по грамоте отца нашего князя Михаила Александровича твои бояре к нам крестное целование отложили. И ты б, господин князь, пожаловал, велел бы ты своим боярам крестное целование держать по нашего отца грамотам». И князь Иван Михайлович отвечал им так: «Бояре наши отложили к вам крестное целование по моему слову». И с тех пор начал князь Иван Михайлович враждовать на свою мать Евдокию, и на свою братию, на Василия и на Федора, и на своего племянника на князя Ивана Борисовича, и держал на них нелюбовь. Княгиня же Борисова, от рода смоленского бывшая, и взяла сына своего и бояр ее, и придя, била челом князю Ивану Михайловичу, говоря: «Мы, господин, не посылали к тебе своих бояр». И оттого князь еще более на свою братию нелюбовь начал держать, а тех лукавую лесть возлюбил. И приехал князь Василий Михайлович на години отца своего в Кашин на свою вотчину.

В тот же год новгородцы послали посла своего || Клементия в Литву к Витовту Кестутьевичу о мире и о любви и взяли мир по старине.

Рязанские на татар. Татары побиты на Хопре. В тот же год в пределах Червленого Яра и в караулах возле Хопра и Дона князь Олег рязанский с пронскими князьями, и с муромским, и с козельским побили множество татар, и султана Мамата взяли, и иных князей ордынских взяли.

Смоленчане просят кн. Юрия. В тот же год доброжелатели князя Юрия Святославича смоленского скорбели по нему и желали видеть его у себя на княжении Смоленском, послали тайно к нему на Рязань, ибо тогда он у тестя своего на Рязани жил, Витовт же Смоленском владел, и не хотели Витовта, а многие хотели господина своего извечного князя Юрия Святославича. И придя тайно на Рязань, сказали все бывшему господину своему. Он же возвестил тестю своему и князю Олегу Ивановичи рязанскому, говоря: «Пришли ко мне смоленчане мои, тайно посланные от неких моих доброжелателей, поведывая, что многие хотят меня видеть на вотчине моей. Сотвори, господин, Христову любовь, помоги мне и посади меня на вотчине моей, на княжении Смоленском». И сие говорил с великим рыданием и плачем, и слезы проливал ручьями.

1401. Союз с Литвою. Родился Дмитрий кашинский. В год 6909 (1401) князь великий Василий Дмитриевич, и князь Иван Михайлович тверской, и князь великий Витовт Кестутьевич литовский сотворили заедино мир и любовь между собою. Той же осенью князь Иван Михайлович тверской у брата своего князя Василия Михайловича кашинского отнял озеро Лукое и Вход Иерусалима и дал племяннику своему князю Ивану Борисовичу. Князь же Василий Михайлович кашинский послал к нему Арсения, владыку тверского, прося суда общего. Князь же Иван Михайлович отвечал: «Суда вам о том не дам». И князь Василий Михайлович поехал в свою вотчину в Кашин, и родился ему сын у княгини его Настасьи; и приехала к нему в Кашин мать его великая княгиня Авдотья Михайлова, а из Сергиева монастыря приехал к нему игумен Никон; и была ему радость о приезде матери своей и о рождении сына своего. И окрестила его княгиня великая Авдотья и игумен Никон, и нарекли имя ему во святом крещении Дмитрий.

Страсти Христовы. В тот же год снова обретенны были страсти Господа нашего Иисуса Христа, которые некогда принес боголюбивый епископ Дионисий суздальский из Цареграда, премногою ценою выкупив, и многою верою и любовию приобрел, и великим трудом оттуда принес их. Потом же некоторое время во граде Суздале сокровены были, в каменной стене церковной за-

деланы были. Этой же весной обретенны были, и несли их на Москву, встретили ж их честно с крестами весь чин священнический и весь град.

Темир-Аксак Баязета победил. В тот же год Баязет, царь турецкий, уже 7 лет под Цареградом ратью стоял, и после сего двинулся на них и пошел хан Темир-Аксак с силою своею мноюю, желая сам взять Цареград. Царь же Баязет турецкий, прослышав, вскоре отступил от Цареграда и пошел против Темир-Аксака. И сблизились они, и сошлись оба, и была на долгое время сеча промеж ними великая, и пало множество от обоих. И после сего одолел Темир-Аксак над турками и многих побил, а иных многих взял. И самого Баязета царя турецкого на том бою пленил и в клетке железной возил его с собою, однажды же и на коня его сел. А сын его не со многими убежал и цареградскому царю о мире и любви с покорением послал, и что отец его царь Баязет прежде взял под себя грады греческие, от тех всех отступился, и так мир с греками чрез море взял. А Темир-Аксак хан оттуда восхотел ко Цареграду идти ратью, так как возвеличился весьма, поскольку умножились бесчисленно силы его, и послал на Дигмана царя и взял землю его, а самого его, Дигмана царя, привели к нему. И потом через некоторое время Темир-Аксак впал в недуг лютый и умер, и сел после него на ханстве сын его; а Цареград и всех христиан избавил Господь Бог своею милостию от язычников.

Великий князь Василий, уведал, что новгородцев владыка их Иоанн на зло поучает и в волости Заволоцкой роптание восстает, сказал митрополиту Киприану: «Отец, недоброе творит владыко Иоанн с новгородцами; посылая на Волок, дани берут и людей вотчины моей пугают и сольщают к себе. А вы поставлены миру и любви учить, мне имение собирать и возноситься». И митрополит вскоре послал в Новгород стольника своего Новосильца, повелел ему разведать хорошо и владыку звать о святительских делах. И в тот же год владыка Иоанн пришел в Москву. Митрополит же хорошо обо всем уведал и долгое время держал Иоанна, архиепископа новгородского, в наказании и смирении. Он же каялся со многими слезами и просил, обещая с тяжкими клятвами не творить так впредь. Митрополит же сказал ему: «Брат, тебе по достоинству будет в наказании и смирении быть; и да не только сам накажешь смиренно мыслить и творить, в чистоте тело свое сохранить, но да иным польза будет. Ибо не в гордости и богатстве польза и спасение бывает, но во умилении, и смирении, и чистоте.

Собор московский. Отписался еп. Иоанн новгородский. Савва, еп. луцкий. В тот же год был собор на Москве в месяце июле при преосвященном митрополите Киприане. В соборе же было

владык 9: архиепископ Великого Новгорода Иоанн, архиепископ черниговский Исаакий, архиепископ ростовский Григорий, Нафанаил, епископ суздальский, Ефросин, епископ рязанский, Арсений, епископ тверской, Феогност епископ, Григорий, епископ коломенский, Савва, епископ луцкий. На том священном соборе отписался архиепископ Иоанн новгородский от своей епископии, и луцкий епископ Савва отписался от своей епископии на том же священном соборе. И повелел им преосвященный Киприан, митрополит киевский и всея Руси, от себя с Москвы не съезжать, ибо тогда на них брань возложил Киприан митрополит за некие дела святительские; да не только сами полезное и спасительное найдут, но и иным полезное и спасительное будет; ибо не чем же так сети демонские разрушаем, как воздержанием и смирением.

Брак Ивана ржевского. В тот же год князь Иван, сын Владимиров, внук Андреев, женился у князя Феодора Олеговича рязанского, взял дочь его Василису.

Война рязанская на Смоленск. Смоленск взят. Кн. Юрий смоленский. Роман брянский. Война на Литву рязанских. В тот же год князь Олег рязанский с зятем своим Юрием смоленским и с братиею своею, с князьями пронскими, и муромским и козельским, ратью пошли к Смоленску, удобно время усмотрев, поскольку тогда Витовт Кестутьевич крайне оскудел людьми от Темир-Кутлуева побоища на Ворскле реке, и была тогда скорбь великая и пустота людей в Литве, а сия крамола была в Смоленске; иные Витовта хотели, а иные многие наследника вотчины и старинного князя Юрия Святославича. И когда пришли они ко граду Смоленску, послал к ним князь Олег, возвещая так: «Если не отворите града и не примете господина вашего князя Юрия Святославича смоленского на его вотчину, на княжение смоленское, то собираюсь многое время стоять и вас предавать мечу и огню. Изберите же себе, что хотите: или смерть, или жизнь». Они же предались им. И многие радостны были господину своему князю Юрию Святославичу, иные же ненавидели его. Он же, войдя во град Смоленск месяца августа, Витовтовых воевод ляхов иссек; тогда же во граде сидел от Витовта наместник и воевода князь Роман Михайлович брянский, он же того убил и бояр брянских и смоленских, которые не хотели его, побил; а княгиню Романову и детей отпустили. И так князь Юрий сел на княжении Смоленском на своей вотчине, а князь Олег рязанский с прочими князьями и со всем воинством пошли в Литву, и воевали, и со многим полоном возвратились восвояси.

Головня. Колмогоры. Поль на Торжок. В тот же год князя великого воеводы Анфал Никитин да Герасим Расстрига, видев новгородских двинских посадников неуправы и людям великого князя тяготы многие, пришли за Волок на Двину внезапно на

Петров день, воевали и пленили и много непокорных мечу преда-ли, а иных на деревьях повешали; а посадников двинских, Андрея Ивановича и Осипа Филипповича, да бояр их, Наума Ивановича, Дмитрия Ростиславича, поймав, и иных многих пленив, в полон отвели. Новгородские же воеводы Степан Иванович, да брат его Михаил, да Никита Головня, скопив около себя вожан, догнали Анфала и Герасима Расстригу, и бились с ними на Колмогорах, и отняли у них бояр своих новгородских Андрея, Иосифа, Наума, Дмитрия. И в то же время князь великий Василий Дмитриевич послал бояр своих ратью на Торжок, Александра Поля в трехстах человек; и поймали Семена Васильевича, посадникова сына, и Михаила Феофиловича, и имущество их взяли, и людей посекали; и много повоевав, возвратились восвоюси.

Северное сияние. В тот же год в месяце августа в ночи в на-вечерие Успения пресвятой Богородицы от полуночи и до света явились столпы, а конец их вверху, как кровь, и было страшно видеть.

1402. Война на суздальских. Цыбирца. Княг. Александра Шуйская. Кн. Семен покорился. Умер Семен суздальский. В год 6910 (1402) в сентябре князь великий Василий Дмитриевич посы-лал воевод своих Ивана Андреевича Уду да Феодора Глебовича, а с ними рать свою на князя Семена Дмитриевича суздальского, да или самого его обрести, или княгиню, или детей его, или бояр его, ибо скрывался в татарских местах. И пошли на мордву, и нашли князя Семена Дмитриевича княгиню Александру в татар-ской земле на месте, называемом Цыбирца, у святого Николы, ибо поставил было церковь тут басурманин Хазибаба. И тут пой-мали княгиню Семена Дмитриевича Александру и привели на Москву и с детьми ее. И пребывала на дворе Белеутовом, до тех пор пока князь Семен Дмитриевич, обменявшись сообщениями, не покорился великому князю Василию Дмитриевичу; так как тогда был он в ордынских местах, бегал от великого князя Васи-лия Дмитриевича московского. И слышав, что княгиня его и с детьми его поймана и казна его взята, послал к великому князю с челобитьем, и вошел в покорение и во много умиление и смире-ние, прося заступничества. Князь же великий Василий Дмитрие-вич московский дал ему заступничество. Он же пришел из Орды на Москву и взял мир с великим князем. И пошел с Москвы на Вятку с княгинею и с детьми, ибо болел было уже. И пребывал на Вятке 5 месяцев, и в больший недуг впал, преставился месяца декабря 21 день. Сей же князь Семен Дмитриевич суздальский и нижегородский многие напасти пережил и многие истомления претерпел в Орде и на Руси; трудился, добываясь своей вотчины, и 8 лет, без отдыха, подряд в Орде служил 4-м ханам: первому Тохтамышу, 2-му Аксак-Темиру, 3-му Темир-Кутлюку, 4-му Ша-

дибеку; а все то чтобы поднять рать на великого князя Василия Дмитриевича московского, пытаюсь обрести свою вотчину, княжение Новгорода Нижнего, и Суздаля, и Городца. И того ради много труда совершил и много напастей и бед претерпел, своего пристанища не имея, и не обретая покоя ногами своими, и не добился ничего, но как напрасно трудился, так в суете скончался; ибо суетно есть человеческое житие.

Витольд под Смоленском. В ту же осень князь великий Витовт Кестутьевич литовский пришел ратью к Смоленску на князя Юрия Святославича, и стоя под Смоленском много дней, и не взял его; и взяв перемирие, возвратился восвояси. А во граде Смоленске тогда крамола была, и много крамольников побили. Тогда ж и мор был в Смоленске на людей.

Затмение солнца. Татары на Рязань. Месяца октября в 29 день помрачилось солнце, и была тьма, и потом солнце явилось, кровавые лучи испуская с дымом. В ту же осень приходили спешно татары на рязанские окраины и, много зла сотворив, возвратились восвояси.

Комета. В марте явилось знамение на западе в вечерней заре, звезда великая весьма копейным образом, в верху ее луч великий сиял, обходящий, которую видели двенадцать дней на востоке восходящей и на западе летнем в вечерней заре сияющей. Вот же проявил знамение, поскольку восстали народы воевать друг на друга, турки, ляхи, угры, немцы, литва, чехи, орда, греки, русь и иные многие земли и страны в смятение пришли и воевали друг на друга; еще ж и моры начали являться.

Умер Иван тверской. Умер еп. Михаил смоленский. Марта в 27 день преставился князь Иван Всеволодич тверской в чернецах и в схиме в самую литургию, и положен был внутри града Твери, а вотчину свою Холм поручил великого князя сыну князю Александру Ивановичу. Месяца мая в 5 день преставился Михаил, владыко смоленский, и положен был у Троицы в Сергиеве монастыре, там где был под началом.

Война рязанских на Брянск. Бой у Любецка. Родослав пленен. В тот же год князь Родослав Олегович рязанский пошел ратью на Брянск. И встретили его князи литовские, князь Семен Лугвень Ольгердович, да князь Александр Патрикеевич стародубский, да князь Бойнов Иванович. И был у них бой крепкий у Любецка. И одолели литва, и побили рязанцев, а иных иссекли и самого князя Родослава Олеговича взяли. И привели его к Витовту Кестутьевичу, и пребывал в нужде великой 3 лета, а потом же взял на нем Витовт Кестутьевич откупа 3000 гривен и отпустил его в Рязань.

Умер Олег рязанский. Кн. Феодор рязанский. Месяца июля в 5 день преставился князь Олег Иванович рязанский во иноках и в схиме, нареченный во святом крещении Иаков, а в монашеском

чину Иоаким, и положен был в его вотчине на Рязани за Окою рекою в монастыре, называемом Солотчша. И пошел сын его князь Феодор в Орду к хану Шадибеку с дарами и со мною честию, возвещая ему отца своего Олега смерть. И пожаловал его хан, дал ему вотчину его и дедину, княжение Рязанское, и отпустил его. Он же пришел из Орды в свою землю и сел на вотчине своей и дедине на великом княжении Рязанском.

1403. Умер еп. Савва сарайский. Лугвень в Вязьму. Вязьма взята. Брак Андрея. Комета. В год 6911 (1403) преставился Савва, епископ сарайский. Князь великий Витовт Кестутьевич послал князя Лугвеня к Вязьме ратью. Он же пришел в Вязьму, и князя Ивана Святославича поймал и другого князя Александра Михайловича, и привел их к Витовту. Князь Андрей Дмитриевич женился, у князя Александра Патрикеевича на Москве взял дочь его Аграфену. В тот же год во Твери заложен был городок на Опоках великим князем Иваном Михайловичем тверским, в тот же год и срублен был. Той же осенью месяца октября в 10 день знамение на небе явилось во второй час ночи, как копье огненное превеликое весьма, являлось же 3 дня. Той же зимой в месяце декабре позвал к себе Киприан, митрополит киевский и всея Руси, Арсения, владыку тверского, на Москву. В тот же год во Твери создана была церковь каменная святого Николы на Городке за один год великим князем Иваном Михайловичем тверским, и освящена была Арсением, епископом тверским.

Война тверских. В тот же год князь Иван Михайлович тверской пошел ратью к Кашину на брата своего Василия Михайловича кашинского. А затем сам возвратился и послал сына своего князя Александра со всею силою к Кашину. А князь Василий Михайлович кашинский убежал к Москве, и князь великий Василий Дмитриевич московский примирил их.

Умер Василий городецкий. 3 солнца. Мир тверских. Брак Ивана тверского. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич повелел срубить город Переславль. В тот же год преставился князь Василий Дмитриевич Городецкий, вуй великого князя Василия. В тот же год было знамение в солнце: явились как три солнца, от которых исходили лучи синие, зеленые, багряные, как дуга. В тот же день явилось знамение в луне: вечером, при восходе луны, явился крест великий весьма посреди луны и стоял с полчаса. В тот же год отлит был колокол во Твери к соборной церкви святого Преображения Господня великим князем Иваном Михайловичем тверским. В тот же год Божию милостию тверские князи братья взяли между собою мир, князь Иван Михайлович тверской с братом своим с князем Василием Михайловичем кашинским, и укрепились крестным целованием, а враги их облеклись в стыд. В тот же год князь Иван Михайлович тверской

женил сына своего Ивана у князя [...], и венчан был во Твери Арсением епископом. В тот же год новгородцы взяли мир с князем Юрием Святославичем смоленским. В тот же год по просьбе новгородцев отпустил князь великий Василий Семена и Михаила в Новгород. В тот же год в Новгороде в Великом поставили церковь каменную святой мученицы Варвары. А Кирилл Андреевич, посадник новгородский, поставил церковь каменную Трех отроков и придел святого архистратига Михаила на Прусской улице и церковь деревянную на Видогощи пресвятой Троицы поставили в общем монастыре в Великом Новгороде. Той же зимой в Великом Новгороде ездили чрез Волхов реку по льду от Лукина дня до марта месяца. Той же весной засуха была, и воды было совсем мало, и рвы все сухие были. В тот же год в Великом Новгороде расписана была церковь пречистой Богородицы на Лисьей горе. В тот же год новгородцы купцы поставили церковь каменную святых мучеников Бориса и Глеба в Русе.

1404. Ольгердовичи у Смоленска. Витольд отступил. Юрий из Смоленска в Москву. Просит помощи. Измена смоленчан. Витольд опять к Смоленску. Смоленск взят. Кн. Федор. Кн. Семен вяземский. Кн. Владимир. Юрий в Новгороде. Пригороды новгородские. В год 6912 (1404) князь великий литовский Витовт, внук Гедиминов, с Ольгердовичами, с Корибутом, с Лугвенем, со Свидригайлом, и со всею силою литовскою пришел ратью к Смоленску. И в то время князь Александр Иванович тверской пошел к Витовту Кестутьевичу и нашел Витовта под Смоленском. И князь Юрий Святославич смоленский затворился во граде со смоленчанами своими и бился крепко. Витовт же стоя всю весну, и много трудился, и пушками бил, и не смог взять; ибо был весьма крепок град Смоленск. И стоял Витовт 8 седмиц, и отошел восвосяси, нисколько не преуспев с градом, только волости около Смоленска пустыми сотворил и многую беду людям нанес. Князь Юрий Святославич смоленский пошел из Смоленска на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу не во многой силе, обменявшись с ним сообщениями о покровительстве, а княгиню свою и с боярами оставил в Смоленске. И приехал на Москву, прося помощи от него, чтоб его оборонил от князя Витовта, тестя своего, говоря такое: «Тебе, господин, возможно все, поскольку он тебе тесть, а ты ему зять, и любовь промеж вас великая. Сотвори же мир и любовь меж нами с Витовтом, да не обидит меня. Если же не послушает слез моих и твоего к нему любовного совета, помоги мне, бедному весьма, и не отдай ему меня на съедение, да воздаст тебе Бог благое и в сей век и в будущий. И если сего не хочешь, возьми же град на себя, да пусть владеешь им ты, а не язычная Литва». Князь же великий обменялся сообщениями с князем Иваном тверским, что молвит о том. Он же сказал: «Имею

мир и любовь с Витовтом. Не могу помогать, ни за князя Юрия просить». И видел то князь великий Василий, ведал злой нрав Витовтов и не верил тверскому, и не вступился за князя Юрия Святославича смоленского, так как в мире и любви он с тестем своим Витовтом был, еще ж и в договоре и в крестном целовании. Князь же Юрий еще на Москве был, а изменники его, смоленские бояре, крамолу злую сотворив, послали тайно к Витовту, говоря: «Скоро приди под Смоленск, поскольку все тебя хотят и любят, отворят ворота и сдадут тебе град. Постарайся же скоро прийти, до тех пор пока не пришел с Москвы князь Юрий Святославич смоленский со многою силою московскою, зятя твоего Василия Дмитриевича, ибо пошел к нему просить помощи. И вот же нам вести приходят, что не только московскую силою взял, но и от иных стран много силы принял и готовится на тебя, разумеи же, что тебе будет тогда. Так что поспеши же скоро прийти к нам, и отворим тебе град, поскольку все хотим и любим тебя, чтобы владеть великим княжением Литовским и всеми нами». Витовт же, сие слышав, рад был, и собрав силу, вскоре пошел под Смоленск. Бояре же, изменники князя Юрия, отворили ему град Смоленск. Он же, войдя во град, княгиню Юриеву, дочь князя Олега Ивановича рязанского, взял и князей и бояр смоленских взял и послал в Литву, а иных смертию казнил, которые его не хотели. А в Смоленске своих наместников ляхов посадил и тем ляхам приказал град держать по его велению. Людям же смоленским льготу многую дать повелел, отводя их от князя Юрия, чтоб Витовта вся земля Смоленская хотела и любила, а князя Юрия не хотела и не любила. И послал за князем Юрием на взыскание, желая его и детей его погубить. И то слышав, князь Юрий Святославич смоленский, что град его взят был и все его княжение и княгиня отведена в полон в Литву, и князи и бояре, любящие его, выведены в полон в Литву, а иные лишены всего, а иных смертною казнию казнили, и воскорбел великою печалию в горести души своей, пошел с Москвы в Великий Новгород с сыном своим Федором, и с князем Семеном Мстиславичем вяземским, и с братом своим князем Владимиром Святославичем. Новгородцы же приняли его в честь и дали ему 13 городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверский, Корельский, Копорье, Торжок, Волок, Порхов, Вышгород, Яму, Высокое, Кошкин Городец. И целовал крест князь Юрий Святославич ко всему Новгороду и в жизнь и в смерть, которые враги пойдут на Новгород ратью, оборонять от них князю Юрию с новгородцами заедино, а посадник новгородский Александр Фомич да тысяцкий Кирилл Дмитриевич целовали крест к князю Юрию Святославичу за весь Великий Новгород.

Епископ в Сарай. Часы в Москве. В тот же год преосвященный Киприан, митрополит киевский и всея Руси, бывшего игуме-

на борисоглебского поставил на Голенищеве епископом в Сарай. В тот же год часы поставлены на Москве на великого князя дворе за церковию Благовещения. Сделал их Лазарь чернец серб, который недавно пришел из Сербской земли. В тот же год пришел из Литвы от Витовта Кестутьевича во Тверь князь Александр Иванович тверской.

В тот же год Киприан, митрополит киевский, отпустил с Москвы в Новгород Иоанна, архиепископа новгородского; а сидел на Москве под стражей у Киприана митрополита киевского и всяя Руси 3 года и 6 месяцев, а сидел на посаде в монастыре святого Николы старого, и пришел в тихость, и в кротость, и смирение великое, и во умиление. И так избавил его Бог от таковой скорби, и спас, и помиловал. И пришел в Новгород, и встретил его весь град с крестами и со всем священным собором у святого Николы на Ярославовом дворе в великой радости и веселии. И торжество сотворили великое в тот день, говоря к нему: «Господин святитель Божий, ты взят был у Киприана митрополита на Москве и жил в терпении и благодарил Бога, мы ж в печали и скорби, и молились о тебе день и ночь; и вот Господь Бог и пречистая его мать Богородица даровала тебя нам, и забыли скорби и все болезни, не забудь же нас в молитвах своих ко Господу, да и в настоящем и будущем благодать, и милости, и прощение грехам твоими молитвами получим». И так обрадовались радостью великою своему господину владыке.

Месяца июля в 20 день преосвященный Киприан митрополит поехал в Литву к великому князю литовскому Витовту да и на Киев. И чествовал его Витовт и многие дары дал. И пребывал там митрополит некоторое время во чести великой от Витовта, и от всех князей, и панов, и от всей земли. Затем оттуда пошел в Киев и наместника своего Тимофея архимандрита и слуг своих тамошних, которым приказано было на Киеве всякие дела и вещи хранить и управлять, взял и отослал на Москву. И поставил там в Киеве наместника своего Феодосия, архимандрита спасского, так же и слуг своих избрал и повелел им на Киеве быть со архимандритом, наместником его. В тот же год в Новгороде Великом погорел Людин конец и Прусская улица до святого Михаила, а в Детинце до владычного двора; и сгорело церковей деревянных 5, и каменных пять же огорело, а церковь Борис и Глеб вся внутри выгорела; а человек 30 сгорело. В тот же год преставился новгородский посадник Василий Иванович. В тот же год во Твери заложена была церковь каменная Успения пречистой Богородицы Арсением епископом на реке Тмаке.

1405. Татары на Рязань. Побиты. В 6913 (1405) в сентябре приходили татары спешно на Рязанские волости. И послал за ними в погоню князь Федор Олегович; они ж, придя, татар по-

били, и полон отняли, и возвратились на Рязань со многою радостию.

Умерла Мария тверская. Умер еп. Григорий коломенский. Еп. Гоголь владимирский. Вражда тверских. Той же осенью месяца сентября в 13 день во Твери в полдень был пожар, за Тмакою рекою сгорело дворов сто и церковь сгорела святого Иоанна Предтечи. В ту же осень во Твери октября 30 преставилась на Городке великая княгиня Марья Ивана Михайловича во иноческом чину, и наречена была во иночицах Марфа, положена была в церкви святого Спаса внутри града Твери. Той же зимой преставился преподобный архимандрит суздальский. Той же зимой месяца февраля в 13 день преставился Григорий, епископ коломенский. В тот же год Киприан митрополит в Волынской земле поставил во Владимир Волынский в епископы попа Гоголя. Октября в 1 день освящена была церковь каменная на Симонове Успения пречистой Богородицы, которую основал Феодор архимандрит, а завершил князь великий Василий, а освящена была после первого основания на 29 год. Той же зимой князь Василий Михайлович кашинский пришел во Тверь, и взял его брат его князь Иван Михайлович тверской и бояр его. Той же зимой князь Юрий Всеволодич отъехал со Твери на Москву к великому князю, а ко князю Ивану Михайловичу, послав, целование сложил; ибо боялся, что то же, что и над князем Василием Михайловичем, братом его, князь Иван сотворит.

Зима плохая. Тогда ж была голая зима без снега, и расталье было на Масленичной неделе, а разводье было в Великое говенье; и пошла вода, и была весна, и дивились люди, поскольку сие редко бывает. Многим же и неведомо и незнаемо, когда переменяется и в который год бывает сие.

Мир тверских. Опять вражда тверских. Месяца апреля в 17 день на Страстной неделе в Великую пятницу взяли братия мир между собою, князь Иван Михайлович тверской с братом своим князем Василием Михайловичем кашинским, и целовали честной крест, и отпустил его с любовью в Кашин на Святой неделе во вторник. В тот же год были громы великие и молния страшная, и много людей громом побило и молниями сожгло, и во Твери церковь молниєю запылилась. В тот же год во Твери церковь святого Иоанна Богослова от грома сгорела на Троицкой неделе во вторник в вечернюю годину. А в Петрово говенье побежал князь Василий Михайлович из Кашина на Москву. И князь Иван Михайлович тверской послал на Кашин своих заместников и много зла || сотворили христианам продажами и грабежом; поскольку после трех месяцев после смирения и после любви промеж них еще более первого вражда восстала и нелюбовь, и того ради отбежал на Москву князь Василий Михайлович, не желая сам себя отдать

в напасть. В тот же год после Петрова дня со Твери в Кашин ездил князь Александр Иванович, внук Михаила Александровича. В тот же год преставился князь великий Василий Дмитриевич суздальский.

В тот же год князь великий Витовт Кестутьевич литовский пошел к польскому королю Владиславу, называемому Ягайло, и сошлись во граде Милюбне. Тут ж был и преосвященный Киприан митрополит, быв две недели у них в великой чести, и одарили его, и бояр его, и слуг его. И так разошлись.

Еп. Антоний туровский оклеветан от папистов. По необходимости осужден. Был тогда в Литве во граде Турове епископ Антоний, муж ученый и великий защитник церкви христианской. латинники же ненавидели его очень, так как обличал твердо ересь их, и всю Волынь и Литву укреплял учением, и падших поднимал, а колеблющихся в осознании истины утверждал; и не могли никак его ни дарами, ни угрозами удержать. Витовт же Александр, князь великий, сначала был крещен в православную веру и потом брата своего ради двоюродного Ягайло Владислава, короля ляцкого, в ересь латинскую впал и ту хранил. Злые же латинские попы науськивали на него злых клеветников. И начали клеветники на Антония клеветать к Витовту Кестутьевичу великому князю литовскому, и была нелюбовь Витовту на него. И клеветники время себе удобное как-то обрели, еще более восстали, клеветуя, и сотворили вражду и нелюбовь великую. Витовт же послал о нем к преосвященному Киприану митрополиту, возвещая ему сказанное от клеветников оных, а также и грамоты, принесенные от них к Витовту, которые, они говорят, посылал Антоний епископ к татарскому Шадибеку хану в Орду, призывая его на Киев, и на Волынь, и на прочие грады пленить, жечь; и другие многие клеветы сплели на него. Киприан же митрополит, расспросив, видел и познал, что клеветы ложны, но боялся Витовта, так как тот угрожал отнять власть митрополитову, удержав Антония епископа у себя. Клеветы ж еще более восставали, и Витовт ярился, Антоний же епископ во многой скорби и печали был. И снял с него Киприан митрополит сан святительский, и послал его на Москву, и повелел ему жить в монастыре на Симонове в келье, и приказал ему успокоиться на сем и никак же ни в чем не оскорблять, только из монастыря не исходить.

1406. Умерла Евдокия тверская. Умерла Евпраксия рязанская. В год 6914 (1406) в месяце сентябре князь Иван Михайлович тверской был в Кашине. Той же осенью преставилась великая княгиня Авдотья Михаила Александровича тверского месяца ноября в 1 день. В ту же осень освящена была церковь Успения пречистой Богородицы на реке Тмаке на Желтикове Арсением, епископом тверским, тут же был и великий князь Иван Михайло-

вич тверской. Той же зимой месяца декабря в 5 день в субботу преставилась благоверная великая княгиня Евпраксия Олега Ивановича рязанского. Января в 1 день Киприан митрополит пришел из Киева на Москву, быв там год и 11 месяцев. Той же зимой было чудо на Москве в доме Тетрюмовом: пошло миро от иконы пречистой Богородицы и от чудотворца Николы.

Витовт Коложу взял. Воронеч. Кн. Петр во Пскове. Война на Литву. Вязьма. Серпейск. Кн. Ярослав Нелюб в Переславле. Той же зимой взял Витовт войною внезапно, на миру, плесковский город Коложу и грамоту их крестную псковскую прислал в Новгород; а под Воронечем стоял два дня, и волости и села повоевал, и людей и богатство пленил, а иных побил, и отошел во свояси. В тот же год плесковичи с новгородцами ездили на Москву к великому князю жаловаться на тестя его Витовта. И князь великий послал брата своего князя Петра Дмитриевича псковичам на помощь. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич московский и князь Иван Михайлович тверской сложили крестное целование к Витовту. И князь великий Василий Дмитриевич московский собрал силу многую, да с ними воевод своих послал ратью воевать земли Литовские, и к городу Вязьме, и к Серпейску, и не преуспели нисколько. В тот же год приехал из Литвы к великому князю служить князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Олгиманта, а с ним много литвы и ляхов. Князь же великий Василий Дмитриевич принял его с любовию и дал ему град Переславль.

Мир тверского с кашинским. В тот же год князь Василий Михайлович кашинский обменялся сообщениями с братом своим князем Иваном Михайловичем тверским и приехал из Переславля во Тверь. И сотворили между собою мир, и целовали честный крест на том, что быть им в мире и в любви заодно. В тот же год во Твери расписали церковь святого архистратига Михаила на горке.

Затмение луны. Затмение солнца. Литва москвичей побили. В тот же год о Петрово заговенье во вторник перед ранними зорями месяц погиб и так, не наполнившись, зашел. Июня в 16 день в 4 час дня было знамение на небе: погибло солнце и осталось мало, как месяц трех дней, и было сумрачно и темно, и через час довольно снова света наполнилось. А в тот день побили и иссекли литва в своей земле москвичей.

Буря сильная. Фабула. Человек с телегою поднят. В тот же год после Петрова дня в волостях Нижнего Новгорода была буря великая и вихрь страшный весьма. А в то время и в тот час ушел человек на поле и уселся на лошадь, впряженную в телегу; и пришел на него вихрь великий весьма, и взял того человека и с лошадыю, и с телегою; и был бурю носим по небу в волнении и в

вихре страшном, до тех пор пока видим был. И потом на другой день нашли телегу его висящую и с колесами и со всем на верхе высокого дерева, и то на другой стороне реки Волги, а лошадь мертвая лежала на земли. Человек же без вести пропал, нигде ж никак не нашли. В тот же год были громы великие и молнии страшные.

Еп. Иларион коломенский. Еп. Митрофан суздальский. Августа в 26 день преосвященный Киприан митрополит на Голенищеве поставил Иллариона, архимандрита симоновского, в епископы на Коломну. В тот же год Киприан митрополит поставил на Голенищеве Митрофана в епископы в Суздаль. Тогда ж Киприан митрополит болен был.

1407. Война второй раз на Литву. Плава. Татары на помощь. Мир с Литвою. В 6915 (1407) в сентябре князь великий Василий Дмитриевич собрал воинов многих и пошел на Витовта, великого князя литовского, и придя, стали на Плаве. А князь Иван Михайлович тверской в помощь посылал к великому князю Василию свою братию, князя Василия Михайловича кашинского, да князя Феодора Михайловича, да сына своего князя Ивана, да князя Ивана Еремеевича, да с ними бояр и воевод своих; и был их полк велик весьма. А также из Орды от хана Шадибека рать татарская пришла ему на помощь на Витовта. А Витовт также собрал около себя силу многую, литву, ляхов и жмодь, и пошел против ратью в великой силе. И придя, стали на Пашковой гати. И тут стояли немного дней, и начали обмениваться сообщениями между собою, и взяли перемирие до того же дня на год, и разъехались порознь.

Умер митр. Киприан. Месяца сентября в 16 день преставился преосвященный Киприан, митрополит киевский и всея Руси, в селе Голенищеве, быв в митрополитах 30 лет без двух с половиной месяцев. И пошел о нем слух, и сошлись епископы, и священники, и иноки, и сокрыли священное тело его по уставу, переданному святыми отцами. И как можно быстрее сошлись князи, и бояре, и воеводы, великое множество людей. И внесли его во град Москву в соборную церковь пречистой Богородицы митропольскую, там где есть гроб великого чудотворца Петра митрополита и блаженного Феогоста митрополита; и служил над ним священный собор, Григорий, архиепископ ростовский, Митрофан, епископ суздальский, Иларион, епископ коломенский, с архимандритами, и игуменами, и со всем священным собором, пели над ним надгробные песни и положили его в соборной церкви пречистой Богородицы Успения митропольской на Москве на правой стороне у стены по повелению его. Первый был митрополит на Москве Петр чудотворец в сей соборной церкви и положен был по повелению его, 2-й Феогност гречанин также в сей церкви

положен был по повелению его, 3-й Алексий чудотворец и положен был по повелению его в созданном им монастыре внутри града Москвы у святого Чуда архистратига Михаила. 4-й сей Киприан митрополит, родом серб, всякого любомудрия и разума божественного исполнен был и весьма книжен и духовен очень, добродетельным житием подвизался и учением и наказанием наслаждал всех; ибо ему много тщания и подвиг было непрестанно учить всех слову Божию, нежели праздное вещать и суетное говорить и смешливых людей уши наполнять. Дойдя же добродетельным житием в старость великую, разболелся на Голенищеве в митрополитском селе, особенно же сказать, в несуетливом и безмятежном тамошнем пребывании, где ж есть церковь его особая, поставленная во имя святых Трех святителей, там где он сам любил часто пребывать и жить, так как было место тихое, безмолвное, спокойное от всякой суеты, между двух рек, Сетунью и Раменкой, на поприще и над прудом, и лес густой по обеим сторонам. И тут Киприан митрополит сам часто любил пребывать и жить, и книги своею рукою писал. Как в наставление душевное, описал письменно соборы, бывшие на Руси, многие жития святых русских и родословия великих князей русских, иные же в наставление плотское, как правды, и суды, и летопись русскую от начала земли Русской все по порядку. И многие книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию спасскому докончить ее и сохранить. Быв же тут, преосвященный митрополит и епископов поставлял, и в молитвах чистых упражнялся, и в чтении божественных Писаний, и в памяти смертной страшного суда и мучений оных бесконечных. А тогда, разболевшись, лежал несколько дней, до тех пор пока там не преставился. А прежде преставления своего за четыре дня написал грамоту некую чудную прощальную, всех прощая и благословляя и сам от всех прощения и благословения требуя, которое есть истинное любомудрие и смирение. Сего ради так и управлял, поскольку смирением все согрешения разрешаются и все во благое делается. И так, отходя сего света, заповедал епископам и бывшим там приставникам, говоря: «Когда меня во гроб вкладывать будете, тогда сию грамоту прочтите надо мною вслух людям». Что и было, что и сотворил по повелению его преподобный Григорий, архиепископ ростовский, и прочел ее громко вслух всему народу. И слушая чтение его, тогда многие из пред ним стоящих на слезы подвиглись, и был плач и рыдание премногое всем. Была ж сия грамота писана так: «Во имя святой и живоначальной Троицы я грешный, смиренный Киприан, митрополит киевский и всея Руси, увидев, что постигла меня старость, ибо впал в частые и различные болезни, которыми ныне одержим я, человеколюбием от Бога казним грехов моих ради, болезни на меня умножились ныне, как никогда ранее, и

ничто мне не предвещает иное, разве смерть и страшный Спасов суд, достойно рассудил, так как в завещании некая потребность мне отчасти писанием сим изъясвить. Первое же, заповедую свя-тую Богом переданную апостольскую веру и православия истинное благочестие во святую Троицу и прочие священные апо-стольские повеления, святой Божией церкви переданные целыми и неизменными того благодатию, соблюдать, как исповеданием моим написано, что передал, когда в начале святитель рукопола-гался по обычаю и уставу апостольскому и святых отцев божест-венных повелений; как вот апостолы от Бога поставлены, и свя-тители от апостолов поставлены, апостольские наследники по сути, и затем святители святителей поставляли по богопередан-ному апостольскому уставу, так же и на меня грешного Духа Святого благодать по уставу святых апостолов и священных пра-вил святым священным архиереем патриархом вселенским и при благочестивом царе константиноградском православнейшем. И те, которые отошли от жития сего после моего преставления, и те, которые еще живы, всем вместе подаю же о Святом Духе чистое прощение. И сим же и святейшим вселенским бывших патри-архам, что прежде преставились и еще живущим, а также и свя-щеннейшим митрополитам, преставившимся и еще живущим, даю обычную любовь и последнее конечное целование и проще-ние и сам того же прошу от них получить. Благородному и хри-столюбивому во Святом Духе возлюбленному сыну, великому князю Василию Дмитриевичу всея Руси, даю мир, и благослове-ние, и последнее целование, и с его матерью, и с его братиею, и его княгинею, и с его детьми и их княгинями, и их детьми. Также и всем великим князям русским даю мир, и благословение, и по-следнее целование, и с их княгинями, и с их детьми. Также и всем князям местным с княгинями и с детьми оставляю мир и благо-словение. Также и боголюбивым епископам, бывшим по преде-лам нашей церкви в русской митрополии, прежде преставившим-ся и еще живым, даю им прощение, и благословение, и любовь, а от них того же прошу и сам получить. Священноинокам же, и всему священническому чину, и тем, которые у престола Господ-ня служат, всем даю прощение, и благословение, и любовь. Благо-честивым же князям, малым и великим, и всем прочим прежде преставившимся в летах наших, также даю прощение и благосло-вление и молось Господу Богу, да простит им все согрешения, поскольку и они как люди согрешили. Боярам же, великим и младшим, и с женами, и с детьми их и всему христианскому на-роду оставляю мир и благословение им. И инокам же всем вме-сте, тем, которые в различных местах живут, и всему причту цер-ковному мир оставляю и благословение. Если же ж на кого епи-тимью наложил по невниманию или благословною виною, хотя

мог бы поискать разрешения, и в том забвенно учинилась смерть, или кого учил, а тот ослушался, всех имею о Святом Духе, что разрешены, прощены и благословлены, и молюсь человеколюбцу Богу, да отпустит им. А поскольку счел годы свои, от каких пор же в митрополиты поставлен был, нашел числом, что тридесятый год заканчивается к приходящему месяцу декабрю в 2 день; и за столько годов прошедших если кто же пороптал на меня или даже явно восстал от епископского сану или от иноческого, еще ж и священнического, или кто от мирских совокупился с ними, и те, которые от них познались и, пришли ко мне, исповедались и приняли прощение и разрешение, прощены были и благословенны от того часа; и да не вменит им Господь Бог в грех, но да отпустит им. А те, которые или стыдятся меня, или в забвенье приды и в небрежение положили, или опасаясь меня, или за скудостью их ума, или ожесточившим их вражьим наветом, всякий, который есть от священников, или от иноков, или мирянин мужского пола или женского, да будут прощены и благословенны, и да не вменится им в грех, так как то мое есть, и в меня преткнувшись, и моей области то разрешить. Те же, которые возлюбили нас и помиловали нас Господа ради в нуждах наших, и в трудных хождениях наших, и в путях, и в различных землях христоименитые люди, вельможи, бояре, мужи и жены, да будут и те прощены, и благословенны, и помилованы от Бога человеколюбца, да воздаст им Господь по сердцу их. А душу свою и дом святой Богородицы приказываю о Святом Духе возлюбленному сыну, великому князю Василию Дмитриевичу всея Руси, как попечалуется, так и воздаяние примет от Господа Бога и пречистой его матери Богородицы; а также и бояр своих, и слуг своих, и молодых людей от мала и до велика, как пожалует и поблюдет. И так передаю всем прощение. И мир, и благодать от Господа Бога нашего Иисуса Христа со всеми вами и мое благословение. И от всех того же прошу. А писана сия грамота у Трех святителей месяца сентября 12 дня, индикта 15. А не подписал я из-за немощи своей».

Под конец же написал философски так: «Множество человеческое, все на землю пришедшее общее естество оплачем, которым злосчастье обогащается. О, почему честнейшее из Божиих созданий, что по подобию его и по образу, без дыхания зрится и мертво, увы, и мерзко, полно червей нечистых, испускает от дыхания смрад? Как исчезло мудрование, как скрылось слово, как расставилось двойное, как утаилось вскоре тройное, погибло четвертое ж, растлело пятое без дыхания и мертво? увы, страсти, увы, двойная десятирица погубила и после седьмой восьмая же будущего воображает растворение его. Земля же смешение, земля ж покрывает и снова земля лишь остается. Увы, страсти, увы мне! Наг вышел с плачем, когда был младенец, наг отойду снова. По-

чему ж так тружусь и смущаюсь напрасно, ведая конец жития? Как шествуем все равным образом от тьмы на свет, от света ж во тьму, от чрева матери с плачем в мир, от мира печального с плачем во гроб; начало и конец плач. Какая ж потреба в промежуточном: сон, сень, мечтание есть красота житейская? Увы, увы, страсти многие соплетенны с житием, но как цвет, как прах, как сень и дым проходит, и нет его. От него одно только остается на земле, что оставит наследию в научение и наставление». Сие завещание и прощение после него, и прочие митрополиты русские и доньне, переписывая, повелевают при поставлении своего гроба также прочитывать во услышание всем.

Война Пскова на немцев. Кн. Даниил. Немцы побиты. Кирипега. Второй раз побиты. Мор. В ту же осень была вражда плесковичей с немцами, и воевались между собою. Собрали ж плесковичи силу многую и пошли ратью воевать Немецкую землю с князем Даниилом Александровичем. И встретила их рать немецкая на реке Серице. И был им бой месяца октября в 9 день; и помог Бог плесковичам, побили немцев и гнались за ними по их земле Немецкой 20 верст до Новгородка, секли их и многих же руками изловили. А оттуда пошли плесковичи к Кирипеге, хотели идти к Юрьеву. И встретил их Акорт, мастер рижский, со всем Поморьем немецким за Селиловым побоищем, и снова бой был им великий; и помог Бог плесковичам над немцами, а мастер убежал с малой дружиной, а псковичи гнались за ним до реки Песы, посекая их. И возвратились псковичи в дома свои с великою победою и со многою наживой и богатством, многих немцев уводя с собою, и была радость великая во Плескове. А во Пскове тогда мор был железозу.

Умер Родослав рязанский. Умер Дмитрий Еремеевич. Умерла княг. Настасья Еремеева. Ноября в 14 день преставился князь Родослав рязанский, сын Олега рязанского, внук Иванов. В ту же осень во Твери преставился князь Дмитрий Еремеевич и княгиня Настасья Еремеева, мать его.

Женился Петр Дмитриевич. Умер хан Тохтамыш сибирский. Января в 16 день женился князь Петр Дмитриевич на Москве, взял за себя дочь Полиекта Васильевича. Той же зимой в январе хан Шадибек убил хана Тохтамыша в Сибирской земле.

Кн. Юрий в Торжке. Бесстыдство Юриево. Умер Семен Мстиславич вяземский. Целомудрие жены. Смерть княг. Ульяны. Юрий в Орду. Той же зимой в Филиппово говенье князь Юрий смоленский отъехал из Новгорода на Москву, и князь великий дал ему наместничество в Торжке. И он там убил неповинно служившего ему князя Семена Мстиславича вяземского и его княгиню Ульяну. Ибо уязвился плотским хотением на его подружку и взял ее к себе, хотел с нею жить. Она же не хотела сего сотворить и говорила ему: «О, князь, что сие мыслишь? Как я могу мужа

своего, живого, оставить и к тебе пойти?». Он же восхотел лечь с нею, она ж противилась ему и, взяв нож, ударила его в плечо. Он же весьма взъярился и вскоре сам убил мужа ее князя Семена Мстиславича вяземского, служившего ему, и за него кровь проливающего, и неповинна была пред ним, ибо он не учил ее так сотворить. А ей повелел руки и ноги отсечь и кинуть в воду. Они ж повеленное сотворили и в воду кинули. И было ему в грех и в стыд великий, и с того побежал к Орде, не терпя горького своего безвремения, и срама, и бесчестия.

Война плесковичей на Полоцк. Князи Даниил и Юрий. Той же зимой плесковичи с князем Константином ходили ратью к Полоцку, взяли город их Порхов и, волости извовав, возвратились восвояси; а князь Константин пошел в Москву. Той же зимой новгородцы взяли к себе князя Даниила и брата его князя Юрия и дали им град Порхов. В том же году пришел из Цареграда владыко Феодул трапизондский в Новгород милостыни ради.

6916 (1408). Псковичи приходили на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу просить себе помощи на немцев. Он же послал к ним брата своего князя Константина Дмитриевича, и пребывал тот во Пскове почти весь год.

Умер еп. Ефросин суздальский. Вознесенский монастырь. Одоев взят. Война с Литвою. В ту же зиму в марте преставился бывший епископ суздальский Ефросин. В ту же весну великая княгиня Евдокия Дмитрия Ивановича Донского заложила на Москве церковь каменную святого Вознесения внутри града Москвы. В ту же весну месяца мая в 20 день литва взяли Одоев и огнем пожгли. В тот же год во Твери заложена была колокольня около старой великим князем Иваном Михайловичем тверским в Петрово говенье. В тот же год в Петрово говенье пошел князь Юрий Всеволодич тверской с Москвы в Орду, ища княжения Тверского под князем Иваном Михайловичем тверским. В тот же год еще более ратью сражался с Литвою князь великий Василий. В тот же год было знамение на Пахре, пошла кровь от иконы пречистой Богородицы.

Умерла вел. княг. Евдокия. Июня в 7 день преставилась великая княгиня Евдокия Дмитрия Иоанновича Донского во монашеском чину, и наречена была во иночицах Ефросиния, и положена была в монастыре церкви Вознесения Господня, которую сама заложила.

Война псковичей на немцев. Явизна. Князь Константин Дмитриевич ходил с псковичами на немцев ратью и много воевал земли немецкие, и людей много посек, а иных пленил, и взял град немецкий именем Явизна.

Умер еп. Феогност рязанский. В тот же год преставился Феогност, епископ рязанский.

Смятение татар. Хан Шадибек свержен. Хан Булат. Суд о княжении тверском. Июля в 20 день князь Иван Михайлович тверской пошел в Орду в судах по Волге к хану Шадибеку. И был в то время до его прихода мятеж великий в Орде, хана Шадибека согнали, а Булат-Салтана на царстве Ордынском посадили и князей многих ордынских посекали. Но Божию милостию князь Иван Михайлович тверской пришел в Орду поздорову. И был им суд пред новым ханом Булатом с князем Юрием Всеволодичем тверским о великом княжении тверском. Хан же Булат, судив, и все князи ордынские оправдали князя Ивана Михайловича тверского; и отпустил его хан из Орды, и многую честь воздал ему, а князь Юрий Всеволодич там в Орде остался. В тот же год во Твери закончили расписывать церковь на Городке святого архистратига Михаила. В тот же год владыка Арсений тверской прибавил притвор от Тмаки реки у церкви пречистой Богородицы, которая на Желтикове.

Затмение луны. Саранча. Мая в 25 день в раннюю зарю месяц на небе погиб весь и так зашел. В тот же год было пасмурно очень и дождливо весьма и повсюду. В тот же год червь, окрылатев, шел от востока на запад, и поел деревья, и засушил их и жита.

Война на Литве. Мятеж литовский. Августа в 6 день князь великий Василий Дмитриевич московский, собрал воинов многое число, пошел ратью на Литовскую землю, на Витовта литовского, и взял град Дмитровец, и огнем пожег. Встретил же его Витовт Кестутьевич со мною силою. Когда же были они у Вязьмы, там взяли перемирие, каждый разошлись восвояси. Того ж августа был мятеж и особицы многие, еще ж и голод великий по всей земле Литовской.

Немцы ко Пскову. Плесковичи побиты. У великого князя просят помощи. Августа в 16 день немцы пришли ко Пскову ратью, и переправились через Великую реку, и потом немного от града отступили. Плесковичи же, не уймась, из града на них выехали и сошлись с немцами. И тогда немцы псковичей одолели и убили псковичей 809 человек, и посадника Ефрема Корточа, и бояр Елентия Губку и Панкратия. И снова прислали плесковичи к великому князю просить помощи. В тот же год в месяце августе завершил владыка Иоанн, архиепископ новгородский, церковь каменную на Веренде и на Видогощи святого Преображения Господня и монастырь устроил. В том же месяце августе новгородцы завершили церковь каменную святого Власия на Волосовой улице. И в тот же месяц август посадник Юрий Дмитриевич и брат его Яков завершили церковь каменную святого Чуда архистратига Михаила во Аркажем монастыре. В тот же год в августе в Новгороде погорел Неревский конец, да и двор владычней, и церковь

святой Софии сгорела, и Владимирский берег, и Людогоща улица, и Хревкова улица; а святых церквей каменных 12 огорело, а деревянных церквей 6 сгорело.

1409. Кн. Иван пронский. Татары на Литву. В год 6917 (1409) сентября 6 князь Иван Владимирович пронский пришел из Орды от хана Булат-Салтана с пожалованием и с честью на Русь и сел в Пронске, а с ним посол ханский. В ту же осень в сентябре татары Булат-Салтана, царя Большой орды, воевали Литву.

Умер Юрий смоленский. Сентября в 14 день преставился князь Юрий Святославич смоленский, Иванов внук Александров, правнук Глебов, праправнук Ростислава, препраправнук Мстислава, пращур Давыдов, прапращур Ростиславов, препрапращур Мстиславов Владимира Мономаха, на Воздвижение честного креста, не на своем княжении Смоленском и вотчине и дедине, но на чужой стороне, скитаясь и странствуя во изгнании, переходя от места на место в пустынях, своего княжения Смоленского вотчины лишенный; от княгини, чад, братии и сродников, и всех князей, и бояр, и воевод, и слуг отчуждился, и ни с чем был, и в Рязанской земле пребывал в пустыни у некоего старца христоролюбивого, игумена Петра; и там несколько дней пребывал в печалях и скорбях, и сетуя, и плача, поминая свои беды и напасти, и все сие собрав во уме своем и в мысли своей, плачась и сетуя о грехах своих, и жития сего суетного и прелестного бедную славу и погибающую забывал, и от мысли своей вовсе отвращал, и добрым житием тщился угодить Богу. А затем в недуг впал, и мало поболев, скончался во Господе. И проводили его честно, и погребли его с надгробными песнями. И так скончался род князей смоленских, и княжество от своих князей отчуждилось. И начал владеть Смоленском Витовт Кестутьевич, великий князь литовский. И прочие после него наместников сажали и ими властвовали.

Война немцев на Новгород. Той же осенью октября в 10 день немцы приходили ратью на Новгородские волости и воевали их, и возвратились восвояси. Той же зимой в декабре пришел в Новгород Великий князь Константин Дмитриевич от брата своего великого князя Василия Дмитриевича наместником.

Месяца января в 25 день пришел из Орды от хана Булат-Салтана во Тверь князь Иван Михайлович тверской, а с ним посол ханский. И встретили великого князя с крестами честно, и горожане все вышли к нему с великою радостью. Той же зимой были морозы, и снега велики весьма, и ветры и вьюги беспорядочные, и путь из Орды был с нуждами и тяжек очень.

Женился князь Иван тверской. Женился Ярослав. Умер Иларион еп. коломенский. Той же зимой женился князь Иван Михайлович тверской, взял за себя дочь князя Дмитрия Еремеевича.

Той же зимой женился князь Ярослав, Владимиров сын, Андреев внук, Иванов правнук, Даниила московского праправнук. Той же зимой месяца марта в 9 день преставился Иларион, епископ коломенский. Той же зимой марта в 11 день прощен был человек некий у гроба святого Петра чудотворца в великой соборной церкви митропольской на Москве, который был в великом недуге и в болезни, и отошел в дом свой здрав.

Немцы на Плесков. Той же зимой приходили немцы на Псковскую землю воевать и у Пскова много стояли около града. Псковичи ж были в большом изнеможении, поскольку великая сила немецкая пришла на них. В ту же весну в месяце мае начали расписывать великую соборную церковь пречистой Богородицы владимирской повелением великого князя Василия Дмитриевича, а мастера были Даниил иконник да Андрей Рубль.

Война рязанских. Бой на р. Смядве. Жеребцев. Рязанцы побиты. В тот же год князь Иван Владимирович пронский, придя с татарами внезапно на князя Феодора Олеговича рязанского, внука Иванова, с Рязани согнал. Он же бежал за Оку реку в Коломну и в Москву, а князь Иван сел на обоих княжениях, на Рязанском и на Пронском. А затем потом, спустя малое время, собрал князь Феодор воинов великого князя в помощь с Коломны, Серпухова и иных градов и пришел ратью на князя Ивана. И был у них бой крепкий на реке Смядве июня в 1 день, и помог Бог князю Ивану Владимировичу пронскому, и пали мертвые от обоих многие, и одолел до конца. И убили тогда Игнатия Семеновича Жеребцева, воеводу коломенского, и Михаила Лялина, Ивана Брынка и много коломничей побили, муромского же воеводу Семена Жирославиича поймали и многих муромцев побили; и пролилась кровь христианская напрасно, поскольку каждый брата своего ненавидел, и пределы свои преступал, и чужое желал и похищал. В тот же год князи рязанские Феодор Олегович и Иван Владимирович мир и любовь между собою взяли и крестным целованием укрепились, сказав: «Почему дьявола тешим без причины, и напрасно бранимся, и кровь христианскую проливаем? Род один мы, братия и сродники, будем в мире и в любви заедино и сидим каждый на своих вотчинах в соединении и в любви братской; никто же в братние пределы не вступайся и брани и вражды не воздвигай, но имеем брань на бесов и на врагов наших, на неверные народы». И так сели в мире и в любви на своих княжениях, и была радость великая на Рязани о соединении, и любви, и мире великих князей рязанских.

Семен Лугвень опять в Новгороде. В тот же год новгородцы испросили себе у Витовта, великого князя литовского, князя Семена Лугвеня Ольгердовича. Он же дал им его. Новгородцы ж подавали ему пригороды, которые прежде бывали за ним. В тот

же год в Новгороде Иоанн, архиепископ новгородский, покрыл церковь святой Софии свинцом, а маковицу большую позолотил.

Ржева. Кн. Юрий козельский. В тот же год повелением великого князя Василия Дмитриевича срублен град Ржева. А воевода был князь Юрий козельский да Юрий Васильевич.

В тот же год в месяце июне был пожар во граде Ростове, много церквей сгорело и соборная церковь пречистой Богородицы выгорела, что и камни рассыпались; в ней же святые иконы чудные весьма, и книги старинные многие, и сосуды золотые и серебряные с жемчугом и с камнями драгоценными, и ризы, и всякое украшение драгоценное и многоценное огнем погорело; и дворы княжие, и боярские, и прочих людей со многим товаром погорели. Ведро же было тогда весьма, еще же к тому буря и вихрь великий весьма. Много же и людей погорело, более тысячи человек. Такого пожара великого в Ростове не бывало с двести лет.

Кн. Свидригайло в Москву. Еп. Исакий брянский. Кн. Александр звенигородский. Кн. Патрикей. Кн. Семен перемышльский. Кн. Михаил хотетовский. Кн. Уруста минский. Свидригайло владимирский. Июля в 26 день пришел к великому князю Василию на Москву из Брянска князь литовский Свидригайло Ольгердович служить, с ним же владыка брянский Исакий, да с ним же князь Патрикей звенигородский, да князь Александр звенигородский из Путимля, да князь Феодор Александрович, да князь Семен перемышльский, да князь Михаил хотетовский, да князь Уруста минский, и бояре черниговские, и брянские, и стародубские, и ярославские. Князь же великий Василий Дмитриевич принял его с великою честью и дал ему город Владимир со всеми волостями и с пошлинами, и с селами, и с хлебами земляными и стоячими, да Переславль, Юриев Польский, Волок Ламский, да Ржев со всем и половину Коломны.

Мор. Война на Витовта. В тот же год мор был на людей по многим странам харкотою в волостях Ржевских, Можайских, Дмитровских, Звенигородских, Переславских, Владимирских, Юрьевских, Рязанских и Торусских; было ж местами и в Московских волостях. В тот же год в месяце августе засуха была и морозы великие. В тот же год в месяце августе приходили послы татарские из Орды от хана Булат-Салтана к великому князю на Москву. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич по совету и просьбе литовских князей, Свидригайло и иных, начал собирать рать; еще же и к татарскому хану посылал, прося помощи на Витовта, желая его землю Литовскую воевать и пленить.

1410. Фотий митр. В 6918 (1410) сентября в 1 день поставлен был в Цареграде патриархом кир Матфеем при державе цареградского царя Мануила преосвященный митрополит Фотий.

Поход на Литву. Мир на Угре. Того ж сентября в 1 день князь великий Василий, собрав силу многую, пошел против Витовта, тестя своего, великого князя литовского, и придя, стал у Угры на берегу. А Витовт также со мною силою пришел с другой сторону реки той Угры, с ним же литва, ляхи, немцы, жмодь. И стояли между собою через реку Угру много дней, сражаясь набегами; и обменявшись сообщениями, взяли мир по старине и разошлись каждый восвосяи.

Тверской на Кашин. В ту же осень в октябре князь Иван Михайлович тверской пошел ратью к Кашину на племянника своего князя Ивана Борисовича, он же бежал на Москву. А князь Иван Михайлович, придя к Кашину, помирился с братом своим князем Василием Михайловичем кашинским; а сноху свою, княгиню Борисову, поймал, привел во Тверь, а на Кашине посадил наместников своих и дань на них взял.

Татары на Русь. Немцы у Пскова. В ту же осень в ноябре пришел татарин из Орды на Москву, поведал великому князю, что «князь ордынский Едигей хочет завоевать землю твою». Той же осенью в месяце ноябре немцы воевали Псковские волости.

Война татар на Русь. Князи татарские. Коварство татар. Смута Едигея. Декабря в 20 день князь ордынский Едигей повелением хана Булат-Салтана пришел ратью на Русскую землю, а с ним четыре султана да многие князи татарские; а вот имена их: Бучак, Тегрибердий, Алтамир, Булат; князи ж их: Едигей, Магмет, Исуп, Сулеменов сын, Тегиня, Шихов сын, Сарай Урусахов, Обрягим, Темирязев сын, Якшибей, Едигеев сын, Сентялибий, Бурнак, Ериклибердей. Князь же великий Василий, слышав сие, печален и скорбен был весьма и смущался о взаимной любви с сим Едигеем и присвоении к нему. Но не есть сие дивно о татарах мыслить, поскольку измаилтяне изначала лукавый мир с русскими князьями имеют, наиболее же и великому князю лестно мир предлагая; ибо никогда истину не говорят христианам, если подлинно когда немногие найдутся, и тогда, дары и честь принимая, лестно и злоковарно мир и любовь сотворяют и тем злохитрство свое скрывают, яд же свой тайно имеют; а кроме того таковым пронырством русских князей друг с другом вражду устраивают, и от любви их отлучают, и особо рать во вражде между ними составляя, сим разоряя, сами живут в довольстве, и втайне сии злые волки, христианам губители, обретаются научением отца их сатаны. Как и ныне во дни сии случилось благоверному и христоролюбивому великому князю Василию Дмитриевичу, что милостию Божию благовременно правил державой своей и в добрых делах светился. Лукавые ж измаилтяне, завистью поджигаемые, не терпели видеть исполнение величества державы его и тишины христианской, всячески покушаются разорить и пленить державу его

и всех князей русских, того ради лукавствуют с князьями русскими, лестный к ним мир составляют. Но Господь Бог своею благодатию и пречистая его мать Богородица бездельные советы их разоряли. И когда с малым числом попустит им Бог сражаться против нас, тогда от дел и обычаев греховных отступить обещаемся, и Бог милостию своею и пречистая его мать Богородица тишину нам даст и благоденствие, и мы тогда в забытье приходим, от правды заблуждаем, и друг и друга, забыв, ненавидим, и брат на брата ратью ходим, и чужое похищаем, и намерения злые имеем. И того ради Господь Бог восставляет на нас врагов наших, и сечет жезлом беззакония наши, и ранит: «Ибо многие, сказал, раны грешному». Злочестивые же агаряне, словно волки коварно нападая, подкрадывают из нас, ожидая когда князи, надеясь, с ними истинно мирно и любовно пребывая, бесстражные от них будут, да обрета они время удобное себе, вместо злого желания получают. Так вот сей князь Едигей был более всех князей ордынских и все государство ордынское один держал и по своей воле хана поставлял, какого хотел, многую ж любовь лукавную и к великому князю Василию Дмитриевичу имел, честию высокою обложил его и дарами многими почитал; и еще ж надо всеми сими и сыном его любезным себе именовал, и некое многое обещал ему, и власть его расширить и возвысить более всех князей русских обещал; приходящих же от него в Орду послов чтит весьма и берег, и отпустил на Русь с честию и с миром, и мир глубокий обещал иметь с ним, но ожидал удобного времени для злонамерения своего хищного. И когда узрел сие, что великому князю Василию Дмитриевичу случилось гнев и брань иметь с тестем своим Витовтом, великим князем литовским, неких ради земских вещей, как обычай бывает князьям, ибо тогда Витовт Кестутьевич владел всею землею Литовскою и Киевскою, многие обиды Русской земле наносил. И князь великий Василий Дмитриевич все бывшие ему обиды от тестя своего Витовта великому князю ордынскому Едигею поведал подлинно, желая от него помощь обрести, поскольку любил его Едигей и в сына его имел себе. Он же лукавый и злохитрый обещал всячески помогать сыну своему великому князю Василию Дмитриевичу, говоря: «Да и прочие князи русские, любовь нашу с тобою уведав, мирные и кроткие будут и устрашатся тебя». И так уверил и обольстил великого князя Василия. А великому князю литовскому Витовту тот же злохитрый губитель христианский, посылая, говорил: «Ты мне будь другом, и я тебе буду другом. А о зяте своем князе великом Василие познай, что желатель есть в чужие пределы вступать и не свое похищать. И вот же и на тебя подвизается сражаться и твои пределы расхищать. Охраняйся же от него, поскольку и мне слова многие говорил на тебя и серебра и золота много посылает

ко мне и к хану, чтобы или я сам, или хана увещал со всею ордою пойти ратью на тебя и пленить и жечь землю твою, чтоб ему засесть в градах твоих. Так вот он воздвигает нас на вражду к тебе, моя ж любовь к тебе не угасает никогда же. Сии же все мои слова в себе такие вот имей и никому не поведай». Сим уверился Витовт, и начали войну. А Едигей ж радовался, помыслив в себе так: «Когда будут сии между собою сражаться, тогда умалятся воинства их. Если же не избыются до смерти, они утихомятся, и мне будет время поспешно кого хочу воевать, и не будет мне противящихся». И посылал на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, поощряя его на Витовта и помощь свою давая ему.

Рассуждение благое. Татары у Москвы. Коломенское. Новгород Нижний. Переславль. Городец. Ростов. Дмитров. Серпухов. Верея. Смятение татар. Откуп с Москвы. Князь же великий Василий, собрав своих князей, и бояр, и думцев, поведал им таковые слова. Князи же, и бояре, и думцы его возрадовались, и вся Москва радовалась Едигеевой любви к великому князю Василию Дмитриевичу, и говорили: «Орда вся в воле великого князя Василия, да кого хочет воюет, и наша будет вся, и прославимся более всех». И начали воевать Литву, имея рать татарскую с собою, а Литва воевали Русскую область. И кровь многая проливалась, а татары полоном и именем обогатели, и московские бояре, и воеводы, и вельможи веселились. Многие же мужи сего не похвалили, говоря: «Не добра дума бояр наших, которые приводят на помощь себе татар, нанимая их серебром и золотом. Не таковых ли ради прежде сего Киеву и Чернигову напасти и беды многие случились, когда иные, имея брани между собою, поднимали половцев на помощь, и воевали брат брата, и смерти предавали, и братние пределы расхищали, а половцы, рассмотрев все устройство русское, и все воинство, и крепость князей наших, воевали и совместно с ними одолевали всех. Когда и ныне такими хотят быть?». Князь же великий Василий Дмитриевич с тестем своим великим князем Витовтом Кестутьевичем литовским воевались, многое томление и издержки друг другу сотворив и многую кровь пролив, перемирие взяли. Но гнев меж ними умножался тайно. Ибо не было в то время на Москве бояр старых, но юные советы давали обо всем, и разногласиям, и ратям, и кровопролитию радовались, тем и многие в них неустроения бывали. Едигей же непрестанно ссоры творил между обоими, ибо ведал, что ближники они, тот тесть, а сей зять, и не очень хотят к брани, и нежелательны к кровопролитию, но к миру и любви. Он же, не переставая, ссоривал их, и все устройство русское рассматривал, и воинство русское созирал, и ища себе удобное время, хотел воевать Русь. Мир же с Литвою был, но в Литве порознились князи

брatья. И в то время прислал князь Свидригайло Ольгердович на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, желая с ним с одним на Витовта воевать. Свидригайло же лях был верою, но устроен к брани, муж храбрый и крепкий на ополчение. И рад был ему князь великий со всеми боярами своими, и передали ему грады многие, почти половину великого княжения Московского, и славный град Владимир, в котором соборная церковь пречистой Богородицы Успения, златоверхая называемая, 5 верхов златых имеющая, в которой чудотворная икона пречистой Богородицы, которая многие чудеса и знамения сотворяет и язычников устрашает. И сие все ляху пришьелу дано были. И снова была с Литвою война явно подстроенная. И тогда пришла весть, что Едигей князь со всею Ордою идет на Русь. И сим тот храбрый князь Свидригайло Ольгердович и храброе его воинство в смятение пришли и устрашились, словно молодые отрочата, во время Едигеева нашествия и на бег уклонились. На третий же год произошло нестроение великому князю Василию Дмитриевичу с Витовтом, и пришли обои к Угре реке, и мало постоял, взяли мир по старине и разошлись каждый восвосяси, как выше сказано, Свидригайло ж русскими градами владел. Татары ж недалеко кочевали и видели их, как утружденные и истомленные разошлись восвосяси; еще ж и устройство их рассмотрели, и всю крепость их уведали, и все то поведали князю Едигею ордынскому. Едигей же иногда называл себя отцом великому князю Василию Дмитриевичу, а втайне намерение злое свое скрывал, сыном именовал, а сражаться и пленить хотел, и послал с лукавством к великому князю Василию Дмитриевичу, говоря такое: «Ведай же, Василий, вот идет хан Булат-Салтан со всею великою ордою на Витовта, да мстит, сколько тот сотворил земли твоей. Ты ж воздай честь хану: если не сам, и ты сына своего пошли к хану или брата; если же не так, и ты одного из вельмож пошли к нему, ничего не боясь, поскольку я помогаю тебе во всем». Так вот Едигей, имея злое намерение, хитрил, да не соберут воинства и препятствия хотению его сотворят. Посол же Едигеев на Москву пришел и таковое изложил, а другие поведали, что Едигей льстит и хочет Русь воевать. князь же великий и все люди в недоумении были, не зная, какое правое есть и чему верить, ибо не было правой вести; и так воинства не собрали. А храбрый литовский князь Свидригайло с его воинством отошел в Литву в нашествие Едигеево. И отпустил князь великий к Едигею одного из вельмож, Юрия именем, с дружиною, заповедал ему крепко разведать, да если Едигей на рать намерение злое имеет, то вскоре пусть присылает весть, чтобы приготовиться супротив татар. И когда Юрий пришел в Орду, взял его Едигей за стражу крепкую и бывших с ним, а по путям и перелазам всюду послал заставы, чтобы весть на Москву не при-

шла; и сам скоро пошел в Русь со всеми воинствами. На Москве же ждали вести от Юрия, и не было. И вот помалу иной некто, вскоре пригнав, поведал о рати татарской, уже близь идущей. Сие же слышав, князь великий Василий Дмитриевич не успел ни мало воинства собрать; и так град к осаде оставил, и в нем оставил дядю своего князя Владимира Андреевича, внука Иванова, правнука Иванова ж, праправнука Даниила московского, и братию свою, князя Андрея Дмитриевича да князя Петра Дмитриевича, и воевод, и великое множество народа, а сам с княгинею и с детьми отъехал на Кострому. И впал в смятение град, и устрашились люди и начали бегать, не заботясь ни об имении, ни об ином ни о чем же, а разбойники, и тати, и похитители руки свои наполнили богатством ограблением. Когда же передний полк татарский явился, тогда повелели посадки зажечь. И был мятеж великий, вопили и кричали люди, а пламень огненный гремел и на воздух восходил, и град от всех сторон татарами окружен был. День же пяток был и к вечеру клонился, и полки татарские еще более умножились и становились на поле града, не смея же близ града стать пристроек ради градных и стрельяния со града. А сам Едигей, придя, стал в Коломенском и видел, что все люди ужаснулись и ни одного против него не стояло, и распустил по всей земле воинство, и так смирил нас Господь Бог пред врагами нашими, грехов ради наших: если где явится один татарин, и наши многие не смели противиться ему; если же где два или три явятся татарина, то великое множество христиан на бег устремятся, и жен, и детей оставляя. Так низложена была гордыня наша, и совершилось прежде бывшее знамение: истечение крови на Пахре от иконы пречистой Богородицы в Коломенском уезде. Воинство же татарское, распущенное Едигеем, воевали и пленили много. Взяли же грады: Переславль и огнем сожгли, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею и Новгород Нижний, и Городец, и волости и села попленили и пожгли, людей побили и пленили. А иное великое множество христиан от зимы умерли, ибо была тогда зима тяжкая и студеная весьма, и вьюги и ветры великие. А гордый князь Свидригайло с храброю его литвою нигде ни мало с иноплемениками не сразился, ибо сломилось оружие их и вся их хитрость воинственная. Едигей же князь все попленил, а за великим князем Василием Дмитриевичем послал султана Бегабердея, да сына своего Якшибея, да князя Сеитбея с тринадцатью тысячами избранной рати татар. Они ж, не дойдя до него, возвратились, и многие в лесах от христиан убиты были. Едигей же окружные места около Москвы все попленил и пустыми сотворил, только один град Москва сохранился. Ибо сам Едигей князь ко граду Москве не приступал, ни посылал, но хотел зимовать и всячески взять ее; и гордились, и превозносились много, и послал во Тверь

к князю Ивану Михайловичу тверскому султана Булата да князя Ериклибердея, веля ему тотчас быть к Москве с пушками, и с тюфяки, и пищальями, и самострелами. Он же пошел с ними с малым числом и не дошел, но отпустив их, возвратился из Клина обратно, не хотел изменить великому князю Василию Дмитриевичу, а Едигея не хотел разгневать. А в то время из Орды пришли от хана Булат-Салтана скоропосланники, велели князю Едигею быть у себя в Орде без всякого ожидания. Ибо когда отпустил их всех хан Булат-Салтан на Русь, тогда некий султан усмотрел себе время и восхотел принять ханство Большой орды и Булат-Салтана изгнать или убить. Тогда Едигей вскоре устранился и в смятение пришел, ни одного дня не мог промедлить и говорил к дружине своей: «Скорее отойдем в Орду, да не лишимся всего своего. Если подлинно там иной некто, придя, Орду нашу возьмет, а здесь князь великий Василий, собравшись, нас победит, что сотворим тогда?». И так скоро послал ко граду, мира прося; и примирившись с горожанами, взял откупа 3000 рублей, простояв месяц под градом Москвою, отошел восвосяи с бесчисленным полоном и богатством.

Клин. Голод. Той же зимой Едигеева рать Тверского предела дома святого Спаса взяли Клинскую волость и множество людей побили, а иных в плен отвели. На то же лето дороговизна была великая всякому житю, и множество христиан умерли от голода, а житопродавцы обогатели.

Послание Едигеево. В тот же год Едигей князь ордынский прислал к великому князю Василию Дмитриевичу, так говоря: «Слышание нам учинилось таково, что Тохтамышевы дети у тебя, и того ради пришли мы ратью, да еще слышание наше таково, что неправо у тебя чинится в городах: послы ханские и гости из Орды к вам приезжают, и вы послов и гостей на смех поднимаете, да еще великая им обида и истома у вас чинится. То не добро. А прежде сего улус был ханский и державу держал, и пошлины давали, и послов ханских чтили, и гостей держали без истомы и без обиды; и ты б спросил старцев, как делалось прежде сего. И ты ныне того не делаешь; тогда так ли то добро? А Темир-Кутлуй сел на Орде, а ты улусу государь учинился, и от тех мест у хана ты в Орде не бывал, и хана ты во очи не видал, ни князей, ни старших бояр, ни младших, ни иного ты никого не присылал, ни сына, ни брата ни с которым словом не посылал. И потом Шадибек восемь лет владел, и у того ты также не бывал и никого ты ни с которым же словом не посылал. И Шадибеково ханство также минуло, и ныне хан Булат-Салтан сел на Орде и уже третий год владеет, также ты ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старшего боярина не присылал. А над таким великим улусом старший ты великий князь, а все твоя дела недобры и неправы. Добрый

нрав, и добрая дума, и добрые дела были к Орде от Федора; добрый то был человек, которые добрые дела ордынские тебе напоминал; и то минуло, и ныне у тебя сын его Иван, казначей и твой любимец и старейшина, и ты ныне из того слова и из того думы не выступаешь. Тогда того думою учинилась твоему улусу пакость и христиане изгибли; и ты б опять так не делал, а молодых не слушал, и собрал бы ты старших своих бояр и старцев земских, да думал бы с ними добрую думу, коя бы пошла на добро, чтобы и твоим христианам малым и великим было добро, не погибли бы от твоей гордости в твоей державе до конца никто ж. Если же ты не восхочешь так делать, но осваиваться восхочешь, тогда тебе робятиться и бегать. Добро быть так, как жили раньше, и как бывало пошлины ведать, и как во улусе жить безбедно и княжить. А обиды каковы ни бывают или от князей русских, или от литвы, и ты к нам на них жалобы шлешь ежегодно, и жалобные грамоты и обороны у нас на них просишь, и покоя в том нам от тебя нет никогда, а отговариваешься тем, что улус истомился и выхода взять не на чем. И мы прежде сего улуса твоего сами своими очами не видали, только мы слухом слышали; а что твои приказы и грамоты твои к нам в Орду посылал ты, то нам все лгал: а что ты брал в твоей державе со всякого улуса с двух сох рубль, и то серебро куда девается? Тогда бы добро было так, чтобы с тобой спознаться; чтобы то отдано было по старине по правде, и тогда бы того зла улусу не учинилось, а христиане бы не погибли до конца, а ярости бы и храбрости нашей на тебе не было».

Рассуждение творца. Летописцы древние. Советы старших. Старость не в годах. Нам же разуметь подобает, отчего агаряне так востали на нас. Не явно ли есть, что за грехи наши попускает их на нас Господь Бог? Да обратимся и покаемся; ибо много в нас неправды и зависти, ненависти, гордости, разбоя, татьбы, грабления, насилдование, блуда, пьянства, объедения, лихоимства, лжи, клеветы, осуждения, смеха, плясания, позорищ бесовских, и всякое возвышение возвысившихся над разумом Божиим, и всякое непокорство закону Божию, и заповедей Господних презрение. Юные же старчество презрели, один другого оклеветывает, умные и старые советники и доброжелатели земли отлучены, а молодые и несмышленные, лстящиеся имением, в советы князям вошли и старших ни во что вменили. И таковых ради придет гнев Божий на сына непокорения. И если от зла обратимся и покаемся, помилованы и спасены будем, если же не обратимся и не покаемся, супротивное найдем. И сие все написанное хотя же и не лепо кому видится, что столько от случившегося в нашей земле не сладостное нам и не уласкание говорившим, но учительное, и к пользе обретается, и восставляющее на

благое, и незабытное. Ибо мы, не досаждая и не понося, ни завидуя чтя честных, таковое учинили, ибо так вот обретаем Нестора, начального летословца киевского, который все временнобытства земские прямо, без намеков показывает; и первые наши властодержцы без гнева повелевали все доброе и недоброе случившееся описывать, да прочим после них образцы явлены будут, как при Владимире Мономахе оном великом Сильвестр выдобжский не украшая писал. Также Симон, епископ суздальский, не украшал доброжелателей, ни же не умолчал о добре зло делающих; да если хочешь, прочти там прилежно, да почитать начнешь. Ибо всякое благое и спасительное настоящего и будущего века не в гневе и гордости и щегольстве обретаются. Тем же и прежде начальные отцы безгневием, и простотою, и смирением все блага бывшего и настоящего века настолько обрели, насколько и нам передали, мы же, сим научаясь, таковые все случившиеся во дни наши не преминули властодержцев наших досматривающих о сих и прилежно внимающих, да о таковых вещах рассуждением рассудным да рассуждают, и лучшее и благое да избирают, юные же старцев да почитают и сами одни без искуснейших старцев всякого земского правления да не самочинствуют. Ибо красота граду старые мужи, и честна дума со старыми и белыми сединами бывших, особенно же со знающими; ибо есть и старость не многолетняя, а честная, по Соломону, ибо седина, сказал он, мудрость есть для людей, и возраст старости житие нескверно; но вот всяко от всех слышится, что красота граду есть старчество, поскольку и Богом почтено есть старчество; ибо говорит писание: «Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе».

Новгородцы на болгар. Новгородцы побиты. В тот же год новгородский посадник Анфал ходил на болгар ратью Камою и Волгою рекою, Камою сто насадов, а Волгою рекою полтора насадов. И камские насады прежде спели, а волжские насады не спели. И пришли на них татары и побили, а Анфала взяли и в Орду отвели. В месяца сентября в 1 день пришел из Цареграда в Киев и на всю Русь Фотий митрополит, поставленный Матфеем патриархом цареградским, и приняли его с великою радостью и любовью и со многою честью все князи русские, и бояре, и люди, и была радость по всей земле.

Свидригайло в Литву. Князь Свидригайло Ольгердович, внук Гедиминов, которого все возносили богатейство, и удалство, и мужество великое в победах, но от Едигеевых татар утомился весьма, бегая и со всею храброю литвою; а славный град русский Владимир, и Переславль, и Коломну, и иных множество городов, и волостей, и сел, и угодий, и что много говорить, почти половину всего княжения Московского держал за собою, а победы на агарянами не показал нигде ж, бежал. И едучи в Лит-

ву, пограбил град Серпухов и опустошил, и отошел восвоися со многим богатством.

Той же осенью преосвященный Фотий митрополит, который поставлен во Цареграде в лето 6917 блаженным Матфеем, патриархом цареградским, при Мануиле, царе цареградском, и на Руси при великом князе Василии Дмитриевиче московском, из Цареграда пришел в Киев и на всю Русь в лето 6918 месяца сентября в 1 день. И из Киева пришел на Москву месяца апреля на самый Великий день Христова воскресения; и встретили его с крестами священный собор и сам князь великий Василий Дмитриевич далеко за градом с князьями, и боярами, и со множеством людей, со мною радостью и веселием и со мною честью и верою приняли его и торжествовали светло. Королевство ж Польское держал тогда Ягайло Ольгердович, внук Гедиминов, великое ж княжение Виленское и Киев держал тогда Витовт Кестутьевич, внук Гедиминов, тесть великого князя Василия Дмитриевича, во Твери ж на великом княжении сидел тогда великий князь Иван Михайлович, внук Александров, правнук Михаила Ярославича, на царстве же Большой орды сидел тогда Булат-Салтан царь, а у него старший князь надо всеми князьями в Орде тогда был Едигей окаянный, в Рязани ж на великом княжении сидел тогда великий князь Феодор Олегович, внук Иванов, зять великого князя Дмитрия Иоанновича московского.

После пленения татарского злочестивого Едигея, поскольку была тогда вся земля пуста, люди все изведены в Орду, и митрополия вся пуста, были же тогда голода и моры частые, и опустели многие волости великие в Русской земле. После сего начали люди, сходясь, селиться в Русской земле. Фотий же митрополит, видя что все волости церковные растащены и разорены, начал снова собирать, от князей, бояр и от всех людей изыскивать и пошлины и доходы умножать и укреплять, иные же ценою прикупать земли, воды, села и волости. Он же всех от малых и до великих наказывал благочестия словами поучений божественных Писаний соблюдать заповеди Христовы, и отвращаться от злого, и пребывать во благом. И так вот после татар и после частых многих моров начали множиться люди в Русской земле, а также потом, стяжанием митрополии своей церковной и доходов, Фотий митрополит начал обновлять, что где изгибло, и начал изыскивать, от князей и бояр что изобижено, или от иных неких лихоимцев что похищено: села, и волости, и доходы, и пошлины Христова дому, и пречистой Богородице, и святым великим чудотворцам Петру и Алексию; он же все сие от них взимал и утверждал крепко в доме Христовом, и пречистой Богородицы, и святых чудотворцев Петра и Алексия, во священной митрополии всяя Руси, и доходы, и пошлины, и земли, и воды, и села, и во-

лости. Иное же и прикупил во славу имени Христова и пречистой Богородицы на пропитание убогим и нищим, как писано было: «Церковное богатство нищих богатство»; и «Дающий нищему взаем, дает Богу»; и «Блажен разумеющий нищих и убогих, в день лютый избавит Господь, Господь хранит, и живит, и убожит на земли, и не предаст его в руки врагам его»; и «Милостынями очищаются грехи, и как вода угасит пламень огня, так и милостыня очистит грехи». И святой пророк Даниил сказал: «Искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным». Был же Фотий митрополит разумен весьма, и добродетелен, и мужествен, рождением же и воспитанием грек Аморийской земли. Смлада возлюбил Бога, оставил мир, который был в миру во юности, и постригся у великого старца Акакия. И потом блаженный Акакий возведен был на великий святительский престол, и сей Фотий с ним шел, и у него жил, и оттуда Божию благодатию во Цареграде поставлен был на великий святительский престол на митрополию киевскую и на всю Русь. И не было ему в таковых, что в чужой земле, и языка, и попечения, и молвы, и мятежей, и смущения отовсюду не знал, и если за села многая молва на него восставала, он же изнемогал, и скорбел, и ко Господу Богу и пречистой его матери Богородице припадал со умилением и смирением, и Бог благодатию своею соблюдал его и помогал ему.

Умер Владимир. Кудрино на Пресне. В ту же весну в месяце мае преставился князь Владимир Андреевич, внук Иванов, правнук Даниила московского, и завещал княгине своей и детям своим дать в дом Христов и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев Петра и Алексия, митрополитов всея Руси, и отцу своему преосвященному Фотию митрополиту после себя и по своему роду село свое Кудрино и с деревнями, и со всеми угодьями, как пошло из старины. И княгиня его Алена, Ольгерда литовского дочь, по приказу мужа своего князя Владимира Андреевича со своими детьми дала в дом Христов, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев Петра и Алексия, и отцу своему преосвященному Фотию, митрополиту киевскому и всея Руси, после мужа своего, и после себя, и после своих родителей, и детей, и рода своего село их Большое Кудрино, а к тому селу деревни: Ананьина, Обельцына, Бестужева, Афанасьева, Давыдова, Дяконова, Краскова, Редкина, Видерешкова, Рудкина, Валуина, Захарова, Тимошкина, и пустоши, и поселения и со всеми угодьями, как истари принадлежит. В тот же год в Новгороде преставился посадник Тимофей, и другой посадник преставился Иосиф Захарьич.

Война поляков с пруссами. Грюнвальдская битва. Пушки от Витовта. В тот же год было королю Ягайло Ольгердовичу, наре-

ченному Владиславу, и Витовту, великому князю литовскому, побоище в земле Прусской меж городами Дубровна и Острода. И с ними были князи русские против немцев прусов. И убили мастера, и маршалка, и кумендера, и кундров побили, и всю силу немецкую одолели, и грады их немецкие взяли, только три града не достались королю и Витовту. И было той осенью у ляхов и литвы три побоища с немцами, а на всех трех немцев побивали, много ж христиан, и литвы, и ляхов убито было от немцев. И стояли под Марьиным градом 8 недель, и взяли около него две слободы, а третьей самой высокой не взяли у города. Ходили ж по Немецкой земле одиннадцать с половиной недель. И князь великий Витовт прислал зятю своему великому князю Василию дары многие и 2 пушки медные прусские.

Плесо. В тот же год князь великий Василий Дмитриевич повелел рубить город Плесо. В тот же год Харитон, архимандрит киевский, поставил церковь каменную Трех святителей на Красном острове. В тот же год окаянный Едигей князь ордынский воевал поморские грады и много зла сотворил там. В тот же год Иоанн, владыка новгородский, поставил теремец каменный, там где воду освящают на каждый месяц, и пекленицу каменную. В тот же год псковичи взяли мир с Витовтом Кестутьевичем.

1411. Татары на Рязань. Война на нижегородских и болгарских. Лысково. Умер Даниил Васильевич. Московские побиты. В 6919 (1411) в сентябре приходили татары на Рязань спешно. Рязанцы ж ходили за ними в погоню, и их били, и полон отняли. В ту же осень в месяце октябре около Дмитриева дня была вода великая в реках и везде паводь великая. В ту же осень месяца ноября в 30 день в Новгороде было чудо в церкви архистратига Михаила на Сковородке, звук в маковице по два дня и по две ночи. Той же зимой было знамение в Новгороде: в церкви святого мученика Георгия на конце Лубяницы от иконы пречистой Богородицы шла, как кровь. Князь великий Василий послал рать свою, брата своего князя Петра дмитровского да князей ростовских и ярославского, на князей нижегородских, Даниила Дмитриевича с братиею. Они же, взяв с собою князей болгарских и жукотинских, пошли по Волге вверх. И месяца января 15, на память святого Иоанна Кущника, сошлись у Лыскова, и был им бой на Лыскове, князю Петру Дмитриевичу дмитровскому, и князям ростовским, и ярославским, и суздальским, с князем Даниилом Борисовичем из Нижнего Новгорода, и с его братом с князем Иваном, и с болгарскими князьями, и жукотинскими. И была между ними сеча злая, и тут убит был князь Даниил Васильевич, и иные многие пали от обеих сторон. Стали же на костях князи Нижнего Новгорода и князи болгарские, а владимирские и прочие пошли прочь.

Хан Темир. Той же зимой сел в Большой орде хан Темир, а Едигей князь с малым числом убежал. Той же зимой князь Иван Михайлович тверской прислал послом боярина своего к Фотию митрополиту, и Фотий пошел во Тверь, поставил Антония епископа во Твери февраля в 2 день.

Умерла княг. Евдокия. Той ж весной преставилась княгиня Авдотья князя Ивана Михайловича тверского, вторая дочь князя Дмитрия Еремеевича, апреля в 13 день в понедельник на следующий день после Великого дня; и положена была во Твери в соборной церкви Преображения Господня.

Татар междоусобие. В тот же год князь Александр Иванович тверской поехал со Твери в Литву и приехал к королю и князю великому Витовту Кестутьевичу в Киев, а Зелени-Салтан, сын Тохтамышев, там же был у Витовта. В тот же год Тохтамышев сын Зелени-Салтан взял спешным походом ордынские улусы и пограбил.

Даниил нижегородский к Владимиру. Карамышев. Татары у Владимира. Щека. Владимир сожжен. В тот же год преосвященный Фотий митрополит пошел с Москвы во Владимир; и там он пребывал несколько дней и не слышал ничего ниоткуда ни о брани, ни о мятеже, поскольку время было тогда тихое и смиренное. И вот князь Даниил Борисович Нижнего Новгорода, укрывшись тайно от всех, привел к себе султана Талыча и послал спешно к Владимиру боярина своего Семена Карамышева, а с ним 350 татар, а руси 350 же. И пришли к Владимиру лесом внезапно из-за реки Клязьмы в полдень июня 3 дня, а града тогда не было, и наместника Юрия Васильевича Щеки не было же тогда. А преосвященный Фотий митрополит после вечерни пошел в свою митрополитову волость в Сенеж месяца июля второму дня под конец. Татары ж придя, град взяв, ограбили и сожгли, а людей всех избили и пленили. Митрополит же был на Святом озере своем у церкви святого Преображения Господня, которую поставил Киприан митрополит и часто там живал, так как любил лесные пустынные места, и многие там озера митрополитовы и места крепкие и непроходные. И пришла из Владимира весть к Фотию митрополиту: «Вот пришел ратью во Владимир султан Талыч со многою ратью, да с ним воевода князя Даниила Борисовича Семен Карамышев после твоего ухода на другой день и скоро придут за тобой». И Фотий отошел в леса на озера свои Сенежские в крепкие места. Татары же не застигли Фотия митрополита, и возвратились, и много людей повсюду секли без милости, и стадо градское взяли, и пожгли, и людей побили без числа много, и богатство их взяли. Говорили же, которые тогда в пленении том были и потом избежали, так, что такое многое богатство снесли, одежды дорогие и вещи многоценные, сложив, как сенные копны,

пожгли, ибо не могли все то, взявши, с собою унести, но только золотое, и серебряное, и кованное, и драгоценные ризы; и бесчисленное множество богатства забрали, а иное все пожгли, а деньги мерками делили меж собою. Тогда ж в том пожаре и колокола расплавились. Были же всюду трупы мертвых без числа много и во граде, и вне града, и около града, по волостям и по селам всюду мертвых множество бесчисленное лежало.

Брак Иоанна царевича греческого. Когда пришел Фотий митрополит из Цареграда, тогда имел грамоту от царя Мануила просить за сына его царевича Иоанна дочь великого князя Василия Дмитриевича княжну великую Анну. И князь великий посоветовался с дядею своим князем Владимиром Андреевичем и братиею, повелел митрополиту писать, да придет царевич сам. А к тестю своему князю великому Витовту писал и просил, чтобы послал к нему покровительство и велел проводить чрез Киев. И когда пришел царевич, принят был от воеводы Витовта и провожен с честью и довольством многим. И пришел в Москву июня 4 дня, и принят был с честью многою. А июля 10 был брак с веселием многим. И отпустил князь великий дочь свою, и послал проводить до Цареграда брата своего князя Андрея и бояр с женами, а Витовт от Киева послал своих послов, и всюду провожали князи и бояре и дарили много. Витовт же прислал внучке своей много золота, серебра, камней и тканей драгоценных, и была тогда в Москве и Киеве радость.

Война литвы с немцами. В тот же год король Ягайло польский и князь великий Витовт литовский ходили опять ратью к Марьину городу и рать немецкую побили, и с города взяли 300 тысячей пенязей золотых откупа, и мир сотворили, и возвратились восвояся.

Война шведов к Кореле. Шведы побиты. Охабень. Первые деньги артуги. Война заволочан на мурман. В тот же год приходили шведы ратью и взяли новгородский пригородок Корельский. И пошли за ними новгородцы с князем Семеном, называемым Лугвением, Ольгердовичем. И пришли в землю Шведскую, села повоевали и пожгли, а шведов взяли, а иных посекли, а у города Выборга слободу (охабень) взяли и пожгли. В том же году завершена была церковь пречистой Богородицы ростовская соборная, которая было сгорела от пожара, и освящена была Григорием владыкою, архиепископом ростовским. В тот же год в Новгороде Иоанн, владыка новгородский, поставил церковь каменную святых исповедников Григория, Симона и Авива. В тот же год в Новгороде начали новгородцы торговать беличьими лобками, и грошами литовскими, и артугами немецкими, а куны отложили, что были мортки куньи, при посадничестве Григория Богдановича и при тысяцком Василие Осифовиче. В тот же год за-

волочане ходили ратью на мурман новгородским велением, а воеводой был Яков Стефанович, и воевали их.

1412. Змей огненный. В год 6920 (1412) в сентябре приехал из Литвы во Тверь князь Александр Иванович, честь многую приняв от Витовта. Той же осенью князь Иван Михайлович тверской заложил град на Новоторжском рубеже. Месяца декабря в 8 день был князь Василий Михайлович кашинский на праздник святого Зачатия в своем селе в Стражкове, и пели они вечерню уже после прокимена, и в то время полетел от града от Кашина змий великий очень и страшный, дыша огнем, и летел от востока к западу к некоему озеру, как заря, светясь. И видел его князь Василий Михайлович, и его бояре, и все люди, и по всем селам около града, а видели его все в одно время.

Брак Александра. Января в 17 день князь Иван Васильевич ярославский выдал дочь свою Марью за князя Александра Федоровича.

Хан Зелени. Той же зимой сел в Орде на ханство Зелени-Салтан, Тохтамышев сын, а Едигея князя прогнал.

Дороговизна. В тот же год засуха была в Новгороде Нижнем, покупали меру ржи по сорок алтынов и по четыре алтына старыми деньгами.

Союз тверских с литовскими. В тот же год из Орды от хана Зелени-Салтана, Тохтамышева сына, пришел во Тверь посол лютый, зовя с собою князя Ивана Михайловича тверского. А в то время между братиею, князем Иваном Михайловичем и князем Василием Михайловичем кашинским, нелюбовь великая была. И повелел князь Иван Михайлович брата своего князя Василия Михайловича поймать, и бояр его, и слуг его месяца июня в 28 день, а в Кашин послал своего наместника, а княгиню его повелел привести во Тверь. А также на следующий день, в четверток после вечерни, послал под стражей брата своего Василия Михайловича на Новый городок. И были они на Переволочье, и там сошли с коней, и князь прежде всех погнал на коне в одном терлике (кафтане) и без кивера, и перешел вброд реку Тмаку, и погнал не дорогами. И случилось ему в некоем селе обрести такого человека, который принял его, печалясь о нем, и хранил его втаю в лесе, и перехватывал вести; и побежал с ним к Москве. Посланные же за ним, много искав, не нашли, и была брату его князю Ивану печаль и страх не малый. Но вскоре послал в Литву, прося князя великого Витовта о единстве. И князь великий Витовт литовский и князь Иван Михайлович тверской взяли единство, что быть им всюду заодно. В тот же год за два дня до Ильина дня было знамение в городе Кашине: при вечере видели серп из облака.

В тот же год князь Василий Михайлович кашинский пошел с Москвы в Орду к хану Зелени-Салтану Тохтамышевичу и жаловался на племянника своего князя Ивана тверского.

Нижний опять отдан. Князь великий в Орду. Кн. Иван ярославский. В тот же год вышли из Орды князи Нижнего Новгорода, пожалованные от хана Зелени-Салтана Тохтамышевича Большой орды, взяв от него ярлык на всю свою вотчину, Нижний Новгород и Городец. А августа в 1 день, на память святых Елеазара и Соломонии и 7 сынов ее, князь великий Василий Дмитриевич пошел в Орду к хану Зелени-Салтану со множеством богатства и со всеми своими вельможами, да с ним князь Иван Васильевич ярославский.

В тот же год была паводь в Спожинное говенье, вода великая во всех реках.

Умер хан Зелени. Керим-Бердей. Августа в 15 день, на Успение пречистой Богородицы, пошел в Орду князь Иван Михайлович тверской к хану Зелени рекою Волгою в судах, благословясь у отца своего епископа Антония и у всего священного собора; и проводили его сыновья его и все великое множество народа со слезами, а с ним бояр и слуг множество; а иные бояре и слуги множество проводили его до Нижнего Новгорода. И там отпустил их назад, а сам пошел в Орду. А в то время в Орде до его прихода Божию милостию тот злой наш недруг хан Зелени-Салтан Тохтамышевич умер, застрелен на войне от брата своего Керим-Бердея.

1413. Дорогомилowo. В год 6921 (1413) в сентябре Григорий, владыка ростовский, второй архиепископ в Ростове, ибо первый был Федор, племянник святого Сергия, игумена радонежского, а второй сей Григорий, благословением Фотия митрополита поставил церковь каменную Благовещения пречистой Богородицы на Дорогомилове над рекою Москвою, а от земли митрополитовой Кудринского села отступился, потому что оно было митрополитово.

Князь Лугвень в Литву. В ту же осень в сентябре князь Семен, называемый Лугвень, Ольгердович, внук Гедиминов, из Новгорода отъехал в Литву по отзыву тайно братьи своей и наместников своих с пригородов Новгородских свел. Той же осенью в Новгороде завершена была церковь святого Николы на Вереже у моста. В ту же осень месяца октября 25 дня, на Дмитриев день, вышел из Орды князь великий Василий Дмитриевич московский, а с ним князь Василий Михайлович кашинский, и пришел в Москву по добру и по здорову, а о Нижнем Новгороде волнения ради не докончил.

Хан Керим-Бердей. В ту же осень сел в Орде на царстве Керим-Бердей хан, сын Тохтамышев. В ту же осень месяца октября в 31 день на ночь во Твери погорел Городень на Волге, и церковь пречистой Богородицы, и двор княжий, и много имения княжьего, и жита, и запас всякий погорел. Той же зимой месяца декабря

в 24 день, канун Рождества Христова, пришел князь Василий Михайлович в Кашин с татарами. И князь Иван Борисович и застава тверская в город его Кашин не пустили, и князь Василий Михайлович опять пошел в Орду.

Разрыв Литвы с Новгородом. Причина войны. Лугвеня объявления. Федор смоленский в Немецкую землю. Января в 2 день польский король Ягайло и литовский князь великий Витовт и князь Семен Лугвень Ольгердович вскинули грамоты разметные на Новгород, говоря: «Что было и есть, принимали нас на том, что если к нам сложат немцы крестное целование, и мир, и докончание, и вам было также к немцам сложить крестное целование и мир, и докончание оставить, а с нами быть заедино. И о том мы к вам посылали панов Немира и Зиновия Братошича, стоите ли в том слове. И вы им отвечали: «Новгород не может иначе учинить; как мы с литовским мирны, так мы и с немцами мирны; и мы для того князя Лугвеня вывели к себе от вас, а с немцами мы мир вечный взяли, и с пруссами, уграми, и со всеми нашими граничными странами мирны мы». А вы свое слово забыли, как нам давались, чтоб было вам быть с нами заедино; и вы то все нам лгали, и неправда в вас великая чинится. Да еще ваши люди нас ругали и бесчестили и язычниками нас звали и неверными, а мы христиане, а язычество и сами ненавидим. Еще ж надо всем тем приняли вы нашего врага князя Феодора Юрьевича, внука Святославова, смоленского. И вот мы ныне из-за вашего непослушания к нам разрываем с вами и слагаем с себя к вам крестное целование, и мир, и докончание». А князь Семен, называемый Лугвень, Ольгердович сложил же с себя целование крестное к Новгороду, сказав так: «Мы с королем Ягайлом польским и с Витовтом Кестутьевичем, великим князем литовским, один человек. А что меня держали вы у себя добротой и кормлением, то добро было, а я стоял с вами заедино на ваших недругов, и трудился, и кровь свою проливал за вас. А ныне у братии моей старшей с вами нелюбовь, у Ягайло, короля польского, и Витовта, великого князя литовского, тогда и мне нелюбовь с вами, потому что я им брат и нельзя мне быть с ними в розни; и вам бы на меня в сем злобы не было». Слышал же сие князь Федор Юрьевич смоленский, внук Святославов, что его ради собирается брань быть и кровопролитие, и сказал к новгородцам так: «Братия и друзья новгородцы, что меня вы в безвремении моем держали у себя добротой своею и кормлением, за сие вам Бог воздаст; а что ныне вам мятеж, и брань, и кровопролитие хочет быть меня ради, вы из-за меня нелюбия с Витовтом не держите, но отпустите меня туда, где меня Бог наставит». И отъехал в Немецкую землю с плачем и со многими слезами. Той же зимой владыка Иоанн новгородский был на Москве у пресвященного Фотия, ми-

трополита киевского и всея Руси, приезжал с дарами и с честью. И на Москве тогда преставился архидьякон владыки новгородского Иоаким, и положен был в монастыре Иоанна Златоустого вне града Москвы.

Городень. Морозов. Той же зимой месяца марта в 19 день, в день воскресный, князь Александр Иванович тверской снова заложил Городень и собрал людей множество, и тверичей, и кашинцев, и срублен был вскоре. Той же весною вышел из Орды князь Иван Михайлович тверской, отпущен от хана Керим-Бердея Большой орды с честью и с пожалованием и пришел во Тверь во свое отечество на княжение Тверское месяца апреля в 9 день ранним утром. Епископ же тверской Антоний и весь священнический чин встретили его с крестами с честью и со мною радостью. В тот же год в Новгороде Великом поставили Церковь каменную святого Николы в Порхове при князе Юрие. В тот же год владыка Иоанн новгородский с воеводами новгородскими поставил церковь каменную, собор святого архангела Гавриила, на Хревковой улице, и освящал ее владыка сам на праздник ее. В тот же год в Новгороде Иван Морозов поставил церковь каменную Зачатия святого Иоанна Предтечи. [В тот же год от Можайска 15 верст в вотчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова ж, праправнука Даниила московского, явилось знамение. Некий человек, именем Лука, из простых людей, ратников убогих, последний в нищете, на некоем древе в некоем месте нашел икону пречистой Богородицы, держащую на руке младенца, Господа нашего Иисуса Христа, с одной стороны иконы той на затворке Николай чудотворец, а с другой Илья пророк; и, взяв, целовал с верою мною, и поставил ее у нивы своей на месте простом, на дереве. И пришел иной некий человек, и взял ее у него. Лука ж умолив его, дал ему хлеб овсянный, и взял к себе снова икону, и пошел с нею в дом свой. И был в дому его расслабленный человек, лежавший много лет. Лука ж показал ему икону и как нашел ее поведал ему все. Человек же он расслабленный удивился и молил Луку, да принесет к нему икону ту. Лука ж принес к нему, расслабленный же приложил чело, очи и устье ко святой иконе Божией матери и в тот час встал весь здоров, словно никогда не болел. И сие слышано было от всех там живущих, и стеклись многие, и приносили болящих и недужных, и все здоровые становились. И начали приходить отовсюду людей множество, приносили недужных и расслабленных, и исцелялись, и чудеса многие бесчисленные бывали; и начали Луку чтить все люди, как пророка или апостола его имели в великой чести и славе. Лука ж пошел с иконою из Колочи ко граду Можайску; и как приблизился ко граду, и вышел для встречи его князь Андрей Дмитриевич с боярами своими и весь град от великих и до малых.

даже и до сосущих молоко. И были знамения и чудеса многие от иконы Божией матери. А затем оттуда пошел Лука с иконою к Москве, и встретили его с крестами митрополит с епископами и со всем священным собором, а также и князи, и княгини, и с детьми своими, и бояре, и воеводы, и все вельможи, и все православного христианства множество. И было чудес бесчисленно много: слепые прозревали, хромые ходили, расслабленные восставали, немые говорили, глухие слышали, и во всяком недуге бывшие здоровыми становились; и что много говорить, сколько не может ум человеческий изречь беспрестанно тогда бывавших тьмы тьмами бесчисленных несказанных чудес. И ходил Лука от града во град с иконою Божией матери, и везде чудеса бесчисленные несказанные бывали от иконы Божией матери, и все давали Луке, князи, и бояре, и все православные христиане, имения много в милостыню, и в честь, и в дары, и чествовали Луку, как апостола. Лука ж был вовсе простой человек, от последних поселян, но добродетель законную имел в себе, и возвратился снова в первое место свое, в Колочучу, с чудотворною иконою, и богатство многое и бесчисленное собрал. И поставил двор себе, как некий князь, храмы светлые и великие, и слуг много собрал, предстоящих и проходящих пред ним отроков много имел во утварях украшенных, и трапеза его много кушаний имела обильных и дорогих, и напитков благовонных много; и ели и упивались с бывшими там его служащими, и на ловы ездил с ястребами, и с соколами, и кречетами, и псов множество имел, и медведей имел и сими утешался. От иконы ж Божией матери многие чудеса бывали, которую Лука поставил в церкви, которую сам создал, там где ныне монастырь стоит Колочучский, и приходящие отовсюду болящие всякими недугами исцелялись. Сделался же Лука напрасен и бесстыден: когда же ловцы князя Андрея Дмитриевича с ястребами или с соколами повелением князя Андрея Дмитриевича на лов выезжали, он же сокольников бил и грабил и ястребов и соколов себе взимал; и сие не единожды, но многократно и всегда бывало. Князь Андрей же Дмитриевич терпел все сие; иногда ж и посылал к нему, он же к нему жестоко и сурово отвечал, князь Андрей же Дмитриевич со смирением и терпением умолчал. Затем начал и ловчих князя Андрея бить и грабить, и медведей и с ларями взимал к себе, и с ними веселился и утешался. После сего же некий жесток был ловчий у князя Андрея Дмитриевича, и выгадал время, и уловил медведя, что весьма зол и лют был, и повелел его вести близ двора Луки. Лука ж увидел медведя и вышел сам из хором своих со служащими его к медведю, и повелел ловчему князя Андрея у себя пустить его на дворе. Ловчий же князя Андрея лукавство сотворил над Лукою и в тот час пустил медведя, когда Лука еще не отошел. И пришел мед-

ведь на Луку, и едва отняли Луку от медведя, едва дыхание в ноздрах имел. И в тот час прибежал к Луке князь Андрей Дмитриевич, и видел Луку на последнем издыхании, и сказал к нему: «Почему ты бесовское позорище и плясание возлюбил и пьянству предался? Так тебя Бог прославил своей матери Богородицы образом чудотворным, ты ж сие ни во что ж положил, к не полезному мирскому житию сошел ты». Он же плакал, и слезы источал, и молился ему полезное устроить по его словам. Князь Андрей же Дмитриевич многим его и бесчисленным имением на том месте монастырь поставил во имя пречистой Богородицы, называемый Колочский, и чудотворную икону Божией матери в нем поставил, и чудеса сотворялись и до сего дня с верою приходящим. Лука ж в нем и постригся, и прожил несколько лет во умилении и во слезах, до тех пор, пока не преставился ко Господу.] В тот же год погорел град Тверь весь.

1414. В год 6922 (1414) месяца сентября в 3 день было знамение на небе.

На митрополита жалобы. Обвинение литовское. Собор в Литве. Епископы литовские. Епископов принуждение. Епископы отрекаются. Принуждены. Просьба епископов. Фотий ограблен от литвы. В ту же осень восстали неблагие люди на Фотия, митрополита киевского и всея Руси, и сотворили на него клеветы к великому князю Василию Дмитриевичу, возлагали на него, что ищет власти над князьями более, нежели по достоинству будет ему, собирает дани великие и волости многие, чего не повелось и не бывало, вымучивая у людей налогами и клятвами. Много же клевет нанесли и Фотию митрополиту на великого князя, и ссорили, и сотворили нелюбовь. Затем после сего и в Литве наветы многие сотворили на Фотия митрополита к Витовту, великому князю литовскому, говоря: «От начала митрополиты всея Руси престол имели Киев и в нем сидели на престоле митрополитском всея Руси, ныне ж Киев ни во что же положили и все из него переносят в Москву. И вот ныне Фотий митрополит все драгоценно украшенное церковное и сосуды переносит в Москву и весь Киев и всю землю пустой сделал тяжкими пошлинами и данями великими и неудобноносимыми». И князь великий литовский Витовт, подушаемый латинниками, весьма рад сему обвинению был. Желая упразднить веру благочестивую, собрал епископов области своей, Исакия черниговского, Феодосия полоцкого, Дионисия луцкого, Герасима владимирского, Ивана галицкого, Севастьяна смоленского, Харитона холмского, Павла червенского, Евфимия туровского, и сказал к ним: «Слышали ли, что сотворил Фотий митрополит? Соборную церковь киевскую, престол митрополитский изначальный, что всея Руси глава, и слава, и честь, истощил и пограбил и уносит все на Москву. И вот подобает вам, избрав,

поставить митрополита в Киеве, да соблюдает все по старине, и престол митрополитский Киевский начальный не рушится, и мы о сем без смущения и без печали будем». Епископы же о сем недоумевали, что сказать. Витовт же повелел им жалобу написать к себе на Фотия. «Что слышали от меня, сказал, что грабит и истощает великую соборную митропольскую киевскую церковь, главу всея Руси». Епископы же не хотели сего сотворить на отца своего и на господина Фотия митрополита, Витовт же со властью приказал им; они ж, иное желая, написали, так говоря: «Много же скорби и смущения слышим о великой церкви киевской, поскольку видим ныне вовсе запустеваемой и презираемой от Фотия, митрополита московского, и паству Христову без надзора и в погибели. И того ради во многой скорби были и печали, как овцы, словами только, а не делом, имея пастыря и учителя. Ибо не хочет даже видеть великую соборную митропольскую церковь, мать и главу всея Руси, данные ему от Бога и от патриарха по священным правилам, ни же снова не хочет править людьми Божиими, как по достоинству будет и как подобает митрополиту, но скорее только приходы и прибытки церковные собирает и всякое драгоценно украшенное, старое устройство, и вещи дорогие, и всю честь великой киевской церкви на иное место переносит, куда ушел и где живет, то есть во называемый там град Москву. И вот ныне окончательно киевской церкви престол митрополитский запустел, и потому нам скорбь и печаль великая о великой соборной церкви киевской и о людях Божиих. Просим же тебя, великий князь Витовт, потрудись Господа ради дать нам руку помощи». Витовт же, видев сие, возрадовался весьма, получив свое желаемое, и повелел киевскую церковь досмотреть и переписать в ней все, также и грады, и волости, и села митропольские повелел переписать. И пришла весть к Фотию митрополиту из Киева на Москву, что клеветы многие сотворили на него лукавые люди, которые бежали от Фотия с Москвы, свои его бывшие там, к черниговскому владыке, а оттуда в Литву к Витовту. И так ссорили его с Витовтом, и брань великую воздвигли, и святой Божией церкви смущение и мятеж великий был. Фотий же митрополит тогда восхотел идти в Цареград; но уведal, что Витовт хочет на престол митрополитский в Киев поставить другого митрополита, и восхотел идти прежде в Киев, и уведать истину, и примириться с Витовтом, если возможно; если же нет, то пойдет в Цареград к патриарху, чтоб возбранил Витовту патриарх другого митрополита поставить в Киев. И так пошел с Москвы в Киев. И когда дошел до Литвы, взял его Витовт, и не дал ему пути идти в Цареград к патриарху, но ограбил его и возвратил к Москве; а грады митропольской киевской церкви великой соборной, и волости, и села раздал епископам своим, а заместников Фотиевых, ограбив,

отослал на Москву. В тот же год погорел град Москва. И на Савву Авраамиева, который из оных клеветников, что клеветали на Фотия митрополита, огонь, как облако, сошел от горницы Фотиевой и поглотил его живым. В тот же год июня в 7 день тьма была в пяток перед обеднею; было же сие немного, только один час или чуть больше; видно ж было тогда звезды все, как и в ночи. Тогда ж некто гость с торгом пришел из Литвы и припал к Фотию митрополиту, говоря: «Прости меня, святитель Христов, когда мало прежде сих дней погорел град Москва и мое богатство много сгорело, и я скорбен стал весьма и в печали многой был; и снова ныне тьма была, и пришел на меня страх и трепет, и все внутри меня содрогнулось, и все узы мои злыми сотворились. И вот видишь меня ныне в великой беде, я разумел, что согрешил к тебе: ибо был в Литве с клеветниками, которые на тебя клеветали, злословили тебя, и пришел вот на Москву, и снова злословил тебя здесь; согрешил же ко Господу и к тебе, прости меня, святитель Христов». Фотий же удивился о бывшем с ним, и простил его и благословил, и повелел ему ко Христу Богу о грехах своих с чистою мыслию и смиренным сердцем молиться, и поститься, и милостыню творить. Человек же сотворил сие все, и так здрав был благодатию Христовою. Было же имя ему Фома Лазарев.

Избрание митрополита. Григорий Цамблак. Послан в Цареград. Патриарх отказал. В тот же год Витовт Кестутьевич собрал епископов области своей и сказал им: «Изберите, кого хотите, митрополитом на Киев, да идет в Цареград к патриарху, да поставлен будет на Киев». И избрали Григория Цамблака, родом болгарина. Иные ж епископы не восхотели, говоря: «Лучше будет примириться с Фотием». Витовт же властью запретил им, они ж умолчали. И послал Витовт в Цареград к патриарху жалобы многие на Фотия митрополита, послал также Григория Цамблака, чтобы поставил его в митрополиты: «Ибо иначе, сказал, невозможно избавиться от Фотиева насилия, если на Киеве не будет поставлен митрополит другой». Послал же грамоты и ко царю. Царь же с патриархом сие слышали и не восхотели сего. Витовт же повелел епископам своим вины писать на Фотия митрополита и послать в Константиноград ко царю и к патриарху, и чтоб поставили им Григория Цамблака в митрополиты на Киев. Царь же и патриарх не восхотели сего.

Мир новгородцев с Витовтом. Война литвы с немцами. В тот же год новгородцы посылали к Витовту Юрия Анцифоровича бить челом о мире. И пожаловал их Витовт, отдал им нелюбовь и сотворил с ними мир по старине; а к немцам не сложили целования, и Витовт к немцам мира не сотворил. В тот же год Витовт немцев воевал и много зла сотворил земле их. В тот же год в Новгороде Великом погорел монастырь на Деревяницах, и цер-

ковь каменная пречистой Богородицы огорела, и 3 человека в ней сгорело.

Засуха. В тот же год болезнь была христианам тяжкая очень, костолом, по всей земле Русской. В тот же год в Новгороде погорел Неревский конец от святого Владимира и до Згеня, церковей каменных огорело восемь, а деревянных пять сгорело. В тот же год была засуха великая и громы великие и страшные весьма.

6923 (1415). *Татары на Рязань. Елец взят.* В сентябре пришли татары многие, и воевали по Задонью по реке волости Рязанские, и много зла сотворили, и град Елец взяли, и елецкого князя убили, а иные в Рязань убежали. И много воевав, татары возвратились со многим полоном и богатством восвояси. В ту же осень погорел град Москва. В ту же осень в Новгороде завершили церковь каменную святой мученицы Евфимии в Плотническом конце.

В ту же осень Иоанн, архиепископ новгородский, постригся в схиму великого ангельского образа месяца ноября в 15 день, а января в 20 день и со двора сошел епископского, сидев на епископском престоле новгородского владычества 30 лет без трех.

Кн. Ярослав в Литву. Родился Василий IV. Затмение солнца. Той же зимой князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Иванов же, праправнук Даниила московского, отъехал в Литву. Той же зимой в Великое говенье представился новгородский посадник Кирилл Дмитриевич. В ту же весну в Великое говенье месяца марта в 10 день по нефимоне родился великому князю Василию Дмитриевичу сын Василий. Так же было рождение его. Когда пришел день тот, в который родиться ему, начала мать его весьма изнемогать, как и к смерти приближаться ей. Великий же князь Василий о сем в скорби великой был. Был же в то время некий старец святой в монастыре святого Иоанна Предтечи под бором за рекою Москвою, известен же был и великому князю Василию Дмитриевичу, к нему ж послал князь великий, да помолится о княгине его. Он же отвечал посланному к нему, сказал так. «Иди, скажи великому князю, да помолится Господу Богу и пречистой его матери Богородице, великому мученику Лонгину Сотнику, поскольку тот дан был помощником от Бога всему роду вашему обо всех, которых требуете благаях; о княгине своей не скорби, здрава будет, родит тебе сына в вечер сей, наследника тебе». Что и было. Когда же родился, в тот час священник, духовник великого князя, сидел в келье своей в монастыре Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и пришел некто, ударил во двери кельи его и сказал: «Иди, нареки имя великому князю Василию». Он же, вскоре встав, взял на то потребное и ушел из кельи своей. Не увидел же никого посланного за ним, и удивился сему, как быстро отошел

от него звавший его, пошел на двор князя. И встретил его посланный за ним, говоря, да идет и наречет имя рожденному сыну великого князя Василия Дмитриевича. Священник же спросил его, есть ли он тот, что прежде приходил за ним. И сказал: «Не я». И придя, нарек имя отроку Василий, как прежде слышал. И потом много всех пытал, кого прежде послали за ним или кто есть приходивший и звавший его. И никого ж не нашел нигде. Священник же дивился о сем и поведал сие великому князю и великой княгине, и многим сие поведал и удивил всех. В ту же весну на Святой неделе в Новгороде вода шла назад в Волхове. В ту же весну Москва и Смоленск погорели. Июня в 7 день было знамение в солнце: мрак зеленый, а также был помалу мрак, как кровь, и друг друга люди не видели, как в крови стояли все. В тот же год в Новгороде преставился посадник Феодосий в монашеском чину. В тот же год в Новгороде поставили церковь каменную пресвятой Троицы в монастыре на Видогощи.

Избрание епископа новгородского. Еп. Самсон новгородский. В тот же год новгородцы вздумали вечем на Ярославовом дворе и пришли со всем вечем к церкви святой Софии, положили три жребия на престоле, написав имена каждого из трех: первое Самсона, инока от святого Спаса с Хутыни, второе на Михаила, игумена от святого Михаила Сковородки, третье на Льва, игумена пречистой Богородицы с Колмова. И пал жребий на Самсона, и возвели его новгородцы честно на двор архиепископов месяца августа в 11 день в воскресенье, на память святого мученика Евпла дьякона. В тот же месяц август в Новгороде освящена была церковь святого Воскресения Христова на Красной горе у Плотнического конца и монастырь устроили общий. В месяце сентябре завершили в Новгороде две церкви каменные, святого Воздвижения и святого Луки в Людиновом конце.

1416. Раздел митрополии. Витовт велит митрополита поставить. Епископы отказали. Повеление Витовта. Прение. Право государя над епископами. Утверждение митрополии киевской. Вины Фотия. Новгородок. Витовтово объявление. Пример древней русских. Болгары. Сербы. Снова епископы. В год 6924 (1416) разделилась митрополия русская надвое, как сказано. В предыдущее лето прогневался князь великий литовский Витовт, на пресвященного Фотия митрополита вознегодовав, повелел избрать Григория и послал в Цареград. Он же возвратился не поставленным, так как патриарх не хотел разделить епархию церкви русской. И тогда Витовт, князь великий литовский, собрал всех области своей православных епископов, Герасима владимирского, Севастьяна смоленского, Исакия черниговского, Феодосия полоцкого, Дионисия луцкого, Иоанна галицкого, Харитона холмского, Павла черниговского, Евфимия туровского, и сказал к ним:

«Поставите мне в митрополиты на Киев Григория Цамблака». Они же не хотели сего сотворить, боясь Бога и завещанных священных божественных правил, все на соборе говорили к Витовту: «Боимся Бога и священных его правил завещанных повеление твое сотворить». Он же сказал к ним: «Что сказано в завещанном, изъясните мне». Они ж сказали: «Писано во священных правилах в 1 грани, в 20 главе, и в Халкидоне собора в 12 главе, что не подобает быть во одной области двум митрополитам». Витовт же сказал к ним: «Ведаете же все, что Киев и вся страна Киевская в моей области есть, а Фотий есть митрополит в Белой Руси, и так двум областям по достоинству будет иметь двух митрополитов». Ибо так советовали ему латинские попы, надеясь удобнее всеми ими обладать и с собою соединить. Епископы же сказали к нему: «Хотя ныне разделились, но прежде была область одна». Он же сказал к ним: «Ныне моя область есть, и вы ныне в моей области поставите митрополита на Киев». Епископы же сказали к нему: «Если ты ныне и принял недавно Киевскую область, и сия твоя есть, но земская власть, а не церковная святительская; ибо одно есть власть святительская церковная, а другое есть власть царская земная; и ты своими земскими вещами управляешь как царь, епископ же своими святительскими вещами управляет как святитель. И во всей области Русской один митрополит есть, и хотя ныне из-за нашествия татарского на Москве пребывает, но киевский есть, и один во своей области, и киевским именуется и славится. И тебе нет от сего никакой укоризны, ни убытков, но более похвала и приобретение, так как древние обычаи и законы соблюдаешь». Он же говорил им: «Если не поставите мне митрополита в моей земле на Киеве, то я имею власть ваши все волости взять и доходы от земли, так как сие копьем достал. Епископы ж не имеют власти никакой на мне, но я по слову Господню имею власть над епископами настолько, что все чинно и по правилам устраивают». Епископы ж вышесказанные всем собором и неволею поставили Григория Цамблака болгарина митрополитом на Киев месяца ноября в 15 день. И повелел им Витовт написать оправдательную грамоту. Они ж от Витовта принуждены были и сели с Григорием, митрополитом своим, которого сами поставили, написали оправдательное слово так: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше сходящий от отца свет дающего и достигает нас смиренных, которого и мы держались. И ныне тем даром утешение приняли издавна бывшей великой скорби матери нашей церкви русской митрополии, и ныне утешимся таковым образом, последовав вещем смиренные епископы русских стран, православные возлюбленники и другие и братия по духу святому: смиренный архиепископ Феодосий полоцкий митрополии киевской, смиренный епископ Исакий черниговский, смиренный епи-

скоп Дионисий луцкий, смиренный епископ Герасим владимирский, смиренный епископ Севастьян смоленский, смиренный епископ Харитон холмский, смиренный епископ Евфимий туровский, поскольку видели стоящую в запустении и презираемую от митрополита Фотия церковь киевскую, что есть глава всяя Руси, и паству Христову без надзора и в погибели, и того ради скорбели о том и в печали были, смущены, как овцы, не имеющие пастыря, ибо именем только имели, делом же пастыря и учителя не имели. Ибо не желая даже той видеть церкви киевской, данной ему от Бога и от патриарха, ни же, снова, не желая править людьми Божиими, как по достоинству будет и как подобает митрополиту, но скорее приходы и прибитки церковные собирая и всякие драгоценно украшенные вещи, старые устроения и честь киевской церкви на иное место переносит, там, где живет. Так нам, скорбящим о церкви и о людях Божиих, Бог же милостивый подвигнул великого князя Александра, называемого Витовт, литовского и многих русских земель государя, того же Фотия митрополита изгнал, и послали мы в Цареград ко царю и патриарху, просили дать митрополита, желая иметь людям Божиим на спасение достойного той церкви на утверждение. Царь же и патриарх не восхотели послушать прошения сего правого, неправедные прибитки деля. Он же с нами епископами совещался истинно и праведно, как правый и истинный государь великий князь, собрав всех князей Литовской земли, и русских земель, и иных стран, сколько ему были покорены нашей церкви, и бояр, и вельмож, архимандритов же, и игуменов, и благоверных иноков, и попов. Сих всех советом и волею и нашим собором и хотением сошедшись в Новгороде Литовском во святой церкви пречистой Богородицы по благодати Божией, данной нам от Святого Духа, поставили святой церкви киевской и всяя Руси митрополита, именем Григория, по преданию святых апостолов и богоносных отцев. Фотия с престола киевской митрополии сослали мы и согнали. И послали мы в Цареград ко царю и патриарху, жалуясь на Фотия и так все дела являя им и киевской митропольской церкви запустение, и просили мы у них, чтоб нам поставили Григория митрополитом на киевскую митрополию. И они нам того также не учинили. И того ради мы разузнали о них, что хотят они того, чтобы по своей воле поставили митрополита своего по накупу, кто сам у них закупит посулы, и как они хотят. А то бы все было в их воле в таковой, что, здесь будучи, митрополит их, на Руси грабя, насилуя, попов места продавая, посулы принимая, дани тяжкие собирая, церкви пустыми делая, к ним бы носил в Цареград и все спровадил. Про то же мы созвали епископов, что есть в нашей области и в нашей земле, и погадали с нашими владыками, и со архимандритами, и с игуменами, и спросили мы их о том, и

сказали мы такое: «Что делать нам, поскольку царь и патриарх не желают нам дать такого митрополита, который да сидит на Киеве, о церкви Божией печется и строит. Так как, Божиим изволением, то место Киев, которым обладаем, и этот град Киев мать городам Русским, а эта киевская соборная церковь мать церквам русским, потому нам на то смотреть жалостно и плачевно; христиане со стороны говорят: «Государь Витовт не той веры, не заботится о церкви Божией, из-за того церковь оскудела и запустела»; тогда бы того слова на нас от людей не было, а митрополитовы дела явны есть, что от него грабление и церкви запустение и нестроение». И тогда все владыки к нам отвечали и сказали: «Так и есть; а и сами не в первый раз слышим и видим, что церкви запустение и оскудение». А царь и патриарх доброго строителя к церкви Божией нам не дадут. А по правилам нам и самим епископам годится собором поставить митрополита, как было и прежде сего на Руси, как пишется во священных правилах: 2 или 3 епископа рукополагают, говорится поставляют, митрополита; как и прежде нас на Руси сотворили епископы при великом князе Изяславе киевском, поставили сами Климента митрополита по правилам; и еще так, как и прежде нас крещеные болгары и нам по крещению братия по сути и сродники, также сотворили по правилам, своими епископами поставили себе первосвятителя; и еще также и сербского языка епископы, рассудив, как есть по правилам и по апостольскому уставу, сотворили себе своими епископами первосвятителя; даже и до сих пор, Бог поспешествовал, в Сербской земле первосвятитель имеет под собою многих епископов. Та же Сербская земля не такова и не настолько, сколько Русская земля величеством и множеством и пространством, которая в своей области великого князя Александра, нареченного Витовта, но есть Сербская земля мала и людьми и землею. Мы же, епископы, говорим что не от сербов и не от болгар, но от святых апостолов уставление таково было, равно на всех православных епископов благодать действует Святого Духа, даже и до нас смиренных епископов дошла. И тою благодатию имеем власть, как апостолов ученики, многим испытанием по правилам, сошедшись, собором поставлять своему отечеству пастыря учителя и первосвятителя достойного, которого Бог, избрав, даст. Также власть имеем от Бога, его ж если свяжем на земле, будет связан на небе, и его ж разрешим на земли, будет разрешен на небе, что да не скажут некие: «Отлучились от нас, поскольку митрополита сами себе поставили». Да не будет того, так как ж не отлучаемся; ибо таково слово если кто скажет, неразумен есть. Но мы предания церковные от святых апостолов и святых отцов держим благочестно, апостольского и отеческого предания веру исповедуем, проклинаям же всякую ересь, и ложь еретическую, и

раздоры, и сонмища, не от Бога бывающие; к сим же и симонитскую ересь анафеме предаем, продающую на золоте и на серебре дар Святого Духа, поставляющих в священничество мздою и посулами. Святейшего же вот патриарха константиноградского имеем как поистине патриарха и отца, и прочих патриархов, александрийского, антиохийского, иерусалимского, и тех митрополитов, и тех епископов имеем как отцов и братию по духу святому, и согласно с ними держим исповедание и обряд святой веры, что есть: „Верую во единого Бога“; и так же исповедуем и веруем, как и они, и так же учим и мудствуем, как и они. Но только отвращаемся, не в силах терпеть, что есть на церковь Божию насилдование царя цареградского, ибо святейший великий патриарх и божественный священный собор Константинограда по правилам поставить митрополита не могут сами, но кого царь повелит по посулам. Увы, отсюда продается и покупается дар Святого Духа, который в поставлении, как отец его царь сотворил на церковь киевскую во дни наши, как о митрополитах русских, о Киприане, и о Пимене, и о Дионисие, и оных многих, не смотрел на церковную честь и устройство, но смотрел на посулы, на золото и серебро и на многосбирание. Отсюда были долги великие и убытки многие, и молвы и смущения, и мятежи и убийства, и, что всех лютейшее, бесчестие церкви русской митрополии. Сего ради рассудили и рассмотрели и любомудрствовали так, что неправедно нам есть таковые оттуда принимать митрополитов, которые за деньги поставлены бывают от царя, который мирянин, а не по воле патриарха, ни же по преданию сущего собора апостольского и отеческого. Того ради мы все епископы сошлись по благодати, данной нам от Святого Духа, и поставили бывшего достойным первосвятителем Григория митрополита русской церкви и утвердили нашим подписанием и печатями, в лето 6924, индикта».

Возражение Фотия. Преосвященный же Фотий, митрополит киевский и всея Руси, слышав сие, скорбен стал весьма и много усилий прикладывал, чтобы как-то разногласия те и расколы церковные отвратив, совокупить воедино, как изначала была единая власть церковная, один митрополит надо всеми епископами во всей Русской земле. И писал грамоты, возбраняя разногласия церковные, показывая, что не две начали быть киевские митрополии, но единая власть священная киевского митрополита всея Руси надо всеми епископами во всей Русской земле. И написал грамоту, послал в Киев к князям, и боярам, и ко всем православным христианам так: «Витовт великое насильство сотворил, разногласия и расколы единой церкви киевской и всея Руси не обсуждением соборным, ни рассуждением святых правил, ни рукоположением святого патриарха константиноградского, как изначально приняли, ни по преданию церковному, но самочиние,

мучением, самозаконно, по своему хотению сотворил, как в тени или в ночи, угрожая страхом мирской власти и по хотению своему мирскому принудил епископов другого митрополита поставить в одной области киевской митрополии, чего священные правила не принимают, но отлучают и отменяют. Так же и мы не принимаем, но отменяем надвое единую власть киевской митрополии разорвавшего и расколовшего. Так же и вам говорим, не принимать такового самочиния и разделения церковного, как двум митрополитам быть в одной области, но отлучаться от такового новозакония и самочиния, и милость Божия и наше благословение будет со всеми вами. Аминь».

Еп. Симеон новгородский. Месяца февраля в 23 день в неделю Мясопустную поехал из Новгорода Самсон на Москву к Фотию митрополиту ставиться в епископы в Новгород, а с ним послы новгородские: посадник Василий Аввакумович, тысяцкий Василий Осифович, Александр Игнатьевич. И приехал на Москву месяца марта в 9 день, на память святых 40 мучеников на Сборное воскресенье. И в тот же день во вторую неделю пресвященный Фотий, митрополит киевский и всея Руси, поставил Самсона в дьяконы, а в субботу третьей недели поста, того ж месяца марта в 21 день в попы поставил. А в неделю Крестопоклонную того ж месяца марта в 22 день, на память святого отца Василия, пресвященный Фотий митрополит поставил Самсона во епископы Новгороду и Пскову в церкви святого архангела Михаила и нарек его вместо Самсона Симеон. А на поставлении его было 5 владык: первый Григорий ростовский, 2-й Митрофан суздальский, 3-й Антоний тверской, 4-й Тимофей сарайский, 5-й Исакий пермский, при великом князе Василии Дмитриевиче и при брате его Юрие и Константине. И приехал в Новгород апреля в 17 день в Великий четверг, и встретили его с крестами весь священный собор Великого Новгорода, и посадник Иван Богданович, и тысяцкий Борис Васильевич, и великое множество народа, и была им всем радость о своем владыке. И вошел в церковь святой Софии, и служил обедню, и сел на своем священном престоле епископском, от Бога дарованием ему; и была радость во всем Новгороде. На ту же ночь преставился Наум, старший клиросник святой Софии. В тот же год месяца марта в 12 день в соборной церкви Успения пречистой Богородицы на Москве у гроба святого чудотворца Петра прощен был некий человек: была у него нога согнута и в тот день избавился от паралича, и отошел в дом свой здрав, радуясь, благодаря Бога, и пречистую его мать Богородицу, и святого угодника Петра, митрополита киевского и всея Руси. Того ж месяца марта в 15 день во вторую неделю Великого поста у некоей инокини много лет руки сухие и изогнутые у святого гроба Петрова исцелились.

Татары у Киева. В тот же год татары воевали около Киева, монастырь Печерский пограбили и сожгли.

Нижегородские князи в Москву. В тот же год приехали к великому князю Василию на Москву князи Нижнего Новгорода, князь Иван Васильевич, внук Дмитриев, князь Иван Борисович; да сын его князь Александр наперед его приехал за два дня.

В тот же год град в Костроме заложен был.

Умер епископ Григорий ростовский. Мая в 10 день преставился Григорий, архиепископ ростовский; сидел на архиепископском престоле в Ростове 21 год, соблюдая законы церковные и уча людей слову Божию. Сей же второй архиепископ был в Ростове. Прежде были епископы, а не архиепископы в Ростове. В тот же год в месяце августе воевали татары литву и со многим полонном возвратились восвояси.

1417. Смятение цареградское. В год 6925 (1417) в месяце сентябре в Константинограде во царях, и во князях, и в боярах великое нестроение было и междоусобные брани. В ту же осень в сентябре в Новгороде преставился посадник новгородский Юрий Анцифорович, быв в нем год и три месяца и 10 дней. В ту же осень в сентябре в Новгороде завершены были две церкви каменные: первая святого чудотворца Петра, митрополита киевского и всея Руси, вторая святого Афанасия, стяжанием владыки новгородского.

Морозы. Той же зимой много людей от мороза умерли, ибо студена была зима весьма.

Умер Иван. Той же зимой преставился князь Иван Васильевич, внук Дмитриев, из Нижнего Новгорода в пути едучи с Коломны. И положили его на Москве в церкви святого архангела Михаила.

В тот же год пришел на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу князь Даниил Борисович Нижнего Новгорода. В тот же год месяца июня в 10 день гром был в церкви святого Евпатия (?) на Рогатице и молния страшная очень, и иконы попали, и людям многий страх сотворило.

Умер Иоанн, еп. новгородский. Июня в 24 день преставился Иван, владыка новгородский. Положен был в монастыре святого Воскресения на Деревянице в притворе.

Война вятчан на Двину. Жадовский. Рассохин. Колмогоры. Борок. Устюг. С Вятки собрались бояре князя Юрия Дмитриевича, Глеб Семенович с новгородскими беглецами, с Семеном Жадовским и с Михаилом Рассохиным, а с ними вятчане и устюжане съехались в насадах внезапно и повоевали всю землю Двинскую и Заволочскую, и Колмогоры, и Борок Ивановых детей Васильевича, и Емцы взяли и пожгли, и бояр новгородских взяли, Юрия Ивановича и брата его Самсона. И Иван Федорович боярин нов-

городский, и брат его Афанасий, и Гаврила Кириллович, и Исаак Андреевич, согнав их под Моржем на острове, братию свою Юрия и Самсона отняли и полон весь и имущество взяли, а их отпустили, милость показав. Они же, идя, волость снова повоевали. И тогда Василий Юрьевич, сын посадника новгородского, и Самсон Иванович, и Гаврило Кириллович, собравшись с заволочанами, погнались за ними в погоню и иных поймали, а другие избежали, а иные убиты были. И пошли новгородцы с заволочанами на Устюг, и повоевали, и попленили Устюг, и пожгли.

Мир с немцами. В тот же год новгородцы взяли мир с немцами при посаднике Симеоне Васильевиче и при тысяцком Козьме Терентьевиче.

Мор. В тот же год мор был страшный весьма на людей в Великом Новгороде, и Пскове, и в Ладогe, и в Русе, и в Порхове, и в Торжке, и во Твери, и в Дмитрове, и по волостям, и по селам. И настолько великий был мор, что живые не успевали мертвых погребать, и даже не хватало бывало здравых болеющим служить, но один здоровый десятерым и двадцатерым болеющим служил. И на всех тех местах умирали столько всякий день, что не успевали здоровые мертвых погребать до захождения солнечного. И многие села пусты были, и во градах, и в посадах едва человек или детище живо обретались, настолько мор оный людный, как серп колосья, пожал людей. Болезнь же такова была: сначала, как рогагиною, ударит за лопатку человека, или против сердца, или под груди, или промеж крыл, или под пазуху; и, разболевшись, человек начнет кровию харкать и огонь внутри разгорится, и после сего пот возьмет, и потом же дрожь берет; и так проходил по всему составу человеческого недуг тот. Железа ж не в одном месте бывала: иному на шее, иному на бедре, иному под пазухою, иному под скулою, иному за лопаткою, иному в паху, и на иных местах. И в болезни полежав, умирали многие с покаянием, иные ж, ангельского иноческого образа сподобившись, от жития исходили. Ибо милосердый Господь Бог ярость свою, милостиво наказуя, на людей своих послал. В Новгороде ж, и во Пскове, и в Торжке, и во Твери обещались люди обетами многими, и в один день по многим местам церкви срубили, и поставили, и освящали; и законы Христовы соблюдать, и в мире и в любви с братиею своею быть, и чужого не похищать обещались. Но подлинно человеческая слабость и рассеянный ум, ибо лишь когда от Бога бывали ярость и гнев, отвращались от злоб своих; когда ж милость и благодать Божия бывала на людях, тогда сходили в забвение и во многом зле, и друг против друга сражались и убивали, и чужое похищали. И милосердый Бог снова возвращал тварь свою на покаяние голодом, мором, нашествием иноплеменных, морозом и громом, молниями, засухами, дождями великими на-

казывая, да познают сами, ибо хочет преблагий Бог и желает спасения человеческого, и сего ради смиряет.

6926 (1418). *Митр. Григорий в Рим.* В сентябре Григорий Цамблак, поставленный митрополит в Киеве Витовтовым избранием, сказал к великому князю Витовту Кестутьевичу: «Чего ради ты в ляцком законе, а не в греческом?». Говорил ему Витовт: «Если хочешь не только меня одного видеть в греческом законе, но и всех людей моей земли Литовской, то иди в Рим и вступай в прения с папою и с его мудрецами. И если их переспоришь, мы все в греческом законе и обычае будем. Если же не переспоришь их, собираюсь всех людей державы своей греческого закона в свой латинский закон обратить». И послал его в Рим с панами своими к папе.

Нижегородские ушли. Той же зимой князь Даниил Борисович Нижнего Новгорода с братом своим князем Иваном бежали с Москвы от великого князя Василия Дмитриевича.

Кн. Дашко острожский. Кременец. Свидригайло в заточении. Луцк взят. Той же зимой князь Дашко, сын Федора острожского, по наущению с князем Свидригайлом Ольгердовичем взял град Кременец Витовтов такою кознию. В великий четверток послал прежде себя двух человек, Дмитрия и Илью, а с ними сговорился: «Поедите служить Кондрату Пруссу, воеводе кременскому. Когда приду я ко граду, вы возводь уберите, а мост положите». Они ж поехали к нему и били ему челом в службу. Он же принял их с любовию, а они входить к нему в доверие начали лукавою хитростию. Он же не разумел прелести их, ни на ум ему не взошло сие. А князь Дашко в срок, оговоренный с ними, пришел под град в ночи на Святой неделе с пятьюстами человек. И те советники его, которых послал прежде себя, они же, придя, у града возводь убрали и мост положили. И так князь Дашко Федорович вошел с бывшими с ним во град, и убил Кондрата воеводу и приставов королевских и Витовтовых иссек, а князя Свидригайло из оков высек, который сидел восемь с половиной лет. И оттуда пошел Свидригайло в Угры и взял Луцк, а у волынских бояр полтора коней отобрал. В тот же год в Новгороде было знамение: в церкви от иконы пречистой Богородицы честного и славного ее покрова шла как кровь по обе стороны ризы ее в месяце апреле.

Смятение новгородское. Еп. Дионисий ростовский. В тот же месяц апрель было волнение в Новгороде, ибо восстала междоусобная брань, и было кровопролитие и убийства между ними многое; и едва смирил их владыка их Симеон. В тот же год Михаил Рассохин убил на Вятке Анфала и сына его Нестера июня в 12 день. В тот же год поставлен был Ростову епископ Дионисий.

1419. *Брак Александра. Еп. Обросим коломенский.* В год 6927 (1419) в сентябре митрополит Григорий Цамблак пришел в Лит-

ву, побывав в Риме и в Константинограде. В ту же осень князь Андрей Дмитриевич тверской пришел в Новгород Великий. И приняли новгородцы, а со псковичами мир взяли. В ту же осень владыка новгородский Симеон был во Пскове на своей поездке по обычаю и месяц судил. Той же зимой князь великий Василий Дмитриевич отдал дочь свою Василису за князя Александра Ивановича суздальского в неделю О мытаре и фарисее. Той же зимой преосвященный Фотий митрополит поставил Обросима епископом Коломне.

Вражда великого князя с братом Константином. Той же зимой князь великий Василий Дмитриевич восхотел подписать под сына своего Василия брата своего младшего князя Константина Дмитриевича. Брат же его князь Константин Дмитриевич не восхотел сотворить воли его, говоря: «Не бывало такого от начала, и ты ныне на мне почему хочешь силу сотворить?». И брат его князь великий Василий Дмитриевич за то разгневался на него и отнял у него вотчину его. Он же пошел в Новгород Великий, и приняли его новгородцы с честью, и благословил его архиепископ Симеон новгородский февраля в 25 день в Собор великий. И подавали ему новгородцы пригороды, которые были за князем Семеном Лугвенем Ольгердовичем литовским.

Мор. Умер Григорий митр. Той же зимой мор был в Киеве и во всех странах там великий весьма. Той же зимой умер Григорий митрополит Цамблак на Киеве, родом болгарин, книжен весьма, изучал книжную мудрость всякую с детства и много писаний, сотворив, оставил.

Бури и дожди. Толкование молнии. Апреля в 9 день в воскресенье после вечерни в Новгороде была буря великая с вихрем сильным и туча страшная очень с дождем и с градом великим более обычного; было воды всюду много, что думали люди про второй потоп, и громовое трескание, и молнии блистали, и потрясалась земля, и словно мертвыми становились люди, и пали ниц. И в неких церквах иконы сгорели от молний, и пономарь сгорел от огня небесного, и был страх великий; такой гром же был, что думали люди про второе пришествие Христово. Дивно ж было сие, иные от грома умерли, иные же в тех местах и в тех же храмах живы были. Ибо говорит писание о громах и о молниях: если отражена облаком молния будет, не вредит, но мимо идет и угасает; если при ударе облако проразит, с него сойдет небесный свет огненный пламевидный, и совокупится с молниею, и нисходит вниз и сожигает. Неведомо ж и несказанно есть громовое громоухание, Божия сила есть неизъяснимая, иных устрашает, иных смерти предает и иных же язвит и от злых дел возвращает на покаяние. Тем же устрашимся, и вострепещем, и накажем себе добро творить, и от намерения злого бегом убежим, и друг друга

возлюбим, да в настоящем и будущем от Господа благим насладимся. Сие же было наказание Божие в Новгороде. В ту же весну в Великом Новгороде пожар был, погорели Славянский конец и Плотнический до ручья Федоровского, и церквей огорело 24, а святых Отцев церковь вся выгорела, и имения христианского множество сгорело. А люди многие в реке в Волхове утонули, а иные многие от огня изгорели. В ту же весну преставился посадник новгородский Иван Богданович во иноческом чину.

Лопане на Колу. Мор. В тот же год в области Новгородской пришли мурманы ратью с моря в бусах и в шнеках, и повоевали в Арзуге Корельские волости и Заволочской земли волости попленили и пожгли, и, много зла сотворив, возвратились восвояси за море. В тот же год Симеон, владыка новгородский, ездил по Корельской земле в поездке своей. В тот же год Варлаам, архимандрит юрьевский, поставил церковь каменную Рождества Христова в Юрьеве монастыре в Великом Новгороде. В тот же год Феодосий игумен поставил церковь каменную пречистой Богородицы на Клобске в 60 дней. В тот же год в августе начал проявляться снова мор в Новгороде, и во Пскове, и в Торжке, и во Твери, и по всей земле Русской.

6928 (1420). *Голод. Деньги первые. Мор. Свидригайло в Литву.* В сентябре мор был сильный весьма во всей земле Русской; особенно же на Костроме, и в Ярославле, и в Юрьеве, и во Владимире, и в Суздале, и в Переславле, и в Галиче, и на Плесе, и в Ростове умирали люди, и стояло жито на нивах впустую, жать некому было. Сентября в 15 день, на память святого великомученика Никиты, пошел снег и шел 3 дня и 3 ночи, и пало его на 4 пяди, и поднялись морозы и стужа великая. И потом теплота была великая, и сошел снег, и мало кто жита пожал после схождения снега. И был голод после великого того мора по всей Русской земле, и умирали снова люди от голода. В ту же осень в октябре в Новгороде Великом начали новгородцы торговать серебряными деньгами, а артуги попродали немцам. А торговали артугами 9 лет, а прежде артугов торговали лобками кунными, а прежде лобков торговали мортками бельими и кунными. В ту же осень во Пскове и в Новгороде в месяце ноябре снова сильный и страшный мор был. Вся же зима тепла была весьма, и мало людей во всей Русской земле осталось от мору и от засухи. В тот же год пришел из Угорской земли Свидригайло Ольгердович в Литовскую землю жить, учинив мир со братиею.

1421. В год 6929 (1421) в сентябре были морозы великие весьма, и того месяца в 15 день пал снег, и шел 2 дня и 2 ночи, и поднялась буря великая и студена весьма, и морозы великие, и потом снова сошел снег, и мало жита пожато было; и снова пошел снег, и были морозы; и был голод по всей земле Русской.

Послы немецкие. Мир с немцами в Нарве. Той же осенью пришли из Немецкой земли в Новгород послы от местера Селиверстера, велиадский кумендер Гостило, и местеров племянник по сестре Тимофей, и воевода ругодивский Еремей, к князю Константину Дмитриевичу и порешили с ним и с новгородцами, что быть на съезд к князю Константину Дмитриевичу с новгородцами и их местеру. И послал князь Константин в Немецкую землю великого князя наместника Федора Патрикеевича, и своего боярина Андрея Константиновича, и посадников новгородских. Они же приехали к местеру в Нарве и взяли мир вечный по старине, как было при великом князе Александре Ярославиче и при князе Юрие Даниловиче.

В апреле была в Новгороде Великом паводь великая в Волхове и снесло 8 секций великого моста, и бури великие были; и так разбились от воды и от бури и уличные мосты, и храмы многие от основания вырваны были. Многие же из-за воды на верх хором бежали. И монастырей 19 объяла вода, и пеня не было в них. И многая скорбь была, и думали люди, что потоп наступил, как при Ное было из-за грехов наших. Было же дохождение воды даже до градных врат Прусской улицы. Если кто сему не доверят в мыслях или чем-то новым думает быть, да от древних повестей навикнет и старые летописцы да прочтет, сколько бывало в Новгороде в древние лета, сколько множеством водным и возмущением волн сорвано бывали местных строений, и сколько такого еще ж и по всем землям бывало к наказанию нашему, да отстанем от злых дел, и научимся волю Божию творить, и заповеди хранить, ибо мудрейшие мужи почитают древние писания, как сказал премудрый Соломон: «Мудр тот, кто знает древние повести и сказания». Сие ж было наводнение при архиепископе Симеоне, в шестое лето владычества его. И много зла было людям, и утонули многие люди, и имение взяла вода.

Гроза великая. В ту же весну месяца мая в 19 день в воскресенье, праздник Всех святых, в великом Новгороде в полуночи был трус великий на воздухе: взошла туча с полудня темная сильно весьма, с громом страшным и с молниями блистающими, что и прозреть невозможно было, и думали люди, что сожженными будут от огня оного. И придя, стала над градом и изменилась туча от дождя на огненное видение. Люди ж всяко ожидали пламени быть, пожигающему грешников, и ужаснулись, начали вопить: «Господи, помилуй», и прочие многие моления и обеты приносили Господу и пречистой его матери Богородице. И был дождь многий и град великий, и камни являлись из облака, падающие на землю. Архиепископ же Симеон со священным собором и все богобоязненные люди вошли в церковь Премудрости Божия, ниц пали, со многими слезами из глубины

сердца со вздыханием молясь, так же и по прочим церквам священники и люди творили. И так прошла ночь та со страхом оным. Наступил же день, и воссиял свет, и была тишина, туча же она огненная невидима стала, и едва люди в себя пришли от страха оного. Устрашимся же, таковые повести страшные слыша, и научимся добро творить и Господне хранить, да благо нам будет.

Кн. Константин из Новгорода. Умер еп. Симеон новгородский. Кн. Ярослав в Москву. Смятение новгородцев. Голод. В тот же год князь Константин Дмитриевич из Великого Новгорода отъехал на Москву, а был в Новгороде того ради: поскольку брат его князь великий Василий Дмитриевич хотел привести его в крестное целование под своего сына князя Василия; он же не желал быть под своим племянником и пошел в Новгород; и князь великий Василий Дмитриевич, брат его, отнял у него всю вотчину его, и бояр его взял, и села и имущество их отнял, и их развел и узами железными связал. Июня в 15 день преставился Симеон, архиепископ новгородский, просидев на архиепископском престоле 5 лет и 3 месяца, а всего на нем был шесть лет без двух месяц и без четырех дней. В тот же год князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, пришел из Литвы на Москву и примирился с великим князем Василием. В тот же год в Новгороде Великом междоусобная брань была и кровопролитие. восстали два конца, Неревский и Славянский, из-за Клементия Артемьевича, и были все в доспехах, и пограбили двор его, и иных бояр дворы разграбили, и людей много побили; а Андреевых людей 20 человек убили, а иных в водах истопили, а неревлян 15 человек убили, и потом усмирились. В тот же год голод был в Новгороде.

1422. Женился Юрий тверской. В 6930 (1422) в месяце сентябре князь Иван Михайлович тверской взял боярина новоторжского Ивана Кумгана и сына его Фому и, бив их, заточил в Новый городок во Твери. В ту же осень в Новгороде завершили две церкви каменные: Исаак Акинфович в монастыре на поле Богоявления Господнего, а Василий Филиппович и Лукьян Анцифорович святого Преображения Господня. В ту же осень в сентябре в 8 день началась быть болезнь харкотная в людях, и на зиму голод был великий. В ту же осень месяца сентября в 30 день новгородцы возвели на архиепископов двор по жребиям Феодосия, игумена троицкого с Клобска. Той же осенью месяца октября новгородцы завершили мост великий в Новгороде. В ту же осень княгиня Настасия Юрия Дмитриевича звенигородского была у отца своего Ярослава Владимировича на Москве, а пошла с Москвы за неделю до Рождества Христова. Той же зимой князь Юрий Иванович тверской женился у Ивана Дмитриевича.

Голод великий. Морозы. Дороговизна. В тот же год голод был великий по всей Русской земле и по Новгородской, и многие люди померли с голоду, а иные из Руси в Литву вышли, а иные на путях с голода и со стужи померли, ибо была зима студена весьма; а иные ж и мертвый скот ели, и коней, и псов, и кошек, и кротов, и люди людей ели; а в Новгороде мертвых с голоду 3 общицы могилы набросали. А покупали тогда на Москве оков (кадь) ржи по полутора рубля, а на Костроме по два рубля, а в Нижнем Новгороде по три рубля.

Война поляков с немцами. Марьин город. В тот же год король Ягайло Ольгердович польский да князь великий Витовт Кестутевич литовский ходили к Марьину городку немецкому воевать. В тот же год новгородцы целовали крест заедино бытъ им всем меж собой.

Умерла княг. Настасия звенигородская. Июля в 11 день преставилась княгиня Настасия князя Юрия Дмитриевича в Звенигороде, а положена была на Москве у Вознесения. В тот же год месяца августа в 18 день погорела Москва, в полночь загорелось, а ко дню прекратилось.

Хан Барак. Хан Куйдадат. В тот же год августа в 31 день хан Барак побил Куйдадата хана.

6931 (1423). *Татары к Одоеву. Кн. Юрий Одоевский. Татары побиты.* В сентябре хан Барак приходил к Одоеву ратью и много зла учинил, а града не взял, и со многим полоном пошел в Поле. Князь Юрий Романович одоевский да Григорий Протасьевич, воевода мценский, настигли его в Поле и много полона отняли. Той же осенью в сентябре в Новгороде завершены были три церкви каменные: Воскресение Христово в Павлове монастыре, Иоанна Милостивого в Воскресенской улице в Людине конце, Воскресения Христова в Благовещенском соборе монастыре Давыдом Дмитриевичем.

Великая княгиня в Литву. Той же зимой великая княгиня Софья Василия Дмитриевича, дочь Витовтова, с сыном своим Василием Васильевичем ездил к отцу своему Витовту в Смоленск; а князь великий Василий, отпустив ее с Москвы, сам пошел на Коломну; а Фотий, митрополит всея Руси, у Витовта же был, а пошел наперед великой княгини Софьи. В тот же год мор был по всей земле Русской. В тот же год в Новгороде завершили две церкви каменные: пречистой Богородицы на Колмове и святого Иакова на Луге.

Епископ избранный сведен. Месяца августа в 30 день сослали новгородцы Феодосия, нареченного их епископа, со владычного двора. Его же избрали по жребию и на владычнний двор возвели, и снова не восхотели, говоря: «Не хотим шаника владыкою у себя в Новгороде». И так отвели его в монастырь ко святой Троице на

Клобске; а сидел на владычнем дворе 2 года. И возвели на двор владычний по жребию инока Емельяна от святого Воскресения с Деревяницы.

6932 (1424). *Царь Куйдадат к Одоеву. Союз с литвою на татар. Бабуй, Путята, князя друцкие. Татары побиты.* Хан Куйдадат снова пришел с ратью к Одоеву на князя Юрия Романовича одоевского. И слышал про то князь великий Витовт литовский, и послал на Москву к зятю своему великому князю, чтоб послал помощь на хана Куйдадата, а сам послал князя Андрея Михайловича с ратью, и князя Андрея Всеволодича, и князя Ивана, называемого Бабуй, брата его Путяту, друцких князей, и князя Дмитрия Всеволодича, и Григория Протасьевича, воеводу мценского; а князь великий Василий послал своих воевод. Они же, придя с князем Юрием Романовичем Одоевским, хана Куйдадата прогнали и силу его побили, и двух ханш его взяли, и одну послали в Литву к великому князю Витовту литовскому, а другую послали на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу. А сам хан Куйдадат убежал, а московская сила вовремя не пришла. Тогда ж убили и Когчу, богатыря татарского, великого телом и силою славящегося.

Деньги во Пскове. В тот же год во Пскове вече сотворили псковичи, и ковали деньги серебряные, и начали ими торговать, а мортки оставили.

Мор. В тот же год в Немецкой земле, и в Литве, и во Пскове, и в Новгороде, и во Твери, и на Москве, и во всей Русской земле начался мор железюю, харк кровью, и умирали люди; и была печаль и скорбь великая по всей земле. В тот же год в Новгороде завершили две церкви каменные: святого Луки на Лубеницы и святых мучеников Бориса и Глеба на Усье.

Еп. Емельян Евфимий новгородский. В тот же год преосвященный Фотий митрополит на Москве поставил в Новгород Емельяна инока в епископы, и наречен был вместо Емельяна Евфимий. В тот же год поставили новгородцы церковь святого Спаса в один день за алтарем святой Софии.

1425. *Умер вел. кн. Василий II.* В год 6933 (1425), когда настала осень, начал скорбеть князь великий Василий Дмитриевич. И узрев, что к Богу его отшествие, послал ко братии своей Юрию звенигородскому и Андрею можайскому, просил их, да после смерти его не вредят сыну его Василию, получающему великое княжение по завещанию отцову. Они же приговорили так быть. Князь же великий призвал княгиню свою, и преосвященного Фотия митрополита, и всех князей, и бояр своих, завещал им крепко хранить великое княжение сыну его Василию, а братию его не обидеть, и от иных им помогать, и волости их оборонять. Они же клятвою ему утвердились. И февраля в 7 день преставился вели-

кий князь Василий Дмитриевич на второй седмице великого поста во вторник. Был на великом княжении русском 36 лет, всех лет прожил 52. Имел детей: три сына, Юрий, Иоанн, Василий, и 2 дочери, Анна и Василиса. Положен же был в церкви святого архистратига Михаила в Москве.

56. ВАСИЛИЙ III ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Слебятев. Война с Юрием звенигородским. Юрий бежал в Нижний. Митрополит послом. Посмеяние. Мир. После смерти великого князя Василия Дмитриевича сел на престоле Русской державы сын его князь Василий Васильевич. Тогда начал негодовать стрый его князь Юрий Дмитриевич звенигородский, ища себе великого княжения, а кроме того негодуя на отца великой княгини Витовта литовского. Фотий митрополит той же ночью послал за братом его, за князем Юрием Дмитриевичем, в Звенигород своего боярина Акинфа Слебятева. Сие слышав, княгиня великая София созвал всех князей, бояр, сановников и урядников, утвердила их крестным целованием, что быть им неотступным от сына ее. Послала же и к отцу своему великому князю Витовту, прося от него помощи на Юрия. Юрий же, боясь Витовта, не пошел к Москве, но пошел в Галич. Князь же Василий Васильевич был тогда 10 лет и 16 дней. И князь Юрий Дмитриевич, дядя его, послал к нему с угрозами и взял с ним перемирие до Петрова дня. Да в то же перемирие в ту же весну князь Юрий Дмитриевич разослал по всей вотчине за всеми людьми своими. И когда сошлись к нему все изо всех городов его, восхотел пойти на племянника своего на великого князя Василия Васильевича к Москве. А князь великий Василий Васильевич совокупился со всеми силами своими, с ним же были и дяди его, братья князя Юрия Дмитриевича, и пошел князь великий к Костроме. Князь же Юрий Дмитриевич услышал про идущую на него силу многую с племянником его с великим князем Василием и с братнею его Дмитриевичами и побежал в Новгород Нижний, и сел там со всеми своими людьми. А князь великий Василий послал на него дялю своего князя Константина Дмитриевича со многою силою. И князь Юрий Дмитриевич убоился, и побежал за Суру реку, и стал на берегу; а брат его князь Константин Дмитриевич, стояв против него, возвратился к Москве, ибо невозможно было перейти к нему за реку. И тогда князь Юрий Дмитриевич пошел к Новгороду Нижнему и оттуда к Галичу, а к великому князю послал о перемирии на год. Князь же великий Василий Васильевич с матерью своею с великою княгинею Софьею и с дядьями своими, с князем Андреем, и с князем Петром, и с князем Константином Дмитрие-

вичами, посоветовавшись и обменявшись сообщениями с дедом своим с Витовтом Кестутьевичем, и со всеми князьями и боярами своими советовался послать к дяде своему князю Юрию Дмитриевичу Фотия, митрополита всея Руси. Фотий же митрополит ни от чего не отказался, но вскоре с радостью пошел к нему в Галич о мире. В тот же год и пришел в Ярославль на Рождество Предтечево и тут мало промедлил, но только ужинал у князя Ивана Васильевича, молили ж его князи ярославские, чтоб у них на утро обедню слушал; и не послушал их, пошел в Галич. А князь Юрий Дмитриевич, слышав то, собрал всю вотчину свою и встретил его с детьми своими, и с боярами, и с лучшими людьми своими, и чернь всю собрал из градов своих, и волостей, и из сел, и из деревень, и было их великое множество, и поставил их на холме пред градом по пути митрополита, сказывая и являя ему многих людей своих. Митрополит же вошел в посад града того и пошел к соборной церкви Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, была же церковь та на посаде на поле у озера. И быв в церкви, помолился и вышел, и воззрел он на народ, который на холме стоял, и сказал князю Юрию Дмитриевичу, так говоря: «Сын князь Юрий, не видел столько народа во овчей шерсти». Ибо все были в сермягах. Князь Юрий хотел показать, что много людей имеет, святитель же в глумление сих вменил в овцы. После сего же пошел к келье своей, там где остановился, и начал говорить князю Юрию Дмитриевичу о мире, чтобы не было кровопролития между ними с великим князем. Князь же Юрий перемирия просил на время, а миру не хотел конечного, и не внимал о сем. Разгневался же Фотий митрополит, и не благословил его и град его, и вскоре пошел из града его. А в тот час мор великий был на людей его во всем граде его. И князь Юрий Дмитриевич, слышав и видев то, убоялся и утрашился весьма, и вскоре сел на коня, и гнался за ним спешно очень, и настиг его за озером в селе Пасынкове, и начал бить ему челом и молиться о своем согрешении, и едва умолил его со многими слезами. И так умолен был Фотий митрополит, и возвратился, и благословил его самого и град его, и войдя во град, всех благословил. И от того часа остановился гнев Божий и прекратился великий мор. И поучил митрополит князя о любви и о мире не только с братиею, но и со всеми православными. Князь же Юрий, многую честь воздав митрополиту и отпустив его, сам же проводил его со всем народом, сказал ему: «Пошлю о мире к великому князю бояр своих». И после отшествия митрополитова послал боярина своего Бориса галицкого и Данила Чешка, и заключили мир на том, что князю Юрию не искать княжения самому, но положить на хана ордынского, которого хан пожалует великим княжеством, тот да будет князь великий владимирский и Великого Новгорода и всея Белой Руси.

Умер Иван тверской. Кн. Александр тверской. Мор. В тот же год преставился князь Иван Михайлович тверской, наречен был во иноках Иов. И сел после него на княжении тверском сын его Александр месяца мая в 1 день, а в Кашине дядя его князь Василий Михайлович. А с Троицына дня мор великий был на Москве, а пришел от немцев во Псков, а оттуда в Новгород Великий, и во Тверь, и на Москву дошел, и на всю Русскую землю, во всех местах мор был великий весьма. В тот же год в Новгороде погорели Торговая сторона вся и Людин конец.

Война устюжан на Заволочье. В тот же год устюжане воевали Заволочскую землю Великого Новгорода.

Откуп устюжан. В тот же год новгородцы ходили ратью к Устюгу и взяли с них откуп на 8000 белок да шесть сороков соболей.

В тот же год в Новгороде преставился нареченный владыка их Феодосий в своем монастыре пресвятой Троицы на Клобске, его ж были избрали по жребию и снова не восхотели.

Умер царь Мануил. В тот же год преставился греческий царь Мануил Цареграда, сват великого князя Василия Дмитриевича московского.

Царь греческий Иоанн Калу. После Мануила царя начал царствовать во Цареграде сын его кир Калуан Иоанн, зять великого князя Василия, православный. При сем царе Амурат царь, сын Махметов, после убийства младшего брата Мустафы приходил на царствующий град, памятуя, что брату его давали достаточное воинство в помощь; потом же сотворил с ними мирное устроение.

1426. Умер Андрей, кн. волоцкий и ржевский. В год 6934 (1426) в сентябре начал мор переставать в Великом Новгороде и снова восстал сильный очень во Пскове, и в Новгороде Великом, и в Торжке, и во Твери, и на Волоке, и в Москве, и в Дмитрове, и во всех градах русских, и в волостях, и в селах, и по всей земле; и была печаль и скорбь великая в людях. Тогда на Москве преставился князь Андрей Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила московского Александровича, во иноках наречен был Савва и положен у Троицы в Сергиеве монастыре.

Татары на Рязань. Побиты. Той же осенью приходили татары на Рязанскую украину и возвратились с полоном в Поле. Рязанцы же в погоню пошли за ними, и настигли их, и побили, и полон отняли.

В ту же осень воевали турки Греческую землю.

Умер Ярослав. Той же осенью преставился князь Ярослав Владимирович, внук Андреев, правнук Иванов, праправнук Даниила московского Александровича.

Умер Иван ярославский. В тот же год преставился князь Иван Васильевич ярославский.

Война литовская на Псков. К Опочкам. Мост на веревках. Литва отбита. Воронеч. Туча. Лыков. Витовтов откуп со Пскова. В тот же год князь великий Витовт литовский ходил на Псков ратью со мною силою, с ним была земля Литовская, и Ляцкая, и Чешская, и Волжская, и татары его, у хана Махмета испросил двор его. И прежде пришел под городок псковский Опочки. Люди же во граде затворились, попрятавшись, чтобы подумали пришедшие, что пуст он. И так зашли татары на мост на конях. И горожане сделали мост подвесной, а под ним колье, изострив, набили. И когда был полон мост противных, горожане перерезали веревки, и мост пал с ними на колья оные, и так умерли все. А иных многих татар, и ляхов, и литвы живых взяли, во град забрали ... у татар срамные уды их и в рот влагали им, надругивались, так, что и сам Витовт видел то и все бывшие с ним; а ляхам, и чехам, и волохам кожи одирали. Витовт же, видев то и срама исполнившись, отошел от града, нисколько не преуспев. И пришел под другой град Воронеч, и стал под ним со многими силами своими. И пришла на него туча страшная и грозная весьма с громом великим и с молниями опаляющими, что с Витовтом бывшие за жизнь свою испугались. И такой снова гром ударил с молниями, что земле потряслась. Витовт же за столп шатерный ухватился и начал кричать: «Господи, помилуй», стenal и трясся, думая о себе, что землю пожран и во ад сошел. После прохождения тучи той страшной пришел к нему под тот же городок посол от великого князя Василия Васильевича с Москвы Александр Владимирович Лыков, говоря от великого князя Василия Васильевича: «Чего ради ты так чинишь несмотря на мир заключенный? Следовало тебе быть со мною заедино, а ты мою вотчину воюешь и пустой делаешь». А псковичи, в то же время придя, Витовту били челом тремя тысячами рублями. Витовт же Кестутьевич, послушав внука своего князя Василия Васильевича, отступил от града и взял у псковичей одну тысячу рублей, а две тысячи рублей отступился им, и так возвратился восвоюси со всеми силами. А стоял под Вороничем 3 недели.

1427. Язва. Умер Василий. Умер Кирилл белозерский. В год 6935 (1427) мор был великий во всех городах русских по всем землям, и мерли от прыщей. Кому умереть, тому был прыщ синий, и в третий день умирал; а кому живу быть, тому был прыщ червленький, да долго лежал, до тех пор пока не выгноит. И после того мору, как после потопа, столько лет не стали уже жить, но с коротким веком, и худыми, и тщедушными начали быть. В тот же год в тот же мор преставился князь Василий Владимирович, внук Андреев, и положен во Архангеле на Москве. В тот же год преставился преподобный игумен Кирилл белозерский месяца июня в 9 день и положен был в своем его монастыре на Белоозере. В

тот же год в Новгороде завершена была церковь Спаса строением Евфимия, владыки новгородского.

1428. Умер Петр дмитровский. В год 6936 (1428) преставился князь Петр Дмитриевич Дмитровский, внук Иванов, правнук Иванов же, праправнук Даниила московского Александровича.

Витовт на Новгород. К Порхову. Пушки. В тот же год князь великий Витовт литовский ходил со многими силами ратью на Новгород Великий; были же с ним и пушки, и тюфяки, и пищали; одна ж с ним пушка была великая весьма, «Галка» именем, везли ее на сорока конях от утра до обеда и от обеда до полудни на иных сорока конях, а до вечера на иных. И когда пришел он под град Порхов, и той пушки мастер Микола, похвалившись Витовту, сказал: «Не только же, князь, сею пушкою стрельницу разобью, но и церковь святого Миколы каменную во граде разрушу». Стрельница же та и церковь были каменные и весьма крепкие. Запалил же он пушку, и сбила пушка стрельницу из основания, и у церкви святого Николая переднюю и заднюю стену во алтаре пробила, и градные каменные зубцы поразила, а затем пушку же ту разорвало, и убило воеводу полоцкого Витовтова, также и самого того немчина похвалявшегося и много воинства Витовтова убило и коней великое множество поразило. Было же сие в самую литургию. Священника же, служащего в церкви святого Николая, ничем же не повредило. А того немчина, мастера пушечного, похвалявшегося на святого чудотворца Николу, разнесло и разбросало невидимо где, что ничто и не нашли от него, нигде не было ни тела, ни кости, только половина кабата (рубахи) его осталось.

Откуп с Новгорода. Причина войны. Повелел же Витовт приступать ко граду и пушками бить. Посадник же Григорий Кириллович Посахно, и Исаак Борецкий, и иные с ними вышли из града и начали бить челом Витовту со слезами, давая с себя откуп. И в то время пришел из Новгорода епископ Емельян, нареченный от Фотия митрополита Евфимий, а с ним посадник и тысяцкий новгородские, и добили челом Витовту, дали с себя откуп 10 00 рублей новгородских. А полон весь откупил у Витовта архиепископ новгородский Евфимий, дал 3 000 рублей новгородских; а давали серебром, либо зверями и иными дорогими вещами; и то серебро брали со всех волостей Новгородских и по Заволочью со всех волостей с десяти человек рубль. И сказал им Витовт: «Сие вам стало за то, что меня назвали вы изменником и бражником». И так со всеми силами своими возвратился восвояси.

6936 (1428). Татары к Галичу и Костроме. Плесо. Луг. Кн. Федор стародубский. Кн. Константин добрынский. Приходили татары казанские к Галичу внезапно на князя Юрия Дмитриевича и стояли в Галиче месяц. И на Крещение, приидя, Кострому взяли,

и Плесо, и Луг, и отошли на Низ Волгою. Князь же великий Василий послал за ними дядей своих князя Андрея и Константина Дмитриевичей и с ними Ивана Дмитриевича со своими полками. Дошли же до Нижнего Новгорода и, там не угнавшись, возвратились. Князь же Федор стародубский Пестрый да Федор Константинович Добрынский, утаившись от князей и воевод, со своими полками погнались за татарами, и догнали задних, и иных разогнали, а иных побили, а султана и князя не догнали.

6937 (1429). В тот же год в Новгороде пала церковь каменная Святых отцев на княжьем дворе.

1430. В год 6938 (1430) в Смоленце явился волк гол без шерсти, много людей ел. А в Литве городе в Троках озеро Жидовское 3 дня стояло кровавое. Той же осенью месяца ноября в 1 день преставился владыка Евфимий новгородский, был в епископстве 5 лет и 5 недель, а нареченным на владычнем дворе сидел год и 2 недели. И того месяца 13 возведен по жребию Евфимий, священнонок с Лисичьей горы.

Съезд государей в Троках. Умер Витовт, вел. кн. литовский. Кн. вел. литовский Свидригайло. В тот же год Фотий, митрополит киевский и всея Руси, был в Троках у Витовта. А тогда к Витовту многие государи сошлись: внук его князь великий Василий русский, и король Ягайло Ольгердович польский, князь Борис Александрович тверской, князь мазовшанский, кардинал от папы из Рима, и князь великий ватмский, и король чешский, и курфюрст немецкий, и воевода Ильяш волошский, и местер прусский и немецкий, и иные многие князи и воеводы. И пошел Витовт со всеми теми из Трок в Вильню и там многую честь всем тем воздал на многие дни, и дарами многими почтил, и так распустил их. И оттуда все разошлись каждый по своим землям. А Фотия, митрополита всея Руси, оставил у себя, и держал его после всех тех одиннадцать дней, и много почтив его, отпустил к Москве. Фотий же митрополит пришел в Новгородок литовский, и там пришла ему весть, что князь великий литовский Витовт умер месяца октября в 24 день, после его отшествия 3 дня жил только, княжив 38 лет. И сел после него на великом княжении литовском брат его из двоюродных князь Свидригайло Ольгердович. И пришел с братом своим королем Ягайлом Ольгердовичем польским в Новгородок литовский, и там почтили Фотия, митрополита всея Руси, и отпустили его к Москве со многою честью и любовию.

Сухмень. В тот же год сухмень была велика и воды сильно малы, а земля, и боры, и леса горели, и дыма много было весьма. иногда же друг друга не увидеть, и с того дыму звери, и птицы, и рыбы в водах мерли, и люди в нужде были великой и умирали. В тот же год в Новгороде поставили церковь каменную, Святых отцев, на княжьем дворе в старое место установили.

Порхова строение. В тот же год новгородцы ко граду Порхову приделали вторую стену каменную.

В тот же год собрание было у новгородцев город ставить, из пятерых одного на это отправили.

1431. Татары ко Мценску. Протасьев. Хан Махмет. В 6939 (1431) в октябре князь ордынский Айдар повоевал землю Литовскую, и пришел под град Мценск, и стоял под ним три недели, и града не взял, ибо был там Григорий Протасьев. Айдар же Григорию дал клятву по своей вере. Он же, поверив тому, вышел к нему из града. Айдар же повел его с собою в Орду к хану Махмету. Хан же Махмет поругал Айдара и не похвалил его за то, и почтив Григория, отпустил его с честью и с дарами на Русь.

Вражда великого князя с Юрием. Той же зимой князь Юрий Дмитриевич расторг мир с великим князем Василием Васильевичем, племянником своим.

Кн. Федор Пестрый. В ту же весну князь великий Василий Васильевич послал ратью на болгар волжских и камских князя Федора Давыдовича Пестрого. Он же, придя, воевал их и всю землю их попленил. В тот же год знамение было, явились на небе три столпа огненные. Тогда же и засуха была великая, и земля, и боры, и болота горели; и голод был великий по всей земле Русской.

Князи в Орду. Князь великий Василий Васильевич да князь Юрий Дмитриевич, дядя его, поспорили о великом княжении Московском и похотели в Орду пойти к хану Махмету: кого Махмет пожалует великим княжением, тот есть князь великий. И так князь великий Василий Васильевич в месяце августе начал снаряжаться в Орду и 15 августа, на праздник пречистой Успения, по отпущении литургии повелел молебен петь пречистой Богородице и великому чудотворцу Петру, и слезы излив многие, милостыню раздать повелел на все церкви града Москвы, и монастыри, и нищим всем, также повелел и по всем градам своим сотворить и пошел к Орде в тот же день; а обедал на своем луге против Симонова под перевесьем (местом ловли), и пошел в путь свой.

1432. Ревность боярина. Суд о великом княжении. Василий оправдан. Юрию Дмитров. В 6940 (1432), сентября в 8 день, на праздник Рождества пречистой Богородицы, князь Юрий Дмитриевич был на литургии у Пречистой на Сторожах и пошел за великим князем Василием Васильевичем к Орде. И как только они пришли в Орду, и взял их к себе [в улус дороги московской] Мин-Булат. Великому же князь Василию Васильевичу честь была великая от него, а князю Юрию Дмитриевичу бесчестие и истома великая. Но добр был до князя Юрия князь ордынский Ширин-Тегинь и, придя, тот взял его силою у Мин-Булата и великос

княжение обещал ему дать. И пошел Ширин-Тегинь с князем Юрием в Крым зимовать; а князь великий остался в Орде у Мин-Булата. Боярин же был тогда с великим князем Василием Васильевичем Иван Дмитриевич, и тот заодно был с великим князем Василием Васильевичем, и начал бить челом великим князьям ордынским Айдару и Мин-Булату и прочим князьям татарским за своего государя великого князя Василия Васильевича, говоря каждому так: «Сие ли, господин, ваше печалование к хану и верное ваше слово о нашем государе великом князе, что не может хан от слова Тягиня отступить, и тот мимо всех вас по его слову обещает дать великое княжение князю Юрию? И если хан по его слову так учинит, а в вас тогда что уже будет? Юрий будет князь великий на Москве, а в Литве князь великий побратим его Свидригайло. А Тягинь в Орде и при хане волен и над всеми вами». И тем словом как стрелою уязвил сердца их. И так все они князи ордынские начали бить челом хану за великого князя Василия Васильевича, чтобы и впредь говорить с ним. И одолели хана. И сказал к ним хан: «Если скажет Тегинь за князя Юрия о великом княжении, то убить его повелеваю». И когда была весна, тогда пришел Тегинь из Крыма в Орду, а княжение великое князю Юрию желал дать. Некто же татарин, Усейн именем, постельник ханский, племянник тому Ширин-Тегиню, сказа ему думу ханскую и князей всех: если кто скажет о князе Юрии, тут же убитым ему быть. Слышав же то, Ширин-Тегинь не посмел несколько против них говорить. Хан же повелел своим князьям судить русских князей, и много прений было между ними: князь великий Василий Васильевич по отеческому и по дедову искал престола своего, князь же Юрий Дмитриевич, дядя его, летописцы, и старые списки, и духовную отца своего великого князя Дмитрия показал. И тогда сказал боярин великого князя Василия Васильевича Иван Дмитриевич хану и князьям его, говоря такое: «Государю вольный, позволь молвить мне, холопу великого князя. Ваш, государь, улусник великий князь Василий Васильевич ищет своего престола великого княжения, а твоего улусу по твоему ханскому жалованью и по твоим девтерам (грамотам) и ярлыкам, и вот твое пожалование перед тобою; а господин наш князь Юрий Дмитриевич, дядя его, хочет взять великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему пожалованию вольного хана; а ты волен во своем улусе кого восхочешь пожаловать по своей воле. А и государь наш князь великий Василий Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию Васильевичу по твоему же пожалованию вольного хана, и уже, господин, который год сидит на своем престоле, а на твоём пожаловании, для тебя, своего государя, правя, вольного хана, как и самому тебе ведомо». И того ради хан Махмет дал великое княжение

князю Василию Васильевичу, и повелел князю Юрию Дмитриевичу, дяде его, коня вести под ним, как обычай есть, когда хан кого пожалует великим князем быть, тогда дает ему меч и сажает на своего коня, и ведут князи подручные, и биричи пред ним по базару кричат, и даже до стана; а татарские князи там ждут, и князь великий воздает им честь великую и одаривает. Князь же Василий Васильевич не восхотел для того дядю своего бесчестить; а Ширин-Тегинь стал о том же против хана и хотел отступить от него, поскольку же в то время пришел было на Махмета Кичи-Ахмет хан. Он же убоился того сотворить, и по Тягиня слову придал князю Юрию Дмитриевичу к его вотчине град Дмитров со всеми волостями, и отпустил их хан на свои вотчины. И пришел князь великий Василий Васильевич на Москву на Петров день, а с ним царев посол султан Мансырь-Улан, и тот посадил его на великое княжение у Пречистой у золотых дверей. А князь Юрий Дмитриевич, дядя его, пошел в свою вотчину в Звенигород, а оттуда в Дмитров.

Умер Андрей. В тот же год преставился дядя родной великого князя Василия князь Андрей Дмитриевич Можайский в своей вотчине в Можайске в месяце июне, и привезли его на Москву, и положили во Архангеле.

В тот же год князь Юрий Дмитриевич, боясь племянника своего великого князя Василия Васильевича, пошел из Дмитрова в Галич. И князь великий взял Дмитров на себя и наместников его сослал, иных взял.

6941 (1433). *Боярин Иван хочет великого князя на дочери женить.* Боярин великого князя Василия Иван Дмитриевич, служивший ему со всем прилежанием истинным сердцем, и великое княжение ему у Махмета хана взявший, восхотел за великого князя Василия Васильевича дочь свою дать. И о сем тогда слово было ему с великим князем. И были тогда они на Москве, и не восхотел сего князь великий Василий и мать его София, но восхотели дочь Ярославову. И так обручил за себя князь великий Василий Васильевич княжну Марью, дочь Ярославову, внучку Владимирову, правнучку Андрея Ивановича, а внучку Марьи Голтяевой. И так Иван Дмитриевич с Москвы побегал к князю Константину Дмитриевичу на Углич, к дяде великого князя, и оттуда во Тверь, а со Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичу, к дяде великого князя Василия Васильевича.

Брак Василия III. Той же зимой женился князь великий Василий на Москве февраля в 8 день, взял княжну Марью, дочь Ярослава Владимировича, внучку Марьи Голтяевой.

Смущение Иваново. Кн. Василий. Кн. Дмитрий Шемяка. Брак кн. Василия. Война кн. Юрия на великого князя. Ложса. Товарков. Василий побежден. Юрий в Москве. Василий на Костро-

ме. Кострома взята. Морозов. Мир великого князя с Юрием. Василию удел Коломна. Москвичи к великому князю. Морозов убит. Юрий Москву отдал. Мир непристойный. Война на Кострому. Кусь р. Великий князь побит. Той же зимой Иван Дмитриевич отъехал со Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичу и начал подговаривать его на великое княжение. И князь Юрий по его думе послал за детьми своими за князем Василием и за князем Дмитрием Шемякой на Москву; а они тогда были на свадьбе у великого князя Василия Васильевича. И тогда опознал Петр Константинович на князе Василие Юрьевиче пояс золотой на цепях с камнями, что был приданным князя великого Дмитрия Ивановича от князя Дмитрия Константиновича суздальского. Сие же пишем того ради, поскольку много золота в поясе том, и что тот пояс при свадьбе великого князя Дмитрия Ивановича подменил Василий тысяцкий, князю великому дал меньший, а тот дал сыну своему Микуле; а за Микулою была того же князя Дмитрия Константиновича суздальского дочь его старшая. И Микула пояс дал в приданное же Ивану Дмитриевичу; а Иван Дмитриевич дал его за своею дочерью князю Андрею Владимировичу. Потом же после смерти князя Андрея после ордынского прихода Иван Дмитриевич княжну Андрееву дочь, а свою внучку, обручил за князя Василия Юрьевича и тот пояс дал ему, и на свадьбе великого князя Василия Васильевича был тот на нем. Княгиня же великая Софья тогда с него сняла, и с того князь Василий и князь Дмитрий Юрьевичи раззлобились, с Москвы пошли к отцу своему в Галич, и пограбили град Ярославль, и казны всех князей разграбили. Пришли же они к отцу в Галич, а он уже собрался со всеми людьми своими, желая идти на великого князя. Сии же к нему пришли, и пошел с ними и со многою силою на великого князя, а Иван Дмитриевич с ними ж, а князь великий и не ведал того. Пришел же тогда к великому князю Василию из Ростова наместник его Петр Константинович, поведал ему, что идет на него дядя его князь Юрий Дмитриевич и с детьми своими, и со многою силою; а уже тогда были в Переславле. Князь же великий ничего не успел сотворить, но послал против него послов своих Федора Андреевича Ложа и Феодора Говаркова о мире, и встретили его у Троицы. Он же миру не восхотел, но снова пошел; а Иван Дмитриевич не дал к миру и слова молвить. И была между обоими боярами брань великая и слова непотребные, и так возвратились послы великого князя ни с чем. Князь же великий Василий Васильевич, что было тогда поблизости людей, собрал тех, да и москвичей гостей и прочих с собою, пошел против и встретился с князем Юрием на Клязьме за двадцать верст от Москвы. С князем же Юрием было множество воинов, а у великого князя весьма мало, но на равных сразились с ними. Москвичи ж многие, не

думая что битве быть, не готовы были, ибо имели с собою меда много и упились тогда. Что увидел князь великий Василий, что не было ему надежды и ниоткуда помощи, побежал к Москве скоро весьма. И взял мать свою Софью и княгиню свою Марью, в трепете и в спешке великой побежал во Тверь и со Твери побежал к Костроме. Был же сей бой в субботу накануне Мирносиц апреля в 25 день. А дядя его князь Юрий Дмитриевич, придя на Москву, сел на великом княжении и послал детей своих за племянником своим, за великим князем Василием; и сказали, что великий князь на Костроме. И князь Юрий Дмитриевич сам пошел и с детьми своими за ним к Костроме, и с ним силы многие. И придя к Костроме, взял его. Он же со слезами и с плачем добил челом дяде своему любимцем его и боярином Семеном Морозовым, ибо был сей Семен у князя Юрия Дмитриевича в великой силе и любви. Иван же Дмитриевич вознегодовал о сем, и не любо было ему сие весьма, что прощение ему дает, еще же и удел хочет дать ему. И не только один Иван Дмитриевич, но иные многие бояре разъярились, и не любо было сие всем. Семен же Морозов, много могший у господина своего князя Юрия Дмитриевича, испросил великому князю Василию Васильевичу мир и любовь и удел Коломну. Князь же Юрий Дмитриевич сотворил пир по поводу племянника своего на великого князя Василия Васильевича, и дал ему дары многие, и отпустил его на удел на Коломну и всех бояр его с ним. Юрий, придя в Москву, начал многих грабить и казнить, тех, что ему прежде не помогали. А князь великий Василий, придя на Коломну и слыша о том, начал звать к себе людей отовсюду, и многие собирались к нему; князи, бояре, воеводы, и все дворяне, и слуги начали откладываться от князя Юрия Дмитриевича за великого князя Василия и пошли с Москвы на Коломну беспрестанно от мала и до велика, поскольку не любовь им была всем на любимца князя Юрия на Семена Морозова. Видели же дети князя Юрия, князь Василий Косой да князь Дмитрий Шемяка, да князь Дмитрий Красный, что не остается у отца их москвичей никого, и оскорбились весьма, смутились. И потому князь Василий Косой да князь Дмитрий Шемяка Юрьевичи убили любимца отца своего, боярина его Семена Морозова, в набережных сенях, сказав так: «Ты, злодей крамольник, учинил ты ту беду отцу нашему и нам. Издавна ты крамольник и наш лиходей». И так убили его, оставили мертвым и пошли сами к Костроме. Князь же Юрий виде, что непрочно для него великое княжение, и дети от него побежали, а люди все идут к великому князю, и послал к великому князю, говоря: «Пойди на Москву на великое княжение, а я иду в Звенигород». И так пошел в Звенигород, а оттуда в Галич. А князь Василий Васильевич, придя на Москву, сел на великое княжение; а с дядею своим, князем Юри-

ем, умирился на том, что ему детей своих к себе не принимать и помощи им не давать. Да в тот же год князь великий Василий послал воеводу своего князя Юрия Патрикеевича, а с ним двор свой на Кострому на Юрьевичей, на князя Василия и на князя Дмитрия Шемяку; а с ними были вятчане и галичане. И стали на бой на речке Куси, и рать великого князя побили, а воеводу великого князя Юрия Патрикеевича взяли, и пришли опять на Кострому. А когда Волга стала, и они ступили к Турдеевым врагам.

Кн. Юрий Лугвенец в Новгород. В тот же год приехав князь Юрий Семенович со своею княгинею из Литовской земли в Великий Новгород. В тот же год в Новгороде пожар был, и погорели Загородский конец, и Людин конец до Лукиной улицы. В тот же год в Новгороде завершили в Борковце церковь каменную святого Георгия.

В Новгороде Евфимий, нареченный владыка, поставил во дворе у себя владычнем палату каменную, а дверей у нее 30, а мастера делали немецкие из заморья с новгородскими мастерами.

6942 (1434). *Война снова. Юрий бежал. Галич взят. Вятка к Галичу. Бой в Ростовской земле. Князь великий побит. В Новгороде. Жестов. Москва взята. Князь великий в Нижний. Умер Юрий. Распря Юрьевичей. Мир великого князя с Юрьевичами. Дмитрий Шемяка на Угличе. Красный в Бежецке. Василий на Костроме.* Князь великий Василий услышал про измену дяди своего князя Юрия Дмитриевича, что на бою у детей его были воеводы его со многими людьми, и за то пошел на него князь великий ратью к Галичу, он же бежал к Белоозеру. И князь великий Галич взял и сжег, а людей в плен повел, и много зла сотворил земле той, и возвратился к Москве. А князь Юрий Дмитриевич пришел в Галич, и послал за детьми своими, и начали совокупляться на великого князя, и собрал силу многую, и вятчан привел, и пошел на великого князя в ту же весну, а с ним и дети его князь Василий Косой да два князя Дмитрия, Шемяка да Красный, со мною силою. Князь же великий Василий Васильевич, слышав то, пошел против него, а с ним князь Иван Можайский. И встретились в Ростовской области у Николая святого на горе в субботу Лазареву, и был бой между ними. И одолел князь Юрий Дмитриевич, а князь великий бежал к Новгороду Великому, а князь Иван Можайский ко Твери, ибо и мать его бежала ко Твери ж к дочери своей. И князь великий послал к князю Можайскому Андрея Феодоровича Голтяева, чтобы от него не отступал, а был бы с ним заедино. Князь же Иван отказал со Андреем, говоря великому князю: «Господин государь, где ни буду, а везде я твой человек, но чтобы и ныне вотчины не потерять да matka бы не скиталась по чужой вотчине, а всегда я есть твой». А князь Юрий прислал к нему Якова Жестова, зовя его к себе. Князь же Иван

можайский пошел со Твери к князю Юрию, и встретил его у Троицы, и пошел с ним к Москве. Пришел же князь Юрий Дмитриевич под град Москву на Страстной недели в среду и стоял под градом неделю, а в среду на Святой недели град Москву взял и княгинь великих, взяв, послал в Звенигород, и сел на великом княжении. А князь великий пошел из Новгорода на Мологу, да к Костроме, да оттуда в Новгород Нижний. И князь Юрий Дмитриевич послал на него двух сынов своих, князей Дмитрия Шемяку да Красного, и пришли во Владимир со многою силою. Князю же великому не было ниоткуда помощи, и восхотел в Орду пойти. Стояли же князи Дмитрии во Владимире, и пришла к ним весть, что отец их князь Юрий преставился, а брат их князь Василий старший сел на великом княжении на Москве. После сего же и сам прислал к ним, поведал про отцову смерть, а свое здоровье и княжение. Они ж отвечали: «Если не восхотел Бог докняжить отцу нашему, то тебе и сами не хотим». И послали в Новгород Нижний за великим князем Василием Васильевичем. И пришел князь великий, и примирились с ним, пошли к Москве. А князь Василий Юрьевич Косой побежал с Москвы в Орду, сидев на великом княжении месяц один, а князь великий Василий Васильевич, придя, сел на своей вотчине на великом княжении на Москве, а князю Дмитрию Шемяке дал Углич да Ржев, а младшему князю Дмитрию дал Бежецкий Верх. А князь Василий Юрьевич Косой пришел на Кострому и начал собирать воинов на великого князя Василия Васильевича.

Митр. Герасим. В тот же год в Новгороде Великом нареченный владыко Евфимий пошел ставиться к митрополиту Герасиму в Смоленск месяца мая в 26 день. Ибо тогда после преставления Фотия, митрополита киевского и всея Руси, не было на Москве митрополита.

Война литвы с немцами. В тот же год приехал в Новгород князь Василий Юрьевич Косой. В тот же год литва с немцами воевали. В тот же год пошел из Новгорода князь Василий Юрьевич Косой и пограбил, едучи, по Мсте реке, и по Бежецкому Верху, и по Заволочью. В тот же год в Новгороде поставили церковь каменную Иоанна Златоустого в Колотке на старом основании посадник Григорий Кириллович да Осиф Андреевич Горшков.

1435. *Бой на Которосли. Василий костромской побит. Челядня. Голтаев. Зворыкин. Чепчик. Мир на р. Костроме. Василию костромскому Дмитров.* В год 6943 (1435) пошел князь Василий Юрьевич Косой из Костромы со многими силами к Москве. А князь великий Василий Васильевич, слышав то и совокупясь, пошел против него. И встретились в Ярославской вотчине у Козьмы и Дамиана на Которосли января в 6 день, и был бой между ними. И помог Бог великому князю Василию Васильевичу, а князь Ва-

силий Юрьевич Косой убежал в Кашин. И собравшись в Кашине, пошел спешно к Вологде на великого князя заставу; и придя, там великого князя воеводу взял Феодора Михайловича Челядну, Андрея Феодоровича Голтяева, Владимира Андреевича Зворыкина, Михаила Чепчика и иных многих; и пошел к Костроме, и послал за вятчанами, и вятчане пришли к нему. А князь великий Василий, слышав про то, пошел на него к Костроме и, придя, стал на мысе у святого Ипатия между Волгой и Костромой. И нельзя было биться им, ибо меж ними была река Кострома, и взяли мир, и дал князь великий князю Василию Косому город Дмитров в вотчину. А весна была тогда весьма студена. Князь же Василий Юрьевич пришел в Дмитров и пребывал в нем один месяц.

Новгородцы на Ржеву. Пустую. В тот же год посадники новгородские Иван Васильевич да Григорий Кириллович, да тысяцкий новгородский Феодор Елисеевич, и иные многие воеводы со многими силами ходили ратью ко Ржеву, на псковский рубеж и на Бородову, и волости и села попленили и пожгли, и множество ржевичей повели с собою, и возвратились в Новгород.

Новгородцам Бежецк и Вологда. В тот же год князь великий Василий с новгородцами укрепился крестным целованием отступить великому князю от новгородской вотчины Бежецкого Верха, и Вологды, и Заволочья, и Волока, а новгородским боярам отступить от княжих земель, где ни есть, а разводу быть землям на Петров день, а на разводе быть боярам великого князя и новгородским боярам. В тот же год Евфимий, владыка новгородский, заложил у себя на дворе церковь каменную Иоанна Златоустого на воротах, в тот же год и завершена была. И когда мастера в некоторый час завершили церковь и мало отступили все от церкви, и церковь вся до основания пала великим разрушением. И это знамение показало, что предстоит власти новгородских посадников, и тысяцких, и всех бояр, и всей земле Новгородской разрушиться.

6944 (1436). *Война Василия костромского. Устюг взят. Умер Глеб Оболенский.* Князь Василий Юрьевич Косой пошел из Дмитрова опять на Кострому, а к великому князю Василию Васильевичу разметные послал. А жил на Костроме до пути зимнего, а на пути пошел к Галичу, а из Галича на Устюг, а вятчане с ним. И стоял под Устюгом 9 седмиц и город Устюг взял, а воеводу великого князя Василия князя Глеба Ивановича Оболенского убил, а десятника владычного ростовского Иова Булатова повесил и многих устюжан сек и вешал.

Беззаконие. Шемяка Дмитрий взят. Той же зимой князю Дмитрию Юрьевичу жениться было на Угличе, а взять дочь князя Дмитрия заозерского, и приехал на Москву звать великого князя Василия Васильевича на свадьбу. Князь великий взял его, послал

на Коломну, а пристав был у него Иван Старков, а Коломна была за ним же тогда.

Василий костромской к Москве. Иван можайский. Баба друцкий. Коварство. Василий костромской побежден. Тоболин. Василий взят. Слеплен. Дмитрий Шемяка освобожден. В ту же весну князь Василий Юрьевич Косой пошел с Устюга на великого князя Василия, а с ним вятчане да двор брата его князя Дмитрия Шемяки с ним же. А князь великий, собравшись, встретил его у святого Покрова в Скорятине в Ростовской области. А с великим князем Василием Васильевичем князь Дмитрий Красный младший, да князь Иван Андреевич можайский с полками своими. Да тогда ж приехал к великому князю служить из Литвы князь Иван Баба из друцких князей, и тот снарядил свой полк с копьями по-литовски; а также и все прочие полки князя великого снарядились по своему обычаю. Вскоре же князь Василий Юрьевич Косой восхотел искрасть великого князя, приелал к великому князю и взял перемирие до утра. Князь же великий Василий Васильевич взял с ним перемирие, полки свои распустил, разъехались все кормов для. А князь Василий Юрьевич снова пошел в тот же день, желая изгнать великого князя; а к великому князю стражи прибежали, поведывая, что князь Василий Юрьевич идет на него, поспешая. Князь же великий Василий Васильевич разослал вскоре по всем станам своим, а сам, схватив трубу, начал трубить. И тотчас собрались полки великого князя Василия Васильевича, пошли против супротивных, так сразились, погнавши князя Василия Косого и полки его. Догнал же князя Василия Юрьевича Борис Тоболин и, опознав, схватил его и начал вопить. И тотчас прибежал к нему князь Иван Баба друцкий, опознал князя Василия, и привели к великому князю Василию. Князь же великий послал его на Москву, и ослеплен был князь Василий Юрьевич Косой. А когда шел князь великий на князя Василия Юрьевича, князя Дмитрия Юрьевича Шемяку, брата его, велел из желез выпустить и быть ему простому на Коломне. И когда побил князь великий князя Василия Юрьевича, придя на Москву, послал за князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой на Коломну, и пожаловал его.

В тот же год сотворили все новгородцы развод землям и послали на Бежецкий Верх на отвод земли Новгородской вотчины посадника своего Григория Кирилловича да Ивана Максимовича, а зажиточных мужей Козьму Тарасьева да Ивана Максимова; а иных послали на Волок, а иных послали на Вологду разводить земли Новгородской вотчины. И князь великий Василий Васильевич своих бояр не послал, ни вотчины Новгородской нигде не отвел, ни своей не очистил и исправления не учинил. Новгородцы, разгневавшись, послали посадника Григория Кирилловича в

Литву к князю Сигизмунду просить его на княжение, и Сигизмунд целовал крест новгородцам. В тот же год Евфимий, владыка новгородский, заложил у себя на дворе в Новгороде опять, в во второй раз, да завершил церковь каменную святого Иоанна Златоустого на воротах. В тот же год Евфимий, владыка новгородский, заложил церковь каменную святого чудотворца Николы на Вежицах.

Голод. Новгородцы к немцам. В тот же год Божиим попущением грехов ради наших студено было весьма, и плоды земные и обилие всякое мороз побил в жатву уже и во всей Русской земле, и была дороговизна великая по всей земле. В Новгороде многие ушли к немцам, настолько голод усилился.

1437. Междоусобие новгородцев. В год 6945 (1437) месяца сентября в 20 день была брань великая в Новгороде междоусобная.

Той же осенью в Новгороде вода великая была и лед ночью выломил у великого моста семь частей, и Жилотучский мост вынес, и много зла новгородцам сотворил.

Сигизмунд литовский. Мир новгородцев с литвою. Той же зимой послали новгородцы посадника своего Григория Кирилловича к великому князю Сигизмунду, Кестутия сыну, Витовта брату, Гедиминову внуку, литовскому о мире, как было издавна по старине. И князь великий Сигизмунд Кестутьевич дал им веру и целовал крест пред новгородскими послами по грамотам новгородским ко всему Новгороду, и сотворили мир и любовь по старине, как было издавна от начала.

Кн. Юрий Патрикеевич. Черный бор. Той же зимой приехал с Москвы в Новгород от великого князя Василия Васильевича князь Юрий Патрикеевич Черный бор просить. И новгородцы дали Черный бор великому князю Василию Васильевичу, исправились.

Митр. Исидор. В ту же весну во вторник святой седмицы после Великого дня пришел на Москву из Цареграда от патриарха Иосифа на митрополию Исидор митрополит гречанин, многим языкам изучен и книжен. И принял его князь великий Василий честно, по обычаю молебны пел в святой соборной церкви пречистой Богородицы, сотворил на них пирование великое и дарами многими одарил его.

Татары на Рязань. В ту же весну приходили татары на Рязань, и окраинные села взяли, и возвратились восвояси.

В ту же весну в Новгороде вода подмыла вал у детинца города, и отпала земля от стены, и пала стена каменная и колокольница каменная от реки Волхов. В ту же весну расписана была церковь каменная Иоанна Златоустого на владычном дворе на воротах. В ту же весну в Новгороде пала церковь каменная святого Николая на Вежицах. В тот же год владыка Евфимий новго-

родский заложил церковь каменную святого чудотворца Петра, митрополита всея Руси, у себя на дворе на воротах, а старую церковь разрушил.

Евфимий новгородский. В тот же год владыко Евфимий новгородский на вече по старине их благословил крестом посадников, и тысяцких, и весь Великий Новгород в воскресенье и пошел на Москву к Исидору, митрополиту всея Руси, месяца июня в 7 день и благословиться, и челом ударить.

Сей Исидор митрополит родом земли Далматской благочестивых родителей, смлада учен и воспитан в области Римской и тайно держался ереси латинский. По возрасту поставлен был от патриарха епископом во Иллирии и был изучен весьма слова книжного. Когда же царь греческий Калуан, сын Мануилов, и римский Сигмунт, папа Евгений и патриарх Цареграда Иосиф уложили быть во Италии восьмому собору, как бы разрешить раскол церковей греческой и римской и соединить все царства и земли воедино, были же прения те о растворении тела и крови Христовой, об исхождении Духа Святого, об очистительном огне, а больше всего о власти папешской, папа же, стараясь перехитрить греков и ведая, что область Русская есть сильнейшая в церкви восточной, наустил Исидора идти к патриарху просить митрополии русской и, там быв, на собор прийти и папе помогать, и на сие дал ему дары многие. Он же, придя в Цареград, явился великим поборником на словах о благочестии, а кроме того удоволил дарами. И приняв митрополию русскую, пошел к Москве, с ним же царь и патриарх о послании его на собор обещали послать грамоты к великому князю вскоре за ним. После отшествия же его, уведав о развратном уме его, царь и патриарх весьма сожалеть стали, что поторопились его поставить, и сего ради грамоты о нем не послали, однако ранее Исидору написали о том, что по достоинству будет избрать и послать мужей ученых на собор тот. И когда пробыл Исидор митрополит на Москве 4 месяца, начал говорить великому князю Василию Васильевичу, что преосвященный кир Иосиф патриарх, благочестивый кир Калуан Иоанн, сын Мануилов, греческий Константинограда советовались со всем священным собором, и с князьями, и с боярами, что быть восьмому собору с папою и со всеми римлянами из-за смятения и раскола греческой церкви с римскою, о любопрении и растворении пречистого тела и честной крови Христовой, что в кислом хлебе и в опресноках, и о Святом Духе, чтобы землям и царствам как бы соединиться. И весьма склонял к тому сей, ходатаем собора того был. Князь же великий запретил Исидору сначала идти, до тех пор пока не соберет всех епископов и иных ученых о вере и посоветуется со всеми, что говорить на соборе том. Но Исидор сказав, что нет времени к тому, и клялся великому князю

и епископам клятвами страшными и тяжкими, что не отстаивать ему римлян, не хвалить веру и развращенное злоучение их, но крепко стоять на православии и во всем с патриархами и святителями греческими вместе стоять. Князь же великий дал ему на путь довольное, и пошел он на восьмой собор к папе Евгению, и к патриарху Иосифу, и кир Калуану царю греческому в Римскую страну во град Ферар, с ним же пошли некие от иноков и священников хорошо ученых. И сказал ему князь великий Василий Васильевич: «Отец Исидоре, мы тебе не повелеваем идти на восьмой собор в Латинскую землю, ты ж, нас не слушая, хочешь туда идти. Но сие тебе да будет ведомо: когда оттуда возвратишься к нам, принеси к нам нашу христианскую веру греческого закона, как приняли прародители наши от греков». Он же так обещался сотворить и клятву на себя возложил несколько же странную не принести от Латинской в Русскую землю, от восьмого их собора, но православие истинное сохранить греческого закона, думая мудрее мудрейших сделаться с безумным в согласии.

6946 (1438). *Умерла Евпраксия*. Месяца сентября в 15 день преставился Евпраксия княгиня, и погребал ее с псалмами и песнями надгробными со всем священным собором Исидор, митрополит киевский и всея Руси.

Родился Юрий. Той же осенью родился великому князю Василию Васильевичу сын Юрий старший.

Хан Улу-Махмед в Белеве. Хан Кич-Махмед. Той же осенью пришел хан Улу-Махмед Большой орды ко граду к Белеву и сел в Белеве, бежав от брата своего от Кич-Махмеда, хана Большой орды.

Войска на Улу-Махмеда. *Войск грабительство*. Хан просит мира. Татары побиты. Кн. Петр Козьминский. Кн. Семен Волынец. Собакин. Голтяев. Второй раз просит мира. Русские побиты. Воздаяние по делам. Умер Андрей Константинович Шарунов. Умер Федор торусский. Умер кн. Андрей стародубский. Умерли Туриков, Горсткин, Кузьминский, Хоробров. Той же осенью в месяце ноябре послал на него князь великий Василий Васильевич двух князей, князя Дмитрия Шемяку Юрьевича да брата его князя Дмитрия Красного Юрьевича, и прочих князей множество с ними. Когда же шли они к Белеву, все волости православного христианства грабили, мучили людей из добытков, и животину били, и то в дом себе отсылали. Когда же пришли же к Белеву, хан Улу-Махмет убоился, увидев множество полков русских, начал просить мира. Они ж не послушали речей ханских. На следующее же утро, выстроившись, русские полки пошли ко граду, и татары все вышли против. И был у них бой сильный, и помог Бог христианам, побили татар много, зятя ханского убили, и князей много, и татар, и в город погнали их. Убит же был тогда в городе

князь Петр Кузьминский да Семен Волынец, ибо гнались те за татарами до середины града, а прочие воины от града возвратились. На следующее же утро послал хан к князям русским и воеводам зятя своего Едигердея да князей Усейна Сараева да Усенхозю. А к ним приехали на стговор Василий Иванович Собакин да Андрей Федорович Голтыев. И сказали татары к ним: «Ханово слово к вам: "Даю вам сына своего Мамутка и князей своих даю в заклад тому, если даст мне Бог буду на ханстве, и доколе буду жив, дотоле мне земли Русской остерегаться, а выходы мне не посылать, ни иное что; только прошу дать мне место до весны пребывать в странах сих и пропитаться"». Они же того не восхотели и начали вооружаться. Тогда Улу-Махмет собрал всех людей своих, вооружившись, желая храбро со всеми своими умереть, а в плен не даваться, и ударили в средину полков русских, начали мять, а другие русские полки, по сторонам и позади стоящие, побежали, никем не гонимые. Сие видев, прочие побежали, а татары, мало гнавшись, остались. Так наказал Бог за превозношение и за множество согрешений наших, попустил Господь неверным одолеть многое воинство православное христианское, поскольку были неправедно ходящими и свое христианство прежде губящими. И так худое малое безбожных воинство одолело и побило, как одному агарянину десять наших одолеть. Князи же старшие, который ранее гордились, думали уже, что хана пленили и всех татар победили, и потому мира не улюбили и устройства военного не хранили, ныне убежали со стыдом и скорбью мною. Было же сие месяца декабря в 5 день. Убиты же были на том бою князь Андрей Константинович Шонуров, князь Федор торусский, Андрей стародубский Лобин, Микита Туриков, Семен Горсткин, Кузьма Порховский, Иван Кузьминский, Андрей Хоробров, Дмитрий Кака и иных великое множество.

Исидор митр. в Новгород. Встреча в Ливонии. Исидора преступление. Той же осенью Исидор гречанин, митрополит всея Руси, пошел с Москвы в Новгород Великий, а с ним Евфимий, владыка новгородский, а иные русские епископы проводили его честно. Исидор же, придя в Новгород, благословил всех: почтили его владыка, и посадники, и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, и дали ему суд по старине, и все пошлины его дали ему по старине. Затем потом на зиме пошел Исидор митрополит во Псков. И приняли его псковичи честно, и поставил им во Пскове архимандрита Галасия, и дали ему суд по старине, и все пошлины его дали ему по старине, и многими дарами одарили его. Он же из Пскова пошел в Немецкую землю на восьмой собор к Евгению, папе римскому, и к кир Иоанну Калуану, царю греческому Константинограда, и к кир Иосифу, патриарху вселенскому. Когда же пришел он в Немецкую землю во град Юрь-

ев, живущие там православные христиане и все священники греческого закона встретили его с крестами; латины же и все немцы встретили его с крестами по закону их римскому. Исидор же преступил клятву, что клялся пред великим князем о благочестии, ибо прежде пришел, и поклонился, и знаменовался, и целовал сначала крест римского закона; и потом пришел к святым крестам греческого закона; и проводил крест римского закона и до костела, сиречь до церкви их, воздавал им честь более греческого закона. Бывший же с ним Авраамий, епископ суздальский, и другие путешествующие на собор тот, видев сие, усомнились весьма, что Исидор, не видевши собора, так творит, но переменить не могли. В ту же весну в субботу Рыбную погорел город Коломна, мало осталось его; загорелось в вечерню, а о заходе солнца прекратилось, и ходить люди начали по пожару.

Татары на Рязани. На литву. В тот же год татары воевали Рязань и, много зла учинив, отошли восвоеси; а иные татары пленили литву и со многим полоном возвратились восвоеси. В тот же год пришел в Новгород князь Юрий Семенович литовский. В тот же год в Новгороде на Вежищах ту же упавшую церковь каменную святого Николы воздвигли снова на том же на старом основании.

1439. Собор в Ферраре. Трапизондский. Иверский. Собор ожидал Исидора. В год 6947 (1439) Исидор гречанин, митрополит киевский и всея Руси, пришел в область Римскую во град, называемый Ферара, к Евгению папе римскому на суемысленный восьмой собор. Нашел же там и греческого царя Иоанна Мануиловича, и с ним патриарха Иосифа, с ними же были трапизондского царя митрополит, и иверского царя митрополит, и иных земель многих митрополиты и епископы, которых было числом 120, и хартофилаки многие иноки старцы великие, философы многие, и простые старцы греческие, и мирских множество. Также и латинских земель архиепископов и епископов, иноков, аквитан, латинов, аламанов, и фрязей, и френчуков, и бребян, и биритян великое множество собрались. И не вели собор долго время, но только в книгах совопрошали, ожидая великой Руси митрополита Исидора и совету его. Царь же тогда Иоанн Мануилович возвестил таковое слово Евгению папе римскому и всем бывшим тут, что «восточной церкви суть большее православие и высшее в христианстве Белой Руси; в них же есть государь, великий брат мой Василий Васильевич, которому восточные государи многие прислуживают, и великие князи с землями служат ему; но смирения ради благочестия и величеством разума благоверия не зовется царем, но князем великим Русских своих земель православия, и без его совета не можем собор вести». А папа, надеясь на Исидора, как на сильного по себе поборника, также ожидал, и того

ради, ожидая, не вели собор шесть месяцев. Когда же Исидор митрополит приспел к ним, встретили его людей много весьма с великою честью славы ради имени великого князя Василия Васильевича всея Руси, после же малого числа дней начали собор вести так.

Заседание собора. Чин собора. Прения о власти. Марк фряжский. Догматы. 7 пап правоверных. 7 соборов. Распря собора. Иулиан кардинал. Царь за Марка. Многие греки с папою. Распря собора. Паписты не христиане. О чести папы. Собор во Флоренцию. Сначала сошлись на собор в месяце сентябре. Вошел папа Евгений в костел, сиречь церковь, с ним же архиепископы и епископы латинские, и стали на левой стороне на престоле. И тогда внесли и поставили святого Петра и Павла литых серебряных позлаченных, а пред ними три свечи возжены, и столы пред ними философские, а пред царем также устроен богословский стол. И на философском столе посажены были мудрецы: Иулиан римский кардинал, а с ним греки Иоанн болонский, Андреан критский; а на столе богословском Марк, ефесский митрополит, вместо патриарха александрийского, а Исидор вместо патриарха антиохийского, а Висарион никейский вместо патриарха иерусалимского. Начало же собора того так было. Когда вошел папа в костел, мало преклонился на колено свое по обычаю латинскому и, войдя, сел на месте своем, и тогда епископ один начал громко латинским языком, и певцов их поющих немало. После сего же начали говорить, и толмачи от них говорили тремя языками: греческий, латинский и фряжский; и книг много снесли пред ними и, поговорив, разошлись. Так по три дня делали, не было между ними прений никаких, ибо так как начали прежде говорить фрязи, греками же тогда величавшиеся. И на сих уложили, о чем прению быть, и уложили о тех прениях обоих сторон богословам и философам от писания испытывать, и сходясь время от времени, беседовать и прения иметь, а потом на собор приносить, если согласны будут или не согласны. И было так на долгое время тихо и любовь между всеми. Когда же приспел праздник великого Иоанна Богослова, тогда начали собор вести четвертое собрание по прежде бывшему подобию устава своего. И начали говорить фрязи, и много книг принесли тут, и тогда в них распри великие были о власти папешской, и не вошли в согласие. Блаженнейший Марк, ефесский митрополит, начал к ним так благоразумно и благоутишно говорить словами благими, увещевая их смиренно и благочинно, сказал к ним так: «Изложение веры воспросим от вас, о любезные отцы, доброе поручение отцов наших, в царствующем граде собравшихся. Воздайте же сие, как и приняли от нас; если бы кто доверил вам что в залог, разве не отдали бы того, как приняли. Воздаяние же изложения отеческой веры, как ж и приняли, не

приемлет ни переложения, ни же умаления; заключено было от них и запечатлено, и пытающихся обновлять то отгоняют, а более того иное творящим казнями наказывают. Видится ли вам хоть сколько-то бывшее речение переложением, и хотя бы малое о сем слово мало повредит или нисколько, более ж пользы даст премного, ибо соединит всех христиан, но великое ли переложение и много когда о сем слово, ибо ежели мы согрешаем много, о том творим попечение. Смотрения ли ради некоего приложится, смотрения ради снова да отыметса; даже приобретете братию растерзающихся и любви ради столь весьма почитающих. Молим же вас, братия и господа пречестнейшие, как и прежде молили вас милости ради Господа нашего Иисуса Христа, возлюбившего нас неисправимыми бывших, грешных и отчаявшихся, и душу свою положившего нас ради. Возвратимся на благое согласие, что между собой и святыми отцами, которое имели прежде, когда то же все говорили и расколов в нас не было. Познаем друг друга братски, умиримся в общих отцах наших, почтем их уставы, убоимся прельщения, сохраним предания, даже единокорным согласием и единомыслием прославим всепречистое и великолепное имя Отца и Сына и Святого Духа. И ныне добро бы вам, латинам, познать истину Божию и не говорить неправды, а на святых отцев не лгать, ни ложных писаний не класть, и Духа Святого не разделять, в причастии Тайн Святых евхаристии давать всем хлеб и вино, как в точности сам Господь передал и апостолы творили; огонь очистительный и отпущение грехов за мзду, как и власть папы единого над всеми человеками, могущего погрешить, отложить; а во святых семь соборов веровать и заповеди святых отцев блюсти, а не укорять их, ни отрицаться; а восьмого собора ни составлять, ни нарицать; а блаженнейших семь пап поучения изыскать, и смотреть в книги святые, и соблюдать вселенского учителя наказы Иоанна Златоустого, и ходить по правилам святых апостолов и богоносных отцев всех святых семи соборов, и писания святых истинные, избрав, положить, а от лестных и ложных отстать и не говорить. И так по божественному закону святых правил и по уставу святого пения церковного прошения верно, и молитвы принесем ко всеильному и многомилостивому Богу, и прославим память святых апостолов и святых отцев Василия Великого и Григория Богослова, Иоанна Златоустого, и всех богосоставных святых соборов святых отцев, и святейших пап вселенских от Климента римского и даже до Андриана. Те все святые о нас к Богу помолятся и нас в разум истинный приведут. И ему же Господь Бог откроет разум премудрости и явит всем слово Божие свою истинность. И так да умягчит Господь нивы душевные сердец ваших, что слышать и разуметь всем истину и пойти путем правым, да ноги мысли нашей, пойдя, не спо-

ткнутся. Тебе же, честный папа Евгений, по достоинству будет о сих истинно рассудить и мысль благую иметь, ибо поскольку призвал ты благочестивого царя Иоанна, и святейшего патриарха Иосифа вселенского, и всех восточных митрополитов и епископов, и отовсюду великое множество православных христиан и вселенских соборов, честных архимандритов и игуменов, иереев и колугеров множество, философов изящных и премудрых, и доброжительных и подвижных монахов многосоставленный собор сотворил ты. Соделайте же в Боге правду и истину, да не тщетным будет труд вашего собрания, да не приложатся к нам о таковых слова пророка Давида, ибо говорит: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Христа его». Соблюдайте же и сие, да некогда услышат сие верные народы, что отметають правду православия, а лестное и ложное любят, и гордости ради и любоимения истина попираема; и так посмеются нашему суемысленному собранию. Если же не хотите соделать истины, ни пойдете путем Божия правды, и то сами ведаете, что о таковых пророк говорит: «Если же не хотите, ни послушайте меня, огонь вас поест»; ибо уста Господни говорили сие». Так вот Марк, ефесский митрополит, благоустроенными словами запрещающе и смиренно говорил им. И тогда встал Иулиан, римский кардинал, с места своего, и пошел к папе Евгению, злобясь о сих словах весьма жестоко, не могший от него слышать таковых слов; и сказал папе Евгению: «Слышишь ли, честный папа, святой учитель, что такую хулу Марк на тебя говорит? Книги твои лживыми зовет, а собора твоего не хочет признавать, а тебя папу в начале не хочет поминать, и восьмым собор назвать не хочет, но семи соборам следует и о сих поучает». Папа же Евгений, слышав такое, смутился весьма, начал говорить царю Иоанну и патриарху Иосифу вселенскому так: «Слышите ли сие, Иоанн царь, и ты, патриарх Иосиф, как на меня хулу говорит митрополит ефесский и книги мои хулит?». Царь же тогда отвечал, говорил ему: «Мы же ничего хульного не слышали от Марка сказанного, но все справедливо говорил пред нами». И тогда Евгений, папа римский, великое множество повелел книг принести, досаждая Марку. И многие от греков, отставших тогда от Марка, пристали к латинам. Блаженнейший ж Марк, митрополит ефесский, умилившись сердцем в себе и о прелести их латинской весьма разжигаясь мыслию, видя в смятении находящихся людей Божиих и приступая к соблазну ереси их, начал жестоко говорить к ним, так говоря: «О латины, о латины, если буйства своего не оставите, неправедное говорящие на семь богосоставленных соборов святых отцов вселенских и учителей на святых семь блаженнейших пап, да будет известно вам, что от сего часа буйных

своих ложных речей скоро перестанете говорить». И в тот час Марк на некоего монаха злобно сказал: «Изыди отсюда, сказал, да не пребудешь тут». И тогда монах тот скоро сбежал вон. Все же тотчас в смятение пришли фрязи и латины; и папа Евгений, встав с места своего, ушел, и все кардиналы, и архиепископы, и бискупы, и фрязи, и аламане не могли терпеть Марковых слов, а остались тут одни греки да русь. И тогда царь Иоанн Мануилович и патриарх Иосиф спросили Марка, говоря: «Что злое папе Евгению и кардиналом изрек ты, что вышли они от мест своих?». Отвечая же, Марк сказал к ним: «Слышишь, благочестивый царь Иоанн и ты, патриарх Иосиф вселенский, если кто неправду делает, тот не может правды слышать. Ибо о таких сказал пророк: "Заградились уста говорящих неправду". Я же только сие сказал им: если кто отступит от заповедей святых апостолов и богосоставленных святых соборов святых отцев вселенских учителей, да будет анафема; и того ради убежали с мест своих. Помните же, как во Цареграде и сами о сих сказали вы, что латины не есть христиане. Как ныне могут христианами стать? И вот было, что не могут слышать правды, как же могут пойти путем правым, и как же может нам быть единство с ними, одна церковь с отметающимися от истины Божией? Но ведает держава твоя, царь, если бы сказал им слово о сих, как латины отделились от святой Божией церкви или как отверглись от веры православия, то не могли бы таких обличений на себя слышать, сбежали бы из града сего неправд своих ради. Ныне же слышишь, царь Иоанн, от сих, что папа говорит: семи святых вселенских соборов не хочет помянуть, тебя, царя, в молитвенных, ни патриархов братиею себе звать не хочет, но велит свое имя, папу Евгения, помянуть во всей земле. Но если будут папу Евгения в первых помянуть, то уже нам велят и евхаристию переменить. Тогда, царь, я такового собора никак же признавать и папы Евгения в начале помянуть не хочу, но всех увещаю не отречься от святых семи соборов и заповедей святых отцев, ибо же во святых правилах писано есть: «Если кто от заповедей святых отцев вселенских учителей изменит или отвергнет, да будет проклят. И на сем я настаиваю весьма, а восьмым собор не называю, и папы Евгения не поминаю, и заповедями его пренебрегаю. А кто папу Евгения в православных церквях помянет, да будет анафема», сиречь проклят. Слышали же сие латинские капеллане, и те посрамились и убежали от слов его. И тогда сказал к нему Иоанн царь: «Отче святой, перестань». И встав, вышли в дома свои. И потом кардиналы часто начали приходиться от папы Евгения римского ко царю Иоанну и к патриарху Иосифу вселенскому, же и к Исидору, митрополиту русскому, со многими лестными речами о сих, да не будет препятствовать Марк, митрополит ефесский, не перечит латинам, и да «со-

творите, сказал, волю нашу, берите себе золота множество и помощь на супротивных, сколько хотите». И в течение многих дней приходили к ним. Те же, желая с ними соединения, прельстились. Царь же Иоанн греческий и Иосиф, патриарх вселенский, положили мысль свою быть собору их завершенным во Флоренции, граде латинском; так же и сотворили, взяли золота множество и пошли во град их Флоренцию.

Махмет в Москве. Коломна взята. В тот же год Махмет хан приходил к Москве месяца июля в 3 день в пяток со многими силами внезапно. Князь же великий Василий Васильевич восхотел идти против него, но не успел собраться. Выйдя же и увидев, что мало своих, возвратившись, пошел за Волгу, а на Москве оставил князя Юрия Патрикеевича с воинством. Хан же Махмет, придя под Москву и стояв 10 дней, пошел прочь, граду не сделал ничего, а зла много учинил земле Русской. И идучи назад, всталась Коломны пожег и людей множество пленил, а иных иссек. В тот же год в Новгороде Евфимий владыка, архиепископ новгородский, у себя во дворе поставил ключницу хлебную каменную. В тот же год в Новгороде Евфимий владыка пообновил церковь святой Софии и обелил. В тот же год в Новгороде Евфимий владыка поставил колокольницу каменную на городе на старом месте. В тот же год в Новгороде Евфимий владыка, архиепископ новгородский, обрел тело владыки Иоанна новгородского, при коем были суздальцы, под Новгородом.

Гробы Владимира и матери его. В тот же год в Новгороде Великом Евфимий владыка позолотил гроб Владимира Ярославича, внука великого Владимира, крестившего Русскую землю, и расписал; а также и матери его гроб расписал, и покров положил, и память установил совершать всякий год месяца октября в 4 день.

1440. Умер Сигизмунд литовский. Кн. Александр Чарторыйский. Кн. Михаил литовский. Казимир II, кн. великий литовский. В год 6948 (1440) в месяце сентябре убит был в Литве князь великий литовский Сигизмунд, Витовтов брат, Кестутьев сын, Гедиминов внук, князем Александром Чарторыйским и братом его князем Иваном, а княжил 9 лет. Сей был князь лют, и немилостив, и сребролюбив более всех людей, и много князей литовских изгубил, и иссек, и в водах истопил, и в темницах изморил; а великих панов, и бояр, и земских людей, и гостей великое множество изгубил без милости. И того ради Господь Бог навел на него злую сию смерть. Потому и после убиения его не приняли сына его, князя Михаила, злобы ради отца его Сигизмунда. И восплакал сын его князь Михаил, говоря: «Отец мой, отец мой Сигизмунд, великий князь, и себя ты изгубил немилосердия ради своего, и мне ты дал память, от всех людей ненависть твоего ради немилосердия».

сердия». Вся же земля Литовская и грады русские державы Литовской собрались и избрали себе великого князя Казимира королевича, Ягайлова сына, Ольгердова внука, Гедиминова правнука, и посадили его в Вильне на великом княжении Литовском тихо и безмятежно.

Смятение татар. Родился Иоанн III. Той же осенью хан Махмет Большой орды убил старшего своего князя ордынского Мансупа, и много татар тогда убито было в Орде. Не только же там, но и во иных ордах мятеж был, и ссор много, и междоусобные брани и рати. Января 22 родился великому князю сын Иоанн Васильевич, а крестил его игумен троцкий Зиновий.

Собор во Флоренции. Собор подписан. Марк противится. Предлог папезский к согласию. Согласие собора. Объявление папы. О Духе Святом. О евхаристии. О поминовении мертвых. Воздаяние после смерти. Власть папезская. Власть патриархов. Той же зимой папа Евгений присылал к царю Иоанну греческому и патриарху Иосифу, да случившегося ради поветрия идут во Флоренцию завершать собор. И тогда над многим он размышлял, Исидор же, русский митрополит, наиболее прельщал его, говоря царю: «Что гордости ради и прения между патриархом и папою в председании и власти губишь царство твое? Если не примиришься о вере, не сможешь иметь помощи от сарацинов». Говорил же о числе соборов, что нигде не установлено, сколько иметь, и иное многое. Затем и патриарху много говорил о догматах, как латинники многие поступают. И так прельстил его, и пошли во Флоренцию все. И в ту же зиму Иоанн, царь греческий Константинограда, и Иосиф, патриарх Константинограда вселенский, и иные многие митрополиты и епископы, и Исидор, митрополит русский, с ними же единомышленные, надеялись лестью же сею утолить и Марка; Марк же, митрополит ефесский, говорил царю и патриарху: «Не ходите во латинский град во Флоренцию, ибо не можете там получить желаемого, о котором вы мыслите; но что Бог восхочет, так и будет». Но не послушали его и пошли. Папа же видел, что царь прилежно просит помощи на сарацинов, и видя, что в казне оскудели, начал настаивать на воле своей и власти над ними. Марк же к ним говорил: «Не говорил ли вам о сих, что латины лгут, и все обещания их лживы по сути». И тогда сам царь Иоанн с Исидором, митрополитом русским, начали к папе часто ездить и вконец дело чинить, и начали свой собор вести вместе, надеясь над Марком, митрополитом ефесским, свою волю учинить. Он же к ним жесточайшие слова говорил, царя, и патриарха, и всех митрополитов, и епископов греческих, и философов их, а также Исидора, митрополита русского, единомышленным им бывшего, дерзновенно, безо всякого стыда укорял всех, без намеков и латинами называя. Царь же и патриарх к

нему говорили: «О Марк, если ты так говорил жестоко, здесь же смиренно говори». И отвечал Марк к ним: «Ныне, царь и патриарх, не послушаю вас, но как Бог восхочет, так и сотворит». Ибо многократно они без него собор вели и не преуспели нисколько, и потом греки с Исидором, митрополитом русским, и книги свои подписали на них, чтоб чем одолеть его или какое слово уловить от уст его, которым бы от правды отлучить его. Ему же не дали они нисколько, и хулы говорить, и укорять их и философов их, и царевыми и патриарховыми словами пренебрегал, а также Исидора, митрополита русского, и всех митрополитов и епископов греческих, и священноиноков, и всех греков единомышленных им бывших, и папы не благословил, ни собора его, и ушел от них в палату свою. И не смели они собор вести без него, так как молва будет в людях великая. И многократно царь и патриарх по совету Исидора, митрополита русского, выговаривали ему, говоря: «Послушай папы и благо да тебе будет, и да не пострадаешь». И многие жестокие наказания Марк от царя и патриарха принял, а также и от Исидора митрополита. А также после сих и сам папа, Исидором наученный, муками запретил ему. Он же сих нисколько не боясь, напоминал Давыда пророка, говорящего: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится»; и снова: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое». И имея упование на Господа Бога спасающего, сим в Боге утешался. И потом папа очень молением молил его и золота довольно посылал ему, чтобы послушал его и сотворил с ними волю его. Он же ни во что же сие вменил и сказал к ним: «Не золота для, ни серебра пришел я, но правды ради Божией». И не возмogli прельстить его. Царь же, и патриарх вселенский, и Исидор митрополит русский, и прочие митрополиты и епископы, и все бывшие с ними совопрошали и собор вели от 17 марта, Алексия дня, до июня 6 дня, Сисоя Великого. Марк же, митрополит ефесский, не всегда входил к ним на избрание дел их, они же без него нисколько не сотворили, и не могли претерпеть его. Тогда умыслили себе царь, и патриарх, и все митрополиты, и епископы с папою Евгением большой собор, совопрошая и состязаясь в прениях на многие дни собор вели. Латины же, прения ведя, свои книги главными поставляли, говорили, что «всем церквам глава римская церковь, и вера христианская одна, как в нас, римлянах, так же и в вас, греках, а устав не один; вот же есть и в вас греках не единый и не согласные уставы, но многие: египетский, александрийский, антиохийский, синайский, иерусалимский, которые не едины, но различия имеют и не одинаково говорят; также и цареградские, и святогорские, и иные многие не согласные; и сами же те у вас патриаршие уставы соборных церквей многие

не согласные; но вера истинная христианская едина во всех, так что вам же по достоинству будет нашей римской церкви уставу покориться, и наш воспринять, и держать. Если же не хотите нашего римской церкви устава держать, то вы свои уставы греческие держите, а римской нашей церкви будете единомышленны и веру христианскую соединяйте, а не раздирайте». И так состязаясь и споры ведя, веру соединили, и все дела свои меж собой завершили, и в записи крепко положили, написали все собором с Евгением папою римским и со царем Иоанном греческим так: «Евгений епископ, раб рабам Божиим господина нашего Иисуса Христа сына Божия едиnorodного, воспоминание сему вечному делу подписываем с произволением возлюбленного мне сына Иоанна, светлейшего царя римского, святейшего патриарха Иосифа цареградского, и с наместниками честнейших патриархов, братий наших, и иных всех, которые восточную церковь правят. Веселитесь, небеса, радуйся, земля, поскольку убираются стены градские, что разделяли на пределы восточную церковь и западную. Пришло же смирение и совокупление краемышленного камня Христа, который далеко расположенное совокупляет во единой любви мир крепко связал, и разделяющие преграды убирает, и утверждает, и созидает в вечное соединение. Ибо кто в далеко зашедшую жалости тьму и лет, от которых разлучения мрак и мгла скорбная была, ныне же тихий луч всех освятил любезного соединения, поскольку в первое разлучение горько плакали, нынешним же духовным соединением несказанною радостью радуясь, всеильно благодарили Бога. Ныне же возвеселитесь повсюду верные во имя Христово названные, и матери соборным церквам возвеселитесь с избранными чадами своими. В разлучении же несоглашения лет оных западные и восточные отцы отдали себя в великую нужу и страсти, по морю же и по суху безмерную тяготу подняли, и к сему священному и вселенскому собору, и священному собранию, и к первой любви и обновлению сошлись радостью и тщанием многим, и желаемого не погрешили, но пресвятого духа благодатию боголюбезный конец желаний своих получили. Кто же есть божественные дары изречь и похваления? Кто же ли богатству святых божественных щедрот не удивится? Какие железные и не умягченные перси такому милосердию божественному бывшему не умягчают? Святое же и истинное дело сие, которое невозможно было человеческому уму изречь, ныне ж изрядным дерзновением восприняли, песнь святых говоря. Тебе песнь, тебе слава, тебе подобает благодарение, Христос, источник щедрот, который такими благами невесту свою, соборную церковь, украсивший, который в наши времена милосердия твоего явил чудеса, нас же сподобил прославить их и исповедать. О велико и несказанно дарование, что нам, Христос,

даровал ты, очами сподобились грешными видеть, которыми многие прежде нас подвизались, плача, желая видеть, и не сподоблены были. Сошлись же римляне и греки к священному и божественному вселенскому собору и старание и подвиг многий промеж собою имели, между же теми всеми о происхождении духа святого изыскание твердо взяли. И переложили от святых писаний и святых учителей восточных же и западных, о котором некие от Отца и Сына, иные же от Отца и на Сына Духа Святого говорили исходящим, но все несложно имели в виду единое, о котором хотя и различно говорили. Греки же от Отца Духа Святого исходящим сказали, но не в том смысле, чтобы Сыну отлученным быть от Отца; о сем латины сомневались, и такое было сомнение их: ибо поскольку не говорили, что Дух Святой от Отца и Сына исходит в два начала и в два дуновения, и сего ради греки соблюдали говорить, что Дух Святой исходит от Отца и Сына. Латины ж явили им и так утвердили к сему уму и разуму, поскольку Дух Святой исходит от Отца и Сына, Отец есть источник и начало Сыну и Святому Духу; ни же снова исходить Духу Святому от Сына в два начала и в два происхождения, но едино происхождение и едино начало Духа Святого есть, как и доньше исповедуют. Все же умы и разумы совокупаются в соглашение и к единству приступают. Во имя святой и неразделимой Троицы, Отцу и Сыну и Святому Духу, сей же священный святой вселенский собор, который во Флоренции, избранном и назначенном месте, повелевает так: Сия вера во всех христианах веруется и приятна есть. Все так веруем, все так мудствуем, все согласившись подписали. Сия вера есть святых апостолов, сия вера есть святых отцев, сия вера всех христиан истинно верующих во Христа, и таковое всегда мудрствуют и исповедуют, поскольку Дух Святой от Отца с Сыном всегда есть единосущен, имеет его Сын от Отца изначала, сего ради от единого начала и от единого происхождения происходит. Так же изобразили, что говорят святые учителя и отцы, которые от Отца и за [...] Сын Святому Духу, как и Отец, и все, что имеет отец, в рождении дал Сыну своему, поскольку Отец да есть. Дух же Святой, который от Сына исходит, имеет его от века от Отца. Опять же воспоминаем о вышесказанных словах, что «от Сына» переложение: так изобразились за некую тогдашнюю потребу и нужду великую, по великому рассмотрению в символ переложили. Смотрели же и о хлебе пшеничном, опресночном же и о квасном, телу сотворяться по достоинству будет Христову: священник же всякий да имеет действовать по уставу и по обычаю у своей церкви, восточной же и западной. Об усопших же еще смотрели: кто во истинной и христианской вере и исповедании и в Божием мире перешли, покаяния плодов не доспевали принести о согрешениях своих, которые

им и духовные отцы заповедали, от очищения муки очистится после смерти поминовениями, которые творят после их смерти, литургиями, и милостынями, и иными приношениями, что приносятся за верных, как святая церковь передает. Приятные же души, что по крещении не осквернились грехами или что очистились от грех своих, которые в теле покаянием, и, изойдя из тела, как прежде сказано, вкупе взяты будут на небеса и чисто имеют видеть Бога в трех ипостасях, как есть, но как против своих дел каждый достойнейший будет. Душа их [...] смертными муками мучится. Смотрели также и о сем, что святой апостольский престол римский архиеерея на всех концах вселенной иметь как первого наместника блаженного и верховного апостола Петра, Иисуса Христа наместника, и всем церквам славу, и всем христианам отца и учителя по преданию Иисуса Христа, что передал святому Петру пасти, рядить и заботиться всеми церквами, как было установлено на вселенских соборах во святых правилах. А также что по преданию правильному имеют устав честнейшая братия наша патриархи: первый патриарх Константинограда, второй же после него римский, третий александрийский, четвертый антиохийский, пятый иерусалимский, во всех своих местах и законах стоять, иметь их исполняемыми во всем. Дано во Флоренции в соборной церкви вселенского собора в год от воплощения Господня 1439 июня в 6 день, священства нашего 9 года. Все таковое разумеем и мудрствуем и все, согласившись, подписали в лето 6948 месяца июня в 6 день». И подписался царь Иоанн греческий Константинограда и с ним Исидор, митрополит русский, как наместник патриарха антиохийского, и прочие все бывшие тут от патриархов кардиналы, потом архиепископы, и епископы, и прочие.

Конец собора. Иосиф же патриарх вселенский Константинограда преставился того же месяца июня в 10 день, и положили его в костеле, там где стоял папа на соборе своем. Марк, ефесский митрополит, не подписавший с ними суемысленные и прелестные их положения, а с ним иверский митрополит Григорий, и нитрийский Исакий, и газский Софроний отправились от них из града в путь свой. Царь же с пути их к себе возвратил, а Григорий иверский к своему царю убежал в Венецию по морю и так ушел, а те возвращены были назад, к нему привели, и не покорились царю, не убоялись ярости его и наказания. Кончился же собор их во граде Флоренции в лето 6948 месяца июня в 6 день. Евгений же папа римский в радости великой был, и со всеми римлянами, и весьма чествовал царя, и всех митрополитов и епископов греческих, и иноков их, и философов их, и всех греков, бывших на соборе том, и многими дарами их почтили; и золото и серебро царю, и митрополитам, и епископам, и философам их, и всем грекам довольно дали, к своей прелести привлеча их.

О римской службе. Тогда же Евгений папа мессу свою служил в ризах червленого бархата, и в рукавицах, и перстнях золотых на руках, и на голове шапка с корундами высокая, и с камнями, и с жемчугами многоценными. А когда входил ко мессе, пред ним несли мощи святых в ларцах золотых и серебряных, отлитых как люди, во образ святого Петра и Павла. И когда сошел в костел, сиречь в церковь, и приклонился немного со архиепископами своими и бискупами своими и потом, придя, сел на месте своем высоком, на изголовье червленого бархата. И тогда вострубили во многие трубы, и во органы, и гусли, и со всеми играми по фряжскому обряду. Папа ж служил мессу свою по-латински, а прежде молебн пели по-фряжски; а Исидор, митрополит русский, с греками своими по-гречески. И отпели молебны, и закончили службу свою, и пришли все к папе Евгению, челом ударили по фряжскому обряду, и благословились у него; когда же он благословил их, простились. И по сию пору пребывая у них, гостили до 27-го дня августа месяца, и разошлись, тьмою неверия покрывшись. Увы, прелести сии пагубные, увы, соединение мерзости с греческим православием. Как же вместо животного мрак тьмы вменяется? Как же вера благочестия к латинам приложилась? Царь же и патриарх православия в прелести ереси латинских впали, и в сети золота увязнув, погибли; Исидоровым обольщением, золото приняв, от Бога отлучились. Что же, царь, в латинах доброе увидел ты? И есть ли это почесть в них Божией церкви, когда возвышают в ней гласы свои, как безумные, и многий клич и волнение, и весьма велик вопль пения их? И есть ли это красота их церковная, когда ударяют в бубны, и в трубы, и в органы руками, пляша и ногами топча, и многие игры делая, от которых бесам радость бывает? И есть ли сие смирение и благочиние во святой церкви, что папа их опускается на колено свое и опресночное приносит, и в рукавицах служит, и перстни на руках носит? Также и архиепископы и бискупы, учителя их, творят, и капеллане их на колени опускаются; также и все виляхи и весь латинский род мужского полу и женского, от мала до велика, все, падая на колени свои, стоят так до скончания богомерзкого пения. Также и жиды сотворяли, что ругали Христа Спаса нашего, что на святых страстях претерпел от них досаду и поношение; и еще тем они надругиваются образу Господню: учителя их церковные и служители постригают браны и усы свои, ревнуя женскому зрению. Сказал же так, блудословствуя: «Так добро есть к святыни приступать». А где же служат и приобщаются, тут и псы их с ними ходят. В их пользу советуя, похвалял такое Исидор злочестивый, и того ради от папы Исидор принял почесть великую и дары светлые, и имения много принял.

Кн. Юрий в Литву. Князь мстиславский и кричевский. Смоленск. Юрий Лугвенев в Москву. В тот же год погорел град По-

лоцк весь. В тот же год князь Юрий Семенович Лугвенева литовский выехал из Новгорода в Литву, и князь великий литовский Казимир Ягайлович дал ему вотчину его всю, Мстиславль, Кричев и иных градов и волостей немало. Он же, возгордившись, осадил Смоленск, и Полоцк, и Витебск, и было ему то не полезно, и людям на мятеж великий и поношение. И в тот же год, убоявшись страхом великим, видя свою безрассудную дерзость, что неразумием сотворил, сбежал на Москву. В тот же год в Новгороде владыка Евфимий новгородский поставил церковь каменную святую Анастасии. В тот год и комнату меньшую каменную поставил у себя на дворе.

1441. Будин. Объявление Исидора. В 6949 (1441) месяца сентября в 1 день Евгений, папа римский, после собора своего премного ликовав в радости о согласии с царем Иоанном, Мануиловым сыном, греческим Константинограда, и со всеми митрополитами и епископами греческими, и с иноками, и с философами, и с князьями, и боярами, и со всеми греками; особенно же Исидора, митрополита русского, весьма много чествовал. И отпустил царя в Константиноград со всеми бывшими там его, также Исидора, митрополита русского, отпустил с честью многою. Пошел же Исидор митрополит от Рима в путь свой на Русскую митрополию, и пришел во град, называемый Будин, месяца марта в 5 день, и оттуда послал свои писания в Ляцкую, и Литовскую, и Немецкую землю, и на всю Русь православного христианства. Писано же так: «Исидор, милостию Божию пресвященный митрополит киевский и всея Руси, легат и от ребра апостольского седалища (престола) ляцкого, и литовского, и немецкого, народам всем и всякому о Христе верному христианству с прибавлением веры своей вечное спасение от Господа Иисуса Христа, и мир, и благодать на всех. Возрадуйтесь и возвеселитесь все ныне живущие о Господе, что церковь восточная греческая с западною римскою церковию, что долгое время в разделении и одна к одной враждебны были, ныне истинным соединением соединились в первоначальное соединение, мир, тишину, любовь и во единоначалие древнее без всякого разделения. Совокупилась же все христоименитые люди, как латины, так же и фрязи и другие к сим все, которые подлежат святой соборной великой церкви константинопольской, что есть русы, сербы, волохи и иные все христианские роды, истинно верующие во Христа Иисуса, сына Божия, и Бога, которого создания все небесные и земные, и о нем все имущество наше и все упования наши и в сем веке и в будущем. Примите святое и пречистое соединение и единоначалие с великою духовною радостью и честью. Молю вас всех в Господа нашего Иисуса Христа, который с нами милость сотворил, чтоб никакого разделения с римскою у вас не было, поскольку все ра-

бы есть Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и во имя Его крещения. Один Бог, одна вера и одно крещение, тогда бы в вас было одно согласие, и тишина, и мир, и любовь о Христе Иисусе. Вы же, латинские роды, тех всех, которые в греческой вере есть, истинно веруйте о них без всякого размышления, ибо все были крещены, и крещение их свято есть истинное от римской церкви, которое истинно, и равно как римской церкви, так же и восточной церкви крещение. Так чтобы отныне между вами никакого злого размышления и разногласия не было о тех делах, но как латины, так и вышесказанные греки к единой церкви прихождение имели, чистым и сокрушенным сердцем молитвы и моление Господу Богу приносили, ибо единым единое стало. И когда греки в земле бывают латинской, где есть в земле их латинской и в римской латинской церкви, чтобы вы все к божественной службе со дерзновением и умиленным сердцем принимали и честь воздавали, как и в своих церквах в своей земле, где кто живет; так на покаяние приходите к латинским священникам и тело Господа Иисуса Христа Бога нашего от них принимать. А латины также должны ко греческим церквам ходить, и божественные службы слушать, и с теплою верою и сокрушенным сердцем поклоняться тому же Иисуса Христа телу, поскольку истинно Иисуса Христа тело так же священо от греческого священника в кислом хлебе, как священо и от латинского пресвитера в пресном хлебе, и того ради достойно есть обои держать, пресное и кислое, заедино. И латины также приходят на покаяние к греческим священникам и причастие святое и божественное тело от них взимают, поскольку оба то единое есть истинное. Ибо так вселенский великий собор окончательно решил в явленном посидении во многом совопросании и испытании от божественных писаний, в честной и в большей церкви служив, во граде Флоренции в год воплощения Господня 1439 месяца июня в 6 день».

Умер Дмитрий Красный. Той же осенью сентября в 22 день преставился князь Дмитрий Юрьевич Красный. Было же нечто дивное в болезни его. Ибо прежде глухота ему была, и болячка в нем развивалась, и была болезнь тяжкая ему очень, что по много дней нисколько не мог принять во уста свои, ни же сна не бывало ему. После сего же восхотел причаститься; в день же воскресный месяца сентября в 18 день совершал литургию, и пришел священник со святыми дарами, а у него тогда кровь пустилась из обоих ноздрей словно ручейки текли, и много пошло ее, и нельзя было причастия дать ему, но стоял священник с причастием в сенях, ожидая. После сего же кровь начала надниматься. Отец же его духовный, Осия именем, священноинок заткнул бумажкою ноздри его. Князь же, встав, встретил божественное причастие в дверях горничных, и так причастился со страхом и с боязнию

многою, и дору (антидор) взял, и просфору пречистой, и воду служебную, и возлег на постель свою. После сего же снова покушал ухи, мясной и рыбной, и вина чашку испил, и сказал своим: «Выйдите вон, дадите мне упокой, заснуть мне хочется». Они же возрадовались, приняв кровь ту за пот, и пошли есть к Дионисию Фомину и пили у него. И когда был уже вечер, вот один некто из оставшихся у князя прибежал скоро к отцу его духовному Осие, тут же был и дьякон княжий Дементий, и сказал к ним: «Пойдите скорее, князь отходит». И придя, застигли его уже в последнем издыхании, и так канон на исход души и молитву промолвили, и так отдал дух; в ту же ночь закутали его и покрыли. Многий же тогда крик и вопль был и плач неутешный. И потом немного испили меду, и легли в той же горнице многие у него, и поуспнули. Один только дьякон его не испил тогда, но лег против князя на другой лавке, смотрел на них, а спать не восхотелось ему. И когда было около полуночи, сей снова посмотрел, князь же руками своими без причины скинул одеяло с головы своей и сказал великим гласом: «Петр же опознал его, что Господь». Дьякон же Дементий, увидев сие, от страха оцепенел; а князь и снова то же слово сказал; дьякон же, мало придя в себе и окрепившись, начал возбуждать бывших тут. А князь первое слово повторил, потом же начал петь демественно: «Господа пойте и перевозносите его веки», затем «Аллилуйя»; после сего же стих Богородичный 4 гласа песни: «Жилище свое живый в вышних», затем иные Богородичные; а пев, очи смежив, а тело его, как и у живого у него было видеть. Пред утреннею ж начал стихать; после утренней же отец его духовный Иосия принес к нему причастие запасное, а князь снова не глядел; он же двинул по устам ложкою, и князь взглянул и увидел его, причастие держащего, и сказал из глубины сердца: «Радуйся, утроба божественного воплощения». И так причастился божественных тайн. И потом в понедельник тот и во вторник говорил от писаний, и пел стихи, и людей узнавал, и говорил к ним, что хотел, но не по порядку. А к самому к нему кто что ни промолвит, он того не слышал. В среду же перестал говорить, а людей еще узнавал. В четверток же в самую обедню, когда начали читать святое Евангелие, тогда отдал дух окончательно месяца сентября в 22 день. И в тот час бояре послали за братом его старшим за князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой на Углич, а его, нарядив, как по достоинству мертвым, понесли в церковь святого Леонтия. А церковь та без пения стояла, но совершали тогда в ней всю службу и поминовения, которые над мертвыми. В восьмой же день после преставления его пришел брат его князь Дмитрий Шемяка, и тогда отпели надгробную над ним, и положили его в колоду, и осмолили с полстями, повезли его на Москву на носилках; везя же, дважды с носилок сронили

его. Привезли же его на Москву месяца октября в 14 день, после преставления ж его в 23 день, и внесли его в церковь архангела Михаила на площади, и отпели над ним погребальную, а он еще в колоде лежал. После отпетия ж рассекли его колоду, думали только кости обрести, и открыв, видели его всего целым, ничем же невредимым, также и ризы его погребальные, как и прежде положены на него, лице же его бело, как у спящего, не имея черноты, ни даже синева. И так возблагодарили Бога, и положили его во гроб возле отца его князя Юрия Дмитриевича.

Той же зимой пришел Исидор, митрополит гречанин киевский и всея Руси, с восьмого собора из Рима от папы на Русь в Киев и начал зваться легатом от ребра апостольского.

Война на Новгород. Деман. Дань с новгородцев. Той же зимой ходил князь великий Василий Васильевич к Новгороду ратью. И пошел к нему из Новгорода владыка новгородский Евфимий, а с ним бояре и зажиточные люди, и наехали его в Деревях у града у Демана, и били челом, и заключили с ним мир по старине, и дали ему восемь тысяч рублей новгородских. А псковичи, посябая великому князю, много земли новгородской повоевали и пакости и бед много сотворили. В то же время воеводы новгородские с заволочанами в великого князя Василия Васильевича вотчине воевали и много зла сотворили.

Умер Юрий. Родился Юрий. Той же зимой преставился князь Юрий Васильевич старший, а другой князь Юрий Васильевич родился месяца января в 22 день. А ранее за год на тот же день месяца января в 22 день, на память святого апостола Тимофея, родился князь Иван Васильевич, а крестил его игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий.

Исидор в Москве. Проповедь о соединении. В ту же весну пришел Исидор на Русскую землю, шел к Москве и говорил так, что соединились мы на сем великом соборе восточной церкви с западными. И так восхотел соединить православие, великую державу Белорусскую великого князя Василия Васильевича с латинством, и не попустил ему Господь Бог. Ибо прежде в послании грамот своих звался легатом и от ребра апостольского престола латинского, и пред собою повелевал носить крыж (крест) латинский да три палицы серебряные в почесть фряжского права; в молитвах же и в службах божественной литургии вместо святых патриархов вселенских во первых поминали и величали Евгения, папу римского, которому за золото предал святую веру греческого православия. И пришел на Москву в неделю третью святого Великого поста, и в тот день молебны пел за великого князя и за все православное христианство, и божественную литургию служил, и впервые поминал Евгения, папу римского. По окончании же божественной службы повелел протодьякону своему, в стиха-

ре со уларем (дьяконским орарем) войдя на амвон, читать громогласно грамоту восьмого суемысленного сего отреченного собора. В ней же писано было богомерзко и богоотступно, что были латинские прелести, разделяющие святую троицу, говорилось, что Дух Святой от Отца исходит, даже и от Сына, и опресночные мудрствия соединили, говоря что и в бесквасном и в квасном хлебе телу Иисус Христову сотворяться по достоинству будет. А об усопших так было писано: кто во истинной вере исповедания Божьего со смирением конец приняли и покаяния плод не успели принести по согрешениям своим, о котором им духовные отцы заповедали, и так все очищением мук очистятся после смерти. Но все же таковое собою, мудрствуя, соделали прелести ради истинной веры в православии, чтобы, прельстив, отлучить христианство от божественного закона. К тому же обо всех их бывших делах их и сам Евгений, папа римский, послал свое с ним письменное послание, к благоверному великому князю Василию Васильевичу грамоту, так написав:

Письмо папы к великому князю. Похвала Исидору. «Евгений епископ, раб рабам Божиим, превысокому князю Василию Васильевичу московскому и всея Руси великому царю спасение и апостольское благословение. Благодарим вседержителя Господа Бога, что ныне после многих трудов Духа Святого благодати помощью восточная церковь с нами едина есть, что ко спасению идет душ многих людей и к твоей славе и хвале пишется. И к сему единству и согласию многое поможение и поспешествование честнейшего брата нашего Исидора, митрополита твоего киевского, и всея Руси пастыря, и от римского престола посла, который за свое благо стадо о соединении крепчайший труд имел. И того ради потребно всем помогать ему во всех делах, а наиболее в сих делах, что отношение имеет к достоинству и чину церковному, врученному ему. А твое превысочайшество именем Господа Иисуса Христа со многим желанием просим, да сего митрополита Исидора, трудившегося об оправдании и о добре церковном по вышесказанному, да примешь его радостно и нас для, потому что то с желанием и со многим рачением к тебе о нем взываем, да будешь ему во всех вещах, что имеем видеть от него о церковной пошлине пристояние, всеми своими силами усердный помощник; что да будет хвала и слава тебе от людей, а от нас благословение, а от Бога вечное дарование. Дано во Флоренции в 1439-й, священства нашего в 9-й год».

Великий же князь во церкви на молебне и литургии слышав сие новое об упоминании папы, а не патриарха цареградского, усомнился весьма, но дал ему все совершить, а потом, призвав к себе, расспросил подробно о всем. И слышав, что все греческие патриархи, и власти там бывшие, и сам царь Иоанн, зять его, соединились, ужаснулся. Но когда начал с ним прение иметь о раз-

ности евхаристии, и отпущении грехов, и огне очистительном, и о власти папы, тогда Исидор не мог ему на все прямо отвечать. Он же усомнился, не повелел в дом владычней, но в монастырь Чудов идти и там до утра пребывать. Потом послал и призвал бывших с ним и, вопрошав, уведен, что Исидор, ценою большою от папы купленный, предал царя и патриарха и всех бывших там, и как Марк ефесский, и с ним послы патриархов иерусалимского и александрийского, и иные не подписались. Тогда князь великий созвал всех епископов, протопопов, архимандритов, и игуменов, и бояр и поведал им бывшее. Они же не смели ничего говорить, боясь митрополита. И князь великий сказал: «Добро есть, что в вере соединились; но сие не хорошо, что папа, видя свою неправду о евхаристии, крещении и об умерших, не могли спорить с греческой церковью, закрывая ложь снисхождением, оба за равное принял; более же сего, что всю восточную церковь себе подверг и тем прежние соборы опорочил; да сие только того ради, чтобы да от всех дани берет. И если мы и даем некое даяние церкви константинопольской, то помня, что от них крещение приняли, имеем долг, а папе за что? А так как от царя и властей греческих не имеем извещения, назначил ему пребывать в Чудове, до тех пор, пока не известимся право».

Исидор осужден. Тогда все епископы русские, которые были тогда в Москве и, слышав, прежде молчали, как спящие и не ведающие писания, ни силы, и ныне возбудились, и все с ними князи, и бояре, и множество людей вспомянули и уразумели законы прежние от апостолов и святых соборов, на которых стоит церковь греческая, начали говорить от святого писания и звать Исидора еретиком. И тогда князь великий Василий Васильевич возрадовался о согласии епископов своих, и князей, и бояр, и всех православных христиан, и повелел ему пребывать в монастыре, до тех пор пока не изыщет о нем по священным правилам святых апостолов и святых семи соборов святых отцев, чтобы так истинным судом правды пред архиепископами и епископами, пред всем священным собором обличить ересь его, что да усраится и отложит латинские соединения и согласия ересные, и повинуется, и покается, и милость получит. Исидор же, злой ереси латинской насытившись, никак же не восхотел отлучиться от латинского согласия и соединения, нисколько повиноваться не восхотел и не послушал великого князя и всего священного собора. И приставил к нему князь великий приставов своих, и повелел его стеречь, да отлучится от латинского соединения и согласия, и обратится, и покается, и милость получит; так жил в монастыре у Чуда за стражей.

1442. *Татары на Рязань. Война с Шемякою. Киасово. Колудар. Александр Чарторыйский. Мир с Шемякою. Кн. Дмитрий Шемяка в Новгородде. Зима тяжкая.* В год 6950 (1442) приходили

татары Большой орды на Рязанские украины, и много зла сотворили, и отошли с полоном. Той же осенью князь великий Василий Васильевич воздвиг нелюбовь на князя Дмитрия Юрьевича Шемяку и пошел на него ко Угличу. И тот побежал в Бежецкий Верх новгородский, а князь великий возвратился на Киасово и пришел на Москву. Тогда Колудара ирежского кнутом били. И потом же князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, а с ним князь Александр Чарторынский вскоре очень пришли почти к Москве; и помирил их игумен Зиновий троицкий, и любовь между ними сотворил. Той же осенью пожар был на Москве. Той же зимой боялся князь Дмитрий Юрьевич Шемяка великого князя Василия Васильевича и прислал в Великий Новгород, чтобы его приняли на своей им воле. И новгородцы отвечали: «Если хочешь, князь, к нам ехать, ты езжай, и мы тебе рады». Та же зима лютая была весьма, и морозы великие и нестерпимые, и много скоту и людям зла сотворилось.

Непогоды. Дороговизна. В ту же весну были грома великие, и молнии страшные, и ветры и вихри великие, и был страх на всех людях. В ту же весну было отзимие, и пал снег великий, и снова сошел; и поднялись ветры, и были морозы многие и ветры великие; и была скорбь многая в людях. В тот же год было жито дорого. В тот же год в Новгороде владыка Евфимий поставил церковь каменную святого спаса Преображения в Русе на старом основании и освящал ее сам, и монастырь устроил, иконами и книгами, и сосудами церковными, и всем потребным наполнил и удовольил. В тот же год в Новгороде владыко Евфимий поставил церковь каменную святого Николы у себя на дворе.

Возгорание. В тот же год в Новгороде пожар был великий очень на Подолье, и церковей каменных сгорело 12, и конец весь погорел до святого Георгия, и христиан великое множество сгорело; и простого люда на Лубянице. И потом в тот же месяц пожар был в Новгороде, погорело Заполье Никитиной улицы, и была пакость многая людям, которые носились от первого пожара с имуществом своим, и те все погорели и с имуществом своим; и была скорбь многая в христианстве. Тогда же от скорби той пожаром пострадавшие новгородцы взяли многих людей напрасно, говоря: «Вы зажигаете, втайне желая корысти ради своей, и такие беды и напасти сотворяете». И так многих христиан на огне сожгли, а иных в Волхов с моста сбрасывали, а иных камнями побили. Тайны ж сердце человеческих один Бог ведает, по правде ли сие есть, что таковую казнь злую приняли, поскольку за грехи наши таковые напасти бывают от Бога посылаемы, да было отстали от злых дел своих, и обратились, и покаялись, и по воле Божией жили, да и в настоящем и будущем благое получили; а злые люди тем на большее зло подвизаются.

1443. *Исидор ушел. Через письма соблазняет.* В 6951 (1443) сентября в 15 день Исидор митрополит тьмою безверия обволокася, не желая обратиться и покаяться от соединения и согласия латинского, не стерпел сидеть и ждать из Цареграда известия по посланию великого князя, ночью выйдя из монастыря, тайно бежать взялся с учениками своими, с чернецом Григорием и Афанасием. И побежали с Москвы ко Твери, а из Твери к Литве, да и к Риму к папе своему, так диаволом водим был и наставляем к своей гибели. Богомудрый же князь великий не послал возвратить, ни восхотел удержать его, поскольку несмышленный и богомерзкий тот был, да не приступятся грехи его иным, и нисколько зла не нанес ему. И так отошел в Рим к папе, но не остановился на этом. И на таком отдалении тот злопагубный змий, ученик диаволов, чрез послания соблазнял, и в Руси под державою литовскою переделывал христианство на латинство и соединял, и в согласие приводил. Но Белую Русь от такового злохитрого врага сохранил Господь Бог и пречистая Богородица, святую церковь безнаветную безмятежную, обличением Богом вразумяемого великодержавного Василия, во благочестии цветущего великого и премудрого царя всея Руси, которому о сем открыл Бог великоумно разуметь, и все мудрствовать, и творить волю Божию, и все заповеди его хранить. Папа же римский написал послание по видимости же православное, приемля те божественные вселенские семь соборов, и божественные иконы, но о сем же говорил кир Петр, патриарх антиохийский, что все да не послушают слово папы, и отвечал о сих страстно, как и сказано. В тот же год в Новгороде Великом владыко Евфимий поставил духовницу каменную и сторожницу каменную во своем дворе. В тот же год в Новгороде поставили церковь святого Николы на Кречве.

1444. *Кн. Иван Владимирович. Немцы около Ямы. Война тверская с новгородцами. Послы от Казимира в Новгород.* В год 6952 (1444) сентября в 14 день пришел из Литвы в Новгород князь Иван Владимирович, внук Ольгердов, на пригороды, на коих был князь Семен Лугвень Ольгердович и сын его князь Юрий, внук Ольгердов, по новгородскому прошению. А князь Юрий Семенович, внук Ольгердов, пошел в Немецкую землю; и немцы пути ему не дали, и он отъехал на Москву. Той же осенью в Новгороде немцы у города у Ямы посады пожгли и берег повоевали, а в Новгород прислали: «Мы вас не воюем, воюет вас Григорий из заморья колыванский из-за своего проводника и толковника ругодивца». А то все немцы лгали. Той же осенью из вотчины великого князя тверского много воевали Новгородской земли волостей и сел; Бежецкий Верх и Новоторжские волости все повоевали, и попленили, и пожгли тверичи, и со многим богатством возвратились восвосяи. Той же осенью князь великий

литовский Казимир, Ягайлов сын, прислал в Новгород, говоря: «Возьмите себе моих наместников на Городище, и я вас обороню; а с великим князем московским не взяли мы мира, вас деля». И новгородцы за то не взялись.

Мустафа на Рязань. Полон продал. Просит пристанища. Войска на Мустафу. Мордва на нартах. Татары побиты. Мустафа убит. Лыков. Мустафа султан пришел на Рязань со множеством татар ратью, и повоевал волости и села рязанские, и много зла Рязани учинил; и отошел с полоном многим, и стал на поле, и посылал в Рязань, продавая им полон. Рязанцы же выкупили своих пленных у татар. Мустафа же снова пришел в Рязань на миру, желая зимовать в Рязани, ибо было ему противно на поле; а поле все в осень пожаром погорело, а зима лютая и весьма злая, и снега великие, и ветры, и вихри сильные. И того ради миром пришел в Рязань и хотел зимовать в Рязани нужды ради великой. Услышал же на Москве сие князь великий Василий Васильевич и послал против него князя Василия Оболенского и Андрея Федоровича Голтыева, да двор свой с ними, да мордву на нартах, поскольку зима была лютая и снежная, а татары конями обмерли, и от мороза и стужи великой померли, и была в них скорбь многая, а сено весьма дорого. А султан Мустафа был тогда в Рязани во граде Переславле. Рязанцы же выслали его из града. Он же вышел из града и стал тут же под градом Переславлем. А с Москвы воеводы великого князя Василия Васильевича пришли на него и сошлись на речке Листани. Татары же вовсе охудели, и померзли, и бесконные были; и от великого мороза, и стужи великой, и ветра, и вихря луки их и стрелы ни во что же были. И пришли на них мордва на нартах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями; а казаки рязанские также на нартах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями с другой стороны; а воеводы великого князя Василия Васильевича со своею силою; а пешая рать многая собрана на них с ослопами (дубинами), и с топорами, и с рогатинами. И был у них бой великий и сильный весьма на речке Листани, и начали одолевать христиане. Татары же никак не давались в руки, но резались крепко. И много татар побили, и самого султана Мустафу убили, и князей с ним многих татарских побили, а князя Ихмут-мурзу взяли, да князя Азбердея, Мишереванова сына, взяли и иных многих татар взяли. А из великого князя полка убили татары Илью Ивановича Лыкова.

Новгородцы на немецв. Той же зимой новгородцы пошли ратью в Немецкую землю за реку за Нарву с князем Иваном Владимировичем, внуком Ольгердовым, и воевали, и пленили, и пожгли около Ругодива и до Пурдозия, а возле реки Нарвы и Чудского озера все извоевали и попленили, и мечу и смерти предали, и пожгли; и возвратились со многим богатством восвосяи.

В ту же весну князь Иван Андреевич Можайский, внук Иванов, правнук Даниила московского Александровича, взял Андрея Дмитриевича и жену его сжег на Мироносицы в Можайске.

Немцы к Яме. Вотская и Ижорская. Кн. Василий Юрьевич. Новгородцы на немцев. Кони померли. Воротились. Война корелы на лапландцев. В тот же год собрались немцы, мастер со всеми воинствами своими, и пошел на Новгород ратью; и пришел под город под Яму, и бил пушками и пищальями, и много зла сотворил, и стоял пять дней; и воевал по Вотской земле, и по Ижоре реке, и по Неве реке; попленили много, и посекали, и пожгли, а града не взяли. Много же и немцев пало под градом, а иные ранены были; ибо в то время был в городе Яме князь Василий Юрьевич из суздальских князей. И отошли немцы во свою землю со многим богатством. Новгородцы же восхотели с князем Иваном Владимировичем, внуком Ольгердовым, идти ратью за Нарву реку воевать немцев. И начали в то время у новгородцев кони помирать много во градах и в волостях, а люди начали болезновать весьма. Так новгородцы отказались воевать и не пошли за Нарву реку. В то же время псковичи послали было в Новгород послов своих мир и любовь подкрепить, и услышали про мор на коней в Новгороде, а на людей болезнь великую, и что новгородцы отказались воевать на немцев, и послы псковские отъехали из Новгорода без миру. В тот же год кореляне ходили ратью на мурман, побили их и воевали их, и возвратились восвояси.

1445. Татары на Рязань. Мордву. В год 6953 (1445) в месяце сентябре приходили татары на Рязанские украинны. Той же осенью воевали татары мордву. Той же зимой царь Улу-Махмет приходил ратью к Мурому из Новгорода из Старого Нижнего, и князь великий Василий Васильевич пошел против него, и царь возвратился бегом в Новгород Старый. Тогда застрелили Александра, сына Ивана Константиновича, и на бою их руки знобили. А на Калугу литва приходила 7000, а князь Михаил Андреевич с четырьмястами бился с ними. И убили тогда князя Андрея Лугвицу суздальского, а Судока и Конийского в Литву повели.

Война на литву. Литва к Можайску. Князь великий на татар. Той же зимой князь великий Василий Васильевич послал двух султанов на литовские грады ратью, на Вязьму, на Брянск и на иные грады, внезапно. Они же, придя, много воевали, побили и смерти предали, и пожгли почти до Смоленска, и в полон повели, и много зла сотворили Литовской земле, и возвратились восвояси со многим богатством. Слышал же про то князь великий литовский Казимир Ягайлович и послал панов своих с ратью на Можайск и на иные грады. Они же, придя, пять градов взяли, и много зла сотворив, возвратились восвояси со многим богатством. А князь великий пошел тогда против татарского хана Улу-

Махмета к Мурому. И много христиан от мороза умерли, а иных татары побили, а землю пустой сделали. И пособил Бог великому князю Василию Васильевичу, и побежали татары в Нижний Новгород Старый, откуда же пришли, а иные убиты были.

Война литвы. Радзивилл. Калуга. Козельск. Суходров. Лугвица. Михаил верейский. Судок. Василий боровский. Умер Андрей суздальский. Яропкины. Ржевские. Щекин. Приходили к Калуге литва, пан Судивой, пан Радзивилл Осесович, Андрюшка Мостилович, Ягуп Ралович, Андрей Нисакович, Николай Немирович, Захарий Иванович Кошкин, а рати с ними 1000. И когда были они под Козельском да и под Калугою, да не учинили ничего и оттуда пришли в Суходров. Слышал же то можайский князь Иван Андреевич, а князя Ивана Андреевича тогда в Можайске не было, и собрались можайцев сто человек, а воевода у них князь Андрей Васильевич Лугвица суздальских князей. Также слышали и брата его князя Михаила Андреевича верейского люди, и собралось их сто же, а князя Михаила Андреевича тогда у себя в Верее не было, а воевода у них Судок. Также слышали и князя Василия Ярославича боровского люди, и собралось их 60 человек, а князя Василия Ярославича тогда же в Боровске не было, а воевода у них Жинев. И встретились с литвою в Суходрове, и был у них бой. И убили тут воеводу князя Ивана Андреевича можайского князя Андрея Васильевича Лугвицу суздальских князей, да Карачарова, да иных четыре человека. А Яропку да Семена ржевского взяли, князя Ивана Андреевича можайского воевод, а брата его князя Михаила Андреевича верейского взяли воевод: Судока да Филиппа Щекина, да Кенийского, да пять человек молодых; а литвы убили двести человек.

Война на татар. Хан Улу-Махмет. Хан Кичи-Махмет. Русские побиты. Нижний. Муром. Гороховец. Луг. А тогда князь великий Василий Васильевич пошел со всею братиею к Владимиру, с ним князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь Иван Андреевич можайский, князь Михаил Андреевич верейский и князь Василий Ярославич боровский и со всеми князьями своими, и боярами, и с воеводами, и со всеми людьми на хана Улу-Махмета. Ибо прежде сего пришел из Поля, изгнанный с Большой орды от брата своего Кичи-Махмета, и пришел к Белеву, и сел в Белеве. И князь великий послал на него князей, и бояр, и воевод своих. И Бог попустил за грехи наши, многих наших татары побили, а татар было тогда весьма мало. Из Белева пошел хан к Новгороду Нижнему и осадил Новгород Нижний Старый, и так много зла от него было; и из Новгорода Нижнего пошел к Мурому. Слышал же то князь великий Василий Васильевич и, встретив Крещение во Владимире, пошел против него со всею братиею и со всеми людьми к Мурому. Хан же Улу-Махмет, слышав, возвратился к

Новгороду Нижнему к Старому, в котором жил. А передние полки великого князя били под Муромом, и в Гороховце, и во иных местах, а хан сидел в Муроме. А татары в то же время, когда хан ходил под Муром, Луг воевали. И князь великий возвратился, пошел к Суздалью, а оттуда пошел к Владимиру, а из Владимира пришел на Москву в пяток Великий вечером. В тот же год знамение великое сотворилось во граде Суздаде в церкви соборной пречистой Богородицы.

Война с татарами. Долголцов. Драница. Юриев. Суздаль. Каменка. Пьянство на погибель. Нерль р. Евфимьев монастырь. Нестроение войска. Князь великий пленен. Русские побиты. Число татар. Многочисленность татар. В ту же весну пришла весть к великому князю Василию Васильевичу на Москву, что отпустил на него Улу-Махмет хан детей своих, Мамутяка да Ягу-па, из Новгорода Нижнего. Князь же великий, заговев Петрово говенье, пошел против них с Москвы ратью. Пришел же он в Юрьев, и тут прибежали к нему воеводы новгородские князь Федор Долголцов да Юшка Драница, град ночью сожгли и сами ночью сбежали, ибо крайне изнемогли с голоду великого; что было запаса хлебного, то все переели, и уже терпеть невозможно было с голоду истомления от татар. Князь же великий Василий Васильевич встретил Петров день в Юрьеве и из Юрьева пошел к Суздалью. Тогда пришли к нему братия его из вотчин своих, князь Иван Андреевич можайский, да брат его князь Михаил Андреевич верейский, да князь Василий Ярославич, внук Владимиров, правнук Андреев, праправнук Ивана Даниловича московского, и иные многие воеводы и люди пришли к нему. Пришел же князь великий близ Суздаля града с братиею своею и со всею силою, и стали на реке Каменке месяца июля 6 дня во вторник. И в тот же день и всполох учинили, и возложив на себя доспехи и знамена подняв, выступили на поле; и немного было воинства их. Князь же великий Василий Васильевич возвратился в станы свои и ужинал у себя со всею братиею и с боярами, и пили долго ночью. А вечером тем пришел к великому князю Алексей Игнатьевич с полком своим, а иные воеводы многие и с других мест пришли. И было утро, уже солнце взошло, и князь великий поднялся, и повелел заутреню петь июля в 7 день. И после заутрени восхотел князь великий еще отдохнуть, и в тот час пришла к нему весть, что татары Нерль реку вброд переходят. Он же начал по всем станам рассылать, а сам тотчас начал на себя доспех надевать, и знамена подняв, пошел против татар. А братья его из двоюродных, князь Иван Андреевич можайский, да князь Михаил Андреевич верейский, да князь Василий Ярославич, шурин великого князя Василия Васильевича, за ним пошли, одевшись каждый в доспехи свои. И пошли усердно все против татар, и выступили на

поле; и немного было воинства их, только с полторы тысячи, поскольку князей всех полки не успели совокупиться, ни же султан Бердедат не успел к великому князю прийти, ибо в ту ночь в Юрьеве ночевал. А князь Дмитрий Шемяка и не пришел, ни полков своих не прислал. Вышли же они на поле близ Евфимьева монастыря по левую сторону, и тут встретились с окольными агарянами; было же их множество великое пред христианскими полками. Сразились же они, и начали сначала полки великого князя одолевать, а татары побежали. Наши же одни погнались за ними, а иные сами побежали, другие начали уже убитых татар грабить. А татары снова возвратились на христиан и тогда одолели их. Князя же великого самого руками взяли, также и князя Михаила Андреевича, и прочих многих князей, и бояр, и детей боярских, и прочих воинов. Князя Ивана Андреевича ранив сильно, с коня сбили, и подан был ему другой конь, и он убежал. А на великом князе многие раны были по голове и по рукам, а тело все весьма бито, поскольку сам мужественно весьма бился. Сие же зло случилось над христианами июля в 7 день в среду. Много же было тогда и татар убито, более пятисот, а было их три с половиной тысячи. Татары же ходили в погоню и много избили и изграбили, а села пожгли, людей иссекли, а иных в полон повели. А султаны стали в монастыре Евфимьевом, и тут сняли с великого князя кресты его тельные, и послали на Москву к матери его великой княгине Софии, и к его великой княгине Марье с татаринном Ачисаном. А когда пришел тот на Москву, был плач великий и рыдание многое не только великим княгиням, но и всему христианству. И великая княгиня София хотя жалость великую имела, но не явила себя татарскому послу печальной, и одарив его, отпустила. А татары стояли в Суздале три дня и пошли к Владимиру, и придя к Клязьме, стали против града, а ко граду не приступали, но пошли к Мурому, а оттуда к Новгороду Нижнему.

Пожар в Москве. Смятение в Москве. Того же месяца июля в 14 день в среду загорелся град Москва внутри града в ночи и выгорел весь, что ничего деревянного во граде не осталось, но и церкви каменные распались и стены каменные во многих местах. А людей великое множество сгорело, мужей, и жен, и детей, ибо поскольку здесь огонь, а из града выйти татар боялись. Казенного же много сгорело и бесчисленно товара всякого, ибо от многих градов множество людей тогда были тут в осаде. И когда погорел град, и княгиня великая София и великая княгиня Мария и с детьми, и с боярами своими пошли ко граду Ростову. А граждане в великой печали и волнении были; ибо могучи бежать, оставив град, бежать хотели, чернь же, совокупившись, начали прежде врата градные укреплять, а хотящих из града бежать начали брать, и бить, и ковать. И так прекратилось волне-

ние, и все вместе начали град укреплять, а себе пристройки домовые готовить.

Хан к Курмышу. Шемяка злодействует великому князю. Дубенский. Августа в 25 день, после Спожинного дня, хан Улу-Махмет с детьми своими и со всею ордою своею пошли из Новгорода к Курмышу, а князя великого с собою повели, также и князя Михаила. А к князю Дмитрию Шемяке послал посла своего Бегича. Он же рад был и многую честь воздал ему, ибо желал великого княжения, и отпустил его со всяким лихом на великого князя, а с ним послал своего посла дьяка Федора Дубенского, чтобы великому князю не выйти на великое княжение. Они же, идя, пили и веселились, и умедлили. И когда были они в Муроме, всемогущий же и милостивый благий человеколюбец Бог, видев то немилосердие и на своего Господина зломыслие и братоубийство, переменял на кротость безбожных сердца и беззаконных христианоубецв агарян; ибо подумал хан, что убит его посол от Шемяки, так как долго не возвращался, и начал с великим князем договариваться.

6954 (1446). *Князь великий освободился. Плещеев. Образцовы. Дудин монастырь. Кн. Оболенский. Князь возвратился.* Хан Улу-Махмет и сын его Мамутяк великого князя утвердили крестным целованием, что дать ему с себя откуп, сколько может, и отпустили его с Курмыша на Покров святой Богородицы октября в 1 день, и князя Михаила с ним, и прочих, сколько с ним их было. Да с ними послали послов своих, многих князей со многими людьми, князя Сеит-Асана, Утеша, Кураиша, Дол-хозя, Айдара и иных многих. Князь же великий, отойдя от Курмыша на два дня, отпустил к Москве с соунчом Андрея Плещеева к матери своей великой княгине и к детям, также и к братии своей, и к боярам, и ко всем людям, что его хан отпустил на его вотчину на великое княжение. А Федор дьяк с Бегичем в ту ж пору пошли из Муром судном, а коней отпустили берегом. Андрей же пришел против Иванова села Киселева меж Новгородом и Муромом, и встретил тут Плишку Образцова с конями с Бегичевыми и с Федоровыми. И сказал им Андрей, что князь великий отпущен на великое княжение. Они же вернувшись оттуда, перехватив Федора под Дудиным монастырем, а он плыл с Бегичем рекою Окою. Федор же, слышав то, возвратился назад к Мурому и с Бегичем. Пришли же они к Мурому, и князь Василий Оболенский поймал Бегича и оковал его. А князь Дмитрий, слышав то, бежал к Угличу. Князь великий пришел в Муром и, мало побыв там, пошел к Владимиру; и была радость великая всем градам русским. На Дмитриев же день пришел князь великий в Переславль, там была и мать его великая княгиня София, и его великая княгиня Мария, и сыновья его князь Иван и князь Юрий, и все князи, и бояре его, и дети боярские, в множество двора его от всех градов.

Землетрясение в Москве. Октября в 1 день, в который день отпущен князь великий с Курмыша, в 6 час ночи той потрясся град Москва, кремль и посад весь, и храмы поколебались. Людям же спали тогда в то время, и не слышали все; многие же не спящие слышали, в скорби были и за жизнь испугались, на следующее же утро со многими слезами не слышавшим про сие поведали.

Князь великий в Москве. Пришел князь великий на Москву месяца ноября в 17 день и стал на дворе матери своей за городом на Ваганкове, а потом оттуда сошел во град на двор князя Юрия Патрикеевича.

Злодеяние Шемяки. Злохитрость над великим князем. Князь великий в Троице. Руза. Москва взята Шемякой. Князю же Дмитрию Шемяке вложил диавол в мысль хотеть великого княжения; и начал посылать к князю Ивану Можайскому с тем, говоря: «Хан на том отпустил великого князя, а он хану крест целовал, что хану сидеть на Москве, и на всех градах русских, и на наших вотчинах, а сам хочет сесть на Твери». И так диаволовым научением обменивался сообщениями, задумав со своими злыми советниками, которые тогда были у него, Константиновичи и прочие бояре их, не желая добра своим государям и всему христианству, посылали с вышесказанными речами к князю Борису тверскому. Он же, слышав то, убоился и был единомышленник с ними; многие же и из москвичей, бояре и гости, с ними в думе той были. И так начали князи со своими советниками втайне вооружаться и искать удобного времени, как бы изгнать великого князя. Усмотрели же себе случай удобный для их злого совета, когда восхотел великий князь идти поклониться живоначальной Троице и мощам чудотворца Сергия. Пошел же он и со своими благородными чадами, с князем Иваном и с князем Юрием, и с малым весьма числом людей, нисколько иного не ожидая, но только накормить там бывшую братию великой той лавры. А к князю Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому вести о сем с Москвы от изменника каждый день посылаемы были. Они же, совокупившись, стояли в Рузе, бывшие, как псы, на лов готовые и, как дикие звери, желая насытиться кровью человеческой. Когда же была к ним весть та, что князь великий ушел из града, они тотчас пошли спешно к Москве и пришли февраля во 12 день в субботу в 9 час ночи против воскресенья, которое недели о Блудном, и взяли град. Не было в нем противящегося им, и никто не ожидал сего зломыслия, только единомышленники, которые и град отворили им. И вошли во град, великих княгинь поймали, Софию и Марию, и казну великого князя и матери его разграбили; а бояр, бывших тут, поймали и пограбили, и иных многих горожан пограбили. И в ту же ночь отпустил князь Дмитрий князя Ивана

можайского на великого князя Василия к Троице спешно со многими людьми своими и его.

Бунко. Неверность неверному. Стража не прилежна. Стража обманута. Сам себя предал. Князь великий взят. Дети великого князя ушли. Кн. Иван Ряполовский. Муром. В самую же литургию примчался к великому князю Бунко называемый, поведал, что идут на него князь Дмитрий Шемяка и князь Иван можайский ратью. Он же не имел ему веры, поскольку тот Бунко незадолго прежде того отъехал к князю Дмитрию, и сказал: «Сии смущают нас, а я со своею братиею во крестном целовании, то как может сие быть». И повелел его из монастыря вытолкать и назад воротил его. Когда же был тот на Вори, взяли его ратные сторожи и били его. А князь великий хотя и не имел ему веры, но однако послал сторожей к Радонежу. Они же, придя, стали на горе над Радонежем стеречь. И опознали этих ратных сторожей издалека, а сии тех ратных не усмотрели, а не имели веры тем вестям. А те сторожи сказали князю Ивану, что есть сторожа над Радонежем на горе. Он же повелел сани многие снарядить с рогозинами, а иные с полстями, а на них по два человека в доспехах, а третий идет возле, как бы за возом. И когда передние уже их миновали, тогда выскочили все из саней и схватили их; а убежать им никому невозможно было, ибо поскольку тогда снег был великий. И так вскоре пошли к монастырю. И когда явились, скача на конях с горы той к селу Клементьевскому, как на лов сладкий, увидел их князь великий, побежал сам на конюшенный дворец. И не было ему коня приготовленного, ибо сам же он, так как в ложь вменил, надеялся на крестное целование, и не повелел себе ничего приготовить. А люди все во унынии были и в оторопи великой, а также изумлении. Видел же князь великий, что нет ему никакой помощи, скоро пошел на монастырь к церкви святой Троицы. Пономарь же, именем Никифор, инок, прибежал и отомкнул церковь. Он же, замкнув его, уйдя, схоронился. А оные убийцы, как свирепые волки, прибежали к монастырю на конях и начали вопрошать: «Где есть князь великий?». Тогда видели его два старца, в церковь бежащего, ненавидящие князя великого, сказали им. Они же прибежали ко церкви, прежде всех Никита Константинович, и на конях к передним дверям церковным. Тут сошел он с коня и ударился о камень, который пред дверями церковными на примосте. И прибежали прочие, подняли его. Он же едва вздохнул и был словно пьян, а лицо его, как у мертвеца. Потом же и сам князь Иван прибежал к монастырю и все воинство их; и видел двери замкнутыми, не думали, что он тут. И начал князь Иван вопрошать: «Где есть князь великий?». Князь же великий внутри церкви услышал князя Ивана говорящего и возопил, говоря: «Брат, помилуйте меня, не лишите меня жизни; если хотите, я не

изойду из монастыря сего, постригусь здесь». И пришел к дверям южным, отпер их сам и взял икону, которая на гробе святого Сергия, явления святой Богородицы со двумя апостолами святому Сергию, и встретил князя Ивана в тех же дверях, говоря: «Брат, целовали мы животворящий крест и сию икону в церкви сей первоначальной Троицы у сего же чудотворца Сергиева, что не мыслить нам, ни хотеть зла некоторому ж от братии и меж собой некоторые вражды. И вот ныне не ведаю, что сбудется надо мною». Князь же Иван сказал к нему: «Господин, если тебе захотим коего лиха, будь то над нами лихо; но сие творим христианства для и из-за твоего откупа. Ибо, видев сие, татары, пришедшие с тобою, облегчат откуп, что тебе хану давать». Князь же великий поставил икону на место свое и пал ниц у гроба чудотворца Сергия, слезами обливая себя, с великим воздыханием молясь, что все бывшие тут дивились, и из-за того сами злодеи его и противники принуждены были умилиться и слезы испустить. А князь Иван мало поклонился в церкви, ушел, сказал Никите: «Возьми его». И князь великий, много молившись, поднялся и возрев, сказал: «Где брат князь Иван?». Тотчас приступил злой раб горький и немилосердный мучитель Никита и взял за плечо великого князя, говоря: «Пойман ты великим князем Дмитрием Юрьевичем». Онный же сказал: «Воля Божия да будет». И повел его Никита из церкви, и с монастыря свел, и посадили его в голые сани, а напротив него чернеца; и так отошли с ним к Москве. А бояр его всех взяли, а прочих всех, ограбив, нагих отпустили. Сыновья же великого князя, князь Иван и князь Юрий, ухоронились в том же монастыре. А они кровопийцы, как некий сладкий лов уловив, отошли, а о сих и не заботились, ни же пытали о них. Сии же великого князя сыновья, Иван и Юрий, в ту же ночь побежали из монастыря с оставшимися с ними людьми, которые схоронились, и прибежали к князю Ивану Рязполовскому в Юрьев в село его в Боярово. Князь же Иван со всею братиею, с Семеном и с Дмитрием, и со всеми людьми своими бежали с ними к Мурому и там затворились со многими людьми. А князя великого Василия, в понедельник на Мясопустной недели на ночь февраля в 14 день приведя в Москву, посадили на дворе Шемякине, а сам князь Дмитрий Шемяка стоял на дворе Поповкине. И начали искать грамоту, какую запись дал хану Улу-Махмету, и нашли написаную: дать за себе 5000 рублей да дани давать на всяк год со всей земли Русской со 100 голов 2 рубля. И князь Иван, видя сие, сказал: «Почему верили боярам его и чернецам не любящим?». Но те, клянясь, сказали, что словом так обещал, и советовали убить его. Но князь Иван и другие многие сказали Дмитрию: «Если сие учинишь, то ведай, что все князи русские восстанут на тебя; и если Василий недобро живет и людей своих всей Русской земли

не бережет и обидит, то возьми великое княжение, а ему дай удел твой, и того все будем стеречь, да не восстает снова на тебя и не мстит». Но князь Дмитрий с боярами московскими и чернецы решили ослепить его, и в ту же неделю в среду на ночь ослепили великого князя и послали его на Угличе Поле и с его княгинею, а матерь его великую княгиню Софию послали на Чухлому.

Басенок. Дебрэнск. Слышав же то, князь Василий Ярославич и с ним князь Семен Иванович Оболенский бежали в Литву, а прочие дети боярские и все люди били челом служить князю Дмитрию. И привел их к целованию крестному всех, один Федор Басенок не восхотел служить ему. Князь же Дмитрий повелел возложить на него железа тяжкие и под стражей держать его. Он же, подговорив пристава своего, убежал из желез к Коломне и там пошел по своим приятелем, и много людей собрав, пограбил уезды Коломенские, бежал в Литву со многими людьми. И прибежал в Дебрэнск к князю Василию Ярославичу, ибо дал король князю Василию Дебрэнск в вотчину, да Гомель, да Стародуб, да Мстислав, и иные многие места. А князь Василий Ярославич дал Дебрэнск князю Семену Оболенскому да Федору Басенку. Князь Дмитрий, слышав, что дети князя великого, придя, сели в Муроме со многими людьми, не восхотел на них посылать, боясь, поскольку многие люди начали негодовать о княжении его, и на самого мыслили низвергнуть, а великого князя Василия на своем государстве видеть.

Коварство Дмитриево. Клятвопреступление архиерея. Дети великого князя взяты. Князь же Дмитрий, умыслив так, призвал к себе епископа рязанского Иону на Москву и обещал ему митрополию; и начал говорить ему: «Отец, то бы шел во свою епископию во град Муром, взял бы ты детей великого князя под свою заботу, и я рад буду их жаловать, отца их, великого князя, выпущу и вотчину дам довольную, чтоб было у них все». Владыко же Иона пошел к Мурому в судах, с теми речами князя Дмитрия пришел в Муром и начал говорить речи его боярам великого князя детей, трем князям Ряполовским и прочим с ними. Бояре же, много о том думав, смыслили себе так: «Если мы ныне святителя не послушаем, не пойдем к князю Дмитрию с сими великого князя детьми, и он, придя ратью, город возьмет и, сих взяв, что хочет, то сотворит им, а также и отцу их, великому князю, и нам всем, и во что будет крепость наша?». И послушав сии слова святителей, сказали ему: «Если пришел ты с сими словами от князя Дмитрия к нашим государям, великого князя детям, да и к нам, но сего собою не дерзнем сотворить, что отпустить нам с тобою детей великого князя без обязательств. Но придя в соборную церковь Рождества пречистой Богородицы, из пелены под свою заботу возьми; и так отпустим их с тобою и сами с ними пойдем».

Владыко же Иона обещал так сотворить, и войдя в церковь, начал молебен пречистой, и совершив молебны, взял их из пелены у пречистой под свою заботу, и пошел с ними к князю Дмитрию в Переславль месяца мая в 6 день. Князь же Дмитрий, мало почтив их с лестию, на обед к себе звал, и одарил их. А на третий день после того с тем же владыкою Ионою послал их к отцу их на Углич в заточение. Он же, дойдя с ними до отца их и оставив их там, возвратился к князю Дмитрию. Тот же повелел ему идти к Москве и сесть на дворе митрополитовом. Иона же так сотворил.

Князей Ряполовских верность. Кн. Иван Стрига. Ощера. Бобр. Драница. Русалка. Руно. Дмитрий на Ряполовских. Вепрев. Дмитриевы побиты. Ряполовские в Литву. Совет с архиереями о великом князе. Родился Андрей. А Ряполовские, то видев, князь Иван, и брат его князь Семен, и князь Дмитрий, что князь Дмитрий Шемяка слово свое изменил во всем и владыке солгал, начали мыслить, как бы им князя великого изъять. Был же в той мысли тогда с ними князь Иван Васильевич Стрига, да Иван Ощера с братом Бобром, да Юшка Драница, и иные многие дети боярские двора великого князя. С ними же в думе был Семен Филимонов с детьми своими, да Русалко, да Руно, и иные дети боярские многие. Учинили себе срок всем быть под Угличем на Петров день о полудни, и Семен Филимонов со всеми своими на тот срок пришел. А про Ряполовских учинилась весть князю Дмитрию, и он послал к ним с угрозою. Они же убоялись и не посмели пойти на тот срок под Углич, но пошли за Волгу к Белоозеру. И князь Дмитрий послал за ними с Углича рать с Василием с Вепревым да Федора Михайловича послал за ними со многими полками; а в срок им следовало сойтись в место на устье Шексны у Всех святых. И Федор не успел к Василию, а Ряполовские, поворотившись на Василия, побили его на устье Мологи. А Федор в ту пору переправился через Волгу на устье Шексны и со всеми полками своими; Ряполовским весть была про него, они же и на того поворотились. Федор же, увидев их, опять побежал за Волгу. Ряполовские пошли по Новгородской земле к Литве и пришли к князю Василию Ярославичу во Мстислав. А Семен Филимонов со всеми своими от Углича пошел к Москве, словно нисколько про тех не ведая, один Руно отвернулся от него за Ряполовскими. И когда пришли князи Ряполовские, да князь Иван Стрига, и прочие многие дети боярские, начали говорить князю Василию Ярославичу, как бы изъять великого князя Василия. А князь Дмитрий Шемяка, видя то, что за великого князя многие люди отступают, послал за владыкой, начал думать с князем Иваном, и со владыками, и с боярами, выпустить ли его или нет. А владыка Иона всякий день не переставая, говоря ему: «Неправду ты учинил, а меня ввел в грех и в срам. Князя тебе великого следовало выпустить, и ты и

детей его с ним посадил. А мне ты дал свое правое слово, а они меня послушали, а ныне я во всей лжи остаюсь. И выпусти его, сведи грех тот с моей души и со своей. А что может учинить без очей? А детки его малы. А еще укрепи его крестом честным да и нашею братиею, владыками». Много же и иного изрек. Князь же Дмитрий, много думав о сем, положил на том, что выпустить великого князя и дать ему вотчину, чтоб было на чем ему быть. В тот же год родился великому князю на Угличе сын Андрей августа в 13 день.

1447. Шемяка к Угличу. Покаяние великого князя. Удел великому князю Вологда. В год 6955 (1447) князь Дмитрий Шемяка пошел на Углич, желая выпустить великого князя и его детей; пошли же все епископы с ним, и архимандриты, и игумены. Придя на Углич, выпустил великого князя и его детей, и каляся, и прощение просил. А князь великий пред ним смирился и во всем вину на себя возлагал, что «и даже не так следовало мне пострадать греха ради беззаконий многих моих и преступлений в крестном целовании пред вами пред всеми, старшею братиею, и пред всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел я до конца. Достоин я был главной казни, но ты, государь мой, показал на мне милосердие, не погубил меня с беззакониями моими; но да покаюсь во зле моем». Сие же и иное многое произнес, которому нет числа и писать невозможно. Когда же говорил он, слезы текли от очей его, как быстрины, что все бывшие тут дивились таковому смирению и умилению, и плакали все смотрящие на него. После сего же князь Дмитрий пир великий сотворил на великого князя, и на великую княгиню, и на детей их. Были же тут все епископы земли Русской, и бояре многие, и дети боярские. И честь великую учинил великому князю, и дары многие подавал великому князю, и великой княгине, и детям их, да в вотчину дал великому князю Вологду со всем, и отпустил туда великого князя и с княгинею, и с детьми.

6956 (1448). Князь великий на Белоозеро. Люди многие к нему. Князь великий во Тверь. Князь великий Василий Васильевич, придя на Вологду, видел себя ограбленным и словно в пустыне затворенным в волости малой, от которой скудно мог пропитаться; слышал же от пришедших к нему из Москвы, что в Литве князь Василий Ярославич, затем Оболенские, Рязполовские и иные князи доброжелатели его и свойственники собираются, как и сами злодеи, бывшие его изменниками, в Москве, покаившись, хотят ему помогать, и мать его княгиня великая София принуждала его искать вотчины своей и ее освободить, которая и в заточении была, почасту обменивался сообщениями с приятелями и сказал, что не будет ему грехом, по нужде крестное целование дав, отвергнуть его и врагам за неправды мстить. Тогда князь

великий послал во Тверь к князю Борису Александровичу верно-го своего раба ростовского сына боярского Одинца Болехова по-мощи от него просить, а в Литву к князю Василию Ярославичу и другим князьям костромского боярина Андрона Татищева. И все сие так тайно делал, что ни княгиня его о том не ведала, только сам и те посланные. И побыв немного, пошел со всеми своими в Кириллов монастырь, и творили там молитвы, и бывшую там братию накормил, и милостыню дал, а что имел во уме, никто о том от бояр его не ведал, ибо боялись, что и ранее обольщен был верными любимцами. А к Дмитрию послал напомнить, что под стражей обещался идти на Белоозеро. Слышав же то, бояре князя великого, и дети боярские, и люди многие познали князя великого хотение, побежали от князя Дмитрия и от князя Ивана к великому князю. И побывав же князь великий на Белоозере, пошел прочь, а люди тут многие к нему прибыли. Получив же весть от князя Бо-риса Александровича, не возвратился к Вологде, но пошел ко Твери, а о войне на Дмитрия нисколько не говорил. И когда при-шел он во Тверь, и князь тверской дал ему у себе отдохнуть, и честь великую воздал ему, и дары многие. И тут начали между собою советоваться о великом княжении, о чем, никто не ведает.

Брак Иоанна III. Кн. Василий Ярославич в помощь великому князю. Пацын. Черкасские татары в помощь великому князю. Плещеев. Москва взята. Шига. Растопча. Шемяка к Галичу. Чухлома. Каргополь. Углич взят. Смерть Драницы. Кутузов. Великий князь в Москве. Вел. княг. София отпущена. Сабуров. Князь же великий Василий Васильевич обручал тогда за старшего сына своего князя Иоанна дочь великого князя Бориса Марию. Многие же бояре со многими людьми пришли к великому князю во Тверь. А когда князь Дмитрий еще отпускал великого князя, а князь Василий Ярославич будто того и не ведал, задумал с боярами великого князя, что, оставив жен и детей в Литовской земле, пойти искать великого князя, как бы его изъять из Углича. И учинили себе срок сняться в Литовской (земли), волости в Пацыне. И еще не вышли они из Литовской земли, князь Василий Яро-славич во Мстиславе, а с ним Ряполовские три, да князь Иван Стрига, да Ощера, и иные многие дети боярские с ним, а во Брянске князь Семен Оболенский, да Басенок, да многие же дети бо-ярские с ними, и в то время пришла весть к князю Василию во Мстиславль, что князь великий выпущен, а дана ему Вологда; а примчался Даниил Башмак. А во Брянск примчался к князю Се-мену некто киевлянин Полтинков; а дожидался тот на Москве у княгини Олешковой вестей про великого же князя; да из Брянска пригнал к Киеву, а сказал им ту же весть, с чем и Башмак при-мчался. Князь же Василий Ярославич со всеми боярами, и со всеми людьми, и с женами, и с детьми пошли из Мстислава, а из

Брянска князь Семен да Багенок также со всем; сошлись все в Пацыне. И примчался к ним тут Дмитрий, Андреев сын, что уже князь великий пошел с Вологды к Белоозеру, а оттуда и ко Твери. Они же оттуда пошли все вместе со многими людьми. Пришли же они в Ельну, и тут встретились с ними татары и начали меж себя стрелять. После сего же татары начали русь окликать: «Вы кто есть?». Они же отвечали: «Москвичи, а идем с князем Василием Ярославичем искать своего государя великого князя Василия Васильевича. Сказывают уже его выпущенным. А вы кто есть?». Татары же сказали: «А мы пришли с Черкас со двумя султанами детьми, с Кайсимом да с Ягупом. Ибо слышали про великого князя, что братия над ним зло учинили». И они пошли великого князя искать за прежнее его добро и за его хлеб. «Ибо много добра его к нам было». И так сошедшись и укрепившись меж собой, пошли вместе, разыскивая великого князя, как бы помочь ему. А князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайский, уздав, что князь великий во Твери, собрав воинов своих, стояли на Волоке, а по путям к Твери поставил на заставы. Князь же великий в ту пору послал к Москве спешно боярина своего Михаила Борисовича Плещеева с малым весьма числом людей, как бы им возможно пройти мимо рать князя Дмитрия. Они же возле Волги прошли рать ту, никем же не видимые, и пришли к Москве ночью против Рождества Христова, в самую же заутреню пришли к Никольским воротам. А в ту пору во град ехала к заутрене княгиня Ульяна князя Василия Владимировича к празднику, и вратам отворены были, они же тотчас вошли во град. Наместник же князя Дмитрия Федор галицкий был у Пречистой в заутрени и, слышав, убежал; а князь Ивана наместника Василия Шигу, бежавшего из города на коне, поймал избничий великой княгини, Ростопчею звали, и привел его к воеводам, они же оковали его. А прочих людей князя Дмитрия и князя Ивана, схватив, грабили и заковывали, а горожан привели к целованию за великого князя Василия, а град начали укреплять. И князь великий, собрав всех воинов и с тверскою помощью, пошел к Волоку на Шемяку и на князя Ивана Можайского многою силою. Они же в недоумение были, слышав, что на них князь великий идет. И вот пришла весть к ним, что султаны идут да князь Василий Ярославич со многою же силою, а Москва уже взята, а от них люди одинаково бегут. И так побежали к Галичу, а оттуда на Чухлomu; и тут, взяв с собою мать великого князя великую княгиню Софию, побежали на Каргополь. А князь великий пошел за ними, а княгиню великую свою отпустил к Москве и, придя, стал под Угличем. Пришли же тут к нему князь Василий Ярославич да с ним бояре великого князя выше-сказанные. И стояли под Угличем, и взяли его. Убит же был тогда под городом литвин, храбрый человек, Юшко Драница. И оттуда

пошел князь великий к Ярославлю, и тут пришли к нему султаны Кайсым да Ягуп. Из Ярославля же послал князь великий к князю Дмитрию боярина своего Василия Федоровича Кутузова, прося у него мать свою великую княгиню Софию, говоря ему так: «Брат князь Дмитрий, какая тебе честь или хвала, что держишь у себя мать мою в плену, а свою тетку? Чем сим хочешь мне мстить, а я уже на своем престоле на великом княжении». И отпустив того, пошел сам назад к Москве и пришел на Москву февраля в 17 день в пяток Сборной недели. Боярин же великого князя, придя, высказал то все князю Дмитрию, преумножая это. Князь же Дмитрий, обдумав с боярами своими, сказал: «Брат, что томить мне тетку и госпожу свою великую княгиню? А сам бегаю, а люди надобны себе, а уже истомлены, еще бы и ее стеречь, лучше отпустим ее». И так решив, отпустили ее из Каргополя, а с нею послал князь Дмитрий боярина своего Михаила Федоровича Сабурова да детей боярских с ним. Услышал же князь великий, что мать его отпущена и уже близь, и пошел навстречу к ней; и встретились у Троицы в Сергиеве монастыре, и оттуда пошел и с матерью к Переславлю. А Михаил Сабуров и с прочими, добив челом великому князю о своей вине, не возвратились к Шемяке, но остались у великого князя служить ему.

Война на Шемяку. Мир. Князь великий Василий Васильевич пошел на князя Дмитрия Шемяку к Галичу, и, придя со мною силою, стал на Костроме, и оттуда начали меж себя посылать послов. Князь же Дмитрий, убоявшись, начал мира просить, и крест на том целовал, и грамоты на себя проклятые дал, что от того часа не хотеть ему никакого лиха князю великому, и его детям, и всему великому княжению его, и вотчине его; «а преступлю свою грамоту сию, что в ней писано, тогда не будь на мне милость Божией и пречистой его матери и силы честного и животворящего креста и молитвы всех святых великих чудотворцев земли нашей, пресвященных митрополитов Петра, Алексия, Ионы, и Леонтия, епископа ростовского чудотворца, и Сергия, игумена чудотворца, и прочих; также не будь на мне благословение всех епископов земли Русской, которые есть ныне по своим епископиям, и всех под ними священнического чину». Князь же великий, послушав моления его, дал ему мир и возвратился с Костромы в Великий четверг; а Великий день встретил в Ростове, а на следующий день праздновал Благовещение в Ростове же и пировал у владыки Ефрема. В тот же день и к Москве пошел, и пришел на Москву в неделю Фомы; а сын его князь Иоанн был во Владимире.

В ту же весну после Великого дня был у великого князя посол литовский пан Семен Едиголдов. А на лето мор на коней, и на всякую животину, и на людей был, да немного.

1449. *Митр. Иона.* 6957 (1449) декабря в 15 день поставлен был на митрополию всея Руси Иона, владыко рязанский, на Москве архиепископами и епископами русской митрополии: Ефремом, архиепископом ростовским, Авраамом суздальским, Варлаамом коломенским. А новгородский Евфимий и тверской епископ прислали от себя ко архимандритам грамоты, что с ними единомышленные на поставление Ионы митрополитом, поскольку тот Иона прежде был от великого князя в Цареград послан об исправлении митрополии и принял благословение от патриарха на митрополию после Исидора, и патриарх его благословил, и грамоту ему дал.

Шемяка опять на великого князя. Кострома. Рудино. Мир с Шемякою. В ту же весну князь Дмитрий Шемяка, преступив крестное целование и проклятые на себя грамоты, пошел к Костроме со многою силою и пришел на Великий день. И много бился под градом, но не преуспели нисколько, ибо застава в нем была: князь Иван Васильевич Стрига да Федор Басенок, а с ними многие дети боярские двора великого князя. И князь великий, слышав про то, пошел против него, взяв митрополита с собою, и епископов, и братию, и султанов со всею силою. И когда пришли близ Волги, князь великий отпустил братию свою и султанов со всеми силами; и пришли на Рудино, а князь Дмитрий переправился на их же сторону, и так примирились.

Родился Борис. Касимов. В тот же год родился великому князю сын в июле месяце, и наречен был Борис. В тот же год скорые татары Седи-Охматовы пришли быстро до Пахры, и княгиню князя Василия Оболенского тогда взяли, и много зла учинили христианам, секли и в полон вели. Султан же Кайсым, слышав, пошел против них из Звенигорода, а они разбежались по земле, и с коими встретился, тех бил и полон отнимал. Они же, видев то, побежали назад. А князь великий дал царевичу Касиму место по Оке в земле Муромской. Он же построил град себе, именовал Крым ханский.

6958 (1450). *Поход на Шемяку. Илем. Обнора. Бой с Шемякой у Галича. Ряполовского мужество. Шемяка побит. Галич взят.* Князь великий уведал, что Шемяка на зло замышляет и людей подговаривает и собирает, желая идти к Галичу, и была ему весть, что Дмитрий пошел к Вологде, и князь великий пошел на Илем да Обнору, желая идти на него к Вологде. Когда же был он у Николы на Обноре, пришла к нему весть, что опять воротился к Галичу, и князь великий воротился Обнорою на низ да Костромою вверх. И пришел на Железной Борок к Иоанну святому и слышал, что князь Дмитрий в Галиче, а людей около него много, а город укрепляет и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам пред городом стоит со всею силою. Князь же великий, слышав то

и положив упование на Господа Бога, и на пречистую мать его, и на великих чудотворцев и на креста честного силу надеясь, начал отпускать князей своих и воевод со всею силою своею; а старший был воевода князь Василий Иванович Оболенский, а прочих князей и воевод великое множество. Потом же и султанов отпустил с ними. Пришли же под Галич января в 27 день, а князь Дмитрий стоял на горе под городом со всею силою, не двигаясь ни с места. Воеводы же великого князя пошли с озера к горе, опасаясь, ибо поскольку гора крута. И выбравшись из тех оврагов, взойдя на гору, начали полки сходитьсь. И сначала сразился султан Касим со своим полком, потом и все полки, и был бой крепкий на долгое время, падали люди с обеих сторон. Князь же Дмитрий ездил по полкам своим, понуждая, ибо ведал свою гибель, ища сломить; а князь Василий Иванович, не желая себя посрамить, ездил всюду, помогая. Князь же Дмитрий Ряполовский со двором великого князя, видя что битва продолжается, ударил в средину полка Шемякина и раздвоил, начал сечь с обеих сторон; и князь Василий Иванович наступил с пешими на левые полки, а султан Касим на правые Шемякины. Дмитрий же, видев воинов свои разделенными, не зная, где помогать, побежал. И тогда помог Бог великому князю Василию Васильевичу, победил полки Шемякины и пешую рать его почти всю побили, не смогли князя поймать, а за конными не дали гнаться, лучших же людей всех поймали, город же Галич затворился. И воеводы великого князя стали на костях, повелев мертвых погребать. К князю же великому весть пришла на Борок, что верх его. Он же благодарив Бога, и пречистую мать его, и великих чудотворцев, и молебны совершив в церкви святого Иоанна Предтечи, пошел к Галичу. Когда же пришел он в Галич, горожане передались ему. Он же град смирив, и наместников своих посадив по всей вотчине той, пошел к Москве, и пришел на Москву на Масленой неделе. А Шемяка убежал к Новгороду Великому.

Ховрин. В тот же год Владимир Ховрин поставил церковь на Москве на своем дворе каменную Воздвижения честного креста на месте первой церкви каменной же, что распалась в пожар по суздальщине. А митрополит Иона заложил на своем дворе палату каменную, в которой церковь Риз положения пречистой Богородицы. В тот же год августа в 5 день была туча великая на Москве, и гром страшный, и проразил церковь каменную соборную архангела Михаила. Августа ж 13 была буря великая и сломила крест с той же церкви архангела Михаила.

Татары на Русь. Беззубцев. Битюг. Татары побиты. В тот же год был князь великий в своей вотчине на Коломне, пришла к нему весть, что идут татары с Поля, Малбердей, Улан и иные с ними князи со многими татарами. И те вскоре пригнали до Пах-

ры. Князь же великий послал против них султана своего Касима с татарами да с ним воеводу своего Константина Александровича Беззубцева с коломничами. И угнались за ними на Битюге реке в Поле, и побили татар много, а иные убежали. Тогда убили Ромодана Зиновьева.

6959 (1451). *Кн. Семен Алешкович.* Был князь Семен Алешкович на Москве у своей бабы великой княгини Софии и у великого князя Василия, дяди своего.

Татары Седи-Ахматовы. Кн. Иван звенигородский. Озерецкое. Татары к Москве. Посады пожжены. Татары побежали. Князь великий в Москву. В тот же год пришла весть великому князю, что идет на него спешно из Седи-Ахматовой орды Мазовша султан. И пошел против него к Коломне, не успев собраться. Когда же был он близ Брашевы, пришла весть ему, что уже татары близ берега. И князь великий воротился к Москве, а что с ним было людей, тех всех отпустил к берегу с князем Иваном звенигородским, чтобы не столь спешно переправились через реку Оку. Он же, убоявшись, вернулся назад иным путем, а не за князем великим. Князь же великий встретив Петров день на Москве и град к осаде приготавлив, посадил в нем мать свою Софию да сына своего князя Юрия и множество бояр и детей боярских, прежде же всех отца своего митрополита Иону, и архиепископа ростовского Ефрема, и весь чин священнический и иноческий, и великое множество народа града Москвы; а сам ушел из града Москвы с сыном своим князем Иоанном, а свою великую княгиню отпустил с младшими детьми на Углич. И тогда сам ночевал в Озерецком, а оттуда пошел к Волге. А татары стали, придя, у берега, ожидая против себе рати, и не было нисколько. Они же думали, что рать притаилась или на берегу другом ждет им, и послали сторожей на эту сторону Оки. Те же обыскали всюду, и не нашли нисколько, и возвратившись, поведали им, что нет противящихся им. И так переправились через Оку реку, и без препятствий устремились к Москве, и пришли под нее в пяток во 2 день июля в 1 час дня. Посады все зажгли в один час, а сами в то время со всех сторон начали ко граду приступать. Тогда же и засуха великая была, и со всех сторон огонь охватил град, а храмы загорались, а от дыма невозможно было и прозреть. А к городу приступали ко всем вратам и где ни есть крепости каменные. И так в великой печали и скорби град был и в недоумении многом, не имея ниоткуда помощи, но только со слезами молясь Господу Богу. И когда же посады погорели, тогда бывшие во граде отраду приняли от великой истомы огненной и дыма, вышли из града, начали с противными биться. И когда к сумраку было, отступили татары от града, а горожане начали к следующему утру пристройки готовить против безбожных, пушки и пи-

щали, самострелы, орудия и щиты, луки и стрелы, что подобает к брани на противных. Татары же поймали пред градом двух из рабов митрополитовых, и те, поскольку договорились между собой, сказали им, что князь великий со мною ратью пошел к Оке перехватить на пути их. Они же, убоявшись, той ночью побежали. Когда же взошло солнце, а горожане изготовились на противных, и не увидели их; изошли из града, смотрели здесь и там, и никого не видели. И послали сторожей в станы их; они же, придя, никого не нашли, но и что тяжелого забрали татары из меди, и железа, и прочего, то все побросали множество товара, а огонь угас. Ибо когда отступили от града, и так охватил их страх и трепет, что некое великое воинство ожидали на себя, побежали, гневом Божиим и молитвою пречистой матери его и великих чудотворцев молением и всех святых. Убегая же и полон побросав, не уклонились ни влево ни вправо, но только бы скорее убежать от идущего на них гнева. Слышав же сие, все кто был во граде люди воздали хвалу Богу и пречистой матери его, скорой помощнице, и великим чудотворцам молебны совершив, почили от находящих на них зол. Великая же княгиня София тотчас послала за сыном своим великим князем Василием, поскольку в тот же пяток, когда взошло солнце, переправился было за Волгу на устье Дубны. Слышав же, князь великий сначала восплакал, и благодарил Господа Бога, и пречистую мать его, и всех святых, и тотчас возвратился к Москве. И войдя во град июля 8 дня, пришел в церковь пречистой Богородицы, и пал пред образом владыки, многие слезы изливая, и говорил: «Благодарю тебя, владыко, что не предал ты стадо твое сие, православных христиан, безбожным сыроядцам сим». Также и пред образом пречистой пав плакался и также молился. После сего же и у гроба чудотворца Петра также, и, совершив молебны, принял благословение от руки Ионы митрополита. И после сего изойдя из церкви, целовал мать свою, и сына своего Юрия, и прочих. Затем пошел по всем соборным церквам молебны совершая и слезы изливая, благодаря человеколюбца Бога и пречистую мать его и всех святых о бывшем чуде. После сего же утешал и градный народ, говоря: «Сие нашло на вас моих ради грехов, но вы не унывайте, каждый восстановите хоромы на своих местах. А я жаловать рад и льготу дать». Затем на обед пошел вместе с митрополитом, и с матерью своею, и с детьми своими, и с боярами. И было веселие в день оный по прошедшей скорби, нашедшей на нас грехов ради наших.

1452. Война на Шемяку. Кокшанга. Устюг взят. В год 6960 (1452) пришла весть к великому князю, что князь Дмитрий Шемяка идет к Устюгу. Князь же великий проведя на Москве Рождество Христово, с Василия же дня пошел против него; а в Крещение был он у Троицы в Сергиеве монастыре, и оттуда пошел к

Ярославлю. Из Ярославля же отпустил сына своего князя Иоанна на Кокшенгу против князя Дмитрия, а сам пошел к Костроме. А с Костромы отпустил с сыном своим за войсками султана, Мамутякова сына, да князя же Дмитрия. А прежде того послал князя Василия Ярославича, да с ним бояр своих, князя Семена Ивановича Оболенского и Федора Басенка, и иных многих, двор свой, к Устюгу. А князь Дмитрий под Устюгом стоя, услышав, что идет рать на него, пожег посад устюжский и побежал. Князь Иоанн да султан с ним пришел на Кокшенгу и град Устюг взяли, а землю ту всю пленили и в полон повели. А ходили до устья Ваги до Осинова поля и оттуда возвратились назад все здравы со многим пленом и наживой.

Брак Иоанна III. Родился Андрей Меньшой. В тот же год июня в 4 день женил князь великий сына своего великого князя Иоанна у князя Бориса Александровича тверского дочерью его Марию. В тот же год родился великому князю Василию сын месяца августа в 1 день, наречен был Андрей Меньшой.

1453. Умерла вел. княг. София. Умер Шемяка. Беда. В год 6961 (1453) апреля в 9 день выгорела Москва, кремль весь. В тот же год июня в 15 день преставилась великая княгиня София Василия Дмитриевича во иноческом чину и положена в тот же день в монастырь в Вознесении, там где и свекровь ее великая княгиня Евдокия, нареченная во иноческом чину Ефросиния. В тот же год месяца июня в 23 день пришла весть к великому князю из Новгорода на вечерне у великих мучеников Бориса и Глеба на Москве на рву, что князь Дмитрий Шемяка умер сам по себе в Новгороде и положен в Юрьевском монастыре; а примчался с тою вестью подьячий Василий Беда, и оттого стал дьяком.

1454. Умер еп. Ефрем ростовский. Еп. Феодосий ростовский. Кн. Иван Можайский в Литву. Можайск взят. В 6962 (1454) марта в 29 день преставился архиепископ ростовский Ефрем. В тот же год поставлен был Ростову архиепископ митрополитом Ионою и епископами области его, которые о нем священным собором собрались, Феодосий, бывший прежде архимандритом у архангела Михаила у Чуда. В тот же год князь великий Василий пошел к Можайску на князя Ивана Андреевича за его несправление. Он же, слышав то, выбравшись с женою, и с детьми, и со всеми своими, побежал к Литве. А князь великий, придя к Можайску, взяв его и умилосердившись на всех бывших во граде том, жаловал их и, заместников своих посадив, возвратился к Москве. В тот же год августа в 31 день был гром страшный и проразил на Москве церковь каменную Рождества пречистой Богородицы, которая имеет приделанную к ней церковь каменную Лазаря святого.

1455. Умер еп. Питирим пермский. В год 6963 (1455) убит священный епископ Питирим пермский от безбожных вогуличей.

Татары на Оке побиты. Умер кн. Семен Бабич. В тот же год приходили татары Седи-Ахматовы к Оке реке и переправились через Оку ниже Коломны. А князь великий послал против них князя Ивана Юрьевича со многими воинами. И встретились, и был у них бой, и одолели христиане татар. Тогда убит был князь Семен Бабич, но не на бою, но от несчастного случая некоего.

Война на Новгород. Руса взята. Новгородцы побиты. Страх новгородцев. Откуп с новгородцев. Января в 19 день в понедельник князь великий Василий Васильевич за непослушание новгородцев пошел на Новгород ратью. Когда же был он на Волоке, тут пришли к нему братия его, и все князи, и воеводы его со множеством воинства. А из Новгорода на Волок же пришел к нему посадник Василий Степанов с челобитьем, чтобы князь великий пожаловал, на Новгород не шел и гнев свой отложил. И не принял князь великий челобитья их, и пошел на них. Пришли же в землю Новгородскую, и отпустил князь Ивана Васильевича Стригу Оболенского и Феодора Басенка на Русу. Они же, придя, там великое множество богатства взяли, поскольку не успели выбежать люди, бывшие там, ни же товара вывести или похоронить где. И с тою многою наживой всех людей своих вперед себя отпустили, а сами с главами своими воеводами и детьми боярскими, с малым числом людей, без коих нельзя быть им, поотстали, отпустив своих подалее, да за ними же хотели пойти к великому князю. И тогда была весть к ним, а и сами видели, что идет на них от Новгорода рать великая весьма, пять тысяч их было, а сих и двухсот не осталось. Видев же, устрашились, потом же начали говорить меж собою: «Что сотворим? Если не пойдем против них биться, то погибнем от своего государя князя великого, поскольку наживу взяли и воинов с тем отпустили; но лучше помрем с ними за правду своего государя, а за их измену». И пошли против них. Была же плетень меж ними и суметы снежные великие, и нельзя им было вместе сойтись. Воины же великого князя, видев крепкие доспехи на новгородцах, начали стрелять, бить по коням их; кони ж их словно взбесились и начали метаться под ними и с себя сбивать их. Они же не готовы были к тому бою, словно омертвелые, и руки у них ослабели; копьа же имели длинные и не могли вверх поднимать их так, как есть обычай ратным, но к земле опускали их; а кони вздымались под ними, и так валились под коней своих, не способные удержать их. И сбылось сказанное пророческое слово над ними, говорящее: «Не убежит быстроногий, и не спасется сильный». Вскоре побежали новгородцы, гонимые гневом Божиим, и множество убиты были, а иные взяты. Тогда взят был посадник их старший Михаил Туча, а убит был Есип Носов и иные многие. А взятых того ради немного было, что мало было воинства великого князя, и некому

было их брать. После сего воеводы великого князя и воинство, которое с ними, побивая, и грабя, и в плен ведя, возвратились и пришли к своему государю великому князю здоровые все. А новгородцы, прибежав в Новгород, поведали про бывшее над собою. И была в Новгороде скорбь, и печаль, и плач великий об убиенных, и плененных, и о своей измене к великому князю. По обычаю же своему начали звонить в вечевой колокол; и сошелся весь град на вече то, посадники, и тысяцкие, и прочие все люди, не зная, что молвить, но смутились и всколебались, как пьяные. И начали бить челом архиепископу своему Евфимию, чтоб, придя, молил великого князя да помиловал бы вотчину свою и отвратил бы себя от гнева ярости своей, чтобы до конца не погибли мы за свою вину к нему, господину своему великому князю. Архиепископ же, видя людей в беде находящимися, сказал к ним: «Дети мои, за ваше непослушание невозможно мне предстать пред очами, прийти к господину моему великому князю, за ваше преступление, а за свое согрешение. Но милостив есть, иду молить его, да простит нам зло сие, которое не только измена ваша к нему, но и руку вашу подняли против него». И так пошел к великому князю, а с ним посадник, и тысяцкие, и люди зажиточные по своему их обычаю. Архиепископ же Евфимий пришел к великому князю и начал челом бить ему и молить его за его вотчину за Новгород; а прежде бил челом братии его и боярам. Князь же великий, послушав моления богомольца своего архиепископа Евфимия, и братьи своей, и бояр своих, и тех новгородцев, которые пришли с архиепископом, пожаловал их. А за свое беспокойство взял у них князь великий десять тысяч гривен новгородских серебряных, а еще взяли братия и бояре его. И послал бояр своих в Новгород, и привели весь Новгород к целованию, что им быть у великого князя в послушании, а его лиходеев и изменников у себя не держать. И так возвратился князь великий на Москву.

Умер Иоанн рязанский. Кн. Василий рязанский в Москву. В ту же весну преставился князь Иван Федорович рязанский в чернецах, и наречен был Иона; а незадолго до того княгиня его преставилась. Княжение же свое Рязанское и сына своего Василия доверил великому князю Василию Васильевичу на сохранение. Князь же великий Василий и сына его и с сестрою его Феодосией взял к себе на Москву, а на Рязань послал наместников своих на охранение, и на прочие грады его, и на волости; а сын его тогда был восьми лет.

Кн. Василий боровский взят. Кн. Иван в Литву. В тот же год июля в 10 день взял князь великий князя Василия Ярославича на Москве и послал его в заточение на Углич; а сын его Иван от первой жены и княгиня его другая бежали в Литву.

6966 (1458). *Родился Иоанн IV. Умер еп. Евфимий новгородский. Война на Вятку.* Погорел град Муром, кремль весь, месяца

сентября в 29 день. Октября в 20 день в час ночи загорелось на Москве внутри града близ Владимировой церкви Ховрина и много погорело, до третьей части града, а прочее Бог сохранил. Той же зимой февраля в 15 день в среду на Федоровой неделе, когда начали часы петь, родился великому князю Иоанну сын и наречен был Иоанн. Той же зимой преставился архиепископ Великого Новгорода Евфимий. В тот же год посылал князь великий рать свою на Вятку с князем Семеном Ряполовским, и нисколько не преуспев, тот возвратился. В тот же год создана была на Москве церковь каменная Введения в храм пречистой Богородицы на Симоновском подворье у Никольских ворот.

6967 (1459). *Татары на Русь. На Оке побиты. Еп. Иона новгородский. Война на Вятку. Орлов, Котельнич взяты.* Татары Седи-Ахматовы, похвалившись, на Русь пошли. И князь великий Василий отпустил против них к берегу сына своего великого князя Иоанна со многими силами. Пришли же татары к берегу, и не пропустил их князь великий, и бился с ними, они же побежали. И той ради похвалы Иона митрополит поставил церковь каменную Похвалы пречистой Богородицы, придел к алтарю соборной Пречистой возле южных дверей. Месяца февраля поставлен был на архиепископию Новгороду Великому священноинок Иона митрополитом Ионою с епископами русскими. В тот же год посылал князь великий рать свою на Вятку, князя Ивана Юрьевича, да Ивана Ивановича, да князя Дмитрия Ряполовского со многою силою. Они же, придя, взяли два городка, Орлов и Котельнич, а прочих привели к целованию за великого князя; и так возвратились.

6968 (1460). *Князь великий в Новгород. Кн. Юрий во Пскове. Меч. Война с немцами.* Ходил князь великий к Новгороду Великому миром, а с ним сыновья его князь Юрий да князь Андрей старший. Новгородцы же воздали князю великому честь великую и сынам его. А из Новгорода послал князь великий сына своего Юрия во Псков в неделю Сыропустную, ибо поскольку обидели их немцы. Пришел же князь Юрий, приняли его псковичи с великою честью, и посадили его на престоле во святой Троице, и дали меч в руки его князя Далмата, и многие дары дали ему. Князь же Юрий послал рать свою на немецкие места воевать. Слышали же немцы, что прислал на них князь великий сына своего со многою силою, и послали послов своих к князю Юрию, и добились ему челом, а со псковичами смирились на всей воле псковской. Князь великий пришел из Новгорода на Москву марта 9 дня, на память святых великомучеников 40, которые в Севастии, а князь Юрий пришел из Пскова в пяток апреля 4 дня, 6 день недели, канун субботы воскресения Лазарева.

Бури. Июня в 13 день в 6 час дня с западной стороны была туча страшная и грозная весьма и темная и буря весьма очень

сильная; люди же все в отчаянии были, бегали, кому бы где избавиться от такового страха, ибо поскольку весьма темно было, и вихрь страшный был, от страшной круговерти земной ни прозреть нельзя было. Люди же начали молить Господа Бога, и через малое время туча пробежала чрез град, и была тишина и светлость, как и ранее. На следующее же утро в 14 день тишина была великая чрез весь день. После вечерни же, уже 15 час был, вошла туча весьма грозная с полуденя, как мякина, со страшною бурей и сильным вихрем; молния же столь великая, что земля и храмы все, как пламень, виделись, и гром страшный весьма превеликий был. Сильная же та буря многие церкви поколебала и каменные, храмы же многие во граде Москве ободрало и верхи снесло, а градные забрала разбросало и разнесло. А по селам и по волостям многие церкви, с основания снимая, отбросило далеко и отнесло, также и храмины многие разорило, разметав. А леса старые и боры, и раменье, и дубы великие с корнями вырывало, а у иных верхи сломало, других же до половины, иных же до трети и под самый корень, хотя которые весьма толсты были. Люди же все во унынии и в печали многой были, и за жизнь боялись, и не могли ничего на пользу себе сделать, но только друг от друга прощения просили принять. Но таково было человеколюбие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что нигде же никакого человека ничем не повредило, ни в городах, ни в селах, ни на пути, ни на поле; если кои в храмах тех были, которых разбросало, или по падении древ тех, но все его человеколюбием спасены были. Ибо сие наказание было от Господа нашего Иисуса Христа на нас грешных, чтобы да прекратились такое от зол наших и научились бы мы творить волю его. Пред зорею же утреннюю прекратилась буря оная, и громы, и молний блистания, и была тишина, как и прежде.

Затмение солнца. В тот же год и месяц в 18 день в пяток в 2 часа дня начало гибнуть солнце и было, как луна 5-ти дней; когда же миновал четвертый час, было полно, как и прежде. А в тот же месяц в ночи месяц гинул.

Хан Ахмут к Рязани. В тот же год безбожный хан Ахмут Большой орды приходил со всею силою под Переславль Рязанский и стоял под ним 6 дней во Успение пречистой Богородицы. Многие же ранения получили воины его от горожан, убиты были многие и раненые, и нисколько не преуспев у града того, со срамом отступил от него и отошел в Поле. В тот же год поставлена на Москве церковь каменная Божоявления игуменом Троицкого Сергиева монастыря.

1461. Смерть кн. Бориса тверского. В год 6969 (1461) в феврале преставился князь великий Борис Александрович тверской, и сидел после него сын его Михаил во Твери.

Умер митр. Иона. Война с Казанью. Той же весною марта в 31 день в 2 час во вторник Страстной седмицы преставился преосвященный Иона, митрополит всяя Руси, и положен был в соборной церкви Успения пречистой Богородицы на Москве за левым клиросом против священных митрополитов Киприана и Фотия, прежде него бывших; князь ж великий не был тогда на Москве, но во Владимире был, ибо сражался тогда с ханом казанским.

Митр. Феодосий. Власть великого князя в избрании. Той же весною поставлен на митрополию архиепископ ростовский Феодосий владыками русскими нашей земли Московской: суздальским Филиппом, рязанским Евфросимом, коломенским Геронтием, сарайским Вассианом. А новгородский архиепископ Иона и тверской владыка прислали послов с грамотами своими, говоря так: «Кого восхочет Господь Бог и пречистая мать его, и великие чудотворцы, и господин наш князь великий Василий Васильевич, и братия наша епископы русские, и который с ними священный собор, тот наш митрополит». И подписались все заедино.

В тот же год князь великий Василий поставил на Москве церковь каменную Рождества Иоанна Предтечи у врат Боровицких, а прежде была деревянная. Говорят же, что то первая церковь на Москве, на том де месте бор был, и та церковь в том лесу срублена, а также что была соборной церковью при Петре митрополите, и двор митрополитов тут же был, где ныне двор князя Ивана Юрьевича.

В тот же год князь великий пошел к Владимиру, желая идти на казанского хана. Когда же был во Владимире, тут пришли к нему послы из Казани и взяли мир и братство.

1462. В месяце январе в монастыре святого архангела Михаила, честного его чуда, у гроба святого чудотворца Алексия прощен был чернец того же монастыря, именем Наум, который от младенчества имел усохшую ногу и на деревянной ходил, служил в том же монастыре в поварне и в пелконице. Тогда же пришел в ночи к образу святого, который написан у гроба святого, и начал молить святого и, понося святому, говорил: «Многие чудеса, исцеление многим дает тобою Бог, я же многие годы от младенчества моего работаю в обители твоей братьи, и меня не помилуешь». И в тот час вытянулась нога его, и скинул деревянную, на которой ходил, и отошел здоровым в келью свою, в которой прежде был. Той же зимой преставился епископ рязанский Ефросим Звенец, и поставлен был вместо него епископом Рязани Давыд, который прежде был казначеем Ионы митрополита, февраля в 1 день.

О преставлении вел. кн. Василия Васильевича. Той же зимой многие дети боярские князя Василия Ярославича задумали было, и целовали крест между собой, как бы им, придя спешно к Угли-

чу, изъять князя своего и бежать с ним. Уведал же о совете их великий князь, и повелел всех брать и казнить, бить кнутами, сечь руки и носы резать, а иным головы отсекаль. Тою казнью казнили главною Володю Давыдова, Парфена Бреина, Луку Подсиваева и иных. А в то ж время, в пяток на Федоровой неделе, князь великий думал, что у него сухотная болезнь, повелел жечь себя, как есть обычай болящим сухотною болезнью; и повелел ставить, зажигая трут тот на многих местах по много же раз, и не было ему никакой болезни, ибо тогда и не боялись того. Когда же разгноились раны оные, стала ему болезнь тяжкая, и восхотел в чернецы постричься, и не дали ему воли. И в той болезни преставился месяца марта в 27 день в субботу в 3 час ночи. Во утро же дня воскресного погребен был в церкви святого архангела Михаила в Москве, там где все великие князи рода его лежат. И сел после него на великое княжение по его благословению сын его старший князь великий Иоанн. А сыну своему другому, князю Юрию, дал Дмитров, Можайск, Серпухов, и прочие все волости, и села, и казну, чем его благословила баба его великая княгиня София. А князя Андрея старшего благословил, дал ему Углич, Бежецкий Верх, Звенигород и многие иные волости и села. А князю Борису дал Волок Ламский, Ржев да Рузу и все волости и села прабабки его Марии Голтыевой по ее приказу. А младшему князю Андрею дал Вологду со всем да Озерье и к тому иные волости и села многие. А казну свою всю, и Романов городок, и что есть волостей и сел во всем великом княжении, что бывало за великими княгинями прежними, и что сам взял у кого у изменников великое множество, и что прикупил, то все дал своей великой княгине Марии.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

57. ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ

1462. *Раздел. Юрий угличский. Андрей вологодский.* В год 6970 (1462), от рождества же Господа Спаса нашего 1462, марта 27 дня после смерти великого князя Василия Васильевича по его благословению воспринял престол государства Русского старший сын его Иоанн Васильевич. Братья же младшие по завещанию отцову приняли уделы свои: князь Юрий Васильевич Углич, Бежецкий Верх; второй, Борис, Звенигород; третий, Андрей, Вологду со всем Заозерьем; и так пребывали в любви и согласии.

6971 (1463). Послал князь великий наместников своих в Новгород Великий. Затем послал киличеев своих к хану в Орду с дарами многими. Хан же принял дары, прислал своего посла в Москву к великому князю.

6972 (1464). *Брак Василия рязанского.* Князь великий Иоанн Васильевич и мать его великая княгиня Мария отпустили князя Василия Ивановича рязанского на его вотчину княжение Рязанское. И той же зимой приехал он в Москву и женился, взял сестру великого князя Анну; и венчан был в соборной церкви Успения Богородицы января [...] дня, и в ту же седмицу возвратился с княгинею в Рязань.

Марта 4-го митрополит Феодосий поставил в митрополиты Иосифа иерусалимлянина, брата патриарха иерусалимского. Патриарх же оный, придя в Москву милостыни ради, преставился в пути во граде Кафе. Ему же и всему христианству во Иерусалиме была от султана египетского истома великая, и тот Иосиф восхотел быть на его месте патриархом. Сего ради, собрав милостыню многую, возвратился, но не дошел до земли своей.

6973 (1465). *Еп. Трифон суздальский.* Сентября 13 дня Феодосий митрополит, оставив митрополию, сошел в монастырь к Михайлову Чуду. Князь же великий созвал братию свою и всех епископов земли Русской, а также архимандритов, игуменов и протопопов, и всем священным собором по соизволению великого князя избрали в митрополиты Филиппа, епископа суздальского. Бывшие же на поставлении его епископы: ростовский архи-

епископ Трифон, добрянский епископ Евфимий, рязанский епископ Давид, коломенский Геронтий, сарайский Вассиан; те же, которые не пришли, те прислали послов и грамоты свои; и подписались все об избрании, поставили его ноября 1 дня. А Трифону добрянскому дали Суздаль.

6975 (1467). Апреля 22 преставилась великая княгиня Мария тверянка великого князя Иоанна Васильевича и положена в церкви Вознесения. В тот же год Трифон ростовский оставил епископство и пошел в монастырь. Тогда обновлена была церковь Вознесения каменная великою княгинею Мариею Василия Васильевича; а заложена была великою княгинею Евдокиєю Дмитрия Иоанновича за 62 года, и тут положена была в тот же год. И после многих лет начала завершать великая княгиня София и достроила до конца, но от пожара повредилась, камни опали и своды сдвинулись, и сего ради обделали ее кирпичом обожженным.

6976 (1468). Князи казанские завраждовали между собою, и хана Ибрагима некие не любили, иные Касима султана сольстить хотели. И князь Абдул-Мамон с прочими князьями прислали от себя послов к Касиму просить его на ханство Казанское. Он же, не опознав лести их и уведав втайне от иных казанцев, как и сколько на то совещались, поверил им и начал просить о помощи великого князя. Князь великий не ведал о том, но веря Касиму, послал к нему князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и прочих воевод с воинствами своими. И султан Касим пошел с ними со своими мещерскими и городецкими татарами. И когда приехал к Волге, там, где решено было перевозиться через Волгу на луговую сторону, тут встретил его хан казанский Ибрагим со всеми князьями и мною силою казанскою и не дал ему перевозиться на свою сторону. Касим же стоял многие дни, а так как осень студена была и слякотна, начал корм людям и коням оскудевать, и так, не преуспев нисколько, возвратился. Тогда многие в посты мясо ели, и многие кони умерли от голода, многие из них доспехи свои побросали, но сами все здоровые восвояси пришли. А татары казанские после отхода их с того часа пошли спешно к Галичу, думали всех попленить, видеv здесь воинство, думали язычники там пусто обрести. И придя, мало нечто полона взяли, а градам и волостям не могли ничто зло сотворить, поскольку все были осторожные и в осадах по градам, потому что князь великий, отпустив войска и не поверив татарам, разослал по городам заставы, в Муром, и в Новгород Нижний, и на Кострому, и в Галич, и велел им сидеть в осаде, стеречься от Казани.

Той ж осенью князь великий Иоанн послал на черемису князя Семена Романовича, а с ним многих детей боярских двора своего; и совокупившись, все пошли из Галича декабря в 6 день, и пошли лесами без пути, а зима была весьма студена.

Декабря 13 поставлен Ростову архиепископ архимандрит спасский Вассиан, а прежде был игуменом троицким. Рать же великого князя пришла в землю Черемисскую, и много зла учинили земли той; людей иссекли, а иных в плен повели, а иных сожгли; а коней их и всякую животину, чего нельзя с собою брать, то все иссекли; а что было имущества их, то все взяли; и повоевали всю землю тут, вдоволь пожгли. А до Казани не доходили за один день и, возвратившись, пришли к великому князю января 6 дня все здравы. А муромцам и новгородцам велел князь великий воевать по Волге, и те, придя, повоевали горы и пристаны по обе стороны.

Той же зимой князь великий за три недели до Великого заговенья пошел к Владимиру, а с ним братья его князь Юрий да князь Борис, да сын его князь Иван, да князь Василий Михайлович верейский, и все князи их, и бояре, и воеводы со всеми людьми. А князя Андрея старшего оставил князь великий на Москве, да и другого князя Андрея младшего.

Той же весной в Великое говенье пришел на Москву посол от короля Казимира польского Якуб писарь да Ивашенец, и князь великий велел ему приехать в Переславль. А сам из Владимира с сыном поехал к Переславлю, а братию и всех людей оставил во Владимире; и пришел в Переславль, посла отпустил и возвратился опять к Владимиру.

А татары казанские в ту же весну, придя, взяли Кичменгу и зажгли; князь же великий послал перехватить их. Пришел великий князь на Москву в пяток Великий в вечере. И той же весной после Великого дня князь великий многих детей боярских двора своего послал на Каму воевать места Казанские: с Москвы к Галичу Руна с казаками, а из Галича детей Семена Филимонова: Глеба, Ивана Шусту, Василия Губу; и пошли с вологжанами в судах мая 9 дня к Устюгу. А с Устюга пошел князь Иван Звенец с устюжанами, а Иван Игнатьевич Глухой с кичемжанами, и снялись все вместе на Вятке под Котельничем. И оттуда пошли с ними вятичи не многие, и была весть вятчанам, что идут на них казанцы, и возвратились назад к Вятке, и сотни с три их пошли с воеводами великого князя. Казанцы же пришли со многою силою к Вятке, и не возмogli вятчане противиться им, и передались за казанского хана Обреима. А воеводы великого князя повоевали черемису по Вятке реке, и пошли из Вятки по Каме на Низ, и воевали до Тамлуги, и гостей побии многих, а товару у них взяли много; ходили до перевоза Татарского, да опять возвратились вверх, воюя Казанские же места; и в Белую Волошку ходили воевать. А в то время казанские татары, двести человек, воевать пошли и дошли до той ж Волошки на конях и, побросав тут коней у черемисы, пошли из Волошки в судах вверх по Каме. А рать ве-

ликого князя пришла и тут черемису повоевали, а людей иссекли, и коней, и всякую животину; и тех татар коней иссекли, которые пошли вверх по Каме, и пошли за теми татарами по Каме. И когда услышали, что уже близ пришли тех татар, и стали воеводы, избрали все, каждый же от своих людей, семь насадов, и отпустили с ними воеводу Ивана Руна; они же догнали татар. Увидев их, татары выскочили на берег. Руно же повелел своим за ними же на берег выйти, а татары забежали за речку и начали биться. Милостию же Божиею начали одолевать христиане, и перешли на татар за речку ту, и так побили их, и воеводу их Тулазия, князя Тархана сына, взяли, да другого бердышника, а прочих всех побили. А руси на том бою двух человек убили, а раненых было шестьдесят человек, но милостию Божиею все живы. И пошли оттуда на Великую Пермь да к Устюгу, и так пришли к Москве все поздорову; а татар привели полоненных к великому князю.

Мая в 23 день в час ночи загорелся посад на Москве, горело вверх по рву за Богоявленскую улицу мимо Всеяковых дворов, от Богоявленской улицы по Иоанна святого на пять улиц, от Иоанна святого на Подол по Васильевский луг, да на Большую улицу на Вострый конец и по самую реку, да по Кузьму и Дамиана на Востром конце. Истомно ж тогда было и внутри города, поскольку встрено было и вихрь многий; но Бог сохранил его.

Кн. Хрипунов. Татары побиты. Июня 4 из Новгорода Нижнего застава великого князя, князь Федор Хрипунов с москвичами, пошла на Волгу и побила татар казанских, двор ханский, многих добрых; тогда убили князя Колупая, а князя Хозюмбердея, поймав, привели к великому князю на Москву.

6977 (1469). *Посол из Рима.* Февраля в 11 днь пришел из Рима от кардинала Виссариона грек, Юрий именем, к великому князю с листом, в котором писано было, что «есть в Риме деспота аморейского Фомы Ветхословца от царства Константинограда дочь его, именем София, православная христианка. Если хочешь взять ее, то я учиню ее в твоём государстве. А присылали к ней король французский и князь великий меделянский, но она не хочет в латинство». Тогда пришли и фрязи: Карл именем, Ивану фрязину, московскому денежнику, брат старший, да племянник, старшего их брата сын, Антон. Князь же великий внял себе слова сии в мысль, и подумав о сем с митрополитом Филиппом, и с матерью своею, и с боярами, и в ту же весну марта в 20 день послал Ивана фрязина к папе Павлу и к тому кардиналу Виссариону и царевну видеть. Он же дошел туда к папе, и царевну видел, и с чем послан, то к папе и кардиналу Виссариону изложил. Царевна же, слыша, что князь великий и вся земля его в православной вере христианской сияет, восхотела за него. Папа же князя великого посла Ивана фрязина много чествив, отпустил его

к великому князю с тем, что дать ему царевну, но да пришлет за ней бояр своих. А листы свои папа дал Ивану фрязину таковые, что послам великого князя ходить свободно два года по всем землям, которые под его папежством присягают к Риму.

6978 (1470). *Вятчане отрекаются. Вольница на войну. Новгород Старый. Руно. Рознежа. Чебоксары. Войска к Казани. Остров Коровий. Ирихов остров. Татары побиты. Татары побиты. Русские побиты.* После Великого дня на другой неделе послал князь великий на Казанские места рать в судах, воеводу Константина Александровича Беззубцева, а с ним многих детей боярских двора своего, также и от всей земли своей детей боярских, изо всех городов своих, изо всех вотчин братии своей по тому же. А с Москвы послал сурожан, и суконников, и купчин людей знатных, и прочих всех москвичей, которые пригожи, по их силе, а воеводу над ними поставил князя Петра Васильевича Оболенского. И те пошли Московю рекою к Новгороду Нижнему. А коломнич и все, которые выше их по Оке, Окою рекою пошли, и муромцы также, а владимирцы и суздальцы Клязьмою, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и прочие все поволжане Волгою к Новгороду же. И сойтись положили на один срок, и сошлись все те в одно место в Новгород. А к Устюгу послал князь великий воеводу своего князя Даниила Васильевича Ярославского да с ним своего двора детей боярских: Ивана Гавриловича, Тимофея Михайловича Юрла, Глеба, Василия, Семеновых детей Филимонова, Федора Борисовича Брюха, Салтыка Травина, Микиту Константинова, Григория Перфушкова, Андрея Бурдакова; а с Вологды воевода Семен Пешек Сабуров с вологжанам. И придя на Устюг, пошли в судах к Вятке, а устюжане с ними же; и придя к Вятке, начали вятчанам говорить словами великого князя, чтобы пошли с ними на казанского хана. Они же сказали к ним: «Изневолил нас хан, и правое свое дали мы ему, что нам не помогать ни хану на великого князя, ни великому князю на хана». А в ту пору был на Вятке посол казанского хана, и тот послал весть к Казани, что от Вятки идет рать великого князя судовая, но не во многом числе. А Константин Беззубцев, со всеми предписанными воинами совокупившись, стояли в Новгороде Нижнем; и прислал князь великий грамоту свою, веля ему самому стоять в Новгороде, а которые под ним дети боярские и прочие все войско восхотят, тех повелел ему отпустить воевать места Казанские. Он же прочел грамоту и разослал за всеми бывшими под ним. Сошлись же к нему все князи и воеводы, и сказал им, что прислал к нему князь великий грамоту «и велел всем вам, кто восхочет, идти воевать Казанские места по обе стороны Волги, а мне велел здесь в Новгороде быть. И вы пойдите, а к городу Казани не ходите». То слышав, воины вели-

кого князя сказали воеводе своему Константину: «Все хотим на окаянных татар, и за святую церковь, и за своего государя великого князя Иоанна, и за все православное христианство». И пошли все, а Константин остался в Новгороде. И пошли из Оки под Новгород под Старый, и стали под Николою на Бечеве, и, выйдя из судов, пошли в город к старой церкви Преображения Господня; оттуда сойдя, также и у святого Николы молебны сотворили и милостыню дали, каждый их по их возможности. После сего же совокупившись все заедино, начали мыслить в себе, кого поставить воеводою, чтобы одного все слушались; и много думав, избрали себе по своей воле Ивана Руна. И в тот же день отплыв от Новгорода 60 верст, ночевали; а на следующее утро обедали на Рознеже, а ночевали на Чебоксарах. А от Чебоксары шли день весь, да и ночь ту всю шли, и пришли под Казань на ранней заре мая 22 в неделю Пятидесятницы. И выйдя из судов, пошли на посад, а татары казанские еще все спали, и повелели трубить, а татар начали сечь, и грабить, и в плен брать; а что полон был тут на посаде христианский, московский, рязанский, литовский, вятский, устюжский, пермский и иных прочих городов, тех всех разполонили; а посады их все со всех сторон зажгли. Многие же басурманы и татары, не желая дать в руки христианам, а большее жалея о многом богатстве своем, запирались над своим добром в храмах и с женами, и с детьми, и со всем, что у них ни есть, и сгорели. Погорели же посады, и рать отступила от града, а уже и истомились они весьма, и все, придя в суда свои, отошли на остров Коровий и тут стояли семь дней. И тут пришел к ним из Казани полоняник коломятин, сказывая им, что подлинно собрался на них хан казанский Обреим со всею землею своею. Камскою, и Сыплинскою, и с Костяцкою, и с Беловолжскою, и Вотяцкою, и Башкирскою, и «быть ему на вас на ранней зоре судовою и конною ратью». Слышав то, воеводы великого князя и все воины его начали отсылать от себя молодых людей с большими судами, а сами остались позади на берегу оборонять тех, а повелели им стать на Ирихове острове на Волге, а на узкое место не ходить. Они же, не послушав, пошли на узкое место в больших судах, и тут пришли на них татары на конях и начали стрелять, желая побить их; они же, против них стреляясь, отбивались от них. А судовая рать татарская, лучшие князи и люди, пошли на великого князя рать на судовую же, словно принести себя в жертву желая, ибо немногих видели их оставшихся. Сии же, не убоявшись, пошли против татар, хотя тех и много было, и, много бившись, прогнали татар до самого города Казани под стену; и возвратились оставшиеся, пришли на Ирихов остров и совокупились тут вместе с большими судами. Когда же стояли они на том острове, тут пришел к ним Константин Александрович Беззубцев, воевода их

старший. Придя же, послал к Вятке великого князя словом говорить вятчанам, чтобы пошли к Казани ратью, а срок им учинил от того дня три с половиной недели стать под Казанью. Вятчане же отвечали: «Коли пойдут братья великого князя, тогда пойдём и мы». Константин же за тот срок со всею силою стоял другие три с половиной недели, а от великого князя воевод и от вятчан не было к ним никакой вести; а у них начало уже корму не доставать, ибо не много с собою запаса имели, поскольку шли спешно. И пошел Константин со всеми воинами с Ирихова к Нижнему Новгороду вверх. Гребли же они день тот и на следующее утро до полуутра, и тут встретила их ханша Касимова, мать казанского хана Обреима, и начала говорить воеводам великого князя: «Князь великий отпустил меня к моему сыну со всем добром и с честью, и потому уже не будет никакого лиха меж нами, но все добро будет». И поплыла мимо их, а сии вверх пошли; и придя на Звенич, ночевали тут с субботы на воскресенье. И в полуутро в воскресенье повелели себе обедню служить бывшим с ними священникам, и отслушав обедню, хотели сесть есть, а у иных церквей еще не успели и обедни отслушать, и в то время пришли на них казанские татары, все князи и вся земля их судовою ратью и конною по берегу. Видев же то, воеводы великого князя и все воины его пошли в суда свои и погребли против судовой рати татарской, и начали биться с ними. И одолели христиане татар, те же бежали к берегу, там где конная рать их была. Конные же татары начали с берега наших стрелять, и русские отступили от них к своему берегу; а на судах татары опять возвратились за ними же; русские же, обратившись, прогнали их снова к своим. И так бились весь день тот до самой ночи, и разошлись каждый на свой берег ночевать. И после того князь Федор Семенович Хрипун, Ряполовских князей, побил татар на Волге июня в 4 день. Тогда же была сеча злая на долгое время на устье Камы с устюжанами и великого князя дворянами татарам казанским. И множество тут убито было от обоих; тогда же убили Никиту Константиновича, а Юрла Плещеева в плен взяли и его товарищей, прочие же устюжане пробились под Новгород.

В тот же год князь великий Иоанн Васильевич всея Руси послал братию свою, князя Георгия, и князя Андрея старшего, и князя Василия сына князя Михаила Андреевича, и иных своих воевод со многими людьми на конях ратью к Казани.

6979 (1471). *Война на Казань*. Сентября в 1 день князь Юрий Васильевич со всеми воинами московскими пришел под Казань, и судовые рати пошли пешими к граду. Татары же выехали из града и, побившись мало, бежали во град. Русские же погнали их, и стали под городом, и отняли у них воду. Хан же Обреим, видя себе в великой беде, начал посылать послов своих к князю Юрию

Васильевичу, и добил челом, и мир взят на всей воле великого князя. И возвратились на Москву со всем воинством.

Знамение. 4 солнца. Апреля 15 дня в неделю Цветоносную после вечерни в 12-й час дня было знамение в солнце: явился круг на небе, одним краем посреди неба, а другой спускался к западу; та же половина круга того, которая к западу, изнутри червлена была, а около зелено, до половины круга того вверх по краям, как бывает дуга на небе, тем цветом; а другая половина, которая вверх, та бела. А под кругом тем две дуги тем же образом, изнутри зелено, а внутри червлено; до самого запада на середине дуг тех солнце бывшее уже близ к западу шло; а меж дуг под самым кругом словно два рога, один концом на юг, а другой на север; а между ними словно солнце сияло светлое, и стояло над настоящим солнцем прямо; а на низ от того солнца меж рогов, промеж же дуг, по обе стороны по солнцу против настоящего солнца. И так два часа видеть было можно. И потом круг и дуги изогнулись, а те три солнца необычные сошлись вместе, и стало одно, и шло за настоящим солнцем повыше его, и зашли вместе, прежде настоящего. А то необычное знамение от мокроты аера (воздуха) было, говорят. Около же круга, который был краем посреди неба, по обе стороны его повыше красно было, но вверх не сходилось, а вниз до полукруга концы их. Сие же знамение видели многие на Москве; в прочих же городах нигде же того не видели и нисколько не говорят.

Женился Андрей угличский. Той же весною мая в 27 день в неделю о Слепом женился князь Андрей Васильевич угличский на Москве, взял княжну Елену, дочь князя Романа Мезецкого; а венчал их Филипп митрополит.

В тот же год месяца августа в 30 день, на исходе второго часа, загорелась Москва внутри града на Подоле близ Константины и Елены от двора Богдана Носова; до вечерни горело, и выгорело все, ибо поднялся тогда и ветер сильный с полуночи. И за рекою многие дворы погорели, а иные отнимали; а головни и бересту с огнем весьма далеко носило, за много верст. А князь великий был тогда на Коломне. Остался же тогда в городе двор княжий Ивана Юрьевича, да племянников его два двора, да Ирины Алексеевны, ибо оттуда ветер тянул.

Король Казимир послал в Большую орду к хану Ахмату татарина Кирея Кривого; а тот Кирей бежал к королю от великого князя Иоанна, и был он холоп великого князя купленный. Пришел же тот Кирей к хану, начал многие речи лживые и наговоры от короля на великого князя говорить и многие дары принес к нему, также и к князям его к Темиру и прочим от короля, и челом бия. говорил: «Чтобы вольный хан пожаловал, на великого князя русского пошел со всею Ордою своею, поскольку многая истома зем-

ли моей от него». А князь Темир и прочие после же одоления короля над великим князем подучали хана. Но не сбылась мысль окажных, поскольку хотению Божию человек препятствия учинить не может. Хан же тот год весь держал Кирея у себя, ибо не было ему с чем отпустить к королю его, иных ради зацепок своих.

Умер Иона пермский. Умер еп. Иона новгородский. Той же осенью преставился епископ пермский Иона. Той же осенью месяца ноября в 5 день на память святых мучеников Галактиона и Епистимии преставился архиепископ Иона Великого Новгорода и Пскова, и положили тело его в его монастыре в Отней пустыни.

Избрание епископа. Новгородцы же по старине, каков был обычай у них, сотворили вече и начали избирать от священноинок на архиепископию. И избрав трех, метнули жребия, и пал жребий на некоего священноинка, Феофила именем, и возвели его на двор архиепископов. И послали к великому князю Иоанну Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бить челом и позволения просить, чтобы нареченному их чернецу Феофилу пожаловал и велел быть к себе на Москву и поставить бы его велел своему отцу Филиппу митрополиту на архиепископию Великого Новгорода и Пскова, как и прежде сего было при прежних великих князях. Князь же великий по их челобитью и прошению несколько к прежнему не промышляя, но милость проявляя, посла их, почтив, отпустил со всем, о чем ему бил челом от всего Новгорода, ответ дав ему такой: «Поскольку вотчина моя Великий Новгород и прислали ко мне бить челом о том, что взял Бог отца их, а нашего богомольца, архиепископа Иону, а избрали себе по своему обычаю по жеребью священноинка Феофила, я их, князь великий, жалую того нареченного Феофила и велю ему быть к себе на Москву к митрополиту Филиппу стать на архиепископию Новгорода и Пскова безо всяких зацепок, но по прежнему обычаю, как было при отце моем великом князе Василии, и при деде моем, и при прадеде, и при прежде бывших всех великих князях, которых мы род, Владимира и Новгорода Великого и всея Руси».

Марфа посадница. Смятение новгородцев. Новгородцы к Литве. Пришел же посол их Никита Ларионов в Новгород, и сказал им про милость великого князя. Многие же там бывшие люди лучшие, посадники их, и тысяцкие, и богатые люди, весьма о сем рады были, и тот нареченный их Феофил. Но некоторые из них, посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими иными изменниками, наученные диаволом, которые горше бесов были прелестники на погибель земли своей и себе на пагубу, начали нелепое говорить и развращенное и, на вече приходя, кричать: «Не хотим за великого князя московского, ни зваться вотчиною его. Вольные мы люди Великого Новгорода, а московский князь великий много нам обиды и неправды чинит;

но хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира». И так возмутился весь град, и шатались, как пьяные: иные же хотели по старине за великого князя к Москве, а другие за короля к Литве. Тогда же изменники начали нанимать худых мужиков вечников, которые на то завсегда готовы по их обычаю, и, приходя на вече, звонили всегда в колокола и, крича, говорили: «За короля хотим». Иные же говорили к ним: «За великого князя хотим московского по старине, как было прежде сего». Наймиты же изменников тех камни бросали на тех, которые за великого князя хотят. И велико неустроение было в них, и меж собой ратью ходили, сами на себя восставая. Многие же из них, старые посадники и тысяцкие лучшие люди, также и зажиточные люди говорили к ним: «Нельзя, братцы, тому так быть, как вы говорите, за короля нам даться и архиепископа поставить от его митрополита, латинянина по сути. А изначала вотчина мы тех великих князей, от первого великого князя нашего Рюрика, которого по своей воле взяла земля наша из варяг князем себе и с двумя братьями его; потом же правнук его князь великий Владимир крестился и все земли наши крестил: Русскую, и нашу Славянскую, и Мережскую, и Кривичскую, и Весь, иначе говоря Белоозерскую, и Муромскую, и Вятичи, и прочие. И от того великого князя Владимира даже и до сего господина нашего великого князя Иоанна Васильевича за латинами мы не бывали и архиепископа себе не поставляли от них, как вы ныне хотите ставить от Григория, называющегося митрополитом Руси, а ученик тот Исидоров, по сути латынин». Те же развратники, как и прежние еретики, научаемые диаволом, желая на своем настоять и на благочестие дерзнуть, а князю великому не желая покориться, одинаково вопили: «За короля хотим». А другие говорили: «К Москве хотим, к великому князю Иоанну и к митрополиту Филиппу в православие». Злодейцы же оные, противники православия, Бога не боящиеся, посла своего послали к королю с подарками многими, Панфила Селифантова да Кирилла сына Ивана Макарьина, говоря: «Вольные мы люди Великого Новгорода бьем челом тебе, честному королю, чтобы ты государь нашему Великому Новгороду и нам господин был, и архиепископа вели нам поставить своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из своей державы». Король же принял дары их с любовью, рад был речам их и, много чтив, посла их отпустил к ним со всеми теми речами, чего хотели, и послал к ним князя Острожского Михаила, Олелкова сына, воеводы киевского. Новгородцы же приняли его честно, заместников же великого князя не сослали с Городища; а что был у них князь Василий, Горбатого брат, суздальских князей, того послали в Заволочье в заставу на Двину.

Увещание великого князя. Слышал же сие князь великий Иоанн Васильевич, что в вотчине его Великом Новгороде возмуще-

ние великое, и начал посылать к ним послов своих, говоря такое: «Вотчина вы моя, люди новгородские, изначала от дедов и прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого князя в земле вашей. И от того Рюрика даже и до сего дня знали вы один род великих князей, прежде киевских, до великого князя Дмитрия Юрьевича Всеволода владимирского, а от того великого князя даже и до меня род их. Мы владеем вами и жалуем вас и обороним отовсюду, да и казнить вольны же мы, когда на нас не по старине смотреть начнете. А за королем ни за которым, ни за великим князем литовским не бывали вы, как и земля ваша стала, и нынче от благочестия отступаете к латинству чрез крестное целование. А я, князь великий, некоторые силы над вами, ни тягости не чиню, ни налагаю выше того, как было при отце моем великом князе Василии Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князях рода нашего, но еще и милость к вам проявить хочу, к моей вотчине».

То слышали новгородские люди, бояре их, и посадники, и тысяцкие, и зажиточные люди, которые не хотели древнего своего обычая и крестного целования преступить, рады были все сему, исправиться желая к великому князю по старине. А вышесказанные оные Исааковы дети с матерью своею Марфою и с прочими их поборниками и наймитами своими взбесились, словно звери дикие, бесчеловечный разум имеющие, князя великого послов речей, а также и митрополита Филиппа посла ни слышать не хотели, но еще нанимали злых тех смердов, убийц, шильников и прочих безыменитых мужиков, которые скотам подобные, нисколько разума не имеющие, но только одно кричание, которые, приходя на вече, били в колокол, и кричали, и лаяли, как псы, нелепое говоря: «За короля хотим». И таково было возмущение в них, как в древности во Иерусалиме было, когда предал его Господь в руки Тита, ибо как те тогда, так и сии меж собой брань творили.

Князь же великий, слышав сие, скорбен был и потужил о них немало, так как хотя и не в православии еще были от Рюрика и до великого князя Владимира, но не отступали за иногo государя, а от Владимира даже и до сего дня, его род знали один и правились все великим князем обо всем, прежде Киевским, потом же Владимирским; а сие уже на последних годах все свое изгубить хотят, от христианства к латинству отступая: «Но что сотворить, не ведаю, только положу упование на одном Господе Боге». И много мыслив о сем, возвестил митрополиту Филиппу, и матери своей великой княгине Марии, и бывшим у него боярам, что хочет идти на Новгород ратью. Они же, слышав сие, советовали ему, упование положив на Бога, исполнить мысль свою над новгородцы за их непослушание и отступление. И в тот час князь великий разо-

слал за всей братиею своею, и за всеми епископами земли своей, и за князьями, и за боярами своими, и за воеводами, и за всеми воинами своими. И когда все сошлись к нему, тогда всем возвестил мысль свою, что хочет идти на Новгород ратью, поскольку во всем изменили и никакой же правды не обретается в них ни мало: «Но идти ли на них или не идти? Поскольку летнее уже время, а земля их многие воды имеет около себе, и озера великие, и реки, и болота многие и весьма непроходимые. А прежние великие князи в такое время на них не ходили, а кто ходил, тот людей многих растерял». И мыслили о том не мало и конечное положили упование на Господа Бога, и пречистую мать его, и на силу честного и животворящего креста, который целовав, новгородцы изменили.

И князь великий принял благословение от митрополита Филиппа, а также и от всех святителей земли своей и от всего священного собора, и начал вооружаться, желая идти на них; также и братья его, и все князи его, и бояре, и воеводы, и все воины его. А к Новгороду же послал грамоты разметные за их непослушание, а во Тверь послал к князю Михаилу, помощи прося на новгородцев, и к Пскову послал дьяка своего Якушку Вашбалцова мая 22 дня, на праздник Вознесения Господня, говоря им: «Вотчина моя Новгород Великий отступают от меня за короля, и архиепископа своего хотят поставить им у его митрополита Григория, латыннина по сути; и я, князь великий, иду на них ратью, и целование к ним отложил я. И вы бы, вотчина моя псковичи, посадники, и зажиточные люди, и вся земля Псковская, должны вы к Новгороду отложить целование и идти на них ратью с моим воеводою с князем Феодором Юрьевичем Шуйским или с его сыном с князем Василием». Мая в 31 день послал князь великий Бориса Слепца к Вятке, веля им идти на Двинскую землю ратью же. А к Василию Федоровичу послал на Устюг, чтобы с устюжанами на Двину же ратью пошел и дожидался бы Бориса да вятчан. Месяца июня в 6 день, в четверг на Троицкой неделе, отпустил князь великий воевод своих с Москвы, князя Даниила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича, со многим воинством, с ними же князя Юрия Васильевича и князя Бориса Васильевича дети боярские многие, и велел тем князь великий к Русе идти. Того же месяца в 13 день отпустил князь великий князя Василия Ивановича Оболенского-Стригу со многими воинами, да с ним князей царевичевых Даньяровых со многими татарами, и велел тем идти на Волочек да по Мсте.

После сего князь великий начал по церквам молебны совершать и милостыню многую рассылать по земле своей и по церквам, также во первых пошел по соборным церквам и монастырям и совершил молебны со многими слезами. После того же снова пришел к Филиппу, митрополиту всея Руси, прося благословения

и прощения. Святитель же оградил его крестом, и молитвою вооружил его, и благословил на противных и всех воинов его, как Самуил Давыда на Голиафа. Князь же великий Иоанн Васильевич, приняв благословение от отца своего митрополита Филиппа, и от всех епископов земли своей, и от всех священников, изошел с Москвы месяца июня в 20 день; а с ним царевич Даньяр и прочие воины великого князя, князи его и воеводы многие со многою силою, вооружившись на противных изменников, как прежде прадед его благоверный князь великий Дмитрий Иванович на безбожного Мамаю и на богомерзкое его воинство татарское, так и сей благоверный великий князь Иоанн Васильевич на сих отступников; ибо хотя и христиане назывались, но дела их были горше неверных. Ибо всегда изменяли, крестное целованье преступая, но и горше того начали беситься, как прежде написано: пятьсот лет и четыре в крещении были за великими князьями русскими православными, ныне же на последнее время, за 20 лет до окончания седьмой тысячи, восхотели отступить за короля. Князь великий много о сем посылал к новгородцам отстать от такового начинания, также и митрополит Филипп посылал к ним, наказывая им, как чадам своим, по Господню слову, что сказал во Евангелии: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Люди же новгородские всему тому не внимали, но свое зломыслие творили; то не горше ли сии иноверных? Ибо неверные изначала не знали Бога, не научившись ни от кого православия, первого своего обычая и идолопоклонства держатся; а сии, многие годы быв в христианстве, наконец начали отступать к латинству. И так пошел на них князь великий не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников православия.

Пришел же князь великий на Волок июня 24-го. Также и братья великого князя пошли, каждый их от себя: князь Юрий Васильевич из своей вотчины, а князь Андрей Васильевич из своей вотчины, а князь Борис Васильевич из своей вотчины, князь Михаил Андреевич с сыном своим князем Василием из своей вотчины. А на Москве оставил князь великий сына своего великого князя Иоанна да брата своего князя Андрея младшего. Июня в 28 день пришел князь великий в Торжок; пришли же к нему в Торжок воеводы князя тверского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Никитич Жито, со многими людьми на помощь против новгородцев. Из Пскова в Торжок же пришел к великому князю посол Василий да Богдан с Якушкою Шашебал-

цевым; а присланы с тем, что целование к Новгороду сложили, а сами готовы все. Князь же великий из Торжка послал к ним Богдана, а с ним Кузьму Коробьина, чтобы немедля пошли к Новгороду; а Василия от себя не отпустил. Из Торжка пошел князь великий; братья же великого князя все со многими силами, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленили, и жгли, и людей в плен уводили. Также и князя великого воеводы то же творили, каждый на кои места послан был. Вперед посланные же воеводы великого князя князь Даниил Дмитриевич и Федор Давыдович, идя по Новгородским местам, там где повелено им было, распустили воинов своих на многие места жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости за их непослушание к своему государю великому князю. Дошли же те воеводы до Русы, попленили и пожгли места те; пленив же и пожегши, пошли к Новгороду к реке Шелони. И когда пришли на место, называемое Коростынь, у озера Ильменя на берегу, внезапно без известия пришла на них по озеру рать в судах от Новгорода. И из судов выйдя, пришли тайно под станы их, но при этом оплошали; сторожи ж воевод великого князя, увидев их, возвестили воеводам. Они же в тот час, вооружившись, пошли против них и многих новгородцев побили, а иных руками поймали. Да тем же пойманным повелели самим друг другу носы и губы резать и отпускали их назад к Новгороду; а доспехи с них кидали, снимая, в воду, а иные огню предали, ибо не были им потребны, но и своими доспехами всеми довольны были. И оттуда снова возвратились к Русе в тот же день; в Русе их встретила другая рать пешая, многочисленнее первой вдвое, а пришли рекою Полою в судах чрез Ильмень. Воеводы же великого князя, и на тех придя, побили их. И послали к великому князю с той вестью Тимофея Замыцкого, а примчался к великому князю июня в 9 день на Коломну озеро; а сами воеводы от Русы пошли к Демону городу. Князь же великий послал к ним, веля сниматься и идти за реку Шелонь с псковичами; а под Демоном велел стоять князю Михаилу Андреевичу с сыном своим князем Василием и со всеми воинами своими.

И воеводы великого князя пошли к Шелони. И когда пришли они к берегу реки той, там где брести чрез нее, в ту пору пришла туда рать новгородская против них с другой стороны, от града своего, к той же реке Шелони, великое множество, что и ужаснуться полкам великого князя, поскольку в малом числе были: ибо все воины, бывшие при нем, не ведая про то, в то время пленяли места окрест Новгорода. А новгородские посадники все и тысяцкие, из простых резчики и плотники, и гончары, и прочие, которые от рождения на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, чтоб руки поднять против великого князя, всех тех изменников оные силою выгнали; ибо те не хотели пойти к

бою тому, и они сами тех разграбили и избивали, а иных в реку Волхов бросали. Сами же говорили, что было их 20 000 на бою том. Воеводы же великого князя, хотя и в малой силе были (ибо говорят бывшие там, что с пять тысяч их только было), но видя многое воинство их и положив упование на Господа Бога, и пречистую его мать, и на правду великого князя, пошли вскоре против них, как львы рыча, чрез реку оную великую, где, как сами новгородцы говорят, никогда броду не было, а сии, не ища броду, все целы и здравы перешли. Видев же сие, новгородцы устрашились весьма, возмутились и восколебались, словно пьяные. А сии, придя на них, начали прежде стрелять их, и возмутились кони их под ними, начали с себе скидывать их. И так вскоре побежали, гонимые гневом Божиим за свою их измену и отступление не от своего только государя, но и от самого Господа Бога. Полки же великого князя погнались за ними, кололи и секли их, а они сами, убегая, друг друга били и топтали из-за множества коней. Убито же их было тогда великое множество: ибо сами они тогда говорили, что 8000 погибло их на бою том, а пойманных руками более 2000; пойманы же посадники их Василий Казимир, Дмитрий Исааков Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Феодоров, Матвей Селезенев, Василий Селезенев, два племянника по сестре Казиминова, Павел Телятев, Кузьма Грузов, а зажиточных множество. И сбылось на них пророческое слово сказанное, что «пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму». Бежали же они долгое время, уже кони их задыхались, и начали кидаться с них долой в воды, и в болота, и в леса; ибо ослепил их Господь, и не знали земли своей, ни пути к граду своему, от которого вышли, но блуждали по лесам. И выходящих их из леса ратные хватали, а иные раненые, блуждая по лесам, умерли, а иные в водах утонули. А которые с коней не упали, тех кони их принесли к граду, словно пьяных или спящих. А иные в спешке и град свой пробежали, думая, что град взят уже; ибо возмутились и восколеблись, как пьяные, и вся мудрость их поглощена была. А воины великого князя гнались за ними 12 верст и затем возвратились от великой той истомы. Воеводы же великого князя князь Даниил Холмский да Федор Давыдович стали на костях,ждавших воинства своего, и увидев воинов своих всех здравых, благодарили Господа Бога. Воеводы же великого князя, мало отдохнув после боя того и ждавших своих, послали к великому князю беспокойство с тою вестью, что помог им Бог рать новгородскую побить. Он же примчался к великому князю в Яжолбицы. А воеводы, видев новгородцев побежденных, распустили воинов своих всюду в набеги за добычей; иные, придя к Новгороду, пленили и посады пограбили, иные к немецкому рубежу до Нарвы; и великое место их, называемое Новое село, и все волости пожгли и

пленили. Того же месяца июля в 18 день была радость великому князю, и братии его, и всему воинству их; ибо был тогда у великого князя царевич Даньяр, и братия великого князя благоверныя князи Юрий, Андрей, Борис, и бояре их, и все воинство их. И тогда обещал князь великий поставить на Москве церковь святого апостола Акила, что потом и было сделано, а воеводы князь Михаил Андреевич верейский с сыном Василием да Даниил и Федор другую церковь Воскресения Христова.

Новгородцы, видев себе таковое от Господа Бога наказание, убоялись и, придя, начали просить тех, которых ранее злодеями и сообщниками московскими именовали, так как те претили им в зломыслии сем. Они же сказали: «Добро бы, братия, если бы вы баб и молодых не слушали и зла не начинали; но хорошо и сие, что грех и безумие свое познаете. Но мы не можем сие на себя взять, а пошлем от нареченного владыки просить у великого князя заступничества; и если даст заступничество, то познаем, что не хочет вконец изгубить вотчину свою». И потому пришли все к нареченному владыке. Он же приказал им, и послали Луку Климентьева. Который пришел в Яжолбицы, когда было пирование у великого князя о победе, и просил о заступничестве. Князь же великий дал им заступничество и отпустил того с Селищ против Демона. А князю Михаилу Андреевичу и сыну его князю Василию воеводы новгородские, которые сидели в городке Демоне, добились челом и предались на том, что их выпустить живыми, а об ином ни о чем не стоять; а с города откупа дали 100 рублей новгородских. А от псковичей пришел к великому князю в Игнатиичи с Кузьмою Коробьиным посадник Никита с тем, что псковичи со всею землею своею вышли на его службу, великого государя, с воеводою князем Василием Федоровичем, а идучи, начали Новгородские места грабить, жечь и людей сечь. Князь же великий послал к ним Севастьяна Кушелева да с ним первого их посла Василия с Полы реки, повелевая великих людей не побивать и не грабить.

Июля в 24 день пришел князь великий в Русу и тут повелел казнить головою казнью новгородских посадников за их измену и за отступление: Дмитрия Исаакова Борецкого, да Василия Губу Селезенева, да Еремея Сухощюка, да Киприана Арзубьева. А иных многих послал на Москву и велел их пометать в тюрьму; а мелких людей велел отпускать к Новгороду; а Василия Казимира, да Кузьму Григорьева, да Якова Федорова, да Матвея Селезенева, да Кузьму Грузова, да Федора Табазина велел отвести на Коломну, оковав их. А сам князь великий пошел оттуда к Ильмену озеру на устье Шелони и пришел тут на место, между берегом и Коростынью, июля же в 24 день в субботу.

Двиняне побиты. В тот же день бой был воеводам великого князя с двинянами, Василию Федоровичу Образцу, а с ним были

устюжане да и прочие войны, да Борису Слепцу, а с ним вятчане; а был им бой на Двине с князем Василием Шуйским, а с ним было Заволочье все и двиняне; было же с ним рати 12 000, а великого князя с воеводами было рати 4000 без 30-ти человек. Был же бой им: выйдя из судов, обои пеши, и начали биться около третьего часа дня того; бились же до захождения солнечного и за руки хватаясь, секлись; и знамя у двинян выбили, и трех знаменщиков под ним убили, ибо убили первого, то другой подхватил, и того убили, то третий взял, убили же третьего, и знамя взяли. И тогда двиняне в смятение пришли, и уже к вечеру одолели их полки великого князя. Побили множество двинян и заволочан, а иные утонули; а князь их раненый, вкинувшись в лодку, убежал на Колмогоры; многих же руками поймали. Потом же и городки их взяли и привели всю землю ту за великого князя. Убили же великого князя тогда рати 50 вятчан, да устюжанина одного, да Борисова человека Слепца, да Мигуна, а прочие все Богом сохранены были.

Новгородцы просят мира. Принята просьба. Псковичам воздаяние. В тот же день пришел к великому князю на устье Шелони в судах озером Ильменем нареченный архиепископ Феофил с посадниками, и с тысяцкими, и с зажиточными людьми со всех концов. И начали прежде бить челом князям, и боярам, и воеводам великого князя, чтобы печаловались братии великого князя, а они бы печаловались брату своему великому князю, да и сами бы бояре печаловались. Бояре же, придя, били челом братии великого князя. Братия же великого князя, князь Юрий, князь Андрей, князь Борис и князь Борис Михайлович с сыном своим, и бояре все били челом великому князю за них. Князь же великий их ради пожаловал, велел тому нареченному чернецу Феофилу, и посадникам, и тысяцким, и прочим быть к себе пред очами. Они же пришли к великому князю и начали бить челом о своем преступлении и что руку против него подняли, чтобы пожаловал государь, смиловался над ними, возвратил бы гнев свой не их ради челобитья, но свое бы благосердие показал к согрешающим, не велел бы более того казнить, и грабить, и жечь, и пленить. Милосердствовал же князь великий, показал к ним милость свою, и принял челобитье их, и утолил гнев свой, и в тот час повелел перестать жечь и пленить, и плен, которые тут есть, повелел отпустить, а которые отосланы и отведены, и тех отдать. И добились челом великому князю 16 тысяч серебра новгородских рублей, не считая того, что братии великого князя, и князям прочим, и боярам, и воеводам, и прочим всем, которые печаловались о них. А земля их вся поплена и пожжена до моря: ибо не только те были, которые с великим князем и братиею его, но изо всех земель их пешею ратью ходили на них; а Псковская земля от себя их же воевали. Не бывала на них такая война, как и земля их стала. А

что послал князь великий Севастьяна Кушелева против псковичей, и тот встретил их за Порховом, а они идут от своего городка от Дубкова, взяв из него 6 пушек, к Порхову. Севастьян же сказал им про великого князя здоровье да и победу над новгородцами, а велел им князь великий скорее пойти к Новгороду. Псковичи же от Порхова отпустили Севастьяна к великому князю, а с ним послов своих Кузьму Сысоева да Стефана Афанасьева Винкова, а сами пошли со всею силою к Новгороду и, не дойдя Новгорода за 20 верст, стали у Спаса на Милицы. И Севастьян с теми послами псковскими, с Кузьмою да Степаном, пришли к великому князю на устье Шелони июля в 31 день. А князь Василий Федорович Шуйский, воевода псковский, с посадниками прочими и с лучшими людьми после своих послов пришли к великому князю тут же на устье Шелони. И после тех прихода стоял тут на одном месте князь великий 11 дней, управляя новгородцев. И пожаловал их, дал им мир на своей воле, как сам восхотел, а псковичам за их службу в завершение взял с новгородцев все лучше прежнего, как псковичи хотели. Потом же князь великий дал новгородцам мир, любовь и милосердие, и почтил нареченного их Феофила, и посадников их, и тысяцких, и прочих, которые с ним приходили, и отпустил их в свой им град. А за ними послал в Новгород боярина своего Феодора Давыдовича привести весь Новгород Великий к целованию, от мала даже и до великого, и серебро на них брать. Они же, придя в Новгород, сотворили как повелено было им. А князь великий Иоанн Васильевич, всея Руси самодержец, возвратился оттуда к Москве с победою великою августа в 13 день; а также и все братья его князи, и воеводы, и все воины их со мною наживой. А в тот же год князь великий, идя к Новгороду, послал в Поле Никиту Беклемишева искать царевича Муртозу, Мустафина сына, звать его к себе служить. Никита же, найдя его в Поле, призвал его к великому князю и пошел с ним к сыну великого князя на Москву наперед прихода великого князя из Новгорода.

В тот же год вятчане, придя судами Волгою на низ, взяли Сарай, и много товара взяли, и в плен много взяли. Слышали сие татары Большой орды, поскольку близко тут кочевали за один день, и так великое их множество пошли перехватить вятчан. И взяли суда и всю Волгу заступили судами своими, желая их перебить. Вятчане же однако пробились сквозь них и ушли совсем; а под Казанью также хотели перехватить их; и там прошли мимо тех со всем в землю свою.

6980 (1472). Месяца сентября в 1 день в начале индикта, что есть нового лета, на память преподобного Симеона Столпника, пришел князь великий в вотчину свою во славный град Москву, победив супостатов своих, казнив противящихся ему, и не хотящих повиноваться ему привел во всю волю свою, и мноую наживу и

славу приобрел. И встретил его Филипп митрополит с крестами за градом близ церкви у большого моста каменного со всем священным собором. А народы московские, великое их множество, далеко за городом, иные за 7 верст, пешие, малые и великие, славные и не славные, бесчисленное их множество встречали. А сын его князь великий Иоанн, и брат его князь Андрей младший, и князи его, и бояре, и дети боярские, и гости и купцы, лучшие люди, встретили его накануне Семенова дня на Ходынке, там где было ему ночевать; великая же была радость тогда во граде Москве.

Сентября 2 дня пошли из Новгорода из осады великое множество людей с женами и детьми по озеру в великих учанах, каждый по своим местам; ибо говорят, что было судов тех великих 180, а по 50 человек в судне и более. И когда были они на пучине озера того, дохнул на них ветер великий и внезапный, и потопил все суда оные; ни одно же из них не спаслось, и все люди оные и весь товар их утонули.

Король литовский Казимир, слышав о походе великого князя на Новгород, хотел им помощь оказать и великого князя отвратить, но сам не смел, и послал татарина своего Кирея, как ранее сказано, возмутить Большую орду хана Ахмата. Тот же, клеветав много, умедлил и возвратился к королю из Орды с царевым послом, а король в то время ратью сражался с королем угорским.

Того же сентября в 10 день пришел из Венеции Антон фрязин, а с ним пришел посол к великому князю из Венеции от дожа венецианского Николы Трона, Иван именем, Тривизан прозвищем. А послан к великому князю от того дожа и от всех земель, бывших под ним, бить челом, чтобы пожаловал князь великий, велел того Тривизана проводить до царя Ахмата Большой орды; а послан к нему со многими подарками и с челобитьем, чтобы пожаловал, шел им на помощь на турецкого султана к Цареграду. Тот же Тривизан, придя на Москву, сначала пришел к Ивану фрязину, к денежнику московскому, поскольку тот Иван фрязин тамошней земли уроженец был и знаем там, и сказал ему все то, зачем пришел на Москву, а у великого князя еще не был. Фрязин же наш денежник не велел тому Тривизану о том бить челом великому князю да подарки многие подавать, а сказал, что «я могу сделать отдельно от великого князя и до царя провожу тебя». А когда к великому князю пришел фрязин с тем Тривизаном, назвал его князьком венецианским, а себе племянником, и сказал, что пришел к нему за своим делом и за гостью, а то от великого князя утаили. Антон тогда от Павла папы привез листы к великому князю, что послам великого князя вольно ходить до Рима по всей земле Латинской, и Немецкой, и Фряжской, и по всем тем землям, которые земли под его папешством находятся, а за царевной бы Софией, аморейского царя Фомина дочерью, послал.

Филофей, еп. пермский. Ноября в 8 день поставлен Перми епископ, Филофей именем, митрополитом Филиппом. Того же месяца в 13 день пришел на Москву ставиться на архиепископию Великого Новгорода нареченный Феофил, а с ним пришли посадники Александр Самсонович да Лука Федорович. Той же зимой декабря в 8 день поставлен рязанский епископ Феодосий, архимандрит чудовский, митрополитом Филиппом; а был на поставлении его были архиепископ ростовский Севастьян, суздальский епископ Евфимий, коломенский Геронтий, сарский Прохор, пермский Филофей. Того же месяца в воскресенье поставлен был Новгороду на архиепископию нареченный их Феофил преосвященным митрополитом Филиппом всея Руси; а были на поставлении его все вышесказанные епископы русские, и архимандриты, и протопопы, и игумены честные, и весь священный собор славного града Москвы. После поставления же своего бил челом великому князю от себя и от всего Великого Новгорода с посадниками и тысяцкими и со всеми теми, которые с ним пришли, о плененных, о Казимире и о прочих товарищах его. Князь же великий принял челобитье их и тех всех отпустил с честью; а было их на Москве 30. Самого же архиепископа отпустил того же месяца в 23 день.

В том же месяце декабре после Рождестве Христове явилась на небе звезда великая, а луч от нее долог весьма, как столп, светел, светлее самой звезды; а восходила около шестого часа ночи с летнего восхода солнечного и шла к западу летнему же, а луч от нее вперед протягивался, а конец луча того, как хвост великий птицы, распростерт. В месяце же январе после Крещения другая звезда явилась хвостатая над летним западом; хвост же ее был тонок, а не сильно долог, а первые звезды луча потемнее. Но первая та звезда за три часа до восхода солнечного на некое место приходила, так другая после захождения солнца через три часа на том же месте являлась да к западу же шла.

Той же зимой послал князь великий на Великую Пермь князя Феодора Пестрого воевать их за их непослушание.

Той же зимой князь, великий умыслив с отцом своим митрополитом Филиппом и матерью своею великою княгинею Марию, и с братиею, и с боярами своими, послал фрязина Ивана в Рим за царевной Софией января 16 с грамотами к папе и к кардиналу Виссариону. А поскольку прежний папа Павел умер, и сказали, что выбран папа Каллист, того ради на его имя лист написан был. За фрязином послал князь великий посла Федора Спенка да с казною Матфея сына Федора Татищева и дьяка Еремея Погожего. Когда князь Федор приехал в Киев, поляки спросили; есть ли грамоты к королю. И он сказал, что нет. Затем князя Федора задержали, и он в Киеве умер; а Матвеем и дьяку князь великий велел воротиться в Москву. Фрязин же, приехав в земли па-

пежские, уведал, что папа не Каллист, но Сикст, рассудив с посланными с ним, имя Каллиста вычистив, вписали Сикста.

В тот же год в месяце апреле хотением и многим желанием просвященного митрополита Филиппа всея Руси соблаговолением же и повелением благоверного и христоролюбивого великого князя Иоанна Васильевича всея Руси было начало зданию церкви пречистой владычицы нашей Богородицы на Москве. Восхотели воздвигнуть храм великий весьма, в меру храма пречистой Богородицы, который во Владимире, который создал благоверный великий князь Андрей Боголюбивый Юрьевич, внук Мономахов, об одном верхе. Много раз видел тот, превеликий весьма, и высокий, и чудно весьма сделанный, преосвященный Филипп митрополит весьма духом горел и, желанием одержим, хотели в ту же меру видеть храм созданный пречистой Богородице на Москве, там где был исцеляющий гроб, который во святых отца нашего преосвященного митрополита Петра чудотворца и прочих митрополитов русских. Призвали же еще прежде того мастеров каменотесов и посылали их во град Владимир видеть ту церковь и меру снять с нее. Они же, придя, там видели храм Пречистой, удивились весьма красоте здания ее, и величеству, и высоте его и, измерив широту и высоту ее и алтарь, возвратились на Москву. И обмерили около церкви, которая на Москве, и взялись за дело; а та уже церковь ветхая была, и двинулись своды ее, хотя дровом подкреплены были. Начали же рвы копать и заложили апреля 30 дня. Заложена же была сия церковь после заложения первой церкви, которую заложил преосвященный митрополит Петр при князе Данииле Ивановиче, через 146 лет без трех месяцев. И когда возделана была в высоту с человека, тогда начали разбирать первую всю до основания.

Царевна София из Рима. В тот же год месяца мая в 23 день Иван фрязин пришел в Рим к папе Сиксту и к кардиналу Виссариону. И была честь великая Ивану фрязину и бывшим с ним от папы и от царевича Фомы детей, от Андрея и от Мануила, и дары великие, и были там 30 дней. Месяца ж июня 24-го отпустили царевну Софию из Рима за великого князя; а с нею послали послом от папы легата Антония, а с ним многие римляне, а от царевичей посол с нею Дмитрий Мануилов со многими греками; многие же иные греки пошли с нею, служа ей. И пошли не тем путем, как фрязин шел, но всею областью папезскою к морю. А папа по всем градам послал листы свои, а также и по местам, там где им надлежало идти, даже до вотчины великого князя до Пскова, а писал к ним, чтобы все князи земель тех, и паны честные, и бискупы, и вся земля, где придет царевна, встречали ее, и чтили, и корм давали и подводы и проводников, и всем тем, которые с ними идут, даже до великого князя вотчины. И по тем листам

папежским великую честь все земли воздали царевне Софии и всем, которые были с нею.

Война на Пермь. Анфаловский. Искор. Чердыня. В тот же год июня в 26 день пришла весть великому князю из Перми, что воевода князь Федор Пестрый землю Пермскую взял. А пришел в землю ту на устье Черной реки на неделе Фомы в четверг. И оттуда пошел на плотах и с конями, и, приплыв под город Анфаловский, сошел с плотов, и пошел оттуда на конях на верхнюю землю к городу Искору, и Гаврилу Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос и на Чердыню да на Почку, на князя Михаила. Князь же Федор не дошел еще до городка Искора, и встретили его пермы на Колве ратью, и был им бой меж собою, и одолел князь Федор, и взял на том бою воеводу их Качаима. Оттуда князь Федор пошел так к Искору, и взял его, и воевод их взял, Бурмата да Мичкина, и Зымна по заступничеству пришел к нему; взял же иные городки и пожег. А Гаврило, придя, те места повоевал, на которые послан. И потом пришел князь Федор на устье Почки, где впадала в Колву, и дождался там всех своих, и взятых тех сюда же привели; срубили тут городок, сидел в нем и привел всю землю ту за великого князя. И оттуда послал князь Федор князя Михаила к великому князю и тех, и Бурмата, и Мечкина, и Кача, а сам остался там в городке Почке. А что брал у тех у Бурмата, и Мичкина, и Кача, то послал к великому князю: 16 сороков соболей, да шубу соболью, да без половины 30 поставов сукна, да 3 панциря, да шлем, да 2 сабли булатные.

Война царя Ахмата. В тот же год злочестивый царь ордынский Ахмат подвигся на Русскую землю со многими силами, договоренный королем Казимиром литовским. Слышав же то, князь великий послал воевод своих к берегу со многими силами: и прежде всех Федора Давыдовича отпустил с коломничями; а князь Даниил да князь Иван Стрига со многими людьми на Ризы положение к берегу посланы; в тот же день княгиня великая Мария поехала к Ростову; потом же князь великий братию свою отпустил со многими людьми к берегу. Июля 30-го в четверг на заговение пришла весть к великому князю, что царь со всею ордою идет к Алексиному. Князь же великий на втором часу дня того повелел петь обедню и, отслушав обедню и не вкусив нисколько, пошел вскоре к Коломне, а сыну повелел за собою в Ростов. А царь Ахмат пришел со многими силами под град Алексин; а в нем людей было мало, ни же пристрою городского, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, но однако под ним много татар побили. В пяток же снова приступил к граду со многими силами, и так огнем запалили его, что люди, все что в нем были, все сгорели; а которые выбежали от огня, тех поймали. После того же снова татары пошли вскоре на берег к Оке со многою силою и врину-

лись все в реку, желая перейти на нашу сторону, поскольку в том месте рати не было, ибо приведены были нашими же на безлюдное место. Но только стоял тут Петр Федорович да Семен Беклемишев с малым весьма числом людей, а татар великое множество побрели к ним, они же начали с ними стреляться, и много бились с ними, уже и стрел было у них мало, и бежать помышляли. И в то время приспел к ним князь Василий Михайлович с полком своим, и потом пришли полки, князь же Юрий за ними сам тогда пришел. И так начали одолевать христиане татар. Татары же, видев множество полков христианских, побежали за реку. А полки великого князя и всех князей пришли к берегу, и было великое множество их, также и царевича Даньяра Трегубова сына. И вот сам царь пришел на берег и видел многие полки великого князя, как море колеблющиеся, одежда же на них была чистая весьма, как серебро блистая, и вооружены очень, и начал от берега отступать помалу. В ночи же той страх и трепет напал на них, и побежали гонимые гневом Божиим; а из полков великого князя ни один человек не бывал к ним за реку. Всемилостивый же человеколюбец Бог, милуя род христианский, послал смертоносную язву на татар, ибо начали напрасно умирать многие в полках их, и, убоявшись, так бежать пустились, что через шесть дней к станам своим прибежали, от которых все лето шли. Князь же великий, видя как благодатию Божиею род христианский от нашествия безбожных агарян избавлен был, распустил братию свою по своим вотчинам, а также и князей, и воевод своих, и всех воинов своих, и разошлись каждый восвоися, благодаря Господа Бога, подавшего им победу без крови над безбожными агарянами. А сам князь великий возвратился к Коломне, а с ним царевич Даньяр; оттуда и того, почтив, отпустил в свой ему городок Касим, а сам пошел к Москве и пришел во град в воскресенье месяца августа в 23 день.

6981 (1473). Месяца сентября в 1 день фрязи и греки из Рима пришли с царевною Софиєю в немецкий город в Любек и рядились тут 8 дней, а в девятый день того месяца пошли оттуда судами к кораблю, а в 10 день на корабль взошли.

Того же месяца во 12 день в субботу в 10 час дня преставился в Москве благоверный и христоробивый князь Юрий Васильевич 31 года и 7 месяцев и 22 дней. А в то время князь великий не был, ни мать его, ни братия его; все были в Ростове, поскольку тогда там немощна была мать их великая княгиня. И митрополит Филипп послал к великому князю, возвещая ему преставление братово, как повелит, хоронить ли его без себе или не хоронить. В воскресенье же после утрени пришел митрополит со епископами сарским и пермским и со всем священным собором на двор княжий, и взяв тело его, несли в церковь архангела Михаила, и

отпев надгробную, положили его во гробе каменном и поставили посреди церкви. В четвертый же день в среду пришел князь великий Иоанн Васильевич из Ростова, и многие слезы излил, и рыдание великое сотворил; а также и прочие князи, братия его, и прочие князи и бояре, и все православное христианство многие слезы изливали. Митрополит же Филипп с вышесказанными епископами и со всем священным собором отпели надгробные пения и погребли тело благоверного князя Георгия в церкви архангела Михаила того же месяца в 16 день, там где все благоверные великие князи лежат, род их.

Царевна в Ревель. Дертт. Легат Антоний. Того же месяца в 21 день пришла царевна кораблем в Колывань, а носило их море 11 дней. А в Юрьев пришли того ж месяца 26, а во Псков пришли октября в 11 день; псковичи же воздали честь великую царевне и всем, которые с нею, дары принесли; а были тут 7 дней. А в Новгород выехали октября в 25 день, а приехали октября в 30 день; от архиепископа и от всего Новгорода честь же была великая и дары. И когда уже близ Москвы были они, сказали князю великому, что тот посол Антоний легат от папы идет с царевною, а пред ним крыж (крест) несут, поскольку папа так почествовал великую княгиню и послу своему идти так велел по всем землям до Москвы великого ради государства земли сей и дальнего расстояния. Слышав же сие, князь великий начал о сем мыслить с матерью своею, и с братиею, и с боярами своими. И некие говорили: «Не возбранять ему того». Другие же говорили: «Не бывало никогда сие в нашей земле, чтоб в почести быть латинской вере; учинил некогда один Исидор, и тот погиб». Князь же великий дослал к митрополиту Филиппу, возвещая ему сие. Митрополит же, сие слышав, отвечал ему: «Не можно сему быть и в град сей войти, но даже приблизиться»; и прилежно просил великого князя, да не повелит ему с крестом войти во град.

Прение о кресте легата папезжского. Брак вел. кн. Иоанна второй раз. Слышав же сие князь великий от святителя, послал к тому легату, чтобы креста пред собою нести не велел, но шел бы просто. Он же, постояв мало о том, сотворил волю князя великого. А более стоял о том фрязин наш Иван денежник, чтобы то учинить по его обещанию, честь папе и тому послу их, как там ему чинили; а он отвернулся от веры христианской, потому считался фрязином их веры, а крещение наше потаил и все творил так, как они творят. И после того вошли во град ноября в 12 день в четверток. Митрополит же сам вошел в церковь, и возложил ризы на себя, и знаменовал царевну крестом и прочих с нею христиан, и отпустил ее из церкви. И пошли с нею к великой княгине Марии; через малое же время пришел к матери и великий князь Иоанн; и обручили тогда царевну по обычаю, как по достоинству

будет, и пошли в церковь на литургию. Митрополит же Филипп служил в тот день обедню в церкви Успения деревянной, которая была поставлена в новом начальном храме пречистой Богородицы; и отслужив обедню, венчал благоверного великого князя Иоанна Васильевича всея Руси с православною царевною Софиею, с дочерью Фомы, деспота аморейского. А тот Фома сын царя Мануила цареградского, брат же царя Ивана Калуана, и Дмитрия, и Константина. Были же на венчании их и мать великого князя великая княгиня Мария, и сын его Иван, и братия его, благоверные князи Андрей и Борис, со всеми прочими князьями и боярами своими, и множество народа, и тот посол римский Антоний легат со своими римлянами, и Дмитрий грек, посол от царевичей, братии царевны, от Андрея и Мануила, и прочие с ним греки, которые пришли, служа царевне. Утром же тот легат посольство от папы совершал и подарки великому князю подал, также и Дмитрий грек от шурьев великого князя, от Андрея и Мануила.

Коварство фрязина открыто. После сего же тот Антоний легат и прочие фрязи и греки виделись на Москве с послом венецианским Иваном Тривизаном и, ведая его, с чем он послан к великому князю, начали спрашивать его, почему много мешкает. Он же иначе к ним говорил, чем делал с фрязином нашим. Они же сказали то великому князю, что «тот Тривизан послан к тебе, великому князю, от дожа венецианского Николы Трона с челобитьем и с подарками, чтоб ты пожаловал, послал того Тривизана к царю Большой орды со своим послом. А послан тот к царю с челобитьем от того дожа и от всех земель с подарками многими, чтобы пожаловал, шел им на помощь ратью на турецкого султана». Князь же великий, слышав то, тотчас выискал, что все то было так, но хотел утаить у него Иван фрязин, обещая того Тривизана сам проводить до царя. И воспалился на них великий князь, повелел взять фрязина и, оковав, послал на Коломну, а дом его повелел разграбить и разорить и жену его и детей взять; а Тривизана, взяв, хотел казнить. Но тот легат и прочие, которые с ним, послы начали бить челом князю, чтобы пожаловал, смиловался над ним, доколе обменяется сообщениями с венецианским дожем. И князь великий велел его сковать, и сидел у Никиты Беклемишева. Того же Антония легата, и Дмитрия грека, и прочих с ним фрязей и греков держал князь великий у себя 11 недель, и честь им воздал великую, и дары многие подавал им, отпустил их января в 26 день. А к папе дары многие послал, а также и к шурьям своим, сын же его князь великий Иоанн от себя, а княгиня великая София от себя. И так пошли с Москвы на Литовскую землю, на Ляцкую и по иным многим землям к граду своему великому Риму.

Апреля 4-го в неделю пятую поста, которая называется Похвальная, в 4 час ночи загорелось внутри города на Москве у

церкви Рождества пречистой Богородицы, которая имела близ предел Воскресение Лазарево, и погорело много дворов, и митрополитов двор сгорел, и князя Бориса Васильевича двор, до Богоявления троицкого да до житниц городских. И дворец, где жил великий князь, сгорел, а большой двор его едва силою отняли, поскольку князь великий был тогда в городе. А в другую сторону по каменной мост сгорело и по погреб, что на княжем дворе Михаила Андреевича в стене городской. Тогда на церкви Рождества пречистой Богородицы кровля сгорела; а также и городская кровля, и приправа вся городова, что было, и некоторое количество дворов близ того выгорело. На исходе же последнего уже часа ночи, и огонь уже унимался, митрополит Филипп из заградия пришел в церковь Пречистой, поскольку от пожара того вышел из града в монастырь святого Николы Старого, начал молебен петь со многими слезами у гроба чудотворца Петра. В то время пришел сюда и сам великий князь и, видев его плачущего, начал говорить ему: «Не скорби, отче господин. Ибо так Господь изволил, а что двор твой погорел, я тебе сколько хочешь хором дам, или какой запас погорел, то все у меня возьми»; ибо думал, что он о том плачет. Митрополит же после многого плача начал изнемогать телом, ибо начали слабеть рука его и нога. Князь великий тут еще был, и начал митрополит говорить ему: «Сын, Богу так изволилось обо мне, отпустил меня в монастырь». Князь же великий не попустил воли его быть, что отойти куда в дальний монастырь, но отвезли его в близко тут бывший монастырь к Богоявлению на Троицкий двор. И как отвезли его туда, он же тотчас послал за отцом своим духовным, и святых тайн причастился, и маслом повелел освятить себе. Князю же великому говорил и о попечении просил только об одном, чтобы церковь завершена была; ибо тогда была еще возделана только до большего пояса до половины, там где кивоты святым делать начали было на всех трех стенах. После сего начал о том же деле церковном о попечении просить своего боярина Владимира Григорьевича и сына его Ивана Голову, и о том их просили позаботиться, что приготовлено было у него на завершение церкви, «но только позаботьтесь, а то готово есть». Также и прочим приставникам церкви той всем о том, не умолкая, говорил, и о людях, которых скупил было на то дело церковное, приказывал отпустить их при жизни своей. Всем же приходящим к нему князям, и княгиням, и боярам, и священникам, и всему православному христианству подавал мир, и благословение, и прощение, и конечное целование, и сам также прощения просил у всех. И так день тот прошел, что есть в пятое апреля; ночью же той на исходе первого часа отошел к Господу. Многие же о том говорили, что видение видели в церкви. После преставления же его найдены были под свитою на теле великие

цепи железные, которые прежде того ни духовнику его, ни келейнику ведомы не были, ни иному кому. Месяца апреля в 7 день положили его во гроб в церкви пречистой Богородицы, которую начал сам созидать, с псалмопением и со слезами многими, был тут на погребении его великий князь, и мать его, и сын, и множество бояр, и вельможи, и весь народ града Москвы. Епископ же был один Прохор сарский на погребении его, и архимандриты московские, и протопопы, игумены, и все священники града Москвы. А гроб его был близ врат церковных северных, там где был прежде гроб преосвященного митрополита Ионы, входя в северные двери церковные на правой стороне.

В тот же месяц на Вербной неделе князь великий Иоанн Васильевич послал за братиею своею и за всеми епископами земли своей, возвещая им про Филиппа митрополита преставление, а им всем повелевая к себе быть на Егорьев день для избрания митрополита. Сие слышав, пришли архиепископ ростовский Севастиан, суздальский епископ Евфимий, рязанский епископ Феодосий, коломенский епископ Геронтий, сарский епископ Прохор. А новгородский архиепископ Феофил и тверской епископ Геннадий прислали послов своих и подписались с прочими епископами заодно, говоря: «Кого восхочет Господь Бог, и пречистая, и великие чудотворцы, а также и великий князь Иоанн Васильевич, и братия наши епископы, и весь священный собор, тот всем нам будет митрополит». Был же о сем собор в Москве, избрали коломенского епископа Геронтия, что достоин был управлять Богом порученным ему стадом; возведен же был на двор митрополитов июня в 4 день в пяток, а поставлен того же месяца в 29 день во вторник на Петров день. В тот же год июля в 25 день поставлен на епископию коломенскую митрополитом Геронтием священноинок Никита Семешков, сын протопопа архангельского, который на Москве.

В тот же год митрополит Геронтий поставил у двора своего на Москве ворота, кирпичом кладены ожиганным, и палату заложил на своем дворе.

В тот же год пришел посол псковский бить челом великому князю, чтоб пожаловал, оборонил их от немцев, поскольку уже перемирие их закончилось и идут на них немцы.

6982 (1474). *Поход на немцев*. Послал князь великий к Пскову на помощь князя Даниила Дмитриевича Холмского, а с ним многие полки свои. Когда же пришли они во Псков, услышали немцы, что пришли воеводы великого князя Пскову на помощь со многими людьми, начали посылать послов своих во Псков о мире и мир заключили на всей воле псковской на 20 лет.

Убит кн. Семен Одоевский. В ту же осень взяли москвичи Людбущкое и полон великий. Той же осенью людбучане внезапно пришли на князя Семена Одоевского, он же бой поставил с ними.

но поскольку с ним людей мало было, убили тут князя Семена одного, прочие же все здравы остались.

Той же зимой князи ростовские, князь Владимир Андреевич со всеми детьми и племянниками, продали вотчины своей половине города Ростова со всем, а взяли за него два села великого князя да денег 5000 рублей; а князь великий дал ту половину матери своей к вотчине ее к Переславлю.

Посол крымский. Посол в Крым. Той же зимой декабря в 31 день приехал служить к великому князю Иоанну Васильевичу царевич Муртоза, сын казанского хана Мустафы. Князь же великий его пожаловал, дал ему Новгородок на Оке со многими волостями. Той же зимой пришел посол к великому князю от крымского царя Менди-Гирея, Ачи-Гиреева сына, именем Азибаба, а прислал к великому князю с любовью и с братством своим. Князь же великий, почтив того посла, отпустил его во свою землю. Да с ним же вместе отпустил князь великий своего поела в Крым к царю Мен-Гирею Никиту Беклемишева также с любовью и братством марта в 31 день.

Родилась Елена. Той же весной апреля в 18 день в 7 час ночи родилась великому князю Иоанну Васильевичу дочь Елена от царевны Софии.

Посол из Венеции. Тривизан освобожден. Того ж месяца апреля в 25 день пришел из Венеции к великому князю Антон фрязин от дожа Николы Трона бить челом великому князю от того дожа, чтоб князь великий пожаловал, посла его Ивана из-под стражи выпустил и пожаловал бы по первому челобитью, подмог его во всем и отпустил к царю Ахмату Большой орды. Князь великий пожаловал, от того дня Ивана Тривизана велел выпустить из желез и пред очи свои велел ему прийти.

В тот же год месяца мая в 20 день в 1 час ночи пала церковь пречистой Богородицы, которую начал созидать Филипп, митрополит всея Руси; была же чудно весьма сделана, превысокая очень, ибо возведена была до сводов уже. Сведена же была и стена северная над гробами преосвященных митрополитов Ионы и Филиппа изнутри и извне по одному камню, а среди них лестница вела, и взвели ее по той стене на великую высоту, и возвели ее на переднюю стену. От великой же той высоты и от тяжких сводов, которые на тонкую стену, не возможно было стену ту укрепить, но преломилась, и было разрушение церкви той великое, ибо пала половина передней стены, а северная вся по алтарь, и полати, и столпы, и своды все. И чудотворца Петра гроб засыпало, но ничем же не повредило его; а Ионы митрополита гроб расщепило, но не разбило его; у Филиппа митрополита немного надгробье проразило; а у деревянной церкви, которая в той каменной стояла, верх разбило, а икон, и сосудов, и книг святых,

паникадил, и свеч, ни иного чего, что в ней есть, ничем же не повредило. А осталось цело церкви той передней стены половина и двери передние, и южная стена вся целая, и столпы ее и своды, да алтарь весь, но от великого того падения все столпы и стены сдвинулись, а иные сломало, только не упали. Была же о сем печаль немала великому князю Иоанну Васильевичу, и митрополиту Геронтию, и всем благоверным князьям, и православным христианам, поскольку уже третье лето, как первая церковь разобрана была, а сия упала грехов ради наших. Но сие было преславное чудо пречистой Богородицы и великих чудотворцев молитвами: ибо день тот весь каменотесы те делая были на церкви той, иные своды вели, а иные замыкали своды, носящие же камень, и известь, и дерево, непрестанно носили, многие же восходили, смотрели делания; за один же час до захождения солнечного сошли все делающие ушли, иные же еще восходили смотреть, потом же все сошли уже на первом часу ночи, а иные только за четверть первого часа сошли, и еще первый час не ударил, пала. А один отрок, князя Федора сын Пестрого, еще ходил под сводом тем, и как услышал трещание и падение камней, устранившись, бежал на южную стену в оторопи и после падения того вышел из церкви той, ничем не поврежден. После сего же князь великий оставшиеся своды, и столпы от южной стороны, и стену переднюю и южную повелел разобрать. И послал в Римскую землю ради мастеров каменотесов, а иных повелел привести к себе из своей вотчины из Пскова, поскольку и те от немцев пришли навывкши такому делу, то есть каменотесной хитрости.

В тот же год в месяце июле пришли из Пскова к великому князю с посадниками Иван Агафонов, Козьма Сысоев Ледов, Зиновий Сидоров бить челом великому князю Иоанну Васильевичу, чтоб оборонил их от немцев. Князь же великий разъярился на них и на очи не пустил их к себе, поскольку умедлили прийти с челобитьем, словно в забытье положили его, государя своего, и к нему жалованье и подарки легкие привезли, не соответствующие тому, как государь жалует их, свою вотчину. Они же со срамом возвратились к Пскову.

Товары татар. В тот же год месяца июля 7-го пришел из Орды Никифор Басенок с послом царевым Ахматовым Большой орды, с Карачуком, а с ним множество татар: пословых было 600, которых кормили; а гостей с конями и с иным товаром было 3200; а коней продажных было с ними более 40 000 и иного товара много.

Посол в Венецию Толбузин. Того же месяца в 24 день послал князь великий в Венецию посольством Семена Толбузина с Антоном фрязиным к венецианскому дожу Николе Трону о том, чтоб пожаловал посла их Ивана Тривизана, из-под стражи выпус-

тил по их челобитью и, помогши ему всем, отпустил к царю Ахмату в Большую орду со своим послом о деле, и чтобы пожаловал, шел на помощь на турецкого султана к Цареграду.

Посол из Рима. Того же месяца 14 пришел из Рима посол к великому князю от царевичей Фоминых детей аморейского, от шурьев великого князя, с подарками, именем Дмитрий грек, и отпущен в тот же год.

Того же месяца 19 отпустил князь великий посла Большой орды Карачука, а с ним послал посла своего Дмитрия Лазарева да и венецианского посла Ивана Тривизана, помогши ему всем, людьми, конями, и с подарками, отпустил с ними же.

6983 (1475). *Посол польский.* Сентября 1-го пришел к великому князю из Литвы Богдан посол от короля Казимира.

Месяца сентября 19 в 6 час дня нашла слякоть, а потом и снег много шел, а на ночь мороз и на другую, а потом снова растаял. Ноября 6-го на мерзлую уже землю шел снег, и река стала 8 ноября.

Того же месяца ноября 9-го князя великого ловчий Григорий Перфушков видел два солнца во 2-й час дня, ездив на поле: настоящее солнце шло своим путем, а другое необычное выше того среди неба шло, как обычное среди лета ходит, светло же весьма белостью, а лучей от него не было; видели же то и прочие.

В ту же осень митрополит Геронтий поставил палату кирпичную на своем дворе о 4 апартаментах, а вошел в нее ноября в 13 день.

В тот же день пришел из Крыма посол великого князя Никита Беклемишев от царя Мен-Гирея Ачи-Гиреева сына, а с ним посол царев Девлетек мурза со многими подарками. А совершил посольство того же месяца 16-го: «Великому князю от царя любовь и братство»; и говорил царским именем: «Кто будет тебе, великому князю, друг, тот и мне друг; а кто тебе недруг, тот и мне будет недруг; также и дети наши, и внучата на той же любви и братстве».

Архитектор из Рима Аристотель, пушечный мастер. Посол в Польшу. Китай и Мансуров. В ту же весну месяца марта 26, на Великий день, пришел из Рима посол великого князя Семен Толбузин и привел с собою мастера муроля, который ставит церкви и палаты, Аристотеля именем; а также и пушечник он, знаток лить их и бить ими, и колокола и иное лить все хитер весьма. 27-го на утро Великого дня отпустил князь великий посла своего Алексея Старкова к царю крымскому Мен-Гирею да и его посла Довлетек мурзу. 2-го апреля отпустил князь великий посла своего Василия Китая да Федца Мансурова в Литву.

Того же месяца 23-го после вечерни взошла туча, да гром сперва малый, а потом великий, с полудни с молниею, и дождь

великий; морозы и стужа до 2 мая были, а от того дня пошли дожди по всяк день.

Родилась Феодосия. Месяца мая 28-го в ночи родилась великому князю дочь Феодосия, которая и была за Холмским.

В тот же год турецкий султан посылал рать в кораблях и в каторгах (галерах) на Кафу и, придя, взяли ее в месяце июне, и иные грады взяли в кафинской Перекопи. Купцов же и гостей московских много побили, а иных взяли и за откуп отдали; Ази-Гирееву орду, взяв Перекопъ, осадили, повелели дань давать и посадили хана у них Менди-Гирея, младшего сына Ази-Гирея. Два же брата его, дети Ази-Гиреевы, убежали; а приходил воевода турецкий, царя же тут не было.

В том же году татары волжские побили устюжан в Каме, а шли они с торгом к Тюмени.

6984 (1476). *Посол из Польши.* Месяца сентября в 6 день пришел к великому князю посол от короля Казимира, именем Богдан, да Васко Любич. Того ж месяца 12 пошел с Москвы посол польский.

Того же месяца в 30 день в субботу во 2 час дня померкло солнце, треть его изгибло и было как месяц в рогах; на Москве же сего не видел никто, а на Коломне и в пределах ее многие видели.

В том же году князь великий Иоанн Васильевич пожаловал сына своего Иоанна Иоанновича всем великим княжением и велел его писать со своим именем вместе. Того же месяца 21 прибежал из Орды посол великого князя Дмитрий Лазарев.

Поход в Новгород. Месяца того же в 22 день в воскресенье пошел князь великий Иоанн Васильевич к Великому Новгороду миром со многими людьми, а на Москве оставил сына своего великого князя Иоанна Иоанновича. А на Дмитриев день князь великий въехал на Волок и там ел и пил у брата своего князя Бориса; ноября в 1 день въехал в Торжок, в среду. Ноября 5-го встретили на Волочке великого князя новгородцы с жалобами на свою же братью на новгородцев. А от Новгорода за 100 верст встретил великого князя архиепископ Феофил Великого Новгорода и Пскова, да с ним князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский, да архимандрит Юрьева монастыря Феодосий, игумен святого Спаса хутынский Нафанаил, да вяжицкий игумен Варлаам, да посадник степенной Василий Ананьин и старые посадники Иван Афанасьев, Алферий и Кирилл Яковлевы, тысяцкий степенной Василий Осипов, и бояре новгородские Василий Никифоров с товарищами, и зажиточные, Иван Дмитриев, Юрий Марин, Мартемиан Божин, и дети боярские, и купцы новгородские, и старосты, и именитые люди многие. И в тот день архиепископ Феофил, и князь Василий, и все посадники и бояре новгородские у великого князя на обеде ели и пили, и отпустил их от себя. 21-го ноября

приехал князь великий на Городище и обедню слушал у Благовещения. Ноября 23-го въехал князь великий в вотчину свою в Великий Новгород. И архиепископ Феофил со всем священным собором в священных одеждах, и все архимандриты града того, и игумены, и иереи, и дьяконы, и весь чин священнический и иноческий встретили великого князя с крестами, как повелел им сам князь великий, не превозносясь; и после них великое множество от посадников, и тысяцких, и бояр, и зажиточных людей, и весь Великий Новгород с великою любовью встретили. И архиепископ благословил крестом великого князя, потом же снова входил с крестами и с иконами и всем священным собором в церковь премудрости Божии Софии. А князь великий за ним вошел в ту же церковь, и молебны совершил, и знаменовался у образа Спасова и пречистой его матери и прочих святых, затем и у гробов прародителей своих, великих князей прежних, лежащих там. Архиепископ же совершил литургию тогда со всем священным собором, а князь великий стоял на своем устроенном месте. После совершения же службы пошел князь великий на обед к архиепископу, и ел у него, и был весел. И архиепископ многими дарами одарил великого князя. И веселившись, великий князь пошел к себе на Городище; архиепископ же ехал за ним с великою честью.

Того же месяца 26 в субботу били челом великому князю на Городищи многие новгородцы, две улицы, Славкова да Никитина, на бояр новгородских: на посадника степенного Василия Ананьи-на, на Богдана Есипова, на Федора Исаакова, на Григория Тучина, на Ивана Лошинского, на Василия Никифорова, на Матвея Зелезенева, на Якова Селезенева, на Андрея Исаакова Телятева, на Луку Афанасова, на Мосея Федорова, на Семена Афанасова, на Константина Бабкина, на Алексея Кшнина, на Василия Тютрюма, на Василия Балакшу, на Ефима Ревшина, на Григория Кошуркина, и на Офимьиных людей Есипова Горшкова, и на сына ее Ивана, и на людей Ивана Савелкова, и прочих, что, наехав те со многими людьми на те две улицы, людей перебили и переграбили, а имущества людского на тысячи рублей и более взяли, а некоторых и до смерти побили. В тот же день били челом великому князю бояре Лука да Василий Исааковы дети Полинарьюна на Богдана Есипова, да на Василия Никифорова, да на Памфила старосту Федоровской улицы, что, наехав на их двор, людей у них перебили, а имущество разграбили, а взяли у них на 500 рублей. Князь же великий всем тем жалобщикам дал приставов своих, на кого они жаловались, Дмитрия Чубарова, Федца Мансурова, Василия Далматова. А когда те все жалобы пред великим князем произносили, тогда был у великого князя богомолец его архиепископ Феофил, а с ним посадники Захарья Овин, да брат его Козьма, да Казимир с братом Яковом, да Лука да Яков Федоровы дети, и

иные бояре новгородские и зажиточные люди. И князь великий владыке и посадникам так сказал: «Думаю, чтобы ты, богомolec наш, и вы, посадники нашей вотчины Великого Новгорода, дали бы вы своих приставов на тех насильников, на коих я своих приставов обидимым подавал, поскольку хочу я того посмотреть. И ты бы, мой богомolec, и вы, посадники, тогда у меня же были, ибо хочется мне обиженным управы дать». А к вотчине своей, Новгороду, послал о том князь великий бояр своих Федора Давыдовича и Ивана Борисовича, чтобы дали своих приставов на тех обидящих братию свою. И новгородцы дали своих приставов Назара да Василия Анфимова, и велели тех бояр насилующих с приставами великого князя позвать. И они пред великого князя призвали их в тот же день в субботу, и велели стать им на следующее утро в воскресенье пред великим князем. На следующее утро же в воскресенье ноября 26 обидящие и обиженные все стали пред великим князем на Городище: старосты уличные Славковы и Микитины со всеми уличанами, да дети Исаака Полинарьюна Лука да Василий; а Василий Онаньин посадник с прочими вышенаписанными, на которых была жалоба, отвечать стали. А у великого князя тогда был богомolec его владыка Феофил и посадники новгородские. И начал судить их, и судив их и выискав, жалобщиков оправил, а тех всех, кто приходили, и били, и грабили, обвинил. И велел князь великий Василия Онаньина, да Богдана Есипова, Федора Исаакова, да Ивана Лошинского взять. И взяли их дети боярские: Василия Онаньина Иван Таварков, Богдана Русалка, Федора Исаакова Никита Беклемишев, Лошинского Звенец. А товарищей их всех велел князь великий своим приставом отдавать на крепкие поруки в полуторе тысяч рублей истцовых, и взял их за себя архиепископ. Тогда же князь великий выслал от себя вон Ивана Афанасова да сына его Алферия, взять же велел за то, что советовали Новгороду от великого князя даться за короля. А взял Ивана Василий Китай, а сына его Юрий Шестак.

Новгородцы в ссылку. Потом в третий день во вторник пришел к великому князю на Городище архиепископ и посадники бить челом от всего Новгорода о пойманных боярах, чтобы пожаловал, смиловался, не казнил их и на поруку их дал. Князь же великий владычного челобитья и Новгорода не принял, а отвечал им так: «Ведомо тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, вотчине нашей, сколько от тех бояр и наперед сего лиха чинилось, и ныне что есть лиха в вотчине нашей, то все чинится от них. Как же их мне за то жаловать?». И послал их в тот же день, оковав, к Москве со своими приставами. Месяца декабря 1-го снова пришел к великому князю на Городище архиепископ, а с ним и посадники многие: Василий Казимир с братом Иаковом, Захарий Овин с братом Кузьмою, Феофилакт Захарьин, Афанас

Остафьев Груз, Лука да Яков Федоровы, и иные посадники, и тысяцкие, и бояре, и зажиточные многие бить челом великому князю от всего Великого Новгорода о виновных, о Григорие Тучине и Василии Никифорове, о Матвее Зелезенева и о всех товарищах их, которых взял владыка за себя на поруку, чтобы князь великий пожаловал, смилловался, тех виновных людей не казнил, а вину бы свою на них велел брать по грамоте, а истцам издержки их велел на них править. И князь великий богомольца ради своего и вотчины своей Великого Новгорода челобитья тех виновных людей казни милостиво отменил, а истцов их издержки, полторы тысячи рублей, велел на них приставом остальное взять, а вину свою велел на них брать по грамоте на всех порознь. И приставы то все на них взяли. И иных многих бояр судил и управлял, и обидимых от сильных милостиво оборонял.

Дары архиерея. Месяца января 19 было пир у архиепископа Феофила; великому князю даров: 1000 золотых угореких и венецианских, да 100 кораблеников, да ковш золотой с жемчугами три гривенки, да два рога турьих, окованных золотом, да миска серебряная 12 гривенок, да 18 поставов сукна разных цветов, да 10 сороков соболей. А на проводы челом ударил архиепископ великому князю три бочки вина белого, да две бочки вина красного, да две бочки меду старого.

Того ж месяца января 20 великому князю челом ударили Фома, степенной посадник, да тысяцкий Василий Есипов сын от всего Великого Новгорода, 1000 рублей явили подарка. Эти посадники и тысяцкие не успевали пиров чинить про великого князя, те все с дарами приходили бить челом великому князю, чтоб было им на пирах дарить чем великого князя; а также и купцы и зажиточные люди лучшие все, никакого не осталось, который бы не пришел с дарами; а и молодые люди с подарками многие у него с челобитьем были. А князь великий всех посадников, и бояр, и тысяцких, и посадничьих детей, и купцов, и зажиточных людей жаловал от себя, всем жалованье свое из дорогих портов, и из камки одежду, и кубки, и ковши серебряные, и по сорок соболей давал, и коней, каждому по достоинству.

Возвращение великого князя. Князь великий в Москве. Месяца января 26-го во вторник выехал князь великий из Новгорода к Москве утром рано, и был ему первой стан у Николы святого на Волочке. И владыка приехал за ним на тот стан челом ударить, а с ним князь Василий Шуйский, да посадник Василий Казимир с братом Яковом, да Захарий Овин Григорьев с братом Кузьмою, да Лука с Яковом Федоровы, и иные посадники, и бояре многие, и зажиточные. А явил владыка, ударив челом великому князю, две бочки вина, белого да красного; а князь Василий, и посадники, и все, которые с ним приехали, по меху вина. И князь великий

звал их есть к себе, и ели и пили у него, и одарил владыку, и князя Василия и прочих. Месяца января в 28 в четверток въехал князь великий на Москву перед обеднею, а ел хлеба у матери.

Затмение солнца. Затмение луны. Того же месяца 30-го в неделю Сырную, на исходе первого часа дня, небо облаками закрылось и солнце не сияло, начало темнеть, и настолько было темно, как в пасмурную погоду во второй час ночи; и мало так быв, начали быть светлыми облака с полуденной стороны, и потом было светло, как и прежде. На той же неделе многие в ночи свет блистающий видели и круги на небе. Месяца марта в 10 день в ночи с воскресенья на понедельник в 3 час начал гибнуть месяц, и погиб весь, и не видеть его было до полуночи, и потом явился.

Толстой. Того же месяца 31 в воскресенье на ночь пришел на Москву архиепископ Великого Новгорода Феофил бить челом великому князю от всего Великого Новгорода за пойманных бояр их, которые сидят на Коломне и в Муроме, а с ним посадники Яков Короб, Казимиров брат, да Яков же Федоров, да Акинф Толстой и многие иные от зажиточных людей бить челом великому князю о тех посадниках, которых взял князь великий в Новгороде и послал в заточение, трех на Коломну, Ивана Афанасова с сыном Алферием да Богдана, а трех в Муром, Федора Исаакова, да Василия Ананьина, да Ивана Лошинского. И дары многие привез владыка великому князю, также и посадники. А обедал архиепископ у великого князя апреля 5 в понедельник со всеми своими; а в 7 день того же месяца в неделю Вербную был пир отпусковой на архиепископа у великого князя. А тех пойманных посадников князь великий не отпустил ни одного. И поехал владыка с Москвы в понедельник Страстной недели.

Знамение. Месяца того же в 11 день в четверток Великий было знамение в солнце в первый час дня. Когда взошло оно, было весьма ясно, на наш взгляд, что видели его из града Москвы, как был жернов взошло; был же около солнца круг весьма великий, как дуга, по краям червлено и зелено, багряно и желто. Далеко же от него лучи сияли по сторонам два: один мы видеть как за Ильею святым, который под Сосенками, а другой как за Никитою святым, который за Яузою; третий луч высоко над солнцем, а в том же круге стоял, как меж рогов; ибо было от него словно два рога, один направо, а другой налево, белые видом. Повыше же того луча, который меж рогов тех, дуга была, верхом к кругу, который около солнца, а концы ее простерлись посреди неба, цвета же ее, как в дождь дуга бывает. Видно же сие было до исхода второго часа.

Родилась Елена. Житовы. Бокеев. Посол татарский. В тот же год месяца мая 19 в воскресенье после заутрени родилась великому князю дочь Елена. Того же месяца в 30 день приехали к

великому князю Иоанну Васильевичу со Твери служить многие бояре и дети боярские: Григорий Никитич, Иван Жито, Василий Данилов, Василий Бокесв, три Карповича, Дмитрий Киндырев и иные многие. Того же лета июля 18 пришел к великому князю посол из Большой орды от царя Ахмата, Бочук именем, зовя великого князя к царю в Орду; а с ним татар 50 человек, а гостей с ним с конями и с товаром всяким больше ста.

Месяца августа 31-го в 1 час ночи был гром страшный и молния великая, словно поपालить желающая, и дождь сильный весьма. Гром же тот в монастыре на Симонове сразил верх с каменной церкви по шейные окна и, по церкви ходя, много помостов сорвало, и стены у передних дверей пробило насквозь.

В тот же год хан Ахмат ордынский послал сына своего со мною силою и взял Крым и всю орду Ази-Гирееву, а сына Ази-Гиреева, которого турки посадили, Минди-Гирея согнал; но турки снова посадили его. В тот же год пришел из Цареграда в Литовскую землю митрополит Спиридон, родом тверитянин, поставлен за мзду повелением турецкого султана. Князь же великий, слышав, что хочет в Москву прийти, послал к нему, да не ходит, так как поставлен есть без воли его; и не пошел к Москве.

6985 (1477). *Затмение луны. Бестужев.* Месяца сентября 3-го в ночи померк месяц полной луны августовской. Того же месяца 6 отпустил князь великий посла татарского Бочука, а с ним своего посла Матвея Бестужева. Сия осень суха была и студена, реки стали ноября в 12 день, а во Введения дне дождь был, а после того морозов великих несколько, а снегу не бывало. Месяца января 9-го с четвертка на пяток снег пошел, да и на следующий день немного, а на пядь не бывало его во всю зиму ту.

Новгородцы к Москве на суд. Февраля 23 на Сбор пришел из Новгорода Великого к великому князю посадник Захарий Овинов за приставом великого князя со многими новгородцами иным отвечать, которых обидел, а на иных просить. А того не бывало от начала, как земля их стала и как великие князи начали бытъ, от Рюрика на Киеве и на Владимире до сего великого князя Иоанна Васильевича, но приводили их к сему многие за их непослушность и неверность к великим князям. После сего же в то говенье иные, Василий Никифоров, Иван Кузьмин и иные многие бояре, и зажиточные новгородцы, и поселяне пришли, и чернецы, и вдовы о тех же обидах искать, и все преобиженные, великое их множество.

Месяца марта в 20 день в среду на пятой неделе поста после стояния в 7 час ночи загорелся двор князя Андрея младшего, и сгорели дворы обеих князей Андреев; а которые дворы малые около их попов архангельских, и те разметали. Был же там сам князь великий, и сын его, и многие дети боярские, поскольку не успел лечь еще князь великий после всеобщего бдения.

Того же года в месяце марте архиепископ новгородский Феофил и весь Великий Новгород прислали к великому князю Иоанну Васильевичу и к сыну его, великому князю Иоанну Иоанновичу, послов своих Назара Подвойского да Захария дьяка вечевого бить челом и называть себе их господарем (владельцем); а наперед того, как и земля их стала, того не бывало: ни которого великого князя господарем не называли, но господином. Той же весною послал князь великий в Новгород послов своих месяца апреля в 24 день в четверток, Федора Давыдовича, Ивана Борисовича, а с ними дьяка Василия Далматова к владыке и ко всему Великому Новгороду подкрепить того: какого хотят (государства) господаря вотчина их Великий Новгород. Они же того заперлись, говоря: «С тем мы не посылали», и назвали то ложью.

В тот же месяц, еще послом великого князя быв в Новгороде, в одиннадцатый час дня преставился преподобный игумен Пафнутий честной обители Рождества пречистой Богородицы на реке Поротве близ града Боровска, только за две версты, которую сам оставил, придя из монастыря Высокого из Боровска, ибо прежде там игуменил при князе тамошнего отчича князя Василия Ярославича.

Месяца мая в 31 день с пятницы на субботу, в канун Всех святых, мороз великий весьма был, что и лужи померзли, и всяк овощ побило огородный и садовый и все обилие.

Смятение новгородцев снова. Кн. Михаил Микулинский. Умер Геннадий, еп. тверской. В тот же месяц, когда послы великого князя еще были в Новгороде, был мятеж в новгородцах: сотворили вече, и, придя, взяли Василия Никифорова, и привели его на вече, и вскричали: «Наушник, был ты у великого князя и целовал ему крест на нас». Он же сказал им: «Целовал я крест великому князю в том, что мне служит ему правдою и добра мне хотеть ему, а не на господаря своего Великого Новгорода, ни на вас, своих господ и братию». Они же без милости, по оговору Захарии Овина, убили его, а потом и того Овина убили и с братом Кузьмою у владыки на дворе. А от того часа взбесились, как пьяные, всяк свое говорил, и к королю снова восхотели. Князь же великий, слышав от своих послов и от тамошних посадников, которые склонны к нему были, что разбежались все, что таковое злое волнение поднялось в них после первого их преступления, как пред шелоньским отступлением, сожалел весьма о них. Призвал же к себе митрополита Геронтия, возвещая ему про новгородское преступление крестного целования: «И с чем присылали сами, чего не хотел я у них, государства, и они от того отперлись, а на нас ложь положили». То же возвестил и матери своей, и братии своей, и боярам, и воеводам своим, и возвел от того времени на Новгород гнев свой. По благословению же преосвященного

митрополита Геронтия всея Руси и, после него, священного собора, архиепископов и епископов и всего священного чина, а также и советом матери своей и молитвою, и советом братии своей, и бояр своих, и князей, и воевод вооружился на свою вотчину, на отступников и крестного целования преступников новгородцев. Положив же о сем упование на Господа Бога, и на пречистую мать его, и на силу честного и животворящего креста Господня, которого целовав, изменили ему, и молебны совершив во всех храмах Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистой матери его, и в крестных, и апостольских, и мученических, и у гробов русских чудотворцев преосвященных митрополитов Петра, Алексия и Ионы и прочих святителей, и по окружным монастырям близ града Москвы, и у живоначальной Троицы у гроба Сергия чудотворца, и по всей своей вотчине великом княжении разослал милостыни по соборным церквам, и монастырям, и по всем церквам. Посылал же и во Тверь к шурина своему князю Михаилу Борисовичу, прося у него помощи на Новгород. Он же, нисколько не послушавшись, послал князя Михаила Федоровича Микулинского со многими воинами своими. После сего же послал и к братьям своим, тогда бывшим уже в своих вотчинах, веля идти каждому от себя к Новгороду. Прослышали же сие новгородцы и послали к великому князю бить челом о заступничестве Федора Калягина, старосту с Даниславской улицы, чтобы смиловивился великий князь, велел к себе быть богомольцу своему владыке и послам новгородским бить челом. И князь великий того просителя повелел держать до своего прихода в Торжке наместнику своему Василию Ивановичу Китаю. В тот же год преставился Геннадий, епископ тверской.

6986 (1478). *Кн. Андрей Микулинский.* Месяца сентября 30-го послал князь великий к Новгороду складную с Родионом, именем Богомоловым, с подьячим. Месяца октября в 9 день вышел князь великий с Москвы к Новгороду за их преступление войною казнить их; а сына своего великого князя Иоанна Иоанновича оставил на Москве. А вместе с великим князем вышел брат его князь Андрей младший, а Даньяру царевичу, Касимову сыну, велел идти на Клин наперед себя за четыре дня, к Твери да к Торжку. А сам князь великий шел на Волок, и братья его с ним, князь Андрей младший. Октября в 14 день слушал князь великий обедню на Волочке и ел у брата своего князя Бориса Васильевича. Еще же князь великий на Волоке был, прислал навстречу к нему князь тверской своего сына боярского Хидырщика отдавать кормы по вотчине своей. А шел князь великий от Волока на Микулин к Торжку, а брат его князь Андрей младший на городок Старицу к Торжку. А на первом стану от Волока в Лотошине встретил великого князя от тверского князя звать великого князя хлеба есть

князь Андрей Борисович Микулинский. Октября в 16 день в четверток прислал к великому князю наместник Василий Китай, что приехал в Торжок другой проситель о заступничестве от владыки и от всего Новгорода, Иван Иванов Марков, зажиточный. И князь великий и того велел в Торжке удержать до своего прихода. Месяца октября в 19 день в воскресенье въехал князь великий в Торжок. Тогда же в Торжок приехали к великому князю бояре новгородские Лука Климентьев да брат его Иван и били челом великому князю в службу. Октября в 21 день во вторник отпустил князь великий из Торжка князя Василия Васильевича Шуйского воеводою и наместником на Псков, а Пскову князем, по их челобитью, за чем и присылали Василия да Никифора Печатникова.

Октября в 23 день выехал князь великий из Торжка и пошел ратью на Новгород, а шел от Торжка на Волочек, а оттуда меж Яжолбицкой дорогой и Мстой. А царевичу Даньяру велел идти от Торжка по-за Мстой, а с ним воевода великого князя Василий Образец Борисович. А по своей стороне Мсты велел идти князю Даниил Холмскому, а с ним дети боярские великого князя, двора его, многие да владимирцы, переславцы, костромичи; тою же дорогою велел идти боярам своим и тверичам Григорию да Ивану Никитичам с дмитровцами и кашинцами, которые служат великому князю. По правую же сторону велел идти между своей дорогой и Мстой князю Семену Ивановичу Ряполовскому, а с ним суздальцы и юрьевцы. А по левой стороне от себя из Торжка на Демон велел идти брату своему князю Андрею младшему, а с ним воевода великого князя Василий Сабуров с ростовцами, и ярославцами, и угличанами, и бежичанами, которые служат великому князю; и воеводе матери своей Семену Федоровичу Пешку с двором ее с ними же велел идти. А между Демонской дорогой и Яжолбицкой велел идти князю Александру Васильевичу да князю Борису Михайловичу Оболенским; а с князем Александром калужане, алексинцы, серпуховичи, хотунцы, москвичи, радонежцы, новоторжцы, берновцы и глуховцы; а с князем Борисом можайцы, волочане, и звенигородцы, и ружане, которые служат великому князю. А по Яжолбицкой дороге велел идти Федору Давыдовичу, а с ним дети боярские из двора великого князя да и коломнichi все; да по той же дороге велел идти князю Ивану Васильевичу Оболенскому, а с ним братья его, все Оболенские князи, и многие великого князя двора дети боярские. А просителей новгородских обоих, Федора Калитина да Ивана Маркова, велел князь великий с Торжка вести за собою.

Октября 26 на Волочке встретил великого князя посадник новгородский Григорий Михайлович Тучин и бил челом в службу. Октября 28-го на Березке приехал к великому князю новгородец зажиточный Андреян Савельев служить. Месяца ноября во 2

день в Турны приехал к великому князю от Пскова с грамотою Харитон Качалов, а в грамоте псковской написано такое: «Господину государю великому князю Иоанну Васильевичу царю всея Руси посадник псковский степенный, и старые посадники, и сыновья посадниковы, и бояре, и купцы, и зажиточные люди, и весь Псков, вотчина ваша, своим государям великим князям русским царям челом бьем. По вашему, государей наших, веленью мы во второй раз посылали к Великому Новгороду, и наши взметчики (посланцы мирные) в Великом Новгороде взметную положили да и во Псков приехали. И нынче за наши грехи весь город Псков выгорел. И мы вам, государям своим, со слезами являем свою беду, а полагаем упование на Господа да на вас, своих государей, а вам, своим государям великим князям русским царям, вотчина ваша добровольные люди, весь Псков, челом бьем». И князь великий велел тому ехать с собою. Ноября в 4 день на стану пришел к великому князю от великого князя Михаила тверского воевода его князь Михаил Федорович Микулинский с полками тверскими в помощь великому князю на новгородцев же. И князь великий, почтив его, велел ему за собою же идти по своей дороге.

Ноября в 8 день в Яглине у Спаса князь великий велел быть у себя просителям новгородским Федору Калитину да Ивану Маркову. И придя пред него, начали бить челом от владыки новгородского Феофила и от Великого Новгорода о заступничестве и назвали великого князя государем: «Чтобы, государь, пожаловал, заступничество дал владыке и посадникам новгородским приехать к тебе бить челом и отъехать добровольно». И князь великий пожаловал, заступничество дал и покровительственную свою грамоту. Ноября в 10 день в Иваничах встретил великого князя третий проситель Григорий Михайлов Совкин, а в 11 день у Николы в Локотске велел ему князь великий прийти к себе. И он бил челом от владыки и от Новгорода, государем же называя великого князя, прося заступничества. И князь великий велел отвечать дьяку своему Василию Далматову, так сказал тот великого князя словом: «Что ты нам бил челом от нашего богомольца и от нашей вотчины, то я пожаловал, заступничество дал первым просителям Ивану Маркову да Федору Калитину, и владыка и послы новгородские по той покровительственной приедут и отъедут от нас добровольно». И Григорий Совкин бил челом, чтобы пожаловал князь великий, дал пристава, с кем пройти им воинство его. Князь великий пожаловал, пристава дал Михаила Погожего и отпустил их из Локотска вместе. Ноября в 13 день на Полинах встретил великого князя Иван сын Василия Никифорова да с ним Лука Климентьев. На том же стану на Палинах князь великий полкам назначил, которому где быть. Брату своему князю Андрею младшему в передовом полку, да у него своим воеводам велел князю

Даниил Холмскому с костромичами, Федору Давыдовичу с коломеничами, князю Ивану Васильевичу Оболенскому с владимирцами. А на правой руке велел князь великий быть у себя брату своему князю Андрею старшему, а с ним велел быть тверскому воеводе князю Михаилу Федоровичу Микулинскому со тверичами, да своим воеводам Григорию Жысту да Ивану Никитичу, а с ними дмитровцы да кашинцы. А на левой руке велел быть у себя брату своему князю Борису, а у него князь Василий Михайлович верейский да матери его великой княгини Марии воевода Семен Пешек. А у себя в полку велел быть воеводе князь Ивану Юрьевичу, да Василию Образцу с боровичами, да князю Семену Ряполовскому с суздальцами да с юрьевцами, да князю Александру Васильевичу с калужанами и с алексинцами, да серпуховичами, и с хотунцами, да с москвичами, и с радонежцами, и с новоторжцами, да князю Борису Михайловичу Оболенскому с можайцами, и волочанами, и звенигородцами, и с ружанами, да Василию Сабуру с галичанами, с ярославцами и ростовцами, с угличанами и с бежичанами. Да у себя же в полку велел быть переславцам и муромцам всем. С того ж стану с Палина отпустил князь великий воевод своих под Новгород Городища и монастыри отнимать, чтобы не пожгли. А велел пойти к Броничу князю Даниилу Холмскому с переславцами да с костромичами, да князю Ивану Стриге с владимирцами, да Федору Давыдовичу с коломеничанами, да Григорию и Ивану Никитичам с дмитровцами и кашинцами, да князю Семену Ряполовскому с суздальцами и с юрьевцами. А велел им стоять на Бронницах и ждать вести от себя, а иным своим воеводам у озера Ильменя на Взвадне и на Ужине, также вести ожидая. Ноября 21-го стоял князь великий у Николы в Тухоле, а послал оттуда во Псков посла своего Петюлю Паюсова, а с ним отпустил псковитянина Харитона и велел наместнику своему князю Василию Шуйскому с псковичами пойти на свою службу на Новгород ратью с пушками, и пищалями, и самострелами, со всею приправою, с чем к городу приступить: «И когда придешь на устье Шелони, и ты пришли ко мне тотчас, и я тогда укажу тебе, как и где тебе будет с псковичами».

Конференция: 1. О примирении. 2. О прежних изменниках. 3. О езде государю. 4. О суде его. 5. К Москве не звать. 6. Наместничий суд. 7. Чтоб наместнику судить в городе. Ноября в 23 день в воскресенье пришел к великому князю в Сытине владыка новгородский Феофил, а с ним посадники новгородские Яков Короб, Феофилакт Захарьин, Лука да Яков Федоровы, Лука Исааков Полинаршина; а от зажиточных Александр Климентов, Евфимий Медведнов, Григорий Кипреянов Арзубьева, Филипп Кислой, Яков Царищев купец. И начал бить челом великому князю владыка, говоря такое: «Господин государь князь великий Иоанн Васильевич всея Руси, я, господин, богомолец твой, и архиманд-

риты, и игумены, и все священники, все семь соборов Великого Новгорода, тебе, своему государю великому князю, челом бьем. А что ты, господин государь великий князь, положил гнев свой на вотчину свою Великий Новгород, и меч твой, как молния, ходит по Новгородской земле, и кровь христианская льется, просим, чтобы ты, господин государь, смиловался над своею вотчиною, меч бы свой унял и огонь угасил, и кровь христианская не лилась. Умилостивись, государь, я о сем, богомолец твой, с архимандритами, и игуменами, и со всеми священниками тебе, своему государю великому князю, со слезами челом бьем. Еще, господин государь, вспылится ты на бояр новгородских и на Москву свел ты их из Новгорода своим первым приездом, и ты, великий государь, пожалуй, смилуйся и тех бояр отпусти в свою вотчину Великий Новгород. О сем я, богомолец твой, со всеми вышесказанными священниками тебе, государю своему, челом бьем». Потом сказали посадники и зажиточные люди так: «Господин государь великий князь Иоанн Васильевич всея Руси, бил челом богомолец твой, господин, архиепископ Феофил и теперь пред тобою стоит и тебе, своему государю, челом бьет; а с ним посадники, господин, степенный Фома Андреевич и старые посадники, и тысяцкие, степенный Василий Максимов и старые тысяцкие, и бояре, и зажиточные, и купцы, и черные люди, весь Великий Новгород, вотчина твоя, мужи вольные, тебе, своему государю великому князю, челом бьют, чтобы ты, господин государь великий князь, пожаловал, смиловался над своею вотчиною, и меч бы свой унял, и огонь угасил, и крови христианской проливаться не попустил. О сем вотчина твоя, Великий Новгород, тебе, государю своему и великому князю, челом бьем». После сего же и о пойманных новгородцах били челом так же, как и владыко. После же сих били челом, а говорил посадник Лука Федоров: «Господин государь князь великий Иоанн Васильевич всея Руси, бил челом тебе, государю своему, богомолец твой владыка, да и посадники и зажиточные от всего Новгорода, то, господин государь, челом бьем пред тобою. Да чтобы ты, государь, пожаловать велел, поговорил со своими боярами, а богомолец твой и владыка, и весь Новгород, вотчина твоя, тебе, своему государю, челом бьем». Князь же великий в тот день позвал их есть к себе; и ели у него в тот день. А на следующее утро был владыка со всеми вышесказанными у брата великого князя, у князя Андрея младшего, с подарками, а били челом, чтобы тот помог, печаловал великому князю. После сего в то же утро пришли к великому князю ударить челом на жалование, да о том били челом, чтобы пожаловал, велел с боярами поговорить. И князь великий послал к ним на разговор боярина своего князя Ивана Юрьевича да с ним Василия да Ивана Борисовичей, и был владыка, и посадники, и зажиточные. А го-

ворил посадник Яков Короб так: «Чтобы государь наш князь великий свою вотчину Великий Новгород, вольных людей, пожалел, нелюбовь отдал, а меч бы свой унял». После сего Феофан посадник так сказал: «Чтобы государь князь великий пожалел новгородских бояр, которые у него, выпустил бы их, а владычнее челобитье и всего Великого Новгорода принял». А Лука посадник Федоров так сказал: «Чтобы князь великий пожалел вотчину свою ездил бы на четвертый год в Великий Новгород, а брал бы 1000 рублей; а велел бы суд судить наместнику да посаднику в городе, а чего не возмогут управить наместник да и посадник, тогда бы тому государь князь великий сам управу учинил, а приезжал на четвертый год; да пожаловал бы государь князь великий, вызовы на суд отложил, чтобы вызовов на Москву не было». А Яков говорил Федоров: «Чтобы пожалел князь великий, не велел своим наместникам владычных судов судить да посадничьих». А зажиточные говорили и о том, что князя великого мукобрыне позывают на новгородцев, а от наместников и от посадников в городе, ищут на новгородцах в городе пред наместником да пред посадником. А чего на них новгородцы взыщут, и они в городе не отвечают, а отвечают на Городище. И государь бы князь великий пожаловал, велел их судить наместнику своему с посадником в городе. Под конец же всех сих речей Яков Короб говорил: «Что, господин, бил челом государю великому князю богомолец его владыка, и посадники, и зажиточные от Великого Новгорода, да то челобитье пред государем нашим великим князем. А затем челом бьет вотчина его, чтобы государь пожаловал, указал своей вотчине, как ему Бог положит на сердце вотчину свою жаловать. И вотчина его своему государю челом бьет, в чем им возможно быть». Князь великий, слышав то и уразумев коварство их, в тот же день, в понедельник, послал к Новгороду воевод своих Городище да и монастыри отнимать. От Бронниц прямо велел пойти к городу воеводам своим князю Даниилу Дмитриевичу, да Федору Давыдовичу, да князю Ивану Васильевичу Стриге, да Григорию и Ивану Никитичем с полками своими. А на другую сторону города, к Юрьеву монастырю, к Аркажему монастырю велел идти воеводам Семену Ряполовскому, князю Александру Оболенскому, князю Борису Оболенскому, Василию Сабурову с полками, да Семену Сабурову с людьми матери своей великой княгини Марьи, да брата своего князя Андрея младшего, да Елизару Гусеву с князем его полком. И те все воеводы шли с полками своими чрез Ильмень озеро по льду, а пришли все воеводы и с той и с другой стороны в одну ночь с понедельника на вторник, и отняли Городище и монастыри все под городом.

Ответ великого князя. Ноября в 25 день во вторник в Сытине князь великий велел ответ дать владыке и послам новгород-

ским князю Ивану Юрьевичу, да с ним Василию да Ивану Борисовичам. Князь Иван Юрьевич сказал так: «Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси тебе, своему богомольцу владыке, и посадникам, и зажиточным так отвечает: "Что ты наш богомалец да и вы, посадники и зажиточные, били челом мне, великому князю, от нашей вотчины Великого Новгорода о том, что мы, великие князи, гнев свой положили на свою вотчину на Новгород"». И после сего Василий Борисович сказал: «Князь великий говорит тебе, своему богомольцу владыке, и посадникам, и зажиточным, и всем, которые с тобою есть: "Ведаете сами, что присылали вы к нам, к великим князям, от вотчины нашей от всего Великого Новгорода послов своих Назара подвойского и Захара дьяка вече, назвали вы нас, великих князей, себе государями. И мы, великие князи, по вашей присылке и по челобитью вашему посылали мы к тебе, владыка, и к вотчине своей к Великому Новгороду бояр своих Федора Давыдовича да Ивана и Семена Борисовичей, велели мы спросить тебя, своего богомольца, и своей вотчины Новгорода: как вы хотите нашего государства, великих князей, на вотчине нашей Великом Новгороде? И вы от того у нас заперлись, и к нам послов своих о том, сказали вы, не посылали, а возложили вы на нас, великих князей, то, что, сказали, мы над вами, над своею вотчиною, силу чиним. Тогда то не столько, что ложь положили вы на нас, своих государей, но и много иных непослушаний ваших нам, великим князям, и нечестия нам много чинится от вас. И мы о том поутвердились, ожидая обращения вашего к нам, а вы впредь лукавейшие явитесь к нам, и за то не возмogli мы терпеть вам, и за злобу вашу и поход ратью положили мы на вас, по Господню слову: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». И мы ж, великие князи, посылали к вам, своей вотчине: отстаньте от злоб ваших и злых дел, а мы по прежнему жалованию своему жалуем вас, вотчину свою. Вы же не восхотели сего, но как чужие стали относиться к нам. Мы же положили упование на Господа Бога, и на пречистую мать его, и на всех святых его, и на молитву прародителей своих великих князей русских, и пошли мы на вас за непослушание ваше"». После сего Иван Борисович начал говорить к ним: «Князь великий тебе, богомольцу своему, и посадникам, и зажиточным так говорит: "Били вы челом мне, великому князю, о том, чтоб я нелюбовье свое своей вотчине отложил, и вы стали вести речи о боярах новгородских, о которых прежде сего опалились мы, и мне бы

тех жаловать, отпустить. А ведомо тебе, богомольцу нашему владыке, да и вам, посадникам и зажиточным и всему Новгороду, что на тех бояр били челом мне, великому князю, вся моя вотчина Великий Новгород, что от них много лиха починилось вотчине нашей Великому Новгороду и волостям его, наезды и грабежи, жизни людские отнимали и кровь христианскую проливали. А ты, Лука Исааков, сам тогда был в истцах, да и ты, Григорий Киприанов, от Никитиной улицы. И я, князь великий, выискал тобою же, своим богомольцем, да и вами, посадниками, и вотчиною своею Великим Новгородом, что много зла чинится от них вотчине нашей и казнить их хотел. Тогда ты ж, владыка, и вы, вотчина наша, добились мне вы челом, и я казни им отменил, а вы нынче о тех виновных речи вставляете. И коли не по пригожести их нам бьете челом, и нам как вас пожаловать?"». После всех же сих речей князь Иван Юрьевич сказал: «Князь великий вам говорит: "Восхочет нам, великим князьям своим государям, вотчина наша Новгород бить челом, и они знают, вотчина наша, как им нам, великим князьям, бить челом"». После сего владыка, и посадники, и зажиточные били челом великому князю о приставе, чтобы пожаловал, велел проводить их из города. И князь великий приставу своему Руноу велел проводить их; а тот Рун встречал их от великого князя приставом, когда шли к великому князю от Новгорода.

И ноября в 27 день в четверток пришел князь великий под город через Ильмень озеро по льду; а с ним братия его, младший князь Андрей. Да в тот же день пришел под город князь Василий Михайлович верейский. А князь великий пришел под город, стал у Троицы на Поозерьи в Ложниском селе, а брату своему велел стать, князю Андрею младшему, у Благовещения в монастыре. А воеводам своим князь великий велел стать около города с полками своими: князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве монастыре, князю Даниилу Холмскому во Аркажем монастыре, а Василию Сабурову в монастыре у Пантелеймона святого, а князю Александру Оболенскому у Миколы на Мостищах в монастыре, а князю Борису Оболенскому на Сакове у Богоявления в монастыре. А князю Семену Ряполовскому велел стать по Пидьбе, вверху Пидьбы и на Стипе. И с Городищской стороны велел князь великий стать князю Василию Михайловичу верейскому на Лисичьей горке в монастыре; а на Городище велел стать Федору Давыдовичу, да князю Ивану Стриге, да Григорию да Ивану Никитичам. Ноября ж в 29 день пришел под Новгород князь Борис Васильевич, после брата своего великого князя на третий день, а князь великий велел ему стать на Кречневе, во владычнем селе, вниз по Волхову. Ноября ж в 30 день в воскресенье князь великий велел всем воеводам за кормом посылать людей половину, а другую у себяоставлять; а срок им по корм идти десять дней, а в 11 день декабря

всем быть под городом, где кто б ни был. В тот же день послал князь великий Севастьяна Кушелева навстречу своему наместнику псковскому князю Василию и навстречу псковской рати, чтоб пошли, не медля, с пушками и со всею приправою по первому приказу. И Севастьян встретил их у Сольцы на Шелони.

Месяца декабря в 4 день в понедельник пришел к великому князю в Поозерье к Троице владыка новгородский Феофил, а с ним посадники Яков Коробов, Феофиласт Захарыч, Лука да Яков Федоровы да Лука Исааков; а от зажиточных же Александр Климентьев, да Филипп Ильинский, Григорий Киприанов Трезубиев, да Ефимий Медведнов, да Яков Царищев купец. И начал владыка великому князю бить челом, так говоря: «Господин государь князь великий Иоанн Васильевич всея Руси, я, господин, богомолец твой владыка, и архимандриты, и игумены, и священноиноки, и иноки, и священники, и все семь соборов Великого Новгорода тебе, своему государю великому князю, челом бьем, чтоб ты, государь, пожаловал, смиловался над христианством, над своею вотчиною, меч бы ты свой унял и огонь угасил, а кровь христианская не лилась, а я, богомолец твой, и все семь соборов тебе, своему государю, со слезами челом бьем». А посадники и зажиточные также били челом, чтоб государь смиловался, да били челом, чтоб государь пожаловал, велел с боярами говорить. Князь великий выслал к ним бояр своих князя Ивана Юрьевича, Федора Давыдовича, князя Ивана Стригу да с ними Василия да Ивана Борисовичей. И владыка, и посадники, и зажиточные били челом о том же, как перед великим князем, да чтоб государь пожаловал, указал своей вотчине, как Бог положит ему на сердце своей вотчины жаловать. И князь великий велел им отвечать так, по первому ответу: «Что присылали Назара да Захара, а называли вы нас государями, и мы потому и послов своих посылали спросить вас, какого хотите нашего государства, и вы от того у нас заперлись, а на пас вы ложь возложили. И мы, не в силах терпеть того, помолив Господа Бога, и пречистую мать его, и всех святых его, пошли мы на вас, взяв Бога на помощь и силу животворящего креста Господня. И если восхочет нам, великим князьям, бить челом наша вотчина Великий Новгород, они знают, как бить челом». И владыка и те, кто с ним были, били челом, чтоб князь великий поволит ехать в город да опять приехать по тому же охранию. Князь великий поволит им.

В тот же день царевич Даньяр пришел под город, а с ним воевода великого князя Василий Образец с боровичами. И князь великий велел царевичу Даньяру стать в Кириллове монастыре да у Андрея святого в монастыре на Городецкой же стороне. А приставам царевичевым, князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцу, велел стать на Ковалева в монастыре; а Василию Образцу

с боровичами велел стать у Спаса в монастыре на Болотове. В тот же день пришел под город князь Андрей Васильевич старший, и князь великий велел стать ему в монастыре у Воскресения на Деревянице; а тверскому воеводе князю Михаилу Федоровичу велел стать с полком своим у Миколы на Островке.

Последняя отповедь. Мосты через Волхов. Декабря ж в 5 день в пяток пришел из Новгорода владыка Феофил да и посадники и зажиточные, которые прежде с ним были, к великому князю; а у него тогда братья его, князь Андрей, и князь Борис, и князь Андрей младший. А били челом владыка и все, которые с ним, как и прежде того, чтоб государь смиловался, а в том себя повинили, с чем посылали Назара да Захара да пред послами великого князя от того отперлись. И князь великий велел отвечать им. «А коли уже ты, владыка, и вся вотчина наша Великий Новгород перед нами, великими князьями, виноваты сказались сами, а от тех речей, что к нам посылали, вы отперлись. А ныне сами на себя свидетельствуете, а спрашиваете, какому нашему государству быть на нашей вотчине на Новгороде. Тогда мы, великие князи, хотим государства своего: как мы на Москве, так хотим быть на вотчине своей Великом Новгороде». И владыка и со всеми своими посадниками и зажиточными начали бить челом, чтоб князь великий пожаловал, отпустил в город ехать да о том помыслить, да по тому же бы охранению велел у себя быть и срок бы дал им, когда у себя велит быть. И князь великий пожаловал их, а на утро следующего дня у себя велел быть им в воскресенье. А в тот же день пришел к великому князю от наместника его псковского князя Василия Васильевича и от псковского войска посадник псковский Василий Епимахов с тем, что наместник его, великого князя, Василий Васильевич с псковским войском пришли на его, государя, дело все, с чем им велел к себе быть, и где велит им стать. И князь великий велел князь Василию стать в Бискупицах, а посадникам псковским с лучшими людьми велел стать в Федотине селе жены Исаака Полинаръина, а прочим псковичам молодым велел стать в монастыре у Троицы на Веряжи да и на Клопске. Декабря в 6 день велел князь великий мосты ставить на реке Волхове своему мастеру Аристотелю фрязину под Городищем на судах на той реке; и когда князь великий, одолев, возвратился к Москве, мост уже стоял.

Декабря в 7 день пришел к великому князю владыка из Новгорода с теми же вышесказанными посадниками и зажиточными, да с ними пять человек черных от пяти концов: от Неревского конца Аврам Ладоженин, а от Горичавского Кривой, а от Славянского Захар Брех, а от Загородского Харитон, а от Плотнического Федор Лытка. Били челом владыка, и зажиточные, и черные о том же, как и прежде, чтоб государь смиловался, да и пожаловал

бы государь, позволил с боярами своими поговорить. И князь великий велел боярам своим князю Ивану Юрьевичу и Федору Давыдовичу, да князю Ивану Стриге, да с боярами Василию да Ивану Борисовичам. А владыка со всеми своими посадниками, и зажиточными, и черными били челом. Первая была речь Якова Коробова с челобитьем, чтоб государь князь великий пожаловал, велел своему наместнику судить с посадником. А Феофилат посадник бил челом, чтоб государь князь великий пожаловал, на всякий год брал со всех волостей Новгородских дань с сохи по полугривне новгородской. А Лука посадник бил челом, чтоб государь пожаловал, пригороды Новгородские держал своими наместниками, а суд бы по старине был. А Яков Федоров посадник бил челом, чтоб пожаловал князь великий, вывода не учинил из Новгородской земли, да и о вотчинах боярских и о землях, чтоб государь не вступался, да пожаловал бы, чтобы вызовов на суд в Москву из Новгорода не было. Да и все били челом о том, «чтоб в Низовскую землю к берегу службы нам, новгородцам, не было, а которые рубежи сошлись здесь с Новгородскими землями, и по своих государей повеленью мы, вотчина их, рады то оборонять». И бояре, придя, князю великому те речи сказали. А князь великий выслал к ним тех же своих бояр с ответом, а велел им так отвечать: «Били вы челом мне, великому князю, ты, наш богомолец, и наша вотчина Великий Новгород, зовя нас себе государями, да чтобы мы пожаловали, указали своей вотчине, каким нашему государству быть в нашей вотчине Великом Новгороде. И я, князь великий, то вам сказал, что хотим государства на своей вотчине Великом Новгороде такого, как наше государство в Низовской земле на Москве. И вы нынче сами указываете мне, а чините урок, каким нашему государству быть. Тогда то которое мое государство?». И владыка, и посадники, и зажиточные били челом, а молвили боярам так: «Мы своим государям великим князям урока не учинили их государству; но пожаловали бы наши государи свою вотчину, великие князи явили то своей вотчине Великому Новгороду, как их государству быть в их вотчине, потому что, господин, вотчина их Великий Новгород низовских пошлин не знают, как государи наши великие князи государство свое держат в Низовской земле». И бояре, придя, то сказали великому князю. И князь великий их же послал с ответом, а велел так говорить, князь Иван Юрьевич начал говорить: «Князь великий тебе, своему богомольцу владыке, и вам, посадникам, и зажиточным, и черным людям, так говорит: "Что вы били челом мне, великому князю, чтоб я явил вам, как нашему государству быть в нашей вотчине. Тогда наше государство великих князей таково: вечевому колоколу в вотчине нашей в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство свое нам держать. Тогда на чем

великим князям быть в своей вотчине? Волостям быть, селам быть, как у нас в Низовской земле; а которые земли наши великих князей за вами, то б было наше. А что вы били челом мне, великому князю, чтоб вывода из Новгородской земли не было, да у бояр новгородских в вотчины, в их земли, нам, великим князям, не вступаться, мы тем свою вотчину жалуем, на выводе не настаиваем, и в вотчины их не вступаемся. А суду быть в нашей вотчине в Новгороде по старине, как в земле суд стоит"».

Конец посадников и вече. В тот же день в воскресенье пришли к великому князю под город псковичи, наместник великого князя псковский князь Василий Васильевич Шуйский, а с ним посадники псковские со многими воинами: посадник Алексей Васильевич Кочанов, да Зиновий Сидоров, да Стефан Максимов и иные посадники, бояре, и дети боярские, и многие псковичи. В 14 день в воскресенье владыка пришел к великому князю с посадниками и с вышеписанными, и начали бить челом, чтоб государь смиловался над своею вотчиною да с боярами бы велел говорить; и князь великий бояр с ними говорить выслал. И они начали бить челом, и от вече, и колокола, и посадника отказались, чтоб государь сердце сложил, и нелюбовь отдал, и вывода бы не учинил, и в вотчины бы, в их земли и в воды, не вступался, и в имения их; да пожаловал бы и вызовы на суд московские отложил в Новгород, да служить бы пожаловал в Низовскую землю не отправлять. И князь великий тем всем пожаловал их. И они начали бить челом, чтоб государь дал крепость своей вотчине Великому Новгороду, крест бы поцеловал. И князь великий отрек: «Не быть моему крестному целованию». И они били челом, чтоб бояре целовали к ним, князь великий и то им отмовил. И они еще о том били челом, чтоб наместнику своему велел целовать, которому у них быть, он же и того не учинил. И они еще били челом о покровительственной грамоте, и князь великий и того не дал им.

Декабря в 28 день в воскресенье князь Василий Васильевич Шуйский, что был в Новгороде, племянник князя Ивана Горбатова, к новгородцам крестное целование сложил в Новгороде на великого князя имя. И новгородцы, опасаясь великого князя, не смели ему ни слова молвить; и был у них в городе после сложения того два дня.

Декабря в 29 день владыка с вышесказанными своими боярами били челом великому князю, что «уже государь не жалует, не только крестное целование отложил, но покровительственные грамоты не дал, и чем снова свою вотчину нас жалует, и мы бы то его, своего государя, жалованье от уст его слышали сами без высылки». И бояре, придя, то великому князю сказали. И князь великий пожаловал, велел им к себе войти и сказал им: «Что били вы челом мне, великому князю, богомолец наш ты, владыка, и

посадники с тобою, и зажиточные, и черные от нашей вотчины от великого Новгорода, чтоб я пожаловал, гнев свой отложил и вывода от Новгородской земли не учинил, и в вотчины и в имения людские не вступался, и вызова московского не быть, и суду быть по старине в Новгороде, как суд в земле стоит, да и на службу я вас в Низовскую землю не отправляю, и я тем всем вас, свою вотчину, жалую, все то я отложил». И они то слушали и ударили челом, вышли от него. И князь великий выслал за ними бояр о волостях и о селах, а велел говорить так: «Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси говорит: "Посылал я тебе, богомольцу своему, бояр своих да и к вам, посадникам и к зажиточным, и о волостях и о селах, чтоб наша вотчина Великий Новгород дали нам волости и села, поскольку нам, великим князям, государство свое держать на своей вотчине Великом Новгороде без того нельзя"». И владыка, и посадники, и зажиточные отвечали: «Скажем то, господин, Новгороду».

Половина волостей духовных. Декабря в 30 день во вторник пришел к великому князю служить князь Василий Шуйский из Новгорода. И принял его князь великий, и почтил его, и дары дал ему. Января в 1 день владыка с посадниками и зажиточными, придя к великому князю, явили ему волости: Луки Великие да Ржев Пустой; он же не взял того. В четвертую неделю владыка с теми же вышесказанными, придя к великому князю, явили 10 волостей: 4 владычные, да 3 Юрьевского монастыря, да у Демона Благовещенская волость, да Антоновскую волость, Тубас волость, да что в Торжке земель владычных, и монастырских, и боярских, и всех новгородцев, чьей земли ни будь, от всех тех отступились великим князям к их вотчине к Торжку. И князь великий тех десяти волостей не взял. И они били челом, чтоб сам государь умыслил, как ему свою вотчину жаловать и сколько волостей ему взять, а вотчина его возлагается на Бога да на него. И князь великий велел боярам молвить им: «Взять мне половину всех волостей владычных и монастырских, так как те испокон великих князей, а захватили сами, да Новоторжские, чьи ни будь». И они отвечали: «Скажем, господин, то Новгороду».

Января в 6 день на Крещение Господне во вторник пришел к великому князю владыка с посадниками и с зажиточными и с челобитьем и с половиною волостей владычных, да и Новоторжские все волости, владычные, и монастырские, и боярские, и чьи ни будь, от всех отступились к великим князям; да били челом о монастырях, чтоб пожаловал, у 6 монастырей взял половину волостей и земель: у Юрьева, у Благовещения, у Аркажего монастыря, у Антонова, у Никольского Неревского конца, у Никольского на Сковоротке. А иные бы монастыри государь пожаловал, земель у них не брал, поскольку те убоги, земель у них мало. И

князь великий владыке и посадникам велел идти во град и написать на список половину волостей владычных да и монастырских, а не таили б ничего, а что утаят, тогда та земля великих князей.

Января в 7 день пришел к великому князю владыка с посадниками и зажиточными и списки принесли владычных волостей половину, а также и монастырских. И князь великий пожаловал, владычных половину волостей не взял, а взял десять волостей: Порог Ладожский и земля Порожская по обе стороны Волхова, да в Нагорье Емележческий погост, да Колобяльский погост, а сох в них 40 и три с половиной; да в Дреглах погост, да Кременницкий погост, в двух тех 50 сох; да на Мсте Белая, без половины 40 сох в ней; да Утомля 50 сох; да Кирва да Охона, 50 сох и 2 с половиной; да Перось, а в ней 80 куниц и 2. Да Новоторжские земли все взял, владычные, и монастырские, и боярские, и чьи ни будь в Торжке; да вышеписанных 6 монастырей по половине волостей. А у Юрьева монастыря в половине, что взял князь великий, 720 обож, а у Аркажего 333, а у монастыря Благовещенского 243, а у Никольского Неревского конца 251, а у Антонова монастыря 50 сох, а у Михайловского монастыря 100 обож без трех. А которые села были за князем Василием Шуйским, и те князь великий за себя же взял 6 сел, а в них сох 80 без двух.

Соха. Обжа. Дань. Января в 8 день в четверток пришел к великому князю из Новгорода владыка с посадниками, и с зажиточными, и с черными бить челом, чтоб государь пожаловал вотчину свою, христианство б не гибло, поскольку теснота была во граде и мор на людей и голод. И князь великий велел с ними боярам говорить о дани, что явили дани со всех волостей Новгородских, с сохи по полугривне по 7 денег, велел их спросить: «Что их соха?». И они сказали: «3 обжи соха; а обжа один человек на одной лошади пашет; а кто на трех лошадях и сам третий пашет, тогда то соха». И князь великий захотел взять с обжи по полугривне. И владыка со всеми своими от всего города начали бить челом, чтоб государь смиловался, брал бы по тому дань, как бьет челом, по 7 денег с трех обжей, а брать бы пожаловал по один раз за год. А князь великий тем их пожаловал, что брать ему один раз за год дань с сохи по полугривне со всех волостей Новгородских, и на Двине, и Заволочье на всяком, кто ни пашет землю, и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых. И владыка со всеми своими еще били челом: «Чтоб государь пожаловал, писцов своих и данщиков в свою вотчину в волости Новгородские не посылал, поскольку, господин, то христианам тяжело, а положился бы государь на новгородскую душу. А скажут все, сколько у кого сох будет, да сами, собрав, дань отдадут по крестному целованию бед хитрости тому, кому великие князи прикажут отдать в Новгороде. А кто утаит хотя одну обжу, а уличим его, и мы то ска-

жем своим государем князем, и того казнить». И князь великий тем пожаловал вотчину свою, чтоб самим дань собирать и отдавать, кому у них велят брать, а писарей и данщиков к ним не посылать.

О Ярославовом дворе. Января в 10 день князь великий велел боярам своим говорить владыке, и посадникам, и зажиточным, и черным о Ярославовом дворе. Чтоб тот двор ему очистили. И владыка, и бояре, и зажиточные отвечали: «О том, господин, едем в город да скажем Новгороду». Да велел им в тот же день явить список, на чем им к великим князям крест целовать, всему Великому Новгороду. А они били челом, чтоб государь великий пожаловал, послал тот список в город, велел бы его явить всему Великому Новгороду. И князь великий послал тот список в город с Одинцом подьячим и велел его явить Новгороду у владыки в палате.

Января в 12 день в понедельник пришел владыка к великому князю, а с ним вышесказанные посадники и зажиточные, а били челом, чтоб им с боярами говорить. И князь великий бояр к ним на разговор послал. И они о дворе великого князя о Ярославовом отвечали так: «Тот, господин, двор государей наших великих князей; хотят тот свой двор взять, тогда перед Богом и перед нами; а захотят государи наши в околотке взять место против того своего двора, тогда, господин, перед ними. А что, господин, список целовальный нам государь князь великий велел явить своей вотчине Великому Новгороду, на чем Новгороду крест целовать к государям своим великим князям, и вотчина их тот список слышали, на всем на том своим государем крест целуют. А государи б наши великие князи свою вотчину жаловали, как им Бог на сердце положит, а вотчина их Великий Новгород своим государям челом бьет и все упование полагают на Бога да на них, своих государей великих князей». И князь великий велел новгородскому владыке со своего списка слово в слово, на чем новгородцам к ним, великим князям, крест целовать, списать; да тот список и подписать велел владыке своею рукою, да и печать свою приложить, да по печати с пяти концов приложить к тому списку. Да на следующий день во вторник велел князь великий владыке, и посадникам, и зажиточным быть у себя к Троице в Поозерье.

Присяга новгородцев. Января в 13 день во вторник пришел к великому князю владыка, а с ним новгородские многие посадники, и зажиточные, и купцы; и запись целовальную владыка с собою принес, а писал ее дьяк владычний, а подписал владыка своею рукою и печать свою приложил, да и с пяти концов по печати приложили. И целовали крест на той записи к великим князям бояре новгородские многие, и зажиточные, и купцы у Троицы на Поозерьи перед великого князя боярами. В 13 день января во вторник говорили бояре новгородцам у целованья о псковичах:

«Что псковичи послужили великим князям, вы б за то им не мстили никоторою хитростию по крестному целованию, а в земли б, и в воды, и в дворы, и в берег Псковский не вступались, ни обиды никоторой вы бы им не учинили. А обо всех обидных делах, и о землях, и о водах наместникам великих князей новгородским сообщениями обмениваться с великих же князей наместником с псковским, а псковскому с ними, и будет у вас суд и управа на все стороны». Да говорили им о боярах новгородских, и о детях боярских, и о боярынях, которые служат великому князю, чтоб им не мстили никоторою хитростию. Да говорили им о пригородах, и о Двине, и о Заволочьи, что пригородам всем, да и двинянам и заволочанам крестное целование новгородское с себя сложить, а целовать им крест на великих князей имя. Да о тех ивановских говорили и о Сеньке о Князьском, чтоб попам ругу (содержание) отдали, за прежние годы, что им не дали, да и впредь бы давали ругу; а что у попа Иоанна взяли; а тот бы ему оставшееся все отдали, а Сеньке бы двор его да и остаток весь отдали, что у него взяли. И на всем на том новгородцы все целовали крест великим князям, что в записи написано и речами изговорено. И когда целовали крест бояре новгородские, и зажиточные, и купцы, и владыка с ними всеми били челом боярам, чтобы себя печаловали государю, отдал бы им нелюбия и сердце сложил, и слово свое от уст своих сказал вслух всем по прежнему жалованию. А вотчина их Великий Новгород к своим государям крест целовали здесь у Троицы по записи, а в городе весь Великий Новгород, вотчина их, по той же записи крест целуют. И бояре то великому князю сказали, и князь великий их пожаловал, слово свое им молвил всем по тому же, как и прежде сего им говорил, декабря в 29 день. После тех речей молвил им: «А уже даст Бог впредь, тебя, своего богомольца, и вотчину нашу Великий Новгород хотим жаловать».

Грамота новгородская. Января в 15 день в четверг послал князь великий в Новгород бояр своих князя Ивана Стригу, да Федора Давидовича, да князя Ивана Юрьевича, да с ними Василия и Ивана Борисовичей привести весь Великий Новгород к крестному целованию на той грамоте, на чем великим князям присягали. Да били челом новгородцы, чтобы жалование свое великий князь Новгороду показал. И велел князь великий править посольство одному князю Ивану Юрьевичу владыке и всему Новгороду в палате. Ибо от того дня вече не было в Новгороде. И начал князь Иван говорить: «Князь Иоанн Васильевич, всея Руси великий государь наш, тебе, своему богомольцу владыке, и всей вотчине Великому Новгороду говорит так. Что наш богомolec архиепископ Феофил со всем священным собором и вся наша вотчина Великий Новгород били челом нашей братьи о том, чтоб я пожа-

ловал, смиловался и нелюбия сердца сложил, и я, князь великий, братьи своей ради пожаловал свою вотчину, нелюбовь отложил. И ты, богомолец наш архиепископ, и вотчина наша на чем били челом нам, великим князьям государям своим, и грамоту написали и крест целовали, и потом вся бы наша вотчина, все люди новгородские, по той же грамоте крест целовали и правили бы вы к нам. А мы вас, свою вотчину, впредь хотим жаловать по вашему исправлению к нам». После сих же речений на владычнем дворе бояре великого князя начали приводить к крестному целованию бояр новгородских, и зажиточных, и купцов, и прочих на том, на чем били челом великому князю, по грамоте, которую написал дьяк владычний, а владыка подписал своею рукою и печать свою приложил и от пяти концов по печати. И на пять концов послал князь великий своих детей боярских да и дьяков своих, и привели их всех к крестному целованию на той же грамоте; все целовали люди, и жены боярские, и вдовы, и люди боярские. Да что была у новгородцев грамота укрепленная меж собой за 58-ю печатями, и ту грамоту у них взяли бояре великого князя при целовании на владычнем дворе. Потом сняли вечевою колокол на Ярославовом дворе и отвезли в Заозерье к великому князю. Люди же, видя, плакали весьма и не смели нисколько говорить.

Января в 18 день били челом великому князю в службу бояре новгородские все, и дети боярские, и зажиточные, да отдавшись ему, вышли от него. И князь великий выслал за ними Ивана Товаркова к Казимиру да к брату его Коробу, Феофилату Захарьину, Луке и Якову Федоровым, Ивану Кузьмину, Ивану Захарьину сыну Григорьева, Мите Есипову, Михаилу Берденеву, Василию Есипову, Федору Телятеву, Родиону Норову. А велел им князь великий говорить: «На какой грамоте великим князьям крест целовали вы, по той грамоте государям своим и выполняли б вы и по тому крестному целованию. А что услышит кто у брата своего новгородца про великих князей о добре и о лихе, и вам то сказывать своим государям великим князьям. А что начнут великие князи с вами говорить которое свое дело или бояре великого князя, который с кем из вас имеет которое дело великих князей, говорить, и того вам государского дела не проносить по тому крестному целованью». И те бояре все на том молвили, на чем к ним своим государям великим князьям крест целовали. Да в тот же день бил челом владыка великому князю, чтоб пожаловал, велел дать своих приставов в волости и в села, поскольку христиане бежане не смеют из города идти. И князь великий велел им приставов давать.

Января в 20 день князь великий из Новгорода послал на Москву к матери и к митрополиту да и к сыну своему великому князю князя Ивана Ивановича Слыха с тем, что вотчину свою Вели-

кий Новгород привел во всю свою волю и учинился на нем государь, как и на Москве; а приехал на Москву с тем того же месяца в 27 день. Того ж месяца в 21 день бояре новгородские, и все зажиточные, и купцы подавали великому князю многие подарки. Того ж месяца в 22 день послал князь великий в Новгород наместников своих, боярина своего князя Ивана Васильевича Стригу да брата его Ярослава, а велел им стать на своем дворе великого князя Ярославовом. А сам князь великий не поехал в Новгород из-за того, что мор был у них тогда.

Января в 29 день на память священномученика Игнатия Богоносца в четверг на Масличной неделе вошел князь великий в Новгород Великий, а с ним братья его, князь Андрей, и князь Борис, и князь Андрей, да князь Василий верейский; ударили челом святой Софии премудрости Божией, да и обедню слушал у Софии премудрости Божией с братиею. И после отпетия литургии пошел из града к себе на Поозерье и обедал у себя, и братья его все у него же, и владыка, и бояре новгородские многие, и зажиточные; да и пел с ними. А подарков явил владыка пред столом великому князю: панагию сизую обложенную золотом с жемчугами, да кубок яйцо строфокамиловое (страусиное) окованное серебром, чарку сердоликовую окованную серебром, бочку хрустальную окованную серебром, мису серебряную 12 гривенок, 200 кораблеников.

Вел. княг. Мария. Марфа посадница. Договоры с Литвою взяты. Противники в ссылке. Дары владыки. Месяца февраля в 1 день в воскресенье на Масленое заговенье велел князь великий взять старосту купецкого Марка Памфильева; и взяли его в городе. Февраля в 2 день великая княгиня Мария Василия Васильевича постриглась ночью той в чернецы на своем дворе на Москве; а постриг ее игумен Кириллова монастыря и нарек имя ей Марфа. В тот же день в понедельник первой недели поста в Новгороде велел князь великий взять боярыню новгородскую Марфу Исаакову да внука ее Василия сына Федора Исаакова. Февраля в 3 день во вторник первой же недели поста велел князь великий наместнику своему князю Ивану Васильевичу Стриге взять у новгородцев грамоты dokonчанные, что dokonчания не было им с великими князьями литовскими и с королем. И князь Иван взял у них те грамоты dokonчанные, а принес их к великому князю. Февраля в 5 день в четверток князь великий других двух наместников назначил на Новгород, Василия Китая да Ивана Зиновьева. Февраля в 6 день князь великий взять велел Григория Киприанова, Арзубьева и имущество его. Февраля в 7 день велел князь великий отвести к Москве пойманных новгородцев: Марфу Исаакову со внуком, да Ивана Кузьмина Савелкова, да Акинфа с сыном Романом, да Юрия Репехова, да Григория Арзубьева, да Марка Памфильева; и имущество их велел описать на себя. Февраля в 8 день

в Сборное воскресенье князь великий в Новгороде слушал обедню в соборе у великой Софии и обедал у себя на Поозерьи, а у него брат князь Андрей младший, да владыка, и бояре новгородские многие, и зажиточные. Февраля в 12 день в четверг пришел к великому князю из Новгорода владыка с подарками перед обеднею, а подал цепь золотую 5 гривенок, да чарку золотую 10 гривенок, да чару ж золотую полторы гривенки и десять золотников, да ковш золотой гривенка и 3 золотника, да кружку серебряную золоченую 13 гривенок, да кубок золотой складной 14 гривенок, да мису серебряную 11 гривенок, да кубок складной 6 с половиной гривенок, да пояс золоченый великий окованный 18 с половиной гривенок, да 100 кораблеников. А новгородские бояре и от концов старосты с бывшими посадниками принесли 15 000 рублей, 10 000 серебряных новгородскими и кораблениками, да 10 000 золотниц немецких и угорских, да золота 20 гривен, да серебра сосудов 2000 гривен, а братию его чтили и князей золотом, серебром и пожитками, соболями, куницами и иными зверями.

Возвращение великого князя. Февраля в 17 день во вторник рано князь великий, слышав, что братия его восстают и москвичи в страхе, выехал из Новгорода и скоро пошел к Москве, а был ему первый стан в Ямнах. И на тот стан приехал за ним владыка проводить его, а явил бочку вина да жеребца. А бояре новгородские и зажиточные являли мехи вина и меду; да ели у него все и пили с ним. И одарил князь великий владыку и бояр, и отпустил их. Месяца марта в 5 день на Москву пришел князь великий в четверг на пятой неделе поста. А после себя князь великий велел из Новгорода колокол их вечевой привести на Москву; и привезен был, и внесли его на колокольницу на площади с прочими колоколами звонить. И когда стал Великий Новгород как Русская земля, такого на них изневоления не бывало ни от которого великого князя, да и ни от иного ни от кого.

Татары на Вятку. Еп. Вассиан тверской. Оситов монастырь. Той же зимой казанский царь ходил на Вятку и много полону взял, и сек, и грабил несмотря на клятву свою; а грады дались за него. Той же зимой декабря в 6 день поставлен на Москве митрополитом Геронтием на Тверь на владычество священноинок Вассиан архимандрит, сын князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского. В ту же весну был Благовещения день на Светлой неделе в среду. В тот же день пошла Москва река, а на следующий день начали и вброд ходить через нее на конях. Той же весною Иосиф старец начал строить монастырь на Ламском Волоке в пустыни.

Война на Казань. В ту же весну князь великий отпустил рать судовую на Казань, князя Семена Ивановича да Василия Федоровича Образца со многим воинством; а из Новгорода пошли под

Казань мая в 26 во вторник. И придя, пленили землю их по Волге, множество их побили и пленили. Потом пришли к граду и начали стреляться. И была буря и дождь великий, что невозможно было стоять и стреляться. И потому пошли назад и стали на Волге, а вятчане и устюжане, придя оттуда, пленили по Каме и множество попленили, а кони их гнались берегом. Хан же послал с челобитьем к великому князю, и умирились. А воеводы, взяв из Казани полон русский и дары, возвратились.

Умер Оболенский. Той же весною преставился в Новгороде Великом наместник великого князя князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига, и привезли оттуда, и положен в Суздале у Спаса в Евфимьеве монастыре.

Распря о монастыре. Князь великий отвергает грамоту митрополитову. Митрополит просит прощения. В тот же год была брань между митрополитом Геронтием и Вассианом, архиепископом ростовским, о Кириллове монастыре, ибо начал Геронтий отнимать от ростовской епископии, научаемый князем Андреем Михайловичем. Ибо чернецы Кириллова монастыря, превозносящиеся своим высокоумием суетным и богатством, не восхотели быть под правдами ростовской епископии, ни повиноваться ростовскому архиепископу, забыв Господни слова: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится», возмутились и восколебались, как пьяные, и, по пророческому слову, вся мудрость их поглощена была; и полагающие мудрыми себя, обьюродились, ослепленные злобою. Научили князя Михаила, князь же Михаил начал митрополиту о том говорить. Митрополит же, повинувшись князю Михаилу, грамоту дал ему, чтоб князю Михаилу ведать монастырем, а ростовскому архиепископу в него не вступаться. Архиепископ же Вассиан начал ему бить челом, чтоб не вступался чрез правила в его предел. Он же не послушал его. Архиепископ же бил челом великому князю Иоанну Васильевичу и начал суда просить по правилам с митрополитом. Князь же великий послал к митрополиту боярина своего Михаила Васильевича, сказал так: «Отец, я не вступаю в твою власть, ибо имеешь ее над церковью всею и над всеми служащими твоими, их и монастыри устраивать, беречь, и научать, и сам их суди. А поскольку церкви и монастыри устроены и снабжены от предков наших великих князей, и местных князей, и дворян, и от градов, то не имеешь власти их кому-либо отдавать. А ныне дал ты Кириллов монастырь владеть князю Михаилу ростовскому, и то не годится». Митрополит же Геронтий со гневом отрек, что он имеет власть над всеми монастырями и волостями их. После сего князь великий послал взять грамоту митрополитову у князя Михаила, и повелел собору быть всем епископам и архимандритам на Москве, и дал суд архиепископу

на митрополита. И многие упреки предъявлены были, митрополит же убоялся соборного суда и умолил великого князя. Князь же великий умирил митрополита со архиепископом и грамоты разодрал, а Кириллов монастырь указали ведать по старине ростовскому архиепископу во всем. Все же сие зло было от тогда бывшего кирилловского игумена новоначального Нифонта, и от новоначальных чернецов, и от прихожих смутьянов. А старые их старцы, святые их обители постриженники, все со слезами тогда молили Бога, и пречистую Богородицу, и великих чудотворцев Леонтия и Кирилла, чтоб Бог укротил брань, а им бы жить в повиновении у своего святителя ростовского архиепископа, как жил их преподобный старец Кирилл.

6987 (1479). *Родился Василий IV*. Месяца марта в 25 день в 8-м часу ночи против дня Собора архангела Гавриила родился великому князю Иоанну Васильевичу сын у царицы Софии и наречен был Василий. Крещен же был у Троицы в Сергиеве монастыре, а крестил его ростовский архиепископ Вассиан да игумен Паисий троицкий апреля в 4 день в неделю Цветоносную.

Монастырь златоустовский. В тот же год июля в 11 день заложил церковь каменную Иоанна Златоустого благоверный и христоробивый великий князь Иоанн Васильевич всея Руси, а прежде бывшую деревянную разобрал. Была же та церковь изначала гостей московских строение, да уже и оскудевать начала. Князь же великий устроил монастырь и учинил игумена у той церкви в соборе под Воскресенским игуменом загородских попов. В тот же год завершена была соборная церковь Успения пречистой Богородицы на Москве. Была же та церковь чудна весьма величеством, высотой, светлостью и пространством, какого ж прежде того не бывало в Руси, кроме Владимирский церкви; а мастер ее Аристотель. Освящена была в тот же год августа в 12 день в четверг Геронтием митрополитом.

Хан Ахмат Большой орды, сын Зелени-Салтана, по совету с польским королем, желая и великого князя и всю Русскую землю мира лишить и пленить, умыслил сначала раздражать его послами своими с басмою (грамотою) по древнему обычаю, сказав так: «Ты, князь великий, улусник мой, сел на великое княжение после отца твоего, а к нам не идешь, и послов с дарами не слал, и ясак за многие годы не дал, и послу нашему в дани и выходе отказал и, не учтиво приняв его, отослал. По то послал ныне, да со всею данью за прошлые годы с земли твоей сам к нам приезжай или сына присылай. Если не исполнишь повеление мое, то ведаешь, что, придя, пленю всю землю твою и тебя самого, взяв, рабом учиню». Князь же великий поведал сие матери своей иночице Марфе и дяде своему, а также всем князьям и боярам. И многие сказали ему: «Лучше тебе, князь, умирить дарами нечестивого,

нежели кровь христианскую проливать». Слышала же то великая княгиня София, восплакала горько и сказала великому князю, мужу своему: «Господин мой, отец мой и я не хотим дань давать, лучше вотчины лишимся. И я, не желая иных богатых и сильных князей и королей из-за веры принять, с тобой браком сочеталась. А вот ныне хочешь меня и моих детей данниками учинить. Имеешь воинство многое и Бога себе помощником. Почему хочешь рабов твоих слушать, а не стоять за честь свою и веру святую? Почему боишься множества воинов нечестивых, ведая, что Он силен дать крепость и победу тебе? И как ранее отказал им, так и ныне откажись давать дани и выходы». Князь великий весьма удивился совету ее. На другой же день пришел посол с басмою ханскою. Князь же великий призвал пред себя оного просто, без встречи, и приняв басму, затем прочитав грамоту ханскую, плюнув на нее, изодрал басму и зло кинул на землю под ноги стоящим пред ним. Посол же тот и бывший с ним начали дерзостно говорить, угрожая великому князю. Он же повелел их убить и дом прежний ордынский разломать. Одного же оставил живым и послал его к хану, говоря такое: «Иди и скажи нечестивому хану твоему, да отстанет от безумия своего; ибо однажды уже сказал послу его ранее, что ни сам не иду, ни дани не дам. потому что я сам не хуже него и такую же силу имею и честь, как и он, но лучше и большую. Если же хочет более стяжать нас, да ведает, что, положась на Бога, потружусь оправдать меня и все христианство защитить». И так отпустил того. Вскоре же послал в Крым к хану Мин-Гирею, прося его, чтобы шел на короля литовского или на хана Ахмата. И хан крымский просил великого князя, чтоб его противников Андора и других велел ловить и в Большую орду не пускать, и сам обещался по весне идти на Литву, а на хана старшего сына послать в Ногаи.

Князь великий Иоанн Васильевич уведал тайно, что новгородцы, забыв свое крестное целование, многие начали втайне колебаться и с королем ляцким и князьями литовскими сообщениями обмениваться, призывая его с воинствами в землю Новгородскую. И король обещал идти к Новгороду, а к хану Большой орды послал звать на великого князя, и к папе после просить денег на подмогу. И папа деньги повелел ему взять в Ляцкой и Литовской земле от церквей, чтобы ему теми деньгами, победив великого князя, привести Русь в их язычную латинскую веру. Они же слали к немцам, но те отреклись, так как не смели на псковичей; а псковичи о том и не ведали. Князь же великий, не желая воинов много томить, пошел миром октября 26 дня; а за собою велел сыну своему, собрав воинов, вскоре посылать, говоря: «идет на немцев». И к Новгороду писал, а также от Торжка же и Бежецкого повелел заставы поставить, да не проведают о мно-

гом воинстве; с собою взял только 1000. А придя в Торжок, послал к братии, чтобы к нему с их воинствами поспешили. Пришли же к Бранице со всеми, и тут уведал, что новгородцы затворились. И тут стояли две седмицы. Дождавшись воинства, вскоре осады их повоевал, а повелел на утро к граду крепко приступать и из пушек бить. В новгородцах же были прения между собою, и многие, не желая биться, бежали к великому князю. Тогда послал архиепископ за заступничеством к великому князю, но не дал им, сказав: «Я сам заступник невинным и государь ваш. Отворите врата, и, когда войду, тогда всех невинных ничем не оскорблю». А из пушек били беспрестанно, ибо был Аристотель искусен весьма. Тогда отворили врата, и вышли архиепископ, и все иноки, и священники в ризах с крестами, затем новый их посадник, тысяцкий, старосты пяти концов, бояре и весь народ, отложив чины, все вышли для встречи и, пав, просили прощения. Князь благословился у архиепископа Феофила и сказал всем вслух: «Я, государь ваш, даю всем невинным в сем зле мир, и нисколько не убоитесь». И пошел к святой Софии помолиться, потом пошел во двор Ефима Медведева, нового их посадника, и тут стал. И в тот же день повелел поймать по росписям 50 человек главных крамольников и пытаться. Они же поведали, что и архиепископ с ними был заодно, но долго то таили.

6988 (1480). *Крымские ханы в службу*. Января в 19 день повелел великий князь архиепископа взять и послать к Москве, богатства же его многое в золоте, серебре, бисере и камнях драгоценных взял все. Новгородцев больших крамольников более 100 казнил и все имение их взял. Иных же с 1000 семей детей боярских и купцов разослал по городам низовым во Владимире, Муроме, Нижнем, Переяславле, Юрьеве, Ростове, на Костроме и в иных городах; там дал им поместья. Много же купцов и черных людей, до 7000 семей, по городам на осады и в тюрьмы разослал и в Новгороде казнил, а на их место жаловал поместьями их детей боярских с иных же городов и многих холопов боярских, много же и купцов в Новгород перевел. И так наконец укротил Великий Новгород. Говорили же те крамольники, что тайно имели с ними связь братия великого князя, князи Андрей старший да князь Борис младший. Князь же великий не дал никому о том знать. Пришла же весть с Москвы к великому князю, что братия его хотят отступить от него. Он же вскоре взяв митрополита Феофила, послал его к Москве и повелел посадить в монастыре святого Чуда архангела и сам пришел в Москву пред Великим заговением. Люди же ради были весьма, так как были в страхе великом от братии его, все грады сошлись, воеводы же, по лесам бегая, многие от стужи умерли. Той же осенью после отъезда великого князя в Новгород пришли к великому князю Иоанну Ва-

сильевичу и к сыну его великому князю Иоанну Иоанновичу из Поля два хана служить, Мердоулат с сыном Бердоулатом да брат его Айдар, дети хана Анчи-Гирея крымского.

Той же зимой князь Борис Васильевич пришел на Углич Поле к брату своему Андрею старшему, а княгиню свою отпустил во Ржев и с детьми. И князь Андрей с княгинею и детьми пошел и со братом Борисом ко Ржеву чрез Тверскую землю. И князь великий послал к ним во Ржев боярина своего Андрея Михайловича; они же не возвратились и пошли с княгинями и детьми и бояре их лучшие вверх по Волге к Новгородчине. Князь же великий послал за ними владыку ростовского Вассиана, и тот нашел их в Моловятицах, а шли к Новгороду: они же по словам епископовым послали бояр своих для сговору, князей Василия и Петра Никитичей Оболенских, а сами пошли к Литовскому рубежу и стали в Луках. А к королю послали с челобитьем, чтобы их управил в их обидах с великим князем, братом их, и помогал бы им. И король им отмовил, а княгиням их и детям дал для довольства город Витебск. Архиепископ же ростовский с боярами их пришел в Москву на Страстной неделе, а говорил: «Обидел ты, великий князь, брата твоего Андрея старшего, дал великое княжение сыну твоему, чего испокон не бывало. Да ты же обидел братию твою, что вотчину брата Юрия не всю им поделил, но взял себе тоже города и волости матери твоей, Переславль и Радонеж, владеешь сам и братии не даешь». А князь великий сказал: «Великое княжение даю сыну моему, ибо так повелел испокон князь Мстислав, вотчину после себя не дал брату, но дал сыну своему, а сын сам дал брату, и после него взял мимо стрьев; отец наш взял великое княжение мимо стрьев тоже, и сын мой вотчиною с братиею поделился и дал им более, нежели себе взял; и отец нам после смерти брата велел делить всем равно. Мать наша, хотя старица, но сама владеет и отдаст, кому она сама хочет, а я не смею раздражать матери своей и управляю волостью ее. А вы чему, у нее не прося, на меня гневаетесь?». И с тем отпустил бояр, а от себя послал того же владыку Вассиана да бояр своих Василия Образца Федоровича да Василия Тучка, говоря: «Пойдите, братия, на свою опять вотчину, и я хочу вас во всем жаловать, давая князю Андрею к его вотчине и к матерью данному Калугу и Алексин на Оке». И пошли с Москвы апреля 27, а в Луки пришли в субботу Пятидесятницы. И сказали им речь великого князя. Они же ни в чем не послушали, а владыка с боярами ни с чем возвратились. И князь великий, видя свою правду, положился на Бога и плакался к матери. И в то время стало слышно про нашествие на Русь безбожного царя Ахмата Большой орды.

Родились Георгий и Дмитрий. Умер еп. Никита коломенский. Шурин великого князя. Хан Айдам взят. Той же зимой марта в 15

в среду на пятой недели поста Бердоулата царевича, Мердоулатова сына, зарезал татарин его же; и тому татарину Мердоулат, отец Бердоулатов, сам голову отрезал. В тот же год месяца марта в 23 день в четверг шестой недели поста в четвертый час дня родились великому князю Иоанну Васильевичу два сына, Георгий да Дмитрий. Той же весною преставился коломенский епископ Никита, в мае. В то ж время пришел от Рима на Москву шурин великого князя, именован Андрей, сын Фомы деспота аморейского. Той же весной пойман хан Айдам крымский и послан в заточение на Вологду.

Хан Ахмат, получив весть от посланного, весьма разъярился, послал вскоре к королю польскому, чтобы со всею силою своею шел на великого князя, а сам начал всех воинов своих собирать. Когда же весна пришла, уведал, что братия великого князя отступили, и радуясь, думал междуусобию быть, и снова услышав, что на Новгород ходя, войско великое имея, тех победил и воинов своих умножил, послал снова к королю, чтобы на межах соединиться. А король, ища себе отмстить, хана звал воевать Русь. И так хан пошел тихо, ожидая от короля вести. Князь же великий, слышав сие на себя восстание и положась на Господа Бога, начал советоваться с дядею своим князем Михаилом Андреевичем верейским, и с матерью инокинею Марфою, и митрополитом Геронтием, и со всеми боярами и положили так: на Оку к берегу послать сына своего великого князя Иоанна Иоанновича да брата Андрея Ивановича младшего и с ними князей и воевод с воинством, сколько вскоре собрать можно; а низовые воинства с ханом Урдовлетом да с князем Василием Звенигородским послать наспех реками на град Болгары, так как там людей мало; и так учинили. А князь великий Иоанн Васильевич остался в Москве ожидать верховных воинств. Хан Урдовлет и князь Василий Юрьевич вскоре пришли, и когда хан был в Руси, а в Орде людей никого не было, только старые и малые и жены, и так попленили, и град весь разорили, и огнем пожгли. От того часа Болгары запустели, а русские со многим полоном и богатством возвратились поздорову.

Угра. Князь же великий Иоанн Васильевич по совете начал отпускать к Оке на берег своих воевод с силою, а брата своего князя Андрея Васильевича младшего отпустил в его вотчину в Торусу, напротив же них. И потом сына своего великого князя Иоанна Иоанновича отпустил к Оке же на берег в Серпухов месяца июня в 8 день, и с ним многих воевод и воинство. Хан же шел медленно, а все короля ожидая. Потом же приблизился он к Дону, и князь великий Иоанн Васильевич, слышав то, пошел сам навстречу к нему к Коломне месяца июля в 23 день в воскресенье и там стоял до Покрова. Слышал же окаянный хан Ахмат, что на тех местах на всех, куда прийти ему, стоят против него с великими князьями многие

люди и царь пошел в Литовскую землю, желая обойти чрез Угру. И князь великий Иоанн Васильевич повелел там идти сыну своему великому князю Иоанну Иоанновичу и брату своему князю Андрею Васильевичу младшему к Калуге к Угре на берег.

6989 (1481). *Кн. Михаил верейский. Мир братии.* Сентября в 30 день пришел князь великий с Коломны на Москву на совет и к матери своей великой княгине иноке Марфе, и к дяде своему князю Михаилу Андреевичу верейскому, и митрополиту Геронтию, и ко всем своим боярам, ибо все тогда были в осаде на Москве; и молили его великим молением, чтобы стоял крепко за православное христианство против басурманства. И в то время пришли на Москву послы братии его, князя Андрея и князя Бориса, о мире. Князь же великий Иоанн Васильев жаловал братью свою по печалованью матери своей великой княгини иноки Марфы, митрополита Геронтия и князя Михаила Андреева и послов их отпустил, а самим им велел с полками их пойти к себе как можно быстрее. А сам князь великий молебны во святых храмах и у чудотворцев гробов совершил, и взял благословение у митрополита и у матери, и град скрепил, и в осаде во граде Москве сел митрополит Геронтий, да великая княгиня иночица Марфа, да князь Михаил Андреевич, да наместник московский Иван Юриевич и великое множество народу от многих градов.

Поход к Угре. Кременец. Согласие братии. Мценск, Люботеск, Одоев. Боровск. Кн. Андрею Можайск. И князь великий пошел с Москвы к Угре против хана октября 3 дня и, придя, стал на Кременце с малым числом людей, а людей всех отпустил на Угру к сыну своему великому князю Иоанну. А сын его князь великий Иоанн и брат его князь Андрей младший стояли на Угре против царя со многим воинством. Пришли же тогда и братья к великому князю на Кременец, князь Андрей Васильевич старший да князь Борис Васильевич, со своими силами на помощь великому князю против царя Ахмата. Князь же великий с любовью их принял. Хан же Ахмат пошел со всеми силами мимо Мценска, и Люботеска, и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая к себе королевской помощи. Король сам к нему не пошел, ни силы своей не послал, поскольку же были ему свои усобицы: ибо тогда воевал Мен-Гирей, хан крымский, королевскую Подольскую землю, дружа с великим князем. Потом же хан Ахмат пошел к Угре, там где стоял князь великий, и братья его, и все князи, и воеводы, и великое множество воинства. И стал хан на берегу на Угре со многою силою на другой стороне против великого князя, желая перейти реку. И пришли татары, и начали стрелять наших, а наши начали их стрелять из луков и из пищалей; и многих татар побили и от берега их отбили, и затем много дней, отступаясь от берега, боялись. Были же и морозы великие тогда, река начала стано-

виться, был же тогда страх на обоих, и одни других боялись. Когда же река стала, тогда князь великий повелел сыну своему великому князю, и брату своему князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами отступить от берега и прийти к себе на Кременец, боясь татарского нашествия и слушая злых людей сребролюбцев богатых, потакателей басурманских, которые советовали государю на зло христианское, говоря: «Пойди прочь, не можешь с ними стать на бои». Ибо сам диавол тогда устами их говорил, который в древности вошел в змею и прельстил Адама и Еву. Князь же великий с сыном своим, и со братиею, и со всеми воеводами пошли к Боровску. К хану же прибежали тогда с вестью, что русь, придя на Болгары, разорили, и мало что от улусов его спаслось, но и те все убиты будут, если не успеет оборонить. Он же слышал и видел, что король не идет, так как в земле его смятение было, и потому хан побросал все тяжелое, побежал через Литовские земли к улусам своим и землю королевскую, разгневавшись, повоевал. Тогда дивно видеть было: одни от других бежали, и никто никого не преследовал. Когда отступили сыновья русские от берега, тогда татары, страхом и жалостью о женах и детях своих одержимы, побежали; а наши думали, что татары за ними реку перешли, и побежали на Кременец. Когда же прибежал хан в Орду, тогда пришел на него хан Ивак ногайский и Орду его разоренную взял; а самого безбожного хана Ахмата убил шурина его ногайский мурза Ямгурчей. Один же султан хотел воевать Украину за Окою, отдельно от хана. Князь же великий послал братию свою двух Андреев, и услышали те татары, и побежали. И так избавил Бог Русскую землю от язычных татар молитвами пречистой Богородицы и великих чудотворцев; а хан побежал ноября в 11 день. Пришел же тогда князь великий из Боровска на Москву с сыном своим великим князем, и с братиею, и со всеми силами, и похвалил Бога, и пречистую Богородицу, и великих чудотворцев, избавивших нас от язычных. Возрадовались же и возвеселились все люди радостью великою весьма и похвалили Бога, и пречистую Богородицу, и святых чудотворцев, избавивших нас от язычных татар. Тогда князь великий и братию свою пожаловал, принял их в dokonчание, князю Андрею Васильевичу старшему дал Можайск, а князю Борису Васильевичу отступился сел его; и укрепились крестным целованием, и разошлись. Той же зимой пришла великая княгиня София с Белоозера; ибо отсылал ее князь великий на Белоозеро из-за татарского нашествия.

Умер еп. Вассиан ростовский. Умер кн. Андрей Васильевич младший. Марта в 23 день в субботу в 4 часа ночи преставился преосвященный архиепископ Вассиан ростовский. Июля в 10 день в 4 час дня преставился благоверный князь Андрей младший и положен был на Москве во Архангельском соборе.

Архиеп. Иоасаф ростовский. Еп. Герасим коломенский. Еп. Симеон рязанский. Того ж месяца в 22 день поставлен архиепископ Ростову Иоасаф, из Оболенских князей, преосвященным митрополитом Геронтием. Того ж месяца в 29 день поставлен Коломне епископ Герасим. В тот же год поставлен Рязани епископ Симеон, был у митрополита Геронтия духовником.

Война немецкая. Велиад. Взят. Посылал князь великий Немецкую землю воевать, на князя местера за их неисправление, что они приходили ратью на его вотчину на Псков, в то время когда царь Ахмат на Угре стоял. И князь великий за то послал на них рать, воевод своих с силою, князя Ивана Васильевича Булгака да князя Ярослава Васильевича Оболенского, да новгородских наместников князя Василия Федоровича Шуйского да Ивана Зиновьевича с новгородскою силою, да князя Василия Васильевича Шуйского со псковскою силою. Воеводы же великого князя пошли изо Пскова месяца февраля со многою силою на Немецкую землю многими дорогами, сожигая, и воюя, и немцев посекая, и в полон беря. И пришли под город Велиад месяца марта в 1 день, а князь магистр Гневаш убежал за день до прихода великого князя силы под город. Воеводы же великого князя начали крепко приступать под город с пушками, и с пищальями, и с тюфьями, и разбили стену, охабень Велиада, и взяли. А с вышгорода начали бить челом воеводам великого князя, чтоб они пожаловали, в полон их не брали, а откуп бы с них взяли, сколько они могут. А за магистром погнался в погоню князь Василий Федорович Шуйский и иные воеводы великого князя, и гнались за ним 50 верст, и не настигли, а коши (обоз) его отполонили много. А князь Иван Булгак и князь Ярослав с вышгорода Велиада тайно взяли себе 2000 рублей и пошли от града с силою, а вышгорода не взяли, и оттуда возвратились со многим полоном и с наживой, и пришли к великому князю все здравы. Тогда псковичи привезли к великому князю немецкого полону восемь колоколов велиадских.

Новгородцам ссылка. В тот же год взял князь великий новгородских бояр Василия Казимира, да брата его Якова Короба, да Михаила Берденева, да Луку Федорова.

6990 (1482). *Родился Дмитрий. Кн. Федор Бельский. Демон.* Октября в 6 день, на память святого апостола Фомы, родился великому князю Иоанну Васильевичу сын и наречен был Дмитрий в 26 день. В тот же месяц прибежал из Литвы к великому князю Иоанну Васильевичу от короля Казимира князь Федор Иванович Бельский, а жены с собою не успел взять. И князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостями. В тот же год был князь великий Иоанн Васильевич во Владимире.

Посол короля Матиаса венгерского. Союз с уграми. Белгород турки взяли. В тот же год пришел посол к великому князю от

короля угорского Матиаса, именем Иван, о любви и о братстве; при том же просил, чтобы на татар и турок быть заодно. И князь великий, почтив посла, отпустил его с любовью к его государю, да с ним же вместе отпустил князь великий своего посла Федора Васильевича Курицына. Он же, придя, взял великому князю с королем Матиасом мира заключение, братство и любовь. В тот же год турецкий султан взял Белгород у моря Стефанов, волошского воеводы.

В тот же год пошел князь великий к Казани и с братиею своею и возвратился сам из Владимира неких ключений деля. А судовая рать ходила по Волге почти до Казани и, много повоевав, умирившись, возвратились.

6991 (1483). *Умер Василий рязанский. Кн. Иван рязанский. Женился Иоанн IV. Умерла княг. Елена.* Января в 7 день в обедню преставился князь великий Василий Иванович рязанский, и сел на великое княжение сын его князь Иван. Той же зимой месяца января в 12 день женился князь великий Иоанн Иоаннович всея Руси у Стефана, воеводы волошского, а взял за себя княжну Елену. Той же весною апреля в 2 день преставилась княгиня Елена князя Андрея Васильевича. Зимой преставилась княгиня тверская князя Михаила Борисовича.

По жребию епископов. В тот же год июля в 17 день князь великий Иоанн Васильевич всея Руси да сын его князь великий Иоанн Иоаннович всея Руси, обмыслив с митрополитом Геронтием, и со архиепископом Иоасафом ростовским, и Симеоном, епископом рязанским, и с Герасимом, епископом коломенским, и с Прохором, епископом сарским, положили жребий на престол: Елисея, архимандрита спасского, да Геннадия, архимандрита чудовского, да Сергия, старца троицкого, на архиепископство в Великий Новгород. И митрополит сам служил со всеми теми епископами и архимандритами, и вынут был жребий Сергиев на архиепископство в Великий Новгород.

В тот же год посылал князь великий новгородских бояр на съезд под Ругодив с немцами. Они же взяли мир с немцами на 20 лет и к целованию их привели. В тот же год архимандрит чудовский Геннадий Гонозов заложил церковь каменную во имя Алексия чудотворца у Чуда, да в монастыре и трапезную каменную заложил.

6992 (1484). *Татары Киев взяли.* Сентября в 1 день пришел Менли-Гирей, царь крымский Перекопской орды, со всею силою своею на королевскую державу и град Киев взял и огнем сжег, а воеводу киевского пана Ивана Хоткевича поймал, а иного полону бесчисленно взял. И землю Киевскую сделали пустой по согласию великого князя Иоанна Васильевича за неправоту королевскую, что приводил царя Ахмата Большой орды со всеми силами

на великого князя Иоанна Васильевича и намерение имел разорить христианскую веру.

Еп. Симеон новгородский. Родился Дмитрий IV. Того ж месяца в 4 день поставлен на архиепископство к Новгороду и к Пскову Сергей, бывший протопоп богородицкий Симеон. Октября в 10 день в 10 час ночи в пяток родился великому князю Иоанну Иоанновичу сын и наречен был Дмитрий октября в 26 день. Князь великий Иван Васильевич, желая одарить сноху свою приданым свекрови ее, повелел все то принести пред собой. Княгиня же великая София не хотела дать и не имела, так как много истратила, много тайно давая брату своему Андрею, кое-что дала племяннице своей, когда давала за князя Василия Михайловича верейского. А князь великий, уведав о сем, прогневался, послал, велел князя Василия и со женою взять и приданое все привести; он же, уведав, убежал и с княгинею в Литву.

Новгородцам наказание. Той же зимой взял князь великий больших бояр новгородских и боярынь, а казны их и села все велел описать на себя, а им подавал поместья на Москве по городам; а иных бояр, которые крамолу держали на него, тех велел заточить по городам в тюрьму. Тогда же взята и пограблена Настасья Богатая.

Собор Благовещенский. Мая в 6 день князь великий Иоанн Васильевич заложил церковь каменную Благовещения пречистой Богородицы на своем дворе, разрушив основание первое, что создал дед его князь великий Василий Дмитриевич; а за церковь палату для казны заложил. Июня в 27 день архиепископ новгородский Сергей оставил архиепископию и пришел к Троице в Сергиев монастырь в свое пострижение. В тот же год Геронтий митрополит заложил у своего двора церковь каменную пречистой Ризы положения.

Новгород каменный. В тот же год повелением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси начали созидать в Великом Новгороде град каменный по старой основе на Софийской стороне. Митрополит Геронтий восхотел оставить престол, пошел в Симонов монастырь, а ризницу и посох к себе взял. Князь же великий посылал к нему, да возвратится. Он же не послушал. Тогда князь великий повелел ризницу и слуг от него взять; и тогда упросили к Троице на игуменство, и хотел князь великий митрополита избирать, и умолен был, и возвел снова Геронтия; ибо был три месяца отлучен.

6993 (1485). *Еп. Нифонт в Суздаль. Еп. Геннадий новгородский. Родилась Феодосия. Умерла Мария, вел. княг. Тайницкие ворота. Рало Палеолог.* Месяца декабря в 9 день поставлен архимандрит симоновский Нифонт епископом в Суздаль. Того ж месяца в 12 день поставлен на архиепископию Великому Новгороду

и Пскову архимандрит чудовский Геннадий. Той же весною мая в 29 день родилась великому князю Иоанну Васильевичу княгиня Федосья в 3 час ночи. В тот же год июля в 4 день преставилась благоверная великая княгиня Мария, мать великого князя Иоанна Васильевича, нареченная в иноческом чине иночица Марфа, и положена была в церкви Вознесения на Москве. Июля в 19 день заложена была на Москве реке стрельница, а под стрельницею выведен тайник; а ставил ее Антон фрязин. В тот же год пришел к великому князю из Цареграда служить Иван Рало Палеолог и с женою, и с детьми.

Война на тверского. Захарьевич. В тот же год августа в 21 день князь великий Иоанн Васильевич сложил с себе крестное целование князю Михаилу Борисовичу тверскому за его неправду, что посылал грамоты к королю литовскому Казимиру, хотел у него жениться на дочери и веру переменить, а поднимал его войском на великого князя Иоанна Васильевича. И за то пошел на него к Твери ратью и со своим сыном великим князем Иоанном Иоанновичем, и со братиею своею с князем Андреем и с князем Борисом, и с воеводами, и со многими силами. А боярину своему Якову Захарьевичу велел пойти с новгородскою силою. Князь же Михаил Александрович, видя, что король ему помощи дать не может, принял благой совет просить мира и послал к великому князю епископа, и добил челом на том, что ему не зваться великим князем, ни братом, но братом младшим, и без слова великого князя ни с кем ни посланиями обмениваться, ни воеваться; что князь великий зовет землями своими Торжок, и тому быть за великим князем; а куда князь великий пойдет на войну, и ему быть с ним же. И так умирились, но не долго было то, от Благовещения до Ильина дня. И перехватил князь великий грамоты князя Михаила тверского к королю о прежней пересылке, а более возмущил, придя, князь Михаил Холмский. И начал князь великий собираться на тверского князя, и пошел с Москвы августа 28, а передние пошли 25.

6994 (1486). *Осада Твери. Кн. Михаил ушел. Тверь сдалась. Конец князей тверских.* Сентября в 8 день пришел князь великий Иоанн Васильевич и со своим сыном великим князем Иоанном Иоанновичем, и своими с братьями, и с воеводами, и со всеми силами под град Тверь и обступил град. Того же месяца в 10 день в субботу зажгли посады около града Твери. А в 11 день в воскресенье приехали к великому князю из града Твери князи и бояре, тверские крамольники, и били челом ему в службу. А в тот же день на ночь побежал из града Твери князь Михаил Борисович тверской к Литве, видя свое изнеможение. А в 12 день в понедельник приехали к великому князю Иоанну Васильевичу владыка тверской Вассиан, и князь Михаил Холмский и с братиею сво-

ею, и с сыном, и иные князи, и бояре, и земские люди все и город отворили. И князь великий послал в город Юрия Шестака да Константина Малечкина и дьяков своих Василия Далматова, да Ромодана Алексиева, да Левонтья Алексиева, и велел граждан всех к целованию привести да от своей силы беречь, чтобы их не грабили. А в 15 день в четверг князь великий Иоанн Васильевич с сыном своим великим князем Иоанном Иоанновичем были во граде Твери, и обедни слушали, и дал ту землю сыну своему великому князю Иоанну Иоанновичу. А в 18 день в воскресенье въехал великий князь Иоанн Иоаннович в город Тверь жить. А князь великий Иоанн Васильевич приехал на Москву, взяв город Тверь, того же месяца в 29 день.

6995 (1487). *Родился Симеон.* Месяца марта в 21 день в 7 час дня родился великому князю Иоанну Васильевичу сын Симеон.

Той же зимой взял князь великий князя Михаила Холмского и в заточение на Вологду послал за то, что отступил от князя своего Михаила тверского и, целовав ему крест, изменил, а великому князю на него лгал, говоря: «Нехорошо верить тому, кто Богу лжет». Повелел же и княгиню тверскую, мать князя Михаила, взять за то, что пытал у нее от дорогих украшений и камней драгоценных, и она сказала: «Сын мой все увез с собою в Литву». А потом служащие ей женщины рассказали, что хочет сыну послать, и нашли у нее дорогих украшений и камней драгоценных, золота и серебра много. И послал ее князь великий в заточение в Переславль.

Поход к Казани. Казань взяли. Хан Алегем пленен. Затмение солнца. Хан Махмет-Аминь. Новгородцев перевод. Той же весною апреля 11 отпустил князь великий Иоанн Васильевич всея Руси воевод своих к Казани, князя Даниила Дмитриевича Холмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Симеона Ивановича Ряполовских, да князя Симеона Романовича, в четверток Великий. Хана Махмет-Аминя казанского отпустил князь великий на второй неделе после Великого дня во вторник апреля в 24 день. А пришли воеводы великого князя и с силою под город под Казань месяца мая в 18 день в четверг на пятой неделе после Великого дня, и взяли город Казань июля в 9 день, хана Алегема казанского поймали с матерью, и с его царицею, и с двумя братьями и сестрою, и с его князьями, привели их на Москву. Июля в 20 день гибло солнце. В тот же день пришла весть к великому князю, что город Казань взяли его воеводы и хана полонили; а прибежал с тою вестью князь Федор Хрипун-Ряполовский. И князь великий Иоанн Васильевич всея Руси хана Махмет-Аминя из своей руки посадил на царстве в Казани, а крамольных князей и уланов смертью казнил и иных крамольников. А хана Алегема с женою послал князь великий в заточение на Вологду, а мать его, и

братью, и сестер послал князь великий в заточение на Белоозеро в Карголом. В тот же год князь великий перевел из Великого Новгорода во Владимир лучших гостей новгородских 50 семей.

В тот же год повелением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси основал палату великую Марко фрязин на великого князя дворе, где терем стоял. В тот же год завершил Марко фрязин стрельницу на угле Беклемишевскую, вниз по Москве.

6996 (1488). Учинил крамолу между великим князем и братом его князем Андреем Васильевичем угличским слуга его Образец, сказав: «Хочет тебя, князь, князь великий взять». Он же хотел с Москвы бежать тайно, но по-другому решил, переменял мысль свою, призвал князя Ивана Юрьевича, поведал ему и просил, да явит о сем князю великому и уведает, какой упрек им. Тот же отказался: «Иди, князь, и спроси сам». Князь Андрей Васильевич спросил сам брата своего: «За что сие хочешь, брат Иоанн, сотворить со мною?». И князь великий со слезами начал клясться Богом всеильным, творцом неба и земли, что такого ни в думе у него ни бывало. И выискав о брате, что смутил его Образец, услышав, что Асмунт Татищев, придя, между ними сплеха пошутил, а он в правду поворотил, желая князю Андрею примолвиться, потому что его князь Андрей прежде того его в нелюбии держал. Князь же великий хотел смутнику язык вырезать, но уприсил митрополит, и повелел его кнутом бить.

В тот же год били кнутом новгородских попов на торге, прислал их из Новгорода Геннадий владыка, что ругали его, пьяные. В тот же год привели из Новгорода более 7000 зажиточных людей на Москву, потому что хотели убить Якова Захарьевича, наместника новгородского, а иных думцев многих Яков пересек.

Пушка большая. Послы в Рим. Месяца мая в 27 день повелением великого князя заложил Антон фрязин стрельницу вверх по Москве реке, где стояла Свибловская стрельница, и под нею устроен тайник. В тот же год повелением великого князя Иоанна Васильевича поставили град новый на Белоозере в Карголоме, а от старого города за 10 верст. В тот же год августа в 12 день отлил Павла фрязин Дебосис пушку великую. В тот же год послал князь великий Ралевых детей, Дмитрия да Мануила, в Рим, и в Венецию, и во Медиоланию.

6997 (1489). *Посол от кесаря Фридриха III. Посол к кесарю.* Пришел посол Николай от римского цесаря Фридриха о любви и о дружбе, и князь великий, почтив того посла, отпустил его с любовью к его государю. Да с ним же вместе отпустил князь великий своего посла грека Юрия Траханиота к цесарю Фридриху с любовью же.

Той же зимой князь великий Иоанн Васильевич перевел из Великого Новгорода многих бояр, и зажиточных людей, и гостей,

всего человек больше 1000, и жаловал их на Москве, давал поместья во Владимире, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городам. А в Новгород Великий на их поместья послал москвич лучших многих, гостей и детей боярских, и из иных городов из московской вотчины многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новгороде Великом.

В тот же год мая в 16 день преставился коломенский владыка Герасим в Пафнутьевской пустыне. Того месяца в 28 день в среду в 11 часу дня преставился преосвященный митрополит Геронтий и положен в Москве в соборной церкви Успения пречистой на северной стороне.

Щенятев. Морозов. Той же весною июня 11 послал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси рать свою на Вятку за их непослушание, князя Даниила Васильевича Щеня, да Григория Васильевича Морозова, и иных воевод со мною силою. Они же, придя, города взяли, и самих вятчан к целованию привели, а арян к клятве привели; а вятчан бóльших людей и с женами и с детьми извели, да и арских князей, и так возвратились. И князь великий вятчан земских в Боровце да в Клеменце посадил да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посадил; а арских князей пожаловал князь великий, отпустил в свою землю, а крамольников смертию казнил.

В том же году владыка ростовский, оставив престол свой, пошел в монастырь; был сей князь Оболенский.

6998 (1490). *Умер король Матиас угорский. Королевство венгерское. Мир цесаря с чешским.* Преставился король угорский Матиас, который с великим князем был в любви нелицемерной и в братстве. После смерти же его восхотел Максимилиан, римский король, над Угорскою землею королевство держать, паны ж угорские и вся земля не восхотели его иметь над собою обладателем. Максимилиан же послал силу свою на Белгород угорский и взял его. Паны же угорские послали к Владиславу, королю чешскому, сыну Казимира, короля польского, и взяли его с Чешского королевства на Угорское королевство. Максимилиан же, римский король, со Владиславом взял мир и докончание, от Белгорода отступился Владиславу, а Вена и вся Австрийская земля Максимилиану была.

Кн. Воротынский в Москву. В ту же осень в декабре приехал служить великому князю Иоанну Васильевичу на Москву князь Дмитрий Воротынский сын Федоров и со своею вотчиною от литовского короля Казимира.

Князь Перемышльский. Князь Белевский. В тот же год приехали на Москву от короля Казимира к великому князю Иоанну Васильевичу служить князь Иван Михайлович Перемышльский и

со своею вотчиною да князь Иван Белевский со своею братиею, с князем Андреем да с князем Василием, и со своими вотчинами.

Брат великой княгини Андрей. Лекарь первый. Ремесленники разные. Той же зимой пришел от Рима на Москву брат великий княгини Софии, именован Андрей, сын Фомы, деспота аморейского. Да с ним вместе пришли послы великого князя Дмитрий да Мануил, дети Ивана Ралева, и привели с собою к великому князю лекаря мистр Леона, жидовина из Венеции, и иных мастеров, фрязей, стенных, и палатных, и пушечных, и серебряных.

Умер Иоанн IV. Камгуч (подагра). Лекарство от подагре. Лекарь казнен. Марта в 7 день с субботы на воскресенье в 8 час ночи преставился благоверный и христоробивый великий князь Иоанн, сын великого князя Иоанна Васильевича всея Руси старший, от первой его великой княгини Марии, дочери великого князя Бориса Александровича тверского. И положили его в церкви архангела Михаила на Москве, там где и прародители его лежат. Жил всех лет 32 и 20 дней. А болен был камчугою в ногах, и, видев, лекарь жидовин мистр Леон, похвалясь, сказал к великому князю Иоанну Васильевичу: «Его я излечу, сына твоего великого князя, от той болезни. А не излечу когда его я, и ты меня изволь приказать смертию казнить». И князь великий Иоанн Васильевич, взяв веру речам его, повелел ему лечить сына своего великого князя. И начал его лекарь лечить, зелье пить дал ему, и начал жечь склянками по телу, вливая воду горячую; и от того ему было тяжелее, и умер. И того лекаря мистр Леона велел князь великий Иоанн Васильевич взять, и после сорочин сына своего великого князя повелел казнить его, голову отсечь; и отсекали ему голову на Болвановке апреля в 22 день.

Родился Андрей. Посол к цесарю. Августа в 5 день родился великому князю Иоанну Васильевичу сын и наречен был Андрей. Того ж августа в 19 день князь великий Иоанн Васильевич короля римского Максимилианова посла Юрия Делатора, почтив, отпустил к его государю. Да с ним вместе послал князь великий своих послов к королю римскому Максимилиану, Фридрихову сыну, грека Юрия Траханиота да дьяка своего Василия Кулешина взять с ним любовь и докончание.

В тот же год Петр Антоний, фрязин, завершил застроенные две стрельницы: одну у Боровицких ворот, а другую у Константино-Еленских ворот, да стену завершил от Свибловских стрельниц до Боровицких ворот.

6999 (1491). *Зосим. Посол на Чегодай.* Возведен был на двор митрополитов архимандрит симоновский Зосима месяца сентября в 12 день; а к поставлению собраны все архиепископы и епископы русские, а поставлен на митрополию всея Руси того же месяца в 26 день в воскресенье. Того ж месяца в 28 день пришел посол к

великому князю из Чегодай от Усейн султана Урус богатырь об любви и о дружбе.

Той же осенью октября в 17 день повелением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси был собор в Москве на богохульников, лжеучителей и ругателей святых икон и всем тайнствам церковным противников, которых прислал из Великого Новгорода архиепископ Геннадий к митрополиту Геронтию, уличенных в богоотступничестве и лжеучительстве жидовского закона, извещая, что они ругали святые иконы и все святые тайны церковные. А ранее писал он, Геннадий, к великому князю, что в Новгороде великая крамола. И князь великий их, крамольников, велел вывести по иным городам, как прежде сказано, а сих еретиков привезли, когда умер уже Геронтий митрополит. Сия ересь началась, когда был в Новгороде князь Михаил Олелкович киевский. Тогда пришел с ним жидовин, именем Схарина, тот проклятый имел язык свой, словно уд, весьма сладкоречивый, и слова его все Библиею были преисполнены, образ жития его являлся целомудренным и кротким, но внутри полон смрада и нечистоты. Тот злоковарный многих тогда в Новгороде слабых смутил и жидовствовать прельстил. И хотя тот враг в Новгороде с иными казнен был от великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, но еще не угас огонь тот ядовитый, ибо не все те богоотступники во время гнева погибли; и останки те начали множиться, поскольку вселился во многих сатана, и начали святое Евангелие отвергать, в басню его вменять. И сим не только мирских и неучей, но многих и от священства превратили, дошло даже то зло до Москвы, что слышав симоновский архимандрит Зосим от служащего дьякона прельстился, и внял безумию сему, и начал тайно жидовствовать. После Геронтия же митрополита сообщник его дьяк Истома сольстил великого князя сего Зосима возвести на митрополию русскую; и через малое время возведен был за неведение проклятого в нем богоотступства. И князь великий особенно поторопился из-за собора на привезенных тех богоотступников, думая, что без митрополита собору быть не пристойно, и вскоре повелел собору быть. На нем же архиепископ ростовский Тихон, епископ суздальский Нифонт, рязанский Симеон, тверской Вассиан, сарайский Прохор, пермский Филофей, сергиевский игумен Афанасий и прочие архимандриты, игумены, протопопы, дьяконы и чернецы, председательствовал же князь великий Иоанн Иоаннович. И было на соборе тому рассмотрение и многие расспросы, но Зосим никак не проявился, ибо скрылся волк лицемерством своим в одежду овчую; и когда все решили, что все сожечь по достоинству будет, когда же дошла очередь сказать до Зосимы митрополита, тот сказал: «По достоинству будет меня проклятию предать и сослать в Новгород на покаяние под стражу, так как мы от Бога

не поставлены на смерть осуждать, но грешных обращать к покаянию». Были же те богоотступники осуждены проклятию: Захар чернец, Гаврила протопоп, Денис поп, Максим поп, Василий поп, Макар поп, Гридя дьяк, Васюк, зять Денисов, Самоха дьяк и некоторое количество от простых; и послали их в Новгород под стражу. Владыка же Геннадий, слышав то, ужаснулся и хотя не знал Зосимы богоотступника, но сказал: «Некто был на том соборе согласник сему злу». И послав, повелел их далеко за градом остановить, и поделал им шлемы берестяные, а платье их посмоллил, и посажав на клячи бездельные лицом к хвосту, велел же им с обеих сторон мешки великие наложить и на мешках написал так: «Вот воин сатаны». И провезли их чрез град, а за градом повелел шлемы зажечь на них; и так все те хульники христианские изгибли. Но еще зол сосуд и головня содомская остался тот Зосим в Москве на митрополии, который потом за такое басурманство и богоотступление, как прах, исчез, и память его погибла с шумом.

Архиеп. Тихон ростовский. Еп. Авраамий коломенский. Той же зимой декабря в 18 день в четверг произведен Ростову на архиепископство Тихон. В то же время поставлен Авраамий, игумен угрешский, епископом Коломне преосвященным митрополитом Зосимою. Той же весною в марте заложил Петр Антоний фрязин две стрельницы, одну у Фроловских ворот, а другую у Никольских ворот, а Никольскую стрельницу не по старой основе заложил, да и стену до Неглинной.

Ханы Сеит-Ахмет, Ших-Ахмет на Мин-Гирея. Помощь Крыму. Той же весною в месяце мае пришла весть к великому князю Иоанну Васильевичу, что идут ордынские ханы Сеит-Ахмет и Ших-Ахмет с силою на хана Мин-Гирея крымского. Князь же великий на помощь крымскому царю Мин-Гирею отпустил воевод своих в Поле под Орду, князя Петра Никитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню-Оболенского же, да с ними многих детей боярских двора своего, да султана Мердоулатова сына Сатылгана с уланами, и с князьями, и со всеми казаками вместе ж со своими воеводами. А казанскому хану Махмет-Аминю велел послать воевод своих с силою вместе ж со султаном и своими воеводами; князю Андрею Васильевичу и князю Борису Васильевичу, братии своей, велел послать своих воевод с силою вместе ж со своими воеводами. И князь Борис Васильевич воевод своих послал, а князь Андрей Васильевич воевод и силы своей не послал. И сошлись вместе великого князя воеводы с ханом Сатылганом и с казанского хана воеводами с Абаш уланом и Булаш сеитом в Поле, и князя Бориса воевода тут ж их нашел, и пошли вместе под Орду. И слышали ханы ордынские про силу многую великого князя в Поле, убоявшись, возвратились от Перекопи; силы же великого князя возвратился восвояси без брани.

Той же весною повелением великого князя Иоанна Васильевича архимандрит спасский Афанасий заложил церковь каменную на Новом Преображение Господа нашего Иисуса Христа.

Посол в Волохи. В тот же год июля в 28 день отпустил князь великий посла Стефанова Стецка, да с ним вместе послал князь великий своего посла к Стефану в Волохи, Скурата Зиновьевича, чрез Литву.

В тот же год Марко да Петр Антоний архитектор завершили большую палату князя великого на площади. В тот же год завершили город каменный в Новгороде Великом по старой основе. Тогда же Петр Антоний фрязин завершил стрельницу Фроловскую.

Посол короля Максимилиана римский. В августе ж пришли на Москву послы великого князя от короля римского Максимилиана грек Юрий Траханиот да дьяк Василий Кулешин. Да с ними же пришел посол к великому князю Иоанну Васильевичу от короля римского Максимилиана, Фридрихова сына цесарева, Юрий Делатор. И привезли от короля грамоту dokonчанную с золотою печатью, а великого князя грамоту с золотою же печатью ему дали, да и с целованием привезли короля на тех же грамотах dokonчанных; а великого князя Максимилианов посол к целованию привел на тех же грамотах dokonчанных.

7000 (1492). *Кн. Андрей взят.* Сентября в 20 день князь великий Иоанн Васильевич всея Руси сложил с себя крестное целование брату своему князю Андрею Васильевичу за его измену, что он изменил, чрез крестное целование думал на великого князя Иоанна Васильевича, на брата своего старшего, с братиею своею, с князем Юрием, и с князем Борисом, и с князем Андреем, да к целованию их привел на том, что им на великого князя, брата своего старшего, стоять заедино. Да грамоты свои посылал в Литву к королю Казимиру, пытаясь заодно с ним быть на великого князя. Да и сам с братом своим с князем Борисом отъезжал от великого князя, да посылал грамоты свои к царю Ахмату Большой орды, приводя его на великого князя на Русскую землю ратью. Да с великого князя силою на ордынского царя воевод своих и силы не посылал, а все то чиня измену великому князю, преступая крестное целование. И за то велел его князь великий, поймав, посадить на казенном дворе на Москве; а за детьми его, за князем Дмитрием и за князем Иваном, послал на Углич.

Тогда собрались многие князи и бояре, начали просить митрополита Зосима, чтобы печаловался со властями о князе Андрее, и не один митрополит просил, то же и князи средние. Князь же великий отрек, молвив: «Жаль мне сильно брата моего и не хочу изгубить его, а на себе порока положить, а освободить не могу из-за того, что не единожды зло на меня замышлял и братию уговаривал, а потом каялся. И ныне снова начал зло замышлять и

людей моих к себе притягивать. Да то бы и ничто, а когда я умру, то будет он доставать великое княжение. А внуку моему великим князем быть, и он, коли собою того не достанет, то смутит детей моих, и будут воеваться между собою, и татары, придя, видя в нестроении, будут землю Русскую губить, жечь, и пленить, и дань возложат снова, и кровь христианская будет литься, как было прежде. А что я столько потрудился, то будет все ни во что, и вы будете рабами татарам». Сие слышав, все умолкли, не смея ничего сказать.

Радонеж. Сентября 25 день князь великий торг перевел от Троицы на городок в Радонеж.

Сошное письмо. Старица. Зубцов. Опоки. Клин. Холм. Городок. Болтин. Руда серебряная. Цилма. В тот же год князь великий Иоанн Васильевич послал Тверские земли описать по-московски в сохи; а Тверь описывал князь Федор Алабыш, а Старицу Борис Кудозов, а Зубцев да Опоки Дмитрий Пешков, а Клин Петр Лобан Заболоцкий, а Холм и Новый городок Андрей Коромышев, а Кашин Василий Карамышев. Той же осенью октября в [...] день пришли на Москву Андрей Петров да Василий сын Ивана Болтина, что посылал князь великий с ними немцев Ивана да Виктора на Печеру руды искать серебряные. И они нашли руду серебряную и медную в великого князя вотчине на реке Цилме, не доходя Косвы реки за полдница, а от Печеры реки за семь дниц; а места того, где нашли, на 10 верст, а от Москвы дотоль три с половиной тысячи верст; а нашли руду лета девятнадцатого августа на 8 день.

Ромодановский. Посол крымский. Посол иверский. Посол волошский. Яропкин. В ноября пришел из Крыма князь Василий Ромодановский, да с ним пришел посол к великому князю от царя крымского Мин-Гирея. Той же зимой пришел посол к великому князю из Иверской земли от князя Александра, именем Мурат. Февраля в [...] день пришел из Волохии Скурат Зиновьевич, да с ним пришел посол к великому князю Стефанов, волошского воеводы, Мушат. Той же весною в марте отпустил князь великий крымского посла, да с ним послал к царю Мин-Гирею в Крым Лобана Колычева. Той же весною апреля в 5 день в четверг вышел князь великий из своего двора старого в князя Ивана Юрьевича двор в новый и с великою княгинею Софиею, и с детьми, со снохою великою княгинею Еленою, и с князем Дмитрием со внуком; а старый свой двор деревянный велел разобрать и начал ставить каменный двор. Апреля в 6 день отпустил князь великий посла Стефанова Мушата к его государю в Волохию. В апреле ж отпустил князь великий Иоанн Васильевич посла Максимилиана, короля римского, Юрия Делатора. Да с ним князь великий послал своих послов к королю римскому Максимилиану грека Юрия

Траханиота, да Михаила Кляпика Яропкина, да Ивана Волка Курицына.

Ивангород. Той же весною повелением великого князя Иоанна Васильевича заложили град на немецком рубеже на Нарве, Девичьей горе, на ровном месте, четверугольный; и нарекли ему имя Ивангород.

Поп римский женился. Той же весною месяца мая в 17 день Иван писатель фрязин, каплан постриженный Августиновой веры белых чернецов, от веры своей отрекся и, чернечество оставив, женился, взял за себя жену Алексия Серинова; князь великий его пожаловал селом.

Умер Казимир III польский. Александр, король литовский. Иоанн, король польский. Той же весною месяца мая в 23 день преставился король польский и великий князь литовский Андрей Казимир; и сел на великом княжении Литовском сын его Александр, а на королевстве Польском сын его Иван Альбрехт, сына же его старшего Владислава при его жизни взяли на Чешское королевство, а с Чешского на Угорское королевство.

Казаки. Татары на Алексин. Колтовский. В тот же год месяца июня в 10 день приходили татары ордынские казаки, в головах приходил Темешем называемый, а с ним 220 казаков, во Алексин на волость Вошан, и пограбив, пошли назад; и пришла погоня великого князя за ними, Федор Колтовский да Горяин Сидоров, а всех их 64 человека, и учинился им бой в Поле промеж Трудов и Быстрой Сосны. И убили язычные великого князя 40 человек, а татар на том бою убили 60 человек, а иные ушедшие татары раненые на пути в Орду умерли. В тот же год поставили великому князю двор деревянный за Архангелом на Ярославническом месте. В тот же год от Фроловской стрельницы и до Никольской заложили подошву и стрельницу новую над Неглинной с тайником.

Мценск взят. В тот же год в месяце августе посылал князь великий Иоанн Васильевич воеводу своего князя Федора Тепля-Оболенского с силою ратною на город Мценск за их неправду; и град Мценск взяли и землю повоевали, и воеводу их Бориса сына Александра Семенова поймали и иных многих, и привели их на Москву.

7001 (1493). *Посол литовский.* В сентября послал князь великий в Крым к царю Мин-Гирею крымскому посла своего Константина Заболоцкого, а в Волохи послал Ивана Андреевича Плещеева. Той же осенью в октябре пришел из Литвы посол к великому князю Иоанну Васильевичу пан Станислав Глебович от князя Александра литовского о порубежных делах.

Елизаров. Кн. Воротынский. Серпейск. Мезецк. Измайлов. Мещевск взят. Серпейск взят и сожжен. Вязьма взята. Князи вяземские. Той же осенью в ноябре побежал от великого князя в

Литву Юшка Елизаров. В тот же год приехали к великому князю служить князь Семен Федорович Воротынский да племянник его князь Иван Михайлович и со своими вотчинами; а едучи, князь Семен от имени великого князя захватил литовские города Серпейск, Мезецк. И пришли за ними воевода смоленский князь великого литовского Александра пан Юрий Глебович да князь Семен Иванович под грады под Серпейск и под Мезецк с силою многою, и горожане не возмогли противиться им, грады сдали свои. И слышал про то князь великий Иоанн Васильевич, послал против них сестренича своего князя Федора Васильевича рязанского, да воевод своих князя Михаила Ивановича Кольшку да князь Александра Васильевича Оболенского, и иных воевод своих со многою силою, да великого князя рязанского Иоанна Васильевича воеводу Инку Измайлова с силою. Смоленский же воевода пан Юрий Глебович и князь Семен Иванович Можайский, слышав про рать сильную великого князя, идущую против них, во градах посадили князей, панов многих в осаде, а сами, убоявшись, побежали к Смоленску. И пришла сила великого князя Иоанна Васильевича под град Мещевск, они же, убоявшись и не могли противиться, град отворили. И поймали во граде Кривца, окольного смоленского, и иных многих князей и панов, литвы и смоленчан заставы князя великого Александра; а земских людей и черных привели к целованию за великого князя. И оттуда пошла сила великого князя под город Серпейск; они же устремились крепко сражаться и не хотели град сдать. Воеводы же великого князя повелели воинам мужественно приступать к граду с пушками и с пищальми и, приступив к граду, взяли его силою. Поймали во граде Ивана сына Федора Плюскова смоленчанина и иных многих князей и панов, литвы и смоленчан двора великого князя Александра литовского; и, разграбив, град сожгли, а земских людей к целованию привели. И так возвратились, а литву и смоленчан, сидящих в осаде, и градских больших людей привели на Москву; и князь великий послал их в заточение по своим городам. И в то же время посылал князь великий Иоанн Васильевич воевод своих под град Вязьму ратью, князя Даниила Васильевича Щеня. Они же, придя, град Вязьму взяли и к целованию привели, а вяземских князей и панов привели на Москву. И князь великий их пожаловал их же вотчиною Вязьмою и повелел им себе служить.

Абдыл-Летиф. Абреим, казанский хан. Крутицы. В тот же год приехал служить к великому князю князь Михаил Романович Мезецкий да, поймав, привел с собою двух братьев, князя Семена да князя Петра. И князь великий послал их в заточение в Ярославль, а князя Михаила пожаловал его же вотчиною и велел ему себе служить. В тот же год января 11 дня пришел к великому князю служить из Крыма Абдыл-Летиф султан, сын казанского хана

Абрейма, с послом великого князя с Лобаном Колычевым. Той же зимой епископ сарский Прохор оставил епископию и сошел с Крутиц к Богоявлению в монастырь.

Лукомский изменник. Селевины. Волынец. Князь Бельский взят. Той же зимой января в 31 день князь великий казнил князя Ивана Лукомского да Матиаса, толмача латинского, сожгли их на реке Москве пониже моста в клетке. Да казнил двух братьев смоленчан, Богдана да Олехна Селевиных, торговою казною, и Богдан умер от торговой казни, а Олехну голову секли, за то что они посылали с грамотами и с вестями человека своего Волынцова к князю великому Александру литовскому. А князя Ивана Лукомского послал к князю великому служить король польский Казимир, но привел его к целованию на том, что ему великого князя убить или зельем окормить, да и зелье свое с ним послал, и то зелье у него нашли. Да сказал князь Лукомский на князя Федора Бельского, что он хотел бежать от великого князя в Литву. И князь великий за то велел князя Федора поймать да послал его в заточение в Галич.

Посол мазовецкий. Еп. Силуан сарский. Ангел, посол в Венецию. Посол в Мазовию Асанчук Заболоцкий. Послы в Данию. Посол от князя литовского. Мая 3 пришел посол из Мазовецкой земли от князя Кондрата, именем Иван. Той же весною мая 4 поставлен Силуан старец, бывший игумен угрешский, на епископство сарское и подонское на Крутицу митрополитом Зосимою. В тот же год в мае послал князь великий в Венецию и в Медиолан Мануила Ангелова грека да Даниила Мамырева. В тот же месяц май отпустил князь великий Иоанн Васильевич Ивана, посла мазовецкого, в свою землю да с ним отпустил к мазовецкому князю Кондрату посла своего Асанчюка Заболоцкого да Третьяка сына Василия Далматова. В тот же год в июне пришел посол от немцев к великому князю от датского короля Иоанна о любви и о братстве, и князь великий, почтив посла его, отпустил в свою землю. Да с ним вместе послал князь великий своих послов к датскому королю Иоанну грека Дмитрия Ралева да Дмитрия Зайцева. В тот же год пришли послы из Литвы от великого князя Александра Андрей Олехнович да Войцев Янович Ключко.

Строение от города. В тот же год повелением великого князя Иоанна Васильевича поставили град деревянный на Луках Великих по старой основе. В тот же год повелением великого князя Иоанна Васильевича церкви сносили и дворы за Неглинною, поставили меру от стены до дворов 110 сажен. В тот же год повелением великого князя копали ров от Боровицкой стрельницы и до Москвы реки.

Татары на Рязань. В тот же год приходили татары, казаки ордынские, спешно на Рязанские места, и взяли три села, и пошли вскоре назад.

Гром на собор Успенский. Пожар великий. В тот же год июля 16 во вторник в 1 час дня зажег гром с молниею верх маковицы большей, тес под железом, у соборной церкви Успения пречистой Богородицы на Москве; а внутри церкви мало попало на царских дверях, да половина опоны сгорела на амвоне, да два болванца деревянных разбило под амвоном; а верх вскоре угасили, и Божиею милостию церкви не было пакости нисколько. А в тот же день во Владимире у пречистой церкви Благовещения бурей крест сломало. Того ж месяца июля в 28 день в воскресенье в 7 час дня загорелась от свечи церковь святого Николы на Песку, и тотчас поднялась буря великая, и начало гореть неисчисленно во многих местах, и выгорел посад за Неглинною от Духа Святого по Чертол, и по Бориса и Глеба на Арбате, и до Петровской слободы; за Московою рекою от святой Софии выгорело и до Иоакима и Анны. А из Заречья в городе загорелся князя великого двор и великой княгини, и оттуда на Подоле житницы загорелись, и двор князя великого новый за Архангелом выгорел, и митрополитов двор выгорел, и у Пречистой алтарь огорел под немецким железом, и во граде все лачуги выгорели, поскольку не успели поставить хоромы после вешнего пожара; и церковь Иоанна Предтечи у Боровицких выгорела, и Боровицкая стрельница выгорела, а выгорела и градная кровля, все огорело, и новая стена деревянная у Никольских ворот. А из города торг загорелся, оттуда посад выгорел возле Москвы реки до Зачатия на Востром конце, и по Васильевский луг, и по Всех святых на Кулишке, и оттуда по Иоанна Богослова и по старую Троицу, и Сретенская улица вся выгорела до всполья, и церковь каменная Сретения огорела. И многая тогда людям скорбь была, больше двухсот человек сгорело людей, а имущества бесчисленно выгорело; а все то погорело вместе от полудни до ночи; а летописец и старые люди сказывают: как Москва стала, таковой пожар на Москве не бывал. Тогда ж стоял князь великий у Николы Подкопаева у Яузы в крестьянских дворах.

В тот же год в июле пришли на Москву послы князя великого от короля римского Максимилиана грек Юрий Траханиот, да Михаил Кляпик, да Иван Волк Курицын.

7002 (1494). В октябре пришел из Волохии Иван Андреевич Субота Плещеева, а из Крыма Константин Заболоцкий; а шли Подем, и ограбили их на Поле татары, ордынские казаки.

Умер Андрей старший. Ноябрь 6 преставился князь Андрей Васильевич старший, а сидел в тюрьме на Москве на Казенном дворе великого князя два года и 47 дней; и положили его в церкви архангела Михаила на Москве у северных дверей. Того ж месяца в 10 день в воскресенье вошел князь великий в город в новый двор жить, а стоял тогда после пожара у Николы Подкопаева под конюшнею на крестьянских дворах.

Того ж месяца 16 отпустил князь великий крымского посла, да с ним вместе послал в Крым к царю Мин-Гирею своего посла Константина Мелечкина.

Посол литовский. Мир с Литвою. Города к Руси. Обручение чрез посла. Брак Елены. Января 17 пришли на Москву к великому князю Иоанну Васильевичу послы литовские от великого князя Александра литовского Андреевича о мире и о любви Петр Янович Пьян, да пан Станислав Янович, да Воин Ключко, да Федька писарь. И взяли с великим князем Иоанном Васильевичем мир, и докончальные грамоты с великим князем написали, и от городов отступились великому князю: Вязьмы, Серпейска, Мезецка, Вортынска, Одоева и иных по Угру реку. И потом начали говорить послы литовские великому князю Иоанну Васильевичу о сватовстве от великого князя Александра Казимировича литовского. Князь же великий Иоанн Васильевич сотворил с ними на том сватовство: князю великому Александру взять великую княжну и держать, а к вере своей не понуждать, ни ее слуг, ни служанок, и церковь православную иметь; и людям при ней быть, мужам 10-ти русским, а литовским сколько гоже; детям их: сыновьям в отцовой, а дочерям в материной вере; а если князь Александр сыновою крестит в православную веру, тогда князь великий Иоанн Васильевич даст им по два города и с уездами к Литве; коли князь великий Александр умрет, тогда княгиню Елену отпустить со всем ее скарбом и людьми и деньги ее сцела отдать да от Литвы дать столько же, а даст ей князь великий Иоанн Васильевич денег 3000 рублей; а если умрет великая княжна Елена, тогда князь великий денег ее, и украшений, и одежд не взыщет. И на том на всем грамоты подписали, и послы и русские бояре крест целовали. И князь великий Иоанн Васильевич дочь свою княжну великую Елену обручил, а в своего государя место великого князя Александра литовского обручал княжну Елену пан Станислав Янович, староста жемоцкий, и февраля 6 в четверток было пирование великое. И почтив послов его весьма, отпустил с Москвы февраля в 12 день, и полон литовский с ними же отпустил, и пойманных людей в Серпейске и в Мезецке и в Опакове, которые сидели в заточении по городам. Марта в 9 день послал князь великий послов своих в Литву к брату своему и зятю к великому князю Александру Александровичу князя Ивана Васильевича Косова, да князя Семена Ивановича Ряполовского, да дьяка Федора Курицына совершить любовь и сватовство. Они же пришли в Литву и привели великого князя Александра литовского к целованию на докончальных грамотах, и разнимали грамоты докончальные промеж собой. И взяли грамоту утвержденную у великого князя Александра Казимировича в Вильне за его печатью, что ему дочь великого князя, а свою великую княгиню Елену держать в греческом законе, а в римский

закон не приводить, ни понуждать, да и церковь ей у себя поставить на дворе и священников держать греческого закона, и обо всем том, что послы написали. И так возвратились с великою честью. И пришли послы великого князя на Москву мая 25.

Умер кн. Борис. Мая 17 митрополит Зосим сведен с митрополии не своею волею, но непомерно пития держался, и о церкви Божии не радел, и о вере христовой сомнения имел, в чем же обличен и посажен в келию на Симонов и оттуда к Троице в Сергиеве монастыре. Того ж мая 29 преставился князь Борис Васильевич, и привезли его на Москву, и положили его в церкви архангела Михаила.

Мастера из Венеции. Союз с датским. В тот же год пришли послы великого князя на Москву Мануйло Ангелов грек да Даниил Мамырев, что посылал их князь великий за мастерами в Венецию и в Медиолан. Они же привели на Москву Алевиза мастера стенного и палатного, и Петра пушечника, и иных мастеров. В тот же год пришли на Москву послы великого князя от немцев Дмитрий Ларев да Дмитрий Заецев, которых посылал князь великий к датскому королю Иоанну о любви и о братстве. Они же, придя, короля к целованию привели на dokonчанных грамотах и грамоту dokonчанную обратно привезли; тогда же и посол с ними пришел на Москву от датского короля Иоанна, именем Давыд, также о братстве и о любви, и приводил великого князя к кресту.

7003 (1495). *Колыванское купечество. Церковь римская в Новгороде.* Князь великий литовский просит. От магистра посол. Ревельцы отпущены. Послал князь великий в Новгород к наместникам дьяка Василия Жука да Данила Мамырева и велел взять в Новгороде гостей немецких колыванцев да и товар их, переписав, привести на Москву за их непослушание, за то что они на Колывани великого князя гостям новгородским многие обиды чинили и поругание самовольно, а иных людей великого князя живых в котлах варили, без извещения великого князя и без выискиваний. Также и послам великого князя от них поругание было, которые послы ходили от великого князя в Рим, и во Фряжскую землю, и в Немецкую. Да и старым гостям великого князя новгородцам от них обида многая и неисправление было, и разбои на море были. И за то князь великий Иоанн Васильевич опалу свою на них положил, и гостей их велел в тюрьмы посадить, и товар их спровадить к Москве, и дворы их гостиные старые и божницу велел отнять. Немцы же познали свою вину и неправду перед великим князем и послали посла от себя к великому князю Александру литовскому, зятю великого князя Иоанна Васильевича, бить челом, чтоб пожаловал князь великий Александр, печаловался тестю своему великому князю Иоанну Васильевичу за их преступление и неправду да и пойманных бы гостей немец-

ких отпустил милостиво. Князь же великий Александр литовский по их челобитью послал от себя посла к великому князю Иоанну Васильевичу за их преступление бить челом, чтобы помиловал князь великий, гостей немецких отпустил его ради. Также и от князя магистра пришел посол к великому князю, и от всей земли Ливонской, и от семидесяти городов заморских о том же бить челом, чтоб пожаловал князь великий, гостей немецких отпустил и велел бы съезду быть об управах земских на реке Нарве на острове. Князь же великий Иоанн Васильевич всея Руси по заступничеству зятя своего великого князя Александра и по челобитью магистрову и всей земли Ливонской пожаловал, их гостей из тюрьмы выпустил и в свою землю их отпустил.

7004 (1496). *Отпуск великой княгини. Княг. Елена в Вильню. Брак Александра. Венчание. Преступление кн. Александра.* В апреле месяце во вторник пришли послы литовские на Москву от великого князя Александра Андреевича Казимира к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси за дочью его великой княжной Еленой за великого князя Александра: князь Александр Ольшанский Отоктста, да пан Ян Заберекский, да пан Юрий Зиновьевич. И того ж месяца 13 отпустил князь великий Иоанн Васильевич дочь свою княжну Елену за великого князя Александра литовского, а благословил княжну Елену у Пречистой Симон, игумен троицкий, поскольку тогда митрополита не было. Да и послов своих послал с нею и с женами: князя Семена Ивановича Ряполовского, да Михаила Яковлевича Русалку, князя Василия Ромодановского, Прокопия Скуратова, а дворецкий у нее Дмитрий Семенович Пешков, дьяк и казначей Василий Кулешин, окольный Петр Лобан-Заболоцкий, да Андрей Лапин-Кутузов, а стольник Андрей Васильевич Сабуров, да Иван сын Григория Морозов, Михаил Плещеев, Иван Ошерин, а конюший Андрей сын Василия Карамышев, а с ним брат его Василий ясельничий, Матфей Кошка Калинин да Федор сын Михаила Вельяминов. И пришли в Вильню февраля 15, и в первую очередь пришла княжна великая Елена к церкви пречистой Богородицы нашего греческого закона, и тут молебны пели, и пошла оттуда к венчанию. И венчали их в Станиславовой церкви римского закона бискуп вселенский (католический) по-латински да великого князя поп Фома по греческому закону был один. И оттуда князь великий Александр, почтив послов великого князя и детей боярских двора его, отпустил с великою честью, а у себя великая княгиня оставила в Вильне князя Василия Ромодановского, да Прокопия Скурата, да Дмитрия Пешка. Князь же великий Александр не со многими был и тех отослал к Москве, а великую княгиню Елену начал понуждать к римскому закону. И князь великий Иоанн Васильевич всея Руси послал о том в Литву к зятю своему великому князю Алек-

сандру послов своих Бориса Васильевича Кутузова да дьяка Андрея Майка, чтоб дочери его великой княгини Елены не нудил от греческого закона к римскому закону.

1496. Война к Выборгу. В 7004 (1496) же послал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси воевод своих князя Даниила Васильевича Щеня, да Якова Захарьича, да князя Василия Федоровича Шуйского с псковичами ратью на немцев на Шведскую землю под город Выборг. Они же, придя, землю Немецкую попленили и пожгли, а Выборга града не взяли. Тогда под Выборгом убили из пищали Ивана Андреевича Субботу Плещеева.

Митр. Симон. Речь великого князя. Месяца сентября в 6 день Божию благодатию и изволением государя великого князя Иоанна Васильевича всея Руси и советом святых отцев, архиепископов и епископов и всего священного собора, избран был и наречен на святейшую митрополию всея Руси и возведен на двор митрополитов преподобный игумен Симон троицкий Сергиева монастыря; а поставлен и совершен сентября в 20 день в воскресенье. На поставлении его были архиепископ Тихон ростовский, епископ Нифонт суздальский, Симеон рязанский, Вассиан тверской, Авраамий коломенский, Силуан сарский, Филофей пермский; архиепископ Геннадий новгородский прислал грамоту свою единосветную достоинству поставления его. И когда завершилась божественная служба и приспело время возвести на место митрополита, говорил князь великий: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всея Руси государство, подает тебе сей святой великий престол архиерейства, митрополию всея Руси, рукоположением и освящением святых отцев архиепископов и епископов нашего Российского царства. И жезл пастырства, отец, восприми и на седалище старейшинства святительского во имя Господа Иисуса Христа и пречистой его Богоматери взойди, моли Бога и пречистую его мать о нас, и о наших детях, и о всем православии, и подаст тебе Господь Бог здравие и долголетствие на многие годы». И дьяки пели преосвященному: «Исполаете (славите) деспота». Митрополит же отвечал: «Всемогущая и вседержащая десница вышнего да сохранит богопоставленное твое царство, самодержавный великий государь; мирно да будет и многолетне твое царство, самодержавный, мирно и победительно со всеми повинующимися тебе христолюбивыми воинствами и прочими народами да пребывает в веках. Во все дни жизни твоей здрав будь, добро творя, благочестивый владыко и самодержавный великий государь, на многие годы». И дьяки воспели великому князю многолетство.

Посол греческий Ласкарь. Той же осенью пришел из Цареграда боярин грек Феодор Ласкарь да сын его Дмитрий служить великому князю.

Поход в Новгород. Октября в 20 день во вторник пошел великий князь Иоанн Васильевич в вотчину свою в Великий Новгород, а с ним внук его князь Дмитрий да сын его князь Юрий; а на Москве оставил у великой княгини сына своего Василия с меньшею братиею. И пришел князь великий в вотчину свою в Великий Новгород ноября в 17 день во вторник. Архиепископ же града того Геннадий встретил государя великого князя за градом с крестами и кадилами честно, как было достойно государству их, со архимандритом, и с игуменами, и священниками, и всем священным собором Великого Новгорода. А наместники великого князя были тогда в Новгороде князь Даниил Александрович Пенский да князь Семен Романович, и те также встретили государя великого князя со всем народом града того. И была тогда в Великом Новгороде радость великая о приезде государя великого князя. И в тот день князь великий молебны и обедни слушал во церкви премудрости Божия Софии и ел у архиепископа Геннадия хлеб.

Война на шведов. Ганская земля. Января 17 послал князь великий из Новгорода воевод своих князя Василия Ивановича Косова да Андрея Федоровича Челяднина на немцев, на Шведское государство, на Ганскую землю. Они ж ходили и до Гомецкого града, землю Немецкую сотворили пустой, пожгли, и посекали, и в полон множество вели, и заставу их побили, и пришли к великому князю в Новгород марта 6 дня все здравы с полоном многим. А марта 10 пошел князь великий из Новгорода и пришел на Москву марта ж 24 в четверток. Сия же зима лютая была, морозы были великие и снега; а по весне на Москве и везде половодье весьма великое было, и за много лет таковой воды не помнят.

Война на каянов. Той же весною послал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на десять рек, а с ними рать была устюжане, двиняне, онежане, важане; а рекам имена, на коих воевали, 8: Кемь, Торма, Колокол, Авлуй, Сиговая, Снежная, Гавка, Пугаш. А кои живут на Лименге реке, и те били челом за великого князя и с воеводами приехали на Москву, князь великий их пожаловал, отпустил.

Война к Казани. Казань усмирена. Той же весною в мае пришла весть к великому князю Иоанну Васильевичу от казанского хана Махмет-Аминя, что идет на него шибанский хан Мамук со многою силою, а измену чинят казанские казаки Калимет, Урак, Садырь, Агиш. И князь великий послал в Казань к хану Махмет-Аминю в помощь воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовского с силою, и иных многих детей боярских двора своего, и понизовых городов детей боярских: новгородцы, муромцы, костромичи и иных городов многие. Князи же казанские вышесказанные, услышав про воевод великого князя, что идут со многою силою, князь Семен Иванович Ряполовский, выбежали из Казани

к хану Мамуку. Мамук же услышал про силу многую великого князя в Казани и возвратился восвояси. А Махмет-Аминь казанский отпустил воеводу великого князя из Казани князя Семена Ивановича Ряполовского со всею силою к Москве восвояси с сентября с 1-го, ибо уже не ожидали прихода Мамукова к Казани.

В том же году пришли из Литвы в Москву от великой княгини Елены оставшиеся бояре князь Василий Ромодановский, Прокопий Скуратов, Дмитрий Пешков, поп Фома и иные, да с ними ж пришел служить боярин Федор Лоскарев с сыном, а сказали, что им с литовскими людьми не любо, и князь их держать в Литве не хотел.

7005 (1497). *Казань взял Мамук. Арск. Казанцы от Мамука. Казанцы просят хана. Абдыл-Летиф, хан казанский. Махмет-Аминя удел Кашира, Серпухов, Хотунь.* Через недолгое время сведал хан Мамук шибанский, что воевода великого князя пошел из Казани со всею силою назад восвояси, поскольку в Казани измена была над Махмет-Аминем и вести к Мамуку из Казани присылали. Мамук же как можно быстрее пришел под Казань со многою силою ногайскою и с князьями казанскими. А Махмет-Аминь казанский остерегался измены от своих князей, и выбежал из Казани сам с ханшею и оставшимися князьями своими, и пришел к великому князю на Москву в ноябре, князь же великий держал его честно на Москве. А Мамук хан приступил к граду со многою силою и взял Казань, поскольку не было ему супротивника, и князей казанских, которые изменили государю своему, Калимета, Урука, Садыря и Агиша с братиею, поймал, а гостей и земских людей всех пограбил. И через недолгое время Мамук князей казанских выпустил и пришел с ними ратью под Арский городок. Арские ж князи града своего не сдали, но бились с ними крепко. И в то время князи казанские отъехали от Мамука, и град укрепили, и Мамука во град Казань не пустили; а измену на него возложили, что их князей взял, а людей земских и гостей пограбил. А послали князи казанские Бараш сеита к великому князю Иоанну Васильевичу на Москву бить челом от них и от всей земли, чтоб их великий князь пожаловал, а нелюбье им и вины отдал, что они «изменили государю своему Махмет-Аминю хану да и тебе, великому князю; да и тем ты, государь князь великий, нас пожаловал бы и Махмет-Аминя к нам в Казань не посылал, так как от него было великое насилие и бесчестье катунам нашим, и за то ему мы изменили и прочь от него к Мамуку отъехали». И князь великий Иоанн Васильевич по их челобитью и всей земли нелюбовь и вины князьям казанским отдал, а их пожаловал, Махмет-Аминя к ним не послал и нарек им в Казань Абдыл-Летифа султана, Абреимова сына, младшего брата Махмет-Аминя. Слышал же Мамук великого князя жалованье к князьям казанским, вскоре пошел от Казани восвояси и на пути умер. В апреле пожа-

ловал князь великий Иоанн Васильевич султана Абдыл-Летифа, Абреимова сына, отпустил с Москвы в Казань на место старшего брата его Махмет-Аминя, а с ним послал в Казань князя Семена Даниловича Холмского да князя Федора Ивановича Палецкого. Они же, придя в Казань, в месяце мае Абдыл-Летифа посадили на ханство, да и к шерти привели всех князей казанских, и уланов, и земских князей, и людей по их вере за великого князя. И той же весной князь великий пожаловал бывшего казанского хана Махмет-Аминя, дал ему Каширу, Серпухов, Хотунь со всеми пошлинами и отпустил его с Москвы мая 9. Он же и там нрава своего не переменил, но с насильством жил и алчно по многому.

Посол в Волохи. Теревовль. Послал князь великий Иоанн Васильевич посла своего к Стефану воеводе в Волохию Ивана Ощерина да Луку волошенина в 7004-м в июне. Они же, придя и посольство правив, отпущены были, назад пошли, и на пути под Теревовлем, придя, пограбил их Японча султан, крымского хана сын, со своими казаками. Они же возвратились к Стефану воеводе. Стефан же воевода послал о том посла своего к крымскому хану Менли-Гирею, и хан крымский повелел своим князям и казакам то выискать и пограбленное отдать; они ж, сыскав, мало отослали, а больше изгибло. И пришли на Москву в 7005 в августе, а с ним пришел посол из Волохии Иван Питар, и отпустил его князь великий месяца сентября 3. Да с тем же послом волошским пришли к великому князю игумен Паисий да три старца из Святой горы милостыни ради; и князь великий пожаловал, милостынею удоволил, и на иные монастыри Святой горы послал с ними милостыню, и отпустил их с тем же послом вместе, поскольку с древности тот монастырь святого Пантелеймона на Святой горе строение было прежних великих князей русских от великого Владимира.

Кн. Бабич. Воеводы робость. Ивангород взят. 7004-м августа 9 в пяток пришли немцы из Заморья, из Стекольни (Стокгольма) Шведского государства князя Стена, скоро разбоем в 70 бусах в Нарву реку под Ивангород, и начали к граду как можно быстрее приступать с пушками и с пищалями, и двory зажгли, огнем стреляя, поскольку же не было им супротивника. Удалой же воевода и наместник ивангородский, именем князь Юрий Бабич, исполнившись духа ратного и храбрости, немало супротивился супостатам и граждан укреплял, но вскоре, устранившись, побежал из града. Воеводы же не было во граде, и людей было мало, и запасу ратного не было во граде. А князь Иван Брюхо и князь Иван Гундор стояли с людьми близко града, и видели, что град пленяем от немцев, и к граду в помощь не пошли. Немцы же град пленили, и не нашли в нем супротивящего им, и вскоре немилостиво пограбили имущество и товар бесчисленно, а людей иссек-

ли, а иных с собою в плен повели; и так вскоре возвратились и побежали из града в море.

Посол к туркам. Апреля 17 дня отпустил князь великий крымского посла Азихамля, а с ним вместе послал послом своим в Крым к хану Менли-Гирею князя Ивана Семеновича Кубенского Звенца; он же там и преставился. А в Цареград к турецкому Баязету султану, Махмета султана сыну, Михаила Андреевича Плещеева и с ним многих гостей с Москвы отпустил, и пошли Подем. А прежде Михаила от великого князя к турецкому султану посла не бывало, а Михаил послан о дружбе и о любви.

Еп. Протасий рязанский. Сентября в 18 день в воскресенье освящена была церковь каменная Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в монастыре на Новом преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси, при архимандритстве Афанасия Щедрого. Декабря в 18 день в воскресенье поставлен епископом в Рязань Протасий митрополитом Симоном.

Война поляков на Волохию. Князь великий за Стефана. Поляки побиты. В тот же год пошел ратью король польский Альбрехт, Казимиров сын, да брат его князь великий Александр литовский на Стефана, воеводу волошского. Князь же великий Иоанн Васильевич, уведав то, что они идут ратью на воеводу Стефана волошского, как можно быстрее о том послал на подводах к зятю своему великому князю Александру литовскому посла своего Лобана Заболоцкого да дьяка Волка Василия Курицына, чтобы князь великий Александр докончания своего не рушил, а на свата бы великого князя Стефана воеводу ратью не ходил. И князь великий Александр сотворил лесь: сам возвратился, а князей русских с силою послал на помощь брату своему Альбрехту. Король же польский Альбрехт, войдя в землю Волошскую, начал пленить, и жечь, и сечь, и грабить; и пришел под Сочаву град, и стену выбил пушками. Стефан же воевода, видев свое изнеможение и невинное разорение, учинил мир и ввел его в крепкие места, и побил его, и пушки его взял и казну, и многих панов побил, а иных живых взял, а силы его побил 4 000. А сам король не со многими едва убежал к русским князям, поскольку они на том бою не были. И возвратился король с великим князем восвосяси.

Княг. Анна рязанская. Брак Федора Бельского. В тот же год в августе пришла княгиня Анна рязанская на Москву, сестра великого князя Иоанна Васильевича. Князь же великий встретил ее честно весьма на всполье за Болвановьем со внуком, и с детьми, и с боярами, также и великая княгиня София с невесткою, великою княгинею Еленою, и с боярынями. И пребывала великая княгиня Анна на Москве до Крещения, и после Крещения отпустил ее князь великий с великою честью и со многими дарами, и проводил ее князь Юрий с боярами и до Угрейши. И отпустил ее князь

великий в спешке свадьбы ради, ибо дала тогда княгиня Анна рязанская дочь свою за князя Федора Ивановича Бельского, и свадьба была на Рязани в январе.

7006 (1498). *Гнев князя великого на жену и сына. Казнь злодеев. Палецкий. Хруль. Поярок. Скряба. Травин. Стромилев. Яропкин.* В декабре по диаволову действу вспалился князь великий Иоанн Васильевич на сына своего на князя Василия да и на свою жену на великую княгиню Софию. Да в той вспалке велел казнить детей боярских Владимира Елизарова сына Гусева, да князя Ивана Палецкого-Хруля, да Поярка Рунова брата, да Щавья Скрябина сына Травина, да Федора Стромилова дьяка введенного, да Афанасия Яропкина. Казнили их на льду, головы их секли, декабря в 27 день за то, что хотели извести внука его князя Дмитрия Ивановича.

Вел. кн. Дмитрий IV. Коронавание. Той же зимой февраля в 4 день в воскресенье князь великий Иоанн Васильевич благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси внука своего князя Дмитрия Ивановича; а посажение его было в церкви Пречистой на Москве. По благословению Симона, митрополита всея Руси, и архиепископа Тихона ростовского, и епископов Нифонта суздальского, Вассиана тверского, Протасия рязанского, Авраамия коломенского, Евфимия сарского и всего священного собора возложили на него бармы Мономаховы и шапку, и осыпал его князь Юрий Дмитриевич, дядя его, золотом и серебром трижды: пред Пречистою, и пред Архангелом, и пред Благовещением.

Молитва. Возложение барм. Корона. Поучение. Было же поставление его по древнему обычаю так. 7006 февраля 4 в воскресенье по древнему обычаю великих князей приготовили среди церкви место большое, на чем святителей ставят, и учинили на том месте три стула: великому князю Иоанну Васильевичу, да внуку его князю Дмитрию Ивановичу, да митрополиту. Когда приспело время, облекся митрополит, и архиепископ, и архимандриты, и игумены, и весь собор в священные ризы, и повелели посреди церкви поставить налож, на котором положили шапку Мономахову и бармы. Когда же вошел в церковь князь великий во всем княжеском одеянии со внуком, митрополит со всем собором начали молебен пречистой Богородице и святому чудотворцу Петру. И после «Достойны» и «Трисвятого» и после тропарей митрополит и князь великий, войдя, сели на своих местах, а внук стал пред ними у места на вышней степени, не входя на место. И князь великий Иоанн сказал: «Отче митрополит, Божиим изволением от наших прародителей великих князей со старины нашей, да и до сей поры, отцы наши великие князи сынам своим первым давали княжество великое, и я своего сына первого Иоанна при себе же благословил великим княжеством. Божия так воля ста-

лась, сына моего Иоанна не стало на свете, а у него остался сын первый Дмитрий, и я его ныне благословляю при себе и после себя великим княжеством Владимирским и Московским и Новгородским. И ты бы его, отец, на великое княжество благословил». И после речи великого князя велел митрополит внуку вступить на место и, встав, благословил его крестом. И поставляемый преклонил голову, и митрополит положил руку свою на голову его, и сказал молитву сию во услышание всем: «Господи Боже наш, царь царствующим и Господь действующим, который Самуилом пророком избрал раба своего Давыда и помазал того в цари над людьми своими Израиля, святой, ныне услышь молитву нашу недостойную и виждь от святого жилища твоего, и верного тебе раба Дмитрия, которого благословил ты воздвигнуть царем в народе твоём святом, которого стяжал ты честною кровью единокровного тебе сына, помазать сподоби елеем возрадования. Одари того силою свыше, положи на голове его венец из камней честных, даруй тому долготу дней, дай же в десницу его скипетр царствия, посади его на престоле правды, огради тот всеоружеством Святого Тебе Духа, утверди того могущество, покори ему все варварские народы, всей в сердце его страх твой и к послушным милостивое отношение, соблюди того в непорочной вере, покажи того заступничества хранителя святой твоей соборной церкви веление их, да судят люди твои правдою, и нищих твоих судом спасет сынов убогих, и наследник будет небесного тебе царствия. Поскольку твоя есть держава, и твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков, аминь». И после молитвы велел к себе митрополит принести с наля бармы двум архимандритам да, взяв их, дал великому князю и знаменовал внука крестом, и князь великий бармы положил на внука. И митрополит начал говорить молитву такую втай: «Господи вседержитель и царь векам, который земной человек, тобою царем сотворенный, поклонил голову тебе помолиться, владыко всех, сохрани того под кровом твоим, удержавь того царство, благоугодное тебе творить всегда тобою сподобь, воссияй во дни его правду и множество мира, да в тиxости его тихим и безмолвным житием проживем во всяком благочестии и чистоте. Ибо ты есть царь мира и спас душам нашим, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь». И после сего велел к себе митрополит принести шапку с наля двумя архимандритом да, взяв ее, дал великому князю. И знаменовал митрополит внука крестом, говоря: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». И князь великий положил шапку на внука. И митрополит благословил внука, сказал: «Положил ты на голову его венец из камней честных, живота просил у тебя, и дал ему». После сего взял князь великий меч прародительский и,

дав внуку своему, сказал: «Вот даю тебе меч, которым защищай церковь святую и веру православную, побеждай врагов русских, обороняй верных тебе рабов и суди суд ко всем правый, не взирая на лица». И приступил боярин и оружейничий, препоясал меч тот, а митрополит, благословив, сказал: «Препоясай меч твой по бедру твоему, сильно натягивай, успевай и царствуй». И потом ектения: «Помилуй нас, Боже, по великой», по обычаю. После молитвы сели митрополит и князь великий на своих местах, и, взойдя на амвон, архидьякон говорил велегласно многолетие великому князю Иоанну и потом многолетие великому князю Дмитрию; а священники во алтаре и дьяки многолетие по обычаю. И после многолетия митрополит, и архиепископ, и епископы, и весь собор, встав, поклонились и поздравили обоих великих князей. И говорил митрополит великому князю Иоанну: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Иоанн, великий князь всея Руси самодержец, и со своим внуком великим князем Дмитрием Ивановичем всея Руси на многие годы». И потом говорил митрополит великому князю Дмитрию: «Божиею милостию здравствуй, господин и сын князь великий Дмитрий Иванович всея Руси, со своим государем и дедом великим князем Иоанном Васильевичем, всея Руси самодержцем, на многие годы». И потом дети великого князя поклонились, поздравили обоих великих князей, и потом бояре и все люди. После сего митрополит сказал великому князю Дмитрию Ивановичу поучение: «Господин и сын князь великий Дмитрий, Божиим изволением дед твой князь великий пожаловал тебя, благословил великим княжеством. А ты, господин и сын, имей страх Божий в сердце любить правду, и милость, и суд прав, и имей послушание к своему государю и деду великому князю и попечение имей от всего сердца обо всем православном христианстве. А мы тебя, господина и сына, благословляем и Бога молим о вашем здравии». После сего сказал к нему князь великий Иоанн Васильевич: «Внук Дмитрий, пожаловал я тебя и благословил великим княжеством, и ты имей страх Божий в сердце, люби правду, и милость, и суд правый и имей попечение от всего сердца обо всем православном христианстве». И потом митрополит совершил отпуст молебну, и потом начали литургию. И после совершения литургии пошел князь великий Иоанн к себе. А князь великий Дмитрий в шапке и в бармах из Пречистой как из дверей вышел, и тут его осыпал деньгами золотыми и серебряными трижды великого князя сын князь Юрий, а дети великого князя шли с ним и бояре все; также осыпал пред Архангелом и пред Благовещением трижды деньгами золотыми и серебряными. А потом был пир великий на всех у великого князя Иоанна Васильевича, а на следующее утро и на третий день у великого князя Дмитрия Ивановича, а после него у митрополита; и было торжество и радость великая.

7007 (1499). *Ряполовский казнен*. В месяце январе взял князь великий Иоанн Васильевич князя Ивана Юрьевича звенигородского и его детей, князя Василия Косого да князя Ивана Мымшику, да зятя его князя Семена Ряполовского. И велел казнить князя Семена Ивановича Ряполовского, голову ему ссекли на Москве реке пониже моста февраля 5 во вторник, а князя Ивана Юрьевича пожаловал от казни, отпустил его в чернецы к Троице, а сына его князя Василия Ивановича Кривого отпустил в монастырь Кириллов на Белоозеро.

Посол из Шемахи. Посол в Италию Ралев. Посол в Польшу. К султану турецкому грамоты. В тот же год в месяце марте пришел посол к великому князю на Москву от шемахинского князя Махмут-Салтана, Салтан-Махметова сына, внука Ширвана Вышнего, именем Шабебдин, и посольство правил о любви. Того ж марта послал князь великий посольством Дмитрия сына Ивана Ралева грека да Митрофана сына Федора Карачарова до Италийских стран о своих потребах. Да с ними ж вместе послал Михаила Погожего посольством в Краков к Альбрехту, королю польскому, чтоб дал путь послам великого князя через свою землю Ляцкую. А из Кракова послы пошли к угорскому королю Владиславу, а оттуда в Венецию. Того ж марта послал князь великий в Цареград к Баязету султану с грамотами Олешку Голохвастова.

Кн. Василий Иванович на удел. Марта в 21 в четверток князь великий Иоанн Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василия Ивановича, нарек его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков великое княжение.

Дворец каменный. Умер еп. Евфимий крутицкий. Еп. Трифон крутицкий. Той же весною в месяце мае князь великий велел заложить двор свой и палаты каменные и кирпичные, а под ними погребя и ледники на старом дворе у Благовещения, да и стену каменную от двора своего до Боровицкой стрельницы; а мастером был Алевиз фрязин из града Медиолана. Июня в 1 день послал князь великий посольством в Литву Василия Третьякова Далматова на подводах. Той же весною июня в 12 день преставился епископ Крутицкий Евфимий. В тот же год июля в 14 день в воскресенье поставлен на епископию сарскую на Крутицу Трифон, игумен богоявленский, Симоном, митрополитом всея Руси.

Курбский. Ушатов. Угры. 1500. В тот же год послал князь великий воевод своих князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатова, да Василия Бражника с силою, с устюжанами, с двинянами, с вычагжанами и с вятчанами, на Угорскую землю и на гагуличей. Они же, придя, города взяли, и землю повоевали, и князей, взяв, привели с собою на Москву; а иных князей и земских людей к клятве привели по их вере за великого князя; а иных князей и многих людей угричей и гогуличей

там побили. И пришли на Москву к великому князю все здравы 7008 (1500) в марте.

Церковные земли поместья. В тот же год по благословению Симона митрополита взял князь великий Иоанн Васильевич в Новгороде Великом церковные земли на себя, владычние и монастырские, и раздал детям боярским в поместья, которые пожалованы из холопов боярских за их службу.

Агалак. Помочь к Казани. В тот же год пришла весть к великому князю от казанского хана Обды-Летифа, что на него идет Агалак султан, Мамуков брат, да с ним Урак князь из казанских князей. Слышав же то, князь великий послал к Казани в помощь воевод своих князя Федора Ивановича Бельского, да князя Семена Романовича, да Юрия Захарыча со многими людьми. Агалак же и Урак услышали, что идут на них воеводы великого князя с силою, и побежали восвосяи, и воеводы великого князя возвратились к Москве.

Ордынские татары к Козельску. Татары побиты. Посол турецкий. Султан кафимский. Посол крымский. В сентябре пришли татары, ордынские казаки и азовские, под Козельск и взяли село козельское Олешню; и князь Иван Перемышльский, да Одоевские князи, да дети Петра Плещеева Василий да Иван, догнав их, побили и полон свой отняли, а иных татар, поймав, привели на Москву к великому князю. В ту же осень в октябре пришел посол великого князя из Крыма князь Семен Ромодановский; да с ним пришел турецкий посол от кафинского султана Махмет-Шихзодея, именем Салыхда-Алакуз, о любви и о дружбе. И князь великий, его почтив весьма, отпустил его к его государю кафинскому султану Махмет-Шихзодею, да с ним вместе послал князь великий своего посла Андрея Семеновича Лапенка марта в 16 день, а отпустил их в судах рекою Мечею в Дон, а Доном в Азов; а Казимира крымского тогда ж отпустил. Да с князем же Семеном вместе пришел посол из Крыма, именем Азихалей, Азбабин сын.

Феодосия за Холмского. Той же зимой в феврале пришел посол на Москву от датского короля Иоанна капеллан, именем Иоанн. В тот же месяц февраль пришел из Цареграда Олеша Голохваст, которого посылал князь великий с грамотами к турецкому Баязету султану; султан же, почтив его весьма, отпустил к великому князю. Того ж месяца февраля в 13 день в четверг князь великий Иоанн Васильевич дал дочь свою Феодосию за князя Василия Даниловича Холмского, и венчал их митрополит Симеон в церкви Пречистой.

Посол в Данию. Кубенский. Смерть кн. Ивана Кубенского. Той же весною апреля 2 послал князь великий к датскому королю Иоанну посольством Юрия Мануиловича грека да дьяка Третьяка Далматова, велел просить дочь его за внука своего Дмитрия; да и

датского посла каплана с ними же отпустил. Того ж месяца апреля 17 отпустил князь великий крымского посла Азихалея, да с ним вместе послал своего посла крымскому хану Менли-Гирею князя Ивана Семеновича Кубенского, да с ним вместе отпустил многих гостей немецких. И пошли Подем, и пришли на них татары, азовские казаки Угус-Черкас да Коробай, и ограбили их на Поле, а иных гостей полонили, а иных побили; а иные гости с князем Иваном и с крымским послом на ясачных конях отъехали и пришли в Крым; а которые дети боярские их провожали, все поздорову приехали на Москву. А князь Иван Кубенский в Крыму преставился.

Хотим. Умер кн. Иван рязанский. Той же весною пришел к великому князю посол волошский, именем Федор Исаев, наместник хотенский. Той же весною мая в 29 день в пяток в 3 час дня преставился князь великий Иван Васильевич рязанский; а после него сын его Иван остался четырех с половиной лет.

Вражда о вере. Жалоба Бельских на Литву. Епископ смоленский в унию. Княжение Бельское. Посол литовский Толстой. Кн. Семен можайский. Кн. Василий Шемяка. Литве война объявлена. Война на Литву. Яков Захарьин. В тот же год пришла весть к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, что зять его князь Александр литовский начал принуждать дочь его Елену, свою великую княгиню, от греческого закона к римскому закону вопреки крестному целованию и своей утвержденной грамоте. И князь великий Иоанн Васильевич всея Руси послал к нему о том послов своих князя Василия Ромодановского да дьяка Василия Кулешина, чтоб дочери его Елены, а своей великой княгини, не принуждал от греческого закона к римскому закону, держал бы ее в греческом законе по своей утвержденной грамоте. И князь великий Александр литовский отказал к великому князю с послами его, что он его дочери к римскому закону не принуждал. И после в тот год 7008-й прислал к великому князю Иоанну Васильевичу бить челом князя Семена Ивановича Бельского о том, чтоб его князь великий пожаловал, взял в службу и с вотчиною, а сказывает, что у них пришла нужда великая о греческом законе. Посылал де князь великий Александр к своей великой княгине о том отступника православной веры греческого закона Иосифа, владыку смоленского, да бискупа виленского и чернецов бернадинов, чтобы приступала к римскому закону, да и князям русским, и к виленским обывателям, и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и принуждал их приступить к римскому закону. А смоленскому владыке Иосифу обещал за то киевскую митрополию, на него же послал Бог недуг раслабу, и поставлен был на митрополию в том же недуге не здрав, и один год быв в том сану, лишился живота. И князь великий Иоанн Васильевич

всёя Руси князя Семена Ивановича той ради нужды пожаловал, взял его и с его вотчиною, с отказом; приехал князь Семен Иванович к великому князю апреля в 12 день в неделю Цветоносную. В тот же месяц апрель прислал к великому князю Иоанну Васильевичу князь великий Александр о князе Семене Бельском и об иных делах посла своего пана Станислава Кишку, наместника смоленского, да Федьку Толстого писаря. И князь великий Иоанн отвечал послам литовским, что взял князя Семена с вотчиною той ради нужды, что их понуждает приступить к римскому закону. А приказал к нему с его послами с Станиславом и Федком, чтоб и дочери его Елены, а своей великой княгини, не понуждал от греческого закона к римскому закону, да и всей бы руси, которые ему служат, к римскому закону не понуждал, да и о всем бы ему исправил по докончанию и по крестному целованию; а начнет понуждать, «и от той нужды придут к нам, и мы будем их принимать и с вотчинами и стоять за них, сколько нам Бог поможет». И после того, в апреле ж, приехали к великому князю Иоанну Васильевичу, государю всея Руси, бить челом князь Семен сын князя Иванова Андреевича можайского да князь Василий, сын князя Ивана Дмитриевича Шемякина, что на них пришла великая нужда о греческом законе, и государь бы их пожаловал, взял к себе и с вотчинами; а князь великий Александр литовский и в иных делах по докончанию не исправил. И князь великий Иоанн Васильевич всея Руси из-за той нужды князя Семена и князя Василия, принял в службу и с вотчинами, послал от них с отказом Ивана Телешова, а с разметною послал к великому князю Александру Афанаса Шемяка Вязмятина; а к князьям послал воеводу боярина своего Якова Захарьича и иных своих воевод со многими людьми.

Брянск взят. Радогощ. Путимль взят. Любеч взят. Яков Захарьевич пошел с Москвы месяца мая в 3 день в воскресенье, и пришел в Литовскую землю и город Брянск взял, а воеводу и наместника брянского пана Станислава Бардашевича взял и владыку брянского и послал их к великому князю на Москву. И оттуда пошел Яков Захарьич к князьям в Радогощ, и привел их к крестному целованию на том, что им служить государю великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси и со своими вотчинами. И оттуда придя, Яков с князьями город Путимль взял августа в 6 день, после сего взял град Любеч и князя Богдана Глинского взял и с женою.

Дорогобуж взят. Юрий Захарьевич. Кн. Даниил Щеня. Бой на реке Ведроше. Кн. Константин Острожский. Той же весною послал князь великий воеводу боярина своего князя Юрия Захарьича со многими ж людьми к Дорогобужу, и Юрий, придя, Дорогобуж взял. Слышал же про то князь великий Александр литовский, и собрал силу многую, и послал на Юрия Захарьича бояр своих многих, панов и гетманов со многими людьми; и князь

великий Иоанн Васильевич всея Руси послал к Юрию на помощь воеводу боярина своего князя Даниил Васильевича Щеня тверского с силою. И сошлись воеводы на Миткове поле на речке Ведроше месяца июля в 4 день во вторник, на память святого апостола Акила, и был промеж ними бой великий и сеча злая. И милостию Божиею и пречистой его матери одолели воеводы великого князя Иоанна Васильевича всея Руси литовских воевод, многих побили и силы великого князя Александра, а иных многих живых взяли воевод, и гетманов, и панских детей: князя Константина Острожского, и пана Григория Остюковича, и пана Литовара маршалку, и иных многих, и послали их к великому князю на Москву. А с бою примчался к великому князю на Москву Михаил Андреев сын Плещеева июля в 17 день в пяток и сказал великому князю про воевод его здоровье и Божию помощь на Литовскую землю; была тогда радость великая на Москве.

Ногаи на Казань. Торопец взят. В тот же год приходили ногайские татары Муса мурза да Ямгурчей мурза со многими людьми под Казань город на казанского хана Абдыл-Летифа, Абреймова сына, и стояли под градом три недели. А князя великого воеводы тогда были в Казани у хана, князь Михаил Курбский да князь Петр Лобан Рязанский, с малым числом людей. Хан же казанский повелел около града нарядить острог, и каждый день, выходя из града, с ногами бои творили, и Божиим заступлением ногаи все вскоре отошли восвояси. В тот же год воеводы великого князя Торопец взяли.

7009 (1501). *Посол венгерский. Умерла Феодосия. Умерла княг. Анна.* В январе пришел посол на Москву от угорского короля Владислава, именем Матиас, помогая полякам мириться. Да той же зимой в феврале пришли послы к Москве: от польского короля Альбрехта, именем Олехно Скарута, а от великого князя Александра литовского посол, именем Станислав Нарбутов; и они, долго быв, докончания не учинили и пошли, ибо пришла весть, что король Альбрехт умер. Того ж месяца февраля в 19 день преставилась великого князя дочь Иоанна Васильевича благоверная княгиня Феодосия князя Василия Даниловича Холмского, и положили ее в церкви Вознесения на Москве. Той же весною в апреле на Светлой неделе в среду преставилась благоверная великая княгиня Анна рязанская, сестра великого князя Иоанна Васильевича, в 6 час дня.

В Дерпте купцы русские взяты. Война немцев к Пскову. Казаки, азовские татары. В ту же весну в апреле епископ Филофей пермский оставил епископию свою и пришел в Кириллов монастырь. Апреля в 23 день той же весной немцы в Юрьеве взяли гостей князя великого новгородских и псковских больше 200 человек, и товар их пограбили, и послали их по городам в заточе-

ние. И собралась вся земля Ливонская, и пришли на великого князя вотчину на град Псков, и, волости Псковские повоевав, возвратились восвояси. Июля в 11 день азовские казаки Угус-Черкас да Корабай пограбили на Поле на Полузоровском перелеске великого князя послов князя Федора Ромодановского да Андрея Лапенка, и Андрей там и скончался, и гостей многих пограбили. В тот же год в месяце августе пришли на Москву от датского короля Юрий Старый да Третьяк Далматов, да с ними ж вместе пришел короля датского посол, именован Давыд.

7010 (1502). *Война на Литву. Воронцов. Ижеславский. Дашков. Литва побита. Умер еп. Авраамий коломенский.* Послал князь великий воевод своих с князем Семеном Ивановичем Можайским и с князем Василием Ивановичем Шемякиным боярина своего князя Александра Владимировича Ростовского, да боярина своего Семена Воронцова, да Григория сына Федора Давыдовича, со многими людьми Литовские земли воевать. И пришли воеводы к Мстиславлю граду ноября 4 в четверток, и встретил их из града князь Михаил Ижеславский, зять князя Юрия Лугвеньевича, да великого князя Александра литовского воевода Остафий Дашкович с двором великого князя, с заставою и с жолнерами. И сошлись полки вместе, и Божию помощию одолели полки великого князя Иоанна Васильевича московские, и многих литвы иссекли, тысяч с 7-мь, а иных многих взяли, и знамена их взяли, а князь Михаил едва убежал во град. Князи же и воеводы великого князя, постояв у града, землю сделали пустой и возвратились к Москве со многим пленом. Той же осенью преставился коломенский епископ Авраамий.

Посол кафинский Ашихзоди, сына Баязета. В сентябре пришел посол от кафинского султана Ашихзоди, Баязета султана сына, именован Алакож, о любви. В октябре послал князь великий в Крым к царю Менли-Гирею Федора сына Михаила Киселева.

Война на немцев. Пенек. Щеня. Немцы побиты. В октябре послал князь великий воевод своих князя Даниила Александровича Пенка, да князя Даниила Васильевича Щеня, да князя Александра Васильевича Оболенского и иных воевод со многими людьми Немецкую землю воевать Ливонскую за их неправду, что они воевали его вотчину Псков да и гостей его взяли в Юрьеве. Воеводы же пошли и начали землю Немецкую воевать, и пленить, и жечь, и сечь; и внезапно случился им бой великий на третьем часу ночи ноября 24. Пришли немцы внезапно со стороны со мною силою, с пушками и с пищальми, и Божию милостию воеводы великого князя одолели их, иных побили, а иных взяли, и мало их убежало; и тогда на том бою убили князя Александра Васильевича Оболенского. И ходили воеводы близко Колывани и вышли на Ивангород, а землю Немецкую сделали пустой.

Послы ногайские. Хан Шихахмат. Посол Большой орды. Той же зимой в декабре пришли на Москву послы ногайские, от Мусы мурзы князь Якбал, а от брата его от Ямгурчея мурзы Яядам, о любви. Той же зимой пришел к великому князю посол от Большой орды от хана Шихахмата, Ахмутова сына, именем князь Хазсегеря, о дружбе и о любви.

Хан казанский взят. Хан казанский Махмет-Аминь. Той же зимой в январе послал князь великий князя Василия Ноздреватого да Ивана Телешова в Казань и велел взять хана казанского Обды-Летифа за его неправду. Они ж, поехав, сотворили так, и взяв, и пришли на Москву; князь же великий послал его в заточение на Белоозеро. А на Казань пожаловал князь великий старого казанского Махмет-Аминя, Абреимова сына, и жену брата его ему дал Алегамовскую, бывшего хана казанского. А с ним послал князь великий в Казань князя Семена Борисовича Суздальского да князя Василия Ноздреватого.

Той же зимой в марте в четверток 5-й недели поста отпустил князь великий Шихахматова посла Большой орды да с ним вместе послал к хану Шихахмату своего посла Давыда Лихорева ясельничего о любви ж. В тот же месяц март послал князь великий в Крым Алексея Заболоцкого.

Литва побита. Немцы на Ивангород. Той же весною в апреле приходили пан Петраш Епимахович с жолнерами из Полоцка на Пупович на волость, и великого князя дети боярские многих жолнеров побили, а иных взяли. Месяца марта 9 приходили немцы на Ивангород; тогда и Лобана Колычева убили.

Кн. вел. Дмитрий VI свержен. Кн. великий Василий IV. Той же весною апреля 11 в понедельник князь великий Иоанн положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия и на его мать на великую княгиню Елену, и от того дня не велел их помянуть во ектениях и на литиях и не называть великим князем, а посадил их за приставов. Той же весною апреля 14 в четверток, на память преподобного отца нашего Мартина, папы римского, князь великий Иоанн Васильевич всея Руси пожаловал сына своего Василия, благословил его и нарек на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси самодержцем благословением Симона, митрополита всея Руси.

Еп. Никон коломенский. Еп. Никон пермский. Той же весною мая 1 в воскресенье поставлен на епископию коломенскую игумен Никон из Павловой пустыни. Того ж месяца в 5 день в четверток поставлен на епископию пермскую игумен Никон из Павловой пустыни.

Мамонов. Воронцово. Лихарев. Кн. Дмитрий к Смоленску. Немцы к Пскову. Юсуповы. Бахтеяров. Того же месяца в 8 день отпустил князь великий посла кафинского Алкузу да с ним вме-

сте послал своего посла к Шихзодеи, султану кафинскому, Олешу Голохвастова. В тот же месяц пришел из Крыма Иван Мамонов. В тот же год июля 9 в четверг выехал князь великий в Воронцово жить и пребывал там до чудотворца памяти Петра в декабре. В тот же год пришел из Крыма Федор Киселев июня 28. Того ж июня крымский царь Менли-Гирей побил Шихахмата, царя Большой орды, и Орду взял. В тот же год пришел из Орды великого князя посол Давыд Лихарев. Июля 14 в четверг отпустил князь великий ратью сына своего князя Дмитрия к граду Смоленску Литовские земли воевать. В тот же год немцы приходили к Пскову. В тот же год пришли к великому князю служить два султана из Астрахани (Асторахании): Исуб султан, Егуб султана сын, да Шигавлиан султан, Бахтеара султана сын, хана Ахмата племянники из Большой орды.

7011 (1503). Октября 23 в воскресенье пришел на Москву великого князя сын князь Дмитрий Иванович, землю Литовскую повоевал и попленил, а града Смоленска не взял, поскольку крепок был.

Посол венгерский. Послы польские. Смерть короля Альбрехта. Король Александр. Перемирие. Той же зимой в январе Тихон ростовский оставил архиепископию за немощью и сошел в монастырь к Борису и Глебу на Усье. Той же зимой января 1 пришел посол к великому князю на Москву от угорского короля Владислава, именем Сигизмунт. И той же зимой в марте пришли послы на Москву от короля польского Александра, зятя великого князя, именем пан Петр Мишковский, воевода ланчицкий, да пан Ян Бучатский, староста межибожский, подचाший королевства Польского, да Петр Драницыновский, стольник краковский и каноник познанский, секретарь королевский, да князь Станислав Горецкий, а литовские послы пан Станислав Глебович, наместник полоцкий, да Войтех Янович, наместник коденский, да писарь Ивашко Сопежич, с тем, что король брат Александров Альбрехт умер, а на королевство выбран зять его Александр; и взяли с великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси перемирье на 6 лет, от Благовещения до Благовещения, и грамоты перемирные написали, и о вере, что не принуждать, укрепили.

Умерла вел. княг. София. Апреля 7 в пяток на 9 часе дня преставилась благоверная великая княгиня София великого князя Иоанна Васильевича, и положили ее в церкви Вознесения во граде Москве.

Послы в Литву. И той же весной мая 7 в воскресенье отпустил князь великий послов своих в Литву к зятю своему королю Александру боярина своего окольного Петра Михайловича Плещеева, да Константина Григорьевича Заблоцкого, да Михаила Кляпика, да дьяка Губу Моклокова поздравить его и дочь свою

на королевство, и утвердить перемирие, и говорить о вечном мире, чтобы от русских городов отступился, и кои за ним, церковей русских в свои не превращали, никого к вере их не принуждали; а если будут принуждать, то будет дурным. И король Александр принял послов, чествовав много, отпустил. А при них в Кракове сделали церковь благочестивую. Они же возвратились все на собор в Москве.

В тот же год был архиепископ новгородский Геннадий на Москве и собор вели с Симоном митрополитом всея Руси и с епископами, и повелели вдовым попам и дьяконам не петь, ни священству не касаться, а также уложили и за ставления у попов и дьяконов и от мест церковных по правилам святых отцев мзды не брать, да на том и грамоту утвержденную написали, и руки свои к ней приложили, и печати привесили.

В тот же год пришел посол Шиахмата хана Аллиар, и брата его Хозя султана посол Хозя ж, а Богатыря султана посол Кем-Урус.

В тот же год месяца июля 28 князь великий Иоанн Васильевич всея Руси начал изнемогать; ибо которых Бог любит, тех наказывает.

7012 (1504). Сентября 6 дня освящена была церковь святого великого архистратига Михаила во имя честного его чуда, которая в Хонях, на Москве преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси, и архиепископом Геннадием новгородским, и епископами. Того ж месяца сентября 20 отпустил князь великий Ивана Ощерина в Крым.

Поход по монастырям великого князя. Умерла Ульяна. Брак Федора. Умер Иван. Сентября 21 в четверток князь великий Иоанн Васильевич и со своим сыном великим князем Василием Иоанновичем, и с детьми выехал с Москвы, и был той осенью у Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре, и оттуда был в Переславле, и Ростове, и в Ярославле, и приехал на Москву ноября 9 в четверток. Той же осенью преставилась княгиня Ульяна князя Бориса Васильевича в ноябре; и тогда князь Федор Борисович женился после нее, а брат его князь Иван Борисович на свадьбе его разболелся и преставился, и положили его у Пречистой во Иосифове монастыре.

В тот же год на Вознесения день повелением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси архимандрит Митрофан во Андроникове монастыре заложил трапезу кирпичную. В тот же год повелел князь великий в Москве устроить решетки и стражи, а над тем заведовать поручил Юрию Захарьичу.

Еп. новгородский Геннадий отставлен. Мзда епископов. В тот же год в июне Геннадий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, оставил престол свой за немощью, поневоле, поскольку, приехав с Москвы на свой престол в Новгород Великий, начал

мзду брать у священников за ставления наиболее, чем ранее, несмотря на свое обещание, советом своего единомышленного любимца и дьяка Михаила сына Ивана Алексеева. И выискали то князь великий и митрополит и свели его с престола на Москву, и был в монастыре у Михайлова Чуда на Москве два с половиной года, тут и преставился.

В том же году перевел великий князь из Владимира в Москву гостей новгородских на житье Ефферяна Медведева с сыном, Григория Есипова, Саву Афанасьева с братом Федором, Юрия Еремеева, Алферья Морева, Ива Чудова, Козьму, Панкратьева брата, Михаила Моисеева, Игнатия Коковкина с братом Есипом, Антона Черного; а из Переславля Павла Аверкиева с сыном Федором, Василия Абрамьева с сыном Григорием да Карпа Цветного; и дал им место в городе за торгом селиться.

7013 (1505). *Мастера привезены.* В ноябре пришли послы великого князя на Москву, Алексей Заболоцкий из Крыма, Дмитрий Ларев и Митрофан Карачаров из Заморья, и привели с собою многих мастеров серебряных, и пушечников, и стальных. Тогда ж и Алеша Голохвастов пришел из Кафы.

О казни еретиков. Той же зимой князь великий Иоанн Васильевич и сын его князь великий Василий Иоаннович всея Руси с Симоном, митрополитом всея Руси, и с епископами, и со всем собором выискали еретиков и повелели лихих смертною казнью казнить. И пожгли их в клетке: дьяка Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивашку Максимова, декабря 24; а Некрасу Рукавову повелели язык урезать и в Новгороде Великом сожгли его. И той же зимой архимандрита Кассиана юрьевского сожгли, и его брата, и иных многих еретиков сожгли, а иных в заточение сослали, а иных по монастырям.

Умерла Елена. Той же зимой января в 18 день в субботу преставился великая княгиня Елена волошанка под стражей у великого князя Иоанна Васильевича, и положили ее в церкви Вознесения на Москве.

Архангельская соборная церковь. Той же весной мая 21 повелением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси во граде Москве на площади разобрали старую церковь святого и великого архангела Михаила ветхости ради, которую создал изначально благоверный и великий князь Иоанн Данилович в лето 6841; на том же месте заложили новую церковь, и тогда вынули мощи великих князей и удельных. Тогда же и другую церковь разобрали и Иоанна святого Лествичника, которая под колоколы, созданную от великого же князя Иоанна Васильевича в лето 6836; заложили новую церковь не на старом месте.

Князь великий Иоанн Васильевич когда послал служившего у него казанского султана Махмет-Аминя в Казань на место брата

его, который был на Вологде в заточении стерегомим, надеялся на него крепко, что невозможно ему забыть милости и жалования великого князя, и начал тот Махмет-Аминь хорошо править по данной шерти, верно во всем с воеводами великого князя управлял и о всем, что приключалось, возвестуя, и крамольников казнил, и к великому князю отсылал, и было так долгое время. Жена же его оная, Урбетъ, что более иных любима ему была, вспоминая прежде ее пленение и детей ее, начала смущать его отложиться от великого князя, говоря: «Стыд тебе есть великий, что деды наши Русью владели и дани взимали полетные, а ныне ты со всею ордою служишь русскому князю, и дань даешь ему, и для него губишь людей. И вот ныне многие из князей татарских встают на тебя и хотят тебя погубить или изгнать». Он же, слышав сие, весьма ужаснулся и, не смея или не желая гостям великого князя объявить, явил одному лишь приставу, что городной князь Шайнуфа творит крамолы и хочет его изгнать, обмениваясь сообщениями с ногайским ханом, ибо был тот Шайнуфа весьма верен великому князю и хану Махмет-Аминю и не давал другим на зло замышлять. Оная же злая и проклятая змея Урбетъ, ненавидящий того, по возмущению других князей и уланов оклеветал его и многие послухи лживые тайно вводила к Махмет-Аминю. И послал Махмет-Аминь грамоту к великому князю Иоанну Васильевичу, все то изъявил, как слышал. Великий же князь, слышав сие, хотя усомнился весьма, поверив Махмет-Аминевои шерти басурманской и храня свое твердое слово к нему, послал к нему в Казань Михаила Кляпика с тем, чтоб он у Махмет-Аминя хорошо обо всем уедал и таким речам не потакал, крамольников казнил и городного князя Шайнуфу прислал бы под стражею в Москву. Когда же пришел Михаил в Казань, и в оной злокозненности Урбетъ прилежала день и ночь Махмет-Аминю, а сие уедавав, с чем посол великого князя пришел, боясь, как бы и сама с приятелями обличена и казнена не была, начала особенно лестными словами обольщать хана, сказав: «Молю тебя, господин хан великий, если послушаешь слов моих, то не погибнешь сам и все племя твое. Ибо сказала тебе много, что посрамил ты все племя твое, учинился рабом и данником русскому князю и много людей племени твоего изгубил. Брат твой Абдыл-Летиф сослан им в заточение, и чада его, и иные князи многие, бывшие крепкие столпы орды Казанской. А вот ныне повелевает тебе всех князей твоих изгубить и потом тебе самого, взяв, уморит в заточении, как и брата твоего, а Казань населит русскими, чада же все введет в веру свою, а басурманскую посрамит; и будешь поносим вовеки во всех ордах». И так лестные слова ее, как капли дождевые падая на жестокий камень, проникли в сердце его и переменили мысли его, что стал слушать сию проклятую змею. И спросил ее: «Что дол-

жен сделать?». Она же сказал: «Созови всех князей и вельмож твоих и яви им ту грамоту великого князя и все речи его; и если скажут тебе, почему ты так писал к великому князю, скажи им, что ты не писал, а писали его послы гости; а князь великий, закрывая гостей своих, пишет так и смущает тебя со всею ордою, как бы, всех изгубив, всем обладать и во свою веру обратить». Он же, поверив сему, созвал передних князей, которые наиболее были сообщниками злой той Урбеть, тут же был и Шайныуфа; и когда услышали сие, что хан им явил, возрадовались крамольники, а верные доброжелатели русские ужаснулись и, видя свою гибель, взъярились весьма, не ведая лести той, и возопили, да побьют всю русь. Один же из крамольников сказал: «Не добро, если ныне сие учиним, то многие гости, которые к Иванову дню на базар приезжают, услышав, убегут с пути, ведущем сюда». И уложили послать всюду заставы по путям, да никто убежит, а когда съедутся на базар отовсюду, тогда всех убить. Был же тут в совете князь Алачай, которого князь великий Иоанн Васильевич, пленив раненым, повелел исцелить, прежде плененную жену его и с чадами, отыскав, возвратил и его отпустил. Тот, придя, немедленно дал о том вскоре Михаилу знать, да с письмами уйдет вскоре или шлет кого, не поведав никому. И Михаил тотчас послал сына своего, и тот убежал со всеми письмами и неких гостей возвратил, которые близ границ были. А на третий день, июня 24, утро раннее было, когда сошлись отовсюду во град Казань, на базар выехал сам тот нечестивый клятвопреступник Махмет-Аминь, и все князи с ним, и множество татар вооруженных, начали русских всех брать, убивать и грабить, которые не ожидали никакого зла на себя и опасения не имели. И было убито множество руси, многих же засадили в тюрьмы, да своих выменяют или откуп возьмут, иных же послали в дальние города под стражей, а иных в Ногаи продали, и имения многие пограбили, обогатились весьма; а Михаила посадили в тюрьму. И так Казанская орда, быв во владении русском 17 лет, отторглась. Князь же великий получил весть сию, весьма скорбен стал о сем, послал воинов собирать, желая сам идти на Казань, но оставил до весны, ибо времени поздно было, и повелел только низовым быть в остережении от набегов, не ожидая беззаконных нашествия; но те проклятые сыродядцы не умедлили прийти на губление христианское.

В тот же год пришел на Москву из Крыма Иван Ощерин, да с ним пришел Алабата улан да Тетлаин-Бердей-Дуван.

7014 (1506). *Брак Василия IV*. Месяца сентября 4 в четверток князь великий Иоанн Васильевич всея Руси жепил сына своего Василия Иоанновича всея Руси, взял за него дочку Юрия Константиновича Сабурова, именем Соломонию; а венчал великого князя Василия Иоанновича всея Руси и великую княгиню Соло-

монию преосвященный Симон, митрополит всея Руси, в соборной великой церкви Успения пречистой Богородицы.

Того ж сентября безбожный оный хан казанский Махмет-Аминь, ведая, что князь великий Иоанн Васильевич во изнеможении плоти своей, после избиения руси в Казани вскоре собрал все басурманские воинства, призвав из Ногаев султана с 20 000, устремился на Новгород Нижний, имея до 40 000, и придя, обступил град и начал крепко приступать. Воевода же во граде был тогда Хобарь Симский и мало имел воинства, да и то люди плохие; а с Москвы и других городов по наряду прийти не успели, и был град тот в великой печали и отчаянии крайнем. Были же тогда во граде том литовские пленники, именуемые жолнеры, стерегомые в темницах, которых храбрый русский воевода князь Даниил Щеня на Ведроши пленил, ибо было их более 500 и остался 300. Те, видев гибель града и себе, начали воевод просить, да дадут им оружие, а они обещались верно послужить. И воевода утвердил их крестным целованием, обещав им всем свободу дать, дал им оружие. Они же вооружившись, совокупясь с немощными и боязливými градскими воинами, вышли против безбожных и многие раны им сотворили, более 500 их в тот день побили, поскольку татары 20 дней стоя, ни единой вылазки не видя, не опасаящимися были в станах своих. После сего оныс басурмане еще более на град ожесточились, начали приступать, а сии со града из пушек и орудий стреляли; а также, исходя ночью и в день, многих избивали и, пленив, во град тащили; взяли же одного отступника веры христианской, который принял веру их басурманскую и был у хана в милости, того за ноги живым привязав, за град со стены на бревне свесили. Татары же крепко нападали, желая его освободить, но сами убиты были из пушек и его расстреляли стрелами своими. Султан же ногайский, шурин Махмет-Аминя, приехал с иными князьями посмотреть град, как бы удобнее, приступив, взять. Тогда литвин, видев их, наставил пушку на них и убил султана того с иными князьями, и была печаль великая нечестивым, в смятении были ногаи, и было им с казанцами междоусобие, одни других начали убивать, их же едва хан и князи утолили. И так, стояв под градом 30 дней, многую скорбь нанеся, а своих более 5 000 погубив, отошли октября 6 дня. А граждане благодарили Бога, и воевода писал к Москве к великому князю, всем жолнером дал свободу, из которых мало кто пошел во свою землю, но остались по градам русским. Князь же великий, услышав про приход оного безбожного, воинов многих собрав, послал воевод своих. Они же, видев князя великого изнеможение, не боясь Бога, придя к Мурому в 60 000, не смели от града идти и тут пили и веселились, а татары от Нижнего ездили до Муромы, волости пленили и воевод тех ругали. Услыша-

ли же воеводы, что хан побежал, тогда пришли к Нижнему; и начала их литва ругать, говоря: «Сии воеводы после рати храбры»; и так со срамом возвратились.

Великий же князь Иоанн Васильевич начал тогда весьма изнемогать и, призвав преосвященного Симона митрополита, и отца своего духовного протопopa Иеремию, и чад своих, просил, да сотворят над ним соборование елеем. Митрополит же начал его увещевать, да воспримет святой ангельский чин. Он же сказал: «Что мне пользует пострижение волос, их же многие стригли, и растили снова; или что даст черная одежда, которую и прежде носил, если не будут дела мои Господу Богу приятны, и ныне уже не имею время благо что сотворить, но одно есть, что каяться о грехах своих и смириться, кого неправедным ведением и неведением оскорбил». И повелел духовную читать всем во услышание. Повелел же всех заключенных в темницах за его вины освободить и должных откупить из казны своей. Разделил же чада свои: великое княжение поручил старшему своему сыну князю Василию Иоанновичу, Георгию дал Дмитров, Дмитрию Углич, Симону Калугу, Андрею Старицу; и заповедал им во всем повиноваться старшему брату. Потом, призвав всех князей и бояр своих, наказал им, как служить и пребыть великому князю и всей Русской земле, и стараться соединить всю Русь воедино, а басурманов покорить. И приняв от всех прощение, причастясь святых и животворящих тайн, отошел к Господу 1506 октября 27 с понедельника на вторник в 1 час ночи, быв на великом княжении после отца своего 47 лет и 7 месяцев, всех лет прожил 66 лет 9 месяцев и 5 дней. Положен был в новой церкви святого архангела Михаила, которую повелением его фрязин чудно устроил. Сей блаженный и достохвальный великий князь Иоанн Великий, Тимофеем прежде нареченный, многие княжения к владениям великого князя присовокупил и силу умножил, варварскую же нечестивую власть сверг и всю Русскую землю от данничества и пленения избавил, и многих из Орды данниками себе учинил, многие ремесла ввел, которых прежде не знали, со многими дальними государями любовь и дружбу и братство свел, всю Русскую землю прославил; во всем же том помогала ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память в бесконечные века.

58. ВАСИЛИЙ IV ГАВРИИЛ

Князь великий Василий Иоаннович всея Руси после отца своего, посмотрев в шертные грамоты Менли-Гиреевы, что были с отцом его великим князем Иваном Васильевичем всея Руси о дружбе и о братстве, а писано и на них, и на детей, и постановил

с братиею своею и с боярами, и послал в Крым к хану Менли-Гирею ближнего человека своего Василия Наумова декабря 7 возвестить ему отца своего преставление да и о дружбе и о братстве по шертным грамотам.

Петр царевич. Той же осенью бывший в тюрьме в Ярославле султан Кадайкул Абраимов сын, Махмет-Аминя, хана казанского, младший брат, прислал к Москве просить преосвященного митрополита всея Руси, чтобы пожаловал, печаловался государю великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, чтобы государь пожаловал, велел крестить в православную веру. И по митрополитову печалованью велел князь великий Василий Иоаннович султану у себя на очах быть; он же начал бить челом со слезами о крещении. И повелением великого князя месяца декабря 21 в воскресенье преосвященный Симон, митрополит всея Руси, велел архимандриту псковскому Афанасию крестить на реке Москве у тайника Кудайкула султана, и нарек имя ему во святом крещении Петр. Было же тогда на крещении том и сам князь великий Василий Иоаннович, государь всея Руси, с младшею братиею и с боярами.

Еп. Серапион новгородский. Еп. Вассиан ростовский. Той же зимой января 16 в четверток преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси, поставлен архиепископ Великому Новгороду и Пскову Серапион, игумен Троицкий Сергиева монастыря. А в 18 день того же месяца в воскресенье Симоном же, митрополитом всея Руси, поставлен архиепископ Ростову и Ярославлю Вассиан, архимандрит симоновский.

Свадьба царевича. Того ж месяца января 25 в воскресенье пожаловал князь великий Василий Иоаннович всея Руси царевича новопрощенного Петра, дал за него сестру свою великую княжну Евдокию; и венчал царевича Петра и княжну великую Евдокию архимандрит спасский Афанасий в соборной церкви пречистой Успения в славном граде Москве.

Послы польские. Той же зимой пришли послы на Москву к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от короля польского Александра пан Юрий Глебович, да Ивашко Сапежич писарь, да Иван Федорович Плюскова февраля 15 в воскресенье.

Кн. Дмитрий в Казани. Князь Ростовский. Под Казанью русские побиты. Князь Холмский. Те побиты. Татары побиты. Той же весною в апреле послал князь великий Василий Иоаннович всея Руси брата своего князя Дмитрия Иоанновича и воеводу своего князя Федора Ивановича Бельского и иных воевод своих в судах ратью к Казани на царя Махмет-Аминя, а Подем послал на конях к Казани рать же, воеводу своего князя Александра Владимировича Ростовского и иных своих воевод. И пришел князь Дмитрий Иоаннович и воеводы великого князя, судовая рать, под

Казань месяца мая 22 в пяток, и вышли из судов на поле градное с небрежением, и пришли к граду пеши. И татары из града пошли против них, а иные татары потаенные от судов на конях заехали. И был бой, грехов ради наших побили татары воевод пеших и детей боярских, которые были тут на поле, и иных взяли, а иные многие истопли на Поганом озере. И месяца июня в 9 день пришел с тою вестью к великому князю князь Василий Голенин, и князь великий Василий Иоаннович всея Руси послал в тот же день воевод своих к Казани ратью, князя Василия Даниловича Холмского и иных воевод; а к брату своему князю Дмитрию Иоанновичу и к воеводам послал грамоту, чтобы они князя Василия Даниловича и иных воевод великого князя дожидались, а к граду до них не приступали. А князь Александр Владимирович и иные воеводы с конною ратью пошли к Казани июня в 22 день. И князь Дмитрий Иоаннович с воеводами великого князя, не дожидаясь князя Василия Даниловича и иных воевод, не по великого князя приказу месяца июня в 25 день начали к граду приступать небрежением; и с градом не преуспели нисколько, но сами побеждены были от татар. И князь Дмитрий Иоаннович и с воеводами великого князя пошел от Казани к Новгороду. А царевич и воевода великого князя Федор сына Михаила Киселева, пошли Подем к Мурому. Царь же Махмет-Аминь послал за царевичем и за Федором погоню, и догнали их до Суры за 40 верст. Царевич же и Федор Божию милостию тут татар побили, и некоторых взяли, а сами пошли здравы со всеми людьми. Когда же пришли воеводы в Москву, князь великий начал пытаться, как случилось у Казани и каким образом столько много воинов изгубили, желая на воевод опалу возложить; но те жаловались на князя Дмитрия Иоанновича, что тот не слушал, и воевод излял и, сделав худо, к Москве не пошел, а пошел прямо на Углич. Князь же великий послал и перехватил его в Переяславле, веля стеречь крепко.

Посол крымский Наумов. Августа 1 пришли послы на Москву к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси с Василием Наумовым вместе от крымского хана Менли-Гирея, именем князь Казмир-Киад да князь Махмедша, и грамоты шерстные от Менли-Гирея хана к великому князю привезли о дружбе и о братстве, но не таковые, каковы надобны великому князю. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси повелел князю Казмир-Киаду с товарищами написать грамоту шерстную таковую, какова была с отцом его великим князем Иоанном. Казмир же за то взялся товарищами и таковую грамоту написал, какова надобна великому князю, да и меншени (печати) свои к ней приложили.

Умер король Александр. В тот же год в августе пришла весть к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, что преставился зять король польский и великий князь литовский Алек-

сандр Андреевич в Вильне; и князь великий послал навестить сестру свою Елену Ивана Кобяка.

7015 (1507). В ноябре к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси пришли старцы от Святой горы из Пантелеймонова монастыря милостыни ради, архидьякон Пахомий да монах Иаков; и князь великий Василий Иоаннович всея Руси удоволил их милостынею и отпустил их с Москвы мая 9 дня.

Боярин и окольничий. Еп. Митрофан коломенский. Той же осенью в декабре отпустил князь великий Василий Иоаннович всея Руси крымских послов князя Казимира-Киата с товарищами; да с ними же отпустил своего посла к крымскому хану Менли-Гирею окольничего своего боярина Константина Григорьевича Заболоцкого. В феврале в неделю о Блудном преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси, поставлен епископом Коломне Митрофан, архимандрит андронниковский.

Послы литовские. Посол казанский. Марта в 21 день пришли на Москву к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси послы литовские от великого князя Сигизмунда пан Ян Николаевич, да пан Петр Янов кухмestr, да Богдан Сапега писарь. В марте прислал к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси хан Махмет-Аминь казанский человека своего Абдулу с грамотою бить челом о том, чтобы князь великий пожаловал, проступок его ему простил, а взял бы с ним мир.

Посылка в Казань. Мир с Казанью. Марта 25 князь великий Василий Иоаннович всея Руси Абдулу отпустил да с ним послал своего человека Алексея Лучина и велел ему говорить хану, что посла его Михаила Кляпика у себя удержал, и он бы отпустил и с его товарищами. И хан со Алексеем к великому князю прислал бакшея своего Бозека с грамотою бить челом о том, чтобы князь великий пожаловал, взял с ним мир по старине и дружбу, как было с отцом его великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси: «А посла его Михаила Кляпика с его товарищами тут же отпущу да и тех людей, который на бою в наши руки попали». И князь великий Василий Иоаннович всея Руси, переговорив с братиею и боярами, ради христианских душ, которые в басурманские руки попали, да и устройства ради христианского проступок его ему простил и бакшея Бозека отпустил; и послал с ним вместе к хану дьяка своего Елку Сукова и велел ему говорить, чтобы он посла великого князя Михаила отпустил, а о мире бы прислал своего доброго человека. И в тот же год хан Махмет-Аминь посла великого князя Михаила Кляпика отпустил, да и людей великого князя, которых взял и грабил в Казани, с Михаилом отпустил, да и своего посла Бараш-сеита к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси прислал бить челом о мире, и о братстве, и о дружбе, как было с отцом его великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси.

Татары на Украину. Татары побиты. В тот же год пришла весть к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, что идут многие люди татары на Поле, и ожидают их приходу на Украину, на Белев, и на Белевские места, и на Одоевские, и на Козельские. И князь великий послал с Москвы к Белеву воевод своих князя Ивана Холмского да князя Константина Ушатого; а там велел быть с воеводами князю Василию Одоевскому, да князю Ивану Михайловичу Воротыньскому, да наместнику козельскому князю Александру Стригину. Воеводы ж великого князя были в Воротыньске, и пришла к ним весть, что татары много людей поймали на Украине, и много полону, и прочь пошли. Воеводы ж, положив упование на Бога, пошли за ними на Поле в погоню, и догнали их на Оке, и Божиею милостию и государевым здравием и счастьем великого князя Василия Иоанновича всея Руси многих татар побиты, а иных живых взяли, а полон весь назад возвратили, и гнали их до речки до Рыбницы месяца августа в 9 день в понедельник. И которых татар взяли на бою, и они сказали, что приходили на Украину крымские татары Зянсеит мурза, Янкуватов сын, с товарищами. А к великому князю примчался от воевод с тою вестью Гриня Афанасьев августа в 14 день.

7016 (1508). В сентябре князь великий Василий Иоаннович всея Руси посла казанского Бараш сеита отпустил, а с ханом Махмет-Амином взял мир, братство и дружбу; да и посла своего к хану в Казань послал боярина окольничего Ивана сына Григория Поплевина да дьяка Алексея Лукина.

Война на Литву. Гробы великих князей. Того ж сентября в 14 день послал князь великий Василий Иоаннович всея Руси воевод своих князя Василия Даниловича Холмского да Якова Захарыча к Мстиславлю Литовские земли воевать. Той же осенью октября в 7 день благоверный и христоробивый великий князь Василий Иоаннович всея Руси по совету Симона, митрополита всея Руси, повелел приготовить место и перенести мощи прародителей своих великих князей русских. Митрополит же Симон со всем священным собором пели надгробные пения довольно и положили в новой церкви святого архангела Михаила возле южной стены, от Симеона святого, великого князя Василия Васильевича да с ним сына его великого князя Иоанна Васильевича; а на другой стороне тех же южных дверей положили мощи великого князя Иоанна Даниловича да с ним сына его старшего великого князя Симеона Иоанновича; а за теми положили великого князя Иоанна Иоанновича, другого сына великого князя Иоанна Даниловича, да с ним сына его князя великого Дмитрия Иоанновича; а за теми положили великого князя Василия Дмитриевича да с ним правнука его князя великого Иоанна Иоанновича. А удельных князей мощи положили: возле западной стены в углу князя Андрея Иоаннови-

ча, третьего сына князя великого Иоанна Даниловича, да с ним положили сына его князя Владимира Андреевича; а далее там положили князя Георгия Дмитриевича, а с ним два сына его, князя Василия Юрьевича да князя Дмитрия Юрьевича младшего; а далее положили князя Андрея Дмитриевича да брата его князя Петра Дмитриевича; а далее положили князя Ивана Васильевича, старшего сына князя великого Василия Дмитриевича; а далее положили князя Георгия Васильевича, да брата его князя Бориса Васильевича, да Андрея Васильевича младшего; а далее положили князя Ивана Владимировича да князя Ярослава Владимировича; а у северных дверей, входя в церковь на правой стороне, положили князя Андрея Васильевича старшего да князя Василия Владимировича; а на другой стороне от алтаря положили князя Василия Ярославича.

Той же зимой в январе пришел на Москву из Казани Иван Григорьевич Поплевин, да и грамоты шертные от хана Махмет-Аминя привез к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси; да хан перед ним на той грамоте и присягу дал о дружбе и о братстве, как было с отцом его великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси; да и тех людей великого князя хан отпустил, которые ему на бою в руки попали.

Еп. Досифей крутицкий. Умер еп. Нифонт суздальский. Той же зимой января в 23 день преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси, поставлен был епископ Крутицкий Досифей. Той же зимой марта в 8 день преставился епископ суздальский Нифонт на Москве, положили в Суздале.

Кн. Глинский. Моклоков. Алабышев. Той же зимой отъехал от короля Сигизмунда князь Михаил Львович Глинский и прислал бить челом в службу к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси пожаловал его, взял к себе в службу и с его братиею, и с приятелями; и послал к нему князь великий дьяка своего Губу Моклокова, и к целованию его привел на том и с его братиею, что ему служить верно и добра хотеть во всем великому князю Василию Иоанновичу всея Руси. И князь великий послал к нему воеводу своего Александра Оленку, Алабышева брата, да с ним детей боярских муромцев.

Умер Вассиан тверской. Нижний каменный. Той же весною преставился епископ тверской Вассиан мая в 23 день. Той же весною князь великий велел вокруг града Москвы ров делать камнем и кирпичом и пруды чинить вокруг града Алевизу фрязину. Той же весною велел князь великий заложить град каменный Новгород Нижний, а мастер Петр французский фрязин.

Церковь Благовещенская. Той же весною мая в 7 день во вторую неделю после Пасхи вошел князь великий Василий Иоан-

нович всея Руси и со своею великою княгинею Соломонию в новой двор кирпичный жить, который заложил отец его князь великий Иоанн Васильевич, государь всея Руси, на старом месте у Благовещения. Тогда ж благоверный и великий князь Василий Иоаннович всея Руси с великою верою и желанием повелел на своем дворе церковь превышнюю небес несказанной горы Божией всечестной царицы девы святой Богородицы Марии честного и славного ее Благовещения расписать золотом; а также повелел и иконы все церковные украсить и обложить серебром, и золотом, и бисером, деисус, и праздники, и пророков; повелел же и верх церковный покрыть и позлатить. Мая 14 погорели от панского двора посад и торг.

Опасные грамоты послам. Король Сигизмунд польский после смерти отца своего начал невестку свою Елену, сестру великого князя, изневоливать, скарб ее побрал и церковь повелел затворить. И за то князь великий Василий Иоаннович послал к нему взметные грамоты, а в земли его, навечно ему принадлежащие, послал воевод своих Якова Захарыча и иных многих ратью Литовские земли воевать за короля неисправу. А из Новгорода Великого велел князь великий ратью ж воеводе своему князю Даниил Васильевичу Литовские ж земли воевать. И начали воеводы великого князя Литовскую землю воевать, и пленить, и жечь, и сечь; пришли близко Вильни. Слышал же про то король Сигизмунд и пошел сам против воевод великого князя к Орши и от Орши к Смоленску. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси велел воеводам своим отступить к Брянску; да с Москвы послал князь великий воеводу своего Василия Даниловича Холмского к Брянску ратью против короля. Король же Сигизмунд из Смоленска прислал к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси о заступничестве посла своего, и князь великий Василий Иоаннович всея Руси покровительственную грамоту на короля послу дал.

Послы ногайские о торге. В тот же год прислали ногайские мурзы послов своих к великому князю Василию Иоанновичу, государю всея Руси, бить челом, чтобы пожаловал, велел ногайским гостям ездить к Москве с конями и со всяким товаром.

7017 (1509). *Послы литовские. Мир с поляками. Трубецкие. Самосальские. Глинскому Ярославцу да Боровск.* Сентября в 19 день во вторник к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси пришли послы литовские от короля Сигизмунда пан Станислав Глебович, воевода полоцкий, и пан Иван Сопежич маршалка, и секретарь Иван Войтех Нарбутъевич маршалка, и писарь Ивашко Богдана Сопежича о мире, о любви и о вечном докончании. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси с королем Сигизмундом мир и вечное докончание взял; а города русские и с волостями, свою вотчину, да и князей служебных, князя Василия

Иоанновича Шемякина, да князя Василия Семеновича Стародубского, и Новосильских князей, и Одоевских, и Воротынских, и Белевских, и Трубецких, и Самосальских, и с их вотчинами, написал в свою сторону; и грамоты докончальные написали на всей воле великого князя Василия Иоанновича всея Руси. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси, почтив послов королевских, отпустил к королю октября в 10 день; а воеводам своим из Брянска велел идти к Москве, а рать распустил. А король из Смоленска пошел к Вильне. А князю Михаилу Глинскому велел князь великий у себя на Москве быть и пожаловал его, дал ему в вотчину Ярославец, а Боровск в кормление.

Посол крымский. Того ж месяца октября в 12 день в четверток пришел из Крыма Константин Григорьевич Заболоцкий и привез к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от царя Менли-Гирея шертную грамоту, какова великому князю надобна и какова была с отцом его великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси. Да с Константином же вместе пришел к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от царя Менли-Гирея посол крымский князь Махметша, Мямышев сын, да Третабдыл-Авелшихзода, Абдылгоров Шивов сын, да Кайсым бакшей Хозя, Махметов сын.

Умер кн. Василий Холмский. Челядник. Той же осенью в ноябре князь Василий Данилович Холмский взят был, в тюрьме и преставился. Того ж месяца ноября в 26 день в воскресенье послал князь великий Василий Иоаннович всея Руси к королю Сигизмунду послов своих в Литву о мире, и о любви, и о вечном докончании боярина своего окольного Григория сына Федора Давыдовича, наместника новгородского, да конюшего своего Ивана Андреевича Челяднина, да сокольничего Михаила Стефановича Кляпика, да дьяка Никиту Губу Моклокова.

Хан Авду-Летив освобожден. Юрьев. Той же зимой в январе князь великий Василий Иоаннович всея Руси пожаловал, хана казанского Абдыл-Летифа Абреимова сына из-под стражи выпустил и проступок ему простил, и пожаловал его, дал ему город Юрьев со всем и в братстве и в любви его себе учинил заступничеством Менли-Гирея хана крымского, да и поруку великому князю по Абдыл-Летифу дали хан Менли-Гирей и ханша его Нур-Салтанат, мать Абдыл-Летифа, да старший Менли-Гиреев сын султан Махмет-Гирей; да и присягу на подданство дали Менли-Гиреевою душою послы его князь Махмедша с товарищами, да и Абдыл-Летиф присягу дал на том, что ему государю великому князю Василию Иоанновичу всея Руси служить и добра хотеть во всем.

Умер Дмитрий VI. Февраля 14 преставился благоверный великий князь Дмитрий Иоаннович в нужде, в тюрьме, и положили

тело его в церкви у Архангела на Москве возле отца его великого князя Иоанна Иоанновича.

Месяца марта в 30 день в четверг отпустил князь великий крымских послов князя Махмедшу с товарищами, да с ним вместе послал князь великий в Крым к хану Менли-Гирею своего посла Василия Григорьевича Поплевина.

Месяца марта в 1 день пришли послы великого князя Василия Иоанновича всея Руси из Литвы Григорий Федорович с товарищами. И пред ними король польский князь великий литовский Сигизмунд крест целовал к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на dokonчальных грамотах, что ему исправлять во всем, как в них написано, и до конца своей жизни; да и грамоту dokonчальную к великому князю от короля привезли за его печатью.

Послы ливонские. Перемирие с Лифляндиею. Марта в 8 день пришли послы немецкие к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от магистра ливонского и от архиепископа рижского, от бискупа юрьевского и от всей земли Лифлянской, именем Иван Гилдоруп, да канцеляр Иван Оледензян, да Иван Кавер, да Кристерн Сюгей и били челом великому князю от магистра и от всей земли о перемирии. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси пожаловал магистра ливонского и всю землю Лифлянскую, велел наместникам новгородским и князю псковскому с ними взять перемирие на 14 лет от Благовещения дня да и торговать с ним людям своим велел по старине; а от литовского короля Альбрехта отступили.

Послы литовские. Пленные пущены. Марта в 13 день пришли послы литовские к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от короля Сигизмунда пан Ян Николаевич, воеводич виленский, да маршалка вахмистр королевский пан Войтех Янович, и писарь пан Бугуш Боговитинов по поводу взятых панах, которые на бою взяты на Ведроше; и князь великий Василий Иоаннович всея Руси пожаловал их, отпустил.

Тула построена. Еп. Симеон суздальский. В тот же год повелением великого князя Василия Иоанновича всея Руси поставили град деревянный на Туле. В тот же год августа в 21 день во вторник поставлен Симеон, архимандрит андрониковский, епископом Суздалью преосвященным Симоном, митрополитом всея Руси.

7018 (1510). *Поход в Новгород. Псковичей челобитье на наместника. Гнев на псковичей. Во Пскове колокол вечевой взят. Псковичей покорность. Великий князь во Псков. Милость покорным.* Месяца сентября в 23 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси поехал с Москвы в вотчину свою в Великий Новгород, а с ним брат его младший князь Андрей Иванович, да Петр царевич, да, владыка коломенский Митрофан, да архимандрит симоновский Варлаам. И той же зимой приехали в Новгород к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси многие посад-

ники псковские, и купцы, и зажиточные люди от всего Пскова бить челом государю на его наместника князя Ивана Михайловича Оболенского на Репню. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси выискав, что псковичи не по правде бьют челом на его наместника, да и нечестно его задержали, и за то на них опалу свою положил, велел в Новгороде псковичей всех взять; а во Псков послал Третьяка Далматова и велел псковичам сказать, что государь хочет в вотчине своей быть сам, живоначальной Троице челом ударить, а вотчину свою поправить и пожаловать, да и колокол бы вечевой свесить. Псковичи ж так сотворили всю волю государскую. Князь же великий Василий Иоаннович всея Руси пошел из Новгорода Великого в вотчину свою во Псков января в 20 день в воскресенье, приехал во Псков января 24 в четверток к живоначальной Троице, помолился, а вотчину свою Псков велел привести к целованию, а взятых псковичей пожаловал, из-под стражи выпустил, и лучшим людям велел к Москве ехать жить, и колокол их вечевой в Москву отослал. А во Пскове оставил двух наместников, Григория Федоровича да Ивана Андреевича Челяднина, и учинил всем, как пристойно быть государству его, и поехал из Пскова после Сбора в Новгород, да из Новгорода поехал в неделю 3-ю поста, а на Москву приехал в неделю пятую поста марта в 17 день. Псковичей же велел поселить в Москве, дав им место по Встретенской улице и да им улицу всю и за Стретение, а не помешал с ними ни одного московского, а староста у них был особый Карп Бобынин, и в строении им помогал; а во Псков перевел с Москвы 15 да с городов 120.

Нур-Султана ханша в Москву. Саип-Гирей. Кобяк. В тот же год в июле пришел из Крыма Василий Григорьевич Поплевин от ханши Нур-Салтаны. Того же месяца июля в 21 день в воскресенье пришла на Москву ханша Нур-Салтана, крымского хана Менли-Гиреева Темирева дочь, да с нею Менли-Гиреев сын Саип-Гирей султан. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси встретил ее честно с боярами. А от хана Менли-Гирея послы к великому князю Шиг-Олла-Ших зода да Лагит-Берди-Дуван; а пришла ханша со своими детьми видеться, с ханом Махмет-Амином казанским да с Абдыл-Летифом, что великому князю служат. А отпустил князь великий ханшу в Казань августа в 20 день, а ханские послы остались на Москве; к хану же Махмет-Аминову в Казань послал князь великий Ивана Кобяка.

7019 (1511). *Объезд великого князя.* Того ж месяца сентября в 8 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси выехал с Москвы в Переславль, а после себя велел быть за собою великой княгине, и был в Переславле, а оттуда был в Юрьеве, и в Суздале. и во Владимире, и в Ростове; а на Москву приехал князь великий декабря в 5 день.

Посол в Польшу. Кн. Семен Иоаннович. Той же осенью в ноябре отпустил князь великий Василий Иоаннович всея Руси посольством в Литву Михаила сына Юрия Захарьича да дьяка Василия Третьяка Далматова. Той же зимой в январе восхотел князь Семен Иоаннович бежать в Литву от брата своего великого князя Василия Иоанновича всея Руси. И князь великий, сведав то, послал к нему, и велел ему у себя быть, и хотел на него опалу свою возложить. Князь же Семен Иоаннович за свою вину начал бить челом государю великому князю, а князь великий Василий Иоаннович всея Руси пожаловал его, по печалованью Симона, митрополита всея Руси, и братии своей, и вины ему отдал, а людей его, бояр и детей боярских всех переменял.

Михаил Захарьин. Послы литовские. Той же зимой в марте пришел из Литвы посол великого князя Михаил сын Юрия Захарьича, да дьяк Василий Третьяк Далматов. Марта же в 30 день пришли к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси послы литовские от короля Сигизмунда пан Станислав Глебович, да Войтко Ключко, да писарь Бугуш Боговитинов, а отпустил князь великий послов литовских апреля в 4 день.

Умер Симон митр. Симон митрополит месяца апреля в 26 день в воскресенье разболелся, и по великого князя слову послал за Серапионом, бывшим архиепископом Великого Новгорода и Пскова, и благословил его, и прощение взял с ним, и отпустил его к Троице в Сергиев монастырь. И преставился апреля в 30 день со вторника на среду в 1 час ночи; положили тело его в церкви пречистой Успения на Москве.

Ханша Нур-Султана. Митр. Варлаам. Той же весною июня в 21 день пришла из Казани царица Нур-Салтана на Москву. Июля в 27 день в воскресенье возведен на митрополитов двор и наречен митрополитом всея Руси Варлаам, архимандрит симоновский; а поставлен на митрополию всея Руси месяца августа в 3 день в воскресенье; а на поставление его были архиепископ ростовский Вассиан и епископ Симеон суздальский, Протасий рязанский, Нил тверской, Митрофан коломенский, Досифей Крутицкий; а пермский Никон прислал грамоту свою единосветную достоинству поставления его.

7020 (1512). *Ханша в Крым. Тучков.* Декабря в 5 день в пяток князь великий Василий Иоаннович всея Руси отпустил с Москвы в Крым хана Менли-Гирея ханшу Нур-Салтану и Менли-Гиреева сына Саип-Гирея султана; а с нею вместе послал князь великий к хану Менли-Гирею своего посла окольного Михаила Васильевича Тучкова; а проводить царицу послал до Путимля князя Михаила Даниловича Щенятева.

Мир с Казанью. Послы в Казань. Той же зимой к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от хана Махмет-Аминя

казанского пришел посол Шаусейн сеит о крепком миру и о дружбе. И князь великий о том велел с ним говорить боярам своим, и великого князя бояре да хана Махмет-Аминя посол Шаусейн сеит договорились, на чем быть хану Махмет-Аминю с великим князем в крепком миру и в докончании, и грамоту шертную Шаусейн сеит написал, и на той грамоте Шаусейн сеит перед великого князя боярами присягу дал на том, что хану Махмет-Аминю в Казани перед великого князя боярами и послам присягу дать, что по той грамоте править великому князю и до конца своей жизни. И князь великий послал к хану с тою грамотою с Шаусейн сеитом вместе посла своего окольного Ивана Григорьевича Морозова да дьяка своего Андрея Харламова. И в Казани хан Махмет-Аминь перед великого князя послами на той грамоте присягу на подданство дал, и меншень свою к ней приложил, и отпустил Ивана к великому князю.

Посол казанский. Боярин и конюший. Той же зимой в феврале хан Махмет-Аминь казанский прислал к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси человека своего Бузяку бакшея, а просил, чтобы князь великий прислал к нему своего верного человека, а именно о Иване Андреевиче, а писал к великому князю: наперед того некоторое дело лихое учинил, и он хочет в том деле великому князю исповедаться, а впредь хочет быть с великим князем в крепкой шерти, и в вечном мире, и дружбе, и в любви. И князь великий по ханскому прошению послал к нему в Казань боярина своего и конюшего Ивана Андреевича да дьяка Елизарья Сукова на подводах. И хан Махмет-Аминь Ивану Андреевичу тайну свою исповедал чисто, и с великим князем в крепкой шерти и в вечном мире, в дружбе и в любви учинился, и отпустил Ивана к великому князю; а с ним вместе послал хан к великому князю своего посла Шаусейн сеита, и приехали на Москву в марте.

Крымские на Украину. Мая в 8 день пришла весть к великому князю, что крымского хана Менли-Гирея дети Ахмат-Гирей да Бурнаш-Гирей пришли внезапно со многими людьми на великого князя украины, на Белев, Одоев, Воротынск и на Олексин. И князь великий тотчас послал против них воеводу и боярина своего князя Даниила Васильевича Щеня и иных воевод многих. Татары же, прослышав о великого князя воеводах и убоявшись, вскоре отступили.

Абдыл-Летиф под стражу. Тогда же князь великий Василий Иоаннович всея Руси опалу свою положил на хана Абдыл-Летифа за его неправду, и велел у него приставам быть, и Каширу у него отнял.

Крымские на Рязань. Осетр р. Уна р. В тот же год в июле Махмут, султан крымский, пошел было на Рязань, и учинилась ему весть, что великого князя воеводы стоят на Осетре, князь

Александр Владимирович Ростовский и иные воеводы со многими людьми, а на Упе стоят воеводы князь Михаил Иванович Булгаков да Иван Андреевич и иные многие воеводы со многими людьми; и то слышав, Махмут в землю не пошел, а воротился с украины, а воеводы великого князя за ним ходили на Поле до Сернавы, до него не дошли.

7021 (1513). Крымские татары на Рязань. Поляки с татарами на Русь. Королева Елена взята. Умерла Елена королева. Объявление войны полякам. Поход к Смоленску. В месяца октябре Бурнаш-Гирей султан, Менли-Гиреев сын, приходил ратью на Рязань, и острог взял, и к граду приступал, а с градом не преуспел нисколько и отошел. Той же осенью пришла весть к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, что Сигизмунд, король польский, сообщениями обменивается с басурманством против христианства, с крымским ханом Менли-Гиреем, наводит его на христианство, на великого князя землю, и чтобы хан на великого князя ратью пошел. А прежде того султаны, Менли-Гиреевы дети, приходили ратью на великого князя украинные места по королевскому же наводу; да иные непослушания многие король великому князю начал делать чрез dokonчанные грамоты и чрез крестное целование. А сестру великого князя, королеву Александрову, великую княгиню Елену велел панам своим в Вильне взять да под стражей держать в заключении за Вильнею в Берштах, и королевы Елены в той нужде и в животе не стало, Бог ведает которыми делами. И князь великий о тех неисправлениях и о сестре своей, о королеве Елене, посылал к Сигизмунду королю не один раз своих послов и гонцов; и королевское было во всем неисправление, ничему управы не учинил, а о королеве великой княгине Елене и ответу не дал. И князь великий Василий Иоаннович всея Руси, не могши терпеть Сигизмунда короля многие к себе неисправления, послав к нему, крестное целование с себя сложил. И сам князь великий и со своею братиею пошел на его землю ратью, а выехал с Москвы декабря в 19 день в воскресенье, и в Литовскую землю к граду Смоленску пришел января, да граду Смоленску многие скорби и убытки поделал, и, земли Литовские много попленив, возвратился; а на Москву пришел в марте в неделю 3-ю поста.

Посол в Кафу. Той же зимой князь великий послал в Цареград к турецкому султану Салим-Шаг-Хандыкерю человека своего Михаила Иванова сына с грамотою о любви.

Умерла княг. Евдокия. Умер Федор волоцкий. Той же зимой в феврале преставилась благоверная великая княжна Евдокия, Петра царевича жена, во вторник на Федоровой неделе, и положили тело ее в церкви Вознесения. В мае преставился благоверный князь Федор Борисович волоцкий, и положили тело его в Иосифовой пустыни в монастыре.

Война к Смоленску. Войска к Смоленску. Поляки побиты. Смоленск в осаде. Июня в 24 день во вторник князь великий Василий Иоаннович всея Руси пошел второй раз к Смоленску, а шел на Боровск; а из Боровска послал наперед себя град Смоленск обступить боярина своего и воеводу князя Ивана Михайловича Оболенского-Репню да окольного своего Андрея Васильевича Сабурова и иных своих воевод многих со многими людьми. И воевода и наместник смоленский пан Юрий Глебович, и князи и бояре смоленские, и гетманы с жолнерами против великого князя воевод выехали за город за вал на бой. И воеводы великого князя на них напустили, да Божиим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу, и князей, и панов прогнали и многих людей побили, а иных князей, и бояр, и жолнеров многих взяли и к великому князю их в Боровск привели; а сами воеводы великого князя град Смоленск обступили и землю воевали.

7022 (1514). Сентября в 11 день князь великий пошел из Боровска к Смоленску, и граду Смоленску великие скорби и бои пушками и пищалями многие дни сотворяли; град же имел твердость, стремнинами гор и холмов вкосьх и стенами великими укрепление; и князь великий, всю землю пленив, возвратился на Москву.

Посол цесаря Максимилиана. Союз с цесарем. Посол к цесарю. Посол к датскому. Посол датский. Посол турецкий. Той же зимой февраля в 2 день к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси пришел на Москву от избранного цесаря Максимилиана и наивысшего короля римского его посол, именем Юрий Снитцем Помер, цесарского величества советник, о любви, и о братстве, и о дружбе. Князь же великий Василий, Божию милостию царь государь всея Руси, с избранным цесарем Максимилианом и наивысшим королем римским братство, и любовь, и вечное dokonчание взял, да и грамоты dokonчанные промеж себя написали, и печать свою золотую к ней приложил; и почтив посла цесарева Юрия, отпустил его с Москвы марта в 7 день; да с ним вместе послал князь великий к Максимилиану цесарю своего посла, именем Дмитрий сын Федора Ласкарева грека, да дьяка своего Елизара Сукова. Апреля в 9 день князь великий отпустил с Москвы датского короля посла Давыда; да с ним вместе князь великий послал к датскому королю Кристерну своего посла Ивана сына Микулы Ярого да дьяка своего Василия Белого. Августа в 14 день пришли на Москву послы русские из Датской земли, а с ними вместе пришел посол от датского короля Кристерна тот же Давыд. Мая в 28 день к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси пришел на Москву из Цареграда от турецкого султана Салим-Шага-Хандикера посол, именем Кебална, князь мингунский, о братстве и о любви.

Война на Смоленск. Смоленск осажен. Смоленчан просьба. Смоленск взят. Смоленчане к присяге. Князь Шуйский. В тот же год июня в 8 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси пошел с Москвы третий раз ратью к граду Смоленску; а с ним братья его князь Юрий и князь Семен Иоанновичи; а на Москве оставил брата своего князь Андрея Иоанновича. А наперед себя послал к граду Смоленску воевод своих князя Бориса Ивановича Горбатова, да князя Михаила Васильевича Горбатого-Киселку, да боярина и конюшого своего Ивана Андреевича, и иных своих воевод многих со многими людьми; и те воеводы пришли и город обступили. Был же тогда во граде Смоленске королевский воевода и наместник пан Юрий Салагубович. И в месяце июле пришел князь великий сам и со своею братиею под город Смоленск со многими силами и с великим нарядом пушечным. И пушки и пищали большие около города установив, повелел град бить со всех сторон, и приступы великие чинить без отдыха, и огненными пушками во град бить, что от пушечного и пищального стуку и людского кричания и вопля, а также и от градских людей супротивного бою пушек и пищалей земля колебалась и друг друга не видели, и весь град в пламени и курении дыма, что думали, что загорелся он. И страх великий напал на горожан, и тотчас начали из града вопить и окликать, чтоб великий государь пожалел, меч свой унял, а бою перестать повелел, а они хотят государю бить челом, а град подать. И великий государь вскоре повелел бою перестать; и владыка смоленский Варсонофий, и князи и бояре смоленские, и мещане, и все граждане выслали из града бить челом, чтобы великий государь свою вотчину и дедину пожалел, опалу свою и гнев отдал им, и очами своими велел их видеть, и служить себе велел. И великий государь вотчину свою и дедину пожалел, владыке смоленскому Варсонофию, и князям, и боярам, и мещанам, и всем людям градским свою опалу и гнев им отдал, и очами своими велел их видеть, и служить им велел. Июля в 13 день князи и бояре смоленские град отворили, а сами пошли к шатрам к великому государю челом ударить, да тут и отдались великому государю и крест целовали. И князь великий их пожалел, слово свое о прощении им молвил и есть их звал. А во град Смоленск послал боярина своего и воеводу князя Даниила Васильевича Щеня и иных многих своих воевод со многими людьми, а велел им прочих людей, и князей, и бояр, и мещан, и всех людей града Смоленска к целованию привести и речь им государскую о прощении говорить. Августа в 1 день, на Происхождение честного креста, князь великий Василий Иоаннович всея Руси со своею братиею, и с боярами, и со всеми воеводами и разными чинами вошел с великою славою во град Смоленск. Епископ же смоленский Варсонофий с архимандритами, и игуменами, и со всем собором, со священниками и дьяконами, взяв чу-

дотворную икону пренепорочной и пречистой Богоматери, и с честными крестами, и иными многими святыми образами, а за ними силы различные, для встречи их вышли, князи и вельможи благородные, старцы со юношами, матери, девицы, и иноки, и инокини. и весь народ града Смоленска, малые и великие, мужи, и жены, и дети светлыми очами и чистыми душами со многою любовью и усердием встретили великого князя государя за градом на посаде. Благоверный ж великий государь со своею братиею и со всеми боярами и воеводами знаменовался у честных и святых икон и благословился у епископа Варсонофия, пошел за крестами к соборной церкви пречистой Богоматери честного и славного ее Успения, и тут немедленно начали молебны петь. После совершении ж молебна, войдя на амвон, протодьякон начал велегласно многолетствовать великому князю, а потом епископ со всем священным собором, затем дьяконы на оба клироса пели многолетие великому князю. Епископ же благословил честным и животворящим крестом великого князя и сказал: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь всея Руси самодержец, на своей вотчине и дедине граде Смоленске на многие годы». После сего братия великого князя, затем бояре и все воеводы, каждый своим чином приходя, здравствовали великому государю на его вотчине и дедине граде Смоленске; также и смоленские князи, и бояре, и мещане, и все граждане великому государю здравствовали, а меж собой с великого князя боярами, и воеводами, и со всеми людьми начали здравствовать и целоваться, радуясь, с великою любовью, как единовенные братия, друг к другу ликуя. А также и жены и дети меж собой обрадовались и победоносному кресту и благоверному православному великому государю благодарственные испускали возгласы, избавившись и освободившись от злой литовской прелести и насилия, возрадовались своему истинному пастырю и учителю православному великому государю, целовали друг друга. И было тогда видна пречистой Богоматери милостию и благодатию животворящего креста во всем граде Смоленске промеж всех людей радость и веселие несказанное. Когда же приспело время божественной литургии, великий государь, отслушав святую службу, пошел со своею братиею, и боярами, и со всеми воеводами на свой двор и сидел на своем месте; а братия его, и бояре, и воеводы, и князи смоленские и бояре по чину здравствовали ему; а князь великий им в ответ слово свое о здравии молвил да велел им сесть. И князь великий позвал к себе гостей и бояр смоленских и мещан, и говорил им уставную свою речь и совершенное свое прощение, и дал им воеводу и наместника боярина своего и воеводу князя Василия Васильевича Шуйского, и звал их к себе есть; и ели у великого князя. А после того начал их жаловать шкурами собольими, и бархатами, и аксамитами, и камками, и атласами зо-

лотыми, денежным жалованием, каждому по его достоянию; а также и детей боярских, и служивых людей, и мещан, каждому по его пригожеству; также и гетманов жолнерских и жолнеров жаловал; а королевского наместника пана Юрия Салагубовича отпустил к его государю королю и проводить его велел до Орши.

Война к Мстиславлю. Мстиславль отдался. Кн. Михаил Мстиславский. Того ж августа в 7 день послал князь великий боярина своего и воеводу князя Михаила Даниловича Щенятева, да князя Ивана Михайловича Воротынского, и иных своих воевод, да князей и бояр смоленских со многими людьми к Мстиславлю на князя Михаила Мстиславльского. И князь Михаил, прослышав о великого князя воеводах, их встретил и бил челом, чтобы государь князь великий пожаловал, взял его к себе в службу и с вотчиною, да и крест воеводам на том целовал со всеми своими людьми, и к великому князю с воеводами поехал. И великий государь пожаловал князя Михаила, к себе в службу и с его вотчиною принял, и жаловал его шукурами и деньгами и его бояр и детей боярских, и в вотчину его к Мстиславлю отпустил.

Кричев. Дубровна. Глинский изменил. Глинский взят. Того ж месяца в 13 день к великому князю приехали из Кричева, из Дубровны мещане и черные люди, чтобы государь князь великий пожаловал, велел им служить, а города Кричев и Дубровна перед государем. И князь великий пожаловал, взял их в свое имя и в крестное целованье велел их привести. Тогда же князь великий послал слугу своего князя Михаила Глинского со многими людьми беречь свою вотчину град Смоленск и иных грады от своего недруга Сигизмунда, короля польского; а в Борисове, и к Минску, и на Друцких полях стояли великого ж князя воеводы, боярин и воевода князь Михаил Иванович Булгаков, да брат его князь Дмитрий Иванович Булгаков, и иные воеводы с людьми. Князь же Михаил Глинский, забыв Бога и своей правды и преступив крестное целование, государю великому князю изменил да начал обмениваться сообщениями с королем и со всеми панами с ляцкими и с литовскими и их наводить на великого князя людей, а сам хотел бежать к королю. Воеводы ж великого князя князь Михаил Булгаков с товарищами прослышали про Глинского измену, что с королем и с панами его сообщениями обменивается и наводит их на великого князя людей, а сам хочет бежать, и они его, изловив, послали к великому князю. И князь великий послал на Друцкие поля с князем Михаилом сняться боярина своего Григория Федоровича, да боярина конюшого своего Ивана Андреевича, и иных своих воевод своего дела беречь.

7023 (1515). *Русские побиты. Воеводы пленены. Еп. смоленский изменил. Владыка взят. Поляки к Смоленску. Прочь пошли. Кн. Ижеславский изменил со Мстиславлем.* Сентября в 10 день в

воскресенье князь великий Василий Иоаннович всея Руси устроив свою вотчину град Смоленск, как есть по достоинству его государству, оставил в нем воеводу и наместника боярина своего князь Василия Васильевича Шуйского и иных многих воевод со многими людьми на сохранение града Смоленска, а сам пошел из Смоленска на Москву; а к воеводам своим, к князю Михаилу Булгакову и иным своим воеводам, послал, велел им идти за собою к Москве. Воеводы ж великого князя поотстали, ожидая тех людей, которые были от них посланы на Друцкие поля, и к Борису, и к Минску, у реки Днепра. И в ту пору по того изменника князя Михаила Глинского ссылке королевские воеводы ляцкие и литовские со многими людьми, внезапно придя, напали на великого князя воевод. И воеводы великого князя с ними бились крепко, и у них многих людей, и воевод ляцких и литовских, и польских детей и княжат побили; а великого князя воеводы князь Михаил Иванович Булгаков, да брат его князь Дмитрий Булгаков, да Иван Андреевич и иные воеводы за грехи в литовские руки попали. Епископ же Варсонофий смоленский, презрев божественный суд, и поправ своего святительства совет, и преступив свое обещание, и клятву, и крестное целование, изменил к государю великому князю и послал к королю племянника своего Васька Ходыкина с писанием, говоря: «Если ныне пойдешь сам к граду Смоленску или воевод своих со многими людьми пошлешь, можешь ныне град без труда взять». Князи же и бояре смоленские и мещане сведали про владыки смоленского измену и крестное преступление к государю и великому князю и возвестили сие все великого князя боярину и наместнику смоленскому князю Василию Васильевичу Шуйскому, по крестному целованию правду выискав. Князь же Василий Васильевич, слышав от князей и бояр смоленских и от мещан про их розыск и владыки Варсонофия измену, что он на православного государя вотчину наводит латинство, о том розыске великую похвалу воздал, а владыку Варсонофия послал из Смоленска к государю великому князю на Москву. Не после многих же дней после владычней присылки пришли к граду Смоленску литовские воеводы, князь Константин Острожский и иные воеводы, со многими людьми, и многие сообщения и грамоты во град смоленчанам послали, и приступы к граду частые творили, но Божию помощью и пречистой Богоматери князи и бояре смоленские и все люди града с великого князя воеводами и со всеми их людьми единодушно и крепко против литовских людей стояли, из града почасту исходили и с ними крепко бились. Безбожный же Острожский, государский изменник, у града Смоленска не преуспел нисколько, возвратился с великим срамом; как только же от града пошли, многие люди москвичи и смоленчане погнались за ними и многих людей ли-

товских побили, а иных панских детей и гетманов взяли; и князь Константин побежал, многие возы и телеги со скарбом оставив. Тогда же и князь Михаил Ижеславский изменил, к государю великому князю преступил крестное целование и отступил от православного великого государя и со Мстиславлем к литовскому королю Сигизмунду. Так же сотворили кричевляне и дубровляне, изменили великому государю и крестное целование преступили, отступили к королю.

Посол цесарский. Декабря в 1 день пришел на Москву великого князя посол Дмитрий Ласкарев да Елизар Суков, что посылал их князь великий к избранному цесарю Максимилиану и наивысшему королю римскому о братстве, и о дружбе, и о вечном докончании; и грамоту цесареву докончанную привезли к великому князю, а цесарь Максимилиан перед великого князя послами крест целовал на том, что ему великому князю брату своему по той грамоте править во всем и до конца своей жизни. Да с ними пришел вместе к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву от избранного цесаря Максимилиана и наивысшего короля римского его посол, именем Яков доктор, да Маврец о дружбе и о любви.

Еп. Иосиф смоленский. Февраля в 15 день повелением Василия, Божиею милостию государя и самодержца всея Руси и великого князя, поставлен был епископ во град Смоленский Иосиф, архимандрит монастыря Михаилова Чуда, который внутри града на Москве, преосвященным Варлаамом, митрополитом всея Руси; и отпустил его князь великий с Москвы в свою вотчину во град Смоленск марта в неделю 4 поста.

Посол в Турки Коробов. Посол к цесарю. Посол к датскому. Марта в 15 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси отпустил турецкого посла султана князя Кемала; а с ним вместе послал князь великий в Цареград посольством к турецкому Салим-Шаг султану своего человека ближнего Василия сына Андрея Коробова, а во Святую гору Афонскую князь великий послал с милостынею Василия Копыла Спячего да Ивана Варавина. В апреле великий государь Василий Иоаннович всея Руси отпустил Максимилианова цесарева посла Иакова доктора и Мавреца к его государю; да с ним вместе послал к брату своему римскому кесарю Максимилиану своего посла Алексея сына Григория Заболотского да дьяка Алексея Малого; а к датскому королю Кристерну князь великий послал Ивана сына Микулы Ярого да дьяка дворцового Василия Белого.

Умер хан Менли-Гирей. Хан крымский Махмет-Гирей. Умер еп. Вассиан ростовский. Той же весною в апреле князь великий Василий Иоаннович всея Руси был впервые в своей вотчине на Волоке Ламском, ездил на свою потеху. Той же весною в мае

пришла весть великому князю из Крыма, что Менли-Гирея на свете не стало, а после его сел на царство в Крыму сын его старший Махмет-Гирей. В тот же год в августе пришел из Крыма великого князя посол окольничий Михаил Васильевич сын Тучков; а с ним вместе пришел к великому князю от Махмет-Гирея, хана крымского, посол, именем Янчура-Дуван, о братстве и дружбе. В тот же год месяца августа в 28 день преставился архиепископ ростовский Вассиан на Дорогомилове, и положили его в Ростове.

7024 (1516). *Умер еп. Симеон суздальский. Посол в Крым Мамонов.* Ноября в 12 день преставился Симеон, епископ суздальский, и положили тело его в Суздале. Той же зимой в декабре князь великий Василий Иоаннович всея Руси крымского посла Янчура-Дувана отпустил; а с ним вместе послал князь великий в Крым к хану Махмет-Гирею, Менли-Гирееву сыну, своего посла, ближнего человека своего Ивана сына Григория Мамонова, о дружбе и о братстве; и Божия воля сталась, Ивана Мамонова в Крыме на свете не стало. Той же зимой в марте пришел из Цареграда на Москву великого князя посол Василий Андреевич Коробов; а Василий Копыл из Цареграда пошел во Святую гору Афонскую от великого князя Василия Иоанновича всея Руси с милостынею, а Варавин остался в Цареграде для потреб великого князя.

В том же году весною приходила литва на Луки Великие, где села пограбили и посад пожгли, а города не взяли; и отойдя, на осень снова пришли. Тогда воеводы великого князя побили литву, многих разогнали и живых панов взяли 23 и послали их в Москву к великому князю. Июня 22 ходил князь великий в Боровск, а оттуда послал воевод своих в Литовскую землю, а сам стоял в Боровске.

Марта в 16 день преставился Серапион, бывший архиепископ Великого Новгорода и Пскова, и положили тело его у Троицы в Сергиеве монастыре.

В тот же год в июне отпустил князь великий датского короля Кристерна посла Давыда Старова, да с ним князь великий послал к королю датскому вместе дьяка своего Некраса Харламова, да и грамоту dokonчанную с ним послал к королю.

Посол Казанский. Послы в Казань. Карпов. Абдыл-Летиф освобожден. В тот же год в июне пришел к великому князю Василию Иоанновичу от Махмет-Аминя хана из Казани посол его Шаусейн сеит, да земской князь Шайсуп, да басей Бозюка с великим молением бить челом великому князю, о том возвещая ему, что хан Махмет-Аминь болен; и князь великий пожаловал бы его ради брата его Абдыл-Летифа, свою опалу и гнев отставил и изпод стражи его выпустил, и пожаловал бы его учинить ханом в Казани; а Махмет-Аминь да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какую князь великий захочет, что им без ведо-

ма великого князя хана и султана на Казань никакого не избирать. Да и записи о том Шаусейн сеит написал своею рукою, на чем хану да и всей земле Казанской дать присягу на подданство. И князь великий Шаусейн сеита посла отпустил, да с ним вместе князь великий в Казань к Махмет-Аминю с теми записями послал окольничего своего Михаила Васильевича Тучкова, да оружничего своего Никиту Ивановича Карпова, да дьяка Ивана Телешова. А Махмет-Аминь хан и вся земля Казанская к великому князю на тех записях правду учинили перед его послами, и великого князя послов хан отпустил, а с ними вместе послал хан к великому князю своего посла Шаусейн сеита с великою покорностию просить о брате своем. И князь великий ради Махмет-Аминя пожаловал брата его Абдыл-Летифа, из-под стражи выпустил и опалу свою и гнев отложил, и пожаловал его, дал ему город Каширу в своей земле.

В том же году заложили на Неглинке и третью плотину против Ризположенной стрельницы и мост каменный, а ниже две плотины сделали прежде.

7025 (1517). *Еп. Геннадий суздальский. Еп. Сергей рязанский.* Февраля в 10 день во вторник повелением благоверного Василия, Божию милостию государя всея Руси, поставлен был епископ в Суздаль Геннадий, бывший архимандрит Рождества святой Богородицы во Владимире, преосвященным Варлаамом, митрополитом всея Руси. Того же месяца февраля во 12 день в четверток поставлен был епископ на Рязань Сергей, архимандрит Андроникова монастыря, Варлаамом, митрополитом всея Руси.

Посол прусский. Посол в Прусы. Загряжский. Той же зимой в марте великому князю Василию пришел в Москву от высокого магистра прусского Альбрехта немецкого чина его посол, именем Феодорикус Шитборк, бить челом о том, чтоб великий государь Василий жаловал его и берег, и на своего б недруга на короля польского в единстве его с собою учинил, и оборонял бы его от короля. И великий государь Василий того посла магистра Феодорикуса, почтив, отпустил; да с ним вместе к Альбрехту, магистру прусскому, послал своего человека ближнего Митрия Загряжского, да с ним послал грамоту свою утвержденную, что великой государь Василий, Божию милостию царь и государь всея Руси, Альбрехта, магистра прусского, пожаловал, в единстве его с собою учинил; да и перед Дмитрием магистр и крест целовал, что ему, великому государю, по той грамоте править и до конца своей жизни.

Посол цесарский. Герберштейн. Посредство цесаря. Апреля в 18 день к великому государю Василию пришел на Москву от цесаря и короля римского Максимилиана его посол, именем Зигмунд Гердберштейн (Герберштейн) рыцарь, моля и прося, чтобы великий государь Василий для его государя цесаря изволил прие-

хать к Сигизмунду королю польскому послом и с ним помирился, чтоб из-за их брани между ними кровь христианская не пролилась, да и грамоты покровительственные на королевских послов просил. И великий государь Василий Максимилианову послу Сигмунду отвечал своими боярами, что «ради брата своего цесаря Максимилиана с Сигизмундом королем польским миру хотим, как нам будет угодно», да и грамоты покровительственные на королевских послов велел ему дать; и цесарев посол Сигмунд рыцарь покровительственные послал грамоты к королю со своим племянником Яном.

Поляки возбуждают татар. Крымские на Тулу. Волконские. Татары побиты. В тот же год король польский Сигизмунд послал в Крым пана своего Альбрехта Мартынова с великою казною к басурманским государям, к Менли-Гиреевым детям, а велел их наводить на крестьянство великого князя государя Василия, которое на украинах. И в тот же год в августе по совету короля Сигизмунда пришли крымские татары Такузан мурза, Ширин-Агишев сын княжий, да Кудаш мурза, Бектерев сын Широных, да Уидем мурза Мангит, да Алпов султан шурин, а с ними 20 000 рати; и пришли на великого князя украины около града Тулы и без пути начали воевать. И великого князя воеводы князь Василий Семенович Одоевский, и князь Иван Михайлович Воротынский, и иные воеводы послали наперед себя против татар детей боярских не со многими людьми, Ивашку Тутыхина да Волконских князей, и велели им со всех сторон татарам мешать, чтобы не воевали; а сами воеводы пошли за ними на татар. Пошедшие же прежде люди, Ивашка Тутыхин с товарищами, придя, начали мешать татарам со всех сторон, и не дали им воевать, да у них многих людей побили. Татары же, прослышав про великого князя воевод, скоро возвратились; а ранее сокрылись по лесам пешие люди немногие украинные да им дороги засекали и многих татар побили; и передовые люди от воевод приспели конные, начали татар топтать и по бродам и по дорогам их побивать, а пешие люди украинские по лесам их бить. И Божиим пособием многих татар пленили и побили, а иные многие татары по рекам утонули, а иных живых взяли. Ибо такова была тогда Божиею помощию на татар победа, как слышали от достоверных, а кроме того и от самых татар, которые приходили после того из Крыма, что от 20 000 мало их в Крым явилось, но и те пеши, босы и наги.

7026 (1518). *Послы польские. Поляки в Опочке. Воеводы из Лук Великих. Салтыков. Полякам помощь. Поляки побиты. Послы польские.* В сентябре король польский Сигизмунд, умыслив своим помыслом лукавым, по покровительственным грамотам послал к великому государю послов своих маршалка своего и заместника могилевского пана Яна Щита да маршалка же и писа-

ря своего Бугуша; а сам король Сигизмунд пошел в Полтеск со всеми своими людьми польскими и литовскими и оттуда нарядил своих воевод, большего гетмана князя Константина Острожского и всех своих гетманов и воевод ляцких и литовских, да и наемных людей собрав многих, послал с великим нарядом пушечным и пищальным на великого князя украину к псковскому пригородку к Опочке. И слыша про то, великого князя Василия воеводы, князь Александр Владимирович Ростовский и иные многие воеводы, которые были на Великих Луках в заставе, послали весть к государю и великому князю Василию, а против неприятелей послали наперед себя легких воевод, князя Федора Васильевича Оболенского-Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого, и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а велели им помогать пригородку Опочке и от всех сторон войску литовскому мешать; а сами воеводы пошли против королевских воевод со многими людьми. А князю Василию Васильевичу Шуйскому велел князь великий пойти из Вязьмы со многими людьми и со многими воеводами против королевских воевод. Королевское же войско со многими людьми обступило город Опочку, и начали бить пушками и большими пищальями и приступы чинить со всех сторон; а воевода и наместник опоческий Василий Михайлович Салтыков со всеми людьми градскими, и с Божьей помощью, бились против королевского войска крепко, и на приступе из пушек, и пищалей, и катками большими, и слонами с города побили множества людей королевского войска, что и Великую реку от всех сторон града запрудили трупы людские, и кровью людскою река, как быстрыми струями, текла, и воеводу их старшего ляцкой рати Сокола убили, и знамя его взяли. А передние воеводы великого князя государя Василия князь Федор Васильевич Оболенский да Иван Васильевич Ляцкий и иные воеводы, придя под литовское войско, ударили на них с трех сторон, и литовского войска многих людей побили, а других многих взяли и к большим воеводам послали. В то же время пришла Ивану Васильевичу Ляцкому весть, что многие ляхи идут в помощь королевскому войску, и Иван Васильевич со своими товарищами, выйдя против них, бился с ними; и Божиею помощью воевод ляцких и 4000 войска побили, а других воевод их взяли, Черкаса горбатого Хребтова и брата его Мизюря да Ивана Зелепугина, и многих людей живыми пленили, и пушки и пищали их взяли, и к большим воеводам их послали. Божий же враг и государский изменник королевский больший гетман Константин Острожский со всеми гетманами и воеводами королевскими, видев своего войска падение и знатную на него победу и послушав великого государя воевод больших, оставив все свое воинское устройство, которое было приготовлено на разорение граду Опочку, с великим срамом отошел; передние

же люди, великого князя Василия воеводы, гнались за ними, и многих людей литовского войска побили, и все их приуготовление взяли. Воеводы же великого князя Василия Иоанновича князь Михаил, князь Михаил Кубенский да Михаил Плещеев, воевав много Литовской земли, мало до Вильни не дошли, за 30 верст поворотились; а князь Василий Шуйский стоял тогда под Витебском, разоряя; и в августе, поворотясь, все стали на рубежах. Сию же неправду умыслил король Сигизмунд своим злоказненством, послав к великому государю Василию своих послов, а за ними рать отпустил воевать великого государя украинные места, о которых прежде объявили, уповая на множество воинства своего, и не возмог суетою своею, так как милосердый Бог милостию своею и праведным судом своим как восхотел, так и сотворил; и сбилось на них писание: «Ров изрыл и ископал, и впал в яму, которую соделал». Великий же государь Василий Сигизмунда короля послов маршалка его Яна Щита да маршалка же его и писаря Богуша ради брата своего кесаря не вредил им ничем и к себе им на посольство не велел быть, а велел их поставить на Дорогомилове и корму им велел давать довольно. А когда безбожный изменник государский гетман Острожский от Опочек возвратился посрамленным, тогда великий государь Василий послал Сигизмунда короля польского Яну Щиту и Богушу велел быть у себя на посольство и, выслушав речь их, отпустил их к своему государю Сигизмунду королю ни с чем ноября в 15 день.

Племянников. Крымские на Путимль. Татары побиты. Ноября в 18 день великий государь Василий отпустил Максимилиана цесаря посла Зигмунда Герберштейна, да с ним вместе послал князь великий к цесарю римскому Максимилиану дьяка своего Владимира сына Семена Племянникова. Того же ноября прислал к великому князю Василию Иоанновичу государю всея Руси слуга его князь Василий Иванович Шемякин своего человека Михаила Янова с тем, что приходили татары крымские на украину, на их вотчину на Путимльские места, и князь Василий за ними ходил и Божиею милостию и государским счастьем, догнав их за Сулою, многих татар побил, а иных живых в плен взял и ради языка к великому государю прислал. Той же осенью ноября 19 дня Абдыл-Летифа царя на свете не стало.

Греки для милостыни. Марта в 4 день в четверток на 3 недели поста пришел из Цареграда на Москву Василий Копыл да Иван Варавин; и с ними вместе пришел к великому государю Василию Иоанновичу всея Руси из Цареграда от вселенского патриарха Феолипта митрополит Григорий грек от града Шихна Цареградской области. Да с ними вместе пришли старцы от Святой горы Афонской к великому государю и к первосвятителю Варлааму, митрополиту всея Руси, бить челом великому государю о

нищите, да учинит поможение и милостыню: от Благовещения пречистой Богородицы из Ватопедского монастыря три старца, Максим грек, Неофит священноинок грек, да Лаврентий болгарин; а от святого великомученика Пантелеймона из русского монастыря Савва проигумен; а наперед тех старцев за год пришел от святых 40 мучеников от Ксирапотам монастыря Исаия священноинок серб; да с митрополитом пришел патриархов дьякон Дионисий грек. Князь же великий Василий Иоаннович государь всея Руси принял митрополита Григория и старцев Святой горы Афонской с великою честью и повелел им пребыть в монастыре святого архистратига Михаила честного и славного его чуда, и питая их и довольствуя всякими потребами от своей царские трапезы. Также и Варлаам, митрополит всея Руси, к Григорию митрополиту града Шихна и к старцам Святой горы великую любовь и честь показывал и, к себе призывая, с ними часто беседовал о божественных словах духовных.

Умер Симеон. Июня в 26 день в субботу во 2 час дня преставился благоверный князь Симеон Иоаннович, брат великого князя Василия, и положили тело его в церкви святого архистратига Михаила на Москве, там где прародители его лежат, промеж князя Иоанна Васильевича, старшего сына великого князя Василия Дмитриевича, да дяди его князя Георгия Васильевича; а погребли его в воскресенье, а на погребении его был князь великий Василий и с великою княгинею Соломониною; проводили тело его со многими слезами, а пел над ним Варлаам, митрополит всея Руси, с епископами, архимандритами и игуменами и со всем священным собором; был же тут на погребении его пришедший от патриарха митрополит Григорий и старцы Святой горы Афонской. В тот же год в июне Митрофан, епископ коломенский, оставил свою епископию за немощью.

Дожди. Молебствования. В тот же год в Петров пост и после того было умножение дождем весьма великое, и в реках воды были больше вешних, из-за грехов наших; сие же было наказание нам от Бога к спасению нашему. Князь же великий Василий Иоаннович всея Руси повелел митрополиту всея Руси молить Господа Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, и пречистую его мать святую Богородицу Марию, и святых великих чудотворцев русских и молебны петь о милости Божии, и об устроении земском, и о теплоте солнечной, и о ведре с епископами, и архимандритами, и игуменами, и со всеми священными соборами; и всему народу, православным христианам, заповедали пост и молитву с чистым покаянием и со слезами. И когда сие было сделано, Божиею милостию тотчас темное небо со своими стихиями благорастворено, и светло было, и ясность солнечная заря изъявила с теплотою. Начальнейший же самодержец с первосвятителем бла-

годарения воздали Христу Богу, и пречистой его матери, и святым чудотворцам русским.

В тот же год святейший Варлаам, митрополит всея Руси, посоветовался с господином и сыном своим благоверным великим князем Василием Иоанновичем всея Руси, и послали во град Владимир, и повелели священникам владимирским принести святыя иконы старые в славный град Москву, подправить и поновить за многие годы состарившиеся и обетшавшие. В то ж время благоверный и христоробивый князь великий Василий ездил к живоначальной Троице в монастырь преподобного отца Сергия чудотворца помолиться и благословиться, так как хотел воевать против неприятеля своего Сигизмунда, короля польского.

В тот же год июля в 27 день пришел на Москву великого государя дьяк Владимир Семенов сын Племянников, коего князь великий посылал к Максимилиану цесарю; да с ним вместе пришли к великому государю Василию Иоанновичу в Москву от цесаря и короля римского Максимилиана послы, именем Франциск да Конла, да Онтони от Комит, цесарские советники, о мире же с поляками; и князь великий их, почтив, отпустил с тем, что мириться хочет, только король польский в миру неправдует и города русские старинные отдать не хочет.

7027 (1519). *Умер цесарь Максимилиан. Посол в Крым.* В январе Максимилиана цесаря римского на свете не стало. В тот же год в ноябре князь великий Василий Иоаннович всея Руси послал в Крым к хану Махмет-Гирею посла своего князя Юрия Пронского. В тот же год в месяце августе пришел к великому князю Василию Иоанновичу государю всея Руси в Москву от Синайской горы, там где Моисей боговидец от Бога закон принял, старец Климент грек милостыни ради, и князь великий его, пожаловав, отпустил.

Князь великий на Волок. В августе повелением благоверного великого князя Василия Иоанновича всея Руси разобрали старую церковь ветхости ради, а новую заложили Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Вознесенском Девичьем монастыре, который внутри града Москвы. Сентября в 14 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси выехал с Москвы на Волок Ламский на свою потеху, а на Москву возвратился на Дмитриев день.

Послы из Казани. Умер Махмет-Аминь. Посол в Казань Михаил Захариин. Хан казанский Шигалей. Декабря в 29 день приехал к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси из Казани Кул-Дербыш с грамотою от сеита, и от уланов, и от князей, и от карачей, и от ичек, и от мурз, и от мол, и от шихзад, и от всех казанских людей. А писали в грамоте к великому государю, что Божия воля сталась, Махмет-Аминя хана казанского на свете не

стало, и били челом великому государю: «Земля Казанская Божия да и мы холопы Божии да и твои государевы; и ты бы, государь, пожаловал, о нас рассудил и о всей земле Казанской и о господаре бы нам постарался, как нам впредь быть». И января в 6 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси послал в Казань посла своего дворецкого тверского Михаила сына Юрия Захарьича да дьяка своего Ивана Телешова, а приказал сеиту в головах, и уланам, и князям, и карачам, и мурзам, и муллам, и шихзадам, и всем людям Казанской земли свое жалование, что их великий государь жаловать и беречь хочет, а дает им на Казань хана Шигалея султана, Ших-Авлеева сына. И слышав великого государя жалование, что им Шигалея султана дает на Казань, они же с Михаилом Юрьевичем вместе прислали на Москву бить челом великому государю от сеита во-первых, и от уланов, и от князей, и карачей, и от всех казанских людей послов Абибазея да Карача-Булата князя Ширина, да Шейсупа князя земского, да Базюку-бакшея, и били челом великому князю, чтоб государь князь великий пожаловал их всех вышесказанных, дал им господаря на Казань Шигалея султана. А князь великий Василий, Божию милостию государь всея Руси, их пожаловал, дал им на Казань Шигалея месяца марта в 1 день и в дружбе и в братстве его учинил с собою по тому же, как был с Махмет-Аминем. И грамоты шертные великий государь велел написать, каким грамотам между великим государем и Шигалеем ханом достойно быть; а другую запись Шигалей дал на себя великому князю и государю, что ему, будучи в Казани, дела его беречь и неотступным быть со всею Казанскою землею до конца своей жизни; да и присягу на той грамоте Шигалей хан дал. А князи казанские кроме того шертные грамоты дали на себя, иную запись, что им в Казани у Шигалея хана дела великого князя беречь и неотступным им быть от великого государя со всею Казанскою землею и до конца своей жизни, и их детям, ни хана им, ни султана без великого государя ведома никак не взять; да и присягу на том великому князю особую дали за сеита, за князей и за всех людей Казанской земли. И великий князь Василий Шигалея и казанских послов в Казань отпустил месяца марта в 8 день, а послал в Казань сажать хана князя Дмитрия Федоровича Бельского да дворецкого своего тверского Михаила Юрьевича да с ними дьяка своего Ивана Телешова. Они же, поехав в Казань, по приказу великого князя посадили Шигалея в Казани в апреле, а сеита, и уланов, и князей, и карачей, и мурз, и мулл, и шихзад, и всех земских людей к шерти привели на том, что им быть неотступным от государя и великого князя до конца своей жизни.

Князь великий в Остров. В месяце мае выехал князь великий из града Москвы к чудотворцу Николе на Угрешу, а оттуда в

Остров и там жил до Петрова заговения, а приехав на Москву, жил лето всё в Воронцове до осени.

Послы крымские. Союз с татарами на Литву. Татары в Польшу. Поляки побиты. В том ж 7027-м в марте пришел на Москву к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси от крымского хана Махмет-Гирея Менли-Гиреева сына старший его посол, именован Апак князь, да тесть ему Магмед паша Халеев сын, и привезли великому князю от хана шертную грамоту, о каковой к нему князь великий приказывал. И говорил Апак князю великому от Махмет-Гирея, что Махмет-Гирей хан учинился с великим князем в крепкой дружбе и братстве во всем по тому, как к нему князь великий приказывал со своими послами, и правду на той грамоте учинил, начав сам собою с головами, и со своим сыном с калгою Богатырем султаном, и со своею братиею, и с иными султанами, и сеитами, и с уланами, и с князьями, и против всех неприятелей воевать ему вместе с великим князем. И князь великий к хану приказал, чтоб Махмет-Гирей хан по своей правде послал на великого своего неприятеля литовского короля в Ляцкую землю сына своего старшего калгу Богатыря султана и иных султанов, «а я от себя пошлю своих воевод». И по приказу великого князя Василия Иоанновича всея Руси Махмет-Гирей, хан крымский, послал в Ляцкую землю сына своего старшего калгу Богатыря, и братью свою, и детей, и многих людей своих со многою ратью. И калга Богатырь султан ходил в Ляцкую землю и воевал почти до самого Кракова; а Константин Острожский, собравшись с ляцкими людьми, и с поляками, и с волынцами, пошел против султана, и Богатырь султан многих воевод и ляцких панов и людей многих побил, а других бесчисленных пленил, а сам Острожский едва убежал. А убили на том бою татары князя Василия Четвертенского, да князя Александра Брянского, князя Василия, да князя Александра, да князя Льва Корецких, гетмана краковского Ферлеева сына, пана Станислава, старосту каменского, да брата его Яна Скаруцких, и иных многих людей побили ляцких, а иных, взяв, с собою повели; и попленив Ляцкую землю, дружа великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, возвратились в Крым со многим пленом.

Поход на Польшу. Орша. Поляки побиты. Князь великий Василий Иоаннович всея Руси тогда ж послал на своего неприятеля на литовского короля Сигизмунда ратью Авдовлета султана, Ахтуртова сына шибанского, да боярина своего и воеводу князя Василия Васильевича Шуйского, наместника владимирского, и иных своих: князя Ивана Михайловича Воротынского, князя Федора Васильевича Оболенского-Лопату, князя Василия Андреевича Микулинского, окольничего своего и воеводу Андрея Васильевича Сабурова, Андрея Никитича Бутурлина, Юрия Ива-

новича Замятина. А от Новгородских украин и от Псковских велел князь великий идти на Литву воеводам своим князю Михаилу Васильевичу Горбатых, наместнику псковскому, князю Даниилу Бахтеярову, князю Ивану Васильевичу Оболенскому-Каше, Ивану Васильевичу Колычеву, Дмитрию Григорьевичу Бутурлину и иным своим воеводам со многими людьми. А из Стародуба Северского велел князь великий идти наместнику и воеводе князю Семену Федоровичу Курбскому, да князю Ивану Федоровичу Оболенскому, Петру Федоровичу Охлебинину и иным своим воеводам с ратными людьми. И пошли великого князя воеводы из Смоленска к Орше, и от Орши к Могилеву и к Минску. А от Минска пошли прямо к Вильне и всю землю воевали и пленили по самую Вильню и в Креве за 30 верст от Вильни. И собрались литовские воеводы, виленский воевода Николай Николаев, тротцкий воевода Альбрехт Мартынов, городенский воевода Юрий Николаев Радивилов, староста жемоцкий Ян сын Николая Радивилова, князь Михаил Ижеславский и иные многие паны литовские со многими людьми. И великого князя воеводы, призвав Бога на помощь, пошли прямо на них и передних людей побили, князя Василия Полубенского-Воротынского, королевского дворянина Чижа и других многих людей побили; да королевского дворянина великого человека поймали, именем Рая, и иных многих королевских дворян попленили, а городенского воеводу Юрия Николаева обоз взяли. И с теми большими панами великого князя воеводы биться хотели, и литовские воеводы паны от великого князя воевод ушли за крепости, и великого князя воеводы пришли до тех крепостей; тогда паны вступили на тесные места, и они за ними того ради не пошли. Воевали и пленили Литовскую землю: Логеек, Минск, Красное село, Молодечну, Марково, Лебедево, Крев, Ошмян, Медники, Мяделю, Коренско, Березовичи, Вязыню, Радошковичи, Борисово и иные многие места по самую Вильню, и по сторонам Вильни, и за Вильню. И пленив Литовскую землю, великого князя воеводы возвратились со всеми людьми и, дал Бог, вышли поздорову, а полону бесчисленное вывезли множество.

В том же году в апреле месяце отпустил князь великий младшего брата своего Андрея Ивановича на его удел в город Старицу и на всю его вотчину. Он же пришел в Старицу 8 апреля и сел на своей вотчине после отца своего впервые. В том же году начали строить град Тулу каменный на реке Упе.

7028 (1520). Сентября в 8 день князь великий Василий Иоаннович всея Руси, почтив посла крымского князя Апака и Магмед пашу, отпустил их к своему государю; да с ними вместе послал князь великий в Крым к хану Махмет-Гирею своего посла Федора Климентьева о дружбе и о любви.

Того же месяца в 11 день отпустил князь великий митрополита Григория, что приходил к великому князю от Феополита, вселенского патриарха Цареграда, милостыни ради, и старцев Святой горы отпустил, проигумена Савву великомученика Пантелеймона русского монастыря, Исаию святых сорока мучеников Ксирапотам монастыря. Великий же государь Божию милостию Василий к патриарху послал и в Святую гору милостыню довольную, а также митрополита Григория и старцев Святой горы пожаловал деньгами, конями, одеждами и прочим всем потребным довольно.

Еп. Тихон ростовский. Еп. Тихон коломенский. Еп. Пимен вологодский. Февраля в 9 день в четверток поставлен Варлаамом митрополитом Иоанн, архимандрит симоновский, архиепископом Ростову и Ярославлю. Того же месяца февраля в 14 день во вторник поставлен Варлаамом, митрополитом всея Руси, Тихон, игумен угрешский, на Коломну епископом. Того же месяца февраля в 16 день в четверток Варлаам митрополит поставил Пимена, игумена соловецкого, на Вологду и в Пермь Великую епископом.

Посол к туркам. Белгород. Очаков. Той же зимой в месяце марте князь великий послал человека своего Бориса Голохвастова к турецкому султану Шалим-Шаху, Баязета султана сыну, о своем здравии ему сказать и о его уведать; а отпустил его Доном к Азову, а от Азова ехал морем к Кафе, и от Кафы к Цареграду Черным морем. А из Цареграда ехал сухим путем к Адрианополю, а из Адрианополя нашел султана в Димоитхе, и тут султан велел Борису у себя быть и честь великую и корм довольный воздал ему и оттуда его отпустил на Сербскую землю к Дунаю. И возлился Дунай под Келиею, а от Келии к Белграду, где возлился Днепр великою рекою, а от Белграда к Очакову, и тут возлился Днепр, а оттуда к Перекопи крымского хана Гирея приехал. И хан его отпустил за князем Юрием Пронским, и Борис нашел князя Юрия в Путимле, а на Москву приехал с князем января в 8 день.

От папы с письмами. Тула каменный град. В тот же год был у великого князя на Москве от папы римского с грамотою человек его, именован Павел. В тот же год завершили град каменный на Туле и именовали его по прежнему имени его град Тула, а река под ним Тула ж.

Хан крымский прислал иного посла, прося у князя великого помощи на Большую орду хана астраханского. И князь великий послал ему в помощь с низовых городов людей на судах. Они же, придя до Ахтубы, много повоевав, Сарая не взяли и возвратились со многим полоном.

7029 (1521). Умер кн. Дмитрий. Преставился князь
1521. Умер кн. Дмитрий. Умер еп. Даниил тверской. Февра-

Дмитрий Иоаннович, брат великого князя Василия, февраля в 14 день.

ля 13 дня на Федоровой седмице в среду вечером преставился блаженный и христоробивый князь Дмитрий Иоаннович угличский, брат великого князя Василия Иоанновича, а 23 принесен в Москву; и положили его в церкви архангела Михаила возле великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. Марта 30 преставился епископ тверской Даниил гречанин.

В тот же год мая в 14 день в вотчине благоверного князя Георгия Ивановича московского, в Кашине и в Колязине монастыре, начали копать рвы на основание церкви святой и живоначальной Троицы и обрели мощи преподобного игумена Макария, начальника месту тому, целые, невредимые, и ризы его не истлели, что видевши, удивились и прославили Бога, прославляющего святых своих.

Казанцы долго во смирении и без мятежа не любили жить, начали хана своего, посаженного от великого князя, Шигалея Шихавмирова сына прельщать, чтоб отступил от власти великого князя, как и прежде бывший хан Махмет-Аминь, говоря: «Да владеешь ты один Казанью и всеми нами и, укрепившись в Орде своей, будешь с руси дань брать, как и прежде деды наши, и будем, плена землю Русскую, богатеть. Ныне же, если сего не учинишь, видишь, что князь русский недоволен владеть Казанью, как ныне, но, ненавидящий рода нашего, на Астрахань с крымским ханом воинство посылал, и тех разорили, и хочет грады по Волге строить и нами не как с друзьями быть, но как рабами владеть и во свою веру обращать». Но хан Шигалей никак же не прельстился, ни послушал слов их лестных, отвечал им так: «Если знаете, что деды и прадеды наши от Руси дань имели того ради, что Орда была едина, имели одного хана, и все султаны и князи того слушали и боялись, и что повелевал, так и было. Русские же князи тогда многие были, и великого князя не слушали и не боялись, но приходя в Орду к ханам, друг друга губили, и один на другого дани возлагали на себя, и, беря от хана воинов, один другого земли разоряли. Тогда не дивно было ими владеть и дани от них брать. А коли деда моего после отца изгоняли и во султаны разделились, сами на себя восстали воевать и грады великие Болгары и Буляр разорили, беря русских в помощь, и дед мой ушел, Казань состроив. Русские же начали великие князи, других князей одолевая, силиться, и пришло до того, что один остался князь великий и тот силен есть, не можем противиться ему. Как ведае-

те, хан Махмет-Аминь, послушав вас, отделился и начал земли Русские воевать, и не только зло учинил, едва не всю Орду погубил, и нужда была ему просить прощения; а на крымского нам надежды нет, ибо тот хочет все себе покорить». Они же не представляли смуты делать, подушаемые крымцами, а Шигалей крепко стал против злых намерений их, многих князей и мурз, взяв, в темнице посадил, а иных смерти предал. Казанцы же за сие особенно возненавидели Шигалея и, тайно совещавшись, послали в Крым к хану просить себе султана на ханство. Он же прислал им младшего сына своего Сап-Гирея, и пришел в Казань со многою силою крымскою. Тогда казанцы, восстав на христиан, всех русских людей, бывших в Казани, посекали, а также и многих казанцев побили, а всего до 5 000 человек, казну Шигалею разграбили. А самого и воеводу московского едва Сап-Гирей спас, не дал убить, испросил у казанцев юности его ради и разума и благородства, так как он был от рода Тохтамыша, хана Великой орды, и того ради не дал его убить, но отпустил его к Москве со двумя служащими и послал проводить его в Поле нагим. И тогда же были на Волге в Девичьих горах многие русские рыбаки, которые весною приходили, а в осень возвращались. Те, услышав о смятении казанском, многие собравшись, пошли через Поле с 1000 человек и по случаю сошлись с Шигалеем. Государь же великий князь, слышав о смятении казанцев, весьма печален был, и что Шигалей изгнан, и не ведал, где есть. Уведав же, что жив есть, послал навстречу к нему со многими запасами и одеждами из Нижнего и Василева, и встретили их в степи, когда они от голода изнемогали и многие умерли. И когда пришел Шигалей в Москву, принял его князь великий с честью многою, как сына своего и друга, и похвалил весьма верность его, желая же и сам идти на Казань, но не мог войны ради литовской.

Июля 27 дня в субботу пришел хан крымский Махмет-Гирей, забыв свою клятву и многою дружбу к себе великого князя, взял от короля польского казну многою, собравшись со всею братиею своею и ордами Крымскою и Ногайскою, много же и Волжской орды присовокупив, перешел без вести на великого князя вотчину к реке Оке. И в 28 день, воскресенье, переправился чрез Оку со всею ордою, и побили заставы русские, и воеводу князя Федора взяли, воевали Коломенскую землю. Князь же великий, не имевший воинства вблизи, так как все были на рубежах Литовских, повелел в Москве готовиться к осаде и людей уездных, и скот, и запасы собрать, оставив воевод своих, сам пошел к Волоку и послал к воеводам, чтобы от Лук и Смоленска со всеми воинствами поспешали. Хан же, воюя страну Коломенскую и Московскую да Угрешскую, многие села и монастыри пожег, а людей побил и пленил, более же по Рязанской земле; и стоял сам

на реке Северке 6 дней, рассылая в набеги за добычей. Когда же узнал, что силы русские стали подходить, тотчас перейдя Оку, пленял там около Рязани семь дней, воеводу же князя Федора Лопату отпустил за откуп, под Рязанью выкупил его Хобар, наместник рязанский, дал 50 рублей, так как весьма исстрелян и сечен был. А князь великий в Москву пришел августа 5 дня, а хан был в Русских землях две седмицы, возвратился со множеством полона и богатства.

7030 (1522). Пришла весть великому князю, что безбожный хан Махмет-Гирей крымский, возгордившись, хочет идти на землю его. Князь же великий Василий пошел сам к Коломне со своею братиею, и пришел в Коломну, и войско свое устроил, и воевод своих оставил при берегу Оки реки, оттуда хотел в Поле идти, но услышав, что татары ушли, возвратился назад.

Митр. Даниил. Еп. Иона рязанский. Еп. Акакий тверской. В тот же год Варлаам митрополит оставил святительство декабря в 17 день. Той же зимой поставлен был на митрополию Даниил, игумен Иосифова монастыря, февраля в 27 день. Марта в 23 день Даниил митрополит поставил Иону епископом на Рязань. Того же месяца в 30 день поставил во Тверь епископа Акакия.

7031 (1523). *Перемирие с Польшею.* В сентябре пришли на Москву послы литовские пан Петр Станиславов, Долгобуж Боговитинов да писарь Ивашка Горностаев и учинили с великим князем перемирие на пять лет.

Безбожный хан крымский Ахмет-Гирей, возгордясь, что с помощью русскою Астрахань повоевал, желая обладать всею Волжскою ордою, пошел сам в силе великой. Был же у него князь ногайский Мамай, тот обменялся сообщениями тайно с астраханскими князьями. И пришел брат Мамаев Агиш князь, и напал на него внезапно, самого Ахмет-Гирея и сына его Богатыря султана между Волгою и Доном убили, и множество крымских князей, уланов и мурз побили и пленили, и пошли Агиш и Мамай в Крым и там много повоевали, а города ни одного не взяли, и возвратились к Астрахани.

В том же году князь великий взял князя Василия Шемяку и в поруб его посадил.

Казанский хан русских побил. Той же весною хан Сап-Гирей в Казани много зла христианству навел и кровь проливал, как воду, и посланника великого князя Василия Юрьевича Поджегина убил. Князь же великий Василий жалел о том весьма, и пошел с братьями своими на второго мучителя казанского хана, и достиг Новгорода Нижнего августа в 23 день; а отпустил под Казань хана Шигалея в судовой рати по Волге, а с ним воевод своих, также и Подем конную со многими людьми, и велел пленить Казанские места.

Василь град. Тогда же велел поставить на устье реки Суры град деревянный и нарек его Василь град.

Василь град. Они же пришли и на устье реке поставили град, нарекли Василь во имя великого князя, и пошли в ладьях на Низ.

И великого князя воеводы Казанские места пленили и возвратились здравы, многий плен с собою приведя.

7032 (1524). *Поход на Казань. Шереметьев. Кропоткин.* Великий государь сентября в 15 день возвратился из Новгорода с братиею на Москву, послав рать свою к Казани, Шигаляя царя, а с ним воевод своих в судах и конями, за их неисправление. В большем полку князь Иван Федорович Бельский, да князь Михаил Васильевич Горбатый, да Михаила Юрьевич Захарьин; а в передовом полку князь Семен Федорович Курбский да Иван Васильевич Ляцкий; а на правой руке князь Семен Дмитриевич Серебряный да князь Петр Охлябинин; а на левой руке князь Юрий да князь Василий Васильевичи Ушатые; а в сторожевом полку князь Михаил Иванович Кубенский да князь Иван Шамин. А в конной рати в большем полку боярин Иван Васильевич Хабар да Михаил Семенович Воронцов; а в передовом полку Василий Андреевич Шереметьев да Федор сын Семена Колычев; а на правой руке князь Петр Иванович Репин да Дмитрий Бутурлин; а на левой руке князь Иван Федорович Овчина да князь Андрей Кропоткин; а в сторожевом полку Иван сын Василия Лошакова да Чулок Засекин.

Тогда над русским воинством беда сотворилась. На Волге сошлись черемисы многие во узких местах и начали на ертаульный (самый передовой) полк с косы стрелять. Ладьи же, поберегшись оных, пошли к крытым берегам; и когда пришли ладьи близ круч тех, пустили черемиса деревья на них и каменья набросали, на мелях же между островами наложили великие деревья, так что невозможно было пройти. И тут убили из ертаульного полка 5000, да передового с 15 000, да большего полка с 10 000, так как ладьи, от речной быстроты одна о другую ударяясь, утонули, а черемиса, отовсюду нападая, убивали; и так тут погибло русского воинства с 25 000, и стенное оружие и пушки в реке все погибли. После умаления же воды все то оные язычники изловили и наживу многую приняли. Воеводы же шедшей полем конной рати не ведали о сей погибели, вошли в землю Казанскую, пленя здесь. Когда же пришли к реке Свяге, тут встретили их князи и все силы казанские, в которых были первый князь Отун, да князь Аталык, а хан Сап-Гирей остался в Казани. Сии безбожные сразились крепко с полками русскими, думая, что сии, ведая о погибели на Волге, побегут, а русские воеводы, думая, что хотят их разлучить от судовой рати, особенно храбрее налегали. И был у них бой крепкий не на долгое время, и тотчас татары побежали, а

русские гнались до Волги, и тут многие татары утонули, иные в ладьях бежали, иные по лесам; и тут убили их до 42 000, как сами они поведали. И начали воеводы всюду улусы их разорять и пленить, и в ладьях плывущего воинства ожидать. Те же, приплыв, возвестили беду свою, что запасы и стенобитное оружие погубили и воинство весьма умалилось. Начали все воеводы совет творить, и положили: «Если так возвратимся, зло на пути погибнем». И придя, стали выше Казани, послали к казанцам, что если хотят умириться, да отдадут всех гостей пленных. И казанцы, видев многих своих на Свяге убитых, того ради мир учинили и гостей всех отпустили. И так возвратилось воинство русское со тцетою великою, ибо погибло тогда на Волге и от голода до 30 000 мужей.

7033 (1525). *Казанцы просят прощения. Бояре в Казань. Еп. Вассиан коломенский.* Той же осенью пришли послы из Казани Аппай улан, и Бахты-Килдей князь, и прочие и били челом великому князю от всей земли Казанской за свою вину и о хане Сафа-Гирее. И государь по их челобитью пожаловал, а в Казань послал своего посла князя Василия Даниловича Пенкова да дьяка своего Афанасия сына Федора Курицына. Той же весною апреля во 2 день поставлен был на Коломну епископ Вассиан Топорок, а на Вологду Алексей, игумен Кириллова монастыря, апреля в 19 день. В тот же год послали делать Коломну град каменный.

Постриглась княг. Соломия. Засуха и мрак. В тот же год князь великий Василий Иоаннович хотя весьма любил благоверную свою супругу великую княгиню Соломонию, но прощения ради митрополита, князей и бояр для своей земли Русские положил пустить ее (на волю) и постричь. И сего ради повелел близ Москвы недалеко от монастыря святого Саввы построить монастырь ради пострижения благородных девиц и учения и поставил тут первую настоятельницу благородную иночицу Елену, называемую Девочкину, из Суздальского Посковецкого монастыря, и прозвался монастырь тот Девичий. В тот же год была засуха великая от Троицына дня до Успения святой Богородицы, и мгла была великая 4 недели, и солнца и луны не видели.

7034 (1526). *Брак вел. кн. Василия второй.* В ноябре князь великий Василий Иоаннович постриг великую княгиню Соломонию по совету ее тягости ради и болезни бездетства; жил с нею 20 лет, детей не было. Той же зимой января в 21 день князь великий Василий Иоаннович женился второй раз, а выбрал себе невесту княжну Елену, дочь князя Василия Львовича Глинского; а венчал их Даниил митрополит.

Той же зимой в марте пришли послы к великому князю из Казани от Сафа-Гирея царя Казы князь, да Чюра князь, да Девел бакшей.

Еп. Макарий новгородский. Еп. Кирилл ростовский. Марта в 4 день преосвященный Даниил митрополит поставил Макария, архимандрита из Лужков, архиепископом Великому Новгороду и Пскову, а от Спаса из Суздаля архимандрита Кирилла поставил архиепископом Ростову.

Послы цесарские. Посол папезжский. Папа Климент. Кн. Федор Мстиславский. Той же зимой пришли от цесаря Карла великого князя послы князь Иван сын князя Ивана Засекина, да Семен, сын Бориса Трофимова; а с ними пришли от цесаря послы Леонард от Комид, а от брата цесарева Фердинанда Сигизмунд Герберштейн второй раз. В тот же год в июле прибыл посланник великого князя от Рима Митя Малой, толмач латинский; а с ним вместе пришел к великому князю от папы римского Климента именем Иван Франчисков бискуп. В тот же год в месяце июле приехал из Литвы князь Федор Михайлович Мстиславский служить великому князю.

7035 (1527). *Послы польские. Перемирие на 6 лет. Цесарь посредник. К цесарю. К папе.* Приехали к великому князю послы литовские, а князь великий был на своей потехе в Можайске, от короля Сигизмунда Петр Станиславич, воевода полоцкий, да писарь и маршалка Богуш Боговитинов, и учинили с великим князем перемирие на 6 лет, а мирил их цесарь и порукой был; да из Можайска князь великий литовских послов отпустил вместе с цесарским и папезжским послом. А к королю Сигизмунду послал князь великий послов своих окольникового своего Ивана Васильевича Ляцкого да дьяка своего Елизара сына Ивана Цыплятева; а к кесарю римскому королю и к брату его Фердинанду послал своих послов Ивана Ляпуна Осинина да Андрея Волосатова, а к папе послал Еремея Трусова да Шарапа Лодыгина.

Глинский освобожден. В Казань. Пильемов. Той же зимой князь великий был у пречистой Богоматери на Тихвине помолиться. Той же зимой в феврале смилостивился князь великий над князем Михаилом Глинским, из-под стражи выпустил. Той же зимой жил князь великий в своем селе Воробьево до Успения святой Богородицы. В тот же год послал князь великий посла своего в Казань к царю Андрея сына Федора Пильмова.

7036 (1528). *Крымцы к Оке.* В 5 день сентября пришел Ислам султан крымский, Исуп султан Епанчин сын, да два султаны Ахмата Хромого дети, и мурзы многие внезапно к берегу Оки реки, похваляясь, желая через Оку реку переправиться. И князь великий сам против них вышел и стал в Коломенском. А в ту пору воеводы были на берегу со многими людьми: князь Василий Семенович Одоевский, князь Иван Иванович Щетина, да князь Федор Васильевич Лопата, да князь Иван Федорович Овчина, да против Ислама стали через реку; в ту же пору к берегу поспел

князь Федор Михайлович Мстиславский; и стали с Исламом биться через реку накрепко, и за реку Ислама не пустили. Тогда Ислам пошел прочь, и великого князя дети боярские, перейдя за реку, татар многих побили и поймали Исламова любимца Янслыча мурзу, великого человека, и Ислам пошел спешно из земли.

Брак Ивана Пенкова. В ту же осень пожаловал князь великий князя Ивана Пенкова, дал за него свояченицу свою княжну Марию.

7037 (1529). *Объезд по городам.* Князь великий в своем селе в Новой слободе всю осень был, а заговев, поехал к чудотворцам: в Переславль, в Ростов, в Ярославль, на Вологду, на Белоозеро и в Кириллов монастырь.

Послы казанские. В тот же год пришли к великому государю послы казанские от хана казанского Сафа-Гирея в Новую слободу Табай князь, да Дана князь, да Обреим бакшей и, говоря, били челом великому князю о том: в которых делах хан пред великим князем неправ, хан в тех всех делах хочет пред великим князем исправиться и правду дать, и послов своих больших к великому князю посылает бить челом за то, чтобы князь великий казанских послов отпустил, и хан со всею землею Казанскою пред послом великого князя Андреем Пильемовым клятву и правду учинили на шертной записи, да и послов своих к великому князю присылал, князя Мамыша, князя Курата да Шемердена князя Чуракова. И князь великий в ответ к нему послал своего посла князя Ивана Федоровича Палецкого, чтоб хан великому князю во всех делах по шертной грамоте исправил; хан вскоре свою правду и клятву преступил и послу великого князя Андрею Пильмову бесчестье и крамолу учинил великую, и князь Иван Палецкий в Казань к царю не пошел из Новгорода.

7038 (1530). *Поход на Казань водою. Бакеев. Конями. Аничков.* Князь великий, не в силах терпеть хана клятвопреступления, советовался о том со всею братиею и с боярами. Потом, приняв Господа в помощь, послал к Казани рать свою. В судовой рати в большем полку князь Иван Федорович Бельский, да с Новгорода наместник и боярин князь Михаила Васильевич Горбатый, да воевода князь Михаил Иванович Кубенский; в передовом полку князь Федор Лопата Васильевич Телепнев-Оболенский, да князь Семен Федоров сын Петровича Сицкого; на правой руке Федор Щука Юрьевич Кутузов да князь Федор сын князя Михаила Федоровича Курбского Карамышев; на левой руке Иван да Андрей Никитичи Бутурлины; а в сторожевом полку князь Иван Иванович Барбашин да Михаил Ильин сын Семеновича Бакеева. А в конной рати в большем полку князь Михаил Львович Глинский, Василий Андреевич Шереметьев; в передовом полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок Засекин; на правой руке князь Петр да князь Василий Ивановичи Репнины; на

левой руке князь Федор Овчина Телепнев-Оболенский, да Федор сын Данилы Аничкова рязанец; в сторожевом полку Дмитрий Семенович Воронцов да князь Иван Мезецкий.

И казанские люди напали на конную рать великого князя не в одном месте, но Божиею милостию великого князя воеводы их побивали, и чрез Волгу переправились на казанскую сторону, и с судовыми воеводами совокупились месяца июля в 10 день в воскресенье, и призвав Бога в помощь, пошли к Казани со многими людьми. И хан казанский Сафа-Гирей со всеми казанскими людьми, к ним же пришел на помощь из Ногаев Мамай мурзы сын старший с 30 000 ногаев да Яглиз князь со многими людьми и астраханские люди.

Мир с казанцами. Потом выехали из града бить челом воеводам Булат князь, да Опай улан, да Табай князь, чтобы воеводы сами их пожаловали, и великому бы государю князю предложили, «и просили о нашей крайней дерзости, а мы посылаем государю великому князю бить челом за свою вину». И воеводы русские привели их по их вере к правде, что им послать непременно к великому государю упрашивать за вину свою, да притом же и от государя им неотступным быть и в ханы им на Казань никого не принимать, разве кого им государь князь великий пожалует; и привели к шерти всех, что им быть во всей

Мир с казанцами. Собрал хан черемис множество и чуващ, повелел острог великий за Булаком от Казани и до Кабана поставить и пушки многие русские, которых взяли черемиса на Волге, поставить по острогу тому; и было в Казани и на полях за Казанью стоящих людей более 100 000. И умаж во 12 ушел хан сам со многими воинствами и, при рассвете дня, на самой заре, напали крепко на станы русские. Воеводы же все стояли готовые и сами вышли против нечестивых, а ебурра повелели в бок татарам из пушек бить. И был бой великий между обоими, и Божиею милостию в тот день победили воеводы русские татар, и гнались от острога, иных за Кабан, и много на том бою побили и пленили. И начали воеводы к граду приступить и несколько дней жестоко из пушек били день и ночь. Татары же, видев сие, за долгое время беспечными стали и стражей плохих по стене имели. В одну же ночь, когда увидели русские оплоху стражи их, избранные десять юношей приползли к граду и, подложив пороха, бересты и смолы, зажгли одну стрельницу острога. Басурмане же долго не ощущали сего, даже когда много острога загорелось. А воеводы тотчас повелели в ратные трубы затрубить и, устремительно на град напад, начали всюду острог зажигать и, вскоре войдя, людей спящих и бегущих побивали.

воли великого князя, и возвратились воеводы во свои Русские пределы. А князь великий, уздав о нестроении воевод, возложил на старшего воеводу князя Иоанна Бельского опалу и едва от смерти избавил его, так как Даниил митрополит да Порфирий, игумен радонежский, упростили у великого князя; но в темнице сидел 5 лет, поскольку ему дана была вся власть над воинством русским.

вать, и там погибло казанцев от мала и до велика более 15 000, много же из-за тесноты и погорели, а иные в водах утонули. Тут же убит был славный их воин князь Аталык и иные многие, а русских воинов убито князь Иосиф Дорогобужский да князь Федор Лопата. Хан же Сап-Гирей, увидев гибель граду, собрал крымских татар с 5000, бежал из града, и пробился сквозь полки русские, и едва 3000 спася, убежал в Крым, уязвлен весьма; также и ногаи побежали за Каму; а в Казани едва остался 12 000 воинства; черемиса же едва не все в остроге были убиты. Воеводы же великого князя начали между собою разногласия: иные говорили град взять и посадить русских воевод; иные не хотели того ради, чтобы тут не оставаться; а старшие воеводы, беря от казанцев дары многие, не хотели брать город. И так стояв три дня, послали за князьями казанскими.

Родился Иоанн. Августа в 31 день, на память святых апостолов Варфоломея и Тита, в 7 час ночи родился великому князю Василию Иоанновичу всея Руси сын от его великой княгини Елены Глинской и наречен был Иоанн. Тогда была во граде Москве радость великая о государской радости и о рождении великому государю сына, а также и по всей земле возрадовались люди радостью несказанною. А крестить сына своего ездил князь великий к Троице в Сергиев монастырь; крестил его старец Иосифова монастыря Кассиан Босой да старец Даниил из Переславля сентября в 4 день в воскресенье, на память великомученика Вавилы антиохийского; а священнодействовал игумен троицкий Иоасаф Скрипицын.

7039 (1531). *Послы казанские. Полев. Бугуша. Татар непостоянство. Путятин. Ответ послов. Речь великого князя. Ответ послов. Головин в Казань.* Пришли к великому князю Василию Иоанновичу послы казанские Табай князь, да Тевеклей князь, да Ибреим бакшей, били челом великому князю от Сафа-Гирея хана, и от князей, и от всех людей Казанской земли, чтоб

великий государь пожаловал, гнев свой отложил, а на князей бы и на всю землю Казанскую опалы не держал; и пожаловал бы государь Сафа-Гирея, сыном себе учинил его, «а хан хочет быть в государственной воле; и князи и всей земли Казанской люди надежду имеют на тебя, великого князя; как ты, государь, их пожалуешь, и они во всей твоей государевой воле служить впредь хотят прямо и неотступны будут всю землю Казанскую до конца своей жизни и детей своих». И князь великий, берега землю Казанскую и жалея людей казанских, чтобы кровопролития не было, того ради к хану гнев свой отложил, и князьям казанским и всей земли Казанской опалу свою отдал, и пожаловал хана, с собою в сыновстве и в дружбе хотел учинить; и записи шерстные князь великий велел написать, на чем хану правду учинить, и князьям, и всей земли Казанской людям. И послы казанские Табай князь с товарищами на шерстной записи на Москве правду учинили. А по той записи царю правду дать и по той князьям правду ж дать и всей земли людям, и к тем записям Табай князь и Тивикел князь печати свои приложили, а Обреим бакшей руку свою приложил. И на той записи шерстной хану в Казани пред сыном великого князя боярским правду учинить и к записи печать свою приложить; также князьям руки свои приложить, которые грамоту знают, а которые грамоту не знают, тем печать свою прикладывать; и всей земли Казанской людям правду учинить пред тем же сыном боярским; и людей великого князя, которые попали казанским людям, и пищали, и то отдать тому ж сыну боярскому и с ним вместе отпустить к великому князю на Москву. И князь великий с теми записями послал в Казань к хану сына боярского Ивана сына Василия Полева, в январе, да с ним вместе отпустил ханского человека Бауша. И той же зимой марта в 28 день приехал к великому князю из Казани от Ивана Полева великого князя сын боярский Сура Нехаев с грамотою, а писал Иван в грамоте: хан правды на шерстной грамоте не учинил и пищали ему не дал. А с ним вместе прислал хан к великому князю своего человека Мерденя с грамотою, а писал к великому князю, чтоб князь великий послов его отпустил, и своего старшего посла вместе с его послами к нему прислал, да пушки и пищали, которые у них великого князя воеводы под Казанью взяли, и людей казанских полонили, и которые гонцы задержаны, и пожаловал бы князь великий, с Табаем к нему отпустил; и как будет Табай князь с товарищами и великого князя старший посол, при том же пушки, пищали, и все казанские люди когда возвращены явятся, тогда и он намерен правду по записи учинить и Ивана Полева к великому князю отпустить. И князь великий приказал говорить Федору сыну Ивана Карпову да дьяку своему Меньшему Путятину послам казанским Табаю с товарищами: «На чем вы нам учинили договор и правду дали, что

быть хану нам во всем послушным и всем князьям казанским, ныне же хан, князи и вся земля Казанская по вашему челобитью правды не учинили. И Табай-князь нам говорил: "Сказывал де гонец им, что в Казань пришла весть, будто государь князь великий посылает рать свою к Казани, да потому де того дела не учинили. А ведаете де и сами, что в Казани людей добрых мало, все люди мелкие, что и земли крепить некому, люди все в розни; а в страхе великом люди шатались, и нашей мысли не имеют. Государь князь великий сам промыслит о своей земле, волен Бог да государь в своей земле: земля Казанская Божия да твоя государева, как хочешь, так учинишь, а мы холопы Божии да твои государевы. А посланы мы к великому князю бить челом от хана, и от князей, и от всех людей Казанской земли с правдою, а не лестью; и на чем мы государю добились челом, то и хану было и всей земле непременно также делать. А ныне хан в своем слове не устоял; а то, за тем нас к великому государю бить челом послал, он то все презрел, а нас забыл, и того не похотел учинить, на чем мы договорились. И мы думаем, что пристали к нему крымцы и ногаи и тутошние лихие люди; а земля с ним не заедино вместе, но из-за него не смеют делать того ради, разве что будет государю тот хан в Казани не надобен; и с того времени государева жалования ждут, тому ли быть хану на Казани или иного государь пожалует на Казань послать>". И Федор Карпов да Меньший Путятин сказали великому князю; и князь великий послал к ним Федора ж да дьяка Меньшого, а велел им говорить: «Государь наш велел вам объявить: «Только бы тот хан был нам послушен, да была б в нем правда, и мне его чего ради не хотеть на Казани? Да видите сами, что он не прям и прежде его хан много зла учинил, без нашего ведома, и без обсылки князей казанских побил и иные неправды многие поделал». И государь наш по вашему челобитью пожаловал хана, с собою во единстве хотел учинить и сыном его себе назвать; а и не пригоже было нашему государю так учинить, и государь наш бережет земли Казанские и жалеет людей казанских, чтоб добро было и земли устроены были, а хан государя нашего слову не верит и правды не чинит». И послы говорили: «Видим и сами, что государю нашему великому князю прям быть не хочет, правду свою преступил и презрел дело свое, а нас забыл, что с нами наказал; и какому в нем добру быть? А ныне ведает Бог да государь, что со своею землею Казанскою учинить; мы рабы твои, государь, а хана кого нам государь пожалуешь, тот нам люб». И били челом, «чтоб государь пожаловал нам Шигалея, поскольку Шигалей земле Казанской ничего не грубил, да лихие люди так неизвестно какой ради причины над ним сие учинили; и ныне государь его отпусти к Казани, наказав, как ему, там будучи, жить, и дела ваши исправлять, и тамошних людей

беречь и жаловать. А бьем челом государю, чтоб государь пожаловал, хана Шигалея отпустил к Василию граду да и нас с ним, да и полон бы государь казанский отдал; и мы, придя в Василь град, пошлем в Казань от себя грамоты, да и к черемисе горной и луговой, и к арским князям о государевом жалованьи, как их хочет государь жаловать и беречь своим жалованием; как было и прежде при хане Махмет-Амине, также и ныне хочет их государь жаловать и беречь землю Казанскую». Что слышав, Федор Карпов и Меньший Путятин объявили великому князю, и князь великий велел говорить с послами: «Вы нам бьете челом о хане; как поехали вы к нам от хана, был ли вам о том к нам наказ от князей и от земли Казанской, чтоб нам землю Казанскую пожаловать и дать им Шигалея ханом?». И послы говорили: «Нам о том наказ был; о каком деле нас к государю послали, мы о том государю и били челом, чтоб государь нас пожаловал, велел нам себе служить; а хану казанскому служить не хотим, им мы умерли, а государевым жалованием ожили. Хан нас послал о великих делах, и что мы ни сделали, и он то все презрел, а от нас отступился; и ежели мы хану не надобны, и нам хан не надобен. А в Казани у нас род есть, и братия, и друзья; а которые казанские люди задержаны в Новгороде Нижнем и которые люди попали в руки великого князя людей, у тех же людей отцы и братия, весь род и другие в Казани; и только мы придем в Василь град и пошлем к ним грамоты, и те люди за нас станут». Оное Федор Карпов да Меньшой Путятин сказали великому князю, и князь великий, посоветовавшись о том с боярами, велел послать в Казань Посника Головина к хану да наказал к Качигалею мурзе и к Булату князю: что они о сем думают? А срок велел учинить у себя быть гонцу своему в 25 день.

7040 (1532). Сентября в 12 день князь великий поехал к живоначальной Троице в Сергиев монастырь в день чудотворцевой памяти помолиться с великою княгинею Еленою и с сыном своим князем Иоанном сентября в 17 день в воскресенье, а оттуда на свою царскую потеху на Волок, в Можайск; а в Москву прибыл ноября в 19 день в воскресенье. И посоветовался князь великий с боярами, что ему лучше отпустить Шигалея и послов в Нижний Новгород, и декабря в 20 день отпустил князь великий Шигалея хана и послов в Нижний Новгород. И того ж месяца декабря в 27 день послал князь великий в Нижний Новгород дьяка своего Афанасия Курицына к хану и к князю с записями и Обреим бакшея подписью; да с ним же послал грамоты посольные, а велел те грамоты послать из Новгорода Нижнего боярину и воеводе князю Василию Васильевичу Шуйскому к царевне, и к князям, и ко всей земле Казанской.

Сафа-Гирей выгнан. И в тот же год мая в 17 день приехал к великому князю Посник Головин и объявил великому князю, что

«хан Сафа-Гирей Ивана Полева с товарищами хотел побить, а вам, государь великий князь, хан неприятелем учинился. И когда пришли от великого князя казанские люди с грамотами, в которых писал великий князь к царевне, и к князям, и ко всей земле Казанской, как их государь хочет жаловать и беречь и гнев свой царевне, и князям, и всей земле Казанской отпустить, и царевна, и Качигалей мурза, и Булат князь в головах, и уланы, и князи, и сеиты, и мурзы, и всей земли Казанской люди, совокупясь в одно место, убить не дали Полева с товарищами, а Сафа-Гирея хана по повелению великого князя из Казани выгнали и его советников крымцев и ногаев, а иных побили, которые с ним думали на лихо, Раста князя с детьми, и Али Шукурунова сына, и иных князей; а после него и ханшу его из Казани выслали в Ногаи к отцу ее Мамаю. А к великому князю посылают бить челом».

Послы из Казани. Яналей хан в Казани. И того же месяца в 19 день приехал к великому князю из Казани Кулчюра и Форузат с грамотами от Горшвены ханши и султанши, от Качигалея мурзы, от Булата князя, от уланов, от князей и от сеита, мурз и от всех людей Казанской земли. А писали в грамотах к великому князю: «Мы по вашему государеву наказу Сафа-Гирея хана из Казани выслали; а нас, государь, хочешь жаловать, и беречь земли Казанские, и дать нам на Казань Шигалея хана; и мы Шигалея не желаем, но просим, чтобы государь нам посадил на Казань ханом Яналея султана, Шиг-Авлиара султана сына». И великий князь послал в Казань Останю Андреева, да с ним вместе отпустил Кулчюру и Форузата, и обещал султанше во-первых, и мурзе, и князям, и уланам, и всей земле Казанской свою особенную милость, что их жаловать и беречь хочет и дает им на Казань Яналея ханом, которому было тогда 15 лет, и сыном его себе учинить обещает. А Шигалею хану великий князь велел быть к себе на Москву. А к Яналею султану послал князь великий в городок Федора Демида сына Семена Воронцова и велел ему быть в Василе городе июня в 22 день. А в Новгород Нижний послал князь великий Федора сына Бориса Бороздина да дьяка своего Третьяка Ракова к боярам и воеводам князя Василия Васильевича Шуйского с товарищами и велел Яналея хана к шерти привести. И Малей отпустил в Казань, и с ним Табая князя с товарищами, и всех казанских людей; а с Яналеем велел великий государь идти в Казань окольничему своему Якову Григорьевичу Морозову да дьяку своему Афанасию Курицыну, и на ханство посадить его, и к шерти привести его, и султаншу, и князей, и всех людей Казанской земли, с которыми грамоту и записи шертные, на которых правду дать всей земле Казанской, князь великий с ними же послал. Они же, поехав в Казань по повелению великого князя Василия Иоанновича Божию милостию государя и самодержца всея Руси, Яна-

лея хана, приняв честно, посадили июня 29 дня в субботу; а прислали к великому князю июля в 14 день Останю Андреева, что его в Казани на ханство посадили. А хан прислал к великому государю ловчего Бибя князя бить челом, что его государевым жалованием сел на ханство. В августе месяце и великого князя Василия Иоанновича посланник Иван Полев из Казани приехал, а с ним вместе хан прислал к великому князю оружничего своего Бурнака князя с грамотою; и в тот же месяц отпустил князь великий Бибя князя в Казань, а послал с ним к хану, и султанше, и к князьям грамоты.

Марта в 23 день преставился епископ суздальский на Москве, и положили его в Суздале. В тот же год июля в 3 день в час ночи с четверга против десятой пятницы загорелось в Нижнем Новгороде на посаде повыше Козьмы и Домиана, и перекинулся огонь на город, и загорелась кровля градская, и от той кровли загорелось зелие пушечное в Ивановской стрельнице, и от того пала стрельница та, внутри сгорел двор великого князя, и прочих дворов сгорело немало. В тот же пяток на седьмом часу дня загорелось внезапно зелие пушечное на Москве на Успенском овраге на Алевизовском дворе; ибо делали его на том дворе градские люди, и сгорели делателей тех от зелия того в один час более 200 человек; а к двору тому и к иным дворам Божиим хранением не прикоснулся огонь.

Чернигов. В тот же год доделан был град каменный Коломна. В тот же год повелением великого государя Василия Иоанновича, Божиею милостию государя и самодержца всея Руси, срублен был град Чернигов деревянный. В тот же год срублен был на Кашире град деревянный, а на Осетре каменный.

Комета. В тот же год в августе являлась звезда великая над летним восходом солнечным многие утренние зори, луч сиял от нее вверх великий, не по обычному течению, на полуночную сторону. И затем в тот же месяц являлась та же звезда в вечерней заре после захождения солнца червлёным образом, и луч от нес сиял червлёный вверх же над летним западом.

Саид-Гирей, хан крымский, не желая терпеть Ислама султана, Махмет-Гирева сына, изгнал его из Крыма злонравия его ради. Он же, скитаясь в степи, не имея чем питаться, умыслил коварство, ссорить великого князя с ханом Саид-Гиреем и чрез то ханом быть или Русскую землю разорять, и прислал к великому князю князя своего Кудодаря, Кудьярова сына Бодгозмина, бить челом, что из Крыма Саид-Гирей хан и крымские люди выслали его, и он ходил на Поле за Доном, и князь бы великий пожаловал, учинил его себе сыном, а Ислам бы великого князя назвал отцом себе, и ежели какая невзгода будет, и великий бы государь пожаловал в своей земле место, а он неотступен ему хочет быть и до

конца своей жизни. И князь великий послал к Исламу князя Михаила Ивановича Кубенского, а велел ему то сказать, что его князь великий пожаловал и сыном себе его назвал. И Ислам пред князем Михаилом Ивановичем великому князю крепкую присягу учинил, что ему от великого князя и от его сына князя Иоанна Васильевича неотступным быть и великому князю Василию, и его сыну Иоанну, и их украинам никоего зла не учинить.

Польские послы. Перемирие. Марта в 17 день пришли к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву послы литовские от короля Сигизмунда Иван Богданов Сопегин, да Матей Войтехов Ключников, и Павел Нуршев писарь и сотворили с великим князем перемирие на год от Рождества Христова 7041 года до Рождества Христова 7042-го года; и отпустил князь великий послов литовских к их государю.

Хан крымский Саидет-Гирей. Союз с крымцами. Послы крымские. И того же месяца в 30 день пришел посол великого государя из Крыма Стефан Иванов сын Злобин, а привез к великому князю от хана Саидет-Гирея грамоту шертную, каковую князь великий хотел; а сказывал великому князю, что Саидет-Гирей хан учинился с великим князем в дружбе, и на шертной грамоте сам хан, и его калга Девлет-Гирей султан, и иные султаны, уланы и князи с великим князем правду учинили пред посланником великого князя Стефаном, и учинился хан и султан, уланы и князи с великим князем на великого князя неприятелей заедино. Той же весною в апреле пришли послы к великому князю из Крыма на Москву от Саидет-Гирея хана Авелши с товарищами и привезли к великому князю грамоту таковую ж, каковую великого государя посол Степан привез.

Послание к Петру, кн. волошскому. Умер еп. Иосиф смоленский. Мая в 3 день послал князь великий Василий Иоаннович всея Руси в Волохи чрез Крым к Петру, волошскому воеводе, подьячего Ивашку сына Елизара Сергиева. Июня в 22 день преставился Иосиф, епископ смоленский, и положен был в Смоленске.

Гонец из Астрахани. Черкасы Астрахань взяли. Астраханский Аккаубек хан. Июля в 21 день приехал к великому князю на Москву из Астрахани от Касима хана человек его Злоба с товарищами с грамотою. После же того приехали к великому князю с Волги казаки городецкие, а сказывали великому князю, что, придя к Астрахани, черкасы внезапно Астрахань взяли, хана, князей и многих людей побили и имущество пограбили да и пошли прочь; на Астрахани учинился Аккаубек хан султан.

В тот же год в августе приехал великого князя посланник Роман Писарев и объявил великому князю, что Саидет-Гирея, хана крымского, на ханстве не прочат. А хан прислал к великому князю своего человека Тягри-Бердея с грамотою; а писал в своей

грамоте, чтобы князь великий посла своего старшего не посылал, а отпустил бы князь великий к ним их старших послов.

В тот же год завершена была в Коломенском церковь каменная Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; была же церковь та весьма чудна выотою, и красотою, и светлостию, каких не бывало прежде сего в Руси. И поскольку князь великий Василий Иоаннович, государь всея Руси, возлюбил ее, того ради и украсил всякою добротою, как по достоинству будет святой Божией церкви.

7041 (1533). *Гонец Пушкин в Казань*. Сентября во 2 день отпустил князь великий в Казань к Яналею хану Бурнака князя, а с ним вместе послал Василия сына Алексея Пушкина, с грамотою. И в тот же месяц сентябрь отпустил князь великий крымских послов и гонца к их государю.

Послы ногайские. Табун. Того ж сентября 4 дня пришли к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву послы ногайские Баубек с товарищами, а с ним гости с конями от Кошим мурзы и от иных мурз, и били челом великому государю, чтобы князь великий пожаловал, приказал гостям торговать ногайским; и как гости исторговались, тогда князь великий послов ногайских и гостей отпустил к своему государю.

Индийцы. В тот же месяц пришел к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву из Индийской земли гость Хотя-Усейн и привез грамоту от Бабур падши, Индийской земли государя; а писал Бабур падша, чтобы великий государь Василий с ним был в дружбе и братстве, и люди промеж ними ходили на обе стороны их здоровье видеть. И князь великий Хотя-Усейна отпустил к Бабур падше, а писал с ним в грамоте, что он того хочет, чтобы люди промеж них ездили. А о братстве к нему не писал, так как неизвестно было, кто он на Индийском государстве, государь ли, или урядник, и великому бы государю в том низости не было, если он той земли урядник; и великий государь того ради о братстве к нему не писал.

Кашира Шигалею и Серпухов. В тот же месяц сентябрь пожаловал князь великий Василий Иоаннович, государь и самодержец всея Руси, бывшего хана казанского Шигалея, дал ему Каширу да Серпухов со всеми пошлинами да и отпустил его с Москвы того ж месяца в 21 день.

Того ж месяца в 22 день в воскресенье выехал князь великий с Москвы к живоначальной Троице в Сергиев монастырь в день чудотворцевой памяти помолиться, а оттуда был в Слободе, а на Москву приехал октября в 3-й день.

Комета. Той же осенью октября являлась звезда во утренней зари за два часа до света над зимним восходом солнца, луч сиял от ней великий и широкий на полудни; а являлась на одном месте от первого октября до 9 ноября.

Гонец в Польшу Нащокин. Того ж месяца октября 8-го дня послал князь великий в Литву к Сигизмунду королю Василия сына Олферия Нащокина с грамотою о некоторых делах земских.

Родился Георгий. Того же месяца октября в 30 день в среду в 7-й час дня родился великому князю Василию Иоанновичу от его великой княгини Елены Глинской сын и наречен был Георгий, в честь церкви, которая в Лиде; и возрадовался государь, прославил Бога; а крестил его у Богоявления на Троицком дворе троицкий игумен Иоасаф Скрыпицын да старец Даниил из Переславля ноября в третий день в воскресенье. Во время же великой сей радости были на Москве братья великого государя Иоанна Васильевича, князь Георгий да князь Андрей Ивановичи, и множайшие князи и бояре его; и была радость великая в царствующем граде Москве ради новорожденного чада его.

Саидит-Гирей с Крыма выслан. Хан Ислам. Гонец волошский. Ноября в 7-й день приехал к великому князю парубок его Ивашка Елизаров из Волохии, а ехал на Крым, и сказал великому князю, что Саидит-Гирей хана с Крыма сослали, а посадили на престоле крымском ханом Ислама. А Ислам прислал к великому князю своего человека Маймуша с грамотою и писал в грамоте, что он учинился ханом в Крыме. Тогда же с Ивашком вместе приехал к великому князю Василию Иоанновичу на Москву от волошского воеводы Петра посланник Юшко с грамотою; а писал воевода в грамоте, чтобы его великий государь жаловал и берег от короля польского и великого князя литовского, а князь великий с литовским королем Сигизмундом в перемирье, и волошский воевода Петр бил челом великому князю Василию Иоанновичу всея Руси, чтобы великий государь пожаловал, послал к турецкому султану, чтобы великого ради государя турецкий султан оборонил его от литовского короля Сигизмунда.

Присяга хана Яналея. Того же месяца в 18 день пришли на Москву великого князя посол Иаков Григорьевич Поплевин да Афанасий Курицын, которых послал князь великий в Казань Яналея хана сажать на Казань и к шерти привести его и всю землю Казанскую. И хан в Казани пред посланниками великого князя на шертной грамоте правду учинил и к записи шертной печать свою ханскую приложил, чтоб ему неотступным быть от великого государя и дела его беречь. Также и царевна с князьями и всей земли Казанской люди присягу и правду учинили на записях шертных, что им быть неотступным от великого князя со всею землею Казанскою до конца жизни своей, и их детям также, ни хана им, ни султана без ведома великого князя никакого не сажать, на что и к записям шертным все князи и люди, которые грамоту знают, руки свои приложили, а которые грамоты не знают, печати свои прислали; а грамоты и записи шертные Иаков к великому князю привез.

Той же осенью приехал из Крыма великого князя казак Темеш Кадышев, а сказал великому князю, что Ислам на ханство не сел, а стоит на Сангире, и послал Ислам на ханство просить к султану турецкому Саип-Гирея; при том же прислал и к великому князю своего человека Будаи мурзу с товарищами.

Замыцкий. Шигалей в измене. Той же осенью декабря в 23 день послал князь великий к Яналею в Казань с грамотою, и к царевне, и к князям Константина сына Тимофея Замыцкого. Той же зимой в январе князь великий Василий Иоаннович всея Руси положил опалу свою на бывшего хана казанского Шигалея, что он правду свою нарушил, начал послания посылать в Казань и в иные государства без ведома великого государя; за то его велел князь великий выслать с Каширы и Серпухова, и, взяв, сослал на Белоозеро и с ханшею, и посадить велел за стражу.

Той же зимой в январе великого князя посланник Василий сын Олферия от короля Сигизмунда из Литвы приехал, а с ним вместе королевский человек Ивашко Глаголов с грамотою, и сказал великому князю Василию, что был у великого князя от Святой горы из Пантелеймонова монастыря богомолец его игумен Гавриил и просил великого князя о милостыне; и великий государь, дав игумену милостыню довольную, отпустил в свой монастырь, а шел игумен на Литовскую землю, и в Мелске его ограбили. Потом князь великий короля человека Ивашку Глаголева отпустил, а с ним послал к королю грамоту, чтобы игумена провел чрез свою землю благополучно.

Брак Андрея. Хованский. Февраля в 22 день князь великий Василий Иоаннович женил брата своего князя Андрея Иоанновича, взял за него княжну Евфросинию, дочь князя Андрея Хованского; а венчал князя Андрея Иоанновича и княжну Евфросинию Даниил, митрополит всея Руси, в соборной церкви славного царствующего града Москвы. А на свадьбе был князь великий Василий Иоаннович всея Руси у брата своего Андрея Иоанновича и с великою княгинею Еленою и с братом своим князем Георгием Иоанновичем; и жаловал князь великий на свадьбе брата своего князя Андрея и его княгиню Евфросинию; и великая княгиня Елена и сын великого князя Иоанн Васильевич также одарили их; и был брак сей честен.

Посол казанский. Того же месяца в 22 день пришел к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву от Яналея хана из Казани посланник его Агиш князь с грамотою от султаны, и от князей, и от всех людей Казанской земли; а писал хан в грамоте и султан с князьями всей земли Казанской, чтоб великий государь не велел брать из Казани пищалей у них, поскольку в Казанской земле как доброжелателей, так и главнейших неприятелей находится много. Что слыша, великий государь пожаловал

сына своего хана Яналея и всех князей Казанской земли и пища-лей у них из Казани отбирать не повелел; а Агиша князя отпустил снова в отчество свое марта 6, а с ним послал к хану грамоту и к султану, к князям и ко всей земле Казанской.

Марта в 10 день выехал князь великий Василий Иоаннович всея Руси с Москвы помолиться к Николе Зарайскому на Осетр, а на Москву приехал того ж месяца в 19 день.

Послы казанские. Просьба о женитьбе хана. Июня в 6 день пришли к великому князю Василию Иоанновичу на Москву послы казанские Аппай улан, да Кадуш князь, Отучев брат, да Котлубулат князь Городецкий, да Евтек бакшей; били челом великому князю от хана Яналея и от Булата в головах, от Табая князя, от уланов, от князей, от карачей и от всех людей Казанской земли, чтоб великий государь приказал хану и волю дал жениться у Юфсы мурзы казанского, да и о других великих делах государственных. Тогда князь великий Яналея хана сына своего тем пожаловал и свободу ему дал у Юфсы мурзы ногайского дочь за себя взять того ради, чтобы земля Казанская в покое была, при том же и о земских делах управу учинил и отпустил послов казанских Аппай улана с товарищами в августе.

Хан Саип-Гирей крымский. Левашов. Леонтьев. Того ж июля приехал к великому князю из Крыма казак его Янгаидыр Кожухов, а сказал великому князю: ханом учинили на Крыме Саип-Гирея, который был в Казани, а в калгах учинился Ислам султан. А с ним вместе пришел к великому князю от хана Саип-Гирея человек его Салтаньяр с товарищами, а от Ислама человек его Боан с грамотами; и князь великий ханских людей и Исламовых отпустил к их государям. А с ними вместе послал князь великий к хану своего сына боярского Василия сына Сергея Левашова поздравить на ханстве; да с Василием же послал вместе князь великий чрез Крым к Петру воеводе волошскому Федора Леонтьева и воеводы человека Юшка; а отпустил князь великий июля в 19 день.

Гроза. Мгла и засуха. Комета. Июля в 23 день в 1-й час дня взошла туча великая и страшная с востока зимнего, молния великая блистала беспрестанно, при том же был гром и вихрь; и убило молниею во граде Москве 9 человек; и за Яузою у церкви святого мученика Никиты прошибло стену и у деисуса попалило золотые сосуды, а образов не повредило, и у икон кивоты исщепляло; и по иным местам много побито было от сего людей и скота. И от того времени не было дождя до сентября месяца, но засуха и мгла великая, как дым горькая, леса выгорели, болота водные иссохли, и солнце в третий час являлось красно, и луч сиял от него красен весь день, что никак смотреть на него не можно было, а заходило за два часа, и потом невидимо было; мгла оная столь была густая, что и птиц, парящих по воздуху, неудобно видеть было, и человек

человека, близко находившегося, не могли тогда видеть, а птицы часто от мрака сего падали на землю. В тот же год в июле являлась звезда в 4 час ночи над самым горизонтом славного града Москвы, промеж святого пророка Илии и Богоявления за торгом, невеликая и не весьма светлая, только луч от нее сиял долгий и широкий на зимний восток; а видима была она звезда многие ночи.

Крымское преступление. Неболса. Татары к Рязани. Князь великий против татар. Татары побиты. В тот же год августа в 14 день приехал к великому князю татарин его Неболса Кобяков, а посылал его князь великий к волошскому воеводе чрез Крым. И из Волохии пошел к великому князю, и наехал Ислама султана, и Сафа-Гирея хана, и других царевичей, которые стоят на Поле и ожидают там прочих, а хотят идти на украину великого князя Рязанскую: «Ислам меня, задержав, к великому князю вскоре не отпустил вести ради, а правду свою порушил и измену учинил; и как пришел под украину великого князя к Северскому Донцу, отпустил, и сам Ислам с султанами пошел на Рязань». И сказал Неболса великому князю, что Ислам султан, Саип-Гирей хан и иные султаны крымские со своими людьми да и прибылые с ними люди многие идут на украину великого князя к Рязани. И князь великий, слышав то, вскоре начал приуготовляться против татар, и за братьями своими, князьями Георгием и Андреем, послал; и прежде себя в тот день отпустил воевод своих на Коломну к Оке реке на берег князя Дмитрия Федоровича Бельского, да боярина своего и воеводу князь Василия Васильевича Шуйского, да князя Михаила Васильевича Горбатого, и Михаила Семенова Воронцова; а на Коломне великого князя воеводы князь Иван да брат его князь Семен Федоровичи Бельские и иные воеводы с людьми. А сам князь великий отправился из царствующего града Москвы августа в 15 день, слушав божественные литургии у праздника соборной церкви пречистой Богородицы, и молебны пел и, припадая со слезами к образу вседержителя Господа, молился; и после сего благословился у митрополита, и так пошел против своих неприятелей, крымских султанов, а с ним брат его князь Юрий Иоаннович. А в свое отсутствие князь великий велел градским своим воеводам устроить во граде пушки и пищали и градским людям свои пожитки возить во град. А выехав, князь великий стал в Коломенском дожидаться брата своего князя Андрея Иоанновича и воевод со многими людьми. И в тот же день пришла весть к великому князю в Коломенское от воевод с Рязани, что Сафа-Гирей хан, и Ислам, и иные султаны со многими людьми пришли на Рязань да и посады пожгли; и князь великий вскоре послал к воеводам, и велел послать за Оку реку людей языка добывать. Тогда воеводы по указу великого государя послали за реку воевод князя Ивана Федоровича Оболенского-

Овчину, а в другое место князя Дмитрия сына князя Федора Палецкого, а в третье место князя Дмитрия сына князя Юрия Друцкого не со многими людьми. Воеводы же, придя, Божиею милостию князь Иван Федорович татар многих побил, а иных живых переловил, а князь Дмитрий Палецкий и князь Дмитрий Друцкий также многих татар побили, а иных живых переловили и к воеводам прислали; и воеводы тех татар к великому князю прислали в Коломенское. Видев же сие, Сап-Гирей хан и Ислам клятвопреступник побежали спешно из украины великого князя вон, так как Бог пособил покорить и прогнать язычных, ополчившись на рабов своих. И воеводы прислали к великому князю, что татары побежали; и князь великий, слышав то, возвратился в царствующий град Москву августа 21-го дня, а воеводам своим князю Дмитрию и иным велел за собою быть на Москву.

Колокол. В тот же год повелением великого государя Василия Иоанновича, Божиею милостию самодержца всея Руси, слит колокол большой благовестник, а в нем 1000 пудов, и лил его Николай немчин; повешен же был на деревянной колокольне в 42 году декабря 19.

Гонец из Астрахани. В тот же год в августе пришел к великому князю Василию Иоанновичу всея Руси на Москву из Астрахани от хана Абды-Ахромана Кудылиар с грамотою о дружбе и о любви. И князь великий с ним в дружбе учинился и отпустил астраханского посла Кудылиара с грамотою к его государю.

7042 (1534). *Болезнь великого князя.* Месяца сентября в 21 день в воскресенье князь великий Василий Иоаннович выехал с Москвы с великою княгинею Еленою и с детьми своими к живоначальной Троице в Сергиев монастырь в день чудотворцевой памяти помолиться, и оттуда поехал на Волок на свою потеху, где начал изнемогать от тяжкой своей болезни, которая явилась на ноге его на бедре. Когда же разболелся крепко от ноги той, повелел князь великий вести себя с Волока к пречистой Богоматери во Иосифов монастырь молиться; а оттуда в Москву привезли его немощного ноября в 23 день в воскресенье. И не было великому князю от болезни той облегчения.

Великое княжение Иоанну V. Георгию Углич. Приказ боярам. Постригся вел. кн. Василий IV. Варлаам. Умер вел. кн. Василий IV. Уразумел князь великий Василий болезнь свою смертную, призвал старшего сына своего Иоанна Васильевича, еще

Великое княжение Иоанну V. Георгию Углич. Приказ боярам. И тогда князь великий Василий Иоаннович, видя себя болезнями изнуряемым и познав, что вскоре умереть, призвал бояр своих за десять седмиц прежде кончины своей, сказал им так: «Вы ведаете, что много с вами трудился и

молодого весьма, и восклонился князь великий мало на одре своем, воззрел на образ Господа нашего Иисуса Христа, и велел к себе крест принести, и, возложил на шею его крест, благословил сына своего, и сказал: «Как Петр святой чудотворец сим святым и животворящим крестом благословил прародителя нашего великого князя Иоанна Даниловича, а прародители наши великие князи благословляли старших своих сынов, которым быть на государстве подобало, меня благословил отец мой великий князь Иоанн, так же и я благословляю тебя, сына своего старшего, сим святым крестом, да будет тебе сей животворящий крест на поправление врагов». Затем дал ему посох и сказал: «Вот вручаю тебе сей скипетр, великой России державу, великое княжение Владимирское, Московское, Новгородское, Смоленское и всяя Руси, будь благословен на великом государстве нашей державы отныне и до века». А сына своего младшего, князя Юрия, благословил крестом да и вотчиною его пожаловал, Угличем Подем и иными городами, как писано в духовной. После сего просил Даниила, митрополита всяя Руси, да попечется о чадах его. Тогда же воззрев на бояр и вельмож своих, сказал им: «Вы бояре мои, с вами Русскую землю держим, и вас в чести и поч-

землю Русскую укрепил. Завет же отческий имею, на котором вы и отцы ваши крест ему целовали, что старшему сыну после отца быть на великом княжении, а братии своей и младшим сыновьям давать уделы малые, по городу и по два, да не спорят, чтоб не могли усилиться и зло сотворить. Ныне же я вижу себя близ смерти, того ради написал, как после меня быть княгине моей, и сыновьям, и братии. И если хорошо видите, положите руки ваша, и на том, что сохраните, целуйте мне крест. А если что недобро написал, то переписать можно». Они же, посоветовавшись, уложили и, написав, подписались, иные печати приложили и крест на том целовали, а князь великий свою большую печать приложил сентября 20 дня. А в 21 сентября призвал великую княгиню Елену, обеих сыновей своих, всех князей и бояр. Тогда, воздвигшись от одра своего, сказал: «Любезная супруга моя, я тебя взял для чадородия, и Бог нас утешил по желанию. Хотел же с тобою вместе воспитать их, но нет у меня времени, отхожу к отцам моим. А предаю тебе воспитать и научить их, не дай им воли во младости, и вся земля славу и честь воспримет, и возвысишься ты в чадах твоих. А так как сии малые, сего ради наиболее поручаю князям с тобою править, князю Ивану Овчине-Оболенскому, да отцу твоему князю Михаилу, да князю Борису Горбатову, да Михаилу Юрьевичу Захарьину». И отдал им душевную свою о завещании, ска-

тении держал, и детей ваших жаловал, и во всех странах славен был ради сего, и сказали вы, и правду дали служить мне и детям моим, не преступите свою клятву, будьте неподвижны в сей истине. И ныне завещаю вам княгиню и детей своих блюсти, послужите княгине моей и сыну моему великому князю Иоанну, и храните под ним его государство вся Русской земли и все отечество христианское от неприятелей, затем от басурманства, всяких ересей и от обид сильных людей, сколько вам Бог поможет». После сего возлег великий государь Василий Иоаннович, тяжко болезнуя при смерти своей, и постригся во иноческий образ и во схиму Даниилом, митрополитом вся Руси, месяца декабря в 3-й день в среду во 12 час ночи; и наречено имя ему во иноках Варлаам. И дав мир и благословение великой княгине своей и детям, тут пред ним стоящим, затем всем боярам, и в тот же час представился от мира сего в вечное селение небесное в четверток до света, на память святой великомученицы Варвары. И было в то время вопль и рыдание неутешное.

После этого понесли великого князя в церковь, и служил над ним надгробную отец его Даниил митрополит с архиепископами и епископами, с архимандритами и игуменами, и весь священный

зав: «Как вы поправите, так вам Бог воздаст». После сего привели к нему сына его старшего князя Иоанна, который тогда юным был, в начале четвертого года своего.

Постригся вел. кн. Василий IV. Варлаам. Умер вел. кн. Василий IV. Сей благочестивый государь и князь великий Василий Иоаннович добрый правитель хоругви земли Русской скипетродержавного корене хорошо врученные ему избрал, людей спас и от всех сохранил, и насколько отец его великим смыслом единовластие русское утвердил, настолько сей, мечом храбро всех супротивных ему побеждая, покори и силу своей земли умножил, что после Владимира Мономаха даже до сего не был ни один великий князь настолько силен и врагам страшен, а друзьям своим приятен, не столько оружием, столько любовью к своей державе присовокупляя; и так Русская держава расширилась. Ибо град Смоленск за Литвою был 100 лет и более. Севера же до 200 лет, Рязанское отделилось при Ярославле Великом и было отдельным без малого 400 лет, а сейчас снова с державой своей соединено, столько же от иноверных на востоке приобрел и на юге по Дону, и к Казани рубежи русские простер и умножил. По завету же отцову титул и печать себе переменял, которым названием давно никто ни писался от рода, как сей в грамотах и летописях повелел писаться: «Божиею милостию царь и князь великий Василий владимирский, московский, новгород-

чин со всего града Москвы. А на погребении были великая княгиня Елена, да братья его князь Юрий и князь Андрей, и все бояре, и князи, и дети боярские, и весь народ града Москвы во многом числе плакал; когда же надгробные пения те совершались, тогда не смог никто, сие смотря плачевное позорище, без слез пребыть. И погребли тело его в церкви святого архистратига Михаила возле отца его великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в преименитом царствующем граде Москве, там где прародители его лежат. А был в государстве на великом княжении после отца своего великого князя Иоанна Васильевича всея Руси 28 лет и 37 дней; а всех лет жизни его 54 года 8 месяцев и 9 дней.

ский, псковский, казанский и болгарский, государь тверской, ростовский, ярославский, пермский, вятский, черниговский, смоленский и рязанский и всея Руси государь и обладатель». Принял же и печать по матери своей греческих царей, орел распластанный, и тою повелел к государям грамоты печатать.

Той же ночью после смерти государя великого князя Василия Иоанновича все князи и бояре с преосвященным митрополитом Даниилом и властями в палате великого князя целовали все честный и животворящий крест на том, что им великому государю Иоанну Васильевичу всея Руси и матери его великой государыне царице Елене прямо служить и великое княжение под ним беречь в правду без хитрости заедино. Да и братьев государевых великого князя Василия Иоанновича князя Юрия и князя Андрея тотчас привели к целованию на тех грамотах, как установил отец их великий князь Иоанн Васильевич. И они целовали крест от рук преосвященного митрополита, что им племяннику своему великому князю Иоанну добра хотеть и великое княжение под ним блюсти и стеречь, а самим не хотеть, и под тою записью подписались. Потом повелели на следующее утро всех князей, бояр, детей боярских и всяких чиновников и гостей в соборной церкви приводить к целованию, да и по всем городам послали с записями приводить к целованию. И не было прекословия нигде же, но ненавидящий...

59. ИОАНН V

После смерти великого князя Василия Иоанновича всея Руси принял престол русский сын его Иоанн Васильевич, князь и великий государь всея Руси. И того же месяца декабря 11 дня приехал князь Юрий Иоаннович дьяка своего Третьяка Тишкова к князю Андрею Шуйскому, и говорил ему Третьяк, чтобы поехал к князю Юрию служить. И князь Андрей Третьяку отвечал: «Князь ваш вчера целовал крест великому князю, что ему добра всякого желать, а ныне от него людей зовет». И Третьяк говорил князю Андрею: «Князя Юрия бояре приводили, заперши, к целованию, а сами князю Юрию правды не дали за великого князя; в таком случае то какое целование? То невольное целование». И князь Андрей оное объявил князю Борису Ивановичу Горбатову, а князь Борис сказал боярам, и бояре объявили великой княгине. А великая княгиня, стараясь сохранить сына и земли, говорила боярам: «Вчера вы крест целовали сыну моему великому князю Иоанну, чтоб ему и всему Русскому государству добра желать, и вы по тому и чините; а ныне является зло». Того ради, чтоб не распространилось оное, велела вскоре князю Юрию взять и посадить за стражу в палате, оковав, где наперед того князь Дмитрий внук сидел. И взят был Юрий декабря в 15, а после преставления великого князя на 12 день.

В январе послал князь великий в Крым к Саип-Гирею хану и к Исламу Ивана сына Ильи Челищева возвестить отца своего преставление, а себя на государстве объявить. А в Казань послал к Яналею хану с теми ж речами Василия Беречинского возвестить отца своего преставление, а себя на государстве объявить. И в тот же месяц январь послал князь великий в Литву к Сигизмунду королю сына боярского Тимофея сына Василия Заболоцкого-Бражникова возвестить отца своего преставление, а себя на государстве объявить; а к королю писал, чтоб король с ним был в дружбе и в братстве, как с отцом его был.

В тот же год в апреле пришли к великому князю из Казани от хана Яналея послы Кудай улан, да Бурнак, да Козья-Охмат бакшей о мире, и в докончание того грамоту написали, как с отцом его было великим князем Василием, так и с ним. И отпустил князь великий казанских послов, а в Казань послал своего посла Федора Ивановича Беззубова июля 14; и Федора в Казани не стало. Июля ж 22-го приехал от короля Тимофей Васильевич Бражников; и король ему ответ учинил с великою гордостью.

В тот же год срублен был град деревянный в Новгороде Великом на Софийской стороне. В ту же весну мая 20-го повелением великого государя князя Иоанна Васильевича всея Руси и его матери великой княгини Елены сделан был на Москве град зем-

ляной по тому месту, где мыслил отец его князь великий Василий строить.

В тот же год в августе от войны из Серпухова побежали князь Семен Федорович Бельский да окольничий Иван сын Василия Ляцкого с сыном. А советников их, брата князя Семена сына князя Ивана Федоровича Вольского ж да князя Ивана Михайловича Воротынского и с детьми, велел князь великий и мать его великая княгиня взять и, оковав, за стражу посадить. Августа в 19 день взят был князь Михаил Львович Глинский за то, что дал великому князю Василию Иоанновичу зелье пить в его болезни, так как великого князя в той болезни от оногo зелья жизнь прекратилась; и посажен был в палате, где и наперед сего сидел. Августа ж в 28 день пришли из Ногаев от Шидяк мурзы и иных 70 мурз 70 послов, и гости с ними многие; а всех их с гостями 4000 да 700, а коней 40 000.

7043 (1535). В сентябре приходили воеводы Сигизмунда короля Андрей Немиров и иные воеводы со многими людьми под Стародуб с войском, и с пушками, и пищальями. И наместник стародубский князь Федор Васильевич Телепнев, выйдя из града, с литовскими людьми бился и многих побил, а воеводу жолнерского, Суходольским звался, да 50 пищальников, взяв, к великому князю прислал. И воеводы литовские от града прочь пошли; да от Стародуба идучи, у Радогоща посад пожгли, а от того и град сгорел; а в городе наместник был Матфей Лыков.

В тот же месяц он же, королевский воевода Андрей Немиров, придя к Чернигову со многими людьми, начал к городу приступать, из пушек и пищалей на город стрелять. И воевода великого князя князь Федор Семенович Мезецкий послал из города многих людей ночью на литовские люди; и великого князя люди литовских людей много побили, а пушки и пищали отбили. А на утро и Андрей Немиров с оставшимся войском от града вскоре прочь пошел.

В тот же месяц сентябрь приходили литовские люди, воевода князь Александр Вишневецкий, а с ним многие люди, к Смоленскому посаду, где посад зажгли. И наместник князь Никита Васильевич Оболенский многих детей боярских Московского государства да и смоленчан выслал из града против литовских людей; и великого князя люди с литовскими людьми бились, и посад им жечь не дали, и от града их отогнали; тогда литовские люди пошли вскоре назад тою ж дорогою.

О походе великого князя воевод в Литовскую землю. Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси и мать его великая княгиня Елена советовались с боярами, чтоб послать Литовские земли воевать за королевскую неправду; и велел князь великий у себя быть отцу своему митрополиту Даниилу всея Руси, и сказал отцу

своему митрополиту о короле, что сам король на крестьянство воевод своих посылает и татар наводит и много от него льется крови христианской; да и то сказал князь великий митрополиту, что хочет воевод своих послать с людьми королевские земли воевать против его неправды. Митрополит же сказал великому князю: «Вы, государи православные, пастыри христианству; тебе, государю, подобает христианство от насилия оборонять, а нам, всему вселенскому собору, за тебя, государя, и за твое войско Бога молить; а зачинающего рать погибает, в правде же Бог помощник». Князь же великий и мать его Елена отпустили воевод своих на Литовскую землю воевать и велели им идти с Москвы ноября в 28 день; в большем полку боярину своему и воеводе князю Михаилу Васильевичу Горбатову да князю Никите Васильевичу Оболенскому; а в передовом полку боярину своему конюшему князю Ивану Федоровичу Телепневу да князю Никите Борисовичу Туренину; а на правой руке князю Петру Ивановичу Репнину и князю Петру Охлябину; на левой руке князю Василию Ивановичу Репнину и князю Ивану Семеновичу Мезецкому; а в сторожевом полку князю Ивану Ивановичу Белевскому да Василию Петровичу Борисову. А из Новгорода Великого и Пскова также послал князь великий на Литовскую землю и велел им идти от Опочки: в большем полку боярину и наместнику новгородскому князю Борису Ивановичу Горбатову да Василию Андреевич Шереметьеву; а в передовом полку князю Михаилу Михайловичу Курбскому да князю Дмитрию Федоровичу Палецкому; а на правой руке князю Михаилу Ивановичу Кубенскому да Ивану Семеновичу Воронцову; а на левой руке наместнику ж псковскому Дмитрию Семеновичу Воронцову да Федору Семеновичу Кольчеву; а в сторожевом полку князю Федору Михайловичу Курбскому да князю Ивану сыну князя Михаила Ивановича Засекина. И воеводы великого князя Михаил Васильевич Горбатый с товарищами начали воевать королевскую область от Смоленского рубежа: Дубровну, Оршу, Друцк, Борисово, Прихабы, Соколень, Бобынич, Заборовье, Свеси, Новый, Боровичи и иные места. Новгородские воеводы князь Борис Иванович Горбатый с товарищами пошли от великого князя вотчины от Опочки и начали воевать Полоцкие места и Витебские, Брянские, Осиновец, Сенну, Латыголу. И сошлись великого князя воеводы в одно место и воевали до Вильни верст на 50, а кое-где и за 40. Поворотясь же оттуда к Полоцким местам, пошли к немецкому рубежу, пожигая, воюя, посекая и в плен забирая. И вышли воеводы великого князя на Опочку к Псковской земле все здравы с великим полоном; а пришли из Литовской земли на Опочку марта в 1 день в 4-ю неделю поста.

Той же осенью ноября из Стародуба князь великий посылал воевод своих Литовские земли воевать со многими людьми: в

большем полку князя Федора Васильевича Телепнева-Овчину-Оболенского да князя Ивана Тимофеевича Тростенского; а в передовом полку князь Константина Ивановича Курлетева; а в сторожевом полку князя Дмитрия Ивановича Скурлатева. Воеводы ж великого князя Федор Овчина с товарищами воевали королевскую область: Речицу, Свислач, Горвал, Петров городок, Мазырь, Случеск, Рогачев, Боруеск, Туров, Брятин, Любичи, и до Новгородка литовского посады у городов и села жгли, а людей и скот в полон брали, и возвратились поздорову.

Той же зимой января в 11 день приехал к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси и к матери его великой княгине Елене из их вотчины Великого Новгорода богомолец их архиепископ Макарий поздравить государя на великом государстве. В тот же месяц пришли к великому князю послы из Стокгольма от шведского короля Гастауня Гутман Лавров да Матьяс Лавров бить челом о том, чтоб государь велел своей вотчине Великому Новгороду и Пскову учинить перемирье по тому ж, как было при отце его. И князь великий короля пожаловал, велел им перемирье учинить. Того ж месяца в 21 день пришел к великому князю из Крыма Василий Сергиев, а посылал его князь великий Василий Ислама на государстве поздравить.

Той же зимой февраля в 11 день в четверток 1-й недели поста князь великий Иоанн Васильевич и его мать великая княгиня с отцом своим Даниилом, митрополитом всея Руси, и с епископами, пев молебны, молили чудотворца Алексея с великими слезами, чтобы ему угодно было переложить его в новую раку. Отец же их Даниил митрополит с епископами, архимандритами и игуменами честно переложил из старой раки в новую серебряную раку; а сам князь великий и его мать великая княгиня с боярами тут стояли, молебные пения совершали и со слезами молили святого.

Той же зимой в феврале пришел к великому князю из Крыма от Ислама хана Темеш князь Китай да Тетчервей бакшей. Тогда же посылал князь великий в Крым к хану Исламу посла своего князя Василия Семенова Мезецкого. Той же зимой марта в 8 день князь великий послал в Крым к хану с грамотами о дружбе и братстве сына боярского Даниила Дмитриева Загрязского. Марта ж в 8 день пришли к великому князю послы от магистра и короля ливонского Германа Иван Лодень, Федор Отянов да Ганос здравствовать великому князю на великом государстве.

В тот же месяц март князь великий Иоанн Васильевич с матерью своею велели переделать старые деньги на новый чекан из-за того, что в старых деньгах много обрезных денег и подмеса, и в том была христианству великая тягость, так как в старых гривнах было два с половиной рубля, а в новых гривенках по 3 рубля. А поддельщиков, которые деньги подделывали и обрезывали.

велел сыскивать, которых, взяв, казнили. А старым деньгам впредь ходить не велели. В тот же год мая 16 князь великий Иоанн Васильевич и его мать великая княгиня Елена повелели на Москве град каменный строить возле земляного града; и в тот день повелели отцу своему Даниилу митрополиту со всем священным собором с крестами и иконами идти тем местом, где граду быть, и святою водою кропить; а мастеру Петру Малому фрязину повелели подошву градскую основать. В тот же год июля в 15 день послал князь великий в Пермь Семена сына Давыда Курчева город ставить, поскольку старый сгорел.

В тот же год прибежали из Литвы от изменников великого князя, от князя Семена Бельского да от Ивана Ляцкого, их люди, а сказывали великому князю, что король, собрав свои войска и многих людей наняв иных земель, посылает великого князя вотчины воевать в Смоленске. И князь великий с матерью своею, слышав то, советовался с боярами, и послали воевод своих со многими людьми против литовских людей: в большем полку боярина своего князя Василия Васильевича Шуйского да князя Даниила Дмитриевича Пронского; а в передовом полку боярина своего конюшего князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского, да князя Федора Михайловича Курбского, да князя Василия сына Федора Охлябинина; а на правой руке князя Андрея Дмитриевича Ростовского да князя Никиту Борисовича Туренина; а на левой руке князя Василия Ивановича Репнина да князя Ивана Михайловича Троекурова; а в сторожевом полку боярина своего князя Ивана Даниловича Пенкова да Василия Петровича Борисова. А велел князь великий воеводам своим князю Василию Васильевичу Шуйскому с товарищами идти от Смоленска против литовских людей; а не будет против них литовских людей, и князю Василию с товарищами идти с нарядом, пушками и пищалями к Мстиславлю и Мстиславль приступом брать. А из Новгорода Великого князь великий и его мать великая княгиня идти велели наместникам своим Литовские земли воевать боярину своему Борису Ивановичу Горбатову да Михаилу Семеновичу Воронцову с новгородскими людьми и псковскими, а велели им стоять на Опочке; дворецкому своему новгородскому Ивану Никитичу Бутурлину велели идти с псковичами в Литовскую землю со многими людьми и с нарядом, пушками и пищалями, и велел князь великий и его мать великая княгиня Ивану Бутурлину на Литовской земле на озере город поставить. Король же Сигизмунд прослышал про то, что воеводы великого князя под Мстиславлем, а оные великого князя люди на его земле на Себеже город ставят, и послал король со своими воеводами, и велел им идти со всеми людьми и с нарядом, с пушками, с пищалями, к великого князя городу Стародубу. Воеводы же королевские пан Юрий Микулаев Родилочи

(Родивилович), да Андрей Немиров, да лядцкий гетман Ян Торновский, да изменник великого князя князь Семен Бельский, идучи к Стародубу, Гомель взяли. А в Гомеле в ту пору был наместник князь Дмитрий сын Дмитрия Щепин; а прибылые люди в город не успели, а были тутошние люди немногие гомельяне. Воеводы же королевские от Гомеля пошли к Стародубу, а пришли к Стародубу со всем королевским нарядом, с пушками, пищальями; а прибылых людей с ними много и иных земель король нанял, жолнеров, и пушкарей, и пищальников, а с ними и подкопщики. И начали литовские люди приступать к городу со всех сторон, и начали бить из пушек и из пищалей; а с города воевода князь Федор Овчина против велел стрелять из пушек и из пищалей и биться с ними с города крепко; а того лукавства, подкапыванья, не познали, потому что ранее того в наших странах не бывало подкапывания. Воеводы же литовские, обступив град, стали за турами близко града да и подкапывались, и город зажгли и взяли, и воеводу князя Федора Овчину с собою свели, и людей многих с собою взяли, а иных пересекли и прочь пошли. А воеводы великого князя князь Василий Васильевич Шуйский с товарищами пришли к Мстиславлю и с нарядом, да посад разогнали и на посаде многих людей взяли в полон, а иных секли, а посад сожгли; а город Мстиславль отстоялся. И оттуда пошли в Литовскую землю воевать, и многие места воевали, и людей в полон вели, и жгли, и секли, и в свою землю пришли поздорову. А новгородские воеводы и Иван Никитич Бутурлин Литовские места воевали, и город на королевской земле на озере Себеже поставил, и устроил его пушками, и пищальями, и всем нарядом, и запасом хлебным, как ему было можно; да устроив город, пришел на Опочку поздорову. Об измене казанской далее следует.

7044 (1536). *Об измене казанской.* Сентября в 25 день Ковгоршад царевна, и Булат князь, и вся земля Казанская великому князю Иоанну Васильевичу изменили, а Яналея царя убили, которого им князь великий Василий Иоаннович дал царем на Казань, а взяли себе на Казань царем из Крыма Сафа-Гирея царевича. Той же осенью в октябре повелением великого князя сделали град Почап земляной на старом же месте. Той же осенью декабря в 12 день пожаловал князь великий, Шигалея царя из-под стражи выпустил, а сидел на Белоозере, и опалу ему свою отдал, и пред очами своими ему дал предстать. В тот же месяц сделан град деревянный в Мещере на реке Москве. Той же зимой января в 6 день приходили татары казанские к Нижнему Новгороду и на Балахну, и посад пожгли, и беглых людей на Волге много посекали. И князь великий послал из Мурома князя Федора Михайловича Мстиславльського и иных воевод с людьми, и татары казанские прочь пошли. В тот же месяц велел князь великий поставить во

Ржевском на Литовском рубеже град земляной, нарек его Заволочье, и дворы ржевские велел перевести. В тот же месяц повелением великого князя поставлен городок в Костромском уезде, Буй городок на Кореге. Той же зимой февраля в 20 день в неделю Мясопустную поставлен был Даниилом митрополитом владыка во град Смоленск Савва Слепушкин, старец Иосифова монастыря. Того же месяца февраля в 27 день приходили под город под Себеж литовские воеводы Андрей Немиров со многими людьми, и с великим с нарядом пушечным, и с пищалями, к граду крепко приступили; и Божиею милостию городу не учинили нисколько, но своими же пушками своих же людей поубивали. А в то время из града вышли на них великого князя люди, многих литовских людей побили и знамена и варганы у них взяли; они же с великим срамом от града отошли восвосяи. Князь великий велел того ради поставить во граде том церковь живоначальной Троицы, в ней три предела: Успения пречистой, да Покров, да Сергия чудотворца. Той же весною переставлен град Темников на иное место, на реке Мокше. Той же весною сделан град Стародуб на старом же месте деревянный. И в то время послал князь великий воевод своих воевод Литовской земли воевать, князя Ивана Васильевича Горенского и иных своих, под город под Любеч. И воеводы великого князя, придя, Литовскую землю воевали и возвратились обратно здравы. Той же весною сделан град Устюг деревянный. В тот же год начали град делать на Балахне землей, сделан в 45 году в октябре. В тот же год приходили казанские татары многие на Костромские места, и великого князя воевода князь Петр князя Василия сын Засекин-Пестрый стоял в заставе и пришел на казанских людей, не дождавшись людей; и татары их разогнали, и самого князя Петра да Меншика Полева убили, и прослышав про великого князя старших воевод, прочь пошли. В тот же год августа в 1 день в четверток в час дня преставился князь Юрий Иоаннович, брат великого князя, в плену; и положен был во Архангельском соборе на Москве. И в тот же год поставлен град на Проне.

7045 (1537). Той же весною по диаволову действу и лихих людей возмущением учинили великому князю смятение, начали наговаривать великому князю и его матери великой княгине на князя Андрея, что князь Андрей на великого князя и на его мать великую княгиню гнев держит, что ему вотчины не придали, и хочет бежать. И князю Андрею сказывают на великую княгиню, что хочет его взять. И ранее в тот год 7042 в январе после великого князя преставления, не съезжая с Москвы во свою вотчину, после сорочин, бил челом князь Андрей великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси и его матери великой княгине Елене, а припрашивал к своей вотчине городов чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту. И князь великий и его

мать великая княгиня Елена не придали ему городов к его вотчине, а почтили его, как прежде того после преставления великих князей братья давали, а ему дали и свыше: давали ему шубы, и кубки, и коней иноходцев в седлах. Князь же Андрей поехал к себе в Старицу, начал на великого князя и на его мать на великую княгиню гнев держать о том, что ему к вотчине не придали. К тому пристали лихие люди и наговорили на князя Андрея великому князю. А князю Андрею сказали на великого князя, что хочет его князь великий взять. Князь великий и его мать великая княгиня послали к князю Андрею боярина своего князя Ивана Васильевича Шуйского да дьяка своего Меньшого Путятина в том его увещать, что слова неправые, а у великого князя Иоанна и у его матери великой княгини Елены лиха в мысли нет никоторого. Князь же Андрей по приказу великого князя и его матери великой княгини Елены к Москве приехал, и у великого князя и матери его великой княгини был, и в том бил челом великому князю и его матери великой княгине, отцом своим митрополитом: слух его достиг, что князь великий и его мать великая княгиня хотели на него опалу свою положить. И князь великий Иоанн и его мать великая княгиня Елена князю Андрею говорили: «Нам от тебя слух доходит, что ты на нас гнев держишь. И ты бы в своей правде стоял крепко, а лихих бы ты людей и речей не слушал, а у нас про тебя на сердце лиха нет никоторого. А объяви нам тех людей, которые меж нами ссорят, чтоб впредь меж нами лиха никоторого не было». И князь Андрей именно не сказал ни на кого, да сказал, что на него пришло мнение. И князь великий и его мать великая княгиня Елена князю Андрею свое крепкое слово сказали, что у великого князя и у его матери великой княгини на князя Андрея лиха в сердце нет никоторого, и отпустили его в вотчину его с великим поспешением.

Кн. Андрей взят. Брак кн. Андрея. Хованский казнен. Колычев кнутом. И князь Андрей к себе в вотчину приехал, мнения и страху не отложил, а в сердце гнев держал о том, что ему к вотчине не придали. И к тому пристали лихие люди и начали сказывать на князя Андрея великому князю, что князь Андрей хочет бежать. И князь великий и его мать великая княгиня Елена тем речам не верили, потому что ранее того меж ними многие неправды говорили. А великому князю в то время Казань не мирна была, и князь великий и его мать великая княгиня послали за князем Андрея казанского ради дела. И князь Андрей к великому князю не поехал, а сказался больным, а велел к себе и мастера для лечения прислать. И князь великий послал к нему мастера Феофила. И Феофил, приехав, сказал великому князю, что болен, и болезнь его легка, сказывает, на бедре болячка, а лежит на постели. Князь же великий и его мать великая княгиня были о том в

великом сомнении, что к ним князь Андрей великого ради дела казанского не приехал. И князь великий и его мать великая княгиня послали посланников своих к князю Андрею о здоровье спрашивать и о иных делах, а про князя Андрея тайно изведывать, есть ли про него каков слух и почему к Москве не поехал. И те посланники, приехав, сказали великому князю, что люди у него прибылые есть, которые не все у него годы живут, а говорить не смеют; а которые им приятны, и те им сказывают тайно, что князь лежит потому, к Москве ехать не смеет. Князь же Андрей по лихих людей речам сам к Москве не смел ехать, а послал на Москву к великому князю и к его матери великой княгине Елене боярина своего князя Феодора Дмитриевича Пронского. А князь Федор Пронский от князя из Старицы к великому князю на Москву еще не приехал, и в то время сын боярский князя Андрея князь Василий князя Федора сын Голубов, ростовских князей, из Старицы прислал тайно ночью к великого князя боярину князь Ивану Федоровичу Овчине человека своего Еремку с тем, что князю Андрею непременно на утро бежать. И князь Иван то сказал великому князю. И князь великий и мать его великая княгиня послали за князем Андреем крутицкого владыку Досифея, да архимандрита симоновского Филофея, да отца его духовного протопopa спасского Симеона, а велели взять его к себе, великому князю и его матери великой княгине, и что у них лиха и в мысли нет никоторого. А если будет, что князь Андрей владыке, и архимандриту, и отцу своему духовному не поверит, а побежит, князь великий для того послал за князем Андреем Ивана Федоровича Овчину, да князя Никиту Васильевича Оболенских, и бояр своих со многими людьми. А за боярином князя Андрея за князем Федором Пронским послали встречу, а велели его взять да на Москву привести. И когда князя Федора взяли, в ту пору ушел князя Андрея сын боярский Судок сын Дмитрия Сатин, да прибежал к своему князю и сказал князю Андрею, что боярина его князя Федора Пронского взяли, а слух до него дошел, «что послал князь великий бояр своих князя Никиту да князя Ивана Овчину-Оболенских со многими людьми тебя брать». И в ту пору примчался в Старицу с Волока князя Андрея же сын боярский Яков Веригин, а сказал, что приехали на Волок великого князя бояре князь Никита да князь Иван Овчина-Оболенские со многими людьми, «а едут тебя брать». И князь Андрей тотчас побежал и с княгинею и с сыном мая в 2 день, да от Старицы отъехал верст с 60 до Новоторжского уезда до Берновых сел. И из Бернова побежал князь Василий князя Федора Голубого, да сказали великому князю, что князь Андрей еще того не постановил, на которое ему место бежать. И князь Андрей из Торжка за рубеж не поехал, а пошел к Новгороду Великому, восхотел Новгород засесть; да и

грамоты писал к великого князя к детям боярским помещикам, да и по погостам посылал. А писал в грамотах: «Князь великий мал, а держат государство бояре. И вам сего ради мне служить советую, а я вас рад жаловать». И некоторые дети боярские к нему приезжали служить. И та весть пришла к великому князю и к его матери великой княгине, что князь Андрей идет к Новгороду, а грамоты посылает детям боярским и зовет их к себе служить, а иные дети боярские уже приехали к нему служить; и те грамоты привезли к великому князю за княжими печатями. И князь великий и мать его великая княгиня тотчас послали за боярами, да велели князю Никите князя объехать и спешить к Новгороду наперед князя Андрея; да велели город укреплять и наместникам о сих людях к крестному целованию привести. А приедет князь Андрей к Новгороду, и князю Никите, укрепясь с людьми да и наместниками, да против того Андрея стоять, сколько Бог поможет, и посада ему жечь не дать. А если будет, что князь Андрей людьми силен весьма, то князю Никите быть в городе, дела великого государя беречь со владыкою и наместниками заедино. А князю Ивану писали, велели с людьми собираться, за князем идти. А в ту пору дети боярские новгородских помещиков пошли на службу, велено им быть на Москву. А князь великий и его мать великая княгиня послали встречу по дорогам да на пятины к детям боярским, а велели им спешить за князем Иваном Овчиною. И князь Иван Овчина, собравшись со многими людьми, пошел за князем Андреем. А князь Андрей от Заецкого яма своротил влево к Русе; и князь Иван Овчина догнал князя Андрея в Тохולי, от Заецкого яма верст с 5. И князь Андрей с князем Иваном на бой стал, люди своих вооружил и пошел на князя Ивана; и князь Иван против князя людей уставил, и утвердил полки, и, взяв Бога на помощь, пошел против князя Андрея. И увидел князь Андрей великого князя полки, не захотел с великим князем бою поставить и начал с князем Иваном сообщениями обмениваться; а у князя Ивана начал правды просить, что его великому князю не взять и опалы на него великой не положить. А князю Ивану то от великого князя не наказано, что ему правду князю Андрею дать. И князь Иван, не обменявшись сообщениями с великим князем и его матерью великою княгинею, да князю Андрею дал правду и с князем Андреем вместе на Москву поехал. И князь великий и его мать великая княгиня на князя Ивана в том словесную опалу положили, что без их веленья князю Андрею правду дал. А князя Андрея велели взять, и в палату посадить, и тягость на него положить, а княгиню его да сына Владимира посадить в городе за приставами на Берсенева дворе. И на бояр его, на князь Федора Дмитриевича Пронского, да на князя Ивана Андреевича Пенинского-Оболенского, да на дворецкого на князя Юрия Андреевича

младшего Пенинского-Оболенского, да на конюшего на князя Бориса Ивановича Палецкого, да на князей прочих, и на детей боярских, на тех, которые у него в избе были и его думу ведали, на князя Юрия Андреевича старшего Пенинского-Оболенского, да на Ивана Умного сына Ивана Лобанова-Кольчева, да и на шурина княжьего на князя Ивана Андреевича Хованского, опалу свою положили, велели их пытать и казнить торговою казнью, да, оковав, велели в Наугольную стрельницу посадить. И боярина его князя Федора в той нужде не стало. А которые дети боярские великого князя помещики новгородские, что приезжали в ту пору к князю Андрею да и к Новгороду было с князем пошли, и тех детей боярских, Андрея сына Ивана Попкова да Гаврилу сына Владимира Кольчева с товарищами, 30 человек, велел князь великий бить кнутьями на Москве да казнить смертною казнью, вешать по Новгородской дороге не вместе, но до Новгорода порознь, чтоб всяк, сие видя, приводил себе во ум, как государям своим великим князям доброжелательствовать и верно без всякой хитрости служить подобает.

7046 (1538). Апреля в 3 день в среду пятой недели поста святого во 2 час дня преставилась благоверного великого князя Василия Ивановича благоверная великая княгиня Елена, дочь князя Василия Львовича Глинского; а положена была в церкви Вознесения Господа нашего Иисуса Христа возле великой княгини Софии великого князя Иоанна Васильевича.

7047 (1539). Была вражда между боярами князя Василия да князя Ивана Васильевичей Шуйских с князем Иваном Федоровичем Бельским. И в той их брани повелели Шуйские и иные бояре убить великого князя дьяка Федора Мишурика. В тот же месяц преставился князь Василий Васильевич Шуйский. Той же зимой в феврале сведен с митрополии Даниил митрополит боярином князем Иваном Васильевичем Шуйским с его советниками. Той же зимой избран был на митрополию Сергиева монастыря игумен Иоасаф Скрипицын, а поставлен и завершен февраля 6 в четверток Мясопустной недели.

7048 (1540). В январе принесены были от Ржева на Москву две иконы чудотворные: образ пречистой Одигитрии, а другая икона крест честный. И встретили чудотворные иконы с крестами преосвященный Иоасаф митрополит со всем священным собором, и князь великий Иоанн Васильевич всея Руси с братом своим с князем Юрием, и с боярами, и со всем народом близ Нового монастыря митрополитова. И повелел князь великий на том месте храм поставить во имя пречистой Богородицы.

7049 (1541). *О приходе крымского царя Сафа-Гирея на Русскую землю к Оке реке на берег.* В мае прислали к великому князю из Казани в головах Булат князь и вся земля Казанская пять

татар, Чабыкея с товарищами, с тем, чтобы им государь князь великий вины отдал, а послал бы к ним воевод своих с людьми: «А мы тем великому князю послужим, царя убьем или возьмем да воеводам дадим; а от царя ныне казанским людям весьма тяжело, у многих князей ясаки поотнимал да крымцам поотдавал; а земским людям великая продажа, копит казну да в Крым посылает». И князь великий послал с тем к Булату и ко всей земле, что их пожаловал, вины отдал, а воевод своих с людьми к ним посылает. А казанского дела ради отпустил боярина и воеводу своего князя Ивана Васильевича Шуйского и иных воевод, многих людей дворовых и городовых 17-ти городов; а велел воеводам стоять во Владимире, а в Казань обсылаться. А Сафа-Гирей, царь крымский, в то время с великим князем мирен был: посол великого князя князь Александр Васильевич Кашин в Крыму, а царев посол Сафа-Гиреев Тагалдый князь у великого князя на Москве. А князь великий Иван Сафа-Гиреев обычай ведал, что Сафа-Гирей царь слова не держит, в своей правде крепко не стоит, хотя с великим князем в дружбе, и князь великий его берегся, как недруга, держал воевод на Коломне со многими людьми.

И в то время прибежали к великому князю из Крыма два полоняника, Якимко, человек Ивана Любочанинова, с товарищем, и сказали великому князю, что приехал перед ними с Москвы в Крым царев человек Азивергат и сказал царю, что князь великий воевод своих со многими людьми послал к Казани, и перед ним пошли; а царь забыл свои правды, начал снаряжаться на Русь со своим сыном царевичем с Мен-Гиреем, и всю орду свою повел, а оставил в Орде старых да малых; да с царем же князь Семен Бельский и многих орд люди, турецкого царя люди, и с пушками и с пищальями, да из Ногаев Бакий князь со многими людьми, да кафимцы, и астраханцы, и азовцы, и белгородцы; идет на Русь со многою похвальбою, желая уничтожить христианство; и повелел кликать в Орде: которые люди с ним не успеют выйти, и те бы его доезжали в Кламкилмине городке; тут царь будет дожидаться людей. И князь великий по тем вестям послал в Путимль к наместнику своему Федору Плещееву к Очину и велел ему послать станицу (казачий отряд) на Поле поперек дорог. И Федор послал Гаврила Толмача, и Гаврило, приехав с Поля, сказал великому князю, что нашел на Поле колеи великие: шли многие люди к Руси, тысяч с 100 и более. И князь великий по тем вестям отпустил от себя с Москвы боярина и воеводу своего князя Дмитрия Федоровича Бельского и велел князю Дмитрию и всем воеводам своим с Коломны выехать и стать со всеми людьми у Оки реки по берегу, по тем местам, где наперед того воеводы стояли против царей на берегу. А царевича Шигалея шибанского да боярина своего князя Юрия Михайловича Булгакова князь великий отпус-

тил с Москвы, а с ними послал двора своего многих людей и велел царевичу и князю Юрию стоять на Пахре; а во Владимир послал к боярину своему и воеводе к князю Ивану Васильевичу Шуйскому с товарищами, велел им стоять во Владимире; да туда ж идти из Мещеры к хану Шигалею с князьями и мурзами и со всеми людьми, да с Костромы воеводе своему князю Федору Ивановичу Шуйскому с товарищами со всеми людьми с ханом их Олеем сниматься. И в том же июле приехал к великому князю с Поля станичник Алексей Кутуков, сказал великому князю, что видел на сей стороне Дону пешком бредущими многих людей, шли весь день полки, а конца им не дождался. И с тою вестью послал князь великий на берег к князю Дмитрию Федоровичу Бельскому с товарищами и велел разослать за воеводами на Рязань, и на Угру, и в Серпухов, и по всей украине, чтобы тотчас с ним снимались.

Июля в 28 день пришел хан крымский к городу Зарайску, и татары многие к городу приступали, а воевода градский Назар Глебов с горожанами при посадах с татарами бился и татар многих побил; а девять татар живых взял и к великому князю послал. И те татары сказали великому князю, что пришел сам крымский хан Сафа-Гирей да с ним сын его султан Мен-Гирей, и вся Крымская орда, да князь Семен Бельский, да из Ногаев Бакий князь со многими людьми, да турецкого султана люди с пушками и пищалями, и иных орд и земель и многие прибывшие люди. И князь великий с теми вестями послал к воеводам на берег, а к Шигалею и князю Юрию Булгакову с Пахры велел идти на берег же с воеводами сниматься; да от себя отпустил на Пахру воеводу своего князя Василия Михайловича Щенятева да Ивана Ивановича, конюшего своего, а с ними двора своего многих людей, и велел им стоять на Пахре.

И начали бояре говорить: «Наперед того за грехи наши ханы под городом Москвою стаивали, а великие князи в городе не сиживали». А иные бояре сказали: «Коли за грехи ханы под Москвою бывало стояли, тогда государи наши были не малые дети, истому великую могли поднять, и собою промыслить, и земле пособлять; а когда Едигей приходил и под Москвою стоял, и князь великий, Василий Дмитриевич тогда в городе оставил князя Владимира Андреевича да братию свою родную, князя Андрея да князя Петра Дмитриевичей, а сам князь великий отъехал на Кострому; и Едигей послал за ним погонею сына своего, а с ним многих людей, и едва великого князя Бог помиловал, что в руки татарам не попал. А ныне государь наш князь великий мал, а брат его того меньше, быстрой езды истомы никоторый не может поднять, а с малыми детьми как скоро ездить?». Митрополит же сказал: «А в которые города в приходы татарские государи наши отступали, на Кострому и в иные города, и те города за грехи наши и нынче

не мирны с Казанью; а в Новгород и Псков государи наши не отступали из-за Литовского рубежа и Немецкого. А чудотворцев и Москву на кого оставить? Великие князи из Москвы уезжали, а в городе братью свою оставляли; князь великий Дмитрий из Москвы уезжал, а брата своего и крепких воевод не оставил; и над Москвою какво стало? Господи, от таковой беды защиты и помилуй. А съезжали великие князи с Москвы, чтобы, собравшись с людьми к Москве, пособлять иным городам; а у великого князя и нынче во Владимире многие люди, царь Шигалей, а с ним орда Городецкая вся, да боярин и воевода князь Иван Васильевич Шуйский и иные воеводы со многими людьми, которые стоят казанского ради дела; да с Костромы и Пахры велел князь великий воеводам со царем же сниматься; тогда с царем и с воеводами будут многие люди у Бога просить милости, а есть нам великого князя дело беречь и Москве пособлять. А с малыми государями, не умыслив места, как ими промышлять? Положиться в отношении великого князя на Бога, и на пречистую его Богоматерь, и на чудотворцев Петра, Алексия, а те о Русской земле и о наших государях попечение имеют; а отец его князь великий Василий тем чудотворцам Петру и Алексию сына своего великого князя Иоанна на руки давал». И бояре сошлись все на одну речь, что с малыми государями вскоре лихо промышлять, быть великому князю в городе.

И князь великий услышав речи у отца своего Иоасафа митрополита и у бояр, призвал к себе приказчиков городских и велел запасы городские запасты, пушки и пищали по местам ставить, и по воротам, и по стрельницам, и по стенам людей расписать, и в посаде по улицам надолбы делать. Люди же градские с великим радением начали прилежно делать, а между собою завещали за святую церковь, и за государя великого князя, и за свои дома крепко стоять и головы свои класть.

К великому же князю вестников скорых присылали, что царь туры готовит, хочет лезть за реку. Князь же великий вскоре послал к князю Дмитрию Федоровичу Бельскому и ко всем воеводам дьяка своего Ивана сына Федора Курицына, чтоб за православное христианство крепко пострадали, а розни бы между ними не было, послужили бы великому князю заедино все, поберегли бы того накрепко, чтобы царю берега не дать, чтобы, Бог дал, царь за реку не перелез, «а как перелезет царь за реку, и вы б за святую церковь и за христианство крепко пострадали, со царем дело делали, сколько вам Бог поможет, а я не только вас рад жаловать, но и детей ваших; а которого из вас Бог возьмет, я велю того в книги животные (поминальные) написать, а жен и детей жаловать».

Воеводы же прочли грамоты великого князя, начали со слезами благий совет советовать: «Писал к нам государь наш князь

великий Иоанн, чтобы между нами розни не было, а нам бы ему послужить и за крестьянство пострадать. Мы же, братия, укрепимся любовью и помянем жалование отца его князя Василия; а государя нашего великого князя Иоанна не было же еще, когда пришло время самому вооружиться и против стоять царей, будучи не совершен еще годами; послужим государю малому, а от великого честь примем, а после нас и дети наши; пострадаем за государя и за веру христианскую. А если по хотению нашему Бог совершит, мы не только здесь славу получим, но и в дальних странах; а не бессмертны мы, смертные, а кому случится за веру и за государя до смерти пострадать, тот у Бога незабвенно будет, а детям нашим от государя воздаяние будет». А которым воеводам меж себя и был раскол, и начали со смирением и со слезами прощать, и о Христе целование подавать, и совокупились любовью все единомышленно страдать за государя и за христианство. И начали князь Дмитрий и воеводы князям, и детям боярским двора великого князя, и всему войску великого князя приказ говорить, чтобы великому князю послужить, за христианство крепко пострадать, «а государь вас хочет жаловать и детей ваших великим жалованием». Князи же и дети боярские, двор великого князя, и все войско, как одними устами говорили: «Слышали мы, господин, ваш благ совет, что вы советовали государю заедино служить и за христианство страдать; и вы, господин, и в нас положили великое хотение своим совокуплением, рады мы государю служить и за христианство головы свои сложить; а готовы мы, вооруженны, хотим с татарами смертную чашу пить».

Воеводы же, слышав от войска великого князя, что хотят государю крепко служить и за православную веру головы свои сложить, обрадовались радостью великою и обрели слова их, как некое сокровище. И пошли воеводы каждый своим полком: в большем полку бояре и воеводы князь Дмитрий Федорович Бельский, да князь Иван Васильевич Шуйский, да князь Михаил Иванович Кубенский; а с Пахры пришли царевич Шигалей шибанский, дворянин и воевода князь Юрия Михайлович Булгаков. И велел князь великий царевичу и князю Юрию Михайловичу быть в большем же полку; а в передовом полку князь Иван Иванович Турунтай-Пронский да князь Василий Федорович Охлябинин ярославский; а на правой руке князь Иван Васильевич Шемяка-Пронский да Семен Васильевич Беззубцев; а на левой руке князь Иван Михайлович Троекуров ярославский да князь Василий Семенович Мезецкий; а в сторожевом полку князь Юрия Иванович Темкин-Ростовский да князь Василий Васильевич Ушатый ярославский.

Царь же Сафа-Гирей пришел к Оке реке на берег июля в 30 день в субботу на 3-м часу дня и стал на горе на высоком месте. Татары же многие пришли на берег и с турами и хотели лезть за

реку. Воеводы же великого князя поспешили против царя, и наперед пришел на берег с передовым полком князь Иван Иванович Турунтай-Пронский да князь Василий Охлябинин и начали с татарами стреляться. Татары же, увидев передовой полк, ожидали, что это все люди пришли, наскоро на берег пошли многими людьми, в реку побрели и на туры начали садиться, а передовой полк начал стрелять многими стрелами, и полетели стрелы, как дождь. Царь же повелел из пушек бить, из пищалей стрелять, и велел отбивать людей от берега, и начали за реку лезть. И узрел же царь, что идут большие полки, да и правая рука, да и левая; и начал царь видеть и удивляться, что идут люди многие, и выстроив полки красиво; видит, а люди украшены и в доспехах, каждый во своем полку; и пришли против царя, и начали ставиться и людей выстраивать. И узрел царь, что идут сторожевые полки, многие же люди; и призвал царь князя Семена Бельского и князей своих: «Сказали мне вы, что великого князя люди к Казани пошли, а мне и встречи не будет, а мне столько много людей и нарядных, ни кутазников, ни аргамачников не случалось видать в одном месте; да и старые мои татары, которые на многих делах бывали, то ж сказывают, что столько многих людей нарядных в одном месте нигде не видали». И начал на князя на Семена и на князей своих опалу возводить. А люди великого князя еще не все пришли на берег против царя: с Угры воеводы князь Роман Иванович Одоевский да Иван Петрович со многими людьми еще не пришли на берег. Господь же Бог молением матери своей пречистой Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексия послал милость свою на войско великого князя, отошел страх от сердец их, вооружились храбростью, как на брак званые, желая биться с татарами. И пришли на берег из всех полков немногие люди на помощь к передовому полку, и отбили татар от берега, и начали поносить татар и берега просить. Царь их видел и подивился русских сынов храбрости; и пришел ужас на него, и пал страх в сердце его, и захотел бежать тотчас. Князи же удержали его, он же отошел в станы свои в великом размышлении. И ночью той пришел великого князя большой наряд; и повелели воеводы пускать пушки большие, пищали, к утру готовить. И слышал царь, что подвозят пушки большие, и в тот же день их не было, и пришел великий страх на него, тотчас от берега побежал. Пришел на берег в субботу на третьем часу дня, а побежал в воскресенье рано, на память святого праведного Евдокима, канун Спасова дня. Пришел же на Русскую землю с великою похвалою, как лев, желая восхитить Христово стадо словесных овец, превозносясь гордостью, уподобившись прежним эллинским царям, что богами себя называли, а во ад сходили. Сие же опасный царь Сафа-Гирей прислал к великому князю с великим возношением: «Приду на

тебя, и стану под Москвою в твоём селе Воробьево, и распушу войско своё, и пленю землю твою». А не ведал того, что Господня рука свыше есть. О великое Божие милосердие, пришел с таковою великою похвалою, а побегал в великом устрашении, что не мог и на коне сидеть, и повезли его в телеге; многие же телеги посекали, а иные телеги с запасом бросили.

Воеводы же великого князя, видев, что царь от берега побегал, и с тою вестью послали к великому князю князя Ивана сына князя Александра Кашина; а за царем послали Илью Левина с товарищами. Илья же отослал к воеводам, что царь пошел тою же дорогою, которою в землю шел; а сам пошел за царем царевою колеєю. Воеводы же начали советовать всеми людьми за реку послать, за царем пойти; тогда обычай в ратях держали, что всеми людьми за полоном не ходят; и отпустили за царем воевод князя Семена Ивановича Микулинского да князя Василия Семеновича Оболенского-Серебряного, а с ними многих людей, выбрав из всех полков, дворовых и городских. А рязанских воевод князя Михаила Андреевича Трубецкого с товарищами, со всеми людьми, которые с ними пришли, отпустили к Рязани. Воеводы же великого князя, идучи за царем, оставших многих татар побили; а иных живых татар взяли, да к старшим воеводам к князю Дмитрию Федоровичу Бельскому с товарищами отослали. И те языки воеводам сказывали, что царь говорил своим князьям, что получил великое бесчестье, привел с собою многие орды людей, а Русской земле не учинил ничего. Князи же начали воспоминать Темир-Аксака: так же на Русь приходил со многими людьми, а желаемого не получил; и сказали ему старые татары, что в том приходе Темир-Аксак град Елец взял. И царь князьям говорил: «Есть у великого князя град на Поле, именем Пронск, близко от пути нашего лежит, и мы его, придя, возьмем и сотворим ему, как и Ельцу, да не скажут люди, что царь приходил на Русскую землю, а Руси не учинил ничего». И пошел царь со всеми силами и с нарядом к Прони, а несомненно будет брать Пронск. Князь же Дмитрий и все воеводы послали еще воевод за царем, князя Юрия Андреевича Оболенского-Пенинского да князя Василия Семеновича Мезецкого, а с ними послали многих людей; и повелели им совокупиться всем вместе с рязанскими воеводами да идти за царем вместе, и дела великого князя беречь, и Пронску пособлять.

Царь же Сафа-Гирей пришел к Прони августа в 5 день, и сам стал за рекою за Пронею близко города, а войску велел приступать к граду с пушками, и пищальями, и градобитными нарядами. А во граде в ту пору был великого князя воевода не со многими людьми Василий Жулебин, правнук Остеев, из рода Свибла, а другой Александр Кобаков, из рязанских бояр. Татары же приступили всеми полками к городу, из пушек и из пищалей начали

по городу бить, и стрелы их, как дождь, полетели. И к стенам града приблизились, с града же против начали пушки и пищали на татар стрелять; а которые татары к стене приступили, и тех с города кольями и камнями отбивали. Татары же весь день к граду приступали, с горожанами бились; и много татар из пушек и пищалей с города побито было. Князи же и мурзы, приезжая к граду, Василию говорили, чтобы город сдал, и царь им милость покажет; а не взявши города, царь прочь не пойдет. Василий же отвечал: «Божиим велением град ставится; а без Божия веления кто может град взять? Подождал бы царь малость великого князя воевод, а великого князя воеводы за ним идут». Татары же отступили в свои станы; царь же велел всем людям туры делать, и градобитные приступы готовить, и хочет со всеми людьми со всех сторон к граду приступать. Василий же и Александр всеми людьми и женским пола тоже город укрепляли и народу велел колья, и камни, и воду носить. И в то время приехали от воевод, от князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, дети боярские Андрей сын Василия Овцын да Иван сын Семена Нащокин-Ветреново с товарищами, семь человек, с вестью, чтобы сидели во граде крепко, «а мы идем к городу наспех со многими людьми и хотим с царем дело делать, сколько нам Бог поможет». И была во граде радость великая. И в то время городской человек попал в руки царевым сторожам и сказал царю, что в городе радость, приехали от воевод дети боярские с вестью, что воеводы идут наспех со всеми людьми и хотят с царем дело делать, сколько им Бог поможет. И сторожи царевы сказали, что тех людей и сами видели, когда те в город ехали. И царь приступ отложил, а туры и наряд велел пожечь, а сам пошел прочь от города в субботу, на Преображения день. Воеводы же великого князя пришли к городу, а царь по вестям пошел от города прочь со всеми людьми. И воеводы пошли за царем тотчас, пришли к Дону, а царь уже через Дон переправился; и воеводы за царем отпустили немногих людей, а сами возвратились, и пришли к великому князю на Москву все здоровы. А в то время государь рать свою нарядил многую к Казани, которые люди были во Владимире и в Муроме, и не поспели.

7050 (1542). Сентября в 12 день пришли к великому князю на Москву послы ногайские от Кошум мурзы, Асан-Суфа богатырь с товарищами, и били челом великому князю, чтобы князь великий был с ними в крепкой дружбе. И велел их князь великий поставить за рекою Москвою на Ногайском дворе и велел им торговать; и как исторговались, князь великий ногайских послов отпустил к их государям. А с ними вместе послал князь великий казаков своих к Кошум мурзе и Козарь мурзе; а писал князь великий к мурзам во грамотах, чтобы дружили прямо.

Того ж месяца 22 в четверток выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси к живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцевой Сергиевой памяти помолиться, а с ним брат его Юрий Васильевич да множество бояр, и слушав всенощную и заутреню, и молебны, и литургию, и учредив игумена и братию милостынею, на Москву приехал того ж месяца 29 в четверток. Той же осенью ноября в 7 день пришли послы к великому князю на Москву ногайские от Ших-Мамаю князя, да от Кошум мурзы, да Исмаил мурзы и от иных мурз Мурат князь с товарищами с грамотами. А писал князь и мурзы в грамотах, чтобы князь великий жаловал и держал их с собою вместе в дружбе. И князь великий обещал их в дружбе держать с собою, да и отпустил их к их государям; а с ними вместе послал князь великий к Ших-Мамаю князю и к мурзам своих казаков Рязана Баимова с товарищами с грамотами. Той же весною месяца мая 25 дня в четверток седьмой недели после Пасхи выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси к живоначальной Троице в Сергиев монастырь помолиться, а с ним брат его князь Юрий Васильевич да князь Владимир Андреевич и многие бояре и князи; а на Москву приехал того ж месяца в 31 день.

О поставлении новгородского архиепископа. В том же году июня в 10 день в неделю вторую Петрова поста поставлен Макарием митрополитом архиепископ Феодосий Великому Новгороду и Пскову, игумен с Хутыни монастыря Великого ж Новгорода. То ж месяца в 27 день послал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси послов своих в Литву к королю Сигизмунду, боярина своего Василия Григорьевича Морозова, дворецкого угличского и калужского Федора Семеновича Воронцова да дьяка Постника Губина, с грамотами перемирными, на которых королю и королевичу крест целовать и печать свою им к тем грамотам приложить. Того ж месяца в 26 день приехал великого князя посланник из Казани от Сафа-Гирея царя Истома Мартынов; а с ним вместе царь прислал к великому князю своего человека Исенкилдия с грамотою, а писал царь в грамоте о мире.

В тот же год оставил епископию Вассиан коломенский. В тот же год июля 2 дня в воскресенье поставлен Макарием митрополитом епископом на Коломну Феодосий, архимандрит от Спаса Нового с Москвы. Того ж месяца в 8 день пришел великого князя посланник из Астрахани Федор Невежин и сказал великому князю, что идет служить к великому государю царевич астраханский Идегер, а остался у Шигалея царя в Касимове. Да с Федором же вместе пришел к великому князю астраханский посол от Абдыл-Рахмана царя Ишим-князь с товарищами о крепкой дружбе.

Пожаловал князь великий князя Владимира. Той же зимой декабря 25 в воскресенье на Христово рождество пожаловал

князь великий Иоанн Васильевич, государь всея Руси, по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и бояр своих князя Владимира Андреевича и его мать княгиню Евфросинию, пред очами своими дал им предстать, да и вотчину ему отца его отдал, и велел у него быть боярам иным, и дворецкому, и детям боярским дворовым, не отцовским.

О взятии князя Ивана Бельского. Той же зимой января 2 взят был великого князя боярин князь Иван Федорович Бельский без великого князя ведома, советом боярским Кубанских да Палецкого и иных того ради, что его государь князь великий у себя в приближении держал и в первосоветниках, да митрополита Иоасафа. И бояре за то вознегодовали на князя Ивана и на митрополита и начали зло советоваться со своими советниками, а с князем Иваном Васильевичем Шуйским пересылаться во Владимир. А князь Иван Шуйский тогда во Владимир послан стоять ради бережения от казанских людей; и князь Иван Шуйский во Владимире многих детей боярских к целованию привел, что им быть в их вере. И срок бояре учинили князю Ивану Шуйскому и его советникам быть на Москве из Владимира января 3 в понедельник; а в ночи той, с воскресенья на понедельник, по совету своих единомышленников взяли князя Ивана Бельского на его дворе и посадили его на казенном дворе до утра; а князь Иван Шуйский той же ночью примчался из Владимира; и на следующий день в понедельник сослали Ивана Бельского на Белоозеро в заточение. А советников князя Ивана Бельского, взяв, разослали по городам: князя Петра Михайловича Щенятева в Ярославль, а Ивана Хабарова во Тверь. А митрополиту Иоасафу начали бесчестье и срамоту великую чинить. Иоасаф митрополит не мог того терпеть, сошел со своего двора на Троицкое подворье, и бояре послали детей боярских городовых на Троицкое подворье с неподобными речами. И с великим срамом поносили его и едва его не убили, едва у них умолил игумен троицкий Алексей Сергием чудотворцем от убийства. И был мятеж великий в то время на Москве, и государя в страхование повергли, митрополита сослали в Кириллов монастырь. И послали бояре на Белоозеро князя Ивана Бельского убить в тюрьме Петрока Ярцова сына Зайцева, да Митьку Клобукова, да Ивашка Елизарова сына Сергиева. Они ж, поехав тайно, без великого князя ведома боярским самовольством князя Ивана Бельского убили.

О литовских послах. Той же зимой марта в 1 день в среду пришли послы литовские к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси на Москву от короля Сигизмунда пан Ян Юрьевич Глебова воевода полоцкий, да пан Никодим Янович Тихоновский, да писарь Николай сын Николая Андриюшева, и взяли с великим князем перемирие на 7 лет, от Благовещения дня лета 7050

до Благовещения дня лета 7057. И почтил князь великий послов литовских, и отпустил марта 23.

В тот же месяц прислала к великому князю на Москву Когоршед царевна грамоту с Пуховым человеком Тетерина с Лучкою, а писала в грамоте, чтобы князь великий со царем похотел миру; а Булат князь послал грамоту с тем же человеком к боярину князю Дмитрию Федоровичу Бельскому и ко всем боярам, чтобы великому князю говорили о мире с Казанью. Того ж месяца в 9 день в четверток приехал к великому князю на Москву богомолец его архиепископ Макарий великого Новгорода и Пскова.

О поставлении Макария на митрополию. По благодати Святого Духа избранием святительским, изволением великого князя Иоанна Васильевича всея Руси наречен на митрополию Макарий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова; марта 16 в четверток четвертой недели святого поста возведен на двор митрополитов и поставлен на высокий престол первосвятительства Великой России на митрополию того ж месяца в 19 день в неделю четвертую святого поста. А на поставлении его были архиепископ Досифей ростовский, суздальский Ферапонт и смоленский Гурий, Иона рязанский, Иоанникий тверской, Севастиан коломенский, Досифей сарский, Алексей вологодский.

В тот же месяц приходил Имин-Гирей со многими людьми на Сиверские места к Путимлю, и Стародубу, и Новгороду Северскому; и воеводы великого князя языков у них взяли и на Москву прислали 20 татарин, а иных побили; а они, повоевав Северу, прочь пошли. Того ж месяца 14 отпустил князь великий в Казань Сафа-Гирея царя человека Исенкилдея, а с ним вместе послал к царю в Казань своего человека с грамотою Никиту Чуватова; а писал князь великий в грамоте, что хочет с царем помириться, и царь бы прислал своих больших послов, добрых людей. Того ж месяца 15 отпустил князь великий своего богомольца архиепископа Феодосия в свою вотчину в Великий Новгород. Того же месяца 16 приехал к великому князю служить Идигер царевич, и князь великий пожаловал царевича, принял его к себе в службу. Того ж месяца в 24 день пришел из Крыма великого князя посол князь Александр Васильевич Кашин, а привез от Саип-Гирея царя к великому князю грамоту шертную; а с ним вместе царь прислал своих людей с грамотами, Гамача с товарищами, а писал царь в грамотах о братстве и крепкой дружбе. В тот же год августа 12 отпустил князь великий астраханских послов Ишима с товарищами, а с ними вместе послал князь великий к Абдыл-Рахману царю в Астрахань своих казаков Итаиша с товарищами с грамотами; а писал князь великий в грамотах, хочет с ним иметь крепкую дружбу. В тот же месяц преставился архиепископ ростовский Досифей и положен в Ростове.

О царских татарах. Того же месяца в 16 день приходили на Рязанские места многие люди крымские, Ишмахмет мурза, да Саталкул улун, да Сулеш мурза, да Битяк мурза Адрахманов и иные многие мурзы, и пришли к Миколе зарайскому. И великого князя воеводы князь Петр сын князя Даниила Пронского да князь Юрий сын князя Ивана Деева против крымских людей вышли, и с ними виделись, и языков у них взяли; и крымские люди от того дрогнули, пошли из великого князя украины вон, воевав Рязанские места. И воеводы великого князя по государскому велению за ними ходили до Дону, и дошли стражи до татарских стражей на Куликовом поле, и многих татарских стражей великого князя стражи побили, а иных переловили, а иные поутекали. И весть татарам от тех утеклцов учинилась, и крымские татары пошли спешно, и воеводы великого князя пошли до Мечи, а их не догнали, а оттуда возвратились и пришли к великому князю все, дал Бог, здравы.

7051 (1543). Сентября в 11 день отпустил князь великий в Крым царева человека Тамача, а с ним вместе послал к царю в Крым своего человека Федора Вокшерина с грамотою. Того же месяца 21 в четверток выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси с Москвы к живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцевой памяти помолиться, а с ним брат его Юрий Васильевич; и оттуда был в своих селах в Слободе, и в Олешне, и в Озерецком, а на Москву приехал октября 17 во вторник. Той же осенью октября 15 пришли послы великого князя Иоанна Васильевича всея Руси от Сигизмунда, короля польского, Василий Григорьевич Морозов, да Федор Семенович Воронцов, да дьяк Постник Губин с грамотою перемирною за королевскою печатью. Той же осенью ноября 3 посланник великого князя из Казани Никита Чуватов приехал, а с ним царь прислал своего человека Бараша с грамотою, а писал царь в грамоте о мире. И князь великий царева человека отпустил в Казань, а с ним вместе послал к царю своего человека Василия Сличарского с грамотою; а писал князь великий в грамоте, чтобы царь прислал своих послов добрых людей.

О волошских послах. Того ж месяца 8 дня пришли к великому князю на Москву послы волошские от воеводы Ивана Петра Степановича, Крестовладович Переколах, да Петр Калкович Логофит, да писарь Иван Степанов. Били челом послы великому государю от воеводы, чтобы его великий государь пожаловал, дал ему на вспоможение чтобы откупиться от турецкого султана, что его выгнал турецкий султан из его земли Молдавской, и воевода хотел ехать к великому государю на Москву, однако было ему невозможно ехать: турецкий и крымский его землю пленили, а с королем также ратен; и он в Угорскую землю, и из Угорской земли ходил к турецкому султану бить челом, чтобы ему отдал его государство Молдавскую землю, и султан турецкий пожаловал.

ему отдал две части Молдавской земли, а с третьей части взял у него султан откупа 3 000 000 золотых червлених, кроме дани, что ему давать отныне ежегодно; и великий бы государь пожаловал, помощь учинил, чем откупиться, да впредь бы его государь жаловал и берег.

О поездке великого князя в Боровск. Той же осенью декабря 8 дня в пяток выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси помолиться в Боровск, и в Можайск, и на Волок, а с ним брат его Юрий Васильевич да князь Владимир Андреевич и многие бояре; и на Москву приехал того же месяца 20 в среду.

Того же месяца 23 приехал великого князя татарин Тають Тасубин из Астрахани от царя с грамотою; а с ним вместе царь прислал своего человека Куслубек мурзу, а от калги царевича Калкаман с грамотами, а писали в грамотах, чтобы князь великий был с ними в дружбе. И князь великий астраханского посла Куйбулан князя с товарищами отпустил к их государем.

Той же зимой послал князь великий к королю Сигизмунду Якова сына Григория Захарова просить грамоты проездные на Семена Батюшкова, чрез его землю идти к воеводе волошскому и назад без зацепки, и послам волошским. Той же зимой февраля 11 князь великий послов волошских отпустил к их воеводе, а с ними вместе послал со своим жалованием к воеводе своего человека Семена сына Даниила Батюшкова, а велел князь великий Семену дожидаться Якова в Вязьме. И Яков из Литвы приехал, и грамоты от короля привез проездные чрез Литовскую землю в Волохию, и Семену Батюшкову дал в Вязьме. Того же месяца 25 в третью неделю святого поста поставлен Макарием, митрополитом всея Руси, архиепископом Ростову и Ярославлю Алексей, троицкий игумен Сергиева монастыря. Той же зимой марта 16 приехали к великому князю посланники его из Крыма от Саип-Гирея царя Федор Вокшеринов да Гаврило Тыртов; да с ними вместе прислал царь к великому князю своего человека Ак сеита с грамотою, а писал царь в грамоте о крепкой дружбе. И князь великий царева человека Ак сеита к царю отпустил, а с ними вместе послал князь великий к царю в Крым своего сына боярского Федора сына Ильи Челищева с грамотою, а писал в грамоте, что хочет с царем быть в дружбе. Той же зимой преставился епископ Ферापонт суздальский и положен в Суздале. Той же весною июня 6 сгорел град Стародуб весь от молнии, а посад Бог помиловал.

7052 (1544). Сентября в 9 день великого князя бояре взволновались между собою перед великим князем и перед митрополитом в столовой избе у великого князя на совете, князь Андрей Шуйский да Кубенские и их советники, поймали Федора сына Семена Воронцова за то, что его великий государь жалует и бережет, и били его по ланитам, и платье на нем ободрали, и хотели

его убить, и едва их митрополит умолил от убийства. Они же повели его с великого князя сеней с великим срамом, бия и пихая, на площадь, и отослали его за Неглинную на двор Ивана Зайцева, и послали его на службу на Кострому и с сыном его с Иваном.

Того ж месяца 16 в воскресенье выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси к живоначальной Троице в Сергиев монастырь помолиться к чудотворцевой памяти к Сергиевой, а с ним брат его князь Юрий Васильевич и бояре, а оттуда на Волок и Можайск; и на Москву приехал ноября в 30 в пяток. В тот же месяц доделали церковь Воскресения Христова на площади возле Иоанна святого, что под колокола, а заложена была повелением великого князя Василия Иоанновича всея Руси в год 7040-й. А церковный мастер начал делать и совершил без лестницы Петрак Малой фрязин; а лестницу и двери повелением благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича приделали у той же церкви Воскресения Христова в год 7060 мастера московские. И в 63-й год царь и митрополит в ту же церковь перенесли Рождество Христово от Мстиславского двора и собор установили. Той же осенью в ноябре были дожди великие и вода великая, и лед прошел, как в весне, и людям убытки многие учинились.

Той же зимой декабря 29 князь великий Иоанн Васильевич всея Руси не мог того терпеть, что бояре бесчиние и самовольство чинят, без великого князя веления, своим советом единомышленных своих советников, многие убийства сотворили своим хотением и многие неправды земле учинили из-за государя младости, и великий государь велел взять первосоветника их князь Андрея Шуйского, и велел его предать псарям; и псари взяли и убили его, волочив к тюрьмам, против ворот Ризположенных во граде, а советников его разослал; и от того времени начали бояре от государя страх иметь.

Той же зимой в феврале преставился епископ Крутицкий Досифей. Того же месяца 21 поставлен владыкой Макарием митрополитом всея Руси в Суздаль Иона Собин, архимандрит чудовский. Того ж месяца в 22 день в неделю Сыропустную поставлен Макарием митрополитом епископ на Крутицу Савва, архимандрит симоновский. Той же зимой марта 3-го в понедельник второй недели святого поста выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси в живоначальной Троицы в Калязине монастырь к чудотворцу Макарию, а с ним брат его князь Юрий и бояр множество; и молился князь великий, и удоволил игумена и братию милостынею и кормом довольно, и оттуда поехал на свою государскую потеху в Заболотье на медведей, а оттуда к живоначальной Троице в Сергиев монастырь; а на Москву приехал того ж месяца 18 во вторник.

7053 (1545). Декабря 16 положил князь великий опалу свою на князя Ивана Кубенского за то, что они великому государю не

доброжелательствовали, и его государству многие неправды чинили, и великое злодоество учинили и многие мятежи, и многих бояр без великого князя веления побили. И князь великий велел его, взяв, сослать в Переславль и посадить за стражу; и посадили его на князя Андрея угличского детей двор, где они сидели. И в тот же год в мае пожаловал князь великий князя Ивана, из-под стражи выпустил.

Того ж месяца декабря 30 приходил крымский царевич Имин-Гирей калга, Саип-Гиреев царев сын, со многими людьми крымскими внезапно на украинские места Белевские и Одоевские, и за грехи попленили многих людей. Той же зимой марта в 22 день прислал к великому князю король Сигизмунд-Август своего посланника Яна Комаевского, что отец его пожаловал всеми людьми своими государства, и он ныне на всех государствах отца своего государем себя учинил, и себя на государстве объявить и править хочет по перемирным грамотам, как отец его правил.

О Казанской войне, как началось от великого князя Иоанна. Начало Казанской войны от царя и великого князя Иоанна. Той же весною в апреле послал князь великий в большем полку воевод своих князя Семена Ивановича Пункова с товарищами, а в передовом полку Иван Васильевич Шереметьев, а в сторожевом полку князь Давид Палецкий, к Казани налегке в стругах; а с Вятки послал воевод своих к Казани же князя Василия Семеновича Серебряного с товарищами. И вятские воеводы сошлись с князем Семеном Пупковым на Казанском месте в воскресенье на Сошествие Святого Духа в один час, как из одного двора; а по дороге князь Василий, Вяткою и Камою, многих людей казанских побил. И воеводы великого князя князь Семен с товарищами, придя к городу Казани, людей казанских многих побили и кабаки царевы пожгли. А во Свягу реку посылали воеводы от себя детей боярских, и там Божиим милосердием также многих людей казанских побили, и Тевекелева сына княжьего Муртозу мурзу поймал с сыном его, а жену Муртозы и иных детей его побили. И Божиею милостию великого князя воеводы из Казанской земли со всеми пришли людьми здравы. И государь воевод и детей боярских жаловал великим своим жалованьем: кто о чем бил челом, тех всех по их челобитью жаловал; ибо и у самого благодарственное хотение было за православие страдать. И с того времени в Казани начали розни быть, царь начал на князей неверку держать: «вы де приво-дили великого князя воевод», и начал их убивать; и они поехали многие из Казани к великому князю, а иные по иным землям.

О поездке великого князя по монастырям. Той же весною мая 21 в четверток 7 недели после Пасхи приехал князь великий в Сергиев монастырь к празднику к живоначальной Троице молиться, а с ним брат его князь Юрий Васильевич да князь Влади-

мир Андреевич. И у праздника живоначальной Троицы слушал всенощную, и молебн, и заутреню, и божественную литургию, и вечерню, и в трапезе удоволил игумена и братию кормом и милостынею довольною. И от Троицы поехал по чудотворцам молиться в Переславль, и с Переславля отпустил братию свою к Москве, а сам поехал в Ростов, и в Ярославль, и на Белоозеро в Кириллов монастырь и в Ферапонтов монастырь, и на Вологду к Спасу на Прилуку, и в Корнилов, и в Павлов, и к Борису-Глебу на Устье. И во всех тех монастырях кормил и милостынею удоволил, и на Москву приехал месяца июня в 7 день.

О присылке казанской. В тот же год июля в 29 день прислал к великому князю из Казани Кадыш князь да Чура Нарыков сына боярского галичанина Ваську сына Давида Бортева с тем, чтобы государь послал к Казани рать, а они царя и крымцев 30 человек выдадут, которые у них с царем во граде. И князь великий послал к ним со своим жалованием, чтобы они царя поймали и держали, а князь великий к ним рать свою пошлет.

7054 (1546). Сентября в 3 день велел князь великий наказать Афанасия Бутурлина, урезали язык ему в тюрьме за его вину, за невежливые слова. Того ж месяца в 15 день во вторник выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси к живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцевой памяти помолиться, а с ним брат его князь Юрий Васильевич. И слушал князь великий всенощную, и заутреню, и молебны, и литургию, и учредив игумена и братию кормом и милостынею довольною, оттуда поехал князь великий с братом своим на свою потеху в Слободу. А из Слободы велел князь великий ехать брату своему князю Юрию Васильевичу в Можайск, а сам князь великий приехал на Москву октября 5 и положил опалу на бояр своих за их неправду, на князя Ивана Кубенского, и на князя Петра Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора Воронцова, и на князя Дмитрия Палецкого. И устроив свое дело, поехал с Москвы в Можайск того ж месяц октября в 9 день, а на Москву приехал князь великий ноября 14. Той же осенью в декабре ради отца своего Макария митрополита пожаловал князь великий бояр своих князя Ивана Кубенского, и князя Петра Шуйского, и князя Александра Горбатого, и Федора Воронцова, и князя Дмитрия Палецкого.

О поездке великого князя в Воры. Того ж месяца 27 выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси с Москвы на свою потеху царскую в Воры, а оттуда во Владимир. И во Владимире января в 17 дня приехал к великому князю из Казани от великого князя посла от Игнатия Яхонтова сын боярский Рудак Булатов сын Мордвинова с грамотою. А казанцы прислали к великому князю с тем же сыном боярским вместе своего человека Гаметшиха с грамотою, Беюрган сеит, и Кадыш князь, и Чура Нарыков.

И князь великий слушал грамоты посла своего Игнатия, и писал Игнатий в грамоте. «Казанцы Сафа-Гирея царя с Казани согнали и крымских людей многих побили». И князь великий казанскому посланнику Гомет шиху велел ехать к Москве с грамотою. И писали в грамоте казанцы, и сеит, уланы, и князи, и мурзы, и шихи, и шихзады, и долешманы, и казаки, и вся земля Казанская бьют челом государю, чтобы их пожаловал, гнев свой Казанской земле отложил, и пожаловал бы их, дал бы им на Казань царя Шигалея, и послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита, и уланов, и князей, и всю землю Казанскую к правде. И князь великий послал в Казань к сеиту Беюргану, и Кадышу, и к Чуре, и всей земле Казанской Остафия Андреева со своим жалованным словом и к правде их привести. Да с Остафием вместе отпустил князь великий и казанского посланника Гамет шиха с грамотою, а писал им в грамоте свое жалование.

О посадении Шигалея на Казань. Той же зимой марта 15 Остафий Андреев из Казани приехал, а с Остафием вместе прислали к великому князю сеит, и уланы, и князи, и вся земля Казанская своих послов Уразлыя князя да Андричей афыза бить челом, чтобы государь пожаловал, отпустил к ним Шигалея царя, не мешкая. А Остафий Андреев сказал великому князю, что в Казани сеит, и уланы, и князи, и мурзы, и вся земля Казанская великому князю правду учинили, что им от великого князя и от Шигалея царя неотступным быть и до своих животов. Той же зимой апреля 7 князь великий Шигалея царя на Казань отпустил, а с ним вместе послал посадить его на царство боярина своего князя Дмитрия Федоровича Бельского, да боярина князя Дмитрия Федоровича Палецкого, да дьяка Постника Губина. И боярин князь Дмитрий Федорович Бельский с товарищами царя на царство посадили июля 13 в неделю святой живоначальной Троицы, и приехали к великому князю на Коломну; князь великий тогда был на Коломне. А царь Шигалей прислал от себя бить челом на царстве великому князю Чапкина мурзу, Игнатия Яхонтова с товарищами к великому князю отпустил и больших послов прислал Алабердея улана, да Тевекеля князя, да бакшея Агиш моллазаду, а гонцом был Чепкун мурза Отучев. И после великого князя бояр пришла весть в Казань к Шигалею царю, что привели казанцы Сафа-Гирея царя на Каму, а великому князю и Шигалею изменили, и Шигалей царь с Казани сбежал. И когда весть пришла к государю, что казанцы изменили, а Шигалей с Казани бежал, а того неведомо, на которые места, и государь послал царя встречать на Поле Льва Андреевича Салтыкова, а с ним детей боярских и татар, а на Вятку Алексея Даниловича Басманова. И Лев царя на Поле встретил, а царь Шигалей с Казани сбежал на Низ Волгою в судах, а на Волге взял коней у городецких татар, и послал к вели-

кому князю своего боярина с грамотою. А писал в грамоте, что казанцы изменили великому князю, на Казань взяли Сафа-Гирея царя, а его хотели выдать Сафа-Гирею царю, и он у них из Казани ушел, а шел через Поле в Городок, и пришел на Украину августа 15 дня, дал Бог, здоров; а на Казани сидел он месяц.

О поездке великого князя на Коломну. Той же весною пришли вести к великому князю из Крыма, что быть крымскому царю на Коломну. И князь Иоанн Васильевич всея Руси пошел на Коломну мая 6 в четверток второй недели после Пасхи, сначала к Николе на Угрешу помолиться в судах, а от Николы с Угрешы пошел на Коломну в судах же, и стоял на Коломне до августа месяца. А крымский царь уведен про великого князя на Коломне и не пошел. И в тот же год на Коломне по диаволову действию оклеветал ложными словами великого князя бояр Василий сын Григория Захаров-Гнилеев великому князю. И князь великий с великой младости положил на них гнев свой и опалу по его словам, потому что он был тогда у великого князя в приближении Василий, и по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимали во многих государских и земских делах. И велел казнить князь великий князя Ивана Кубенского, Федора Воронцова, Василия сына Михаила Воронцова же, и отсекали им головы июля 21 в субботу. А Ивана сына Петра Федорова велел взять и сослать на Белоозеро и велел его посадить на Белоозере под стражу; а Ивана сына Михаила Воронцова велел взять же. В тот же год на Коломну к великому князю пришел посол его из Казани Игнатий Яхонтов с товарищами; а на Москву князь великий приехал с Коломны августа 18 в среду.

7055. (1547). *О поездке великого князя в Великий Новгород.* Сентября 15 в среду выехал князь великий Иоанн Васильевич всея Руси с Москвы к живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцевой памяти. И слушал всенощную, и заутреню, и молебн, и литургию, и учредив братию милостынею и кормом довольно, и оттуда поехал по своим селам, в Воробьево и в Починки и в Можайск к Николе помолиться, и по монастырям поехал молиться на Волок, и во Ржев, и во Тверь, и в Новгород Великий, и во Псков, и в Печерский монастырь, и, назад идучи, во Пскове, и в Новгороде, и у Пречистой на Тихвине. А на Москву приехал декабря 12 в воскресенье. Той же осенью сентября 20 приехали из Казани к великому князю князи казанские служить Кулуш князь Тереул, Бурнаш да Чурины братья Нарыкова, 76 человек. А иных царь в Казани побил, Чуру князя Нарыкова, Баубека князя, Кадыще князя и иных многих побил и стал владеть Казанью с крымскими князьями. Той же осенью декабря 6 прислали к великому князю бить челом горная черемиса Тугай с товарищами двумя черемисами, чтобы государь пожаловал, послал

рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят. Той же осенью послал князь великий князя Александра Борисова Горбатого и иных своих воевод Казанские места воевать по горных людей челобитью. И великого князя воеводы ходили до Свижского устья, и Казанские места многие повоевали, и привели к Москве 100 человек черемисы.

О венчании великого князя Иоанна Васильевича всея Руси царем на царство. Той же зимой января 16 дня в воскресенье венчан был на царство Русское благоверный и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси преосвященным Макарием, митрополитом всея Руси, и архиепископами, и епископами, и архимандритами, и всем священным собором русской митрополии. Венчание же на царство великого князя Иоанна Васильевича было таково. Поставили на налое животворящий крест на блюде золотом, и венец, и бармы царя Константина Мономаха, которыми венчан был князь великий Владимир Мономах на царство Русское. Когда же вошел князь великий Иоанн Васильевич всея Руси в соборную церковь, и митрополит со всем священным собором начали молебен кресту святому. После «Достойна», и «Трисвятаго», и после тропарей повелел митрополит принести к себе животворящий крест двум архимандритом, спасскому и симоновскому. И митрополит снял животворящий крест со блюда золотого, да положил на великого князя Иоанна Васильевича, и сказал молитву сию во услышание всем:

Молитва. «Господи Боже наш, царствующим царь и Господь господствующим, который Самуилом пророком избрал раба своего Давида и помазал того в цари над людьми израильскими, и ныне услышь молитву нашу недостойных, и виждь от святого жилища твоего благоверного раба твоего и великого князя Иоанна Васильевича, которого благословил ты воздвигнуться царем в народе твоём, который стяжал ты честною кровью едиnorodного сына, помазать сподоби елеем помазания возрадования, огради его силою животворящего твоего креста, положил на голову его венец от камня честного, даруй, Господи, ему долготу дней, дай же в десницу его скипетр царствия, посади его на престоле правды, огради его всеоружеством Святого Духа, утверди его могущество, покори ему все варварские народы и всади в сердце его страх твой, что к послушанию молитвенное око, соблюди его в непорочной вере, покажи его опасным хранителем святой твоей соборной церкви веления его, да судит людям твоим правдою, и нищих твоих судом спасет сынов убогих, и наследник будет небесного твоего царствия». Возглас: «Ибо твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь». Затем взяв драгоценный ковчег сердоликовый с елеем святым и сучец золотой, украшенный камнями драгоцен-

ными, приступил к царю и говорил: «Государь царь и великий князь, как в древности Господь послал Самуила пророка помазать на царство раба своего Давида, так я ныне поставлен от Бога помазать ему верного раба его, да будет тебе сие печать дара Духа Святого». И помазав на челе крестообразно, сказал: «Печать дара Духа Святого да пребудет на тебе в знамение вечное». Потом открыл грудь, снова помазал крестообразно и сказал: «Сердце чисто созижди в тебе Боже, и дух правый обнови во утробе твоей. Аминь». И весь священный чин и мирские говорили «аминь» по митрополите трижды. И помолившись, велел к себе митрополит с наложия принести тем же двум архимандритам диадему, сиречь бармы, и знаменовал митрополит великого князя Иоанна Васильевича крестом и положил на него бармы. И митрополит сию молитву говорил втай: «Господи вседержитель и царь веков, которому земной человек, тобою царем сотворенный, подклоняет голову свою тебе помолиться. Владыко всех, сохрани его под кровом твоим, удержав его царство, благоугодное тебе творить всегда тобою сподоби, да воссияет во дни его правда и множество мира, да в тишине его тихим и безмолвным житием проживем во всяком благочестии и чистоте». Возглас: «Ибо ты есть царь мира и спас душам нашим, и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь». И после аминя велел к себе митрополит принести шапку с наложия тем же двум архимандритам, и митрополит взял шапку, сиречь венец, да перекрестил великого князя крестом, говоря: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». И положил на него шапку. И ектенью повелел митрополит говорить: «Помилуй нас, Господи». И говорил митрополит молитву: «Пречистая дева госпожа Богородица». И после молитвы сел царь на своем стуле, а митрополит на своем, и вошел на амвон архидьякон и говорил велегласно многолетие царю Иоанну Васильевичу русскому, и весь священный собор русской митрополии многолетие говорил. И после многолетия митрополит здравствовал великого царя: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь Иоанне, всея Руси самодержец, на многие годы». И поклонился царю митрополит. И потом архиепископы, и епископы, и весь собор поклонились и здравствовали великого царя; и бояре здравствовали великого самодержца. Митрополит совершил отпуст молебну, и потом начали литургию. И когда начали каноник петь, сошел государь царь с высокого своего места, там где постланы были бархаты, пошел к царским дверям, и пред ним пошел архидьякон. И прийдя к дверям, тот возопил: «Растворите врата правды, и праведный войдет в них». Тогда отверзли двери царские, и вошел ими царь к святой трапезе. Преосвященный же митрополит учинил молитву по обычаю и сподобил его принять честные тайны тела и крови

Христовой по обычаю, как священники и дьяконы от руки его приемлют. После сего, изойдя, царь государь стал на обычном своем месте у правого столпа до скончания литургии. И по свершении литургии пошел царь великий Иоанн Васильевич, самодержец Великой и Белой Руси, из церкви пречистой Богородицы, и постилали по пути из церкви и до его хором бархаты и камки, куда шел великий самодержец. И когда сошел великий царь с места своего, и во дверях церковных осыпали его деньгами золотыми брат его князь Юрий Васильевич, а мису за ним золотую с золотыми деньгами носил боярин великого царя и конюший князь Михаил Васильевич Глинский; и против Архангела осыпали его, и на середине лестницы также осыпали его. И торжества были со многими веселиями всего народа три дня.

О поездке царской. Того же месяца 25 поехал царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси к живоначальной Троице в Сергиев монастырь помолиться, и к чудотворцевым мощам приложиться, и молебного пения послушать, игумену и всем старцам, великой обители повелел о своем здравии Бога молить, о милости Божией, об укреплении царства его. И удоволив их милостынею и кормом довольно, на Москву приехал того же месяца 28 дня. Того же месяца 30 в воскресенье поставлен был Макарием митрополитом епископ в Пермь и на Вологду Киприан, богоявленский игумен с Москвы.

Свадьба великого царя. Той же зимой благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси надумал жениться и выбрал себе невесту, дочь Романа Юрьевича Анастасию. И женился русский царь и великий государь февраля 3 в четверток Всеядной недели. А венчал их в соборной церкви пречистой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честного и славного ее Успения Макарий митрополит всея Руси. И в царствующем граде Москве была радость великая о государевом браке. Того же месяца 17 в пяток Сырной недели царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси ходил молиться пешком к живоначальной Троице в Сергиев монастырь, и с братом своим с князем Юрием Васильевичем, и со своею царицею Анастасиею; и на Москву приехал марта 5 в субботу второй недели святого поста.

О пожаре во граде. Той же весною апреля 12 во вторник Святой недели в 9 час дня загорелась в торгу лавка в москотильном ряду; и погорели во всех рядах лавки града Москвы со многими товарами от Никольского крестца и до речной стены градной; и гостиные дворы великого князя, и дворы людские, и имущество многое погорело от Ильинской улицы и до городской стены, от площадки и до речной стены, церкви и монастырь Богоявленский Никольский. А у реки Москвы в стрельнице загорелось зелие пушечное, и от того разорвало стрельницу и разметало

кирпичи по берегу реки Москвы. И той же ночью сгорели 10 дворов в Черторие к Дорогомилову.

О пожаре за Яузою. Того ж месяца 20 в среду второй недели после Пасхи в 10 час дня загорелись за Яузою на Болвановке, и погорели Гончары и Кожевники возле реки Москвы, и церковь Спаса выгорела в Чигасове монастыре и верх упал, роспись у церкви той чудна была Дионисия иконописца, и Лыщокovo погорело по Яузе, и возле Яузы по устье к Москве реке.

О колоколе. Той же весною месяца июля 3 отломались уши у колокола благовестника, и упал с деревянной колокольной, и не разбился. И повелел благоверный царь приделать к нему уши железные, и приделали ему уши после великого пожара, и поставили его на деревянной же колокольной, на том же месте у Иоанна святого под колоколы; и глас звонный по старому.

О великом пожаре. Того же месяца 21 во вторник в 10 час дня третьей недели Петрова поста загорелся храм Воздвижения честного креста за Неглинною на Арбатской улице на Острове. И была буря великая, и потек огонь, как молния, и пожар сильный, в один час промчался по Занеглинью огонь и до восполия Неглинного, и Чертория погорела до Семчинского сельца возле реки Москвы, и до Федора святого на Арбатской улице. И обратилась буря на град большой, и загорелся во граде у соборной церкви Пречистой верх, и на царском дворе великого князя на палатах кровли, и избы деревянные, и палаты, украшенные золотом, и Казенный двор с царскою казною, и церковь на царском дворе у царской Казны Благовещения златоверхая, и деисус письма Андрея Рублева, золотом обложенный, и образы, украшенные золотом и бисером многоценные греческого письма, прародителями его за многие годы собранные; и казна великого царя погорела, и Оружейная палата вся погорела с оружием войска, и Постельная палата с казною выгорела вся; и в погребях на царском дворе под палатами выгорело все деревянное в них, и конюшня царская. И по многим церквам каменным выгорели деисусы, и образы, и сосуды церковные, и имущество многое людское, и двор митрополитов. Божиим заступлением пречистой Богоматери честного и славного ее Успения в соборной церкви деисус и все сосуды церковные сохранены были и молитвами святых чудотворцев Петра, Алексия, Ионы. И митрополита Макария едва вызволили из церкви, от великого из-за поущения Божия дымного духа едва не позадохнулись во церкви. И пошел митрополит из церкви, и с ним шел Кекса Татищев, князя Владимира ясельничий, да священник соборный пречистенский же Иван Жижелев; и те оба сгорели на площади, а митрополит ушел на город на тайник к реке Москве. И там тоже был дымный дух тяжкий и жар великий. и за невозможность от жару и от дымного духу начали его с тай-

ника спускать, обязав веревкой, и разбился митрополит и едва дух сохранил, и отвезли его в его монастырь на Новое едва живого. А в городе все дворы и палаты все горели, и Чудовской монастырь выгорел весь, одни мощи святого великого чудотворца Алексия Божиим милосердием сохранены были; а старцев сгорело по погребам и по палатам 18, а слуг 50 человек; а запас монастырский весь сгорел. И Вознесенский монастырь также весь сгорел, 10 стариц в нем сгорели, и церковь Вознесения выгорела, образы, и сосуды церковные, и имущество людское, только один образ пречистой протопоп вынес. И все дворы во граде погорели, и на граде кровля градская, и зелие пушечное, где было на граде, в тех местах разорвались градные стены. И в другом граде лавки все и имущество погорело, и дворы во граде все; только две церкви Бог сохранил на рву Рождества Христова да Рождества пречистой, на Никольском крестце лавок с 10. А в церквях каменных многих деисусы и сосуды церковные выгорели. А за городом Большой посад возле Неглинной, Пушечный двор и храм святых и праведных богоотца Иоакима и Анны, и Рождественская улица, и монастырь Рождественский, и Сергей святой, до Николы до Драчевского монастыря; а по Встретенской улице до Стефана святого; а по Ильинской улице до Фрола святого в Мясниках; а Покровского улицею по Василия святого; а по Варварскую улицу Всех святых, и Святой пятницы, и Рождества пречистой, и Николы Подкопаева, и Фрола святого у конюшни, и конюшня великого князя, и по Воронцовский двор, и по Илью святого под Сосенки; а Великою улицею возле Москвы реки, и Николы Кошелева, и Андрея святого, и Воздвижения честного креста у Москвы реки, и Козьмы и Дамиана, и Кулишка вся, и возле Яузы по Воронцовский сад; и по-за конюшни дворы выгорели по Смолину улицу, и всякие сады выгорели, и в огородах всякий овощ и трава. А от города за рвом на площадке от церкви Преображения Господня не горели дворы по Всех святых по Варварскую улицу на Кулишке, а позади тех дворов погорели все дворы, и Петра святого вериги, и Симеон святой, и Козьма и Доминан, и за Владимира святого по Илью святого и по Воронцовский сад. И на третьем часу ночи прекратилось огненное пламя. Сие было грехов ради наших, в наказание нам от Бога послано, за умножение наших согрешений не пощадил Бог такое множество святых Божиих церквей, ни образов святых своих; Божиим гневом сие было огненное пламя. В один час великое множество народа сгорело, 1700 мужского пола и женского и младенцев, множество сгорело народа по Тверской улице, и по Дмитровке, и на Большом посаде, по Ильинской улице, и в садах. Сие все навел Бог на нас грехов ради наших, поскольку много раз согрешали и беззаконничали. Бог же праведным своим судом приводит нас на покая-

ние или пожаром, или же голодом, или же ратных нашествием, или же мором. Прежде ибо сих времен, памятные книги пишут, такого пожара не бывало на Москве, с тех пор как Москва стала именоваться, великими князьями славна и честна была по государству их; ибо прежде Москва не была так многолюдна, как ныне народом умножилась в годы благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси. А после пожара стоял царь князь великий в своем селе, и со своею царицею с великою княгинею Анастасиею, и с братом своим с князем Юрием, и с боярами; а церкви и палаты на своем дворе велел строить, что от огня распалось, и хоромы деревянные ставить. И оттого царь великий и великий князь пришел во умиление и начал многие благие дела совершать.

Об убиении князя Юрия Глинского. Того же месяца 26 в воскресенье, на пятый день после великого пожару, черные люди града Москвы от великой скорби пожарной восколебались, как юродивые, и пришли во град и на площади убили камнем царева великого князя боярина князь Юрия Васильевича Глинского, и детей боярских многих побили, и имущество княжье разграбили, говоря безумием своим, что «вашим зажиганием дворы наши и имущество погорели». Царь же и великий князь повелел тех людей брать и казнить. Из них же многие разбежались по иным градам, видев свою вину, что безумием своим сие сотворили. В тот же год месяца июля 30 в субботу в 9 час дня взошла туча с западу зимнего на град Москву и был град сильный и великий, с яблоко лесное, или круглый, или граненый; во один час и перестал.

7056 (1548). *Свадьба князя Юрия Васильевича.* Ноября в 3 день в четверток царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси пожаловал брата своего князя Юрия Васильевича, женил, взял за него княжну Ульяну, дочь князя Дмитрия Палецкого, а свадьба была на великого князя дворе. И велел царь великий князь брату своему и с княгинею жить у себя на дворе.

О побеге князя Михаила Глинского да Турунтая. Того ж месяца 5 в субботу на третий день после свадьбы князя Юрия Васильевича пришла весть к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, что бежали в Литву бояре князь Михаил Васильевич Глинский да князь Иван Турунтай-Пронский из своих сел изо Ржевских. И князь великий послал за ними в погоню князя Петра Ивановича Шуйского и с ним дворян своих. И князь Петр Шуйский дошел до них во Ржевских местах в великих, тесных и непроходных теснотах. Они же, прослышав про за собою князя Петра погоню и узнав, что им уйти невозможно из тех теснот, возвратились к царю и великому князю и хотели въехать тайно в город Москву и бить челом царю и великому князю, что они не бегали, а поехали было молиться Пречистой в Ковец. И князя Ивана Турунтая поймали в заутреню у нового города в во-

ротах Неглиненских, а он хотел войти в город с попами, а князя Михаила поймал князь Петр Шуйский на посаде на дворе у Вознесения у Хорошей колокольницы за Неглинною на Никитской улице; и привели их обоих в город того же месяца 11. Царь и великий князь велел их посадить под стражу и велел их спросить об их побеге. Они же били челом, что от страха из-за князя Юрия Глинского убийства поехали были в Ковец к Пречистой молиться и съехали в сторону не зная дороги. И царь великий князь после того вину их сыскал и ради отца своего Макария митрополита их пожаловал, вину их отдал и велел их отпустить на поруки, потому что от неразумия тот бег учинили, обложились страхом от князя Юрия убийства великого.

О походе царском на Казань. Той же осенью умыслил царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси с митрополитом, и с братиею, и с боярами идти на своего недруга на казанского царя Сафа-Гирея и на клятвопреступников казанцев за их клятвопреступление. Месяца ноября 20 в воскресенье отпустил царь и великий князь перед собою во Владимир воевод своих князя Дмитрия Федоровича и иных воевод своих и велел им во Владимир с людьми собраться. Из Мещеры велел идти царю Шигалею да с ним воеводам князю Владимиру Воротынскому и иным, а велел им с собою встречаться на устье Цывельском. И той же осенью декабря 11 в воскресенье пошел царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси во Владимир, а наряд пушечный и пищальный велел за собою проводить во Владимир. И пришел царь и великий князь во Владимир того ж месяца 20 в четверток; а наряд, пушки и пищали проводили во Владимир после Крещения с великими трудностями, поскольку дожди были многие, а снегов не было ничего. И пошел царь и великий князь из Владимира января месяца в 8 день в воскресенье, и пришел в Нижний Новгород того же месяца в 26 день в четверток. А из Новгорода пошел на своего недруга казанского царя Сафа-Гирея и клятвопреступников Казанской земли людей февраля 2 в четверток на праздник Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и ночевал на Ельне, от Нижнего Новгорода 15 верст, а на следующий день в пятницу пришел на остров Роботку. И неким смотрением Божиим пришла теплота великая и мокрота многая, и везде покрыла вода на Волге, и пушки и пищали многие провалились в воду, ибо многая вода на лед наступила речная, и никак же по льду никому невозможно поступить, и многие люди в продушинах потонули, потому что под водою продушин не знали. И стоял царь и великий князь на острове Роботке три дня, ожидая возможности путного шествия, и никакой же путь не нашелся. Царь и великий князь отпустил к Казани боярина своего и воеводу князя Дмитрия Федоровича Бельского и иных своих воевод многих со многими

людьми и велели им, встретившись с Шигалеем царем, идти к Казани. А сам царь и великий князь возвратился к Новгороду Нижнему со многими слезами, что не сподобил Бог его к путному шествию; а пришел в Нижний Новгород февраля в 10 день, а на Москву царь и великий князь пришел месяца марта 7. Воеводы же великого царя и великого князя сошлись с царем Шигалеем на устье Цывельском на Сборной неделе в пятницу февраля 18 и пришли к городу Казани. И царь казанский со многими людьми встретил царя Шигалея и воевод великого князя на Арском поле. И в рядовом полку был тогда князь Семен Микулинский с товарищами, и передовым полком наступил, и казанских людей многих побил, а самого царя в город втоптали, и стояли около города Казани 7 дней, посылая воевать улусы. А на том бою поймали Языка богатыря и иных многих. И возвратились от Казани царя и великого князя воеводы, дал Бог, все здоровы, и прислали от себя к царю и великому князю с тою вестью Ивана сына Михаила Юрьева да Никиту Шереметьева в ту же зиму марта 11. А под Казанью из дворян царя и великого князя убили Григория сына Василия Шереметьева.

Той же зимой января 13 с пятницы на субботу на третьем часу ночи явились на небе многие лучи на полуночной стороне, как огненные, и были чрез всю ночь и до утренней зари. Той же зимой февраля в 9 день с четверга на пятницу в ночи явились на небе многие лучи на полуночной же стороне и перед заутреннею истухли. Той же осенью апреля в 22 день в неделю третью после Пасхи поставлен был Макарием митрополитом епископом на Рязань архимандрит чудовский Михаил. Той же весною июня в 1 день в пяток в 14 час дня взошла туча с зимнего западу, и молния великая, и гром страшный, и загорелся от молнии верх терема Воробьевского, и сгорели терем и все хоромы на царя и великого князя дворе в Воробьеве.

О царском ходу к Троице. Того же месяца 21 в четверток четвертой недели Петрова поста царь великий князь Иоанн Васильевич всея Руси со многим желанием и с великою верою пошел пешком к живоначальной Троице в Сергиев монастырь помолиться, а с ним брат его князь Юрий Васильевич и царица его великая княгиня Анастасия. У живоначальной Троицы слушав всенощную, и заутрени, и молебны, и божественную литургию, и учредив игумена и братию милостынею и кормом довольно, и пришел на Москву того месяца в 28 день в четверток.

7057 (1549). Сентября в 14 день в пяток, на Воздвижение честного креста, пошла пешком благоверная царица и великая княгиня Анастасия к живоначальной Троице в Сергиев монастырь молиться. А царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси поехал с Москвы к живоначальной же Троице того же меся-

ца в 22 день в субботу. А от Троицы царь и великий князь поехал в объезд на свою царскую потеху и со своею царицею с великою княгинею Анастасиею в Слободу и в Дмитров, и во Звенигород, и в Можайск; а на Москву приехал месяца октября в 28 день в воскресенье.

В том же месяце приходили казанские люди на Галицкие места воевать, многие люди, а в старших у них был Арак богатырь. И ходил за ними наместник костромской Захария Петрович Яковлев с товарищами, и сошелся с ними на Езовке реке на поле Гусеве, и казанских людей побили воеводы великого князя всех на голову, и Урака богатыря убили, и иных казанских воевод побили, и многих живых к царю прислали. И с тою вестью Захария к государю прислал Беяницу Зюзина.

Той же зимой января в 19 день пришли к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси послы литовские от Сигизмунда-Августа, короля польского, пан Станислав Петрович Кишка, воевода витебский, да пан Ян сын Юрия Помаевского, державца ожского и переломского, да писарь Глеб Есманов и говорили от короля о вечном мире; не сделали, а сделали перемирье на 5 лет. И отпустил царь и великий князь послов литовских, взял перемирие.

Той же зимой февраля в 25 день Сырной недели с понедельника на вторник в ночи той явился свет на полуночной стороне, как заря ведренная при восходе солнечном, и стоял до утренней зари. Той же осенью марта в 10 день в неделю первую святого поста поставлен был Макарием, митрополитом всея Руси, епископом в Суздаль архимандрит симоновский Трифон. Того ж месяца в 17 день в неделю вторую святого поста поставлен был Макарием, митрополитом всея Руси, архиепископом в Ростов игумен Троицкий Сергиева монастыря Никандр.

Того же месяца марта в 25 день пришла весть царю и великому князю, что в Казани царь казанский Сафа-Гирей умер, убится во своих хоробах. И посадили казанцы и крымцы, в согласие войдя, на царство Казанское сына его Утемиш-Гирея царевича, 2 лет, а в Крым послали многих послов просить помощи и сверстного царя. И царя и великого князя казаки Урачко с товарищами послов казанских побили, и ярлыки их взяли и к государю прислали, в Крым никакого человека не пропустили. В тот же год июня в 6 день прислал к царю и великому князю из Казани Утемиш-Гирей царь своего человека Бакшайду с грамотою, а писал о мире. И царь и великий князь послал к Утемиш-Гирею царю с Башкайдюю же свою грамоту, а писал: захочет миру, он бы прислал добрых людей.

Того же месяца в 11 день послал царь и великий князь к королю послов своих Михаила Яковлевича Морозова, да Петра Васильевича Морозова, да дьяка Бонаку Митрофанова докончатъ

перемирие и короля к целованию привести. И Михаил Яковлевич с товарищами перемирие dokonчили, и короля к целованию привели, и грамоту перемирную к царю и великому князю привезли во Владимир в год 7057 декабря в 1 день. Царь и великий князь в ту пору шел на свое дело к Казани.

В тот же год августа в 10 день в субботу на воскресенье в ноци той в начале в четвертого часу родилась царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси дочь царевна Анна от царицы и великой княгини Анастасии, от дочери Романа Юрьевича. А крестил ее благоверный князь в Новом монастыре Девичьем в церкви святых и праведных богоотца Иоакима и Анны, в новопоставленном храме во имя ее. Приехал царь и великий князь в субботу в монастырь, и обложил храм святых праведных богоотца Иоакима и Анны, и тут слушал всенощную и заутреню, и на утро в воскресенье августа в 18 день церковь освящал, и дочь свою царевну Анну окрестил. А крестил ее старец Андреан Андросовой пустыни да старец Геннадий Сорарайской пустыни, Корнильев ученик, а священнодействовал игумен Троицы Сергиева монастыря Серапион Курцов.

7058 (1550). *О походе царском на Казань.* Царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси не мог терпеть клятвопреступников казанцев за многие их творимые клятвы и неправды, ибо всегда обеты безбожники творили в государственной царя и великого князя воле пребывать, и ни мало времени не пребывали в своей правде, но ложь творили, как злые звери, хапали многих христиан в плен безбожным своим клятвопреступлением, и многие церкви осквернили и в запустение учинили, благочестивая же его держава о сих скорбела, и не могла сего терпеть от безбожного их клятвопреступления, и совет сотворил с отцом своим Макарием митрополитом, и с братиею своею, с князем Юрием Васильевичем и с князем Владимиром Андреевичем, и боярами, желая идти на казанского царя Утемиш-Гирея, Сафа-Гирея царя сына, и на злых клятвопреступников казанцев. И уложил совет свой царский, восхотел идти царской своей волей сам, и послал вперед себя воевод своих и повелел собираться с людьми в окрестных градах стольного града Владимира: большего полка воеводе боярину князю Дмитрию Федоровичу Бельскому да князю Владимиру Ивановичу Воротынскому в Суздале; а передовому полку воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому велел собираться в Шуе, а другому воеводе передового же полку князю Василию Федоровичу Лапатыну велел собираться в Муроме; а правой руки воеводам боярину князю Александру Борисовичу Горбатову да дворецкому уglichскому князю Василию Семеновичу Серебряному велел собираться на Костроме; левой руки воеводам князю Михаилу Ивановичу Воротынскому да Борису Ивановичу Салтыко-

ву велел собираться в Ярославле; а сторожевого полка воеводам боярину князь Юрию Михайловичу Булгакову да князю Юрию Ивановичу Кашину велел собираться в Юрьеве.

О походе царском. Сам благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси пошел от царствующего града Москвы в стольный град Владимир месяца ноября в 20 день в воскресенье, а с ним брат его князь Юрий Васильевич; а на Москве велел быть брату своему князь Владимиру Андреевичу и боярам. А во Владимир пришел царь и великий князь второй раз декабря 3 во вторник. А из Владимира царь и великий князь прислал за отцом своим Макарием митрополитом окольничего Андрея Александровича Квашнина. И митрополит Макарий да владыка Крутицкий Савва со своим собором приехал во Владимир, и царя и великого князя Иоанна Васильевича митрополит благословил на земское дело идти на клятвопреступников казанцев. Поучал и благословлял митрополит бояр, и воевод, и князей, и всех людей воинства царя, и сказал митрополит: «Господа и чада, послушайте Господа ради нашего смирения; царь и великий князь, взяв Бога на помощь, и пречистую Богородицу, и святых великих чудотворцев, идет на свое дело на земское к Казани и дела свои земские беречь, сколько ему милосердый Бог поможет и пречистая. А вы, господа и чада, царю государю послужите великодушно сердечным хотением и за святую церковь, и за православное христианство; и не гордостью друг на друга, но Христовою любовью свяжитесь подвизаться Христова ради стада и своего ради венчания от раздающего воздаяния Бога и от земского царя честь воспринять; а горделивый удаляет себя от человек и от Бога. А государь вас за службу хочет жаловать, а за отечество беречь, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни бы и места никак же между вами не было, но свяжитесь любовью нелицемерно против врагов стать мужественно. А буде кому с кем непригоже быть отечества ради на брани против врагов, и вы бы то в забвение положили, а государево бы дело земское делали, не с яростною мыслию друг на друга взирая, но с любовью. А как с государева дела земского придете, и кто захочет кому с кем счесться об отечестве, и государь счет даст. И будь на вас нашего смирения благословение». Месяца декабря в 20 день отпустил царь и великий князь с нарядом в Нижний Новгород боярина Василия Михайловича Юрьева да окольничего Федора Михайловича Нагого, а Шигалею, и царевичу Идигерю, и воеводам, которые собирались с людьми по городам, быть им в Нижнем Новгороде в январе. А сам царь и великий князь пошел из Владимира января в 7 день во вторник; а в Нижний Новгород пришел царь и великий князь января в 23 день в четверг; а перед ним полки по чинам и по росписи прошли. А со царем и великим князем шел царь Ши-

галеи и царевич, а бояре и князь Иван Федорович Мстиславский, князь Петр Михайлович Щенятев и иные князи и дворяне царева двора. Февраля в 12 день, Сырной недели во вторник, царь и великий князь пришел к городу Казани со всем воинством и велел стать около града Казани. Сам стал царь и великий князь у Кабана озера; а царю Шигалею и большому полку велел стать против города на Арском поле, и передовому полку; а за рекою Казанью против города царевичу Едигеру, а правой руке и левой руке да и сторожевому полку; и наряду большому на устье Булака против города, а другому наряду велел стать против города у Поганого озера. И воевод расставил, и туры велел поделать, и к граду приступать, но тогда пришло в то время верное нестроение, ветры сильные, и дожди великие, и мокрота немерная; и из пушек и из пищалей стрелять было невозможно, и к городу приступать невозможно из-за мокроты. Царь и великий князь стоял у города 11 дней, а дожди каждый день были, и теплота, и мокрота великая; речки малые попортились, а иные и пошли, а приступать к городу за мокротою не угодно было. И царь и великий князь, видев такое нестроение, пошел от града Казани прочь во вторник на Сборной неделе, февраля в 25 день; из-за теплоты большого наряду вести назад было нельзя, с нарядом велел перед собою идти, и большому полку, и левой руке, и сторожевому полку, и шли впереди царя и великого князя. А пришел царь и великий князь на Свяжское устье да стал. И человеколюбец Бог, видя благоутробие его, и веру великую, и подвиг его православный ради веры, вложил в сердце его свет богоразумия о благодати Божии, да просветится свет в темном месте, да просияет вера православная, да исчезнет вера басурманская на месте том, да утвердятся церкви Божии, да просияет благодать Божия спасительная на месте скверном. Призвал благоверный царь к себе царя Шигалея, и воевод своих, и князей казанских, которые были с ним у города Казани, и начал царь и великий князь советоваться, в тех бы местах поставить ему град казанского дела ради и тесноту бы учинить Казанской земле. И царь Шигалей, и великого князя бояре, и казанские князи государеву мысль похвалили. Царь Шигалей и князи казанские великому князю место сказали, и благоверный царь на место приехал, и Божиим благоволением место полюбил, где быть граду и церквам святым стоять, Круглую гору. И пошел в Нижний Новгород по своему устроению полков, как пошел от града Казани; а в стольный град царь и великий князь пришел в четвертую неделю святого поста; а на Москву царь и великий князь пришел со своим братом с князем Юрием Васильевичем месяца марта в 23 день в неделю пятую святого поста.

Той же весною мая в 18 день в неделю шестую после Пасхи царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси пожаловал

брата своего князя Владимира Андреевича, женил, взял за него дочь Александра Нагого Евдокию. А свадьба была князь Владимира Андреевича у царя и великого князя на дворе, а венчал их Макарий, митрополит всея Руси, в соборной церкви Пречистой.

В тот же год пришли к великому князю вести про крымского царя, что хочет быть на его украину. Июля 20 в воскресенье выехал царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси с Москвы на Коломну, а оттуда на Рязань, а на Москву приехал августа 23 в четверг. В тот же месяц преставилась царевна Анна, дочь царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, году без 20 дней и без одного; а положена в Новом монастыре Девичьем.

Повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Руси самодержца, со многим желанием и с великою верою позлачен был верх большой у соборной церкви пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честного и славного ее Успения царствующего града Москвы в 18 лето государства его, а в четвертое лето царства его. Той же осенью октября в 26 день повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси отлит большой колокол благовестник и поставлен у Архангела за алтарем на деревянной колокольнице января в 6 день.

Той же зимой декабря в 26 день пришли весною ногайские мурзы Уразлы мурза со многими людьми на Мещерские места и на старую Рязань. И воеводы царя и великого князя с Рязани князь Петр Михайлович Щенятев, да князь Александр Воротынский, да от Николы Зарайского князь Дмитрий Михайлович Пунков сошлись вместе, и приходили во многих местах на ногайских людей, и везде Божиим милосердием их побивали, и Телека мурзу взяли, и многих живых взяли. А из Елатмы воеводы князь Константин Иванович Курлятев, да Семен Шереметьев, да Степан Сидоров также во многих местах ногаев побили. И сошлись воеводы рязанские и мещерские вместе, и шли до Шацких ворот, и везде Божиим милосердием побивали ногаев. И были тогда снега великие да морозы, и позябли многие, а остальных во многих местах казаки великого князя и до Волги их побивали. И пришел в Ногаи Араслан мурза да Отай, а всего с ними пеших ногаев человек с 50, а то Божиим милосердием побивали. И приехали воеводы к государю, и государь Богу великое благодарение воздавал, а воевод жаловал великим жалованием; а стол у государя был в Набережной палате, и пировал и жаловал государь детей боярских великим жалованием.

Той же зимой марта в 17 в святой великий пост против среды в десятый час ночи родилась царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси дочь царевна Мария, а крещена на седьмой недели после Пасхи в пяток.

Той же зимой прислал к царю великому князю Иоанну Васильевичу Утемиш-Гирей царь своего человека Девлетжара, а Юсуф князь ногайский прислал своего человека Келдеура с грамотами, а писали о мире. И царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси отписал к ним с теми же посланниками, чтобы прислал к нему лучших людей, Муралея князя да с ним уланов и князей человек трех или четырех, о мире бить челом, и государь им тогда о мире хотение свое известит.

Начало повести, какие сотворил всемилостивый человеколюбец Бог преславные чудеса в роде нашем православным царем благоверным великим князем Иоанном Васильевичем, государем всея Руси и самодержцем, православному христианству от басурманского пленения и гнета, от безбожных казанских татар, и о поставлении Новгорода Свяжского, нареченного Новгород Свяжский, и в котором устроил церкви и христианам жилище в год 7059 (1551), в 19 год государства его, а в 5 год царства своего. Великий во благочестии царь государь князь великий Иоанн Васильевич всея Руси видел, что христианство попленено, и много крови христианской проливается, и многим церквам святым запустение; от кого же сии были нетерпимые беды? Говорю же, что все сие было зло от безбожных казанских сарацинов.

О Свяжском городе. Не терпела же и она, благочестивая и Богом возлюбленная благочестивая царя нашего душа, в таковых бедах христианству быть, в плену, и говорит в себе такое: «Все-милостивый же Боже, молитвами пречистой твоей матери, и всех святых, и наших русских чудотворцев молитвами устроил меня земли сей царем и пастырем, вождем и правителем, что править людьми твоими, в православии неколебимым быть, что пасти мне их от всех зол, находящихся на нас, и всякие нужды их исполнять. Владыко, помоги мне и избави плененных рабов своих из рук язычников; воистину же ты пастырь добрый, который душу свою полагает за овец». И начал государь со своими боярами мыслить, как с Казанью промышлять; и призывать начали казанских князей, которые из Казани приехали ему служить, Кострова князя с товарищами. И начал мыслить, чтобы город поставить на Свяжском устье на Круглой горе; ибо и сам государь, из Казани едучи, видел, что место стройно и пригоже быть городу. И послал государь за царем Шигалеем, и царь к государю приехал. И государь призвал братию свою князя Юрия и князя Владимира, и царя Шигалея, и всех бояр своих, и князей казанских, и советовался государь с братиею, и со царем, и с боярами, и с князями. И умыслил государь город поставить на Свяге на устье на Круглой горе промеж Щучьего озера и Свяги реки, и рать свою послать в судах многую и конную, да запасы свои царские посылать великие, чтобы вперед к его приходам был готов тот запас. И пришел

государь в соборную церковь пречистой Богородицы, и припал умильно со слезами к чудотворному образу пречистой Богоматери и к великим чудотворным мощам Петра, Ионы, тайно молитвы воссылая Богу, и пречистой его Богоматери, и великим чудотворцам, и благословился у Макария митрополита. И мысль свою митрополиту сказал, и говорил митрополиту: «Пожалуй, господин отец наш Макарий, митрополит всея Руси, помолись со всем священным собором и по всем святым местам пошли, чтобы вашими святыми молитвами послал Христос милость свою, и не помянул бы грехов наших и неведения, подал бы избавление бедному христианству, от работы спасение. Если и грешны мы, но его создание, и да не попрано будет за наше согрешение имя его святое, и избавит бедное христианство, мучимое от басурманства, что владыко искупил честною своею кровью, и прославится имя его в нас, как святая его воля».

О благословении митрополита. Митрополит благословил царя государя и сказал государю: «Тебе подобает, царь, на Бога упование положи, и на пречистую Богоматерь, и великих чудотворцев, подвизаться за благочестие, за порученную тебе от Бога паству, как тебя Святой Дух наставит, да не расхитят безбожные волки порученных тебе овец. И видя владыко неотложную твою веру, что переданное тебе мужественно пасешь, да их расхищенных соберет воедино. Бог тебя, государя, благословит в Боге начинать великое; но только же человеческое дело начинать, а Божие совершать, а мы, твои богомольцы, должны Бога молить, и пречистую его Богоматерь, и великих чудотворцев, да пошлет тебе Бог помощь и утверждение». И пришел царь к чудотворному образу пречистой Богородицы и великим чудотворцам, и умильно припал, и вещал: «На тебя, владычица, уповаю и на помощь призываю. Ты сие начатое дело произведи и плод благий покажи; всяк надеется на тебя, да не постыдится вовек».

И начал государь, и дела коснулся, призвал к себе дьяка своего Ивана сына Григория Выродкова и послал его, а с ним детей боярских на Волгу в Угличский уезд, в Ушатах вотчину, для церквей и города лес рубить и в судах с воеводами на Низ вести, что и было. Отпустил царь и великий государь в месяце апреле в судах в большем полку царя Шигалея, что прежде был казанский, и воевод в большем полку государь со царем отпустил, воевода и боярин князь Юрий Михайлович Булгаков да боярин и дворецкий Даниил Романович Юрьев; в передовом полку князь Петр Андреевич Булгаков да окольничий Иван Федорович Карпов; на правой руке воеводы боярин и конюший Иван Петрович Федоров да князь Давид Федорович Палецкий; на левой руке воеводы боярин Григорий Васильевич Морозов да князь Андрей Васильевич Ногасев; а в сторожевом полку воеводы боярин Иван Иванович Ха-

баров да окольничий Далмат Федорович Карпов; а с ними многие люди и дворяне царя и великого князя, изо многих городов дети боярские да казанские князи и мурзы, Костров князь, да Чипкун, да Бурнаш с товарищами, 500 человек, ибо много их тогда было у государя. Город ставить и впредь в городе быть воевод своих государь отпустил боярина и воеводу князя Семена Ивановича Микулинского, да окольничего воеводу Владимира Васильевича Морозова, да окольничего воеводу Федора Григорьевича Адашева, да воеводу князя Петра Семеновича Серебряного, да воеводу же князя Федора Борисовича Ромодановского. А наказал им царь государь, велел им город поставить на Свяжском устье на Круглой горе за 20 верст от Казани, и как, даст Бог, город поставят, и боярин и воевода князь Семен Иванович воеводам ворота разделит. А после сего государь велел идти из Мещеры князю Дмитрию Ивановичу Хилкову; а из Новгорода Нижнего велел государь идти спешно на Казанский посад князю Петру Серебряному, а с ним дети боярские и стрельцы и казаки. А с Вятки велел придти Бахтеяру Зюзину с вятчанами на Каму. Да сверху Волгою государь прислал многих казаков, а велел стать по всем перевозам по Каме, и по Волге, и по Вятке реке, чтобы воинские люди из Казани и в Казань не ездили. А из Мещер послал государь Подем пеших казаков на Волгу, Севергу да Елку, а с ними 2500 казаков, а велел им, придя на Волгу, суда сделать да пойти вверх по Волге воевать Казанские места; и прийти им велел к воеводам же. И князь Петр Серебряный пошел из Новгорода Нижнего мая в 16 день в субботу перед Троицыным днем; а в неделю Троицкую в вечерню пришел князь Петр на устье Свяги на Круглую гору, и вечерню Троицкую и с молитвами на той горе пели, где ныне Божию благодатию град стоит. А пришел на казанский посад того ж де месяца 18 в понедельник на Сошествие Святого Духа на первом часу дня не со всеми людьми; многие люди заблудились, ибо мгла великая тогда была на Волге. А на посад пришел внезапно и Божию милостию побил многих людей, и живых взяли, и полону русского много отполонили, и мурз великих больше 100 убили, и многих мелких людей, жен и ребят побили; а великого князя детей боярских на том бою убили Михаила Зачесловского да двух Стромилых, да живым взяли сотского стрелецкого Афоню Скоблева; да стрельцов человек с пятьдесят взяли, и убили, и потонуло. И князь Петр со всеми людьми отошел на Свяжское устье да стал на Круглой горе дожидаться царя и воевод. Месяца мая в 24 день в неделю Всех святых царь Шигалей и воеводы пришли на Свягу, и вылезли воеводы великого князя из судов, начали лес сечь, где быть городу, и очистив гору, пев молебны и воду освятив, и с крестами по стенному месту обошли, и обложили город, и церковь в городе заложили во имя

Рождества пречистой и чудотворца Сергия; от образа же чудотворца Сергия и великие чудеса содеялись. Город же, который сверху привезен, на половину той горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тот час сделали, ибо велико было место, и завершили город в четыре недели. Люди же нагорной стороны, видев то, что город православного царя стал на их на земле, начали к царю и воеводам приезжать и бить челом, чтобы государь их пожаловал, гнев свой отдал, а велел быть им у Свяжского города и воевать их не велел. Царь же и воеводы послали то государю сказать, что город, дал Бог, ставят, а князь Петр Серебряный с посаду пришел, а побил многих людей казанских, а великого князя людям не великий урон был, а люди горной стороны государю хотят служить. Царь с тем прислал дворецкого своего князя Шибаса Шамова, а бояре Ивана сына Федора Шишкина. И после того пришли к царю Шигалею от всей горной стороны бить челом, чтобы им позволил ехать бить челом к царю государю великому князю. И царь и воеводы послали к государю горных людей Махмета Бузубова да Ахсигвека Тиглева с товарищами, а с ними послали Григория сына Семена Плещеева. И Махмет с товарищами государю били челом от всей горной стороны, от князей, и мурз, и сотных князей и десятных, и чувашей, и черемисы, и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быть; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детям неотступным быть и к Казани от Свяжского города никак не отложиться; и пожаловал бы их государь, в ясаках облегчил, и дал бы свою грамоту жалованную, как им впредь быть. И государь их пожаловал, гнев свой им отдал, и воевать им не велел, и взял их к своему Свяжскому городу, и дал грамоту жалованную с золотою печатью, а ясаки им отдал на три года; да Махмета с товарищами пожаловал великим жалованьем шубами и деньгами.

Той же весною месяца июня 14 в неделю третью Петрова поста поставлен Макарием, митрополитом всея Руси, архиепископом в Великий Новгород и в Псков Серапион Курцов, игумен Троицкий Сергиева монастыря. Того же месяца июня в 18 дня в четверток четвертой недели Петрова поста поставлен был епископом в Суздаль Афанасий, бывший игумен Кириллова монастыря.

И послал царь государь к царю Шигалею на Свягу и к воеводам своим с жалованьем с золотыми стряпчего Игнатия Вешнякова. А приказал царю и воеводам, чтобы всю горную сторону, приведши к правде, послали к городу Казани; а с ними бы послали того смотреть детей боярских и казанских князей, прямо ли станут государю служить, по тому их правду и узнают. И царь и воеводы горной стороны людей, князей, и мурз, и сотных князей и десятных, и чувашу, и черемису, и мордву, и можаров, и тарха-

нов привели к правде на том, что им государю царю и великому князю служить, и хотеть во всем добра, и от города Свяжского неотступным быть, и дани и оброки черным людям всякие платить, как их государь пожалует и как прежним царям платили, а полону им русского никак у себя не держать, весь освободить. Да послал их царь и воеводы к городу Казани: «Правду вы государю учинили, пойдите покажите свою правду государю, воюйте его недруга». А с ними послали то смотреть Петра Турова да Алексея Ершева. И горной стороны люди, собравшись много, да пошли, а били челом, чтобы их велели перевезти, поскольку невозможно было во все лето переехать с горной на луговую сторону. И велел их царь и воеводы перевести по Тарлолашью да на каменном перевозе тем казакам, которые по тем перевозам стояли. И пошли к городу в месяце июне, и пришли на Арское поле к городу. И вышли к ним все казанские люди, крымцы и казанцы, да с ними бились крепко, и с обеих люди пали. Казанцы же вывезли на них из города пушки и пищали да начали на них стрелять, и горной стороны люди, чуваша и черемиса, дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со 100, а с 50 живых взяли. А царь Шигалей пору и воеводы великого князя князь Юрий Голицын и Даниил Романович с товарищами ходили в ту пору на Гостин остров и за Волгою стояли на Терень-узьяке. А горной стороны люди все прибежали к царю и воеводам, и велели их опять за реку возить; а Петр Туров и Алексей Ершев царю и воеводам сказали, что горной стороны люди государю служили прямо. И пришли во Свяжский город, царь и воеводы отпустили горных людей к государю очей его видеть царских и жалование от него слышать за службу. Горные же люди ездили к государю во все лето человек по 500 и по 600. А государь их жаловал великим жалованьем, кормил и поил у себя за столом, князей, и мурз, и сотных голов, и казаков жаловал шубами с бархатами золотом, а иным, чуваше и черемисе, камчатые и атласные, а молодым однорядки, и сукна, и шубы белые; и всех государь пожаловал доспехами, и конями, и деньгами. И видево то государево жалованье и страх на себя милосердием Божиим и его государевым промыслом, государю верны стали, и начали служить правдою, и на луговую сторону ходить воевать, и языков добывать. А государево жалованье к ним не оскудевало, но и более государь прибавлял: великое множество раздавал, а кроме того своих воинов жаловал. В предыдущих же летописцах таких расходов не пишут, какое государь жалованье к своим и ко всем приходящим показывал; ибо Бог вложил в сердце его, желал помиловать род христианский и избавить от нападений варварских, освободить род христианский навеки от басурманства. И видево такую его любовь и жалованье и по всяк час попечение о людях, порученных ему от Бога, все начали старать-

ся как за Бога, так и за него государя пострадать, а окрестные страх и ужас на себе иметь. Ибо и не исписать сего, как призвал Бога в помощь и на коня своего сел, как строить начал воинство свое, и Бог ему в том способствовал, видя его к себе неотложную веру и усердие, что по Христе.

Но на прежнее возвратимся. Видели то казанские люди в городе и по селам, что горной стороны люди твердо к государю укрепились, и стала им нужда великая, с обеих сторон их воюют и проезду ни из которого государства нет, ниоткуда помощи себе не чают, поскольку люди великого князя Волгою от Василя города и по Каму, а Камою вверх по Вятке, и Вяткою вверх по всем перевозам дети боярские, и стрельцы, и казаки крепко стояли умышлением государевым, а службою и дозором воеводским, и начались розни у казанцев с крымцами, и приходили чуваша арские с боем на крымцев, почему де не бьют челом государю. Пришли на царев двор, и крымцы Косчак улан с товарищами с ними бились и побили чувашу, ибо Бог их в смятение привел междоусобною бранью за многое кровопролитие христианское. И приехали к государю служить многие князи и мурзы, видя великое государево жалованье, а свое изнеможение. Государь, их жалую, обратно отпускал во Свяжский град и велел их тут устраивать. И крымцы, видев то, что им от казанцев быть отданным государю, собравшись все да пограбив, что возможно, побежали из Казани, 300 человек уланов и князей, мурз и казаков добрых, не считая их людей, а жен и детей побросав. И прибежали на Каму, а тут стояли великого князя дети боярские и стрельцы. И они побежали вверх по Каме и прибежали к Вятке, а уже тут не ожидали великого князя людей, ибо стояли, утаясь по сторожам, а стоял Бахтеяр Зюзин с вятчанами да казаки государевы Федька Павлов да Северга. И крымцы поделали туры да переправились, и пришел на них Бахтеяр с вятчанами и казаки, да их побили наголову и потопили; а живых поймали Косчака улана, Барбелсин улана, Торчи князя-богатыря, Ишмахмета мурзу, Сулешева брата, крымского, и иных уланов и князей. Поймали живыми и к государю привели 46 человек, и государь их за жестокосердие казнить велел смертию.

Казанцы начали посылать к Шигалею и к воеводам бить челом, чтобы государь пожаловал, гнев свой им отдал, пленить их не велел, а дал бы им на государство царя Шигалея, а Утемиш бы Гирея царя государь к себе взял и с матерью Сююнбек царицею. А приезжал с тем к царю и воеводам Кулшериф молна да тюменский князь Бибарс Растов. И поговорил царь с послами казанскими да ответ им учинил, чтобы они о том послали к государю царю и великому князю бить челом, как их государь пожалует, а срок им учинили не воевать 20 дней. И казанцы послали к государю Елбарсу мурзу, Растова сына; а царь и бояре послали к го-

сударю сына боярского Якова, а с ним послали к государю обо всем подлинно казанском деле. И государь у себя Елбарсу мурзе велел быть и его челобитья слушал, и Елбарс подал от земли челобитную грамоту. «Царю государю великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси Кудайгул улан в головах да Муралей князь и вся земля Казанская, молны, и сеиты, и шихи, и шихзады, молзады, имамы, асии, афасы, князи, и уланы, и мурзы, и ички, дворные и задворные казаки, и чуваша, и черемиса, и мордва, и тарханы, и моржары, и вся земля Казанская тебе, государю, челом бьют, чтобы государь пожаловал, гнев своей отдал и дал бы им царя Шигалея на царство, а Утемиш-Гирея бы царя и с матерью государь взял к себе; а полону бы русскому волю дать, а в неволю бы государь пожаловал не брал, а крымцев остальных, и жен их, и детей отдать государю, так бы государь их пожаловал, о том челом бьют». И государь выслушал челобитье да велел Елбарсу ответ учинить, что государь хочет землю Казанскую пожаловать, только царя и царицу отдадут государю, и крымцев всех остальных, и детей их; а полону им русского ни в которой неволе не держать, всем дать волю, а князям всем полон привести на Казанское устье да отдать боярам, а остальной полон, как царь Шигалей на царстве будет, весь освободить, а казанцам весь отпустить, а в неволе не держать. И Елбарс говорил: «Так и учинят, как государь пожалует». И государь Елбарса отпустил с пожалованием с тем словом к князям казанским, а к царю Шигалею и к боярам и воеводам послал с наказом Алексея Адашева. И пожаловал государь царя Шигалея Казанью и на Казани его учинил, а дал ему к Казани и луговую сторону всю да Арскую; а горная вся сторона к городу Свяжскому, поскольку государь Божиим милосердием да саблею взял до их челобитья; и об иных многих делах царю и воеводам велел говорить. И приехал к царю Алексей августа 6 и царю государево слово сказал, на чем с казанцами делать. И царь Шигалей государево дело похвалил, а того не залюбил, что горная сторона будет у Свяжского города, а не у него в Казани. И бояре ему по государеву приказу оттолвили, что тому делу никак не быть, что государю Бог дал, тем ему не поступиться. И царь и воеводы по государеву наказу послали в Казань, чтобы приехали к царю и воеводам, государь их приказал пожаловать, и они бы, приехав, правду дали. Августа в 9 день к царю и воеводам приехали к Казани молна Касым да Бибарс князь и иные князи и мурзы. И Шигалей царь им от государя жалованную речь говорил, на чем им правду дать. А они было во многом заперлись, ибо обычай у них был изначала злые намерения иметь. И царь им велел идти с боярами в боярские шатры и делать по государеву наказу; ибо государев наказ таков: не учинят на государевой воле, и государь делать не велел, а хочет на ту

осень ратью со всеми людьми. И бояре с казанцами много говорили, как бы им что лукаво делать. Бояре же по Божию милосердию государевым наказом твердо делали, ни во едином их лукавстве не поступили, ибо везде их изначала злонырство. И порешили на том, что казанцам царя Утемиш-Гирея и с матерью и крымцев детей привести во Свяжский город; а полон русский весь освободить, а князьям привести на Казанское устье весь полон, который у них, а сведает после государь, только полон будет в басурманстве в неволе, и государю стоять, сколько милосердый Бог поможет; а царю и боярам ехать на Казанское устье да тут все докончание утвердить, и всей земле Казанской тут царя встретить. Того же месяца 11 прислали из Казани к царю и к боярам Кудулгу улан и Муралей князь с товарищами Ангилдей абыза, что царя Утемиш-Гирея и царицу везут к государю, и царь бы Шигалей и бояре велели встретить. И царь и воеводы послали царя Утемиш-Гирея и царицу встретить воеводу князя Петра Семеновича Серебряного, а с ним детей боярских; и встретили его на Казанском устье в тот же день в вечере. И в город Свяжский привезли царя и царицу, а с царем приехал Бибарс князь да Лимердень азий, да привезли крымцев двух Касчак улана детей да Ак-Могмин улана сына. И царь Шигалей и бояре государевы на следующий день же отпустили к Москве государю Волгою царя Утемиш-Гирея с матерью Сююнбек царицею и крымских детей. А со царем к государю послали воеводу князя Петра Семеновича Серебряного, да с ним детей боярских и стрельцов многих, да Кострова князя, да Алимердень азея. И привезли царя казанского и царицу к государю на Москву сентября 5-го в субботу, дал Бог, здоровыми.

В то же лето в месяце августе поставлен на Проне реке Михайлов город, а ставили его воеводы князь Александр Иванович Воротынский да Михаил сын Петра Головин. А когда ставили город и начали место чистить, где поставить церковь соборную архангела Михаила, и тут обрели на том месте, где алтарю стоять, образ архангела Михаила древнего письма, ничем невредим, обложенный серебром. И царь и великий князь и митрополит Макарий за тем образом посылали священников, и взяли его честно, и пели молебны, и отпустили на то место, в тот храм, где явился, и о том Богу хвалу воздали. Августа 15 царь Шигалей и все царя и великого князя воеводы приехали на Казанское устье и стали от Волги и до Бежболды, а вверх 2 версты, а за Казань вниз до Царева лугу. А в город Казань царь Шигалей послал дворецкого своего Шабаса князя да конюшего своего Битикея князя со всем своим кошем и велел устраивать двор свой. А на следующий день августа 14 приехали к царю и воеводам Кулшериф молна и Маамет сеит, Мансырь сеита сын, и все с ним шихи, и шихзады, има-

мы, и моллзады, азии, дербыши, да Кудайгул улан, а с ним уланы все да Муралей князь, а с ним многие люди и мурзы. И бояре велели им читать шертную грамоту, на чем государь пожаловал и как им впредь быть. И они все стали о горной стороне говорить, что того им учинить нельзя, что землю разделить. И бояре говорили им по государеву указу, что «Бог государю учинил, да его правда: город государь на Свяиге поставил, а горной стороны люди государю доби́ли челом, и горные люди вас и воевали; тому уже иначе не бывать, как то Бог учинил». И много о том спорных слов было, и Божиим милосердием по государеву наказу бояре его по тому сделали, как государь наказал.

О посажении Шигалей на царство. Царь Шигалей и вся земля Казанская на том государю правду дали, что им в горную сторону не вступаться да и в середину Волги, а ловцам ловить по своим половинам. И шертные грамоты царь попечата́л своими печатями, а казанские люди лучшие многие руки свои поприкладывали. И князи казанские полон русский, какой у них был, многий привели, а в остальном все присягу дали, что им и остальных освободить; а уведает государь про полон христианский в работе басурманской, и у кого найдут, того казнить смертью; а станут за то казанцы, что всего полона не освободят, и государю над ними своего дела искать, сколько милосердый Бог поможет. И в правде пошли все люди казанские по 100 человек, и по 200, и по 300, а не случайные, и к правде ходили 3 дня, а правду давали на том, на чем и большие люди их правду давали.

О царстве Шигалеевом на Казани. 7059 (1551) августа 16 поехал царь на царство в Казань, а с ним по государеву наказу бояре его князь Юрий Михайлович Голицын, да Иван Иванович Хабаров, да дьяк Иван Григорьев Выродков, те его на царство посадили; и здравия желали ему бояре в тот же день на государевом жаловании на царстве Казанском. Да со царем же в Казань поехали 300 человек городецких князей, и мурз, и казаков, да 200 стрельцов с двумя сотскими царя и великого князя, жили все у царя на дворе. И на следующий день в 17 день бояре князь Юрий и Иван и дьяк Иван приехали к царю да говорили царю: «На чем казанцы правду дали, что им полон освободить, и ты бы, государь, велел собрать, который в городе, да освободить». И царь послал постановление и велел собрать полон к себе на двор; и собран многий полон, и в тот день их отдал царь Шигалей боярам, 2700 человек, а иной после взялся освобождать. И бояре послали к государю с сеунчем, что, дал Бог, дело его поделалось по его государеву наказу, Даниила сына Федора Адашева да стрелецкого голову Ивана Черемисинова; и приехали к государю того ж месяца 28. И была государю радость великая об избавлении христианском, что освободил Бог род христианский от плену и

над Казанью сотворили, как впереди сего не было при иных государях. А полону христианского вышло на горную сторону 60 000, как отчитались во Свяжском городе, которым корм государев давали и вверх Волгою провожали, не считая тех, который полон по своим местам из Казанской земли пошел, вятский и пермский по своим местам, муромский, и мещерский, и костромской все по своим местам, кому куда ближе, туда пошли. Да сбудется древняя благодать, как в древности создатель израильский род Моисеем из Египта извел, также и ныне Христос царем нашим православным извел из рабства казанского множество душ христианских. Но еще просить у Бога и всем остальным свободы, ибо великое множество из-за грехов наших и в несовершенные лета возраста государя нашего великого царя Иоанна и при прежних государях попленили казанцы земли христианской за умножение грехов наших и нестроение; и ныне освободился род христианский Божиим милосердием и государем нашим царем православным и его благоразумием. Сие дело свершилось государевым повелением, а воеводскою и всех детей боярских службою; и ни один человек царя государя нашего не изгиб. А прежде князя Петра прихода во многих местах по Волге и по Каме побиты были казанцы и крымцы, которые в Казани ногаи и бухарцы, и война была до челобитья по многим селам, но везде Божиею милостию сохранены были государевы люди. Вот же писанию предадим, ибо то прежде до сего времени слышали. И когда еще благоверный царь и великий государь не послал на Свягу града ставить, из многих татар, окрест того места близко живущих, от многих христиан, плененных на той горе, где град стал, многие звоны слышали и пение во много голосов. И покушались искать слышимое, и не обретали. И часто черноризцев видели на той горе и на лугу. И за много лет до того сие многие верные и неверные люди видели и слышали. Сие же вот и дошло слухом и до самого царя благочестивого государя нашего; государь же помышлял и надеялся, что благодать Божия воссияет на месте том, что и было. В тот же месяц царь Шигалей князь Юрия Голицына отпустил к царю и грамоты шерстные утвержденные с ним к государю послал. А в Казани у царя остались по государеву наказу ради полону и для иных управных дел боярин Иван Иванович Хабаров да дьяк Иван Выродков; а бояре и воеводы князь Юрий Михайлович и Даниил Романович со всеми товарищами и с теми людьми, которые с ними были посланы, пошли к государю вверх Волгою; и воевода князь Дмитрий Хилков пошел через горную сторону к Мурому; на Свяге в новом городе остались боярин и воевода князь Семен Микулинский с товарищами и с теми людьми, которые с ним, зиму проводить.

Того ж месяца 59 года пришли к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси из Астрахани от Емгорчия царя

Ишим князь с товарищами, били челом царю и великому князю, чтобы его царь и великий государь пожаловал, велел себе служить и со юртом, и жаловал бы его, как и Шигалея царя и иных царей, которые ему служат.

7060 (1552). В сентябре приехали к государю бояре его и воеводы из Казани и из Новгорода Свяжского князь Юрий Михайлович Булгаков с товарищами. И бил челом князь Юрий от царя Шигалея на его государевом жаловании, на царстве, что его учинил царем на Казани, да приказывал передать к государю, чтобы его пожаловал, придал ясаков с горной стороны, а о том хочет послать бить челом послов своих больших и о иных делах. Да князь Юрий же привез к государю грамоты шертные и докончанные, как царю впредь на Казани быть и как стоять государя нашего Свяжскому городу. И государь бояр своих и воевод жаловал великим жалованием.

В тот же месяц прислал из Казани царь Шигалей к государю царю и великому князю гонца Кулая мурзу Растова сына, казанца, да Муралея мурзу, есаула городецкого, с тем, что отпускает послов своих старших большого карача казанского Ширина Муралея князя Булатова сына, да дворецкого своего Шабаса князя Шамова, да Абдалу, старшего бакшея казанского. А от боярина Ивана Хабарова да от дьяка Ивана Выродкова примчался сын боярский с грамотою, а писали о том, что казанцы государю в полону не прямят по шертной грамоте, а царь Шигалей то терпит из-за волнения. И государь Кулая мурзу и Муралея городецкого пожаловал, отпустил к царю Шигалею в Казань, а послам большим казанским, Муралею князю Булатову с товарищами, велел боярину своему и воеводе князю Семену Ивановичу Микулинскому во Свяжском городе дать приставов до Москвы да и корм давать по горной стороне и по иным городам до Москвы.

В том же году 60-м послал государь в Астрахань посла своего Севастиана, а Емгурчя царя посла с ним же отпустил, видеть царя Емгурчя правды, на чем от него послы его били челом, и его землю к правде привести. В тот же месяц отпустил царь и великий князь в Казань к царю Шигалею боярина своего князя Дмитрия Федоровича Палецкого да с ним дьяка Ивана Клобукова. А с ним послал к царю Шигалею великое свое жалование, платье, и суда, и деньги, также и царице его, которую в Казани взял Сафа-Гирея царицу; а князям казанским и городецким многое свое жалование послал, платье, и деньги, и сукна. А о попечении просил царя земле Казанской жалованное слово за службу, и о полоне о попечении просил, чтобы по шертным грамотам полон русский весь освободили; а не освободят полон, и государю видя христианство в неволе, да того не терпеть, сколько ему милосердый Бог поможет. А к царю с князем Дмитрием о попече-

нии просил, чтобы царь памятовал великого князя Василия жалование и царя великого князя Иоанна жалование, чтобы государю на Казани прямил по шертным грамотам, как правду дал, и полон русский весь освободил, а укрепил бы Казань крепко государю да и себе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его было неподвижно, и кровь бы с обеих сторон перестала течь вовеки. Да написал к боярину своему Ивану Хабарову, что послал к царю князя Дмитрия, а Ивана бы царь отпустил; и царь Ивана отпустил к царю и великому князю.

О казанских послах. Той же осенью в октябре пришли послы казанские к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси от царя Шигаляя, карчака казанский большой Ширин Муралей князь Булатов, да Шабас князь Шамов, да Адула бакшей, от царя государю челобитье правя. Да говорили, чтобы государь пожаловать нагорные стороны поступился царю, а не пожалует, все не отдаст, то хотя бы государь пожаловал, ясаков с горной стороны придал, сколько пожалует, и пожаловал бы государь, велел правду учинить царю и земле Казанской на том, на чем земля государю правду дали. И государь их челобитье выслушал, да велел им ответ учинить боярину своему Ивану Васильевичу Шереметьеву, да Алексею Адашеву, да дьяку Ивану Михайлову, что государю горной стороны к Казани ни одной деньги не отдавать; «а о правде говорили казанцы государю, тогда дали казанцы правду, что весь полон христианский освободить и до единого человека, и ныне еще много полону у себя держат; и как освободят царь и казанцы весь полон русский, и государь тогда правду учинит, а вы до того времени здесь побудете». И послы о том били челом государю, чтобы государь царь и к земле послал о полоне, а они того дожидаться будут, как полон весь освободят. В тот же месяц приехали к государю из Казани боярин его Иван Иванович Хабаров да дьяк Иван Выродков, а сказывали государю, что полону казанцы мало освобождают, заковывают и по ямам полон хоронят, а им видится, и царь не хорошо прямит в полону, потому что когда у кого что изымут, он тех не казнит по шертным грамотам, а отговаривает тем, что опасается волнения; а сказывают царю, что князи казанские пересылку имеют в Ногаи, и он о том проведает до полна, а государя без известия не оставит.

О побииении казанских князей. Месяца ноября 14 примчался к царю и великому князю из Казани Уразый мурза Конбара да и от князя Дмитрия сын боярский Митька Волохов. А говорили государю от царя и от князя Дмитрия, что казанские Бибарс с братиею и многие князи казанские сообщениями обменивались с царем в Ногаях, а сами хотели царя убить и боярина великого князя князя Дмитрия убить же, и царь у них то выведал до полна, и грамоты присланные у них поотнимал, и царь их велел побить у себя

на пиру; кои были во избе, царевы князи порезали их, а многих на царевом дворе побили стрельцы великого князя, а иных велел стрельцам по подворьям побить; а убил царь Бибарса князя с братиею, Кадышка богатыря, Карамыш улана, а всего убил князей и уланов и мурз в тот день и на следующий день 70 человек, а иные разъехались князи, а некоторые в Ногаи. Да просил о попечении царь и князь Дмитрий к великому князю, что Муралей и Костров князь с теми заодно, чтобы их государь не отпускал, царю они в Казани не надобны. А Муралей и Костров сведали, что советники их в Казани побиты, и они били челом царю и великому князю, что им в Казань ехать не можно, царь их не жалует, чтобы государь пожаловал, за женами их приказал послать.

В тот же месяц послал царь и великий князь в Казань к царю Шигалею Алексея Адашева, а велел говорить боярину своему князю Дмитрию Алексею о том накрепко царю Шигалею, чтобы царь в Казани крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилась; сам царь видит их измену, от начала лгут государям нашим, и брата его Еналея царя они ж убили, и его многократно изгоняли, и ныне хотели убить; чтобы укрепил город великого князя людьми русскими. И царь говорил: «Прожить де мне в Казани невозможно, нагрубил весьма казанцам весьма; взялся был я им у царя и великого князя горную сторону выпросить и взять, и только меня государь и великий князь жалует, горную сторону даст, и мне жить в Казани будет можно, и докуда я жив, дотуда Казань царю и великому князю крепка будет. А после меня, кому ведать?». И князь Дмитрий по государеву наказу царю то отмолвил, что горной стороны ему государю к Казани никак не отдавать, а сие ему Бог дал: «А отдать горную сторону, Свяжскому городу как быть? А ведаешь сам, сколько государям нашим от Казани бесчестия и убытков. И ныне полон христианский у себя держат в неволе, дав правду государю нашему, лгут; а многие и городецкие, которые с тобою приехали в это место, ведомо, что полон христианский держат в неволе. А впредь будут таковы казанцы, государю нашему, видя в рабстве христианство, как терпеть? А коли, государь, тебя бояре великого князя князь Юрий Голицын с товарищами на царство Казанское сажали, а земля вся правду давали, что им весь полон отпустить, а не отпустят хотя единого человека, и государю за свое христианство стоять, сколько ему милосердый Бог поможет; а если, государь, государю нашему за них не стать, ему, государю, Богу ответ давать». И царь говорил: «А коли мне горной стороны не отдаст, мне как прожить в Казани, нагрубив? И мне бежать к государю великому князю». Князь же Дмитрий и Алексей говорили: «Коли тебе к государю же бежать, то укрепи Городок его людьми русскими». И много о том речей спорных было, и царь то

отмолвил: «Басурман де я есть, не хочу от своей веры отстать, и государю своему царю и великому князю изменить не хочу же; ехать же мне в иное место некуда, еду к царю и великому князю. Коли же меня от казанцев иметь неотступно, и я лихих еще изведу да буду у государя». А князя Дмитрия и Алексея отпустил к государю, и у царя князь Дмитрий оставил Ивана Черемисинова с его стрельцов царя беречь от казанцев и государя без вести не держать. И когда князь Дмитрий приехал на Свиягу, и говорили князю Дмитрию князи, которые живут на Свияге, Чапкун и Бурнаш с товарищами, что «слышат от земли, как весна настанет, казанцы все хотят изменить государю, а Шигалея не любят; и государь бы своим делом промышлял, как ему, государю, крепче, а мы государю дали правду и по правде к нему приказываем сообщить, что несомненно казанцы изменяют, а тогда и горных не сохраним». И князь Дмитрий к государю и великому князю приехал, и то от Шигалея сказал государю. Царь же и великий князь послал к царю Семена Ярцова, а велел царю говорить, чтобы жил остерегаясь казанцев.

Той же зимой в январе били челом царю и великому князю на Москве Муралей князь, да Костров князь, да Алемердин азий, а сказывают, им приказ от Казанской земли, а сами бить челом государю ехать не смеют, чтоб де государь царя Шигалея свел с Казани, а дал бы им наместника боярина своего, а держал бы их так же, как и в Свияжском городе; а не пожалует государь, то казанцам придется изменить, будут добывать им государя из иного места. И государь выслушал их челобитье да велел с ними боярам поговорить Ивану Васильевичу Шереметьеву да дьяку Ивану Михайлову, за что царя не любят, как государю царя свести, и наместнику у них каким обычаем быть, и чему в том верить. И они боярам про царя говорили, что их убивает, и грабит, и жен их и дочерей берет сильно. «Пусть только государь пожалует землю, царя сведет, и нас здесь у государя, уланов и князей, и мурз, и казаков, с триста человек, одного из нас пошли своим посланником к земле Казанской; как царя Шигалея сведет, и казанцы все государю дадут правду, и наместников его в город пустят, и град весь государю сдадут. А кому велит в городе и на посаде жить, и то тем жить, а иным всем по селам жить, а ведать на царя и великого князя наместникам царевы доходы все. И которые князи и побиты бездетны, и тем государь пожалует, кого захочет, и все люди в его воле, кого чем пожалует. А не учинят так, взбунтуются казанцы, и, государь, нас вели здесь всех побить; да на том и правду дали. Если царь не захочет ехать из Казани, пусть государь у него стрельцов возьмет, и он сам сбежит».

Той же зимой в феврале послал государь к Шигалею царю Алексея Адашева, а велел царя свести с Казани, да к земле Тере-

улдувана казанца, а Муралей и Костров с товарищами послали к земле с Тереулдом грамоту, на чем добились челом государю. И государь царю Шигалею о том велел Алексею накрепко говорить, чтобы без убытков великих пустил великого князя людей в город; а чего у государя захочет, тем его государь пожалует. Да и то велел ему сказать, что и казанские князи того хотят, чтоб великого князя наместник был на Казани. И Алексей в Казань к царю приехал в тот же месяц и царю по государеву наказу говорил. Но царь отмовил, что ему никак басурманского юрта не порушить, «а прожить мне в Казани не можно, в Ногаи казанцы послали царя просить, а я иду в Свяжский городок, иначе мне от них быть убитым».

Той же зимой марта 6 в первую неделю святого поста выехал царь Шигалей из Казани на озеро рыбу ловить, а с ним многие князи и мурзы казанские и городецкие и все 500 стрельцов великого князя. И выехав из Казани, царь сказал казанцам князьям и мурзам: «Хотели вы меня убить и били челом на меня царю и великому князю, чтобы меня свел, а то я над вами лихо сделаю, а дал бы вам наместников. И царь князь великий велел мне с Казани съехать, и я к нему еду, а вас с собою веду, там разберемся». И приехал со всеми теми людьми во Свяжский город, а воеводы его встретили на Волге, и вывел с собою царь князей казанских и мурз 84 человека. В тот же день в город Казань послал боярин и воевода князь Семен Иванович Микулинский с товарищами двух казаков с грамотами от государя, что по казанских людей челобитью государь царя Шигалея свел и дал им наместника князя Семена, и они бы были во Свяжском городе да учинили правду, и князь Семен с товарищами по государеву наказу к ним поедет. И в тот же день из Казани прислали к боярам бить челом афиса, что они государеву жалованию рады, во всем так хотят государю служить, как его воля, да пожаловали бы прислали к ним в Городок Чапкуна князя да Бурнаша, кому им верить и на чьи руки даться. На следующий день князь Семен с товарищами Чапкуна и Бурнаша в город Казань послал да Ивана Черемисинова с тем словом, на чем князи на Москве государю били челом и на чем во Свяге Чапкун и Бурнаш правду давали, и вся бы земля Казанская на том же правду дала. И в тот же день прислал Иван Черемисин к боярам, что вся земля Казанская государеву жалованию рады, правду дают и к боярам едут лучшие люди, в головах Кудагул улан с товарищами. И на следующий день приехали во Свяжский город из Казани Кадугал улан да многие муллы и князи; Иван Черемисин, и Чапкун, и Бурнаш с ними же приехали, правду дали боярам на всей воле великого князя и у бояр правду взяли, что им хорошо их жаловать казанских людей, как в иных городах великого князя. Да говорили бояре казанцам, чтобы царицу Шигалея царя и младшую дочь прислали в Свяжский

город, чтобы царица в городе Казани в ту пору не была, когда князь Семен в город приедет, а царь Шигалей о ней боярам говорил. И князь Семен Иванович с товарищами говорил, послал в город Казань Ивана ж Черемисинова да с ним толмача Федьку Палецкого остальных людей их к правде приводить и того смотреть, нет ли какого лиха, Чупкуна и Калалея князя да детей боярских Леонтия Елизарова, Лучанина Епишева, Нехорошева Очкасова, восемь человек, смотреть того: русские люди в город поедут, чего бы дурного не учинили, и которые дворы князи очистят, и им те дворы раздать. И той ж ночью Иван Черемисин прислал к боярам, что, дал Бог, никакого лиха нет, царицу отпускают, двор опоражнивают, а сельские люди, дав правду, по селам разъезжаются; «да пришлите де и кошт свой легкий с едою да с ними казаков человек с 100, и они на царевом дворе пригодятся на всякое дело». И бояре кошт отпустили, а с ним послали 70 казаков, а пищалей было 72.

Об измене казанцев. В тот же месяц князь Семен Иванович да князь Петр Серебряный с товарищами поехали к городу Казани, а наперед их Иван Шереметьев да Алексей Адашев, а в сторожевом полку князь Феодор Ромодановский, да в сторожевом же полку казанцы все те, которых царь всех вывел. И когда были на Волге у Ирихова острова, тут встретили бояр из Казани Шамса князь да Ханкидей, и иные многие казанцы встретили с любовью и били челом боярам, чтобы ехали в город, а они все холопы государевы в его воле. И царицу встретили бояре на Волге же и послали ее в Свяжский город к царю Шигалею. А в Казань и из Казани к воеводам дети боярские ездили, а сказывают, что все люди государеву жалованию рады, а Иван Черемисин иных еще к правде приводит. Как на Бежболду воеводы приехали, и поехали наперед в город от воевод Ислам князь, да Кебяк князь, да Алексей мурза, брат Чурина Нарыкова, а бояре их не береглись, потому что все их князи выручали, да государю изменили, и, приехав в город, оный затворили и сказали всем людям, что истинно ведают: всем побитым быть, а слышали, сказывают, от городецких татар, иные, говорят, и от самого Шигалея. И государева о том наказу не бывало боярам, что лихо какое учинить, да ни у бояр того в мысли не было, и правду бояре на том давали, что от них лиха никакого не будет, и им всем жаловать и держать их во всем, как и во Свяжском городе; да изначала ненавидящий добро враг рода христианского и радующийся крови человеческой, возмущил всех казанцев. И бояре приехали к городу, и встретил их на Булаке Иван Черемисин да Кулалей князь: «Лиходеи мы по сей час не видали, а теперь, как прибежали от вас князи, как лихие слова начали говорить, и люди засуетились, а с нами выехали из города все князи к вам, один Чапкун в городе

остался, иные на себя доспех кладут». И приехали бояре к Царевым воротам, и ворота затворены, а люди бегут на город. А их тут встретил Кадугал улан, и Лиман князь, и иные князи да начали бить челом, чтобы не кручинились: «возмутили де их люди лихие землю, пождите, доколе уговорятся». И бояре послали в город Кадугула улана да Бурнаша князя: «За что так изменили? Вчера и сего дня правду давали, а ныне изменили; мы на чем правду дали, на том и стоим, лиха никоторого не чиним». А на посаде в ту пору люди со всем имуществом жили, и бояре, не желая порушить крестного целования, ни одному человеку лиха не учинили. И Кадугул улан и Бурнаш князь к князю Семену из города выехали, а говорят: «Боятся де люди, что побиты будут, а нас не слушают». И много было пересылок и речей с ними, да видели воеводы, что доброго дела нет, и велели поймать Кадугул улана и Лимана князя с сыном, Шамсу князя, Чуру князя Кадыева, Богдана князя арского, Ханкилдея князя и иных князей и казаков; да которых царь вывел, тех всех же переловили, кроме тех, которые изменили, убежали в город, Ислам, Кебяк, Алексей. И тут воеводы у ворот стояли весь день да на посаде и ночевали, и на утро до полдня стояли, сообщениями обмениваясь. И Чапкун изменил государю и все с ним казанцы, а детей боярских, которых воеводы в городок послали, и коши воеводские все в городе затворили. И бояре пошли к Свяжскому городу, а посаду не жгли и не воевали из-за крестного целования, и ожидали сделки, и положили себе в надежду тот же животворящий крест, который целовали, что лиху не быть, государю нашему тот поспособствует на них. И пришли воеводы в Свяжский город того ж месяца марта в 12 день в субботу второй недели поста, и тех всех князей, которых у города взяли и которых царь вывел, в тюрьму побросали. А казанцы, изменив государю, в Ногаи послали царя просить, а на горную сторону стали войною приходить и отводить их от государя. И горной стороны люди одну посылку побили, двух князей Шах-Чуру и Шамая мурзу, и к воеводам, поймав, привезли; и воеводы горную сторону пожаловали, а изменников казнили. Воеводы приняли решение с царем Шигалеем, царь остался весновать в Свяжском городе и с царицею, а к государю поехал боярин Иван Шереметьев, да и все посланники с ним же поехали. И приехали к государю в навечерие Благовещения пресвятой Богородицы, и сказали государю про казанскую измену. Государь же о сем не усомнился нисколько, но призывал Бога на помощь и пречистую его Богоматерь и великих чудотворцев, и отцу своему и богомольцу Макарию митрополиту о молитве прилежно говорил и всему священному собору, чтобы Бога молили об освобождении православного христианства и о победе над врагами. И сам государь умышлял, как за их измену с ними стоять, и отпустил в

Свияжский город в судах, как лед сойдет, двора своего детей боярских и казаков. А царю Шигалею велел ехать и со царицею в Городок, и приказал Даниилу с царем отпустить окольного Владимира Морозова.

В том же году в мае выехал к государю из Астрахани царевич Кайбула, Ахкубека сын царя, и царь государь пожаловал, дал ему город Юрьев и с данью, и жениться ему позволил; и у Шигалея царя взял Шигалееву племянницу, Еналея царя дочь. В том же году поставлен Шацкий город в Мещере, а ставил его воевода князь Дмитрий Семенович Шастунов, был для охранения, а делал его Борис Сукин.

Начал советоваться благочестивый царь и великий государь Иоанн Васильевич самодержец великой России о помощи православному христианству от безбожных изменников казанских татар. Той же весною возлагает всю надежду на Бога, сотворившего небо и землю и все, что есть, и тот ведает тайны всех людей, и на пречистую его Богоматерь, и великих чудотворцев, и так говорит: «Боже, сотворивший небо, и землю, и всех, которые твои создания, и ведал ты, человеколюбец, тайны людей, нисколько иное не помышлял, только требую покою христианского. Сии же враги креста твоего злые казанцы ни на что иное не упражняются, но только снестать плоть рабов твоих сырых и поругивать имя твое святое, которого не могут знать, и осквернять святую церковь твою. Мсти им, владыко, по пророку слову: «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу». Наставь нас, Господи, на путь спасения и даруй мне пострадать за имя твое святое и за порученное мне от тебе христианство». И призвал государь к себе братию свою князя Юрия Васильевича и князя Владимира Андреевича, и бояр своих, и воевод, и советовался с ними о своем походе к Казани. В совете же было много различных слов, как бы государю не самому быть, но послать, ибо многие были в то время государю недруги, крымский и ногаи. Государь же одинаково отвечал: «Никак не могу терпеть христианства погибели, что мне передано от Христа моего; да как нарекусь: вот я и люди, которых мне дал есть, а иные наши недруги? На того ж Бога уповаем непостыдно, творит, как хочет; если увидит Христос веру нашу неотторжимую, от всех избавит нас». Братия же государевы князь Юрий и князь Владимир, и все бояре, и воеводы, видев государя неуклонным в мысли быть заступником благочестия и твердого надеждою к Богу, советовались с ним, государем, как ему самому быть на своем деле у Казани: «За многую кровь христианскую видя твой подвиг, владыко не оставит рабов своих, уповающих на нас». И умыслил государь отпустить на свое дело земское в судах рать, да наряд большой, да и запасы свои царские и всего войска, а самому государю, как приспее время, идти Подем. И людям

велел собираться на Коломну, на Каширу дальним городам, Новгороду Великому и иным городам, а московским городам велел собираться в Муром.

О отпуске воевод на Свиягу. И отпустил государь воевод в судах на Свиягу, а велел дело свое беречь и себя, государя, дожидаться, бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуйского и иных воевод. С нарядом государь отпустил боярина Михаила Яковлевича Морозова, да и многие свои запасы послал на прокормление воинству, да и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом. А на Каму государь послал князя Михаила Васильевича Глинского да окольного Ивана Ивановича Умного, а с ними детей боярских и казаков и стрельцов. А с Вятки велел идти на Каму Пауку Заболоцкому с устюжскими волостели и вятскими, и с вятчанами велел идти Григорию Сукину. И велел князю Михаилу поставить по всем перевозам по Каме и по Вятке детей боярских, и стрельцов, и казаков, и вятчан. А свияжским воеводам велел по Волге поставлять также по всем перевозам, чтобы воинские люди в Казань да и из Казани не ходили.

О послании воевод в Свияжск град. Той же весною в апреле примчался Михалко Шипилов к государю от свияжских воевод, боярина и воеводы князя Семена Ивановича и от всех бояр и воевод, с грамотами. А в грамотах пишут, что к ним приехал боярин и дворецкий Даниил Романович, что царя Шигалея и со царицею вверх отпустил по государеву наказу; а горной стороны люди волнуются, многие сообщениями обмениваются с казанцами, а во всех правды мало чают, и непослушание многое, а начали верхние люди в город на Свиягу наезжать; и за грехи пришла немощь великая на государевых людей, цинга и язвы, многие и померли и иные мрут и больны лежат дети боярские, и стрельцы, и казаки. И государь посылает в Новгород Нижний, а велит идти боярам князя Александра Борисовича наспех на Свиягу с теми людьми, которые к ним рано собрались. А боярину Михаил Яковлевичу велел наряду дожидаться, а боярину Семену Константиновичу велел дожидаться остальных детей боярских да идти вместе с нарядом.

Той же весною примчался со Свияги к царю государю от бояр и воевод, от князя Александра Борисовича с товарищами, сын боярский Иванко Кочергин с грамотами, а в грамотах пишут, что на Свиягу пришли князь Александр и князь Петр дал Бог здорово. А про горную сторону пишут, что все изменили горные люди, а сложились с Казанью и приходили к Свияжскому городу на стада воеводские и детей боярских, которые приплыли с князем Александром, и годовых боярских детей, на заливы, да стада многие поотогнали за грехи; и посылали за ними казаков Алешу Кобызева с товарищами, и за грехи казанцы их побили, убили 70

человек, да и пищали взяли; а немощь за грехи не облегчается, мрут многие люди; а от князя Михаила из Камы ехали казаки в судах на Свягу за кормом, Северга с товарищами, и пришли на них казанские люди да Севергу побили, а самого в Казань живого привели да в Казани убили, и товарищей его всех побили, которые с ним были, 30 человек, и пищали взяли; а из Казани к ним прибежали полоняники, а сказали, что казанцы тех детей боярских, и казаков, и людей боярских, которых затворили без объявления вражды в городе у бояр у князя Семена Ивановича Пункова с товарищами, побили всех, а всех в городе затворили 180 человек детей боярских и боярских людей, и казаков, и стрельцов, иные многие убежали на Свягу, и пожитки воеводские между собой разделили. С Камы от боярина и воеводы князя Михаила Васильевича Глинского нижегородец сын боярский Костя Доможиров да два казака Васьки Палицына с грамотами, а пишет то, что по государеву наказу на Каму пришел, с Вятки к нему пришли Паук Заболоцкий и Григорий, дал Бог, здоровы; да привели от Михаила ногайского человека Янгару богатыря, а сказывают, что пришел из Ногаев Едигер-Махмет, Касимов царев сын астраханского царя, а прислали его ногаи по казанской присылке на царство в Казань, и тут переправить царя нельзя, великого князя люди по всей Каме; и казанцы повели его мест искать, где бы его провести, а Янгура приходил не со многими людьми на берег отвеждать, и казаки товарищей его побили, а его поймали, а со царевичем сказал 500 человек. И после того воеводы писали к государю, что царевич через Каму переправился тайно не со многими людьми и пришел в Казань, и посадили его на царство. Да с ними же писано, что на князя Михаила стражу пришли казанцы ночью да стражей побили, 4-х сынов боярских нижегородцев, двух Мирославовых, да Бабоедова, да Колбыцкого, да 17 стрельцов.

И немалая скорбь была о сем государю, что столько крови христианской проливается, но крепкий душою и храбрый в мысли сказал: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный, сходящий от Отца светом. Милуя, Господь наказывает нас, ибо тем самым исправляет нас». И пришел царь в соборную церковь Пречистой Богоматери и к первосвятителю Макарию митрополиту. И советовал митрополит государю: «Да принесутся мощи всех святых в церковь соборную, да совершится над ними служба и освятится с них вода; да пошлется тобою государем и нашим смирением кто от священников на Свягу к пречистой честного ее Рождества и ко всем церквам, да также молебные службы совершатся, и святят воды; и совокупят воедино, да святят город крестным обхождением и водами святыми, и всех людей оградят крестом и водою окропят, да может быть Христос за молитвы святых его утолит праведный свой гнев; да и к живущим во град послать

поучение, в чем, как люди, согрешили, да хотя бы мало отстанут от злб своих. Также царю и нам всем подобает по заповедям Христовым быть, да не прогневаем своего владыки, страшно же есть впасть в руки Бога живого». Царь же благочестивый принял во сладость совет святительский, поучение, и за дело принялись, и пришли вместе царь и святитель в церковь Благовещения пресвятой Богоматери, что близ Казны царской, и вынули мощи святых отцев из сосудов и положили на блюдо, и приняли их митрополит и весь священный собор и несли на головах своих в соборную церковь Успения пречистой Богоматери, и совершали молебные службы долгое время, и святили воду со всех мощей и крестом животворящим древом, на котором распят был владыко наш Христос и избавил род человеческий от адава мучительства. Царь же благочестивый пришел к чудотворному образу пречистой и к чудотворным и исцеляющим мощам святых отцев и со слезами многие часы моление творил, о чем, только единый Бог ведал, и совершив молитвенное, избрали царь и святитель мужа изрядного и наученного богодухновенному писанию архангельского протопopa Тимофея, и послали его в Нижний Новгород, и велели ехать вместе с боярами великого князя и с нарядом царским; и послал с ним митрополит воду святую и поучение к воеводам и ко всем живущим там.

Послание поучительное преосвященного Макария митрополита всея Руси во Свяжский град. Благословение преосвященного Макария, митрополита всея Руси, в новый Свяжский град о святом духе господина и сына нашего смирения благочестивого и христоролюбивого царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Руси государя самодержца, князям, и боярам, и воеводам, и детям боярским, и всем воинским людям, и всему христоименитому народу. Божию волею и великою его милостию, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и всех святых, от века Богу угодивших, и верою несомненною, и молением прилежным, и подвигом крепким, и упованием неуклонным к всемогущему Богу благочестивого и христоролюбивого царя нашего Иоанна, и по благословению нашего смирения и молением всего святительского и священного чина и всего православного христианства, благоволил Бог созданным быть граду сему и которые в нем святым Божиим церквам в честь, и в похвалу, и в славу пречистому и превеликому имени, которое в Троице славится, и того пренепорочной матери пречистой Богородицы и всех святых, и завершили град сей, и наполнился народа многолюдием, и всякого блага исполнился. И даровал Господь Бог благочестивому царю нашему и всему его христоролюбивому воинству светлую без крови победу над всеми супротивными. Казанское царство покорилося и во всю волю далось государю благочестивому царю нашему, а

казанский царь и царица в руки его предались, и крепкая его держава крымские князи, и уланы, и мурзы пленены были православного царя нашего воинством. И благочестивый царь и государь град Казань вручил своему царю Шигалею и со всеми казанскими улусами, а горная черемиса вся присоединилась к новому сему граду Свяжскому за нашего государя царя и великого князя, и тмочисленное множество христианского плена мужского пола и женского, и юношей, и девиц, и младенцев от языческих рук с радостью возвратились восвоаяси, никем не возбраняемы, но Божиею милостию, и государскою свободою, и вашим мужеством и храбростию. Крымский же царь, и ногайские князи, и многие орды, и литовские короли, и немецкие короли с мировыми грамотами и с честными дарами о любви и о мире своих посланников к нашему царю и государю присылали, и все концы земли утрашились, и от многих стран цари и царевичи и иных великих держав дети к нашему царю и государю приходили своею волею служить на его ласку и великое жалованье. И грады наши и страны мирны были и без мятежа пребывали, а казанские урожденные князи, и мурзы, и сеиты, и уланы, и все чиновные люди сами своею волею служить к нашему благочестивому царю пришли Божиим промыслом и православного царя нашего страхом и неотступны были. И за сии все несказанные блага что воздадим Господу нашему, и какое благодарение и похваление принесем ему? И совнимаєте, чада, чего Бог от нас требует против того? Ничего иного, только заповеди его соблюдать. Заповеди же его не тяжки, только что иметь истинную правду и непорочную и теплую веру к всемогущему Богу, милость, и мир, и любовь нелицемерную ко всем, и суд праведный, и бедным заступление, и скорое управление, и пленным освобождение, и чистоту душевную, вкупе же и духовную хранить и блюсти со всяким опасением, всегда воспоминаая смертный час и страшный суд в Христово пришествие. Особенно подобает воздержаться от объедения, и от упивания, и от всякого глумления непотребного, и пустошного смехотворения, и что себе не любо, иным не творить. Еще же молю вас, чада, да никак ж не презирать церковного пения, но всегда приходите к церкви со страхом Божиим и чистою совестью, не имея вражды, ни гнева ни на кого же, слушая божественное пение со всяким благоговением и вниманием, отложив всякое мирское попечение и словно на небе стоящими полагая себя; и от своих праведных трудов милостыню приносить церковным служителям, а также и нищим, да вдвойне от Бога раздающего воздаяния примите. В доме же своем во время еды, благословение от священников принимая, храниться от пустошных бесед, и срамных слов, и глумления, и всякого смехотворения, поскольку тут ангелы Божии невидимо предстоят, а от срамных

бесед ангелы Господни отбегают, как пчелы от дыма, и приходят злые бесы, и всевают злосмрадные плевелы в сердца человеческие, от которых вражда, злые намерения и всякие непотребные дела рождаются; и да от всяких вражьих соблазнов избавит нас Господь Бог. И не только, чада, сами должны вы исполнить евангельские заповеди и апостольское и отеческое предание, особенно же должны вы и подвластных вам учить и наказывать в благо, поскольку вы есть голова, и не пускайте и прочим заблудиться от истинного пути Божия, ибо слух ныне обносится неблагий до самого благочестивого царя, и до нашего смирения, и во многих людей, что некие в вас страх Божий отвергли и уклонились во страсти бесчинствия; и от того востязая вас, пишу сие. О чада, откуда помрачилось мудрование разума вашего? Под соблазн подпали, как люди, думаю, что воздремались от бесстрашия и страшного ради перемены, или непоминания ради небесного и вечного, или замышления ради земного скоро минующего, или забвения ради страха смертного и исхода души своей, которая же православную веру держащая и побеждающая злострастия скверные похоти. Однако произволение злое! Сотворил нас Бог по образу своему и по подобию, и о сем неблагодарны явились, но помрачились по плоти, а не по духу, забыв, что плотская мудрость вражда на Бога и закону Божию не повинуется, супротивное творили проклятию, бритву накладывая на браны свои, женам угодие творили, увы, и забыв страх Божий, и царскую заповедь презрев, и свою совесть поправ, чего в православной вере рабам не подобает творить, поскольку сие дело латинской ереси, и чуждо оно христианскому обычаю, и блудлюбие есть, а которые сие творят, поругается образу Божию, создавшему его по своему образу. И так безумием своим и законопреступлением бессрамно и бесстыдно блуд сотворяют с младыми юношами, содомское злоскарденное и богомерзкое дело. Особенно же не промолчу о безумии их, что не престают, Богу досаждая, осквернять Богом освобожденных пленных из язычных рук благообразных жен и добрых девиц, и сие от многих слышали. Если подлинно так зло содеивается в вас, и о сем оскорбились до зела, и печаль многая и боль злая объяла сердце мое, и восстенал горько: о горе и увы, обратили великую Божию милость на гнев и кротость на ярость! Зрите и разумеите меч и ярость гнева Божия: какое множество человеческое различными казнями, смертоносием и потоплением в нынешнее время скончается в вас. И если о сем не уцеломудритесь, и впрямь которые милости Божия получить надеетесь? Но молю всех от всей души со слезами: отстаньте от такового злого обычая. Или не ведаете, не сей ли ради блудной страсти и многого нечестия и законопреступления Божия навел Бог потоп на вселенную и землю Содомскую и Го-

моррскую огнем попалил, и Ниневию град великий уничтожил? И при Моисее пророче, когда ходили израильтяне по пустыни, и какую благодать, на супротивных победу, даровал им Бог, как и вам ныне показал Господь. И когда начали блуд творить, тогда не возмогли супротивных одолеть, но всегда побеждаемы бывали. И узрел Финеес блуд творившийся, и пронзил обоих, и угодил Богу, и прекратилась сеча, и вменилось ему в правду на многие поколения. А вы, о чада моя, честные вельможи и все подручные вам, если будет кто в вас такое творящий, не тот ли же Божий гнев на себя наводите, и не уже ли начинается? Смотрите, от таковой славы в такое бесславие уклоняетесь и от каковой чести в какое бесчестие низводитесь: иногда бывали супротивным страшны, а ныне от супротивных посмехаемы; а который град и люди вам в руки предались, ныне же вам супротивными являлись; и нашему благочестивому царю служить хотели, и те ныне против вашего множества на брань устремлялись. Слышите пророка говорящего: «Если кто не обращается, Он изощряет Свой меч, напрягает лук Свой и направляет его, приготовляет для него сосуды смерти, стрелы Свои делает палящими. И если не послушаете меня, меч вас заберет, и побежите, когда никто гнать вас не будет. Если же слушаете меня и волю мою сотворите, и заповеди мои сохраните, падут враги ваши пред вами от меча, и никто же супротив вас не станет, и благословлю вас, размножу вас, и блага земли обретете во все дни жизни вашей и вечную жизнь наследуете». Ибо уста Господня говорили сие в древности и ныне, и если, чада моя, слово Божие вмещается в вас, и наше смирение, и умиленное моление, и божественное поучение примете и отстаньте от всех сих злых дел, о которых выше писали, и с истинным покаянием к Богу прибегните сокрушенным сердцем и духом смиренным, отложив всякую гордость и неправду, и от духовных отцев епитимьями исправляя себя, и слезами и милостынею очищая, и так прощение грехов получите и Бога милостивого обретете. Ибо сам сказал Господь: «Обратитесь ко мне, и обращусь к вам». И если, чада, истинно покаетесь, ибо истинное покаяние отступление от греха, ибо не только благочестивому царю и нашему смирению и тем которые на земле работают Господу в заповедях его, в жизни сей радость сотворите, и всем небесным силам, как было писано: «Об одном грешнике кающемся великая бывает радость на небе ангелам, а кроме того самому Богу». Если же кто из вас забыл страх Божий, и заповедь царскую, и наше духовное показание, и не начнут каяться о своих согрешениях, отныне и впредь будут бороды брить или обсекать, или усы подстригать, или в скверные содомские грехи с отроками падать, или начнут с пленными женами и девицами в прелюбодейство и блуд падать, и потом обличены будут, тем всем быть от благочестивого царя в великой опа-

ле, а от нашего смирения и от всего священного собора отлучены будут по священным правилам от святой церкви и всего святого. И сего ради писал вашему благолюбству не мнения ради и иной вины, но ища пользы вашим едиnorodным душам бессмертным по Господней заповеди. И вы бы, о возлюбленная о Христе чада, благородные князи, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и все христолюбивое воинство благочестивого царя Иоанна, отныне и впредь с Божиею помощью храбро и мужественно за святую церковь и за нашу святую православную веру против безбожных агарян обо всем по наказу благочестивого и христолюбивого царя Иоанна. А милость Божия, и пречистой Богородицы и великих чудотворцев молитва и благословение, да и нашего смирения соборное благословение да будет с вашим благородством вовеки. Аминь. Писано на Москве лета 7060 месяца мая 21 дня. И в тот день отпущен протопоп.

О воеводском урядочении. В тот же год в мае постановил государь поход свой и полки велел расписать: в большем полку боярин и воевода князь Иван Феодорович Мстиславский да слуга и воевода князь Михаил Иванович Воротынский; а в передовом полку боярин и воевода князь Иван Иванович Пронский да князь Дмитрий Иванович Хилков; а на правой руке боярин и воевода князь Петр Михайлович Щенятев да князь Андрей Михайлович Курбский; а на левой руке воеводы князь Дмитрий Иванович Микуленский да Дмитрий Михайлович Плещеев. И отпустил государь воевод своих на Коломну князя Ивана Мстиславского с товарищами, а велел с людьми собираться, а правую руку на Каширу. А в сторожевом полку в Муроме боярин и воевода князь Василий Семенович Серебряный да Семен Васильевич Шереметьев; а велел им собираться с людьми с московских городов. А во своем полку государь велел быть дворовым воеводам боярам князю Владимиру Ивановичу Воротынскому да Ивану Васильевичу Шереметьеву. И в тот же месяц послал государь в Городок за царем Шигалеем. И царь к Москве приехал, и государь царя Шигалея жаловал великим жалованием, и чего Шигалей просил у государя, в Мещере многих сел, те ему подавал. Да бил челом Шигалей государю о Сююнбек царице Сафа-Гирея царя, а прежде Сафа-Гирея была она за Шигалеевым братом в Казани за Яналеем царем, и государь царя пожаловал, царицу за него дал.

Совет о Казани. Призвал государь к себе братию свою, и царя Шигалея, и бояр своих и советовался о Казани. И царь государю говорил, чтобы государь до зимы ждал из-за иных недругов и из-за того, что Казанская земля в великих крепостях, в лесах, в озерах и во ржавцах (болотах), зимою добро будет воевать. И государь ему говорил, что уже в судах отпустил воевод и людей многих, и наряд большой и запасы все отпущены; «а у них, гово-

ришь, леса и воды крепости великой; я же надеюсь на вседержителя Бога, он и непроходимые места сотворяет проходимыми и острые пути гладкими делает». И царь Шигалей государеву речь хвалит: «Изначала ваша, государей, пред ними правда, а их пред вами измена, Бог тебе, государю, на помощь». И постановил государь с братиею, и со царем, и с боярами: идти ему, государю, на Коломну, а с Коломны на Муром да на Саканское городище чрез Поле к Свяжскому городу. А царя Шигалея в судах отпускает и велит всем людям запасы и наряд служебный в судах отпускать к Мурому и Свяжскому городу.

О царском походе на Коломну, а из Коломны к Казани. Той же весною июня в 16 день в четверток первой недели Петрова поста пошел великий государь Иоанн Васильевич всея Руси на свое дело на Коломну. И вошел государь из своих хором в царские свои палаты к супружнице своей благочестивой царице и великой княгине Анастасии и такое к ней говорил: «Я, жена, надеюсь на вседержителя и премилостивого и всещедрого и человеколюбивого Бога, дерзаю и хочу идти против нечестивых варвар, и хочу страдать за православную веру и за святую церковь не только до крови, но и до последнего издыхания. Сладко же умереть за православие; то не есть смерть, что пострадать за Христа, сие есть жизнь вечная. Сие страдание приняли Христовы мученики, и апостолы, и лучшие благочестивые цари и сродники наши, и за то от Бога приняли не только земное царство, и славу, и храбрость на супротивных, и страшны врагам были, и многолетними и славными на земле пожил. И что много говорю о тленном сем и скоро минующем царствии и славе земной, но даровал им Бог за их страдание и благочестие, что страдали за православие, по отшествии от прелестного сего мира вместо земного небесное и бесконечную радость и веселие, что у Господа своего быть, и пред ангелами предстать, и со всеми праведниками веселиться, поскольку говорит божественное Писание: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Тебе же, жена, повелеваю никак о моем отшествии не скорбеть, но пребывать повелеваю в великих подвигах духовных, и часто приходите к святым Божиим церквам, и много молитвы творить за меня, и за себя, и за все православие, и многую милостьню творить убогим, и многих бедных и в наших царских опалах прощать повелевай и из темниц заключенных выпускать, да двойное воздаяние от Бога прием, я за храбрость, а ты за сии благие дела». И сие слышав благочестивая царица от государя своего благочестивого царя, об отшествии его, уязвилась нестерпимую скорбию и не могла от великой печали стоять, если бы благочестивый царь свою супружницу своими руками не удержал, ибо хотела пасть на землю,

и много часов, безгласной быв, плакалась горько; и едва возмогла великие слезы сдержать и высказала государю благочестивому и великому князю Иоанну: «Ты же, благочестивый царь, свет очей моих, заповеди его хранишь, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что хотел душу свою положить за православную веру и за православных христиан, я же как стерплю отшествие своего государя, или кто мне утолит горькую сию печаль, или кто мне принесет и споведает великую сию милость от Бога на благочестивом моем государе, что благочестивый царь самодержец всея Руси от всемилостивого и всещедрого вседержителя Бога милость получил и со всем своим христоролюбивым воинством сражавшись с нечестивыми и, одолев, на свое царство здрав возвратился? О всемилостивый Боже, услышь слезы и рыдание, дай мне сие услышать, о государе своем в здравии, и о милости твоей хвлящегося, и радующегося видеть. Не помяни, владыко, многих грехов наших, но сотвори нам милость свою по великой милости твоей, по многим щедротам твоим. И ты, о премилостивая прещедрая и крепкая помощница роду христианскому, царица и владычица, мать небесного царя и Господа, пречистая Богородица, услышь молитвы рабы своей, подвигнись на молитву к родившемуся из тебе Христу Богу нашему, да подаст на супостатов победу государю моему и его здоровым возвратит, и мне его здоровым видеть сподобь, милость твою похваляя, когда твоим, владычица, заступничеством и молитвою одолеет врагов своих». Благочестивый же царь, свою царицу утешив словами и наказанием и целование дав, отошел от нее.

О походе. Пошел государь в соборную церковь царствующего града Москвы пречистой Богоматери честного и славного ее Успения, и любезно припал к чудотворному ее образу, и с плачем на долгий час молитвы простирал, на нее все упование возлагал, и передавал в руки ее град, и людей, и все царство вручил ей от всемогущей десницы сына ее и Бога, и явственно вещал: «Ты, владычица, покрой честною себя ризою и от всех зол соблюди царство сие, нас же наставь на путь спасения и сподобь образ свой в радости видеть и всем своим». Также и к чудотворным образам владык и всех святых со слезами припадая, молился, приходил же и к чудотворным мощам Петра митрополита, а также много время молился тому единому сведущему.

О благословении. Благословляется у первосвятителя Макария митрополита всея Руси и говорит митрополиту, архиепископу, и епископам, и всему священному собору: «Пожалуйте, господин, постараетесь в настоящее сие время на пост и на молитву и молитте Создателя, и пречистую Его Богоматерь, и великих чудотворцев, чтоб Христос не прогневался на нас до конца, и не помянул бы юности моих согрешений и невежествий, и не связал бы

моими грехами такое множество народа, призрил бы на людей своих щедротами своими, и подал бы нам помощь и утверждение, и не предал нас врагам нашим, и многое христианство, томимое безбожными казанцами, освободил, и сотворил бы нам помощь, как его воля святая; а я вам, господин, челом бью и молю ваше святительство. Ты ж, господин отец мой Макарий, митрополит всея Руси, постарайся, сколько тебе Бог даст, во всем беречь царства нашего, а владыку нашего Христа моли; брата же нашего на благонравные дела поучай, а также и бояр, оставшихся здесь, во всем наказуй; также, господин, и жену царицу Анастасию, непраздную, во всем побереги». Митрополит же и владыки государю со слезами вопиют: «Подобает же тебе, государь, за порученное стадо мужественно стоять и данный тебе талант умножать, да не нарчешься наемник, но истинный пастырь, который душу свою отдает за овец. Но только, царь, нас сирых на кого оставляешь? О добрый пастырь, свет очей наших, куда идешь?» Государю же к нему говорил: «На Пречистой упование и надежду все возлагаем, да на ваши святые молитвы уповаю: просите и примите».

О благословении. Митрополит государя благословляет крестом животворящим, говоря: «Благодать Святого Духа да будет с тобою, царем православным, и со всем твоим христоролюбивым воинством». И о Христе целование дав, от всех тут стоящих государь благословляется, и с таким благословением и молитвою исходит государь из церкви, выходит на коня своего и шествует, будучи Богом наставлен, и идет государь к селу своему Коломенскому, тут ему кушать. И кушаючи, государь всех с ним бывших весьма жаловал и пошел к селу своему Острову, тут было ему ночевать. И пришел государю на пути из Путимля станичник Ивашко Стрельник от Адара Волжина, а рассказывает, что идут многие люди крымские к украине государевой, а того неведомо, царь ли или царевич, а уже через Донец Северский переправились. Государь же нисколько о сем не усомнившись, пошел к Коломне и взял с собою брата своего князя Владимира Андреевича, а из Острова князь Владимир воротился. И всех государь утешал словами обнадеживающими: «Имеем на Бога упование да и на свою правду, перед крымским царем не повинен ничем. Он, рыкая, хочет поглотить христианство, но милосердый Бог сотворит, как похочет».

О приходе царском на Коломну. Пришел государь на Коломну того же месяца в 19 день в воскресенье, и тут приехал Адар Волжен, а рассказывал, что идут многие люди крымские, а ожидают их на Рязань и к Коломне, а иные украины государевы проходят, а того неведомо, царь ли или царевич. И государь велел у себя быть царю Шигалею и послал полки на берег. Большему полку велел стать под Колычевым, а передовому перед Ростиславлем, а

левой руки под Голутвиным; и как только будет царь крымский, государь умыслил с ним делать прямое дело. Царя же Шигалея отпустил в судах в Городок, поскольку царь великое тело имел и не мог скоро на конях ездить; разумен же царь был преизлишне, но не храбр был на ратях и дружине своей неподатлив. Государя же вестники поспешать заставляют: приехал станичник Васька Александров, а сказывал, что многие люди к Рязани собираются, а иные украины многие проходят.

О рассмотрении полков. Государь наш благочестивый царь твердый верою к Христу, целомудренный в разуме, храбрый в воинстве, светлоприветливый и податливый к подручным ему от Бога готовился на брань против безбожных, приказал во своем полку воеводам боярам своим князю Владимиру, Ивану, да рассмотрят его полка всех воинов, да велят приготовиться на брань. А сам государь, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича и несколько бояр искусных на ратях, поехал к Оке реке, и рассматривал места, да как совокупить воинов и сотворить ополчение на безбожных. И в полках воеводам, в большем полку и в прочих воеводам, государь приказал также готовиться на брань и рассмотреть воинов. Воевод же и детей боярских государь жаловал и словом утверждал, да не постыдятся против агарян, а вещал: «Ибо агаряне они, ни Бога не имеют, ни воздаяния не чают; мы же имеем владыку своего Бога Христа. Если за имя его страдание примем, то мученическими венцами увенчаемся; приближается же нам время мужественно утвердиться за имя святой Троицы и за едиnorodную свою братию православных христиан». Воеводы же и дети боярские утвердились разумом и радовались надеждою, видя государя своего целомудренным, что их жалует, вооружая на брань, утверждая благодатию, все едиными устами государю вещали: «Готовы мы, государь, за веру христианскую и за тебя, государя, пострадать и до смерти». Государь же приехал на Коломну, и воеводы его полка встречали, сказывали государю, что его полка все люди готовы на супротивных. Государь же им сказывал, где избрал место ополчиться против царя крымского, а также и про воевод и детей боярских, что смышлено государю отвечали. Посылал же государь к Москве к своей царице и к отцу своему Макарию митрополиту всея Руси, восписуя к нему так.

Послание к митрополиту. «Преосвященному отцу нашему Макарию, митрополиту всея Руси, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет. Посоветовались мы с тобою о том, что царь крымский идет на наши украины, и нам бы, взяв Бога в помощь, идти самим для избавления христианского, и ты нам благословил. И ныне пришли на Коломну, и приехали станичные наши, а сказывают, видели людей многих, а идут воевать в нашу землю. И мы, положи упование на Бога, и пречистую его

Богоматерь, и великих чудотворцев, соборно и отдельно о нашем согрешении и о всем православии молили, чтоб милосердый Бог вашими святыми молитвами не помянул нашего согрешения пред собою, не предал бы нас иноплеменникам, но дал бы нам Бог мужество, храбрость, целомудрие и единогласие всем православным, поскольку вселяет Христос единомышленных в дом свой. Да пожаловал бы ты во всех святых местах по монастырям и по соборам велел поусердствовать в молитвах и в посте настоящего для времени».

Месяца июня 21 против среды примчался к государю гонец с Тулы, а сказывал, что пришли крымские люди на тульские места к городу Туле; а думают, что царевич не со многими людьми. Государь же тотчас послал, а велел идти на Тулу с Каширы правой руке боярину князю Петру Михайловичу Щенятову да воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому, а из-под Ростиславля боярину князю Ивану Ивановичу Пронскому да князю Дмитрию Ивановичу Хилкову, да из-под Колычева князю Ивану Михайловичу Воротыньскому; а сам с утра хотел пойти наспех со всеми людьми. И на исходе ночи против среды примчался с Тулы горожанин, а сказывал, пришли немногие люди, 7000, воевав, поворотились из земли. Государь же посылал, а велел воеводам выше-сказанным наспех идти, а себя государь без известий не велел ни часу держать и велел им наперед себя посылать доведаться, многие ль люди и можно ли их дойти. И в четверг, когда государь за столом сидел, примчался с Тулы гонец от князя Григория Темника, что царь пришел и приступает к Туле, а иные многие люди воюют, наряд многий с ним и многие янычары турецкого. Государь нисколько не помешкав, не завершив стола, прибежал в церковь пречистой Богородицы Успения, и владыке Феодосию повелел молебны петь, и вечернюю повелел наскоро петь в пределе: ибо случилось то утром Рождества Иоанна Предтечи, а обычай имел царь благочестивый никогда же погрешать перед законом уставного правила. И отпустил воевод своего полка за город, и повелел на поле полк строить, и большего полка воеводе князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и левой руке воеводам велел пред собою спешить и через реку Оку перевозиться. Сам же государь, слушав вечерни и молебны, приходит к пречистому образу Богоматери честного ее Успения, со слезами вопиет, молясь: «О владычице, не выдай стада своего похитить свирепому зверю, который внезапно рыкает поглотить». И прочие молитвы воссылал к Богу только единому сведущему, благословился же и от владыки Феодосия, ему приказал не исходить из церкви, до тех пор пока что Бог произведет. А сам пошел государь на коня своего и приехал в полк свой, полк же вскоре собрался, пошел к Кашире, ибо там был прямой к Туле путь. И собрался полк великого

государя столь многочисленный, что поля коломенские их не вмещали, бывшие с государем многие люди, которые во многих боях бывали, множество людей видали, а такое величество полка не видали, что дивились всем величию полка и порядку царскому, что в малое время столько людей сыскалось, что на потеху и на ловы не так собираются люди, как к смерти за благодать Божию и государя нашего любовь и порядок. Ибо и не все люди совокуплены были тут: многие были в Свяжском городе из-за Казани дворян и детей боярских, а также и в Муроме; просто скажу: в Муроме московские города, а со государем на Коломне бояре его и зажиточные и выбором дети боярские, а в полках новгородские люди. Пришел государь близ Каширы, и приготовили государю перевозки на Оке, а Мстиславский с товарищами уже переправились через реку, и ожидал князь Иван Федорович царского пришествия. И встретил в тот же день в четверток на вечер от Григория Темника гонца близ Каширы Гришу Сухотина, а сказывал, что пришел царь крымский Девлет-Гирей и с сыном своим, а с ним все крымцы и турецкого многие люди, турки и янычары, и войско с ним велико, а наперед себя присылал 7000 спешно к городу Туле. Во вторник июня 21 с теми к государю вестями Темник отсылал, а ожидал малого числа людей.

Июня 22 дня в среду на первом часу дня пришел царь к городу Туле со всеми людьми и с нарядом да приступал день весь, и из пушек бил по городу, и огненными ядрами и стрелами стрелял на город, а во многих местах в городе дворы загорелись, и в ту пору царь велел янычарам турецкого султана приступать многим людям. Воевода же великого князя князь Григорий Иванович Темник и немногие люди с ним, поскольку внезапно пришел к Туле, уже прошел тульские украины, и люди воинские поехали к государю. И начали во граде православные христиане молить всемилостивого Бога, и пречистую Богородицу, и великих чудотворцев о помощи на язычников, об избавлении от них. И помощью всеильного Бога огонь во граде угасили и столько с нечестивым бились, что от града отбили и с градом язычные несколько не преуспели. На утро же в четверток хотели нечестивые хотение свое совершить, видя что людей немного во граде, велели к граду приступать и с пушками и с пищальми. И не хотел Бог дать роду христианскому погибнуть, и учинилась весть в городе, что царь православный приближается, также и нечестивые получили от полона то ж слово. И узрели со стен градных пыли множество восходящей до неба от великого князя людей, и возопили люди во граде во многие голоса: «Боже милостивый, помоги нам, поскольку царь наш православный приближается к нам». И устремились все на безбожных, и вышли из града не только воеводы, и воины, и все мужи, но и жены, восприняв мужскую храбрость, и

младые дети, многих татар под градом побили и царева шурина убили князя Каимбирдея, и наряд пушечный, ядра, стрелы и пороха много, на разорение градное привезенное, взяли православные. И в тот час нечестивый царь Девлет-Гирей крымский побежал от града с великим срамом, а с градом не преуспел нисколько, и на Поле побежал, так как близ града Тулы было Поле. И про воевод государю Гриша Сухоткин сказал, что пришли к Туле в тот самый час, когда царь побежал от града, и князь Григорий Темник его к государю послал, а воевод всех у города встретил; и пришли к ним с Прони воеводы князь Михаил Репнин, а с Михайлова города Федор Салтыков.

Государь благочестивый у Каширы стал ночевать, а на утро хотел идти за ним на дальний поход. И в пяток рано приехал от воевод к царю Бебех Глебов, а сказал от всех воевод, что воеводы пришли на Тулу, а царь побежал за три часа до них; а люди многие были в набегах за добычей, воевав Тульские места, и многих попленили, поскольку внезапно пришли. И воеводы Божиим милосердием и государевым счастьем побили многих людей, и многих живых взяли, и полон многих отполонили. И догнали царя побитые его на Шивороне речке, и царь побежал, телеги побросал и верблюдов многих порезал, а иных живых побросал. И привели к государю многих языков и верблюдов царевых. Царь же благоверный прославил всемилостивого Бога, что таковую победу даровал ему над язычниками, и повелел языков пытать. И сказали языки, что того ради пошел царь на Русь, что сказали ему в Крыме, что царь и великий князь со всеми людьми в Казани. И когда пришел близко Рязани, и взял станичников, и те сказали, что великий государь на Коломне, а ждет царя и хочет с ним за православие прямое дело делать. И царь де хотел оттуда возвратиться к Крым; князи же ему сказали: «Если хочешь срам свой покрыть, есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостями и лесами, и далеко от Коломны, и ты учинишь тому, что и в Литве Бряславлю». Царь же, их совета злого послушав, пошел к Туле, но Божиею милостию нисколько не преуспел, со срамом возвратился.

Царь благочестивый пошел на Коломну, и встретил его владыка Феодосий со священным собором с крестами и со всем народом, и благодарствия воссылал Богу об избавлении нас от язычников. И к Москве государь посылал к своей царице, и к митрополиту, и к князю Юрию, брату своему, возвестить о величии Божиим Ивана сына Петра Яковлева; а тех языков государь, и верблюдов, и наряд пушечный, взятый у царя крымского, послал царь к Москве с Семеном сыном Василия Яковлева. И посылал государь писание к митрополиту Макарию, подвизая его на молитву, и требует от него благословения, что касается пути к Каза-

ни. А на Свягу государь послал возвестить своим воеводам и всем людям Божие милосердие о крымского царя приходе и про свое шествие к Казани Федьку Черемисинова. Месяца июля в 1 день воеводы к государю с тульского дела пришли и сказали государю, что хан уходит без намерения возвращаться, а станичники приезжают, и те сказывают, что царь великим спехом идет верст по 60 и по 70 на день и коней меняет много. И за службу государь воевод жаловал.

О совете царском. Начал государь мыслить с братом своим князем Владимиром Андреевичем, с боярами и со всеми воеводами, как идти к Казани, на которые места. И постановил идти государь надвое, чтобы не было тесно людям, а самому государю идти на Владимир и на Муром, а воевод отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходиться на поле за Алатарем. Много же несогласия было в людях, дети боярские новгородцы государя стыдили, а били челом, что им невозможно, столько будучи на Коломне на службе от весны, а иные и за государем ходили и на боях были, да такую еще долготу пути идти, а там на многое время стоять. Государю же о всем не малая скорбь, но великая была, что так неудобно вещают. Но добрый страдалец и непоколебимый в разуме, не ища чести своему величеству, прекратил много гласов народных молву, велел людям роспись делать: кто захочет с государем идти, тех государь хочет жаловать и под Казанью перекормить; а кому невозможно, остаться на Коломне. А также велел и о нуждах выпросить, да и впредь уведает государь всех людей своих нехватках. Они же нужды свои и нехватки сказали государю, и многие беспоместные, а иные и поместные многие да не хотели шествовать долготы пути необходимого, но видели все люди, что неуклонно государь мыслит и попечение имеет о христианстве, а не ищет своего и славы мира сего не желает, ибо мысль его была выпреть к Богу и о порученном ему от Бога христианстве, и отвечали все одинаково и в один голос: «Готовы с государем, а он, государь, нашего промысла начальник, здесь и там нами промыслит, как ему, государю, Бог известит».

Месяца июля в 3 день благочестивый царь в путь тронулся, а взял с собою брата своего князя Владимира Андреевича и велел ему идти с собою в полке; а на Рязань и на Мещеру отпустил государь большой полк, да передовой, да правую руку. И пришел царь в церковь Успения пречистой, которая на Дону была, с преславным и великим князем Дмитрием Ивановичем, и молил со слезами много часов, и благословился у владыки Феодосия. И пошел государь к Владимиру, и шел до Владимира 5 дней, и пришел во Владимир июля 8 дня в пятък. И пришел государь в церковь пречистой Богоматери, и по всем святым местам и по монастырям, тут бывшим, обошел и молил создателя Бога, и пре-

чистую его Богоматерь, и великих чудотворцев, и у родителей своих, прежде почивших государей, благословился, и у настоятелей, архимандрита, и игуменов, и у протопопов благословился, а завещал настоятелю великим молением о молитве и посте о настоящем сем деле. И тут во Владимир приехал к государю со Свяги прежде посланный со святыми водами архангельский протопоп Тимофей, возвещая государю Божие щедроты и долготерпение человеколюбца, и сказал, что он приехал на Свягу, и во храме пречистой Рождества пели молебны с тутошними пребывающими священниками, и, свята воды и совокупившись воедино, ходили с крестами около града и по всему граду, кропя святыми водами всех, а воеводы и все крестьяне, пребывающие во граде том, со усердием и со слезами молили Бога и за крестами ходили: «И Бог, видя твою государеву неотложную веру и отца твоего и богомольца архиерея Макария, митрополита всея Руси; и всего священного собора молитвы, и всех христиан прошения, подал свою милость, болезнь прекратилась, и внезапные смерти Бог унял, больные встают». Государь же, воздав благодарение Богу о его человеколюбии, отпустил протопопа к митрополиту. А сам государь пошел из Владимира июля 10 дня в воскресенье к Мурому и пришел в Муром того ж месяца 13 в среду. И пришел государь в соборную церковь града того Рождества пречистой и к сродникам своим великим чудотворцам князю Петру и княгине Февронии, и по всем святым местам обошел с молениями. В Муроме приехал к государю от митрополита боярин митрополитов, а привез к великому князю грамоту, утверждающую царя и все его воинство постоять за благочестие, а в грамоте тот пишет так.

Послание к благоверному царю и великому князю государю Иоанну Васильевичу всея Руси от святейшего Макария митрополита всея Руси. Благословение преосвященного Макария митрополита всея Руси о Святом Духе возлюбленному сыну нашего смирения Богом почтенному и Богом венчанному царю государю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси самодержцу. Вместе же с твоими богомольцами, а с моими о Христе детьми и со служебниками нашего смирения, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами и со всеми священными соборами русской митрополии, соборно все тебя, великого царя и государя, благословляем. И человеколюбием молим со всеми священными соборами и со всеми православными всемилостивого Бога, всех творца и зиждителя, и его пречистую Богоматерь деву, всему миру заступницу, о благосостоянии святых Божиих церквей, и о многолетнем тебе телесном здравии и душевным спасении великого твоего благородства, и твоей благородной и христоробивой царице великой княгини Анастасии, также и о твоей братии князе Георгии, и княгине его, и князе Владимире Андреевиче,

чтобы Господь Бог умножил имущество ваше и даровал бы Бог вам сынов наследников вашего царствия. А также молим Бога и о всех ваших князях, и боярах, и воеводах, и детях боярских, и о всем вашем христоролюбивом воинстве людях православных, которые поборниками выступают по благочестию, и о нынешним подвиге вашем, что с Божиею помощью и заступлением мужественно тебе, царь, и царски добро достоять и со всем христоролюбивым воинством против супостатов своих безбожных казанских татар, твоих изменников и отступников, которые всегда неповинную проливают кровь христианскую и оскверняют святую церковь. И за то более тебе, благочестивому царю Иоанну, с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всем своим христоролюбивым воинством весьма храбро и мужественно подобает подвизаться с Божиею помощью за святую Божию церковь и за всех православных христиан, неповинно в плен уведенных, и расхищенных, и всяческими бедами от них томимых, и многообразными страстями оскверненных. И сих ради всех жалости и наиболее подвизаться вам за свою святую чистую нашу и пречестнейшую веру христианскую греческого закона, которая во всей поднебесной, как солнце, сияет православие во области и державе вашего царского отечества, и дедовства, и прадедовства, на них ж свирепеет всегда гордый змий вселукавый враг диавол и воздвигает на них лютую брань язычными царями, твоими недругами, крымским царем и их пособниками язычными народами, крымскими татарами и казанскими, которые в последствии во дно адово зрят, где будут наследовать огонь неугасимый и тьму кромешную. И мы же, смиренные богомольцы твои, о благочестивый царь Иоанн, всегда благодарим и молим Господа Бога и его Богоматерь пречистую, всего мира заступницу, и просим несказанных щедрот его милости, что о пособлении и укреплении твоего на них царского благородного ополчения и всего вашего христоролюбивого воинства православных людей, что да пошлет тебе Господь свыше на помощь вашу скорого своего архистратига Михаила, заступника и воеводу святых небесных сил, бывшего в древности помощником Аврааму на Ходоллогомора, царя содомского: ибо имел с собою воинов 300 000, Авраам же 318 своих домочадцев, и Божиею силою и помощью великого архангела Михаила победил их. А Иисусу Навину был помощник тот же архистратиг Михаил, когда обступили Иерихон град, в котором были 7 царей хананейских, и повелением Божиим от архангела Михаила стены градные пали сами до основания, и Иисус Навин царей и всех людей иссек. А также пособник был и Гедеону над мадианитянами, которых было 1000, Гедеон же с 300 своих воинов их победил, имея с собою в ночи фонари со свечами, и мадианитяне сами меж себя иссеклись смятием архангеловым. А также и при бла-

гочестивом царе Езекие окружил Иерусалим град Сennaхирим, царь ассирийский, с воинами своими и укорял Бога израилева; и помолился Езекия Богу, и послал Господь Бог архангела Михаила, и в одну ночь убил от полку ассирийского 185 тысяч. А вашему от Бога царскому благородию на ополчение благочестия тот же святой архистратиг Михаил архангел истинный заступник и поборник против язычных народов. Также и ныне, о благочестивый царь, и мы богомольцы ваши с Божиею помощию надеяние имеем на всемилостивого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и на его Богоматерь пречистую, всему миру заступницу, и на великого архистратига Михаила, и на всех святых молитвы надеемся и молим соборно со слезами, что помогут они тебе, благочестивому царю, нынешнему от Бога вашему ополчению и всему твоему христоролюбивому воинству на супостатов ваших, язычных народов измаильтянского рода, и покорил бы вскоре всех видимых и невидимых врагов ваших, и чтобы Господь Бог совершил твое царское желание и хотение сердца твоего помощию и поспешением великого архистратига Михаила и прочих сил бесплотных, и молитвами святого великого Иоанна Предтечи, и святых верховных апостолов из двенадцати Петра и Павла, и возлюбленного апостола Иоанна Богослова, и 70 святых апостолов, и великого чудотворца Николы, и великих трех святителей молитвами, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Петра, Алексея, и Ионы, и Леонтия чудотворцев, и поспешением святых Христовых страстотерпцев и способников наших Георгия, Дмитрия, и Андрея, и Феодора стратилатов, и благочестивых от Бога сродников ваших великого и равноапостольного князя Владимира и сынов его святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и молитвами преподобных и богоносных отцов наших чудотворцев Сергия и Варлаама, Кирилла и Пафнутия, и святого великого князя Александра Невского, и всех благочестивых сродников ваших и прочих всех святых молитвами, да оградит вас Господь невидимо силою честного и животворящего креста и пошлет свыше милость свою великую на вас, и спасены будете. Но только ныне молим тебя, благочестивого царя Иоанна, и брата твоего князя Владимира Андреевича, и всех твоих вельмож, князей, бояр, и воевод, и все твое христоролюбивое воинство, да пребудете в чистоте, и во смиренной мудрости, и в целомудрии и покаянии, и в прочих добродетелях. Наиболее же молим и благословляем, да пребудут у тебя, благочестивого царя, все твои вельможи и все твое христоролюбивое воинство в любви, и послушании, и во страхе, и мире, и в единении, и в страхе на врагов о всем по воле Божии. Если цареве сердце в руке Божьей, то всем подобает по воле Божией и по царскому велению ходить и повиноваться со страхом и трепетом, как сказал божественный апо-

стол Петр: «Бога бойтесь и царя чтите». И еще тот же апостол сказал: «Не напрасно царь меч носит: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». И потому молим и благословляем ваше боголюбство, отныне и впредь да сохранитесь все от гордости, и пьянства, и падения душевного и телесного; да никто же не подумает что мал тот грех гордость, и пьянство, и падение, ибо велик он: по божественному апостолу всякий пьяница, и блудник, и гордый не имеет чести во царствии небесном. И еще тот же апостол сказал: «Пьяницы, блудники и лихоимцы царствия Божия не наследуют». И еще тот же божественный апостол, собрав, отрек: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют». Ибо многие праведники и сильные и храбрые святые цари от гордости и пьянства пали: как праведный Ной, упившись, обнажился и посмеян был; так же и праведный Лот, упившись, пал лютым падением с обеими дочерьями. Кто был храбрее Самсона сильного? В одно время ослиною челюстью 1000 иноплемеников убил, и, возжаждал, весьма хотел воды пить и не нашел; настолько был свят, что помолился к Богу, от той же сухой кости, ослиной челюсти, источились воды и утолили жажду, и потом многие победы сотворил; и возгордился и после упился и упал, ослеплен, был иноплеменикам на посмех и игралище. И кто был Давыда царя выше в добродетелях? Но мало воздремался и, забывшись, пал от ярости и много от того пострадал, и до последнего своего воздыхания на всяк день и ночь постель свою слезами омочал. Кто же Соломона премудрого блаженнее? В старости и при кончине, возгордившись, пал и погиб. Кто же Израиля боголюбезнейше? Но падения ради богоубийца явился. Как написано: сели люди есть и пить и восстали играть, и пали в один день две тьмы и 3000, иных земля поглотила, иных огонь попалил; и многие в божественном Писании в Новом и Ветхом от гордости, пьянства и падения погибли. И если праведных, и святых, и сильных, не только простых, но и царей и пророков и прехвальных гордость, и вино, и падение погубило, тем более же нам, слабым по сути и во грехах пребывающим, от таких удаляться и бегать, как от змия. А кто сохранили смиренную мудрость и чистоту, не только девство, но и по закону брака, многие победы сотворили и славны и спасенны были. Как благочестивый царь Константин, и благочестивый царь Феодосий Великий и Феодосий Юны, и прочие греческие цари, православного по закону брака сохранив чистоту, многие победы сотворили и прославлены от Бога были, также и в вашем Российском царствии благочестивый и равноапостольный святой прадед твой князь великий Владимир киевский и всея Руси, и сыновья его, и внуки,

и правнуки, и все российские цари, даже и до твоего боговенчанного царствия, сохранившие чистоту по закону брака, многие победы над язычниками сотворили и прославлены от Бога были; как более нас и сам, царь, ведаешь храбрость прародителей своих, боговенчанного царя Владимира Мономаха, и храброго великого князя Александра Невского, и прочих сродников твоих, какие победы над язычниками сотворили и прославлены от Бога были. Тебе же, великому князю царю Иоанну, и брату твоему князю Владимиру Андреевичу, и всему вашему христоролюбивому воинству ныне время благопотребно, но с Божиею помощию о истинно подвизаться и великое попечение иметь. Если и скорбно случится вам претерпеть Христа ради, не отменяйтесь, ибо сладок, сказал, рай и велико воздаяние, по божественному апостолу, так как никто, не пострадав, венец не принял; или кто, спя, победы сотворил, или кто, почивая, похвалу принял? Ибо болезни рождают славу, и труды исходатайствуют венцы. По сказанному Христову слову во святом Евангелии: «Претерпевший до конца, тот спасен будет». Ты же о Христе, о царь, подвизайся и с прочими твоими христоролюбивыми воинствами в чистоте, и покаянии, и прочих добродетелях, как писание говорит: «Не столько совершается работа от раба, сколько когда сам придет господин, ни же когда царь посылает воинов на брань, но когда сам придет». Ныне же по достоинству тебе, царь, и тем, кто с тобою по твоей премудростной хитрости самому подвизаться с Божиею помощию и супротивников так, победив, низложить. Ибо там где хочет Бог, побеждается естества чин, там где царево пришествие Божиею помощию, тут и чин приходит. Но сколько велик ты, столько смиряй себя, поминай сказавшего: «При славе будь смирен, при печали же мудр». Особенно же поминай, царь, Спасова Евангелия слово, что «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится». И того ради смирения покорит Господь Бог под ноги твои всех врагов твоих, и пошлет тебе Господь в пособники ангелов своих и всех святых мучеников, и смятут супостатов твоих, и одолеешь посреди врагов твоих, и сбудется на тебе, благочестивом царе, Божие слово, пророком произнесенное: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресел царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю». Вот твердое честное и крепкое царство да дает Господь в руки твои и сыновьям сынов твоих на многие поколения, Богом утвержденный царь. А если, о благочестивый царь, в ополчении от Бога вашего пречестного подвига и благочестия и победы над супостатами вашими случится кому от православных христиан на той брани до крови

пострадать за святую церковь христианскую, и за святую веру христианскую, и за множество народа людей православных и потом живым быть, те поистине пролитием своей крови очистят прежние свои грехи, которыми после святого крещения согрешали и осквернены были, и о всем о том от Господа Бога прощены будут, и не только прощены будут и отпущение грехов от Бога получат за пролитие своей крови, но двойное воздаяние воспримут в нынешнем веке, приложение лет и здравие животу, но и в будущем веке двойное воздаяние воспримут за пролитие крови своей. А если случится кому ныне из православных христиан на том вашем царском ополчении не только кровь свою проливать, но и до смерти пострадать за святую церковь, и за православную веру христианскую, и за множество людей православных, которых Христос искупил от мучительства честною своею кровью, и его Христово слово исполните: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», тот по сказанному Господню слову второй раз мученическое крещение воспримет, и пролитием своей крови очистится и омоет от души скверну своих согрешений, и весьма очистят свою душу от грехов, и воспримут от Господа Бога вместо тленного нетленное и небесное, и вместо труда вхождение вышнего града Иерусалима наследие. А за оружие и за благострадание телесное вечных благ восприятие и за мечом усечение и копьем проткновение с мучениками и ангелами радость несказанную, по божественному апостолу сказанное, воспримут. И не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его, в день от мздовоздаятеля праведного судии Господа Бога терпения венцы воспримут и покой вечной жизни в бесконечные века. Аминь. Нашего смирения совершенное благословение и молитва соборная богоспасаемым полкам твоим, что за веру христианскую страдать всем вкупе православным, и по благодати Святого Духа прощение и благословение в сей век и будущий, а от всеблагого и милосердного человеколюбца Господа Бога неосужденным предстать на страшном суде и со всеми святыми и праведными благодать часть получить, и небесного царствия достойны будут, которого молим получить и всем нам. И снова благодарим же и хвалим, о благочестивый царь, о сем великое твое царское остроумие, и храбрость, и Богом данную тебе премудрость о святых твоих церквах, и за православную веру христианскую, и за всю царскую великую обиду, и за отечество мужественно стоять и царски и храбро подвизаться от Бога. Да постарайся и сим, царь, сохранить сии святые евангельские четыре заповеди: храбрость и мудрость, правду и целомудрие и потом суд праведный и милость к согрешающим, по сказанному Христом во святом Евангелии: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», и прочее. По-

том же сказано: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Написано же: «Мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости». И еще: «дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание». Ибо сим образом много проживешь времени, царь, и приложатся тебе лета жизни. С сими ж всеми да будет свыше Божия благодать, мир и милость, вкупе же и спасение от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистой его Богоматери молитва и покров, и всех святых молитвы и благословение, да и нашего смирения великое челобитье и благословение и молитвы соборные, да всемирные молитвы всегда да будут на тебе, нашем великом и благородном государе и православном и боговенчанном царе и великом князе Иоанне Васильевиче, самодержце всея Руси, и на твоём христолюбивом воинстве. И да умножит Господь лета жизни вашей, и возвысит Господь десницу твою царскую над всеми твоими недругами и врагами, и устроит Господь Бог царство твое мирно и вечно на многие поколения и во многие роды. Аминь. Писано на Москве лета 7060 июля в 13 день.

Государь благочестивый прочел писание митрополитово, благодарно воспринял и вовнутри на скрижалях сердца своего написал, а грамоту велел прочитать брату своему князю Владимиру Андреевичу, а также и всем боярам и воеводам, да и все прочли, благоприятно сие восприняв. Государь же послал грамоту свою, а в грамоте пишет сие.

Послание от благоверного царя и великого государя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца к митрополиту Макарию всея Руси от его царской руки. Преосвященному отцу нашему Макарию митрополиту всея Руси царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет. Писал ты, господин, к нам в своей грамоте, поучая нас отстать от грехов и утверждая по благочестию поборниками быть. И мы, господин, на твоём жаловании челом бьем, на пресвященных словах, а призывая всемилостивого Бога в помощь, положив упование на пречистую Богоматерь, и на великих чудотворцев, и на твои святые молитвы, и на утверждение, и с братом своим князем Владимиром Андреевичем, и с боярами, и со всем христианским воинством в путь трогаемся. А из Мурома идем в среду на пророка Ильи день. И тебе, господину своему и отцу, пастырю и ходатаю к Богу о душах наших, и всему православному собору много челом бьем, чтобы ты пожаловал, молил Бога, и пречистую его Богоматерь, и великих чудотворцев, чтоб не помянул Бог невежества грехов наших многих, и вашими бы святыми молитвами ослабление Бог даровал ведомым и неведомым согрешениям нашим, и устроил бы создатель путь нам мирным и немятежным, и врагов бы наших ино-

племенных в покорение и во умирение привел, бедное же христианство, грехов ради наших страдающее у них в великих бедах, освободил и к себе возвратил, а царство бы наше, порученное Богом тебе и нам, во время шествия нашего и впредь покрыл благодатию своею от всех врагов, воюющих на благочестие, и соблюл невредимым, а нас бы всещедрый владыко оградил и укрепил благодатию своею, сподобил бы нас Бог возвратиться с избавлением христианским во свое отечество и видеть пречистый образ, и великих чудотворцев мощи, и твою святыню, и всех своих со всем своим воинством православных христиан в радость. А нас, государь, и с братом нашим Владимиром Андреевичем, и с боярами, и со всем воинством христианским, всех вместе, прости, и благослови, и молитвою поспешествуй, а мы тебе, господину и отцу своему, челом бьем.

О Шигалее и отпуске воевод. Государь воинов своих уряжал и рассматривал их орудия, да все готовы будут на брань, как по пророку сказано: приготовился и не смутился; и послал государь стольника своего Федора сына Ивана Умного за царем Шигалеем. И царь поехал к государю в Муром, и отпустил его государь в судах в Казань, а с ним послал воеводу князя Петра Андреевича Булгакова с товарищами да детей боярских и стрельцов многих. А рати всей велел перевозиться за реку Оку по многим перевозам.

О походе воеводском на черемису. Приехал к государю со Свяги от воевод боярина и воеводы князя Александра Борисовича Горбатого с товарищами Иван Вокщерин, а сказывал государю: бояре ходили на горных изменников, в большем полку боярин князь Семен Иванович Микулинский, а в передовом полку боярин и дворецкий Даниил Романович да Борис Салтыков, а в сторожевом полку боярин князь Петр Семенович Серебряный, и села горные воевали; а ертаулы воеводские с горными людьми бились, и от обоих пали, и потоптали горных людей; а на том бою убили князя Александра сына князя Дмитрия Жижемского; и горной стороны люди по Свяге реке вниз и по Волге воеводам добились челом, государю правду дали и к городу Свяжскому пошли и с женами и детьми.

О строении в полках. Государь же о сем Богу хвалу воздал, что без великой крови Бог победу показал, и во умиление приидя, приказал государь в своем полку воеводам боярину князю Владимиру Ивановичу, Ивану Васильевичу, да установят порядок в полку в его царском, каждой сотне бранных детей боярских голову устроят из детей великих отцов, изящных молодцев и искусных ратному делу, для большего дела супротивного и для разных посылок, да каждый сын боярский своего полка голову знает и приблизится к делу, да всяк вооружается на брань, а об ином не смущается. Воеводы же по государеву наказу устроили так, вы-

брав детей великих отцов и стольников государевых, которые могут содержать ратное дело, и детей боярских после них расписали. А также и по всем полкам воеводам государь посылал, да так же в полках урядят, да не будет смущения в полках, и к делу приступили.

Отпуск ертаульский. И отпустил государь наперед себя в ертаулах июля 15 князя Юрия Ивановича Шемякина да князя Феодора Ивановича Троекурова, а с ними детей боярских; и пошлых людей за ними послал, а велел на речках и на ржавцах (ручьях) мосты мостить.

О царском походе из Мурома. Июля 20 в среду на Ильи день пришел государь в церковь Рождества пречистой и великих чудотворцев, и молебны с великими слезами много часов совершал, и призвал всесильного Бога на помощь, и пречистую его Богоматерь, и великих чудотворцев, а также святых своих сродников, также и молитвы преосвященного архиерея митрополита Макария и всего преосвященного православного собора, и всего народа христианского молитвы, и в настоящий путь государь тронулся, пошел за Оку реку на Саканский лес. А за собою государь велел идти левой руке, да сторожевому полку, да князя Владимировича Андреевича боярину и воеводе с людьми князю Юрию Андреевичу Пенинскому-Оболенскому. И в тот день государь ночевал на лесу на реке Велетме и от города без половины 30 верст; а второй стан был на Шилекше, а третий под Саканским городищем, а четвертый на Поле на Ирже, а пятый на Авше речке, а шестой на Кевсе, а седьмой на озере Икше, а восьмой на озере, не дойдя до Пьяны реки. И оттуда государь Подем пошел. И тут к государю пришел из Городка Аксеит Черевсеев со всеми городецкими князьями, и мурзами, и татарами, а шел сеит на Монсыров угол; и государь велел ему идти с ертаулами вместе. И на Пьяне велел государь мосты соделать многие и перешел. А девятый стан на Дубровке озере, а десятый стан на речке Медянке, а одиннадцатый стан на речке Мяни августа в 1 день; и тут государь на воде стоял, и воду святили. Двенадцатый стан на Алаторе реке; и тут пришел к государю Еникей князь темниковский со всеми темниковскими татарами и мордвою; а на Алаторе сделаны до прихода государя три моста. Тринадцатый стан на реке Большом Саре; и тут послали к государю бояре и воеводы его князь Иван Мстиславский с товарищами, что они пришли вверх той же реки Сары, дал Бог, здоровы, как государь и велел им придти. И велел им государь идти прямо к Суре реке и перевозиться выше себя, чтобы не было тесноты людям, а к себе им велел быть за Сурою рекою на полях. Четырнадцатый стан был на реке Суре под Баранчевым городищем; и на реке Суре соделаны были многие мосты.

И тут государя встретили горные люди. И пришел государь на Суру реку под Баранчевым городищем. И тут государя встретили со Свяяги от воевод Никита Трофимович да Роман Пивов, а с ними горной стороны люди Янтуду мурза, да Бускей, да Кудабердей с товарищами, а сказали государю, что ходили бояре князь Петр Иванович Шуйский да Даниил Романович с товарищами на остальных горных людей, и горные люди все государю добились челом и приложились к Свяжскому городу. И государь о сем похвалу Богу воздал, который благодать свою являет, язычников устрашает; и горных людей есть звал да, удоволив их словом, пожаловал, вины им отдал и отпустил в Свяжский город, а велел на реках мосты мостить и тесные места чистить по дороге. А к воеводам государь послал Ваську Тетерина, а велел им себя встретить за два дня от Свяжского города вверх по Свяяге.

О пришествии к государю воевод. И перешел государь Суру реку; и тут на полях пришли к государю справа воеводы его государевы боярин и воевода князь Иван Федорович Мстиславский с товарищами. И государь послал, велел передовому полку пред своим полком за ертаулами пойти, а правой руке велел идти направо у себя, а большему полку велел идти назад своего полка, а левой руке велел государь идти у своего царского полка на левой стороне. Пятнадцатый стан на речке Кивате; тут царь государь благочестивый дневал на боголепное Преображение Господа нашего Иисуса Христа; и в тот день государь причастился неизреченных тайн Христовых, а также князь Владимир Андреевич. И сподобился государь благодати Святого Духа, и вооружился благочестием на нечестивые, и радостною надеждою благодати Христовой шествовал путь свой. Шестнадцатый стан на Якле, 17 стан на Чивлы; и тут государя встретили многие люди, а били челом о своем отступлении; сказывают, страхом от государя отступили, что их воевали казанцы. И государь их пожаловал, проступки их простил, и есть звал, и удовлетворил едою и питием, отпустил их по их селам, сказав им готовым быть с собою, государем, на Казань; они же обещались государю служить. 18 стан на Карле, 19 стан на Буле, 20 стан на Бее.

И когда государь пошел со стану, тут его, государя, встретили со Свяяги воеводы государевы. А шли воеводы на 3 полка: в полку воеводы и бояре, которые с весны на Свяягу пришли, боярин и воевода князь Александр Борисович Горбатый, да боярин и дворецкий Даниил Романович Юрьев, да воевода Борис Иванович Салтыков; да годовавшие воеводы со Свяяги боярин и воевода Семен Иванович Микулинский, да боярин князь Петр Семенович Серебряный, да окольничий Федор Григориевич Адашев, да воевода князь Федор Борисович Ромодановский, а с ним дети боярские все, которые с теми воеводами были; а в третьем полку

многие горные, князи, мурзы, казаки, черемиса и чувашаи. И государь бояр жаловал, звал к руке и о здравии спрашивал и за службу жалованными словами, так же и всех детей боярских; и была государеву всему воинству радость несказанная. Государь, узрев многих людей, трудящихся за благочестие, их увещевал многими жалованными словами и впредь за благочестие поборниками быть повелевал. Люди же все радовались и Бога прославляли, что даровал им такого государя благочестивого, и благоразумного, и долготерпеливого к согрешающим, храброго в бранях и твердого заступника христианству, такую нужду принимающего за благочестие и такую долготу пути шествующего, ибо Бог ему поспешествовал. И много радостных слез о царевом пришествии и у верных было. И горных людей также привечал, есть звал, и множество у государя ели в шатрах и на поле, дети боярские и горные люди. 21 стан на поле Итякове, а с Итякова государь пошел к Свяжскому городу.

И пришел государь в Свяжский город августа в 13 день в субботу, и встретили его государевы бояре, которые в городе были, князь Петр Иванович Шуйский да Семен Константинович Заболоцкий с товарищами, и дети боярские, стрельцы и все люди. Православные же христиане возрадовались радостью несказанною, видя государя пришедшим здоровым со многорастоянного пути, и встречали государя в градных воротах с крестами. И пришел в церковь Рождества пречистой, и воздал благодарные молитвы, что сподобила его, царя, образ свой в новопресвященном граде и месте видеть. А также приходил к чудотворному образу чудотворца Сергия и просил помощи и избавления христианству от язычных. И пели дьяки многолетие государю, а князь Владимир Андреевич и все князи и бояре поздравили государю в богодарованной ему вотчине и в новопресвященном месте. И пошел государь на луг, и стал в шатрах на лугах под Свяжским градом. И повелел у себя быть Шигалею, и советовался государь с князем Владимиром Андреевичем, и с царем Шигалеем, и с боярами, и воеводами, как ему своим делом промышлять. А постановил государь идти к городу Казани, не мешкая, а к ним послать грамоты: похотят без крови государю бить челом, и государь их пожалует. Государь ж наш смирение показывал, ибо ведал, что Господь гордым противится, а смиренным благодать дает, и велел царю Шигалею от себя послать царю Едигеру-Магмету грамоты, поскольку от его роду есть, чтобы ему в том поверил, от государя нашего не остерегался, поехал из города к государю нашему, государь его пожалует. И царь благочестивый посылал грамоты к Кулшерифу молне и ко всей земле Казанской, чтобы государю били челом, а кто лихое дело начал, и землю возмутил, и на государя и на бояр его лихое дело возвели, за тех бы не стояли, и государь их пожалует.

И отпустил государь тезика казанского августа в 15 день. Августа в 16 день велел государь перевозиться за реку против Свяжского города, а ставиться на лугах на казанской стороне, ертаулам и передовому полку, правой руке, большому полку. И августа в 18 день в четверток пришел государь в соборную церковь Рождества пречистой, и, молебны пев, припадал к образу пречистой и к чудотворному образу Сергия чудотворца со многими слезами, и молясь много времени, тайно молитвы воссылая тому единственному сведущему, и благословился от протопопа и от всего священного чину, которые тут пребывали. И поехал государь за Волгу реку, а сторожевому полку и левой руке приказал перевозиться выше себя, а царя Шигалея отпустил в судах на Гостин остров. А также с нарядом государь отпустил в судах боярина своего Михаила Яковлевича и дьяка своего Ивана Выродкова, и башни и тарасы рубленные велел привести, которые приготовлены, чтобы против Казани поставить. И тут государь дневал, и ждал, когда все полки переправятся; и посылал на Казань реку, а велел многие мосты мостить, ибо было тогда время дождливое и воды в реках велики.

Пошел государь за Казань реку того ж месяца 20 в субботу. И тут прислал царь Едигер-Махмет к царю Шигалею с грамотою полоняника, а писал гордые и скверные слова, веру православную и царя благочестивого поносил и укорял, а также и Шигалея хулил и себя на брань готовым возвещал. Царь же благочестивый, слыша поношение от нечестивых на веру христианскую, у Бога милости просил, а сам за веру страдать старался. И стал на Терень-узяке, полки же все стали по Цареву лугу и вниз по Волге. И повелел государь наряд из судов вынимать и устраивать, как ему идти к городу. В воскресенье и в понедельник государь тут стоял, и тут приехал к государю служить Камай мурза, князя Усеина сын, а с ним 7 казаков. А сказывал государю, что их было поехало человек с 200 к государю служить и, сведав, казанцы остальных переловили. А про Казань государю сказал: в городе царь Едигер-Махмет советом злым с казанцами утвердились, а государю бить челом не хотят; а единомышленники его Кулшериф молна, да и кады, да Зейнеш князь ногайский, да изменники государевы Чапкун князь, тот аталык у него, да Ислам князь, Аликей Нарыков, Кебек князь тюменский, Дербыш князь, те все землю на лихо наводят; и запасы многие в граде; «а совет их: послали на Арскую засеку твоих же государевых изменников Япанчу князя, да Чупкунова племянника Шунак мурзу, да арского князя Явуша, а велел к засеке всех людей собрать, которые не в городе, и приходите на государевых людей и за засеку бы воинских людей на Арское не пропустить». И Камай мурзу государь пожаловал с товарищами великим своим жалованием.

Призвал государь к себе брата своего князя Владимира Андреевича, и царя Шигалея, и бояр, и воевод и сказал про Камаев приезд и что Камай государю сказал. И советовался государь, как пойти к городу, и постановил: стать самому государю и князю Владимиру Андреевичу на Цареве луге близко Отучевой мечети, а царю Шигалею за Булаком под кладбищем, а идти государю в большем полку; а на Арском стать большему полку, да передовому, да князя Владимира Андреевича боярину и воеводе князю Юрию; а правой руке за Казанью рекою да казакам с ними многим; а сторожевому полку на устье Булака, а левой руке выше его. И приказал государь дворовым воеводам и во все полки послать велел, чтобы во всей рати приготовили на 10 человек по топору, да всяк человек на тын приготовил, да обступив, даст Бог, город крепко приступать будут турами и тынами. Да приказывал государь всем боярам, и воеводам, и головам, и детям боярским, и во все полки: без его царского веления и в полках без воеводского веления никто бы не ездил ругаться к городу, до тех пор, пока время не приспее. И завещал государь сие великим словом грозным, да не станут дерзить, до тех пор пока не утвердят крепости около града.

Августа 20 пошел государь к городу Казани с Терень-узьяка, урядил полки к городу, а велел идти ертаулу князю Юрию Шемякину да князь Феодору Троекурову, а с ним стрельцы и казаки пешие пред полками; также пред всеми полками головы стрелецкие, а с ними их сотские, всякий своей сотней идет, и атаманы с сотскими и казаками, разделяясь по чину; а также передовому полку и большему полку, царю Шигалею и воеводам на Арское поле вверх Булака у Кубана озера, а правой руке велел ниже города за Казань реку, а левой руке и сторожевому полку стать против города за Булаком. А сам государь пошел за большим полком, а за собою велел идти наряду, и сторожевому полку, и левой руке. И когда государь вышел на луг против города, велел государь хоругви христианские развернуть, сиречь знамена, на которых образ Господа нашего Иисуса Христа нерукотворенный написан был и на верх водружен животворящий крест, который был у прародителя его, государя нашего, достохвального князя Дмитрия на Дону, и велел начать молебны. А сам государь и князь Владимир Андреевич и все бояре и воеводы сошли с коней. И начали молебны петь пречистому образу Спасову и честному кресту на исхождение ратным.

Речь царская к князю Владимиру. Царь благочестивый, взирая на знамя, на котором был образ создателей и животворящий крест, непрестанно молитвы воссылал. По окончании же молебнов призвал государь к себе князя Владимира Андреевича, и бояр своих, и воевод, и всех воинов, которые с ним в полку, и начал

говорить умильно: «Приспело, князь Владимир Андреевич и все бояре и воеводы, время нашему подвигу что за благочестие поборствовать. Постарайтесь, пожалуйста, единодушно пострадать за благочестие, и за святую церковь, и за нашу православную веру христианскую, призывая милосердного Бога на помощь, и, не сомневаясь нисколько, за единокровную нашу братию православных христиан, которые напрасно, в плену будучи многие годы, зло страдают от безбожных сил казанцев. Воспомянем Христово слово: нет ничего больше, чем душу свою положить за друзей своих. Припадем чистыми сердцами к создателю нашему Христу, попросим у него избавления бедным христианам, да нас не предаст в руки врагам нашим, и не обрадуются враги наши погибели нашей. Да и нам послужите, сколько вам Бог поможет, не пощадите голов своих за благочестие, ибо не есть сие смерть, но жизнь; если ныне не умрем, всяко умрем, и от сих безбожных как впредь пребудем? Я же сам с вами на сие пришел, лучше себе здесь избрал умереть, нежели жить и видеть за грехи мои Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан зло мучимыми от безбожных казанцев. А если уж нам милосердный Бог милость свою пошлет, видя нашу неотложную веру, поборником будучи по благодати, подаст помощь, как его воля, и я вас рад жаловать великим жалованием, своею любовью, и всех вас недостающим восполнить и всякое пожаловать, сколько милосердный Бог поможет. А кому от нас случится пострадать, и я рад жен их и детей до скончания века жаловать».

Ответ царю. Князь же Владимир Андреевич, и все бояре, и воеводы единомысленно государю отвечали со слезами и многим плачем: «Видим тебя, государя, твердым во истинном законе и за православие не щадя себя и нас на то утверждающим, должны мы все единодушно помереть от безбожных сих агарян. Дерзай, царь, не на иное же ты пришел, да сбудется на тебе, государе нашем, Христово слово: всякий просящий получает, и стучащему отворят». Слышал же благочестивый государь, что не различно отвечают, но единомысленно с ним стремятся за благочестие пострадать, и вспомнил, что единомысленных Господь вселяет в дом свой, и воззрев на создателей образ, сказал, что все слышали: «О владыко, во твое имя движемся и мы. Ты, владыко, поспособствуй нам силою крестною и укрепи нас силою честного креста и благодатию Святого Духа». На много же часов прослезилась все полки, видели образ Христов и помощи просили. И пришел к отцу своему духовному Андрею протопопу, и благословил его протопоп крестом животворящим, и говорил ему: «Дерзай, слуга Божий, ибо тот победит врагов, кто есть человеколюбец, ибо человеколюбив владыко наш Христос». И крестом его ограждал, царь же крестом благословился, а на врагов ополчился. Повелел же

государь всем полкам крестом ограждаться, забрался на аргамака (рослую лошадь), и радовались весьма с государем духовною радостью все его воины, избрав лучше смерть, нежели жизнь тленную, желая венчаться за Христа, и охрабравшись все благодатию Святого Духа. И урядив полки, поехал прямо к городу, и пришли ертаулы государевы к Казани выше Булака у Кабана озера, и вылезли казанцы из города и пришли навстречу государевым полкам. Государева ж заповедь такая была: без повеления да никто не дерзнет на бой. И казанцы, приехав, начали стрелять на полк, а стрельцы государя нашего из пищалей на них стреляют. И казанцы конные на пешех стрельцов приехали, и князю Юрию Ивановичу Шемякину и князю Федору велел из полку своего детям боярским пособить стрельцам. И сразились обои, русь и татары, и Бог был в помощь, православные погнажи казанцев к самым воротам градским и тут татар побили, а иных поранили. И татары съехали к городу, и отослали всех детей боярских в полк. Государевы ж все сохранены Богом были, немногие ранены из них; из иных же полков ни один человек не поехал неповеленно. И все видевшие удивлялись царскому порядку и повелению. Царь же Шигалей и воеводы пришли к Булаку и стали на Арском поле, куда повелел государь.

Приход царский к Казани. Государь же приехал на прежде оговоренное место, где его царскому стану быть, во вторник 23, повелел церкви поставить полотняные, одну архистратига Михаила, вторую Екатерины Христовой мученицы, третью преподобного отца Сергия чудотворца, к нему же каждый день государь ходил; и потом повелел ставить шатры свои царские. И устроив стан, сошел государь с коня, и пришел к чудотворцу Сергию, и молебны совершив, в шатер вошел свой и приказывал воеводам, да хранят с опасением порученное им от государя; и все полки стали по царскому повелению. На следующий день в среду повелел государь сторожевому полку воеводам боярину князю Василию Семеновичу Серебряному да воеводе Семену Васильевичу Шереметьеву да левой руке воеводам князю Дмитрию Ивановичу Микулинскому да Дмитрию Михайловичу Плещееву туры ставить по Булаку вверх от Казани реки. И пришли воеводы против пятницы в ночи и туры поставили, дал Бог, без бою здорово. И стрельцы по воеводскому повелению на другой стороне Булака, к городу, закопались во рвы и не дали из города татарам вылезать. И была баня каменная, Даирова называемая, под городской стеною, и в бане стали казаки воеводскою посылкою, и пушки к турам, которым у тех туров надлежало быть, привезли.

Ертаулов бой с казанцами. Того же месяца 25 дня в четверг повелел государь за Казань идти ертаулам с верха Казани с Саарского поля, а правой руке ниже Казани за Казань же реку, и стать

против города. И вылазки делали на ертаулов из Казани города многие люди казанские, и бились стрелами обе стороны многое время, и сражали те у обоих, и пособил ертаулам, передовому полку, другой воевода князь Дмитрий Иванович Хилков с детьми боярскими, и, Бог православным способствовал, потоптали казанцев по самый город, иных из них убили, а многих уязвили, православные же Богом сохраненны были; ранен же был воевода князь Юрий Иванович.

И в среду вечера была буря великая. В тот же день была буря великая, что шатры царские по многим полкам упали, а на Волге в остроге многие суда поразбило, царские запасы и всего воинства. И о сем была скорбь в людях. Государь же посылал и велел из Свяжского города многие запасы привезти, и недостающее повелевали давать. А к Москве государь посылал и велел к себе спешить со мною казною и запасами многими, и зазимовать хотели тут.

Царь рассматривает места градские. А сам государь ездил не со многими людьми вокруг града, каждый день и ночь рассматривая, по коим местам крепости делать. И в пяток того ж месяца 26 дня повелел государь крепости делать против Царевых ворот, и Арских, и Аталыковых, и Тюменских. И повелел из большего полка другому воеводе слуге князю Ивану Михайловичу Воротынскому со своим полком сойти с коней и идти пешими к городу и туры катить, старшему воеводе боярину князю Ивану Федоровичу со своим полком быть на конях. А из своего полка государь посылал головы на конях выборные с детьми боярскими, а велел государь от того беречь: вылезут люди конные на князя Михаила, и князю Ивану делать, сколько Бог поможет. Да из своего государь полка послал детей боярских, выбрав дородных и искусных ратному обычаю, а им разделил боярских людей, и всякому сыну боярскому по сто человек, и велел им быть у князя Михаила пешим.

О поставлении туров у Казани. В тот же день в вечернюю годину по государеву наказу пошел князь Михаил к городу, по государеву наказу устроив людей: наперед велел идти к городу стрелецким головам Ивану Черемисинову, Григорию Желобову, Федору Дурасову, Дьяку Ржевскому с их всеми стрельцами, да атаманам казачьим многим с казаками, да головам с боярскими людьми, и туры велел покатить на место оговоренное, а сам с детьми боярскими пошел пешим за ними.

И когда пошли к городу, и казанцы вылезли многие люди, конные и пешие, и обои, христианские и татарские люди, бились крепко долгое время, и из пушек по граду и по воротам беспрестанно стреляли, и стрельцы из пищалей, а также и с города из пушек и из пищалей стреляли. И была сеча великая и преужасная,

от бою пушечного, и от пищального грому, и от гласов и воплей и кричания от обеих войск, и от треска оружия и не было слышно друг другу говоримого, было словно гром великий и блистание от множества огня пушечного, и пищального стреляния, и дымного курения. И Бог помог православным, одолели язычников, и множество побили татар, и град сбили их, и мосты градские завалены стали мертвыми. И стали головы стрелецкие по рву града, и стреляли из пищалей и из улуков. И князь Михаил Иванович утвердил туры и землю насыпал за пятьдесят сажен от города, от реки Булака и по ворота, против всего города с приступных мест, и велел головам всех людей отвести к турам, и пред турами велел стрельцам и казакам закопаться во рвы. Из города же вылазки делали, сражаясь, до полуночи приходили к турам и сражались, за руки хватаясь. И Божиим поспешеством побивали язычников православные и во град вбивали их. А также и всю ночь бились беспрестанно, приходили к турам и бились, и за руки хватались, ни мало сна не позволяя, и с Божиею помощью прибывали язычников. Государь же благочестивый беспрестанно велел в церквах молебны совершать и посылал ежечасно бояр своих, да утверждаются и не ослабевают, сражаясь. И Божиею помощью на том бою побили множество казанцев, убили князя Ислама Нарыкова, Бакшанду Брунцова и Сянчелея богатыря, и многих князей и мурз побили. Православные же по Божией благодати немногие пали, от выборных голов с боярскими людьми сын боярский Левонтий Борисов сын Шушерин, а многие были ранены да Божиею благодатию восставали; и о сем государь благодарение Богу воздавал и впредь делами распространял.

Наряд больший к городу прикатили. И в субботу 26 дня августа повелел государь боярину своему Михаилу Яковлевичу Морозову наряд больший прикатить к турам. И посылал государь окольного своего Петра Васильевича Морозова, и велел у тех же туров быть, которые князь Михаил ставит. И боярин Михаил Яковлевич прикатили наряд и устроили, как ему быть по местам. И начали беспрестанно по граду бить боем стенобитным и верхними пушками огненными, побивали многих людей из наряду. А также и стрельцы пред турами в закопах, не давая на стенах людям быть, из ворот вылезать, многих побивали.

В тот же день послал государь своего окольного Ивана Михайловича Воронцова места смотреть, где стоять большому полку. А в то время вылезал из Крымских ворот Карамыш улан, Кадайга уланов сын, те же ему ворота были доверены, желая добыть языка близ князь полка Ивана Мстиславского, когда полк же не собран был. И поспешил князь Иван Федорович прийти на них, и побили их, Карамыша улана живого поймали; самого же князя Ивана уязвили двумя стрелами, прочие же все здравы были христиане. И

князь Иван Феодорович Карамыш улана послал к государю царю и великому князю, царь же велел его крепко пытать. И сказывал Карамыш, что люди в пятницу многие побиты, а царь казанский Едигер-Махмет и вся земля Казанская на смерть в городе затворились и не желают государю бить челом, Бог же ожесточил сердца их, как и фараоново, да прославится имя его святое в нас.

И в воскресенье 28 августа пришли с лесу многие люди казанцы на Арское поле, и напали внезапно на передовой полк, и поставленного голову на сторожах от лесу Третьяка Лашакова убили. Воевода же князь Дмитрий Иванович Хилков поспешил прийти на них, ибо на станы его пришли, и храбрствовали мужественно на них, крепко сражаясь с ними, а также приспел боярин князь Иван Иванович Пронский, помалу из большего полка приспел боярин князь Иван Феодорович Мстиславский и боярин князь Владимира Андреевича князь Юрий Оболенский. Государя воеводы известили, и государь вскоре повелел дворовым воеводам головы послать, и сам государь хотел поспешить к своему делу. А оные бились, и потоптали воеводы татар, иные по лесу разошлись, а иных живых поймали, мурзу Шабалатова сына княжьего с товарищами; и на том бою от обоих пали и многие были ранены. Языки же государю сказывали, что приходили Япанча князь да Евуш князь из острога от Арска, и мысль их во все места приходит к полка царским, чтобы пакости сотворять. И в понедельник августа 29 повелел государь правой руке, боярину князю Петру Михайловичу Щенятеву да князю Андрею Курбскому, да ертаулам, князю Юрию Ивановичу Пронскому да князю Федору Ивановичу Троекурову, за Казанью по берегу Казани реки против города туры ставить. И выполнили воеводы по государеву наказу по вышесказанному, стрелецкого голову Ивана Ершова со стрельцами и многих атаманов наперед послали, и стали стрелять и казаки по берегу, и закопались во рвы; из города же стреляли из пушек, и из пищалей, и из улуков. Воеводы же туры поставили мужественно, и землю укрепили, и сами под турами стали, по государеву повелению, правая рука, а ертаулы пошли на Арское поле. Татары же с лесу выехали на поле Арское конные многие и пешие и стали близко лесу, а иные в лесу. Государь же повелел своим полкам остерегаясь стоять, а с ними не биться, и заповедали ни одному человеку не ехать на напрасную смерть. Полки же, большой полк и передовой полк, старшие воеводы и князь Владимира Андреевича боярин князь Юрий Оболенский, и головы с людьми полка царского стояли весь день. И государь велел в тот день туры ставить с Арского поля против города, а послал от себя боярина князя Дмитрия Феодоровича Палецкого да Алексея Адашева, да других воевод переднего полка и ертаулов, да с князем Дмитрием послал своего полка головы многие с бо-

ярскими людьми, стрелецкого голову Якова Бундова. И поставили туры из больших туров, что князь Михаил ставил, по Казань реку против Кабацких ворот, и Елбугиных ворот, да и Сбойливых ворот, и у Елбугиных ворот было без бою: казанцы не вылезали, только была стрельба с города из пушек, и из пищалей, и из улуков, а стрельцы и боярские люди на них стреляли. А где нельзя оказалось турам быть, государь, пересмотрев место, повелел дьяку своему Ивану Выродкову промежду туров тын ставить. И оградил государь град Казанский крепостями своими, ни в город, ни из города весть не пройдет. И приказал государь своему боярину Михаилу Яковлевичу Морозову вокруг всего города наряд поставить и бить беспрестанно по городу.

О побиинии татар на поле Арском. Того ж месяца августа 30 дня во вторник умыслил государь на тех людей, которые с лесу на полки приходят на царские и на кормовщиков. И послал государь боярина своего и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого да боярина князя Петра Семеновича Серебряного, а с ними головы своего полка царского с детьми боярскими, и стрелецкие головы со стрельцами, и дети боярские головы многие с людьми боярскими, и велел князю Александру на них с Арского поля прямо прийти; а князю Юрию Ивановичу Шемякину с детьми боярскими своим полком, да пешие ж стрельцы, и боярские люди, и мордва, тем государь велел идти от Казани реки: как им князь Александр Борисович по времени весть подаст, так князя Юрия напустить. И как князь Александр Борисович вышел со всеми людьми, а пеших всех от Кабана озера послал лесом, татары же, увидев князя Александра, вышли многие люди из лесу конные и пешие. И велел князь Александр к ним немногим людям приближаться. Татары же все устремились на бой. И призвали православные Бога на помощь, и напустились на них наперед с лесу, и князь Юрий Шемякин, а князь Александр Борисович, уповая на Бога, велегласно сказал: «Напустимся же, и Бог за нас, кто за них?». И напустился со всеми людьми. Благоверные же все устремились на язычников, и помощью всеильного Бога побиили татар вскоре наголову, и пятнадцать верст гнали и били их. И стал боярин князь Александр Борисович с товарищами на Киле речке и трубить велел и созывать ратных, ибо по всем сторонам разогнались на многие версты. И собравшись, пошел по всему лесу так вот всеми людьми, поскольку многих татар с коней пошибили и они по лесу валялись, и пешие татары многие по лесу разбежались; и князь Александр пошел к полю лесом, и пешие стрельцы и боярские люди от поля все были на лесу, ища язычников и побивая их. Множество язычных на лесу побиили, скрывающихся в лесу на деревьях, и живых взяли и государю привели сто сорок человек. И прислал князь Александр Борисович к госу-

дарю Божие щедроты возвестить голову его царского полка князя Ивана Ивановича Кашина. И слышал государь про Божию милость на себе, царе православном, и на всем православии и про победу над нечестивыми, и прибежал в церковь чудотворца Сергия с благодарными слезами, и хвалу о сем милосердому Богу воздал, и впредь милости и помощи просил. Воеводы к государю приехали в тот же день со всеми детьми боярскими, и государь их жаловал великим жалованием, и любовными словами увещал, и храбрость их похвалял, и впредь жаловать их обещался.

О послании в град Казань. Во град же благочестивый царь послал одного из приведенных татар с грамотою, а писал к ним, чтоб государю царю и великому князю били челом, и государь всех пожалует; а не станут бить челом, и государь тех живых, которые взяты живыми, велит побить. Граждане же не учинили ответу, и царь их, пред град приведя, велел всех побить.

О подкопе. Того ж месяца августа в 31 день в среду призвал к себе государь немчина, именуемого Размысл, хитрого, навычного градскому разорению, и приказывает ему подкоп под градом учинить. И начал подкоп творить от Булака реки у окольного у Петровых туров Морозова промеж Талыковых ворот и Тюменских.

Вопрос царский о воде. В тот же месяц призвал государь к себе Камая мурзу, нововыезжего из Казани, и расспрашивал, откуда воду берут в городе, ибо Казань реку уже у них отняли; а также и полоненников, которые в те дни выбегали к государю. И сказывали государю, что есть у них тайник от Казани реки, от Муралеевых ворот, ключ в берегу, а ходят к нему по подземелью. Государь же повелел полку сторожевому, воеводам боярину князю Василию Семеновичу и Семену Васильевичу, да как возмогут и порушат путь их к воде; они же много покушались, но не возмogli, ибо твердо землю путь их к воде утвержден. И воеводы государю возвестили, что путь их близко той бани каменной, в которой казаки государевы от них стоят, и из той бани можно подкопаться под тайник.

О порушении тайника. Государь послал к воеводам Алексея Адашева, а с ним Розмысла, и велел тот тайник казанский подкапывать. А велел ему на то дело учеников отставить, а самому ради великого дела постараться; а как изготовят подкопы, государь себе возвестить велел. И боярин князь Василий Семенович, прося у Бога милости прилежно о сем, по царскому велению прилежал в том и в день и в ночь, и в десятый день подкопался под мост, куда с водою ходили. И сам князь Василий с товарищами известился, виде и голоса татарские слышав, что с водою чрез них ходят, и возвестил государю.

7061 (1553). Месяца сентября четвертого дня повелел государь боярину и воеводам князю Василию Семеновичу Серебря-

ному, и Семену Васильевичу, и Алексею под тайник пороха подставить одиннадцать бочек. В воскресенье на ранней заре взорвало тайник и с людьми казанскими, которые по воду ходили, и стена городова оплела и обрушилась, и множество во граде казанцев побило камнями и бревнами, с высоты великой падающими, что порохом взорвало. И люди во граде от страха омертвели, и много розни в городе сотворили: иные хотели за изнеможение бить челом государю нашему; иные же изменники начали воду копать и не нашли, но только до малого источника докопались смрадного, и до взятия взимали воду с нуждою, от той же воды болезнь была в них, пухли и умирали с нее. Царь же благочестивый каждый день и каждую ночь призывал Бога в помощь и ездил по полкам, а также вокруг города и по всем турам, и велел укрепляться воеводам, да с опасением берегут дела его государевы, и всех жаловал и утверждал, и труды их похвалял, и жаловать их обещался; сие же многие дни и ночи творил. По граду из пушек беспрестанно били, и Арские ворота до основания сбили, и обломки побили, и множество людей побивали, ибо высоко каменными ядрами и камнями всю ночь стреляли, да не опочивают язычники.

Поход воевод на Арское место. Того ж месяца 6 дня во вторник отпустил государь на Арское место и на острог воевод своих на три полка: в большем полку боярин и воевода князь Александр Борисович Горбатый, боярин и воевода Захарий Петрович Яковлев; в передовом полку боярин и воевода князь Семен Иванович Микулинский да боярин и дворецкий Даниил Романович; в сторожевом полку воевода князь Петр Андреевич Булгаков да князь Давыд Федорович Палецкий. Да от бояр велел быть головам своего царского полка с детьми боярскими, да с ними стрелецким головам со стрельцами, да атаманам многим с казаками, да с сит городецкий и со всеми городецкими татарами, да Еникей князь с мордвою темниковской, да горной стороны люди многие, те и в проводниках были. И пришли воеводы, наперед полки прошли у воевод пешие стрельцы и казаки, и так пришли на высокую гору к острогу, и острог был их рублен городнями и землею засыпан, а в ином месте многими засеками засечено, а сделан промеж непроходимых болот. Воеводы же начали говорить царевую речью детям боярским, да поусердствуют послужить Богу и государю, и все устремились на язычных. Князь Семен Иванович и Даниил Романович приблизились к вратам острога и повелели детям боярским пешим пойти к острогу; головы ж царевского полка и сами с коней сошли и прошли к острогу. И начали приступать к острогу, стрельцы же из множества пищалей стреляли, а также и из улуков и христиане и татары, и было же как дождевая туча сильная частыми каплями землю омочила, так вот от обоих стрелы летали и гром зычный был от пищалей. Когда же оные бились во вратах,

князь Александр Борисович и Захарий Петрович большим полком направо пошли, да пришли к другому месту, также к острогу, так же пешим повелел пойти, поскольку конями непроходимо, великие крепости у них были поделаны и в лесу чаща великая. Православные же призвали Бога в помощь и вместе устремились на противных, язычники же побежали, с Божьей помощью. И одолели царевы православные воеводы, взяли острог, и татар великое множество побили, и живых двести человек поймали. И пошли, воюя и села сожигая, к Арскому городищу; и пришли на Арское городище, и бояре и воеводы послали головы царева полка, а сами на городище стояли два дня и пошли другою дорогою к Казани. И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жен их и детей в полон взяли и великое множество христианского полону освободили. Война их была на полтораста верст поперек, а в длину и по Каму села повыжгли, и скот их побили, и бесчисленное множество скота с собою к Казани в полки пригнали. И сошлись к воеводам головы все из набегов за добычей, дал Бог, здоровы.

О пришествии воевод к государю. И пришли воеводы к государю, а наперед послали возвестить государю несказанное смотрение Божие и милость благочестивому царю и ко всем христианам голову его царского полка Семена Васильевича Яковлева. Государь же, Богом избранный, пришел в церковь, и много молитвенного изрек со слезами втайне, и явственно возвестил: «Что тебе воздам, владыко, против твоего благодарения, но только слезы и сердце сокрушенно. Милостивый владыко Христос, подай совершенное избавление бедному христианству; не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу». Воевод же своих любезно обнимал, и целование руки своей подавал, и жалованными словами великими увещал, храбрость и мужество их чествовал; также и всех по чину воинов своих государь жаловал.

О баште. В тот же месяц повелел царь дьяку своему Ивану Выродкову башту (крепостную постройку, башню) поставить у туров князя Михаила Воротынского против Царевых ворот Казани. И поставили башту шести сажен вверх, и взнесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные; и стрельцы с пищалью многие стали, и стреляли в город по улицам и по стенам градным. Многие же люди язычные скрывались в ямы и рвы копали под врата градские и под стену рыли норы под тарасы, ибо были у них у всяких ворот за рвом тарасы великие, землю насыпанные, из-за тарасов бились каждый день и из нор, как змеи, вылезая, бились беспрестанно день и ночь.

О подвигании туров ко рву. Государь царь благочестивый и великий князь повелел князю Михаилу Воротынскому подвинуть туры к их рву против башты арской и Арских ворот к тарасам против же Царевых ворот. И князь Михаил не за один день под-

вигал туры и приближался ко рву, прося у Бога милости, великой хитростью и храбростью; татары же все это время бились, не желая дать приблизиться православным. Воеводы же царевы, уповая на Бога, по государеву указу приближались к рву. В воскресенье повелел государь князю Михаилу стать у туров у рва и у тарасов против Царевых, Арских ворот. И по государеву велению пришли стрельцы, и казаки, и головы с боярскими людьми, и стали по рву, и бились весьма, и от обоих пали. И князь Михаил по рву туры поставил, а до тарасов не придвинул: стрельцы и казаки многие поранены были и поослабели; и велел утвердить, и за турами детей боярских, и стрельцов, и казаков поставили. Татары же видели, что по Божию милосердию стали христиане на рвах у язычников, и промеж стен градских и туров царских был один ров трех сажен поперек, а глубина рву семь сажен, и бились беспрестанно, из пушек, из пищалей, из улуков стреляли и камней множество бросали. И во время обеда русские многие разошлись есть, а те узрели, что не много людей у туров, вылезли из рву из всех нор и из тарасов и внезапно напали на туры; христиане же дрогнули и бежали от туров.

О прогнании язычников и об укреплении туров. Воеводы же царевы мужеством охрабрились и крепко напали на татар; и видели все христиане, что воеводы их бьются с татарами, и все устремились на татар. Из всех мест поспешили и с Божьей помощью православные одолевали, и вметались язычники во рвы свои, воины же царевы и во рвах их побивали, а они норами своими во град утекали. И так стали православные и туры свои укрепили. И на том бою пали от обоих, а сами воеводы многие ранены: князь Михаил Иванович многими оружиями ранен, и крепко доспех на нем пробивали, в лице же немного ранен; окольный воевода Петр Морозов уязвлен и ранен больно в лице, и отнесли его с бою, да после выздоровел; воевода князь Юрий Иванович Кашин в грудь ранен; а также и головы стрелецкие и дети боярские многие ранены. Да в то ж время Зейнеш князь со всеми ногаями и со многими казанцами вылезли из Сбойливых ворот на туры передового полка и ертаулов. Но те туры не близ города были, воеводы же увидели, и подпустили их близко к турам, и ударили по ним стрельцы из пищалей, а также и воеводы напали на них, и побили их, и гнали их до рвов градских, и побили их много. Православные же все Богом сохранены были. Царь же благочестивый послал князю Михаилу в помощь окольного своего Алексея Даниловича Плещеева, а на Петрово место казначея Фому Петрова, а также и головы в помощь посылал своего полка царского с детьми боярскими и многие головы с боярскими людьми. Царь же благочестивый, езда по полкам вокруг града и к турам приходя, утверждал всех, да не ослабеют в бранях, до тех пор пока

Христос милость свою пошлет, и раненых воевод навещал и жаловал. И все, видя государя благоразумным и мужественным в храбрости, вооружались храбростию на брань. И рассмотрел государь злонырство тех и тарасы, что многие за тарасами граждане скрываются, и повелел их подкопать.

О разорении тарасов. Того ж месяца сентября 30 дня в пяток велел государь под тарасы порох поставить; и как взорвет тарасы, туры велел по рву против Царевых, Арских ворот поставить, и по государеву велению приготовятся на брань тех полков воеводы, которые были у тех туров; по иным же полкам заповедал царь никак же не приступать к граду. И зажгли порох, и взорвало тарасы с людьми казанскими на высоту великую, и с высоты бревна падали в город и побили множество татар. Граждане же страху и ужасу исполнились, много часов стрелы на них налетали.

О поставлении туров. Воеводы ж стали по рву против врат Царевых, и Арских, и Аталыковых, а также и Тюменских, и по всему рву туры установили. Горожане же стеклись со всех мест, и вылезали из всех ворот, и бились зло; воины же царева жестоко приступили к граду. Царь же благочестивый сам выехал к граду, и видели воины царя своего, и вскоре все устремились на град, и мужественно боролись с неверными на мостах градских и воротах, а также и о стенах; из пушек же и стенобитных и высокими ядрами огненными и каменными беспрестанно стреляли из пищалей стрельцы; воины же бились копьями и саблями, за руки хватались. И была сеча злая и ужасная, и гром сильный был от пушечного бою, и от зыку и вопля и от обеих сторон людей, и от треска оружия; и от множества огня и курения дыму сгустился дым, покрыл дома, и людей, и град. Бог поспешествовал христианам, были христиане на стенах градских, и у ворот града, и в башне града от Арского поля. Царь благочестивый видел воинов своих на стенах города и в городе бьющимися, и князь Михаил Воротынский докладывал государю, что в городе Казани, дал Бог, христиане многих татар побили, да повелит царь со всех сторон приступать. Войско же по иным полкам не приготовлено было к тому дню, и повелел царь воеводам, а также и есаулов посылал многих, и велел из города из стен люди выводить. Воины же не хотели отойти от язычных, но по необходимости отступили они; стену же градную, и ворота, и мосты зажгли, а в башне утвердились, и на стенах градских, и у Арских ворот.

Взятие казанское. Воеводы же князь Михаил Иванович и Алексей Данилович на стенах градских и во граде в башне повелели крепкими щитами заставиться и туры засыпать землею, и сидели на граде два дня и две ночи, ожидая приступа. Татары же ставили струды против тех ворот и пробитых мест и землею насыпали.

О горении мостов. Мосты у Царевых ворот, и у Аталыковых, и у Ногайских всю ночь горели, и выгорела стена градная и обгорела, и земля с города сыпалась, ибо был весь град насыпан землею и хрящем.

О приготовлении к очищению. Царь благочестивый повелел во всех полках приготовиться к приступу в воскресенье, и очищаться всем, и от отцов духовных исповедаться, достойные же благодати сподобятся, ибо приближается день, в который пить общую чашу всем.

О наполнении рвов и мостов. Месяца октября в 1 день в субботу, на Покров пресвятой Богородицы, повелел государь рвы наполнить лесом и землею, и многие мосты устроить, да из большого наряду беспрестанно бить. И били весь день и сбили до основания стену градскую.

О послании во град Казань. Государь христианский царь благочестивый, не желая крови человеческой видеть, посылал к граду Камаю мурзу, казанца из горных людей, чтобы государю били челом, и видят милосердие Божие, люди царевы во граде начнут бить челом, и учинятся в воле его царской, и изменников отдадут, и государь им гнев свой отдаст и ни которого им лиха не учинит. Казанцы же во граде гласом единым сказали: «Не бьем челом, на стенных и в башне русь, но мы иную стену поставим, да все помер или отсидимся». Как юродивые несмышленные отвечали, ибо Бог ослепил злобой их, что не разумели царева пред собою исправления. Царь же православный сказал: «Премилостивый царь Бог, зри сердце наше, как со всем покорением посылали к ним, они же избрали кровь, нежели покой, и обратится болезнь их на головы их, и будь кровь их на чадах их».

О разрядстве воеводском, как приступать к граду. После сего благочестивый царь повелел людям готовым быть в полках, желая приступать к граду. И отобрал множество воинов своих, и повелев боярским всем по вышесказанному головы устроить выборных людей из детей боярских, и научил их ратному делу, всякому сыну боярскому по десять человек. И наперед велел приступать со всех сторон атаманам с казаками и головам с боярскими людьми да головам со стрельцами. И как, даст Бог, люди у города будут и на станах, государь велел помогать другим воеводам из всех полков с детьми боярскими. А также назначил всякой сотне сынов боярских царского полка выборные головы. После же повелел и старшим воеводам из полков пособлять со всеми людьми. Царю благочестивому и брату его с ним князю Владимиру Андреевичу со своими полками стать против Ханских ворот на посаде от кладбища и помогать на все стороны, как Бог устроит. А от сторон государь, следовав, велел беречь полки и против сильной вылазки из города и пробивания на лесах, на Арском

поле и на дорогах арских и на чувашских велел государь быть царю Шигалею, а с ним все князи и мурзы городецкие; да боярину и воеводе князю Ивану Федоровичу Мстиславскому со своим полком, да горной стороны людям велел с ними же быть. А на Ногайской дороге велел быть боярину князя Владимира Андреевича князю Юрию Оболенскому с полком да голове с дворянами своего царского полка князю Григорию Федоровичу Мещерскому. На Галицкой дороге за Казанью рекою велел государь быть воеводе своему князю Ивану Ромодановскому с людьми да князя Владимира Андреевича воеводе Ивану Угрюмову-Заболоцкому; да за Казанью рекою велел быть голове с дворянами своего царского полка Михаилу Ивановичу Вороному; а далее по Казани у Старого городища поставил голову Михаила сына Петра Головина. В тот же день разрядил государь по местам, где кому быть, отпустил, да всяк готовится и строит, где кому повелено быть.

О помощи воевод друг другу. Воеводам государь велел приступать, как только, что даст Бог, взорвет подкоп. Из башни в пролом пойти по времени, как государь приказал, слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому да окольниковому Алексею Даниловичу Басманову. Да и в пробитые все места велел им устроить и послать головы по царскому разряду. А в другой пролом за Аталыковыми воротами велел от князя Михаила же казначею Ивану Фоме Петровичу; а помогать им царю и великому князю своим полком. А в Кабацкие ворота воеводам передовому полку, наперед князю Дмитрию Ивановичу Хилкову, а помогать ему боярину князю Ивану Ивановичу Пронскому. А в Сбойливые ворота ертаулам, наперед князю Федору, а помогать ему князю Юрию Ивановичу Шемякину. А во Елбугины ворота от Казани реки воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому, а помогать боярину князю Петру Михайловичу Щенятеву. А в Муралеевы ворота воеводе Семену Васильевичу Шереметьеву, а помогать боярину князю Василию Семеновичу Серебряному. А в Тюменские ворота воеводе Дмитрию Михайловичу Плещееву, а помогать воеводе князю Дмитрию Ивановичу Микулинскому. И государь приказал готовиться к третьему часу дня воскресенья.

И прислал к государю князь Михаил Воротынский: Розмысл де порох под городом поставил, а с города де его видели, и невозможно де до третьего часа мешкать. Царь же благочестивый послал по всем полкам возвестить, да приготовятся вскоре все на брань.

Пошел государь в церковь. Сам же государь пошел в церковь и повелел правило поскору совершать, а сам государь многие слезы от очей своих испускал и у Бога милости просил. Перед рассветом отпустил царь воевод своего полка царского боярина князя Владимира Ивановича да боярина Ивана Васильевича Ше-

реметьева и всех полков и велел на условленном месте стать у города и своего царского приходу ожидать.

О слушании божественной литургии. Сам государь литургию велел начать, ибо хотел святыни коснуться и, совершив литургию, отдать Богу Божие и поехать во свой полк. Когда же литургия началась, страшно и умиления достойно было в то время благочестивого царя видеть в церкви вооруженным стоящего, доспех же на нем ничем не прикрыт, но так все были с ним вооруженные и усердствовали к оговоренному часу за благочестие.

Моление царское. Сам же благочестивый царь на образ Христа Бога нашего прилежно взирал, и на родившую его мать, и на угодника его Сергия, ибо пришел тогда царь к чудотворцеву образу стоящему, на котором живой светильник Сергей начертанный, в сердце же своем тайно беспрестанные молитвы воссылал, от очей же его словно река слез изливалась, и таковое явственно сказал: «О владыко Премилостивый Христос, помилуй рабов своих. Сие время пришло милости твоей, сие время. Подай крепость на супротивных рабам твоим, помилуй, милостивый, помилуй падших рабов твоих, человеколюбивый. Восставь, владыко, и плененных сих освободи, пошли, милосердо, милость свою древнюю свыше, и разумеют язычные, что ты есть Бог наш, на тебя уповая, побеждаем. И ты, о пречистая владычица Богородица, умоли родившегося из тебе Христа истинного Бога нашего, да не помянет грехов моих и беззаконий великих, сколько согрешил я пред величеством славы Его, но помилуй меня великой ради милости своей. Ты, владычица, помощницей нам да будешь и всему воинству нашему, на тебя надеемся, не посрамимся в бранях молитвами твоими и всех святых российских чудотворцев и сродников наших, и молитвенников и помощников на супротивных».

И вот пришло время на литургии святое Евангелие читать, когда солнце уже восходило, и когда закончил дьякон и возгласил последнюю строку во Евангелии: «И будет одно стадо и один Пастырь», тотчас же словно сильный гром грянул и весьма земля дрогнула и потряслась. Благочестивый же царь из церковных дверей мало выступил и увидел градскую стену подкопом вырванную, и страшна же и умиления достойна зрением земля, словно тьма поднявшаяся, и на великую высоту взлетевшая, и многие бревна и людей на высоту взметая язычников. Царь же благоверный на молитву склонился, и вот внезапно второй подкоп градскую стену грознее первого разметал, и множество горожан на высоту взметнулось, иные пополам разорванные, а иным ноги и руки оторваны, и с великой высоты бревна падали во град и множество нечестивых побили.

И пошло воинство царское со всех сторон на град. И все воины православные Бога на помощь призывали, и кликнули Бога на

помощь: «Бог с нами!», а иные «С нами Бог!», и со всех сторон вскоре устремились на язычников. Татары же во граде скверного своего Махмета лживого и советников его призывали на помощь себе и говорили: «Все помрем за юрт». И бились обои в воротах и на стенах крепко, царь же благочестивый стоял в церкви и молил создателя Бога, а также и все люди с великим воплем, и плачем, и стенанием сердечным призывали Бога на помощь. И вот пришел некий ближний царев и говорил ему: «Вот, государь, время тебе ехать, поскольку, сражаясь с неверными, многие полки тебя ожидают». Царь же отвечал ему: «Если до конца пения здесь будем, совершенную милость от Христа получим». И вот вторая весть пришла от града: великое время царю ехать, да укрепятся воины, увидев царя. Царь же воздохнув из глубины сердца своего, и слезы многие изливая, сказал: «Не оставь меня, Господи Боже мой, и не отступи от меня, не откажи в помощи мне». И пришел к образу чудотворца Сергия, и приложился к нему, и любезно целовал образ, и сказал: «Угодник Христов, помогай нам молитвами твоими». И причастился святой воды и дары вкусил, также и богородичного хлеба, и когда литургия окончена была, благословил его отец его духовный изрядный Андрей протопоп животворящим крестом.

Пошел царь в полк свой. И вышел царь из церкви, молитвою вооруженный, и, обратясь к своим богомольцам, сказал: «Меня благословите и простите, а вы беспрестанно Бога молитесь, а нам молитвою помогайте». И вступил государь в забранное стремя, и взобрался на коня своего, и скорым ходом пошел к полку своему к граду. И видел государь, что знамена христианские уже на стенах градских, и приехал самодержавец в полк свой, и по всем сторонам посылал, утверждая воинов. И видели все люди, что государь приблизился к ним и мужественно храбрствует с ними, и в тот час от всех сторон, как на крылах, возлетели на стены градские, а также и со стен во граде бились во всех местах жестоко.

Была сеча во граде Казани. К государю же от князя Михаила Воротынского говорили, что Божиим милосердием люди царевы во граде бьются с неверными, а государь бы им помогал. Царь же посылал головы из своего царева полка, а велел пешим спешить и помогать своим, ибо на конях невозможно было, теснота в граде великая в хоромах, а также и от множества людей. Головы же царские с детьми боярскими мужественно нападали на иноверных, и бились царевы воины во всех местах от всех ворот мужественно, за руки хватая, копьями и саблями, в теснотах ножами резали; на многих улицах с обеих сторон христиане и татары сражались во многие копы и многие часы стояли на копьях, и ни единый не отступал.

Божиею помощию одолели православные татар. Бог же помогал православным, поверх хором ходящие христиане сверху

побивали татар, к государю же из всех мест воеводы докладывали: «Воинство крепко бьется, и Бог помогает за тебя, царя благочестивого, и ты, царь, помогай нам». Царь же посылал бояр и многих ближних помогать в бою тем, а также следить, да не станут растаскивать сокровища. И головы своего царского полка посылал с людьми во все места помогать. И приблизились христиане к мечети Кулшерифа к Тезицкому врагу, где с Кулшерифом молною многие неверные совокупились и зло бились.

Убили Кулшерифа с его полком. И Божиим милосердием одолевали православные Кулшерифа, со всеми его побили, татары же побежали все на царев двор. Воины же православные приблизились к цареву двору и секли нещадно нечестивых мужей и жен, земля кровью была залита. И татары собрались на царском дворе, и видели свою конечную погибель, и сказали друг другу: «Бежим же из города скоро от них, поскольку Бог помогает им, и множество наших умерло». И побежали все к Елбугиным воротам, и начали со града кидаться и в ворота пробиваться, и многие к лесу на бегство устремились. И в тот час поведали благочестивому царю, что многие с города люди побросались и за Казань на бегание устремились. И в том месте был воевода боярин князь Петр Михайлович Щенятев, и напустился на них полком своим, и многих у них убили. А воевода князь Андрей Михайлович Курбский выехал из города, и сели на коней, и гнались за ними, и въехали во всех в них. Они же его с коня сбили, и его людей посекали множество, и пришедшие за ним многие за смертью пали, но он Божиим милосердием после выздоровел. Татары же побежали порознь к лесу. Царь же благочестивый послал к Бежболде боярина князя Семена Ивановича Микулинского да оружничего Льва Андреевича Салтыкова, а за Казань боярина князя Михаила Васильевича Глинского да боярина дворового воеводу Ивана Васильевича Шереметьева; и там были за Казанью голова царского полка Михаил Вороной да князь Владимира Андреевича воевода Иван Угримов. Бояре же и воеводы Божиим милосердием побили множество язычников, и там они некоторое множество побили, от реки Казани, и до леса, и в лесу многие мертвые лежали; и немногие убежали, многими ранами ранены.

Об избииении язычников. И уже помощью всесильного Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, молитвами нашей владычицы Богородицы, и пособлением и заступлением великого архистратига Михаила и прочих сил бесплотных, и великих чудотворцев молитвами, и сродников царя нашего православного и всех святых молитвами случилось одоление царское над врагами. Благочестивый и боговечанный наш государь царь православный и великий князь Иоанн Васильевич, самодержец всея Руси, сражался с нечестивыми, и одолел их до конца, и царя казанского

Едигер-Махмета поймали, и знамена их взяли, и царство и град многолюдный Казанский захватили. В полон же повелел царь брать жен и детей малые, а ратных людей за их измены убить всех, и такое множество взяли полону татарского, что всем полкам русским наполниться, у всякого человека русского полон татарский был; христианского ж полону множество тысяч душ освободили. А побитыми их во граде такое множество лежали, что по всему граду не было где ступить не на мертвых; за царевым же двором, где на бегство предались из стен градских, и по улицам груды мертвых лежали, и по Казань реку, и в реке, и за рекою по всему лугу мертвые язычники лежали.

Царь хвалу Богу воздает. Видел благочестивый царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси таковое милосердие Божие на себе и на всем своем христолюбивом воинстве, руки воздел к Богу, благодарные молитвы приносил. И повелел благочестивый царь и великий князь во своем полку под своим знаменем молебны петь о победе, благодарение воздавая. И в тот час животворящий крест повелел поставить, и церковь поставить нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа на том месте, где знамя царское стояло во время взятия градского.

Здравствуют царю государю на царстве Казанском. И тут князь Владимир Андреевич и все бояре и воеводы здравствовали государю: «Радуйся, царь православный, Божиею благодатию победивший супостатов! Да будешь, государь, здрав на многие годы на богодарованном тебе царстве Казанском! Ибо ты есть воистину от Бога наш заступник от безбожных агарян, ибо тобою ныне бедные христиане освобождаются на веки, и нечестивое место благодатию освящается. И впредь у Бога милости просим умножить лет жизни твоей, и покорить всех супостатов твоих под ноги твои, и даст сынов и наследников царству твоему, да и мы в тишине и покое поживем».

Ответ царский. Государь же им со умилением отвечал: «Бог сие содеял твоим, брата моего, попечением и всего нашего воинства страданием и всенародною молитвою, да будет Господня воля».

Царю и государю здравствует Шигалей. Также, приехав, царь Шигалей здравствовал государю: «Да будь, государь, здрав, победив супостатов, на своей вотчине вовеки!».

Ответ царский к царю Шигалею. Государь же ему благочестивый отвечал: «Господин, тебе, брату нашему, ведомо: много я к ним посылал, чтобы похотели покою. И тебе их жестокость ведома, каким злым ухищрением многие годы лгали и сколько крови христианской проливали. И Бог милосердый и праведный суд показал нам на милосердие свое, а им отмстил кровь христианскую».

О въезде царском во град. Повелел государь одну улицу очистить к цареву двору от Муралеевых ворот, мертвых поносить; и

едва очистили, государь въехал во град. Пред ним ехали воеводы, и дворяне многие, да и с животворящим крестом Андрей протопоп, а за государем ехал князь Владимир Андреевич и царь Шигалей. И приехал государь на царев двор. Воеводы же и все люди православные здравствовали государю, и великим гласом кликнули люди: «Многих лет царю благочестивому и победителю варваров! Да будь, государь, здрав на богодарованной тебе вотчине вовеки!». И видели православные люди животворящий крест и царя благочестивого в запустенной мерзости казанской. Прежде на том дворе нечестивые цари водворялись, и многая кровь христианская по много лет проливалась, и много бед христиане принимали, ныне же воссияло на нем праведное солнце, самое древо, животворящий крест, и образ владыки нашего Христа, и пречистой его Богоматери, и великих чудотворцев. И православный и благоверный царь, добрый страдалец, с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всем христианским воинством, и все люди благодарение Богу воздали и сказали: «Благодарим тебя, владыку Христа, который в нынешнем роде последнем сие чудо соделал, в темном месте, в застоявшейся мерзости свет твой истинный воссиял, вместо скверного Махмета и его прелестников крест свой животворящий и образ свой пречудный нам грешным показал, и иноплеменный род с царями их без вести сгинул в единый час. Слава тебе, владыко наш Христос, в Троице прославляемый, давший нам такового государя царя христианам в последнее время, из праведных царей и благочестивых, храброго и мужественного, и в заповедях твоих живущего и благорассудного, милостивого, долготерпеливого к согрешившим и от врагов нас избавляющего». Царь же благоверный, воздав хвалу Богу, приказал воеводам во граде огни гасить и многие сокровища казанские брать своему воинству. На себя же государь не велел брать ни единой медной монеты, ни плену, только одного царя Едигер-Махмета и знамена царские да пушки градские. Все же сокровища казанские, и жен их, и детей велел всему своему воинству брать. А сам государь поехал на свой двор за город, где прежде сего стоял, и пришел в церковь Сергия чудотворца, много слез изливая и Богу благодарствия воссылая со всем воинством. И пошел государь к престолу, всех своих воинов благодарными словами утешая, и всех жаловать обещался, и раненых воевод и всех воинов всякими довольствами одарял.

О послании к Москве. И послал государь к Москве Божьего величия чудные дела возвестить к своей царице Анастасии, и к отцу своему и богомольцу Макарию митрополиту, и к брату своему князю Юрию Васильевичу боярина своего и дворецкого Даниила Романовича Юрьева.

А сам государь послал по всем улусам черным людям ясным жалованные грамоты покровительственные, чтобы шли к

государю, не боясь ничего; а кто лиха чинил, тем Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, как и прежним казанским царям.

Арские люди прислали к государю бить челом. И прислали к царю арские люди бить челом казаков Шамая да Кубиша с грамотою, чтобы государь их пожаловал, черных людей, гнев свой отдал и велел ясаки брать, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, кто бы им сказал государево жалованное слово, а их собрал, поскольку они от страху разбежались, и они бы, учинив государю правду, дав присягу, поехали к государю. И царь государь и великий князь послал к ним сына боярского Никиту Казаринова да Камай мурзу казанского. А с луговой стороны также черемиса приехали к царю бить челом, и государь их пожаловал.

Об освящении града. В тот же год октября четвертого дня город Казанский вычистили от множества трупов мертвых, и государь поехал во град, и избрал место среди града, и водрюзил на нем крест своими руками царскими, и заложил на том месте храм во имя пречистой владычицы нашей Богородицы честного ее Благовещения. И пел молебен протопоп Андрей, и с игуменами и со священниками освящал воду. И пошел государь царь и великий князь с крестами по стенам градским, и освятил град во имя святой и живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, и пречистой Богоматери, и великих чудотворцев.

Об освящении церкви. Того же месяца шестого дня освящал государь церковь соборную Благовещения пречистой Богородицы, и освящал Андрей протопоп да со Свяги рождественский протопоп Афанасий и с игуменами, и со священниками. В тот же день выбрал царь государь воевод, кого ему оставить после себя в Казани, старшего боярина и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого, тому и царевым местом управлять велел, да боярина и воеводу князя Василия Семеновича Серебряного и иных воевод многих, да с ними оставил дворян своих старших, и детей боярских многих, и стрельцов, и казаков.

Государю били челом арские люди. Того ж месяца в 10 день приехал Никита Казаринов и Камай мурза, а с ними многие арские люди и царю государю били челом, чтобы им государь свою милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и арских пожаловал, а ясаки на них велел брать прямые, как были при Махметелиме царе, и приказал боярину своему князю Александру Борисовичу, а велел их к шерти привести, и ясаки на них брать, и во всем ими управлять.

Государю били челом луговые люди. В тот же день луговые люди из Як и из многих мест к государю приехали, а били челом государю от всех луговых людей, так же и арских, хотели госуда-

рева жалования. И царь государь их пожаловал по тому же, приказал боярину своему их к шерти приводить и управу чинить; и в тот день правду от всех людей черных дали.

Того же месяца 11 дня постановил государь с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всеми боярами идти к Москве; а самому государю идти Волгою рекою в судах, а в конной отпустил слугу и воеводу князя Михаила Ивановича Воротынского с товарищами, идти им на Василь город берегом. В тот же день царь и государь слышал молебн у Благовещения пречистой Богородицы, и положил всю надежду на милосердного Бога, и пречистую его мать, и великих чудотворцев, и сказал: «Ты, владыко наш Христос, сие соделал, ты соблюди во имя свое град и людей». И приказал боярину своему и воеводе князю Александру Борисовичу с товарищами все творить по своему царскому наказу; и пошел к Волге, и в тот день ночевал на берегу у Волги. И на следующий день сел государь с братом своим в ушкуи, и погреб вверх Волгою, и пригреб в тот день во Свяжский град, и тут ночевал. И приказал боярину и воеводе князю Петру Ивановичу горными людьми управлять, и ясаки брать, и во всем их беречь велел, и горным людям всякую управу велел чинить во Свяжском городе, а луговым и арским велел управу в Казани чинить, а о местных делах горным с казанскими велел государь посланиями обмениваться воеводам казанским со свияжскими, а свияжским с казанскими.

В тот же день государь пошел Волгою к Василию городу и к Новгороду Нижнему, и пригреб государь в Нижний Новгород. И тут его встретил от его царицы боярин его князь Федор Андреевич Булгаков и от брата его князя Юрия Васильевича окольниковичий его Владимир Васильевич Морозов, а от митрополита Иван Кузьмин, Елизар Соболев, и здоровствовали государю на его благодаренной вотчине, царстве Казанском, и многими челобитьями похваляя его труды и подвиги. А также и множество народов Богу великое благодарение возносили о несказанном его даре, и государю великое благодарение приносили, и к Богу о нем всенародною молитвою вопили: «Умножь, всемилосердый Бог, лет жизни его, который избавил нас от таковых змей ядовитых, от которых много лет зло страдали мы».

О походе из Новгорода. Оттуда государь поехал на конях на Балахну к Владимиру. И тут к государю приехал от его царицы Настасьи боярин Василий Юрьевич Траханиот и возвестил царю и государю, что ему послал Бог у царицы его, и родился ему сын царевич Дмитрий. Государь благочестивый испустил от радости несказанной слезы и сказал: «Что воздам, владыко, за такое твое благодарение? Удвоил ты ко мне свою милость». И Василия жаловать обещался. А сам государь из Владимира поехал в Суздаль

к Покрову пречистой Богородицы, и там молебны совершив, поехал на Юрьев к живоначальной Троице и к чудотворцу Сергию. И вошел в церковь живоначальной Троицы, и припал к образу, и долгое время со слезами молитвы к Богу воссылал. А затем пришел к чудотворцевым мощам преподобного отца Сергия и многие сердечные слезы с молитвою испускал и всю надежду на Бога, и на пречистую его Богоматерь, и на великих чудотворцев; игумену и братье великие слова с челобитьем говорил за их труды и подвиги, их молитвами государь благое получил. И бывший там митрополит Иоасаф, и игумен, и братия государю со слезами челом били об избавлении христианском.

Встретил царя и государя брат его князь Юрий Васильевич. И пошел государь к Москве и ночевал в селе своем Танинском; и тут его встретил брат его государев князь Юрий Васильевич и бояре государевы, которые на Москве были. И князь Юрий Васильевич здравствовал государю на царстве Казанском и со благодарным сыном царевичем Дмитрием. И возрадовался государь, который, с такою победою придя, узрел брата своего здоровым, а также и князь Юрий Васильевич, и бояре, и все люди, возрадовались, видя царя своего пришествие, с великими победами идущего.

О приходе царском к Москве. Пришел государь к царствующему граду Москве, и встречали государя множество народа, и поля не вмещали их: от реки Яузы и по самый град и до посада по обе стороны пути бесчисленно народа, старые и юные, весьма громко вопия. Ничего же иного не слышно было, только: «Многих лет царю благочестивому, победителю варваров и избавителю христианскому!». И встретил царя благочестивого у пречистой у Сретения митрополит с крестами и с чудотворными образами, и со архиереями, и епископами, и со всем священническим чином. И пришел государь к чудотворным образам, и знаменовался у образов, и благословился у отца своего богомольца Макария, митрополита всея Руси, и от всего священного собора.

Речь царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси к Макарию митрополиту и ко всему священному собору. Отец наш Макарий, митрополит всея Руси, архиереи и епископы и весь православный русский собор! Били мы вам челом о вашем к всеильному Богу подвиге и прилежных молитвах, чтобы вы, господа мои, молили премилостивого Бога, и пречистую Богородицу, и великих чудотворцев, и всех святых о вашей здравии, и прощении многих согрешений, и об устроении земском, и об избавлении от варварского нашествия, и от всех видимых и невидимых врагов избавлении. Еще же и советовались мы с вами о том, что казанские цари и все казанские люди многие годы чрез наше жалование нам изменяют, и христианство расхищают, и многие грады и села, Богом дарованные нам, нашей Русской дер-

жавы попленили, и в тех градах было несколько церквам святым разорение и низложены честные монастыри и поплнены, и множество народа христианского, священнического чина и иноческого, и князей, юных и младенцев, и бояр мужского пола и женского, и неисчислимое количество крови христианской пролилось, и в плен расхищены и рассеяны по лицу всей земли, грехов ради наших, особенно же моих согрешений. И не раз в прежние годы бывшие прежде нас отцы наши и деды, а также и мы вооружались во отмищение им, воевод своих посылали и несколько не преуспели из-за грехов наших. И ныне мы с Божиею помощию по вашему совету ходили на них, и в то время приблизился к нам недруг наш крымский Дивлет-Гирей царь и желал после отшествия нашего на Казань до конца православие погубить. И ты, отец наш Макарий, митрополит всея Руси, и своими о Святом Духе детьми, архиепископами, и епископами, и игуменами, и со всеми священными соборами, не презрел к себе моления нашего и помянул владыки нашего Христа слово: «Бдите и молитесь, да не войдете в напасть». И исполнил ты Христово слово бдением, и молитвами, трудами, и голоданием, и всенощным стоянием. А также заповедал ты по всем святым местам и всему народу христианскому после нашего отшествия против иноплемennых на пост и на молитву к всемогущему Богу, и владыке Христу, и пречистой Богоматери, и великим чудотворцам об избавлении христианском и о наших согрешениях. И милосердый Бог молитв ради пречистой Богоматери, и великих чудотворцев, и твоих ради великих трудов, и молитв архиепископов, и епископов, и всего священного русского собора, и всенародные молитвы услышав, подал нам помощь: крымский Дивлет-Гирей царь возвратился, никем не гонимый, но только гневом Божиим и вашими молитвами святыми, не дождавшись вас, вскоре возвратился. А которые его люди с нашими людьми виделись, и над теми нам Бог милосердие свое показал, наши воеводы крымских многих воевод побили и многих живых к нам привели. И мы ныне благодарение Богу приносим, а тебе, отцу своему Макарию, митрополиту всея Руси, и архиепископам, и епископам, и всему священному собору челом бьем. И после отшествия, господин, крымского царя, положив упование на всемогущего Бога, и на пречистую его Богоматерь, и на великих чудотворцев молитвы и на ваши святые молитвы уповая, на оных свирепых кровопроливцев казанцев пошли мы и с братом своим князем Владимиром Андреевичем, и со всем своим воинством. И, дал Бог, дошли туда здраво милосердного Бога помощию и поспешением пречистой его Богоматери и великих чудотворцев молитвами, и вашими святыми великими трудами, и бдениями, и молитвами, и преждепочивших родителей наших молитвами, а также попечением, и мужеством, и храбростью брата

нашего князя Владимира Андреевича, и всех наших бояр, и воевод, и всего нашего христианского воинства усердием и страданием за непорочную нашу и истинную христианскую веру, и за святую церковь, и за едиnorodную нашу братию православных христиан. И милосердый Бог призрел с высоты небесной, изливая щедроты благодати своей на нас, неблагодарных рабов своих, и не по нашему согрешению даровал нам благодать свою, царствующее место, многолюдный град Казань, и со всеми живущими в нем, передал в руки наши, и Магметову прелесть прогнал, и водрузил животворящий крест в запустенной мерзости казанской. И все живущие в ней басурмане судом Божиим в один час без вести погибли, а царь казанский Едигер-Махмет один живой нами найден был. И по Божию дарованию, его святой воле, а вашими святыми молитвами град Казанский, прежде бывший нечестивый, освящали во имя живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, нераздельное Божество, и по стенам градским с крестами ходили, и церковь соборную во имя пречистой нашей Богородицы воздвигли по твоему прежнему благословиению и совету, и иные храмы во имя угодников Его. И Божиим милосердием и вашими молитвами из всех казанских пределов все земские люди, арские и луговые, нам добились челом и обещались нам пожизненно дань даровать. А там мы с Божиею благодатию на сохранение градам и землям оставили воевод своих, людей многих, а сами с таким великим Божиим дарованием сюда к образу пречистой Богородицы, и к мощам великих чудотворцев, и к твоей святыни, и к отеческому своему месту здравы пришли. И я тебе, отцу своему и богомольцу, и всему священному собору с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всем нашим воинством на ваших трудах и молитвах, которыми вашими молитвами сии великие чудеса Бог соделал, много челом бьем пред священным собором.

И поклонился благочестивый царь с братом своим с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством до лица земного. «И ныне вам челом бью, чтобы вы пожаловали, поусердствовали молитвою к Богу о нашем согрешении и об устройении земском. чтобы вашими молитвами Бог милосердый милость свою послал и порученную вам паству православных христиан, которую искупил Христос честною кровью от проклятия греховного, снабдил во всяком благоверии и чистоте, и наставил бы нас на путь спасения, и от врагов невредимыми сохранил, и новопресвященный град Казанский, по воле его святой данный нам, сохранил во имя святое свое и утвердил бы в нем благоверие и истинный закон христианский, и неверных бы обратил к истинному христианскому закону, чтобы и те вместе с нами славили великое имя святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Речь митрополита к царю и государю. О Богом венчанный царь и благочестивый государь великий князь Иоанн Васильевич всея Руси! Мы, твои богомольцы, со священным собором молим Бога и великой его благодать хвалу воздаем. И что возгласим, только к нему скажем: дивен Бог во славах творящий чудеса, показанные на тебе, царе благочестивом, славу свою и светлые победы над врагами даровал тебе над крымским Девлет-Гиреем, царем нечестивым, и свое христоименитое стадо от нашествия иноплеменного агарянина ныне тобою, государем нашим, охранил нас. Ты же, государь наш, по таковой Божией благодати, своих великих трудах и с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всеми своими христолюбивыми воинствами, поборниками благочестия с Божиею помощью и заступлением мужественно, ты, царь, царски весьма подвизался против супостатов своих нечестивых царей и клятвопреступников татар казанских, всегда неповинно проливающих кровь христианскую, и оскверняющих и разоряющих святую церковь Божию, и православных христиан в плен расхищая и рассевая по лицу всей земли. И ты, благочестивый царь, крепкий в бранях, возложил ты неуклонную надежду и веру на Бога вседержителя и показал ты великие подвиги и труды, постарался ты данный тебе талант умножить и расхищенное стадо паствы твоей освободить от рабства. И видел владыка неотложную твою веру, и чистоту, и любовь нелицемерную, и рассуждение благоразумное, и храбрость, и мужество, и целомудрие, не отступился ты пострадать до крови, более скажу, предал ты душу свою и тело за святую чистую нашу и пречестнейшую веру христианскую, и за церковь святую, и за порученную тебе паству православных христиан, за пролитие их крови и в плен расхищенных и всяческими от них бедами томимым, многообразными страстями оскверненных, по твоей вере и великим и несказанным трудом и даровал тебе Бог милосердие свое: град и царство Казанское передал в руки, и воссияла на тебе благодать его, как на прежних благочестивых царях, творящих волю Господню, благочестивому и равноапостольному Константину царю крестом победу на врагами даровал и прочим благочестивым царям, а также и прародителю твоему великому князю Владимиру, просветившему Русскую землю святым крещением, многих иноплеменных победить, достохвальному ж великому князю Дмитрию на Дону варваров победить, и святому Александру Невскому латинов победить. На тебе же, благочестивом царе, превзошла свыше Божия благодать: царствующий град Казанский со всеми окрестными тебе даровал и змея, гнездящегося там, и кроющегося в норах своих, и нас зло поедающего, сокрушил своею благодатию, и силою крестною, и тобою, благочестивым царем, сие нечестие вырвал и благодать насадил, животворящий крест водрузил и свя-

тую церковь воздвиг, и твоею царскою рукою многих христиан пленных от рабства избавил. И видел творец всем владыка наш Христос твои праведные нынешние подвиги и труды во имя его святое и за христоименитое стадо, порученное тебе от всесильные его десницы, хотение сердца твоего исполнил и желание твое совершил, даровал тебе свыше победу над врагами креста своего и над иноплеменными сими, да освятится град и люди благодатию Христовою. И незабывчив мздовоздатель Христос против твоих трудов о имени его и о людях его, исполняя слово свое: благи рабы верные; в малом ты был верен, над многим тебя поставлю. Еще же и даровал тебе Господь Бог из чресл твоих перворожденного сына родить от твоей царицы великой княгини Анастасии, царевича Дмитрия Иоанновича. Мы ж, твои богомольцы, что Богу возгласим против великой его милости, дарования к тебе, царю благочестивому верному его рабу? Но только говорим: велик ты, Господи, чудны дела твои, никаких слов недостаточно для похваления чудес твоих. Тебе же, царь, как возможем бить челом и какие тебе похвалы принесем? Ты же с Божиею помощью избавил нас от нашествия варварского своим благородием, а также и жилища их до основания разорил и победой братию нашу плененную от рабства освободил. И с избавленною братиею говорим тебе: радуйся, благочестивый царь, и веселись, приводя сих Христовых, пастырям начальник! Здравствуй, государь благочестивый царь, и со своею царицею и великою княгинею Анастасиею, и со своим Богом дарованным сыном царевичем Дмитрием, и со своею братиею князем Юрием Васильевичем и князем Владимиром Андреевичем, и со своими боярами, и со всем христианским воинством в богоспасаемом царствующем граде Москве, и на всех своих царствах, и на богодарованном тебе царстве Казанском и сей год и впредь идущие годы на многие поколения и на многие годы! А тебе, царю благочестивому государю, за твои труды со священным собором и со всеми православными христианами челом бьем.

И архиепископ Макарий, митрополит всея Руси, и со всем христианским народом пред царем на землю упали, и от радости сердечные слезы испускали о Божеском даровании и о царском здоровом пришествии.

И тут царь благочестивый переменял воинскую одежду и надел царское одеяние, и положил на шею свою и на грудь животворящий крест и на голову свою шапку Мономахову, сиречь венец царский, и на плечи диадему. И пошел за крестами и за чудотворными образами с митрополитом пешим во град, и пришел в соборную и апостольскую церковь пречистой Богородицы честного ее Успения, и припал любезно к чудотворному образу Богородицы, которую написал божественный апостол Лука еван-

гелист, и к многоцелебным мощам Петра чудотворца и Ионы чудотворца, и многие молитвы благодарные со слезами изрек, принял благословение от митрополита и пошел в царские свои палаты. И пришел к своей царице Анастасье и новорожденному своему сыну царевичу Дмитрию, и жаловал свою царицу, и увещал богомудренными словами. Она же, немного уже от болезни рождения оправившаяся, здравствовала государя и челом была о сбывшемся чуде.

Ноября в 8 день на Михайлов день был стол у царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в большой палате Грановитой, что от Пречистой с площади. А ел у него митрополит Макарий со архиепископами, и епископами, и архимандритами, и игуменами, да ел у государя брат его князь Юрий Васильевич да князь Владимир Андреевич и многие бояре и воеводы, которые с ним мужествовали в бранях. И одарил царь государь Макария митрополита и владык всех, в то время случившихся, за то, что их святыми молитвами и всенародною молитвою даровал Бог несказанную свою милость. А брата своего князя Владимира Андреевича жаловал государь шубами, и великими фряжскими кубками, и ковшами золотыми. А также жаловал государь бояр своих, и воевод, и детей боярских, и всех воинов по достоинству шубами многоценными со своих плеч, бархатами с золотом, на соболях, и кубками, иным же шубы и ковши, и иным шубы, и иным кони и доспехи, и иным из казны платье и деньги. Сие же торжество у государя было три дня в той палате, и за те три дня государь раздал из казны своей, по смете казначеев за все деньгами, платья и судов, доспехов и коней и денег, не считая вотчин и поместий и кормлений, на 48 000 рублей. А кормлениями государь пожаловал всю ту землю.

В тот же месяц приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Маашук князь, да князь Иван Езбозлуков, да Танашук князь бить челом, чтобы их государь пожаловал и вступился в них, а их с землями взял к себе в холопы.

В 7061 было Божие наказание во Пскове и в Великом Новгороде, великое поветрие, и по спискам в Новгороде и в пятинах умерло поветрием 500 000 человек, а наказывает нас Бог, к спасению приводя. Преставился владыка Серапион, и не стало поветрием же дворецкого Василия Машутыкина и много священнического чину и приказных людей. В том же году в месяце ноябре поставлен был Макарием митрополитом архиепископ Новгороду и Пскову старец Пимен черной Андреановой пустыни. И царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси и митрополит Макарий вносили мощи всех святых, да молили Бога и святили воду, и отпустили богомольца Пимена в Новгород. И пришел владыка в Новгород на Николаев день, и служил в Софии премудрости Бо-

жию первую обедню на Николаев день. И от того дня явил Бог милосердие свое, перестало поветрие.

В тот же год декабря 20 дня писали к государю из Василя города воеводы, что на Волге побили гонцов, и гостей, и боярских людей с запасами луговые люди, да и горные с ними были. И государь послал в Свияжский город к боярину и воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому с товарищами, чтобы то в горных людях велел сыскать. И князь Петр отпустил воеводу Бориса Ивановича Салтыкова, и Борис приехал на Цывиль и сыскал тех между горными людьми, что с луговыми воровали. И Борис взял оных, которые воровали, а иных тут повесил, а иных в город Свияжский привел да у города перевешал; и всех их казнил семьдесят четыре человека, а имущество их истцам поотдавал.

Того ж месяца декабря 25 дня прислал из Казани боярин князь Александр Борисович Горбатый Микиту Казаринова и сказывал, что некоторые казанцы хотели лихо чинить, Тугаевы дети с товарищами, и воеводы посылали Камаю мурзу да Никиту Казаринова, и они на Арской стороне, а с ними арские люди, побили их, а вдосталь переловив, тридцать восемь человек в город Казань привели; и воеводы их велели за их измену перевешать. И посылали воеводы на Арскую и на побережную сторону ясаки брать детей боярских Алексея Давыдова, Назара Глебова, Григория Злобина, Якова Остафьева, Ширия Кобякова, а иных в разные волости, и дети боярские ясаки собрали сполна и привезли к воеводам; а на луговую послали же.

В 61 лето января в 8 день в воскресенье крещен был казанский царь Утемыш-Гирей, Сава-Гирея царя сын, а имя ему наречено во святом крещении Александр царь. А крещен у Чуда в монастыре, а крестил его Макарий митрополит, а приемником был владыка Савва крутицкий. И ел царь новопресвященный у Макария митрополита, и, крестив его, митрополит привел к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, и приветствовал государь, что сподобил Бог нечестивого царя просветить святым крещением. И царь благоверный пожаловал царя Александра Савагиреевича, велел жить у себя в царском доме своем и повелел его учить грамоте, поскольку юн он был, да навькнет страху Божию и научится закону христианскому.

Царь казанский прислал бить челом митрополиту. В тот же месяц прислал к митрополиту бить челом царь казанский, что полоном взят в Казани, Едигер-Махмет, чтобы о нем пожаловал, бил челом царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, пожаловал бы ему государь, имущество дал, а за его грубость казнить не велел, и государь бы пожаловал, освободил и ему приступить к истинному закону христианскому велел бы, а его истинное желание к вере Христовой. И митрополит посылал к нему по много

дней с извещением как архимандритов и игуменов, не от нужды ли хочет принять за истинный закон христианский. Он же с клятвою извещался, что с любовью желает истинно веровать во Христа, а лживого Магмега и со скверным его законом прокликает.

Макарий митрополит бил челом царю и великому князю. Макарий митрополит царю и великому князю о нем бил челом, и царь и государь его пожаловал из-за веры христианской, и очами своими его велел видеть, и креститься ему позволил.

О крещении казанского царя. Той же зимой февраля 26 дня в неделю вторую поста крещен был казанский царь Едигер-Махмет на Москве реке у тайника, и наречен во святом крещении Симеон. А на крещении был благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси, и митрополит Макарий, и братья его князь Юрий Васильевич и князь Владимир Андреевич, и владыко крутицкий, и весь собор, архимандриты, игумены, протопопы, и множество бояр; и принял его от купели Макарий митрополит всея Руси, а священнодействовал отец его духовный Аммос, протопоп Николы Гостунского.

Царь и великий князь Симеона пожаловал. Царь и великий князь Симеона пожаловал, дал ему двор в городе и учинил при нем в боярское место Ивана Петровича Заболоцкого и всех чиновников по чину господскому, учинил его не так, как пленных держат, как царя и царского сына по достоинству.

О присылке из Казани. Той же зимой марта в 10 день прислал князь Александр Борисович Горбатый, что изменили луговые люди, ясаков не давали и ясачников, которые ясаки на луговой собирали, Мисиря Лихорева да Ивана Скуратова, побили, и пришли на Арское, и соединились все до одного, и стали на высокой горе у засеки. И воеводы посылали на них Ваську Елизарова, а с ним казаков да Ивана Ершева со стрельцами. И пришли на засеку, и за грехи порознились разными дорогами стрельцы и казаки, пришли на них арские люди и луговые, да их побили наголову и убили 350 стрельцов да 450 казаков.

О поставлении города на Меше. После арских людей бережные и луговые поставили себе город на Меше реке от Казани города 70 верст, и землю стену насыпали, желая тут отсидеться. Той же зимой того ж месяца 20 дня писал из Свяжского города боярин князь Петр Иванович Шуйский, что приходили на горную сторону арские люди и луговые Зен сеит да Сара богатырь с товарищами, и князь Петр отпускал на них воеводу Бориса Ивановича Салтыкова, да с ним детей боярских, да горных людей всех. И Борис на них пришел. В то время снега были великие. Арские люди и луговые пришли со сторон в нартах да за грех Бориса побили и самого Бориса жива взяли, да 36 сынов боярских убили, да боярских 50 человек, да 170 человек горных, а живых взяли 200

человек. И то случилось грехов ради наших и за превозношение наше: Бог показал милосердие свое над Казанью, и в нас явились гордые слова и неблагодарные, и начали сами по себе мудрые быть, забыв евангельское слово: «Кто хочет в мире сем мудр быть, да будет». И за многое наше неблагодарение и в то время грехов ради наших посетила немощь православного царя нашего, пришел огонь великий, сиречь огневая болезнь. И сбылось на нас евангельское слово: «Поражу пастыря, и рассеются овцы стада». Он государь, добрый пастырь, когда в силах был, тогда у Бога милости просил и нас хорошо хранил, и благорассудным его утверждением всегда сохранены мы. И на мало время примолк к Богу о нас молении простирать и на благое нас утверждать, и все злое и скорбное пострадали мы. Когда же не по нашим грехам своим праведным судом, не желая смерти грешным, воздвигли от болезни праведного нашего рачителя всея Руси государя, благочестивая оная душа, приняв от Бога ослабу телесным своим болезням, просит же вкупе и душевным облегчения и на молитву нас к Богу простирает, и все чины, суды и разбирательства земские от Бога строил, и в Казань и в иные области державы своей со утверждением посылал, и праведных миловать велел, а злых наказывать запрещением велел.

В ту же весну на Вятку государь послал Даниила сына Федора Адашева, а с ним детей боярских, да велел ему с Вятки с вятчанами и с теми детьми боярскими прийти в Каму, и стоять в Каме, и по реке Вятке искать над изменниками. И с верху на Волгу государь казаков послал к Даниилу, а велел приходить во многие места, что и было над изменниками. И Даниил с вятчанами стоял на Каме, и по Вятке, и по Волге, и побивал на перевозах во многих местах казанских и ногайских людей, и живых в Казань к воеводам присылал, за все лето 240 человек.

В тот же год приехали к царю и великому князю из Крыма царя и великого князя татары служивые Кадыш Кудинов с товарищами да Ступин человек Васька, а с ними вместе приехал от Девлет-Гирея царя гонец его Акинчей с товарищами, 11 человек. А царь и великий князь был в ту пору на своем богомолье в Кириллове монастыре. А писал к царю и великому князю, что Ступу отпускает да и своего посла Шага-Мансыр улана с Ступою вместе к царю и великому князю посылает с шертною грамотою, а царь бы и великий князь прежних послов Магметжар мурзу с товарищами к нему отпустил, а со Магметжар мурзою прислал к нему своего посла.

Кирилловский езд. В тот же год в месяце мае поехал царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси и со своею царицею, и с сыном царевичем Дмитрием, и с братом князь Юрием Васильевичем помолиться по монастырям, к живоначальной Трои-

це, да оттуда в Дмитров по монастырям, на Преснушу к Николе. Да тут государь сел в суда в Яхроме реке, да Яхромою в Дубну, да был у Пречистой в Медведевой пустыни, да Дубною в Волгу, да был государь в Калязине монастыре у Макария чудотворца, да оттуда на Углич и у Покрова в монастыре, да оттуда на устье Шексны на Рыбную, да Шексною вверх к Кириллу чудотворцу. Да в Кириллове монастыре государь молебны совершил и учредил братию, да ездил в Ферапонтов монастырь и по пустыням, а царица и великая княгиня была в Кириллове монастыре. И оттуда царь и государь пошел опять Шексною вниз, да и Волгою вниз на Романов и в Ярославль. Да в Ярославле государь был у чудотворцев, да в Переславль к живоначальной Троице. И приехал государь в Москву в месяце июне.

Преставился царевич князь Дмитрий. В тот же год в месяце июне не стало царевича Дмитрия в объезде Кирилловском, умер назад едучи к Москве; и положили его во Архангеле в ногах у великого князя Василия Иоанновича.

Об отпуске послов крымского царя. Царь и великий князь, приехав из Кириллова монастыря, крымского гонца Акинчея с товарищами к царю отпустил июня в 20 день. А с Акинчеем вместе послал к царю своих татар служивых Сеньку Тутаяева с товарищами с грамотою, а в грамоте писал к царю, что с царем дружбы хочет и послов его Магметжар мурзу с товарищами к царю отпускает, а с Магметжар мурзою вместе посылает своего посла Федора Загрязского.

О после в Крым. Июня в 29 день отпустил царь и великий князь к царю в Крым посольством Феодора сына Дмитрия Загрязского, а с ним вместе отпустил к царю прежних послов Магметжар мурзу с товарищами.

О ереси. В тот же год выросла ересь и явилось шатание в людях и неудобные слова о Божестве. Царь благочестивый и митрополит Макарий того поизыскали, откуда сие зло является. И сказали царю и митрополиту на Матюшку сына Семена Башкина, что он со своими советниками с Григорием да с Иваном Тимофеевыми детьми Борисова и с иными поносят владыку нашего Христа, измышляют что сына Божия нет и поносят преславные действия о таинстве, о литургии, о причастии, о церкви и о всех православных в вере христианской. И царь и патриарх велели его, поймав, истязать о сих. Он же христианином себя исповедал, скрывая в себе прелесть вражью и сатанинское еретичество, ибо думал безумный от всевидящего ока укрыться. Повелел же его благочестивый царь под палатою у себя в подклете держать, до тех пор пока сыщут о них. И пошел государь на Коломну, а его велел взять осифовским старцам Герасиму Ленкову да Филофею Полеву, а велел его рассматривать житие. Он же однако был злонамеренным, за христиа-

нина себя выдающим, и не потерпел Бог злоначинания, попустил на него гнев свой, начал бесноваться, зло мучим от него, и язык свой долу свесил, и много время так мучим был, рычал разными голосами, и после мучений о злой своей ереси начал исповедоваться. И возвестили сие митрополиту, и митрополит повелел ему писать богохульные свои ереси. И на единомышленников своих сказал двух Борисовых, Григория и Ивана; и с иными, сказал, советовался о зле; а злое учение, сказал, что принял от литвина Матюшки аптекаря да Андреяшки Хотеева латынников; да и на старцев на заволжских говорил, что его злобу не хулили и утверждали его в том. И царь и великий князь и митрополит того сыскали: и Артемий, бывшей игумен троицкий, и Перфил Малой, Савва Шах, и сыскали про них и от их уст слышали, что всех чудотворцев, верующих во Христа и чудеса творящих, похулили, а правила все церковные и соборы в басни вменяли. И осудили их неисходимыми бытъ, да не сеют злобы своей роду человеческому, и утвердили истинный закон христианский, изъяснив святым Евангелием и Апостолом и Правилами святых апостолов, а в прелесть впавших посрамили. И в то самое время когда у митрополита истязались с Перфилом о чудотворцах, что говорили про святого Николу как простого мужа, в то время Никола Гостунский чудотворец в храме своем у своего образа простил сына боярского, расслабленного руками и ногами, туленина Григория Сухотина: на молебне в один час стал здрав, как ничем невредим. И пришел протопоп Никольский Аммос, и того Григория прощенного привели к митрополиту на собор. И уведали все от самого прощенного чудо, свершившееся Богом и его угодником, и прославили Бога истинного Христа нашего и угодника его Николу, который не оставляет рабов своих, уповающих на Бога, и богохульных еретиков зло посрамили.

О присылке из Литвы. В тот же год прислали из Литвы пан Павел, бискуп виленский, да пан Ян Николаевич Родивилов, да Николай Николаевич Родивилов же к митрополиту и к боярам царя государя и великого князя, к князю Ивану Михайловичу Шуйскому да к Даниилу Романовичу Юрьева, человека своего Гакна с грамотою; а писали, чтобы митрополит и бояре били челом царю государю великому, чтобы похотел с их государем королем доброго согласия и вечного миру. И бояре к царю государю грамоту носили, и приказал им государь послать сына боярского за своего человека, а к ним против отписать, что государь хочет с королем доброго пожития и вечного миру; а за что у них нелюбье движется, то государь велел к панам отписать. И бояре князь Иван Михайлович и Даниил Романович послали к панам Микиту Суцова с грамотою покровительственной на послов.

Приезд Никитин из Литвы. Марта 28 дня приехал Никита Суцов из Литвы, а приехав, от панов к боярам привез грамоту, а

писали, что послов король пришлет к Петрову дню, а кого именем, с тем король гонца пришлет.

Приехал гонец от короля. В тот же год в месяце апреле приехал гонец от короля к царю и великому князю Андрей Станиславов с грамотою, а писал король, что отпустил послов своих к царю и великому князю пана Станислава Довойна, полоцкого воеводу, с товарищами, а будет к Москве после Петрова дня.

О вестях к царю из Крыма. В тот же год июля 6 дня пришли вести к государю из Крыма, что царь крымский хочет быть на его украине. И государь по тем вестям пошел на Коломну, а в Серпухов отпустил князя Владимира Андреевича да воевод своих князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, а в Калугу царя Дербыш-Алея астраханского да боярина и воеводу князя Ивана Федоровича Мстиславского и иных воевод. Со царем и великим князем были царь Симеон казанский, да бояре и воеводы по полкам по росписи, да черкасские князи Магаушко с братиею и с людьми, да из Городка царь Шигалей, да из Юрьева царевич астраханский Кайбула Ахкубеков, да из Калуги царь государь велел у себя быть Дербышу, царю астраханскому.

О присылке из Мценска с языками. И в августе прислал из Мценска князь Петр сын князя Ивана Горенского с языками пять татариноров крымских, приходили на мценские украинны 50 человек крымских, и князь Петр их побил. И те языки сказывали, что крымский царь приходил на Черкасские земли и на царя великого князя украину не пошел. И государь пошел к Москве, а царей и царевичей отпустил по вотчинам. А черкасских князей отпустил по их челобитью в Черкасские земли, и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до конца своей жизни, куда их государь пошлет на службу, туда им ходить. И послал государь с ними в Черкасские земли Андрея Щепотева правду их видеть. А пришел государь царь и великий князь с Коломны к Москве августа 18 дня в пяток.

О поставлении города в Шацких воротах. В том же году поставлен был в Мещере город в Шацких воротах на Шате реке. А воеводы были на охранении с людьми князь Дмитрий Семенович Шастунов да Стефан Сидоров; а ставил его Борис Иванов сын Сукин.

О послах. В тот же год в августе пришли послы к царю и великому князю от Сигизмунда-Августа, короля польского, пан Станислав Станиславович Довойно, воевода полоцкий, да пан Остав Волович, да писарь Петр Семешка просить о вечном мире. А вечного миру не сделали, а ради просьб послал царь и великий князь взять с королем перемирье на два года, от года 7062 от Благовещения дня до года 7064 до Благовещения же дня. А послов королевских к королю отпустил, а своих послов послал к королю

боярина Василия Михайловича Юрьева, да казначея Феодора Ивановича Сукина, дьяка Ишука Бухарина заключать перемирие.

7062 (1554). В сентября от царя приехали царя и великого князя татары Сенька Тутаев с товарищами да путимлец Ромашка Лукианов, что взят был с Мягким. Да с ними же вместе приехал царев гонец Тольшман-Аталык с товарищами. И сказывал Сенька, что царь Ступу, и Мягкого Битяговского, и детей боярских путимльцев отпустил, а с ними вместе послал к царю и великому князю своего посла Шаг-Мансыр улана с товарищами, и они с послами ехали вместе до Думчого кургана, и от Думчого кургана поехали наперед, а Ступа и послы будучи к Путимлю скоро.

7062. *О приезде татар из Крыма.* В сентябре отпустил государь воевод своих в Казань на арских изменников: в большем полку боярина и воеводу князя Семена Ивановича Микулинского да боярина Петра Васильевича Морозова, в передовом боярина Ивана Васильевича Шереметьева да окольного и оружничего Льва Андреевича Салтыкова, а в сторожевом воеводу князя Андрея Михайловича Курбского да Михаила Вороного. И велел государь идти по первому пути, и пошли из Нижнего Новгорода с Николина дня.

Об отпущении послов к королю. В тот же год отпустил государь царь и великий князь послов своих к королю, боярина Василия Михайловича Юрьева, да казначея Федора Ивановича Сукина, да дьяка Ишука Бухарина заключать перемирие. Они же были у короля, и перемирие заключили, и короля к присяге на перемирных грамотах привели, и пришли в том же году.

Царь и великий князь царя Симеона пожаловал. В том же году ноября в 5 день пожаловал царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси царя казанского Симеона, женил, а дал за него Андрея Кутузова дочь Марью. А женил его государь на своем дворе, а венчался у Благовещения на царском дворе.

В тот же год в октябре пришли к государю послы из Ногаев от Исмаила мурзы и от иных мурз, чтобы их царь и великий князь жаловал, оборонил от Емгурчя царя астраханского, отпустил бы на Астрахань Дербыша царя, да рать свою послал, и посадил бы на ней же Дербыша царя; а Исмаил и с иными мурзами его цареву дело станут делать, как им государь царь и великий князь велит. И царь и великий князь велел окольному своему Алексею Федоровичу Адашеву и дьяку Ивану Михайлову спросить Исмаиловых послов, каково их хотение, и велел с ними постановить, как тому делу делаться. И по царя и государя велению и по постановлению окольного Алексей и дьяк Иван приговорили на том, что царю и великому князю послать Дербыша царя на Астрахань да воевод своих в судах Волгою многих и с нарядом, а Исмаилу идти Полем или детей и племянников своих прислать к

Астрахани, и если, даст Бог, возьмут Астраханский юрт, то царевым и великого князя воеводам посадить на Астрахань царя Дербыша, а Исмаилу сына или племянника; а Исмаилу же в то время, или как ему будет возможно, прийти на брата своего на Исупа князя войною за то, что он царю и великому князю не прямит, послов царя и великого князя бесчестит и посланного в то время Сююдюка Тулусупова скованного у себя держит, и на всех недругов царя и великого князя Исмаил мурзе с детьми и с племянниками заедино быть, куда его царь и великий князь пошлет, туда ему ходить. И царь и великий князь, положив упование на всемогущего Господа Бога, начал советоваться с боярами, как ему промышленячь над Емгурчеем, царем астраханским, за великую свою обиду: на чем присылал послов своих, Ишима князя, бить челом, в том всем изменил и царя великого князя посла Севастиана ограбил. И воспоминал царь и великий государь древнее свое отечество, что прежде его бывшие родители святопочившие и великий князь Владимир, просветивший Русскую землю святым крещением, области разделил на части детям своим, и та Астрахань тогда именовалась Тмутаракань, и дал ее, Астрахань, сыну своему Мстиславу, в которой храм Пречистой сотворен был. И многие христианские государи от Владимира, преждепочившие сродники царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, теми владели местами, да Бог попустил из-за грехов христианских, и за непослушание закону Христову, и многих междоусобных браней русских государей ею завладели нечестивые цари ордынские, которые именовались Большая орда. И много лет цари нечестивые в той Орде водворялись, и многие беды и крови православные государи от них страдальчески приняли и мученическими венцами венчались, среди которых и блаженный князь великий Михаил черниговский, и боярин его Феодор, и прочие государи зло пострадали, и до блаженного великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, деда царя и великого князя Иоанна Васильевича. Тем блаженным великим князем Иоанном Васильевичем всея Руси вначале освободил Бог христианство от рабства басурманского, и та Большая орда им порушилась, и начали те цари ордынские жить в Астрахани, а Большая орда опустела, а место ее было примерно близ города Астрахани, два днища по Волге вверх, именуется Сарай Большие. И царь великий князь, уповая на всемогущего Бога и великие его щедроты, и на пречистую его Богоматерь, и великих чудотворцев молитву, и за обиду свою и срамоту, что царь Емгурчей обетам своим изменил и посла ограбил, и по ногайских мурз челобитью умыслил послать рать свою на Астрахань.

Царь и великий князь послал Дербыша царя на Астрахань. И царь великий послал Дербыша царя на Астрахань, а с ним послал воевод своих князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина с то-

варищами, а велел ему идти тремя полками: в большем полку князь Юрий Иванович Пронский да Михаил Петрович Головин, а в передовом полку постельничий Игнатий Михайлович Вишняков да Ширяй Кобяков, в сторожевом полку Стефан сын Григория Сидорова, да князь Андрей Булгак-Борятинский, а с ними дворяне царского двора и дети боярские из разных городов выбором, да стрельцы и казаки. Да с князем Юрием же велел быть с вятичами князю Александру Ивановичу Вяземскому. А велел государь князю Юрию с товарищами идти, как лед вскроется.

О отпуске к Исмаилу мурзе. В том же году в марте отпустил государь в Ногаи к Исмаилу мурзе и ко всем мурзам послов их, а своего посла к Исмаилу послал Микулу Бронцына и о всяких своих делах приказал Микуле, как ему делать, как ему царь и великий князь постановил.

Поставлен владыка на Крутицы. Того ж месяца 11 в неделю 5 святого поста поставлен был владыка на Крутицы архимандрит Нифонт от Спаса Нового.

Ступа да Мягкий приехали к Москве. Октября в 4 день Ступа да Мягкий Битяговский к Москве приехали; а крымские послы Шах-Мансыр улан с товарищами к Москве приехали октября 13, а гонцов и людей всех с крымскими послами 53 человека. А привез крымский посол к царю и великому князю от царя шертную грамоту, а царем царя и великого князя в той грамоте не писал, писал великим князем и, кроме имени, всю грамоту писал по царя и великого князя хотению. И о после царя и великого князя написал именно: учинится тому какая нечесть в Крыме от когонибудь, и царю и великому князю так же учинить над его послом.

О побеге в Литву. В том же году в июле побегал в Литву князь Никита князя Семена сын Лобанов-Ростовский, и взяли его в Торопце дети боярские, и привели к царю и великому князю. И царь и великий князь велел его выпросить, отчего побегал. И князь Никита сказал, что его отпустил в Литву боярин князь Семен Ростовский к королю сказать про себя, что он к королю идет, а с ним братья его и племянники, а наперед того послал к королю князь Семен человека своего Бакшея безопасности просить. И царь и великий князь велел князя Семена взять и выпросить его. И князь Семен сказал, что хотел тот бежать от убожества и от малоумия, поскольку скудость у него была разума и ко всяким добрым делам, напрасно и впустую изъедал царское жалованье и домашних своих. И царь и великий князь велел людей его взять, которых сказал в дому у себя. И человек его Семка сказал на него, что он с послами с литовскими сообщениями обменивается, с Довойном с товарищами, человеком своим Бакшеем, и сам с ним дважды виделся, и правдою с ними уверился, и думу царя и великого князя послам рассказывал, и потому послы вечного мира не

сделали; и многие поносительные слова про царя государя и великого князя им говорил, на что его сам добра ненавидец сатана подбил; и человека своего Бакшея к королю послал, а писал с ними хулу и укоризну на государя и на всю землю. И князь Семен сам сказал, что все то от малоумия говорил и думу царя и великого князя к королю с послами его сообщал, а с ним ехать хотели такие же полуумные ростовские князи Лобановы и Приемковы и иные клятвopреступники, а в думе у него в злой и в приказе были два его человека, Бакшей да Семейка, ими-то с послами сообщениями обменивался. А те того, сказывают, не видали, только бежать хотели. И царь и великий князь постановил с боярами по его делам и по его словам, осудив его, казнить смертию, и на позор послал, и с товарищами его. И митрополит Макарий и со владыками и архимандритами отпросил его от смертной казни; и послал его на Белоозеро в тюрьму, а людей его велел распустить.

В тот же год в феврале в Чистый понедельник приехал к царю государю от воевод от князя Семена Ивановича Никулинского с товарищами Назарий сын Семена Глебова и говорил от воевод, что послал их царь на свое дело на арских людей, и пошли от Казани. А с ним по государеву наказу пошли воеводы из Свияжского города: в большем полку с князем Семеном воевода князь Юрий Иванович Кашин, в передовом полку Феодор Иванович Умный-Колычов с теми людьми, которые годовали там. И они, призывая Бога на помощь, пошли из Казани Арскою дорогою на высокую гору в засеки, а направо послали побережных людей по Чувашской дороге, и по Ногайской, и по Каме, и по Меше воевать головы, а налево и вперед по тому же послали, и во многие места послали головы воевать; и сами, идучи на Арский, и к Нурме, и на Уржум, воевали и жгли во всех местах. И прошли воеводы на Уржум, от Казани 10 днищ ходу, а направо послали и на бережную сторону Чувашскою дорогою головы и на многих людей, и налево многие посылки, и, дал Бог, многие места воевали. А навстречу к ним приходили во многих местах казанские люди, и головы с детьми боярскими их побивали везде, и побили на боях, и в языков их взяли честных людей 6000 человек, и в полон брали, ребят и женок татарского полону 15000. И город на Меже сожгли, и людей в нем, немногих там застав, побили, а иные из него выбежали; и окрестные тут села все повыжгли и людей повыбили, и город до основания разорили. А война их была от Казани по Каму, а от Волги за Ошит, и за Уржум, и на Илет, и по Вятские волости, от Казани вверх по Каме 250 верст; а ходили с Казани 4 недели; а не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам. И пришли к воеводам Усейн сеит, да Таокмыш шихзада, да Сары богатырь и за всю Арскую сторону и бережную доби́ли челом, что им государю дань давать и от Казани не-

отступным быть и до конца жизни своей; и в том воеводам правду дали. И многие люди у воевод были и правду давали, арские и побережные, все без выбора. И пошли воеводы вверх Волгою, и пришли к царю и великому князю здравые к Благовещению дню.

Поставлен владыка на Рязани. В тот же год марта в 17 день поставлен на Рязани владыка Гурий, от Троицы игумен.

Родился благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу сын Иоанн. В том же году месяца марта в 28 день, Светлой недели со среды против четвертка, в третьем часу ночи родился благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси сын царевич Иоанн от благоверной царицы Анастасии, от дочери Романа Юрьевича; и была радость о рождении его великая. А крещен в третью неделю после Пасхи апреля 15-го у Чуда архистратига Михаила и у чудотворных мощей Алексия чудотворца, в церкви пречистой честного ее Благовещения; а принял его от купели митрополит Макарий всея Руси, а священная совершал Андрей, протопоп благовещенский.

О присылке к царю и великому князю. В тот же год апреля 21-го прислал к царю и великому князю посол его Федор Загряжский служивых татар Байберю Туишева с товарищами. А царь прислал с ними вместе к царю и великому князю своего гонца Будалей мурзу с товарищами, а писал к царю и великому князю, что ему царь и великий князь подарков прислал мало, и он о том на Феодора кручинится, а пришлет ему царь и великий князь подарков того больше, и они крепче помирятся.

В том же году царь и великий князь велел город поставить на Поле против Тулы, Дедилов град, а берег его Василий сын Петра Яковлевич, а делал князь Дмитрий Жижемский.

В том же году в мае пришли послы к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси из Немецкой земли от магистра ливонского Иван Бакостр, да Артем, да писарь Веденихт, да от бискупа юрьевского Гармана послы Владимир с товарищами бить челом, чтобы их государь пожаловал, велел наместникам своих вотчин новгородским и псковским перемирие дать. И государь и великий князь послал к ним с ответом окольникового своего Алексея Феодоровича Адашева да дьяка Ивана Михайлова, а велел им говорить, что за много лет с Юрьевской области даней его царских не платят, и гостей обижают, и церкви христианские и концы (части города) русские освоили, и гостям царевым и великого князя их не отдают, и государь на магистра, и бискупа, и на всю землю Ливонскую гнев свой положил за то их неисправление, и наместникам своим перемирия не велел давать. И послы немецкие добились челом о том, чтоб бискупу юрьевскому собрать дань со всей области Юрьевской по перемирным грамотам, со всякого человека по гривне по немецкой, кроме только царевых

людей, и ту дань привезти царю и великому князю всю сполна; а не исправится бискуп, то от него взять магистру дань цареву сполна и прислать к царю и великому князю; и церкви христианские и концы русские очистить, и людям всяким царевым и великого князя управу учинить вскоре честную безволокитно. И царь и великий князь магистра ливонского и бискупа юрьевского и всю землю Ливонскую пожаловал на том на всем и дань свою на Юрьевскую область наложил по гривне немецкой на всякого человека. И велел наместникам новгородским и псковским дать перемирие на 15 лет, и в третий год перемирия сего собрать дань царя и великого князя и старые залого, привести к царю и великому князю, и впредь дань давать всякий год без промедлений по гривне немецкой со всякого человека.

Об отпуске крымских послов. Мая 13-го царь и великий князь крымского гонца Бидалиий мурзу с товарищами и прежних гонцов Талышман-Аталыка с товарищами к царю отпустил. А с ними вместе послал к царю служивых татар Байберю Таишева с товарищами с грамотою. А писал к царю, что дружбы у царя не выкупает, а похочет царь с ним мириться по любви, и царь и великий князь с ним миру хочет по прежним обычаем; и похочет царь со царем и великим князем миру, и он бы царя и великого князя посла Феодора Загряжского к царю великому князю отпустил и с ним вместе послал своего посла, а царь и великий князь его посла Мансыр улана с товарищами отпустит и с Шах-Мансыр уланом пошлет к нему своего посла Ивана Федцова; а не захочет миру, и он бы посла Феодора Загряжского одного отпустил, а царь и великий князь его посла отпустит Мансыр улана, и разминутся послы в Путивле.

О приходе из Ногаев Никулы Бровцына. В тот же год в июле пришел из Ногаев от Исмаил мурзы Никула Бровцын. А Исмаил с ним приказал царю и великому князю, что он по царя и великого князя приказу пошел на брата своего Исупа князя, а к Астрахани ему невозможно идти, потому что с братом завоевался, а царь бы и великий князь рать свою к Астрахани отпуская, а что ему царь и великий князь велит делать, Исмаил те дела должен ведать, и ныне на брата своего пошел; да на том перед Никулою царю и великому князю и правду дал.

О присылке к царю и великому князю. В том же году августа 29-го прислал к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси воевода его князь Юрий Иванович Пронской-Шемякин с товарищами с сеунчем из Астрахани князя Василия сына князя Ивана Барбошина. А государь тогда был во своем селе в Коломенском, праздник творил рождения своего, ибо там каждый год честно праздновал, митрополит с собором и множество бояр у царя праздновали. И говорил князь Василий царю и великому

князю: послал его воевода князь Юрий Иванович Пронский возвестить государю величие Божие, как Бог сотворил милосердие свое, прославил имя свое святое Господне и возвеличил царя благочестивого, а врагов креста Христова басурманов низложил и посрамил, и освободил Бог христиан пленных.

О приходе воевод на Переволоку. Пришли воеводы на Переволоку, что к Дону с Волги, июня в 29 день, отпустили наперед себя князя Александра Вяземского да Даниила Чулкова, а с ними детей боярских и атаманов с казаками астраханских людей поискать и языков подобывать. И князь Александр встретился с астраханцами выше Черного острова, а они гребли в ушкуях проведать про рать царя и великого князя, а в головах у них был Сакмак. И князь Александр на тех людей пришел, и Божиим милосердием и царя и великого князя счастьем тех людей побил наголову. И не ушел от тех ни один человек, а самого Сакмака живого взяли и иных многих и к воеводам навстречу тех привели. И языки воеводам, Сакмак с товарищами, сказывали, что их послал Емгурчей царь про рать московскую проведать, а сам Емгурчей царь стоит ниже города Астрахани 5 верст. А в городе, сказали, людей немного, а все де люди сидят на островах по своим улусам. И воеводы по указу царя и великого князя суда большие оставили, а сами пошли поспешно к граду Астрахани. И когда воеводы пригребли на Черный остров, тут к ним прислал князь Александр Вяземский с другими языками; и те им языки про Емгурчю сказывали то же. И когда воеводы пришли против Больших Сараев, где была Большая орда, и тут к ним иных языков привели, и те им языки про Емгурчю царя сказывали то ж. И воеводы князь Юрий Иванович с товарищами выбрали головы да к князю Александру Вяземскому прибавили князя Давыда Гундорова, князя Тимофея Кропоткина, Григория Желобова, Даниила Чулкова, а с ними и дворян жильцов царевых и детей боярских многих послали на царев стан, где стоял Емгурчей царь. А сами пошли к городу июля в 2 день; а в городе в то время были люди немногие. И воеводы пристали выше города и ниже и, вылезши из судов, призвав Бога на помощь, пришли к городу. И астраханцы из города побежали, и всеильного Бога помощью, и его Богоматери и великих чудотворцев молением, и царя благочестивого и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси благородством, и твердыми свирепостью разума его наукам, и его царским счастьем воеводы его князь Юрий Иванович Пронский с товарищами Астраханское царство и город взяли, и людей пеших разогнали и многих побили, а иных живых взяли. И взят город Астрахань июля 2-го на праздник пречистой владычицы нашей Богородицы Положения честной ризы, которая во Влахерне.

О приходе голов на царев стан. В тот же день головы пришли, князь Александр Вяземский с товарищами, на царев стан. А

царь в тот день перед ним побежал на конях, уведав про рать на Астрахань, а царя и царицу с детьми отпустил в судах к морю. А люди все побежали в судах, а иные пешие по сторонам; а которых застали на царевом стану, тех Божию помощью побили многих и пушки и пищали взяли. И догнал атаман Федька Павлов ушкой с девками царевыми, да и набаты царевы и пищали с ним были многие, и то все взяли и людей побили.

О посаждении на Астрахани царя Дербыша. И в тот же день воеводы князь Юрий Иванович с товарищами по царя и великого князя наказу царя Дербыш-Алея на Астрахани посадили, и тех людей, которых переловили, по их челобитью к правде привели. И в Ногаи к Исмаилу мурзе сказать послали, что воеводы, дал Бог, взяли Астрахань. И послали в Ногаи служивого татарина Янбулата да царя Дербыша-Алея человека Айдеяра, чтобы к Астрахани поспешали безопасно: по Божию милосердию и по царя и великого князя велению Астрахань взяли, и царя Дербыша на ней посадили, и во всем по тому устроили, как царь и великий князь со своим послом Никулою к Исмаилу сообщал. А сами воеводы пошли за царем Емгурчеем, а пошли двумя частями, а головы послали по всем островам, потому что люди побежали порознь и про царя прямых вестей не было, в какое место побежал. А у царя оставили воеводы в городе князя Андрея Борятинского да Петра Тургенева, да из своих полков оставили детей боярских, и стрельцов, и казаков. И воеводы пошли князь Юрий Иванович Пронский, да Михаил Петрович Головин, да сторожевого полка воевода Стефан Сидоров, а передовой полк Игнатий Михайлович Вишняков да Ширяй Кобяков пошли в Чаган да в Казань на море. А в Бамы послали с воеводами, выбрав головы, князя Василия Кольца Масальского да Якова Козьмина. А наперед себя воеводы послали к морю князя Александра Вяземского, а с ним детей боярских нижегородцев да атамана Федьку Павлова. А в Иванчук воеводы послали голову Полуехта Тимофеева, и князя Давыда Гундорова послали в Большой Иванчук на море же. И те головы людей побили, а иных живых взяли, и те языки сказывали, что царь пошел в Мочак, и люди астраханские пошли в Мочак же. И воеводы пошли за царем в Мочак и пришли на Белое озеро. И те языки начали говорить, что царю на Белое озеро не бежать, а бежать ему в Тюмень, и все астраханские люди побегут за царем. И воеводы по словам тех языков воротились к морю, и с тех дорог всех отъехали, куда было царю в Тюмень бежать. А на море воеводы выплыли и по островам царя и астраханских людей посылали искать; и царя и астраханских людей на островах не нашли. А головы посылали во многие места, и головы людей побивали во многих местах, и языки брали. И привели Богатыря князя с товарищами. И те языки сказывали, Богатырь князь, что царицы идут

в Базцыж мочак и люди многие пошли за царицами в Базцыж мочак. И пришли на царицыных и на астраханских людей в Базцыж мочаке атаман Федька Павлов, да толмач Федша Рышков, да Савва Ждеринский, и Божием милосердием, а царевым государевым счастьем цариц взяли, и взяли царицу старшую Тевкель, Кел-Магмета мурзы дочь, другую царицу Крым-Шавкала царя дочь Кандазу, да царя Емгурчя дочь Ертагану, да царя же Емгурчя младшую дочь Ельякши биримину, и взятая родила сына Юрышты царевича, да царевича Айбулата жену Мергивану, да царевича дочь Байбиче царевну; а людей многих побили, а иных живых взяли. А князи, и мурзы, и все люди астраханские пошли Уским мочаком к Кара-Булаку, и тех людей воеводы догнали июля в 7 день, князь Юрий Иванович с товарищами, вверх от Уского мочака на Кара-Булаке. И Божиим милосердием, а царевым и великого князя счастьем многих людей побили, а иных живых взяли. И астраханские люди пошли на Поле конные и пешие, и воеводы пошли за ними на Поле, и догнали их у Белого озера, и тут многих людей побили, и полону русского много отполонили. И астраханские люди начали бить челом воеводам: приехал Кара-Икlesh князь и начал воеводам князю Юрию с товарищами бить челом от уланов, и от князей, и от мурз, и от людей астраханских, чтобы их царь и великий князь пожаловал, побить и развести не велел, а велел бы служить себе, царю и великому князю, и Дербыш-Алею царю, а они на том правду дадут, что им служить царю и великому князю прямо; а сам Икlesh на том правду дал. И воеводы князя Икleshа отпустили к уланам и ко всем людям астраханским сказать им государево жалование, что царь и великий князь побить и развести не велел. И астраханские люди Ишим князь, Алей князь, Курат-Клеш князь и иные многие люди правду великому князю дали на том, что им царю и великому князю и Дербыш-Алею царю служить прямо и полон русский весь отдать, откуда ни уведен и в которой ни был орде куплен. И поехали в судах с воеводами бить челом царю Дербышу-Алею. И царь их пожаловал, лучшим людям велел в городе у себя жить, а черных людей отпустил по улусам с женами и с детьми. И грамоты воеводы посылали по улусам к черным людям, чтобы ехали в город, царю и великому князю и Дербыш-Алею царю правду давали. И многие люди из всех улусов к царю и воеводам приходили, и правду давали, и полон русский отдавали многий. И было их из всех улусов князей и мурз 500 человек, а черных людей 7 000, и за всю землю правду дали. А про царя Емгурчя сказали астраханские люди, что побежал в Азов, а с ним человек с 20. А посылки от воевод были по всей земле Астраханской, и которые бежали астраханцы на море на острова, тех всех догнали и в город приводили. И последних людей догнали за днище до Тюме-

ни, и взяли, и в Астрахань привели. И Енгул азей пришел, а с ними многие муллы, а азеи, и всяких 3 000 человек, и правду царю и великому князю и царю Дербышу учинили, тот у них в то время был большой человек. И воевода князь Юрий Иванович с товарищами пришли в город и всю землю Астраханскую привели и поручили царю Дербыш-Алею. И царь Дербыш-Алей и вся земля Астраханская соединились, государю царю и великому князю Иоанну Василевичу всея России и его детям правду дали, давать им ежегодно по 40 000 алтын да по 3 000 рыб, а то им самим собирать да присылать с послами ежегодно к государю. А ловцам царя великого князя ловить Волгою от Казани по Астрахань и до моря безданно и безъявочно, астраханским ловцам с ними же ловить без обиды. А не станет у них Дербыш-Алея, и астраханским людям бить челом царю и великому князю и его детям: кого им государь пожалует на Астрахань, тот им государь люб, а ни коим образом ниоткуда им государя себе не искать. И на тех на всех делах царь Дербыш-Алей и вся земля Астраханская учинили пред воеводами царю и великому князю и его детям правду, и шертную грамоту, написав, послали, укрепив ее печатями, к царю и государю. И воеводы собрали весь астраханский полон татарский и отпускали по государеву наказу без всяких препон. Одну царицу взяли с детьми и вверх к государю повезли да русский полон весь, собрав, с собою же взяли. И стояли воеводы в Астрахани 4 недели, и пошли вверх июля в 29 день в воскресенье, а в Астрахани у Дербыш-Алея царя оставили по государеву наказу Петра Тургенева, а с ним казаков со атаманами. И пришли воеводы и послы к царю и великому князю в 63-м году в октябре, дал Бог, совсем здоровы. И государь их жаловал великим жалованьем. А Дербыш-Алей царь послал к государю царю и великому князю послов бить челом за его жалование, на Астраханском царстве, князей астраханских Кара-Икleshа да Курленая от земли бить челом послов, что их государь пожаловал, побивать не велел и царя им дал.

В том же году в августе писали воеводы из Казани боярин князь Михаил Васильевич Глинский с товарищами, что посылали из Казани на луговых изменников князей казанских Ктебензяка князя да Кулая мурзу и от всех арских и побережных людей с нагорною смотреть их службы; а с ними послали Митьку Кушелева. И казанцы солгали, царю государю изменили, на изменников не пошли, сложились с ними, да тех арских людей и черных, которые государю верны, побили многих, и на Каме рыболовов побили, и к городу Казани приходить начали на сенокос.

О поездке царской. 7063 (1555). В сентябре ездил царь и великий князь к чудотворцу Сергию на память чудотворца молиться. И простил чудотворец Сергей жену Домну слепую, рабу Валисия Машуткина, на память свою: два года не видела нисколько

и веки не подымались, и затем Бог угодником своим сотворил чудо, простил, и очи ей просветились в один час, словно и не были больны. И царь воздал хвалу Богу и пречистой Богоматери, и чудотворцу великое благодарение воздал, и, учредив братию и удоволив милостынею, пошел к Москве.

Присылка из Астрахани. Апреля 13-го прислал из Астрахани Дербыш-Алеев сын царев Янтимир царевич человека своего Тинбулата с грамотою. А в грамоте писал, что приходили к Астрахани Емгурчей князь, да Исуповы княжие дети Юнус мурза, да Алей мурза, да Як мурза, да и все те мурзы, которые выбиты из Ногаев, да Казы мурза, да крымский царь присылал с ними же вместе, и Шигай богатырь Антувов да с ним крымцы и янычары. И приступали к городу, и Дербыш царь и все астраханцы, город подготовив и казаков и с пищалями царя и великого князя приготовив, с ними бились, и побили у города многих из пушек и из пищалей, и прогнали их. И Дербыш царь посылал за ними сына своего Янтимира царевича. И он за ними гонялся, и с погони послал к царю и великому князю с сеунчем человека своего Тинбулата, что недруг Емгурчей царь приходил, собравшись, и Божиим милосердием и царя и великого князя счастьем город Астрахань, и люди его астраханцы, и русь, дал Бог, здоровы, чтобы царю и государю было то ведомо. Да он же писал, что из многих орд в царя и великого князя царство Астраханское многие пришли послы и гости, и государю бы царю и великому князю про то было ведомо. И царь и великий князь человека царевича Янтимира пожаловал, отпустил, а царевичу писал с великим жалованием, а к Дербышу царю и ко всей земле послать с жалованием хочет по весне.

О присылке воевод к царю и великому князю. В тот же день присылал к царю и великому князю боярин его и воевода Иван Феодорович Мстиславский с товарищами Дмитрия сына Григория Плещеева, сказать велели государю, что их государь посылал на луговую сторону на изменников на черемису, и воеводы пришли в волость в Ашлу, а воеводу Ивана Петровича с товарищами отпустили по государеву наказу в Ветлугу и в Рутки. Иван ходил по волостям многим, и воевал, и пришел к ним в Ошлю, дал Бог, здоровым. И сказывал Иван, что приходили пешая черемиса на лесу на сторожевой полк, на князя Василия Токмакова, и князь Василий, дал Бог, их побил наголову. И от старших воевод была война в волостях в Шумурше, да в Хозякове, да в Ошле, да в Мазарах обоих, да в двух волостях во Аршах, в Малой да в Большой, да в Биште, да в Кушкуле, в Сороке, Куншах, да Василукове Беллаке, да Мамич-Бердеевы волости, да Килееву волость, да Кикину волость, да Кухтуял, Кокшах, в Большой да в Малой, а волость Сызиль, да Дмаши, да Монам, да Кемерчи, да Улыязы. И в тех во всех волостях от воевод война была, и многих людей взяли и по-

били. И были на луговой стороне в войне две недели, да вышли на Волгу, да к Казани ходили, и назад шли Волгою же, и пришли к государю, дал Бог, здоровы.

Царю и великому князю писали из Казани. Марта в 1 день писали царю и великому князю из Казани боярин князь Михаил Глинский с товарищами, что луговые люди приходили на Арскую сторону войною. И арские люди, остроги поделав, отбились, а с ними в острогах были стрельцы царя и великого князя, из пищалей побивали многих луговых; а луговые воевали села татарские и пошли на луговую.

О присылке из Свяжского города. В тот же месяц прислал из Свяжского города князь Михаил Воротынский с товарищами Федька Баскакова. Посылал Федька в головах горной стороны людей на луговую сторону воевать, и горных ходило 700 человек на лыжах. И пришли внезапно, воевав, людей побили, и в полон взяли, и животину побили, и пришли, дал Бог, здоровы.

Об отпуске ногайских послов. В тот же месяц отпустил государь ногайских послов, пожаловав, в Ногаи, а своих послал к Исмаилу князю Игнатия Загряжского, и от Каса мурзы Мясоеда Вислово, а к Араслану татар служивых; а приказал царь и великий князь, чтоб были заедино с царем и великим князем на всех его недругов. И за то, что Юсуфа князя побили, послал со своими послами князю и мурзам жалованье свое казенное.

О послании в Литву. В 7063-м в тот же месяц царь государь отпустил к королю Сигизмунду-Августу литовскому посланника своего Феодора сына Василия Вокшерина с сеунчем, велел сказать про Божие милосердие, как Бог ему Астрахань поручил и как ногаи послушными учинились.

О посланниках в Крым. А в Крым государь с тем послал служивых татар Зенебека Кулабердеева с товарищами, а писал к царю о сеунче астраханском.

О присылке к государю из Казани. В месяце октябре прислали к царю и государю из Казани боярин и воевода князь Михаил Глинский с товарищами Даниила сына Феодора Адашева: посылали, что они на изменников на Кобеулону с товарищами князей казанских Еналия Чигасова да Еналия Манатова с товарищами, да сотского стрелецкого Офоньку Бартенова со стрельцами, да Ивана Мохнева с жильцами казанскими и с новокрещеными, и Божиим милосердием, а царя государя повелением побили изменников наголову и живых взяли, привели к воеводам живых Кубеняка князя, Курманалия князя, Кулая мурзу Данина, Чебака мурзу Бастрадаева и иных многих князей, и мурз, и казаков, и сотных князей, и воеводы их велели всех побить. И арские люди и бережные переловили сами многих татар, которые не примили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приво-

дили да сами резали их и побивали пред воеводами. И побили их тою осенью 1560 именных людей, князей и мурз, да сотных князей, да лучших казаков. И государь в Казань прислал к воеводам своим с жалованьем с золотыми и тем татарам, который прямо служат государю. И арские побережные люди все укрепились у государя, и ясаки все сполна поплатили. А луговые сотники Мамич-Бердей с товарищами во град не пошли и воруют по-старому на Волге, приходя на суда. И государь на них рать свою большую послал: в большем полку воеводы боярин и воевода князь Иван Мстиславский да боярин Даниил Романович; в передовом полку боярин и воевода Захарий Петрович да воевода Михаил Воронов; в сторожевом боярин и воевода Михаил Яковлевич Морозов да князь Василий Сицкий; да с князем же Иваном Феодоровичем воеводы для посылок, Иван Петрович Яковлев, в передовом Иван Меньший Васильев сын Шереметьев, в сторожевом князь Василий Токмаков.

О приходе Феодора Вокшерина. В тот же год в феврале Феодор Вокшеринов пришел от короля. И король к царю и великому князю с ним приказывал, что он о том Богу благодарение воссылает, что Бог роду христианскому покоряет басурманский род, и то им весьма за честь, что царя и великого князя рука выситя; и вперед у Бога просит, чтобы более того возвысил род христианский.

В том же году в январе пришли послы к царю и великому князю из Сибири от сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской Тягриул да Паньяды, а здоровствовали государю царю и великому князю на царствах на Казанском и Астраханском. Да били челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя, и от сторон от всех заступил, и дань на них положить велел, и добились челом, и человека своего прислал, кому дань собрать. И царь и государь их пожаловал, взял их князя и всю землю в свою волю и под свою руку и дань на них положить велел. И добились челом послы о дани, и правду за князя и за всю землю свою дали на том, что им давать государю со всякого черного человека по соболю да по белке с человека по сибирской; а черных людей у себя сказали 37 000 человек и 700. И царь и государь послал к ним посла своего с дарованным им своим жалованным ярлыком Дмитрия Курова сына Непейцына, и велел Дмитрию князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань всю сполна взять и с дорожною пошлиною.

О послах волошских. В тот же месяц пришли послы от волошского воеводы Александра Стефан Перкалаб Романовский да Микюла Перкулат Сорокич бить челом, чтобы государь христианства ради помог чем откупиться от турецкого. И царь и великий князь их пожаловал, послов отпустил по прежним обычаям.

Ко царю и великому князю от короля посланник. В тот же месяц пришел к царю и великому князю от короля посланник Юрий Васильевич сын Тишкевич, а здоровствовал от короля государю на Астраханском царстве, и впредь у Бога король милости просит, чтоб над всеми басурманскими государями руку его возвысил; и многие слова от короля говорил, которые хвалам государевым пристойны. Да быв у государя, бил челом Юрий посланник, а просился к митрополиту, чтобы ему митрополит велел быть у себя. И он бил челом митрополиту, а сказал, бьет челом без приказа, ради христианского закона и веры, чтобы митрополит пожаловал, а бьет челом к царю и великому князю, чтобы государь не наступал на кровь христианскую, чтобы с королем помирился. Да был у митрополита трижды, а все бил челом о том же. И митрополит ему говорил, что они от начала у Бога милости просят о смирении миру и царям благочестивым воспоминают и молят на благочестие и на кротость. «Да ныне, ты говоришь, скрываешь от себя, а не по приказу, и то к делу не пристойно. Коли будет от короля присылка к царю и великому князю или к нам, тогда мы рады бить челом о Святом Духе сыну и господину своему царю и великому князю, чтоб на кровь христианскую не наступал и похотел бы с королем миру, как его царской державе пристойно». И царь и великий князь почтил королевского посланника, и пожаловал довольно, и отпустил к королю.

О послах от Исмаила. В том же году февраля 1 пришли к царю и великому князю Иоанну Васильевичу великой всея России послы: от Исмаила князя ногайского посол Байберик, да от Касая мурзы посол его Ишкей, да от Рыслана посол его Еулак, и от иных мурз. Да Исмаил же прислал царя и великого князя посланников служивых татар Сюудюка Тулусупова с товарищами, которые были у Юсифа князя и у детей его. И говорили послы Исмаиловы и иных мурз царю и великому князю от князя и от мурз, здоровствовали на Астраханском царстве и били челом, что царь и великий князь по Исмаилову прошению Дербыша на Астрахани посадил, а Исмаил и иные мурзы по царя и великого князя велению Исуфа князя убили и многих мурз побили, и Исмаил князь в Ногаях учинился князем, а Касай теховатом, а Уруслан мурадином; а Исуфовых остальных детей и племянников всех выгнали, и вся орда Ногайская на них смотрят. А князь и мурзы хотят с царем и великим князем быть заедино на всех недругов и неотступным быть от царя и великого князя и до конца своей жизни. А царь бы их и великий князь пожаловал, велел дать торговольней на Москве, и в Казани, и в Астрахани. А Сюудюк Тулусупов сказывал царю и великому князю, что он и с товарищами был у Исуфа князя взятым, и как Исмаил, и Касай, и Уруслан пришли на Исуфа князя и на детей его и бились многие дни. И

сперва побивал Исуф Исмаила и улусы его взял, и как Исмаил, собравшись с Касаем и с Урусланом и с иными мурзами, побил Исуфа, самого убили и детей его и племянников многих побили, а остальных выгнали. А людей ногайских с обеих сторон много множество побито: с тех пор как стала орда Ногайская, такового количества убитых у них не бывало. И когда Исмаил побил князя, то Сюудюка с товарищами, собрав, отпустил к царю и великому князю, и передавал с ним, что и до конца своей жизни неотступен будет от царя и великого князя.

Повелением царя государя сошлись все русские архиепископы. В том же году повелением царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России и по благословению Макария, митрополита всея России, сошлись все русские архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и о многоразличных чинах церковных и о многих делах к утверждению веры христианской. И царь и великий князь и митрополит Макарий со всеми архиепископами, и епископами, и со всем священным собором русским по священным правилам избрали на Казанское царство на утверждение веры и постановили быть архиепископу, а на Свяяге быть архимандриту и игуменам, в Казани у владыки архимандрит же и игумены. Архиепископу быть: под его областью город Казань с окрестными улусами, город Свяяга с горною стороною, Василь город, Вятская земля вся. И уложил благочестивый царь и великий князь Иоанн владыке и всем церквам обещанное Богу из доходов Казанской земли десятое; а сперва митрополит, и все владыки, и монастыри пособствуют казанскому владыке деньгами и хлебом.

О поставлении архиепископа Гурия на Казань. Месяца февраля в 3 день поставлен архиепископ Гурий царству Казанскому и Свяяжскому городу, прежде бывший игумен Селижарова монастыря, а избран по жребию. А на поставлении был царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России, да брат его князь Юрий Васильевич, да князь Владимир Андреевич, да царь Симеон казанский. А с митрополитом действовали священные архиепископы и епископы: архиепископ Пимен Новгорода и Пскова, архиепископ Никандр ростовский, владыко Афанасий суздальский, владыко Гурий смоленский, владыко Гурий рязанский, владыко Иоакий тверской, владыко Феодосий коломенский, владыко Крутицкий Нифонт, владыко Киприан вологодский, архимандрит из Владимира рождественский Захей, архимандрит спаский Никифор московский, архимандрит из Новгорода юрьевский Геннадий, архимандрит чудовский Левкий, игумен Троицкого Сергиева монастыря Иларион, архимандрит симоновский Алексей, архимандрит андроньевский Иосиф, игумен Маркел хутынский из Новгорода, игумен Симеон кирилловский, игумен боговленский Варлаам, игумен пафнутьевский Вениамин, игумен

иосифовский Галасия, протопоп из Владимира пречистенский Евсигней, протопоп пречистенский московский Иоанн, протопоп из Новгорода софийский Дмитрий, протопоп архангельский Тимофей, протопоп спасский из дворца Ермолай, протопоп Вознесенский Дмитрий, протопоп Рождества пречистого Тихон, протопоп Никольский Амос, протопоп Рождества Христова Борис, да игумены и священники соборные. И всех служащих было с митрополитом в Пречистой и со архиепископом казанским архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов, протопопов и попов, архидьяконов, протодьяконов и дьяконов 76, не считая подьяков. И царь и великий князь и митрополит со всем собором учинили место архиепископу казанскому и свияжскому у архиепископа Великого Новгорода и Пскова, и выше архиепископа ростовского. А на поставлении же были со царем и великим князем бояре его все, и князи служивые, и дворяне многие; да был тут королевский посланник Юрий Тишкевич, да воеводы волошского послы Осиф да Никула с товарищами, да старцы Святой горы Хиландаря монастыря иеромонах Сильвестр и иные старцы.

О поставлении храма Покрова святой Богородицы. Той же осенью в месяце октябре благоверный и христоробивый царь Иоанн Васильевич всея России самодержец с великою верою и со многим усердием повелел поставить храм пречистой царицы Богородицы честного и славного Покрова с приделами о казанской победе, что милостию ее и молением к сыну своему и Богу нашему Иисусу Христу о роде христианском, и помощию ее и святых молитвами и новых чудотворцев русских всемилостивый Бог покорил басурманский род казанских татар царю государю Иоанну Васильевичу, всея России самодержцу, под его державу. От прадеда же его князя Василия Васильевича казанцы учинили себе самовольство от года 6953-го и от месяца июля 7-го числа. По Божьему попущению грехов ради православных христиан за многие согрешения бывают наказания от Бога иногда нашествием иноплемennых, иногда пожаром, иногда же голодом приводит на покаяние и отвращение от грехов. Когда пленен был благоверный и великий князь Василий Васильевич под Суздалем от Улу-Махметовых детей от Мамутяка и от Ягуба царевичей, и из вотчины великого князя из Курмыша в Суры отпущен был князь великий Василий Васильевич на Москву, а царь Мамутяк, придя из Курмыша, Казань взял, а казанского царя Язы убил, а сам на Казани воцарился. И оттуда началось царство быть Казанское, а прежние великие князи русские от Рюрика обладали и дани брали по Волге и до Хвалынского моря и по Каме. И Божию милостию и православного царя Иоанна Васильевича великою верою, по его желанию сердечному, передал ему Господь Бог безбожных татар казанских, и басурманскую их веру благочестивый государь ра-

зорил, и мечети их рассыпал и попрал, и мрачные их места своим благочестием просветил, и Божии церкви устроил, и православие воздвигнул и архиепископию, и многое священство по церквам учинил своею верою желанной Божия любви. И Божьего ради дарования воздвиг сей храм великий государь честно, радуясь и веселясь Божию желанию, Божией матери святой Покров с приделами, надо рвом у града близ Фроловских врат. А прежде сего на тех же местах бывали церкви над рвом.

Царь и великий князь повелел отцу своему Макарию митрополиту церковь освящать. Того ж месяца сентября 30-го в воскресенье благоверный царь и великий князь и государь повелел отцу своему Макарию митрополиту церковь ту освятить. Митрополит же Макарий со всем собором царствующего града Москвы вечернюю пел в новопоставленном храме, и всенощную, и заутреннюю. И был тут благочестивый царь и великий государь Иоанн Васильевич, и брат его князь Юрий Васильевич, и множество бояр. На утро октября 1-го в понедельник, на праздник пречистого и славного Покрова Богородицы, преосвященный митрополит Макарий пришел с крестами со всем собором к новопоставленному храму и освятил храм пречистой владычицы нашей Богородицы честного и славного Покрова. И праздновал государь день тот радостно с отцом своим Макарием митрополитом, и со епископами, и архимандритами, и игуменами, и со всем собором русской митрополии; и нищих множество кормил, и довольную милостыню повелел им давать.

Об освящении церкви. Того ж месяца октября 7-го освящена была церковь великого чудотворца Николая Гостунского того ж ради, что расписали ее и украсили всякими потребами церковными; а освящена была Макарием, митрополитом всея России. Был же на освящении тут благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России и с братом своим с князем Юрием, и с боярами, и множество народа. Того ж месяца 8-го в понедельник выехал царь и великий князь Иоанн Васильевич с Москвы в свое село в Черкизово, а оттуда в Клинские леса, поглядеть восхотел, а оттуда на Волок, а с Волока в Можайск, а оттуда в князя Владимира Андреевича село Городень. И князь Владимир Андреевич великого государя встретил, и царь и великий князь пожаловал, у брата своего князя Владимира Андреевича хлеба ел и пировал во князя Владимира селе в Городени; а оттуда во свое село Денисово, а из Денисова в Крылатское; и во своем селе в Крылатском велел церковь освящать.

О привезении на Москву цариц астраханских. Того ж месяца 18 день в четверток привели в Москву к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея России самодержцу пленниц, астраханского царя Емгурчeya цариц его, Тевкель, да

Канзаду, да младшую дочь Ельякши, что взяты во Астрахани. И царь и великий князь государь русский велел цариц астраханских почтить, не как пленниц, но как бы свободных встретить казначею своему за посадом, и честно их велел государь держать, и корм довольный давать от своих царских погребов и палат. А младшая дочь царица астраханская Ельякши, едучи, по дороге в судах на Волге родила царевича, именем Юрашты. И когда приехали к Москве, царь и великий князь государь велел царевича крестить и с матерью, и наречено имя царевичу Петр, а матери его имя Ульяния. И царь и великий государь пожаловал, велел ее дать замуж за Захария Ивановича Плещеева, а царевича велел кормить матери его до возмужания. Той же осенью ноября 8-го в четверток пожаловал царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец, женил князя Ивана Дмитриевича Бельского, дал за него племянницу по сестре свою, царевича Петра внучку и деда своего великого князя Иоанна Васильевича всея России правнучку, а дочь князя Василия Васильевича Шуйского, а выдал государь от себя со своего двора.

О приходе старцев из Святой горы. Той же зимой декабря в 20 день пришли к благоверному царю и христоробивому государю самодержцу Иоанну Васильевичу всея России старцы от Святой горы Афонской из Хиландаря монастыря сербского священноинок Сильвестр, да священноинок Прохор, да священноинок Агей, да дьякон Геннадий, да инок Анофрий. Били челом благоверному царю и великому государю Иоанну Васильевичу и вместо всей братии Хиландаря монастыря, чтобы их государь пожаловал, взял в царское свое имя монастырь их Хиландарь и со всею братиею, чтобы его богомолия стала вторая во Святой горе, «а мы бы убогие за твое царское здравие Бога молили, и о твоей благоверной царице, и о благоверном твоём сыне. А мы, государь, нищие Святой горы, выкупаем веру христианскую у басурманских султанов, а сел, царь, не имеем, но сами делаем винограды, и землю копаем, и все потребное монастырю делаем, дела всякие братия соделывают и пищу от своих трудов приемлют, а праздности не приемлют, и откупы от монастырей подают турецкому султану благочестия ради и веры христианской». И христоробивый великий государь старцев Святой горы Сильвестра с братиею пожаловал, во свое царское имя монастырь их Хиландарь взял, и в монастырь свое царское устройство послал на церковное украшение и на монастырское устройство, и милостыню довольную на братию.

О поставлении владыки. Той же зимой в марте епископ смоленский Гурий оставил епископию из-за немощи и сошел в монастырь. Той же зимой марта 17-го в неделю 3-ю святого поста поставлен был владыко в Смоленск Макарием митрополитом килловский игумен Симеон.

О жаловании царя и государя. Той же весною апреля 28-го в неделю вторую после Пасхи, что святых Жен Мироносиц, женил царь и великий государь Иоанн Васильевич брата своего князя Владимира Андреевича, взял за него дочь князя Романа Одоевского княжну Евдокию.

О приходе священников и лучших людей. В том же году приходили священники с Вятки и лучшие люди земские о том бить челом государю и вспоминать, что на Вятке образ Николы чудотворца великорецкого великие чудеса творит да от много лет не поновлялся, и горела не один раз церковь, а образ невредимо пребывал, чтобы государь велел обновить. И велел священникам с Вятки с образом в судах быть. И шел Николая чудотворца образ Вяткою и Камою вниз да Волгою вверх на Казань, и на Свяжский город, и на Нижний Новгород Окою вверх.

О принесении великорецкого образа чудотворца Николая. В тот же год июня 29-го в субботу святых апостолов Петра и Павла принесен был образ святого великого чудотворца Николая от Вятских сел Великоречия в царствующий град Москву. И царь и великий государь послал брата своего князя Юрия Васильевича, а велел встретить у монастыря святого Николая, что на Угреши, у судна на реке Москве образ святого Николая чудотворца. Когда же принесен был образ святого чудотворца Николая близ царствующего града Москвы в Симонов, тут встретил его великий самодержец Иоанн Васильевич с великою верою и со многим желанием. И с крестами владыки встретили его, образ святого чудотворца Николая, у Яузского моста, а митрополит встретил у Фроловских врат у Троицы на рву с крестами же. И пошел митрополит с крестами, и образ святого чудотворца Николая понесли во град, и поставили в соборной церкви честного и славного ее Успения царствующего града Москвы против митрополитова места. Прошел же святой великого чудотворца образ от Вятских мест Камою, и Волгою, и Окою, и Москвою, многие исцеления были с верою приходящим всякими болезнями одержимые по обоим сторонам рек, верующим и неверующим. Многие исцеления были и приходящим на посад царствующего града Москвы, и в церкви, бесчисленное исцеление принимали от образа святого чудотворца Николая больные, и слепые, и хромые. И утром в воскресенье в церкви Пречистой было неоскудевающее чудо от образа великого Николая чудотворца, и от Петра чудотворца, от митрополита всея России, и Ионы, и каждый день были исцеления от образа великого чудотворца Николая. И обновлял образ Николая чудотворца сам Макарий митрополит, ибо был иконному писанию навычен, а с ним Андрей протопоп благовещенский, и со многим желанием и верою, постом и молитвою. Образ же его наиболее чудотворениями с верою приходящим преизобилует, и много

образов с него писали размером и подобием, и от всех чудотворения были многим верным.

О заложении церкви. В тот же месяц благоверный и христоролюбивый царь и великий государь велел заложить церковь каменную о девяти верхах, которая прежде была деревянной, о Казанском взятии у Фроловских ворот над рвом, придел к той же церкви живоначальной Троицы над рвом Николаю чудотворцу вятскому. А прежде сего за два года заложена была одна Троица, и государь велел прибавить к той же церкви Покров пречистой и приделы. В тот же месяц благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России, с великою верою и со многим желанием повелел поставить церковь деревянную святого чудотворца Николая вятского.

В тот же месяц отпустил государь ногайских послов в Ногаи милостиво. А своих послал к Исмаилу князю Игнатия Загряжского, а к Касай мурзе Мясоода Вислова, а к Араслану татар служивых. А приказал царь и великий князь, чтоб были заедино со царем и великим князем на всех его недругов, и за то, что Юсуфа князя побили, послал со своими послами князю и мурзам жалованье свое казенное. А по Исмаилову челобитью на Волгу послал голову стрелецкого Григория Кафтырева со стрельцами да Федьку Павлова, а велел беречь на Волге по перевозам от Исуфовых детей и в Астрахань с Дербышем царем посланиями обмениваться; как-овы будут вести, и им грести в Астрахань помогать Астрахани.

О присылке из Астрахани. В тот же месяц май прислал из Астрахани Петр Тургенев, что приходили к Астрахани Ямгурчей царь с братиею, да Исуфовы дети, и Дербыш, соединясь с Казы мурзою и с Исуфовыми детьми, Емгурчия царя и с братиею Ногайлы царевича и брата его Крым-Гурей царевича побили. А побили их мурзы Исуфовы дети, а Дербыш их за то за Волгу перевез. В тот же месяц май писал с Волги Григорий Кафтырев, что встретил Петра Тургенева, а он гребет из Астрахани. А сказывает, будто его отпустил Дербыш царь к царю и великому князю, а послов своих не послал, а сказывает, что у него обмен сообщениями с крымским царем. И Григорий Петра воротил и сам погреб во Астрахань со стрельцами и со всеми казаками.

О присылке гонца из Крыма. В том же году в месяце мае прислал из Крыма Девлет-Гирей царь гонца Ян-Магмета, а писал о дружбе, и послал послов своих, и великого князя посла Феодора Загряжского отпустил, а царь бы князь великий к нему послов послал, а срок учинил 20 дней, да солгал, послов не прислал. В тот же месяц июнь приехали к государю из Ногаев Игнатий Загряжский и Мясоод Вислово. А сказывали, что пришли на Исмаила Исуфовы дети да Казы мурза Ураков сын, да Исмаила согнали, а Казу мурзу убили.

О посылке царской на стада крымские. В том же году в месяце июне послал государь на стада крымские воевод в Мамай-луг: в большем полку боярина Ивана Васильевича Шереметьева да окольничего Льва Андреевича Салтыкова; в передовом полку окольничего Алексея Даниловича Басманова да Бахтеяра Зюзина; в сторожевом Дмитрия Михайловича Плещеева да Стефана Сидорова. А велел им прийти в Мамаевы луга, промыслить на стада послать крымские, а самим остерегаться. И пошли из Белева на Троицын день, а шли Муравскою дорогою. И когда воеводы пришли выше Мжи и Коломака, прибежал к ним страж от Святых гор да станичник Лаврентий Колтовский товарища прислал с тем: царь крымский через Донец переправился со многими людьми, а идет к Рязанским или к Тульским украинам. И воеводы послали царю и великому князю с вестью, что царь крымский идет на его украину, а сами воеводы воротились и пошли по сакме. И примчались от воевод к царю и великому князю с тою вестью Ивашко Дарин с товарищами. В месяце июне в пяток отпустил царь и великий князь воевод своих на Коломну боярина князя Ивана Феодоровича Мстиславского с товарищами, а сам пошел с Москвы на третий день в воскресенье, а с ним князь Владимир Андреевич, да царь казанский Симеон, да бояре и дети боярские многие, и пришел в Коломну во вторник. И тут пришла государю весть в среду вечером, что крымский царь идет к Туле. И царь и великий князь пошел на Тулу со всеми людьми в четверток рано, и в тот день под Каширою государь через Оку реку переправился со всеми людьми и передовому полку велел идти скорее. И в тот день прислали к государю из Воротынских вотчин языка крымского. А сказывал, что крымский царь, идя к Туле, взял стражей, и сказали ему, что царь и великий князь идет на Тулу, и крымский царь воротился со всеми своими людьми во вторник, а людей с ним было всех из иных орд съезжих 6 000. И царь и великий князь послал доведаться подлинных вестей, и за царем послал многих подъездчиков, а сам к Туле пошел, не мешкая, в пятницу рано. И на Столке пришла весть к царю и великому князю от воевод, от Ивана Шереметьева с товарищами, что Иван, идучи за царем, посылал на его кош головы, а с ними детей боярских многих, Ширяя Кобякова да Григория Желябова с товарищами. И головы на царев кош пришли и коши взяли, лошадей с 60 000, да аргамаков 200, да 80 верблюдов. Да и весть воеводам прислали с тем, что кош взяли, и 20 языков к воеводам прислали. И языки воеводам сказали, что царь пошел на Тулу, а идти ему наспех за реку за Оку под Каширою. И воеводы пошли за царем наспех его колеєю, и встретились со царем в среду около полудня на Судбищах, и со царем бились до вечера, и передовой полк царев и правую руку и левую потоптали, и знамя взяли ширинских кня-

зей, и бились до ночи, и тут стояли полки всю ночь. И воеводы посылали назад за головами и за детьми боярскими, чтобы к ним спешили, а они со царем бьются. И прискакали к ним немногие, а все поворотили к украине со всем кошем, куда ближе, на Рязань и во Мценск. А на утро в четверг бились до пятого часа дня, полки на полки напускали жестоким крепким боем и многих крымцев в его полках передовых побили. И царь крымский со своим полком пришел и со всеми людьми да воевод разгромил и людей побил многих, а сам к Туле пошел. И царь и великий князь пошел наспех к Туле, шел повсенощно и пришел на Тулу в субботу на солнечном восходе. И тут к государю приехали воеводы боярин Иван Васильевич да окольный Лев Андреевич. А сказывали государю, что на кош послали многих людей и кош царев взяли, а спешили за царем по его государеву наказу, ожидали его в войне застать, если станет воевать и распустит войну, чтобы воеводам не приходиться на всякий сброд, а не станет воевать, и они бы не стали его промышлять, смотря по делу; да за грехи с ним встретились, и бились со царем полтора дня. И которые люди на коше были, те к ним многие не приехали, а поехали с кошем по украинам. И царь потоптал и разграбил, и многие люди и с бою съехали, разбежались и поскидывали с себя оружие, а воеводы все, дал Бог, здоровы. Дмитрий Плещеев и Бахтеяр Зюзин приехали в тот же день. А окольный Алексей Данилович Басманов да Стефан Сидоров, найдя в дуброве коши своих полков, велели тут бить по набату и в сурну играть, и к ним съехались многие дети боярские, и боярские люди, и стрельцы, тысяч с пять или с шесть, и тут отсекались. И царь к ним приступал со всеми людьми, и с пушками, и с пищалями и до вечерни. И Божиим милосердием, дал Бог, Алексей Данилович тут от царя отсиделись, и из луков и из пищалей многих татар побили. И которых крымских царь взял детей боярских, те ему сказали, что царь и великий князь на Туле, и ожидают его на царя приходу. И царь крымский пошел назад наспех и через Сосну переправился на следующий день. И пришел Алексей к царю на Тулу в воскресенье со всеми людьми, дал Бог, здоровы. А Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену, а на бою его копьем ранили, и лежал 5 недель, и не стало его в чернецах и в схиме на Москве. И царь и великий князь стоял на Туле 2 дня, а за крымским царем не пошел, потому что промеж их 4 дня, а бой был от Тулы 150 верст, и пришла весть от подъездчиков, что царь идет в обход наспех по 70 верст на день. И дождался государь всех людей, и с Поля к Москве пошел, и пришел к Москве, и жаловал государь воевод и детей боярских, которые бились с крымцами. А всех было с воеводами детей боярских 4 000, а с людьми их, и казаков, и стрельцов, и кошевых людей 13 000. И от них было послано на коши с 6 000, и в ночи к ним поспело против четверга

только с 500 человек, а те все и с конными со всеми отъехали на украины здоровы. А на бою убили и взяли детей боярских 320 человек, а стрельцов 34 человека, а боярских людей [...].

В тот же месяц июль прислали из Литвы бискуп Павел виленский да воевода виленский пан Николай Радивилович к Макарию митрополиту да к боярину князю Ивану Михайловичу Шуйскому с грамотою торгового человека Демешку, чтобы митрополит молил и наводил на то царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, чтобы с королем похотел миру. Августа 25 митрополит послал в Литву дьяка своего Савлука Турпеева с грамотами, а писал о согласии и мире и на послов королевских от царя и великого князя послал грамоту покровительственную.

В тот же месяц август прислал из Астрахани голова стрелецкий Григорий Кафтырев сотника Стефана Кобелева. А сказывал, приехал Григорий Кафтырев со стрельцами, и Федька Павлов с казаками, и посол Петр Тургенев, а Дербыш царь и все астраханские люди из города выбежали потому: солгали им, что на них царь и великий князь рать послал и побить их велел всех, и они от страху выбежали все; а крымский к ним прислал трех царевичей да своего князя Чегилека и с пушками и с пищалями. И Григорий с царем Дербышем сообщениями обменялся и со всеми астраханскими людьми, и сказал им, что их царь и великий князь пожаловал и посла своего к Дербышу Леонтия Мансурова послал, и цариц отпустил, и дань им на сей год пожаловал государь отдать. И царь Дербыш с детьми и вся земля пришла в Астрахань и государю в холопстве учинились. Да Стефан же сказывал, что Исмаил князь, собравшись с детьми и с племянниками, пришел на Исуфовых детей, да их побил, Алы мурзу убил и иных, а иных разогнал, а сам опять учинился князем на всех ногах.

Мая в 20 день отпустил государь в Астрахань посла Леонтия Мансурова к Дербышу царю со своим жалованьем да по Дербышеву челобитью отпустил к нему цариц астраханских, Тевкель царицу и с дочерью, да другую царицу Гандазу царя Шавкала дочь, да послов Дербышевых Кара-Иклиша князя да Курлена, да старых Емгурчевых послов Тонотора князя с товарищами; а отпустил государь цариц и послов с Москвы в судах.

Того ж мая в 26 день отпустил царь и великий князь да митрополит Макарий образы и владыку Гурия в Казань, и во Свяжский город, и на все пределы Казанские, также и архимандритов и игуменов. И проводили царь и митрополит образы и владыку с крестами за Фроловские ворота, а до судов послали проводить владыку крутицкого, а до Симонова провожали архимандриты, и игумены, и протопопы, и от царя и от великого князя бояре.

О приезде черкасских князей. В августе приехали из Черкасских земель князи черкасские Сибок князь да брат его Ацымгук

князь жаженские черкасские государи да Тутарык князь Езбузлуев княжий сын. Да с Сибокком князем приехал сын его Кудадик, а людей с ними их полтораста человек. Да царя и великого князя посол пришел Андрей Щепотев. И били челом князи черкасские и от всей земли, чтоб государь пожаловал, дал им помощь на города турецкого и на крымского царя, а они холопы царя и великого князя и с женами, и с детьми вовеки. И Андрей Щепотев царю и великому князю то же сказывал, что дали правду всею землею быть им неотступным от царя и великого князя и служить им вовеки, как им государь повелит. И царь и великий князь их пожаловал великим своим жалованьем, а о турецкого царя городах велел им отмовить, что турецкий султан в миру с царем и великим князем, а от крымского их хочет государь беречь, как возможно, а во своей им земле учинил отъезд и приезд добровольный, кормами их удоволил и казенным жалованьем. И Сибок князь бил челом царю и великому князю, чтобы государь пожаловал, велел крестить сына его Кудадека. А Тутарык князь о себе бил челом, чтобы его государь пожаловал, велел крестить. И царь и великий князь их пожаловал, велел крестить; и в крещении Тутарыку имя князь Иван, а Кудадеку князь Александр. И велел царь и великий князь князю Александру жить у себя в дворе, учить его велел грамоте со царем Александром казанским вместе.

О разъезде со свицкими немцами. Учинился раздор со свицкими немцами (шведами) ореховским и корельским людям по рубежам. А перемирие было царя и великого князя наместникам новгородским с королем с Густавом свицким на 60 лет, и прошло 20 лет, и раздоры учинились многие с обеих сторон. Немцы за рубеж перелезли во многих местах, и наместники новгородские послали к королю, и король не похотел с наместниками посланиями обмениваться, захотел с царем и великим князем посланиями обмениваться, да Выборгским наместникам не велел подпускать к себе посланников новгородских, а велел Выборгским наместникам отписывать в Новгород, и новгородские наместники того слушать не стали. И потому люди по рубежу многие ссорились, с обеих сторон начали быть убийства и грабежи многие, и немцы, приходя, начали села жечь и детей боярских убивать, и гостей у себя многих задержали, не отпустили, и сына боярского на кол горлом посадили. И боярин и наместник новгородский о всех о тех обидах послал к королю свицкому Густаву посланника своего Никиту Кузьмина земца. И держали его в Выборге долго, и к королю пропустили, и король его назад не отпустил. И князь Дмитрий Палецкий, обменявшись сообщениями с царем и великим князем, послал свое взять Ивана Бибикова да с ним земцев и черных людей, да после о том сообщениями обменявшись, размен учинят. И немцы Бибикова побили наголову да пришли вой-

ною во многие места. Да отписал Выборгский наместник Магнуш Николаев в Новгород к наместнику, что многие стались задирки и крови пролилось по рубежу, послать бы им добрых людей по рубежу с обеих сторон сыскать того. И князь Дмитрий, обменявшись сообщениями с господарем, да послал на рубеж на съезд Андакана Тушина, а немцы из Выборга, не дождавшись Андакана, прислали к Палецкому покровительственных просить на своего Выборгского посланника. И князь Дмитрий покровительственные дал, и немцы на съезд не поехали, и по покровительственным своего гонца не прислали. И пришли вести к князю Дмитрию, что полностью король перемирие порушил, и он рать свою за царя и великого князя послал, и к государю отписал.

Царь и великий князь послал от себя воевод князя Андрея Ивановича Ногтева-Суздальского, да Захария Ивановича Плещеева, да Петра Петровича Головина, да из Новгорода велел идти дворцкому Семену Васильевичу Шереметьеву, а с ним велел собраться Обонежской пятине да Водской. А приказал им и велел того государь сыскать, отчего задирка учинилась с его стороны. А велел того беречь накрепко, чтоб несомненно в Немецкую землю не ходили великого князя люди ни войною, ни татьбою. И отписали то воеводы к царю и великому князю, что с обеих сторон воровства много, а потому кровь льется и дурно чинится, что промеж королем и наместниками новгородскими соглашения нет об управах.

7064 (1556). *Король свицкий преступил крестное целование.* В сентябре король свицкий Густав преступил крестное целование и перемирие порушил, прислал войною воеводу своего Якова Багу со многими людьми к Орешку. А пришел Яков от Выборга сухим путем на конях, и пешие с ним люди были многие, а в бусах с моря Невою пришли в то же время с нарядом многие же люди к Орешку же, и по городу из наряду били, и землю воевали, а стояли под городом 3 недели. А в городе был тогда Петр Петров. И воеводы на них приходили князь Андрей да Захарий, и в набегах у них людей побивали, да взяли у них бусу одну, на ней было полтора человека да 4 пушки, и людей всех побили и взяли, а не утек у них никто из той бусы. А Семен Шереметьев на тех приходил, которые воевать немцев ходили за Неву на Новгородскую сторону, и у тех языков взял. А в которую ночь к Орешку немцы приходили, Петр на них вылезал и убил у них княжедворцев человек с 20. И когда пошли немцы от Орешка, и воеводы к князю Андрею же пришли, и были на три полка: в большем полку князь Андрей Ногтев да Петр Петров, в передовом Семен Шереметьев, в сторожевом Захарий Плещеев; а люди с ними не сошлись и тем, которым наряжено. И приходили на немцев, и немцы из пищалей и из пушек на полки начали стрелять, и пере-

довой полк дрогнул, и все отъехали, не в меру им были люди. А не убили тут немцы никого, на обе стороны мертвых от стрел и от пищалей человек по пять и по шесть.

О присылке из Крыма. В месяце октябре в том же году прислал царь Девлет-Гирей из Крыма к царю и великому князю гонца своего с грамотою Сулеша князя человека Кучелека да царя и великого князя татарина Байберю. А в грамоте писал, что собирался было он на Черкасские земли, и учинились ему вести, что царь и великий князь послал рать свою на Крым, и он пошел навстречу да с ним бился 2 дня, и сколько мог, столько у них и убил и взял; и царь бы князь великий послами с ним разменялся, и похочет ли делать или не похочет, а гонца бы к нему царь и великий князь послал. А Сулеш князь к царю и великому князю писал, чтобы с царем крымским царь и великий князь похотел миру, а прошлого бы не поминать. А гонец Кучелек дьяку царя и великого князя Ивану Михайлову от Сулеша князя бил челом, чтоб промеж государей добра похотел, и бил челом царю и великому князю, чтобы стало доброе дело, а кровь бы промеж государей на обе стороны унялась. Да отпустили князи Сулеш да Обреим двух сынов боярских с теми их татарами на откуп, Ивана Трофимова да Богдана Шеланина. Иван, и Богдан, и татарин Байберя царю и великому князю сказывали, что у царя крымского на бою царя и великого князя воеводы Иван Васильевич Шереметьев с товарищами побил многих лучших людей, князей и мурз. И бесчестие царю и убытки сказывает в том, что кош у него взяли и тех лошадей на украину увели, а на бою с ним русские немногие бились и побили у него многих людей; и хотя их царь разгромил, но которые же в дуброве сели, тех не мог взять, и назад наспех шел, остерегаясь царя и великого князя приходу на себя.

В тот же месяц пришли к царю и великому князю от цесаря Карлоса сына английского короля Филиппа и его королевы Имаир посланники Рыцерт да Юрьи с грамотами. А в грамотах писал к царю и великому князю с великою любовью и похвалою, и царем его благочестивым называл на многих государем странах, и челобитье с прошением о всяком добре. А привезли три грамоты: одна по-фряжски, а другая по-польски, а третья по-гречески; а во всех писано одно дело. И государь их пожаловал, почтил великим жалованьем.

В том же году в ноябре крымского гонца царь и великий князь в Крым отпустил, а своего к царю послал татарина Яшку Макшова с грамотою; а писал к царю, вспоминая все его неправды, и о послах о размене.

О приходе из Литвы митрополитова дьяка. В тот же месяц декабрь митрополитов дьяк Савлук Терпеев от панов из Литвы пришел и привез к митрополиту грамоту от воеводы виленского, а бискуп Павел умер, и писал в грамоте, что король послов своих

великих посылает к царю и великому князю, а будут к Москве к Рождеству Христову или к Крещению.

В тот же месяц ноябрь пришли из Астрахани голова стрелецкий Григорий Кафтырев, да посол Петр Тургенев, да Дербыша царя посол Темир. И сказывали Григорий и Петр царю и великому князю, что посол его Леонтий Мансуров и с царицами в Астрахань пришел здоров, а Дербыш царь царю и великому князю не прямит, с Крымом переписывается и на Исмаила князя выбитых из Ногаев мурз перевез и укрепился с ними, что ему на Исмаила с Исуфовыми детьми стоять заодно. В тот же месяц пришли из Ногаев послы к царю и великому князю, от Исмаила князя посол его Елболда, да от Рослана мурзы Кучан, да от Бек мурзы Ших-Мамаева сына с братиею Девлет-Хозя, и от иных многих мурз, да служивые татары Девлет-Хозя Усеенов да Байкеш, а шли на Казань. А в Казани от них послы к наместнику казанскому боярину князю Петру Ивановичу Шуйскому Байтерек с товарищами пришли ж. И в Свяжский город к наместнику боярину князю Василию Семеновичу Серебряному пришли ж послы. И приказывал Исмаил князь и все мурзы царю и великому князю бить челом и жаловаться на Дербыша царя, что он царю и великому князю не прямит и им соделал нужды великие, чтоб их государь от Дербыша оборонил и учинил бы своих людей в Астрахани так же, как и в Казани. А князь и все мурзы прислали грамоту шертную со служивыми татарами через Девлет-Хозя да и с Байкешем: перед ними присягу учинили царю и великому князю Исмаил князь и все мурзы ногайские на том, куда их царь и великий князь пошлет, туда им всюду ходить; другу им царя и великого князя другом быть, а недругу недругом, и на всех недрузей быть заедино.

Об отпущении воевод на свицкого короля. В том же году в месяце декабре отпустил царь и великий князь на свицкого короля Густава воевод своих за его неправду: в большем полку боярин и воевода князь Петр Михайлович Щенятев да боярин и воевода князь Дмитрий Феодорович Палецкий, в передовом полку воеводы Семен да Никита Васильевичи Шереметьевы, на правой руке князь Андрей Иванович Ногтев да Иван младший Васильевич Шереметьев, на левой руке Захарий Иванович Очин да Михаил Петрович Головин, а в сторожевом полку князь Дмитрий Семенович Шастунов да Петр Петрович Головин. Да отпустил государь царевича астраханского Кайбула Ахкубековича, а с ним всех городецких татар, и велел ему ходить за передовым полком. И им, как государь отпустил воевод и царевича, и велел в Новгороде собираться. А велел боярам князю Петру и князю Дмитрию послать к королю грамоту, а в грамоте писали, вспоминая перемирие, на чем взял с новгородским наместником с князем Борисом Горбатым на 60 лет, и как порушил, из-за чего раздор учи-

нился. И буде захочет перемирие держать, на чем целовал, он бы на рубеж пришел на Рождество Христово в этом же году, а виновных бы, кто войну распалил, с собой привел да казнил перед ними, или бы лучших прислал людей, кому верить можно. А бояре на Рождество Христово будут на рубеже со мною ратью и виноватых, сыскав, приведут да по обеих сторонам казнят, чтобы крестного целования не изменить и перемирия не порушить. А буде король на тот срок не пришлет никого, царь и великий князь велел за свою обиду и за короля неправду воевать: «И крестное целование будет на тебе и на твоих державцах, и кровь старых и молодых прольется из-за тебя, Густава короля, и твоих державцев, а не из-за нашего справедливого государя, и не из-за нас, наместников его». И грамота пришла в Выборг за две недели до Рождества Христова. И отписали из Выборга державцы его Аврам с товарищами к князю Дмитрию Палецкому, что ходил войною Яков Баг воевать без королевского ведома, написал похвально, как воеводы от него дрогнули, а о приезде ничего не упомянули. И царь и великий князь велел идти воеводам своим во Свейскую землю, положив упование на всемилосердного Бога и на животворящий крест, которым наместников в перемирие утверждал, не от него та кровь стала, и велел за свою обиду мстить, как милосердый Бог поможет. И пошли за рубеж воеводы в Крещение Христово.

В том же году в январе пришли воеводы из Литвы к царю и великому князю от Сигизмунда-Августа короля пан князь Стефан Збарожский, витебский воевода, да пан Ян Шимкович маршалка, и писарь Венцлав Николаевич о вечном примирении, не сговорились и сделали перемирие на 6 лет, а в те годы с государем посланиями обмениваться о вечном мире иными послами. И царь и великий князь их отпустил, а своих послов послал к королю боярина Ивана Михайловича Воронцова, да казначея Феодора Ивановича Сукина, да дьяка Бориса Щекина. А с Москвы пошли послы литовские февраля 10 день.

О приезде от воевод из Немецкой земли. В том же году месяца февраля в 7 день приехал от воевод из Немецкой земли Шемьяки князь Дмитрий Гагарин, а от царевича Уразлы мурза Канбаров и сказывали: когда воеводы пришли за рубеж в Смолиной и в Лебежбе, послали воевать на обе стороны и к городу Киновепи, и немцы из города побежали, а город зажгли, и воеводы за ними послали и многих, нагнав, побии. А в городе народ взяли, и 7 пушек взяли, и пожитки всякие многие брали, и город до основания сожгли, а сами пошли к Выборгу, воюя по обе стороны. И не доходя до Выборга за пять верст, встретили их немцы конные и пешие, пришли на ертаульный полк, и в ертаулах были князь Никита Приимков-Ростовский да Федор Пушкин. И Федора с коня сбили и ранили больно, а князя Никиту ранили ж, и полк ерта-

ульный потоптали. И напустились передовым полком Семен да Никита Шереметьевы, и которые пришли на ертаульный полк, тех побили немцев и гнали их с версту под гору, а там у них конные и пешие многие с пищалями стояли в камнях, а приезд к ним тесен. И тут ранили воеводу Никиту Васильевича Шереметьева. И поспешил к ним царевич Кайбула со своим полком, и начали с ними тут биться, а с правой руки воевода Иван младший Васильевич Шереметьев обошел около и пришел на них от города Выборга, побили их тут наголову, и гоняли по самый Выборг, и многих живых взяли королевских дворян. А князь Андрей Ногтев не был на бою потому, что был болен, ногу испортил еще на рубеже. И воеводы пришли все с полками к Выборгу, и велели князю Григорию Путятину к городу из наряду быть да голове стрелецкому Тимофею Тетерину со стрельцами. И стояли под городом воеводы три дня, из города выйти прямо на полки не дали, и побивали народ из пищалей. А в то время воеводы послали головы Богдана да Василия Сабуровых, да Ивана Шарапова Замыцкого, да Василия Розладина и иных многих голов за Выборг верст со сто в Латрецкий погост. И там головы встретились с немцами, которые шли из Стекольной от короля, и тех побили наголову, и повоевали и в полон взяли бесчисленно, и пришли к воеводам все в добром здравии. И воеводы пошли на реку от Выборга, и к городу Дащаному посылали голову Семейку Вишнякова и иных многих голов, и немцы вышли из городка. И тут воевали по обе стороны Воксы реки, и посылали воеводы головы и с детьми боярскими, и атаманов с казаками, и головы с татарами, и сотников от голов со стрельцами, и повоевали великое множество, и взяли полону; и выкупали у них полон в гривну немчин, а девка 5 алтын. И вышли на Корельский рубеж, дал Бог, здоровы со всеми людьми. И царь государь Богу хвалу воздал, что милосердый Бог отомстил кровь христианскую неповинную от них, и к воеводам послал с жалованием. А в то время отпустил государь в Новгород наместника боярина князя Михаила Глинского и велел к королю свицкому отписать, вспоминая его неправду, и буде захочет покою, и он бы к нему послов прислал и стал бы царю и государю бить челом о том, чтобы государь перемирие по старине велел держать.

Того ж месяца в 15 день отпустил государь в Ногаи к князю и мурзам послов их, а своих послов государь к Исмаилу князю Андрея Тишкова, а к Ораслану Григория Велина, а к Ба мурзе, Мамаевым детям, Истому Матюшкова, а приказал передать им, что их по их челобитью хочет государь так делать, как Бог поможет.

Того ж месяца 29-го в среду на второй неделе поста родилась царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси дочь царевна Евдокия от его царевны и царицы и великой княгини Анастасии. Того же поста в четвертое воскресенье крестили ее у Чу-

да архистратига Михаила в монастыре, а принял ее от купели Макарий, митрополит всея Руси, а священнодействовал Андрей, протопоп благовещенский.

О присылке гонца от Исмаила. Месяца марта 1-го прислал из Ногаев Исмаил князь гонца своего Бихчурю. А писал царю и великому князю об измене и совокуплении с крымским царем и с ногайскими мурзами, с Исуфовыми детьми, и с иными мурзами, которые выбиты из Ногаев, посла Леонтия Мансурова выбили из Астрахани; Исмаил пошел под Астрахань, а царь бы и великий князь послал рать свою.

Об измене арских людей. В тот же день писал из Казани боярин князь Петр Иванович Шуйский, что арские люди и побережные государю изменили и стрельцов побили, которые у него были на охранение в посылке с Мамич-Бердеем. А Мамич-Бердей взял к себе царевича, а пришел к ним из Ногаев и живет на луговой стороне, а с ним пришло человек с 100 ногаев.

Того ж месяца в 5 день прислал Леонтий Мансуров с Волги с Переволоки служивых татар да своих людей, а писал то ж, что Исмаил писал: Дербыш царь изменил и тех князей, которые честно служили царю и великому князю, Бегука с товарищами, побил. И к нему приступал три дня со всеми людьми, которые сидели в малом городе у Волги, отбился от астраханцев и пошел в судах вверх, и пришел к казакам в Земьего, 308 человек; а всего с ним было 500 человек, и те ныне побиты, а иные потонули и с голоду, идучи, померли.

Об отпущении Исмаилова гонца. В тот же месяц отпустил царь и великий князь Исмаилова гонца Бехчурю к Исмаилу, а с ним послал казаков с пищалями 30 человек, а в головах Уланка с товарищами. И писал к Исмаилу, что рать свою Волгою на Астрахань отпускает, а Подем на лыжах послал на Волгу для Исмаила астраханского дела казаков 500 человек, атамана Липуна Филимонова и иных атаманов с товарищами.

О отпуске в Астрахань. В тот же месяц отпустил царь и великий князь в Астрахань голову стрелецкого Ивана Черемисинова с его стрельцами да Михаила Колупаева с казаками да с вятчанами и велел идти Федору Писемскому. Да послал государь в прибавку голову ж стрелецкого Тимофея Пухова сына Тетерина с его стрельцами, да с вятчанами Феодора Писемского, да с ними атаманы с казаками многие. И велел иным идти к Астрахани и промышлять своим делом, как милосердый Бог подаст.

Знамение. Той же зимой в великое говение было знамение на небе, звезда хвостатая восходила с востока хвостом на запад, а была с две недели.

О приезде торговых людей. В тот же месяц приехали к государю горной стороны люди Ахтыш сотник с товарищами, а при-

везли с собою изменника Мамич-Бердея лугового сотного князя. А сказывали государю, что приходил Мамич-Бердей их воевать, а с ним было 2000 человек, и к острогу их приступал, и их воевал. И они с ним сговорили, что им заодно с ним изменить, да договорясь с ним, взяли его пить к себе, а с ним человек с 200, и тех людей всех побили, а его, поймав, к государю привели. И царь государь горных людей пожаловал великим своим жалованием, и в ясаках их легче сделал. А Мамич-Бердей сказывал: взял было из Ногаев царя, и царь им не учинил никакой помощи, и он царя убил и всех ногайских людей побил, да совокупился с арскими людьми, а сам пошел на горную сторону тех отводить от царя и великого князя, и горные его обманули, товарищей побили, а его поймали и к государю привели.

О присылке из Новгород. В тот же день прислал из Новгорода Великого наместник боярин князь Михаил Васильевич Глинский немецкою грамоту, а пишут немцы к нему, грамоту просят покровительственную на послов, чтобы идти им к царю и великому князю от короля бить челом. И царь и великий князь велел князю Михаилу покровительственную грамоту дать на послов или на гонцов.

7058-го. *Решение государево.* В 7058 постановил царь государь с митрополитом и со всеми боярами в полках быть княжатам и детям боярским с воеводами без мест, ходить на всякие дела без тесноты людям, а в том отчеству их уничижения нет; которые будут впредь в боярах или воеводах, и он считается по своему отчеству.

О воеводах. А воеводы в полках: больший полк, да правой руки, да левой руки по местам; а передовой полк да сторожевой полк меньший одного в большем полку старшего воеводы, а до правой руки, до левой руки и в большем полку до другого воеводы дела нет, с теми без мест, кто с кем в одном полку послан, тот того и меньший. А воевод государь подбирает, принимая во внимание их отчество и кто от кого родится, кто как может ратный обычай содержать.

Решение царское о кормлениях и о службе. В 7064-м постановил царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси с братиею и с боярами о кормлениях и о службе всем людям, как им впредь служить. А по сие время бояре, и князи, и дети боярские сидели по кормлениям по городам и по волостям для разбирательств людям, и всякого устройства землям, и себе от служб для покою и прокормления. На которых городах и волостях были в некоторые года наместники и волостели, и тем городам и волостям разбирательства и устрой делали и от всякого их лиха отвращали на благое, а сами были довольны оброками своими и пошлинами указными, что им государь уложил. И дошел слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили

наместники и волостели, за многие годы презрев страх Божий и государские уставы, много злокозненных дел на них учинили, не были им пастырями и учителями, но сотворились им гонителями и разорителями, и потому тех городов и волостей мужичье многие коварства содеяли и убийства их людям, и как съедут с кормления, мужики многие иски отыскивают. И многое в том множество кровопролития и осквернения душам содеяли, которого не подобает в христианской вере и слышать, а многие наместники и волостели и старое свое стяжания растратили, имущество и вотчины. Царю же благочестивому обычай был таков: начало его премудрости страх Господень, во всем пред Богом себя чисто соблюдать, церковное предстояние во страхе и трепете иметь, нисколько не говоря, ни же помышляя во время святого пения, только совесть свою пред Богом исправляя. И ни на один день некоторым обычаем не разлучится от переданного правила божественного всего церковного, а также и уединенная молитва, затем же суд и правда нелицемерная всех. Потехи же царские, ловы и иные учреждения, что подобает по обычаям царским, все оставили, но усердствовали по Христе волю его сотворить во всем, порученные ему царства сохранить, и устроить во всех в подобие правду, и оборонить от всех иноверных басурман и латинов. А храбрость же, и мужество его, и от Бога данное ему благородие, как старается за благочестие поборником быть всякий день и час, нисколько иное не содеивает, только о том печется, как утвердить закон и веру пресветлую благочестивую христианскую во всех порученных ему государствах. А также и против неверных на все года и на все времена поборником является и вооружается, ополчается, как бы освободить православие от рук нечестивых. Не только не щадит своей царской шеи принимать всегда нужду и не радит о сем, но более старается всегда о пролитии своей праведной крови царской, об избавлении единокровных наших братьев православных христиан. Иное услаждение и потехи некоторые в разум его царский не входили, только об избавлении христианам, просто говоря, только закон Христов и ратные дела. Любовь же его от Бога ко всем под рукою его, к вельможам, и к средним, и к младым, и ко всем равно, по их достоинству всех любит, всех жалует и дает уроки вправду против их трудов, мзды им воздает по их отечеству и службе; ни единого же забвенным видеть от своего жалования не хочет, а также никого ни от кого обидимым видеть не хочет. И такого его Бог явил царя и государя православным землям уродил, подражателя прежним благочестивым царям и храбрым государям. Более же иных благодать свою на нем всемогущий Бог показал, губителем его басурманов иноверных сотворил. И таким его Бог сотворил, и потому старается и подручных всех пред Богом в законе христианском и непорочных

поставить и обращать их от всех недобрых дел, как было сказано во святом Евангелии: пастырь добрый, который душу свою полагает за овец, истинный пастырь, а не наемник, о всех промышляет душах их, а также и пищею и одеждою вправду устроит, и хочет от Бога в страшное второе пришествие праведный глас слышать: «Ты есть царь правде»; и которому бы без стыда отвечать: «Господи, вот я и люди, которых мне ты дал».

О велении царском. И повелел государь во градах и в волостях установить старост, и сотских, и пятидесятских, и десятских и страшным и грозным запрещением заповедь положить, чтоб им рассуждать промеж о разбоях и татьбе и всякие дела, и отнюдь бы никоторая вражда не сказывалась, также ни возмездие, ни праведное, ни лживое послушество; а у кого промеж собою такое лихо найдут, таковых велел казням предавать. А на грады и на волости положить оброки по их промыслам и по землям, и все оброки собирать к царским казнам своим дьякам. Бояр же, и вельмож, и всех воинов устроили кормлением, по праведными условиям, которому по достоинству будет по отечеству и по родству, а городовых в четвертый год, а иных в третий год денежным жалованием.

О рассмотрении государском. После сего же сие государь рассмотрел: которые вельможи и всякие воины многими землями завладели, службою оскудели, не соответствует государеву жалованью и своим вотчинам служба их, государь же им уравнение творил. В поместьях землемерие учинили, каждому по достоинству, так устроили, от имеющих излишки разделили неимущим. А с вотчин и поместий уложенную службу учинили: со 100 четвертей доброй угодной земли человек на коне и в доспехе полном, а в дальний поход о двух конях. И кто служит по земле, государь их жалует своим жалованием, кормлением и на уложенных людей дает денежное жалование. А кто землю держит, а службы с нее не платит, и на тех на самих брать деньги за людей. А кто дает в службу людей лишних, более чем следует по земле через уложение, тем от государя большое жалование самим, а людям сверх уложенных в два с половиной раза более давать деньгами. И все государь устраивал, как бы стройнее воинству и служба бы государская безо лжи была и без греха вправду, и заслуженные по тому разряды у государских чиновачальников, у приказных людей.

О приведении крымских языков. В месяце марте привели языков крымских к царю и великому князю. Ходил из Рыльска на Поле атаман Михаил Грошев и побил крымцев. И те языки сказывали, что крымский царь гонца послал к царю и великому князю против его гонца, а Яшку Михайлова не отпустил, а послу и гонцу принуждение учинил, а сам снаряжается со всеми людьми, а хочет быть весной рано на царя и великого князя украину. И по тем вестям послал государь Дьяка Ржевского из Путимля на

Днепр с казаками, а велел ему идти Днепром под улусы крымские языков добывать, а про царя проведать. И Дьяк с казаками собрался и пришел на Псел реку, суда сделал и пошел по наказу. А Даниила Чулкова да Ивана Мальцева послал государь вниз по Дону проведать про крымские вести. В тот же месяц пришли назад Гриша Велин да Истома Матюков, а сказывали, до Исмаила их не допустили Исуфовы дети, но разгромили и иных взяли, а ногайских послов и Андрея Тимонова взяли.

О письме из Казани от наместника. В месяца апреле писал из Казани боярин и наместник князь Петр Иванович: отпуская он боярина Петра Васильевича Морозова да с ним детей боярских, и казаков, и стрельцов, и новокрещеных татар, и набережных людей на Чалымский городок. И Петр ходил, и их повоевал и побил многих, и городок сжег, и назад здоровым пришел.

Петр Морозов ходил из Казани на Арское. В месяце мае ходил Петр же Морозов из Казани на Арское и за Арским на Меше реке встретил Петра Девляк мурза, Калай мурзы брат, с арскими людьми. И Петр на него послал голов детей боярских князя Петра Глебова Засекина, да Романа Пивова, да Еналеев двух, а с ним дети боярские, и стрельцы, и новокрещеные; Девляка со всеми товарищи побили, и самого живым взяли, и многих его товарищей переловили. И после того Петр воевал 10 дней и все Арские места повоевал, и побил многих людей, и полоном вывел бесчисленно много. Да с Петром вместе ходил без мест воевода Федор Иванович Бутурлин, и в Казань пришли, дал Бог, здраво.

О хождении Петра Морозова да Федора Салтыкова. В месяце июне ходил из Казани боярин Петр же Васильевич Морозов, с ним же воевода Федор Игнатьевич Салтыков, да дети боярские из Казани и из Свяжского города обои, перемирные и старые и годовальщики, и татары и новокрещеные, казаки и стрельцы за Арское, за Ошит, и за Уржум, и к Вятке. И не дошли до Вятки за 50 верст и воевали бесчисленно много и в полон брали женок да робят, а мужиков всех побивали. И пришли в Казань, дал Бог, здраво со всеми людьми.

Отпустил из Казани князь Петр Иванович воинов. А боярин князь Петр Иванович отпустил из Казани многих воинов языка добывать, и Арскую сторону и побережную до конца в нужде учинили. И остальные все пришли в Казань и били челом за свои вины.

О отпущении королевских посланников. В тот же месяц отпустил государь Филиппа короля английского посланников Рыцера да Юрия, а с ними послал своего посланника Непею вологжанина с грамотою, а писал к королю о любви и о ссылке. И людям его царь и великий князь пожаловал, в своих государствах велел учинить пристанище корабельное на Двине и торг по всему государству повольно дал, также и на Москве двором их устроил.

О послании Дьяка Ржевского. В месяце мае писал Дьяк Ржевский Исмаилу со своими казаками, что к нему полоненники прибежали, а сказывают, что крымский царь, собравшись, вышел на Конские Воды со всеми людьми, а хочет идти на царя и великого князя украину.

Выбежал путимлец из Крыма. И в тот же месяц выбежал путимлец из Крыма Демешка Иванов, а сказывал то же, что царь крымский вышел, а хочет быть на Тульские места или на Козельские, а запас велел царь брать на все лето. И по тем вестям царь и великий князь постановил с братиею и с боярами, что идти ему в Серпухов, да тут собраться с людьми, да идти на Тулу, и с Тулы выйдя на Поле, дожидаться царя и делать с ним прямое дело, как Бог поможет, а потому государь постановил, с Тулы выйдя, на Поле ждать, на которую царь крымский украину пойдет, на Рязань, или в Одоев, или в Козельск, и царю и великому князю ко всем местам поспеть можно, докуда ни придет на украину.

О приходе царском от Троицы и поход в Серпухов. В тот же месяц царь и великий князь, приехав от Троицы, в четверток перед заговеньем Петровым пошел в Серпухов, а с ним князь Владимир Андреевич, да царь Симеон казанский, да бояре и воеводы и многие люди, а пришел в Серпухов на заговенье. А велел у себя быть в Серпухове царевичу Кайбуле, Ахкубекову цареву сыну, астраханскому, а с ним всем князям и мурзам городецким, а велел ему государь стоять в Торусе. Да в Торусе велел быть передовому полку да правой руке, а большому полку велел стоять у устья Поротвы, а левой руке на Сенькине перевозе, а сторожевому полку у устья Лопасны.

В месяце июне царь и великий князь велел воеводам детей боярских сметить по спискам нарядным. И воеводы царю государю сказали: изо всех мест отписали, чтоб дети боярские сошлись. И государь сам смотрел свой полк, бояр, и княжат, и детей боярских, и людей их всех, да уведает государь свое воинство, кто ему как служит, и государское им по тому достоинству жалованье.

О приказе государевом князю Владимиру Андреевичу. И в тот же день государь приказал князю Владимиру Андреевичу во всех местах смотреть детей боярских и людей их. И свезли к государю списки изо всех мест, и государь сметил множество воинства своего, что прежде сего не было так, ибо многие скрывались и от службы избывали. И царь и великий князь и ленивых подвиг поборниками быть по благочестию, и по сему множество воинства учинились.

Решение царское. И в тот же месяц постановил идти за реку, а окольничего своего Никиту Васильевича Шереметьева отпустил, а велел места занять за Шавороною на Поле.

О присылке к государю от Данила Чулкова с Поля. Прислал к государю царю с Поля Данилко Чулков девять татар крымских,

а сказывают, встретили на Дону близ Азова 200 человек крымцев и побили их наголову. И языки сказывали, что крымский царь, собравшись, хотел идти на царя и великого князя украину, и послал Сеньку Жакулова языков добывать, и взял де мужика в Северских вотчинах. И сказал тот царю, что царь и великий князь про него уведаль и готов против него, выйдя, ждет его. А царь не пошел на царя и великого князя украину, а пошел было на Черкасские земли. И когда пришел на Миус, и тут за ним прислали из Крыма, что видели многих людей русских на Днепре к Ислам-Кирменю. И царь по тем вестям воротился в Крым. Да те же языки сказывали, что у царя многие люди померли поветрием, и теперь из-за недостатка людей быть его походу никуда невозможно.

О присылке Дьяка Ржевского с Днепра. И в тот же день прислал Дьяк Ржевский с Днепра казаков своих, а писал к государю, что на Днепре к нему пристали литовские люди, атаманы черкасские, которого Млымский зовут да Михаил Ескович, а с ними 300 казаков черкасов конных. И Дьяк, а с ним казаки и литовские атаманы ходили под Ислам-Кирмень, и в Ислам-Кирмень про них весть учинилась, и люди убереглись, и тут коней и многую животину отогнали. Да пошли под Очаков, и у Очакова остров взяли и турок и татар побили и языков взяли. А как пошли прочь, за ними пошли санчаки очаковский и тягинский со многими людьми. И Дьяк на них учинил в тростнике у Днепра подсаду, и побил из пищалей многих людей, и сам отошел здраво со всеми людьми. Да как пришел под Ислам-Кирмень, и тут пришел к Ислам-Кирменю султан калга крымский, а с ним весь Крым, и князи, и мурзы. И Дьяк стал против него на острове и бился с ним из пищалей 6 дней, да отогнал ночью Дьяк у крымцев стада конные да на остров к себе привез и по Заднепровью по литовской стороне вверх и пошел. И разошелся с царевичем Дьяк, дал Бог, здраво, а у царевича из пищалей поранил и побил людей многих. И прислал с тем казаков своих Гришу да Костю и вести крымские писал, что и языки крымские и турецкие полоняники сказывали, что царь хотел идти на царя и великого князя украину, и весть ему учинилась, что его царь и великий князь ждет, и он не пошел, да и потому, что у него многие люди поветрием померли, и теперь ему против царя и великого князя никогда не хаживать.

И в то время пришли из Крыма полоняники князь Афанасий Звенигородский да Верига Клешнин с товарищами, а сказывали те же вести, что царю не бывать, а бережется царь крымский на себя приходу от царя и великого князя. И по тем вестям царь и великий князь на Поле не пошел и за окольничим послал, а сам поехал к Николе Зарайскому на Рязань молиться и оттуда на Колмну. И к Москве пришел государь в июне, а по украинам оставил по всем воевод для малого количества людей приходу.

О присылке языков от Мишки. В месяце июне прислал Мишка черкашенин двух языков, один крымец, а другой турчанин, а взяты, сказывает, под Керчем городком за Ширинских князей улусами. А приходил Мишка с Казани в то же время, как Дьяк был под Ислам-Кермень, Миюсом рекою в море, а морем под Керчь, и тут воевал и отошел здорово. И те языки сказывали то ж, что и прежние.

О письме Исмаила князя с гонцом. В тот же месяц послал Исмаил князь с гонцом своим, что Шихмамаевы дети к нему не прямят, и каково над ним станется, и царь бы ему и великий князь дал пристанище в Казани или в Астрахани. И царь и великий князь гонца Исмаилова отпустил, а к нему с его гонцом послал татар своих служивых, а писал к нему, что в Астрахани готовое ему пристанище, по его присылке государь людей своих в Астрахань прислал, а захочет и в Казань не со многими людьми на отдых, государь его и там принять велит.

О гонце к государю от свицкого короля. В тот же год в месяце июне приехал к государю царю от свицкого короля Густауса гонец, именем Кнут Иванов, магистр Абова города, по-русски архимандрит, бить челом и с грамотами. А в челобитье его и в грамотах пишет, что случилось много кровопролития от греха и от задору порубежных людей и с обеих сторон, и царь бы и государь бы его пожаловал, гнев свой утолил и рать свою унял, и вспомяная прежнюю свою неправду, чтобы ему с наместниками новгородскими не обмениваться посланиями, а обмениваться бы посланиями с сыном его. И царь государь гонца его пожаловал, к нему отпустил, а велел ему отписать, что государь его пожаловал за его покорное челобитье, наместникам новгородским велел с ним перемирие утвердить старое. А о ссылке, что сыну его с наместниками новгородскими посланиями обмениваться, велел отговорить, что посланиями обмениваться с ним самим по старине, как у них изначала было. И буде он гордость оставит и угодно ему по старине сделать, он бы прислал послов своих старших к государю бить челом и перемирие покрепить по старине. И отпущен гонец в тот же месяц.

Об отпущении послов в Литву. В месяце мае отпустил государь послов своих в Литву боярина Ивана Михайловича Воронцова, да казначея Федора Ивановича Сукина, да дьяка Бориса Щекина перемирие утвердить и короля к правде привести.

О приведении мурз от Ляпуна. Месяца августа в 1 день привели от Ляпуна двух мурз, Коурати-Шийдяка с братом, во языках. А взял их, приходил на Дербыша царя Ляпун с товарищами, и побил многих людей, и в полон многих взял, и дождался с полным голов Ивана Черемисинова. И языки сказывали, что по Дербышевой присылке прислал царь крымский в Астрахань Атман-

Думана, а с ним 700 татар да 300 янычаров с пищалями, да и пушки прислал на охранение Астрахани.

В тот же месяц август пришли послы из Литвы, а были у короля в Литве в Вильне, и перемирные грамоты переписали, и короля к правде привели на том же, на чем и послы его на Москве правду государю нашему давали.

О Василе городе. В том же году Василь город переставлен и убавлено его снизу, по горе учинен.

О позлачении верха церкви в Сергиеве. В тот же год месяца октября в 11 день позлачен был верх у церкви святой живоначальной Троицы в обители преподобного чудотворца Сергия повелением благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца. И с великою верою и со многим желанием и любовью сердечною нещадною десницею украшение церковное любил и подавал золото на украшение церквам Божиим, как им по достоинству быть, и всего честнее и любезнее дом Божий называл, и причетников церковных любил, и милостыню им подавал, и любезно их почитал, и милостив, и щедр, и долготерпелив к согрешающим был. Царская власть от Бога дана на отмщение злым, а на похваление благим.

7065 (1557). *О поездке царской к Троице и в Переславль.* Сентября в 10 день выехал царь и великий князь и со своею царицею и великою княгинею Анастасиею и со своим сыном царевичем Иоанном Иоанновичем, и брат его с ним князь Юрий Васильевич, к Троице и чудотворцу Сергию. И Воздвижение честного креста праздновали государи у Троицы в монастыре. И братию довольно учредили, и оттуда поехали государи в Переславль к великому Никите чудотворцу молиться. И у великого Никиты чудотворца в монастыре государи с теплою верою и с великим усердием праздновали, и в монастырь многие земли подал на прокормление братии, и повелел игумену общество соделать, ибо прежде сего особняк был, и многие деньги давали на собрание братии, и великий монастырь крепкий выстроили в честь Бога и угодника его Никиты чудотворца. И оттуда пришли государи к живоначальной Троице на память чудотворца Сергия и праздновали тут, как был его царский обычай, с великим благочестием и подвигом. И братию учредив довольно, и милостыню из своих рук царских всю братию, также сам царь и в больницах и в богадельнях давал милостыню своими руками довольно. И к Москве приехали государи того ж месяца в 29 день.

О приезде к государю от Ивана Черемисинова. В тот же месяц около Троицы приехали к царю и великому князю из Астрахани от Ивана Черемисинова, да от Михаила Колупаева, да от главных голов от Феодора Писемского да от Тимохи Тетерина сын боярский Антонко Потулов, да атаман казачий Архипка, да

вятчанин Шелом. А писали из Астрахани головы, что пришли они во Астрахань, а город пуст, царь и люди выбежали. И головы в городе Астрахани сели и город сделали крепкий и, утвердив совсем, ходили за царем 5 день от Астрахани, пришли в Мочаки к морю, и нашли суда астраханские, и все посекали и пожгли, а людей не нашли, ушли на берег далеко. А в другой раз ходили главные головы Федор Писемский да Тимофей Тетерин и дошли до царя от берега верст с 20, и пришли ночью на царя и побили в улусах у него многих людей. И на утро собрались Дербыш царь с мурзами ногайскими и с крымскими и со всеми астраханцами, и бились с ними, до Волги идучи, весь день. И отошли головы со всеми людьми, дал Бог, здравы. А прежде них приходил на царя Ляпун атаман с товарищами и взял многие улусы, княгинь и девок, женок и робят, а людей побил многих, потому астраханцы выбежали из города. Иван Черемисинов с царем сообщениями обменивается и царю о себе бьет челом, что он изменил государю неволею, государь бы ему милость показал. И правду Ивану Дербыш царь и вся земля Казанская дала, что им ехать во град и служить царю и великому князю. И Андрея Тишкова выменяли на женок, а дали за него 15 женок астраханского полону. И укрепились во граде головы, что готовы бесстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрельцов расставили, и отняли всю волю у ногаев и у астраханцев рыбные ловли и перевозы все.

О присылке из Астрахани. Того ж месяца 23 дня прислал из Астрахани Иван Черемисинов да Михаил Колупаев казаков. А писали, что ногаи Исмаил князь с Исуфовыми детьми помирились, а Ших-Мамаевых детей отослали; и Ярослав мурза пошел было на Исуфовых детей Ших-Мамаевых, и Исуфовы дети Ярослана убили, и промеж собою бились три дня, и с обеих сторон многих мурз и татар побили. А Дербыш царь в город к ним не поехал, присягу свою изменил, а укрепляет его и от государя отводит от нашего Атман-Думан, крымского царя воевода, который к нему с весны прислан с людьми, с пушками и пищальями на бережение от царя и великого князя Исуфовых детей.

О приезде к государю казаков в Тонинское. Того же месяца сентября в 29 день приехали к государю в Тонинское с Поля от Дьяка Ржевского казаки Ростлый Стефанов да Трухан Павлов. Дьяк крымских людей побил и в Путимль с Поля пришел, а привел 400 языков. И языки сказывали, что крымский царь был в собрании, а остерегался приходу царя и великого князя, и ныне людей распустил, а сам пошел в Крым.

О приезде к царю от Вишневецкого князя Дмитрия. В тот же месяц приехал к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всяя Руси от Вишневецкого князя Дмитрия Ивановича бить челом Михаил Ескович, что его государь пожаловал и велел себе

служить, а от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Кортицком острове город поставил против Конских Вод у крымских кочевий. И царь и великий князь послал к Вишневецкому детей боярских Андрея Щепотьева, да Нечая Ртищева, да того ж Михаила с покровительственной грамотою и с жалованьем.

О приходе митрополита из Цареграда. В тот же месяц пришел от патриарха Дионисия из Цареграда митрополит Иоасаф кизицкий к царю и великому князю, а привез от патриарха к царю государю и к царице мощи мученика Георгия, да Пантелеймона, да Варнавы апостола. Патриарх прислал бить челом из-за нужды от турков о милостыни. Да говорил митрополит царю и государю от Дионисия патриарха, что патриарх Дионисий константинопольский, архиепископы и епископы и со всем цареградским собором уложили соборно молить Бога о царе и великом князе Иоанне Васильевиче всея России, как и о прежних благочестивых царях, и руками своими утвердили, что им вовеки поминать и молить Бога о царе Иоанне, а кто не станет молить, тому в отлучении быть.

О приезде к царю. Месяца октября во 2 день приехал к государю из Немецкой земли гонец Гришка Флямин бить челом о сале да о воске, чтоб им панцири пропускать, а государь бы их пожаловал, велел пропускать сало да воск. И царь и государь велел их послам быть, бить челом о том, а пожаловать их хочет. А гонца их отпустил.

О приезде из Литвы к государю. Месяца октября в 5 день приехал к государю из Литвы гонец Григорий Вихторин, а писал король литовский о свицком короле, чтоб государь с ним помирился. И царь и великий князь королевского гонца отпустил к королю, а отписал, что свицкий король сообщениями обменивается и делает всякие дела с наместниками Новгорода Великого, и тому быть по старине.

О приведении к государю языков. Месяца октября в 10 день приехал и к государю с Поля от Юрия Булгакова с языками казачьи атаманы Елка да Лопырь, а привели 8 языков, Нузыкеея с товарищами; а было их полтораста человек, а шли под Украину, и Юрий побил их наголову на Айдаре. И языки сказывали те ж вести, что и Дьяковы.

О приезде к царю от Вишневецкого. Месяца октября в 16 день приехали к государю от Вишневецкого Андрей Щепотьев, да Нечай Ртищев, да князь Семен Жижемский, да Михаил Ескович с товарищами. А приказал передать князь Дмитрий, что он холоп царя и великого князя, и правду на том дал, что ему ехать к государю, а пошел воевать крымские улусы и под Ислам-Кирмень, служа царю и великому князю; а с Жижемским прислал трех языков крымских, а сказывали они то же, что и прежние языки.

Об освящении церкви. Месяца октября в 1 день освящена была церковь Иоанна Лествичника да придел Евдокии преподобномученицы у Чуда архистратига Михаила на задних вратах царского строения. А на освящении был царь и великий князь, и его царица Анастасия, и сын его царевич Иоанн Иоаннович, да брат его князь Юрий Васильевич, да митрополит из Цареграда кизицкий Иоасаф, да старцы Святой горы; а освящал Макарий митрополит всея России со всем собором.

О приходе из Сибири Митьки Курова. В тот же месяц пришел из Сибири Митька Куров, посол царя и великого князя. И с ним пришел от Едигера, князя сибирского, посол Баянда, а привез царю и великому князю дани 700 соболей. А об иной дани писал Едигер князь и вся земля Сибирская, что их воевал шибанский царевич и людей взял многих. А Митька Куров сказывал, что им было возможно сполна дань прислать, да не похотели.

Об опале царской на сибирского посла. И царь и великий князь на сибирского посла опалу положил, велел его живым взять, а ему за стражей сидеть; а в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтоб во всем перед ним, государем, исправились.

О поставлении града. В ту же осень поставлен град в Галиче, а ставил его Иван Выродков.

О после из Ногаев. Месяца декабря в 1 день пришли послы к государю из Ногаев, от Исмаила князя Темир, а от Исуфовых детей Айкула. А писал Исмаил князь, докладывал, что он с Исуфовыми детьми помирился, добили ему челом, а Дербыш царь от них побежал к Мекке. И Исмаил на том царю и великому князю велел бить челом, что его жалованием и страхом племянники его ему добили челом. А Исуфовы дети Юнус мурза да Алей мурза с братиею писали и приказывали государю и великому князю бить челом. Исмаилу они князю добили челом, царь бы их государь жаловал так же, как Исмаила князя. Да Исмаил же князь и все мурзы ногайские, соединившись, государю приказывали, ныне они все заедино; велит ли им государь на Крым идти самим или посылать братию и племянников, как им государь и великий князь прикажет, так и учинят.

О гонце из Крыма. В тот же месяц пригнал гонец из Крыма к государю и великому князю от Девлет-Гирея, крымского царя, Каратжан да царя и великого князя гонец Юшко Мокшов, служивый татарин. Да полоняников отпустил царь на откуп всех, которых взял на бою, когда бился с Иваном Шереметьевым, 50 человек, Игнатия Блудова, Ахантовых и иных. Да гостей пришло ардабазарцев 300 человек с торгом. А писал Дивлет-Гирей к царю и великому князю, что уже он всеивать вражду оставил, а царь и великий князь с ним помирился бы крепко, и послов бы промеж собой добрых послать, которые бы могли промеж них любовь сделать и

было бы кому верить. А посол царя и великого князя Федор Загряжский писал, что царь собирался во все лето и у турецкого помощи просил, а ожидал на себя приходу в Крым царя и великого князя. И сей осенью около Покрова у него Вишневецкий князь Дмитрий взял город Ислам-Кирмень, и людей побил, и пушки вывез к себе на Днепр в свой город. А с другой стороны черкасы пятигорские взяли два города, Темряк да Томан, а приходил черкасский Таздруй князь да Сибак князь с братиею, которые были у царя и великого князя на Москве. И царь де то проведал, что царь и великий князь не идет на Крым в сем году, и он хочет де мириться со царем и великим князем, не обманываясь, а послов де хочет прислать либо Кангалу князя, или Сулешева сына Мурат мурзу. И полоняники Игнатий Блудов с товарищами то ж сказывали.

О приходе царевича Тохтамыша. В тот же месяц пришел из Ногаев царевич Тохтамыш, а царю Шигалею брат, а был много лет в Крыме, и хотели на царство, а Девлет-Гирея убить хотели, и царь то сведал, от того уберегся, и Тохтамыш в Ногаи убежал к Исмаилу князю, и Исмаил его отпустил служить царю и великому князю, а с ним прислал посла своего Бихчюрю.

О приезде Кадыша из Астрахани. В тот же день приехал служивый татарин царя и великого князя Кадыш Кудинов из Астрахани от Ивана Черемисинова да от Михаила Колупаева. А писали Иван и Михаил, что Исуфовы дети Юнус мурза да Адалей Исмаилу князю добились челом, и с Иваном и с Михаилом помирились, и правду царю и государю дали на том, что им служить царю и великому князю, как Исмаил князь, и неотступными быть и до конца своей жизни, и у Астрахани кочевать, а лиха никакого не учинять. Иван да Михаил им дали суда, на чем им к Исмаилу ехать и чем в Волге кормиться. А Юнус мурза с братиею пришли на Дербыша царя да его прогнали, а пушки, которые ему прислал крымский царь, Юнус взял и прислал их в город к Ивану да к Михаилу. И Дербыш побежал в Азов, а оттуда к Мекке. А черные люди астраханцы приходят к Ивану и к Михаилу и бьют челом и правду царю государю дают, чтоб их государь пожаловал, велел жить по-старому у города Астрахани и дань давать, и вины бы им государь пожаловал простить, казнить их не велел; они черные люди, водил их царь и князи неволею, а иных астраханцев многих развели ногаи в то время, когда бегали от царя и великого князя. Да Иван же и Михаил писали, что к ним из Шамахи, из Шевкал, из Тюмени от царей присылка о мире была и о торговле и они к ним послали служивых татар по государеву царя и великого князя наказу.

О письме из Выборга к Глинскому. В тот же месяц писали из Выборга к князю Михаилу Васильевичу Глинскому свицкого короля послы князь Штен Ерисоевич, на Гренцнаши властель Смоленской земли, да наместник на Еникупенги, да архиепискуп уп-

сальский Лаврентий Петрович, да местер Михаил Агрикула, бискуп в Аbove, да Пантелей Гуленти на Поторпи, да Кнут Кнutowич Набыскный, да Оливей Лаврентьевич писарь, что они пришли в Выборг декабря в 1 день, а идут к царю и государю и великому князю от Густава короля, и князь Михаил бы им прислал добрых детей боярских на обмену в закладе, а наперед того королевский сын Иван из Выборга о том же писал. И царь и великий князь велел князю Михаилу отписать королю, что промеж государей изначала ходят послы по покровительственным грамотам, а к королю от царя и государя покровительственная на его послов была ж, по которой ему прислать бить челом, а заклад в послах не ведется.

Об отпуске крымского посла. В месяца январе отпустил царь и великий князь крымского царя Девлет-Гирея гонца Караджена с товарищами, а своего гонца к царю послал служивых татар Сюндюка Тулусупова с товарищами. А писал к царю: похочет быть в крепкой дружбе со царем и великим князем и на всякого недруга заедино, то бы, учинив правду с детьми своими царевичами, и с уланами, и с князьями, и со всею землею пред Федором Загряжским, да прислал бы добрых людей в послах, кому возможно верить, и царь и великий князь к нему пошлет добрых послов Василия Иванова сына Наумова Филипова.

Об отпущении митрополита греческого. В тот же месяц отпущен митрополит греческий, который от патриарха Дионисия цареградского приходил, Иоасаф кизицкий и еврапский. Да с ними ж отпущены старцы Святой горы Хиландаря монастыря священник Сильвестр с товарищами и иных монастырей старцы. А с митрополитом к патриарху послал царь и великий князь на милостыню и на сооружение ограды патриаршего монастыря на 2 000 золотых соболей да митрополита мною милостынею издоволил. А в Хиландарь монастырь послал государь также мною милостыню да катапетазму (завесу) шитую, на ней образы Господа нашего Иисуса Христа, и пречистой его Богоматери, и Предтечи, и многих святых, и чудно сотворена шитьем золотом и серебром и многими шелками, также утварью, жемчугом и камнями драгоценными, яхонтами и лалами обнизаной. И приходил государь тогда в Пречистую церковь, и пел молебны митрополит со всеми соборами русскими, а митрополит греческий на молебнах облачался в ризы, и все священники греческие и сербские, и пели молебны и воду святили со всех святых мощей, и митрополит Макарий обедню служил с русскими соборами, а греки не служили. А царь и великий князь слушал обедни тут же. И удволили столом государь митрополита и святогорцев, дарами почтив, отпустил в Цареград, а к патриарху послал с митрополитом с грамотою Ивашку Волкова, а во Святую гору бывшего архимандрита Евфимиева монастыря Феодорита.

Об отпущении послов ногайских. В тот же месяц государь отпустил в Ногаи к Исмаилу князю и ко всем мурзам послов их Темира с товарищами, а своих послов послал к Исмаилу князю Петра Григорьева сына Совина, а к Юнусу мурадину мурзе Елку Мальцева сына Даниилова, а к Араслану к теховиту мурзе Ивана Тверитинова, к Аналии мурзе Мокея Лачинова. И приказывал к князю и к мурзам, что по их челобитью из Астрахани и на Волге лиха им чинить не велел, а велел беречь во всем и торговать повольно, приказал о том к Ивану Черемисинову, а на Переволоке на Волге велел быть атаману Ляпуну Филимонову с товарищами, а на Иргызи сотскому стрелецкому Степану Кобелеву беречь ногаев от русских казаков и от крымских, а пойдут послы к Москве, им и послов перевозить; а князю Исмаилу и мурзам всем, кто к царю и великому князю недруг, и им тому недругом же быть и войною к ним ходить.

О голоде. В том же году 65-м был голод на земле по всем московским городам и по всей земле, а больше Заволжье все: во время жатвы дожди были великие, а за Волгою во всех местах мороз весь хлеб побил; и множество народа от голода умерли по всем городам. И тот пришел грехов ради наших и за неисpravление закона, за всякую неправду милостиво наказует, желая обращения, и покаяния, и отвращения от злоб своих, так он, благодает, своею благодатию утверждает всех в заповедях своих и во всяком благочестии. А зима та была студена, великие морозы во всю зиму, и ни один день с оттепелью не бывал; и снега пришли более меры, многие деревни занесло, и люди померли по деревням, и на путях также много народа скончалось. Сии же мученически скончались, грехов ради наших они, бедная наша братия единоверная, зло скончались, голодом и морозом они жизнь закончили и очистились. Мы же, сие видев, если не уцеломудримся и не покаемся, большее нас осуждение ждет.

О послах от свицкого избранного короля Густава. В месяце феврале пришли послы к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси от свицкого избранного короля Густава князь Штен Ирикович, да архиепискуп Лаврентий упсальский, да бискуп Агрикула Михаил Абова города, да Бинтегутел, да Кнут Кнутов, да печатник королевский Оливей Лаврентьев бить челом, чтоб государь царь и великий князь гнев свой отложил, и рать свою унял, и перемирие учинил. А в посольстве говорили, чтоб королю со царем и великим князем посланиями обмениваться, а не с заместниками новгородскими, того ради и раздор учинился и война пошла. И царь и великий князь послал к ним с ответом окольничего своего Алексея Федоровича Адашева да дьяка Ивана Михайлова, а велел то отмолвить, что государю старины никак не рушить, буде похочет Густав король по старине перемирия с новгородскими заместниками, пусть рубежи прямые очистит по Магнуса короля грамо-

там, как имел с князем Юрием, когда тот был на Новгороде, и которых вопреки правде задержал, тех бы всех освободил. И много о том было разных слов, и послы били челом, что король их пред царем и великим князем виноват, а сотворили то люди порубежные без его ведома, а ныне бы государь пожаловал, велел наместникам новгородским утвердить перемирие по старине. А рубежи старые все король велел очистить, в которые сами было вступили люди его без его ведома. А которых гостей задержал и иных людей, тех всех со всем имуществом их отпустил король. Да бил челом о том, чтоб государь пожаловал, учинил свободу пленным, которых войною взяли боярин князь Петр Михайлович Щенятев да князь Дмитрий Федорович Палецкий с товарищами. И царь и государь повелел то отмотвить, что то сотворил король, а не царь и великий князь, и навел на свою землю войну за свое крестное преступление; и те уже разведены по разным землям, а которые еще не крещены, и тех кто захочет продать за свои издержки, пусть король их велит откупать. И послы на том государевом жаловании били челом, и на всей воле царя и великого князя послы добились челом, и царь и великий князь избранного короля Густава швицкого пожаловал и повелел новгородским наместникам боярам князю Михаилу Васильевичу Глинскому да Алексею Даниловичу Плещееву перемирие утвердить на всем на том, на чем государю добились челом, на 40 лет. И отпустил царь и великий князь послов с Москвы в Новгород марта в 6 день. И бояре и наместники новгородские князь Михаил Васильевич да Алексей Данилович послов швицкого короля к целованию привели и грамоты перемирные написали и утвердили печатями, отпустили их к королю, а от себя к королю послали посла Ивана Шарапова сына Замыцкого.

В тот же месяц прислал к государю бить челом магистр ливонский послов своих Фалентина, да Мелхера, да писаря Гануса, чтоб им дани царя и государя не дать, которую на себя положил бискуп юрьевский со своей области по гривне со всякого человека. И царь и государь велел своим окольным Алексею Федоровичу да дьяку Ивану Михайлову, велел у них посольство выслушать и им отказать: что он по прежним перемирным грамотам и по их челобитью дань свою на них положил, и на том на Москве послы их Иван Бакостр да Владимир с товарищами крест целовали, а сам магистр да архиепископ и бискуп юрьевский перед новгородских наместников послом Келарем Терпигоревым крест целовали, что им по тому дань государеву сыскать за старые залог, что не платили несколько лет, и впредь без промедлений платить с Юрьевской области по гривне немецкой со всякого человека, кроме церковных людей. А срок был в третий год исправиться по тому перемирию, и все им следовало свершать по перемирным грамотам. А магистр и архиепископ и бискуп юрьевский царю и государю того

не исправили всего, на чем крест целовали, и государю теперь, положе упование на Бога своего, самому искать на магистре и на всей Ливонской земле. Да послам у себя быть не велел и отпустил их с Москвы бездельно. И отпущены с Москвы марта 12.

В том же году в апреле послал царь и великий князь окольничего князя Дмитрия Семеновича Шастунова, да Петра Петровича Головина, да Ивана Выродкова на Ивангород, а велел на Нарве ниже Ивангорода на устье на морском город поставить для корабельного пристанища. А положить велел заповедь в Новгороде, и во Пскове, и на Ивангороде, чтоб никто в Немецкую землю не ездил ни с каким товаром. А приедут немцы и в царя и великого князя вотчину, и с ними велел государь в своей земле торговать, кроме заповедного товару, а зацепки немцам не велел делать никаких.

О присылке к государю из Астрахани. В том же году в месяце мае прислали из Астрахани Иван Черемисинов да Михаил Колупаев татарина служивого Байчура. А с ним писали, что астраханские люди многие царю и великому князю добили челом, и в город к ним пришли, и правду на том дали, что им служить царю и великому князю и ясаки платить, как прежде сего царям астраханским платили. А Исмаил князь ногайский присылал к Ивану и к Михаилу детей своих Магмета с братиею, и правду за отца и за всех мурз дали, что им царю и великому князю прямить во всем, а с Иваном побратались. И отпустил их Иван и Михаил к Исмаилу, а с ними послали служивых татар. А Юнус мурза, Исуфов сын княжий, мурдин ногайский, сам у них был и правду на том же им дал за свою братию, что им служить и прямить царю и великому князю, а царю и государю их пожаловать и воевать не велеть и позволить кочевать по старым местам. И кочевали и зимовали ногаи под Астраханью, и торговали во всю зиму в Астрахани повольно и полюбовно. А изо многих земель с ними сообщениями пересылались, из Шевкал, из Шамахи, и из Дербени, и из Юрчага, о братстве и о любви, по весне хотят со многими торгами быть в Астрахань. А с Бачурою прислал Ак мурза, Юсуфов сын, гонца, бьет челом государю на его жаловании и службу свою и своих братьев извещает.

О присылке к царю от Вишневецкого со Днепра. В тот же месяц прислал к царю и великому князю с Днепра князь Дмитрий Вишневецкий казаков Дениска Малова с товарищами, путимльцев. А писал к государю, что царь крымский Девлет-Гирей и с сыном и со всеми людьми крымскими приходил под его город на Гордецкий остров и приступал 24 дня. И Божиим милосердием и царя и государя и великого князя именем и счастьем от царя отбился, и побил у царя многих людей лучших, и пошел царь от него с великим срамом. И докуда в том городе люди будут царским именем, крымцам на войну ходить никуда нельзя. И много Вишневецкий у крымцев кочевииц поосилел.

Об отписке из Казани от Шуйского князя Петра. В том же году в апреле писал из Казани князь Петр Иванович Шуйский, велел арским и побережным татарам поставить на Каме в Лаишеве город. И князь Петр в нем устроил новокрещеных да стрельцов, а у них головы детей боярских, для ногайских людей приходу, а новокрещеным велеть тут пашню пахать, а у города у Казани и по пустым селам всем велел пашни пахать русским людям и новокрещеным.

О отписке из Свяги от Ивана Петровича. В тот же месяц писал из Свяги Иван Петрович, что приходили на горную луговые люди, в головах Ахметек богатырь с товарищами. И Иван послал на них детей боярских, в головах князя Иосифа Лаврова с товарищами, и горных людей, и стрельцов, и своих людей. И луговых людей побили наголову, Ихметека богатыря живым взяли.

Об отписке из Казани, и из Свяги, и из Чебоксар, и на горную сторону во многие места. А из Казани, из Свяги и из Чебоксар писали, что приходили луговые на Арские места и на горную сторону во многие места, и Божиим милосердием во многих местах их побили. И посылают из Казани, и из Свяги, и из Чебоксар на луговую воевать, и везде, дал Бог, воюют и здорово приходят во всю зиму и весну.

Об отписке Ивана Петровича из Свяги. В том же году в месяце мае писал Иван Петрович из Свяги, что луговые люди прислали бить челом о своих винах, чтоб государь смиловился над ними, вины их отдал и учинил в холопстве, как и горных людей, и ясак велел брать, как прежние цари брали. И царь и государь послал в Казань и на Свягу стряпчего своего Семена Степановича Ярцова, а луговых людей велел пожаловать, вины их простить и к правде привести. И писал Иван Петрович, что луговые люди по государеву жалованью все добились челом, и приехали к Ивану луговые сотские Абыз с товарищами и правду дали. А черных людей посылал сына боярского Образца Рогатова всех к правде приводить, и черные люди все правду дали.

Об отписке из Казани от князя Петра. А из Казани писал князь Петр Иванович, что Кебяк с товарищами прислали к нему и за свои вины добились челом, а башкирцы пришли, добив челом, и ясак заплатили.

Об отписке с Чебоксари от князя Петра. А из Чебоксаров писал князь Петр Семенович, что Мамич-Бердеевы дети, и Кака сотский, и все остальные люди государю добились челом и к нему приехали и правду дали; а черных всех людей послали к правде приводить Даниила Чулкова.

О приезде из Казани Семена Ярцова. И Семен Ярцов к государю приехал и сказывал от всех воевод казанских, и свияжских, и чебоксарских, что луговые люди все соединились и царю и го-

сударю доби́ли челом, и всею землею все люди правду дали, что им неотступным быть от царя и государя вовеки и их детям и ясаки платить все сполна, как их государь пожалует. А к государю приехали от всей земли бить челом сотные князи их Казимир, да Кака, да Янтимир с товарищами. И царь и великий князь их пожаловал, вины их простил и грамоту жалованную дал, как им государю впредь служить. И Божиим изволением и его царским великим подвигом и у Бога прошением, и воевод и всех людей службою к нему государю казанские люди лучшие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелись, а черные люди все до одного в холопстве и в дани учинились. И во всем ему, государю, Бог милосердие свое показал, и дело казанское окончательно в смирение привел, и бедным христианам свободу навеки учинил.

О разделении земель. И боярин князь Петр Иванович на царя и государя, и архиепископу, и казанскому наместнику, и архимандриту, и детям боярским цареви села и всех князей казанских разделил, и пахать начали на государя и на всех русских людей и на новокрещенов и на чувашу.

Родился сын царю и великому князю царевич Феодор. В том же году мая в 31 день родился сын царю и великому князю от его царицы Анастасии царевич Феодор на третьем часу дня в понедельник 7 недели после Пасхи на 4-м часу дня и крещен в обители Чуда архистратига Михаила у чудотворца Алексия, а принял его от купели митрополит Макарий.

О посылании атамана Ляпуна на Волгу. В мае же послал государь на Волгу атамана Ляпуна Филимонова с товарищами, а велел беречь, чтоб казаки не воровали и на ногайские улусы не приходили. И те казаки воры собрались, да Ляпуна перезвали в свои станы, а сказывали, что служат государю, Ляпуна убили и товарищей его побили. И после того шел в Астрахань Елизар Ржевский с казною и с запасами, и те же казаки приходили на Елизара и казну взяли государеву, и которые были в тех ушкуях люди, тех били. И Елизар, собравшись, ходил на них, и они отбились. И царь и государь послал из Казани Алексея Ершева, да Богдана Посникова сына Губина, да голову стрелецкого казанского Даниила Хохлова с детьми боярскими, и стрельцами, и с казаками, а велел тех воров с Волги согнать, и кого поймают, тех побить. И казаки с Волги от них сбежали, а которых догнали, и тех казнили. А на Дон государь послал Даниила Чулкова, да Ваську Хрущева, да с ними атаманов и казаков, а велел их искать и побить их, и Дьяку Ржевскому велел на них послать казаков к Азову, да идти от Азова вверх Доном искать их же.

О присылке из Астрахани. В месяце июне прислали из Астрахани Иван Черемисинов да Михаил Колупаев атаманов казачьих Улана, да Арапа, да сотского стрелецкого Гаврила Богатырева.

А с ними писали, что астраханские люди Чалым улан в головах, и муллы, и ходжи, и шихи, и шихзады, и князи, и все мурзы, и казаки, и вся чернь, Астраханская земля, к ним пришли, и государю доби́ли челом, и правду дали. Михаил с Иваном привели их к правде и раздавали им острова и пашни по старине, и черным людям ясаки платить по старине, как прежним царям платили. А князи от себя прислали и от всей земли бить челом от всей земли, чтоб их государь пожаловал в Крым и в Ногаи не выдал и в холопстве у себя учинил, а прислал бить челом Алым уланова сына, а бьют челом от всей земли.

О приведении из Поля мурзы ногайского. В тот же месяц привели из Поля атаманы Лог, да Исаак, да Кушник ногайского мурзу Махмет-Казы султана, Махмета мурзы сына, Шийдякова внука, а взяли его, когда он пошел от Исмаила князя, разбравсья, к брату своему Казыю мурзе Уракову, а с ним 500 человек. И казаки на них пришли и побии их наголову на Переволоке на Волге, и мурзу взяли, и к государю привели.

О приезде князей черкасских служить государю. В тот же месяц приехали князи черкасские служить государю и об устрое бить челом в проки себе князь Маашук Кануков, да князь Себак Кансауков, да Чугук мурза, да Татар мурза, да Тохта мурза, служил у крымского царя, крымскому шурин, царя Девлет-Гирея старшая царица сестра его родная и дочь Тарзатык мурзы, да с ними люди их. И когда шли они к государю, приходили на беглых мурз улусы, ногайских мурз на Дону, и взяли у них Бечи мурзу, Бирючи мурзы сына, и государю привели. И царь и государь пожаловал и устроил их.

Государь пожаловал мурз ногайских. А мурз ногайских государь пожаловал, выпустил Махмет-Казы мурзу Биярючугова султана Гметева и к беглым мурзам послал татарина служивого Байберю Тяюшева. А писал к ним, чтоб Исмаилу князю доби́ли челом, и царь и великий князь казакам своим не велит на них приходиться и кочевать им велит на сей стороне Дона по Хопру и по Медведице. А Тохтамыш царевич к ним писал же, потому что те мурзы братья, и те мурзы взяты Магмет и Бичей чтобы царя и великого князя послушали и Исмаилу князю доби́ли челом и юрт бы не пропал.

О поставлении града. В том же году в июле поставлен град от немцев на устье Нарвы реки на Рассене у моря для пристанища морского корабельного, а ставил его Петр Петров да Иван Выродков.

О присылке из Астрахани. В том же году в июле прислали из Астрахани Иван Черемисинов да Михаил Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзою Навлычем Кавлуковым, а пришел от братии от кабардинских князей и черкасских от Темряка да от Тазрюта князя бить челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе

служить и в холопстве учинил их, а на Шевкал бы им государь пожаловал, астраханским воеводам велел помощь учинить. Да говорил Кавлыч мурза черкасский: только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помощь им учинит на недругов так же, как и братью пожаловал, черкасских жаженских князей Машука и Себока, с братиею их с кабардинскими черкасами в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская, и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их пожаловал потому же, как и тех всех. Да Иван же писал, что пришли многие гости из Шамахи, из Дербени, из Шевкал, из Тюмени, из Юрьгенча, из Зарайчина со всякими товарами, Иван и Михаил им торговать велели и пошлины у них на государя берут. Да и из Астрахани ж пришли послы от Крымшевкала и от всей земли Шевкальской да от тюменского князя с подарками бить челом, чтоб государь пожаловал их и велел быть в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал астраханским воеводам беречь их от всех сторон, и торговым бы людям дорогу пожаловал государь, велел чистой учинить. И что государю у них полюбится и что велит к себе прислать, тогда то все к государю присылать станут ежегодно.

Царя и великого князя посол пришел из Ногаев. В тот же месяц пришел из Ногаев царя и великого князя посол Петр Совин от Исмаила князя да его посол Таузар. И шертную грамоту Петр привез: Исмаил князь и все мурзы ногайские государю правду учинили на том на всем, как к ним государь писал, везде им царю и великому князю послушным быть и на крымского царя им заедино с царем и великим князем стоять. И честь Исмаил князь Петру Совину учинил, подобной которой никогда послу московскому не бывало в Ногаях. А правду с Исмаилом давали мурадин Юнус мурза Юсуфов сын, да Алей мурза и все Юсуфовы дети, да тиховат Араслов мурза, и велик мурза Булат, и многие мурзы, которые с Исмаилом князем; и правду все давали на всей воле государевой.

О присылке из Немецкой земли. В августе присылали из Немецкой земли из Ливонской магистр и архиепископ и бискуп с грамотою бить челом, чтобы государь пожаловал, дал покровительственную грамоту на послов на их. И государь покровительственную дал и послам их велел быть.

7066 (1558). *Царя и великого князя послы из Ногаев пришли.* В сентябре пришли из Ногаев царя и великого князя послы от Юнуса Елка Мальцов, от Орослана Иван Тверитинов, а от Олея Макей Лачинов, а с ними Юнусовы и тех мурз люди. А сказывал Елка, что Юнус с братиею Исмаила согнали со княжения, да Юнус учинился князем и царю государю правду учинил; укрепиться на княжении и царю и великому князю служить хочет, а изгонят его, который государев холоп, а иной надежды нет никакой. А в том бы государь на него кручины не держал, что с Ис-

маилом разбрался, прошла кровь у них, Исмаил отца у них убил. Да Елка же сказывал, что Исмаил, собрав, сына прислал Урус мурзу на Алея мурзы улусы да Алей мурзу поймал. Ярослав от Юнуса отстал да с Исмаилом же стался; и то еще неведомо, кто их пересилит. А Исмаиловы дети у Астрахани стоят, и крепки они царя и великого князя людьми, и Исмаилу та ж надежда.

О приезде из Сибири служивых татар. В тот же месяц приехали из Сибири царя и великого князя служивые татары Девлет-Хозя да Собаня Рязановы, а с ними Едигера, князя сибирского, посланники Ивтемир с товарищами, а привезли дань Сибирской земли сполна, 1000 соболей, да дорожной пошрины 160 соболей за белку. Да и грамоту шертную привезли с княжъею печатью, что учинил себя князь в холопстве и дань на всю свою землю положил, и впредь без промедлений ту дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великий князь посла его Баянду выпустил, и пред очами своими дал ему предстать, и пожаловал отпустить, а с ним послал служивых татар за данью на следующий год.

Царя и великого князя посланник пришел. В тот же месяц пришел посланник царя и великого князя Осиф Непея от Филиппа короля испанского и аглицкого и от королевы его Марии. А сказывал Непея, что едучи в Английскую землю разбило их корабли на море и королевский посланник Выцерт с товарищами утонул на море, а их прибило в Шацкое королевство, и оттуда его выпустили в Английскую землю, и король Филипп принял царя и великого князя присылку с великою любовью и честью и к царю его и великому князю отпустил. И писал с ним король Филипп и королева Мария с великою любовью и почестию и в подарках прислали льва да львицу живых, да король прислал доспех свой полный да дорогих тканей и атласа много. И Непее во своем жаловании дачку учинили великую, и царя и великого князя гостям путь чистый учинили, и двор им в большем своем в Лунском дали, и без всяких пошлин торговать велели. Да отпустил с Непеею мастеров многих, докторов, и золота и серебра искателей и делателей, и иных многих мастеров, и пришли с Непеею вместе.

В том же году в месяце октябре прислал царь крымский Девлет-Гирей гонца к царю и великому князю Акинчея из-под Азова. А писал, что ногайских мурз девять братьев взял со всеми улусами, да писал о запросе многом, а посла взялся отпустить, а своего прислать тотчас.

Из Ногаев о после от Исмаила князя. В тот же месяц прислал из Ногаев Исмаил князь посла своего Бихчеру, да от мурз от белек Булат мурзы и от иных мурз послы ж пришли. А писал: которые мурзы девять братьев и Шийдяковы дети отстали были от Исмаила, и приходил на них крымский царь да Ислам-Газу мурзу

Шийдякова и иных мурз и с улусами взял, а 9 братьев, Уразлыевы дети, Ойса мурза с братиею отошли от него совсем и к Исмаилу пришли, и по царя и великого князя велению Исмаилу добились челом и соединились. А из Астрахани Иван Черемисин с товарищами, а писал о том же, что мурзы от крымского ушли, Иван их Исмаилу перевозить велел и с улусами.

Об отписке от князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого из Черкасских земель да из Канева. В тот же месяц писал из Черкасских земель да из Канева к царю и великому князю князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, что он с Днепра с Хортицкого острова ушел, потому что корму не стало у него, и казаки от него разошлись, а царь крымский пошел на его город, да турецкого люди многие и в судах, да волохи, и он из-за корма не сел в городе, а пришел за Черкасские земли и Каневские, и государь как велит. И царь и великий князь писал к князю Дмитрию Ивановичу, велел ехать к себе, а Черкасские земли и Канев велел королю уступить, потому что царь и великий князь с королем в перемирье.

О приезде к царю Вишневецкого. В ноябре князь Дмитрий Иванович к царю и великому князю приехал служить. И царь государь его пожаловал великим своим жалованьем и дал ему вотчину город Белев со всеми волостями и селами, да в иных городах села подклетные (государевы) государь ему подавал и великими жалованиями устроил. И князь Дмитрий государю и крест целовал на том животворящий, что ему служить царю и великому князю вовеки и добра хотеть во всем его землям.

О рати в Немецкую землю. В тот же месяц царь и великий князь отправил рать на магистра ливонского и на всю землю Ливонскую за то, что целовали крест государю дань привести по гривне с человека от Юрьевской области и в иных земских делах, да не исправили по перемирным грамотам ни в чем, и дани не привезли, и на чем целовали, в том во всем солгали.

Об устройении полков в Немецкую землю. И отпустил государь: в большем полку Шигалей, а бояр и воевод князь Михаил Васильевич Глинский, да Даниил Романович, да черкасские князи Сибок с братиею; а в передовом полку царевич Тохтамыш, а бояр и воевод Иван Васильевич Шереметьев старший, да Алексей Данилович Басманов, да черкасские князи князь Иван Маашик с братиею; да в передовом же полку Даниил Адашев, а с ним казанские люди из Казани, и из Свияги, и из Чебоксар, и черемиса и новокрещенные; а на правой руке царевич Кайбула, а воеводы боярин князь Василий Семенович Серебряный да окольничий Иван Васильевич Шереметьев младший; да на правой же руке князь Юрий Репнин, а с ним городские люди, сеит и князи и мурзы; на левой руке воеводы боярин князь Петр Семенович Серебряный да Михаил сын Петра Головина; в сторожевом полку вое-

воды князь Андрей Михайлович Курбский да Петр Петрович; а люди немногие с воеводами со всеми новгородские и псковские все, и московских многих городов. И с Москвы отпущены царь и воеводы, а велел государь в Новгороде собираться с людьми.

В месяце декабре пришли к царю и великому князю послы от магистра ливонского Клаус, да Томос, да Мельхер, а от бискупа юрьевского Елерт, да Христофор, да Влас Бека бить челом, и что дань у них с собою сказали. И царь и великий князь велел окольничему своему Алексею Федоровичу Адашеву да дьяку своему Ивану Михайлову посольства выслушать и о дани договор учинить. И послы били челом от магистра да от бискупа и от всей земли, чтобы государь головную дань по гривне с головы сложил и отставил, а велел бы уроком брать, по чему государь пожалует. И царь и государь пожаловал, а велел договорится, по чему брать и что за прошлые залоги взять. И добились челом, что дать за прошлые залоги и за нынешней подъем без половины пятьдесят ефимков, а московских 18000 рублей, да впредь платить с Юрьева по 1000 золотых угорских каждый год без промедлений, а о иных делах договор бы учинили. Да сказали, что того с собой у них нет, начали сроку просить, чтоб государь ныне рать свою отставил, а желая рать утомить дорогами и впредь лгать. И государь их с Москвы отпустил без дела, а рати своей идти велел в их землю за их неправду и крестное преступление.

В тот же месяц от крымского приехал гонец царя и великого князя Сююндюк Тулусупов, а крымский царь прислал своего гонца Тутая. А писал, что правду учинил на том, что царю и великому князю к нему в Крым посылать подарки большие да и ту дань, что король литовский дает, тогда и правда в правду и дружба будет; а не похочет царь и великий князь посылать по столько, и он бы сих послов разменял. И царь и великий князь разменяться велел, и послам отказать велел, и по тому делать не похотел, что царь непригоже писал, к дружбе то не пристойно. А Федор Загряжский то же писал, что царь крымский правду давал, а выговаривал такое, чему статься нельзя.

От Исмаила князя посол пришел. В тот же месяц прислал Исмаил князь из Ногаев посла своего Байтерека, и от иных мурз послов, а били челом, чтоб государь пожаловал отпустил с ними мурз Магмета-Казым мурзу Шийдякова да Бечий мурзу и на крымского бы царя помощь оказал.

Об отпуске полоненных мурз к Исмаилу. В месяце январе царь и великий князь отпустил к Исмаилу в Ногаи мурз полоненных, смилостивился, Махмет-Казым мурзу, и Биче мурзу, и Исмаилова посла Бейтерека с товарищами, да служивых татар, и на крымского помощь взялся дать; а им, собравшись, идти же велел самим или братию и племянников отпустить.

Об отпуске Вишневецкого на крымского царя улусы. В тот же месяц царь и великий князь отпустил на крымские улусы князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, да с ним черкасского мурзу кабардинского Канлыча Канукова государь отпустил в Кабарду в Черкасские земли, а велел им, собравшись, идти всем к князю Дмитрию на помощь; а отпущен в Черкасские земли, на Казань да на Астрахань судном, и с Черкасских земель им идти ратью мимо Азова. Да с князем Дмитрием же брать отпустил Игнатия Заболоцкого с жильцами, да Ширия Кобякова с детьми боярскими, да и Даниила Чулкова, да Юрия Булгакова и иных атаманов с казаками, да сотских со стрельцами. А велел им государь идти прямо, а после затем велел суда сделать и с запасами идти на Днепр. И велел государь князю Дмитрию стоять на Днепре и приглядывать за крымским царем, сколько ему Бог поможет.

В тот же месяц из Крыма посол Федор Загряжский пришел, а Девлет-Гирея царя посол с ним же пришел Янбудули Мелдеш. А сказывал Федор, что царь правду учинил, что быть в дружбе и в братстве, и царевича сына своего на короля литовского отпустил. А у правды то царь говорил, что присылать великому князю казну, как и к Махмет-Гирею царю, тогда дружба в дружбу, а если столько не пришлет, тогда и правда не в правду; а повоюет короля, и царю и великому князю ту ж дань давать, которую король сейчас дает. И царь и великий князь по тому с ним делать не похотел и посла своего к нему не послал, то положил на Бога, что милосердый Бог устроит: подарки берет и правду дает, а всегда изменяет. А старого его посла Шах-Мансур улана с товарищами отпустил к царю, а с ним послал гонца своего служивого татарина Тафкея Темеева. А писал к царю, за что у них ныне доброе дело не случилось, а захочет царь добра, и он бы непристойное отставил и многие запросы, а будет чему у них верить, и царь и великий князь с ним мирится захочет. А посла его Елбуду князя с товарищами на Москве оставил и гонцов всех с ним же оставил.

Присылка от царя Шигалея и от бояр и воевод из Немецких земель. В тот же месяц в Масленное заговенье приехал к царю и великому князю из Немецкой земли от царя Шигалея и от царевичей Уразлы князь Канбарова Мангит да Семен мурза князь, а от бояр и воевод от князя Михаила Васильевича Глинского с товарищами князь Василий Иванович Барбошин да голова стрелецкий Тимофей сын Ивана Тетерина. А сказывали государю от царя, и от царевичей, и от воевод: как пошли из Пскова, и отпустили наперед себя воеводу князя Василия Ивановича Барбошина, да князя Юрия Петровича Репнина, да Даниила Федоровича Адашева, да с ними ж отпустили с татарами Уразлы князя Канбарова, да Екара мурзу, да Кенич мурзу Салнаглычева, да с ними ж головы с детьми боярскими, и головы с казанскими татарами и

новокрещеными, и черкас пятигорских князя Ивана и князя Василия людей черкасских князей, и стрельцов, и казаков. И князь Василий, и князь Юрий, и Даниил воевали 9 дней, а пришли на засевших людей, а у Нового городка, и у Керепеки города, и у городка у Курслова, да у Бабьего городка посады пожгли, и людей побили многих, и полону бесчисленно много взяли. А война их была возле литовского рубежа вдоль на полтораста верст, а поперек на 100 верст. А сошлись с царем и воевали под Юрьевым, дал Бог, здоровы. А царь и воеводы пошли к Юрьеву, а идучи воевали по обе стороны, и Костер городок взяли, и людей, которые из него побежали, побили многих, и посылали головы во многие городки, и посады пожгли, и людей многих побили. И когда пришли к Юрьеву, тут вылезли из города и встретили воевод немцы пешие и конные с 500 человек, и пришли на ертаулов, а в ертаулах были головы князь Никита Приемков, Дмитрий Пушкин сын Шафериков. Да послал боярин и воевода Иван Васильевич Шереметьев голову Василия Вешнякова, а с ним детей боярских, да послали воеводы князь Василий Семенович Серебряной да Иван младший Шереметьев из правой руки детей боярских, и из передового и из правой руки многие черкасы и дети боярские поспели, да немцев побили наголову, и побивали их по самый город; а к воеводам привели 54 человека. И стоял царь и воеводы под Юрьевым три дня, да пошли за Омовжу реку к Ракобору, и послали наперед себя князя Ивана Мовкошева да Богдана Сабурова с товарищами. И с Ракобора приходили немцы многие конные и от Муки городка, и тех побили наголову и иных многих взяли. Да у городка у Муки людей многих побили и посады пожгли. Да пошли царь и воеводы направо к морю, а войну послали по Рижской дороге, и по Колыванской дороге воевали за пятьдесят верст, а от Колывани за 30. Да посылали голов к городку Ковгуду, Романа Плещеева да Шафра Чеглакова, и у Конгуда посад пожгли, и людей побили многих, и полон взяли многих. Да под Лаюс город посылали голов стрелецких Тимофея Тетерина да Григория Кафтырева, а с ними их сотские и стрельцы, да голов с детьми боярскими Михаила Чеглокова, да Семейку Вишнякова, да Федора Ускога, и татар, и черкасов, и мордву. И под Лаусом много сбежавших людей собралось, и головы под город пришли, и посад пожгли, и побили многих людей, а убили больше 3000, и взяли множество полону и жеребцов и всяких пожитков. Да посылали под Васкилус городок да под Поркелл городок, и у тех городков посады пожгли, и людей побили многих, и полон взяли. И пришли царь, и царевич, и воеводы к морю, и оттуда поворотились к Ругодиву, и пришли на рубеж к Чудскому озеру на Козлов брод выше Ругодива города, потому что из Ивангорода князь Шастунов Дмитрий все те места повоевал и повыжег. И люди

царя и государя, дал Бог, все вышли с воеводами здоровы. А где ни приходили немецкие люди на пришедших в набег за добычей, и тут, дал Бог, везде немцев побивали. А государевых людей побили под Курсловом в воротах, Ивана Ивановича Кляпика-Шейна, да в набегах и в иных местах пять сынов боярских, да стрельцов десять человек, да трех человек татар, да боярских человек с 15; а иные люди, дал Бог, все здоровы. А Немецкую землю повоевали и выжгли, и людей побили во многих местах, и полону и богатства множество взяли. И когда вышли, царь, и царевичи, и бояре, и воеводы послали к магистру грамоту, а писали к нему, что «это за их неисправление и за крестное преступление и за разорение церквам христианским. И государь царь православный послал на вас войну, и та кровь пролилась от вашего неисправления. И буде есть хотение пред государем исправится и кровь унять, вы бы прислали бить челом государю, а царь, и царевичи, и бояре станут государю об них печаловаться».

Отписка от магистра с челобитьем к государю. Месяца марта в 1 день магистр прислал к царю Шигалею грамоту, чтобы царю и государю печаловался, чтобы пожаловал, покровительственную грамоту дал и велел послам к себе быть бить челом за свои вины и дань привести. И царь и великий князь их пожаловал покровительственную грамоту дал на послов, и с данью велел быть, и за все свои вины бить челом.

Приход к государю от турецкого султана купца его Мустафы-Челебея. В месяце марте пришел из Цареграда от султана турецкого купец его Мустафа-Челебей, а привез две грамоты от султана к царю и великому князю, а писаны золотом имя царя и великого князя и султаново. А в грамоте писано: «Сюлейман султан царь, Селюма султана сын, силы инаходец Христову веру держащему, в великих князях превеличайшему мессийских превеличайших превосходящий честью, так и всем родам христианским правителю несместимому и счастливому, много воинства имеющему, крепкого разума, государю многим землям, великому московскому королю, царю Иоанну в добром пребывании быть». Да после писано чернилами, вспоминая прежние пересылки о заморских гостевых развлечениях и о любви. А другая грамота по тому ж писана. Да писал султан к царю и великому князю, что отпустил Мустафу на себя потребное купить, и царь бы и великий князь тамги не велел взять и велел бы в своих государствах торг ему дать. И Мустафа-Челебей принес от себя к царю и великому князю многие дары, и их детям царским царевичу Иоанну и царевичу Феодору, бархаты и атласы дорогие с золотом и ковры шелковые с золотом.

Об отписке воевод с Ивангорода. В тот же месяц писали к царю и великому князю с Ивангорода князь Григорий Куракин да Иван Бутурлин, что немцы из Ругодива на ивангородский посад

стреляют из наряда, а они не смеют без государя царя ведома. И царь и великий князь послал жильца своего Ивана Михнева во Псков, а велел идти воевать в Немецкую землю с Изборска князю Григорию Темнику да Богдану Сабурову, да с Вышгорода князю Григорию Голове Звенигородскому да Ушатому-Чоглакову, да с Красного городка Фоме Третьякову, да Попадье Вышеславцеву. И князь Григорий по царя и великого князя наказу, сошедшись с товарищами, воевали в Ливонских немцах город Влех, город Резицу, город Лужу, город Часвани, села и волости многие, и половину взяли и побили многих; и были воеводы в земле четыре дня. А как пошли из земли, встретили их немцы конные нарядные и пешие с нарядом. И Божиим милосердием воеводы их всех побили наголову и наряд взяли, взяли четыре пушки и с порохом, с ядрами. И прислали воеводы к государю, князь Григорий с товарищами, Ждана Вешнякова да Ивана Михнева, да 26 немчинов и в доспехах, да 4 пушки и со всем нарядом. А воеводы пришли со всеми людьми, дал Бог, здоровыми и стали по своим местам. А на Ивангород государь послал дьяка своего Шестака Воронина, а велел изо всего наряду стрелять в Ругодив.

О присылке от магистра ливонского к государю с челобитьем. В тот же месяц прислал магистр, и архиепискуп, и бискуп, и вся земля к государю и царю и великому князю бить челом немчина Степана Лыгарева о покровительственной грамоте на послов, чтоб государь пожаловал, велел рать свою унять и дать покой, в которое время во всем перед государем исправится. И царь и великий князь к магистру и ко всей земле отписал, что покровительственную послал наперед сего, и им самим по той покровительственной быть и послов прислать за свои вины бить челом, дорога чиста и приехать и отъехать; и рать в то время унять велел государь.

О посылке в Литву Романа Олферьева. В месяце апреле приехал из Литвы от короля посланник царя и великого князя Роман Васильевич Олферьев. А послал его царь и великий князь с тем: царевич крымский воевал Литву, и король бы то себе рассудил, что многие годы кровь христианская льется от рук басурманских, а дань крымский царь всегда на короле берет; и что в том прибыли, что христианство от басурманства гинет; царь и великий князь уже многие годы со многими послами и посланниками его напоминает, чтобы с ним похотел заедино стать о свободе христианской. И король к царю и великому князю отписал, что всякого покою христианского хочет, и любо ему царя и великого князя присылка, а пришлет своих посланников вскоре, а с ними обо всем подлинно прикажет, как у них тому делу делаться. А Роман сказывал: велел ему с собою видеться в Пречистой маршалка королевский Остап Волович, и были в том костеле воевода виленский да тот же Остап; а говорили о многих делах государских, что король их весьма хочет

вечным миром мириться и на крымского заедино стоять, и выпрашивали обо всем Романа, как ныне царь и великий князь с крымским живет. И Роман сказывал, что крымский царь посла государя нашего отпустил и своего прислал и писал к царю и великому князю, что короля воевать начал, а царь бы и великий князь с королем не мирился ж; и царь и великий князь ради христианства со царем миру не похотел и посла своего не послал, а послал Вишневецкого со своими людьми, с казаками и стрельцами, крымскому недружбу делать и мстить кровь христианскую: царевич Волынь воевал короля, а на Волыни все живут христиане по государя нашего правде изначала, как стали заботиться о покое христианском. И воевода и Остап маршалка говорили, что королю то весьма любо, и пошлет король обо всем своих посланников к царю и великому князю.

Об отписке с Ивангорода от воевод. В тот же месяц писали с Ивангорода воеводы, что из Ругодива беспрестанно стреляют на Ивангород и людей убивают многих. И посылали в Ругодив с выговором, что вопреки покровительственной грамоте стреляют и раздор делают, а сами сроку упросили на две недели, а все две недели стреляют из наряду и людей убивают. И немцы отказали: «Князец де стреляет, нам де его не унять». И царь и великий князь писал к воеводам и дьяку Шестаку к Воронину, а велел стрелять из всего наряду по Ругодиву, а по иным по всем украинам воевать не велел. И стреляли неделю из всего наряду, из прямого бою из высокого каменными ядрами и огненными, и нужду им учинили великую и людей побили многих. И в великую субботу выехали к ним ругодивские посадники и били челом воеводам, чтоб им государь милость показал, вины им простил и взял их в свое имя; а за князца они не стоят, воровал к своей голове; а и от магистра они и от всей земли Ливонской отстали, чтоб им позволили к государю ехать, а воеводам на то время заклад дадут иных людей. И воеводы князь Григорий Андреевич Куракин, да Иван Андреевич Бутурлин, да дьяк Шестак Воронин прислали с тем Богдана Ржаникова, что ругодивцы государю бьют челом и даются во всю его государеву волку. И послали к государю бить челом ратманы (члены магистра), и посадники, и бурмистры, и палатники свою братию посадников Якима Кромыша да Захара Вандина с товарищами, и на Ивангороде посадили в заклад у воевод палатников своих лучших людей Ивана Белого да Ашпира Черного, что им ждять, пока государь их чем пожалует, а им пока с магистром посланиями не обмениваться и помощи себе не искать, а быть им в воле государевой.

О посылке воевод на Ивангород. И царь и великий князь по тем вестям послал на Ивангород воевод своих боярина Алексея Даниловича Басманова да воеводу Даниила Федоровича Адашева, а с ними велел быть детям боярским новгородским Водской

пятины. Да послал с ними ж голов стрелецких Тимофея Тетерина да Андрея Кашкарова, а стрельцов с обеими послал 500 человек. И если ругодивцы не солгут, царь и великий князь Алексею и Даниилу велел быть в Ругодиве; а солгут, им государь велел делом своим и земским промыслять, сколько милосердый Бог поможет. И мая в 1 день Яким и Захар к Москве приехали. И царь и великий князь велел окольниковому своему Алексею Федоровичу Адашеву да дьяку своему Алексею Федоровичу ругодивских посадников Якима и Захара принять у себя и выспросить их, что челобитье их и какого государева жалования хотят на себя видеть. И Яким и Захар били челом сперва о том, чтоб им от магистра не отстать, а государь их чем пожалует, и они тем государю челом бьют. И Алексей и Иван то им отмовили, что они через покровительственную грамоту стреляли на государев город и по людям, а сами по своей нужде били челом, что от магистра отстали, хотели быть во всей государевой воле; «и ныне воля государева: вам надлежит выдать князца с вышгорода и город вам с вышгородом сдать государя нашего воеводам, а вас государь пожалует, из домов ваших не разведет и старины вашей и торгу у вас не порушит, а владеть будет царь государь вышгородом и Ругодивом и всеми землями ругодивскими, как магистр и князец у вас владел, а иначе тому делу не бывать». И Яким и Захар добились челом на том на всем государю. И царь и великий князь велел им у себя быть. И били челом государю о том, чтоб их взял во свое имя, вышгород, и Ругодив, и всю землю Ругодивскую, а о князце, как государь пожалует, к себе ли его велит взять или пожалует его, велит выпустить. И царь и великий князь ругодивцев ратманов, и посадников, и бурмистров, и палатников, и всю землю Ливонскую пожаловал, взял в свое имя и на том дал свою жалованную грамоту, какое было к ним государево жалование. И Яким и Захар за свою землю Ругодивскую государю крест целовали, что им служить государю, и город сдать, и иного государя не искать мимо царя и великого князя и детей его. И царь и великий князь их пожаловал, отпустил на Ивангород с Федором Писемским, к воеводам писал, чтобы его жалование сказали земле Ругодивской, на чем государь их пожаловал, и от магистра их велел беречь.

Об отписке с Ивангорода от Даниила Адашева. И в тот же месяц писал с Ивангорода Даниил Адашев, что он посылал в Ругодив сказать государское жалованье, что их государь по их челобитью пожаловал и от магистра беречь велел. И пришли с Ругодива от посадников ратман Ромашко впятером с товарищами: «О том де мы не посылали Якима и Захара, что нам от магистра отстать». И Даниил их до прихода Якима и Захара с Ивангорода не отпустил; и приехав, Яким и Захар договор учинили. В тот же месяц писали с Ивангорода боярин Алексей Данилович Басманов

с товарищами с Ондрушкою Зиячесломским: стояли от воевод стражи за Ругодивом по Колыванской дороге; и вот идут с нарядом многие люди конные и пешие в Ругодив; отпустили за реку, с иных городов к ним пришли, Афанасия Михайлова сына Бутурлина, да Ука Заболоцкого, да Ивана Шарапова сына Замыцкого, да голов стрелецких Тимофея да Андрея, чтоб стражей стоптать не дать и отвести бы стражей к себе за реку. И воеводы, отвозя к себе через реку стражей, перевозили их на ивангородскую сторону, а начали перевозиться ниже Ругодива 5 верст. А немцы весь наряд в Ругодив отпустили, а сами конные и пешие пришли к перевозу на Афанасия с товарищами. А всего осталось на той стороне, которые не успели переправиться, человек с 100, а немцы пришли на них человек с 1000 и конных и пеших. И Бог милосердие свое показал, побили немцев многих и гнали 5 верст под самый Ругодив, а взяли у них 33 человека. И языки воеводам сказали, что ругодивцы царю и великому князю изменили, и к царю и великому князю Якима и Захара отпустили, а к магистру тотчас послали, чтоб их не выдавал. И магистр прислал князца колыванского, а с ним 1000 человек конных, да пеших с пищальми 700 человек, да с нарядом людей. И ругодивцы промеж собою и крест целовали, что им царю и великому князю не сдать.

О присылке с Ивангорода с сеунчем от воевод. В месяце том же прислали из Ругодива воеводы и боярин князь Алексей Данилович и Даниил Федорович с товарищами Андрея Ивановича Сабурова, да князя Ивана Петровича Охлебинина, да голову стрелецкого Алексея Кошкарова с сеунчем возвестить величие Божие, как милосердый Бог показал милость свою государю нашему над Ругодивом и вышгородом.

Взятие ругодивское. Мая в 11 день в среду загорелось в Ругодиве и начало гореть во многих местах. И воеводы к ним послали: на чем били челом государю, чтобы на том слове стояли и государю добились челом; и их в город пустили. И немцы отказали: на чем за них Яким и Захар крест целовали, того не похотели учинить. И воеводы к городу приступили со всеми людьми, в Рузские ворота велели приступать головам стрелецким Тимофею да Андрею со стрельцами, а в Колыванские воевода Иван Андреевич Бутурлин да с ним головы с детьми боярскими. И немцы бились с ними жестоко. И головы стрелецкие ворота у них те взяли и на город взошли, и в те ворота вошли Алексей и Даниил, а в Колыванские Иван Бутурлин, и немцев побили многих. И собрались те в вышгороде, и к вышгороду воеводы приступили до вечера со всех сторон, и из наряду с Ивангорода и из Ругодива из их же наряду стреляли по вышгороду. И прислали бить челом немцы, чтобы воеводы пожаловали их, князца выпустили и с прибыльными людьми. И воеводы князца из немцев выпустили, и вышгород и Ругодив Божиим мило-

сердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прошением и правдою взяли, и со всем нарядом, и с пушками, и с пищальями, и с жизнями немецкими. А черные люди все добились челом и правду государю дали, что им быть в холопах у царя и великого князя и у его детей вовеки. А загорелся, сказывают, город так: варил немчин пива да исколол Николы чудотворца образ, да тем образом огонь подгнетал; и сошел пламень и пожег все дома. А когда воеводы взяли ворота и в город вошли, и увидели на великом пламени образ пречистой лицом лежит на огонь, и образ взяли ничем невредимый. А в другом месте нашли Николин образ. И от того времени, как образы взяли, огонь начал стихать, и немцы в вышгород побежали побитые. И взят был Ругодив на обновление Цареграда и на память святого мученика Мокия в среду на пятой неделе после Пасхи. И царь и великий князь о сем Богу хвалу воздал, пришел в церковь Пречистую соборную и пречистой Богоматери и великим чудотворцам молебны сотворил о таком несказанном даре и чуде Христа Бога нашего.

Об освящении града Ругодива. А в Ругодив государь послать велел архиепископу новгородскому архимандрита юрьевского и протопопа софийского и велел город освящать во имя Божие святой живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, и церковь в вышгороде воздвигнуть Воскресение Христа Бога нашего, а в Ругодиве храм пречистой Одигитрии соборный и иные храмы ставить, и с крестами по городу и вокруг города ходить, и обновить от веры латинской и лютерово́й, и утвердить в вере непопоро́чной православной христианской.

О жаловании государевом к воеводам. К воеводам и ко всем детям боярским послал со своим жалованием, а черных людей пожаловал, велел им жить по своим местам и полон ругодивский отпустить велел, сыскав, который был еще не распродан по иным землям.

Об отписке от Вишневецкого с Иваном Мячковым. В тот же месяц прислал князь Дмитрий Иванович Вишневецкий с Днепра царю и великому князю жильца государева Ивана Мячкова. А писал с ним, что приходил к Перекопи, а людей ему навстречу крымские не бывал ни один человек, а стоял и ночевал и на следующий день до середины дня за 10 верст от Перекопи, и пошел к Днепру на Тованский перевоз ниже Ислам-Кирменя на без половины тридцать верст, и на перевозе стоял три дня, а крымцы к нему не бывали и не являлись никто. А сказывают, царь крымский со всеми людьми был в осаде. И пришел на Ортинский остров, дал Бог, со всеми людьми здоровыми. И тут дождался Дьяка Ржевского с судами, и встретил Дьяка выше порогов, и косы и с запасами оставил выше порогов на Монастырском острове. А детей боярских, которые утомились, отпустил к царю и государю с Онуфрием Лашиц-

ким, а у себя оставил немногих людей, детей боярских, да казаков и стрельцов. А сам пошел лето проводить в Ислам-Кирмень и приходить на крымские улусы на Перекоп и под Козлец хотел, сколько ему милосердый Бог поможет. А на Днепре улусов не застал, потому что король послал к царю в Крым весть, что царь и великий князь послал на его улусы, и царь крымский улусы все забил за Перекоп, а сам в осаде был. А Онуфрий Лашицкий пришел к царю и великому князю со всеми людьми, дал Бог, здоровые. И царь и великий князь послал к князю Дмитрию Ивановичу Никиту Алексева сына Карпова и к головам к Игнатию Заболоцкому, Ширяю Кобякову, Дьяку Ржевскому, Андрею Щепотьеву со своим жалованьем с золотыми. А князю Дмитрию, а с ним Игнатию Заболоцкому велел к себе ехать. А оставить велел на Днепре Ширяю Кобякова, да Дьяка Ржевского, да Андрея Щепотева, в месте где пригоже, а с ним детей боярских немного. А с казаками велел государь оставить Даниила Чулкова да Юрия Булгакова, промышлял государь себе, хотел своим делом промышлять, как ему милосердый Бог поможет.

О присылке от магистра ливонского к государю с челобитьем. В тот же месяц пришли от магистра ливонского и от бискупа юрьевского к царю и великому князю послы Федор Ферштемберг, брат магистра, да Клас, да Семен, да Мелхир; а бискуповы дети архимандрит юрьевский Велвь, да Ганус Иван, да Влас Бека. И Клаус и архимандрит по дороге померли. А Федор с товарищами у царя и государя были и били челом государю, чтоб государь их посольство выслушать велел. И царь и государь велел окольничему своему Алексею Федоровичу Адашеву да дьяку Ивану Михайлову посольство их выслушать. И били челом послы, что земля их повоевана, а дани им платить нечем, чтоб их государь пожаловал, дани на них иметь не велел, а в иных данях впредь исправятся. И царь и великий князь велел послам ответ учинить: царь и государь было их пожаловал и покровительственную на послов дал, их после покровительственной воевать не велел; и оные после покровительственной из Ругодива две недели стреляли по Ивангороду и людей побивали, и царь и великий князь по Ругодиву стрелять, промышлять над ними велел; и Бог милосердие свое послал, Ругодив воеводы взяли, и велел государь над иными городами промышлять, сколько им Бог поможет; и верить у них нечему, на чем правду дают, в том во всем лгут; и буде захочет магистр, и он бы сам да и бискупы сами за свои вины били челом [...] идти к Сыренску воеводам своим Даниилу Федоровичу Адашеву, да Павлу Петровичу, да Ивану Шарапову Замыцкому, да дьяку Шестаку Воронину и с нарядом. И пришли к Даниилу с товарищами голова из Новгорода с людьми Борис Колычев да Василий Розладин Квашнин. И пошли из Ругодива к Сыренску

того ж месяца мая в 25 день. Пришли от Сыренску за пять верст на Скамью июня во 2 день. И по государеву наказу к боярам во Псков послал, а в Новгород к князю Федору Троекурову, чтоб они с людьми и с нарядом к Сыренску за 5 верст пришли, а те бы по государеву наказу к Сыренску шли.

В тот же месяц июнь приехали к царю и государю от воевод из Сыренска с сеунчем от князя Федора Троекурова и от Даниила Адашева сына [...] царю и великому князю. И царь и великий князь Богу благодарение воздал и молебны велел петь со звоном. А к воеводам послал со своим жалованьем с золотыми стольника своего Григория Колычева, а храмы в Сыренске православные велел воздвигнуть во имя живоначальной Троицы, а придел Николы чудотворца, а другой Иларион Великий, на день которого Бог град получил. А воеводам велел идти ко Пскову и сниматься с боярами и с воеводами с князем Петром Ивановичем Шуйским и князем Андреем Михайловичем Курбским и промышлять над иными немецкими городами. А в Сыренске государь оставить велел Павла Заболоцкого да Ждана Вишнякова, а с ними детей боярских да стрельцов и с нарядом и всеми крепостями устроить государь велел.

В тот же месяц приехал к царю и великому князю Юнус, князь ногайский, бить челом, чтоб его государь пожаловал, промысл на нем проявил и учинил его на государстве на княжении Ногайском, на отца его юрте и на его по-старому.

В тот же месяц прислали из Ругодива боярин и наместник Алексей Данилович Басманов да Иван Андреевич Бутурлин Карпа Языкова да Григория Мякинина: из городка Адежа царю и государю доби́ли челом и городок сдали; и воеводы послали голов Дмитрия Пушкина, да Дружину Караулова, да Мамуша Ододурова, да Исто́му Блаженкова, а с ними детей боярских и стрельцов; и головы в город въехали и устроили в городе, наряд установили и запасы и наряды переписали, и в городе оставили Дружину Караулова, а с ним детей боярских и стрельцов; а черные люди многие приложились, и Ракоборских волостей, которые тут близко.

В тот же месяц преставилась Евдокия, дочь царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России. В тот же день похоронена была у Вознесения в монастыре у родителей царских. А не стало ее двух годов и трех с половиной месяцев.

В тот же месяц пришли к царю и великому князю от короля Сигизмунда-Августа литовского посланники Ян Юрьевич Волчков конюший виленский да писарь Лука Гарабурда. А говорили от короля царю и великому князю, чтоб им быть в единстве против неверных царей басурманских о свободе христианской. И царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России, выслушав их посольство, к королю отпустил, и о любви и единстве на татар

приказал, и покровительственную на великих послов на их посланников дал.

В тот же месяц послал государь в Немецкую землю к боярину князю Петру Ивановичу Шуйскому боярина князя Василия Семеновича Серебряного, а велел им быть на пять полков: в большем полку князь Петр Иванович Шуйский, да воевода князь Федор Иванович Троекуров, да в большем же с князем Петром Ивановичем воевода Андрей Иванович Шеин; а в передовом полку боярин князь Андрей Иванович Курбский да воевода Даниил Федорович Адашев; а на правой руке князь Василий Семенович Серебряный да Богдан сын Юрия Сабурова; а на левой руке князь Петр Щепин-Оболенский да Василий сын Василия Разладина-Квашнина; в сторожевом полку князь Григорий Иванович Темник да князь Григорий Голова Звенигородский. А велел идти к Новгородку немецкому, и Костру, и к Юрьеву и промышлять, сколько милосердый Бог поможет.

7079 (1571). Приходил к Москве крымский царь Девлет-Гирей мая в 24 день на Вознесения день, татары посад пожгли. И Божиим гневом грехов ради наших Москва сгорела вся: город, и в городе государев двор и все дворы, и посады все, и за Москвою. И людей погорело великое множество, которым не было числа. И всякое богатство и все погорело. И церкви каменные от жару оседали, и люди в каменных церквах и в каменных погребках горели и задыхались, едва кто где Божиим сохранением смерти избежал. Митрополит же Кирилл со священным собором в ту пору просидели в церкви пречистой Богородицы в соборной. А князь Иван Дмитриевич Бельский на своем дворе в каменном погребке задохнулся, умер. Иных же княгинь и боярынь и всяких людей кто может исчезеть, сколько погорело и, задохнувшись, померло. И Москва река мертвых не пронесла, специально оставлены были спроваживать на низ рекою мертвых; а хоронить их некому было; а у которых оставались приятели, те хоронили. А в государевых палатах в Грановитой, и Проходной, и в Набережной, и в иных палатах прутья железные толстые, что установлены были крепости ради на связки, перегорели и переломились с жару. А царь крымский в ту пору отошел в Коломенское да, смотря на гнев Господень, дивился, и пошел в Крым. А к Москве не попустил ему Господь приступить по писанному: «Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных». А сам царь и великий князь Иоанн Васильевич с опричниною в ту пору шел из Серпухова в Бронницы село в Коломенском уезде, из Бронниц села мимо Москвы в Слободу, а к Москве не пошел. А из Слободы пошел в Ярославль и дошел до Ростова. И тут пришла весть, что крымский царь пошел прочь, и царь и великий князь воротился к Москве.

О родах, который от царских служат государю и поныне.

Приехал к прежним государям царевич Редига и крестился. И от Редиги пошли Белеутовы да закоснели, а родом велики. В 6809-м приехал из Большой орды царевич Берка к государю великому князю Иоанну Даниловичу Калите к Москве, и крестил его Петр митрополит да великая княгиня Соломонида от басурманства в православную веру, и нарекли имя ему во святом крещении Аникей. От того пошли Аничковы. И благословил его Петр, митрополит всея Руси, панагиею золотою с дорогими камнями, а в ней семерых мощи, да ковш серебряный, а на нем подписано: «Я смиренный митрополит Петр киевский и всея России благословил сына своего Берку царевича, а во святом крещении Аникея, сим ковшем». И та панагия и ковш и до сего дня у Аничковых. И великая княгиня дала ему многое и крест золотой и возложили на шею его. И государь князь великий Иоанн Данилович Калита дал ему вотчин и поместий множество, и пожаловал его Белым озером под Миколою Воронцовым и сверх ему Микулы пожаловал гостиную пошлину. А женился Аникей у Никулы Воронцова на дочери, и сын был Юрий Аникеевич. А Микулина жена была государыне и великой княгине сестра родная. У Юрия сын Иван, а у Ивана сына 2, Михаил да Григорий Красная Коса; Михаил умер бездетным, а у Григория Красные Косы два сына, Иван да Василий. У Ивана Григорьевича 5 сынов: старший Григорий Машинский, второй Василий Борода, третий Андрей, четвертый Иван Блоха, от того пошли Блохины, пятый Глеб. У Василия Григорьевича три сына: старший Андрей Голодуша, второй Илья, третий Иван Хрипун. А у детей Ивана Григорьевича у старшего сына у Григория Мошинского было 7 сынов: Михаил да Полуект были убиты под Оршею бездетными, третий Василий Пустоха, четвертый был убит на Итякове бездетным, пятый Третьяк, шестой Иван Крутуский, седьмой Невер. У Василия Ивановича Бороды было два сына, Тимофей да Григорий. У Андрея Ивановича был один сын Истома. У Ивана Блохи было три сына: Федор Потопай, да Григорий Столп, да Василий. У Глеба Ивановича было 3 сына: Василий, умер в плену в Литве бездетным, второй сын Иван, третий сын Видяка. У детей Василия Григорьевича у старшего сына Андрея было четыре сына: старший Дмитрий, да Матфей, да Некрас, да Андрей Ширяй. У Ильи Васильевича было четыре сына: старший Урак, да Иван Толыга, да Дмитрий, да Семен. У Ивана Васильевича у Хрипуна был один сын Иван Сюдук. А от тех пошли [...]

7071 (1563). Царь и великий князь всея России Иоанн Васильевич ходил под литовский город под Полоцкий со многою силою и с нарядом и город Полоцкий взял, бив изо многих пушек. Насколько же слышали, а иные и видели, с государем было под Полоцком войска всяких людей конных и пеших, и которые

над нарядом и с торгом, всех 400 000, ибо литва вся подрожала от страху от многого войска. И во граде много богатства взяли государские люди, и воевод литовских повели к Москве, а иных во граде побили.

7080 (1572). Взял государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России Пайду и немцев жег.

7085 (1577). Ходил государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России со многою силою в Немецкую землю и взял по Двине многие городки, Куконос, и Кесь, и Владимирец. А иные города многие, Куконос, и Кесь, и все города...

**ВЫПИСКА ИЗ ИСТОРИИ С НАЧАЛА ЦАРСТВА ЦАРЯ
ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА, ПО РУССКОМУ
ИСЧИСЛЕНИЮ ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА 7090,
А ОТ ХРИСТА 1582-го ГОДА, ПИСАННАЯ В СРЕДИНЕ
ЦАРСТВА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА,
И К ТОМУ НЕЧТО ИЗ ДРУГИХ ПРИСОВОКУПЛЕНО**

Пред смертью царя Иоанна Васильевича изменили царю Иоанну Васильевичу казанские татары, воевод, архиепископа и прочих русских людей побили.

7091 (1583). Послал государь полки с разными воеводами татар, чуваш и черемису воевать и Казань возвратить, но татары частью на походах, частью на станах многих воевод разбили, и принуждены были отступить.

7092 (1584). Зимою видена была комета. В том же году марта 19 числа преставился царь Иоанн Васильевич. Пред смертию же, постригшись во иноческий чин, завещал старшему сыну своему Феодору быть царем всея Руси, а младшему Дмитрию с матерью царицею Мариною Федоровною во владение город Углич и другие города вместе с тем, что к ним относится; и приказал иметь смотрение и правление боярам князю Ивану Петровичу Шуйскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и Никите Романовичу Юрьеву, он же Романов. И в тот же день царю Федору Иоанновичу целовали крест. Борис же Годунов, видя Нагих, бывших при государе, в силе, взвел на них измену со своими советниками и той же ночью их и других, которые были в милости царя Иоанна Васильевича, переловив, разослал в разные города по тюрьмам, а имение их забрал и раздал в раздачу. Вскоре после преставления государя отпустили царевича Дмитрия на Углич с матерью его царицею Марьею Федоровною, и братьев ее Федора, Михаила и прочих, и мамку его Марью с сыном Даниилом Волохову, да Микиту Кочалова. Мая 1 короновался царь Федор Иоаннович, для чего созваны были лучшие люди со всех городов.

В том же году по возмущению некоему учинился бунт во всей черни и многих служивых людей, в котором предводительствовали рязанцы Липуновы и Кикины, сказывая, якобы боярин Богдан Бельский, ближний свойственник Годунова, извел царя Иоанна Васильевича и хочет умертвить царя Федора, от которых едва Кремль успели запереть. Они же привезли пушки к Фроловским воротам, хотели силою город взять, что видя, царь Феодор послал уговаривать их бояр князя Ивана Федоровича Мстиславского да Никиту Романовича Юрьева. Бунтовщики же, не слушая извинения, неотступно с великим криком Бельского просили. Но Годунов, видя, что оное более его самого касается, велел тайно Бельского из Москвы выпроводить. И объявили бунтовщикам, что Бельский послан в Нижний в ссылку, что бунтовщики уздав, а более послушав оных бояр, от города отошли и успокоились. После утишения же оных Годунов с товарищами Липуновых и Кикиных, переловив, тайно разослал в ссылки. Через малое время умер дядя государев и управитель всего государства боярин Никита Романович (Романов), брат родной матери государевой. После него же принял правление шурин государев Борис Федорович Годунов. И сей частью дарами, частью страхом многих людей привлек к своей воле и преодолел всех верных государю бояр, что никто никакой правды государю доносить не смел. Казанцы, слыша вступление на престол царя Федора, прислали с повинною просить. Потому государь послал в Казань воевод и велел в черемисах нагорных и луговых поставить города. И в том же году воеводы поставили Кокшайск, Цивильск, Уржум и другие города, и тем оное царство укрепили.

7093 (1585). Бояре, видя Годунова лукавые и злые поступки, что у определенных от царя Иоанна бояр власть всю отнял и сам все без совета делает, князь Иван Федорович Мстиславский, с ним Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы, к ним же пристали гости, многое шляхетство и купечество, стали государю явно доносить, что Годунова поступки во вред и к разорению государства. Годунов же, совокупясь с другими боярами, дьяков и стрельцов деньгами к себе обратив, Мстиславского взяв, тайно сослав в Кириллов монастырь и там его постриг, а потом и других многих порознь разослал по разным городам в темницы. В чем ему тогда многие, лстя, не только молчанием помогали, но и погибели оных, забыв вред отечеству и свои по должности обязанности, радовались. Другие же, видя такие насилия и неправды, хотя сердечно соболезовали, но видя, что оных лстящих Годунову множество и силу оного, а свое бессилие, не смели о том и говорить. И тем как те, так и другие все самих себя и все государство в крайнее разорение привели. Михаил Головин человек был острого ума и воин, и видя такое на верных слуг гонение, живучи в Медынской своей вотчине, уехал в Польшу и там скончался.

Годунов, видя противниками себе Шуйских, за которых гости и вся чернь стояла и они ему много противились, которых силою сломать видел невозможность, того ради употребил лукавство, просил митрополита со слезами, чтоб их примирил. Потому митрополит, призвав Шуйских, не зная Годунова коварства, со слезами Шуйских просил. И они, митрополита послушав, с ним помирились. О чем князь Иван Петрович Шуйский в тот же день, придя пред Грановитую, бывшим там гостям о примирении объявил. Что слыша, выступили 2 человека из купечества и сказали ему: «Изволь ведать, что ныне вас и нас Годунову легко погубить, и ты се-му миру лукавому не радуйся». Годунов, уведав сие, той же ночью оных купцов обоих, взяв, сослал или казнил внезапно.

7095 (1587). Годунов научил на Шуйских холопов их доводить в измене, потому многих людей безвинно перепытал. И хотя никто ни в чем не винулся, однако ж Шуйских и их свойственников и приятелей Колычевых, Татевых, Баскакова Андрея с братьями, а также Урусовых и многих гостей, пытая, разослал: князя Ивана Петровича Шуйского сначала в его вотчину село Лопатницы, а оттуда на Белоозеро, и велел его Туренину задавить; сына же его князя Андрея в Каргополь, и там также задавили; гостей же Федора Ногая с товарищами, 6 человек, казнил на Пожаре, отсек головы. За сие вступились митрополит Дионисий и архиепископ Крутицкий, стали царю Федору Иоанновичу явно говорить и обличать неправду Годунова. Но Годунов растолковал государю оное в бунт, и оных обоих сослали в монастыри в Новгород, а из Ростова архиепископа Иова, взяв, сделали митрополитом; и поставлен в Москве от архиепископов, не отписываясь в Цареград. Прежде же митрополиты поставлялись в Цареграде.

Пришел из Крыма служить государю царевич Малат-Гирей со многими татарами. И послал его в Астрахань, а с ним воевод князя Федора Михайловича Троекурова да Ивана Михайловича Пушкина. И оный царевич там многую службу показал и многих татар под власть государству привел.

В том же году заложен и отделан около Москвы Белый каменный город. В том же году пришли польские послы с объявлением, что короля Стефана (Абатуры) Батория не стало и просили, чтобы государь принял корону польскую. Государь послал своих послов Стефана Васильевича Годунова с товарищами.

После смерти князя Ивана Петровича Шуйского других Шуйских и прочих многих снова освободили.

7096 (1588). Пришел Иеремий, патриарх константинопольский.

7097 (1588). Был в Москве собор о делах церковных. И на оном положили быть в Москве отдельному своему патриарху и посвятили Иова митрополита первым в Москве патриархом. При том же утвердили впредь патриархов посвящать в Москве архие-

реям, только после выборы писать в Константинополь. Митрополитов, архиепископов и епископов посвящать патриарху в Москве, не отписываясь. И положили митрополитам в России быть 4-м: в Великом Новгороде, Казани; Ростове и на Крутицах; архиепископов 6: на Вологде, Суздале, Нижнем, Смоленске, Рязани и Твери; да 8 епископов: 1 в Пскове, 2 во Ржеве Владимира, 3 на Устюге, 4 на Белоозере, 5 на Коломне, 6 во Брянске и Чернигове 7, в Дмитрове 8. Однако ж многие остались не произведены, о чем написано в грамоте оного собора.

7098 (1590). Ходил государь сам под (Ругодив) Нарву, и оно го не взял, поскольку было зимою; учинив мир, возвратил Ивангород, Копорье и Ямы. И пришел в Москву той же зимой.

7099 (1591). В Польше выбрали на королевство (Жигимонта) Сигизмунда III, короля шведского. Оный прислал послов, и сделали перемирие на 20 лет.

В том же году в Астрахани татары отравили царевича Малат-Гирея и с женою и многих верных государю татар, из-за чего нарочно послан был Остафий Михайлович Пушкин разыскивать. И по розыску виновных многих мурз и татар казнили и живых сожгли. Остальным же царевичевым татарам некоторым даны деревни, а иным жалованье.

Мая 15 числа по наущению Бориса Годунова убит на Углич царевич Дмитрий Иванович от Кочалова, Битяговского и Волохова. В том же совете с Годуновым был и Битяговского, научив, отправил Андрей Клешнин. Годунов, получив сие известие, закрывая свой обман, с великою печалию донес государю и советовал о том разыскивать. Ради чего послал князя Василия Ивановича Шуйского да с ним сообщника своему обману окольного Андрея Клешнина. Когда же оные приехали на Углич, Шуйский, не убоясь страшного суда Божия и забыв свое государю в верности крестное целование, угождая Годунову, не только бывший обман закрыл, но сверх того многих верных царевичевых перепытали и казнили безвинно. Возвратясь же в Москву, донесли государю, якобы царевич, быв болен, сам себя зарезал небрежением матери его и ее родственников Нагих. Потому брата ее Михаила и других Нагих, в Москву взяв, жестоко пытали и, отобрав все имение, разослали в ссылки. Мать же царевича царицу Марию, постригши, нарекли Марфою и сослали в Пустозеро, а город Углич за то, что убили убийц царевича, велели разорить. А оставшимся убийцам, мамке и наследникам убитых, как верным слугам, даны деревни. Годунов, видя, что весь народ стал про убиение царевича на него говорить, и хотя за оные слова некоторые взяты, пытаны и казнены, однако ж он, опасаясь бунта, в июне велел Москву в разных местах зажечь, и едва не вся выгорела, от чего многие люди вконец разорились. Годунов же, желая к себе народ склонить, многим давал из казны на строение деньги.

В том же году пришел крымский хан с турками под Москву. А воеводы по всей Украине, видя, что в Поле противиться им было невозможно, укрепив города, пошли с войсками к Москве. Хан же, придя к Москве, стал в Коломенском и многие места около Москвы разорял, а русские войска стояли на Девичьем поле. Хан перешел на Котлы, а бояре к Данилову монастырю, и были бои многие, но русские противиться не могли. Августа же 19 числа татары, слыша в русском войске великий шум, спрашивали пленников о причине оногo. И оные сказали, якобы от Новгорода пришло в помощь войско великое, от чего учинилось в татарских таборах смятение, и хан ту же ночь со всем войском прочь пошел, и хотя бояре вскоре за ним пошли, но догнать нигде не могли. За то государь многим боярам пожаловал деревни, а главного воеводу Бориса Годунова велел писать слугою. На месте же том, где стоял обоз, построил государь монастырь Донской, и того числа установлен ежегодный ход с крестами.

7099 (1591). После отхода татар заложен около Москвы деревянный город и к нему присыпан вал земляной, который завершен в 1592-м году. В Сибири воеводы многие народы под власть русскую привели и дань платить принудили. В сем же 592-м построены города Тара, Березов, Сургут и другие.

В том же году приехали к государю служить царевич Казачей орды, царевич югорский, воеводичи волошские Стефан Александрович да Дмитрий Иванович и греческих царевичей сродич Мануил Мускополович, мултанские воеводичи Петр да Иван, из Селуня града Дмитрий селунский с детьми и другие многие греки.

В том же году на украинских городах многое роптание поднялось, якобы хана крымского призвал Годунов, опасаясь отмщения за убийство царевича Дмитрия. И за оное множество людей перепытано и переказнено и много в ссылки разослано, отчего целые города запустели.

Финляндцы Каяна города, собравшись многолюдством, воевали около Белого моря к Соловецкому монастырю. Государь же послал в Соловецкий монастырь князя Андрея да Григория Волконских. И оные, придя, князь Андрей остался в монастыре и оный укрепил, а князь Григорий пошел к Сумскому острогу, где многих финляндцев побив, острог очистил. Тогда же, придя, шведы Печерский монастырь во Псковщине разорили.

Князи Волконские той же зимой ходили под Каяны и много деревень пожгли и разорили, а людей порубили и в полон побрали. В том же году государь послал под Выборг князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищами и, много разорив Финляндии, не взяв Выборга, из-за скудости кормов возвратились в Великий пост. В том же году летом пришли татары на Рязанские, Каширские и Тульские места, и разорили.

В том же 1592-м родилась царевна Феодосия, и послан в Грецию с милостынею Михаил Огарков.

7101 (1593). Прислал король шведский послов в Нарву, и государь послал от себя, которые, съехавшись на реке Плюсе, помирились, и шведы город Корелу отдали обратно. В Корелу (Кексгольм) посвящен епископ первый Сильвестр.

В том же году преставилась царевна Феодосия Феодоровна, и после нее дана в Вознесенский монастырь вотчина в Масальском уезде село Черепень. На украине от набегов татар поставлены в степи города Белгород, Оскол, Волуйка и другие, а прежде оных поставлены были Воронеж, Ливны, Курск, Кромы; и оные, укрепив, населили казаками.

7102 (1594). Послал государь в Шевкальскую землю князя Андрея Ивановича Хворостинина с войском и велел поставить города Косу да в Тарках. И оные, придя, на Косе город поставив, оставили воеводу князя Владимира Тимофеевича Долгорукого. А в Тарках, придя, шавкалы с кумыками и другими черкесами воевод разбили, где русских побито с 3000 человек и мало что назад возвратилось. На Косу же приходили черкесы с великою силою и жестоко нападали, но, видя Долгорукого в довольном укреплении, отступив, оставили его в покое. Грузинский царь прислал своих послов, чтоб его принять в защищение русское и веру христианскую утвердить. Потому государь послал в Грузию многих духовных с иконами и книгами людей искусных. Они же, научив и утвердив их, возвратились с довольным богатством. И с того времени начал государь писаться обладателем оных царей. Горские, кабардинские и кумыцкие князи прислали просить, чтоб государь принял их в свое защищение. И государь велел терскому воеводе их оберегать, а для верности брать княжеских детей в аманаты. И вскоре после того приехал князь Сунчелей Янголычевич со многими людьми к Теркам, где поставил слободы и, жив, многую государю службу показал. И оные также в титуло внесены. До сего же времени писали титуло без оных владений, как в грамоте царя Феодора Иоанновича о доставлении 1-го патриарха написано: «Божию милостию мы, великий государь царь и великий князь Феодор Иоаннович всея великия России, владимирский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли, черниговский, рязанский, полоцкий, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и всея Сибирской земли, Северской земли обладатель и иных многих государь и самодержец. Лета 7097, государства нашего 6, а царств русского 43, Казанского 37, Астраханского 35, месяца мая».

7103 (1595). Выгорел Китай весь, а зажгли князь Василий Щепин да Василий Лебедев с товарищами во многих местах, желая государеву казну великую разграбить. Но когда их в том обличили, то их на Пожаре казнили, отсекали головы. Многих же товарищей их перевешали и в ссылки разослали.

От шаха Абаса персидского были послы со многими дарами, и сделан вечный мир, или дружба. И по оному также государь от себя послал к шаху послов, которые договоры о купечестве учинили. Царь Симеон Бекбулатович казанский жил на уделе во Твери в великом благоговении и тишине, но Годунов, слыша, что он по царевичу Дмитрию скорбел и часто с сожалением упоминал, опасаясь, чтоб ему впредь не помешал, сначала взяв у него удел Тверской, а вместо одного дал ему село Клушино с деревнями, а потом вскоре коварством его ослепил. От цесаря римского были послы Авраам бургграф с товарищами, у которых пристав был князь Григорий Петрович Ромодановский. И отпустив их с великою честью, послал от себя послов со многими дарами.

Государь послал в Смоленск Бориса Федоровича Годунова со многими людьми и повелел построить город каменный. Он же в походе оном ратным людям оказал великие милости, за что его все возлюбили, для чего сей поход умышленно от него был сделан. Город же заложив по своему усмотрению, возвратился в Москву с великою честью. Для строения одного каменщики, кирпичники и горшечники взяты были со многих городов. Были ж у государя послы от папы римского, королей датского, шведского и английского, голландские, бухарские, грузинские, югорские и другие в разные времена.

Из Турецкой земли возвратился посланник Даниил Исленев, а с ним приехал из Крыма от хана посланник, и утвердили мир.

В те же времена во Пскове и Ивангороде был мор, и потом наполнили оные из других городов. Татары пришли в Козельские, Мещевские, Воротынские, Перемышльские и другие места, разорjali. Государь же послал воеводу Михаила Андреевича Безнина с войском, который, собравшись в Калуге и шедши на речке Высе, татар всех побил и воеводу их со многими татарами в полон взял.

7104 (1596). В Нижнем Новгороде в самый полдень разошлась земля и провалился монастырь Вознесенский, именуемый Печерский, со всем строением, который был от города в трех верстах, старцы же, услышав шум, все выбежали. И вместо одного поставлен монастырь близ города. Однако сие не от землетрясения, но от подмытия водою гора оная обвалилась.

7106 (1598). Царь Федор Иоаннович, заболев тяжело и видя свою кончину, призвав царицу Ирину Феодоровну, завещал ей после него, оставив престол, воспринять монашеский чин. Патриарх же и бояре с плачем просили его, чтоб им объявил, кого он

после себя царем определить хочет. Но он сказал, что то есть не в его, но в Божией воле и их рассмотрении. И преставился января 7 числа, царствовав 14 лет 9 месяцев и 26 дней.

После погребения государя царица, не ходя во дворец, велела себя просто без провожания отвести в Новодевичий монастырь и там восприняла иноческий чин, откуда до смерти не исходила. Бояре же послали немедленно во все государство указы, чтоб на избрание государя приезжали. Из-за чего съехались множество, собирались к патриарху, и по совету всех сначала просили царицы, чтоб она престол восприняла, ведая, что была человек острого ума и великих добродетелей. Но она им весьма отказала и ходить к себе запретила. После чего по рассуждению, а особенно простой люд, которым Годунов многие милости выказывал, согласились избрать Бориса Федоровича Годунова, ожидая от него и впредь такого же милостивого и рассмотрительного правления, как он прежде их милостию и щедротами обманывал. И с тем послали его просить. Он же, как волк одевшись в шкуру овечью, так долго то искав, ныне стал отказываться и после несколькократного прошения уехал к царице в Новодевичий монастырь. Причина же тому была сия, что бояре хотели, чтоб он государству по предписанной ему грамоте крест целовал, чего он учинить или явно отказать не хотел, надеясь, что простой народ принудит выбрать его без договора бояр. Сие его отрицание и упрямство видя, Шуйские начали говорить, что непристойно более его просить, поскольку в большой просьбе и его таком отрицании может быть не без вреда, и представляли, чтоб выбирать иного, а особенно потому, что они, зная его скрытную злость, весьма его допустить не хотели. После чего все разошлись, и Годунов остался в опасности. Но патриарх по побуждению Годунова доброжелателей февраля 22-го поутру рано созвал всех бояр и власть имеющих и, взяв из церкви святые иконы, пошел сам в Новодевичий монастырь и, придя, просили царицу, чтоб она брата своего отпустила. Она же им отвечала: «Делайте, как хотите, а мне как старице ни до чего дела нет». (Некоторые сказывают, якобы царица, думая, что оный брат ее причиною смерти был государя царя Феодора Иоанновича, до смерти видеть его не хотела.) И потом стали просить Годунова, который без всякого отрицания принял. И того ж числа крест ему целовали, но он остался в монастыре, во дворец же перешел марта 3 числа.

В том же году прежде коронования ходил в Серпухов с полками, затеяв, будто крымский хан идет, а более для того делал, чтоб в войске людей к себе приласкать, потому во оном походе многие милости показывал. При Серпухове пришли из Крыма русские посланники Леонтий Ладыженский с товарищами и сказали, что мир утвердили. С ними ж пришли и от хана послы. Июня 29 числа принимал он крымских послов с великим убранством

в шатрах. Войско же поставлено было все возле дороги в лучшем убранстве, которое протянулось на 7 верст. И оных послов, одарив, отпустил. После отпуска послов, послав некоторое количество войск для оберегания на украину, прочее распустив, возвратился в Москву июля 6 числа.

В том же году в Сибири из Тары ходили воеводы на царя Кучума, оного войско разбили и взяли его 8 жен, 3-х сыновей, которых прислали в Москву. И за то оным воеводам и служивым даны были золотые, а Строгановым великие земли в Перми. Царевичам же определил нескудный корм и честное содержание.

7107 (1598). Сентября 1 короновался царь Борис Федорович от патриарха, Мстиславский корону нес и золотыми осыпал. В Сибири построен город Мангазея от князя Василия Масальского-Рубца 1599 году.

7108 (1599). Пришел в Москву по призыву королевич шведский Густав, сын Эрика 14 короля шведского, который имел намерение жениться на дочери царя Бориса. Но видя из-за того со шведами быть войне, царь Борис дал ему Углич в удел и отпустил его туда со всеми служителями. Он, не приняв закон греческий, скончался 16 числа в Угличе. Оный королевич после приезда был у государя за столом, и сидели за одним столом, только блюда были разные, а ели с золота. И царевича Казачьей орды Бур-Мамета, который приехал при царе Феодоре, пожаловал городом Касимовым с волостями, и приехавшие с ним и с другими царевичами татары там поселились. Слышал царь Борис, что около Астрахани Ногайская орда умножается и дети ханские разделились, опасаясь впредь от них вреда, писал в Астрахань к воеводам, чтоб они братьев тех поссорили. Которое так сделано, что они, друг на друга нападавая, множество меж собою побили и мало что их осталось, множество же детей русским продавали по рублю и меньше, и погибло их более 20 000 человек.

Царь Борис, будучи похитителем престола русского, всегда опасался, чтоб его с престола не ссадили и другого не выбрали, и начал тайно выведывать, что где про него говорят, наиболее же опасался Шуйских, и Романовых, и других знатных людей, умыслил людей их подкупать и научать, чтоб на бояр своих в измене доводили. И первый явился Воинко, служитель князя Федора Шерстунова. И хотя он, закрывая свою злость, тому боярину ничего не сделал, но служителю оному на площади велел объявить дворянство и дал деревни, написав по городу. Что служителей многих в волнение привело и, сговорясь, многие стали на господ своих доводить, поставляя в свидетели свою братью, таких же воров. И в том много невинных перепытано, а особенно холопов, которые, помня страх Божий, истину говорили и невинность господ своих утверждали, в чем наиболее служители Шуйских и Романовых .

себя показали. Доносчиков же, хотя б и не довели, жаловал по городам в дети боярские, отчего великая смута учинилась, многие дома были разорены после столь жестоких и коварных происков. Дома Александра Никитича Романова служитель Второй Бахтеяров, быв у него казначеем, умыслив обман, набрав всяких кореньев мешок, по научению князя Дмитрия Годунова, положил в казенную и пошел доводить, сказал про коренья, якобы господин его приготовил на умерщвление царское. Царь же Борис послал окольничего Михаила Салтыкова с товарищами. Они же придя в казенную, не искав, по показанию одного обманщика взяли оные коренья, привезли и пред всеми боярами объявили, а Федора Никитича с братиею привели при том же и отдали под крепкие караулы с великим руганием. А также послали в Астрахань за князем Иваном Васильевичем Сицким, который Романовым был ближней свойственник, велели его привести скованным. И как оных Романовых, так и племянника их князя Ивана Борисовича Черкасского многократно к пытке приводили, людей же их лучших всех пытали. И хотя многие на пытках померли, но никто на них ничего не сказал. И видя, что ничего доказать не могли, послали их в ссылку: Федора Никитича Романова в Сийский монастырь и, там постригши, нарекли Филаретом; Александра Никитича Романова в Поморье Кольское, село Луду, и там его Леонтий Лодыженский задушил; Михаила Никитича Романова в Пермь, от Чердыни 7 верст, и там его голодом морили, но поскольку мужики тайно кормили, того ради его удавили; Ивана да Василия Никитичей Романовых в Сибирь в город Пелым, и Василия удавили, а Ивана голодом морили, но мужик тайно его прокормил; зятя их князя Бориса Канбулатовича Черкасского, с ним же детей Федора Никитича Романова, сына и дочь, сестру Настасью Никитишну и жену Александра Никитича на Белоозеро в тюрьму; князя Ивана Борисовича Черкасского в тюрьму в Еренск; князя Ивана Сицкого в Конжеозерский монастырь, а княгиню его в пустыню, и там их, постригши, удавили; Федора Никитича Романова жену Ксению Ивановну, постригши, нарекли Марфою и, сослав в Заонежский погост, велели умереть с голоду, но крестьянин тайно ее пропитал. Сии крестьяне, и что Ивана Никитича в Сибири спасли, до сих пор никаких податей наследники их не платят. Свойственников их, Репниных, Сицких и Карповых, разослали по городам, а деревни их все раздали, пожитки же и дворы распродали. Через некоторое время вспомнил Годунов грех свой, велел Ивана Никитича Романова с женою, князя Ивана Борисовича Черкасского детей и сестру Федора Никитича привести в вотчину Романова, Юрьевского уезда село Клин, и жить тут за приставом, где они были до смерти царя Бориса. Сицких же выпустив, велел быть на Низу по городам в воеводах, а князь Борис Конбулатович Черкасский в тюрьме умер. Князя Ивана сына Васи-

лия Сицкого велел привести к Москве, но посланный по дороге его задавил. Доносчики же оные друг друга перерезали и все пропали.

Город Смоленск доделали при царе Борисе, а камень возили из Рузы и Старицы, известь жгли в Бельском уезде. Из Польши пришли великие послы, Лев Сапега с товарищами, и сделали перемирие на 20 лет. Построен город Царев Борисов, строил Богдан Яковлевич Бельский с войском. А поскольку оный к ратным людям великою милость показывал, и им войско хвалилось, того ради привело его у царя Бориса в подозрение, и без всякой причины, ограбив его, сослал в ссылку, и он в тюрьме умер. Другие сказывают, якобы Бельский отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Федора каялся, что сделал по научению Годунова, о чем поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, после чего тот немедленно велел Бельского, взяв, сослать. И долго о том, куда и за что сослали, никто не ведал. В Польшу посланы послы Михаил Глебович Салтыков да Василий Осипович Плещеев.

Августа 15 был великий мороз, позябли все жита на полях, и сделался великий голод на три года, а потом мор. Тогда ж на месте, где были хоромы царя Иоанна, для пропитания людей сделали каменные палаты, что ныне Набережный двор, и другие многие строения для пропитания народа заведены, чрез что множество народа прокормлено и от смерти избавлено. Тогда ж были послы персидские с великими дарами. А также были английские послы и просили, чтоб им в Персию торговать позволено было, и о том с ними договорились. В Крым послан был князь Федор Борятинский, но поскольку его дела непорядочными явились, послали князя Григория Волконского, который с мирными договорами возвратился, и дана ему старинная их вотчина на речке Волконке.

В Датскую землю послан был дьяк Афанасий Власьев просить королевского брата Иоганна, сына короля Фридриха II, за которого царь Борис обещал дать дочь свою Ксению Борисовну; по которому, договорясь, королевич поехал в Россию со многими людьми, а Власьев приехал наперед. Королевича одного принимал в Ивангороде Михаил Глебович Салтыков и привез его в Москву с великою честью и радостью обеих сторон, и весь народ русский королевича возлюбил. Но сие учинило в царе Борисе великую зависть и опасения, того ради возненавидел он зло королевича; презрев слезное дочери своей за него прошение, многие досады ему учинил, после чего он вскоре и умер, или скорее уморен был. Погребен в Немецкой слободе, а его люди все отпущены.

Повествует один историк русский так. В 7110 (1602) году царь Борис, видя великую всего народа к королевичу любовь, пресильную зависть, или скорее страх, возымел, чтобы люди после смерти его, вспомнив тиранские его дела, что государей своих фамилию и после них все знатные роды искоренил, мимо сына его сего коро-

левича не избрали, приказал племяннику своему Семену Годунову как бы его умертвить. Сие уведав или дознавшись, царица, жена его, как и дочь, со слезами просили его, ежели ему он неугоден, отпустил бы его домой; но он отпустить еще более опасался. После чего вскоре королевич тяжко заболел. Семен же оный призвал доктора государева, который лечить был приставлен, спросил, каков королевич. И он возвестил, что можно вылечить. Семен же Годунов, возрев как лев свирепый на него и ничего не сказав, вышел вон. Доктор же и лекарь, видя, что оная весть не угодна есть, лечить не хотели. И так королевич оный той ночью октября 22 числа в 19 год возраста своего умер, и погребен в Немецкой слободе. Люди же его отпущены в Датскую землю. На погребении его были все бояре и знатные люди, при котором многие слез удержать не могли. Но сие их злодейство всевышний Бог не желал оставить без наказания и особенно же очевидно возмездие оное или скорее меч на головы Годуновых в тот же день показал. После погребения королевича пришел Семен Годунов из Слободы, якобы с радостною вестью, и случайно заметив одного из Польши приехавшего с письмами, приняв, пошел к царю Борису и первый возвестил ему о погребении. Потом же, распечатав письма оные, увидел в одном, что явился человек, который называется царевичем Дмитрием. И тогда тотчас Борис в великую печаль пришел и немедленно несколько человек послал проведывать, что за человек оный. Один же, возвращаясь, сказал, что сей был Юрий Отрепьев, который был пострижен, и был дьяконом в Чудове монастыре, и назван Григорием.

Сей, именуемый Расстрига, родился в Галицком уезде. Дед его дворянин Замятня Отрепьев, у которого было 2 сына, Смирной да Богдан. У Богдана же родился сын сей, Расстрига именуемый, Юрий, которого для научения письма отдали в Москву в Чудов монастырь, где он с великим прилежанием учился и в том сверстников своих превосходил. Отец же его, приезжая, проживал в доме Басмановых, куда и он из монастыря часто приходил. Видел же его архимандрит великие в письме остроты, уговорил его постричься в самой юности, именовав его Григорием. Но он вскоре, оставив тот, пошел в Суздаль в Евфимьев монастырь и жил тут год; оттуда в монастырь на Куксу и жил 12 седмиц. Уведав же, что между тем дед его Замятня постригся в Чудове монастыре, пришел к нему, и поставили его дьяконом. Патриарх Иов, слыша, что он грамоте довольно научен, взял его к себе для писания книг, так как еще печати не употребляли. Он же, у патриарха живя, об убиении царевича всегда обстоятельно уведомлялся. И как-то услышал митрополит ростовский о сем, а кроме того, что оный говорил так: «Ежели бы я царь был, я б де лучше, нежели Годунов, правил», о сем донес царю Борису. Царь же приказал дьяку Смирному немедленно его, взяв, сослать в Соловки. Но Смирной, не выполнив оное,

сказал в разговоре дьяку Ефимьеву, который и Отрепьеву был друг и немедленно дал ему знать. Оный же, видя свою беду, бежал из Москвы в Галич, оттуда в Муром, где строителем был приятель деда его. И быв у него недолго, и взяв лошадь, ушел во Брянск, где сошелся с чернецом Михаилом Повадиным, с которым вместе пришли в Новгородок Северский и жили у архимандрита в кельи. Оттуда же отпросился с товарищем в Путимль, якобы к свойственникам на время, и архимандрит, дав им лошадей и проводника, отпустил. Оный же Гришка написал карточку так: «Я есть царевич Дмитрий, сын царя Иоанна Васильевича, и когда буду в Москве на престоле отца моего, тогда тебя пожалую». Ту карточку положил архимандриту в келье на подушку. И едуци, придя на дорогу Киевскую, поворотили к Киеву, а проводнику сказали, чтоб ехал домой; который, придя, то архимандриту сказал. Архимандрит же, видя на подушке постели своей карту оную, начал плакать, не зная, что делать, и утаил о сем от всех людей.

Старцы же оные, придя в Киев, явились к князю Василию Константиновичу Островскому, воеводе киевскому. Но недолго пробыв здесь, Отрепьев тайно, скинув с себя монашеское платье, пошел в Польшу, и придя на Вольнь к князю Адаму Вишневецкому, нанялся у него служить. Будучи же в Киеве, написал свиток, в котором все от рождения царевича Дмитрия обстоятельно описано было, и потом как его Годунов убить велел, и будто вместо него убили попова сына, а его спасли боярин Нагой да дьяк Щелкалов и, храня по разным местам долгое время, проводили его до Польши. И сей свиток хранил у себя, зашив в платье.

Через некое же время притворился тяжело больным и велел призвать попа для исповеди. При исповеди же сказал священнику якобы за тайность, что бы он знал, что он есть царский сын, и что обстоятельства жизни его описанные у него сохранены, которые б он после его смерти прочитал и об нем в Россию объявил. Священник, слыша сие, ужаснулся и немедленно князю Вишневецкому о том возвестил. Князь же сам, придя, письмо оное взяв, его подробно спрашивал, но он, якобы больной, ничего не отвечая, смотря только на Вишневецкого, заплакал. Князь Вишневецкий вскоре писал о том к королю, велел его лечить и потом вскоре сам с ним к королю поехал. Но король, опасаясь нарушить мир, явно во оное вступиться не хотел. Тогда же был коронным гетманом воевода сендомирский Мнишек, по совету всех взял его к себе для ведения его дел, якобы сам по себе, и сочинил с ним договор, что он будет ему всею силою на престол воспомогать, с ним в Россию войска, собрав, пошлет и дочь свою ему в жену отдаст. Расстрига же в ответ за то обещал закон папезский в Россию ввести и королевству Польскому города Смоленск, Почеп, Стародуб и пр. уступить (которые потом царь Михаил Федорович уступить принужден

был). Сие уведал в Москве царь Борис, кто он и как в Польшу ушел, и отца его, взяв безвинно, и дьяка Смирного замучил.

Прислал грузинский царь просить помощи против горских черкес. И по тому царь Борис послал воевод, окольников Ивана Михайловича Бутурлина и с ним князя Владимира Ивановича Бахтеярова и князя Владимира Долгорукого, который был на Косе, и велел им построить 3 города: 1) в Тарках, 2) в Табкалах, 3) в Андреевой деревне. И оные, придя в Тарки, начали город строить. Но черкесы, собравшись с крымскими татарами и с турками, всех людей русских до 7 000 человек побили и очень мало в полон взяли. Долгорукий же, услышав, город Косу сжег и отошел на Терек.

7112 (1604). Преставилась царица Ирина Федоровна, супруга царя Федора Иоанновича, во иночицах именовалась Александра. Тогда же разбойник, именем Хлопко, собрав многое число людей, великие беды поделал. Против оного послан был окольников Иван Федорович Басманов с полками, который на бою с ними близ Москвы убит. Однако ж разбойников разбили, несколько тысяч побито, другие разбежались, а Хлопко с несколькими взят и казнен. Казаки донские, уведав про Расстригу, послали к нему в Польшу атамана Карелу с несколькими людьми и с дарами. Тогда же после получения обстоятельного из Польши известия послан в Польшу посланником дядя Расстригин родной Смирной Отрепьев, чтоб его узнать и обличить. Он же полякам хотя подробные обстоятельства явные представлял и ложь оною обличал, но они ничего за истину не приняли и, после многих просьб ему того Расстригу не показав, назад отправили. Он же, возвратясь, царю Борису сказал, что ему племянника не показали и никакой отповеди не дали. Сие учинилось от того, что многие бояре, утесненные от Годунова, тому возрадовались и тайно к королю приказывали, чтоб ему воспомогал; из-за чего нарочно послан был с посланником Прокопия Липунова племянник и поляков крепко обнадежил.

Царь Борис, видя в народе молву и слыша, что поляки войско собирают, послал полки на границу. Расстрига пришел с войском к Чернигову, и бой был с князь Иваном Татевым. Но когда русские вступили в бой, некоторые воеводу своего, взяв, Расстриге отдали, и многие из войска к нему пристали, и город Чернигов ему сдали. То же учинил в Путимле князь Василий Масальский с дьяками: воеводу своего окольников Михаила Салтыкова, взяв, ему же отдали. И сей Масальский был у него в великой милости; а Салтыков от Расстриги ушел, но потом более Расстриге, нежели Годунову, служил. Сему последовали Рыльск, Белгород, Оскол, Волуйка, Курск и Комаричи. В Новгородке были воеводы боярин князь Никита Петрович Трубецкий да Федор Басманов, и оные Расстригу не пустили. Посланы против Расстриги с полками князь Дмитрий Иванович Шуйский с товарищами, потом послан князь Федор

Иванович Мстиславский с товарищами во Брянск, а из Брянска к Новгородку. И тут Мстиславского ранили, а войско русское Расстрига сбил. О сем побоище и о причине несчастья русского показывает Туанус обстоятельства странные. Послан в помощь с Москвы князь Василий Иоаннович Шуйский с москвичами, и, сошедшись под Кромами, Расстригу побили; от чего он ушел в Путимль. Мстиславский пошел со всеми полками под Рыльск, где был Расстригин воевода князь Григорий Долгорукий да Яков Змеев, и бояр к городу не пустили; после чего бояре отступили в Комарицкую волость в Радонежский острог. Борис Годунов, осердясь на бояр, что Расстригу не взяли, послал к ним окольного Петра Никитича Шереметьева с гневом. И от того в войске учинилось великое оскорбление, и многие захотели Расстригу за истинного признать и стали к нему переезжать, а другие тайно писать, через что Расстрига более стал укрепляться и войско свое умножать.

7113 (1605). В Великий пост пошел боярин Федор Иванович Шереметьев с товарищами с войском под Кромы и оный осадили. В Кромах же сидел Григорий Акинфеев да атаман донской Карела. Бояре после многих боев город Кромы сожгли и взошли на насыпь, а казаки ушли в средний острог. Но Михаил Салтыков войско свое со стен свел без ведома воевод и тем войскам царя Бориса немалую беду учинил.

7113 (1604). Осенью пришли полки из Новгорода, князь Никита Романович Трубечкой да Петр Федорович Басманов. И государь их принял с великою честью, а особенно Басманова, не ведая, что оный ему наитягчайший враг и губителем рода его является. Некоторые повествуют о сем Петре Басманове так. Царь Борис, ведая, что оный Отрепьев жил в доме Басмановых, послал его якобы для договора с поляками к ним в войско и чтоб он, видя того Расстригу, возвратясь, в народ объявил, уповая, что Басманову народ более, нежели другим, поверит. Он же с охотою оное исполнил, и приехав под Кромы в Расстригино войско, начал якобы о положенном на него деле с поляками съезжаться. Расстрига же, видя, что Басманов его узнал, призвал его к себе наедине и сказал ему: «Ты знаешь, что я хотя не царевич, однако ж я имею возможность тебя сейчас погубить, только не хочу. И тебя тем уверяю, что мне ни престол Российский, ни же власть светская не нужны, но только хочу отмстить кровь государей моих и знатных людей от такого мучения и разорения избавить. А потом, ежели я вам неугоден, избирайте на царство, кого хотите. Ежели же вы мне в том противиться будете, то я принужден силою оного домогаться и невинных вместе с виновными губить». Басманов же, слыша сие, ужаснулся и, долго молчал, напоследок обещал ему не только сам служить, но и других обратить. И приехав к Москве, явился тайно некоторым противным Годунову боярам и, с ними посоветовав-

шись, положил намерение в Москве народ возмутить и уехать к Расстриге. На следующий день, в понедельник на седмице Фомы, явился Годунову и тайно донес ему все подробно, как он Расстригу узнал и что ему оный говорил, не употребляя Годунову досадных слов. Особенно же сказал Годунову примету, бородавку на правой щеке, которую многие знали, и обещал оное обстоятельно во весь народ объявить. Царь Борис, уверясь ему, велел оповестить, чтоб народ весь собрался на Ивановскую и Красную площади.

Поутру собралось народу множество. Петр же Басманов, выехав верхом на Красную площадь, где множество простого народа было, объявил, что его посылали смотреть и он видел, что тот подлинно царевич Дмитрий, а не Отрепьев. И выговорив оное, уехал из города и побежал с одним служителем к Расстриге в Путимль. Царь же Борис, слышав сие, послал его ловить, но нигде сыскать не могли. И народ пришел в великое смятение. Сие видя, царь Борис впал от печали в болезнь и умер 1605 апреля 13 числа; и думают многие, что он сам себя отравою умертвил. Другие же сказывают, что Басманов, сие тайно объявив в народ, был в Москве, и после смерти царя Бориса послан был с прочими к Кромам войско к присяге приводить, и там изменил, все войско возмутил, к Расстриге отъехал, и был у него более всех в милости.

14 апреля нарекли на царство сына его Федора Борисовича, и в Москве все целовали ему крест. В Кромы же к кресту приводить послали митрополита новгородского да боярина князя Михаила Петровича Кафтырева-Ростовского с товарищами, а боярам Мстиславскому и Шуйским велели быть в Москву. Оные же, приехав, указ объявили и хотели к присяге приводить, но в войске учинилось смятенье, что многие присягать не хотели. В той думе были озлобленные от царя Бориса князь Василий да князь Иван Голицыны, Михаил Салтыков да города Рязань, Тула, Кашира, Алексин. И взяв боярина Ивана Годунова, связав, отвезли в Путимль к Расстриге, а князь Кафтырев и Телятевский ушли к Москве с известием. После чего Расстрига пошел прямо под Москву, и все города по пути ему сдавались. Наперед себя послал с войском Наума Плещеева да Гаврила Пушкина. И оные, придя, стали в Красном селе, и красносельцы к ним пристали. И с ними придя прямо в Москву на лобное место, читали всему народу Расстригины указы, потому к ним многие служилые люди и чернь пристали и поздравляли Расстригу царем Дмитрием Иоанновичем на царстве. Потом велели всем боярам собраться, других и силою привлекли, и грамоты Расстригины объявили. Патриарх же Иов сильно тому противился, но ничего учинить не мог. Народ же принудил бояр взять Годунова жену и сына под караул, потому в тот же день взяли царицу с сыном и дочерью под караул на их старый двор, а к Расстриге послали с известием.

Потом, на следующий день, в Москве все учинили ему присягу, а к нему послали бояр с повинною, князя Ивана Михайловича Воротынского да князя Андрея Андреевича Телятевского с товарищами; но он не с великою милостию их принял и Телятевского в тюрьму велел посадить. Потом послал он в Москву князя Василия Голицына да князя Василия Мосальского убить царицу и царевича, а с войском послал Петра Басманова. Оные, придя, патриарха Иова ссадили и послали в Старицу, где он умер. Всех Годуновых, Вельяминовых и Сабуровых разослали по городам в тюрьмы, а Семена Годунова в Ростове задавили.

Июня 10 числа по учреждении некотором и ссылке патриарха князь Василий Голицын и князь Василий Масальский, взяв с собою Михаила Молчанова да Андрея Шелефединова, придя в дом царя Федора Борисовича, разведя царицу с детьми по особым избам, в первую очередь ее задавили, и потом стали сына давить; но поскольку все четверо долго не могли его осилить, один из них, ухватив его за яйца, раздавил. И тут, его умертвив, Голицын объявил в народ, якобы они со страстей померли. Царевна же едва ожила. Потом, положив их в гробы и царя Бориса, который погребен был в церкви Архангела в алтаре на правой стороне, вытащив сквозь стену, положив в простой гроб, погребли всех в Варсонофьевском монастыре. Царевну же Аксинью Борисовну, постригши, сослали во Владимирский Девичий монастырь.

Расстрига, об убиении и ссылке Годуновой фамилии и патриарха получив известие, пошел из Тулы через Серпухов к Москве. И на Москве реке встретили его все бояре и власти. Отсюда послал он знатных людей, велел именуемую матерью своею царицу иночицу Марфу Федоровну с надлежащею честью привести к Москве. Оттуда придя, стал в селе Коломенском и, стояв день, убравшись, пошел в Москву с обрядом июля 10 дня. И за городом встречали его всем народом, на лобном же месте встретили его все знатные люди и власти с крестами в церковном одеянии, где он, сойдя с коня, слушал молебен, и польское войско стояло в строю на Красной площади. По отпетии молебна пошел он в царский дом, и тогда его многие узнали, и о согрешении своем плакали.

После приезда своего немедленно велел избирать на патриаршество. Иезуиты же, зная грека Игнатия, бывшего ранее в папешской ереси, а потом в Рязани архиепископом, которого хотя прочие все архиереи не хотели, однако ж опасаясь из той большей беды, по повелению его поставили на патриаршество. Когда же узнал Расстрига о приближении царицы к Москве, поехал сам со многими знатными людьми. Но услышав, что она его сыном именовать не хочет, послал наперед Басманова ее уговорить, представляя ей тяжкий страх. Она же на то нехотя склонилась и обещала учинить по его воле. О чем получив известие, Расстрига

встретил ее в селе Тайнинском и, увидясь, как она, так и он друг друга со слезами целовали якобы от радости. И потом привез ее в Москву с великою честью прямо в Вознесенский монастырь, там где ее с подобающей матери честью содержал.

Вскоре после прибытия царицы Марфы, июля 29 дня, короновался в соборной церкви от одного патриарха Игнатия. Потом велел боярам писать в Польшу к Речи Посполитой объявление, что он истинный наследник престола Российского и настоящий сын царя Иоанна Васильевича, что бояре не без великой, однако тайной, горести подписали. А к королю писал он от себя, с чем послал Афанасия Власьева и велел ему у воеводы сендомирского Мнишека сватать дочь за себя, хотя оное уже в Польше утверждено было. Оный же Власьев, как полномочный, тот договор брачный учинил, и Мнишек с дочерью, собравшись, немедленно в Россию поехал. Власьев приехал наперед, и Расстрига послал навстречу в Смоленск князя Василия Масальского с товарищами. Они же, приняв их, прислали в Москву с известием.

7114 (1606). Когда Мнишек с дочерью ехал к Москве, были ему от знатных людей три встречи, а под Москвою встречали за городом бояре с войсками в великом убранстве и с честью, надлежащею царской невесте. В Москве же поселили Мнишека в Кремле на дворе царя Бориса, а дочь его в Вознесенском монастыре близ царицы в специально построенных покоях, прочих же поляков по всем дворам знатных людей. Прежде прибытия невесты его Шуйские и другие многие, видя его намерение к обращению всех в римскую веру, начали умышлять, как бы его низвергнуть. Но Расстрига, уведав, велел всех Шуйских побрать за караул и после довольного обличения велел было старшему их брату князю Василию Иоанновичу голову отсечь. Но после многих просьб царицы Марфы от казни их освободил и разослал в галицкие пригороды по тюрьмам.

Многие же люди, зная уже подлинно, что он не царевич, начали явно о нем говорить, а особенно об утеснении веры, а другие враги отечества на них доносили, за что множество людей перепытано, казнено и в тюрьмах померло. Дворянин Петр Тургенев, зная его от младенчества, самого Расстригу явно в глаза обличал, и оному на Пожаре голову отсекли. Боярин князь Иван Борисович Черкасский довольно его знал, поскольку вместе в Чудове монастыре с ним грамоте учился, и одного Расстрига часто словами наедине искушал, знает ли он его. Однако сей князь, опасаясь смерти, укрепился и всегда сказывал, что он его не знает и нигде не видал, хотя по бородавке на лице всякому, кто его в молодости знал, узнать было можно.

Царь Симеон, быв ослеплен и слышав про такие беды, начал многим людям говорить и в вере утверждать, о чем Расстрига

уведав, велел его сослать в Соловецкий монастырь, и там скончал праведную жизнь свою.

Сигизмунд, король польский, прислал послов с поздравлением и просить, чтоб Расстрига по обещанию своему отдал землю и города по Можайск (а именно те, которые после царь Михаил принужден был на время уступить, и сверх того Вязьму), при том же, чтоб он вместе с поляками шел воевать на Крым. Он же об отдаче городов явно им весьма отказал, а тайно обнадеживал, что, укрепясь, конечно обещание исполнит; и о войне же обещал со всею силою на весну идти. После чего немедленно послал на Елец весь наряд и запасов велел готовить множество, а также и войскам всем велел готовиться. Стрельцы стали думать, как бы поляков побить и Расстригу свергнуть, но один из них сказал Басманову. Он же велел знатных из них призвать во дворец и стал их расспрашивать, и при нем они без намеков прямо истину сказали, и голова стрелецкий Григорий Микулин всех их тут порубил, за что Расстрига пожаловал его в думные дворяне.

Мая 8 числа 1606 года женился Расстрига, венчался в соборе Успения Богородицы. И было сие торжество с великим убранством и богатством, столы были три дня для множество людей, перед ним и перед тестем носили на золоте, а причт все ели на серебре, со мною музыкаю и непрестанною стрельбой. К сей свадьбе многих сосланных в ссылки освободил, среди которых были и Шуйские, и оных принял в прежнее достоинство. Годуновых же только велел отпустить по деревням, а другие и померли в заточениях.

Сия свадьба, в которой многое не по обычаям русским было, особенно же устроение во дворце папешской церкви под образом, якобы для служащих при жене его, не меньше же явному и тайному боярам от поляков утеснению подало причину и многому в народе недовольству. И хотя и прежде думали многие, чтобы во время пиршества брачного наиудобнее поляков побить и его с престола низвергнуть, однако ж Расстрига, уведав, довольными стражами укрепил и то намерение пресек. Оно же восстание расследовать и Расстриге тогда частью из-за дней брачных, частью из-за множества знатных людей, которых коснулось, бояр в розыск ввести было уже небезопасно. Того ради умыслил он коварством бояр побить таким образом, чтоб вывести все польское войско якобы для смотру в луга против Коломенского и самому выехать со всеми боярами и знатными людьми. И тут, учинив ссору, противных себе якобы нечаянным случаем побить, а кого именно, тех, советуя только с одним Басмановым, написал роспись своею рукою и потом оное наедине объявил окольникову Михаилу Игнатьевичу Татищеву, который был Петру Басманову названный брат и у Расстриги в довольной милости. Притом же сказал ему, что он уже полякам и боярам оповестил, чтоб на следующее утро, то есть 14-го числа

мая, все выехали. Оный же Татищев, видя такую беду, ночью тайно поехав, сказал Шуйским, а сам снова приехал во дворец и ночевал. Бояре, услышав про такую над собою беду и видя сами предуготовление стоящих в домах их поляков, что готовили оружие, как на войну, всю ночь не спав, ездили советовали. Но поскольку чернь и стрельцы хотели слышать от царицы, что он подлинно не ее сын, того ради велели собраться в Вознесенский монастырь множеству народу к заутрене, а царицу просили, чтоб она истину объявила, к чему она по многой просьбе едва склонилась. И того ж 14 числа во время заутрени со многими слезами она изволила всенародно объявить, что сей царь не сын ее и она его, не зная, за страх сыном именует. Потому все приняли повеление от Шуйского, чтоб поляков простых в домах побили, знатных взяли, но чтоб ждали набата. Поутру же бояре многие, причастясь святых тайн, собравшись многолюдством, пошли вверх и велели ударить в набат. Расстрига же, услышав необыкновенной людей шум и набат, вскочив с постели, спросил о причине. И Татищев сказал ему: «Знатно, пожар близко». Басманов же, видя бояр, с оружием идущих, хотел двери запереть, но Татищев его ножом заколол. А в то время Расстрига в окно на Набережный двор бросился и ноги отшиб, где его стрельцы живого еще подняли. Но когда несли вверх, незнамо кто его убил, и отсеки ему голову, вынесли на Красную площадь, где лежал три дня, а потом сожгли на Котлах.

Простой же народ возмущился весь и, нападши на дома, поляков многих побили, другие же, запершись, боем отсиживались, и которые достали, те двory совсем разграбили. Что бояре видя и опасаясь, чтоб большего вреда не произошло, немедленно сами по улицам поехав, едва народ от убийства поляков и грабления домов могли удержать. И взяв остальных поляков, отдали под караулы, в том числе Расстригина жена Марина, отец ее Мнишек, послы польские и другие многие знатные поляки.

После убиения Расстриги, бывшего при нем патриарха Игнатия, обличив в ереси папешский, на другой день, сведши с патриаршества, посадили в Чудове под начал (привязанным). Потом стали советоваться о выборе государя. И на первом совете положили бояре со всеми согласно, что выбирать государя всем государством, созвав из городов шляхетство, властей, служивых и купецких от городов знатных людей, и чтоб о том немедля послать во все города грамоты. Но прихоть непорядочная князя тому всему помешала, поскольку они о том тотчас стали спорить, представляя в том продолжение, а от поляков и междоусобного несогласия великую опасность. И так разошлись, ничего не решив. В четвертый день после убиения Расстриги, т. е. 19 числа мая, собрались бояре снова для совета в Грановитую палату, и тут, о выборе рассуждая, многие по вышеписанному представля-

ли созывать с городов. А Шуйский с товарищами по-прежнему спорили, чтоб немедля имеющимися в Москве выбирать, при котором некоторые тотчас вызвались именовать, кого выбирать. Одни стали говорить, чтоб выбрать князя Василия Иоанновича Шуйского, представляя его ближайшим по родству к великим князям. Другие, и большее число, представляли князя Василия Васильевича Голицына, принимая во внимание его способность и заслуги. А иные говорили о Мстиславском, но сей сам отказался. Сие видя, один из Шуйского доброжелателей, окольный Татищев, советовал, чтоб бояре, отслужив в соборе молебен, объявили свое мнение всему народу, что многие хотят Голицына или Шуйского, чтоб они дали свое мнение, и на которого народом склонятся или будет больше голосов, тому и быть. С чем Шуйского сторона тотчас согласилась, а Голицына, уповая на его заслуги и любовь в народе, не воспротивилась. Оный же окольный вышел наперед и сказал в народе скрытно, что бояре выбрали Шуйского и чтоб народом, как пойдут бояре в собор, поздравляли его на царстве; которое тотчас в стоящем народе разгласилось.

Бояре, не ведая сего, пошли все вместе, и Шуйский пошел наперед с Голицыным. Народ же, как только их увидели, все закричали: «Здравствуй царь Василий Иоаннович Шуйский». Что многие, не ведая, за Божеское предвозвещение приняли. Голицын же, дознавшись о коварстве, в собор не пошел.

ЦАРСТВО ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО

Того ж мая 19 числа после поздравления народа бояре пошли в собор и по окончании службы Божией целовали ему все крест, а по городам для привола послали указы. Он же, царь Василий, некоторые сказывают, по принуждению Голицына и других бояр, а другие, якобы по своей воле, он целовал крест всему государству на том, что ему без совета бояр ничего не делать, никому прежней злобы и обиды не мстить, ежели отец виновен, сына не наказывать и сыновнюю вину отцу не причитать и пр., чего в России никогда не бывало.

Потом представляли, чтоб сначала выбрать патриарха и писать к другим государям, а также, доколе с городов съедутся, коронование отложить. Но он, опасаясь какого-либо препятствия, того ж мая 25 числа короновался от казанского митрополита. И потом советом всего собора, властей и бояр оный казанский митрополит Гермоген возведен и посвящен на патриаршество.

Сей царь Василий Иоаннович в то время когда был рабом всегда был государям своим и своим ближним неверен. Он все присяги и с тягчайшими клятвами обещания употреблял, как бурку от

дожда, ибо как скоро оное учинял, так скоро запамätывал и уничтожал. Он хотя в мужестве и любочестии себя нигде не показал, но на пагубу тайную людям и к приобретению власти всякие возможные способы употреблял и по сути: 1) забыв милость и завещание царя Иоанна Васильевича к отцу его и к нему и свою должность в верности государю, после двухкратного царю Феодору Иоанновичу обещания, презрев страх Божий, когда он послан был про убие-ние царевича Дмитрия разыскивать, невинных царицу с ее свойственниками и верных царевичу неверностью, как и оного убитого от воров царевича самоубийством пред государем оклеветал, и по тому следствию многих невинно перепытал и смерти предал, а виновных, угождая Годунову, оправдал; 2) избрав Годунова на царство, как только о явившемся в Польше Расстриге уведal, тайно, войдя в согласие с другими, оного звал из поляков, обнадеживая; 3) после смерти царя Бориса, сыну его присягая, тайно с Расстригою имел согласие, и оного с престола низвергнуть первый в Москве явно соизволил; 4) после прихода Расстриги, хотя ведал, что оный, именуемойся царевичем Дмитрием, сущий вор, добровольно присягая, тотчас на низвержение его стал возмущать, за что по обличению приговорен был к смерти и лежал на плахе. Но по просьбе царицы Марфы прощен и, тяжкою клятвою по возвращении из ссылки верность Расстриге утвердив, в тот же день начал об убииении оного советовать, что вскоре и действительно учинил; 5) избрание на престол хотя коварством в пользу свою произвел и чрезвычайную клятву и обещание, целуя животворящий крест Господень, учинил, но, едва минуло время торжества, все оное забыл, и прежним неприятелям обиды начал мстить, и без согласия бояр против своего клятвенного обещания начал неповинно по злобе людей тайно губить. Однако, видя, что сие его собственное клятвопреступление как государя может к его и государственному вреду причиною другим к таковым же поступкам быть, умыслил оное лицемерием прикрыть: написал к прежде сосланному в Старицу патриарху Иову грамоту, изобразив во оной свои и всего народа явные клятвопреступления, поставляя оное за тяжкое и богопротивное преступление, просил прощения, которую с ним многие бояре подписали. Оный же Иов сначала отрекся тем, что он уже не патриарх и патриаршества принять не хочет, так как выбрали и посвятили нового патриарха, тогда они, войдя в согласие, соборно разрешительную грамоту написали и по всем городам послали. Но всевышний судья и мститель неправды сии человеческие коварства вскоре достойною мздою в память всем клятвопреступающим рабам все государство наказал и едва от крайнего у врагов рабства и пагубы по всевысокому своему милосердию избавил.

После убииения Расстриги вскоре польских послов со всеми их оставшимися людьми ввели на посольский двор и содержали

их под честным караулом. Воеводу же сендомирского с дочерью, Расстригиною женою, и прочих прибывших с ними поляков разослали по городам, в Ярославль, Галич, Кострому и другие.

Царь Василий послал в Польшу с объявлением князя Григория Волконского, но он, не получив аудиенции, возвратился, а поляки стали к войне готовиться.

Царь Василий Иоаннович мало что на царстве мог укрепить прежде учинения добрых в государстве порядков и утишения внутренних беспокойств и от нападения поляков надлежащего к обороне утверждения, но начал многим древние злобы мстить, многих безвинно и без воли бояр пытал, в ссылки ссылал, дома грабил и на смерть предавал. Всемогущий же Бог, видя его такие клятвopеcтупления, допустил в наказание его явиться новому вору немчину, именуящему себя царем Дмитрием, который явился на украине в Путимле и сказал, якобы он из Москвы ушел, а вместо него убили другого, потому воевода князь Григорий Шеховский со всем Путимлем царю Василию изменил. Тому ж последовали города Чернигов, Стародуб, Новгородок Северский и Монастыревский.

Царь Василий, видя такое в людях бeлннение, желая их, а не себя, в первую очередь усмирить, лицемерною набожностью прикрываясь, велел в Угличе, выкопав тело царевича Дмитрия, боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому с товарищами и со властями принести в Москву. После принесения же мощей оных в Москву прославил его многими чудесами. И царь Василий послал во известие грамоты по всем городам, но тому мало кто верить хотел, а кроме того многие к тому больше стали изменять. Он же, видя такое бедство, послал на Украину многое войско под город Елец, которое, долго стояв, ничего не учинило.

В Новгороде был мор великий, и боярин князь Михаил Петрович Катырев Ростовский там умер.

Во время еще царства Расстриги беглый холоп Василия Елагина Илья, придя на Терки к гребенским казакам, назвался царевичем Петром, сыном царя Феодора. Казаки же приняли его с честью, после чего он немедленно в Москву к Расстриге писал. И хотя Расстрига ведал, что у царя Федора никакого сына не было, однако ж, желая ту смуту обманом прекратить, писал к нему с почтением, чтоб он ехал без опасения в Москву. Потому он, взяв некоторое количество казаков, пошел к Москве. И придя к граду Свяжску, уведав, что Расстригу убили, поворотился с казаками к Царицыну и многие места разорил. Придя на Царицын, посланных в Персию послов, князя Ивана Петровича Ромодановского и воеводу Федора Акинфеева, убили, а оттуда пошел на Дон и там зимовал.

7115 (1607). Взбунтовались холопы боярские и крестьяне, многих господ побив, сначала дома дворянские разоряли. Старейшина же у них был князя Андрея Телятевского холоп Иван Болот-

ников. Потом, собрав многое войско, он пошел к Кромам, где стояли полки государевы. Воеводы же, услышав про приход его и что многие города побрал, от Кром отступили. Сие слышали воеводы под Ельцем и, отступив, пошли к Москве, но когда пришли к Москве, многое войско по домам разошлось. После сего города Рязань с пригородами, Тула, Кашира и другие послали в Путимль к явившемуся царю Дмитрию с повинною. Но посланные, придя туда, подлинно известия, где царь Дмитрий, получить не могли, хотя их там присягать принуждали, ни с чем домой возвращались, а царя же Василия слушать не хотели. Собравшись все, выбрали себе начальника, с вором Болотниковым пошли к Москве, город Коломну взяли приступом и разорили и, придя, от Москвы за 50 верст стали. Царь же Василий, слыша о нем, послал всех служивых людей, сколько в Москве было, и посадских, которые пришли в Коломенский уезд село Троицкое, и тут после великого боя воры их разбили и пойманных отослали в Путимль. Пашков и Болотников, придя к Москве, стали в селе Коломенском со всем их войском.

До прихода одного уведен царь Василий, что Астрахань взбунтовалась, послал туда бояр Федора Ивановича Шереметьева, Ивана Салтыкова и Ивана Плещеева с войсками, и астраханцы их не допустили. Из-за чего они стали на острове Балчуге и сделали острог, и тут как от нападений астраханцев, так и от болезни цинги многое число людей погибло. В то же время около Нижнего мордва, холопы боярские и крестьяне совокупились и Нижний осадили, у которых начальниками были два мордвина Москов да Вокордин. Москва же от Пашкова и Болотникова была в великом утеснении, и сидели, укрепясь в осаде.

В Смоленске архиепископ, многим прошением собрав войско, послал к Москве на оборону, выбрав воеводу Григория Полтева, к которому Вязьма, Дорогобуж и другие города пристали и государю повинную принесли. Сие слышав, рязанцы тотчас от воров отъехали к смоленчанам и, придя, совокупились у Девичьего монастыря. А из Москвы вышел с войском боярин князь Михаил Васильевич Шуйский, стал в монастыре Даниловском. На следующий день Шуйский, соединившись со смоленчанам, пошел к Коломенскому на воров Болотникова и Пашкова. Но Пашков, видя, что им невозможно противиться, отъехал с войском к государю, и тут воров разбили, многих побили, более в полон побрали, что в Москве сажать было некуда. Но Болотников с малым числом людей ушел в Калугу, а другие в деревню Заборье. Но сих бояре вскоре взяли и привели в Москву. Царь же Василий велел их посадить в воду (т.е. утопить), чему многих бояр возражения не помогли, и чрез то в народе великую печаль и недовольство сделал.

Потом послал он воевод с полками: князя Ивана Ивановича Шуйского под Серпухов, князя Ивана Михайловича Воротынского

под Арзамас, князя Ивана Андреевича Хованского под Михайлов, князя Никиту Андреевича Хованского под Калугу, князя Андрея Васильевича Хилкова под Веневу, Артемия Васильевича Измайлова под Козельск. И князь Воротынский, Арзамас взяв, пошел под Алексин, а Шуйский, взяв Серпухов, пошел под Калугу, но в Калуге ничего не учинив, отступил с потерей нескольких людей. Царь Василий послал под Калугу еще с войском бояр: князя Федора Ивановича Мстиславского, князя Михаила Васильевича Шуйского и князя Бориса Петровича Татеева. Они хотели сделать гору деревянную и зажечь, но Болотников, выйдя на вылазку, многих побил. Под Михайлов придя, украинцы бояр отбили, и за то Хованского взяли в Москву, а на его место послал князя Бориса Михайловича Лыкова. А также и Хилкова от Веневы отбили.

На Туле с ворами был князь Андрей Телятевский, на которого пошел из Алексина Воротынский, но от воров разбит и едва сам в Алексин ушел. Из Путимля и других городов собрал князь Василий Мосальский многое число, пошел к Калуге наотсечь, против которых послали из полков боярина Ивана Никитича Романова да князя Даниила Ивановича Мезецкого. И сошлись на речке Вырке, где бились целые сутки и воров побили. Тут же воеводу воровского князя Василия Масальского убили, и пошли бояре под Калугу.

Илья, который назывался царевичем Петром, сыном царя Федора Иоанновича, с Дону пойдя, взял Царев Борисов, в котором воевод Михаила Сабурова да князя Юрия Приимкова побил, и потом, пойдя к Путивлю, многие города побрал и в Путивле бояр князя Василия Кандаруковича Черкасского, князя Петра Ивановича Буйносова, князя Андрея Бахтеярова, князя Василия Трестенского, Евфима Бутурлина, Алексея Плещеева, князя Григория Долгорукого, Матфея Бутурлина, князя Савву Щербатого, Никиту Измайлова, князя Юрия Приимкова, Михаила Пушкина и иных многих воевод по городам побили, а дочь князя Андрея Бахтеярова оный вор взял себе в наложницы. Оный же вор пошел из Путивля на Тулу, а перед собою послал воеводу князя Андрея Телятевского со многим войском под Калугу, против которых посланы от Калуги бояре князь Борис Петрович Татеев да князь Андрей Черкасский. И сошедшись на речке Пчельне, вору бояр побили и воевод обоих убили, после чего бояре от Калуги отступили и стали в Боровске. В то же время князь Михаил Долгорукий под Козельском воров побил.

Царь Василий сам пошел под Тулу, а Петрушка пришел на Тулу ж. И царь Василий пошел к Серпухову, а на Каширу послал князя Андрея Васильевича Голицына, с Рязани велел идти князю Борису Михайловичу Лыкову с войсками. Петрушка послал войско на Каширу, князя Телятевского. И сошлись бояре на реке Вязьме и тут, весь день бившись, воров одолели и только 3-х в полон взяли,

а прочих, обступив, всех порубили, только Телятевский ушел с малым числом людей, а бояре пришли в Серпухов к царю Василию.

Царь Василий, пойдя, Алексин взял и пошел под Тулу. Наперед послал воевод князя Михаила Васильевича Шуйского. И сошлись с ворами близ Тулы на реке Вороне, и тут воров побили, и государь, придя, Тулу осадил. Под Козельск послан был князь Василий Федорович Масальский, под Белев и Болхов послал князя Третьяка Сеитова; и князь Третьяк очистил города Лихвин, Белев и Болхов. Масальский же стал меж Козельском и Мещевском. Под Тулою изменили князь Петр да Александр Урусовы, со многими татарами ушли к вору.

7116 (1608). Пришел в Стародуб новый вор и назвался Андреем Андреевым сыном Нагим, да с ним товарищ, московский подьячий Алексей Рукин, и иные сказывают, что первый был поляк. И сказали в Стародубе, что они присланы от царя Дмитрия. И стародубцы их с радостью приняли, но когда их спрашивали, где он и какое уверение тому имеют, они вору ничего сказать не хотели, потому воевода привел их в застенки и хотел пытать. И оный подьячий сказал про называющегося Нагим, что тот есть настоящий царь Дмитрий. И стародубцы послали грамоты по всем городам с объявлением, и к нему пристали города Путимль, Чернигов, Новгородок Северский, о чем писано выше, только его не объявляли.

Оный вор послал от себя с грамотою к царю Василию к Туле сына боярского, который, будучи запытан, не винился и говорил, что как он, так и все подлинно верят, что оный есть подлинной царь Дмитрий. Потом оный вор пошел к Брянску, но царь Василий велел из Мещевска воеводе Григорию Сунбулову про вора проведать, который послал от себя 250 человек с Елизаром Безобразовым. И когда вор пришел к Брянску, тогда брянчане вышли все к оному вору навстречу. И оный Безобразов Брянск сжег, а сам ушел в Мещевск. Вор же побрал города Карачев, Козельск и, придя на князя Василия Масальского, разбил.

Царь Василий послал воевод, которые взяли Дединов, Крапивну и Епифань. При Туле муромец Фома Кравков обещал царю Василию город Тулу потопить, в чем ему сперва верить не хотели, но потом дали ему на волю. Он же, усмотрев на реке близ города удобное место, сделал высокую плотину, чем город потопил и принудил октября 28 числа воров к столь крайней нужде, что они того ж числа сдались. Тут взяли воров Петрушку, называвшегося царевичем, и с ним той беды зачинщика князя Григория Шеховского и Болотникова, послали их в Москву. При Туле же оставив воевод, сам царь Василий пошел в Москву, и, придя, Петрушку повесили, а прочих, Шаховского, Болотникова и Нагибу, разослали по тюрьмам в города и там казнили.

Вор, назвавшийся царем Дмитрием, услышав сие, побежал на Северу и стал в Трубческе. Царь же Василий от Тулы послал воевод к Брянску. И воеводы, Брянск взяв, укрепили, куда послали воевод князя Михаила Федоровича Кашина да Андрея Никитича Ржевского. К вору ж оному пришел из Польши полковник Лисовский с войском, и он, с ними совокупясь, осадил Брянск, чрез что в городе учинился голод великий. К нему ж пришли казаки и привезли с собою назвавшегося царевичем Федором, будто бы он сын царя Федора Иоанновича, а Дмитрию племянник. Но Дмитрий Федора оного под Брянском убил.

Царь Василий послал на помощь осажденным к Брянску князя Ивана Семеновича Куракина, а из Мещевска наперед пошел князь Василий Масальский. И, придя, Масальский, стал на Десне против Брянска. Сие было зимою декабря около 15 числа, и по реке шел лед. Мосальский, видя городу великую тесноту, презрев великость воды и множество по реке идущего льда, проявив смелость, перешел реку вплавь на конях и, совокупясь со брянчанами, напал на поляков неожиданно, многих побил и всех от города отогнал, а Куракин пришел уже после. В ту ночь стала река, и вор перешел тайно, напал на князя Куракина, чего не ожидали, но Куракин после великого боя, оставив во Брянске запас, сам отступил в Карачев. Вор пошел к Орлу. В Орле же его приняли с честью, и тут он зимовал. В ту зиму пришел к нему из Польши гетман Ружинский с войском в ночь.

Царь Василий Иоаннович женился, взял Марью Петровну, дочь князя Петра Ивановича Буйносова Ростовского.

В Болхов послал государь воевод князя Дмитрия Ивановича Шуйского с товарищами, где оный зимовал, а весною пошел к Орлу. И встретясь с вором, после великого боя много людей потерял, и едва их выручил князь Куракин своим полком; тут ротмистр с немецкими людьми побит. На следующий день поляки снова наступать начали, и бояре, желая порядком отступить, сначала отпустили снаряд и обозы. Но тогда изменил каширенин Микита Лихорев и все полякам сказал, после чего поляки жестоко напали и, войско разбив, весь снаряд и обоз взяли. Вор оный Болхов взял, но болховичи многие ушли в Москву. Государь же послал снова полки князя Михаила Васильевича Шуйского да Ивана Никитича Романова. И пришли на реку Незнать, а вор пошел другою дорогою к Москве. В полках же царских учинилось смятение, что князь Иван Катырев, князь Юрий Трубецкой, князь Иван Троекуров хотели со многими людьми к вору отъехать. Но их переловив, князь Михаил Шуйский пришел к Москве и оных трех князей разослал в ссылки, а других, бывших с ними в думе, Якова Желябовского, Якова Иовлева Григорьева сына Толстова и других, казнили.

Оный вор, придя, стал в Тушине и после многих боев перешел в Танинское. Но поскольку ему все привозы запасов по дорогам отняли и многих посланных побивали, того ради перешел снова в Тушино и сделал окоп. И на походе был с ним бой великий. Бояре же, придя к Москве, стали на Ходынке.

Ружинский прислал от себя к царю просить, чтоб послов польских отдали, но оные ни с чем отпущены. Оные присланные, возвращаясь через обоз боярский на Ходынке, сказали в войске царском, будто с государем помирились, чего ради в полках стражи ослабели. И той же ночью неожиданно пришли воры и поляки на Ходынку, бояр разбили и обоз взяли. Бояре же под Москвою, осмотрясь, собравшись, опять на воров напали и гнали их назад до Ходынки и обоз свой снова возвратили. Но видя оное место небезопасным, отступили к Пресне с обозом, сделали окоп, который и до сих пор еще виден. Лисовский тогда взял Зарайск.

Из Рязани воеводы послали с войском Захария Липунова к Зарайску, но Лисовский, оных 300 человек побив, Коломну взял и в нем воеводу князя Владимира Долгорукого в полон и пошел к Москве. Против оного же послал царь Василий князя Ивана Семеновича Куракина да князя Бориса Михайловича Лыкова. И сошлись на Москве реке на Медвежьем броду, и там Лисовского побили и снаряжение все взяли, тут же выручили архиепископа коломенского и князя Долгорукого, а Лисовский ушел. На Коломну посланы воеводы Иван Матфеевич Бутурлин да Семен Глебов.

Бывшим в Москве тогда царем Василием многие недовольны были и на царстве его весьма иметь не хотели, а Тушинского вора не знали, кто таков, наиболее же опасались от такого хищника больших бед, нежели от Расстриги, а вновь же выбирать из-за силы польской и собственного несогласия весьма было неудобно, того ради некоторые тайно согласились с польским послом Гоншевским, что выбрать королевича польского на царство, стали представлять государю, чтоб для удобнейшего с королем польским примирения послов польских и Мнишека с дочерью отпустить. Государь же, не ведая над ним умысла, оных, удовлетворив, отпустил и велел князю Владимиру Долгорукому с войском проводить их до границы. Когда же услышал гетман в Тушине, что государь послов польских и Мнишека с дочерью отпустил, послали на перехват князя Василия Масальского, чтоб послов и Мнишека в Тушино поворотить. И оный настиг их в Бельском уезде. Послы же Гоншевский с товарищами поехали прямо в Польшу для произведения тайной его комиссии, а Мнишек с дочерью, поверив Масальскому, что подлинно тот же Дмитрий, бывший муж ее, поворотились в Тушино. А князь Владимир Долгорукий, которого войско все разбежалось, приехал с малым числом людей в Москву.

Сей Мнишек, приехав в Тушино, узнал, что то не зять его, и не хотел дочери своей ему отдать. Однако ж для удержания войск согласились, что ему и дочери его признать его за истинного. И сначала договорено было, что оному вору ее не касаться и почитать, только через некоторое время тайно их венчали.

Царь же Василий, слыша о том и видя, что войска уменьшились, многие разъехались по домам, другие отъехали в Тушино, помощи же ниоткуда не видя, послал в Новгород племянника своего князя Михаила Васильевича Шуйского, чтоб собрал новгородцев и псковичей, а к тому б нанял войска шведские, который с малым числом людей из Москвы поехал. Тогда же пришел из Польши в Тушино полковник Сапега с некоторым войском и приступать стал на обоз боярский, и был бой великий, но потеряв немало людей, отбит, и отступили снова в Тушино.

Потом Сапега с некоторыми войсками пошел в Троицкий монастырь. А царь Василий послал за ним князь Ивана Ивановича Шуйского. И был у них бой в деревне Рохманцеве, где бояре, поляков разбив, боевое устроение свое расстроили. Сапега же, увидев русских нестроение, отойдя, собрав остальных, возвратился, разбил Шуйского, поскольку сторожевого полка воевода Головин дрогнул. Тут убили князя Андрея Григорьевича Ромодановского. Сие несчастье видя, начали осаду в Москве укреплять и все целовали крест, что сидеть. Однако ж и потом многие стали к вору в Тушино отъезжать, и из-за того все войско в город было введено. Тогда было сущее смятение, что брат на брата, сын против отца воевали. Сапега после разбития Шуйского стал под монастырем, сильно приступая, немало людей потерял, поскольку в монастыре князь Григорий Борисович Долгорукий мужественно оборонялся.

Сапега послал своих людей по городам. Потому суздальцы сначала хотели укрепиться, но Меншик Шилов с товарищами всех людей возмутил, так что город сдали и вору присягали. К ним прислан от Сапеги воевода Федор Плещеев. То ж учинили переславцы и, собравшись с поляки, пошли к Ростову. Ростовцы просили митрополита Филарета, чтоб с ними шел в Ярославль, но он не послушал. Ростовцы же многие ушли в Ярославль, а другие с митрополитом остались. И переславцы, придя, в городе многих побили и, в церкви митрополита взяв, отослали в Тушино, а Матфей Плещеев с ворами пошел к Ростову и многое разорение учинил. Лисовский взял Шую приступом и многих людей побил. То же учинив и с Кинешмою, пришел снова в Суздаль. После сего все города вору присягали, только остались Казань, Новгород Великий, Смоленск, Рязань с пригородами, Коломна и Сибирь. С Каширы изменники со Хмелевским пошли под Коломну. Царь Василий же послал на выручку воевод князя Семена Васильевича Прозоровского да Василия Борисовича Сукина с войском, и тут Хмелевского совсем

побили. То ж учинили из Владимира воры, пошли под Коломну, которых князь Дмитрий Михайлович Пожарский, встретив в селе Высоцком, побил и обоз взял, а остальные ушли во Владимир.

Князь Михаил Васильевич Шуйский Скопин пришел в Новгород и стал войско собирать. В Швецию послал для найму войска шурина своего Семена Васильевича Головина. Во Псков посылал от себя войска собирать, но они его не послушали и присягали вору. А в Новгороде тогда был воевода Михаил Игнатьевич Татищев, и слыша, что псковичи изменили, опасаясь от новгородцев, выехали Скопин и Татищев вон, хотели уехать в Ивангород. Но на дороге уведали, что и Ивангород вору присягал, поехали к Орешку, и тут от них ушел Андрей Колычев и Нелюб Огорев.

В Орешке был воевода Михаил Салтыков и их в город не пустил. В Новгороде митрополит Исидор со слезным прошением новгородцев уговорил и, в верности царю Василию их утвердив, послали за Шуйским и Татищевым знатных людей просить, чтоб поворотились, потому оные, с радостью возвратясь, стали войска собирать и в Москву с известием послали Моисея Глебова.

Карнозицкий полковник из Тушина пошел к Новгороду, и Татищев хотел идти с войском против них, но князю Скопину сказал некто, будто Татищев изменить хочет. Скопин же, не рассмотрев, немедленно некоторым новгородцам сказал, от которых народ возмутился, и Татищева, не спрося, убили. А на следующий день, осмотрясь и видя, что затеяна была неправда, Скопин с честью его погреб в Антоньевом монастыре. Оный Карнозицкий стал на Хутыне и многие пакости делал, а новгородцы из уезда собрались на Грузине, и Карнозицкий, уедав про сбор войск, пошел назад.

Около Нижнего, собравшись многие низовые, мордва и черемиса, город осадили. К ним же пришел из Тушина с поляками князь Семен Вяземский. Нижегородцы ж, видя тяжкое себе утеснение, выйдя из города, воров оных разбили и Вяземского, взяв, не отписываясь в Москву, в Нижнем повесили.

Царь Василий писал в Астрахань к Федору Ивановичу Шереметьеву, чтоб, оставив острог на Балчуге, шел к Москве. Он же, идучи от Астрахани с полками, многие города очистил. Нижегородцы же, слыша оное, пошли к Болохне и оный взяли.

По деревням крестьяне сие слыша и видя государства разорение, во многих местах без всякого повеления собираясь, поляков и изменников побивали, между многими знатнейших. В Юрьевце сытник Федор Красный, в Решме крестьянин Григорий Лапша, на Болохне Иван Кувшинников, в Гороховце Федор Ногавицын, в Холусе Илья Деньгин, собравшись с крестьянами, пошли в Луг и тут польских людей побили, а дворян сослали в Нижний и пошли к Шуе. Лисовский, уедав о том, послал против них Федора Плещеева, и сошлись в селе Данилове, где после

жестокого боя воров крестьяне разбили, а Плещеев ушел в Суздаль с малым числом людей. Потом Вологда, Устюг Великий и все Поморье снова оборотились и поляков побили. Поляки, в Даниловском придя на сытника Красного с товарищами, многолюдством и после великом боя мужиков разбив, отошли в Ростов.

В Москве, видя великую тесноту и в запасах скудость, а кроме того надеясь на оговоренное с польским послом Гоншевским, войдя в согласие с тушинскими, умыслили царя Василия с престола ссадить, чего ради князь Роман Гагарин, Григорий Сунбулов, Тимофей Грязный со многими людьми, придя во дворец к боярам, начали просить, чтоб царя Василия переменить, в чем им бояре отказали. Но они, взяв патриарха и царя Василия, вывели на лобное место. К ним же из всех бояр пристал один князь Василий Голицын; и видя, что к ним никто больше не пристаёт, после великого шума разойдясь, ночью те возмутители отъехали все в Тушино, человек с 300.

Воры из Тушина послали к Коломне полковника Млотского, чтоб к Москве отнять проезд. Колычев, воевода коломенский, сказал на главного своего воеводу Бутурлина царю Василию, что он с вором в согласие вошел, потому Бутурлина, взяв в Москву, казнили.

В Москве тогда рожь была четверть по семи рублей, от чего в народе был голод и великое смятение учинилось.

Из Тушина пришли ротмистр Мизинов да князь Роман Гагарин и объявили во весь народ, чтоб не прельщались, оный де прямой вор, только поляки для себя его царем Дмитрием называют, и в войске де про то все знают, и что в Новгороде войско собирается; и тем москвичей весьма укрепили.

Из Польши пришел еще полковник Бобовский с войском, и, соединясь с тушинскими, пришли под Москву. Воеводы вышли против оных за город и после жестокого боя поляков побили и гнали до самого Тушина, где поляки остальные, из окопа их выйдя, оных выручили, и бояре с войском отступили снова к Москве. Боярин Федор Иванович Шереметьев прислал в Москву с известием, что идет с войском, и государь товарища его Ивана Салтыкова взял в Москву.

В Астрахани явились еще три вора. Один назвался Август, сын царя Иоанна Васильевича, другой Осиновик, сын царевича Иоанна Иоанновича, третий Лавер, сын царя Феодора Иоанновича. И к ним пристав, казаки, собравшись, пошли под Москву с Августом и Лаврентием, а Осиновика повесили на Волге. И пришли в Тушино, где оных Августа и Лаврентия вор, именуемойсся Дмитрием, обличив, повесил.

Семен Головин из Швеции пришел в Новгород с войском, с которым шведский воевода был Яков Понтус Делагарди, и тут,

договорясь о заплате, записями утвердились. До прихода их посылал князь Скопин Шуйский во Псков с войском, и псковичи вышли с войском, и был бой, на котором псковичей побили, и псковичи сели в осаду, а новгородцы возвратились.

Князь Скопин послал шведов наперед к Старой Русе, и оные очистили Старую Русу. Потом был бой у шведов и русских с поляками в Торопецком уезде селе Каменках, где поляков побили и, Торопец взяв, оставили воеводу Федора Чулкова. Потом шведы в Торопецком уезде при монастыре Холховице некоторое количество поляков побили. После отправления шведов к Русе послал же к Торжку Корнила Чулкова с русскими людьми, и оный вскоре Торжок взял и укрепился. Скопин же, уздав, что изо Твери поляки к Торжку идут, послал в помощь Семена Головина, а также шведскому полковнику Ивелгору из Торопецкого уезда со всем велел идти туда ж. И оные пришли к Торжку вместе. В то ж время пришли и поляки, и тут был с поляками бой, в котором поляки шведов смяли, только из города вышедшие шведов выручили и поляков отбили.

Потом и сам князь Скопин пришел с генералом шведским в Торжок, где отдохнув мало, пошли к Твери и, не дойдя 10 верст до Твери, перешли Волгу. Поляки ж, выйдя из Твери, жестоко бились, и тут много шведов побито, поскольку другие войска перебирались. Однако ж устояли и, дождавшись еще войска, на третий день, придя к Твери, острог взяли, а поляков много побили, остальные же сели внутри города, который шведы хотели доставать. Но Скопин, жалея людей, того не допустил, и шведы, за оное осердясь, пошли назад.

ЦАРСТВО ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО, СЕГО ИМЕНИ В ЦАРЯХ ВТОРОГО

Сей государь выбран на царство мая 20 дня 1606, о чем не только по городам, но и в Москве большая часть не ведали или соизволения своего не давали. Однако ж, не передумав, все в Москве без всякого препятствия крест ему целовали и потом во все города о приводе к кресту послали указы. Он же, царь Василий, некоторые сказывают сам, иные же говорят по требованию Голицыных и других бояр, целовал государству крест на том: 1) что ему без совета бояр ничего не делать; 2) никому прежней злобы и недружбы не мстить; 3) ежели отец виновен, сына невинного не наказывать и отцу не ведающему сыновней вины не причитать и пр.; чего в России никогда не водилось.

Потом положили бояре, чтоб коронацию отложить, доколе со всех городов власти, дворянство и знатное купечество соберется и сначала всем собором патриарха по уставу царя Федора

Иоанновича и тогдашнего собора выберут, и лишь потом ко всем посторонним государям писать. Но царь Василий, опасаясь, чтоб между тем какого препятствия не учинилось, короновался того же мая 25 дня без великих обрядов от казанского митрополита Гермогена. Но чужестранные историки показывают оное коронование июня 1 дня,^a о котором и о прочем так сказывают. Расстрига сожжен мая 29 дня. 30 дня объявлены в народ все непотребства Расстриги. Между прочими его винами указано были на него еретичество и чернокнижество, ересь папешская и согласие с папою, тиранство, любовь к чужеземцам и поругание русским, ограбление и расточение сокровищ государственных, презрение и уничтожение духовенства и осквернение храмов святых, и другие многие приводящие к озлоблению народа обстоятельства.^b

Потом царь Василий Иоаннович велел собраться имеющим власть и боярам для выбора патриарха. И хотя сначала посылали в Старицу к Иову патриарху, но оный, видя многие беспокойства, которые последовать могли, отрекся и не поехал. Того ради выбрали на патриаршество казанского митрополита Гермогена.

Вскоре после вступления на царство Шуйского многие явились в народе на него негодования, а особенно когда уведали о коварственном его избрании. К тому же тотчас промчалось слово, якобы оный бывший царь Дмитрий ушел, а вместо него убит немчин из его ближних служителей. Пришло же известие, якобы он, уйдя, той ночью был в одной деревне и хозяину сказался, который, придя в Москву, многим рассказывал и принес от оногo письмо; после чего во многих местах по улицам находились подметные и возмутительные письма. Многие города, а особенно по границе польской, сказывая, якобы оный царь Дмитрий ушел в Польшу втроем и живет у жены воеводы сендомирского,^c а также и донские казаки, не хотели царю Василию крест целовать.

На Низу именующийся царевич Петр, быв уже на пути к Москве, в городе Свяжске, получив об убиении Расстриги известие, по-

^a [Petri] Petreji de Erlesunda. Historien und Bericht von dem Grossfürstentumb Muschkow. Lipsiae, 1620, p. 375 (*далее*: Petreus); [Capitaine] Margaret. Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. Paris, 1669, rol. 43 (*далее*: Margaret); Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii qui nuper apud Rutenos imperium tenuit narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Coloniae, apud Gerardum Grevenbruch. 1608, p. 44 (*далее*: Trag. mosc.); [Mich. Casp.] Lunderpins. [Joannis] Sleidani continuatio dass ist eine grundliche Beschreibung dess bömischen, hungarischen und teutschen Kriegs... und andern politischen Sachen... vom 1617 J. bis auff Augustum d. 1621 J. Frankfurt a/M, 1691, t. 3, p. 683 (*далее*: Lundorpius).

^b Thuanus et exco descript. Rusl., p. 155; Trag. mosc., p. 45; Lundorp, t. 3, p. 684.

^c Petreus. P. 375.

воротился к Царицыну, где, проходя, многие места разорил. Придя же к Царицыну, оный взял и тут противящихся ему, посланного в Персию послом князя Ивана Петровича Ромодановского да воеводу Федора Акинфиева, побил, а оттуда пошел на Дон и там зимовал.

Сей царь Василий Иоаннович, когда был рабом, всегда государям своим был неверен. Он все присяги и обещания с тяжкими клятвами ни во что вменял и оные, как бурку от дождя, для защиты своего употреблял, и по сути: 1) забыв страх Божий, и высокую к себе и к отцу своему милость царя Иоанна Васильевича, и свою двукратную в верности присягу царю Федору Иоанновичу, как послан был на Углич про убиение царевича разыскивать, угождая Годунову, виновных закрыл, а невинных одного царевича Дмитрия самоубийством, мать его царицу Марию и ее братьев небрежением, а угличан бунтом оклеветал, и многих безвинно к пыткам, разорению и смерти тем неправедным доношением привлек; 2) Годунову присягая, как только о явившемся царевиче Дмитрии уведal, многим тайно сказывал, якобы убитый погребенный на Угличе, которого он, вынув из земли, осматривал, подлинно не царевич Дмитрий, и тайно с Расстригою списывался, в чем от царя Бориса по обличению сослан был в ссылку; 3) царевича Федора признав царем и целовав ему крест, на другой день отрекся и крест Расстриге целовал; 4) Расстриге двукратно клявшись, одного престола и жизни лишил. И всегда во всех сих переменах тайным предводителем был, и многих людей, тем от присяги и верности государем отвлекая, душевно и телесно погубил.

Ныне же, видя, что оные его действия к собственному его и государственному вреду привести могут, умыслил оное лицемерием прикрыть, написал к прежде бывшему патриарху Иову грамоту и послал за своею и многих бояр подписями, прося в клятвopреступлениях прощения, поставляя оные за тяжкий грех и мерзкое преступление. Оный же Иов, так как был человек умный и богобоязный, опасаясь, чтоб в том Бога не прогневить, отрекся тем, что он уже не патриарх, и в такие дела как простому чернецу вступаться не достойно. Однако ж после многих от него просьб, войдя в согласие с новоизбранным патриархом Гермогеном и прочими властями, соборно разрешительную грамоту со многими обличительными на клятвopреступления обстоятельствами написали грамоту таковую. И оную грамоту послали по всем городам, но этим не только народ к верности и послушанию не привели, но более к противности и роптанию подали причину.

Вскоре после того послал царь Василий Иоаннович в Польшу послом князя Григория Волконского с объявлением о вступлении его на царство и снискании мира. Шведам же, хотя война была объявлена, но поскольку действительного предприятия никакого не было, и шведы сами к миру были склонны, опасности

никакой не делал, и посланные вскоре мир подтвердили, потому король шведский Карл от себя с поздравлением прислал.

Внутри же государства царь Василий Иоаннович, мало что укрепив, прежде учинения добрых в государстве порядков и утишения внутренних и внешних беспокойств, и от нападения поляков, которое неизбежно последовать имело, к обороне надлежащие способы и силы не изготовил, забыв свою недавно в соборной церкви учиненную клятву, начал многим древние злобы и обиды мстить. Между всеми особенно стал на князя Василия Васильевича Голицына и князя Ивана Семеновича Куракина иметь подозрение, стал их утеснять. Многих безвинно без согласия бояр пытал, в ссылки ссылал, имения грабил и смертью казнил, в чем только братья его и другие лстящие ему друзья его согласовали. Всевышний же Бог, видя такие клятвопреступления и многие в таком смятении прегрешения, допустил в наказание его и всего государства явиться новому вору. Во время же самого смятения вор князь Григорий Шаховский, который был при Расстриге в близости, украв печать государственную, ушел из Москвы и, едуци к Путимлю, дорогою везде сказывал, якобы именующийся царем Дмитрием ушел в Польшу, а убили иного. И придя в Путимль, весь город возмущив, по многим городам посылал письма смятительные. Для прикрытия же своего составлял те письма от царя Дмитрия и печатал тою украденною печатью, сказывая, якобы он получает их из Сендомира, и тем народ весьма уверил.^d Потому вскоре последовали за ним города Чернигов, Стародуб, Новгородок Монастыревский и несколько тысяч казаков.

Царь Василий, видя такое в людях смущение, но не слушая совета боярского, чтоб милостию и правосудием, а также добрыми устройствами в государстве народ к себе склонять прилежал, рассудил за лучшее принесением гроба царевича Дмитрия оных успокоить, послал в Углич митрополита да боярина князя Ивана Михайловича Воротынского с товарищами, велел гроб царевича Дмитрия, вынув, принести в Москву. И оные, придя на Углич, вынули тело его совсем в одежде, как положен был, и в руке его орехи, которые он тогда ел, а также нож с кровью, которым заклан, невредимые.^e И хотя Маргарет, Петреус и другие при том показывают, якобы оное обманом учинено, что гроб вынут был уже только к костями, и якобы иного вместо него в новом платье положили, о чем якобы тогда в Москве многие нарекания были, и о том, что он не в таком уборе был, как обычай погребать есть, и что он погребен был без ножа и без орехов, которому и по обы-

^d Petreus. P. 380; Ludolp. Schau-Bühne der Welt. Frankfurt a/M, 1699, t. I, p. 206 (далее: Ludolp).

^e Margaref. F. 44; Petreus. P. 378.

чаю погребения быть невозможно, поскольку он был обмыт и одет был в погребательное платье, а также и о чудесах бывших описывают в образе коварства, однако ж оным верить не должно, поскольку столь многим бывшим при том духовным и светским знатным людям солгать неприлично; к тому же целость тела его и ныне в том истину засвидетельствовать может.

По приближении оных к Москве послал государь встречать брата своего князя Дмитрия Ивановича да окольничего Михаила Татищева и архиепископа. За Москвою встречал его сам царь Василий Иоаннович с матерью царевича, с патриархом и со всеми палатными людьми в превеликом множестве. Но при том учинилось великое смятение и хотели всех камнями побить, что едва утишить смогли.^f И не без труда принеся, поставили в церкви Архангела близ гроба отца его. Наиболее же всех Нагие, свойственники царевича Дмитрия, царя Василия возненавидели и его поносили. И хотя он сих тайно с рук сбыл, но остался Мстиславский, по жене племянник родной царице, в великом у него подозрении. В то же время появилось на воротах Нагих, Мстиславского и других их свойственников написанное крупными словами: «Царь Василий Иоаннович повелевает сей дом изменничий разграбить и живущих в нем побить». Потому множество народа, придя в Кремль, жаловались боярам на царя Василия, что такое возмущение в народе делает. Но он сказал, что о том ни о чем не ведает, и едва оных усмирили.

После нескольких дней некоею тайною повесткою собралось к дворцу множество народа. Царь же Василий, желая идти в собор, получив сие известие, пресильно испугался. Однако ж по обнадеживанию бояр, выйдя к ним, спрашивал о возмутителе; и видя, что бояре, обступив, стали ему некоторые непорядки высказывать, тогда он со слезами стал их просить: «Ежели я вам ненравен, то непотребно таких обстоятельств и смущений. Ибо как вы меня выбрали, так можете одного лишить». И сие выговорив, протянул им посох свой, сказав: «Извольте избирать и сей жезл царский отдать тому, кто вам люб». Но поскольку никто принять не осмелился, тогда он потребовал, чтобы сие злодеяние без наказания не осталось, ежели они его за государя имеют и почитать хотят. И по оному все обступившие его обещали ему верно служить, а народу велели разойтись. Поймав же возмутителей 5 человек, жестоко наказав, в ссылки сослал, при чем Мстиславский за невинного объявлен, напротив же, шурина его Петр Шереметьев обличен и в ссылку сослан, которого затем отравою умертвили.^g

После принесения гроба царевича Дмитрия царь Василий Иоаннович послал во все города грамоты, изъявив во оных о чудесах, бывших при оном. Но сему мало где поверили, но скорее

^f Margaret. F. 47.

^g Margaret. F. 47.

оное почитая за коварство и обман, больше стали изменять и к путимльцам приставать. Он же, видя такую беду, послал на Украину войска к Ельцу и Кромам, чтоб оные взять; но оные, придя, долгое время стояли, ничего не делали.

В том же году в Новгороде учинился мор, от которого множество людей вымерло, и притом наместник боярин князь Михаил Петрович Кавтырев-Ростовский умер.

В 1607-м января 3 дня присланный в Польшу посланник князь Григорий Волконский был допущен к королю. И хотя сей изъяслял, что об учинившемся смятении в Москве царь Василий сожалеет и желает с польским королем быть во всякой пожеланной дружбе, сожалеет же, что некоторые королевские подданные, обманщику Расстриге присовокупясь, многие России пакости под его властью поделали и многие из них сами погибли, другие же в России в заточении содержатся. А также у оного обманщика найдены письма короля польского, из которого познается, что король польский сам ему Расстриге в том помошествовал. А поскольку сие все к нарушению мира между обоими государствами причитаться может, то желает царское величество ведать, какое в том намерение есть королевского величества. Хочет ли он войну иметь, то царю с помощью короля Карла шведского легко себя в том показать и своего государства обиду отмстить удобно, но он желает мир. А особенно потому, что корона польская от России по праву ничего требовать не может, поскольку польским послам никакого оскорбления не учинено, которые вскоре после утверждения договора с надлежащею честью отпущены быть могут.^h

Хотя весьма хотел король себя неприятелем России объявить и своего под именем Дмитрия на царство посадить, но то ли состояние дел внутренних в Польше тому препятствовало, а также потому что хотел король свои победы в Лифляндии далее производить и шведов из оных провинций весьма выбить. И сверх того была в Польше великая конфедерация, именующаяся рокошане, которые представляли, что король многих обещаний, учиненных при избрании своем на королевство, не исполнил и что он многие законы государственные нарушил, исполнения чего и возвращения жестоко требовали и чтоб король всех чужеземцев от двора своего отлучил, поскольку они вредительные государству советы ему давали и во многих обстоятельствах природных поляков обижали,ⁱ и таким образом принужден был из-за сих внутренних беспокойств

^h Petreus. P. 376; Trag. mosc. P. 53; Elzevir ex Thuano. P. 158.

ⁱ [Pauli] Piasecii Chronica gestorum in Europa singularium accurate ac fideliter conscripta ad annum Christi 1553. Cracoviae, 1645, p. 295 (далее: Piasecki); [Stanislai] Lubienski episcopi plocensis Opera posthuma. De motu civili in Polonia. Antverpiae, 1643, I. 1 et 2 (далее: Lubienski).

сам в поле для оборонения стоять. О внешних же войнах думать ему было неудобно. Однако ж он отвечал российским послам, что сколько его персоны касается, он желает прежде утвержденный мир содержать. Что же он писал к тому царю Дмитрию или кто он был, оное не только к нарушению мира, но даже к предосуждению ему причтено быть не может, ибо он не прежде его царем признал, как его всем Российским государством приняли. Что же он воеводы сендомирского дочь ему в супружество допустил, оное допущено по состоянию между обоими государствами дружбы, и она в Москве со всякою подобающею честью принята, но потом против обещания и верности обещана и оскорблена. Многие же доброжелательно и с великою просьбою и обещаниями призванные поляки побиты, ограблены и умерщвлены против всякого достоинства и должности, которые им как гостям призванным надлежали. Особенно же, королевских послов под караул взяли, и тем величество его оскорбили. Но так как сие Речь Посполитая или некоторые сенаторы себе за обиду поставляют и какое-либо возмездие учинить намерение имеет, которого он воспретить не может, оное Россия вскоре ощутит; из-за чего послы не могут иметь надежды о мире, ибо воеводы многие весьма оскорблены; и из-за того он никаких подарков принять не может. Послы же оные прилежно старались, как бы оное чрез договоры к примирению склонить или б чрез продолжение времени немного тот жар поутишить, а между тем рокошан более укрепить, и просили, чтоб король явившемуся на Дону вору, именующему себя царевичем Петром, ежели явится, помощи не давал. И так, не установив ничего, возвратились в Москву.^k После отпуска русских послов король, закрывая свое намерение, прислал в Москву послов своих Станислава Витовского и князя Яня Друцкого, которые после многих споров положили перемирие на 4 года, однако ж не включающее оскорбленных воевод. Послы же, живучи в Москве, писали к Шаховскому и другим ворах способствующие смуте письма.

Между тем царь Василий Иоаннович трудился народ внутри государства усмирить, но поскольку оное было частью явными, более же тайными и под вымышленными поводами убийствами и разорениями домов произведено, того ради народ с каждым часом в большие злобы на него входил. В тот год же собрались по разным местам множество холопов боярских и чернь, к ним же пристали украинских городов казаки, выбрав над собою атаманом князя Андрея холопа Телятевского Ивана Болотникова. Сей Болотников, как чужестранные повествуют, был в полону у турок; на многих боях землю и морем, а потом у венециан служив, возвращался домой и, идучи чрез Польшу домой, пришел в Путимль. Его князь

^k Lubienski. P. 105; Petreus. P. 377; Ludolp. T. I, p. 227.

Григорий Шеховский, приняв и видя его в войне искусного, сочинив ему грамоту, якобы царь Дмитрий ему в Сендомире оную дал, и полную власть над войском поручил, или он, сам себе то сочинив, еще более обманутых от Шаховского путимлян уверил, где его с честью приняв, власть над оными ворами вручили, которых было до 12000 человек.¹ Которые сначала ходили разбоем, многие дворянские дома разоряли, дворян побивали, жен их и дочерей за себя брали, а потом, умножась, под командою Болотникова стали города брать и разорять. Сначала пошел он к Кромам. Воеводы же, стоящие там, услышав о приходе одного, убоявшись, пошли к Москве, а войско почитай все разъехалось по домам. А также и при Ельце воеводы, слыша, что государевы войска от Кром отступили, пошли в Москву.

Вскоре потом города Рязань с пригородами, Тула, Кашира и другие, войдя в согласие, послали в Путимль к названному ими царю Дмитрию с извинением, что они к изгнанию его из Москвы непричастны и хотят ему служить. Но посланные, придя туда, за некоторое количество времени никакого о нем подлинного известия, где тот царь Дмитрий есть, получить не смогли и, презрев Шаховского принуждение, чтоб тому царю Дмитрию они крест целовали, ушли назад. И обман тот объявив городам своим, положили, что ни того, ни царя Василия не слушать, до тех пор пока кто от всех вместе царем признан не будет, и выбрали себе начальника соловского сына боярского Истома Пашкова. Оный же Пашков вошел в согласие с Болотниковым, и пошли вместе к Москве, и сначала город Коломну взяв приступом, разорив, пошли к Москве, и за 50 верст остановились в селе Троицком.

Царь же Василий, слышав сие, собрал сколько было в Москве военных людей и к тому посадских московских, послал против оных воров. Воеводы же, придя к Троицкому, бились с ними долгое время, но вору, имея войска более чем вдвое, государевых людей осилили, и после великого боя едва воеводы отступить смогли. Пашков же и Болотников взятых в плен простых отпускали или к себе принимали, а дворян отсылали в Путимль. После того боя Пашков и Болотников скоро пошли к Москве и стали в селе Коломенском, отняв с той стороны все проходы в Москву и, переезжая за Москву реку, по дорогам в Москву никого не пропускали.

Но поскольку Болотников сказывал о себе, что он был в Сендомире у так называемого царя Дмитрия сам, от которого имени о полной власти над войском имел при себе указ, а Пашкова поставлял посыльным воеводою от Шеховского, по которому хотел иметь над ним команду, чрез то произошла между ними великая вражда. И Пашков, не желая у одного холопа быть под

¹ Petreus. P. 385.

властию, тайно с царем Василием Иоанновичем в согласие вошел и обещал ему против одного Болотникова помогать, за что ему царь Василий великое награждение обещал.^m

Прежде, нежели столь великая опасность от Шаховского и Масальского стала видна, получил царь Василий известие, что Астрахань, войдя в согласие с донским вором Петром, изменила, и послал туда боярина Федора Ивановича Шереметьева, Ивана Салтыкова да Ивана Плещеева с войсками, которых астраханцы не допустили. И они, останувясь к острову Балчуге, сделав острог, сидели, в котором не сколько от нападения астраханцев, а более от болезни цинги многое число войска погибло.

Тогда же около Нижнего Новгорода взбунтовалась мордва, а также холопы боярские и крестьяне, побив многих помещиков и выбрав начальников мордвинцов Москова да Вокордина, многие беды делали, а Нижний, держа в осаде, утесняли.

Смоленский архиепископ, слыша про от Пашкова и Болотникова Москве великое утеснение, со слезами прилежно всех просил, чтобы от такой крайней пагубы государство избавили. Потому все шляхетство обещались и, собрав войско, выбрав над собою воеводу Григория Полтева, к которым пристали Вязьма, Дорогобуж и другие многие противящиеся города, принеся царю Василию повинную, придя к Москве, стали у Девичьего монастыря. К ним же пришли от Пашкова рязанцы, а из Москвы вышел с войском боярин князь Михаил Васильевич Шуйский с товарищами и стал у Даниловского монастыря. И в ту ночь все к нему перейдя, поутру на рассвете напали на воров возле села Коломенского, в котором Пашков со всем войском, что еще при нем было, переехал на государеву сторону. А Болотников жестоко противился, но поскольку был уже отовсюду утеснен и большая часть войска его побита была, не могши более противиться, ушел с малым числом людей в Калугу; а других посланные от бояр, догнав в Калужского уезда селе Заборье, после малого сопротивления некоторое количество побив, остальных живых взяв, привезли в Москву; которых на том бою и после разбежавшихся собрано было живых до 3000 человек. Царь же Василий вопреки многих боярских ему просьб и представлений, не рассудив, какая из того беда произойти может, велел без милосердия всех посадить в воду; чрез что в народе немного усмиренное и успокоенное недовольство и роптание снова более прежнего возгорелось.

После сего послал он снова к Серпухову брата своего князя Ивана Ивановича Шуйского с товарищами с немалым войском, 2) к Арзамасу на мордву князя Ивана Михайловича Воротынского, 3) к Михайлову князя Ивана Андреевича Хованского, 4) к Ка-

^m Petreus. P. 385.

луге князя Никиту Андреевича Хованского, 5) к Венева князя Андрея Васильевича Хилкова, 6) к Козельску окольного Артемия Васильевича Измайлова. И Воротынский, придя, вскоре Арзамас взяв, пошел к Алексину. А Шуйский, взяв Серпухов, слыша, что Хованского воры утесняют, пришел к Калуге; но тут из-за жестокого осаждающих сопротивления, не учинив ничего, отступили с потерей нескольких людей. После чего царь Василий послал еще к Калуге бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского, князя Михаила Васильевича Шуйского и князя Бориса Петровича Татеева. Сии первые, Мстиславский и Шуйский, были оба люди молодые, лет по 20 с малым, и мало еще искусства имея, по совету некоторых безумных людей, придя, хотели сделать гору деревянную близ города и зажечь. Но прежде нежели сделали, не довольно от неприятеля оное охраняли, и Болотников ночью, тайно выйдя, многих при том побил и оное их дело разорил. А потом вскоре пришла с Украины немалая Болотникову помощь, и бояр отбили. В чем вину положили на неосторожность князя Никиты Хованского, и за то на него, взяв в Москву, положил царь опалу, а на его место послали князя Бориса Михайловича Лыкова. К Михайлову пришли украинцы на помощь и воевод отбили. Он же отступил в Переславль Рязанский. И царь Василий князю Ивану Хованскому велел быть в Москву, а туда послал князя Бориса Михайловича Лыкова да Прокопия Ляпунова.

При Венева стоял Хилков и за долгое время ничего не сделал, и туда пришла воровская выручка, отбили, и принужден был отступить на Каширу.

В Туле с ворами был князь Андрей Телятевский, против которого послал государь из Алексина Воротынского. И оного воры, не допустив, разбили, от которых едва смог с остальными назад в Алексин отступить.

Из Путимля и других городов собрался князь Василий Масальский, с которым было, кроме русских изменников, 10 000 запорожских, а всех до 40 000, и пошел к Калуге наотсечь, против которых послали бояре боярина Ивана Никитича Романова да князя Даниила Ивановича Мезецкого. И сошлись на речке Вырке, где бились целые сутки и воров многих побили. На том бою воевода от воров Масальский убит, а Шаховский ушел; и оные бояре возвратились к Калуге.

Князь Григорий Шаховский, Федоров сын, видя что уже ему люди не весьма верят, потому что за столь долгое время сказыванный им царь Дмитрий не является и по письмам его из Польши никакой желаемой ему помощи не делается, писал на Дон, чтоб казаки с именуемым у них царевичем Петром шли немедленно, обещая им помогать. Оный же немедля собрался, пошел в Русь и первым делом взял город Царев Борисов, воевод Михаила Сабуро-

ва да князя Юрия Приимкова побил и, поворотясь к Путимлю, многие города, как царю Василию, так и царю Дмитрию служащие, силою побрал, поскольку и оные Шаховского в том слушать не хотели. В Путимле бояр князя Василия Кандауровича Черкасского, князя Петра Ивановича Буйносова, князя Андрея Бахтеярова, князя Василия Трестенского, Ефима Бутурлина, Алексея Плещеева, князя Григория Долгорукого, Матфея Бутурлина, князя Савву Щербатого, Никиту Измайлова, князя Юрия Приимкова, Михаила Пушкина и других многих взятых в разных городах воевод, которые ему присягать не хотели, побил и князя Андрея Бахтеярова дочь взял к себе в наложницы. В Путимле не долго будучи и приведя к крестному целованию, пошел к Туле, послав перед собою воеводу князя Андрея Телятевского со многим войском к Калуге на выручку. Бояре же, слыша про оных, послали навстречу боярина князя Бориса Петровича Татеева да князя Андрея Черкасского. И сошедшись на речке Пчельне, воры бояр побили, при котором бою то несчастье учинилось, что обоих воевод внезапно убили, и от того многие прежде времени, испугавшись, побежали. Что услышав, при Калуге стоящие бояре, пометав весь снаряд, отступили в Боровск. Тогда же князь Михаил Долгорукий со многими ворами пришел к Козельску, а воевода Артемий Измайлов, выйдя на него, воров многих побил и в плен побрал, а Долгорукий едва сам раненный ушел, Артемий же пошел к Калуге и, уздав, что бояре отступили, забрал весь снаряд и пришел в Мещевск.

Царь Василий, уздав, что оный вор, Петром называющийся, с Дона пошел, немедля, собравшись, пошел сам с войском к Серпухову, а на Каширу послал князя Андрея Васильевича Голицына, с Рязани велел идти князю Борису Михайловичу Лыкову с войсками. Туда же вор Петр, слыша про приход Голицына, послал к Кашире Телятевского; который, получив указ, на следующий день после боя при Пчельне немедленно пошел. И сошедшись с Голицыным на речке Вязме, бились целый день. И после жестоком боя едва воров одолели и, обступив вокруг, всех порубили, а в полон мало отдалось, только Телятевский ушел с малым числом людей. И Голицын с прочими, поворотясь, пришли к Серпухову. Царь же Василий, взяв Алексин, пошел к Туле, послав перед собою воеводу князя Михаила Васильевича Шуйского, который сошелся с вором Петром на реке Вороне. И тут был бой великий, к которому подоспела Шуйскому помощь. И после многого кровопролития вора сбили, после чего он с великими потерями ушел в Тулу тысячах в десяти.^н Но царь Василий, приспев, тотчас оный град осадил, чтоб никого не выпустить. Но чтобы и в других местах воров смирить и выручки ему не допустить, послал к Козельску князя Василия Федо-

^н Petreus. P. 389.

ровича Масальского, к Белеву и Болхову князя Третьяка Сеитова. И Сеитов оные города, Белев, Лихвин и Болхов, очистил. Масальский же стал между Козельском и Мещевском, пресекая вора с калу-жанами соединение. Но под Калугою тогда князи Петр да Александр Урусовы изменили и ушли к ворам со многими татарами.

Между тем когда оные воры из Путимля вышли, князь Василий Масальский, озлобясь пресильно за побиение столь многих знатных воевод русских и видя во оном воре великое свирепство, не желая оного Петра более и царя Василия слушать, подослал вора в Стародуб, которые, придя в сентябре месяце вдвоем, сказались, якобы от царя Дмитрия присланы были. Один назвался Андреем Андреевым, сыном Нагой, братом двоюродным царю Дмитрию, а другой подъячим московским Василием Русиным, и просили, чтоб стародубцы за него, царя Дмитрия, вступились, обещая им за то великую от него милость. И стародубцы приняли их с великою радостью. Но когда стали спрашивать, где оный царь Дмитрий и какое они на то уверение имеют, то они, не зная, что сказать, молчали. Воевода же, видя, что только возмущение, велел их немедленно пытаться. И сначала подняли подъячего, то он сказал: «Сей называется царем Дмитрием». После чего и тот, который назывался Нагим, сказал о себе, якобы он подлинно есть царь Дмитрий. Потому стародубцы его приняли и, целовав ему крест, послали от имени его во все близ лежащие города грамоты, по которым Путимль, Чернигов, Новгородок и другие к нему пристали. Оный же вор послал от себя с грамотою к царю Василию сына боярского и велел ему при Туле войско возмутить. После прибытия оного многие бояре стали царю Василию говорить, чтоб сего посланного отпустить с письмом, объявив довольное обличение, что и первый бывший в Москве не был царевич Дмитрий, но беглый чернец Григорий Отрепьев, в чем как его родная мать, так и царица, мать царевича, его обличили; и он сам в том пред всем народом вину свою признал, и потом в присутствии всех людей убит, о чем многие тысячи свидетельствовать могут, так как пред очами всех спрошен был, убит и для пресечения сомнительства три дня на площади лежал, которому снова быть уже невозможно, и чтоб сим его в страх, а людей, верящих ему, в рассуждение привести. Но царь Василий, не послушав сего совета, велел его жестоко пытаться, который, на том стоя, что то подлинно царь Дмитрий, на пытке умер. Петр, называющий себя царевичем, сидя в Туле взаперти, мужественно противился и несколько раз покушаясь, выйдя, хотел пробиться, только его не пропустили. Однако ж он с письмами в Путимль одного человека тайно прислал. И хотя Дмитрий хотел было ему ради себя помощь учинить, да возможности не было.

Царь Василий, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать. Оставить был ему вели-

кий страх, стоять долго боялся, чтоб войско не привести в досаду и смятение, силою брать больший был страх людей потерять. Но в то время явился один муромский дворянин Фома Кравков, просил у него людей работных довольного числа, чтоб ему сделать на реке плотину и город весь затопить, чрез что обещал ему сей город в один день достать без всякого кровопролития. Сему сначала как царь, так и некоторые бояре посмеялись, но многие, рассмотрев обстоятельства, приняли за добрый совет. И немедля отрядив людей, сколько потребно было, 20 октября велели тотчас леса возить, землю копать и прочее со всякою прилежностію строить на месте, которое было всех уже и берега выше. Дня 26 завершилась сия работа, и ночью отведя все полки, которые на низких местах стояли, 27 в ночь заперли ту плотину, чрез что к утру так наполнилось, что люди принуждены были бежать на кровли. И видя, что вода прибывает, думали, что и на кровлях все потонут, тотчас прислали просить милосердия, чтоб их приняли. Потому, сначала взяв из города одного вора Илью, называющегося царевичем Петром, и князя Петра Федорова сына Шеховского. зачинщика всего того обмана, а также Болотникова, да атамана донского Нагибу, тотчас послали в Москву, а прочих изменников частью, наказав, отпускали, частью в ссылки разослали, а иных, посколькy невинных, освободили. И оставив войско некоторое для охранения, царь Василий пошел в Москву. От Тулы посланы были воеводы и взяли Дединов, Крапивну и Епифань.

Царь Василий, придя в Москву, вора, называющегося царевичем, велел повесить на высокой виселице. Прочих же воров, Шаховского, Болотникова и Нагибу, разослали по тюрьмам в города и там их казнили. Сии проклятые хотя сами душою и телом надлежащую казнь приняли, однако ж тем обманом такую беду и разорение государству навели, что и после смерти их через 20 лет едва оное пламя утушить могли.

Сей же осенью в ноябре царь Василий Иоаннович сочетался законным браком, взял Марию, дочь князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского.

Вор, именующий себя царем Дмитрием, подлинное имя которого весьма неведомо, в Степенной книге называют его Андроном, Петреус, шведский тогда посланник, сказывает, якобы он из польского местечка Соколова учитель грамоте Иоанн, иные называют его немчином, и так, видится, немецкое имя Гендрик переложено в Андронника, но сие оставим. Оный, собравшись с несколькими людьми, из Путивля пошел к Брянску. Но царь Василий, будучи еще при Туле, послал указ, велел из Мещевска воеводе Григорию Сунбулуву послать про него проводывать и на его поступки взирать, потому он Елизария Безобразова с 250 человек отправил. Сей пришел в самое то время к Брянску, как брянчане едва не все вышли

за город встречать того вора. Безобразов же, видя, что ему города держать не с кем и на людей градских надеяться нельзя, умыслил для пресечения оному вору в его намерению и для страха другим оный город совсем сжег и возвратился в Мещевск. Вор же, видя оное, отступил в Трубчск, о чем известясь, государь послал от Тулы воевод князя Михаила Федоровича Кашина да Андрея Никитича Ржевского. И оные, придя во Брянск, вскоре оный укрепили.

Между тем поляки, видя в России такое междоусобие, а у себя некоторую тишину, намеривались их воевод, в России содержащихся в неволе, освободить и за кровь побитых их свойственников отмстить. Особенно же бывшие в конфедерации рокошан, как люди беспокойные, дома были ненадобны, и чтоб им вместо польских денег в России искать заслуженного жалованья,^o многие стали прибирать себе войска. Между прочими Адам Вишневецкий, Роман Ружинский и другие многие знатные, но недовольные поляки собрали до 60 000 человек поляков и сначала послали полковника Лисовского с 6000 поляков да 8000 запорожцев,^p которые в ту же осень, придя, совокупясь с вором, осадили Брянск. Отчего в Брянске учинился великий голод, поскольку воеводы, не ожидая никакой осады, запасов не готовили.

Слышали на Дону, что называющегося царевичем и атамана их повесили; что сыскали некого беглеца, который назывался царевичем Федором, сыном царя Федора Иоанновича, а Дмитрию племянником, и собрав немало людей, пришел к вору кромскому при Брянске. Но так как оного нетяжело было обличить, то его кромский вор убил.

Царь Василий, уведав, что Брянск осажен, послал на помощь осажденным князя Ивана Семеновича Куракина с войском, а из Мещевска велел идти князю Василию Федоровичу Масальскому. Масальский же, получив указ, немедля с 6000-ю пошел, не дожидаясь Куракина. И разведав о воровских людях, что стоят по одну сторону Десны на дороге, многих воровских посланных за сборами запасов побил и побрал и, придя, стал против Брянска через реку декабря 15 числа. И хотя он хотел в ту же ночь через Десну в город переправиться, но, видя на реке великой лед идущий, а судов никаких не было, принужден удержаться. В городе же, видя оную его смелость, а к помощи хотя крайнюю невозможность и свое последнее к обороне изнеможение, переслали к нему сказать, что они видят у себя великий голод, а на помощь ниоткуда не надеются, и из-за того они намерены сами, как возможно, к нему перебраться, а город отдать. Но Масальский, сказав им, чтоб они не думали, якобы у Бога более способов к показанию милости не найдется, но

^o Petreus. P. 395.

^p Piasecki. P. 303; Petreus. P. 403; Ludolp. T. I, p. 253.

только б ждали до завтра, а он, сколько возможно, об избавлении их будет стараться. И отпустив оных, велел всему войску готовиться совсем в поход, а куда, никому не сказал, чтобы нечаянным случаем ворами кто известия не подал. И потому все вздумали, что он хочет бежать. К вечеру же, отступя с того места версты с полторы, что неприятелям было видно, и в городе учинилась печаль от неведения, Масальский на сем новом стану велел разложить великие огни. И когда довольно темно стало, то он тотчас, сев на коней, пошел к Брянску и, придя к реке, сказал: «Кто хочет за веру и отечество жизнь положить, а честь сохранить, тот за мной следуй». Выбрав же двух голов добрых и надежных, сказал, чтоб стали назади, и ежели кто не похочет за ним идти, тех бы тут умертвили. Сам на лошади, въехав в реку, поплыл между льдом через реку, и за ним все последовали в великой тишости, никто не смел слова молвить. И перейдя реку, совокупясь со брянчанами, неожиданно на поляков напал и оных, а также и запорожцев, едва не всех побил. Прочие же, оставив обозы, побежали и осаду оставили, и там сочтено более 5000 тел, кроме раненых, полоненных и в реке утонувших. После очищения онога на следующий день пришел и Куракин, но поскольку в ту ночь после перехода Масальского лед на реке стал и переправиться было невозможно, вор, уведав, что Куракин пришел и через реку перейти не может, рассудив, что он будет без остережения, тотчас на судах перешел со всем остальным войском и пришел на Куракина на самой заре. Он же, сколько можно устроившись, с ним бился, закрыв себя обозом, и после великого боя едва отбился. Оный же вор, видя, что более учинить уже невозможно, пошел к Орлу, а Куракин, оставив запасы в Брянске, отступил в Карачев.

Король шведский Карл IX, слышав про такое великое поляков на Россию собрание и опасаясь, чтоб они, усилившись, его государству тягости не нанесли, что легко статья могло, поскольку и прежнее вспоможение Расстриге в том же намерении от Сигизмунда короля польского было, что Лифляндию и Финляндию у шведов отнять,⁹ для того послал к царю Василию посланника Петреуса, которого История часто здесь упоминается, велел ему представить опасности российские и обещать несколько тысяч войска в помощь по приятельству соседскому. Но Шуйский, опасаясь, чтоб от них в вере какой соблазн не родился или чтоб, придя в гости, хозяев из места не высадили, а кроме того не веря, чтоб поляки при учиненном мире сильное какое нападение учинили, воров же уничтожая, оному присланному, поблагодарив, отказал.[†]

⁹ Pufendorf [Samuel]. Einleitung in die Historie der vornehmsten Europäischen Staaten, Th. I. Frankfurt a/M, 1682, p. 548 (далее: Pufendorf); Ludolp. Т. I, p. 142.

[†] Petreus. P. 403.

1608. Вор оный пошел в Орел, где его с честью приняли, и тут он зимовал, где к нему прибыл из Польши гетман Ружинский с рокошанами. Он же, стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещаниями милостей, между прочим всем крестьянам и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял,⁵ и тем, почитай, весь простой народ к себе привлек. И через то во всех городах снова казаков из холопов и крестьян размножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов.

Царь Василий послал в Болхов воевод брата своего князя Дмитрия Ивановича Шуйского с товарищами и с ним войска с 60 000 человек, где оный зимовал, а весною пошел к Орлу. Но воры, встретив его на дороге, после великого боя с великою потерей принудили отступить, и ежели б не было мужеством Куракина выручен, то б окончательно совсем разбили. На сем бою ротмистр с немецкими людьми со всеми побит. А причина оному несчастью, что Шуйский шел неосторожно, оставив другие полки назади и по сторонам не близко, не ведая, что перед ним делается, как слепой на неприятеля набрел.

Поляки хотя немало своих людей на том бою потеряли, но, ведая Шуйского беспорядок, на следующий день, мая 10 дня, снова приблизились. Бояре же, желая порядком отступить, сделали вид к бою, а обозы и снаряд отпустили. И поляки, видя их крепко конницею и пехотою стоящих, долго не осмеливались ничего делать. Но тогда же, изменив, вор каширенин Микита Лихорев сказал полякам, что многие в войске биться не хотят и бегут назад. Потому поляки, жестоко наступив, войско принудили отступить на сторону, поскольку обозы через реку переправлялись и назад отступить было невозможно; и поляки, оставив их, весь обоз и снаряд взяли, а бояре с великим уроном порознь отступили. После чего, придя, вор Болхов взял, в котором сидело 3000 человек военных, и оные ему крест целовали. Однако ж многие потом ушли в Москву.

Царь Василий, видя сие несчастье, послал с полками племянника своего князя Михаила Васильевича Шуйского да Ивана Никитича Романова, которые пришли на реку Незнань, а вор пошел другою дорогою к Москве. И хотя оный Шуйский был человек молодой, но рассудил было вполне, чтоб пойти самим к Москве и на дороге, внезапно поворотив, несколько легких людей отправить перед неприятелем, а самому со всем войском с тыла нападение неожиданное на стан учинить. Однако ж учинилось в полках великое смятение, что князь Иван Катырев, князь Юрий Трубецкой, князь Иван Троекуров в согласие пришли с немалым войском к вору отъехать. О чем сей Шуйский уведal и тогда тай-

⁵ Petreus. P. 404.

но их переловил и сослал в Москву, что в войске лишь на третий день, уже когда пришли близ Москвы, сведали. Царь Василий же после довольного расследования и обличения оных трёх князей в ссылку разослал по разным городам, а собеседников их и возмутителей Якова Желябовского, Якова Иовлева Григорьева сына Полтева и других нескольких казнили в Москве на площади.

Между тем оный вор, придя и переправясь через Москву реку в Глухове, стал в Тушине, где его Шуйский с войском встретил и через реку Химку после многократных боев не пропустил. Он же обошел позади реки оной вокруг на Дмитровку и прошел к Троицкой дороге, стал в селе Танинском, имея намерение идти к Троице. Но поскольку ему там со всех сторон привозы запасов отняли, и стоя на чистом месте отовсюду опасности ожидал, того ради поворотился снова в Тушино. И хотя во всю дорогу русские, кругом нападавая, обозы отбивали и мало на сторону отлучившихся убивали и в полон брали, однако ж он, придя в Тушино, сделал вокруг себя окоп, захватив великое место, который и до сих пор виден. А бояре стали на Ходынке.

Поляки, видя себе надежду невеликую, а еще более опасаясь, чтоб зимы не дожждаться, умыслили коварством напасти делать. Ружинский, как гетман польский, прислал от себя в Москву к царю Василию просить, чтоб отпустил польских послов и Георгия Мнишека, а также и прочих поляков. Но царь Василий сказал: «Ежели Ружинский имеет от короля или Речи Посполитой грамоты, то он велит с ним договариваться, ежели ж не имеет, то он его за честного поляка не признает и договариваться не может». Однако ж тех присланных от него поляков отпустил с честью. Оные же присланные, возвращаясь в Тушино чрез обоз русский, что великою неосторожностью учинено, и быв в полках, всем сказывали, якобы они с царем Василием мир учинили, и польские войска на следующее же утро прочь пойдут, чем людей в великую слабость привели, что многие стали пить и веселиться и так изрядно содержанные караулы и осторожности все оставили. Сие те присланные, придя, Ружинскому сказали. Ружинский же, тотчас собрав все свое войско, той же ночью против 28 июня напал неожиданно на обоз, все войско стоящее разбил, воеводу князя Василия Федоровича Масальского в полон взял и гнал до самой Москвы. Бояре же, прибежав к Москве под стену, собрались снова, сами на воров напали и гнали их за Ходынку, где отбив свой брошенный и уже разграбленный обоз, в котором множество пьяных поляков и воров побили, на оном месте ночевали. В сем случае помощь учинили взятые в Болхове с 4000 человек, которые, отступив от поляков, на них напали и бояре снова к нападению на поляков поворотили.¹ Однако

¹ Piasecki. p. 304; Petreus. P. 407; Ludolp. S. c.

ж, видя что оное место им не безопасно, на следующий день отступили на Пресню со всем обозом и сделали окоп, который частью ныне еще виден.

Полковник Лисовский, отделясь еще идя к Москве, Зарайск взял и хотел идти на Рязань. Но на Рязани, собрав войско, послали Захария Липунова к Зарайску, который, сошедшись с Лисовским, после жестокого боя, с триста человек потеряв, принужден был отступить. А Лисовский, хотя вдвое больше войска имел, не меньше Липунова потерял и потом, придя к Коломне, город взял и, воеводу князя Владимира Долгорукого взяв в плен, пошел к Москве. Против него из Москвы послали князя Ивана Семеновича Куракина да князя Бориса Михайловича Лыкова. И сошедшись на Москве реке у Медвежьего брода, Лисовского со всем побили и снаряд со всем обозом взяли, а князя Владимира Долгорукого выручили. Лисовский оттуда ушел, бояре же, взяв снова Коломну, оставили воевод Ивана Матфеевича Бутурлина да Семена Глебова.

В Москве же бывшим тогда царем Василием большая часть были недовольны, и на царстве его иметь многие не хотели; Тушинского же вора, не зная, кто он, также пуще опасались, чтоб от такого хищника большей беды, нежели от Расстриги, не нажать; вновь выбирать из-за силы польский и междоусобного несогласия весьма было неудобно, да хотя б из бояр кого ни выбрать, то другой, быв ему равным, вознегодует, не только сам слушать и почитать не захочет, но и других на то возмутит. И рассудили, что наилучше выбрать чужестранного государя, который бы силу имел все внутренние беспоконья пресечь, воров смирить, чужестранные войска вывести и все государство в доброе состояние приведет. Видя же, что король польский имеет двух сынов, и ведая, что младший сын Владислав хотя был еще молод, однако ж острого ума и мужествен по виду, к тому же язык русский ему не труден, о чем тайно говоря с послом польским Гоншевским, согласились и положили, чтоб он таил до времени, а они будут стараться его в Польшу отпустить. После чего вскоре стали царю Василию представлять, что ему никакой пользы в том удержании послов нет, только что короля и знатных поляков в большей злобе укореняет, а ежели отпустит, а особенно ныне без всякой просьбы, то конечно они могут исходатайствовать полезный договор. Государь же, не ведая такого над ним умысла лукавого, легко на то склонился; и все советовали, кроме князя Михаила Васильевича Шуйского, который не в согласии с этим был, но его, как человека молодого, не слушали, а Куракин был в полках и не ведал. И после заключения того немедленно царь Василий тех послов, насколько возможно в Москве удовлетворив, отпустил и велел князю Владимиру Долгорукому с 500 человеками, зайдя в Ярославль, взяв Георгия Мнишека с дочерью, проводить их с честью до польской границы. В Ту-

шине же уведал оное гетман Ружинский и рассудил, что им в обозе для большего укрепления русских надобно вдову Расстригину иметь, послали на перехват князя Василия Масальского с 2000 конницы и велели ему, ежели охотою не поедет, силою взять. И Масальский, догнав их в Бельском уезде, Мнишека и с дочерью, уверив, что подлинно тот Дмитрий, с которым она венчалась, поворотил и привез их в Тушино. А послы, не послушав Масальского, поехали в Польшу. Долгорукий же поворотился в Москву один, а войско все разъехалось по домам.

Сей Мнишек принят в Тушино с преизрядною честью и немалою встречею. Но увидев одного вора, как Мнишек и дочь его, так все бывшие при них без стыда сказали, что он не тот Дмитрий, который с нею в Москве венчался. И сие было привело в великое смятение, а особенно русских, и стали особым обозом, не желая с ним никакого соединения иметь. Масальский же, уйдя из полону в Москву, обстоятельно сказал, через что люди в Москве весьма ободрились.^u Да Ружинский, видя из того великую опасность, не стыдясь, Мнишеку с дочерью сказал, чтоб она его мужем признала. Ныне Мнишек возмездие узнал, что как он страхом других принудил первого, его принудили сего другого вора царем Дмитрием именовать, и хотя не сердцем, да устами против своей совести так, как люди хотят, почитать. И договорились на том, что дочери его с ним жить в одних хоробах, но в отдельной светлице и прежде вступления совершенного на престол ее не касаться и ни к чему не принуждать. Особенно же Мнишек рассудил, что если он сим способом того вора на престол посадит, то оскорбителям своим российским боярам обиду отместит и сам с великою честью в Польшу возвратиться может. И в той надежде сие притворство учинил, что с великою честью одного вора с пролитием слез и целованием пред всеми людьми принял и дочь свою к нему в хоромы перевез.^v И сие явное соединение немалую пользу сему вору учинило, ибо многие города, которые были ему противниками, стали с повинною присылать, из чего всего царь Василий узнал, что племянник его хотя и молод, да правильно говорил.

Вышеобъявленной договор хотя с обеих сторон клятвою был утвержден, однако ж природе хитрость принуждена была уступить, ибо как огню с соломою, соли с водою весьма опасно близко лежать, так и здесь. Вскоре та же опасность явилась, что по согласию обеих сторон тайно венчались и вскоре начали говорить об ожидании ребенка. Что еще более людей к нему стало склонять, и с

^u Piasecki. P. 304.

^v Piasecki. P. 304; St. Kobierzycki. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Sueciaeque regis. Dantisci, 1655, p. 71 (далее: Kobierzycki); Petreus. P. 409.

каждым часом все больше от города и войска, от царя Василия отставая, к нему приходили. И уже весьма мало городов в послушании царском осталось, чрез что войска в Москве очень умалилось и на помощь ниоткуда уже не надеялись. Того ради, вспомнив обещание шведского короля, царь Василий послал в Новгород племянника своего князя Михаила Васильевича Шуйского и с ним Семена Головина, велел там войско собирать и к тому от шведского короля нанять сколько возможно; которые, взяв малое число людей, на Ярославль проехали. Тогда же в Тушино пришел из Литвы полковник Сапега с войском, который, взяв в Тушине в прибавку к своим поляков и русских воров, пришел к Пресне на боярский обоз. Бояре же, выступив в поле, бились три часа и поляков с великим уроном отбили и гнали до Ходынки. После того вскоре уведал Сапега, что в Троицком монастыре великое богатство, и пошел туда. А царь Василий, уведав, послал за ним брата своего князя Ивана с товарищами, которые сошлись в деревне Рохманцове. И был бой великий, в котором поляки далеко уже уступили и стали бежать, но русские ради сбора наживы расстроили ряды свои. Что Сапега усмотрев, вскоре опять построясь, жестоко напал, и сначала сторожевого полка воевода Головин дрогнул, а потом и прочие побежали. На сем бою убит князь Андрей Григорьевич Ромодановский, прочие же половина возвратились в Москву. Тогда царь Василий более начал осаду укреплять, объявив, ежели кто не хочет ему служить, тот бы ехал вон. И хотя ему тогда все крест целовали, да вскоре как из города, так из обоза стали в Тушино отъезжать, от чего учинилось такое смятение, что брат на брата, сын на отца воевал.

Сапега, после разбития Шуйского осадив монастырь, сильно приступал, но из-за мужества храбро обороняющегося воеводы князя Григория Борисовича Долгорукого ничего учинить не мог, а кроме того своих людей напрасно терял. И стоя тут, послал людей своих по городам деньги и запасы собирать. В чем суздальцы сначала отказали и хотели, укрепясь, сидеть, но Меньшик Шилов с товарищами, всех людей возмутив, вору целовав крест, к Сапеге послали, и он прислал к ним от себя воеводу Федора Плещеева.

Переславцы не только по его воле исполнили, но и других стали к тому неволею принуждать, поскольку услышали, что ростовцы и ярославцы верно служить царю Василию обещались и присланных из Переславля не послушали, совокупясь с поляками, пошли к Ростову, над которыми был от Сапеги определенный воевода Матфей Плещеев. Ростовцы же стали митрополита Филарета звать, чтобы с ними в Ярославль пошел. Но он им в том, как противном учиненному своему обещанию, отказал. И хотя многие ростовцы с митрополитом укрепиться согласились, однако ж переславцев было числом больше нежели втрое, и из-за того многие ростовцы ушли в Ярославль, а другие с митрополитом пошли в

церковь. И переславцы, придя, многих в Ростове побили и, дома разграбив, пришли к церкви и хотели зажечь. Но митрополит, думая, что они, его сана устыдясь, от злости своей отстанут, отворил им двери, а сам стал пред святым алтарем. Но переславцы, презрев святость храма, войдя, взяли архиерея и, сняв с него с великим руганием священные одежды, одели в худое платье и послали в Тушино. Прочих же побив и ограбив, пошел оный Плесцев к Ярославлю, где также многое разорение учинил и неволею к крестному целованию приводил. А Лисовский тогда же взял Шую приступом, потом и Кинешму, где побив многих людей, возвратился в Суздаль. Через сие все прочие русские города вору присягали, только держались в верности Новгород Великий, Сибирь, Смоленск. Рязань с пригородами, Коломна и Нижний в осаде от черемис сидели.

С Каширы изменники и поляки с вождем их Хмелевским пошли под Коломну. О чем царь Василий уздав, послал на выручку воевод князя Семена Васильевича Прозоровского да Василия Борисовича Сукина с войском, и они Хмелевского при Коломне совсем побили. А также из Владимира пошли было воры к Коломне, но князь Дмитрий Михайлович Пожарский, встретив их в селе Высоцком, всех побил и обоз взял.

Князь Михаил Васильевич Шуйский Скопин пришел в Новгород, где был воевода окольный Михаил Игнатьевич Татищев, и по указу царскому начал войско собирать. А в Швецию к королю просить войска в наем 10 000 человек послал Скопин шурина своего Семена Васильевича Головина. Который, прибыв туда, после многих договоров получил от короля обещание дать 5000 человек конницы и пехоты, которым каждый месяц платить 2000 рублей и после пришествия оных войск, и притом царю Василию от права своего и домогательств на Лифляндию отречься. И сие февраля 28 1609-го в Выборге с обеих сторон от комиссаров подписано, и сей договор в рассуждении Шафирова о войне шведской точно внесен. Шуйский после пришествия своего послал по всем городам грамоты. И по оным первые псковичи не послушали и ему отказали, а присягали вору. Сие услышав, боярин Шуйский и Татищев, опасаясь от новгородцев такой же измены, рассудили уехать в Ивангород. И приехав близ города, уведали, что воевода тамошний с городом изменил, и потому они поехали к Орешку (Слюсенбургу, Шлиссенбургу), и тут от них ушли Андрей Колычев да Нелюб Огарев. В Орешке же тогда был воевода Михаил Салтыков и, услышав про их приезд, в город их пускать не велел, чрез что они пришли в великую печаль и недоумение, не знали, куда ехать и что делать. После отъезда же их в Новгороде митрополит Исидор, услышав про отъезд Шуйского и воеводы, с которым очень дружно жил, призвав к себе знатнейших людей новгородских, стал уговаривать и просить, чтобы они верность свою государю и государству

показали, а целованьем креста вору себя и своих детей в великий страх и разорение не вдавляли; которые после многих его просьб хотя склонились, однако ж представляли ему, чтоб он весь народ просил. Он же, созвав народ в церковь, после многого представления всех новгородцев со слезами просил, на что все единодушно обещались и в тот же день искать Шуйского и звать назад послали со всех концов знатных людей. И сии ехали по пути за Шуйским, выпрашивая. И приехали к ним при Орешке в самый тот горестный их час, что Шуйского с товарищами весьма обрадовало, и с великою радостью возвратились. Новгородцы же, приняв их с честною встречею, клятвою и крестным целованием всенародно уверив, по крайней возможности во всем воспомогали и войско собирали.

Сие уведали в Тушине, послали полковника Карнозицкого с поляками и русскими ворами к Новгороду, чтоб новгородцев принудить вору крест целовать. И оный уже был близ Бронниц, на которого воевода Татищев с воли Скопина собрался идти с войском, чтоб близко к городу не допустить. Но тогда некий враг его, придя тайно к Шуйскому, сказал, якобы Татищев хочет изменить. Шуйский же, не рассмотрев обстоятельств и не спросив самого Татищева, вышел к народу и сказал, отчего народ тотчас, возмуться, Татищева убили, заколол один ножом. Однако ж осмотрясь и видя, что затеяно было, на следующий день погребли его с честью в Антоньевом монастыре. А между тем Карнозицкий, придя, стал на Хутыни и многие пакости, посылая, делал. Новгородцы же, собравшись, стали на Грузине, что Карнозицкий уедавал, пошел назад немедля.

Нижний Новгород долгое время утесняем был от мордвы, черемисы и холопов, к которым из Тушина в прибавок пришел князь Семен Вяземский, и учинили те городу крайнюю тесноту. Нижегородцы же положив последнее намерение или наконец город очистив остаться в покое, или совсем пропасть, собрались сколько к бою способных людей было, человек тысячи с три, выйдя за город, на воров оных жестоко напали. Которые хотя из-за великого их множества сначала оборонялись, но вскоре многие побежали, а нижегородцы, догоняя, побивали. И так оных более 5 000 побили. Воеводу же князя Вяземского взяв в полон, не отписываясь в Москву, в Нижнем на площади, а других несколько около города повесили.

Царь Василий, видя, что Шереметьев с войском у Астрахани напрасно стоит, послал к нему, чтоб он как возможно к Москве поспешил. И оный, получив указ, острог на Балчуге оставив, пошел к Москве и, идучи, многие понизовые города очистил и под власть государеву снова привел. О чем нижегородцы услышав, пошли к Болохне и оный город взяли.

Сие уедавал, по деревням помещики и сами крестьяне без всякого указа, видя крайнее от воров и поляков государству разо-

рение, во многих местах собравшись человек по 100 и более, поляков и бунтовщиков побивали. Между многими такими заводчики знатнейшие: в Юрьевце сытник Федор Красный, в Решме крестьянин Григорий Лапша, на Болохне посадский Иван Кувшинников, в Гороховце Федор Ногавицын, в Холуе Илия Деньгин и пр., собравшись со множеством крестьян, при городе Луге поляков побили, а дворян, которых взяли, сослали в Нижний и пошли к Шуе, о чем Лисовский уедав, послал против них Федора Плещеева. И сошедшись в селе Данилове, после великого боя крестьяне воров тех и поляков побили и обоз взяли, а Плещеев ушел с малым числом людей в Суздаль. Тогда же Вологда, Устюг Великий и все Поморье, обратясь к государю, поляков и воров всех побили. Потом Лисовский, собравшись со многолюдством, пришел к Данилову, где Федор сытник с товарищами стоял без осторожности, неожиданно на них напал, многих крестьян побил, а больше разбежались по лесам.

Тогда в Москве от часу злоба и ненависть на царя Василия возрастала, а особенно что в запасах всяких и харче было великое оскудение. И надеясь на оговоренное, с польским послом Гоншевским войдя в согласие, некоторые с тушинскими ворами умыслили царя Василия ссадить. Из-за чего князь Роман Гагарин, Григорий Сунбулов, Тимофей Грязной со многими людьми, придя во дворец, начали боярам говорить, чтоб царя Василия с престола ссадили. Но бояре, довольно в ответ рассуждая, отказали. Они же, не послушав бояр, взяв патриарха и царя, вывели на лобное место. В чем один только князь Василий Васильевич Голицын из всех бояр с ними в согласии был, отчего все то тайно происходило. Прочие же сильно спорили и, сколько возможно, пред ними стоящему народу за тяжкий грех и крайнее бедствие толковали. Потому народ снова успокоился, и, оставив в прежнем быть состоянии, разошлись по домам. Но возмутители в ту же ночь, собравшись человек с 300, отъехали в Тушино и сказали про все внутри Москвы великие недостатки. Потому послали из Тушина к Коломне полковника Млицкого, чтоб от Коломны провоз запасов в Москву отнять. В Коломне же воеводы поссорились, и Колычев писал на главного своего воеводу Бутурлина к царю Василию, якобы он изменить хочет. Царь Василий же, взяв одного Бутурлина в Москву, казнил. Но поскольку такими способами привозы запасов с каждым часом уменьшались и заготовленные оскудевали, то учинился великий голод, ибо рожь покупали четверть по семь рублей, что убогим людям весьма было уже несносно. Чрез что смятение более умножилось и едва старанием бояр и даянием убогим милостыни, на что многие знатные все имения свои истощали, народ в верности государю удержали. Наиболее же великую помощь в том подали ушедшие из Тушина ротмистр Мизинов да князь Роман Гагарин,

которые всенародно государю вину свою принесли и сказали, что в Тушине не царь Дмитрий, но вор самозванец, которого поляки только для разорения российского, а своего обогащения, держат, и в войске про то как поляки, так русские все знают, и сим народ мутящейся в Москве совершенно успокоили.

Тогда же пришел в Тушино из Польши еще полковник Бобовский с войсками и, соединясь с тушинскими, пришел под Москву и хотел, слободы пожгя, стать на Пресне. Воеводы же вышли из города против оных и после жестокого боя поляков и бунтовщиков сбили и гнали, побивая, до самого Тушинского окопа. Но тогда воры остальные, выйдя из окопа, оных выручили, а бояре со всем войском возвратились в Москву со многим полоном. Вскоре потом получили от Шереметьева известие, что он идет с низовым войском. И государь товарища его Ивана Салтыкова, опасаясь измены, взял в Москву.

В Астрахани явились еще три самозванца: 1) назвался Августом, сыном царя Иоанна Васильевича, 2) Осиновик, якобы он сын царевича Иоанна Иоанновича, 3) Лавр, якобы сын царя Федора Иоанновича, к которым пристали казаки астраханцы и многие низовые города. Совокупясь, все трое пошли к Москве, но, идучи по Волге, между собою поссорились, один другого вором и самозванцем обличал. И Август по согласию с Лавром Осиновика на Волге повесили и, придя к Тушину, с вором сообщениями обменялись. Он же, приняв их и обличив, обоих, Августа и Лаврентия, повесил. И так сии воры достойный своему воровству престол высокий достали, а пришедшие с ними многие разбежались, другие же целовали крест вору тушинскому.

В Новгород пришел из Швеции Семен Головин, да с ним шведский генерал Яков Понтус Делагарди, да генерал-майор Ебергард (Эверт, Эдуард) Горн с войском. И тут, подтвердив договоры, князь Скопин Шуйский тотчас Горна со шведами и русскими отправил наперед. И оный, придя, Старую Русу очистил и, приведши к кресту, пошел к Торопцу. На пути же, сошедшись с поляками в селе Каменках, шедших против него поляков побил и Торопец взял, где оставив воеводу Федора Чулкова, пошел на стоящих в том же уезде при монастыре Холховице поляков и оных сбил и разогнал. К Торжку послал Шуйский наперед Гаврила Чулкова со многими новгородцами. И оный, после невеликого сопротивления Торжок взяв, укрепился. Во Твери же поляки, уведав оное, послали к Торжку войско, а Шуйский, получив известие, послал в помощь к Чулкову Семена Головина, а также и Горну велел туда наспех идти. И оные пришли с поляками к Торжку в один день, и при нем учинился первый со шведами великий бой. И поляки шведов уже смяли, но из города Чулков вышел со всеми людьми в помощь, а Головин с поля подоспел, и поляков с великим уроном отбили,

после чего они отступили во Тверь. Вскоре потом и сам князь Шуйский с Делагарди прибыли к Торжку, где отдохнув немного, пошли к Твери и, не доходя за 10 верст, переправились через Волгу. Поляки же, выйдя из Твери, в 15000 человек жестоко на Делагарди напали. И хотя тогда еще войска русские перебраться не успели, поскольку пошли на другое место выше, к тому ж был великий дождь, однако ж шведы устояли. Только воры, увидев шведский обоз на другой стороне Волги, переплыв, многий вред сделали и едва весь обоз не отбили. Сие шведы хотя сами видели, что от воров на обоз их нападение учинено, но сначала поставляли, якобы Шуйский нарочно, не оставив никого в защите, со всем войском на другой перевоз пошел. Шуйский же, сошедшись в тот же день с Делагарди и дождавшись остальных войск, на третий день пошел к Твери и в тот же день острог взял, в котором многих поляков и воров побили, остальные же ушли в земляной город, который шведы хотели доставать. Но Шуйский, опасаясь, чтоб на таких приступах людей напрасно не растерять и города не разорить, ведая, что ежели в поле неприятеля побьет, то город без труда снова получит, на оное им не соизволил и пошел прочь к Городне. Шведы же, осердясь, стали просить, чтоб он им за разграбленный их обоз заплатил. А Шуйский отговаривался, что то от неприятеля учинено, и ежели они у поляков или русских изменников обоз возьмут, то он им грабить оный не воспретит. Однако ж шведы поворотились назад и пошли к Новгороду. Скопин же, придя в Городню и видя, что возвращение оных шведов не только надежды лишает, но и больший страх наносит, ибо многие новгородцы стали опасаться, чтоб он в Новгороде не засел, послал Головина их уговаривать и обещал оный их в обозе учинившейся убыток по пришествии в Москву наградить. А между тем для безопасности, переправясь за Волгу, в Городню придя, в Колязине монастырь стал, после чего и шведы, поворотясь с Крестец, его догнали. И в Калязине укрепившись, послал в Москву Елизария Безобразова со станицею царю Василию возвестить. А по городам послал указы, чтобы войско к нему, а также деньги и припасы высылали, потому немедленно со многих городов стали войска с деньгами и припасами к Шуйскому приезжать. А царь Василий, приняв присланных от Шуйского с великою радостью и пожаловав их, послал Григория Волуева со станицею к Шуйскому.

Между тем большая туча и грозная буря к беде российской явилась. Ибо тогда многие сенаторы польские и войск начальники после утишения конфедерации рокошанской, которые большей частью в Россию для разорения в помощь к Тушинскому вору перешли, стали королю Сигизмунду сильно наговаривать, чтоб во время такого смятения в России пользы своей искать и по меньшей мере потерянные в прежних войнах города и земли возвратить. И хотя некоторые спорили, представляя, что оная война несправедная.

против учиненного чрез Льва Сапегу с царем Борисом мира, и что удержание польских послов не есть правильная войне причина, поскольку оные посланы были к Дмитрию, о чем еще никакою подлинностию уверены не были; к тому же надобно сильное войско иметь не только против царя Василия, но и против именуемого Дмитрием, которому как людей, так и денег не достает, и обои от Речи Посполитой требоваться не могут, чтобы чрез то новых беспокойств внутри Польши не возжечь. И насколько сие мнение основательнее и безопаснее, настолько супротивящихся оному, войны желающих, противное приятнее явилось. Которых доводы состояли в том: Русские мир сами нарушили пролитием крови побитых в Москве поляков с Дмитрием или кто он ни был, к которому послы польские не прежде посланы были, как его всем государством за царя признали. Оное было умышленное предприятие, что они Дмитрия не прежде убили, как воевода сендомирский со многими знатными поляки и великим богатством прибыли, желая оных побить и ограбить. И ежели б того намерения не было, то б могли прежде Дмитрия ссадить и поляков оставить в покое. Оскорбление разных послов не может быть легко забыто и упущено, и случай великого в России смятения подает в руки нам от России Смоленск, Северио и прочие города достать. Беспокойные же головы рокошан, в Польше еще шатающихся, нет лучше способа усмирить, как их на нового неприятеля обратить и грабление, которое они в отечестве своем ныне делают, без всякой Польше тягости в России им допустить. Стоящий под Москвою Дмитрий более опирается на поляков, которые при приближении войск королевских без сомнения его оставят. К тому же надобно великий страх предостеречь, чтоб русские от крайней своей беды для своего избавления ненавидящему поляков королю шведскому или другому тому подобному не поддались, чрез что потом Польша может в великий страх и утеснение прийти.^w И хотя миролюбивые сенаторы, не ведая королевского подлинного намерения, еще представляли, что русские объявляли о Дмитрии первом из Москвы оное явно под принуждением, поскольку тогда против учиненного мира поляки, в Русь множеством выйдя для помощи тому Дмитрию, многие города побрали и выданными универсалами (грамотами) утесненный тогда от царя Бориса народ в смятение привели, чрез что тот Дмитрий неправильным порядком престол получил. Что же дождания Мнишека с дочерью касается, то может быть правда, что русские и прежде б могли оное учинить. Но видя, что к оному Мнишеку и дочери его чрезвычайно великие дары из казны прежних царей посланы были, и русские небесправильно оных возвращения ожидали или может быть думали, что воевода оный, при-

^w Kobierzycki. P. 72; Lubienski. P. 156.

быв, как человек благородный, Дмитрия от многих непорядочных поступков, которые русским с великою досадою показаны были, воздержит и лучшие советы подаст. Но оный, прибыв, не только сам возгордился, но и другие знатнейших русских бояр стали уничтожать, ругаться и утеснять. А особенно в главном пункте веры чрез действие иезуитов тотчас великое оскорбление учинили, что русские, всякой надежды к сохранению своих законов лишившись, в такое дерзновение поляками принуждены были. И потому оное в нарушение мира правильно почитать нельзя. «О шведах же никакой опасности иметь не можем, чтоб русские оным под власть отдались, разве что мы их такими неправыми утеснения к тому принудим. А ежели мы хотя бы поляков отзовем и дадим им волю, то им как до нас, так и до шведов дела не будет и бояться нечего, поскольку им между собою дела довольно. И ежели мы что по праву от них желать можем, то имеем способ изрядный порядочными договорами их к тому склонить».

Однако ж все сие королю было неприятно, поскольку он уже имел уверение о выборе на царство сына его, только еще тайно хранил. И дня 8 сентября специальным письмом чрез Стефана Стромилова царю Василию войну объявив, с 20 000 войска к Смоленску придя, обступил,^x поскольку ему литовский канцлер Лев Сапега великое обнадеживание учинил, что в первом приходе, как только город увидит, немедля ему сдадутся без всякого сопротивления.^y Однако ж король в том весьма ж обманулся, потому что боярин Михаил Борисович Шеин с товарищами так оную крепость утвердил и всякими припасами военными и съестными запасами удовлетворялся, что затем два года без великой нужды мужественно оборонял. В Тушине состоящее тогда польское и русское войско в немалую опасность пришло, боясь, чтоб король некоторых из них на свою сторону не склонил и осаде московской их не помешал, и еще более вор, опасаясь, великие обещания им предписал. Потому в Тушине на некоторых договорах все войско, войдя в согласие, присягали твердо Дмитрия защищать, только Иоанн Сапега, стоя у Троицы, по всем домогательствам на то не склонился, ведая тайно о выборе Владислава.^z По сему взаимному обязательству отправили из Тушина к королю посольство. Но оное, забыв о должном к королю почтении, очень нагло и с угрозами представляло, чтоб он в их московскую осаду не вступался, которых король за бунтовщиков счел. Напротив же, от Сапеги присланных весьма милостиво принял, поскольку сии представляли, чтобы при воре обретающееся войско, как будет возможно, отозвать и его обесси-

^x Kobierzycki. P. 82; Petreus. P. 419; Lubienski. P. 153.

^y Piasecki. P. 311.

^z Kobierzycki. P. 93, 103.

лить и потом с одним царем Василием ввиду его бессилия легко намеренное сделать.

Шуйский князь, стоя в Колязине и слыша, что в Ярославле поляков малое число, послал туда с некоторым количеством людей Семена Коробьина, чтоб оный город захватить и тем Вологду и все поморские города от поляков закрыть. Но Иоанн Сапега, уведав, пойдя от Троицы, его к Ярославлю не допустил и пришел за ним к Калязину, где Скопин-Шуйский, выйдя с войском, учинил с ним бой. И Сапега, видя их сильными, отступив, пошел к Троице. Князь же Скопин, слыша, что король пришел под Смоленск, послал в Швецию Бориса Сабакина просить по обещанию их помощных войск. Ежели же вопреки ожиданиям шведы в помощь дать откажут, то велел нанять еще до 5000 человек.

Рязанцы, слышав, что полковник Млыцкий Коломну уже в крайнюю тесноту привел, собрав войско под руководством Прокопия Липунова, пришли к Коломне и, совокупясь, с осаждающими жестоко бились. Но видя поляков и воров против себя более сильных, едва смогли без потери в город вступить. Поляки же и воры, видя оную войск прибавку и уведав, что Шуйский идет, отступили в Серпухов. А рязанцы, укрепив город, пошли снова на Рязань. Тогда же пришли на Коломну с Москвы князь Василий Федорович Масальский да Семен Глебов с войсками, которым велено было сколько возможно запасов собрать и привести в Москву, поскольку была в харчах крайняя нужда.

Федор Иванович Шереметьев, идучи с Низу к Суздалю, стал в худом месте, и не него пришел неожиданно полковник Лисовский со многими людьми. И после великого боя Шереметьев, много людей потеряв, с остальными отступил во Владимир.

Князь Скопин отправил от себя к Переславлю Семена Головина да Григория Волуева с войском. И оные, придя, город взяли и обретающихся там поляков порубили, а остальные ушли к Троице. О чем Скопин получив известие, послал указы в поморские и другие города, чтоб войска к нему собирались, и сам со всем войском пошел к Переславлю. И придя, немедленно утвердил оный, пошел в Александрову слободу, где поставив острог и укрепившись, послал в Москву с известием. Сапега же, уведав о приходе Шуйского, оставив у Троицы малое число людей, взял с собою до 15000 человек, пришел на Скопина и передние стражи в селе Коринском тотчас смял и гнал до слободы. А Скопин, выйдя со всеми людьми против него, жестоко с ним бился, и через несколько часов Сапега, под покровом ночи отступив, ушел к Троице.

На Рязани, уведав о приближении Скопина и его мужественных поступках и добром в войске распорядке, что, невзирая на его младость, все его отцом именовали, Прокопий Липунов, главный враг и гонитель царя Василия, желая его с оным племян-

ником во вражду и крайнюю пагубу ввести или видя сего к правлению государством способнейшего, прислал к нему от себя двух человек дворян с письмами, в которых предлагал ему дядю с царства ссадить, а самому престол принять, обещая ему в том крайнею возможностью вспомогать. Скопин же, взяв те письма, как непристойные, всем объявив, изодрал и бросил, а присланных хотел послать в Москву. Но видя оных слезную просьбу и рассудив их, как посланных, невинными, поскольку они не знали, с чем ехали, в сем тяжкою клятвою утвердили, и по просьбам многих знатных дворян тех присланных без наказания отпустил, не мысля, чтоб дядя за то на него какое подозрение мог иметь. Однако ж оное вскоре царю Василию донесено было и противными истине обстоятельствами умножено, чрез что он на столь верного и храброго своего слугу и племянника безвинно жестокою, но тайную злобу возымел. Потом из Владимира Федор Иванович Шереметьев, да из Москвы князь Иван Семенович Куракин, да Борис Михайлович Лыков пришли к Скопину с некоторыми войсками в Александрову слободу.

В то ж время в Хотуни крестьянин Салков, собрав многолюдство воров, великие около Москвы пакости делал и никого в Москву с запасами не пропускал.

Князь Масальский, собрав в Коломне довольное число запасов, пошел к Москве. Но под Бронницами, придя на него из Серпухова, полковник Млыцкий со многолюдством совсем Мосальского разбил и запасы все отнял, от чего в Москве учинился голод, поскольку князь Петр Урусов с татарами по Слободской, а Салков по Коломенской дороге стоя ниоткуда ни с чем в Москву не пропускали. И хотя в Красном селе поставлено было для обережения несколько сотен, чтоб по дорогам едущих от воров оберегали и полякам с той стороны приход возбраняли, но атаман Гороховый, изменив, оное полякам отдал, которые, по его призыву придя из Тушина, неожиданно взяли и острог совсем сожгли. Конница же государева с великим трудом едва в Москву отступила. И вскоре потом воры, придя по Неглинной от села Суцова, деревянный город зажгли, которого выгорело сажень на 40. В том смятении воры, приступая, едва город не взяли, но царь Василий, собрав людей, вскоре без великого труда воров отбил, а выгорелое место палисадами укрепил. Салков, уздав о Скопине, перешел ближе к Москве и стал на Угрейше, на которого царь Василий выслал воеводу Василия Сукина, и оный, Салкова разбив, возвратился.

Король Сигизмунд, рассудив от Сапеги присланных представление, что ему лучше с одним, нежели с двумя неприятелями, воевать, невзирая, что ему многие сенаторы противное представляли,^{aa}

^{aa} Piasecki. P. 313.

послал от себя послов в Тушино, которым приказал накрепко стараться, чтоб войско польское к нему склонить, не жалея всяких обещаний. При том же к царю Василию и патриарху прислал письма, требуя удовлетворения за учиненные обиды, обещая вскоре пристойный договор к миру представить. К вору же, именуящему себя Дмитрием, писал только польский сенат, требуя от него тем посланным свободного в Москву проезда, и после многих рас- суждений дали ему титул «его высочество и милостивый князь».^{bb} И когда сии послы в Тушино прибыли, представили всему там войску, в поле стоящему, королевское желание, чтоб они к королю приклонились и Дмитрия оставили. И тогда сначала сие представ- ление худо не было принято, поскольку поляки великого числа заслуженных денег и издержек требовали, и так счастливо искус- ством оных послов и помощью русских там обретающихся знат- ных людей продолжалось, поскольку оные послы, каждый отдель- но, призывая к себе знатнейших польских начальников порознь, каждому особенные от короля милости обещали. А Голицын объя- вил, что он со всеми войсками русскими от них отступит и того вора никогда на царство не допустят, чрез что многие поляки к королю склонились. К тому же разногласия между теми польскими начальниками учинили великую помощь, и ни одно до кровопро- лития дошло, ибо Иоанн Сапега, Ружинскому ни в чем ни усту- пить, ни помогать не желая, отделясь, искал отдельно своего сча- стья. Дмитрия оного только для лица почитали; употребляя имя его как царя, однако ж действительно ни во что не ставили. Ружинский с прочими Дмитрия так стали уничижать, что в лицо его заедино самозванцем и обманщиком именовали.^{cc} Дмитрий же оный, видя свое такое несчастье и великий страх, а кроме того уведав, что князь Василий Голицын с Ружинским хотели его, взяв, сослать к королю, в ту ночь, простясь тайно с женою своею, надев крестьян- ское платье, с некоторыми изменниками тайно уехал в Калугу на саях. Сей его побег сделал в войске великое смятение. Простой люд домогался несомненно оного вора иметь при войске, и видя, что оное из-за послов учинено, жестоко их поносили, а русские и в бой с поляками вступили. Но поскольку бояре сами с тем в согласии были и своим войскам в том не помогли, того ради русские отступи- ли со всем их обозом и заперлись. Что с превеликою трудностью едва чрез офицеров усмирили^{dd} и потом вскоре, одумавшись, стали снова оных послов ласково принимать и предложения их слушать. И договорились, что они все повелению королевскому повиновать- ся готовы, ежели им недоплаченное жалованье дано будет.

^{bb} Kobierzycki. P. 128, который обстоятельно сие посольство описует.

^{cc} Kobierzycki. P. 140; Petreus. P. 427.

^{dd} Kobierzycki. P. 152; Petreus. P. 428; Piasecki. P. 314.

1610. Января 15 Марина, жена бывшего Расстриги и нынешнего вора, видя себя оставленной и обнадежась посольскими великими обещаниями, написала к королю письмо, в котором жаловалась на насилие судьбы, которая ее на позорище мира представила, полагая свое упование с терпением на власть Божескую, и в конце положила: «Мое несчастье ничто мне более оставило, кроме как справедливость моих дел и право на престол Российский, которое моим коронованием за мной утверждено и двойною присягою уверено. Сие все предлагая вашего величества милостивому благоизобретению, я благонадеюсь, что ваше величество по обретающейся в вас мудрости все сие рассмотрите и мне, как и моему дому, который имение и кров в сем случае без остатка положил, вашу королевскую милость и щедроты изъявите, которое все вашему величеству к получению Российского престола и обнадеживанию оного твердо основательным правом немалую пользу подает. Вашему королевскому величеству всякого удовольствия желающая Марина, императрица московская».^{cc}

С сим письмом из Тушина королевских послов отпустили. Но еще в присутствии оных князь Василий Голицын, Михаил Салтыков, Хворостинин, Мосальский и другие многие, согласясь на прежнем их умыслении явно просить короля польского, чтоб сына своего королевича Владислава дал на царство, с тем отправили к Смоленску полномочных именем всего Российского государства послов бояр Михаила Глебовича Салтыкова, князя Юрия Хворостинина, князя Василия Мосальского, Льва Плещеева, дьяков Молчанова, Грамотина, Чичерина, Апраксина, Юрьева и многих дворян, дав им за подписями всех знатных людей наказ и к королю, как и королевичу, грамоты. Которые вскоре после польских послов прибыли и со встречею в обоз королевский введены, а потом января 31 дня допущены на публичную аудиенцию с великою честью. Которые придя, пространную речь говорили, в которой причины избрания оного изображали, сказывая: «Российское государство давно уже намерение имело от рода королей польских государя избрать, как только древняя линия царей пресеклась. Однако ж тогда Борис Годунов оные добрые намерения его хищническими коварствами утеснил, и из-за того он явного себе неприятеля, обманщика Расстригу Отрепьева, вскоре увидел. И хотя оный надлежащее Годунову наказание учинил, но сам, как недостойно престол похитивший, жизни достойно лишен. В том же смятении хотя снова великое желание к выбору сына вашего величества имели, и весьма б тогда то намерение исполнилось, если б князь Василий Шуйский тому не помешал, который невинною кровью поляков путь себе к престолу предуготовил и коварст-

^{cc} Kobierzycki. P. 156.

вом своих приятелей на престол восшел. Вся Москва о том ужаснулась, и многие то его против поляков показанное свирепство осуждали, но за то жизни их потеряли, до тех пор пока другой Дмитрий не явился и большею частью народа из-за одной только ненависти на Шуйского принят был. О чем стоящие в тушинском обозе с обретающимися в Москве тайно чрез письма в согласие вошли и заключили общенародно как того Шуйского, так и Тушинского отставить, а на царство избрать сына вашего величества королевича Владислава, если ваше величество ему на то соизволите и, Смоленск оставив, его к Москве отпустите. Чрез что Россия от несносного бремени избавится, и все государство, как и Смоленск, без пролития крови ему повиноваться будут, и оба государства в спокойности и доброй дружбе в вечное забвение всех обид и оскорблений придут». ^{ff}

После довольного рассуждения сего представляемого счастья все ему великую надежду по желанию получить представляло, и договоры написали, и, несмотря на пункт, чтоб Владиславу закон восточной церкви принять и оную защищать, согласие во всем было. Однако ж охота короля самому оную корону иметь учинила многие препятствия. ^{gg} Он старался утеснением Смоленска оное в действие произвести, но все оное бесплодно явилось, ибо Шеин нисколько в том уступить и город королю отдать не хотел. Король же, угождая присланным послам, обещал немедленно послать в Тушино к войскам свое обнадеживание, что он все тем войскам недоплаченные в службе Дмитрию деньги на себя снимает, ежели только корону российскую получит. И ежели в десять недель после получения короны тех денег им не заплатит, то им вольно Северскую провинцию взять во владение. ^{hh}

В продолжении сих договоров вор Тушинский, придя в Калугу и собрав татар, казаков и других таких же воров, укрепился в Калуге. К нему же пристали князи Урусовы и касимовский царь с татарами. После чего он немедленно от себя послал во все верные ему города указы, чтобы поляков всех побивали, чрез что многие тысячи по городам поляков погибло. ⁱⁱ Сверх же того послал он одного лазутчика в обоз тушинский, в котором один поляк так удачно для него трудился, что не одно смятение между поляками, русскими и казаками с действительною ссорою произвел, особенно же простых казаков и стрельцов, которых он, вор, в письме своем братиею именовал и, полагая на них крайнюю надежду, прилежно просил, обещая им великие награждения. И сколько сие действительно ни было, но более Марина, жена его, забыв пристойность и

^{ff} Kobierzycki. P. 163.

^{gg} Kobierzycki. P. 176.

^{hh} Kobierzycki. P. 191.

ⁱⁱ Petreus. P. 429.

стыд, сама по обозу ходя, уговаривала. Таковым образом возмутила она донских казаков, которые без извещения воевод, поднявшись строем, пошли к вору. Ружинский же, видя, что невозможно их было добрым порядком уговорить, многих порубил, а другие разбежались. Марина, видя, что ей не весьма уже надежда на поляков быть могла, и более опасаясь тяжкого от них с нею поступка, одевшись в мужское платье, войдя в согласие с Глазуном Плещеевым, ночью верхом с ним уехала в Калугу, оставив после себя письмо, в котором причины ухода ее объявила. Но когда оное в обозе известно стало, сделался великий шум и смятение, в котором рассвирепевшие солдаты жестоко к Ружинскому приступали и хотели убить, но он вовремя ушел.^{kk} Марина же приехала к Иоанну Сапеге, который прежде прихода ее сделал подкоп великий. Но воевода в монастыре уведал, перекопав, подкопщиков живых взяли и пороха заготовленного немалое число вынули, в котором им была уже немалая нужда. Он же, видя сие, учинил ночью два приступа на стену, но с великою потерей людей отбит. После прибытия же Марины, слыша, что Скопин из Александрова на него идет, оставив осаду, отступил в Дмитров и там укрепился. Шуйский же Скопин, видя, что Сапега отступил, тотчас послал за ним князя Ивана Семеновича Куракина, которого Сапега сам встретил на переправе. Марина же, одевшись в польский красный бархатный кафтан, привязав мужское оружие и взяв с собою 50 казаков, уехала с оным Плещеевым в Калугу, опасаясь при оном войске большого несчастья. После чего вскоре Куракин, придя, Сапегу совсем разбил, обоз отнял и город Дмитров на другой день вооруженною рукою взяв, многих поляков побил и в полон побрал. Тогда же Скопин отправил князя Ивана Андреевича Хованского к Старице, который, соединившись с Горном, город Старицу, а потом и Ржев Владимиров взяли и пошли к Белой, где стояли поляки. И сошедшись, поляков сбили, а город Белая отселся. И тут из шведского войска многие немцы и французы ушли к полякам в Белую.

В Тушине после ухода Марины сделалось несогласие, и многие русские, опаматовавшись в своем заблуждении, стали в Москву и в дома, а другие к вору в Калугу отъезжать. Между прочими епископ тверской Феофилакт хотел уехать в Москву, но изменники, догнав его, на дороге убили. Ружинский же, слыша, что Сапега разбит и Скопин идет, а кроме того что уже Ржев и другие города побрали, опасаясь, чтоб ему к Смоленску путь не перехватили, а от короля не видя никакой помощи, в начале марта, сжегши стан свой, который подобен был городу, пошел наскоро прочь и стал у Иосифова монастыря в крепком месте. Но в походе многие из русских изменников от него разбежались. О чем Скопин уведав, по-

^{kk} Koberzycki. P. 203; Piasecki. P. 315.

слал за ним наскоро Григория Волуева с конницею, а Ружинский, сведав про Волуева приход, от монастыря отступил. Волуев же, догнав его на ровном месте, невзирая на одного многолюдство, жестоко напал и многих побил, многую часть обоза и притом митрополита ростовского Филарета Никитича, взяв, привез в Москву. А Ружинский пошел наспех к Волоку, чтоб соединиться с Сапегою. Тогда же пришел и Скопин с Деллагарди к Москве, которых государь принял с великою честью. И в первый день был на аудиенции князь Михаила Васильевич Скопин-Шуйский с товарищами, которым особенная милость и награждение показаны. На следующий день был шведский генерал Деллагарди с его офицерами на публичной аудиенции, которому по особенной милости более, нежели когда послам, чинено, допущены в шпагах, и были для них публичные столы. Шуйского же весь народ с великою любовью и почтением принял, его отцом и оборонителем все именовали и его более всех в Москве бояр почитали. Его не только дом, но и улицы, где он ехал, всегда были полны, все его хотели видеть и всяк хотел отдельно его благодарить. Но сия любовь к нему народная только ж злобу и зависть в дядях его умножала, которые опасались, чтоб его на царство не выбрали, хотя у него, может, и в мысли того не было, по меньшей мере вида к тому никакого не показывал.

Ружинский пришел к Волоку Ламскому и, как змея последнюю злость испуская, оный после жестокого осажденных сопротивления взял. И хотя он и Сапега писали к королю, чтоб по обещанию жалованье прислал, но, получив пустое обещание, вся она армия рассыпалась, русские, почитай, все отстали, поляки и казаки многие отъехали в Калугу к вору, а осталось только с 4000 человек, которые королю обещались служить. После чего Ружинский умер апреля 8 числа. Некоторое же количество пристали к Сапеге, но оный со всеми приобщился к вору в Калугу. Однако ж оное учинил по тайному повелению королевскому, чтобы одного укрепить и русских с тягчайшим договором принудить или царя Василия на вырубку к Смоленску не допустить.^{ll} Вышеобъявленные 4 000 при Волоке хотя к Смоленску пошли, однако ж прежде, нежели от короля 100 000 рублей подарок получают, с ним совокупиться не хотели и, не видя одного, многие пакости обеим сторонам делали.^{mmm}

Сие все наиболее царю Василию полезным было, и уже сущего его избавления от бед бессомненные пути показались. Все бывшие страхи вместе погибли, а надежда ежечасно возрастала. Тотчас же один город за другим повинные стали приносить, вместо тяжкого голода явилось изобилие, вместо смятения и ненависти великая тишина и любовь междоусобная. Тогда в Москве умножи-

^{ll} Kobierzycki. P. 215; Petreus. P. 335; Piasecki. P. 315.

^{mmm} Kobierzycki. P. 220.

лось изрядное войско, с которым князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский вскоре имел идти к Смоленску. Понтусу Делагарди государь великие дары пожаловав, со всеми его знатными офицерами довольно наградил, по договору подлежащие на шведское войско все деньги сполна, без вычета убылых, и впредь на 2 месяца сполна по 10000 руб. ему выдал. Сверх же того немалое число денег для прибылых в помощь шведских войск с Скопиным отправил. И так все было во всяком пожеланном удовольствии, только царь Василий Иоаннович все оное вскоре в свою и всего государства погибель превратил. Вскоре же после прибытия Скопина, призвав его к себе, неожиданно стал ему говорить, якобы он на царство подыскивается и хочет его, дядю своего, ссадив, сам воспринять и якобы он уже в том просящему его народу обещание дал. Скопин же против того со всею покорностью невинность свою в том утверждал и показывал, что ему о том, кроме Липунова, никто не представлял, и он никому никаких и видов к тому не дал. А что Липунова письма изодрал, и оное учинил, уничтожая то как бездельное дело, и ему на то, как недостойному, никакого ответа не дал. И потом от сожаления, а особенно от невоздержания младости ему, дяде своему царю Василию, истину доносил, в чем на него весь народ жалуется, и просил его, чтоб он, опасаясь Бога и храня свою честь, от всех тех тиранств и хитрых вымышляемых людям утеснений отстал и более б жизнью, нежели гублением, народ к себе привлекал. И рассуждал, что ему лучше добровольно корону другому отдать, нежели ожидать насильного отнятия, представляя, что оную уже, едва не всем государством тайно согласившись, Владиславу обещали. Царь Василий же, притворясь, весьма умильно ему на то отвечал: «Я на то согласен, ежели то с пользою отечества моего быть имеет. Но прежде хочу, чтоб польские войска вышли и вору усмирены были, чтобы выбор был вольный, а не принужденный». И хотя Скопин снова ему говорил, что он желает его на царстве утвердить и за то жизнь свою положить, только просит о перемене поступков, но царь Василий жестоко на него тайною злобою возгорелся. Особенно же брат его князь Дмитрий Иванович к тому большую злобу от зависти ему вложил. Делагарди, сие видя, что Скопин в великой опасности был, непрестанно ему говорил, чтоб он немедля из Москвы ехал, объявляя ему тайные на него умыслы. Он же, не поверив тому, все такие ему вести уничтожал. Однако ж видя обстоятельства дел, его к походу понуждающие, положил намерение 15-го идти со всем из Москвы, к чему совсем приготовился. Накануне же отъезда его звали его к князю Воротынскому крестить младенца, при котором кумою была тетка его, жена князь Дмитрова Ивановича княгиня Катерина, дочь Малюты Скуратова, свояченица Бориса Годунова. И сия змея после обеда поднесла оному племяннику своему стакан меда, который, не зная

ухищренного яда ее, приняв, за здравие ее выпил. Но вскоре тут же занемог и, приехав домой, после великой болезни и кровавой рвоты в ту ночь скончал жизнь свою.^{mn} И так сей защитник и оборонитель отечества пал от рук тех, которым он наиболее потребен был.^{oo}

Сия смерть учинила в Москве великую жалость и нареkanie в народе. Но царь Василий, закрывая оное, с великою честью велел его погresti у Архангела в пределе Рождества Иоанна Предтечи со многими слезами. Что же персоны оногo касается, то он был человек преизрядного стана и великолепия, возраста среднего, более высок и по летам умеренной толстоты, в смелости и бодрости ему не оскудевало. Военные дела он основательно разумел, чему от младенчества обучился, наиболее порядок и пользу войск регулярных довольно знал. Его разум превосходил его лета, ибо он умер 22 лет. Его советы были немногоречивы, и более сначала давал другим говорить и толковать, но когда он свой объявлял, то было точное заключение, так как редко находилась причина оспорить, за что его как русские, так и чужестранные, сердечно любили.^{pp} А чрез смерть сего великого воеводы царь Василий и его братья всю возобновленную в народе любовь потеряли, и сие одно за наибольшую причину лишению престола и жизни как царя Василия, так и всей его фамилии разорение почитаться может, чрез что и все государство в наказание от всевышнего творца крайнее разорение претерпело.

После смерти сего Скопина царь Василий, видя, что шведы за великое себе оскорбление оное почитали, задабривая их дарами, послал с войсками брата своего князя Дмитрия Ивановича, в котором, может, он более верности, нежели искусства военного, и более надежды на него одного, нежели на все войско, быть думал. К тому же довольно знал, что Дмитрию в военных любви недоставало. Шведы тотчас стали отговариваться под Смоленск идти, представляя разные вымышленные обстоятельства. И из-за того царь вновь договор с ними заключил, по которому Деллагарди, приняв денег по договору вперед на два месяца, пошел вместе с Шуйским. И придя в Можайск, остановились, где пришел к ним в помощь Эдуард Горн с 3000 помощных войск, в котором в основном были немцы и французы. И сначала, из Можайска послава, взяли Иосифов монастырь, за которым и другие последовали.^{rr}

На Рязани Прокопий Липунов уже было совсем от вора Тушинского отстал и собрался на оногo идти, но уздав о смерти Скопина, снова оборотился на царя Василия, писал по всем горо-

^{mn} Kobierzycki. P. 183.

^{oo} Pufendorf. P. 337.

^{pp} Kobierzycki. P. 226.

^{rr} Kobierzycki. P. 334; Petreus. p. 439.

дам, в которых жестоко царя Василия поносил и объявлял, что он хочет того великого воеводы невинную смерть отмстить, и оными письмами снова многие города возмутил. С таким же письмом прислал он в Зарайск племянника своего Федора Липунова, где тогда был воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Оно-го его возмущения не приняв, Федора назад отпустил, а письмо то переслал к царю Василию и просил против оно-го помощи. Потому он немедленно послал Семена Глебова с войском. А Липунов, войдя в согласие с некоторыми воеводами и многими городами, не стал царя Василия слушать.

Государь послал князя Василия Федоровича Масальского с войском, чтоб около Нижнего очистить и, войска собрав, идти на Рязань. Оный же, некоторые города очистив, пришел к Шатскому, где тогда был воевода князь Дмитрий Матрюкович Черкасский; и выйдя против Мосальского, совсем его разбил. И хотя царь Василий еще было некоторое количество войска к Мосальскому послал, однако ж Липунов их не пропустил и принудил без бою назад идти.

Князь Дмитрий Шуйский, управясь в Можайске, послал наперед князя Федора Андреевича Елецкого да Григория Волуева, велел им стать в Цареве Займище, а сам пошел к селу Клушину, где пришел к нему в помощь князь Иван Андреевич Хованский, и с ним Горн от Волока Ламского. Тогда в шведском войске просили жалованья, а Делagarди хотя не только заслуженное, но и вперед еще близ за месяц при себе имел, но имея уже иное намерение в голове, отказал, сказав им, якобы царь Василий ему не дал. И от того многие солдаты стали бежать к полякам, а офицеры слушать не стали. В котором случае князь Дмитрий, созвав всех офицеров, о даче Делagarди денег объявлял и сверх того клятвою их утверждал, что он им, как только казна прибудет, еще на два месяца даст. А между тем гетман Жолкевский, придя, Царево Займище осадил. Но уведав от шведских переметчиков, что шведы биться не хотят, оставив оных, пошел к Клушину. И придя 4 июня прямо на русских, начали биться, и русские стали их одолевать. Генерал же шведский Горн сначала на сторону отступил и зашел на польскую сторону, а потом и Делagarди, забыв свою присягу, полякам против русских стал помогать.^{ss} В котором поляки князя Дмитрия сбили, а шведы весь русский обоз и казну государеву взяли, где русских от шведов и поляков около 10 000 побито. Князь Дмитрий же, видя такую от шведов измену, с великим смешением едва с остальными малым числом людей в Можайск отступил, многие же за темнотою ночи разбились в разные пути и уехали по домам, не ведая, где бояре остановились. Потом Жолкевский снова пришел к Цареву Займищу, и воеводы, видя свою к обороне невозможность с

^{ss} Kobierzycki. P. 256; Petreus, p. 439; Piasecki. P. 316; Ludolp. T. I, p. 332.

2000 человек, крепость сдали и сами королевичу Владиславу крест целовали. Шведы же оставили Горна у поляков с несколькими людьми, а Деллагарди пошел к Новгороду. О чем князь Дмитрий наскоро в Москву писал, и царь Василий послал в Новгород наместником князя Ивана Никитича Одоевского, чтобы во оный Новгород шведов не впустить. Жолкевский, взяв Царево Займище, пришел со всем войском к Можайску. А Шуйский, видя, что ему в поле противиться с таким малым войском и в городе сидеть невозможно, оставив потребное к обороне число, сам отступил к Москве.

Царь Василий, видя такую снова над собою беду, и хотя уже сердечно о Скопине стал сожалеть, да поздно, и видя свое против поляков бессилие, послал по городам грамоты, чтоб войско собиралось и деньги везли. Но многие его не послушали и указов не приняли, а особенно на Рязани Липунов многим городам то воспретил.

Вор, слыша, что войска русские при Клушине разбили, вместе с Иоанном Сапегою пошел к Москве. Тогда же по просьбе государевой пришли на помощь из Крыма два сына ханских с войском, к которым послал из Москвы бояр князя Ивана Михайловича Ворытского и князя Бориса Михайловича Лыкова, окольничего Артемия Васильевича Измайлова. И оные, совокупясь в Серпухове, пошли к Калуге. И сошедшись с вором в Боровском уезде, на реке Наре учинили бой, но вор, видя свое изнеможение, вступил в обоз и, укрепясь, отсиживался. Татары же, видя, что он в поле биться не хочет, а на обоз приступить не желая, оставив бояр, пошли назад за Оку. А бояре с великим трудом отступили в Москву.

Яков Деллагарди, пойдя от Можайска к Новгороду, с русскими везде неприятельски поступал, многие города, села и деревни грабил и пожег и людей побивал, имея намерение Новгород неожиданно взять. Но поскольку там от царя Василия довольная предосторожность учинена была, князь Иван Никитич Одоевский послал к нему навстречу сказать, чтоб он за 10 верст к Новгороду не подходил, а шел бы прямо в Швецию, взирая на свой договор. И оных посланных Деллагарди задержал под караулом и прошел в Финляндию. Только, ведая, что город Ладога не в великом укреплении, послал туда полковника Делявилля, который, придя, без всякого сопротивления оный взял, укрепился.⁴

Государь, видя себя от шведов обманутым, от своих ненавидимым и оставленным, а от поляков и воров утесняемым, просил короля английского Иакова I чрез купцов английских, чтоб ему

⁴ Petreus. P. 446; Pufendorf. P. 561; [Johannis] Loccenii. Historia rerum suecicarum libri novem. Upsaliae, l. 8, p. 511; Ludolp, t. I, p. 334; Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины его царского величества Петра Первого ... к начатию войны против Карола 12 шведского в 1700 году имел ... СПб., 1717, стр. 13.

войска в помощь к городу привели, которые ему английское купечество обещало.

В то же время в Пафнутьеве монастыре сидели князь Михаил Волконский да Яков Змеев. И вор, приступая много раз, ничего учинить не мог и хотел уже прочь идти. Но Яков Змеев да Афанасий Челищев, изменив неожиданно, ему ночью ворота отперли. Воры же, войдя в острог, во оном до 12000 человек мужского и женского пола побили; и совсем разорив, пошел он к Москве и стал на Угрейше. Коломна, так долго пребывая государю в верности, ныне по возмущению головы Михаила Бобынина, презрев сопротивление воевод, всем городом вору крест целовали, чему последовала Кашира, и воевода князь Григорий Петрович Ромодановский под страхом смерти ему же крест целовал. В Зарайске князь Дмитрий Михайлович Пожарский, несмотря на великое от всего города себе к тому принуждение, собрав некоторое количество надежных людей, в среднем городе запершись, держался. Но наконец согласились на том, что кто будет царем в Москве, тому и служить, а ныне ни царя Василия, ни вора, ни королевича не слушать, а стоять за государство.

Обретающиеся при воре воеводы Прокопий Липунов с товарищами, который тогда более все бояр силу имел и от вора был боярством пожалован, прислал письмо в Москву к боярам, требуя их в соединение. На которое бояре согласились с таким основанием, что ежели они от того вора отступят, то и бояре царя Василия ссадят и хотят все вместе новый выбор сделать. Тогда же и от короля Сигизмунда польского для возмущения прибыл тайно с письмами и великими деньгами Михаил Салтыков, якобы с повинною. И сей наиболее всех народ по согласию с князем Голицыным возмутили и с Липуновым о выборе согласились. Однако ж съезжаться прежде не хотели, доколе царя Василия ссадят. Того ради князь Василий Васильевич Голицын, с ним Захарий Липунов и Федор Хомутов, выехав на лобное место, представляли всенародно к возмущению тяжкие беды и разорения, которые от владения Шуйского имели б последовать, и притом объявили им, якобы по согласию всех бояр, свое намерение, чрез которое обещали всему народу совершенную спокойность и тишину приобрести и пр. Народ же, взволновавшись, пошли с ними к дворцу. Царь Василий же Шуйский вышел сам к народу, стал им говорить с угрозами. Но Захарий Липунов, выступив, смело ему намерение объявил. Шуйский же, озлобясь на его противные слова, вынул нож, хотел его зарезать. Но князь Василий Голицын, подхватив руку, удержал, сказал: «Не дерзай, ежели свою жизнь хочешь спасти». И взяв его и патриарха Гермогена, выведя в поле к Серпуховским воротам, там с превеликим шумом его от царства отрекли и объявили вольный выбор государя. И хотя патриарх и некоторые бояре довольно в том проти-

вились, но не могли такому множеству возбранить, принуждены были согласиться. После чего свояк царя Василия князь Иван Михайлович Воротынский, июля 25 взяв царя Василия и с царицею, свел их на старый его двор. И с тем послали в Тушино сказать и звать их на съезд. Но Липунов сказал, что прежде, нежели царя Василия постригут, выбору бытъ невозможно. Того ради на следующий день, сведя царя Василия Иоанновича в Чудов монастырь, постригли и нарекли его. А поскольку он отрицаться не хотел, то вместо его отрицался князь Василий Тюфякин. Сей государь с таким великим несчастьем царствовал 4 года 3 месяца. Он был ростом высок, сух, лице долгое и бледное, волосы прямые, очи черные, глубокие. Он много обещал, а мало исполнял, мог скоро человека приласкать и снова оскорбить, любил более деньги, нежели щедроты, и из-за того мало любви имел. Его слабые поступки и тайные казни наивернейших приводили в опасность и к изменам. Он хотел показанием святости и набожности себя утверждать, но когда о чудесах тех дознались, тогда более его ненавидели и поносили.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Июля 26 дня, на следующий день после сведения царя Василия, выбрали всем собранием во управление государства 7 человек бояр, между которыми князя Федора Ивановича Мстиславского наместником именовали, в том числе были князь Андрей Васильевич да князь Василий Васильевич Голицыны, князь Юрий Никитич Трубецкий, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Борис Михайлович Лыков, а от короля поверенный Михаил Глебович Салтыков, но сей в том ли числе управителей или отдельно был, того точно неведомо, которые все указы от себя посылали и челобитные им подавали так: «Государям боярам Московского государства».

Сии, утишая народ, написали причины сведения царя Василия, в народ объявили, между которыми во многих упреках наибольшее несчастье его правления, что столь великое внутреннее смятение и внешние неприятели ему в вину причитались.

Июля 27 числа патриарх с духовными, а также бояре, дворянство, воинство, купечество и весь народ, выйдя за Серпуховские ворота в поле, стали выбирать государя и в том разделились на три части: 1) патриарх со всеми духовными и несколько бояр говорили, чтоб выбирать из русских, и обещали князю Василию Голицыну; 2) в которой главным был оный Голицын, и Салтыков со множеством людей, представляли королевича польского Владислава, и сия часть была сильнейшая; 3) главный Прокопий Липунов, стояли на том, чтоб вора оного принять.

И после великого спора и противления^а патриарх, более опасаясь, чтоб больше к вору не пристали, а особенно видя, что Голицын сам принять не хочет, наконец к тому склонились с таким включением: 1) чтоб королевич закон восточной церкви принял и защищать оную обещался; 2) чтоб все войска польские прежде прихода в Москву вывел; 3) никаких городов и земель от государства Русского не отлучать, и которые ныне поляки взяли, все возвратить, и от Смоленска отступить; 4) поляков, которые явно православия не примут, ни в какие русские чины не жаловать и дела б им никакие не доверялись; 5) церкви римской внутри Москвы нигде не иметь. И на том утвердись, послали к Жолкевскому с известием, который тогда стоял на Вязме. А Липунов с великою злобою и угрозами со многими людьми отъехал снова к вору на Угрейшу, а на другой день оный вор, придя, стал у Симонова монастыря.

Ружинский, в тот же день получив оное известие, 28 июля писал к Мстиславскому с товарищами, что он имеет от короля повеление Москву по крайней возможности защищать и для того, насколько возможно, сам поспешит; Шуйских же чтобы хранили и никоего зла им не допустили, которым назначенный царь Владислав всякую милость показать не оставит.^б И хотя бояре хотели еще сие далее рассматривать, однако ж облежением и утеснением от вора принуждены от Жолкевского помощи просить. Потому он 4 августа, придя, стал в Хорошевских лугах с 5000 человек, а ближе к Москве не пошел, чтобы бояр принудить к скорейшему договору. После чего тотчас принялись за договоры, и после многих с ним прений вышеобъявленные пункты утвердили, и от обеих сторон в шатрах на Девичьем поле подписали и присягою утвердили. Коберицкий показывает в том договоре еще сии пункты: чтоб жидов в Россию не пускать, прав российских не нарушать, церкви римские строить с позволения патриаршего, духовных и дворянских имений не отнимать, Марине, Расстригиной жене, употребление царского титула запретить, гетману Жолкевскому без позволения бояр ни одного человека в Москву не вводить, а стоять ему на Девичьем поле. Однако ж о принятии веры указано требовать на то от короля соизволения.^в

Сей удивительный в таком великом деле без довольных оснований учиненный договор привел тогда многих умных людей в недоумение. И многие поляки, как и другие чужеземцы, поставляли русским за вымысел и обман, чрез что б могли от такой тяжкий,

^а [Petri] Petreji De Erlesunda. Historien und Bericht von dero Grossfürstentumb Muschow. Lipsiae, 1620, p. 17 (*далее*: Petreus).

^б St. Kobierzycki. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Sueciaeque regis. Dantisci, 1655, p. 290 (*далее*: Kobierzycki).

^в Kobierzycki. P. 301.

а особенно междоусобной войны освободиться. Сие рассуждали из того: 1) что они, римскую веру так жестоко ненавидя и опасаясь, что она сходством некоторых обрядов, хотя в пункте веры великую разность в себе заключает, и к тому коварствами римских духовных, простые люди легко обмануты могут быть и невидимо в оное, словно в сеть пойматься могли, выбрали в государи противного им закона; 2) что оный королевич был еще тогда малолетним и к правлению государства столь великого и таких жестоких нравов не способен; 3) такие пункты включал, которые поляков оскорбляли, о чем договариваться было противно, а особенно, чтоб ему жениться на русской, в пище и прочих порядках и обычаях поступать по русскому обыкновению; и так разумели, якобы русские имели намерение потом, малую причину сыскав, его ссадить, а выбрать иного.^d Однако другие рассуждали противное и полагали, что русские такие неосновательные договоры заключив и непорядки устроив, что, не учинив наперед с королем договора и не утвердась, сразу царя Василия ссадили и постригли от самой глупости и крайней дерзости, а не коварством, что впусшением поляков в Москву, отдаaniem короны и прочих инсигний или барм государственных и всех сокровищ царских, а также и вручением Шуйского со всею фамилиею в польские руки довольно истинное, но непорядочное намерение свое утвердили.^e Но сие с обоими мнениями точно не согласовалось. В то время бояре, видя себя в столь тяжком от вора утеснении, опасаясь, чтоб оный, насилеиом Москву взяв, на престол не восшел, от чего никакой к избавлению надежды уже не видели, принуждены были негодующему на царя Василия народу что-нибудь в пользу представить и от крайнего смятения удержать. Выбору же других государей краткость времени, а оных отдаление весьма обстоятельством не соответствовало. Ибо например шведского, который все вышесказанные договоры хотел принять, но за отдалением трудно было о том думать, потому что прежде, нежели бы он с помощью пришел, король польский или вор могли б совсем разорить. К тому ж ведая, что многие шведы королю польскому больше, нежели шведскому, верны были, и видя, как Горн и Делагарди действительно клятву нарушили и войско русское при Клушине полякам предали, верить больше никак не могли. Русского выбрать также был страх, что многие, поскольку равного себе, подобно как Шуйского, почитать и слушать не будут. К тому же Голицын и Салтыков, прельстясь королевскими великими им обещаниями и уловив деньгами великую артель (поруку),

^d Ludolp. Allgemeine Schau-Bühne der Well. Frankfurt a/M, 1699, t. I, 335 (далее: Ludolp); Piasecki. P. 318.

^e [Pufendorf S.] Einleitung in die Historie der vornehmsten Europäischen Staaten, Th. I. Frankfurt am/M, 1682, p. 349 (далее: Pufendorf).

сильно на том стояли, которым другие, и не желая, ради избежания более тяжелой беды, согласовали. Что же до введения поляков в Москву и отдание сокровищ, а также и Шуйских в руки польские, оное вовсе было учинено все против воли бояр, как ниже явится.

После учинения с Жолкевским договоров сентября 19 числа выбрали к королю и королевичу послов: 1) митрополит ростовский Филарет Никитич, 2) боярин князь Василий Голицын, 3) окольный Даниил Иванович Мезецкий, 4) думный дворянин Василий Борисович Сукин, 5) думный дьяк Томила Луговский, 2 дьяка, 10 человек дворян, да гостей и купечества знатного, и голов, всего человек с 40. И оным дав наказ, со всеми объявленными договорами отправили к Смоленску.

Между тем вор с Липуновым и Сапегою, стоя за Язуою, великие пакости делал. А Жолкевский, перейдя по договору к Девичьему монастырю, посылал к Сапеге, чтоб он, вора оставив, с ним соединился или б пошел в Польшу. Однако ж Жолкевский, желая бояр принудить, чтоб его в Москву впустили и крепость в его руки отдали, сказал, что Сапега его не слушает и якобы на него нападение учинить хотят, от чего он, ежели в город не пустят, принужден далее отступить, а ежели впустят, то Сапега, увидев оное, нехотя от вора отстанет. В чем с ним Салтыков вошел в согласие и бояр к исполнению принуждал. С чем патриарх и многие бояре спорили и говорили, ежели гетману крайняя нужда придет, то можно пустить под стену и оборонять его пушками и помощью из города, а внутрь города, пока король договоры не утвердит и королевича не отпустит, поляков не впускать. И говорили, что Жолкевский, подлинно с Сапегою войдя в согласие, обманывают. И на том все утвердась, послали гетману сказать. Но Салтыков поехал гетмана к городу приводить и без ведома патриарха и бояр ввел его прямо в город. Бояре же, видя сие, придя в великий ужас, видя, что между ними самими никакой надежды нет, принуждены были пустить его в Кремль. И поставили гетмана на старом царя Борисове дворе, во дворце поставили польский караул, а полковники стали в Китае по дворам. И ключи городские с принуждением взял гетман к себе. И потом он, учинив с Сапегою договор, что все его заслуженное жалование королевич после восприятия царства заплатит, сам, выйдя против него, построился. Вор же, уведав сие, что Сапега уже согласился, взяв русских изменников казаков и татар, ушел снова в Калугу. И там укрепившись, писал по городам, чтоб ему помогали,^f после чего некоторые города ему помогали, а многие не послушали.

В Колязине монастыре был тогда в осаде воевода Давыд Жеребцов, и его полковник польский Лисовский да с ним изменник

^f [Pauli] Piasecii Chronica gestorum in Europa singularium accurate ac fideliter conscripta ad annum Christi 1553. Cracoviae, 1645, p. 317 (далее: Piasecki); Kobierzycy. P. 313.

казачий атаман Андрей Просовецкий после многих боев и приступов взяли, и пошли к Ивангороду и Пскову. Но разошедшись с Лисовским, Просовецкий и Григорий Волуев, придя, взяли Великие Луки. Бояре же, уведав сие, что Лисовский и Просовецкий русские города разоряют, говорили гетману, чтоб он от себя к Лисовскому писал и послал бы на Просовецкого войска. Но Михаил Салтыков, опасаясь бояр, умыслив убавить из Москвы русского войска, послал сына своего Ивана да с ним князя Григория Волконского против Просовецкого. И оные Просовецкого нигде не нашли, поскольку оный, уведав о том, ушел к Суздалью.

Потом по представлению Жолкевского положили бояре в Москве для безопасности впредь царя Василия сослать в Соловецкий монастырь и велели немедленно отвести его на Вологду. Но Михаил Салтыков, якобы сожалея, представлял, чтоб так далеко не ссылать, а послать в ближайший монастырь. И хотя с тем бояре никто не был согласен, но он, договорившись с гетманом, велел посланному с ним отвести его в Иосифов, а царицу его сослали в Суздальский Покровский монастырь.

Августа 30 дня приехали послы к Смоленску и приняты от короля с подобающею честью. После чего король утвержденные с Жолкевским договоры в публичной аудиенции обещал исполнить, а о пункте перемены веры велел им с министрами советовать. Но вскоре потом стал говорить, чтоб прежде утверждения оных Смоленск отдали. А поскольку как послы, так и воевода смоленский Михаил Борисович Шеин того учинить не хотели, король, зло осердясь, велел подкопы под стены сделанные зажечь и послал на приступ. Однако ж тем более своих людей погубил, нежели городу вреда сделал, ибо на том приступе более 2000 поляков побито и многие от ран померли. После сего великого урона многие польские начальники советовали королю, чтоб он, оставив Смоленск, пошел в Москву без продолжения, и, оный главный всего государства город в свою власть взяв, такие законы русским предпишет, каковые он сам за благо рассудит, и затем королевича, короновав, с достойными к правлению помощниками оставит и тем все государство во власти его утвердит. Сие мнение хотя королю по всем обстоятельствам явилось за наилучшее, однако ж почитал за великую непристойность, так долго стоя и не взяв города, отступить и неприятельский город назади оставить,⁸ и писал к Жолкевскому и Салтыкову, чтоб, взяв Шуйских и инсигнии забрав, Жолкевскому привести к себе. Потому Жолкевский, взяв всю казну государственную в свою власть, многое раздав полякам в жалованье, другое многое царское сокровище, а также Шуйских, царя Василия братьев и племянников взяв с собою, оставив в Москве Александра

⁸ Kobierzycki. P. 322; Ludolp, P. 335.

Гоншевского, пошел из Москвы. И зайдя в Иосифов монастырь, взяв там бывшего царя Василия, пошел к Смоленску. После приезда к Смоленску представил Гоншевский Шуйских перед королем, который тогда сидел, и принуждали бывшего царя Василия в землю кланяться. Но он того после всех принуждений не учинил, только сказал: «Ваше величество, видя сие мое несчастье, помысли о себе, чтоб всевышний судья тебе или твоим наследником в той же мере неправду сию не отмстил. Я желаю тебе более верных подданных иметь, нежели я имел». За что король, осердясь, велел их как невольников вывести и держать под крепким караулом. Потом принудили его послать письмо к Шеину, чтоб город отдал, и приведши его самого пред врата градские, звали Шеина, чтоб он сам с ним говорил. Шеин же, видя царя Василия, сильно плакав, сказал: «Я царю Василию Иоанновичу крест целовал и был ему всегда верен и послушен, пока он был царем. А ныне сего вижу не царем, но чернецом и невольником в руках неприятельских, и слушать его не должен. И когда всем государством государя выберут, тогда оно, как моего государя, во всем слушать и повеление его исполнять готов». Король же, видя, что оные Шуйские ему ничего в его намерении учинить не могут, послал их в Польшу и велел содержать под крепким караулом. С русскими же послами продолжая договариваться, которые принятия королевичу русской веры и супружества с русскою никак уступить не хотели, согласились, что сии пункты на собирающемся тогда сейме решить. А к Жолкевскому послал король указ, чтоб присягали русские королю самому.

Жолкевский между тем, войдя в согласие с Салтыковым, всю власть у бояр отнимать стал, велел вопреки протестам боярским деньги под именем Владиславовым делать, чины стал раздавать и воевод переменять, в Москве и по городам многие и тяжкие поборы наложил, из-за чего в Москве стали происходить многие беспокойства. А при Смоленске хотя великий королевский временщик Потоцкий сильно утверждал, чтоб русским не уступать и себе оную корону с самовластием присвоить, потому и указ к Жолкевскому послан,^h что русских принудить королю самому крест целовать, представляя, что русские нарочно королевича просят с малым числом людей, чтоб и его ссадить, когда захотят, могли. И король с доброю совестью его отпустить не может и из-за того, что в Люблине и Вильне всем сенаторам явно обещал всю оную войну употребить в пользу королевства Польского, а не для своей пользы: «И ежели вы корону русскую королевичу уступите, то не только обещание нарушите, но к тому едва утишенное внутреннее нареkanie об искании вами самовластного над Польшею властвования чрез подпору русскую утвердить возоб-

^h Kobierzycki. P. 337.

новите, и для того по крайней мере нужно со всем государством Польским в том согласиться и в том осторожно поступать».¹

Русские же послы, видя сие, что от короля никакого договора ожидать нельзя и что все только в продолжении упражняются, по-малу, рассуждая, намерение свое переменили и о Владиславе думать оставили. В чем особенно Голицын, имея довольную надежду сам престол российский получить, охотно высматривал, как бы с поляками добрым способом разехаться. А митрополит Филарет, весьма того королевича не хотя, стал полякам еще многие затруднения представлять и обо всех оных поступках польских обстоятельно в Москву к патриарху и боярам писать, и особенно в письме к патриарху изобразил все учиненные поставленного договора с Жолкевским нарушения.^k И некоторые королю советовали королевича, не удерживая, отпустить, ибо Жолкевский не без соизволения королевского такие договоры учинил и клятвою утвердил, потому так легкомысленно нарушать неприлично. Войну же с таким упрямым народом продолжать небезопасно. Войску, которое от называющегося Дмитрием отступило, может из русской казны быть от Владислава заплачено. Иначе же будут они требовать от Речи Посполитой, из-за чего Речь Посполитая может в смятение прийти, поскольку таких великих долгов платить, ни же столь тяжкую войну без разорения вести не может. Все сии трудности, когда только он на царство вступит, легко уничтожены быть могут, и в том более надобно на гетмана Жолкевского положиться.¹ Однако ж на том Потоцкий с товарищами настоял, что король положил ожидать взятия Смоленска, но оный тем только жесточее оборонялся.

Жолкевский, будучи в Москве и видя жалобы боярские о нарушении договоров и что король таким продолжением принудит русских на иное предприятие, взяв из казны инсигнии, драгоценную корону и пр., а также царя Василия братьев и племянников с их пожитками, ноября 9, оставив в Москве Александра Гоншевского, поехал из Москвы. И зайдя в Иосифов монастырь, где был царь Василий Шуйский, взяв оного, приехал со всем под Смоленск и всех оных представил королю на публичной аудиенции в скаредном платье и с руганием, словно войною плененных. И хотя король Жолкевским гетманом весьма был недоволен за то, что королевичу, а не ему присягу учинили, однако ж оное скрывал.^m Когда царь Василий с братьями введен был, король сидел на стуле. И хотя царя Василия принуждали, чтоб он королю в землю равно с братьями кланялся, но он того не учинил и сказал только: «Ваше вели-

ⁱ Piasecki. P. 318.

^k Kobierzycki. P. 347.

¹ Piasecki. P. 318; Kobierzycki. P. 342.

^m Kobierzycki. P. 548; Piasecki. P. 319.

чество, ныне видя мое несчастье и Божеский на меня гнев, а кроме того неверность поданных и вероломство друзей, памятуя правосудие Божие, что всякую неправую обиду отмстить не оставит, ежели не на самих, то на детях. Я же желаю тебе и сыну твоему иметь более верных рабов и лучшее счастье, нежели я имел». При котором многие из сенаторов польских заплакали, а король, посмеявшись, велел их увести и охранять. Потом велел король ему письмо к Шеину послать. Но Шеин, письма не приняв, отказал с тем: он извещен, что бывший царь Василий ныне простой чернец и где он ныне, о том не знает. Сие надругание и неправильность действий видя, русские послы нетерпеливо королю и сенаторам представляли, чтобы король Шуйских, как бояр российских, освободил. И ежели он имеет опасность, то они возьмут их в свое сохранение и в том всем государством подпишутся. Иначе же будут они ко всем государям с жалобою писать, что королю, также и республике есть не к чести, что над бывшим равным себе государем, по воле Божией пришедшим в несчастье, надругиваться, не имея от него никакой себе достойной тому причины. Тогда ж из посольства русского Василий Сукин да дьяк Свадной, изменив послам, тайно вести к королю переносили. О чем послы уедавав, стали от них оберегаться и советоваться отдельно. А что, подольстясь, Голицын от них уедал, о том писал тайно к патриарху и боярам.

Стоя в Калуге, вор оный многие по городам пакости делал. При нем же был царь касимовский Урмамет с татарами. И видя смятение в государстве напрасное, а кроме того уверясь, что оный подлинно вор, умыслил, отъехав от него, войти в согласие с боярами, с которым тайно и Урусовы мурзы согласились. Но сын оного царя, уедавав о том, сказал вору, что оный царь хочет его убить. Сие услышав, вор оный явно оному царю ничего сделать не мог, поскольку его во всем войске очень любили и почитали, и умыслил тайно его погубить. И вызвав его со псами на охоту, отъехав с ним и Михаилом Бутурлиным от людей далеко, отсек саблей голову и бросил в реку Оку. И потом сказали, якобы он уехал к Москве, чего ради послали за ним в погоню многих людей. Но рыбак, который все оное видел, сказал тем посланным и указал тело его, у берега лежащее без головы. Сие подало мурзе Петру Урусову причину, как бы оную невинную кровь отмстить. И через некое время, выехав с ним на поле с охотою, отсек ему голову и, взяв татар своих, которые были уже готовы, ушел в Крым. А остальных татар побили в Калуге, человек с 200, разве мало что ушло. И так сей нечестивый враг и разоритель государства, приняв достойную казнь, мерзкую свою жизнь окончил и погребен был в Калуге с великою честью декабря 11 дня. После смерти его родила Марина сына, которого именовали Иоанн. Но многие сказывают, что был нарочно посторонний взят для удер-

жания бунтовщиков,^н через что в Москве немалая надежда к успокоению внутренней войны подалась.

В Москве уведали об убийении оногo вора, послали князя Юрия Никитича Трубецкого, чтоб калужан привести к присяге королевичу. Но калужане, удержав Трубецкого, послали к боярам с письмом, объявив: «Ежели королевич закон восточной церкви примет и поляков выведет, то они все готовы ему присягать, а доколе сего не учинят, то как его, так и согласных ему почитать будем за неприятелей»; а между тем употребляли имя Маринино и сына ее. Трубецкой же после того тайно в Москву ушел.

В Казани слыша, что поляки в Москву вошли и бояр утесняют, войдя в согласие, присягали калужскому вору, в чем наместник князь Бельский сильно им претил и удерживал. Но дьяк Никонор Шульгин, желая сам в Казани быть старшим, возмутив народ, велел наместника оногo убить. На третий день, прибежав, татары сказали, что оный вор убит и люди все разбежались. Того ради казанцы с великим сожалением погребли его с честью и о несчастливом случае том писали в Москву.

1611. При Смоленске король, стоя, сильно домогался город взять, специально велел царя Василия вывести перед городом, чтоб сам Шеину сказал, и письма из Москвы от бояр с точным об отдаче оногo города повелением ему отдал. Шеин же, видя царя Василия Иоанновича, сильно плакал и посланному сказал, чтоб он донес королю, что он сего знает, что был царем российским, и тогда ему как государю по своему обещанию верно служил и все повеления его точно по крайней возможности исполнять прилежал. А ныне, видя его, как чернеца и невольника в руках неприятельских, слушать его не должен. Что же повеления боярского касается, то он знает, что он и сам такой же боярин, и что к пользе отечества относится, он сам о том столько разумеет, и что во вред видит, того никогда не послушает. Ежели же всем государством изберут государя надлежащим порядком, то он после учинения ему присяги во всем повиноваться будет. Особенно же его письмо от послов 3 января в том утвердило,^о в котором ему точно о сдаче запрещали. Король же, осердясь пресильно, велел подкопы, сделанные под стены, зажечь и всем войском приступать. А уздав чрез Сукина о письме, посланном от послов в Смоленск, жестоко на них озлобился, принуждал послов к Шеину о сдаче писать. Они же, презрев королевские угрозы, отвечали: «Ежели, ваше королевское величество, изволите по учиненным договорам исполнить и сына своего по обещанию на царство отпустите, то не только Смоленск, но и все государство в его полной воле и

^н Petreus. Pp. 450-453; Koberzycki. P. 317; Piasecki. Pp. 319-320.

^о Koberzycki. P. 356.

власти останется и мы все, как верные рабы, ему служить и во всем повиноваться будем. А вашему величеству присягать и город отдать мы не можем, поскольку от государства такого повеления не имеем. А хотя б мы то сверх данной нам власти и учинили, только вашему величеству не полезно, поскольку нас не только никто не послушает, но и наши дела, как неверных отечеству рабов, все опровергнут». Уведав же чрез Сукина и дьяка Свяднова, что послы к Шеину с укреплением писали, зло осердясь, как преступников клятвы обвинив, взяв под караул, послал вместе с Шуйскими в Польшу и велел их держать в разных городах под караулом, а именно послы были в Мариенбурге в Прусах 23 дня апреля. А также писал и в Москву еще к Салтыкову, чтоб принудили бояр к королю самому пристать и Смоленск отдать велели. Что тогда многие польские сенаторы о послых русских почли за правильный и порядочный поступок, а король, хотя и зло гневался, но более никакой обиды, кроме неприязненного взирания и некоторых заочных поношений, послам не учинил.

В Москве бояре, уведав об увозе царя Василия и ругании над ним, утаясь от вора Михаила Салтыкова, писали по городам. чтоб, собрав войско, Москву очистили, объявив именно королевские неправые поступки и утеснение от поляков. Потому в Калуге князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да с ним атаман Заруцкий, на Рязани Прокопий Липунов, во Владимире князь Василий Федорович Масальский да окольныйчй Артемий Васильевич Измайлов, в Суздале Андрей Просовецкий, на Костроме князь Федор Волконский, на Романове князь Федор Козловский с братьями, войдя в согласие чрез письма, собрав войска, пошли к Москве. Между тем Салтыков получил от короля указ, чтоб принуждал патриарха и бояр писать к послам, чтоб они договор написали по воле королевской и Смоленск отдали. Потому патриарх и бояре, а наиболее князь Андрей Васильевич Голицын да князь Иван Михайлович Воротынский спорили о том, что они с Жолкевским сделали договор принять на царство сына королевского, когда он закон примет и польские войска вон выведет, а креститься ему в Можайске, не доезжая Москвы, и оное клятвою утвердили. «А ежели мы ныне на волю королевскую положимся, то уже договор оный сами нарушим и принуждены будем принять государя иного закона, что в совестях нанесет отягчение и в народе новое смятение, чрез что государство может впасть в междоусобную войну и тягчайшее разорение. Да и король того сверх учиненного договора, чтоб ему присягать, требовать по праву не может. А под словом "на его волю" разумеется то ж самое, чтоб мы отдались под власть польскую». За что Салтыков, осердясь, хотел патриарха зарезать. Патриарх же, прокляв его, сказал, что «я не смерти, но греха более боюсь, и сего ни по какому домогательству не

подпишу». Бояре же, Мстиславский с товарищами, оное за страхом, а Воротынский и Голицын под караулом сидя, после жестокого принуждения подписали.

А поскольку в Москве многие стали на поляков негодовать и неоднократно приходя к Салтыкову об учиненных неправостях представляли, января же 24 числа собрался народ на площадь, едва в бой с поляками не вступили, и легко было тогда русским всех поляков побить, поскольку все решетки по улицам рано заперли и, поставив караулы, сойтись им не допустили. Но злой враг оный Салтыков на пагубу столь многих тысяч русских принудил патриарха народ уговорить и отпустить в дома, обещая от поляков впредь лучшие поступки. Но после утишения поляки и оный вор Салтыков, опасаясь себе достойной казни, запретили сначала русским всякое оружие при себе носить, а по улицам решетки велели сломать и ночные от русских караулы отставить. Король же, получив сие от 17 января боярское письмо, объявил послам, бывшим еще при Смоленске. Но послы сказали, что они ту грамоту за правую не приемлют, потому что патриарх, как глава правительства, не подписался, а бояре Воротынский и Голицын подписались поневоле, сидя под караулом. Что королю подало причину послов жестоко утеснять.

В Москве уведали поляки, что войска собираются, послали на Рязань. Да к ним же пристал изменник Исаак Санбулов с черкасами, которые, придя неожиданно, многих рязанцев побили, села и деревни разорjali и Липунова в Пронске осадили. Но князь Дмитрий Пожарский, уведав о том, собравшись с зарайчанами, придя, Санбулова отбил и, Липунова выручив, поворотился в Зарайск. А Санбулов, ранее успев, неожиданно Зарайск сжег, где его Пожарский, догнав, совсем побил, а Санбулов сам едва бегом в Москву спасся. Потом Липунов и Пожарский, собравшись со многими городами, пошли к Москве. О чем в Москве Салтыков с товарищами уведal, придя к патриарху, стал говорить, чтоб он к воеводам писал, чтобы к Москве не ходили. Но патриарх сказал: «Ежели поляки из Москвы выступят и станут по договору за Москвою, то он писать готов. А ежели поляки договор и клятву свою хранить не хотят, то и нам содержать оную не должно». Салтыков же, ругая и понося патриарха, взяв из его дому, посадил в Чудове под караул и не велел никого к нему допускать. Сие было в великий пост, марта в первых числах. И держал патриарха две недели, не могши ничего от него вымучить. Умыслил Салтыков с поляками его и народ побить, для чего приближающийся ход с вербою явился им к тому удобным. Для этого, освободив патриарха из-под караула, велели ему идти с вербою на лобное место, а польские роты поставили в строю по площадям и приказали, чтоб учинить ссору и тут кого надобно побить, якобы нечаянным случаем. Но народ, уведав, ни-

кто за вербою не пошел. Поляки же видя, что по их намерению не исполнилось, взяли патриарха снова под караул и в Чудове, лишив его чина, заперли в темницу, а на его место возвели опять бывшего при Расстриге Игнатия грека патриархом.

Того же марта 18/29 дня во вторник на Страстной седмице Пожарский и другие воеводы пришли к Москве и стали около города. Поляки же по совету с вором Михаилом Салтыковым, собравшись с ротами на площади, начали ряды грабить. Но потом, придя в дом князя Андрея Васильевича Голицына, его убили и, дом его разграбив, пошли на Тверскую. Но в Тверских воротах, собравшись, стрельцы их не пропустили. Оттуда пошли на Стретенку и всех людей побивали. Но в Стретенских воротах князь Дмитрий Михайлович Пожарский их отбил и за город разорять их не выпустил. Они же, придя на Кулишки, встретились с Иваном Матфеевичем Бутурлиным, с уроном принуждены отступить и пошли за Москву реку, где их также Иван Колтовский не пропустил и назад в Китай прогнал. Михаил же Салтыков велел весь Белый город полякам выжечь. И хотя они во многих местах зажгли, однако ж меж Кулишек и Покровки немного, а от Пречистенки к Тверской все выгорело, только меж Покровки и Тверской стрельцы пушкари и чернь жечь не допустили. И Пожарский сделал у Введения острог. В тот же день от поляков едва не все жители Белого города порублены, разве которые в домах отсиделись или бегом к воеводам спаслись. Побитых же и сгоревших счисляли не меньше 60 000 человек.^Р И сей день и ночь бились непрестанно. 19/30 марта пришел от Прокопия Липунова Иван Васильев сын Плещеев с малым числом людей, а к полякам из Можайска пришел полковник Струс, но воеводы его не пропустили и назад прогнали. Но тогда поляки, выйдя за Пречистенские ворота, слободы, а за Московью рекою деревянный город сожгли. Потом пришли поляки на Стретенку и Кулишки к Введенскому острожку, жестоко напали на Пожарского, и был бой долгое время. И хотя другие Пожарскому не помогли, однако ж он их жечь не допустил, пока его не ранили столь жестоко, что в ту же ночь отвезли в Троицкий монастырь. После чего поляки весь Белый город и кругом выжгли, только что за Яузою уцелело. Сие видев, оставшиеся воеводы решили, что им с таким малым числом людей противиться невозможно, отступив в Симонов монастырь, укрепились.

Король долгое время различными отягчениями и страхами, как и обещаниями, принуждал царя Василия, чтоб ему письменно престол российский уступил. Но Шуйский, представляя, что то не в его уже воле и королю такое письмо ни на что не годится, а довольно того, что он и его братья, а также все государство хотят

^Р Piasecki. P. 323; Kobierzycki. P. 374; Petreus. P. 34.

иметь и признать сына его царем. И в том он, как подданной, после заключения договоров подписаться готов. «А ныне, боясь суда Божия, того не учиню, хоть смерть приму». Также слыша король про такое в Москве смятение и видя послов непоколебимое стояние, затеял на них, якобы против их присяги к Шеину и Москву писали, в чем из Москвы вора Салтыкова письма, а при Смоленске Сукина изменника товарища их с клеветами представил, и по оному, взяв их под караул, апреля 23-го числа послал в Прусские земли в Мариенбург, а Шуйских в другие города, где их содержали с великим утеснением. Царь Василий же, после многих мучительских домогательств и принуждений по желанию королевскому никакого письма не дав, в Польше голодом уморен, в чем большая часть родственников ему последовали.

При Москве собравшись воеводы со всех городов и, совокупясь на Угрейше, приступили снова к Москве, которых поляки встретили за Язуою и, немного бившись, отступили в город, а воеводы стали вокруг Белого города: Прокопий Липунов с рязанцами у Яузских ворот, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой на Воронцовском поле, костромские, ярославские и романовский воеводы князь Федор Волконский, Иван Волинский, князь Федор Козловский и Петр Мансуров у Покровских ворот, Артемий Васильевич Измайлов с товарищами у Стретенских ворот, князь Василий Федорович Масальский у Тверских ворот. Но поскольку во власти общей произошла между ними распря, что всяк хотел быть старшим, того ради, съехавшись в поле, всем дворянством после малого споре выбрали главным князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да с ним Прокопия Липунова и Ивана Заруцкого, поскольку сии последние были люди, а особенно Липунов, острого ума, и в делах военных сколько храбры, столько искусны, и в войске имели великую любовь и почтение, а Заруцкого наиболее из опасения, чтоб, осердясь, не отъехал, оным почтили. Однако ж установили, что им для советов всем съезжаться. И по сему учреждению, построив каждый себе для безопасности острог, каждодневно с поляками бились и привели их в великое утеснение.

Салтыков, видя такое бедствие над поляками, послал такого же вора, как и сам, Алексея Безобразова к королю с письмами, прося его, чтоб сам, придя, по своему намерению сделал. Который, придя, королю все подробно возвестил. Тогда сенаторы и генералитет польский прилежно королю говорили, чтоб, оставив столь тяжкую осаду смоленскую, сына в Москву отпустил, а о награждении за издержки ныне договоры сделал, за что русские, желая только спокойности, легче Смоленск и Северну уступят. И сие легче и надежнее, нежели неблагонадежною войною доставать и великими на то убытками Польское государство разорять. Но сии советы ничего учинить не могли, ибо как русские, не

одумавшись, послушав изменников, столь непорядочный выбор и неосновательный договор сделали, так и король, уничтожая оных силу, а своих умные советы, беспутно держался за Смоленск, в чем ему только Потоцкий советовал, и вместо того что самому идти или сына послать, отправил гетмана Жолкевского с войском в 6 000 человек. Да и тот из-за несогласия сенаторов, а особенно видя к себе неблагодарность королевскую, с походом умедлил.

Посланный из Москвы воевода Иван сын Михаила Салтыков, которого королевич или скорее отец пожаловал окольным, прийдя в Новгородчину, при Ладоге шведов побил и Ладогу взял. Новгородцы же, опасаясь, чтоб сей, усилившись, их королевичу крест целовать, как Тверь и Ладогу, с прочими городами не принудил, послали его просить к себе, обещаясь, выслушав его предложение, согласиться и ему возможную помощь учинить. Потому он, обнадежившись, приехал в Новгород с малым числом людей, хотел в первую очередь с наместником князем Одоевским видеться. И новгородцы, взяв его, жестоко пытали, спрашивая о намерении отца его. И хотя он говорил, что у него с отцом никакого к измене согласия нет и будто он хотел идти к Москве для соединения с воеводами против поляков, но новгородцы, обличив письмами отца его, которые к нему писал, посадили его живого на кол и к отцу отправили человека его с известием, обещая такое же награждение.

Король послал из Смоленска Ивана Ера Салтыкова со смоленчанами к Дорогобужу, чтоб оный взять. И они, пойдя, в согласие вошли, чтоб идти к Трубецкому в помощь. Но один из них, изменив, сказал о том королю, за что король, осердясь, велел весь уезд разорять и шляхту побить. Из-за чего как смоленчане, так и дорогобужане, собравшись, с домами отъехали к воеводам, при Москве стоящим.

Шейн в Смоленске так долго держался и, оный с 1 октября 1609 по 13 июня 1611, без малого два года, мужественно обороняя и не видя в военных и харчевых припасах недостатка, нисколько о сдаче не думал. И уже в польском войске было немалое смятение о том, крайнее намерение, отступив, оставить, а искать иных способов. Но тогда из-за столь долгого запертия учинилась в городе болезнь цинга, и многие люди военные занемогли. К тому же вор смоленчанин Андрей Дедешин, часто бывая у наместника, некогда услышав наместниково с товарищем своим рассуждение, где наиболее оберегаться от поляков надобно или где был город наименее защищен, немедленно уйдя из города, королю сказал. Потому король велел немедленно, на оное место всю силу употребив, стену разбить. И хотя наместник, познав измену, сколько можно оборонял, однако ж поляки в ночи 13 июня город приступом взяли и всех, кто попался, побили. Русские же стрельцы, желая поляков выбить, зажгли город в разных местах, от чего добралось до поро-

ха и, взорвав башню, как поляков, так и русских много побило. Некоторые же, собравшись с женами и детьми и их богатствами, от великой злобы не желая пленниками поляков быть и свое имение в расхищение, а неприятелем в пожиток отдать, сами зажглись и со всем погорели. После утишения же пожара наместник Шеин явился с оставшимися малым числом людей перед королем, которого он, с женою и сыном взяв, против всякого достоинства немедленно велел, оковав, сослать в Польшу и держать, как злодея, под крепким караулом. После взятия оного города, оставив с войском Иакова Потоцкого, сам пошел в Вильню 25 июля, где он, как победитель, принят был. Однако ж многие в том отступлении на короля нарекали, якобы он своей победы продолжить не сумел и без всякого разумного довода в Москву не пошел, где была крайняя нужда Гоншевского от осады освободить. И хотя король предстоящим сеймом извинялся, однако ж ему довольно представлено было, что то было можно до сейму окончить.⁴ И тем королевским отходом под Москвою воеводам бодрости и к побеждению надежды более умножилось.⁵ Когда же король приехал на сейм в Варшаву, несчастливый царь Василий с братиею, как образ переменности счастья, пред королем от Жолкевского был представлен, и оное столь великое им почитаемое счастье в пространной речи многими историями приукрашено было.⁶ Однако ж все благорассудные оное ни в какую похвалу не причитали, поскольку оный ни войною, ни хитростию, а только изменою неверных подданных царства лишен и с помощью тех же бунтовщиков украден и полякам отдан. После сего их хвастанья послан Шуйский со средним братом своим Дмитрием в замок Гостин, а младший брат Иван отдан воеводе на поруки.⁷ Но Василий и Дмитрий против воли сенаторов от короля тайно уморены были, и над гробом его изрядный голбец был построен. И так сего государя жизнь, в великом беспокойстве и переменности счастья продолжаясь, в крайнем несчастье и окончилась. И хотя его собственные поступки наибольшею причиною тому его несчастью были, однако ж еще более прикоснувшиеся к его свержению или насильственной смерти или в великом несчастье в возмездие, со срамом и бедою жизнь свою окончили, о чем не только русские, но и чужестранные писатели согласно пишут.

О взятии Смоленска приехал в Москву с известием смоленчанин Юрий Потемкин и явился у воевод. Тогда же приехал троцкий келарь Авраамий Палицын от архимандрита и просил всех воевод и воинства, чтоб о добывании Москвы крайнее их прило-

⁴ Kobierzycki. P. 424.

⁵ Piasecki. P. 325.

⁶ Kobierzycki. P. 427; Piasecki. P. 327.

⁷ Piasecki. P. 327.

жили старание, обещая за побитых Бога молить и во всякой нужде деньгами и запасами возможную помощь учинить. А также стали к воеводам собираться остальные войска отовсюду. Тогда пришли от Новгорода, Поморья и бывшие около Смоленска дворяне, стрельцы и казаки. В скором же времени пришел Иоган Сапега к Москве, и стал у Новодевичьего монастыря с войском, и просил воевод о съезде, и с ним воеводы хотели учинить договор. Но поскольку поляки из Москвы выйти не хотели, того ради, ни о чем не договорившись, разъехались. И на следующий день в Лужниках с Сапегою был бой, на котором с обеих сторон людей много побито. А особенно сначала русскую конницу смяли, но пехота, зайдя рвом, конницу выручила и польскую целую роту совсем побили, и потом отступили каждый в свой обоз. Потом на третий день Сапега со всем войском приходил на острог у Тверских ворот, и его воеводы встретили в поле, и бились весь день. И Сапега, отступив, вскоре оставив Москву, пошел к Переславлю. А с ним бояре из Москвы послали князя Григория Ромодановского да с поляки пана Косяковского. И оные в Братовщине острог взяли. За ним же воеводы послали князя Петра Владимировича Бахтеярова да Андрея Просовецкого с войском, которые сошлись с Сапегою в Александровой слободе. И Бахтеяров, видя невозможность, отступил в Переславль, а Сапега взял Александровский острог, пришел под Переславль, где, много раз с великою наглостью приступая, немало людей потерял, а осажденным ничего не учинил, только что многие места вблизи, посылая, разорил.

После отхода Сапеги пришли в согласие воеводы взять Белый город и потом к Китаю приступать. Потому, взяв сначала на Козьем болоте острог, в котором сидели шведы, оных всех побили, а потом, войдя в город, взяли Никитскую, Арбатскую, Алексеевскую и Тресвятскую башни, многих поляков побили, а в тех местах, также за Московью рекою, поставив остроги, русских посадили и поляков в крайнюю тесноту привели. И к взятию Китая уже бесспорную надежду имели, так как полякам в харчах великое оскудение было, и многие готовы были на договор отдать. Но что творит самовольство и бесстрашие, когда главного начальства нет и всякий хочет быть велик! О безумие, что презрели общее отечества благополучие, а прилежали о собственной прибыли, забыв вечное, трудились о временном, презрев Христово точное учение, что говорит: «Если царство разделится само в себе, не может устоять». Слепила же прихоть разум их, ибо прежде, нежели неприятеля победили, Москву очистили и государство от внешних и внутренних беспокойств утишили, новый мятеж воздвигли по тому случаю, что начали советоваться о выборе государя. И хотя тогда окольный Измайлов с товарищами Трубецкому и другим представлял, что многие казаки, доброжелательствуя Марине и сыну ее,

станут их представлять, другие, может, захотят кого из бояр и, разбившись порознь, воздвигнут в войске несогласие и вражду, «чрез что все оное наше надеяние пресечется», но поскольку некоторые новгородцы Трубецкому о выборе королевича шведского, о котором Делагарди к новгородцам писал, с великими обещаниями представляли, а Заруцкий и все казаки надеялись, что вора сына, как наследника после отца, которому едва не все государство присягало, выберут, все, оставив сильный одного разумного мужа совет, согласились и стали в поле, выехав, в котором все те объявленные распри показались, и многих стали представлять. Но Трубецкой представил: 1) Ежели выбрать Маринина сына, который еще младенец году, то многие, ведая, что его отец был не прямой Дмитрий, его возненавидят и будут искать снова выбирать иного. Да хотя б памятуя, что присягали отцу его и подлинно верили, что он прямой был Дмитрий, да таким великим государством управлять и людьми, к смятению уже обыкновенные имеющими, ни ему, ни матери его, поскольку женщине, управлять невозможно. К тому ж известно всем, что она, так как от многих знатных фамилий оскорблена, будет им мстить и поляков, как своих свойственников и родственников, ей при себе держать возбранить невозможно. А из того всего снова тягчайшие несогласия произойдут. 2) Ежели выбирать из бояр и знатных фамилий, то уже очевидно, что за столь долготелее смятение все между собой в великие вражды и непростительные злобы вошли, чрез что любой из них будет мстить и отмщать. Наиболее же, что многие, полагая его еще за равного себе, надлежащей чести воздавать и в послушании быть не захотят, за что ему придется наказывать, а тем умысливать зло и возмущать народ. И так эта последняя беда будет тяжелее первой. И даже если предписать ему законы, но и оное государству более во вред, так как тем умалится страх и почтение, как то видим в примере на Шуйском, что его крестное государству целование первую причину к озлоблению людей и разорению государства явилось. И из-за того как Дмитриева сына, так и русских бояр выбирать невозможно, а надобно смотреть, где б сыскать постороннего государя, человека молодого, на царство, и еще такого, который бы силою отечества своего мог Русскому государству помощь подать и как от неприятелей, так и от воров и изменников государство очистить и оборонять.

Потому тотчас представили королевича шведского сына короля Карла, поскольку он имел двух, Густава Адольфа [...] лет и Карла Филиппа [...] лет, на что, почитай, все согласились. Однако ж многие находились недовольны, а особенно Заруцкий с казаками, который домогался о Маринине сыне. Хотя более спорить не могли и написали договорные статьи, между которыми главнейшие: 1) чтоб ему принять закон восточной греческой церкви и оную защищать; 2) чтоб ему жениться на русской; 3) чтоб зако-

нов государственных без совета и соизволения бояр не переменять; 4) войск иноземческих при себе не держать; 5) городов и земель от государства не отлучать, а взятые возвратить; 6) против неприятелей, доколе не усмирятся, некоторое количество войска шведского на их деньгах содержать; 7) без суда никого не наказывать и пожитков не отнимать; 8) шведов по желанию при себе держать, да в чины палатные и на воеводства, который не крепится, не жаловать, и прочие многие пункты, с которыми послали в Новгород князя Ивана Федоровича Троекурова, Бориса Стефановича Сабакина и дьяка Сыдавнова Васильева.

Марина же и с сыном своим, именуемым царевичем Иоанном, была в Коломне, и ей о сем прислали известие. Михаил Глебович Салтыков, видя свою беду, что ему не лучше, как старшему сыну, скоро будет, собравшись с домом своим и с единомышленниками, ушел тайно из Москвы в Польшу. В войске же русском распри с каждым часом стали умножаться, а особенно потому, что думный дворянин Прокопий Липунов был надмерно спесив и властолюбив, никого в дело не ставил и лучших бояр почитать и слушать не хотел, за что его все возненавидели. А Заруцкий с казаками забрал себе многие города и волости, чрез что в других полках как денег на жалованье, так и харчевых запасов недоставало, а казаки продавали харч дорогою ценою, а особенно потому, что казаки, допущением Заруцкого, езда по дорогам, грабили и привозить запасы людей отпугивали. И хотя другие воеводы о том Заруцкому говорили и требовали поделиться, но он того делать не хотел. Того ради все дворянство подали воеводам челобитную, чрез которую просили, чтобы города и волости разделили между полками по численности войск, во что положить деревни всех, которые в Москве сидят. И хотя Ляпунов о том с другими в согласие вошел, но Трубецкой, жалея, потому что его родни в Москве много, защищал их невольным сидением, а Заруцкий не желал у себя убавить, в том дворянству отказали. И на Липунова за то зло осердились и стали думать, как бы его убить. Он же, сведав, оставил Москву, пошел на Рязань со всеми рязанцами. Но Трубецкой, слыша от всех на себя в том нареkanie, послал к Липунову просить, который сам, сожалея, чтоб того случая не упустить и Москву без умедления очистить, презрев страхи и злобу, поворотился и, придя, стал в прежнее свое место. Казаки же, умыслив воровски, составили грамоту, будто Липунов писал по городам, чтоб казаков всех побили, и под руку его подписавшись, объявили воеводам. А также на Угрейше стоял для оберегания Матфей Плещеев, и он, переловив казаков на воровстве, 28 человек в воду посадил, про которых казаки сказали, якобы оные побиты по наущению Липунова безвинно, а оных мертвых привезли в обоз. Сие видели воеводы и, не зная истины, послали за Липуновым, чтоб приехал на обсуждение. И хотя он,

ведая умысел, по двум посылкам отказался, но потом, придя, Селиверст Толстой и Юрий Потемкин, ручаясь ему, что никакого зла не учинится, прилежно просили. Которым он поверив, поехал в обоз Трубецкого и, придя, довольные доказательства невинности своей и в обличение оных клевет представил. Но казаки по научению неприятелей Липунова бросились его бить. Но стоявший здесь великий неприятель Липунова Иван Ржевский, видя Липунова невинность, стал его защищать. Но казаки как Липунова, так и Ржевского убили, в чем Толстой и Потемкин, забыв свою клятву, к убийству оных побудили. Тогда в войске учинилось великое смятение, и многие из полков разъехались по городам. Сапега, стоя под Переславлем, уведав о том в русских полках смятении, не желая столь полезный случай пропустить и войскам русским к согласию время оставить, тотчас, оставив Переславль, собрав довольство запасов, пришел к Москве августа 15 числа. Немедленно от Алексеевских ворот до Тверских город очистил и за Москвую рекою остроги взяв, воевод отбил и, доставив сюда довольство запасов, снова укрепился. Воеводы же, отступя, стали за Язуою.

Король, чтобы избавиться от жалоб сидящих в Москве войск и нареканий от сенаторов, послал к Москве в помощь гетмана литовского Хоткевича, а на заплату жалованья велел сокровища царские употребить, кроме короны, скипетра и державы, которые велел хранить, ибо Жолкевский гетман, взяв не лучшие из оных, под Смоленск привез, а лучшие были еще в Москве, что Потоцкому весьма было не любо, что король мимо него другому в России над войсками команду дал. И умыслил, ему в его славе помешательства учинив, чрез то себе оную власть приобрести, послал с некоторою частью войска, якобы для помощи Хоткевичу, ротмистра Струса, которому приказал против Хоткевича тайно людей возмущать и королю на него жаловаться. Из сего в Москве произошло между поляками великое несогласие, и послали от себя к королю на сейм с наглою просьбою, чтоб королевича прислал. Ежели ж того не учинит, то они принуждены, оставив Москву, оных недоплатенных денег требовать от него и Речи Посполитой. Тогда же пришли к воеводам низовые войска, также смоленчане и дорогобужане и, совокупясь, взяли Девичий монастырь, где сидящих поляков порубили, монастырь со всем сожгли, а стариц сослали во Владимир. Смоленчане же, как выгнанные от короля, просили у воевод поместий, где бы им жен и детей своих посадить. И воеводы согласно все отдали смоленчанам волости в Арзамасе, а дорогобужанам во Владимире Ерополч, но Заруцкий Ерополча не отдал и казакам пускать их туда не велел. И из-за того оные все отпущены в Арзамас и другие низовые города.

Сидящие в Москве поляки, видя, что на положенной срок королевич не прибыл, не желая более ожидать, многие из Моск-

вы уехали. Прочие же, послушав Хоткевича и Сапегу, учинили с ними новый договор января 6 числа, а для безопасности в заплате их заслуженного жалованья были принуждены им отдать остатки сокровищ царских, среди чего 2 короны золотые, скипетр слоновой кости весьма предивной работы и великой цены, другой золотой с камнями драгоценными, державу золотую, кресла с алмазами царя Иоанна, присланные из Персии. И сии все вещи со множеством драгоценных камней отданы в заклад. А прочую многую казну распродавали между собою, кто за какую цену что хотел, поскольку русские уже денег не имели.

Шведский генерал Понтус Делагарди, придя из Руси, остановился в Выборге. И видя в России великое нестроение и несогласие, пойдя к Кексгольму, оный осадил и, держав долгое время взаперти, за недостатком съестных припасов принудил оный сдаться. Но тогда шведам подалась еще к разорению русскому причина, ибо ушедший из Москвы села Яузы дьякон Матфей пришел в Ивангород и, назвавшись царем Дмитрием, народ возмутил. Которому всем городом присягали, чему его сладкоречие и смелые или скорее отчаянные поступки наиболее помоществовали. После чего он, пойдя, взял Яму, Копорье, а потом Псков и другие последовали. Но поскольку ему к произведению силы не доставало, того ради просил он нарвского коменданта Шединга, чтоб в помощь ему короля Карла склонил. Король же, получив о сем известие, немедленно послал Петреуса в Нарву, который уже 2 раза в Москве посланником был, с повелением истину оного освидетельствовать, поскольку он как первого, так и другого Дмитрия знал. Но когда Петреус прибыл, оный вор, слыша, что Петреус первых довольно знал, видеть ему себя не допустил, выговариваясь сначала болезнью, потом убожеством своего состояния, в котором он королевскому послу аудиенцию дать находит неприлично, и для того велел ему со своими советниками договариваться. Петреус же, видя сей обман, сказал, чтоб они посольство к королю для договоров отправили. Но оный вор, того из-за многих обстоятельств сделать не могли, пошел с войском своим и 2-мя малыми пушками к Пскову июня 24 дня. Делагарди, идучи тогда к Новгороду и опасаясь, чтоб оный вор какого помешательства ему не учинил, послал навстречу ему Горна с войском. Вор же, видя оных пришествие, бросив пушки, ушел во Вдов, а Горн, догоняя, многих его людей побил, и оный с великим страхом едва бегом в Ивангород спасся. Псковичи, слыша о его несчастье, послали к нему посольство и, призвав, крест ему целовали. И сей мог бы долго себя содержать, ежели б порядочно себя содержал. Но природа и обычай привели его в различные крайние дерзости, как пьянство, блуд и грабление, чрез что всю показанную ему сначала любовь у всех погубил.^u

^u Petreus. P. 458.

Между тем Понтус Делагарди пришел к Новгороду и оный осадил, требуя заплаты якобы за положенные издержки и недоплаченное жалованье, а также за якобы от новгородцев учиненные ему и его войскам обиды. Наместник же князь Одоевский хотя видел, что все оные домогательства неправильные и только для хищения вымышленные, искал добрыми способами и правильными резонами его отвратить. А затем, получив из Москвы о выборе королевича известие, оное ему объявив, просил, чтоб королю объявил, а между тем поступал приятельски, потому учинил до отповеди королевской перемирие с некоторыми условиями. Между тем воевода новгородский Василий Иванович Бутурлин стал часто, со шведами съезжаясь, пить и гулять, часто к ним ездил и к себе звал, а про защищение и укрепление города забыл, а также и караулы, словно бы в самое мирное время, уменьшил. Что шведы видя, 15 июля ночью, придя с северной стороны, почитай, без всякого сопротивления в город вошли. А воевода Бутурлин в то время пил и, уедавав о том, забрав войска, сколько мог, из города ушел, которому за рекою стоять еще б великой опасности не было. Наместник же князь Иван Никитич Одоевский и митрополит с малым числом людей заперлись в каменном городе. Но видя, что воевода ушел и помощи ожидать неоткуда, учинили с Делагарди договор о принятии королевича на царство, включив присланные из Москвы пункты, и в том с обеих стороны утвердили присягою.^v О чем ушедшие с воеводою новгородцы уведали и поворотились. Бутурлин с малым числом людей уехал в Москву, а товарищ его Леонтий Вельяминов с казаками пошел на Романов. Идущие же от воевод послы из Бронниц поворотились, о чем наместник уедавал, и по совету с архиереем и всеми новгородцами отправили в посольстве к королю юрьевского архимандрита да от всех пяти концов лучших людей по человеку и несколько дворян.

1612. Делагарди же, укрепившись в Новгороде, взял Нотебург, Ладогу и другие города на имя новоизбранного царя, но поскольку вор во Пскове многие города к себе привлек, под видом якобы от него очищая, взял Ивангород, Яму, Копорье и Вдов. Но потом, желая и все государство тем же образом, как и поляки, под власть свою привести, взял Порхов, Тихвину и Старую Русу.

При Москве стоящие воеводы, получив от вора грамоту, присланную с казачьим атаманом Герасимом Поповым и получив о Новгороде от Бутурлина известие, немедленно, без всякого рассуждения за истинного признав, крест ему целовали. Однако ж, одумавшись, послали туда Ивана Глазуна Плещеева и с ним многих казаков, что видя, в полках многие дворяне разъехались по домам.

^v Petreus. P. 463; Pufendorf. P. 562; [Johannis] Loccenii. Historia rerum suecicarum libri novem. Upsaliae, 1662, l. 8, p. 511.

Сидящие в Москве поляки, видя свое изнеможение и что по просьбе их король на положенный срок королевича не отпустил, не желая более ожидать, многие, побрав имение, разграбив еще некоторые дома, уехали из Москвы, а прочие, послушав гетмана Хоткевича и Сапегу, остались, учинив с ними вновь о жалованье договор января 6 числа. Но поскольку в казне как царской, так и патриаршей золото, серебро, жемчуг и прочие вещи все было растащено и давать не из чего, а из Польши получить надежды не было, того ради отдали им в заклад оставшееся: 2 короны золотые старинные, 1 скипетр костяной старинный превеликой цены из-за его удивительной работы, 1 тоже золотой с драгоценными камнями, 1 яблоко, или держава, кресты персидские с алмазами, с таким договором, что оное после заплаты снова в казну возвратить.^w Прочие же многие богатства государевы продавали между собою, кто что заплатить хотел.

В полках, под Москвою стоящих, явилось подметное письмо, в котором написано было, якобы в Нижнем Новгороде некоему мужу благоговейному было явление, чтоб весь народ три дня постился, ничего ни пить, ни есть. По которому воеводы, не спрося, кто и где то письмо взял, определили по оному никому пить и есть не давать, от чего многие немощные и младенцы померли. Но потом уведали, что в Нижнем о том никто не слышал, и такого человека, каков написан, в Нижнем нет.

Тогда же, видя между собою несогласие, воеводы послали в Новгород Василия Бутурлина просить Делагарди, чтоб пришел к ним на помощь. Но оный сказал, что он имеет от короля указ оный край от воров оберегать и без указа к Москве идти не смеет и чтоб они о выборе королевича на царство от себя послов к королю послали.

Во Псков приехал Глазун Плещеев и Бегичев, заводчик того воровства, с казаками; оный Бегичев, довольно прежде того вора зная, объявил во весь народ, якобы он есть подлинный царь Дмитрий, который в Тушине был и от поляков ушел; которому всем народом поверили. Колычев же, видя обман оный и сожалел о своей крайней дерзости, что при Москве воевод возмущением простого люда присягать ему заставлял, но не смея уже противиться, советовался с воеводою князем Иваном Федоровичем Хованским, как бы его взять. И вскоре взяв его, во весь народ воровство то объявив и его обличив, свезли к Москве, а советников его посажали в тюрьмы.

В Нижнем Новгороде уведали люди, что вор в Калуге убит, а поляки Москву разоряют, воеводы же, столь долгое время стоя, за своими злобами только людей мучат и разоряют, а дела настояще-

^w Piasecki. P. 326; Kobierzycki. P. 439; Relatio curiosa de l'etat present de la Russie. A Paris, 1679, 8.

го нисколько нет, тогда один из купечества мясник Козьма Минин сын, по прозванию Сухорук, видя такое тяжкое Российского государства разорение и подлежащий страх к конечному падению, ревностно возгоревшись, однажды придя в собрание граждан начал всем говорить: «Мужики, братья, вы видите и ощущаете, в какой великой беде все государство ныне находится и какой страх впереди, что легко можем в вечное рабство поляков, шведов или татар попасть. Через что не только имущества, но и жизни многие уже лишились, и впредь еще более все обстоятельства к тому, а кроме того к утеснению и разорению законов российских и веры восточной церкви утеснению и разорению предстоит. А причина тому не иная, как от великой зависти и безумия, в начале между главными государственными управителями происшедшая злоба и ненависть, которые, забыв страх Божий, верность к отечеству и свою честь и славу предков своих, один другого гоня, неприятелей отечества в помощь призвали чужестранных государей, тот польского, другой шведского. Иные же различных воров, чернецов, холопов, казаков и всяких бездельников царями и царевичами именовав, как государям крест целуют. А, может, кто еще татарского или турецкого для своей только малой и скверной пользы избрать похочет. Которые, войдя, уже Москву и другие многие города с обеих сторон побрали, казну столь великую, за многие годы разными государями собранную, растащили, дома знатных, церкви и монастыри разорили и разоряют. Воеводы же, собравшись с войсками на очищение Москвы, собрав с городов немалые деньги, вместо того чтобы, войдя в согласие, вместе неприятеля побеждать, между собою, поскольку не имущие начальника, друг друга безумной гордости ради не слушают, в деле общем не помогают и друг на друга нападают и побивают, от которых никакой пользы получить надежды не имеем и иметь не можем. Однако ж ослабевать и унывать не надобно, но, призвав в помощь всещедрого Бога, свой ревностный труд прилагать и, войдя в согласие единодушно, оставив свои прихоти, своего и наследников своих избавления искать, не щадя имущества и жизни своей. Правда, может некто сказать: что мы можем сделать, не имея ни денег, ни войска, ни воеводы способного? Но я мое намерение скажу. Мое имение, все, что есть, без остатка готов я отдать в пользу, и сверх того, заложив дом мой, жену и детей, готов все отдать в пользу и услугу отечества. И готов лучше со всею моею семьею в крайней бедности умереть, нежели видеть отечество в поругании и во врагов обладании. И ежели мы все равное намерение возымеем, то мы денег, по крайней мере к началу, довольно иметь можем, а затем, видя нашу такую к отечеству верность, другие от ревности или за стыд и страх помогать будут. Что воеводы касается, то имеем здесь вблизи мужа искусного и храброго князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который для излечения от ран живет в своей де-

ревне. Ежели его будем просить, войско, что есть, и деньги ему вручим, то надеюсь, что он с охотою примет. И так как его в войске всегда любили и его храбрые поступки везде известны, то к нему войска довольно собраться может. И ежели сие так исполните, то я вас уверяю, что мы с помощью всемогущего Бога можем легко большую более всех богатств спокойность совести и бессмертную славу себе и своим наследникам присовокупить, врагов погубить и невинно проливающих кровь нашу мятежников усмирить».

Сия речь одного столь простолюдного человека настолько всем военным, как и гражданам полюбилась, что все единодушно в согласие пришли, и не продолжая, написав постановление, чтоб все имения свои на помощь отечеству под присягою, кто что имеет, отдать и сверх того дома, жен и детей закладывая, где можно деньги и запасы собрать. К Пожарскому же отправили архимандрита печерского и с ним несколько знатнейших людей, при том же, как начинателя одного, Козьму Сухорукова с подписанным постановлением, и велели его со слезами просить, обещаясь всем городом в его повелении быть. Оные же, приехав к Пожарскому, едва только могли со слезами повеленное выговорить. Не ожидая от них просьбы, забыв свою тяжкую рану, впрянув с постели, как лев готовый на лов, со слезами, объяв их, целовал и, верность их к отечеству похваливая, сказал, что он совсем на оное готов. И ежели кто может ему деньги дать, то он сейчас, заложив или продав свое имение без остатка, вместе с ними употребит. Видя же ревность и мужественный поступок одного Сухорукого, просил нижегородцев, чтоб его дали ему в помощь для совета и ему б все деньги и припасы поверили. С которыми оные, возвратясь, всем объявили, и по желанию Пожарского того Козьму Минина Сухорукого определив, все стали готовить. А Пожарский после отпуска оных немедленно послал во все города ближние о том известие, объявляя нижегородцев к отечеству радение, и просил, чтоб ему в том, как верные чада отечества, помогли. И между тем, как возможно, с поспешностью собирался, и к нему уведавшие ближних мест шляхетство собралось, с которыми он поехал к Нижнему. По городам, получив сие известие, тотчас стали собирать деньги и войска и к нему отправлять. Во первых, на пути к Нижнему приехали к нему из Арзамаса смоленчане, а в Нижнем дорогобужане, потом рязанцы, коломнятины, низовые и других многих городов приезжали. Только в Казани дьяк Никанор Шульгин, желая сам Казанью завладеть, ничего в Нижний не отпустил, но, обманывая, писал, что вскоре все войска и денег, сколько можно собрав, отправит. Но Пожарский, уведав злое намерение его, собравшись насколько скоро возможно, пошел из Нижнего к Болохне, имея не более как до 2000 человек.

В Москве, уведав сие собрание, принуждали патриарха Гермогена к Пожарскому писать, чтобы он к Москве не ходил и против

своей присяги королевичу не противился. Но патриарх, презрев тяжкое себе утеснение и угрозы мучительские, сказал им: «Ежели по учиненному между нами договору королевич все исполнит, а особенно ежели закон примет, то я готов к Пожарскому писать и надеюсь, что он свое клятвенное обещание сохранит и не только против королевича ничего делать не будет, но скорее, как верный раб, служить ему будет». И хотя поляки патриарху представляли, что они тотчас о том будут к королю писать, обещаясь, ежели король того исполнить не похочет, то они, сами с русскими договор учинив, вон выдут. Сие патриарху довольно известно было, что король сына отпустить и договоров заключать никак не хотел. А особенно видя присланное от митрополита Филарета о выборе государя письмо его уверяло, и рассудив, что поляки, разграбив казну всю, хотят только растягиванием времени весьма Российским государством силою завладеть, во всем им отказал и тайно к Пожарскому с возбуждением к обороне отечества писал. На что поляки, осердясь, патриарха Гермогена голодом уморили, и умер он февраля 17 дня.

Заруцкий, будучи с Трубецким в несогласии, что тот Маринина сына за государя признать не хотел, и опасаясь, чтоб Пожарский, усилившись, оную Марину с сыном не выгнал, послал Ивана Просовецкого с казаками, велел Ярославль захватить.

К Пожарскому же в Болохне пришел Матфей Плещеев с войском, а болохонцы дали денег и запасов, сколько могли, по своей воле, что также и в Юрьеве Повольском граждане учинили, и многие дворяне с разных городов приезжали. А также пришли с Низу мурзы с юртовыми татарами, чрез что его войско каждодневно стало умножаться. А поскольку он войско довольствовал и содержал в страхе, не допуская никаких обид делать, того ради везде его с радостью ожидали. На Решме встретили его присланные из Владимира от Артемия Васильевича Измайлова и сказали, что посланные из московских полков во Пскове Колычев с воеводою Хованским вора, называющегося царем Дмитрием, взяв, привезли в Москву, который уже долгое время в оковах. А также уведal он, что Просовецкий хочет Переславль захватить, и послал наскоро брата своего князя Дмитрия Петровича Лопату Пожарского, и оный, придя в Ярославль, казаков присланных в Ярославле переловил, а Просовецкий, уведав, поворотился в Переславль.

Воеводы, при Москве стоящие, князь Трубецкой и Заруцкий писали к Пожарскому, что они от псковичей обмануты и от возмущенных казаков вору псковскому крест целовать принуждены были, но одного вора взяли и прочее. При том же просили, чтоб он шел к Москве и, с ними совокупясь, об очищении Москвы старался. Потому Пожарский и Минин, рассудив, что им, не очистив от бунтовщиков городов и не выгнав казаков, которые более Марине с сыном радели, идти к Москве с малым войском было не-

безопасно, чтобы Заруцкий не принудил их по своей воле поступать. Однако ж, не желая их прежде времени оскорблять, ответствовали к ним с обнадеживанием, что, собрав запасов, тотчас будут к ним в помощь. Потом пошел Пожарский на Кинешму, а оттуда на Кострому, где тогда был воевода Иван Шереметьев. И оный Пожарского пустить не хотел, но Пожарский, уедавав, придя, прямо стал на посаде и послал в город объявить его намерение. Потому костромичи, возмуться, едва воеводу не убили, ежели б Пожарский их от того не уговорил; и по просьбе их дал им воеводу князя Романа Гагарина да дьяка Андрея Подлесова. Тут же пришли из Суздаля и просили, чтоб Пожарский дал им воеводу от себя, потому он послал князя Романа Петровича Пожарского. А Просовецкого казаки, уедавав, ушли из Суздаля, не дождавшись воеводы. Костромичи, собрав свое войско и казны денежной более всех городов вручив Пожарскому, с честью его проводили к Ярославлю. А в Ярославле его встретили с великою радостью, где он, стоя, посылал по городам указы о сборе денег и войска, и по оным отовсюду к нему собирались.

В Угличе стоя тогда казаки, немалое препятствие ему делали, а также в Пешехонье Василий Толстой с казаками многие пакости делал.

Новгородцы, отправив свое посольство в Швецию, долгое время отповеди получить не могли, потому что у короля Карла то же намерение было, как бы самому оное достать и со Швециею совокупить. И ради того он объявил, что, закончив с датским королем войну, немедленно сам к Новгороду для окончания договоров будет. Но после смерти короля вступив, сын его Густав Адольф предложил на сейме, где сие предложение принято за полезное, и согласились отпустить брата королевского Карла Филиппа и о том послам объявили.^{*} Однако ж то приятное письмо от короля, в котором он объявил, что когда в Швеции дела свои управит, немедленно сам к ним будет, новгородцев привело в великое сомнение. А король, не желая так желаемого себе государства брату своему допустить, после того целый год его отъезд задерживал и никакой отповеди в Новгород более не давал. И потому русские легко могли догадаться, что король хочет оба государства совокупить, чему никак статья невозможно. Притом же Делагарди великие поборы в заплату требуемого долгу наложил. О чем Пожарский желая обстоятельно ведать, а наиболее опасаясь, чтоб Делагарди ему против поляков и бунтовщиков не помешал, по совету с князем Дмитрием Матрюковичем Черкасским и другими воеводами послали в Новгород к наместнику князю Одоевскому и митрополиту, а также к шведскому генералу Понтусу Делагарди Стефана Лазорева сына

^{*} Petreus. P. 479.

Татищева с письмами, в которых объявили, что они идут Москву от поляков очистить, а против шведов никакого неприятельского намерения не имеют, и просили у них помощи. Притом же велели ему объявить и о королевиче: ежели он полезный договор сделает, то они все его на царство с охотою принять готовы. После прибытия оных в Новгороде, приняв их с честью, сделали совет. И по довольном рассуждении всех обстоятельств оного Татищева с товарищами, дав к Пожарскому с товарищами от наместника, митрополита и Делагарди письма, отпустили. И за ним апреля 12 числа отправили от себя послов князя Федора Оболенского да игумена и от всех пяти концов и пятин по человеку с объявлением, что они по согласию с московскими боярами и воеводами избрали королевича, и просили, чтоб воеводы с ними в том согласились. Пожарский же с товарищами, уедав от Татищева, что король договоров тех учинить не хочет и надежды никакой нет, согласился на тех условиях, что ежели король все договоры, представленные от русских, исполнит, они принять готовы и, в том подписавшись, послов новгородских отпустили, послав с ними Перфилья Секерина с грамотою.

Тогда пришли к Пожарскому посланный от него в Казань Иван Биркин да казанский голова Лукьян Мясной с войском, которые, идучи от Казани, многие обиды и разорения делали, в чем на них от дворянства, на Биркина, жалобы были. За что воеводы хотели тех обидчиков наказывать, а казанцы вступились, и сделалось такое смятение, что едва до бою не дошло. И потом Биркин со многими казанцами уехал, а голова Мясной остался и с ним человек с 200.

Пожарский, слыша, что черкасы стоят в Антоньевом монастыре, послал на них князя Дмитрия Матрюковича Черкасского да князя Ивана Федоровича Троекурова, и от оных, в походе изменив, смоленчанин Юрий Потемкин черкасам дал знать, потому оные ушли. А князь Черкасский, повернувшись, стал в Кашине. Тогда же Пожарский послал на Василия Толстого князя Дмитрия Лопату Пожарского, и оный казаков многих побил, а Василий Толстой ушел к Черкасскому в Кашин. Потом князь Дмитрий Лопата Пожарский пришел к Черкасскому в Кашин, и Черкасский, пойдя к Угличу, послал казаков уговаривать, чтоб принесли повинную и к нему пришли, объявляя, что под Москвою воеводы с ними в согласие пришли. Но казаки, следуя повелению Ружинского, выйдя из города, стали с ним биться. Другие же, рассудив, что им нет причины с русскими биться, переехали к Черкасскому, а остальных противящихся Черкасский разбил, из которых мало ушли.

Тогда же в Ярославле у воевод учинился великий спор и несогласие, что многие Пожарского слушать не хотели и один другому первенства уступить не хотел. Из-за чего призвали бывшего тогда в Ростове митрополита Кирилла, который, прибыв, добрыми своими поступками и рассуждениями представляя, какой из того государст-

ву вред и им вечное бесчестие, а кроме того от всего народа ненависть произойти может, что они, оставив общих государственных врагов, из-за одной проклятой спеси и вредительного собственного лубочестия и властолюбия междоусобие возжигают, из которого никому больше, как неприятелям общим, польза произойти может, и напоследок, не желая на время своему равному брату покориться, вечными рабами поляков или шведов станут. Чрез что он всех их примирил; и по согласию всех, а особенно по представлению митрополита и просьбе дворян, дали полную власть над всем войском князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому да Кузьме Минину, как начинателю того дела, которого советы всегда столько были сильны, что бояре редко что его хотели опровергнуть. Однако ж Пожарскому положили о всех предприятиях со всеми воеводами советовать, которых было человек более десяти, а в тайных советах быть только Хованскому, Троекурову и Черкасскому с ними.

Тогда ж прислали к воеводам переславцы просить, чтобы их от казаков Заруцкого оборонить, потому послали Ивана Федоровича Наумова с войском, и оный, выгнав казаков, город укрепил. Заруцкий же, видя, что Пожарский с ним не в согласии, умыслил злодейским коварством оному доброму намерению помешать, а свое исполнить, выбрал двух человек казаков, Обрезка да Стеньку, которым велел с прежде посланными от него казаком Иваном Датковичем и 5-ю смоленскими стрельцами, Ошалде с товарищами и рязанцу Семену Жданову, обещав им великое награждение, ежели войско возмутят или Пожарского умертвят. Которые, придя в Ярославль и согласясь с оными единомышленниками, после многих разговоров видя, что всем войском Пожарского любят и к возмущению способа нет, умыслили, между людьми к нему приблизясь, ножом зарезать. Однажды же случилось Пожарскому быть на съезжей избе для разбирательства некоторых дел, и встав, выйдя, у дверей, смотрел на народ. Между многими людьми возле него стоял один казак, желая его под руку с крыльца свести. Тогда оный присланный от Заруцкого казак Стенька, протеснясь между людьми, бросившись на него, ударил ножом, но, не попав в Пожарского, поколол одного казака Романа, который тотчас упал. Князь Дмитрий же, не видя того и думая, что Роман от тесноты упал, хотел вон выступить, но люди стоящие, видя то, его не пустили, сказав, что хотят его убить. И взяв немедленно одного Стеньку, тотчас стали его пытать, который все то умышление подробно сказал и своих единомышленников объявил. И оных, переловив, всех хотели казнить, но Пожарский упросил и разслал их в города по тюрьмам, а Стеньку с товарищем, оковав, взял к Москве для обличения Заруцкого, которые пред всем войском при Москве то объявили и отпущены все на волю.

Вскоре потом прислали от Москвы князь Трубецкой и Заруцкий от себя с известием, что гетман Хоткевич идет с войском к

Москве, и просили, чтоб воеводы к ним в помощь поспешили и одного не пропустили. Пожарский же, одарив, присланных отпустил, а сам стал наспех в поход готовиться. И вскоре послал князя Дмитрия Петровича Пожарского с войском, велел ему, построив острог, стать у Тверских ворот. Прежде одного к Трубецкому пришли украинских городов войска и стали у Никитских ворот. Но видя себе от казаков Заруцкого великие обиды, послали Ивана Кондырева да Ивана Бегичева к Пожарскому просить, что им от казаков великие обиды, и ежели скоро помощь не придет, то они принуждены отступить из-за того, что казаки, грабя по дорогам их обозы, с голоду поморили. Оных присланных хотя прежде довольно многие люди и воеводы знали, но тогда от великой худобы узнать их никто не мог, поскольку уже долгое время, почитай, все травую питались. Пожарский же, дав им запасов, сукон и денег, отпустил, обнадежив, что вскоре будет. И потом сам со всем войском поднявшись, ночевал от Ярославля в семи верстах и, доверив все войско князю Ивану Андреевичу Хованскому и Минину, велел им идти к Ростову, сам поехал в Суздаль по обещанию молиться. В города же еще послал указы, чтоб войско собиралось, а также деньги и запасы везли. И поворотясь в Ростов, видя что войско в отлучении его несколько умножено и запасов в привозе довольство, и слыша же, что шведские войска некоторые города побрали, опасаясь, чтоб они более не захватили, послал на Белоозеро Григория Образцова с войском, велел ему тамошние места оберегать, однако ж где уже шведы стоят, на них не ходить.

В Москве приехавшие Кондырев с товарищами весьма войско обрадовали. Но Заруцкий, видя что ему нехорошо быть имеет, с единомышленниками своими и многими казаками ушел в Коломну, где взяв Марину с сыном и сжегши Коломну, а жителей обвинив в измене, пошел на Рязань, разоряя многие места, и стал в Михайлове. Польские же и шведские историки сказывают, что он с Мариною венчался. От Заруцкого же оставшиеся при Москве казаки, опасаясь от Пожарского на себя гнева, послали от себя атамана Кузьму Волкова с товарищами к Пожарскому якобы просить о немедленном приходе, а действительно уведомить, в каком он намерении идет и нет ли на них какого умышления, которые застали его в Ростове. И оные, дав им некоторое жалованье, обнадежив всякою милостию, отпустили, а сами пошли к Троицкому монастырю. Которым навстречу из монастыря вышли воеводы и власти с крестами. И воеводы стали между монастырем и Климентьевой слободой, хотели тут отдохнуть. Но получив известие, что гетман Хоткевич уже близ Москвы, тотчас поднявшись, пошли, а наперед послали князя Василия Ивановича Туренина и велели ему стать у Чертольских ворот. Сами же, придя, ночевали на Яузе, где встретили их от Трубецкого многие люди и просили от Трубецкого, чтоб По-

жарский стал с ним вместе. Но воеводы, ведая, что Трубецкой захочет иметь первенство, а другие его слушать не захотят, а особенно Пожарский не хотел сам той чести уступить, отказали, якобы опасаясь дворянство с казаками вместе поставить, между которыми уже издавна согласия нет, потому что в казаках более всего беглых холопов и крестьян. А на следующий день, поднявшись рано, он пошел прямо к Арбатским воротам. И Трубецкой, сам его встретив, снова к себе звал, но в том также получил отказ, из-за чего тайно произошла между ними злоба. И в тот же день Пожарский сделал около себя окоп, а про гетмана проведывать послал по всем дорогам.

На утро же августа 21, прибежав, посланные сказали, что гетман ночевал в тереме, идет за ними. Который в тот же день стал на Поклонной горе, а 22 числа перешел он Москву реку у Девичьего монастыря и стал у Пречистинских ворот. Но Пожарский тотчас пошел навстречу к нему со всем войском, а Трубецкой стал за Москвою рекою у Крымского брода, прислал к Пожарскому просить в прибавку войска, чтоб ему можно было через реку поляков в смятение привести. Потому Пожарский немедленно послал 5 лучших сотен конницы. И был бой у Пожарского с гетманом с утра до 8 часа, то есть до третьего часа пополудни, где только была одна Пожарского конница, а Трубецкой не помог, и казаки, смотря на оное из-за реки, смеялись и поносили Пожарского. Пожарский, видя изнеможение, велел нескольким сотням, с коней сойдя, биться пехотою, чрез что с обеих сторон людей множество побили. Видели же посланные к Трубецкому сотни, что Пожарского поляки утесняют против воли Трубецкого, и на них смотрят атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, перейдя через реку, напад на поляков с боку, смяли и многих поляков побили. После чего гетман, перейдя Москву реку, стал у Донского монастыря. В ту же ночь изменник Григорий Орлов провел в Москву от гетмана 600 человек гайдуков, сказав на карауле, якобы по указу воевод ведет пехоту шанцы против города сделать. И поставив их у Егорья в Ендове, сам пошел в город. 23 дня гетман, ведая что уже его люди там есть, пошел к Москве, желая запасы через мост пропустить. Трубецкой же, желая захватить путь ему, стал у Москвы реки от Лужников, а Пожарский у Илии пророка обыденного, послав к Трубецкому в помощь многие сотни, у которых с гетманом был бой с утра до полудни. И гетман Трубецкого сбил и втоптал в Москву реку. Но Пожарский по принуждению товарищей его выручил, потому Трубецкой и казаки отступили в таборы. А гетман стал у церкви Екатерины с обозом, тогда же острог у церкви Климента взял и, порубив казаков, посадил венгров.

Пожарский, видя, что казаки на него осердились и от своих слыша нареkanie, послал казаков уговаривать, чтоб идти на гетмана заодно, но они не хотели того слушать и хотели идти прочь. Тогда же случился при войске Пожарского келарь Троицкого монастыря

Авраам Палицын, который, видя безумством воевод людям гибель, поехав в таборы казацьи, просил их, чтоб они, войдя в согласие, на следующий день на гетмана всеми войсками пошли, обещая им из монастырской казны дать довольное жалованье, выручая Пожарского, сколько можно. Потому казаки, послушав, согласились и пошли на гетмана с двух сторон, сначала острог Климентовский взяли и тут венгров 700 человек побили, а в острог посадили пехоту и из-за наступающею ночи отступили каждый в свои таборы, оставив во рвах и ямах пехоту, чтоб гетмана ночью в город не пропустить. А гетман для караулу поставил у Крымского брода роту пехоты, а у Крымского двора для разъезда роту конницы. Сие заметил Козьма Минин и, не сказывая никому, опасаясь измены, просил у воевод, чтоб ему дали некоторое количество людей, объявив им намерение, что они с охотою позволили. Он же, взяв ротмистра Хмелевского да дворян три сотни и переплыв через реку выше поляков, в самой тихости подъехал близко к ним, внезапно напал, и оные две роты побежали к таборам, а Козьма, догоняя, рубил, что слыша, во рвах лежащая пехота туда же побежали. Гетман же, слыша такой великий шум, вскочив с постели, думая, что все войска русские идут, оставив обоз, ушел и остановился у Донской. Тогда от Пожарского и Трубецкого на тот шум многие сами по себе набежали и хотели за гетманом гнать. Однако ж Козьма в такой темноте, не ведая сам, сколько войск с ним, и опасаясь, чтоб гетман, осмотрясь, не поворотился, стал со всеми людьми по городу и велел всю ночь стрелять. Гетман же, всю ночь стоя на лошадях, а поутру неправое получив известие или сам из-за стыда затеяв, пошел назад к Смоленску. А воеводы, разобрав обоз его, стали по своим местам и договорились, что для совета съезжаться на Неглинной.

Тогда черкасы, уздав, что все русские войска под Москвою, пройдя снизу, город Вологду взяли и сожгли. Сие слыша, воеводы велели из Владимира окольникему Измайлову идти к Вологде на черкас, и ежели к городу английские войска пришли, чтоб их принял и отправил в Москву. Он же, придя на Вологду, черкас многих побил, а остальных разогнал, сам пошел с малым числом людей к городу.

При Москве после отбития гетмана воеводы, вступив в Белый город, так поляков в Китае и Кремле заключили, что никому выйти было невозможно, и чрез то учинился им великий голод. И хотя они всех жителей, которые им ненадобны были, ограбив, из города выбили, также боярам и знатым людям жен и детей выслать велели, того ради те просили воевод, чтоб оных приняли в свое защищение, потому воеводы, приняв их с честью, велели проводить в их вотчины, а прочим давали волю, кто куда хочет. Однако ж и с тем всем так учинилось, что всех лошадей, собак и кошек поели, напоследок побитых людей ели. Воеводы, зная такую скудость, надеялись, что поляки скоро сдадутся. Но уздав, что до последне-

го помереть хотят, сожалея бояр, невинно заключенных, рассудили силу против них употребить. И октября 22, приступив с лестницами кругом, Китай взяли и поляков многих побили. Остальные же поляки и русские изменники ушли в Кремль и заперлись. Но видя себя в крайнем изнеможении, в тот же день прислали просить, чтоб воеводы их приняли и жизни не лишили, а особенно просили, чтоб их не отдавали в полк Трубецкого казакам. Пожарский, не дав об этом знать Трубецкому, приступил к городу к Каменному мосту, где сначала бояре вышли со всеми русскими, которых никто узнать уже не мог, пока кто сам о своем имени не говорил. И хотя поляки тогда ж хотели выходить и город отдать, но казаки, придя со всем их войском, хотели с Пожарским биться, из-за чего принуждены были отступить. 23 дня бояре положили между собою на том, что поляков разделить пополам, а в городе что есть у поляков казенное отобрать и положить в казну, после чего послали к полякам в Кремль четырех человек из воевод обоих полков. И приняв у них казенное сокровище, которое еще цело находилось, и оружие всякое написав на росписи, и поляков выведши, разделили: полковник Будина со всеми знатнейшими шляхтою и всем полком к князю Пожарскому, и оный их всех, разведя по станам, сохранил и разослал по городам под караулы; а полковник Струс со своим полком достался в полк Трубецкого, и оных казаки всех побили. А Сапега прежде взятия от великой печали, видя такое несчастье, умер.^у И после принятия города вошли бояре и воеводы в пустой оный город с великими слезами и положили для совета съезжаться в дом государев, очистив некоторые покои. А после того очищали и починивали в Москве улицы и дома, поскольку войти было от смрада невозможно. Вскоре после вступления в Москву казаки просили у воевод жалованья, но воеводы им объявили, что казны никакой ныне нет и платить нечего, а ожидали бы оно по исправе; к тому ж хотят учинить смету, сколько они городов пограбили и казны государственной насильно взяли. За что они, осердясь, хотели бояр и воевод побить. Но дворяне, уздав о том, никакого зла учинить не допустили, и едва уже до бою не дошло. После чего бояре и все люди в согласие пришли, что ни королевича, ни вора за государя не принимать и государство всем единодушно до последней капли крови своей защищать. И в том все присягали и во все города о том писали, прося от всех вспоможения.

Король Сигизмунд после такого продолжения и неправедных домогательствах, пребывая сам в смятении мыслей своих, взяв королеву и королевича Владислава, пошел в Вильню, где ее оставив с сыном, пришел к Смоленску. И когда он с войском из Смоленска пошел, тогда упала в воротах железная редка, которую долгое время поднять не могли. И принужден был выйти из города в другие воро-

^у Kobierzycki. P. 441-450; Piasecki. P. 277.

та, что ему тогда за злое предвещание многие почитали,² как то и действительно явилось, что ему в Москву дорогу заперли, и принужден был со стыдом и великим убытком назад воротиться. Ибо войдя в русские города, уповал везде принятым быть с честью, но везде явились ему неприятели, и вместо хлеба да соли встречали с порохом и свинцом. Крестьяне по лесам и по деревням людей его, где могли, побивали, и для того в полках его явилась во всем нужда. Не доходя до Вязьмы, встретил его Хоткевич с разбитым войском и сказал, что Москва от русских жестоко осажена, и уже не надеется, чтоб он застал. Потому король из Вязьмы послал в Москву проводить князя Федора Енгальчева с грамотою в Москву, ежели еще не взята. И оного воеводы взяли на третий день после взятия, о приходе королевском уведали и немедленно город к осаде укреплять стали. А в города послали грамоты, чтоб как возможно наискорее запасы по возможности везли. Потому из многих городов отправили и навезли с довольством. А также и жители, которые разошлись, стали собираться. Только в Казани дьяк Шульгин во всем отказал и едва посланных не побил. Между тем король, уедав, что русские Москву взяли и поляков, почитай, всех побили, зло разгневавшись, обещался, взяв бояр и воевод, бывших при том, всех побить. И тотчас из Вязьмы пошел к Погорелому городищу, где тогда был князь Юрий Шеховский с малым числом людей и недостатком припасов. Король же, жестоко несколько раз к оному бездельному и только тыном огороженному месту приступая, не учинив ничего, потеряв более людей, нежели оный городок стоит, пошел с великою злобою к Волоку. Но одумавшись, желая коварством обмануть, от Волока послал к Москве с войском молодого Жолкевского да изменника князя Даниила Мезецкого, который был в послах с Голицыным, и дьяка Ивана Грамотина, велел им бояр и воевод уговаривать. Которые, придя неожиданно к Москве, за городом стали людей хватать. Воеводы же, уедав, тотчас вышли против них с войском, и хотя они прислали сказать, что имеют от короля грамоту и от королевича, но воеводы, видя, что оные многолюдством не для договоров, но для возмущения казаков пришли, сказали им, чтоб прочь шли. И видя, что оные к бою готовиться стали, думая, что русских мало, того ради бояре велели еще войскам выступить и, вступив с ними в бой, почитай, всех побили и полон побрали. С русской же стороны сначала взяли они в полон смоленчанина Ивана Философова, которого спрашивали, какое намерение имеют о королевиче. И оный им сказал, что ни один человек его на царстве иметь не хочет, потому что король учиненные договоры нарушил. Жолкевский, воротясь к королю с малым числом людей, обстоятельно донес. Сие возобновило снова в короле злобу, и велел к Волоку всею силою приступать, где был воевода

² Koberzycki. P. 450; Piasecki. P. 278.

Иван Коромышев и о защищении города весьма не радел. Что видя, казачий атаман Иван Епанчин снял правление обороной на себя с товарищем своим Маркою Нелобом. При котором король, на приступах немало людей потеряв и ничего не сделав, пошел назад в Польшу с великою поспешностию и пагубою для людей своих, ибо в пути от стуж и голода многие у него померли и от крестьян побиты; и так от 35 000, которые с ним и Хоткевичем были, едва 8000 возвратилось ли. Бояре, слыша об отходе королевском, писали о том во все города, объявляя, что они все согласились единодушно Российское государство оборонять, а к городу Архангельскому окольному Артемию Васильевичу Измайлову, чтоб пришедших на помощь от англичан немецкие войска, заплатив надлежащее, отпустил обратно.

Тогда же Заруцкий, придя, к Переславлю Рязанскому приступал, но воевода Михаил Бутурлин, выйдя из города, его разбил. От которого он уйдя, взял из Михайлова Марину с сыном, ушел на Украину и там многие места попустил.

Бояре же и воеводы, видя от поляков и воров безопасность немалую, однако ж опасаясь между собою разногласий, что в безглавном правительстве между равными легко произойти могло, а особенно что главнейший между ними князь Мстиславский от тяжкого в Москве заключения был весьма слаб, стали думать о выборе государя. И некоторые предлагали, чтоб тотчас государя выбирать обретающимися в Москве людьми, представляя, что войска, почитай, из всех городов при Москве, и другие никто спорить не могут. Другие, рассуждая, что в Москве только одно войско под властью их воевод, которые без рассмотрения всех нужных обстоятельств легко могут к представлению воевод своих склониться и за них стоять, чрез что удобно злобе и несогласию снова подается причина. А наиболее что воеводы, ходя с войсками самовольно, были один другому прежде противными, один другого вотчины разорял и родню его побивал, что легко забыто быть не может. К тому же Новгород, Псков, Казань и другие, а также многие духовные особы и палатные люди жили по разным местам. Ежели их не призвать, то поставят себе за обиду, из чего не лучшее следствие, как выбор Шуйского, явиться может. И потому согласились созвать со всего государства. И о том послали во все города указы, чтоб немедленно духовные власти, шляхетство и знатное купечество собирались, а к Артемию Васильевичу Измайлову, чтоб пришедших на помощь англичан от города обратно с благодарением отпустил и, что надлежит, им заплатил. Потому многие стали съезжаться, из Новгорода приехал наместник князь Иван Никитич Одоевский с некоторыми людьми.

В Швеции король так долго с отпуском брата своего тянул, но получив от Делгарди письмо, что Пожарский с войском к Москве идет, и хотя чрез письма от них уверение получено, но когда они поляков выбьют, то окончательно о королевиче запа-

мятуют, и видимая Швеции польза вдруг угаснет. Потому король тотчас писал к Делагарди, что отправит брата своего Карла Филиппа немедленно. Однако ж и того из-за введущейся тогда датскою войны и других обстоятельств не учинил, а особенно потому, что мать оного, посколькy младенца 12-ти летнего, отпустить не хотела.^{aa} А между тем Понтус Делагарди отправил от себя в Москву объявить, якобы королевич по предписанным ему договорам склонился и идет к Новгороду, а он в защищение Российского государства с войском идти готов, куда повелят.

1613. В Москве бояре и прочие станы, собравшиеся для избрания, долгое время о выборе рассуждая и представляя разных особ, в согласие прийти не могли. Однако ж между тем прибывшему от Делагарди сказали, что они ныне помощи от него никакой не требуют, только просят, чтоб он, оставив города русские, выступил за границы и тем бы вольному выбору не мешал, посколькy и ныне многие поставляют, якобы он силою королевича на царство посадить хотел, что людей приводит в противное мнение. И может он видеть, что за взятие Смоленска все, присягав, от королевича польского отреклись и говорить о нем больше запретили, что легко и с ними статья может, ежели он не выступит, посколькy оное не соответствует договорам. А когда он выступит, то конечно без противности о королевиче представлять будет свободно. И ежели кого выберут, то им немедленно пришлют известие. И с тем оных присланных отправили. В выборе же видели казаки и стрельцы несогласие между боярами, подали от себя на письме,^{bb} что они хотят иметь на царстве Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета, утверждая его свойством с царем Иоанном Васильевичем и сыном его царем Феодором, посколькy отца Филарета Никиты Романовича Юрьева сестра Настасья Романовна была первая супруга царя Иоанна, а мать царя Федора, потому Филарет брат двоюродной был царю Феодору Иоанновичу. К тому же представляли, что от него никакой опасности нет, посколькy человек молодой и ни с кем никакой вражды иметь случая ему не было. С чем все духовные, а потом и весь народ согласился. И оное марта 1 числа на миру положив, отпел молебен, послали к матери его на Кострому в Федоровский монастырь просить архиепископа рязанского Феодорита, из бояр дядю его Федора Ивановича Шереметьева, который женат был на сестре Филарета Никитича, да с ними чудовского архимандрита Троицкого монастыря келаря Палицына и Спасского монастыря архимандрита, двух окольничих стольников, дьяков и дворян, а также голов от казаков и стрельцов многое число. Михаил же Феодоро-

^{aa} Pufendorf. P. 578.

^{bb} Kobierzycki. P. 469; Piasecki. P. 279; Olearius Adam. Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien u. s. w. Schleszwig, 1663, p. 119.

вич жил тогда в Костромской своей вотчине. И по приближении к Костроме архиепископ со властями, остановась за версту в селе Новоселках, облеклись в церковные одежды, со святыми иконами пошли в город, которых также протопоп с иконами и весь народ встретил на устье речки Костромы, а пошли прямо в монастырь. И государь с матерью встретили их у монастырских святых ворот. Тогда вышел в монастырь архиепископ от всего духовенства, а боярин с товарищами от всего народа просили иночицу Марфу Ивановну, чтоб благоволила, сына своего отпустила на царство, а также и его просили. Она же, видя многих государей несчастье и народа еще волнение, что два королевича избраны и присягами в том обнадежены, а сверх того вора, Маринкина сына, с войском на украине того ж домогающегося, а сына своего еще в самой младости, которому еще 17-ти лет не исполнилось, опасаясь, что ему таким великим государством править и от такого множества внешних и внутренних врагов защищать было опасно, а еще более, что казна государственная вся растащена и народ, столь многие годы разоряясь, как в военных людях, так и в имениях истощал, презрел всего народа такую прилежную просьбу и от всех изливаемые слезы, просьбу их отвергла, и отказала.

Тогда присланные, сочинив грамоту от лица всего народа с обещанием его до последней возможности защищать и во всем быть ему покорным и утвердив тяжкою клятвою, им объявили и снова с крайним прилежанием просили. Она же, не в силах более им противиться, марта 14 дня привела сына своего к церкви к святому алтарю и, поставив его у образа Богородицы, с великими слезами сказала: «Вот сын мой, которого отдаю в руки матери Божией, которого вы возьмите от нее на ваши души. И ежели что зло учините, всевышний творец и пресвятая Богородица будут вам судья». И благословив сына своего, отступила. Архиепископ же, подступив, возложил на него присланный из Москвы животворящий крест, а боярин подал царский жезл. И тогда весь народ с великою радостью поздравили и, учинив крестное целованье, руку целовали. А в Москву послали с известием и грамотою, по которой также, все единодушно целовав крест, послали по городам. В городах же везде без всякого преколовия тому последовали. Только казанский дьяк Никанор Шульгин, будучи тогда с войском в Арзамасе, сам присягать не хотел и войску не велел. Но видя, что войско, не послушав его, присягает, уехал в Казань, желая народ возмутить. Но когда и там его не послушали, то он уехал в Свяжск. Казанцы же, послав за ним и взяв в Свяжске, сослали в Москву, а из Москвы сослан в Сибирь в заточение.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДЕЛА, ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАСАЮЩИЕСЯ,

которые в книгах русских не сполна описаны или весьма оставлены, а находятся только в различных чужестранных книгах или в памяти от видения и слышания людей сохраняются, для памяти собраны и другим в лучшее рассмотрение к сочинению русской истории представляются

ЦАРСТВО ЦАРЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

Сего государя дел порядочно всех описанных на русском языке не имеем, и хотя от новгородцев, псковичей и других некоторые многие дела в память оставлены, также и Курбский как в своих письмах, так и особенно в делах одного государя многое показывает, однако ж все так пристрастно и темно, что едва истину видеть и разуметь можно. Между чужестранными все те, с которыми он воевал, как то: поляки, лифляндцы и шведы, по чрезмерному пристрастию в поношение и оскорбление величества все, что злое могли выдумать об нем, написали, а добрые его дела пропустили. И оным германцы, не рассудив, наиболее последовали, более такими лжами и клеветами достохвальные дела сего государя в сущую темноту привели. Однако ж англичане, голландцы, а особенно те, которые сами тогда в России были, дела сего государя видя и причины настоящие ведая, весьма с похвалою жизнь его описали, из-за чего некоторые начали лучшее о нем мнение иметь, как то один в Вене в 1700-м году одну диссертацию в защищение сего великого государя на латинском языке напечатал. А также в прошедшем 1722 году напечатана книга на германском языке, именуемая «Введение в историю московскую». В котором хотя начало положено от восьмого века после Христа, однако ж все темно, но обстоятельнее автор начал

писать от великого князя Иоанна Васильевича и кончил в царстве царя Михаила Федоровича. В котором как всех прочих, так и сего государя дела автор весьма изрядно описывает и великий свет истории нашей подает, к чему он более 100 тогдашних времен историков приводит. Мы же по обстоятельствам дел видим, что сей государь к распространению своего государства, к приобретению славы и богатства великую ревность и прилежание имел, как то видимо из его мужественных лифлянской, татарской и польской войн и его по тогдашним обстоятельствам изрядных учреждений экономических.

Видимо нам, что до царства его величества письменных законов по меньшей мере в собрании не было, как издревле и во всех государствах, судили ж по примерам и по совести на словах и большие ссоры поединками решили. В чем его величество видя многие беспорядки, по совету всех знатных людей Судебник, или Уложение, сочинил, которое состояло из 99 статей. В оном поединки хотя не запрещены, но в делах таких только, где доказательств истинны не доставало, допущены и порядки, как в том поступать, описаны. Крестьяне хотя были вольные и жили где кто и как долго хотел, но он положил переходу их время и порядок, чтобы владетель земли заранее о переходе крестьянина ведал.

Подати хотя издавна с луков или возможных работ поголовные положены были, но он для лучшего порядка, думаю, по лифлянскому примеру с земли положил.

В делах судных некоторые статьи хотя при сочинении Уложения несколько переменены, однако ж ныне на оное снова склонено, некоторые статьи в новом Уложении остались точно не описаны и ссылаются на оное.

ЦАРСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

1613 марта 14 числа иночица Марфа Ивановна, дочь князя Ивана Туренина, бывшая супруга Федора Никитича Романова, который от царя Бориса пострижен, от Расстриги в Ростов митрополитом поставлен, от бояр послом к королю польскому послан и там в неволе содержался, и их сын Михаил Федорович, рожденный в 1596 году, бывши тогда 17 лет, с матерью своей на Костроме в Ипатском монастыре, после долгого к присланным из Москвы архиерею и боярину с товарищами отрицания, не могли более оных послов и всего народа просьбы и слезы презреть, соизволили на их предложение склониться и престол российский воспринять. Однако ж оная иночица, взяв сына своего, привела в церковь живоначальной Троицы к святому алтарю и, поставив его у образа пресвятой Богородицы, нарицаемой Федоровской.

оборотясь к предстоящим послам и народу, с превеликими слезами сказала им: «Се сын мой, которого вы от меня так прилежно просите, с великою клятвою верно ему служить, его любить и оберегать от всех неприятелей обещаетесь. Я, не желая воли Божией и вашему всего собора и народа желанию противиться, отдаю его всемогущему Богу и пречистой Богоматери в защищение, которое вы возьмите на ваши души. И ежели вы, забыв страх Божий и свою тяжкую клятву, какое зло с ним учините и неправедно поступите, то всевышний Бог и его мать будут вам судья и мститель той неправды» и пр. И сие сказав, облобызав его и дав благословение, словно на смерть отпуская, с великим рыданием отступила. Народ же, видя оное, с великим рыданием плакал. Тогда архиепископ, подступив, возложил на государя привезенный из Москвы крест Господень со златою цепью, а боярин подал серебряный царский жезл. И возрадовавшись, все поздравляли его на царстве, а потом, не исходя из церкви, по предписанной грамоте всенародно ему крест целовали. И того ж дня с подписанными грамотами послали в Москву окольного. А поскольку та от народа утвержденная грамота заключает в себе кратко предшествовавшую историю, того ради оную точно здесь полагаю. (Вписать).

В Москве, получив оные грамоты, сердечно обрадовались и все без всякого отрицания крест целовать хотели. Однако ж палатные люди, опасаясь, чтоб кто не усомнился тем, что королевичам польскому и шведскому прежде присягали, написав все обстоятельства, для чего оных отрешают, а сего как истинного государя приемлют, просили митрополитов и всех духовных властей, чтоб властью, данною им от Бога, от той клятвы их разрешили и полное прощение и забвение утвердили. Которое все духовные, сочинив, руками всех присутствующих утвердили и потом в верности государю и его законным наследникам крест целовали. А по городам послали списки краткие, по которым также везде со всякою радостью без наималейшего прекословия последовали и дары государю, как на разоренное место, каждый город по своей возможности присылали; между которыми псковичи и нижегородцы наиболее всех себя показать потщились. Только вор казанский дьяк Никанор Шульгин, не желая государю креста целовать, а желая сам Казанью завладеть, быв тогда с войском в Арзамасе, тем отговорился, что якобы ему о том выборе прежде объявлено не было. А он, имея грамоту о выборе, тогда утаил и войску присягать без воли всех казанцев воспрещал. Но видя, что войско, не послушав его, присягали, собрался с единомышленниками малого числа людьми и побежал к Казани. Казанцы же, получив грамоту, прежде его присягали и, слыша, что Шульгин к ним бежит, послали навстречу, чтоб его поймать. И

посланцы, поймав в Свяжске, отвезли в Москву, а из Москвы сослали его в Сибирь в заточение, и там оный вор умер. Также в Новгороде и других шведы сидели, а в Смоленске, Вязьме, и прочих поляки русским против желания их креста целовать не допустили.

Государь, управившись на Костроме и получив из Москвы известие, что подводы по дороге, а также в Москве все потребное к пришествию его готово, немедля поднявшись, с матерью своею и послами пошел к Москве. В Ярославле встретили его величество ярославцы, вологжане и других поморских городов со многими дарами.

Тут государь пребыв два дни, писал в Москву к боярам, чтоб на вора Заруцкого послали войско и оному еще не угасшему углю в великий пламень разгореться не допустили. По которому бояре немедленно послали с войсками боярина кн. Ивана Никитича Одоевского да с ним воевод: из Суздаля кн. Романа Пожарского, из Тулы кн. Григория Тюфякина, из Владимира Ивана Измайлова, с Рязани Мирона Вельяминова.

В Ростове и Переславле государя также встречали разных городов присланные, а у Троицы власти со святыми иконы, а также из Владимира, Суздаля, Дмитрова, Кашина и других городов присланные. Где государь, отпев молебен и ночевав, пошел в село Братовщину. Тут его дожидающиеся присланные из Москвы Кирилл, митрополит ростовский, боярин князь Иван Михайлович Воротынский с товарищами встретили.

Апреля 18 пришел государь к Москве, и за городом встретили архиепископы суздальский и грек галасунский с боярами и всем народом. На лобном месте дожидались государя все духовные власти со крестами и синклит. И государь, войдя в Кремль, зашел в соборную Успенскую церковь; и, отдав Господу Богу благодарение, пошел в царский дом, мать же его, иночица Марфа Ивановна, в Вознесенский монастырь. И тогда в Москве была неизреченная радость, чрез что все прежние свои беды и разорения запаматовали. И после сего, не продолжая времени, его величество коронован от казанского митрополита Ефрема с прочими властями. А в чинах были: корону нес и золотые бросал кн. Федор Иванович Мстиславский, скипетр — кн. Дмитрий Тимофеевич Грубецкой, шапку великих князей — Иван Никитич Романов, державу — Василий Петрович Морозов, для платья ходил в Казенную кн. Дмитрий Михайлович Пожарский да казначей Никифор Траханиотов, а в Золотой палате принял у него Василий Петрович Морозов, державу же взял кн. Пожарский. И потом у государя столы были в течение трех дней.

После обретении государя бояре от себя отправили в Польшу к Речи Посполитой коширянина Денисья Оладына с грамо-

тою объявительною о выборе государя, прося их, чтоб всю прежнюю вражду пресечь, а неправильные королевские требования отставить и для того б съехаться с обеим сторонам послам. И хотя поляки в грамоте к боярам их к тому склонность изъявили, однако ж король и его советники оного слышать не хотели. Государь же по возвращении оного Оладьина пожаловал своею вотчиною. А также государь послал от себя к цесарю и другим государям послов со объявлением своего вступления и учиненных от короны польской и шведской неправых обид, а именно к цесарю ..., к королям английскому и французскому Ивана Гавриловича Кондырева да Михаила Неверова, а также к королю датскому и в Голландию, прося их, чтоб посредством их те войны прекратить и неправильно взятое от Российского государства возвратить. В Швецию послан был ..., но король шведский, видя бессилие Русского государства, представлял многие несправедливые вымыслы в причину, по которым он Новгород и другие побрал и отдать оных без войны не хотел.

О ВОЙНАХ ВНУТРЕННИХ

Боярин Одоевский, пойдя с войсками и собравшись на Рязани, пошел на Заруцкого, который тогда шел к Воронежу. И шедши с ним при Воронеже, бились жестоко долгое время; а поскольку Заруцкий имел людей больше и стоял на высоком месте, из-за того бояре его сбить не могли, и по великом с обеих сторон уроне бояре отступили недалеко. А Заруцкий, взяв Воронеж, людей побил и город сжег, хотел идти снова на бояр. Но уведали в войске его, что государя избрали, многие казаки, от него отъехав, приехали к боярам с повинною, из-за чего Заруцкий с остальными чрез степь побежал к Астрахани. Потом, еще отстав от него, казаки пришли в Москву, и государь их пожаловал, послал с воеводами под Смоленск; а в Астрахань послал наскоро воевод князя Ивана Никитича Одоевского да Семена Васильевича Головина, и они зимовали в Казани. А Заруцкий, придя в Астрахань, по согласию с такими же ворами воеводу князя Ивана Дмитриевича Хворостина убил. Прежде избрания государя на царство, во время обложения Москвы, при Астрахани нагайский хан Ищерек, слыша многое в Руси нестроение и как от поляков, так и от воров разорение, собрался со всею ордою, пошел на Русь. И придя, в Коломенском, Каширском, Серпуховском, Боровском и других за вора стоящих уездах по самую Москву великое разорение делал. Но как только уведен, что государя обрели русского, тотчас прислал от себя с повинною, извиняясь, что он воевал на изменников Русского государства, и просил, чтоб государь ему того в вину не

поставил, а принял его как верного подданного по-прежнему в свое защищение. И хотя б сие ко извинению не довольно, потому что он, ведая бояр под Москвою в собрании, не только к ним в помочь не пришел, но их во многом утеснял и запасов не пропускал, однако ж, взирая на тогдашние обстоятельства, государь милостиво оных послов принял и, одарив их, послал грамоту к нему с похвалою его к государству услуги, повелев ему, отпустив пленников, идти в свои улусы. Которую он получив, немедленно повеленное исполнил.

ДЕЛА ШВЕДСКИЕ

Шведский генерал Делгарди в Новгороде, уведав, что государя выбирают, стал монастыри и церкви грабить и разорять. И тогда с 70 монастырей разорил и под видом якобы в заклад за незаплату положенных от него несносных податей пушки медные, колокола и прочие градские и церковные сокровища, а также иконы из-за окладов богатых и священные сосуды, собрав, высылал тайно в Швецию. И ведая, что уже государь избран, принудил новгородцев противные всякому рассуждению в пользу королевича, велел им подписаться и послал в Швецию, написав к королю, чтоб немедленно шел сам или брата своего прислал и Великую Россию, а также и Поморье, Каргополь и Колмогород отобрал, представляя к тому великие удобства. Но поскольку король имел тогда еще с датским королем войну не оконченную, писал к Делгарди, чтоб он как можно старался еще новгородцев укрепить, а королевича обещал вскоре отпустить.

Государь же, идучи к Москве с Костромы, рассудив с боярами, чтоб шведам хотя бы более распространяться не допустить, из Ерослава послал на Тихвину князя Семена Васильевича Прозоровского да Леонтия Вельяминова. И оные без великого сопротивления взяли, и сидящих там шведов отпустили, и, укрепив город, сами отступили. Сего же году король шведский января 29-го учинил мир, чтобы ему свободнее Российское государство воевать.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА

Вскоре по коронации государь, видя, что с поляками без войны не пробыть, послал немедленно с войсками князя Дмитрия Матрюковича Черкасского и князя Ивана Федоровича Троекурова с полками, которые пошли к Вязьме. И в Вязьме, уведав о войсках, государю крест целовали, и бояр встретили. То ж учи-

нили и дорогобужане. И бояре, оставив в Вязьме воеводу Стефана Лазаревича Татищева, пошли к Белой, где тогда сидели поляки и шведы. И хотя поляки крепко сидеть намеривались, но шведы после некоторых вылазок и боев, вытерпев несколько приступов, видя свою немочь, против воли поляков отдали город с договором. И бояре шведов по договору отпустили, а поляков, поскольку противились, побили, малое же число в полон взяли. Поставив тут воевод Матвея Плещеева да Григория Загряжского, пошли к Смоленску и, оный осадив, многие польские места, посылая, разоряли, деревни жгли, людей побивали и в полон брали.

ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Сей год государь ни о чем более, как о добром порядке и устройении в государстве прилежал, многие законы для правосудия сочинил, ища, чтоб между всеми была любовь, а вражду, насколько можно, пресекал. Видя же, что многие на вотчины свои крепостей лишились и другие без всяких дач по крепостям и без крепостей побитых вотчины захватили, а также чтоб знать, в каком которая деревня состоянии и какие подати платить может, послали во все города приправщиков, велели в деревнях людей и земли описать, кто по чему чем владеет. В прочем же искал всех себе более милостию и своими благочестными поступками, нежели гневом и наказаниями, приклать [привлекать?] и в верности содержать и из-за того каждодневно ходил сам в советы и всех, просящих о нуждах, к себе допускал без задержания.

1614

Прибыли к государю английский, датский и голландский посланники с поздравлением, обещая прежнюю дружбу ненарушимо содержать. Также из Персии и от турок, получив известие, прислали по обычаю их с великими дарами, а особенно персидский посол привез дары, состоящие в золотой и серебряной посуде, парчах и других великих богатствах.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙНЫ

На Терках воевода Петр Васильев сын Головин, уздав о приходе Заруцкого в Астрахань, собрав людей, сколько можно было, пошел к Астрахани; и по приходе его астраханцы многие, выйдя, к нему пристали. Заруцкий же, видя себе безнадежность,

наделся яицких казаков к себе склонить, ушел с Мариною и малым числом казаков на Яик, Одоевский же, уведав сие, пошел наскоро в Астрахань и, придя, остальных воров в Астрахани, переловив, в тюрьмы посадил, а на Яик послал Головина с некоторым войском, который, придя, застал его в немалом войске на острове. И по немалом бою с помощью яицких казаков Заруцкого и Марину, Расстригину жену, с сыном, а также и прочих воров, взяв с великим богатством, послали в Москву; которые же тогда противились, тех всех порубили. И по привозе в Москву Заруцкого посадили на кол. Маринина сына и Федьку Андронникова с прочими начальниками повесили, а Марина, сидя в заключении, от нетерпеливой презельной печали, презрев всякое ей довольство и обещанную от государя милость, умерла внезапно. И таким образом сия мужественная и властолюбивая жена, ища более, нежели ей надлежало, и более затевая, нежели женские свойства снести могут, с великим несчастьем, как то обычай всем сему подобным властолюбителям, жизнь и славу свою с бесчестием окончила. Что же мужа ее последнего касается, которого Урусов в Калуге убил, кто он подлинно был и как его звали, о том в русских историях ничего, а в чужестранных различно находится. Здесь же и о сыне Маринином сомнение есть, ибо чужестранные называют его Димитрием, русские называли в Калуге Иваном царевичем, иные же думают, что вовсе не ее сын был, о чем польские историки утверждают. Здесь же называет его Степенная книга Федором Андронниковым, а другие Федора одного называют товарищем Заруцкого, атаманом казачьим. Да и быть, видится, невозможно, чтоб одного Маринина сына трех лет повесили, и потому весьма видно, что Федор Андронов не сын Маринин.

Тогда же казак, Боловня именуемой, собравшись со многими ворами: казаки, холопы боярские и великие беглецы, около Волги, Кашинский, Романовский, Углицкий, Пешехонский, Бежецкий разбойнически разоряли и прошли к Белоозеру и в Новгородский уезд, потом в Каргополь, на Вологду и Вагу и другие многие уезды; другие же украинные города, около Новгородка и пр., множество людей различными мучениями и ругательствами умерщвляли, дома грабили и жгли, что и описывать из-за скверности неприлично, и таким их воровством многие места запустошили. И из-за того послал государь в Ярославль боярина князя Бориса Михайловича Лыкова с товарищами с немалым войском и многих властей духовных их уговаривать. Которые, езда к тем ворах по разным местам, с великим прилежанием представляя им меч царский и суд Божий за такие крайние дерзости, иногда же обещая им милость государеву, склонить трудились, но ничего учинить не могли. С Украины же придя, черкасы с русскими ворами около Нижнего разоряли, и боярин Лыков, опасаясь, чтоб

сии не совокупились, пойдя на них с поспешностью, встретив в Болоховском уезде в Васильеве слободе, всех побил и в реке потопил, и лишь самая малая часть спаслась бегом. Потом снова возвратился к Ерославлю и, слыша, что казаки духовных увещания не слушают, пошел вверх по Волге на них. Они же, слыша о приходе Лыкова и победе над черкасами и ворами, собравшись, пошли к Москве бить челом государю, чтоб вину их отпустил, а велел бы им то отслужить против неприятелей государственных. И придя, стали у Симонова, а Лыков, придя за ними, стал у Дрогомилова, опасаясь, чтоб их к Польше не пропустить. И хотя государь им по желанию милость оказал и велел им с Лыковым идти к Смоленску, но они не только около Москвы стали разбивать, но в Москве стали людей на злое возмущать. За что государь, переловив, начальников их по розыску и обличению велел перевешать, а Лыков, зайдя с войском к обозу их, где совсем к бою были готовы, всех порубил. И хотя некоторые, еще не желая покориться, побежали на Украину, но Лыков и тех, догнав под Кременцем на реке Луже и тут обступив их, взял на договор и привез в Москву более 2000. Где начальников их, Боловню с товарищами, перевешали, а прочих разослали в города.

ДЕЛА С ПОЛЯКАМИ

Под Смоленском воеводы стоя и видя, что осадные в Смоленске поляки и шведы, имея уже великую в запасах нужду и голод, не сдавались, надеясь на обещанную от Сапеги из Литвы помощь, и уведав, что Сапега приближается, отпустил Черкасский товарища своего князя Троекурова к границе, чтоб поставив на проходах в крепких местах остроги и поляков к Смоленску не пропустить или чтоб успеть его со всем войском, не допуская, встретить и отбить. Которое оный князь Троекуров изрядно учредил, мосты разломал, где не весьма опасно было, дороги зарубил, а в надежнейших местах, поставив остроги, довольно укрепился. Но так как тогда вкоренившееся в россиянах бесстрашие и самовольство более, нежели рассуждение о пользе общей, властвовало и всяк хотел по своей воле поступать, не желая немалый для отечества нужды и тягости понести, и из-за того обстоятельства стоящие войска по границе, вознегодовав, против воли воевод, оставив те проходы, пришли снова к Смоленску, Черкасский же, видя такой непорядок и выбрав голову Михаила Новосильцева, послал его к границе с войском, велел ему стоять в крепчайшем месте. И оный, придя на границу, не только стал в худом месте, но видя поляков со множеством людей, Сапегу пришедшего, выступив из острога в поле, хотел с

ними биться. Поляки же, отъехав его от острога и обступив, совсем побили. И хотя некоторые с ведомостью прибежали, но воеводы не могли скоро с войском исправиться, а Сапега, придя в Смоленск, запасы и людей в прибавку в город пропустив, сам снова в Польшу возвратился.

Того ж лета прислал король польский на Украину полковника Лисовского с 4000 войска. Который, придя, Брянск осадил, и, долгое время доставая, ничего не учинив, с потерей немалого числа людей отступил, и, придя, Карачев взял, а воеводу князя Юрия Шаховского сослал в Польшу к королю, а сам стал в Карачеве, посылая уезды разорять. Царь же Михаил Федорович послал против его боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского да с ним воеводу Степана Исленьева и дьяка Сомова Заборовского, которые, придя в Белев, остановились. И тут пришли к нему остальные воровские казаки с повинною, и боярин, приведши их ко кресту, взял с собою в поход и пошел к Карачеву. Но Лисовский, уедав о приходе Пожарского, Карачев сжег и пошел верхнею дорогою к Орлу, а Пожарский, уедав оное, пошел наскоро туда же, и пришли в день недельный в один час поутру. Перед боярином шел в ертауле Иван Гаврилов сын Пушкин и, опередив, вступил с поляками в бой. Воевода же Исленьев и дьяк Заборовский, слыша бой, убоявшись, со всеми их людьми побежали. А Пожарский остался с малыми людьми с 600 человек, не ведая, что прочие ушли, думая, что оные подоспеют, наступил на Лисовского крепко, который тогда имел более 2000. Но после долгого боя, усмотрев себя от товарища выданным, отступил за обоз и усталился телегами.

Многие же дворяне, приходя, его просили, чтоб боярин пошел прочь. Но он сказал: «Лучше мне с честью умереть, нежели бежать». На сем бою многих поляков побили и 30 человек шляхты в полон взяли. И Пожарский на том месте ночевал, а Лисовский уступил 2 версты, не взяв ни одного русского в полон. Исленьев, уедав, что боярин стоит в обозе, собравшись с уходцами, ночью пришел в обоз, и многие беглецы собрались. Поутру Пожарский снова пошел на Лисовского, но он ушел и стал у Кром, а оттуда в одни сутки поспел к Волхову 150 верст. В Волхове же воевода Стефан Иванович Волынский, имея довольную осторожность, к городу его не допустил, и Лисовский пошел к Белеву. И воеводы князь Михаил Долгорукий да Петр Бунаков, оставив город, ушли, и Лисовский, видя оный пустым, совсем сжег и пошел к Лихвину. Где воевода Федор Стрешнев, выйдя с малыми людьми, великим мужеством Лисовского отбил, и он, оставив Лихвин, пошел к Перемышлю, из которого все люди выбежали в Калугу, и Лисовский тут остановился. И как Пожарский уедал, что Лисовский стал, послал немедленно в Калугу голов с сотня-

ми, а Лисовский, уведав оное, ушел к Лихвину. И потому Пожарский нигде его догнать не мог.

Сего ж году пришел от цесаря римского Матиаса в Польшу посол для примирения короля с царем Михаилом Федоровичем. И по пересылке положили быть съезду в Вязьме. Тогда же государь послал к отцу своему для служения стретенского игумена Ефрема, а потом послал с поздравительною грамотою Федора Желябовского. И о том бояре от себя к сенаторам писали, чтоб ему видеть митрополита допустили. По которому поляки, не осматривая писем, допустили, только при том был Лев Сапега с малыми людьми и тайно говорить воспретил, а письмо государь его, попросив, прочел и отдал митрополиту. При отпуске же Желябовского позволили митрополиту писать к государю, как к сыну, только чтоб он ему титула царского не давал. Но Филарет Никитич в том им извинился, что он, как подданный российский, иначе писать не может и представлял, что королевству Польскому его письмо ни вредит, ни поможет, как бы он ни писал. И оное письмо снова канцлер Сапега видя, послать не воспретил. И митрополит, отпуская его, сказал: «О житии моем донеси, что видишь, и поздравь его от меня». И государь оного Желябовского за то пожаловал довольною милостью.

ДЕЛА СО ШВЕДАМИ

В Новгороде Делгарди, великие грабления и налоги чиня, многих невинных людей побил, гневаясь; потому они, видя, что шведами самими договоры нарушены, стали его просить и между собою советовать, как бы власть его несправедную низвергнуть, и о том писали тайно к государю, прося помощи. За это оный Делгарди и церковь Софейскую безбожно ограбил, и Канцы приступом взял, а Тихвину, долгое время держа в осаде и многократно приступая, не взяв, отступил. А псковичи тогда ж взяли Вдов и шведов всех побили, до 500 человек. Королевич же, так долго мешкая, приехал на кораблях в июне месяце в Выборг и, ведая, что уже государя в России всем царством избрали, с присланными от Делгарди новгородскими послами еще договоры как хотели, так сочиняли и оных принудили, как невольников, крест себе целовать. И потом королевич прибыл в Канцы, куда августа 26 числа прибыли новгородские депутаты, выбранные от Делгарди, не имея при себе полномочной грамоты, просили королевича, чтоб шел в Новгород. Но он, видя, что вопреки обещания Делгарди и некоторых плутов новгородцев никого более послов от Российского государства не явилось и надежды никакой не было, в Новгород идти не хотел, требуя, чтоб от других городов рус-

ских послы пришли. И новгородцы по принуждению от Деллагарди просили королевича, чтоб он был на великом княжении новгородском. Но королевичевы министры, видя, что то они говорят только от себя, без полномочий и без согласия с другими, да хотя б то настоящею их силою учинить было удобно, но впредь то неправое похищение защищать видя за невозможное, принужденный королевич возвратился и дал поступную на оное брату своему королю шведскому. Король же, не имея свободности, писал к Деллагарди, чтоб он войска нанял. Потому Данил Геброн, наняв в немецкой земле 1000 пехоты и 200 французов, привез на кораблях в Новгород. И потом фельдмаршал шведский Евергорн, осадив Вдов, жестоко приступал, но долгое время русскими мужественно оный город оборонен был.

Государь, видя, что со шведским королем ничего без войны учинить было невозможно, послал в начале года к Новгороду боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, окольного кн. Данила Ивановича Мезецкого с 6000 войска. И оные, придя в Торжок, видя в войске смятение, что казаки, пришедшие от Заруцкого, стали великие грабления делать и дома разорять, опасаясь далее идти, тут остановились зимовать. Государь же, слыша оное, послал к ним еще в помощь окольного Василия Ивановича Бутурлина с 2000 человек. Король шведский, видя, что русские войною хотят свое доставать, учредив на сейме в Оребро внутренние свои дела и по многим домогательствам учинив с польским королем перемирье на два года, пошел сам с войском на Россию и зимовал в Финляндии.

Тогда же английский король по просьбе обеих сторон вступил в посредство к миру. Однако ж для выгоды английского торга не хотел голландцев во оное допустить, хотя для того во Швецию нарочный от Штатов с полномочиями был прислан.

ДЕЛА ПОЛИТИЧЕСКИЕ

О супружестве с Долгорукою

По представлению родителей его совокупился законным браком с дочерью князя Владимира Тимофеевича Долгорукого, но поскольку на первой ночи явилась на ней падучая болезнь или иная какая противность, то оный брак на следующий день никакой надлежащей радости не показал, и она, почитай подлежащего почтения не имея, вскоре умерла и погребена, а родителя ее и братьев, лишив всех имений, сослали в ссылку. И ее в поминовении с прочими царицами имени нет.

О смерти Шеина

1633. Боярин Михаила Борисович Шеин стоял под Смоленском и, по ненависти некоторых тогда бояр видя себя в великом недостатке запасов и сильное наступление от Владислава IV, короля польского, с войском отступил, но по прибытии в Москву от его величества весьма немилостиво принят. И хотя он в допросе пред боярами имел некие письменные к своему оправданию доказательства, однако ж поверив тем своим скрытным злодеям, которые как его, так и бывшего товарища с ним Артемья Васильевича Измайлова столько умели обольстить и уверили, что ежели они тех писем не объявят, то, они уверяли, их старанием ни до какова зла не дойдет. И таким образом оные, обольстясь, о всех того причинах отвечали и оправдаться хотели без доказательств. Но так как после выхода их обстоятельства противные от тех же злодеев были явными представлены, то немедленно велели их, у Архангела исповедав и причастив, на площадь вести. Сии, выйдя и видя плаху и топор, узнали оный обман и опаматовались, что дурно сделали, начали говорить, что они не виноваты и имеют оправдание. Из-за чего хотя определенный эту казнь производить было остановился, однако ж оные злодеи их немедленно с подтверждением прислали, чтоб казнил не мешкая. Сенат же, слыша, что Шеин приговор оспаривает, послали тотчас же, чтоб его не казнить, но уже оный присланный прибежал поздно. Сие подало причину многому роптанию, и хотя ясного доказанья оногo коварства не доставало, однако ж их невинность потом довольно истинно явилась, и из-за того немедленно тела их велено в Троицкий мо-

настырь свести, с честью погresti и в вечное поминовение написать. А наследникам их даны грамоты, чтоб тем их никто не порицал.

О великом времени князя Куракина

Царь Михаил Федорович, имея при себе князя Бориса Александровича Куракина в великой милости и такой силе, что многие на него вознегодовали, а особенно она после смерти Филарета Никитича и царице была неприятною, и хотя многие покушались оному его счастью каким образом, но не могли, потому что был комнатный стольник, однако ж пытались сделать толчок, но никому не удалось, и более с собственной бедою оное засвидетельствовали. Некоторые же умышляли, как бы его на время куда отлучить к знатному делу, однако ж как он был комнатный стольник, то и оному случаю сыскать не могли. Того ради, добродетельствуя ему, стали государю говорить, что оный князь уже человек не весьма молод, однако ж всегда пред боярами принужден вставать, к тому же как человек острый, не имея случая в палате свой совет дать, остается напрасно и его величество порядочно его советами пользоваться не может. Которое представление во удовольствие как государя, так и оных обеих сторон исполнилось, что его вскоре государь пожаловал в бояре. Сие некоторое время в таком состоянии пребывало, доколе лучший случай показался, а именно около Астрахани учинилось от татар смятение. И хотя оное не так тяжко было, как государю опасным представляли, и рассуждали, чтоб послать кого из знатнейших бояр, которого б имя более, нежели число войска, страх делало. И в первых тотчас дядя государев князь Иван Борисович Черкасский, а также Мстиславский и Лыков себя представляли. Но поскольку государю видно было, что древность их лет и положенные на них великие дела тому препятствовали в том им, благодаря, отрек. Благодаря чему они немедленно представили оного князя Куракина. И потому он, видя, что столь старые люди того не чураются, охотно сам на то склонился, и его величество соизволил, как скоро только согласились, того ж часа утверждено и надлежащим порядком ему сказка чрез думного дьяка сказана. С ним велено отправить образ из собору и архимандрита знамя большое, намет суконный государев, москвичей знатное число и товарища, человека знатного, стрельцов полк. В семь дней велено ему собравшись ехать. Суда ему тотчас изготовили и все, что надобно сим, отправили, только товарищу велено, собравшись с москвичами в Нижнем, за ним поспешать. Он получил отпуск от государя с великою милостию, и все знатные люди его на судно

проводили. Но так как он для исправления еще некоторых нужд при Симонове монастыре остановился, то послали к нему объявить указ, чтоб немедля того ж дня шел в путь или отрублены будут канаты. В Нижний не доехал, а ему уже была прислана грамота с осудом, что в деревне два дня умешкал. В Казани получил указ, чтоб архимандрита с образом и знамя поворотить в Москву, а товарища ему нарядили иного. И так его у государя повредили, и после смерти его величества там остался.

ДЕЛА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

О приправочных книгах

Как сей государь скоро на престол восшел, видя, что государство в великом разорении было, многие на деревни имевшие крепости растеряли, а многие у других деревни насилием завладели и где сколько жилого, то с чего б подати положить, не знали, того ради того ж 7121 году послали во все города дворян, велели описать, кто по чему которою деревнею или землею владеет, что в ней жилого и по чему подати надлежащей платили или платить может. И оному сделали по две книги, первые именовали приправочные, другие же окладные.

О податях

В древние времена подати были только одни поголовные, по которым ясак платился, но поскольку крестьяне были вольные и с места на места переходили, и потому податей порядочно собирать было неудобно. Сие видя, царь Иван I уложением своим утвердил, чтоб крестьяне переходили с места на место только в осень и только ... день. А видя, что в Финляндии подати порядочнее положены с гаков, положил и он брать с земли, расположив в сохи. Но так как от разорения великого военного и мору многие и после приправочных книг деревни запустели и платить стало некому, помещики сами земель за собою пустых иметь не похотели, того ради.

О писцовых книгах

В 7134, т. е. 1626-м году, послали во все государство воловых писцов, которым велено: 1) земли пахотные, перелогом и лесом порослые, сенокосы, леса и болота, измерив, положить в

десятины; 2) обмежевать и, грани положа, обстоятельно описать; 3) крестьян всех, мужского и женского пола, переписать, чрез что крестьяне остались вечно крепкими; 4) оные земли положить в сохи. Однако ж сохи оные были числом десятин не равны, и по сути первая разность между дворцовыми и черными слободами, а также духовные и дворянские. Другая разность по доброте земли, например добрая земля средней против оной в полтора, а худой против доброй вдвое кладено. Третья разность положена жилое с пустым, а леса и болота в сошное письмо не кладены. И с оного настоящая подать положена.

Сие учреждение весьма было изрядное, да в действе поступки и случаи уповаемой пользе помешали: 1) что писцы оные землемерия и вычетов не знали и писали меру неправильно, во многих местах вдвое и более написали, нежели земли налицо есть, а в других местах писали так мало, что ныне по мере является втрое, четверо и больше; 2) урочищ и смежностей не писали, по которому многие до сих пор тех земель сыскать не могут; 3) хотя межи и признаки описали, да такие, каким быть нельзя, и видно, что по сказке незнающих, в избе сидя, писали; 4) хотя межи где и с мерою долготы писали, но не описывали углов и признаков неизменных не делали, из-за чего ныне тех меж сыскать уже и разобрать невозможно. Отчего вражды великие, убийства смертные до сих пор происходят.

О ПРАВОСУДИИ

Хотя царь Иван Васильевич о законах прилежание имел и в... году первое Уложение, или Судебник, состоящее в 99 статьях, сочинил, однако ж во оном весьма немного донныне употребление его суда и законов надлежащего находим, потому что сначала положен порядок полевого бою, или поединков, которое вскоре после него от царя Бориса Годунова запрещено, а велено разбирать по доказательствам. Во враждах же земских для разнятия споров определил земли все описать и измерять в десятины. И видится, мера десятин от него начало имеет, потому что он меру им аршинами длины и ширины описывает, не упоминая, чтоб о том прежде известно было. Но скоро наступившее потом смятение того учинить не допустило, или, может, что по тому и было исполнено, да в разорение московском погибло. Однако ж есть то в доказательство, что приправщики писали уже десятинами. А в царство царя Ивана Васильевича имя десятин в указах где было ли, не знаю, в Уложенье же его не поминается.

Что же в Уложенье царя Иоанна о вольности крестьян в ... статье положено, при Борисе ль оное отставлено или после того,

мне видеть не случилось, однако ж во время его уже видится, что та крестьянам вольность отсечена, и потому думаю, что оное от паря Михаила Федоровича пресечено.

Между прочими его учреждениями, и по сути в начале царства его, видим весьма вечной похвалы достойный указ 1629 году, чтоб в монастыри ни под каким видом деревень не давать. А также многие наследственные его указы весьма изрядные в Уложениях упоминаются.

О ЗАВОДАХ МЕДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРОЧИХ

Его величества нам ведать мало осталось, и может, что внутренне и внешние военные беспокойства много ему в том препятствовали, однако ж видно одно его достопамятное дело. Его величество по представлению Бориса Ивановича Морозова призвал из Саксонии горных искусных людей, которые, по многим местам государства ездя, обрели в Перми изрядные медные руды и более в горе Григоровской работали. Для плавленья же оной построен был плавильный завод при Пыскорском монастыре и превеликая плотина, которую и ныне не без удивления видеть. Во оных местах немало меди добыто, и хотя ясных описаний тому не обретаем, однако ж по тем копиям и оставшимся шлакам видно, что работы много было. Однако ж и то видно, что оные мастера не весьма искусны были, потому что они, во-первых, шифер бросали, а выбирали только крепкую руду, и потому вдесятеро более напрасно работали и руду, из которой бы для множества больше меди получить можно, напрасно оставляли. Во-вторых, знатно плавильщика искусного недоставало, что в их шлаке видимых зерен меди немало находится, из-за чего мы их шлак с пользою переплавляли. Однако ж может быть и то, что оное по отбытии уже саксонцев русскими неискусными мастерами учинилось.

В те ж времена в горах Уральских на верховьях реки Белой обретаена была серебряная руда и построена была крепостца, о котором никакого известия не имеется, и хотя шлаки серебряной и свинцовой руды найдены, но где копали, того места не сыскано, а которые копи татары показали, в тех никаких признаков, кроме слюды, не явилось, может быть, что татары скрывают, а русским за отдалением и опасностью сыскать неудобно. Однако ж, по моему малому разумению, видится, что в сих Уральских горах весьма руд хороших надеяться надобно.

**О СОБЫТИЯХ 1618—1619 гг.
С ОТДЕЛЬНЫМИ ЗАПИСЯМИ
О СОБЫТИЯХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ГОДОВ (1625—1677)**

И таким образом воеводы, выйдя в целости, пошли к Москве из Малой Руси. Гетман Саадашной пришел на Украину и взял город Ливны, воеводу кн. Микиту Черкасского взяли тут же в полон и, сжегши город, пошли к Ельцу. Который от неразумия воеводы Андрея Полева взяли, поскольку он вышел против них со всеми людьми, и Саадашной его, от города отрезав, побил.

Тогда послан был в Крым с казною Семен Хрущов с крымскими татарами. Казаки же оных Полева и татар побили, а малых людей в полон взяли; а Елец разорили.

По пришествии бояр из Можайска в Москву, воры, ярославец Богдан Тютренев, смоленчанин Яков Тухочевский, нижегородец Афанасий Жедринский, возмутили все войско, не только бояр не хотели слушать, но им стали повелевать. И едва оное от кровопролития утишили. Королевич, многократно приступая к Можайску и много людей потеряв, не сделал ничего, пошел к Москве, и стал в Звенигороде, от Москвы 40 верст.

Гетман Саадашной добывал Михайлов и, не добыв, пошел прочь.

Государь велел из Пафнутиева монастыря князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому идти со всем войском против Саадашного, но он заболел и пошел в Серпухов. В войске же учинилось смятение и в Серпухов идти не хотели, многие казаки, перейдя Оку, стали воровать. И государь Пожарскому велел быть к Москве, а товарищу его кн. Волконскому стать в Коломне.

Саадашной перешел Оку, а казаки, отойдя от Волконского, стали в Владимирском уезде в Ерополчетской волости и делали великие разорения.

Королевич пришел под Москву и стал в 7-ми верстах. Государь же послал в Ярославль кн. Ивана Борисовича Черкасского, в Нижний кн. Бориса Михайловича Лыкова собирать войска.

Саадашной, не ходя к Коломне, пришел под Москву и стал у Донской, а оттуда пошел мимо Москвы к королевичу в обоз.

7127 (1618). Сентября 30-го дня в ночи прибежали в Москву из обоза королевича 2 француза петардщики и сказали, что в будущую ночь поляки со всем войском будут к Москве внезапно на приступ. Которым сперва не хотели верить и, поставив их за лазутчиков, отдали под караул, однако ж ко уверению их велели всем быть готовым и опасные места укрепить.

В полночь же против 1-го октября гетман, придя со всем войском, сначала приставив петарду к острогу у Арбатских ворот, во-

рота выломав, вошел в город. Воеводы же напали на них со все сторон, тотчас из острога выбили и, побив их множество, гнали до самого обоза, где их более 2000 побито, а в полон мало брали.

Оным же петардщикам пожаловал государь дворы в Москве на Поганом пруде и денежное довольное жалованье. И с того числа стали немцы жить на Поганом пруде.

После сего прислал королевич к Москве и требовал для договора послов на съезд. По которому послал государь боярина Федора Ивановича Шереметьева, окольничих Данила Мезецкого да Артемья Измайлова. И съезжаясь в течение многих дней, договориться не могли.

7127 (1618). Видена была комета, отчего в Москве пришли люди в великий страх и хотели королевичу Москву отдать. Но едва искусные могли рассудить, что она ничего страшного не являет, и потому народ удержали.

В Москве был тогда новокрещенный князь Михаил Мурзин. Сей, непрестанно из Москвы выезжая с малыми людьми, многих поляков побивал и в полон брал, потом, пойдя в село Белый Раст и нападши на польских посланных, многих побил и разогнал. Но королевич, уедав, послал от себя перехватить, и напали на него неожиданно меж Озерецкого и Белого Раства множеством. Он же, жестоко бившись, многих еще побил, сам убит.

В Москве собравшись казаков 3000, проломив острог у Яузских ворот, побежали. Но кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, догнав их в 5-ти верстах, у города назад поворотил. И дано им казакам обещанное от Трубецкого жалованье.

Королевич пошел под Троицу со всеми людьми и стал близ монастыря. Архимандрит же из пушек сбил его с места, и королевич, отойдя 12 верст, послал под Калугу гетмана Саадашного с черкасами. Саадашной же, придя под Серпухов и приступая, не взяв города, пошел к Калуге, где тогда бывший за воровство в тюрьме казак Соколовский, уйдя, ночью неожиданно возле реки черкас в острог ввел. Которые, войдя, многих людей в остроге побили, и едва город отсиделся. После чего Саадашной под Калугою стоял, доколе мир сделался.

В Ерославле, уедав кн. Иван Борисович Черкасский с товарищами, что королевич послал многих людей воевать в Галицкий, Костромской, Пошехонский и Белозерской уезды, послал окольничего Григория Тюфякина с людьми. Оный же нашел казаков, кои стояли в Ерополче, и уговорив их, взял с собой. Придя же в Белозерский уезд и уедав поляков, стоящих в селах, разделась, всех побил, разве мало что ушло. Сие было зимою.

Королевич, стоя у Троицы и видя себя от русских изменников обманутым, что короны российской уже достать невозможно, к тому же людей куда ни пошлет, везде побивали, и в войске ста-

ло в запасах и харче великое оскудение, велел обретающимся при Троице польским послам послать от себя в Москву и требовать на съезд для договору и хотел уже с великою из прежнего уступкою договариваться. По которому послали в Москву Сапегу молодого да пана Гридича. Которые, в Москве уведав оскудение и некоторых недовольство, приехав, королевича еще укрепили. Государь же послал за ними вскоре прежних же послов с войском к Троице. И положили съезжаться среди войск в селе Сваткове. И на первом съезде за честь государей побранились и едва до бою не дошло; то ж и на другом. А на третьем декабря 2 числа договорились перемирье на 14 лет и 6 месяцев, уступив Польше Смоленск, Белую, Невль, Красный, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубчск, Себеж, Серпейск, Стародуб, Новгородок, Чернигов, Монастыревский и с уездами.

По заключении сих договоров королевич пошел в Польшу мимо Твери, а Саадашной от Калуги на Украину, и от его полку осталось с 300 человек, и крест государю целовали.

В Вязму на размену послал государь Федора Ивановича Шереметьева, кн. Данила Ивановича Мезецкого и Артемья Васильевича Измайлова, где дожидались послов польских.

Послы же польские, Александр Гонсевский, привезли с собою митрополита Филарета Никитича, боярина Михаила Борисовича Шеина и прочих дворян, а вместо них отдали пана Труса и других шляхту. 1619 июня 14 размена учинена.

Из Москвы высланы были Филарету Никитичу три встречи от бояр и архиереев: в Можайске, Вязме и Звенигороде; на последнем стану все бояре, а на Пресне сам государь со всем войском встречали. 1619 июня 29 числа введен митрополит в Москву. Того дня всех за вины держащихся в тюрьмах, кроме разбойников и смертных убийцев, везде велел государь освободить.

Пришел в Москву Феофан, патриарх иерусалимский. Того ж 1619 поставлен Филарет Никитич в патриархи.

7127 (1619). Ходил государь по многим городам и монастырям молиться и государства осмотреть и возвратился в октябре месяце 28 числа. Тогда же преставилась супруга царевича Иоанна Ивановича Александра Богданова, дочь Юрьевича Сабурова. Постриг ее царь Иван Васильевич при царевиче в Суздале в Покровском монастыре, а погребена в Москве с царицами. Вскоре и другая его ж жена преставилась, Прасковья Михайловна, дочь Михаила Солового, постриженная также от свекра на Белоозере, а умерла в Москве в Ивановском монастыре. Посланный к турецкому султану Иван Кондыров возвратился от султана, с ним прислан был с поздравлением и дарами посол Фома Кантагузен. И оною государь отпустил, да с ним послал Ивана Бегичева с дарами ж, но в Крыму татары всех побили.

7153 (1625) году сентября 18 сочетался государь законным браком, взял дочь боярина кн. Владимира Тимофеевича Долгорукого, царицу Марию. Но сия государыня тогда ж занемогла и, болев, умерла января 6 числа. А отца ее, отняв деревни, сослали в ссылку с женою и детьми.

Июля 10 дня принесена из Персии в дар риза Господня посланником Василием Коробьиним. В те ж времена преставилась царица Елена Петровна царя Василия Ивановича Шуйского, а дочь была князя Петра Буйносова.

Послы были Алтына царя (думаю, от калмыков, что ныне именуем контайша).

Присланных с ризою Господнею послов персидских государь отпустил и с ними послал кн. Григория Тюфякина да Григория Фефилатьева. Приехал в Москву служить югорский царевич.

7734 (1626). Государь сочетался другим браком, взял дочь Лукьяна Стефановича Стрешнева Евдокою Лукьяновну. Того ж году мая 3 числа загорелась церковь Троицы на рву, и от того загорелось в Китае и в Кремле, и выгорели дворец, все приказы и церкви. А поскольку все крепости на вотчины погорели, того ради послали писцов во все города.

В Путимль пришел, сказывали, царевич турецкий. Государь же, опасаясь вражды с турками, его принимать не велел, и отпустили его назад.

7135 (1627). Родилась царевна Ирина Михайловна. Из Швеции пришел посол Александр Рубец, а бывал русский посадский.

Умер царя Ивана Васильевича царица Дарья Ивановна, дочь Ивана Колтовского. А постриг ее государь при себе.

7136 (1628). Родилась царевна Палагея Михайловна. К султану турецкому послан Семен Яковлев в посланниках.

7137 (1629). Преставилась царевна Палагея Михайловна. Пришли послы персидские со многими дарами и жалобою на русских послов, Тюфякина с товарищами. Государь же их отпустил, а с ними послал Андрея Осиповича Плещеева да дьяка Микифора Талызина. А Тюфякина сослал в ссылку и деревни его роздал.

Марта 17 того ж году родился царевич Алексей Михайлович. Шведский король прислал послов сделать союз против польского короля, но государь ему отказал, поскольку с поляками еще перемирие не вышло.

Того ж лета выгорел почитай весь Белый город и за городом слободы многие.

7138 (1630). Родилась царевна Анна Михайловна.

7140 (1632). После окончания положенных с поляками мирных лет государь, желая удержать от поляков Смоленск и другие города, послал под Смоленск боярина Михаила Борисовича Шеина со многими войсками, дворян, рейтар, драгун, стрельцов и

казаков, а у рейтар и драгун полковники были немцы, всего со 100 000 человек.

7141 (1633). Загорелось в Китае на дворе Сицкого и выгорело много, в том числе гостиный и английский дворы.

Месяца мая пришел крымский посол; его встречали бояре князь Борис Михайлович Лыков, окольниковый Михаил Михайлович Салтыков.

7142 (1633). Октября 1 дня преставился патриарх Филарет Никитич. Февраля 6 поставлен Иоасаф, архиепископ псковский, патриархом.

Того ж году сказали, что под Смоленском воеводы боярин Михаил Борисович да окольниковый Артемий Васильевич Измайлов изменили и обоз со всем снарядам отдали королю польскому. И велено им быть к Москве. Апреля 25 дня загорелось в Китае, и выгорел почитай весь Китай и в Белом городе по Неглинную.

Апреля 28 дня на Пожаре казнили боярина Михаила Борисовича Шеина да окольникового Артемья Васильевича Измайлова, не спрося их порядком и без явного свидетельства по некоторой тайной злобе. Притом же стрелецкого голову Гаврила Балакина да Артемьева сына Измайлова за то, что воевод извиняли, бив кнутом, послали в ссылку, и Шеина сын с ними ж послан. А после, видя от многих роптание, Шеина велели шестью погresti у Троицы, а посланных в ссылку освободили.

7143 (1635). Выезд был против посла турецкого 1500 человек. Того ж году марта 15 взорвало в москотильном ряду порох, много людей побило, и ряды все выгорели.

Пришел в Москву польский посол, с ним 1000 человек. Того ж году июня приехал из Польши московский посол Алексей Львов и привез тело царя Василия Ивановича да брата его кн. Дмитрия Ивановича Шуйского. И за то Львов пожалован в бояре, а товарища его Стефана Просетева в окольниковые, Голицына ж князя Василия тела не взяли, а Салтыков остался в Польше.

7145 (1637). Казаки пошли к Азову. Апреля 24 числа оный осадили и, долго стояв, ничего не могли сделать. Прилучился же казак один из немцев, который умел подкоп сделать, и делал 4 седмицы. Июня 28 в полночь подкоп взорвало и много турок побило, казаки же пойдя в двух местах на пролом и по лестницам на стену приступом, и был бой чрез весь день до вечера, казаки же одолели и, город взяв, турок почти всех побили.

7149 (1641). Июля 24 пришли турки под Азов с великим войском, а с ними были инженеры и артиллеристы французы и итальяне. И на другой день пошли было прямо на приступ с множеством войска, но казаки зажгли свои за городом подкопы и множество приступающих побили. Турки, видя ту хитрость, стали делать к стене вал, и сделали выше города.

Казаки под вал сделали 28 подкопов и как оными, так и вылазкою много турок побили. Турки подвели под город 17 подкопов, но ни один не удался. Они ж бросили 24 великих бомбы, которые многих казаков побили.

Сентября 26-го турки совсем отступили и пошли за море, но казаки многие каторги у них на море разбили и много казны побрали, а особенно галеры с кирпичом, известью, железом, порохом и ружьем сделали казакам великую помощь. Тогда турок и татар побито с 90 000, а казаков осталось в осаде 5367, а побито 3000 и много ранено.

Царь Михаил Феодорович для возобновления древнего с датским королем союза, особенно же для вспоможения себе против шведов по совету с патриархом и боярами положил намерение взять короля датского Христиана 4-го сына Волдемара, графа голштинского, и выдать за него дочь свою царевну Ирину, дав в удел некоторые города. И отправили туда для договоров, которые без спора в вере учинены, что сочетающимся каждому держать свой закон. И по заключении оных король отправил оно-го сына своего со многим богатством. Который в Новгороде принят с честью, и по пути встречи были достойные.

7152 (1644). Прибыл оный королевич в Москву и принят от государя с великою честью и любовию. За первым публичным столом обедал он с государем за одним столом, только с разных блюд, по древнему обычаю. И потом государь у него скрытно неоднократно был, и никакого недовольства не было. Шведы ж, видя сие против их пользы, стали о том стараться, как бы оное разорвать, представили, что он рожден от королевской наложницы, а не от прямого супружества. Что учинило в боярах великую противность, и стали государю за непристойное представлять. Государь же, видя сие сам за непристойное, но не желая учиненных договоров явно нарушить и его обругать, сделали ему предложение от патриарха, чтоб он закон переменял, якобы без того супружеству быть невозможно. Он же, уповая на договоры, весьма тому противился, в чем некоторые умышленно обнадеживая, укрепляли. И хотя его ответы патриарху с довольною учтивостию были, однако ж многие слова приняты за оскорбительные. Только сие чрез долгое время, даже до кончины царя Михаила Феодоровича, ни в чем ином, как в прениях о вере происходило. После смерти же государя хотя он хотел закон переменить, но царь Алексей Михайлович, объявив ему подлинную причину, отпустил обратно. А его дядька Бармышлев остался в Москве и принял русский закон. Оный же, поехав из Москвы в Данию, умер в Польше 1656-го году.

7153 (1645). Июля 19 в ночи преставился царь Михаил Феодорович. Той же ночью наречен на царство царь Алексей Михай-

лович, и ночью крест ему целовали. Титло сего государя, как и прежних государей, писали просто всея Руси, а как завоевал Смоленск и Киев, то стали писать всея Великия, Малыя и Белья России.

7154 (1645). Сентября 28 короновался государь. Того ж году, слыша тягости в податях и несоответствие великое по писцовым книгам, а более потому, что многие, не желая с земель платить, оставили пусты, велел государь дворы крестьянские переписать и подати на дворы положить, а с земель не брать.

7156 (1648). Напечатана книга о вере для искоренения папистов. Того ж года января 16 дня царь Алексей Михайлович сочелся законным браком, взял Илии Даниловича Милославского дочь девицу Марию Ильинишну.

В чинах были у государя: в отцово место боярин и дядька Борис Иванович Морозов, в материно место Глеба Ивановича Морозова боярыня Евдокия Алексеевна, тысяцкий князь Иаков Куденекович Черкасский.

Поезжане: кн. Григорий Санчелевич Черкасский, а с ним знатных стольников 40 человек.

В боярах у государя: боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, кн. Семен Васильевич Прозоровский.

Дружки: кн. Никита Иванович Одоевский да окольный кн. Василий Григорьевич Ромодановский.

Свахи: боярыня кн. Никиты Ивановича Одоевского да окольного кн. Василия Григорьевича Ромодановского жены.

Конюший боярин Иван Васильевич Морозов.

Поезд устраивал Василий Иванович Стрешнев да думный дьяк Федор Елизаров.

Фонарь несли князи Данило да Борис Ефимьевы дети Мышецкие.

Путь стлали: кн. Васильев сын Ромодановского, Федор меньшей Ртищев, Михаил Дремонтов и Богдан Дубровский.

Кремль дозирал и ворота ведал окольный кн. Семен Романович Пожарский да дьяк Стефан Чернышев.

С царицыной стороны:

В боярах: боярин кн. Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, окольный Богдан Матфеевич Хитрый.

Дружки: боярин Михаил Михайлович Салтыков, окольный Василий Яковлевич Голохвастов.

Свахи: боярыня Михаила Салтыкова да окольного Василия Голохвастова жены; да с кикою сваха, Иевлева жена Голохвастова. Фонарь несли стряпчие Михаиле Тихменев, Юрья Лутохин.

Января 26 женился боярин Борис Иванович Морозов, взял меньшую дочь Илии Даниловича Милославского Анну Ильинишну.

Того ж году поставлен город Коротояк за Воронежем 60 верст на реке Дону в устье речки Коротояка, да город Урыв, а делал стольник Данило Семенович Яковлев.

Июня 2 дня сделался в Москве бунт от черни, и просили убить Бориса Ивановича Морозова, Леонтья Плещеева, Петра Траханиотова. И государь им того дня не дал. Они же начали грабить дворы, вначале Бориса Морозова, потом в Китае Назарья Чистого и его убили, гостя Шорина, кн. Никиты Ивановича Одоевского, кн. Алексея Львова и другие многие дворы разграбили. На другой день убили, поймав, Леонтья Плещеева, Петру Траханиотову голову отсекли. Тогда же учинился пожар и выгорел весь Белый город, и тем тот бунт пресекался. А причина была, что якобы оные на соль цену великую наложили.

7160 (1652). Декабря 14 числа в ночи прошла Москва река. Тогда ж умер патриарх Иосиф, в половине апреля. Того ж лета принесли мощи из старицы Иова патриарха да с Соловков Филипа митрополита московского июля 9 числа. Тогда ж новгородского митрополита Никона государь пожаловал в патриархи без жребия.

Никон, видя в книгах церковных неисправность переводов, предложил государю, и собран был собор, на котором государь председательствовал, и был он в палатах государевых. На нем были патриарх Никон, митрополитов 6, архиепископов 5, епископ 1, архимандритов 11, игуменов 23, протопопов 34 и все палатные люди. Сначала велели все древние писанные на хартиях книги собрать для свидетельства, которых собрано было многое число. И освидетельствовав, видя великие разности, писали к патриархам в Цареград и Иерусалим, чтоб сомнения не было, объявив им обстоятельства. И получив от патриарха Паисия утверждение 7163 (1655), согласились книги исправить, а неправильно напечатанные истребить.

Потом послали в Грецию старца Арсения Суханова с немалыми деньгами искать старинных книг. И принес он 500 разных греческих книг, между которыми Евангелие старое, 1050 лет, другое 650 лет, Псалтырь 600 и пр.

Сим исправлением книг безумным весьма явилось противно, и сделался от того раскол Капитонов или лжеименующихся староверцев.

Сия приписка иною рукою.

- 1648 7157 октября 22 числа родился царевич Дмитрий Алексеевич. Преставился 7158 октября 6-го.
- 1650 7158 февраля 18 родилась царевна Евдокия Алексеевна.
- 1652 160 августа 30 родилась царевна Марфа Алексеевна.
- 1654 162 февраля 5 родился царевич Алексей Алексеевич.
- 1655 163 января родился царевна Анна Алексеевна.
- 1657 166 сентября 17 родилась царевна София Алексеевна.
- 1658 167 ноября 27 родилась царевна Екатерина Алексеевна.
- 1659 167 мая 9 преставилась царевна Анна Алексеевна.
- 1660 168 января 28 родилась царевна Мария Алексеевна.
- 1661 169 мая 30 родился царевич Феодор Алексеевич.
- 1662 170 мая 28 родилась царевна Феодосия Алексеевна.
173 родился царевич Симеон.
- 1666 174 августа 27 родился царевич Иоанн.
- 1669 177 преставился царевич Симеон. Потом преставилась царица Мария Ильинишна
- 1670 178 января 18 преставился царевич Алексей Алексеевич с печали по матери.
- 1671 179 Государь совокупился вторым браком, взял Наталию, дочь Кирилла Полуектовича Нарышкина, небогатого дворянина, которая жила в доме.
- 1672 7180 мая 30 за час до света родился царевич Петр Алексеевич от царицы Наталии Кирилловны.
- 1673 181 августа 22 родилась царевна Наталья Алексеевна.
- 1674 183 сентября 4 родилась царевна Феодора Алексеевна.
183 сентября 1 объявлен царевич Феодор Алексеевич.
- 1677 186 ноября 28 преставилась царевна Феодора Алексеевна.

ЦАРСТВО ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

15. После смерти царя Алексея Михайловича остались из главных бояр, которые большую силу во управлении имели, боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, боярин, дворецкий и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрый. Сии оба, хотя до сих пор великую силу в правлении государственном имея и со всеми старыми боярами в согласии, а у прочих людей в почтении будучи, рассудили, что им у сего, как молодого государя, в такой милости уже из-за их старости удержаться было не весьма удобно, особенно же, ведая, что Иван Милославский, государю по матери дядя двоюродный, как человек великого коварства и злобы, в том может им великие обиды нанести и с нечестием многой власти лишить, положили, чтоб он того Милославского из Казани взять и все правление государственное на него положить, а самим остаться у малых дел. Но чтобы они при дворе некоторые способности из рук не выпустили, того ради, ведая они думного дворянина Ивана Языкова человеком великой остроты, а также Алексея Лихачева, бывшего у царевича Алексея Алексеевича учителем, человека доброй совести, твердо государю выхваляя, в милость ввели и притом Долгоруких несколько в комнате, людей острых, оставили.

Иван же Михайлович Милославский при царе Алексее Михайловиче еще от дяди его Илии Даниловича во многих непристойных поступках примечен и едва от тяжкого наказания милостию государыни царицы Марии Ильинишны избавлен. Но после смерти ее, при государыне царице Наталии Кирилловне, вместо ссылки в Казань послан воеводою, и был несколько лет беспрепятственно, в котором он на боярина Матфеева и Нарышкиных великую злобу имел.

Вышеобъявленные бояре Долгорукий и Хитрый по восшествии государя на престол стали государя просить, что они уже остарели и более с такою прилежностью дел править не могут и чтоб его величество, как ближнего свойственника своего, Ивана Михайловича Милославского, взяв из Казани, в правление государственных дел употребил. Сие государь, приняв за полезный совет, немедленно от себя знатного человека по него послал, а между тем все приказы на него положили. Только оставили князь Юрия Алексеевича себе Стрелецкий, сыну своему Иноземский или Рейгарский, а Хитрому Дворцовый и Оружейный приказы. Милославский, не ведая сей хитрости, получив такое известие, не приехав еще в Москву, прислал от себя роспись, кому с ним в котором приказе товарищем быть. Которых немедленно определили, и оные были наиболее из его приятелей, нежели люди, дела знающие, а иных ему представили хитростно из людей ему нена-

дежных. Получив известие о приближении его к Москве, многие выезжали его встречать верст за сто и более, и едва не все бояре за Москвою его встретили.

Как он скоро в Москву прибыл, то немедленно во все дела вступился и всем властвовать начал. Но поскольку ни времени, ни возможности ему к рассмотрению всех дел не доставало, в приказе же товарищи были не весьма искусные или под надеждою надлежашность преступать случай возымели, другие же товарищи и хитростию к жалобам на него дорогу готовить начали, чрез что вскоре явились к государю многие жалобы. И по многих от государя ему напominаниях явилось недовольство, и пришло, что он, у государя не в великом почтении оставшись, принужден был просить, чтоб некоторые приказы с него сняли. Которое и учинено, но не с великою ему честью. И как он сначала, вступив в правление у многих приказов, немного времени при государе быть имел, так Иван Языков и Михаил Лихачев, в большую милость у государя укрепляясь, прилежно непорядки оного Милославского мараť начали, что уже он лицо власти только имел.

Но сие было еще не довольно. Случилось государю идти в ход со святыми иконами, и между многим смотрящим народом увидел одну девицу, которая его величеству понравилась; велел о ней, кто она такова, обстоятельно уведомиться. Сие Языков немедленно исполнил и, уведав, что шляхетская дочь, прозванием Грушетских, живет у тетки родной, жены думного дьяка Заборовского, государю донес. И в тот же день сам оный Языков, в дом к Заборовскому приехав, обстоятельно уведомился и, оную девицу видя, снова его величеству обстоятельно донес. По которому вскоре объявлено тому Заборовскому, чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал. Которое некоторое время тайно содержано было; но когда его величество изволил вначале Милославскому объявить, что он намерен жениться, и оную Грушевскую представил, то Милославский о браке весьма за нужное советовал, а о персоне просил, чтоб ему дал время уведомиться. И возомнив, что то происком Лихачева и Языкова делается, поставил себе в предосуждение и своей силе чрез то за великий ущерб; умыслил государю оную тяжким поношением омерзить, представляя, что якобы мать ее и она в некоторых непристойностях известны. А вместо оной представлял его величеству иных персон, на которых надеялся, что ему будут благодарить.

Сие привело его величество в великую печаль, что не хотел и кушать. Но Языков прилежно о причине спрашивал его величества, на которое он истину изволил ему объявить. Языков же, узнав хитрость Милославского, немедленно с позволения его величества в дом оного Заборовского с Лихачевым поехали и ему о том объявили, чтоб он обстоятельно о состоянии ее уведомил и в

страх живота своего и ее не вдавали. Как то было страшно тому дяде и племяннице, и как стыд о таком деле девице говорить, а особенно тогда, как еще девиц мало посторонние мужчины видали, оное всяк легко догадаться может. Однако ж сия девица, познав, что то напрасная на нее некая клевета причину подает, сказала дяде, что она не стыдится сама оным великим господам истину сказать. И по требованию их выйдя, сказала, чтоб они о ее чести никоего сомнения не имели и она их в том под потеряннем живота своего утверждает.

Как оные от его величества со страхом и печалию отъехали, так с радостью и упованием, возвратясь, донесли. Но его величество, по представлению их, еще едучи гулять в Воробьеве нарочно мимо двора их, снова в окошке чердачном изволил видеть и потом, не продолжая времени, оный брак изволил действительно совершить. И обретши оного Милославского лживое доношение и клятву, запретил ему ко двору ездить. Однако великодушие оной государыни царицы Агафьи Семионовны не могло того терпеть, чтоб из-за нее кто оскорбился. Первый день, видя, что между всеми боярами оного дяди государева не было, прилежно причины спрашивала. И хотя ей доносили, что якобы он был болен, однако ж ее величество, ведая причину, немедленно к нему послали со здоровьем и велела его своею милостию обнадежить. А потом чрез великую просьбу исходатайствовала и у его величества ему прощение и по прибытии его сама снова изволила его уверить, что она, рассудив слабость человечества, ему не только обиду свою крайне отпускает, но всякую милость показывать будет. Чрез что он снова по-прежнему приезжать стал. Потом, некоторое время спустя, понадобилось государыне несколько соболей и камок, и изволила его просить, чтоб он велел, сыскав, ей принести. Которое он немедленно исполнил и, принеся, не в надлежащем темном месте остановился, а к государыне послал доложить. В тот час случилось государю мимо идти и, видя, что он таится, прямо к нему придя, спросил, что и куда несет. И как он, оторопев, сказал, якобы купил для государыни царицы, сие государю весьма противно явилось, что он якобы такими подарками хотел царицу умиловить, разъярясь, сказал ему: «Ты прежде непотребною ее поносил, а ныне хочешь дарами свое плутни закрыть». Велел его с крыльца столкнуть и послать в ссылку, а принос оный на двор выбросить. Но потом, уведомясь подлинно, что то по приказу из Сибирского приказа принесено и заступничеством Языкова и Лихачева снова от его величества прощен.

№ 2. Сей государь при отце своем учен был в латинском языке старцем Симеоном Полоцким. И хотя во оном языке не столько, как брат его большой, царевич Алексей Алексеевич, был обучен, однако ж чрез показание оного учителя великое искусство в поэзии

имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте псалтырь стихотворно оным Полоцким переложена, и во оной, как сказывают, многие стихи, а особенно псалмы 132 и 145 сам его величество переложил, и последний в церкви при нем всегда певали. А также его величество и к пению был великий охотник, первое по партиям и по нотам четверогласное и киевское пение при нем введено, а по крукам греческое оставлено.

№ 3. В экономии его величество введенное отцом его смотрение охотно содержать желал и правосудие хранил, но так как был человек молодой, а к тому же не весьма твердой природы, того ради сам способности к тому не имел, а поверенные не весьма прилежно смотрели. А особенно Языков был человек сребролюбивый, а Лихачев неискусен или скорее ни во что вступаться не хотел, прочие же, видя обоих оных фаворитов из престолярного шляхетства происшедших, весьма опустились и мало к смотрению охоты имели.

Между прочим его величество великую охоту к строениям имел. Он построил при себе хоромы на Воробьеве, которое место больше всех подмосковных жаловал; и оные еще до сих пор видимы, хотя прочие строения оного дому от неприсмотра сгнили и развалились. В Москве хотелось ему прилежно каменного строения размножить и для того приказал объявить, чтоб припасы брали из казны, а деньги за оные платили в десять лет. По которому многие брали и строились. При нем над кирпичными мастерами был для особливого смотрения Каменный приказ учрежден и положена была мера и образцы, как выжигать. Не меньше надзирали и в мятѣ глины, но чтобы кто своей работы не отперся, велено на десятом кирпиче каждому мастеру или обжигальщику свой знак класть. Камень белый также положен был только трех великостей, каков продавать и мельче возить было запрещено, разве б кто особенно кого для потребы мельче привезти подрядил. Для которого учрежден был специальный Каменный приказ, и для произведения оного дано было довольное число денег, на которые б, заготовив довольство припасов, по вышеписанному для строения в долг раздавать. Но как в прочем, так и в сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по прошениям их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И таким образом оное вскоре разорилось.

Полиция была при нем довольно поправлена и в лучшее состояние приведена, которое называлось Земской приказ. При нем едва не все переулки деревом были вымощены и велено было камень для мощения готовить. На пожары сам всегда изволил ездить и к несчастным великую милость деньгами и припасами на строение показывал.

№ 4. Что до войск принадлежит, то регулярные, устроенные при отце его величества, рейтарские, копейщиков и солдатские полки уже тогда по окончании Польской войны оставлены и упущены были и все оные вскоре крестьянами сделались. Только стрелецкие и 2 полка Кравкова, Бутырский и Шепелева, что ныне Лефортовский, несколько в лучшем состоянии содержаны были. Однако ж и те допущением многих ненадлежащих вольностей, а особенно торгом, приведены в крайние дерзости и подан им случай полковников не бояться.

№ 5. Хотя при отце его величества Артемон Матвеев из стрелецких голов первый стольник и полковник и голова московских стрельцов именован, однако ж прочие все писались просто головы стрелецкие или солдатские, а при его величестве велено всем полковниками писаться.

№ 6. Шляхетство до его величества служили сотнями, и к ним голов воеводы определяли и полковников не было. И хотя его величество, учинив комиссию, желал учредить по обычаю польскому, чтоб ротмистры, поручики и хорунжие всегдашние были и всякий бы знал, у кого в роте написан, которое и указом утвердил, однако ж то не утвердилось, и хотя имена чинов остались, но выбирали по-прежнему воеводы.

№ 7. Места по фамилиям хотя царь Борис Годунов, видя, что из того государственный вред наносится, начал отставлять и при нем уже многие без мест были, а потом оное в царство царя Михаила Федоровича снова во употребление пришло и крепко содержалось, царь Алексей Михайлович во время польских походов оное отставил и противящихся оному жестоко наказывал. Но после него снова местничество возобновилось, а поскольку в чигиринский поход великий из того вред сделался, в также и в Москве в делах управления великие споры и государю доуки происходили, того ради сей государь весьма оное хотел искоренить и для того книги случайные велел пожечь. Но оное было только на словах, а на деле никто никому места уступить не хотел. Как и приклад явился, что тот, кто в комиссии первым был, князь Голицын, вскоре потом сделал, что все знатные роды с собою в товарищи писал, а своего рода ни с кем написать не хотел. И сим не только всех посторонних, но и своих Голицыных, дядьев родных, озлобил, поскольку князя Михаила Андреевича меньшим себе сделал, послав его в Белгород воеводою, а сам был в большом полку, которое немалою причиною несчастью его почитали. И таким образом оное до времен его императорского величества Петра Великого осталось, который с основания оное местничество искоренил и полному забвению предал.

№ 8. Известно всякому, во всяком государстве есть первый знак, заслуги — старое и знатное шляхетство, из которого госу-

дарствам немалая польза и честь происходит, потому что шляхетство в государстве есть природное войско и к защищению, или обороне, всегда готово, и чем старее, тем в заслугах и честях знатнее, следственно же, во всяких нуждах знатные надежнее и вернее. В Российском государстве хотя некоторые шляхетские роды показывают о себе весьма старые и неприличные или скорее недоказательные родословия, как и в других государствах не в диковинку, однако ж много таких фамилий, которые за 600 лет и более в России уже знатными были, или от внутренних и внешних государей и владетелей произошли, или от древних иностранных фамилий в Россию пришли, иные же знатными делами и случаями произошли и с первыми во всем сравнялись или и превзошли. Сему обстоятельные росписи начал собирать царь Иоанн Васильевич, только оных находится мало, да и те весьма неполны и неправильны. Сего ради царь Федор Алексеевич, желая, чтоб такими фамильными предпочтениями ко услугам лучшую охоту всякому подать, повелел вновь росписи всему шляхетству подать. Которое смерть его величества пресекла, но во время правления царевны Софии Алексеевны под смотрением некоторых знатных людей оные собраны и в порядок несколько приведено, только что оных по надлежащему с историями не свидетельствовали, и потому оные остались почитай ни к чему не годными.

№ 9. О гербах шляхетских было ль когда от кого какое прилежание, оного нам не видимо, но насколько известно, что у нас только ясаки, как в древности у многих народов, употребляли. Потом же многие стали себе гербы сами делать и набрали королевских, княжеских и других владений городов или чужестранных фамилий, а имеют ли какое на то доказательство, от кого и когда пожалован, о том неизвестно. И хотя его величество Петр Великий о том довольно свое желание изъявил, однако ж ему время не допустило, а после него всеми оставлено.

№ 10. Сей государь в вере был твердый и прилежный или набожный, как во многих монастырях и церквах его строениями и подаяниями свидетельствуется. При нем впервые публичные поучения в церквах сказывать начали, о чем учителя его величества Симеона Полоцкого книги Обед и Вечеря нас уверяют. Не меньше сего прилежал его величество и о научении подвластных державе его идолопоклонников и магометан, ибо в его время едва не все касимовские татары, многая же часть и казанских, а также мордвы, черемисы и чуваша крещены. И хотя его величество изрядные к тому способы усмотрел: 1) что оных новокрещеных жаловали в князья и почитали их за шляхетство, 2) давали им при крещении серебряный крест и одну или 2 иконы, 3) цветной суконный кафтан, 4) от некоторых податей и тягостей увольняли,

но поскольку при том довольного научения и священников ученых и знающих их язык не доставало, того ради оное крещение мало пользы приносило и многие, крестясь, уйдя в степи, снова прежнее содержали. А особенно им казалось за трудное многих жен лишиться; к тому же многие, не имея, кроме молока, чем питаться, поста содержать не могли, и пр. тому подобные обстоятельства.

№ 11. Как отец сего государя великий был до ловли зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник и не только предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал, и ничем более, как лошадьми хвалился. При конюшне его величества славный берейтор и в великой милости был Тарас Елисеев сын Поскочин.

№ 12. Как сей государь супружеством своим с царицею Агафиею Семионовною в полном веселии крайнюю любовью одарены были и образом супружеской любви истинную добродетель на себе изъясляли, которое ко увеселению как их величеств, так и всех подданных знаком чреватства великую надежду к желаемому наследию подало. Но соизволением высшего, родя его величество царевича, вскоре к великой всех печали преставилась, и по ней вскоре оный новорожденный царевич воспоследовал. Которым его величество настолько опечалился, что несколько дней ни с кем говорить и брашна употреблять не хотел. И хотя ближние его всеми мерами о увеселении его прилежали, но ничего учинить не могли, и его величество от такой печали вскоре заболел. Сие видя, ближние его люди рассудили, чтоб как наискорее сыскать снова его величеству достойную супругу, к которому многие представляли дочь Александра Петровича Салтыкова (который потом Федором именован, дочь его была государыня царица Прасковья Федоровна). Другие представляли других, однако ж Языков, опасаясь Милославского, к тому не допустил и, выбрав, фамилии Апраксиных девицу Марфу Матфеевну его величеству более всех выхвалял. В котором хотя тетки и сестры его величеству противно советовали, но сила Языкова в том действительнее явилась, что его величество, быв в великой слабости, тайно в присутствии малых людей, в креслах сидя, изволил венчаться, и потом умножившейся болезни его величество, вместо уповаемого увеселения смертью тяжкую печаль изъясил, и сия государыня царица, как многие достоверные утверждали, девицею после него осталась и, в совершенной добродетели жизнь свою препровождая, в 1715-м году его величеству воспоследовала. И хотя сию историю видно что собирал человек умный, во внутренних делах

осведомленный, однако ж довольно видимо, что и пристрастный, к стороне стрелецкой склонный. Что к дополнению жизни сего государя касается, то материала довольно б быть могло, но поскольку многое находится.

Между прочими обстоятельствами к ясности сих деяний потребно. Известно, что Милославский при царе Феодоре Алексеевиче на Нарышкиных уже великую злобу имел и причиною его ссылки оных почитал, особенно же Артемон Сергеевич Матфеев, сын убогого попа, в царство царя Алексея Михайловича чрез помощь Нарышкиных высоко возведен и сильный, но тайный временщик у его величества был и во многих тайных розысках и следствиях употреблялся. Того ради Милославский ко отмщению той злобы всегда способа искал, сначала оному Матвееву многие тайные досады и обиды изъявил, но, не довольствуясь оным, сыскали незнамо какого человека, который извещал, якобы Нарышкин Иван Кириллович знакомцу своему Сумарокову (которому прозвание было Орел) говорил: «Ты де орел, да не промышлен, а есть ныне молодой орленок, надобно бы его подщипать». И оный Сумароков якобы сказал: «Если де его не избыть, то де вам пропадать». И притом якобы оный Сумароков обещался нечто против государя предпринять. По которому извету немедленно Нарышкины, Матфеев и Сумароков взяты под караул. И хотя Сумароков так жестоко пытан, что в застенке, ни в чем не винась, умер, однако ж Нарышкины и Матфеев по разным дальним местам в ссылки разосланы, только в Москве у свойственников оставлены были Лев и Мартемьян Кирилловичи. Потом, как скоро царя Федора Алексеевича не стало и избрали царя Петра Алексеевича на царство, тогда немедленно Нарышкиных и Матфеева в Москву взять повелено.

Сие Милославского, без сомнения, весьма беспокоивало, и нужно было ему думать, что та Сумарокова кровь невинная и обида Нарышкиных на нем взыщется. Того ради он прилежал, как бы прежде, нежели оные придут и силу возымеют, в смятение стрельцов привести и их побить. Которое действительно и учинил, о чем нечто обстоятельное в истории, писанной графом Матвеевым, изъявлено.

Церковное правление. Сначала, от введения веры христианской, поставлен митрополит в Киеве, и оный имел под собою несколько епископов в России и Литве. Из которых ныне 5 или 6, как то: владимирский, луцкий, виленский, витебский, львовский и другие, к короне польской принадлежащие, закон папешский восприняли; в России же новгородский между епископами первенствовал. Однако ж все епископы от киевского посвящались.

В лето от рождества Христова 1397, после разорения Киева, поставлен был в Цареграде первый митрополит московский Петр,

от которого новгородские и прочие епископы посвящались, хотя выбор их состоял в воли тех удельных князей или городов.

В лето же ... поставлен в Москве от патриарха иерусалимского Иеремия в Москве первый патриарх Иоасаф и дана ему власть посвящать в России митрополитов, архиепископов и епископов, чтоб в Цареград для поставления более не посылать. Тогда поставлено митрополитов 4, архиепископов и епископов ..., для которого был особенно российский собор.

Но в лето ..., когда призваны были патриархи греческие судить Никона патриарха, тогда прибавление митрополитов и епископов положено в волю государя, а посвящение их оставлено патриарху московскому. И таким образом власть константинопольского патриарха над российской церковью весьма пресеклась, но стали быть патриархи равновластные. После Никона поставлен патриарх Иосиф, после него Иоаким из убогого шляхетства, после Иоакима Андриан, последний патриарх московский.

По смерти сего Петр Великий, видя, что Никона, Иоакима к духовной их власти более влекло, нежели им надлежало, и многим в церкви и гражданстве беспокойствам причины подали, рассудил, что оную церковную власть от гражданской отличить и правление не одной, но многим персонам поручить, изволил сочинить Синод. И таким образом патриархальная власть пресеклась.

№ ... Что сей творец упоминает о причине страха стрельцко-го по поданной от них апреля 23 челобитной, оное весьма пристрастно, ибо оная подана по научению тех главных бунтовщиков, которые, видя уже государя в безнадежной к здравию болезни и опасность свою от новой власти, восхотели при первом выборе смятение учинить и для того, возбуждив стрельцов, челобитную подать. Которую и подали нарочно Языкову, но как он собранным тогда боярам объявил, то ему сказали те же возмутители, что по оной ныне ничего делать недосуг, но надобно обождать, что с государем учинится. И потому оный Языков по совету тех оное следствие оставил. И хотя те возмутители, Милославский с товарищами, тотчас стрельцам иначе растолковал и всю злобу на Языкова, Ромодановского и других невинных, но ему противных обратил, однако ж тем еще стрельцов возмутить не возмог, то они на третий день после смерти государя другую челобитную подать им присоветовали, чрез которую наиболее стрельцов к крайней дерзости привели.

№ ... Их государей царевичей матери. Слово весьма темно, ибо царь Иоанн Алексеевич и его единоутробные сестры Евдокия, Марфа, София, Екатерина, Мария, Феодосия, рожденные от первого супружества царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильинишны, рода Милославских, а царевич Петр и царевна Наталия другого супружества, от царицы Наталии Кирилловны.

№ ... Причину и начало сего бунта хотя также частью пристрастно, однако ж в сем пункте порядочно граф Матфеев описал, его же отец первую жертвою сего злохитренного возмущения оказался.

№ ... Когда вывели государей к золотой решетке и их стрельцам объявили, тогда они, устыдясь и познав многие, что то возмущение неправильное, пошли было прочь. Но по совету возмутителей, а неосторожностью других велено им стрельцам дать погреб. И когда их на дворце поили, тогда возмутители им объявили, что ежели они, ничего не сделав, пойдут, то их всех по зубцам завтра же перевешают. И потому оные пьяные тотчас, поворотясь, пошли вверх. Которого обстоятельства сей творец по пристрастию не упоминает.

№ ... Боярина князя Михаила Юрьевича убив и ведая его невинность, пошли сами к отцу его с повинною и просили прощения, показывая, якобы то от несведущих учинено, и потом, от отца его со двора сойдя, пред двором благодарили. И как по смущению непотребного раба возмущенные и отца его боярина князя Юрия Алексеевича убили, то закрывая воровство свое, странные и неправильные обстоятельства в вину ему, как и другим, приписали.

№... Лариона Иванова и сына его убив, на жене его в то же время князь Иван Хованский, презрев свою непристойную к женьбе старость и ее тяжкую печаль, поскольку она в совершенной любви с мужем своим жила, прельстясь лепотою лица ее и богатством, вскоре на ней силою женился и при том, несмотря на так великую печаль и смятение народа, с славою ту свадьбу отправлял. Чему нехотя многие, от страха присутствуя, веселились.

№ ... Доктор Данила Фон Гаден имел ближнего свойственника Шашу, польского жида, которого крестя, боярин Богдан Матвеевич Хитрый, и освободив его из холопства, написал в посад, и оный сидел в Завязочном ряду. И так как про оного Фон Гадена думали, что оного Павел Шаша у себя схоронил или знал, где он ухоронился, взяв его, Шашу, хотели пытать; однако ж когда оного сыскали, тогда сего безвредно освободили. И от сих обеих произошли фамилии Фонгадановых и Шафировых.

№ ... Убиенных и ссылочных людей животы они брали и продавали. Сие было довольное стрельцам поощрение к убийству, и невозможно сказать, чтоб они то делали собою, но видно, что о главных их то учинено, поскольку те пожитки все принесены в Стрелецкий приказ и тут, их продавая, им деньги раздавали. Но так как тогда купцов мало было, то наиболее брали Милославский, Хованский и их собеседники вещи за цену, кто какую дать сам хотел.

№ ... И бояре приговорили. Сей чин писания в государственных решениях был из самой древности в России употребляем.

Лишь его императорское величество Петр Первый в 1701 году оное употреблять запретил, а повелел писать кратко только титул и повеление его величества.

№ ... Подали челобитную, глупости полную. Здесь творец оной, закрывая свое единомыслие с бунтовщиками, оуждает их челобитную, однако ж в ином месте показывает, якобы стрельцы за сущую обиду и от великого страха то учинили, как то в нумере ... показано было.

№ ... Всеми слободами. Сия челобитная хотя подлинно от многих гостей и слободских старост и выборных была подписана, однако ж они то принуждены были учинить от великого страха и принуждения, ибо многих бив, велели подписываться, а другие и не ведали, что их имена и руки при оной были, но подписывались стрельцы заочно. И что оные им не согласовали, то довольно видимо из плакатов, тогда выданных, и в повинной, что оных как невинных в том нисколько не упоминается.

№ ... На столпе побитых вины и стрельцов радение будущим родам в память написать. Сие изображение творец изрядно, но превратно показывает, называя невинных винными, а изменников и бунтовщиков радетелями. И хотя ему предбудущее от его злобы было невидимо, однако ж оное пророчество в 1699-м исполнилось и оное стрелецкое радение на столпах каменных, кругом Москвы построенных, в вечную память осталось.

№ ... В сей челобитной, а также и в грамоте, вины оных побитых писаны весьма вымышленные, как о Долгоруком выше показано, и здесь сплетены весьма причины неприличные.

Ларион Иванов похвалялся обвешать ими Белый город. Оное весьма неправда, поскольку он сидел у посольских дел и никакой в том власти не имел, но, может, говорил, что за их воровство и противности оного ожидать должны. И оное была истинна, поскольку то в 1699-м действительно воспоследовало. Настоящая же причина в том, что он Милославскому в его плутовских замыслах не согласовал; а Хованскому жена и пожитки его надобны были, как показывает № ...

Что показано гадины змеиным подобием, оное была рыба крокатица, о которой и граф Матфеев показывает.

Ромодановский Чигирин отдал турецким и крымским людям. Сие явная ложь, потому что и тогда на него в том от неприятелей его было показано, однако ж его вины не только не явилось, но даже и милость за добрый поступок получил. А вина явилась стрелецкая, что к Шепелеву на выручку не успели из-за того, что бросились на грабление турецкого обоза. В прочем же причина как его, так Долгорукого была одна, что они смело о истине говорили, только в чем то состояло оное, может, другим лучше известно.

Языкову никакая иная причина, как то, что он, будучи при царе Феодоре Алексеевиче в силе, Милославскому в его коварствах был противен и что государь Милославского за его плутни возненавидел, оное все причтено в вину Языкову. Только весьма удивительно, что Михаил Лихачев спасся. Правда, что он был великий ханжа и умел ко всякому прислужиться, как он у всех противников был в милости.

Матфеев, как выше показано, что был из самых простых людей, попов сын, но по его великой остроте в милость у царя Алексея Михайловича вошел, и как думают, что сочетанию его величества с царицею Натальею Кирилловною он был причина. По которому он у государыни был в великой милости, а Милославским противен, и как его сам сей творец мудрым и искусным именует, то уже его смерти нужная была причина. И может быть правда, что оный бунт не прежде возгорелся, как он в Москву прибыл, от опасения, чтоб он, уведав, не ушел. Другие же сказывают, что его ревностные слова и поступки крайнею того причиною были, ибо он приходящих к нему стрельцов на поклон весьма студено принял и Милославскому на следующий день себя противным показал.

Доктора Данила Фон Гадена и лекаря Гутменша побили за то, что якобы они государя не хотели прямо лечить, не рассудив, что болезнь была неизлечимая. И оному и то в вину причли, что у него в доме нашли скелет костей человеческих, который ему для лучшего знания был нужен.

О Нарышкиных, за что сосланы были в ссылку, показано выше, № ...

Федора Петровича Салтыкова, умыслив воровски, Долгорукий с товарищами подменили, вместо Нарышкина велели с крыльца бросить. Здесь явное клеветание, чему статья невозможно, и никто благоразумный поверить не может, ибо Долгорукий князь Юрия лежал в доме и ни о чем тогда не ведал; сын же его Алексей убит прежде, нежели Салтыков, и потому его подменить было некому. Да и оный Салтыков был не дурак, чтоб себя дал представить вместо другого, ведая, что того убить ищут. Более же сего творца явно обличает, что его господина Салтыкова велел с крыльца бросить Милославский; поскольку иному велеть было некому.

№ ... Злого умышления на наш государский дом и на синклит и на все чины нет. Сим явно показывает сочинитель сей грамоты Милославский и его товарищи, что оное стрельцы не собою, но их возбуждением и повелением учинили.

№ ... Ищут боярские люди, чтоб им вольным быть из домов, а у них де с боярскими людьми приобщения и думы не было. Первое весьма неправильно, ибо хотя стрельцы, воровски умыс-

лив, Холопья и Судного приказов дела изодрали и пожгли и холопам полную из домов вольность объявили, ища тем их к себе приобщить, а помещиков побить, но они того их возмущения не послушали и к ним не пристали. И хотя они стрельцы многих у тех господ плачущих холопов побивали, однако ж немало их в смятение не привели, и они их совету не последовали, как и в той грамоте, не хотя, о них истину сказали.

№... А кто их будет называть бунтовщиками. Так сами о себе воры и их единомышленники показывают, потому что их бунтовщиками именовать причина есть, ибо тогда их тем называть никто не смел.

№ ... Сверх сего в сей грамоте два обстоятельства примечания достойны: 1) что государыня царевна София Алексеевна хотя в мае месяце уже имя свое во всех публичных письмах, как челобитных, решениях, указах и пр., купно с именами их величество писать повелела и писали, но в сей челобитной и грамоте ее имени не упоминается; видно, что политикою Милославского учинено; 2) обстоятельство, что оные стрельцы все под главу именованы надворная пехота, которое имя, видится, от французского приклада взято, однако ж между солдатами упоминается только один Бутырский полк, который с ними тогда в соединении был. Первый же оных стрельцов полк давно уже Стремянным именован, и оное подобно лейб-гвардии было.

№ ... Хованского, назвавшегося отцом стрелецким, рука помогающая. Когда кто, не зная всех обстоятельств, то конечно возомнит, якобы Хованский всему оному злу начало и причина был, однако ж поскольку от бывших тогда известится и из многих писем рассмотреть случится, то увидит весьма противное, ибо сей Хованский был при царе Алексее Михайловиче боярином и во многих походах полководцем, имел немалое предпочтение. А поскольку он был не великой остроты и к тому весьма славолюбив, того ради Милославский его за наилучшее орудие своего произведения избрал и, убив Долгорукого, ему Стрелецкий приказ вручили, и чрез него все, что хотели, делали. Но так как он и весьма сребролюбив был, то Милославский весьма изрядно для закрытия своего воровства супружество с Ларионова женою представил, и на оную свадьбу именем государыни царевны и от себя немалые подарки прислал, и оное учинил так тайно, что никто не видал. Подарки же оные состояли в основном в вещах знатных из разграбленных пожитков, которое многим к зломнению на него подало причину. И хотя стрельцы его отцом называли и оные челобитные и другие публичные доклады чрез него производили, однако ж оное все без известия его в ином месте производилось.

Милославский, видя, что его намерения уже исполнились, а Хованского видя, что он сам большим быть и всем властвовать

хочет, более же опасаясь того, что он в языке был неводержан, чтоб всей тайности не вынес, начал искать, чем бы его к падению привести. Того ради представлял ему тайно о его великом достоинстве происшествием фамилии их от королей польских и давал ему знать, что сыну его можно на одной из царевен жениться, о чем ниже видно будет, насколько в том Хованский был невинен. Однако ж Милославский тайно всех бояр на него возмущал и оный свой совет, как крайняя дерзость Хованского, умышленно другим будто за тайность открыл, чтоб всех бояр на Милославского поднять, хотя у Хованского, может, и в мысли того не было. А что сын его князь Андрей оное хотя некоторым друзьям своим и объявлял, однако ж при том сказывал, что ему советуют и кто. Но что до раскола касается, то он подлинно оному суеверию был склонен и от неразумия своего раскольников защищал.

№ ... Царевна же София Алексеевна повелела к себе тайно призвать выборных стрелецких. Сие одно довольно изъявляет, что Хованский только был лицом, а тайно стрельцы более государыне царевне верны были, нежели ему. Что же царевна оного князь Иванова поступка и тайности стрелецкого с раскольщиками несогласия боярам открыть не изволила, оное видно, что ее политическим резонам было полезно: 1) чтоб князь Ивана более в крайние дерзости ввести и с боярами ссорить; 2) чтоб той верности к ней стрельцов не открыть; 3) наибольшее, чтобы сим образом свою смелость и разум другим представить. Которые, не ведая внутреннего состояния, множества пришедшего народа боялись и, что делать, не знали. А по отвращении того зла все люди ее величеству за показанную бодрость и смелость, как защительнице церкви и давшей всему духовенству и боярам живот, с великою покорностию благодарили. И потому она, более всех показанных от нее дел, сим великое во всем народе почтение и преимущество возымела. Что же других ее политических и разумных поступков касается, то после при надлежащих местах упомянуто будет.

№ ... Прилеплено письмо. Все знатные люди, довольно видя, что все оные беды происходили не от Хованского, но от Милославского кабинета, и ведая, что ежели Хованского в допрос привести, то он, как человек робкий, истину изъявит, умыслили оное письмо подкинуть. В чем 3 человека знатнейших фамилий и люди умные, в согласие войдя, оное письмо прибили. Но чтобы оное действительнее было, того ради во оном наиболее к возбуждению царевны Софии и Милославского написали, якобы он и их хочет побить. Да еще те более их уверили, что то письмо подписали подать ей, а не государям, якобы то подлинно было от стрельцов ей добрыхотных. И как уже царевне и Милославскому довольно было известно, что о женитьбе князь Андрея Хованского на ца-

ревне от Милославского было ему представлено и оный Хованский хотя никакого соизволения или происка к тому не показал, но им то было вероятно, что Хованский якобы лукавством закрывал, а в мысли конечно намерение имел и тайно со стрельцами советовался, как бы то учинить. О чем Милославский в собрании бояр при чтении того письма боярам говорил, что он о такой женитьбе от Хованского нечто слышал и якобы о том и царевне было известна, которое и она утверждала. И хотя по прочтении того письма все бояре рассуждали, чтоб его Хованского взять и расследовать, поскольку к тому видимых обстоятельств есть довольно, только царевна, рассуждая тут же с Милославским, отойдя на сторону, рассуждали, что того за опасностью от стрельцов учинить невозможно, а наконец, согласясь, положили по него послать. Однако ж Милославский послал к нему наперед от себя и велел сказать, чтоб он не ездил, поскольку его намерены некоторые, не допустив до Коломенского, на дороге убить. Чему оный Хованский поверив, не поехал и тем оную на себя затейку утвердил, а несведущих всех обстоятельств против себя возбудил.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

38. Великий князь Ярослав II, сын Всеволода	5
39. Великий князь Святослав II	17
40. Великий князь Андрей II	19
41. Великий князь Александр I	21
42. Ярослав III великий князь	26
43. Василий II, сын Ярослава	34
44. Великий князь Дмитрий III	38
45. Андрей III, сын Александра	55
46. Великий князь Михаил III	62
47. Георгий IV князь великий, сын Даниила	74
48. Дмитрий III великий князь, сын Михаила	76
49. Александр II, сын Михаила	79
50. Иоанн I Калита, сын Даниила	80
51. Великий князь Симеон, Гордый называемый, сын Иоанна I	94
52. Иоанн II, сын великого князя Иоанна I-го, называемый Красный	111
53. Дмитрий III князь великий, сын Константина суздальского	117
54. Дмитрий V Донской, сын Иоанна Красного	121
Повесть о смуте в митрополии	149
55. Василий II князь великий, сын Дмитрия	223
56. Василий III великий князь	308

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

57. Иоанн III Васильевич	373
58. Василий IV Гавриил	477
59. Иоанн V	531
Выписка из истории с начала царства царя Феодора Иоанновича	715
Царство царя Василия Иоанновича Шуйского	736
Царство царя Василия Иоанновича Шуйского, сего имени в царях второго	746
Междуцарствие	785

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Дела, истории политической Российской государства касающиеся	821
Царство царя Михаила Феодоровича	833
О событиях 1618-1619, с отдельными записями о событиях последующих годов (1625-1677)	838
Царство царя Федора Алексеевича	847

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Научно-популярное издание

Татищев Василий
История Российская

В 3 томах
Том 3

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.